Библіотека очень проситъ бережнѣе обращаться съ книгами.

Книги портятся отъ сырости (если кладутъ книгу на мокрый столъ, выносятъ на улицу незавернутой въ сырую погоду), отъ грязи (перелистываютъ книгу невымытыми руками, кладутъ рядомъ съ обѣденной посудой, и т. п.). Очень портится книга, если ее перегибаютъ (крышка съ крышкой) или кладутъ раскрытой на столъ переплетомъ вверхъ, если закладываютъ книгу карандашомъ, спичкой, если загибаютъ углы страницъ, и т. п.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Фотот. К. Фишеръ, Москва.

ИСТОРІИ РОССІИ

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ОКОНЧАНІЕ МОСКОВСКО-ЦАРСКАГО ПЕРІОДА.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. **Д. И. Иловайскаго.**

Томъ пятый.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
и
его ближайшіе преемники.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва—1905.

С. Д. Иловайскій.

Фотот. К. Фишеръ, Москва.

Дорогой памяти

БЕЗВРЕМЕННО УГАСШАГО СЫНА СВОЕГО и ДРУГА

Сергѣя Дмитріевича

ИЛОВАЙСКАГО

Сію часть своего труда посвящаетъ

неутѣшный АВТОРЪ-ОТЕЦЪ.

Въ настоящемъ, пятомъ, томѣ своего труда авторъ доводитъ историческое повѣствованіе до единодержавія Петра Великаго и, слѣдовательно, достигаетъ предѣловъ Московско-Царскаго періода.

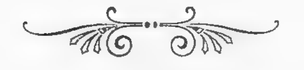
Въ противуположность предыдущей эпохѣ, время Алексѣя Михайловича и его ближайшихъ преемниковъ исполнено громкихъ событій и бурныхъ движеній. Тутъ на первомъ планѣ выступаетъ Малороссійскій вопросъ съ его разнообразными перипетіями и колебаніями то въ ту, то въ другую сторону по отношенію къ Польшѣ и Москвѣ. Внимательный читатель убѣдится, что присоединеніе Украйны, *въ началѣ добровольное,* возбудило долгую, кровопролитную войну, такъ что *сведено было на завоеваніе* и въ концѣ концовъ стоило Московскому государству очень дорого, благодаря въ особенности измѣнамъ гетмановъ и притягательной силѣ Польской культуры по сравненію съ Московскою.

Рядомъ съ Малороссійскимъ вопросомъ выдвигается великой важности внутреннее церковное движеніе, извѣстное подъ именемъ Раскола и начавшееся распрею патріарха съ царемъ. Богданъ Хмѣльницкій и Никонъ,—эти двѣ крупныя историческія личности занимаютъ весьма видное мѣсто въ Русской исторіи второй половины XVII столѣтія и стоятъ непосредственно за главнымъ ея представителемъ, тишайшимъ царемъ Алексѣемъ I, который своею правительственною дѣятельностью продвинулъ Московское государство на степень великой европейской державы и подготовилъ эпоху великихъ реформъ.

Насколько исторія этой второй половины столѣтія въ данной обработкѣ можетъ отвѣчать современнымъ требованіямъ исторической науки, а также исторіографическаго искусства,

о томъ конечно пусть судятъ безпристрастные и компетентные читатели. Хотя прежніе опыты не пріучили автора разсчитывать на благосклонный пріемъ его главнаго труда со стороны любезныхъ соотечественниковъ, а въ настоящее трудное время и тѣмъ болѣе, однако онъ намѣренъ продолжать, пока Господу Богу будетъ угодно сохранить за нимъ работоспособность при его преклонномъ возрастѣ.

Пятый томъ принялъ настолько значительные размѣры, что обозрѣніе русской культуры и разныхъ сторонъ государственнаго быта предъ эпохою Петровскихъ реформъ пришлось отложить на будущее время и выдѣлить въ особый, дополнительный къ исторіи XVII столѣтія, выпускъ.

I.

ЮНЫЕ ГОДЫ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Воспитаніе и характеръ новаго государя. — Б. И. Морозовъ.—Коронованіе и первыя дѣянія.—Боярская интрига противъ царской невѣсты Всеволожской.—Бракъ съ Милославской.—Челобитная торговыхъ людей противъ иноземцевъ.—Народное неудовольствіе на лихоимцевъ. — Московскій мятежъ 1648 года.—Выдача и убіеніе ненавистныхъ чиновниковъ.—Обращеніе царя къ народу.—Смута въ нѣкоторыхъ областяхъ.—Комиссія для составленія новаго Уложенія и созваніе Земскаго собора.—Источники и новосочиненныя статьи Соборнаго уложенія.—Отмѣна торговыхъ привилегій Англичанъ.—Появленіе Никона.—Его скитанія и быстрое возвышеніе.—Укрощенный имъ Новгородскій мятежъ.—Псковскій мятежъ.—Поѣздка Никона за мощами Филиппа митрополита.—Характерное посланіе къ нему царя о кончинѣ патр. Іосифа.—Избраніе Никона патріархомъ и вынужденная имъ клятва.—Самозванецъ Тимошка Акиндиновъ.

Вступившій на Московскій престолъ 13 іюля 1645 г. шестнадцатилѣтній Алексѣй Михайловичъ умомъ, нравомъ и воспитаніемъ мало походилъ на своего отца Михаила Ѳеодоровича. Даровитый, живой и впечатлительный, онъ легко усвоилъ себѣ славяно-русскую грамотность и вообще получилъ довольно хорошее по тому времени образованіе, главнымъ образомъ, конечно, направленное на знакомство со св. Писаніемъ и богослужебными книгами, а также съ отечественными лѣтописями и хронографами. Для возбужденія соревнованія царевичу давали въ товарищи ученія нѣсколько сверстниковъ изъ дѣтей бояръ и дворянъ. Обучали его чтенію и письму дьяки и подъячіе; а общимъ дѣломъ ученія вѣдалъ его дядька или воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ, одинъ изъ наиболѣе грамотныхъ бояръ своего времени и открытый почитатель европейцевъ, какъ это мы видѣли изъ разсказовъ Олеарія. Воспитатель не упустилъ изъ виду и физическое развитіе ввѣреннаго ему царственнаго отрока: послѣдній сдѣлался добрымъ наѣздникомъ, ловко владѣлъ копьемъ и рогатиной, и очень полюбилъ охоту, отчасти медвѣжью, а особенно соколиную.

Очевидно, Морозовъ былъ человѣкъ умный и вкрадчивый, судя по тому уваженію и довѣрію, которыя онъ умѣлъ внушить къ себѣ Ми-

хаилу Θеодоровичу, и еще болѣе по той нѣжной привязанности, которою пользовался со стороны свего юнаго воспитанника. Только одна царица-мать могла бы оспаривать у него первенствующее вліяніе, и тѣмъ болѣе, что все московское населеніе учинило присягу на вѣрную службу Алексѣю Михайловичу и его матери «благовѣрной царицѣ» Евдокіи Лукъяновнѣ. Но она отличалась мягкимъ, непритязательнымъ нравомъ (въ противоположность своей свекрови, великой старицѣ Марθѣ); а, главное, только пятью недѣлями пережила своего супруга, и 18 августа скончалась. Изъ царскихъ родственниковъ съ отцовской и материей стороны никто не выдавался своими способностями и честолюбіемъ; а потому «ближній бояринъ» Морозовъ первые годы царствованія пользовался безраздѣльнымъ вліяніемъ на молодого государя и на правительственныя дѣла. Нѣкоторыхъ членовъ семьи Стрѣшневыхъ онъ поспѣшилъ удалить отъ двора, назначивъ ихъ на воеводскія должности въ областяхъ.

23 сентября патріархъ Іосифъ съ освященнымъ соборомъ совершилъ въ Успенскомъ храмѣ торжественное помазаніе елеемъ и коронованіе Алексѣя Михайловича шапкою Мономаха «на Владимирское и на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царства». При семъ шапку эту держалъ царскій дѣдъ по матери, Лукъянъ Степановичъ Стрѣшневъ; а двоюродный дядя, изъ стольниковъ новопожалованный въ бояре, Никита Ивановичъ Романовъ, послѣ коронованія трижды осыпалъ государя золотыми монетами: въ дверяхъ Успенскаго собора, потомъ у Михаила Архангела и наконецъ на Золотой лѣстницѣ, ведущей отъ Благовѣщенія въ царскіе покои. Три дня сряду устраивались пиры въ Грановитой палатѣ для духовенства, бояръ и другихъ придворныхъ чиновъ; при чемъ во избѣжаніе мѣстничества указано всѣмъ быть безъ мѣстъ. На второй день въ Золотой палатѣ духовныя власти, бояре и всякихъ чиновъ люди поздравляли государя и подносили ему дары, а именно иконы (отъ духовныхъ), бархаты, атласы, соболей, серебряные сосуды и хлѣбы съ солью. Въ эти первые дни сказаны были разныя царскія милости и пожалованія. Между прочимъ изъ стольниковъ и дворянъ были возведены прямо въ бояре (помимо окольничества): князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, Ив. Ив. Салтыковъ, князья Θед. Θед. Куракинъ и Мих. Мих. Темкинъ-Ростовскій.

Однимъ изъ первыхъ дѣяній новаго царствованія было благодушное рѣшеніе непріятныхъ вопросовъ о датскомъ принцѣ Вальдемарѣ и польскомъ самозванцѣ Лубѣ. 9 августа королевскій посолъ Владиславъ Стемпковскій имѣлъ торжественный отпускъ въ Золотой палатѣ. Съ нимъ отпущенъ былъ въ Польшу и Луба; при чемъ съ посла взято

обязательство, что самозванецъ впредь не станетъ именоваться московскимъ царевичемъ и будетъ находиться подъ крѣпкимъ присмотромъ. Ничтожнымъ Лубою окончился рядъ самозванцевъ, выставленныхъ Поляками для произведенія смутъ въ Московскомъ государствѣ. 13 августа въ той же Золотой палатѣ происходилъ отпускъ принца Вальдемара и датскаго посольства. Царь сердечно простился съ принцемъ и щедро одарилъ его соболями и деньгами. Бояринъ Вас. Петр. Шереметевъ съ полуторатысячнымъ отборнымъ отрядомъ проводилъ его до польскаго рубежа. Однако ни принцъ Вальдемаръ, ни отецъ его Христіанъ IV, повидимому, не были довольны такою развязкою дѣла о сватовствѣ за царевну Ирину. По крайней мѣрѣ весною слѣдующаго года въ Москву дошелъ слухъ о походѣ Вальдемара съ датскимъ флотомъ къ Архангельску. Противъ него были приняты нѣкоторыя мѣры. Но слухъ оказался ложнымъ.

За то вѣсти, пришедшія съ южной украйны, о султанскомъ повелѣніи Крымцамъ напасть на Московское государство, оправдались. Зимою того же 1645 года крымскіе царевичи, калга и нурединъ, повоевали курскія, орловскія и карачевскія мѣста. Двинувшіеся противъ нихъ изъ украинныхъ городовъ отряды, подъ общимъ начальствомъ тульскаго воеводы князя Алексѣя Никитича Трубецкого, имѣли бой съ Татарами въ Рыльскомъ уѣздѣ; послѣ чего Крымцы ушли назадъ. На слѣдующую весну противъ нихъ собрана была трехполковая рать, съ главнымъ воеводою княземъ Никитой Ив. Одоевскимъ; а лѣтомъ велѣно было астраханскому воеводѣ Семену Ром. Пожарскому соединиться съ сею ратью, съ Донскими казаками и съ извѣстнымъ княземъ Муцаломъ Черкасскимъ, чтобы идти подъ Азовъ. Этимъ соединеннымъ силамъ удалось нанести чувствительное пораженіе Крымцамъ съ царевичемъ нурединомъ на Кагальникѣ; послѣ чего наши южныя украйны на нѣкоторое время успокоились.

Крымскія отношенія послужили поводомъ Московскому правительству обмѣняться съ Польскимъ нѣсколькими посольствами и вступить въ переговоры для заключенія союза противъ общаго врага. Вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились съ нашей стороны жалобы на умаленіе царскаго титула въ польскихъ грамотахъ и на порубежныя столкновенія. Лѣтомъ 1646 года пріѣзжалъ въ Москву посломъ отъ короля Владислава кіевскій каштелянъ Адамъ Кисель. На пріемахъ онъ произносилъ цвѣтистыя рѣчи, блисталъ и реторикой, и историческими познаніями. Но переговоры не привели къ заключенію наступательнаго союза противъ Крымцевъ, и ограничились нѣкоторыми неопредѣленными обѣщаніями въ смыслѣ общей обороны.

1*

Въ 1647 году осемнадцатилѣтній царь пожелалъ вступить въ бракъ. По обычаю, собрали въ Москву многихъ дѣвицъ; изъ нихъ выбрали наиболѣе красивыхъ и представили государю. Ему особенно приглянулась дочь дворянина Рафа Всеволожскаго, которую поэтому взяли во дворецъ и помѣстили до свадьбы вмѣстѣ съ царскими сестрами. Но тутъ повторилось то же, что нѣкогда произошло съ дѣвицей Хлоповой при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Придворныя боярыни, имѣвшія своихъ дочерей, конечно завидовали счастью незнатной дѣвицы, и, по словамъ русскаго современника, упоили ее отравами, такъ что она заболѣла. По другому извѣстію, Всеволожская, узнавъ о своемъ выборѣ, отъ сильнаго радостнаго волненія лишилась чувствъ; по третьему, невѣста уже передъ вѣнчаніемъ упала въ обморокъ, потому что дворцовыя прислужницы, подкупленныя Борисомъ Морозовымъ, слишкомъ крѣпко затянули ей волосы. Какъ бы то ни было, невѣсту обвинили въ падучей болѣзни. Алексѣй Михайловичъ былъ очень опечаленъ разстройствомъ брака съ Всеволожскою. Тѣмъ не менѣе ее, такъ же какъ и Хлопову, вмѣстѣ съ родными сослали въ Сибирь, именно въ городъ Тюмень. Потомъ встрѣчаемъ Рафа воеводою верхотурскимъ; а послѣ его смерти, въ 1653 году, его жену, дочь и всю семью перевели въ ихъ дальнюю касимовскую вотчину.

Интрига противъ Всеволожской, конечно, разыгралась не безъ участія и себялюбивыхъ расчетовъ всесильнаго при дворѣ боярина Морозова. Эти расчеты вскорѣ и обнаружились. Онъ, очевидно, стакнулся со стольникомъ Ильей Даниловичемъ Милославскимъ, только что воротившимся изъ своего посольства въ Голландію. По словамъ современника иностранца (Олеарія), Морозовъ началъ выхвалять красоту двухъ дочерей Милославскаго, и возбудилъ у царя желаніе ихъ видѣть; сестры были приглашены посѣтить царевенъ. Алексѣй Михайловичъ выбралъ старшую изъ нихъ двадцатидвухълѣтнюю Марью Ильиничну, которую онъ велѣлъ взять къ себѣ въ Верхъ, т.-е. помѣстить во дворцѣ, и нарекъ ее своей невѣстой. Свадьба состоялась въ январѣ 1648 года. Борисъ Ивановичъ Морозовъ занималъ мѣсто посаженаго отца; а посаженой матерью была жена его брата Глѣба Ивановича. Установленныя при царскомъ дворѣ свадебныя обрядности и церемоніи были строго исполнены, но за однимъ немаловажнымъ исключеніемъ. По настоятельному совѣту своего духовника протоіерея Стефана Вонифатьева, молодой государь отмѣнилъ обычныя на царскихъ свадьбахъ русскія народныя забавы и потѣхи, главнымъ образомъ скоморошьи, не совсѣмъ пристойныя пѣсни и пляски, сопровождаемыя звуками трубъ и гудковъ; вмѣсто нихъ на свадьбѣ господствовала благочестивая тишина или слышалось стройное пѣніе духовныхъ стиховъ.

Спустя нѣсколько дней, Борисъ Ивановичъ Морозовъ женился на Аннѣ Ильиничнѣ, младшей сестрѣ царицы, чѣмъ и обнаружилъ для исторіи главную цѣль своей интриги противъ Всеволожской и своей стачки съ Милославскимъ. Такимъ образомъ, породнившись съ царемъ, онъ еще болѣе укрѣпилъ свое придворное положеніе и устранилъ всякое соперничество со стороны новой царской родни. Зато бракъ стараго боярина съ молодою смуглянкою не былъ счастливъ: по замѣчанію другого современника-иностранца (Коллинса), „вмѣсто дѣтей у нихъ родилась ревность которая произвела ременную плеть въ палецъ толщины“ [1]).

Однако, неумѣренное и своекорыстное пользованіе своимъ всесильнымъ положеніемъ вскорѣ привело Морозова на край гибели.

Въ исторіи предыдущаго царствованія на Земскомъ соборѣ 1642 года, по Азовскому вопросу, мы встрѣтились съ жалобами разныхъ сословій Московскаго государства на свою бѣдность, на многія тягости, злоупотребленія и неправды. Само собой разумѣется, что въ какіе-нибудь три, четыре года общее положеніе дѣлъ мало измѣнилось, и мы снова встрѣчаемся съ тѣми же жалобами. Между прочимъ московскіе торговые люди указывали тогда на соперничество иноземцевъ, отнимавшихъ у нихъ торги. Но сія жалоба, очевидно, осталась безъ послѣдствій. И вотъ въ 1646 году гости, гостинная и суконная сотни, а также черныя торговыя сотни Москвы и многихъ другихъ городовъ подаютъ царю уже обстоятельную челобитную на пріѣзжихъ торговыхъ иноземцевъ, Англичанъ, Голландцевъ, Брабантцевъ и Гамбургцевъ, съ изложеніемъ всѣхъ ихъ козней, обмановъ и всякихъ убытковъ, чинимыхъ русскимъ торговцамъ и царской казнѣ.

А именно:

Въ прежнее время, при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ, позволено было отъ Англійской компаніи только двумъ гостямъ, третьему писарю ѣздить съ товарами отъ Архангельска въ Москву и торговать безпошлинно; а другихъ иноземцевъ съ товарами не пропускали далѣе Архангельска, гдѣ съ ними и торговали московскіе купцы. Послѣ же Московскаго разоренія, при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ, Англичане, подкупивъ думнаго дьяка Третьякова, получили изъ Посольскаго приказа грамоту съ разрѣшеніемъ ѣздить изъ Архангельска въ Московскіе города Джону Мерику съ товарищами, въ числѣ двадцати трехъ лицъ. Но въ дѣйствительности они стали пріѣзжать по 60,70 и больше человѣкъ; настроили себѣ въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Москвѣ и въ иныхъ городахъ многіе дворы, амбары, палаты, каменные погреба; стали жить въ Московскомъ государствѣ постоянно какъ у себя дома

и перестали продавать товары русскимъ торговцамъ или мѣнять у нихъ на русскіе товары; а начали сами разсылать по городамъ и уѣздамъ своихъ людей, чтобы закупать русскіе товары помимо русскихъ торговцевъ; при чемъ многихъ бѣдняковъ закабаляютъ себѣ посредствомъ долговъ. Вообще дѣйствуютъ сообща, стачкой; напримѣръ, если ихъ товаръ подешевѣетъ, то его держатъ и не продаютъ до тѣхъ поръ, пока не поднимется въ цѣнѣ. Пользуясь своей безпошлинной торговлей, Англичане отняли у Русскихъ и торгъ съ другими иноземцами у Архангельскаго города; ибо сами продаютъ русскіе товары Голландцамъ, Брабантцамъ и Гамбургцамъ и тайно возятъ на ихъ корабли, чѣмъ крадутъ государеву пошлину. Таможенныхъ цѣловальниковъ они и на корабли свои не пускаютъ къ досмотру; въ таможняхъ берутъ выписи такія, которыя не показываютъ и десятой доли ихъ товаровъ (конечно помощью взятокъ); дѣйствуя стачкой между собой и съ другими иноземцами, русскихъ купцовъ такъ оттерли отъ торговыхъ промысловъ и такіе убытки имъ чинили, что тѣ почти перестали и ѣздить къ Архангельску. Если бы въ городахъ таможенные головы и цѣловальники досматривали товары у Англичанъ и брали бы съ нихъ такія же пошлины какъ съ Русскихъ, то въ царскую казну прибывало бы въ годъ тысячъ тридцать рублей и болѣе. Хотя жалованная грамота на безпошлинный пріѣздъ въ Москву дана Мерику съ товарищами, которые всѣ названы по именамъ и которые почти всѣ уже померли, однако, право это покупается у ихъ женъ и дѣтей совсѣмъ другими людьми, подъ видомъ ихъ братьевъ, племянниковъ и приказчиковъ.

Жалованная грамота дана Англичанамъ по просьбѣ короля Карла; а они отложились отъ него и уже четвертый годъ съ нимъ воюютъ. Мало того, они привозятъ подъ видомъ своихъ родственниковъ другихъ иноземцевъ и другіе иноземные товары подъ именемъ англійскихъ, чтобы съ нихъ не шло пошлины; при томъ стали привозить сукна, камки, атласы и тафты сравнительно съ прежними худшаго качества, такъ что въ мочкѣ ихъ убываетъ уже не по два вершка, а по полуаршину и болѣе. Далѣе, по примѣру Англичанъ, Голландцы, Брабантцы и Гамбургцы, съ помощью посуловъ, тоже получили грамоты изъ Посольскаго приказа у думныхъ дьяковъ Петра Третьякова и Ивана Граматина. А есть и такіе иноземцы, которые ѣздятъ въ Московское государство и торгуютъ безъ всякихъ грамотъ у себя на дворѣ и въ торговыхъ рядахъ. Между прочимъ, извѣстный Петръ Марселисъ, въ товариществѣ съ другимъ Нѣмцемъ, откупилъ ворванье сало у холмогорскихъ и поморскихъ промышленниковъ, которые ходятъ на море бить звѣря; мимо откупщиковъ эти промышленники не смѣютъ никому продавать сала;

а тѣ платятъ за него полцѣны и даже четверть цѣны. Отъ нихъ и промышленники обнищали и пошлины идетъ въ царскую казну не болѣе 200 рублей; а прежде собирали ея по 4, по 5 тысячъ и болѣе на годъ. Живя въ Москвѣ, иноземцы по нѣскольку разъ въ годъ посылаютъ чрезъ Новгородъ и Псковъ въ свои земли вѣсти о томъ, что дѣлается въ Московскомъ государствѣ и какія цѣны стоятъ па товары; а потому, пріѣхавъ къ Архангельску, уже заранѣе сговариваются какъ и что покупать или продавать.

Въ той же челобитной приведенъ любопытный примѣръ коварства и ехидства иноземцевъ по отношенію къ Русскимъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ярославскій купецъ Антонъ Лаптевъ поѣхалъ черезъ Ригу въ Голландію, въ Амстердамъ, съ соболями и другими мѣхами, чтобы, продавъ ихъ, накупить всякихъ заморскихъ товаровъ. Но Нѣмцы и Голландцы, сговорясь, не купили у него ни на одинъ рубль. Воротился онъ на нѣмецкомъ кораблѣ, который привезъ его къ Архангельску. Здѣсь тѣ же иноземцы купили у него весь товаръ по хорошей цѣнѣ. Когда на архангельской ярмаркѣ русскіе торговцы выговаривали за то иноземцамъ, тѣ съ усмѣшкою сознавались, что сдѣлали такъ съ намѣреніемъ, чтобы отбить у русскихъ торговцевъ охоту ѣздить къ нимъ за море съ товарами; что точно такъ же они поступили и съ персидскими купцами, которые пытались привозить къ нимъ свой шелкъ-сырецъ. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ посланъ былъ въ Нѣмецкую землю гость Назарій Чистаго съ государевымъ товаромъ, шелкомъ-сырцемъ. Нѣмцы, точно такъ же сговорясь, ничего у него не купили или давали очень дешево, а когда онъ воротился въ Архангельскъ, тотъ же шелкъ тѣ же Нѣмцы купили дорогой цѣной.

Въ заключеніе своего челобитья московскіе торговые люди просили, чтобы Англичанамъ и другимъ иноземцамъ было позволено торговать только у Архангельска, а въ Москву и другіе города ихъ для торговли не пускать, дабы они не отнимали промысловъ у Русскихъ людей. Просили также не отдавать иноземцамъ на откупъ ворванье сало. Но съ богатыми и ловкими иноземцами уже нелегко было бороться въ самой Москвѣ, и тѣмъ болѣе, что не только разные подкупленные ими дьяки, но и самъ временьщикъ Морозовъ былъ на ихъ сторонѣ. Поэтому означенное челобитье осталось пока безъ послѣдствій, что, конечно, возбудило не малый ропотъ среди торговыхъ сотенъ Москвы и другихъ городовъ. Покровительство иноземцамъ между прочимъ выражалось и въ судебныхъ дѣлахъ: такъ съ нихъ указано брать судебныхъ пошлинъ вдвое менѣе чѣмъ съ Русскихъ.

Къ ропоту противъ иноземцевъ присоединилось и неудовольствіе народное на указъ о новой прибавочной пошлинѣ на соль; хотя сія пошлина, по словамъ указа, назначалась на жалованье служилымъ людямъ, оборонявшимъ православныхъ христіанъ отъ Крымскихъ и Ногайскихъ бусурманъ, и хотя заранѣе приказано послѣ ея полнаго поступленія въ казну отмѣнить сборъ стрѣлецкихъ и ямскихъ денегъ. Вмѣстѣ со введеніемъ этой новой пошлины правительство объявило своей монополіей и продажу табаку, самое употребленіе котораго при Михаилѣ Θеодоровичѣ подвергалось преслѣдованію. Тѣмъ же указомъ вѣдѣніе соляною пошлиною и табачною продажею сосредоточивалось въ Приказѣ Большой казны, въ которомъ сидѣли покровители иноземцевъ, бояринъ Б. И. Морозовъ и бывшій гость, а теперь посольскій и думный дьякъ, Назарій Чистаго. На нихъ-то по преимуществу и обратилось народное неудовольствіе, какъ на людей, явно преслѣдующихъ своекорыстныя цѣли.

Послѣ своего брака молодой государь не измѣнилъ безпечнаго образа жизни, занимаясь преимущественно охотою и поѣздками по монастырямъ и дворцовымъ селамъ и торжественными пріемами иноземныхъ посольствъ; а руководство государственнымъ управленіемъ попрежнему предоставлялъ любимцу-воспитателю. Между тѣмъ въ тѣсномъ союзѣ съ симъ послѣднимъ дѣятельное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ получилъ тесть государевъ И. Д. Милославскій, изъ стольниковъ произведенный въ окольничіе, а вскорѣ затѣмъ и въ бояре. Это, по всѣмъ признакамъ, былъ человѣкъ алчный и ограниченный, спѣшившій пользоваться своимъ положеніемъ для обогащенія какъ лично себя, такъ своихъ жадныхъ родственниковъ и пріятелей, которымъ онъ доставлялъ наиболѣе доходныя чиновничьи мѣста. Изъ нихъ особую ненависть народную своимъ лихоимствомъ возбудили окольничіе Леонтій Степ. Плещеевъ и Петръ Тих. Траханьётовъ. Плещеевъ занималъ мѣсто судьи въ Земскомъ приказѣ, который вѣдалъ, между прочимъ, городскими сборами мостовыми и поворотными; тутъ судья этотъ отличился великимъ лихоимствомъ и притѣсненіями московскихъ обывателей. Говорятъ, онъ даже прибѣгалъ къ поклепамъ: его агенты ложно обвиняли состоятельныхъ людей въ убійствѣ, воровствѣ и т. п. Послѣднихъ сажали въ тюрьму и потомъ освобождали только за назначенную сумму денегъ. Траханьётовъ, состоявшій въ родствѣ съ Плещеевымъ, начальствовалъ въ Пушкарскомъ приказѣ, гдѣ наживался отъ всякихъ заказовъ и отъ мастеровыхъ людей, напримѣръ, удерживая у нихъ половину жалованья и заставляя расписываться въ полученіи полнаго.

Тщетно обиженные подавали челобитныя на чиновниковъ-грабителей и неправедныхъ судей. Жалобы ихъ не доходили до государя. Тогда произошелъ взрывъ накипѣвшаго народнаго чувства.

21 мая совершался обыкновенно, установленный при Василіи III, крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь съ иконою Владимирской Божіей Матери. Но въ 1648 году это торжество совпало съ Троицынымъ днемъ; а царь Алексѣй Михайловичъ сей праздникъ проводилъ въ Троицесергіевой лаврѣ. Отправляясь вмѣстѣ съ царицею въ Лавру, государь поручилъ вѣдать Москву двумъ боярамъ—князьямъ Пронскимъ, окольничему князю Ромодановскому и двумъ думнымъ дьякамъ, Чистаго и Волошенинову; а празднованіе Владимирской иконы велѣлъ отложить до своего возвращенія изъ Троицкаго похода. Въ Москву воротился онъ 1 іюня, и на другой же день совершился крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь съ участіемъ государя. Когда Алексѣй Михайловичъ верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи большой свиты изъ бояръ, дворянъ и всякихъ придворныхъ чиновъ, возвращался во дворецъ, площади и улицы на его пути были запружены народомъ. Вдругъ толпа посадскихъ протѣснилась къ самому государю, нѣкоторые схватили за узду его коня и молили выслушать ихъ. Они начали громко жаловаться на земскаго судью Леонтія Плещеева, особенно на чинимые по его наущенію оговоры отъ воровскихъ людей, и били челомъ всею землею, чтобы неправедный судья былъ отрѣшенъ и замѣненъ человѣкомъ честнымъ и добросовѣстнымъ. Смущенный такимъ внезапнымъ и шумнымъ челобитьемъ, царь просилъ народъ успокоиться, обѣщалъ разслѣдовать дѣло и исполнить его желаніе. Толпа дѣйствительно успокоилась послѣ царскихъ милостивыхъ словъ и стала провозглашать многолѣтіе государю, который продолжалъ свой путь.

Движеніе готово было затихнуть; но строптивость и неблагоразуміе знатныхъ людей подлили масло въ потухавшій огонь.

Часть бояръ и дворянъ, находившихся въ царской свитѣ, вступилась за Плещеева, стала осыпать толпу бранью и рвать въ клочки ея челобитныя; а нѣкоторые вмѣстѣ со своими холопами начали бить ее нагайками и давить конями. Народъ озлобился, схватилъ каменья и принялся бросать ими въ обидчиковъ. Тогда послѣдніе обратились въ бѣгство, и устремились во дворецъ. Но преслѣдующая ихъ все увеличивающаяся толпа пришла уже въ ярость и начала ломиться на царскій дворъ, требуя чтобы ей выдали Плещеева. Караульные стрѣльцы едва ее сдержали. На верхнемъ крыльцѣ появился главный заступникъ чиновниковъ-грабителей, ненавистный народу бояринъ Б. И. Морозовъ,

и именемъ государя сталъ увѣщевать толпу; но тѣ закричали, чтобы ей выдали и самого Морозова. Послѣдній поспѣшилъ скрыться во внутренніе покои. Тогда озлобленная чернь бросилась къ стоявшему тутъ же въ Кремлѣ дому Морозова, выломала ворота, разбила двери и принялась сокрушать и грабить все, что попадало подъ руку. Избивъ слугъ, буяны не тронули жену хозяина, какъ родную сестру царицы. Но они не пощадили иконъ, съ которыхъ срывали жемчугъ и драгоцѣнные камни; часть этихъ камней и жемчугу истолкли въ порошокъ и выбросили за окно, крича «это наша кровь» и не позволяя брать себѣ. Однако жажда добычи превозмогла: жемчуга вообще набрали здѣсь столько, что потомъ продавали его цѣлыми шапками за ничтожную сумму; также дешево продавали награбленныхъ дорогихъ соболей и лисицъ; парчевыя ткани разрѣзали ножами и дѣлили между собою рубили на куски золотые и серебряные кубки и чаши; между прочимъ разломали роскошную карету, и выпули изъ нея серебро, которымъ она и колеса ея были окованы вмѣсто желѣза. Многіе спустились въ погребъ, разбили бочки съ медомъ и виномъ, разлили ихъ по землѣ и до безчувствія перепились. Но когда хотѣли разрушить самый домъ царь послалъ сказать, что этотъ домъ принадлежитъ ему; тогда толпа оставила его, умертвивъ дворецкаго съ двумя его помощниками.

Покончивъ съ домомъ Морозова, чернь покинула Кремль и раздѣлилась на разные отряды, которые, увеличиваясь новыми толпами, отправились разрушать и грабить дворы Плещеева, Траханьётова, Чистаго и вообще нелюбимыхъ бояръ, окольничихъ, дьяковъ и нѣкоторыхъ гостей, дружившихъ съ боярами и чиновниками, въ томъ числѣ дворы князей Никиты Ив. Одоевскаго и Алексѣя Мих. Львова. Сами владѣльцы этихъ дворовъ или находились въ Кремлѣ, или скрылись, и тѣмъ спасли свою жизнь. Такъ богатый гость Василій Шоринъ, обвиненный въ дороговизнѣ соли, спрятался въ нагруженной телѣгѣ и вывезенъ изъ города. Злая участь постигла въ этотъ день только одного изъ наиболѣе ненавистныхъ чиновниковъ, именно думнаго дьяка Назарія Чистаго. За нѣсколько дней до того, возвращаясь изъ Кремля домой въ Китай-городъ верхомъ, онъ повстрѣчалъ какую-то бѣшеную корову; испугавшійся конь сбросилъ съ себя всадника, при чемъ послѣдній такъ сильно расшибся, что замертво былъ отнесенъ домой. Онъ еще болѣлъ и лежалъ въ постели, когда услыхалъ о народномъ бунтѣ и разграбленіи дома Морозова. Предчувствуя бѣду, Чистаго ползкомъ выбрался изъ горницы и спрятался въ сѣняхъ подъ кучею банныхъ вѣниковъ, приказавъ своему слугѣ сверхъ ихъ наложить еще свиныхъ окороковъ. Невѣрный слуга измѣнилъ ему; захвативъ нѣ-

сколько сотъ червонцевъ, онъ бѣжалъ изъ Москвы; а предварительно указалъ ворвавшейся толпѣ на убѣжище своего господина. Чистаго вытащили за ноги изъ-подъ вѣниковъ и сбросили съ лѣстницы на дворъ, гдѣ толпа заколотила его дубьемъ и топорами до смерти, приговаривая: «это тебѣ, измѣнникъ, за соль!» Трупъ бросили въ навозную яму, послѣ чего принялись взламывать сундуки и грабить имущество.

Мятежъ быстро принялъ страшные размѣры, и только наступившая ночь прекратила буйство на нѣсколько часовъ. Въ царскомъ дворцѣ господствовали ужасъ и сильная тревога. Ясно было, что чернь, лакнувшая человѣческой крови и давшая волю грабительскимъ инстинктамъ, не остановится и пойдетъ далѣе. Опасность увеличилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нельзя было положиться и на самое служилое сословіе; такъ какъ многіе стрѣльцы и другіе военнослужилые люди, казаки, пушкари, затинщики, воротники и пр., недовольные убавкою имъ жалованья, пристали къ мятежникамъ и принимали участіе въ грабежѣ. (Стрѣлецкій приказъ вѣдалъ Б. И. Морозовъ.) Къ городской черни присоединились и толпы боярской дворни, особенно тѣхъ господъ, которые жестоко обращались съ нею и плохо ее кормили.

Ближніе бояре наскоро приняли кое-какія мѣры для обороны дворца. Кремль наглухо заперли, вооруживъ всѣхъ жильцовъ и другіе придворные чины; а къ утру велѣли собраться и явиться ко дворцу всѣмъ наемнымъ Нѣмцамъ съ ихъ офицерами. Когда этотъ нѣмецкій отрядъ въ полномъ вооруженіи подошелъ къ Кремлевскимъ воротамъ, у послѣднихъ уже стояли вновь собравшіяся густыя толпы мятежниковъ; однако они не тронули Нѣмцевъ и пропустили ихъ въ Кремль. Между тѣмъ, какъ часть бунтующей черни вновь занялась грабежомъ, эти мятежныя толпы громкими криками требовали у царя выдачи Морозова, Плещеева и Траханьетова. По совѣту съ боярами, царь рѣшилъ выслать Плещеева для всенародной казни чрезъ палача. Но толпа не стала ждать чтенія смертнаго приговора и соблюденія всѣхъ формальностей; она вырвала несчастнаго изъ рукъ палача и притащила на торговую площадь; дубинами раздробили ему голову, а потомъ топорами разрубили на части трупъ и бросили въ грязь. Но тщетно надѣялись этимъ убійствомъ удовлетворить народную ярость. Покончивъ съ Плещеевымъ чернь опять стала вопить, чтобы ей выдали Морозова и Трахавьётова.

Для увѣщанія мятежниковъ вышло на Лобное мѣсто духовенство, съ патріархомъ Іосифомъ и съ иконою Владимирской Божіей Матери; вмѣстѣ съ духовенствомъ высланы были и многіе дворяне, во главѣ которыхъ находились наиболѣе популярные бояре царскій дядя Никита Ивановичъ Романовъ и князья Дм. Мамстр. Черкасскій и Мих. Петр.

Пронскій. Никита Ивановичъ снялъ свою боярскую шапку и обратился къ народу отъ имени государя, прося не требовать выдачи Морозова и Трахоньётова. Народъ, однако, продолжалъ настаивать на ихъ выдачѣ. Тогда самъ царь, окруженный боярами, вышелъ къ Спасскимъ воротамъ и просилъ подождать еще два дня, чтобы обсудить дѣло; во всякомъ случаѣ обѣщалъ удалить обоихъ виновныхъ изъ Москвы и ни къ какимъ дѣламъ ихъ болѣе не назначать. Въ исполненіе своего обѣщанія онъ приложился къ Спасову образу. Какъ ни была озлоблена толпа, однако, уступила просьбамъ и обѣщанію государя, затихла и начала расходиться по домамъ.

Но въ Москвѣ было много хищныхъ злоумышленниковъ, которымъ не понравилось такое скорое прекращеніе смуты и возможности заниматься грабежомъ. Вѣроятно дѣйствовали тутъ и непримиримые враги Морозова и Траханьётова, пылавшіе къ нимъ местью за обиды и жаждавшіе ихъ гибели.

Въ тотъ же день 3 іюня послѣ обѣда въ пяти разныхъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ, несомнѣнно отъ поджоговъ. Пламя быстро распространилось съ несокрушимою силою и охватило часть Бѣлаго города, отъ Петровки и Неглинной до Чертольскихъ воротъ, также прилегающее значительное пространство Землянаго города за воротами Никитскими, Арбатскими и Чертольскими, включая расположенныя здѣсь Стрѣлецкія слободы и государевъ Остожный дворъ. Особенно сильный огонь свирѣпствовалъ на большомъ базарѣ, гдѣ горѣлъ главный царскій кабакъ или Кружечный дворъ (на Красной площади); отъ него грозила опасность и самому Кремлю; но, если вѣрить одному иноземцу, когда голову и неподалеку лежавшія разрубленныя части трупа Плещеева, по совѣту одного монаха, притащили и бросили въ огонь, пожаръ въ этомъ мѣстѣ началъ утихать. Межъ тѣмъ чернь болѣе занималась грабежомъ горѣвшихъ и сосѣднихъ домовъ, чѣмъ тушеніемъ пожара; значительная часть ея набросилась на винныя бочки въ помянутомъ кабакѣ, выбивала у нихъ дно и, черпая водку шапками, сапогами, рукавицами, напивалась до безчувствія; при чемъ многіе задыхались въ дыму. Пожаръ продолжался весь остатокъ дня и всю ночь. Онъ истребилъ отъ 10 до 15 тысячъ домовъ; болѣе полутора тысячи людей погибли отъ огня и дыму. Такъ какъ при этомъ погорѣли ряды Житный, Мучной и Солодяной, то хлѣбъ тотчасъ вздорожалъ къ вящшему озлобленію погорѣльцевъ и вообще бѣдныхъ людей. А тутъ еще въ народъ была пущена молва, будто схваченные и пытанные поджигатели сознались, что Борисъ Морозовъ и Петръ Траханьётовъ подкупили ихъ вы-

жечь всю Москву изъ мести къ народу. Само собой разумѣется, только что затихшій мятежъ вспыхнулъ съ новою силою.

Утромъ 4 іюня народъ опять скопился у Кремлевскихъ воротъ и требовалъ выдачи обоихъ сановниковъ. Имъ отвѣчали, что оба они бѣжали. Въ дѣйствительности Траханьётова самъ царь поспѣшилъ было удалить изъ Москвы; Морозовъ также пытался бѣжать; но по выходѣ изъ Кремля попался на встрѣчу извощикамъ и ямщикамъ, которые загородили ему дорогу; онъ ускользнулъ отъ нихъ и успѣлъ тайнымъ ходомъ пробраться назадъ въ Кремль. На сей разъ Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ пожертвовать Траханьётовымъ, только бы спасти Морозова. Народу объявили, что посылаютъ погоню за бѣглецами. И дѣйствительно, по Троицкой дорогѣ былъ посланъ окольничій князь Сем. Ром. Пожарскій съ конными стрѣльцами; онъ нагналъ Траханьётова около Троице-Сергіева монастыря, и на слѣдующій день, т.-е. 5 іюня, привезъ его связаннаго обратно въ Москву. Палачъ цѣлый часъ водилъ несчастнаго по базару съ деревянною колодою на шеѣ; а затѣмъ отрубилъ ему голову на плахѣ. Эта казнь нѣсколько успокоила народную злобу; однако чернь не переставала требовать, чтобы и Морозова точно такъ же разыскали и казнили; ибо ее продолжали увѣрять, что онъ находится въ бѣгахъ.

Правительство усердно старалось всѣми средствами умиротворить народное возбужденіе. Многіе нелюбимые чиновники были поспѣшно устранены и замѣнены другими болѣе достойными лицами. Начальникомъ Стрѣлецкаго приказа вмѣсто Б. Морозова назначенъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій (впрочемъ не на долго; его смѣнилъ вскорѣ Илья Дан. Милославскій). Стрѣльцамъ и другимъ служилымъ людямъ государь велѣлъ давать денежное и хлѣбное жалованье вдвое противъ прежняго; а державшихъ дворцовую стражу приказалъ вволю угощать виномъ и медомъ. Царскій тесть Милославскій началъ дружески обращаться съ торговыми и вообще посадскими людьми. Ежедневно по очереди онъ приглашалъ на свой дворъ по нѣскольку человѣкъ отъ черныхъ сотенъ для угощенія и любезныхъ разговоровъ. Многимъ бѣднымъ погорѣльцамъ выдано было вспомоществованіе изъ царской казны на возобновленіе ихъ дворовъ. Патріархъ предписалъ священникамъ увѣщевать своихъ прихожанъ и приводить ихъ къ мирному настроенію.

Когда такимъ образомъ буря поутихла и почва для примиренія была подготовлена, умный и находчивый юноша-государь употребилъ послѣднее и самое дѣйствительное средство. Устроенъ былъ торжественный царскій выходъ изъ Кремля на такъ называемое Лобное мѣсто, куда собрали всенародное множество. Алексѣй Михайловичъ, окруженный бояра-

рами, обратился къ нему съ своимъ словомъ. Онъ высказалъ прискорбіе о тѣхъ бѣдахъ, которыя терпѣлъ народъ отъ прежнихъ неправедныхъ судей и правителей; обѣщалъ, что теперь наступятъ лучшія времена, такъ какъ отнынѣ онъ самъ уже будетъ имѣть за всѣмъ бдительный присмотръ. Обѣщалъ отмѣнить лишнюю пошлину на соль, отобрать назадъ разныя жалованныя грамоты на торговую монополію, возобновить и умножить нѣкоторыя прежнія льготы и т. д. Когда же народъ за все это сталъ выражать свою благодарность, тогда царь заговорилъ о Морозовѣ, какъ о своемъ воспитателѣ и второмъ отцѣ, къ которому питаетъ любовь и признательность. Поэтому убѣдительно просилъ не требовать его головы, и повторилъ данное прежде обѣщаніе, что Морозову не только не дастъ болѣе никакого начальства въ приказахъ или воеводства, но сошлетъ его въ дальній монастырь на постриженіе. Краснорѣчивое слово, сопровождаемое слезами, до того подѣйствовало на народъ, что, по словамъ одного иноземца-современника, умиленная толпа начала кричать многолѣтіе Государю и изъявлять полную покорность его волѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, именно 12 іюня, еще до свѣту Морозовъ былъ отправленъ въ Кириллобѣлозерскій монастырь подъ прикрытіемъ значительнаго отряда изъ боярскихъ дѣтей и стрѣльцовъ. До какой степени Алексѣй Михайловичъ любилъ Морозова и заботился о немъ, показываютъ сохранившіяся его грамоты къ игумену, строителю и келарю Кириллобѣлозерскаго монастыря. Такова грамота отъ 6 августа: въ виду обычной подъ монастыремъ Успенской ярмарки, т.-е. большого людского скопленія, царь поручаетъ имъ «оберегать Бориса Ивановича отъ всякаго дурна» и совѣтуетъ на это время увезти его въ какое-либо другое болѣе безопасное мѣсто, грозя великой опалою, если ему учинится какое-либо зло. А въ концѣ августа царь пишетъ, что такъ какъ «смутное время утихаетъ», то Борисъ Ивановичъ пусть ѣдетъ въ свою тверскую вотчину, а игуменъ и старцы пусть проводятъ его «съ великимъ береженіемъ». На обѣихъ грамотахъ имѣются собственноручныя приписки царя о самомъ тщательномъ охраненіи его «пріятеля, воспитателя, вмѣсто отца родного боярина Б. И. Морозова». А въ концѣ октября того же 1648 года мы встрѣчаемъ Морозова уже въ столицѣ: онъ пируетъ за царскимъ столомъ въ день крестинъ новорожденнаго царевича Дмитрія Алексѣевича. Слѣдовательно обѣщаніе сослать его въ монастырь на постриженіе и не возвращать ко двору не было исполнено: а для соблюденія приличія устроили такъ, что будто бы самъ народъ подавалъ челобитную о его возвращеніи. Но было, повидимому, исполнено слово не давать ему никакого начальства. Морозовъ остался

просто близкимъ къ царю человѣкомъ и принималъ подаваемыя на царское имя челобитныя; при чемъ своимъ участіемъ и ходатайствами, какъ говорятъ, даже заслужилъ потомъ народное расположеніе.

Вообще московскій мятежъ 1648 года напоминаетъ такой же народный взрывъ, происходившій сотню лѣтъ тому назадъ при юномъ Иванѣ IV; но, очевидно, превзошелъ его своею энергіей и своими размѣрами. Онъ вполнѣ оправдалъ замѣчаніе иноземца-современника (Адама Олеарія), что Русскіе, особенно простой народъ, живя въ угнетеніи, могутъ сносить и терпѣть многое. „Но если этотъ гнетъ переходитъ мѣру, тогда возбуждается опасное возстаніе, которое грозитъ гибелью, хотя бы не высшему, а ближайшему ихъ начальству. Разъ они вышли изъ терпѣнія и возмутились, не легко бываетъ усмирить ихъ; тогда они пренебрегаютъ всѣми опасностями, и становятся способны на всякое насиліе и жестокость“.

На сей разъ смута не ограничилась одною столицею, а чувствительно отразилась и въ нѣкоторыхъ областяхъ. Такъ на юговостокѣ въ городѣ Козловѣ (на р. Воронежѣ) нѣсколько стрѣльцовъ, прибывшихъ изъ Москвы, своими разсказами о столичныхъ грабежахъ и убійствахъ легко возмутили часть мѣстныхъ казаковъ, стрѣльцовъ и черныхъ людей, которые и здѣсь произвели убійства и грабежи. На сѣверовостокѣ произошли мятежи въ Двинскомъ краю, именно въ городахъ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ. Въ первомъ городѣ мятежъ возникъ по слѣдующему поводу. Пріѣхалъ сюда изъ Москвы нѣкто Приклонскій для сбора съ посадскихъ и уѣздныхъ пятисотъ съ лишкомъ рублей на жалованье ратнымъ людямъ, и собиралъ эти деньги помощію жестокаго правежа. Сольвычегодцы сложились и міромъ поднесли ему 20 рублей, въ надеждѣ этимъ посуломъ откупиться отъ дальнѣйшаго правежа. Но вдругъ приходятъ вѣсти о московскихъ событіяхъ и о томъ, какъ расправились тамъ съ самимъ Морозовымъ, главнымъ виновникомъ настоящаго сбора. Тогда Сольвычегодцы, поджигаемые однимъ площаднымъ подъячимъ, потребовали у Приклонскаго назадъ свой посулъ; хотя деньги и были возвращены, однако, толпа подняла бунтъ, грозила своему воеводѣ, отняла у Приклонскаго государеву казну и бумаги; избила его и хотѣла убить; онъ успѣлъ укрыться въ соборную церковь. Толпа намѣревалась его оттуда взять; но вдова Матрена Строганова не велѣла своимъ людямъ выдавать его; ибо Строгановы были ктиторами сего храма. Ночью Приклонскій уплылъ въ лодкѣ по рѣкѣ Вычегдѣ. Въ Великомъ Устюгѣ, точно такъ же послѣ извѣстій о московскихъ событіяхъ, посадскіе и уѣздные люди потребовали отъ подъячаго Михайлова назадъ 200 рублей, которые поднесли ему „въ почесть“; тотъ отказался

ихъ возвратить. 8 іюля, на праздникъ св. Прокопія Устюжскаго, въ городѣ собралось много народу изъ сосѣднихъ селъ. На слѣдующій день толпа, скопившаяся у Земской избы, подняла мятежъ, ударила въ набатъ, и, подъ руководствомъ нѣкоего кузнеца Чагина, устремилась на воеводскій дворъ, выломала ворота и разграбила его. Подъячій Михайловъ былъ убитъ и брошенъ въ рѣку; самъ воевода (Мих. Вас. Милославскій) едва спасся отъ смерти; разграблены были еще нѣсколько дворовъ наиболѣе зажиточныхъ посадскихъ людей. Для усмиренія Устюжцевъ изъ Москвы былъ присланъ князь Иванъ Ромодановскій съ отрядомъ стрѣльцовъ. Главные зачинщики мятежа были повѣшены; однако Чагинъ успѣлъ бѣжать. Ромодановскій и его подъячій Львовъ своими пытками и розыскомъ вынудили Устюжанъ всѣмъ міромъ собирать деньги имъ въ посулъ; ненасытность этихъ слѣдователей заставила подать царю мірскую челобитную. Тогда прибылъ другой слѣдователь, который подвергъ допросу самого Ромодановскаго и подъячаго Львова (2).

Волненія и мятежи 1648 года хотя и затихли, однако вполнѣ не прекратились. Вскорѣ они возобновились на сѣверозападѣ въ старыхъ вѣчевыхъ центрахъ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Но до того времени въ Москвѣ совершилось важное законодательное дѣло: изданіе Соборнаго Уложенія.

Лихоимство, неправосудіе и всякія притѣсненія народу, вызвавшія мятежи и смуты, естественно обратили вниманіе правительственныхъ лицъ на недостатки самого законодательства, которымъ должны руководствоваться судьи и правители. Старые московскіе судебники по своей неполнотѣ и отсталости не соотвѣтствовали многимъ новымъ условіямъ и потребностямъ, общественнымъ и государственнымъ. Напримѣръ, уже одно крѣпостное право, народившееся послѣ изданія судебниковъ, возбуждало множество дѣлъ со стороны служилаго или помѣщичьяго сословія и требовало болѣе опредѣленныхъ закономъ порядковъ; размножившіеся съ теченіемъ времени приказы, не имѣя ясно опредѣленныхъ границъ своего вѣдомства, производили большую путаницу въ вопросахъ подсудности; отъ чего конечно страдали низшіе классы и увеличивалась извѣстная московская волокита. Послѣ судебниковъ жизненныя требованія и разные случаи вызвали массу всякихъ дополнительныхъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ; но разобраться въ этой массѣ было нелегко и притомъ не на всѣ возникавшіе вопросы они давали отвѣты. Находясь подъ давленіемъ только что совершившагося грознаго народнаго движенія, Московское правительство поспѣшило теперь удовлетворить настоятельнымъ нуждамъ правосудія новымъ зако-

нодательнымъ кодексомъ; а такъ какъ всякое подобное предпріятіе сопровождалось созывомъ Великой Земской думы или Земскаго собора, то власти несомнѣнно имѣли въ виду, что собраніе выборныхъ людей со всего государства для такого великаго дѣла дастъ поддержку правительству, займетъ общественное вниманіе и окажетъ умиротворяющее дѣйствіе на взволнованныя народныя страсти.

По словамъ оффиціальнаго акта, 16 іюля 1648 года на двадцатомъ году своей жизни, Государь, по совѣту съ патріархомъ Іосифомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, а также съ Боярскою Думою, указалъ выписать изъ правилъ церковныхъ и греческихъ гражданскихъ законовъ статьи, подходящія къ нашимъ земскимъ дѣламъ, собрать указы и боярскіе приговоры царя Михаила Θеодоровича и его предшественниковъ и свѣрить ихъ со старыми судебниками, а которыхъ статей не достаетъ, тѣ написать вновь и уложить общимъ земскимъ совѣтомъ, «чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ равные». Для немедленнаго составленія новаго уложенія и приготовленія его къ «докладу» тогда же назначена была комиссія изъ пяти лицъ, каковы бояре—князья Никита Ив. Одоевскій и Сем. Вас. Прозоровскій, окольничій кн. Θед. Θед. Волконскій и два дьяка, Гаврила Леонтьевъ и Θеодоръ Грибоѣдовъ. А для разсмотрѣнія и утвержденія сего уложенія указано выбрать «людей добрыхъ и смышленыхъ», по два человѣка отъ стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и дворянъ московскихъ, также по два человѣка отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ большихъ городахъ, а въ меньшихъ по одному человѣку, въ Новгородѣ по человѣку съ каждой пятины, далѣе отъ гостей троихъ, отъ гостинной и суконной сотни по два, а отъ черныхъ сотенъ и слободъ и отъ посадовъ по одному человѣку. Срокомъ для сбора выборныхъ людей въ Москвѣ назначено 1 сентября (т.-е. въ новолѣтіе 7157 года по стилю того времени).

Выборъ лицъ для составленія новаго Уложенія, повидимому, былъ удаченъ. Князь Н. И. Одоевскій «съ товарищи» повелъ дѣло, порученное ему, умѣло и скоро, безъ обычной московской волокиты. Къ октябрю готовы были уже 12 первыхъ главъ Уложенной книги, которыя и были представлены въ докладъ государю и высшимъ разрядамъ Земскаго собора. Этотъ соборъ какъ бы раздѣлился на двѣ палаты: верхнюю и нижнюю. Первую составили Боярская дума вмѣстѣ съ духовными властями или освященнымъ соборомъ, и въ этой палатѣ предсѣдательствовалъ самъ государь. Вторую палату изображали выборные люди; въ ней предсѣдательствовалъ новопожалованный саномъ боярина

князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, начальникъ Приказа Сыскныхъ дѣлъ. Готовыя части Уложенія послѣ разсмотрѣнія въ верхней палатѣ были читаны въ нижней, и здѣсь, повидимому, также подвергались обсужденію или замѣчаніямъ прежде, нежели получали государеву санкцію. Къ концу января слѣдующаго 1649 года были окончены и разсмотрѣны соборомъ и остальныя 13 главъ Уложенной книги. Слѣдовательно, вся эта законодательная работа продлилась почти шесть съ половиною мѣсяцевъ, срокъ для московскихъ порядковъ того времени очень недолгій, принимая во вниманіе размѣръ Уложенія, далеко превышавшій прежніе судебники и вошедшія въ него новосочиненныя статьи. По своимъ объемамъ главы его очень неравномѣрны; но вмѣстѣ взятыя онѣ заключаютъ въ себѣ едва не цѣлую тысячу (967) статей. При недостаткѣ строгой системы въ ихъ распредѣленіи, статьи эти по своему содержанію все-таки распадаются на нѣсколько группъ. Такъ первыя двѣ главы («О богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ», «о Государской чести и какъ его государское здравіе оберегати») направлены къ охраненію православной церкви и самодержавной власти, т.-е. представляютъ такъ-сказать государственное право. Къ нимъ примыкаютъ слѣдующія семь главъ (поддѣлка актовъ и монеты, уставъ о военной службѣ и пр.). Главы X—XV заключаютъ въ себѣ статьи судоустройства и судопроизводства. Далѣе идутъ статьи, содержащія права вотчинное, помѣстное, посадское, холопій судъ, уголовное право («разбойныя и татиныя дѣла» и разныя убійства); въ концѣ помѣщены статьи о корчемствѣ.

Что касается источниковъ, изъ которыхъ Уложеніе черпало свое содержаніе, то любопытно, что едва ли не менѣе всего оно воспользовалось старыми судебниками, а для своей судебной части болѣе брало готовый матеріалъ изъ указныхъ книгъ судныхъ приказовъ (особенно Разбойнаго). Далѣе видимъ нѣкоторыя заимствованія изъ греко-римскаго или собственно византійскаго права при посредствѣ Кормчей книги. Но особенно обильнымъ источникомъ для Уложенія послужилъ Литовскій статутъ. Хотя этотъ статутъ по происхожденію своему можетъ причисляться къ памятникамъ русскаго права (въ основу его, какъ извѣстно, положена Русская Правда), и, повидимому, уже ранѣе находился въ пользованіи московскихъ приказовъ; однако, вмѣстѣ съ заимствованіями изъ Византійскаго права, онъ внесъ въ Уложеніе замѣтно чуждую струю. Полагаютъ, что вліяніе Византіи и Статута выразилось, напримѣръ, жестокимъ характеромъ уголовной части Уложенія, т.-е. мучительными наказаніями, отсѣченіемъ членовъ, сожженіемъ, окапываніемъ въ землю и т. п. Самыя тяжкія наказанія па-

значались за преступленія противъ православія и царскаго величества, что, конечно, вполнѣ соотвѣтствовало развитію какъ Московскаго самодержавія, такъ и государственнаго значенія Греко-восточной церкви.

Относительно новосочиненныхъ статей и участія въ ихъ составленіи выборныхъ людей укажемъ наиболѣе крупные примѣры.

Выборные московскіе и городовые дворяне и дѣти боярскіе, а также выборные отъ торговыхъ и посадскихъ подали государю челобитную съ исчисленіемъ слѣдующихъ жалобъ: бояре и духовныя власти захватили окрестности Москвы подъ свои слободы, загородные дворы и огороды, лишая обывателей выгона для скота и лѣсу для дровъ; а монастыри и ямщики эти выгоны и дороги распахали въ пашню. При семъ патріаршіе, владычные, монастырскіе и боярскіе «закладчики» (т.-е. записавшіеся за ними бѣглые посадскіе и крестьяне, ушедшіе изъ дворцовыхъ волостей и отъ помѣщиковъ) во вновь заведенныхъ слободахъ и въ самой Москвѣ и по городамъ покупили или завели себѣ лавки, торгуютъ всякими товарами и промышляютъ, откупаютъ таможни и кабаки, не платя государевой пошлины и податей съ своихъ промысловъ и торговли и не отправляя службы; чѣмъ затѣснили тяглыхъ людей, которые лишаются промысловъ и входятъ въ неоплатные долги; отсюда чинятся смятеніе, междоусобіе и большія ссоры. Царь велѣлъ удовлетворить челобитчиковъ, а именно: помянутыя льготныя слободы взять на государя, т.-е. обратить въ тяглыя; а тѣхъ людей, которые были кабальными, изъ слободъ воротить ихъ владѣльцамъ, бѣглыхъ же посадскихъ вернуть въ ихъ посады. Этотъ указъ вошелъ въ Уложеніе (1 статья XIX главы, которая посвящена посадскимъ людямъ). Одновременно съ тѣмъ царю была подана на Соборѣ всѣми выборными людьми другая челобитная. Она указывала на бывшій при Иванѣ IV соборный приговоръ 1580 года, подтвержденный и при Ѳедорѣ Ивановичѣ (но неисполнявшійся), о томъ, чтобы впредь вотчинныя земли «отнюдь» не отдавать въ монастыри (или на поминъ души, или продажею, или залогомъ). Выборные люди просили отобрать отъ монастырей всѣ вотчинныя земли, доставшіяся имъ послѣ означеннаго приговора и раздать ихъ служилымъ людямъ, безпомѣстнымъ, пустопомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Государь указалъ произвести опись таковымъ вотчиннымъ землямъ и провѣрить крѣпостные по нимъ акты въ монастыряхъ. Однако духовенство очевидно отстояло свои земельныя имущества, пріобрѣтенныя до 1649 года. Въ Уложенье вошла статья о томъ, что служилые люди могли только выкупать у монастырей свои родовыя вотчины; а затѣмъ вновь подтверждалось, что впредь церковныя власти и монастыри не

имѣютъ права покупать вотчинныя земли и брать ихъ въ закладъ или на помпнъ души (42 статья XVII главы: «О вотчинахъ»).

Далѣе, выборные люди били челомъ государю о томъ, что духовныя лица, монастыри и ихъ крестьяне въ видѣ льготы были пожалованы подсудностію ихъ только Приказу Большого Дворца; почему другимъ сословіямъ трудно было получать удовлетвореніе съ нихъ по своимъ искамъ. Царь внялъ сему челобитью, и указалъ быть особому Монастырскому приказу, который долженъ былъ давать судъ всякимъ людямъ при столкновеніяхъ съ духовенствомъ, монастырями, ихъ слугами и крестьянами. (XIII глава Уложенія: «О монастырскомъ приказѣ»). Наконецъ, весьма важную уступку сдѣлало правительство выборнымъ людямъ, собственно служилому или помѣщичьему сословію, въ вопросѣ о бѣглыхъ крестьянахъ. Еще недавно, только за 7 лѣтъ назадъ (въ 1641 г.), для розыска и возврата этихъ крестьянъ былъ установленъ срокъ десятилѣтній. Съ небольшимъ годъ тому назадъ этотъ срокъ продолженъ до 15 лѣтъ. А въ началѣ Собора 1648—49 гг. дворяне и дѣти боярскіе уже бьютъ челомъ объ отмѣнѣ всякаго срока. Царь соизволилъ на ихъ просьбу, и по Соборному Уложенію велѣно отдавать бѣглыхъ крестьянъ и бобылей ихъ владѣльцамъ «безъ срочныхъ лѣтъ», на основаніи писцовыхъ книгъ. (XI глава: «Судъ о крестьянахъ»). Такимъ образомъ Уложеніе явилось крупнымъ шагомъ въ развитіи крѣпостного права на Руси.

Когда окончилась работа надъ Уложеніемъ, дьякъ прочелъ его выборнымъ людямъ, собравшимся въ Отвѣтной палатѣ подъ предсѣдательствомъ князя Юрія Ал. Долгорукаго. Послѣ того огромный, составившійся изъ склеенныхъ листовъ, свитокъ Уложенія былъ на оборотѣ подписанъ членами Боярской думы и Освященнаго собора и выборными отъ разныхъ чиновъ людьми, а также скрѣпленъ дьяками Леонтьевымъ и Грибоѣдовымъ. (Имѣется 315 подписей). Съ этого списка государь велѣлъ напечатать Уложенную книгу и разослать ее въ приказы и по городамъ, чтобы всѣ дѣла производились по сему Уложенію.

Одно иностранное извѣстіе сообщаетъ, что заботы Алексѣя Михайловича о правосудіи, между прочимъ, выразились поставкою особаго ящика предъ дворцомъ въ селѣ Коломенскомъ, любимомъ лѣтнемъ его мѣстопребываніи. Всякій могъ опускать туда свою челобитную; а вечеромъ ящикъ приносили къ государю, который самъ разбиралъ челобитныя и полагалъ рѣшенія. Но мы не знаемъ, долго ли существовалъ этотъ ящикъ, и вообще насколько вѣрно такое извѣстіе.

Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ успокоенію народнаго недовольства и броженія умовъ, видное мѣсто занялъ указъ объ отмѣнѣ без-

пошлинной торговли и другихъ привилегій, дарованныхъ Англичанамъ. То, чего тщетно добивались московскіе торговые люди въ ихъ челобитной 1646 года, спустя три года, подъ давленіемъ событій, было легко исполнено. Кромѣ внутреннихъ побужденій, удобнымъ предлогомъ къ тому послужили извѣстія о Великой революціи, происходившей въ самой Англіи и закончившейся смертью короля на эшафотѣ. 1 іюня 1649 года англійскимъ купцамъ въ Москвѣ былъ объявленъ царскій указъ и боярскій приговоръ: тутъ перечислены ихъ неправды и обманы со ссылкою на упомянутое челобитье; затѣмъ повелѣвалось имъ выѣхать изъ Москвы и другихъ городовъ; впредь они могли пріѣзжать съ товарами только къ Архангельску и торговать тамъ съ уплатою установленныхъ пошлинъ. Указъ между прочимъ напоминаетъ, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и его отцѣ патріархѣ Филаретѣ Англичанамъ пожалованы были льготныя грамоты «по прошенію» ихъ короля Карла. «А нынѣ—говорится далѣе—великому государю нашему вѣдомо учинилось, что Англичане всею землею учинили большое злое дѣло, государя своего Карлуса короля убили до смерти, и за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ вамъ быть не довелось» (3).

Въ числѣ членовъ Освященнаго собора, входившаго въ составъ Великой Земской Думы 1648—49 гг., на десятомъ мѣстѣ встрѣчаемъ подпись: «Спаса Новаго монастыря архимандритъ Никонъ руку приложилъ». Этого новоспасскаго архимандрита Никона судьба вскорѣ выдвинула на передній планъ и заставила его играть чрезвычайную историческую роль въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Судя по его жизнеописанію, составленному однимъ преданнымъ клирикомъ (Шушеринымъ) по образцу житій св. подвижниковъ, дѣтство и юные годы будущаго патріарха были исполнены несовсѣмъ обыкновенныхъ приключеній и превратностей, съ прибавленіемъ предсказаній о его будущемъ величіи. Онъ родился въ началѣ XVII столѣтія въ Нижегородскомъ краю, въ крестьянской семьѣ села Вельдеманова (Княгин. уѣзда), и повидимому, происходилъ изъ обрусѣвшей Мордвы. Никита—такъ названъ онъ при крещеніи—рано лишился матери, и много терпѣлъ отъ злобы своей мачехи, которая, выходя замужъ за его овдовѣвшаго отца Мину, уже сама была вдовою и имѣла собственныхъ дѣтей. Отецъ не разъ подвергалъ побоямъ вторую жену за ея жестокое обращеніе съ Никитою; но такъ какъ онъ по своимъ дѣламъ подолгу отлучался изъ дому, то она въ это время вымѣщала свою злобу на пасынкѣ. Не разъ отъ ея козней самая жизнь его въ дѣтствѣ подвергалась опасности; но его спасали Провидѣніе и любовь бабушки.

Отецъ отдалъ мальчика учиться грамотѣ. Владѣя чрезвычайными способностями, Никита скоро научился чтенію и письму; но по возвращеніи въ родительскій домъ сталъ было забывать грамоту. Тогда, захвативъ у отца нѣсколько денегъ, онъ тайкомъ ушелъ въ нижегородскій Печерскій монастырь, внесъ за себя вкладъ и вступилъ въ число послушниковъ. Тутъ онъ оказалъ большое усердіе къ церковной службѣ и чтенію Св. Писанія. Узнавъ о мѣстѣ пребыванія Никиты, отецъ едва упросилъ его воротиться домой для того, чтобы закрыть глаза ему, т.-е. отцу, и бабушкѣ. Послѣ ихъ кончины родные уговорили Никиту вступить въ бракъ и заняться хозяйствомъ. Вскорѣ его какъ человѣка грамотнаго крестьяне одного сосѣдняго села пригласили быть въ ихъ церкви псаломщикомъ, а потомъ и священникомъ. Отсюда Никитѣ удалось перемѣститься въ Москву. Но и здѣсь онъ пробылъ недолго. Безпокойный нравъ и жажда аскетическихъ подвиговъ влекли его въ пустыню, къ подражанію тѣмъ угодникамъ, житія которыхъ возбуждали его благочестіе и настраивали его воображеніе. Потерявъ всѣхъ дѣтей, Никита послѣ десятилѣтняго супружества уговорилъ жену поступить въ одинъ изъ московскихъ монастырей, а самъ ушелъ на далекій сѣверъ и поселился въ уединенномъ Анзерскомъ скиту, который состоялъ изъ нѣсколькихъ келлій, разбросанныхъ на островѣ Онежской губы, и отличался строгимъ монашескимъ уставомъ. Здѣсь онъ постригся въ иноческій санъ съ именемъ Никона, и казалось бы вполнѣ могъ удовлетворять своему стремленію къ уединенной подвижнической жизни, посвященной молитвѣ и борьбѣ съ плотію, посреди дикой суровой природы сѣвера. Однако и тутъ недолговременно было его пребываніе. Вмѣстѣ съ настоятелемъ скита онъ побывалъ въ Москвѣ за сборомъ денегъ на сооруженіе каменной скитской церкви. Но когда настоятель сталъ отлагать построеніе и собранныя деньги лежали безъ употребленія, Никонъ предложилъ отдать ихъ на храненіе въ Соловецкій монастырь, ссылаясь па опасности отъ разбойниковъ. Его совѣты и упреки не понравились настоятелю. Происшедшія отсюда столкновенія побудили Никона покинуть Анзерскій скитъ. Онъ отправился въ Кожеезерскую пустынь; при чемъ едва не погибъ отъ морской бури. Его лодку прибило къ одному островку (Кію); тутъ онъ водрузилъ крестъ въ память своего спасенія и далъ обѣтъ построить на этомъ мѣстѣ церковь или монастырь, если получитъ къ тому возможность.

Въ Кожеезерской обители (на озерѣ Кожо, Каргопольскаго уѣзда) съ трудомъ приняли Никона; такъ какъ вмѣсто вклада онъ могъ предложить только двѣ бывшія у него богослужебныя книги. Общежительный уставъ этой обители не пришелся по вкусу новому іеромонаху; онъ

отпросился у игумена и братіи на близлежащій островокъ, гдѣ устроилъ себѣ особую келлію по образцу Анзерскаго скита, предавался уединенію и питался рыбною ловлею. Когда же въ Кожеезерской пустыни скончался игуменъ, братія на его мѣсто выбрала Никона, пріобрѣвшаго ея уваженіе своею строгою жизнію и знаніемъ Св. Писанія. Снабженный заручнымъ челобитьемъ братіи, Никонъ поѣхалъ въ Новгородъ Великій, гдѣ митрополитъ Афоній поставилъ его во игумена. Въ этомъ санѣ Никонъ впервые могъ проявить свои властительскія наклонности и домостроительныя способности, въ то же время подавая братіи примѣръ трудовъ, богослужебныхъ и хозяйственныхъ. Но бѣдный монастырь, расположенный въ глухомъ краю, очевидно, не удовлетворялъ своего новаго игумена, и онъ пробылъ здѣсь не болѣе трехъ лѣтъ. Его влекло въ столицу, гдѣ у него уже были нѣкоторыя связи и знакомства и гдѣ представлялась возможность сдѣлаться извѣстнымъ при самомъ Царскомъ дворѣ. По какимъ-то дѣламъ или нуждамъ своего монастыря Никонъ отправился въ Москву. Жизнеописатель не сообщаетъ намъ, при какомъ именно посредствѣ онъ получилъ доступъ къ нововоцарившемуся Алексѣю Михайловичу. Начитанный въ божественныхъ книгахъ, обладавшій внушительнымъ даромъ слова, звучнымъ, вкрадчивымъ голосомъ и видною наружностію, Кожеезерскій игуменъ по всѣмъ признакамъ произвелъ большое впечатлѣніе на юнаго, благочестиваго и книголюбиваго государя, и очень понравился ему своею душеспасительною бесѣдою; особую силу и пріятность этой бесѣдѣ придавала способность Никона подкрѣплять свои слова удачными примѣрами изъ Священной исторіи или изреченіями изъ Писанія, которыми онъ обильно украшалъ свою рѣчь, благодаря превосходной памяти. Алексѣй Михайловичъ пожелалъ имѣть сего игумена поближе къ себѣ, и, по его соизволенію, патріархъ Іосифъ посвятилъ Никона въ архимандриты московскаго Новоспасскаго монастыря, часто посѣщаемаго царемъ; ибо здѣсь, какъ извѣстно, находилась семейная усыпальница бояръ Романовыхъ.

На семъ новомъ мѣстѣ Никонъ получилъ возможность широко развернуть свои таланты и свою энергію. Онъ дѣятельно занялся благоустроеніемъ и украшеніемъ своего столичнаго монастыря; ввелъ въ немъ болѣе строгое исполненіе монашескихъ правилъ и церковнаго благочинія, и выхлопоталъ утвержденіе за нимъ нѣкоторыхъ вотчинъ. А главное, онъ сумѣлъ возбудить большое къ себѣ расположеніе въ добромъ чувствительномъ сердцѣ государя. По царскому приказу, онъ каждую пятницу пріѣзжалъ къ утренѣ въ дворцовый храмъ; а послѣ нея царь наслаждался его бесѣдою. Пользуясь симъ расположеніемъ, Никонъ началъ ходатайствовать за несчастныхъ вдовъ и сиротъ, во-

обще за слабыхъ, притѣсняемыхъ сильными, за обиженныхъ неправедными судьями. Царь благосклонно относился къ его ходатайству и даже назначилъ ему день для представленія челобитныхъ, по которымъ давалъ милостивыя рѣшенія. Разумѣется, по Москвѣ скоро распространилась слава Новоспасскаго архимандрита какъ усерднаго заступника бѣдныхъ и сирыхъ, и они стекались къ нему отовсюду. Въ этомъ санѣ Никонъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ Великой Земской Думы 1648—49 гг. Вскорѣ потомъ новогородскій митрополитъ Афоній за старостію лѣтъ и болѣзнями покинулъ свою каѳедру и удалился на покой въ Спасскій Хутынскій монастырь. По царскому соизволенію, патріархъ Іосифъ торжественно въ Успенскомъ Соборѣ рукоположилъ на Новгородскую митрополію Никона, 9 марта 1649 г. Въ семъ рукоположеніи вмѣстѣ съ Освященнымъ соборомъ сослужилъ Іосифу пребывавшій тогда въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Паисій, который далъ новопоставленному митрополиту грамоту на право носить мантію съ червленными источниками.

Занявъ мѣсто въ ряду важнѣйшихъ іерарховъ Русской церкви, Никонъ еще въ большихъ размѣрахъ продолжалъ свои труды благотворенія и церковнаго благоустройства. Въ Новогородскомъ краю случился голодъ, и митрополитъ отвелъ у себя при архіерейскомъ домѣ особую страннопріимную палату, въ которой ежедневно кормили нищихъ и убогихъ, а разъ въ недѣлю раздавали денежную милостыню изъ домовой архіерейской казны. Кромѣ того митрополитъ устраивалъ для сиротъ и бѣдныхъ богадѣльни, на которыя испрашивалъ вспомоществованіе у государя. Самъ посѣщалъ темницы; при чемъ не ограничивался подачею милостыни заключеннымъ, но и разсматривалъ ихъ вины, и нерѣдко возвращалъ свободу неправедно осужденнымъ; такъ какъ государь поручилъ ему надзирать за гражданскимъ управленіемъ и правосудіемъ въ его митрополіи. Алексѣй Михайловичъ успѣлъ такъ привязаться къ Никону, что скучалъ по немъ, поддерживалъ съ нимъ оживленную переписку и требовалъ, чтобы онъ каждую зиму пріѣзжалъ въ Москву для доклада о нуждахъ своей епархіи, а главное для личной съ нимъ бесѣды и богослуженія. Въ то время изъ русскихъ іерарховъ никто болѣе Никона не обладалъ даромъ и умѣньемъ устроять церковное благолѣпіе и благочиніе. Митрополитъ заботился о внѣшнемъ украшеніи церквей, благообразіи и приличномъ одѣяніи клира, о чинномъ и благоговѣйномъ служеніи; завелъ въ Новогородской Софіи греческое и кіевское пѣніе, выбиралъ хорошіе голоса для архіерейскаго хора, и усердно наблюдалъ за его обученіемъ. Скоро его пѣвчіе стали славиться не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ. И когда онъ пріѣзжалъ съ ними

въ столицу, то царь въ праздники поручалъ ему отправлять церковную службу въ своихъ придворныхъ храмахъ. Сравнивая его благолѣпное служеніе съ существовавшимъ въ столичныхъ церквахъ нестроеніемъ и разногласіемъ въ чтеніи и пѣніи, государь, съ благословенія своего духовника Стефана Вонифатьева, началъ требовать отъ московскаго духовенства измѣненія церковныхъ порядковъ по образцу новогородскому; но встрѣтилъ немалое прекословіе со стороны патріарха Іосифа, не желавшаго вводить никакихъ перемѣнъ.

При такихъ обстоятельствахъ застигло Никона народное возмущеніе на его митрополичьей каѳедрѣ.

Хотя мятежныя движенія 1648 года въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ затихли, однако, возбужденное ими броженіе все еще продолжалось. Въ старыхъ вѣчевыхъ городахъ, Новгородѣ и Псковѣ, это броженіе было, очевидно, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и при первомъ же поводѣ перешло въ открытый мятежъ. Онъ начался со Пскова.

Изъ русскихъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому договору, многіе православные жители, питая нелюбовь къ иновѣрному правительству, убѣгали въ русскіе предѣлы. Вопреки договору и требованіямъ Шведовъ, Московское правительство не выдавало бѣглецовъ. Чтобы прекратить возникшія отсюда неудовольствія, рѣшено было выкупить ихъ у правительства королевы Христины; по обоюдному соглашенію, Москва обязалась уплатить извѣстную сумму (190,000 руб.), частію деньгами, частію хлѣбомъ. Между прочимъ изъ царскихъ житницъ во Псковѣ велѣно было отпустить 11,000 четвертей хлѣба. Закупка и сборъ этого хлѣба поручены были гостю Ѳедору Емельянову. Послѣдній не преминулъ, ради собственной наживы, злоупотребить даннымъ ему порученіемъ: подъ предлогомъ отсылки всего хлѣба Шведамъ, онъ стѣснилъ хлѣбную торговлю въ городѣ, заставляя покупать только у него и притомъ по возвышенной цѣнѣ. Угрожавшая дороговизна не замедлила возбудить Псковичей и противъ Шведовъ, и противъ московскихъ чиновниковъ; начались сборища и зловѣщіе толки по кабакамъ. Въ концѣ февраля 1650 года на масляницѣ народъ заявилъ архіепископу Макарію и воеводѣ Собакину требованіе, чтобы не отпускать въ Швецію хлѣба, который былъ сложенъ въ Псковскомъ Кремлѣ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что изъ Москвы ѣдетъ Нѣмецъ съ казною. То былъ шведскій агентъ Нумменсъ, который дѣйствительно везъ съ собою 20,000 рублей, уплаченныхъ ему въ Москвѣ въ счетъ выкупной суммы. Сопровождаемый московскимъ приставомъ, онъ пробирался по загородью на Завеличье къ Нѣмецкому гостинному двору. Народная

толпа бросилась изъ города, схватила Нумменса, избила его, отняла у него казну, бумаги и заключила его на подворьѣ Снѣтогорскаго монастыря, приставивъ стражу. На томъ же подворьѣ запечатали и отнятую казну. Потомъ толпа съ оружіемъ, съ криками при звонѣ набата пошла на дворъ къ Ѳедору Емельянову; но онъ успѣлъ скрыться; жена его выдала государеву грамоту объ отпускѣ хлѣба. Такъ какъ въ грамотѣ былъ наказъ не разглашать о ней никому, то буяны или гилевщики зашумѣли, что это грамота тайная, невѣдомая государю. На площадь прискакалъ воевода окольничій Н. С. Собакинъ, но тщетно пытался успокоить толпу; потомъ явился архіепископъ Макарій съ духовенствомъ и иконою св. Троицы и уговаривалъ исполнить государеву грамоту. Толпа кричала, что не позволитъ Нѣмцамъ вывозить хлѣбъ изъ Кремля до подлиннаго государева указу. На площади положили одинъ на другой два большихъ пивоваренныхъ чана, на которыхъ поставили несчастнаго Нумменса, чтобы его видѣлъ весь народъ; допрашивали съ кнутьями въ рукахъ, издѣвались надъ нимъ. Какъ и въ Смутное время, главною опорою псковскаго мятежа выступили стрѣлецкіе приказы, съ которыми соединились казаки, простые или маломочные посадскіе люди и нѣкоторые приходскіе священники. Стрѣльцы и казаки были недовольны убавкою жалованья и предпочтеніемъ служилыхъ иноземцевъ, священники убавкою руги, а посадскіе увеличеніемъ тягла, притѣсненіями отъ воеводъ и дьяковъ и судебными позывами Псковичей въ Москву. Мятежники выбрали себѣ въ начальники двухъ стрѣльцовъ, Козу и Копытова, третьимъ площадного подъячаго Томилка Слѣпого; а затѣмъ рѣшили отправить въ Москву къ государю съ изложеніемъ своихъ жалобъ и съ челобитьемъ о присылкѣ въ Псковъ для праведнаго розыску любимаго всѣми боярина Никиту Ивановича Романова. Разумѣется, такое челобитье не было уважено.

Межъ тѣмъ торговые люди, пріѣзжавшіе изъ Пскова въ Новгородъ, своими разсказами о сборѣ хлѣба и денегъ для Нѣмцевъ (Шведовъ) и о псковскомъ мятежѣ и здѣсь произвели смуту. Когда же въ Новгородѣ начали тоже собирать хлѣбъ на государя и биричи стали кликать на торгахъ указъ, чтобы жители покупали хлѣба только для себя въ маломъ количествѣ, народъ заволновался; а пріѣздъ датскаго посланника Краббе со свитою послужилъ поводомъ къ открытому движенію, въ половинѣ марта мѣсяца. Вообразивъ, что онъ везетъ изъ Москвы денежную казну (подобно Нумменсу), толпа напала на него, избила и ограбила; потомъ при звонѣ набата разграбила дворы нѣкоторыхъ богатыхъ купцовъ, считавшихся угодниками Нѣмцевъ.

Главнымъ зачинщикомъ мятежа явился посадскій человѣкъ Трофимъ Волковъ. Разсказываютъ, что онъ коварнымъ образомъ предупредилъ нѣмецкихъ купцовъ, будто Новгородцы хотятъ ихъ ограбить и побить какъ друзей и клевретовъ ненавистнаго боярина Морозова. Когда же испуганные иноземцы поспѣшили со своими товарами уѣхать изъ Новгорода, и, повидимому, присоединились къ свитѣ помянутаго датскаго посланника, тотъ же Волкъ поспѣшилъ въ Земскую избу съ извѣстіемъ, что пріятели измѣнника Морозова Нѣмцы отпущены съ большою казною и уѣзжаютъ въ свою землю; тогда толпа догнала ихъ, схватила, ограбила и заключила въ тюрьму. Самъ земскій староста Гавриловъ сталъ было во главѣ мятежниковъ; но затѣмъ скрылся. Толпа поставила себѣ въ начальники митрополичьяго подъячаго Жеглова, посадскаго Лисицу и еще нѣсколько человѣкъ изъ посадскихъ, стрѣльцовъ и подъячихъ. Какъ и во Псковѣ, воевода окольничій князь Ѳед. Андр. Хилковъ тщетно пытался увѣщевать мятежниковъ; а достаточной военной силы у него не было, чтобы смирить ихъ оружіемъ; ибо большинство стрѣльцовъ и другихъ военно-служилыхъ людей пристало къ мятежу. Но тутъ на передній планъ выступилъ митрополитъ Никонъ. 17 марта въ день Алексѣя Божія Человѣка, т.-е. въ имянины государя, онъ за обѣдней въ Софійскомъ соборѣ торжественно предалъ проклятію новопоставленныхъ народомъ начальниковъ, называя ихъ по именамъ. Но это проклятіе только усилило ропотъ. Спустя два дня, возмущенная однимъ подъячимъ, толпа съ шумомъ и при набатномъ звонѣ бросилась въ Софійскій Кремль къ дому воеводы. Князь Хилковъ по городской стѣнѣ ушелъ въ архіерейскій домъ. Никонъ скрылся въ Крестовой палатѣ и велѣлъ запереть двери Софійскаго дома. Но толпа высадила ихъ бревномъ, и ворвалась въ митрополичьи кельи. Никонъ смѣло сталъ уговаривать мятежниковъ; но его избили вмѣстѣ съ нѣсколькими старцами и дѣтьми боярскими, пытавшимися его защитить; потомъ повели его въ Земскую избу. Дорогою, однако, онъ продолжалъ ихъ усовѣщевать и упросилъ отпустить его въ церковь Знаменія, гдѣ чрезъ силу отслужилъ литургію; потомъ былъ положенъ въ сани и совсѣмъ изнемогшій привезенъ въ архіерейскій домъ; тутъ соборовался масломъ и приготовился къ смерти.

Твердость митрополита и побои, нанесенные ему, произвели впечатлѣніе. Толпа затихла; а ея коноводы начали размышлять о послѣдствіяхъ своего дѣла, когда разгнѣванный царь пришлетъ войско для ихъ наказанія. Думая отклонить бѣду, они послали въ Москву трехъ посадскихъ, двухъ стрѣльцовъ и одного казака съ челобитной, въ которой пытались оправдать свои поступки слухомъ, будто Шведскіе Нѣм-

цы, взявъ государеву казну и хлѣбъ, хотятъ идти на Новгородъ и Псковъ. Жаловались при семъ на воеводу и митрополита: первый отпускаетъ торговыхъ людей въ Швецію съ съѣстными припасами и не велитъ осматривать у нихъ товары на заставахъ, своихъ же голодомъ моритъ и не даетъ имъ топить избы въ холодные дни; а второй самовластно проклиналъ Новгородцевъ, билъ разныхъ людей и чернецовъ на правежѣ до смерти, хотѣлъ рушить Софійскую соборную церковь (т.-е. передѣлывать), но народъ этого ему не дозволилъ, и т. п. Государь, конечно, зналъ уже подробности бунта изъ отписокъ воеводы и митрополита; хотя мятежники заняли заставы и старались не пропускать прямыхъ извѣстій въ Москву.

Изъ Москвы сначала прислали одного дворянина съ царскою грамотой, которая требовала выдачи зачинщиковъ и коноводовъ мятежа; эта посылка пока осталась безуспѣшна. Затѣмъ отправили боярина князя Ив. Никит. Хованскаго съ небольшимъ отрядомъ, повелѣвъ ему остановиться у Спасъ-Хутынскаго монастыря, собирать ратныхъ людей, поставить кругомъ Новгорода заставы, которые бы никого не пропускали, и посылать къ мятежникамъ съ увѣщаніями. Среди послѣднихъ возникли несогласія и лучшіе или болѣе зажиточные люди взяли верхъ. Поэтому Новгородцы вскорѣ смирились и принесли повинную. Тогда Хованскій приступилъ къ розыску, а затѣмъ къ наказанію болѣе виновныхъ. Волку отрубили голову. Жеглова, Гаврилова, Лисицу и двухъ ихъ товарищей въ Москвѣ также приговорили къ смертной казни. Остальныхъ коноводовъ велѣли бить кнутомъ и сослать, а нѣкоторыхъ отдать на поруки. Государь былъ недоволенъ медлительнымъ розыскомъ князя Хованскаго. Но Никонъ вступился за него и писалъ, что медлительность происходила не отъ нерадѣнія; что онъ, митрополитъ, самъ совѣтовалъ ему поступать «съ большимъ разсмотрѣніемъ» и работать «тихимъ обычаемъ», чтобы люди не ожесточились и не стали бы заодно со Псковичами.

Во Псковѣ мятежъ не только не утихалъ, а все усиливался: часто звонилъ набатный колоколъ и собирались толпы для совѣщанія или для всенароднаго розыска и расправы. Такому розыску подвергались и архіепископъ Макарій, и бывшій воевода Собакинъ (котораго не отпустили въ Москву), и новоназначенный князь В. П. Львовъ, и Ѳ. Ѳ. Волконскій, который былъ присланъ отъ царя во Псковъ для розыска о мятежѣ. Допрашиваемыхъ обыкновенно ставили на опрокинутые чаны, нерѣдко били и грозили смертію, называя ихъ измѣнниками государю. У воеводы отобрали городовые ключи, порохъ и свинецъ.

Тому же князю Хованскому было приказано изъ Новгорода двинуться на Псковъ для его усмиренія. Но въ Москвѣ, очевидно, не имѣли точныхъ свѣдѣній о силахъ псковскихъ мятежниковъ. Хованскій не доходя верстъ 10 до Пскова, оставилъ въ Любятинскомъ монастырѣ 700 человѣкъ, чтобы обезпечить свой тылъ; такъ какъ уѣздное населеніе стояло заодно съ городскимъ. Только съ 2000 ратныхъ людей подошелъ онъ къ городу; но тутъ его встрѣтили пальбой со стѣнъ изъ большого наряда, и сдѣлали вылазку. Воевода сталъ на берегу рѣки Великой на Снѣтной горѣ и укрѣпился острожками. Неосторожно посланные имъ во Псковъ 12 дворянъ съ увѣщательною грамотою были брошены въ тюрьму, старшій изъ нихъ (Бестужевъ) убитъ, и только двое отпущены назадъ. Начались частые вылазки и бои мятежниковъ съ государевой ратью. Съ Псковичами заодно встали Гдовцы, Изборяне и почти всѣ псковскіе пригороды (за исключеніемъ Опочки). Въ уѣздахъ были ограблены помѣщичьи семьи. Мятежники грозили даже отдаться Литовскому королю и просить его о помощи. Московское правительство, вмѣсто энергичныхъ дѣйствій, тянуло переговоры и требовало выдачи коноводовъ; но послѣдніе, конечно, разжигали мятежъ еще больше. Никонъ изъ Новгорода посовѣтовалъ отложить это требованіе. Въ Москвѣ созвали Земскій соборъ, чтобы обсудить вопросъ о Псковскомъ бунтѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ августѣ 1650 года изъ Москвы прибыло особое посольство съ епископомъ коломенскимъ Рафаиломъ во главѣ, и объявило царское всепрощеніе. Эта мѣра подѣйствовала умиряющимъ образомъ. Но несомнѣнно успѣху ея много содѣйствовали слухи о томъ, что въ Москвѣ собирается новая рать противъ Пскова, подъ начальствомъ бояръ князей Алексѣя Никитича Трубецкаго и Михаила Петровича Пронскаго, а со Шведской границы на него должны были двинуться два полковника-иноземца (Кармикель и Гамильтонъ) съ 4000 пѣхотныхъ солдатъ. Волненіе въ Псковѣ стало утихать. Тогда лучшіе люди воспользовались удобнымъ временемъ, снова взяли въ свои руки вѣдѣніе земскими дѣлами, начали хватать самыхъ ярыхъ гилевщиковъ, а воевода Львовъ сажалъ ихъ въ тюрьмы. Товарищи ихъ пытались снова поднять гиль; но толпа только собиралась и толковала. Такимъ образомъ почти всѣ коноводы мятежа были схвачены и отправлены въ Новгородъ для казни. Окончательное замиреніе Пскова произошло послѣ того, какъ половина псковскихъ стрѣльцовъ была взята на службу въ Москву. Псковичи принесли повинную и вновь дали присягу на вѣрность государю.

Когда Московское государство успокоилось отъ народныхъ движеній, набожный Алексѣй Михайловичъ съ особымъ усердіемъ занялся

церковными дѣлами, все болѣе и болѣе подпадая вліянію Никона, уваженіе и привязанность къ которому со стороны царя возросли послѣ мужественнаго поведенія и претерпѣнныхъ имъ страданій въ эпоху Новгородскаго мятежа. Съ тѣхъ поръ царь часто вызываетъ въ Москву своего новаго любимца и совѣтуется съ нимъ о всѣхъ важныхъ дѣлахъ.

1652-й годъ особенно выдался цѣлымъ рядомъ церковныхъ торжествъ и событій. Въ январѣ государь съ патріархомъ Іосифомъ и митрополитомъ Никономъ въ Саввинскомъ-Звенигородскомъ монастырѣ открываетъ, почивавшія дотолѣ подъ спудомъ, мощи св. Саввы Сторожевскаго, и празднуетъ это открытіе царскою трапезой для бояръ и иноковъ. А въ мартѣ, по совѣту съ патріархомъ и всѣмъ Освященнымъ соборомъ (въ дѣйствительности по совѣту Никона), Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ перенести въ усыпальницу московскихъ архипастырей, т.-е. въ Успенскій соборъ, тѣла: патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря, патріарха Іова изъ Старицкаго и митрополита Филиппа изъ Соловецкаго, куда послѣдній былъ перевезенъ изъ Тверского Отроча монастыря въ началѣ царствованія Θеодора Ивановича.

Въ Старицу за Іовомъ были отправлены мѣстный, т.-е. Ростовскій, митрополитъ Варлаамъ съ нѣсколькими духовными лицами и бояринъ М. М. Салтыковъ съ дьякомъ и со свитою изъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ. Въ Соловецкій монастырь посланъ мѣстный же Новгородскій митрополитъ Никонъ съ Прилуцкимъ архимандритомъ, Донкимъ игуменомъ, Саввинскимъ келаремъ и пр., въ сопровожденіи боярина князя Ив. Ник. Хованскаго, дьяка Леонтьева, двадцати стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ и цѣлой сотни стрѣльцовъ. Мощи патріарха Іова прибыли уже въ первыхъ числахъ апрѣля, и послѣ торжественной встрѣчи царемъ, патріархомъ и народомъ, съ обычными обрядами положены въ Успенскомъ соборѣ. Прибытіе же Никона съ мощами Филиппа замедлилось дальнимъ разстояніемъ и труднымъ путемъ.

Посланничество Новгородскаго митрополита въ Соловки вообще было обставлено большою торжественностью. Кромѣ многочисленной свиты, онъ имѣлъ при себѣ еще необычную сочиненную на сей случай церковную грамоту. То было молебное посланіе Алексѣя Михайловича, обращенное къ лику святителя Филиппа. Очевидно, оно было написано по внушенію Никона, въ подражаніе византійскому императору Θеодосію II, который при перенесеніи мощей Іоанна Златоуста въ столицу обратился къ святому съ письменнымъ моленіемъ о прощеніи виновницы его заточенія, т.-е. своей матери императрицы Евдокіи. Алексѣй умолялъ

Святителя „разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя Ивана“ и придти „къ намъ съ миромъ во свояси“, т.-е. въ царствующій градъ. Во время сего путешествія впервые встрѣчаемъ боярскую жалобу на непомѣрное властолюбіе Никона. Ссылаясь на великопостное время, благочестивую цѣль посольства и считая себя его полнымъ хозяиномъ, согласно съ царскимъ о томъ повелѣніемъ, онъ предписывалъ всѣмъ его членамъ строжайшее соблюденіе поста и ежедневное слушаніе покаянныхъ правилъ. Бояринъ князь Хованскій—тотъ самый, который вмѣстѣ съ митрополитомъ усмирялъ мятежъ въ Новгородѣ и, вѣроятно, не безъ его желанія, назначенный ему въ спутники—жаловался въ Москву своимъ пріятелямъ на такія обременительныя требованія, и бояре при дворѣ шептали между собою (но такъ, чтобы доходило до царя): „никогда еще не было намъ подобнаго безчестія, государь выдаетъ насъ митрополитамъ“. А другой мірской членъ посольства, Василій Отяевъ, писалъ своимъ друзьямъ, что митрополитъ „силой заставляетъ говѣть, но что никого силой не заставитъ Богу вѣровать“. Алексѣей Михайловичъ, все время путешествія ведшій усердную переписку съ Никономъ, самъ сообщилъ ему объ этихъ жалобахъ, и просилъ его отмѣнить стояніе у правилъ, но при семъ не выдавать его, царя, а сдѣлать видъ, будто о жалобахъ узналъ отъ другихъ.

Въ высшей степени любопытна и типична эта переписка Алексѣя Михайловича съ его новымъ другомъ. Никонъ отправлялъ царю обстоятельныя донесенія о своемъ путешествіи. Рѣкой Онѣгой посольство вышло въ море и поплыло къ Соловецкому острову. Но тутъ 16 мая застигла его буря, во время которой одну лодку разбило и всѣ бывшіе въ ней утонули; въ ихъ числѣ погибъ дьякъ Гаврила Леонтьевъ, одинъ изъ участниковъ въ составленіи Соборнаго уложенія. Прибывъ въ Соловецкій монастырь, митрополитъ возложилъ молебное посланіе въ раку Филиппа ему на перси; въ теченіе трехъ дней шли церковныя службы, сопровождаемыя постомъ и всенощнымъ стояніемъ. Послѣ того митрополитъ всенародно прочелъ помянутое посланіе. Соловецкій архимандритъ съ братіей плакали, разставаясь съ мощами, и часть ихъ упросили оставить монастырю. Обратное путешествіе съ драгоцѣнною святыней совершилось благополучно. По донесеніямъ Никона, оно направилось вверхъ по Онѣгѣ до Каргополя; потомъ волокомъ перешло на Шексну и 25 іюня поплыло по ней; достигло ея впаденія въ Волгу и 29-го остановилось въ дворцовомъ селѣ Рыбномъ (Рыбинскъ). Тутъ путешественники узнали, что Волга въ то лѣто чрезвычайно обмелѣла; поэтому Никонъ на тѣхъ же судахъ поплылъ не вверхъ по рѣкѣ на Тверь, а внизъ на Ярославль. Отсюда поѣздъ отправился въ Москву сухимъ пу-

темъ на Ростовъ, Переяславль-Залѣсскій и Троице-Сергіеву лавру, куда прибылъ 4 іюля.

На донесенія митрополита царь отвѣчалъ чрезвычайно милостивыми письмами, въ которыхъ излагалъ предъ нимъ свою любящую душу, спрашивалъ иногда совѣтовъ и сообщалъ о нѣкоторыхъ столичныхъ событіяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно краснорѣчивымъ памятникомъ его словоохотливости, живости и впечатлительности служитъ обширное посланіе, заключающее любопытныя подробности о болѣзни и кончинѣ патріарха Іосифа († 15 апрѣля 1652 г.), а также о чувствахъ и ощущеніяхъ самого царя, вызванныхъ сею кончиною.

По свидѣтельству царскаго посланія, патріархъ заболѣлъ лихорадкою во время помянутой встрѣчи и погребенія мощей Іова, приблизительно 6 или 7 апрѣля. Къ лихорадкѣ присоединились утинъ и грыжа. Въ Вербное воскресенье онъ черезъ силу исполнилъ обрядъ хожденія на осляти. Въ Страстную среду государь, узнавъ, что патріархъ «гораздо боленъ», передъ вечеромъ пошелъ его навѣстить. «И дожидался съ часъ его государя—пишетъ Алексѣй Михайловичъ,—и вывели его едва ко мнѣ, и идетъ мимо меня благославлять Василія Бутурлина, и Василій молвилъ ему: «Государь де стоитъ». И онъ, смотря на меня, спрашиваетъ: «а гдѣ де Государь». И я ему извѣстилъ: «передъ тобою святителемъ стою!» И онъ посмотря молвилъ: «поди, Государь, къ благословенію», да и руку далъ мнѣ поцѣловать, да велѣлъ себя посадить на лавкѣ, а сѣлъ по лѣвую руку у меня, а по правую не сѣлъ, и сажалъ, да не сѣлъ»... «И я учалъ ему говорить: «такое-то, великій святитель, наше житіе; вчерась здорово, а нынѣ мертвы». И онъ государь молвилъ: «ахъ де, Царь Государь! Какъ человѣкъ здоровъ, такъ де мыслитъ живое, а какъ де приметъ, онъ де ни до чего станетъ». И я ему свѣту молвилъ: «не гораздо ли, государь, недомогаешь?» И онъ молвилъ, какъ есть сквозь зубы: «знать де что врагуша трясетъ, и губы окинула, чаю де что покинетъ, и лѣтось такъ же была». Эта выраженная больнымъ надежда на свое выздоровленіе ввела благодушнаго Алексѣя Михайловича въ сомнѣніе: онъ постѣснился напомнить патріарху о духовной и спросить, что онъ прикажетъ о своей келейной казнѣ и кого назначить своимъ душеприказчикомъ. Царь усердно проситъ въ томъ прощенія у Никона, называя его «великій святитель и равноапостолъ и богомолецъ нашъ преосвященная главо». На слѣдующее утро въ Великій четвергъ—продолжаетъ царь—«допѣваютъ у меня заутреню за полчаса до свѣта; только начали первый часъ говорить, а Иванъ Кокошиловъ ко мнѣ въ церковь бѣжитъ къ Евдокеи Христовы мученицы и почалъ меня звать: патріархъ де кончается, и меня прости,

великій святитель, и первый часъ велѣлъ безъ себя допѣвать, а самъ съ небольшими людьми побѣжалъ къ нему, и прибѣжалъ къ нему, а за мною Резанской (архіепископъ Мисаилъ), я въ двери, а онъ въ другія; а у него только протодьяконъ, да отецъ духовной, да Иванъ Кокошиловъ со мною пришелъ, да келейникъ Ѳерапонтъ, и тотъ трехъ не смыслитъ перечесть, таковъ простъ и себя не вѣдаетъ, опричь того ни отнюдь никого нѣтъ, а его свѣта поповлялъ (исповѣдывалъ) отецъ духовной. И мы со архіепископомъ кликали и трясли за ручки те, чтобъ промолвилъ, отнюдь не говоритъ, только глядитъ, а лихорадка та знобитъ и дрожитъ весь, зубъ о зубъ бьетъ». «Да мы съ Резанскимъ да сѣли думать, какъ причащать ли его топере или нѣтъ; а се ждали Казанскаго (митрополита Корнилія) и прочихъ властей, и мы велѣли обѣдню пѣть раннюю, чтобъ причастить; такъ Казанскій прибѣжалъ, да послѣ Вологодскій, Чудовской, Спасской, Симоновской, Богоявленскій, Мокей протопопъ, да почалъ кликать его и не могъ раскликать; а лежалъ на боку на лѣвомъ, и переворотили его на спину и подняли голову-то его повыше, а во утробѣ то знать какъ грыжа-то ходитъ, слово въ слово таково во утробѣ той ворошилось и ворчало, какъ у батюшка моего передъ смертью». Далѣе царь разсказываетъ, какъ умирающаго причастили запасными дарами; при чемъ онъ лежалъ безъ памяти, и протодьяконъ раскрывалъ ему уста; какъ послѣ соборованія масломъ, передъ кончиною патріархъ сталъ вдругъ пристально и быстро смотрѣть въ потолокъ, а потомъ закрывался руками; изъ чего заключили, что онъ видитъ видѣніе. Когда умирающій сталъ отходить, царь поцѣловалъ его въ руку, поклонился въ землю, и пошелъ къ себѣ; но предварительно велѣлъ запечатать его казну келейную и домовую. Во время службы въ дворцовой церкви,—пишетъ онъ,—«прибѣжалъ келарь Спасской и сказалъ мнѣ: «Патріарха де государя не стало»; а въ ту пору ударилъ царь-колоколъ трикраты, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, едва пѣть стали и то со слезами».

Въ Великую пятницу почившаго патріарха поутру вынесли въ церковь Ризъ Положенія. Вечеромъ пришелъ сюда царь и увидалъ, что назначенные быть при усопшемъ игумены и патріаршіе дѣти боярскіе всѣ разъѣхались и только одинъ священникъ читаетъ надъ гробомъ псалтырь. Царь велѣлъ потомъ ихъ «смирять» (наказать); а священника спросилъ, зачѣмъ онъ читаетъ очень громко, «во всю голову кричитъ, а двери всѣ отворилъ». Оказалось, что грыжа вдругъ зашумѣла въ утробѣ покойника, и животъ взнесло на полъаршина изъ гроба, отъ чего священникъ испугался и хотѣлъ бѣжать. «И меня прости, владыко святой,—продолжаетъ царь,—отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва

съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живого; да и мнѣ пріиде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавитъ; а насъ только я да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ, и я, перекрестясь, да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего боятися?» Сюда же пришли супруга и сестры Алексѣя, и хотя онѣ не испугались, однако близко подойти не рѣшились. Далѣе Алексѣй Михайловичъ разсказываетъ о погребеніи, которое совершилось въ Великую субботу, а въ концѣ своего посланія подробно сообщаетъ, какъ онъ распорядился оставшейся послѣ Іосифа казною. Почившій патріархъ очевидно былъ человѣкъ довольно стяжательный. Въ его собственной или келейной казнѣ осталось 13.400 рублей наличныхъ денегъ, много всякой серебряной посуды, т.-е. блюдъ, кубковъ, стопъ, тарелей и пр., а также большіе запасы камки, бархату, атласу, тафты и прочихъ подносимыхъ матерій. Все это царь подъ своимъ надзоромъ велѣлъ переписать нѣкоторымъ боярамъ и дьякамъ, при чемъ полторы недѣли лично все разбиралъ и приводилъ въ извѣстность. Затѣмъ онъ распорядился такимъ образомъ: посуду, которая была взята изъ домовой (т.-е. патріаршей) казны, велѣлъ въ нее воротить, а купленную на келейныя деньги продать по оцѣнкѣ въ домовую же казну, въ которой наличныхъ денегъ было 15.000; также велѣлъ продать камки, бархаты и пр. Затѣмъ собранная сумма, по личному же царскому усмотрѣнію, была роздана въ вознагражденіе духовнымъ и мірскимъ лицамъ, служившимъ при покойномъ патріархѣ, на церковное строеніе, на его поминовеніе и сорокоусты, на выкупъ должниковъ отъ правежа, на милостыню многимъ бѣднымъ, которымъ пришлось по 10 рублей. «Ни по одномъ патріархѣ,—замѣчаетъ Алексѣй Михайловичъ,—такой милостыни не бывало, и по Филаретѣ дано человѣку по 4 рубля, а инымъ и меньше». Въ томъ же посланіи царь, между прочимъ, извѣщаетъ Никона, что Свейская королева велѣла розыскать Тимошку (Анкудинова), чтобы его выдать, и уже выдали его человѣка Костьку Конюхова; что престарѣлаго больного князя Алексѣя Михайловича Львова, по его собственной просьбѣ, онъ отставилъ отъ начальства въ приказѣ Большого Дворца и на его мѣсто дворецкимъ назначилъ боярина Василія Бутурлина. «А слово мое нынѣ во Дворцѣ добре страшно и дѣлается безъ замотчанія» — съ самодовольствомъ прибавляетъ авторъ посланія. Если вспомнимъ, что это посланіе принадлежитъ двадцатитрехлѣтнему царю, то нельзя не отдать справедливости доброму сердцу, бодрой дѣятельности и острымъ умственнымъ способностямъ молодого государя.

Въ томъ же посланіи Алексѣй Михайловичъ, выражая скорбь о неимѣніи пастыря Русской церкви, говоритъ, что для выбора Богу угоднаго пастыря ожидаютъ только прибытія Никона; при чемъ прямо намекаетъ на него самого, называя его иносказательно Ѳеогностомъ. «А сего мужа (т.-е. Ѳеогноста) три человѣка вѣдаютъ: я, да Казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный, тай не въ примѣръ, а сказываютъ святъ мужъ». Но въ Москвѣ не всѣ были довольны намѣреніемъ царя возвести на патріаршество Никона. Между духовными лицами существовала цѣлая партія, которая хотѣла видѣть патріархомъ именно государева духовника Стефана Вонифатьева, и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, подавала о томъ челобитную царю. Среди этихъ лицъ находились протопопы Иванъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ и Логгинъ—будущіе расколоучители, привыкшіе дѣйствовать и влiять на церковныя дѣла подъ покровительствомъ Вонифатьева, при патріархѣ Іосифѣ. Хотя Никонъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ сими лицами; но они, конечно, узнали его тяжелый, властолюбивый нравъ и его наклонность къ нововведеніямъ. Однако, Стефанъ Вонифатьевъ, убѣдясь въ непреложной волѣ царя, не замедлилъ отказаться отъ собственной кандидатуры въ пользу Никона. Послѣдній уже выѣхалъ съ мощами Филиппа изъ Троицкой Лавры; но въ селѣ Воздвиженскомъ онъ получилъ царскій приказъ, оставивъ священный поѣздъ, самому поспѣшить въ столицу. А навстрѣчу мощамъ въ то же село прибыли митрополитъ казанскій Корнилій съ духовными лицами и бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ нѣсколькими стольниками и дворянами. Они проводили мощи Филиппа до Москвы, куда прибыли 9 іюля. За Срѣтенскими воротами ожидалъ ихъ царь съ народомъ и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ, среди котораго находился ростовскій митрополитъ Варлаамъ. Во время сей торжественной встрѣчи престарѣлый Варлаамъ внезапно скончался. Мощи Филиппа, принесенныя въ Успенскій соборъ, спустя недѣлю были переложены въ серебряную раку и поставлены у придѣла Дмитрія Солунскаго.

По призывнымъ грамотамъ царскимъ въ столицу съѣхались митрополиты, епископы, архимандриты, игумны, протоіереи и составили духовный соборъ для избранія патріарха. Это избраніе происходило по составленному заранѣе «чину». Соборъ написалъ 12 мужей, достойныхъ избранія, и представилъ ихъ имена царю. Алексѣй Михайловичъ послалъ сказать собору, чтобы изъ этихъ 12 мужей избрали одного достойнѣйшаго. Согласно съ общеизвѣстнымъ уже желаніемъ государя, соборъ выбралъ Никона. 22 іюля члены собора явились въ Золотую палату, гдѣ казанскій митрополитъ Корнилій доложилъ государю о семъ

избранія. Затѣмъ духовенство отправилось въ Успенскій соборъ, куда прибылъ и государь съ боярами. Послѣ молебствія царь послалъ нѣкоторыхъ архіереевъ и бояръ на Новгородское подворье за «новоизбраннымъ патіархомъ». Но тутъ произошло неожиданное отступленіе отъ установленнаго заранѣе порядка. Никонъ, по возвращеніи въ Москву расточавшій ласкательства Стефану Вонифатьеву, протопопу Неронову и другимъ членамъ ихъ кружка, съ очевидною цѣлью устранить всякое противодѣйствіе своему избранію, теперь, когда оно совершилось, вдругъ сталъ отказываться отъ патріаршества. Послѣ неоднократнаго посольства, возвращавшагося съ отказомъ, царь приказалъ неволею привести избранника въ соборный храмъ, и здѣсь, у новопоставленныхъ мощей св. Филиппа, всенародно умолялъ его принять патріаршій санъ. Никонъ—очевидно подражавшій Борису Годунову—продолжалъ отказываться, считая себя недостойнымъ сего сана. Наконецъ, царь и весь соборъ пали на землю и со слезами молили не отказываться. Тогда Никонъ, какъ бы тронутый этими моленіями, самъ заплакалъ и изъявилъ согласіе, но небезусловно: сталъ говорить о неисполненіи евангельскихъ заповѣдей и церковныхъ правилъ, и соглашался быть архипастыремъ, если присутствующіе дадутъ обѣщаніе слушаться его во всемъ, что касается церковнаго благоустройства. Царь, бояре и Освященный соборъ дали клятву на послушаніе. 25 іюля 1652 года въ томъ же Успенскомъ храмѣ митрополитъ Корнилій съ другими архіереями совершилъ посвященіе Никона въ санъ патріарха. Затѣмъ для новопосвященнаго и духовныхъ властей царь давалъ торжественный пиръ въ Грановитой палатѣ. Во время стола Никонъ, по обычаю, вставалъ и ѣздилъ на осляти вокругъ Кремля; а его осля водили бояре съ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ во главѣ.

Наступила эпоха безраздѣльнаго Никонова вліянія на дѣла государственныя и на всю политику его молодого державнаго друга.

Въ приведенномъ выше письмѣ Алексѣя Михайловича къ Никону упомянутъ нѣкій Тимошка. Это былъ одинъ изъ самозванцевъ, явившихся въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Кромѣ извѣстнаго шляхтича Лубы, за царевича Ивана Дмитріевича выдавалъ себя сынъ какого-то лубенскаго казака Вергуна, уже умершаго. По собраннымъ въ Москвѣ свѣдѣніямъ оказалось, что этотъ, такъ называемый, Ивашка Вергуненокъ былъ взятъ въ плѣнъ Татарами и проданъ въ Кафѣ одному еврею. Тутъ онъ тайно, съ помощью одной женщины, выжегъ у себя между плечами какія-то пятна, и сталъ ихъ показывать, какъ знаки его царскаго происхожденія. Узнавъ о немъ, Крымскій ханъ велѣлъ

евреямъ его беречь и кормить, разсчитывая, конечно, воспользоваться имъ, какъ орудіемъ противъ Московскаго государства. Самозванца отослали потомъ въ Константинополь, гдѣ его посадили въ Семибашенный замокъ. Дальнѣйшая участь его неизвѣстна.

Гораздо болѣе надѣлалъ хлопотъ Москвѣ другой самозванецъ, отличившійся многими и разнообразными похожденіями. То былъ Тимофей Акиндиновъ, родомъ вологжанинъ, сынъ мелкаго торговца. Съ дѣтства онъ проявилъ острыя способности и хорошо выучился грамотѣ; потомъ попалъ въ Москву и получилъ мѣсто подъячаго въ приказѣ Новой Четверти, куда стекались доходы отъ кабаковъ и кружечныхъ дворовъ. Тутъ онъ втянулся въ пьянство и игру, и учинилъ растрату казенныхъ денегъ. Опасаясь доноса отъ жены, съ которой жилъ не въ ладахъ, Тимофей отнесъ своего маленькаго сына къ одному пріятелю; а жену ночью заперъ и поджогъ свой домъ, который вмѣстѣ съ нею сгорѣлъ; при чемъ пострадали и сосѣдніе дома. Злодѣй бѣжалъ въ Польшу. Онъ склонилъ къ побѣгу и другого молодого подъячаго, Конюхова. Тамъ онъ сталъ выдавать себя то за какого-то князя или намѣстника Великопермскаго, то за сына царя Василія Шуйскаго. Очевидно, въ Польшѣ ему не повезло, и онъ бѣжалъ оттуда въ Молдавію; господарь Василій Лупулъ отослалъ его въ Константинополь, гдѣ его приняли и помѣстили во дворцѣ у великаго визиря. Въ Москвѣ получили свѣдѣнія о семъ ловкомъ обманщикѣ отъ греческаго духовенства, и очень обезпокоились. Московскіе послы, стольникъ Телепнёвъ и дьякъ Кузовлевъ, потребовали его выдачи; но ничего не могли добиться, и тѣмъ болѣе, что Донскіе казаки въ то время сдѣлали морской набѣгъ на турецкіе берега.

Тимошка межъ тѣмъ двукратно пытался убѣжать изъ Константинополя; оба раза пойманный, онъ, чтобы избавиться отъ казни, обѣщалъ принять исламъ и былъ обрѣзанъ. Ловкій самозванецъ, однако, успѣлъ скрыться изъ Константинополя. Онъ побывалъ въ Римѣ, гдѣ принялъ католичество, чтобы пріобрѣсти покровительство папы и іезуитовъ. Потомъ былъ въ Венеціи и въ Трансильваніи; въ 1650 г. пробрался въ Малую Россію, и сумѣлъ заинтересовать въ своей судьбѣ гетмана Хмѣльницкаго. Пограничные путивльскіе воеводы, князь Прозоровскій и Чемодановъ, по порученію изъ Москвы, завели сношенія съ Акиндиновымъ при посредствѣ двухъ путивльскихъ торговыхъ людей, и пытались склонить его къ возвращенію на родину, обнадеживая царскимъ милосердіемъ. Хитрый самозванецъ отвѣчалъ имъ и дѣлалъ видъ, что не прочь послѣдовать ихъ совѣту; посылалъ съ нѣкимъ гречиномъ грамоту и патріарху Іосифу, прося его ходатайствовать за

него передъ царемъ; но упорно стоялъ на томъ, что онъ сынъ (или внукъ) Вас. Ив. Шуйскаго, и что только по несчастнымъ обстоятельствамъ нѣкоторое время служилъ въ подъячихъ. Хмѣльницкій изъ Чигирина отправилъ Тимошку въ лубенскій Мгарскій монастырь, поручивъ монахамъ его беречь и кормить. Московскій посолъ Пушкинъ въ Варшавѣ выхлопоталъ у короля Яна Казиміра посылку королевскаго дворянина съ грамотою о поимкѣ и выдачѣ самозванца къ кіевскому воеводѣ Адаму Киселю и малороссійскому гетману Хмѣльницкому. Но эта посылка ни къ чему не повела. Хмѣльницкій, недовольный Москвою за отказъ въ помощи противъ Поляковъ, не желалъ исполнить ея требованія; отъ настояній же московскихъ агентовъ отдѣлывался разными отговорками, напримѣръ тѣмъ, что безъ согласія старшины и всего войска не можетъ сего сдѣлать, а что, получивъ согласіе, пришлетъ самозванца въ Москву. Или вдругъ отвѣчалъ, что ему неизвѣстно, гдѣ находится искомое лицо. Наконецъ, онъ какъ бы согласился и выдалъ московскому дворянину Протасьеву поимочный листъ. Но, по всей вѣроятности, онъ же далъ возможность вору своевременно бѣжать изъ Малороссіи. Въ слѣдующемъ 1651 году Акиндиновъ, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Конюховымъ, очутился въ Швеціи, гдѣ представилъ королевѣ Христинѣ какія-то грамоты отъ седмиградскаго князя Ракочи, былъ милостиво принятъ и одаренъ. Тутъ онъ обратился въ лютеранство. Въ Стокгольмѣ увидали его русскіе купцы и дали знать московскому гонцу Головину о человѣкѣ, называвшемъ себя княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ. По примѣтамъ (темнорусый, лицо продолговатое, нижняя губа немного отвисла) догадались, что это Акиндиновъ. Когда Головинъ пріѣхалъ въ Москву, отсюда немедля отправили въ Стокгольмъ другого гонца съ просьбой о выдачѣ Тимошки и Конюхова.

Воръ успѣлъ уже изъ Стокгольма уѣхать въ Колывань, т.-е. Ревель. Тутъ нѣкоторые русскіе торговые люди добились было отъ магистрата разрѣшенія на поимку Тимошки, котораго и схватили. Но губернаторъ, графъ Эрикъ Оксенширнъ, отобралъ его и посадилъ подъ стражу въ крѣпости; склоняясь на убѣжденія Тимошки, онъ сказалъ Русскимъ, что безъ особаго указа королевы его не отдастъ. Въ то же время Костька Конюховъ, остававшійся еще въ Стокгольмѣ, былъ тамъ схваченъ московскимъ гонцомъ; но такъ же отобранъ у него и временно посаженъ въ тюрьму, а потомъ ушелъ къ Тимошкѣ въ Ревель. Тогда изъ Москвы посылаются усиленныя просьбы къ королевѣ Христинѣ объ отдачѣ воровъ, на основаніи договорныхъ статей о взаимной выдачѣ измѣнниковъ и перебѣжчиковъ, и съ приведеніемъ всѣхъ доказательствъ, что у Шуйскихъ никакого мужского потомства не осталось и

что именующій себя его внукомъ есть доподлинно бѣглый подъячій и преступникъ Тимошка Акиндиновъ. Наконецъ, добились отъ королевы указа о выдачѣ обоихъ воровъ. Но ревельскій губернаторъ и тутъ поступилъ коварно: Тимошкѣ дана была возможность скрыться, и московскому дворянину Челищеву съ товарищами выданъ одинъ Конюховъ; да и того нѣсколько шведскихъ солдатъ едва не отбили назадъ, когда его повезли изъ города.

Убѣжавъ изъ Ливоніи (въ 1652 г.), Тимошка пробрался въ Бельгію, представился герцогу брабантскому Леопольду; потомъ побывалъ въ Саксоніи, и наконецъ появился въ Голштинскомъ герцогствѣ. Но тутъ его схватилъ одинъ русскій гость-иноземецъ, нарочно отправленный на поиски съ царскою грамотою къ нѣмецкимъ владѣтельнымъ лицамъ. По просьбѣ сего гостя (поддержанной именитымъ купцомъ изъ Любека), Тимошку привезли въ столицу герцогства Готторпъ и посадили подъ стражу. Изъ Москвы начали скакать гонцы съ убѣдительными царскими грамотами къ шлезвигъ-голштинскому герцогу Фридриху: въ нихъ снова излагалось дѣло о самозванцѣ и повторялись настоятельныя просьбы о его выдачѣ. Для очной ставки и улики вора присланъ былъ его товарищъ по службѣ въ Новой Четверти, у котораго онъ передъ своимъ бѣгствомъ выманилъ женино дорогое жемчужное ожерелье. Тимошка продолжалъ стоять на своемъ мнимомъ происхожденіи и довольно ловко увертывался отъ разныхъ уликъ. Во время десятилѣтнихъ странствованій, при своихъ острыхъ способностяхъ, онъ успѣлъ выучиться языкамъ латинскому, италъянскому, турецкому, нѣмецкому, пересталъ носить бороду, вообще усвоилъ себѣ манеры и видъ человѣка, совсѣмъ не похожаго на русскаго подъячаго. (Въ Литвѣ, по свидѣтельству Конюхова, онъ даже читалъ звѣздочетныя книги и сталъ держаться астрологическаго ученія). Предъявленныя ему царскія грамоты онъ смѣло объявилъ подложными, потому что не подписаны не только царемъ, но и никакимъ бояриномъ. Онъ разсчитывалъ, конечно, на незнаніе русскихъ обычаевъ въ Голштиніи. Но здѣсь оказались свѣдущіе люди (главнымъ образомъ, извѣстный уже намъ Адамъ Олеарій), которые хорошо знали, что подпись царя на грамотахъ, обыкновенно, замѣнялась приложеніемъ большой печати. Такимъ образомъ всѣ его хитрости были обнаружены. Однако, разсчетливый герцогъ не даромъ согласился выдать вора; эта выдача стоила Москвѣ большихъ денегъ; кромѣ того, она возвратила герцогу документы 1634 года, относящіеся къ персидской торговлѣ.

Тимошка съ отчаянія хотѣлъ лишить себя жизни, и по дорогѣ въ морскую пристань Травемюнде бросился было изъ повозки внизъ

головой подъ колесо, но неудачно. Всю дорогу до Москвы за нимъ строго смотрѣли и мѣшали всякой подобной попыткѣ. Въ Москвѣ, конечно, послѣдовали допросы съ жестокими пытками, а также при очныхъ ставкахъ съ бывшими товарищами и собственной матерью. Наконецъ, воръ повинился. Затѣмъ совершилась всенародная казнь, посредствомъ четвертованія (въ концѣ 1653 г.). При этой казни присутствовалъ и товарищъ его Конюховъ, которому за чистосердечное признаніе и раскаяніе дарована была жизнь, но съ лишеніемъ трехъ большихъ пальцевъ за клятвопреступленіе. По ходатайству патріарха, отрублены были три пальца на лѣвой рукѣ, а не на правой, которыми православный человѣкъ изображаетъ крестное знаменіе. Послѣ чего онъ былъ сосланъ въ Сибирь. (4).

II.

БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Служба и домовитость Богдана. Столкновеніе съ Чаплинскимъ. Бѣгство въ Запорожье. Дипломатія Хмѣльницкаго и приготовленія къ возстанію. Тугайбей и крымская помощь. Оплошность польскихъ гетмановъ и переходъ реестровыхъ. Побѣды Желтоводская и Корсунская Распространеніе возстанія по всей Украйнѣ. Польское безкоролевье. Князь Еремія Вишневецкій. Три польскіе регментаря и ихъ пораженіе подъ Пилявцами. Отступленіе Богдана отъ Львова и Замостья. Общее движеніе народа въ ряды войска и умноженіе реестровыхъ полковъ. Разорительность татарской помощи. Новый король. Адамъ Кисель и перемиріе. Народный ропотъ. Осада Збаража и Зборовскій трактатъ. Обоюдное противъ него неудовольствіе. Негласное подчиненіе Богдана Султану. Возобновленіе войны. Пораженіе подъ Берестечкомъ и Бѣлоцерковскій договоръ. Женитьба Тимофея Хмѣльницкаго и его гибель въ Молдавіи. Измѣна Исламъ-Гирея и Жванецкій договоръ.

Прошло почти десять лѣтъ со времени пораженія на Усть-Старцѣ. Злополучная Украйна изнывала подъ двойнымъ гнетомъ, польскимъ и еврейскимъ. Польскіе замки и шляхетскія усадьбы множились и процвѣтали даровымъ трудомъ и потомъ Малорусскаго народа. Но мертвенная тишина, господствовавшая въ краѣ, и наружная покорность сего народа обманули кичливыхъ пановъ и легкомысленную шляхту. Ненависть къ инороднымъ и иновѣрнымъ угнетателямъ и страстная жажда освобожденія отъ нихъ росли въ народныхъ сердцахъ. Почва для новаго, болѣе страшнаго, возстанія была готова. Недоставало только искры, чтобы произвести огромный, всеразрушающій пожаръ; недоставало только человѣка, чтобы поднять весь народъ и увлечь его за собою. Наконецъ, такой человѣкъ явился въ лицѣ нашего стараго знакомаго, Богдана Хмѣльницкаго.

Какъ и нерѣдко бываетъ въ исторіи, личная обида, личные счеты вызвали его на рѣшительныя дѣйствія, которыя послужили началомъ великихъ событій; ибо глубоко затронули чреватую почву народныхъ думъ и стремленій.

Зиновій или Богданъ принадлежалъ къ родовитой казацкой семьѣ и былъ сыномъ чигиринскаго сотника Михаила Хмѣльницкаго. По нѣ-

которымъ даннымъ, даровитый юноша съ успѣхомъ обучался въ львовскихъ или въ кіевскихъ школахъ, такъ что впослѣдствіи выдавался не только своимъ умомъ, но и образованіемъ среди реестровыхъ казаковъ. Вмѣстѣ съ отцомъ Богданъ участвовалъ въ Цецорской битвѣ, гдѣ отецъ палъ, а сынъ увлеченъ въ татарско-турецкій плѣнъ. Два года пробылъ онъ въ этомъ плѣну, пока успѣлъ освободиться (или выкупиться); тамъ онъ могъ близко ознакомиться съ татарскими обычаями и языкомъ и даже завести дружественныя отношенія съ нѣкоторыми знатными лицами. Все это весьма пригодилось ему впослѣдствіи. Въ эпоху предшествующихъ казацкихъ возстаній онъ въ качествѣ реестроваго вѣрно служилъ Рѣчи Посполитой противъ своихъ сородичей. Нѣкоторое время онъ занималъ должность войскового писаря; а въ эпоху замиренія является такимъ же чигиринскимъ сотникомъ, какимъ былъ его отецъ. Отъ сего послѣдняго онъ наслѣдовалъ и довольно значительное помѣстье, расположенное надъ рѣкою Тясминомъ верстахъ въ пяти отъ Чигирина. Михаилъ Хмѣльницкій заложилъ здѣсь слободу Суботово. Онъ получилъ это помѣстье за свои военныя заслуги, пользуясь расположеніемъ къ нему великаго короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго, старосты Чигиринскаго. Говорятъ, что гетманъ сдѣлалъ Михаила даже своимъ подстаростой. Но это гетманское расположеніе не перешло отъ отца къ сыну. Зато Богданъ былъ не только извѣстенъ самому королю Владиславу, но и удостоенъ отъ него довѣрія и почета.

Около того времени Венеціанская республика, тѣснимая Турками въ своей морской торговлѣ и своихъ Средиземныхъ владѣніяхъ, задумала вооружить противъ нихъ большую европейскую лигу, и обратилась къ Польской Рѣчи Посполитой. Венеціанскій посолъ Тьеполо, поддержанный папскимъ нунціемъ, усердно возбуждалъ Владислава IV къ заключенію союза противъ Турокъ и Крымскихъ татаръ, и указывалъ ему на возможность привлечь къ сему союзу также Московскаго царя, господарей Молдавіи и Валахіи. Рѣшительная борьба съ Оттоманской имперіей давно уже составляла завѣтную мечту войнолюбиваго польскаго короля; но что онъ могъ предпринять безъ согласія сената и сейма? А ни вельможи, ни шляхта рѣшительно не желали обременять себя какими-либо жертвами ради этой трудной борьбы и лишать себя столь дорогого имъ покоя. Изъ вельможъ король успѣлъ, однако, склонить на свою сторону короннаго канцлера Оссолинскаго и короннаго гетмана Конецпольскаго. Съ Тьеполо заключенъ былъ тайный договоръ, по которому Венеція обязалась платить на военныя издержки по 500.000 талеровъ въ теченіе двухъ лѣтъ; начались военныя приготовленія и наемъ жолнеровъ подъ предлогомъ необходимыхъ мѣръ противъ крымскихъ набѣ-

говъ. Задумали пустить казаковъ изъ Днѣпра въ Черное море; на чемъ особенно настаивалъ Тьеполо, разсчитывая отвлечь морскія силы Турокъ, собиравшихся отнять у Венеціанъ островъ Критъ. Но посреди сихъ переговоровъ и приготовленій въ мартѣ 1646 года внезапно умеръ коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій, спустя двѣ недѣли послѣ (а злые языки говорили, вслѣдствіе) своего брака, въ который онъ на старости лѣтъ вступилъ съ юною княжною Любомірскою. Съ нимъ король лишался главной опоры задуманнаго предпріятія; однако, не вдругъ отъ него отказался, и продолжалъ военныя приготовленія. Кромѣ венеціанской субсидіи, на нихъ пошла часть изъ приданаго второй супруги Владислава, французской принцессы Маріи Людовики Гонзага, на которой онъ женился въ предыдущемъ 1645 году. При посредствѣ довѣренныхъ лицъ король вошелъ въ тайные переговоры съ нѣкоторыми членами казацкой старшины, главнымъ образомъ съ черкасскимъ полковникомъ Барабашемъ и чигиринскимъ сотникомъ Хмѣльницкимъ, которымъ вручена была извѣстная сумма денегъ и письменный привилей на построеніе большого количества лодокъ для казацкаго черноморскаго похода.

Межъ тѣмъ намѣренія и приготовленія короля, разумѣется, не долго оставались тайными, и возбудили сильную оппозицію среди сенаторовъ и шляхты. Во главѣ этой оппозиціи явились такіе вліятельные вельможи, какъ литовскій канцлеръ Альбрехтъ Радивилъ, коронный маршалъ Лука Опалинскій, воевода русскій Еремія Вишневецкій, воевода краковскій Стан. Любомірскій, каштелянъ краковскій Яковъ Собѣскій. Польный коронный гетманъ Николай Потоцкій, теперь преемникъ Конецпольскаго, также оказался на сторонѣ оппозиціи. Самъ канцлеръ Оссолинскій уступилъ бурнымъ выраженіямъ недовольныхъ, уже обвинявшихъ короля въ намѣреніи присвоить себѣ абсолютную власть съ помощью наемныхъ войскъ. Въ виду такого отпора, король не нашелъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ торжественно и письменно отвергнуть свои воинственные замыслы и распустить часть собранныхъ отрядовъ. А Варшавскій сеймъ, бывшій въ концѣ 1646 года, пошелъ далѣе, и постановилъ не только полное распущеніе нанятыхъ отрядовъ, но и уменьшеніе самой королевской гвардіи, а также удаленіе отъ короля всѣхъ иностранцевъ.

При такихъ-то политическихъ обстоятельствахъ Богданъ Хмѣльницкій порвалъ свои связи съ Рѣчью Посполитою и выступилъ во главѣ новаго казацкаго возстанія. Эта эпоха его жизни въ значительной степени сдѣлалась достояніемъ легенды, и трудно возстановить ея историческія подробности. Поэтому можемъ прослѣдить ее только въ общихъ, наиболѣе достовѣрныхъ чертахъ.

По всѣмъ признакамъ, Богданъ былъ не только храбрый, расторопный казакъ, но и домовитый хозяинъ. Помѣстье свое Суботово онъ успѣлъ привести въ цвѣтущій видъ и населить его оброчнымъ людомъ. Кромѣ того, онъ выхлопоталъ у короля еще сосѣдній степной участокъ, лежавшій за рѣкой, гдѣ устроилъ пасѣки, гумна и завелъ хуторъ, повидимому, названный Суботовкой. У него былъ свой домъ и въ городѣ Чигиринѣ. Но пребывалъ онъ преимущественно въ Суботовѣ. Здѣсь гостепріимный дворъ его, наполненный челядью, скотомъ, хлѣбомъ и всякими запасами, представлялъ образецъ зажиточнаго украинскаго хозяйства. А самъ Богданъ, будучи уже вдовъ, имѣя двухъ юныхъ сыновей, Тимофея и Юрія, очевидно, пользовался въ своей округѣ почетомъ и уваженіемъ какъ по своему имущественному положенію, такъ еще болѣе по своему уму, образованію и какъ человѣкъ опытный, бывалый. Реестровая казацкая старшина того времени уже успѣла настолько выдѣлиться изъ среды Малорусскаго народа, что замѣтно старалась примыкать къ привилегированному сословію Рѣчи Посполитой, т.-е. къ панско-шляхетскому, которому подражала и въ языкѣ, и въ образѣ жизни, и во владѣльческихъ отношеніяхъ къ посполитству или простонародью. Таковъ былъ и Хмѣльницкій, и если честолюбіе его далеко не было удовлетворено, то развѣ потому, что онъ, несмотря на свои заслуги, все еще не получилъ ни полковничьяго, ни даже подстаростинскаго уряда, по нерасположенію къ нему ближайшихъ польскихъ властей. Именно это-то нерасположеніе и вызвало роковое столкновеніе.

По смерти короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго Чигиринское староство перешло къ его сыну Александру, коронному хорунжему. Послѣдній оставилъ своимъ управляющимъ или подстаростою нѣкоего шляхтича, вызваннаго изъ в. княжества Литовскаго, по имени Данiила Чаплинскаго. Этотъ Чаплинскій отличался дерзкимъ характеромъ и страстью къ наживѣ, къ хищеніямъ, но былъ человѣкъ ловкій и умѣлъ угождать старому гетману, а еще болѣе его молодому наслѣднику. Онъ былъ ярый католикъ, ненавистникъ православія, и позволялъ себѣ издѣваться надъ священниками. Враждебный вообще казачеству, онъ особенно не взлюбилъ Хмѣльницкаго, потому ли, что завидовалъ его имущественному положенію и общественному почету или потому, что между ними возникло соперничество по отношенію къ дѣвушкѣ-сиротѣ, которая воспитывалась въ семьѣ Богдана. Возможно допустить и то, и другое. Чигиринскій подстароста началъ всѣми способами притѣснять чигиринскаго сотника, и объявилъ притязаніе на его Суботовское помѣстье или, по крайней мѣрѣ, на извѣстную часть, при чемъ выманилъ у него коронный привилей на это помѣстье, и не возвратилъ. Однажды, въ

отсутствіе Хмѣльницкаго, Чаплинскій сдѣлалъ наѣздъ на Суботово, сжегъ скирды съ хлѣбомъ и похитилъ помянутую дѣвушку, которую сдѣлалъ своею женою. Въ другой разъ онъ въ Чигиринѣ схватилъ старшаго Богданова сына, подростка Тимофея, и велѣлъ жестоко высѣчь его розгами публично на рынкѣ. Потомъ схватилъ самого Богдана, нѣсколько дней держалъ его въ заключеніи и освободилъ только по просьбѣ своей жены. Не разъ производились покушенія и на самую его жизнь. Напримѣръ, однажды на походѣ противъ Татаръ какой-то клевретъ подстаросты заѣхалъ Хмѣльницкому въ тылъ и ударилъ его по головѣ саблею, но желѣзная шапка охранила его отъ смерти; а злодѣй извинился тѣмъ, что принялъ его за татарина.

Тщетно Хмѣльницкій обращался съ жалобами и къ старостѣ Конецпольскому, и къ начальнику реестровыхъ или польскому комиссару Шембергу, и къ коронному гетману Потоцкому: никакой управы на Чаплинскаго онъ не находилъ. Наконецъ, Богданъ поѣхалъ въ Варшаву и обратился къ самому королю Владиславу, отъ котораго уже имѣлъ извѣстное порученіе относительно Черноморскаго похода на Турокъ. Но и король, по своей ничтожной власти, не могъ избавить Хмѣльницкаго и вообще казачество отъ панскихъ обидъ; говорятъ, будто бы, въ своемъ раздраженіи противъ вельможъ, онъ указалъ ему на саблю, напомнивъ, что казаки сами воины. Впрочемъ, помянутое порученіе, не сохранившееся въ тайнѣ, вѣроятно, еще болѣе побудило нѣкоторыхъ пановъ принять сторону Чаплинскаго въ его спорѣ съ Хмѣльницкимъ за владѣніе Суботовымъ. Чаплинскій, повидимому, сумѣлъ выставить послѣдняго человѣкомъ опаснымъ для Поляковъ и что-то противъ нихъ замышляющимъ. Не удивительно поэтому, что коронный гетманъ Потоцкій и хорунжій Конецпольскій приказали чигиринскому полковнику Кречовскому взять Хмѣльницкаго подъ стражу. Пріязненный сему послѣднему, полковникъ упросилъ потомъ дать ему нѣкоторую свободу за своей порукой. Богданъ ясно видѣлъ, что означенные паны не оставятъ его въ покоѣ, пока не доконаютъ; а потому, воспользовавшись этой свободой, рѣшился на отчаянный шагъ: уйти въ Запорожье и оттуда поднять новое возстаніе. Чтобы не явиться къ Запорожцамъ съ пустыми руками, онъ, прежде нежели покинуть свое гнѣздо, съ помощью хитрости завладѣлъ, нѣкоторыми королевскими грамотами или привилеями (въ томъ числѣ грамотой о построеніи лодокъ для Черноморскаго похода), хранившимися у черкасскаго полковника Барабаша. Разсказываютъ, будто на праздникъ Св. Николы, 6 декабря 1647 года, Богданъ зазвалъ къ себѣ въ Чигиринъ названнаго сейчасъ пріятеля и кума своего, напоилъ его и уложилъ спать; у соннаго взялъ шапку и хустку

или платокъ (по другой версіи, ключъ отъ скрыни) и послалъ гонца въ Черкаскъ къ женѣ полковника съ приказаніемъ отъ имени мужа достать означенные привилеи и вручить посланному. Поутру, прежде нежели Барабашъ проснулся, грамоты были уже въ рукахъ Богдана. Затѣмъ, не теряя времени, онъ съ сыномъ Тимофеемъ, съ нѣкоторымъ числомъ преданныхъ ему реестровыхъ казаковъ и съ нѣсколькими челядинцами поскакалъ прямо въ Запорожье.

Сдѣлавъ около 200 верстъ по степнымъ путямъ, Богданъ присталъ сначала на островѣ Буцкѣ или Томаковкѣ. Находившіеся здѣсь казаки принадлежали къ тѣмъ, которые нѣсколько лѣтъ назадъ подъ начальствомъ атамана Линчая возмутились противъ Барабаша и прочей реестровой старшины за ея излишнее себялюбіе и угодливость Полякамъ. Въ усмиреніи этого мятежа принималъ участіе и Хмѣльницкій. Линчаевцы хотя и не отказали ему въ гостепріимствѣ, но отнеслись къ нему подозрительно. Кромѣ того, на Томаковкѣ стояла залога или очередная стража отъ реестроваго Корсунскаго полка. Поэтому Богданъ вскорѣ удалился въ самую Сѣчь, которая тогда расположена была нѣсколько ниже по Днѣпру на мысу или такъ наз. Никитиномъ Рогѣ. По обычаю, въ зимнее время въ Сѣчи для ея охраны оставалось небольшое число Запорожцевъ, съ кошевымъ атаманомъ и старшиною; а прочіе разошлись по своимъ степнымъ хуторамъ и зимовникамъ. Осторожный, предусмотрительный Богданъ не спѣшилъ объявлять сѣчевикамъ о цѣли своего прибытія, а ограничился пока таинственными совѣщаніями съ кошевымъ и старшиной, постепенно посвящая ихъ въ свои планы и пріобрѣтая ихъ сочувствіе.

Бѣгство Богдана, конечно, не могло не вызвать нѣкоторой тревоги на его родинѣ среди польско-казацкаго начальства. Но онъ искусно постарался, насколько возможно, разсѣять его опасенія и отклонить до поры до времени принятіе какихъ-либо энергическихъ мѣръ. Съ сею цѣлью, опытный въ письменномъ дѣлѣ, Богданъ отправилъ цѣлый рядъ посланій или «листовъ» къ разнымъ лицамъ съ объясненіемъ своего поведенія и своихъ намѣреній, а именно къ полковнику Барабашу, польскому коммиссару Шембергу, коронному гетману Потоцкому и чигиринскому старостѣ коронному хорунжему Конецпольскому. Въ этихъ листахъ онъ съ особою горечью останавливается на обидахъ и грабежахъ Чаплинскаго, заставившаго его искать спасенія въ бѣгствѣ; при чемъ свои личныя обиды связываетъ съ общими притѣсненіями Украинскому народу и православію, съ нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, утвержденныхъ королевскими привилеями. Въ заключеніе своихъ листовъ онъ увѣдомляетъ о скоромъ отправленіи отъ войска Запорожскаго къ

его королевскому величеству и ясновельможнымъ панамъ-сенаторамъ особаго посольства, которое будетъ ходатайствовать о новомъ подтвержденіи и лучшемъ исполненіи означенныхъ привилеевъ. О какихъ-либо угрозахъ возмездіемъ нѣтъ и помину. Напротивъ, это человѣкъ несчастный и гонимый, смиренно взывающій къ правосудію. Такая тактика, по всѣмъ признакамъ, въ значительной степени достигла своей цѣли и даже польскіе шпіоны, проникавшіе въ самое Запорожье, пока ничего не могли сообщить своимъ патронамъ о замыслахъ Хмѣльницкаго. Впрочемъ, Богданъ еще не могъ знать или предвидѣть, какой оборотъ приметъ его дѣло и какую поддержку найдетъ онъ въ Русскомъ народѣ; а потому уже по чувству самосохраненія долженъ былъ пока имѣть видъ смиренія и преданности Рѣчи Посполитой. Итакъ, уже съ первыхъ шаговъ онъ показалъ, что не будетъ простымъ повтореніемъ Тарасовъ, Павлюковъ, Острениновъ и тому подобныхъ простодушныхъ, безхитростныхъ политиковъ, появлявшихся во главѣ неудачныхъ украинскихъ мятежей. Наученный ихъ примѣромъ, онъ воспользовался наступившимъ зимнимъ временемъ, чтобы къ веснѣ приготовить и народную почву, и союзниковъ для борьбы съ Польшею.

Работая надъ возбужденіемъ умовъ въ Украинскомъ народѣ при посредствѣ своихъ пріятелей и запорожскихъ посланцевъ, Богданъ, однако, не полагался на однихъ украинцевъ; а въ то же время обратился и за внѣшнею помощію туда, куда не разъ обращались и его предшественники, но безъ успѣха, именно въ Крымскую орду. И тутъ онъ принялся за дѣло опытной и умѣлой рукой; при чемъ воспользовался своимъ личнымъ знаніемъ Орды, ея обычаевъ и порядковъ, а также пріобрѣтенными въ ней когда-то знакомствами и вообще современными политическими обстоятельствами. Но не вдругъ наладилось дѣло и съ этой стороны. На ханскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Исламъ-Гирей (1644—1654), одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ крымскихъ хановъ. Когда то находившійся въ польскомъ плѣну, онъ имѣлъ возможность ближе знать положеніе Рѣчи Посполитой и отношенія къ ней казачества. Исламъ-Гирей, хотя и питалъ неудовольстіе противъ короля Владислава, не хотѣвшаго платить ему обычныхъ поминковъ, хотя и былъ освѣдомленъ Хмѣльницкимъ о бывшемъ намѣреніи короля послать казаковъ противъ Татаръ и Турокъ; однако, въ началѣ переговоровъ онъ не придалъ большаго значенія замысламъ и просьбамъ дотолѣ малоизвѣстнаго чигиринскаго сотника; притомъ онъ не могъ предпринять войну съ Польшею, не получивъ предварительно согласія турецкаго султана; а Польша находилась тогда въ мирѣ съ Портою. Одно время Богданъ считалъ свое положеніе настолько труднымъ, что думалъ оставить Запо-

рожье и съ близкими людьми искать убѣжища среди Донскихъ казаковъ. Но любовь къ родинѣ и начавшійся притокъ подобныхъ ему бѣглецовъ изъ Украйны на Запорожье удержали его, и заставили, прежде нежели бѣжать на Донъ, попытать счастія въ открытомъ военномъ предпріятіи.

Для разобщенія Украйны съ Запорожьемъ, какъ мы знаемъ, при началѣ пороговъ была построена крѣпость Кодакъ и занята польскимъ гарнизономъ; а за порогами, для непосредственнаго наблюденія за сѣчевиками, реестровые полки по очереди держали стражу. На ту пору, какъ сказано выше, эта стража была выставлена Корсунскимъ полкомъ; она находилась на крупномъ днѣпровскомъ островѣ Буцкѣ или Томаковкѣ, лежавшемъ верстъ на 18 выше Никитина Рогу, гдѣ тогда располагалась Сѣчь. Около Хмѣльницкаго успѣло собраться до пяти сотъ украинскихъ бѣглецовъ или гультяевъ, готовыхъ идти за нимъ всюду, куда онъ поведетъ. Въ концѣ января или началѣ февраля 1648 года Богданъ, конечно не безъ соглашенія съ Запорожскою старшиною, и вѣроятно, не безъ помощи съ ея стороны людьми и оружіемъ, со своими отчаянными гультяями внезапно напалъ на корсунцевъ, прогналъ ихъ съ Томаковки, и сталъ здѣсь укрѣпленнымъ лагеремъ. Этотъ первый рѣшительный и открытый ударъ отозвался далекимъ эхомъ по Украйнѣ: съ одной стороны, онъ возбудилъ волненіе и смѣлыя ожиданія въ сердцахъ угнетеннаго Малорусскаго народа; а съ другой—вызвалъ большую тревогу среди польскихъ насельниковъ, пановъ и шляхты, въ особенности когда сдѣлалось извѣстно, что многочисленные посланцы изъ Запорожья отъ Хмѣльницкаго разсѣялись по украинскимъ селамъ, чтобы возбуждать народъ къ мятежу и вербовать новыхъ охотниковъ подъ знамена Богдана. Побуждаемый усильными просьбами встревоженныхъ украинскихъ пановъ и державцевъ, коронный гетманъ Николай Потоцкій собралъ свое кварцяное войско и принялъ довольно внушительныя мѣры предосторожности. Такъ, онъ издалъ суровый универсалъ, воспрещавшій всякія сношенія съ Хмѣльницкимъ и грозившій смертію оставшихся дома женъ и дѣтей и лишеніемъ имущества тѣмъ молодцамъ, которые вздумаютъ бѣжать къ Хмѣльницкому; для перехватыванія такихъ бѣглецовъ разставлена была стража по дорогамъ, ведущимъ въ Запорожье; паны-землевладѣльцы получили приглашеніе вооружить только надежные замки, а изъ ненадежныхъ напротивъ вывезти пушки и снаряды, далѣе усилить и держать въ готовности надворныя хоругви, чтобы присоединить ихъ къ коронному войску, а у своихъ хлоповъ отобрать оружіе. Въ силу этого распоряженія въ обширныхъ имѣніяхъ одного только князя Ереміи Вишневецкаго было ото-

брано нѣсколько тысячъ самопаловъ. Однако, можно полагать, что еще большее количество хлопамъ удалось припрятать. Эти мѣры, во всякомъ случаѣ, указываютъ, что Полякамъ приходилось теперь имѣть дѣло уже не съ прежнею мирною и почти безоружною Русскою деревнею, а съ народомъ, жаждавшимъ освобожденія и навыкшимъ къ употребленію огнестрѣльнаго оружія. Означенныя мѣры на первое время подѣйствовали. Украинскіе крестьяне продолжали сохранять наружное спокойствіе и смиреніе передъ панами, и пока только немногіе головорѣзы, люди бездомные или которымъ нечего было терять, продолжали уходить на Запорожье.

Дружина Хмѣльницкаго въ то время, повидимому насчитывала болѣе полуторы тысячъ человѣкъ; а потому онъ усердно занимался возведеніемъ укрѣпленій вокругъ своего лагеря на Томаковкѣ, углубляя рвы и набивая частоколы; копилъ съѣстные припасы и устроилъ даже пороховой заводъ. Гетманъ Потоцкій не ограничился принятіемъ мѣръ на Украйнѣ: не отвѣчавшій прежде на скорбныя посланія Хмѣльницкаго, онъ теперь самъ обратился къ Богдану и не одинъ разъ посылалъ къ нему, предлагая спокойно воротиться на родину и обѣщая полное помилованіе. Богданъ ничего не отвѣчалъ и даже задержалъ посланцевъ. Потоцкій отправилъ для переговоровъ ротмистра Хмѣлецкого: послѣдній давалъ свое честное слово, что и волосъ не упадетъ съ головы Богдана, если онъ покинетъ мятежъ. Но Хмѣльницкій хорошо зналъ, чего стоитъ польское слово, и на сей разъ отпустилъ посланцевъ, предъявляя чрезъ нихъ свои условія примиренія, которымъ, впрочемъ, онъ придавалъ видъ челобитія: во-первыхъ, чтобы гетманъ съ коронным̃ъ войскомъ вышелъ изъ Украйны; во-вторыхъ, удалилъ бы польскихъ полковниковъ съ ихъ товарищами изъ казацкихъ полковъ; въ-третьихъ, чтобы казакамъ были возвращены ихъ права и вольности. Этотъ отвѣтъ заставляетъ догадываться, что Хмѣльницкій, задерживая прежнихъ посланцевъ, старался выиграть время, а что теперь при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ заговорилъ болѣе рѣшительнымъ тономъ. Дѣло въ томъ, что въ это время, именно въ половинѣ марта, къ нему уже подошла татарская помощь.

Первый успѣхъ Хмѣльницкаго, т.-е изгнаніе реестровой залоги и захватъ острова Томаковки, не замедлилъ отозваться въ Крыму. Ханъ сдѣлался доступнѣе его посланцамъ, а переговоры о помощи оживились. (По нѣкоторымъ не совсѣмъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, Богданъ будтобы въ это время самъ успѣлъ съѣздить въ Крымъ и лично поладить съ ханомъ). По всей вѣроятности, и со стороны Константинополя не послѣдовало запрещенія, когда тамъ узнали о стараніяхъ короля Влади-

слава и нѣкоторыхъ вельможъ вооружить казацкія чайки и бросить ихъ на турецкіе берега. Впрочемъ, около того времени на Султанскомъ престолѣ явился семилѣтній Магометъ IV, и его малолѣтствомъ искусно воспользовался Исламъ Гирей, и безъ того державшійся по отношенію къ Портѣ болѣе самостоятельной политики, чѣмъ его предшественники. Этотъ ханъ былъ въ особенности склоненъ къ набѣгамъ на сосѣднія земли для доставленія добычи своимъ Татарамъ, среди которыхъ поэтому пользовался любовью и преданностью. Хмѣльницкій ловко затронулъ сію слабую струну. Онъ подстрекнулъ Татаръ обѣщаніемъ отдавать имъ весь будущій польскій полонъ. Переговоры закончились тѣмъ, что Хмѣльницкій отправилъ къ хану заложникомъ своего юнаго сына Тимофея и присягнулъ на вѣрность союзу съ Ордою (а можетъ быть и нѣкоторому ей подчиненію). Исламъ Гирей, однако, выжидалъ событій, и пока не трогался самъ съ своей ордой, а къ веснѣ двинулъ на помощь Хмѣльницкому его стараго пріятеля ближайшаго къ Запорожью перекопскаго мурзу Тугай-бея съ 4000 Ногаевъ. Часть этихъ Татаръ Богданъ поспѣшилъ переправить на правый берегъ Днѣпра, гдѣ они не замедлили схватить или прогнать польскія сторожи и тѣмъ открыть пути для украинскихъ бѣглецовъ въ Запорожье.

Кошевой атаманъ въ то же время, по соглашенію съ Хмѣльницкимъ, стянулъ въ Сѣчь Запорожцевъ изъ ихъ зимовниковъ съ береговъ Днѣпра, Буга, Самары, Конки и пр. Собралось войско конное и пѣшее, числомъ тысячъ до десяти. Когда сюда же прибылъ и Богданъ съ нѣсколькими послами изъ орды Тугай-бея, то выстрѣлами изъ пушекъ съ вечера было возвѣщено, чтобы на слѣдующій день войско собралось на раду. 19 апрѣля рано поутру снова раздались пушечные выстрѣлы, затѣмъ ударили въ котлы; народу собралось столько, что всѣ не могли помѣститься на сѣчевомъ майданѣ; а потому вышли за валы крѣпости на сосѣднее поле, и тамъ открыли раду. Тутъ старшина, объявивъ войску о началѣ войны съ Поляками за причиненныя ими обиды и притѣсненія, сообщила о дѣйствіяхъ и планахъ Хмѣльницкаго и заключенномъ имъ союзѣ съ Крымомъ. Вѣроятно, тутъ же Хмѣльницкій предъявилъ казакамъ похищенные имъ королевскіе привилеи, которыхъ паны не хотѣли исполнять и даже скрывали ихъ. Крайне возбужденная всѣми этими извѣстіями и заранѣе къ тому подготовленая, рада единодушно выкрикнула избраніе Хмѣльницкаго старшимъ всего войска Запорожскаго. Кошевой тотчасъ послалъ войскового писаря съ нѣсколькими куренными атаманами и знатнымъ товариществомъ въ войсковую скорбницу за гетманскими клейнотами. Принесли златописанную хоругвь, бунчукъ съ позолоченною галкою, серебряную булаву, серебряную войсковую печать

и мѣдные котлы съ довбошемъ, и вручили ихъ Хмѣльницкому. Закончивъ раду, старшина и часть казачества пошли въ сѣчевую церковь, отслушали литургію и благодарственный молебенъ. Потомъ произведена пальба изъ пушекъ и мушкетовъ; послѣ чего казаки разошлись по куренямъ на обѣдъ; а Хмѣльницкій съ своею свитою обѣдалъ у кошевого. Отдохнувъ послѣ обѣда, онъ и старшина собрались на совѣтъ къ кошевому, и тутъ порѣшили одной части войска выступить съ Богданомъ въ походъ на Украйну, а другой разойтись опять по своимъ рыбнымъ и звѣринымъ промысламъ, но быть наготовѣ, чтобы выступить по первому требованію. Старшина разсчитывала, что какъ скоро Богданъ прибудетъ на Украйну, то къ нему пристанутъ городовые казаки и войско его весьма умножится. (5).

Этотъ разсчетъ хорошо понимали польскіе предводители, и коронный гетманъ, въ концѣ марта считавшій, что у Хмѣльницкаго было до 3000, писалъ королю: «сохрани Богъ, чтобы онъ вошелъ съ ними въ Украйну; тогда бы эти три тысячи быстро возрасли до 100.000, и что бы мы стали дѣлать съ бунтовщиками?» Согласно съ симъ опасеніемъ, онъ ждалъ только весны, чтобы двинуться изъ Украйны въ Запорожье и тамъ подавить возстаніе въ самомъ его зародышѣ; а между прочимъ для отвлеченія Запорожья совѣтовалъ осуществить старую идею: дозволить имъ морскіе набѣги. Но такіе совѣты теперь уже запоздали. Самъ Потоцкій стоялъ со своимъ полкомъ въ Черкасахъ, а польный гетманъ Калиновскій со своимъ въ Корсуни; остальное коронное войско располагалось въ Каневѣ, Богуславѣ и другихъ ближнихъ мѣстахъ правобережной Украйны.

Но между польскими предводителями и панами не было согласія уже въ самомъ планѣ дѣйствія.

Знакомый намъ, западнорусскій православный вельможа Адамъ Кисель, воевода Брацлавскій совѣтовалъ Потоцкому не ходить за пороги, чтобы разыскивать тамъ бунтовщика, а лучше приласкать всѣхъ казаковъ и ублажить ихъ разными послабленіями и льготами; совѣтовалъ не раздроблять малочисленное коронное войско на отряды, снестись съ Крымомъ и Очаковымъ и т. п. Въ томъ же смыслѣ онъ писалъ и королю. Владиславъ IV пребывалъ тогда въ Вильнѣ и отсюда слѣдилъ за началомъ казацкаго движенія, получая разнообразныя донесенія. Коронный гетманъ сообщилъ свой планъ идти на Хмѣльницкаго двумя отдѣлами: однимъ степью, а другой Днѣпромъ. По зрѣломъ размышленіи, король согласился съ мнѣніемъ Киселя и послалъ приказъ не

дѣлить войско и пока подождать съ походомъ. Но было поздно: упрямый и самонадѣянный Потоцкій уже двинулъ впередъ оба отряда.

Благодаря татарскимъ карауламъ, прекратились донесенія польскихъ шпіоновъ о томъ, что дѣлалось въ Запорожьѣ, и Потоцкій не зналъ ни о встрѣчномъ движеніи Хмѣльницкаго, ни о соединеніи его съ Тугайбеемъ. Предпріятію Богдана помогли не только его личный умъ и опытность при благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ; но, несомнѣнно, на его сторонѣ въ эту эпоху оказалась и значительная доля слѣпого счастія. Главный непріятельскій вождь, т.-е. коронный гетманъ, какъ будто бы задался мыслію всѣми зависящими отъ себя средствами облегчить Хмѣльницкому успѣхъ и побѣду. Такъ хорошо онъ распорядился находившимися въ его рукахъ военными силами! Около обоихъ гетмановъ собрались прекрасно вооруженные кварцяные полки, надворныя панскія хоругви и реестровое казачество—всего не менѣе 15.000 по тому времени отборнаго войска, которое въ искусныхъ рукахъ могло бы раздавить какихъ-нибудь четыре тысячи Богдановыхъ гультяевъ и Запорожцевъ, хотя бы и подкрѣпленныхъ такимъ же количествомъ Ногаевъ. Но съ пренебреженіемъ относясь къ силамъ противника и не слушая возраженій своего товарища Калиновскаго, Потоцкій думалъ предпринять простую военную прогулку и, ради удобствъ похода, принялся дробить свое войско. Онъ отдѣлилъ шесть тысячъ и послалъ ихъ впередъ, вручивъ предводительство сыну своему Стефану, конечно, предоставляя ему случай отличиться и заранѣе заслужить гетманскую булаву, а въ товарищи ему далъ казацкаго коммиссара Шемберга. Большинство этого передового отряда какъ бы нарочно составлено было изъ реестровыхъ казацкихъ полковъ; хотя при семъ ихъ вновь привели къ присягѣ на вѣрность Рѣчи Посполитой, но было большимъ легкомысліемъ довѣрять имъ первую встрѣчу съ возмутившимися ихъ сородичами. Мало того, и самый передовой отрядъ подраздѣленъ на двѣ части: около 4.000 реестровыхъ казаковъ съ нѣкоторымъ количествомъ наемныхъ Нѣмцевъ посажены на байдаки или рѣчныя суда, и Днѣпромъ изъ Черкасъ отправлены подъ Кодакъ съ малыми пушками и съ запасами боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ; а другая часть, до 2.000 гусарской и драгунской конницы, съ молодымъ Потоцкимъ пошла степной дорогой также къ Кодаку, подъ которымъ эти двѣ части должны были соединиться. Сія вторая часть должна была слѣдовать невдалекѣ отъ Днѣпровскаго берега и постоянно сохранять связь съ рѣчной флотиліей. Но эта связь скоро утратилась: конница двигалась не спѣша съ роздыхами; а флотилія, уносимая теченіемъ, ушла далеко впередъ.

Тѣ же татарскіе разъѣзды, которые прекратили Полякамъ вѣсти съ Запорожья, наоборотъ, помогли Богдану отъ перехваченныхъ и пытанныхъ шпіоновъ во-время узнать о походѣ гетмановъ и раздѣленіи ихъ войска на отряды. Онъ оставилъ пока въ сторонѣ крѣпость Кодакъ съ ея четырехсотеннымъ гарнизономъ, и также двигался по правобережью Днѣпра навстрѣчу Стефану Потоцкому. Само собой разумѣется, онъ незамедлилъ воспользоваться обособленной флотиліей реестровыхъ, и выслалъ расторопныхъ людей, которые вошли съ ними въ сношенія, и горячо убѣждали ихъ стать заодно на защиту своего угнетеннаго народа и своихъ попраныхъ казацкихъ правъ противъ угнетателей. Реестровыми полками въ то время, какъ извѣстно, начальствовали нелюбимые полковники изъ Поляковъ или столь же нелюбимые Украинцы, державшіе сторону Ляховъ, каковы Барбашъ, бывшій въ этой флотиліи за старшаго, и Ильяшъ, отправлявшій здѣсь должность войскового эсаула По странной неосторожности Потоцкаго, въ числѣ старшины находился и Кречовскій, лишенный Чигиринскаго полка послѣ бѣгства Хмѣльницкаго и, разумѣется, легко склонившійся теперь на его сторону. Убѣжденія, а въ особенности видъ Татарской орды, пришедшей на помощь, подѣйствовали. Реестровые возмутились, и перебили наемныхъ Нѣмцевъ и своихъ начальниковъ, въ томъ числѣ Барабаша и Ильяша. Послѣ того, съ помощью своихъ судовъ они переправили на правый берегъ остальныхъ Татаръ Тугай бея; а сіи послѣдніе съ помощью своихъ коней помогли имъ немедля присоединиться къ лагерю Хмѣльницкаго; туда же доставлены были съ судовъ пушки, съѣстные и боевые припасы.

Такимъ образомъ, когда Стефанъ Потоцкій столкнулся съ Хмѣльницкимъ, онъ со своими 2.000 очутился противъ 10 или 12 тысячъ непріятелей. Но и симъ не ограничилась перемѣна въ числахъ. Бывшіе въ сухопутномъ отрядѣ реестровые казаки и драгуны, набранные изъ Украинцевъ, не замедлили перейти къ Хмѣльницкому. Съ Потоцкимъ остались только польскія хоругви, заключавшія менѣе одной тысячи человѣкъ. Встрѣча произошла на болотистыхъ берегахъ Желтыхъ водъ, лѣваго притока Ингульца. Несмотря на малочисленность своей дружины, молодой Потоцкій и его товарищи не потеряли мужества; они окружили себя таборомъ изъ возовъ, быстро возвели шанцы или окопы, выставили на нихъ пушки и предприняли отчаянную оборону въ надеждѣ на выручку со стороны главнаго войска, куда отправили гонца съ извѣстіемъ. Но гонецъ этотъ, перехваченный татарскими наѣздниками, былъ издали показанъ Полякамъ, для того, чтобы они оставили всякую надежду на помощь. Нѣсколько дней они храбро защищались; недостатокъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ заставилъ ихъ склониться на

переговоры. Хмѣльницкій предварительно потребовалъ выдачи пушекъ и заложниковъ; Потоцкій согласился тѣмъ легче, что безъ пороху пушки были уже безполезны. Переговоры, однако, кончились ничѣмъ, и сраженіе возобновилось. Сильно тѣснимые Поляки вздумали начать отступленіе, и таборомъ двинулись черезъ балку Княжіе Байраки; но тутъ попали въ самую неудобную мѣстность, были окружены казаками и Татарами и послѣ отчаянной обороны частью истреблены, частью забраны въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились: самъ Стефанъ Потоцкій, который вскорѣ умеръ отъ ранъ, комиссаръ казацкій Шембергъ, Янъ Сапѣга, гусарскій полковникъ знаменитый впослѣдствіи Стефанъ Чарнецкій, не менѣе извѣстный потомъ Янъ Выговскій и нѣкоторые другіе представители польскаго и западнорусскаго рыцарства. Погромъ этотъ совершился приблизительно 5 мая.

Когда горсть польскихъ жолнеровъ гибла въ неравномъ бою, гетманы съ главнымъ войскомъ безпечно стояли недалеко отъ Чигирина, и значительную часть времени проводили въ попойкахъ и банкетахъ; ихъ огромный обозъ изобиловалъ бочками съ медомъ и виномъ. Соединившіеся съ ними украинскіе паны щеголяли другъ передъ другомъ не только роскошью своего оружія и сбруи, но также обиліемъ всякихъ запасовъ, дорогой посуды и множествомъ тунеядной прислуги. Льстецы-прихлѣбатели старались острить насчетъ жалкихъ гультяевъ, которыхъ-де, по всей вѣроятности, передовой отрядъ уже разгромилъ и, обремененный добычей, теперь тѣшится ловами въ степяхъ, не спѣша съ посылкой извѣстій. Однако, это довольно продолжительное отсутствіе извѣстій отъ сына начинало безпокоить стараго Потоцкаго. Ходили уже какіе то тревожные слухи; но имъ пока не вѣрили. Вдругъ къ нему прискакалъ гонецъ отъ Гродзицкаго, коменданта Кодацкой крѣпости, съ письмомъ, увѣдомлявшимъ о соединеніи Татаръ съ казаками, объ измѣнѣ рѣчнаго отдѣла и переходѣ реестровыхъ на сторону Хмѣльницкаго; въ заключеніе онъ конечно просилъ подкрѣпленія своему гарнизону. Эти вѣсти какъ громомъ поразили гетмана; отъ обычной своей надменности и самоувѣренности онъ тотчасъ перешелъ къ малодушному отчаянію за судьбу сына. Но вмѣсто того, чтобы спѣшить къ нему на помощь, пока еще было время и еще держалась горсть храбрыхъ, онъ началъ писать къ королю черезъ канцлера Оссолинскаго, изображая отчизну въ крайней опасности отъ соединенія Орды съ казачествомъ и умоляя спѣшить съ посполитымъ рушенемъ; иначе погибла Рѣчь Посполитая! А затѣмъ онъ двинулся въ обратный походъ къ Черкасамъ, и только тутъ настигли его немногіе бѣглецы, спасшіеся отъ Желтоводскаго погрома. Гетманы поспѣшно отступили далѣе, къ срединѣ польскихъ вла-

дѣній, и въ раздумьи остановились на берегахъ Роси, около города Корсуня. Здѣсь они окопались, имѣя до 7.000 хорошаго войска, и ожидали на помощь къ себѣ князя Еремію Вишневецкаго съ его шеститысячнымъ отрядомъ.

Хмѣльницкій и Тугай бей оставались три дня на мѣстѣ своей Желтоводской побѣды, приготовляясь къ дальнѣйшему походу и устраивая свою рать, которая значительно увеличилась вновь прибывавшими Татарами и украинскими повстанцами. Затѣмъ они поспѣшили слѣдомъ за отступавшими гетманами, и въ половинѣ мая явились передъ Корсунемъ. Первыя нападенія на укрѣпленный польскій лагерь были встрѣчены частой пушечной пальбой, отъ которой нападавшіе понесли значительныя потери. Польскіе наѣздники захватили въ плѣнъ нѣсколько Татаръ и одного казака. Гетманъ велѣлъ ихъ допросить подъ пыткою о числѣ непріятелей. Казакъ увѣрялъ, что однихъ украинцевъ пришло 15000, а Татаръ идутъ все новыя и новыя десятки тысячъ. Легковѣрный и легкомысленный Потоцкій пришелъ въ ужасъ при мысли, что непріятель окружитъ его со всѣхъ сторонъ, подвергнетъ осадѣ и доведетъ до голода; а тутъ еще кто-то увѣдомилъ его, что казаки хотятъ спустить Рось и отнять воду у Поляковъ, для чего уже начали работы. Гетманъ совсѣмъ потерялъ голову и рѣшилъ покинуть свои окопы. Напрасно товарищъ его Калиновскій настаивалъ, чтобы на слѣдующій день дать рѣшительную битву. Потоцкій ни за что не соглашался на такой рискованный шагъ, и тѣмъ болѣе, что слѣдующій день приходился на понедѣльникъ. На возраженія Калиновскаго онъ крикнулъ: «я здѣсь плебанъ, и въ моемъ приходѣ викарій долженъ передо мной молчать!» Войску приказано оставить тяжелые возы, а взять только легкіе для табора, по извѣстному количеству на каждую хоругвь. Во вторникъ раннимъ утромъ войско выступило изъ лагеря и двинулось въ походъ къ Богуславу таборомъ, устроеннымъ въ 8 рядовъ съ пушками, пѣхотою и драгунами въ переднихъ и заднихъ рядахъ и съ панцерною или гусарскою конницею по бокамъ. Но двигалось оно вообще тяжело и нестройно, плохо предводительствуемое. Великій коронный гетманъ, страдавшій подагрою, по обыкновенію ѣхалъ полупьяный въ каретѣ; а польнаго гетмана мало слушались; притомъ онъ не владѣлъ хорошимъ зрѣніемъ и былъ близорукъ. На Богуславъ вели двѣ дороги, одна полями, прямая и открытая, другая лѣсами и холмами, окольная. И тутъ Потоцкій сдѣлалъ самый неудачный выборъ: онъ велѣлъ идти послѣднею дорогою, какъ болѣе защищенною отъ непріятелей. Среди короннаго войска оставалось еще нѣкоторое количество реестровыхъ казаковъ, которымъ гетманъ продолжалъ довѣрять несмотря на событія, и даже изъ нихъ

были выбраны проводники для сей окольной дороги. Эти казаки уже наканунѣ дали знать Хмѣльницкому о предстоящемъ на завтра походѣ и его направленіи. А онъ не замедлилъ принять свои мѣры. Часть казацкаго и татарскаго войска скрытно въ ту же ночь поспѣшила занять нѣкоторыя мѣста по сей дорогѣ, устроить тамъ засады, засѣки, накопать рвы и насыпать валы. Казаки обратили особое вниманіе на такъ называемую Крутую Балку, которую перекопали поперекъ глубокимъ рвомъ съ шанцами.

Какъ только таборъ вступилъ въ лѣсную мѣстность, съ обѣихъ сторонъ ударили на него казаки и Татары, осыпая пулями и стрѣлами. Нѣсколько сотъ остававшихся у Поляковъ реестровыхъ казаковъ и украинскихъ драгунъ воспользовались первымъ замѣшательствомъ, чтобы перейти въ ряды нападающихъ.

Таборъ кое какъ еще двигался и оборонялся, пока не подошелъ къ Крутой Балкѣ. Тутъ онъ не могъ преодолѣть широкаго и глубокаго рва. Спустившіеся въ долину передніе воза остановились, а задніе съ горы продолжали быстро на нихъ надвигать. Произошла страшная сумятица. Казаки и Татары со всѣхъ сторонъ принялись штурмовать этотъ таборъ, и наконецъ совершенно его разорвали и разгромили. Истребленіе Поляковъ было облегчено тѣмъ же сумасброднымъ гетманомъ, который строго приказалъ рыцарству сойти съ коней и обороняться въ необычномъ для него пѣшемъ строю. Спаслись только тѣ, которые не послушали сего приказа, да нѣкоторое число служителей, которые вели господскихъ коней и воспользовались ими для бѣгства. Весь таборъ и множество плѣнныхъ сдѣлались добычею побѣдителей. Въ числѣ послѣднихъ оказались оба гетмана; изъ наиболѣе видныхъ пановъ ихъ участь раздѣлили: каштелянъ черниговскій Янъ Одживольскій, начальникъ артиллеріи Денгофъ, молодой Сѣнявскій, Хмѣлецкій и т. д. По заранѣе сдѣланному условію, казаки довольствовались добычею изъ дорогой утвари, оружія, сбруи, всякихъ уборовъ и запасовъ; коней и вообще скотъ дѣлили пополамъ съ Татарами; а ясырь или плѣнники всѣ отданы въ руки Татарамъ и уведены невольниками въ Крымъ, гдѣ состоятельные должны были ждать выкупу, въ точно опредѣленной для каждаго суммѣ. Корсунскій погромъ послѣдовалъ спустя около 10 дней послѣ Желтоводскаго.

Произошло то, чего такъ боялись польскіе гетманы и украинскіе паны: возстаніе стало быстро распространяться по Украйнѣ. Два пораженія лучшаго польскаго войска, Желтоводское и Корсунское, и плѣнъ обоихъ гетмановъ произвели ошеломляющее впечатлѣніе. Когда Украинскій народъ воочію убѣдился, что врагъ совсѣмъ не такъ могуще-

ственъ, какъ до того времени казалось, тогда глубоко затаенная въ народныхъ сердцахъ жажда мести и свободы воспрянула съ необычайной силой и скоро полилась черезъ край; повсюду началась жестокая кровавая расправа возставшей украинской черни со шляхтою и жидовствомъ, которыя не успѣвали спасаться въ хорошо укрѣпленные города и замки. Въ лагерь Хмѣльницкаго стали со всѣхъ сторонъ стекаться убѣгавшіе отъ пановъ хлопы и записываться въ казаки. Богданъ, передвинувшій свой обозъ отъ Корсуня вверхъ по Роси, въ Бѣлую Церковь, очутился во главѣ многочисленнаго войска, которое онъ принялся устраивать и вооружать съ помощію отбитыхъ у Поляковъ оружія, пушекъ и снарядовъ. Принявъ титулъ гетмана войска Запорожскаго, онъ, кромѣ бывшихъ шести полковъ реестровыхъ, сталъ уряжать новые полки; назначалъ собственною властію полковниковъ, эсауловъ и сотниковъ. Отсюда же онъ разсылалъ по Украйнѣ своихъ посланцевъ и универсалы, призывавшіе Русскій народъ соединиться и единодушно подняться противъ своихъ угнетателей, Поляковъ и Жидовъ, но не противъ короля, который будто бы самъ благопріятствуетъ казакамъ.

Новый казацкій гетманъ очевидно былъ застигнутъ врасплохъ неожиданною удачею и пока неясно сознавалъ свои дальнѣйшія цѣли; притомъ, какъ человѣкъ опытный и пожилой, не довѣрялъ постоянству счастія, еще менѣе постоянству своихъ хищныхъ союзниковъ Татаръ, и опасался вызвать на борьбу съ собой всѣ силы и средства Рѣчи Посполитой, съ которыми былъ знакомъ довольно хорошо. Поэтому неудивительными являются его дальнѣйшія дипломатичныя попытки ослабить впечатлѣніе событій въ глазахъ польскаго короля и польской знати и предупредить общее противъ себя ополченіе или «посполитое рушене». Изъ Бѣлой Церкви онъ написалъ королю Владиславу почтительное посланіе, въ которомъ объяснялъ свои дѣйствія все тѣми же причинами и обстоятельствами, т. е. нестерпимыми притѣсненіями отъ польскихъ пановъ и урядниковъ, смиренно испрашивалъ у короля прощенія, обѣщалъ впредь вѣрно служить ему и умолялъ возвратить войску Запорожскому его старые права и привилеи. Отсюда можно заключить, что онъ еще не думалъ порывать связь Украйны съ Рѣчью Посполитой. Но это посланіе уже не застало короля въ живыхъ. Неукротимая сеймовая оппозиція, неудачи и огорченія послѣднихъ лѣтъ очень вредно отозвались на здоровьѣ Владислава, еще недостигшаго старости. Особенно угнетающимъ образомъ подѣйствовала на него потеря семилѣтняго нѣжно любимаго сына Сигизмунда, въ которомъ онъ видѣлъ своего преемника. Начало украинскаго мятежа, поднятаго Хмѣльницкимъ, немало встревожило короля. Изъ Вильны онъ полубольной поѣхалъ со

своимъ дворомъ въ Варшаву; но дорогою усилившаяся болѣзнь задержала его въ мѣстечкѣ Меречи, гдѣ онъ и скончался, 10 мая, слѣдовательно недоживъ до Корсунскаго пораженія; не знаемъ, успѣлъ ли онъ получить извѣстіе о Желтоводскомъ погромѣ. Эта неожиданная кончина такого короля, какимъ былъ Владиславъ, являлась новымъ и едва ли не самымъ счастливымъ для Хмѣльницкаго обстоятельствамъ. Въ Польшѣ наступила эпоха безкоролевья со всѣми ея безпокойствами и неурядицами; государство въ это время было наименѣе способно къ энергичному подавленію украинскаго возстанія.

Не ограничиваясь посланіемъ къ королю, плодовитый на письма Хмѣльницкій въ то же время обратился съ подобными примирительными посланіями къ князю Доминику Заславскому, къ князю Ереміи Вишневецскому и нѣкоторымъ другимъ панамъ. Суровѣе всѣхъ отнесся къ его посланцамъ князь Вишневецкій. Онъ собирался идти на помощь гетманамъ, когда узналъ объ ихъ пораженіи подъ Корсунемъ. Вмѣсто всякаго отвѣта Хмѣльницкому князь велѣлъ казнить его посланцевъ; а вслѣдъ за тѣмъ, видя свои огромныя лѣвобережскія владѣнія охваченными мятежомъ, покинулъ свою резиденцію Лубны съ 6000 собственнаго хорошо вооруженнаго войска, направился въ Кіевское Полѣсье, и подъ Любечемъ переправился на правую сторону Днѣпра. Въ Кіевщинѣ и на Волыни у него также были обширныя владѣнія, и тутъ онъ началъ энергичную борьбу съ Украинскимъ народомъ, призывая подъ свои знамена польскую шляхту, изгнанную изъ ея украинскихъ помѣстій. Жестокостями своими онъ превзошелъ возставшихъ, безъ пощады истребляя огнемъ и мечомъ всѣ попадавшія въ его руки селенія и жителей. Хмѣльницкій, отправляя въ разныя стороны отряды для поддержки Украинцевъ, выслалъ противъ Вишневецкаго одного изъ наиболѣе предпріимчивыхъ полковниковъ своихъ, Максима Кривоноса, и нѣкоторое время эти два противника боролись съ перемѣннымъ счастьемъ, соперничая другъ съ другомъ въ разореніи городовъ и замковъ Подоліи и Волыни. Въ иныхъ мѣстахъ тѣхъ же областей, а также въ Кіевщинѣ, Брацлавщинѣ, Полѣсьѣ и Литвѣ дѣйствовали болѣе или менѣе удачно полковники Кречовскій, Ганжа, Сангирей, Остапъ, Голота и др. Многіе города и замки перешли въ руки казаковъ, благодаря содѣйствію православной части ихъ населенія. Въ эту эпоху и преславутая крѣпость Кодакъ попала въ руки казаковъ; для добыванія его посланъ былъ Нѣжинскій полкъ.

Отправленные Хмѣльницкимъ посланцы съ письмомъ въ королю и изложеніемъ казацкихъ жалобъ, за кончиною сего послѣдняго, должны

были представить это письмо и жалобы сенату или панамъ-радѣ, во главѣ которыхъ во время безкоролевья обыкновенно находился примасъ, т. е. архіепископъ Гнѣзненскій, имѣвшій на это время значеніе королевскаго намѣстника. На ту пору примасомъ былъ престарѣлый Матвѣй Лубенскій. Сенаторы, собравшіеся въ Варшавѣ на сеймъ конвокаційный, не спѣшили отвѣтомъ и, желая выиграть время до избранія новаго короля, вступили въ переговоры съ Хмѣльницкимъ; для чего назначили особую комиссію съ извѣстнымъ Адамомъ Киселемъ во главѣ. Снаряжаясь въ казачій лагерь, Кисель немедленно вступилъ въ переговоры съ Богданомъ, отправилъ къ нему свои велерѣчивыя посланія и убѣждалъ его воротиться съ повинной въ лоно ихъ общей матери отчизны, т. е. Рѣчи Посполитой. Хмѣльницкій не уступалъ ему въ искусствѣ писать смиренныя, ласковыя, но безсодержательныя посланія. Условились однако во время переговоровъ соблюдать родъ перемирія, но оно не осуществилось. Князь Еремія Вишневецкій не обращалъ на него никакого вниманія и продолжалъ военныя дѣйствія; отрядъ его войска въ глазахъ Киселя напалъ на Острогъ, занятый казаками. Вишневецкій попрежнему свирѣпствуетъ, вѣшаетъ, сажаетъ на колъ украинцевъ. Кривоносъ беретъ городъ Баръ; другіе казацкіе отряды захватываютъ Луцкъ, Клевань, Олыку и пр. Казаки и поспольство въ свою очередь свирѣпствуютъ противъ шляхты, при чемъ шляхтянокъ берутъ себѣ въ жены, и въ особенности безпощадно вырѣзываютъ Жидовъ. Чтобы спасти жизнь, многіе Жиды принимали христіанство, но большею частію притворно, и, бѣжавъ въ Польшу, тамъ возвращались къ вѣрѣ отцовъ. Лѣтописцы говорятъ, будто въ это время вообще въ Украйнѣ не осталось ни одного жида. Точно такъ же и шляхта, покидая свои имѣнія, бросилась спасаться съ женами и дѣтьми въ глубь Польши; а тѣ, кои попадали въ руки возставшихъ хлоповъ, безпощадно подвергались избіенію.

Между тѣмъ сенатъ принималъ кое-какія мѣры дипломатическія и военныя. Онъ принялся писать ноты въ Крымъ, Константинополь, господарямъ Волошскому и Молдавскому, пограничнымъ московскимъ воеводамъ, склоняя всѣхъ къ миру или къ помощи Рѣчи Посполитой и обвиняя во всемъ измѣнника и мятежника Хмѣльницкаго. Въ то же время было предписано панамъ съ ихъ вооруженными отрядами собираться въ Глинянахъ, недалеко отъ Львова. Такъ какъ оба гетмана были въ плѣну, то предстояло назначить имъ преемниковъ или замѣстителей. Общій голосъ шляхты указывалъ прежде всего на воеводу Русскаго, князя Еремію Вишневецкаго; но своимъ надменнымъ, жосткимъ и сварливымъ характеромъ онъ нажилъ себѣ многихъ противниковъ среди знатныхъ

пановъ; въ ихъ числѣ былъ коронный канцлеръ Оссолинскій. Сенатъ прибѣгъ къ необычайной мѣрѣ: вмѣсто двухъ гетмановъ онъ назначилъ войску трехъ начальниковъ или региментарей; а именно: воеводу сендомірскаго князя Доминика Заславскаго, короннаго подчашаго Остророга и короннаго хорунжаго Александра Конецпольскаго. Этотъ неудачный тріумвиратъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и остротъ. Казаки дали его членамъ такія прозванія: князя Заславскаго назвали «периной» за его ласковый, мягкій правъ и богаство, Остророга—«латиной» за умѣнье много говорить по-латынѣ, а Конецпольскаго—«дѣтиной» по причинѣ его молодости и отсутствія талантовъ. Вишневецкій назначенъ былъ только однимъ изъ военныхъ комиссаровъ, приданныхъ въ помощь тремъ регимштарямъ. Гордый воевода невдругъ примирился съ такими назначеніями и нѣкоторое время съ своимъ войскомъ держался особо. Къ нему примкнула и часть пановъ со своими надворными хоругвями и повѣтовымъ ополченіемъ; другая часть соединилась съ регимнтарями. Оба войска наконецъ сошлись вмѣстѣ, и тогда образовалась сила въ 30—40.000 однихъ хорошо устроенныхъ жолнеровъ, не считая большого количества вооруженной обозовой челяди. Польскіе паны собрались на эту войну съ большою пышностію: они явились въ дорогихъ нарядахъ и богатомъ вооруженіи, со множествомъ слугъ и возовъ, обильно нагруженныхъ съѣстными и питейными припасами и столовою утварью. Въ лагерѣ у нихъ происходили пиры и попойки; самоувѣренность и безпечность ихъ сильно возрасли при видѣ столь многочисленнаго собравшагося войска.

Хмѣльницкаго упрекаютъ въ томъ, что онъ потерялъ много времени въ Бѣлой Церкви, не воспользовался своими побѣдами, и послѣ Корсуня не поспѣшилъ въ глубь почти беззащитной тогда Польши, чтобы тамъ рѣшительнымъ ударомъ закончить войну. Но едва ли такое обвиненіе вполнѣ основательно. Казацкому вождю предстояло организовать войско и уладить всякія внутреннія и внѣшнія дѣла на Украйнѣ; а побѣдоносное его шествіе могли замедлить встрѣчныя большія крѣпости. Притомъ обращенія Поляковъ въ Крымъ и Константинополь не остались безплодными. Султанъ пока колебался принять сторону мятежника и сдерживалъ хана отъ дальнѣйшей помощи Хмѣльницкому. Московское правительство хотя и сочувственно относилось къ его возстанію, но косо смотрѣло на его союзъ съ басурманами. Впрочемъ, оно не давало и помощи противъ Крымцевъ, которую Поляки требовали на основаніи послѣдняго договора, заключеннаго А. Киселемъ, а выставило только наблюдательное войско близъ границъ. Искусные переговоры Хмѣльницкаго съ Константинополемъ и Бахчисараемъ однако мало-по-малу привели

къ тому, что ханъ, получивъ согласіе султана, снова двинулъ орду на помощь казакамъ, и на сей разъ въ гораздо большемъ числѣ. Въ ожиданіи этой помощи Хмѣльницкій снова выступилъ въ походъ, направился къ Константинову и взялъ этотъ городъ. Но, узнавъ о близости непріятельскаго войска и не имѣя еще подъ рукою Татаръ, онъ отступилъ, и сталъ обозомъ подъ Пилявцами. Поляки отобрали назадъ Константиновъ и здѣсь расположились укрѣпительнымъ лагеремъ. Среди военачальниковъ пошли частыя совѣщанія и споры о томъ, оставаться ли на семъ удобномъ для обороны мѣстѣ или наступать далѣе. Болѣе осторожные, въ томъ числѣ и Вишневецкій, совѣтовали остаться и нейти къ Пилявцамъ, въ мѣстность очень пересѣченную и болотистую, лежащую у верховьевъ Случи. Но противники ихъ превозмогли, и рѣшено было наступать далѣе. Польское многоначаліе и неспособный тріумвиратъ не мало благопріятствовали дѣлу Хмѣльницкаго.

Подъ Пилявцами польское войско стало обозомъ недалеко отъ казацкаго въ тѣсномъ и неудобномъ мѣстѣ. Начались ежедневныя стычки и отдѣльныя нападенія; региментари, зная, что Орда еще не пришла, все собирались ударить всѣми силами на укрѣпленный казацкій лагерь и небольшую Пилявецкую крѣпость, которую они презрительно называли «курникомъ», но все какъ-то медлили; а Хмѣльницкій также уклонялся отъ рѣшительнаго сраженія, въ ожиданіи Орды. Со свойственною ему находчивостію онъ прибѣгъ къ хитрости. 21 сентября (нов. стиля) въ понедѣльникъ, по заходѣ солнца къ нему подошелъ пока трехтысячный передовой татарскій отрядъ; а ханъ долженъ былъ явиться еще дня черезъ три. Хмѣльницкій встрѣтилъ отрядъ съ пушечной пальбой и большимъ шумомъ, продолжавшимися цѣлую ночь, какъ будто прибылъ самъ ханъ съ Ордою; что поселило уже тревогу въ польскомъ станѣ. На слѣдующій день противъ Поляковъ высыпали многочисленныя толпы Татаръ съ крикомъ «Аллахъ! Аллахъ!» Завязавшіяся отдѣльныя стычки скоро, благодаря подкрѣпленіямъ съ той и другой стороны, превратились въ большое сраженіе; оно было неудачно для Поляковъ, вожди которыхъ явно оробѣли и плохо поддерживали другъ друга. Они были такъ мало освѣдомлены, что приняли за ордынцевъ переодѣтую въ татарскія лохмотья казацкую голоту, которая вмѣстѣ съ Татарами призывала на помощь Аллаха. А казацкіе полки Хмѣльницкій поощрялъ своимъ обычнымъ кликомъ: «За вѣру, молодцы, за вѣру!» Сбитые съ поля и убѣдясь въ невыгодѣ своего мѣстоположенія, Поляки упали духомъ. Региментари, комиссары и главные полковники по окончаніи боя, не сходя съ коней, учинили военную раду. Рѣшено отступать таборомъ къ Константинову, чтобы занять болѣе удобное положеніе, и дано приказаніе

въ ночь изготовить таборъ, т.-е. установить воза въ извѣстномъ порядкѣ. Но нѣкоторые знатные паны, съ самимъ княземъ Доминикомъ во главѣ, дрожавшіе за свой дорогой скарбъ, потихоньку подъ покровомъ ночи отправили его впередъ, а за нимъ послѣдовали и сами. Уже одно передвиженіе возовъ для табора въ ночной темнотѣ произвело не малый безпорядокъ; а когда распространилась вѣсть, что начальники утекаютъ и покидаютъ войско на жертву Татарской ордѣ, имъ овладѣла страшная паника; послышался лозунгъ «спасайся кто можетъ!» Цѣлыя хоругви бросались на коней и предавались отчаянной скачкѣ. Самые храбрые, въ томъ числѣ Еремія Вишневецкій, были увлечены общимъ потокомъ и позорно бѣжали, чтобы не попасть въ татарскій плѣнъ.

Поутру въ середу 23 сентября казаки нашли польскій лагерь опустѣвшимъ и сначала не вѣрили своимъ глазамъ, опасаясь засады. Убѣдясь въ дѣйствительности, они усердно принялись выгружать наполненные всякимъ добромъ польскіе возы. Никогда ни прежде ни послѣ не доставалась имъ такъ легко и такая огромная добыча. Однихъ возовъ, окованныхъ желѣзомъ, именуемыхъ «скарбники», оказалось нѣсколько тысячъ. Въ лагерѣ нашли и гетманскую булаву, позолоченную и украшенную дорогими камнями. Послѣ Корсуня и Пилявицъ казаки ходили въ богатыхъ польскихъ уборахъ; а золотыхъ, серебряныхъ вещей и посуды они набрали столько, что за дешевую цѣну продавали ихъ кіевскимъ и другимъ ближнимъ купцамъ цѣлые вороха. Любостяжательный Хмѣльницкій, конечно, взялъ себѣ львиную долю изъ сей добычи. Послѣ Желтыхъ водъ и Корсуня, занявъ снова свое Суботовское помѣстье и Чигиринскій дворъ, онъ теперь отправилъ туда, какъ говорятъ, нѣсколько бочекъ, наполненныхъ серебромъ, часть которыхъ велѣлъ закопать въ потаенныхъ мѣстахъ. Но еще важнѣе богатства было то высокое значеніе, которое троекратный побѣдитель Поляковъ получилъ теперь въ глазахъ не только своего народа, но и всѣхъ сосѣдей. Когда на третій день послѣ бѣгства Поляковъ подъ Пилявцы прибыла Орда съ калгой-султаномъ и Тугай-беемъ, казалось, что Польшѣ было не подъ силу болѣе бороться съ могущественнымъ казацкимъ гетманомъ. У нея не было готоваго войска, и дорога въ самое сердце ея, т.-е. въ Варшаву, была открыта. Хмѣльницкій вмѣстѣ съ Татарами дѣйствительно двинулся въ ту сторону; но по дорогѣ къ столицѣ надлежало овладѣть двумя крѣпкими пунктами, Львовымъ и Замостьемъ.

Одинъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ городовъ Рѣчи Посполитой, Львовъ въ то же время былъ хорошо укрѣпленъ, снабженъ достаточнымъ количествомъ пушекъ и снарядовъ; а гарнизонъ его подкрѣпился частью польскихъ бѣглецовъ изъ-подъ Пилявицъ. Но тщетно львовскія

городскія власти умоляли Еремію Вишневецкаго принять у нихъ начальство; собравшаяся около него шляхта даже провозглашала его великимъ коронным гетманомъ. Онъ помогъ только устроить оборону и затѣмъ уѣхалъ; а предводительство здѣсь вручено было искусному въ военномъ дѣлѣ Христофору Гродзицкому. Населеніе Львова, состоявшее изъ католиковъ, уніатовъ, Армянъ, Жидовъ и православныхъ Русиновъ, вооружилось, собрало большія денежныя суммы на военныя издержки и довольно единодушно рѣшило защищаться до послѣдней крайности. Сами православные принуждены были скрывать свое сочувствіе дѣлу казаковъ и помогать оборонѣ въ виду рѣшительнаго преобладанія и одушевленія католиковъ. Скоро показались полчища татарскія и казацкія; они ворвались въ предмѣстья и начали осаду города и верхняго замка. Но граждане мужественно защищались, и осада затянулась. Простоявъ здѣсь болѣе трехъ недѣль, Хмѣльницкій, повидимому, щадившій городъ и уклонявшійся отъ рѣшительнаго приступа, согласился взять большой окупъ (700.000 польскихъ злотыхъ), и, подѣливъ его съ Татарами, 24 октября снялъ свой лагерь. Калга-султанъ, обремененный добычею и плѣнниками, двинулся къ Каменцу; а Хмѣльницкій съ Тугай-беемъ пошелъ на крѣпость Замостье, которую и осадилъ своими главными силами; межъ тѣмъ отдѣльные загоны татарскіе и казацкіе разсѣялись по сосѣднимъ краямъ Польши, вездѣ распространяя ужасъ и опустошеніе.

Нашествіе казацкихъ и татарскихъ полчищъ, а также слухи о враждебномъ настроеніи Москвы, вообще крайняя опасность, въ которой очутилась тогда Рѣчь Посполитая, заставили, наконецъ, Поляковъ поспѣшить избраніемъ короля. Главными претендентами явились два брата Владислава IV: Янъ Казиміръ и Карлъ Фердинандъ. Оба они находились въ духовномъ званіи: Казиміръ во время своихъ заграничныхъ скитаній вступилъ въ Орденъ іезуитовъ и потомъ получилъ отъ папы санъ кардинала, по смерти же старшаго брата принялъ номинально титулъ короля Шведскаго; а Карлъ имѣлъ санъ епископа (Вроцлавскаго, потомъ Плоцкого). Младшій братъ щедро тратилъ свои богатства на угощеніе шляхты и на подкупы, чтобы добиться короны. Сторону его держали и нѣкоторые знатные паны, напримѣръ, воевода русскій Еремія Вишневецкій, его пріятель воевода кіевскій Тышкевичъ, коронный подканцлеръ Лещинскій и пр. Но партія Яна Казиміра была многочисленнѣе и сильнѣе. Во главѣ ея стоялъ коронный канцлеръ Оссолинскій, къ ней принадлежалъ и воевода брацлавскій Адамъ Кисель; ее усердно поддерживала своимъ вліяніемъ вдовствующая королева Марія Гонзага вмѣстѣ съ французскимъ посломъ, который уже составилъ планъ ея будущаго брака съ Казиміромъ. Наконецъ, за послѣдняго

объявило себя казачество, и Хмѣльницкій въ своихъ посланіяхъ къ панамъ-радѣ прямо требовалъ, чтобы Янъ Казиміръ былъ избранъ королемъ, а Еремія Вишневецкій отнюдь не былъ бы утвержденъ короннымъ гетманомъ, и только въ такомъ случаѣ обѣщалъ прекратить войну. Послѣ многихъ споровъ и отсрочекъ сенаторы убѣдили королевича Карла отказаться отъ своей кандидатуры, и, 17 ноября нов. стиля, избирательный Варшавскій сеймъ довольно единодушно остановился на выборѣ Яна Казиміра. Спустя три дня, онъ присягнулъ на обычныхъ pacta conventa. Эти ограничительныя для короля условія, впрочемъ, на сей разъ дополнились еще нѣкоторыми: напримѣръ, королевская гвардія не могла быть составлена изъ иноземцевъ и должна приносить присягу на имя Рѣчи Посполитой.

Благодаря мужественной оборонѣ гарнизона, предводимаго Вейеромъ, осада Замостья также затянулась. Но Вейеръ настоятельно требовалъ помощи и увѣдомлялъ сенаторовъ о своемъ тяжеломъ положеніи. Поэтому, когда выборъ Яна Казиміра былъ обезпеченъ, новый король, не дожидаясь окончанія всѣхъ формальностей, поспѣшилъ воспользоваться заявленіемъ преданности къ себѣ со стороны Хмѣльницкаго и отправилъ знакомаго ему волынскаго шляхтича Смяровскаго подъ Замостье съ письмомъ, въ которомъ приказывалъ немедленно снять осаду и воротиться на Украйну, гдѣ и ожидать комиссаровъ для переговоровъ объ условіяхъ мира. Хмѣльницкій съ почетомъ принялъ королевскаго посланца и выразилъ готовность исполнить королевскую волю. Нѣкоторые полковники, съ Кривоносомъ во главѣ, и обозный Чернота возражали противъ отступленія; но хитрый посланецъ постарался возбудить въ Хмѣльницкомъ подозрѣніе въ чистотѣ намѣреній самого Кривоноса и его сторонниковъ. Вѣроятно, наступившая зима, трудности осады и большія потери въ людяхъ также повліяли на рѣшеніе гетмана, который или не зналъ, или не хотѣлъ обратить вниманія на то, что крѣпость уже была въ крайнемъ положеніи вслѣдствіе начинавшагося голода. Хмѣльницкій вручилъ Смяровскому отвѣтъ королю съ выраженіемъ своей преданности и покорности; а 24 ноября онъ отступилъ отъ Замостья, взявъ съ замойскихъ мѣщанъ небольшой окупъ для Татаръ Тугай-бея. Послѣдній пошелъ въ степи, а казацкій обозъ и пушки потянулись на Украйну. Очевидно, казацкій гетманъ все еще колебался въ своихъ конечныхъ цѣляхъ, не находилъ точки опоры для обособленія Малороссіи и потому медлилъ полнымъ разрывомъ съ Рѣчью Посполитою, ожидая чего-то отъ новоизбраннаго короля. Въ дѣйствительности, вмѣстѣ съ прекращеніемъ польскаго безкоролевья прекращались и наиболѣе благопріятныя условія для освобожденія Украй-

пы. Отступленіе отъ Львова и Замостья является до нѣкоторой степени поворотнымъ пунктомъ отъ непрерывнаго ряда успѣховъ къ долгой, истребительной и запутанной борьбѣ двухъ народностей и двухъ культуръ: Русской и Польской.

Вся Украйна на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а по Случъ и Южный Бугъ на правой, въ это время была не только очищена отъ польскихъ пановъ и жидовства, но и всѣ крѣпкіе города и замки на этомъ пространствѣ были заняты казаками; нигдѣ не развѣвалось польское знамя. Естественно, Русскій народъ радовался, полагая, что онъ навсегда освободился отъ польско-жидовскаго ига, а потому вездѣ съ торжествомъ встрѣчалъ и провожалъ виновника своего освобожденія; священники принимали его съ образами и молебнами; бурсаки (особенно въ Кіевѣ) произносили ему реторичные панегирики; при чемъ называли его Роксоланскимъ Моисеемъ, сравнивали съ Макавеями и т. п.; простой народъ шумно и радостно привѣтствовалъ его. А самъ гетманъ шествовалъ черезъ города и мѣстечки на богато убранномъ конѣ, окруженный полковниками и сотниками, щеголявшими роскошною одеждою и сбруею; за нимъ несли отбитыя польскія знамена и булавы и везли плѣнныхъ шляхтянокъ, которыхъ знатные и даже простые казаки большею частію разбирали себѣ въ жены. Не дешево обошлись народу это пока кажущееся освобожденіе и эти трофеи. Огонь и мечъ произвели уже не малое опустошеніе въ странѣ; уже много населенія погибло отъ меча и плѣна, и главнымъ образомъ не отъ непріятелей Поляковъ, а отъ союзниковъ Татаръ. Эти хищники, столь жадные до ясыря, не ограничивались плѣномъ Поляковъ, на который имѣли право по условію; а нерѣдко захватывали въ неволю и коренное русское посполъство. Особенно забирали они тѣхъ молодыхъ ремесленниковъ, которые слѣдовали шляхетской модѣ и подбривали себѣ кругомъ голову, отпуская на верху чуприну на польскій образецъ; Татары дѣлали видъ, что принимаютъ ихъ за Поляковъ.

Какъ бы то ни было, Богданъ воротился на Украйну почти полнымъ хозяиномъ страны. Онъ заѣхалъ въ Кіевъ и поклонился кіевскимъ святынямъ, а потомъ отправился къ себѣ въ Чигиринъ, въ которомъ основалъ теперь гетманскую резиденцію. Только Переяславъ дѣлилъ иногда эту честь съ Чигириномъ. Если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, первымъ дѣломъ Хмѣльницкаго по возвращеніи на Украйну было обвѣнчаться со своей старой привязанностью и кумою, т.-е. съ женою спасшагося бѣгствомъ подстаросты Чаплинскаго, на что онъ будто бы получилъ разрѣшеніе отъ одного греческаго іерарха, остановившагося въ Кіевѣ проѣздомъ въ Москву. Затѣмъ онъ продолжалъ начатую послѣ

Корсуня организацію казацкаго войска, которое все увеличивалось въ объемѣ; такъ какъ къ нему приписывались не только масса посполь-ства или крестьянъ, но и многіе горожане; а въ городахъ съ Магде-бургскимъ правомъ даже бурмистры и райцы покидали свои уряды, брили бороду и приставали къ войску. По словамъ лѣтописца, въ ка-ждомъ селѣ трудно было найти кого-либо, который или бы самъ не пошелъ, или сына, или слугу паробка не послалъ въ войско; а въ иномъ дворѣ уходили всѣ, оставивъ только одного человѣка для при-смотра за хозяйствомъ. Кромѣ присущей Малорусскому народу воин-ственности, кромѣ стремленія упрочить за собой освобожденіе отъ пан-ской неволи или отъ крѣпостного права, тутъ дѣйствовала и приманка огромной добычи, которою казаки обогатились въ польскихъ обозахъ послѣ одержанныхъ побѣдъ, а также въ польскихъ и жидовскихъ хо-зяйствахъ, подвергшихся разграбленію. Вмѣстѣ съ приливомъ людей расширялась и самая войсковая территорія. Войско уже не могло огра-ничиться прежними шестью мѣстными полками Кіевскаго воеводства; иной полкъ имѣлъ бы больше 20.000 казаковъ, а сотня болѣе 1.000. Теперь на обѣихъ сторонахъ Днѣпра постепенно образовывались новые полки, получавшіе названіе по своимъ главнымъ городамъ. Собственно на правобережной Украйнѣ прибавилось пять или шесть полковъ, ка-ковы: Уманскій, Лисянскій, Паволоцкій, Кальницкій и Кіевскій, да еще въ Полѣсьѣ Овручскій. Главнымъ же образомъ они размножились на лѣвобережной Украйнѣ, на которой до Хмѣльницкаго былъ только одинъ полный, Переяславскій; теперь образовались тамъ полки: Нѣжинскій, Черниговскій, Прилуцкій, Лубенскій, Миргородскій, Полтавскій, Ирклѣев-скій, Ичанскій и Зѣньковскій. Всего, такимъ образомъ, въ эту эпоху явилось до 20 или болѣе реестровыхъ полковъ. Каждый изъ нихъ на-добно было устроить полковою старшиною, распредѣлить сотнями по извѣстнымъ мѣстечкамъ и селамъ, снабдить по возможности вооруже-ніемъ и боевыми припасами и т. д. Чигиринскій полкъ гетманъ оста-вилъ за собою, Переяславскій далъ Лободѣ, Черкасскій Ворончепкѣ, Каневскій Кутаку, въ остальные назначилъ Нечая, Гирю, Мороза, Остапа, Бурлая и др.

На ряду съ внутреннимъ устройствомъ Украйны и казачества, Богданъ въ это время усердно занимался и внѣшними сношеніями. Его успѣш-ная борьба съ Польшею привлекала на него общее вниманіе, и въ его Чигиринской резиденціи съѣхались послы почти отъ всѣхъ сосѣднихъ державъ и владѣтелей съ поздравленіями, подарками и разными тай-ными предложеніями кто дружбы, кто союза противъ Поляковъ. Были послы отъ Крымскаго хана, потомъ отъ господарей Молдавіи и Вала-

хіи, отъ князя семиградскаго Юрія Ракочи (бывшаго претендента на Польскій тронъ) и наконецъ отъ царя Алексѣя Михайловича. Хмѣльницкій довольно искусно изворачивался среди ихъ разнообразныхъ интересовъ и предложеній и сочинялъ имъ отвѣтныя грамоты.

Янъ Казиміръ, насколько позволяли ему власть и средства, началъ готовить войско для подавленія украинскаго возстанія. Вопреки желанію большинства шляхты, онъ не утвердилъ Вишневецкаго въ гетманскомъ достоинствѣ, ибо противъ него продолжала дѣйствовать часть сенаторовъ, съ канцлеромъ Оссолинскимъ во главѣ; да и самъ новый король не благоволилъ къ нему, какъ бывшему противнику своей кандидатуры; вѣроятно, не остались безъ вліянія и настойчивыя требованія Хмѣльницкаго, чтобы Вишневецкому не давали гетманскую бумагу. Въ ожиданіи, пока освободятся изъ татарскаго плѣна Потоцкій и Калиновскій, Янъ Казиміръ взялъ въ собственныя руки руководство военными дѣлами. А между тѣмъ, въ январѣ наступившаго 1649 года, къ Хмѣльницкому отправлена была для переговоровъ обѣщанная комиссія, во главѣ которой вновь поставленъ извѣстный Адамъ Кисель. Когда комиссія съ своею свитою переправилась подъ Звяглемъ (Новгородъ Волынскій) черезъ рѣку Случъ и вступила въ предѣлы Кіевскаго воеводства, т.-е. Украйны, то она была встрѣчена однимъ казацкимъ полковникомъ (Донцомъ), назначеннымъ для ея сопровожденія; но по дорогѣ въ Переяславъ населеніе принимало ее враждебно и отказывало доставлять ей продовольствіе; народъ не желалъ никакихъ переговоровъ съ Ляхами и считалъ поконченными всякія къ нимъ отношенія. Въ Переяславѣ хотя гетманъ самъ вмѣстѣ съ старшиною встрѣтилъ комиссію, съ военною музыкою и пушечною пальбою (9 февраля), однако, Кисель тотчасъ убѣдился, что это былъ уже не прежній Хмѣльницкій съ его увѣреніями въ преданности королю и Рѣчи Посполитой; теперь тонъ Богдана и его окружавшихъ былъ гораздо выше и рѣшительнѣе. Уже при церемоніи врученія ему отъ имени короля гетманскихъ знаковъ, именно булавы и знамени, одинъ подпившій полковникъ прервалъ реторичное слово Киселя и выбранилъ па̀новъ. Самъ Богданъ съ явнымъ равнодушіемъ отнесся къ симъ знакамъ. Послѣдовавшіе затѣмъ переговоры и совѣщанія не привели къ уступкамъ съ его стороны, несмотря на всѣ медоточивыя рѣчи и убѣжденія Киселя. Хмѣльницкій по обыкновенію своему часто напивался, и тогда грубо обращался съ комиссарами, требовалъ выдачи своего врага Чаплинскаго и грозилъ Ляхамъ всякими бѣдствіями; грозилъ истребить дуковъ и князей и сдѣлать короля «вольнымъ», чтобы онъ могъ одинаково рубить головы провинившимся и князю, и казаку; а себя самого называлъ иногда «едино-

властителемъ» и даже «самодержцемъ» русскимъ; говорилъ, что прежде онъ воевалъ за собственную обиду, а теперь будетъ сражаться за православную вѣру. Полковники хвастались казацкими побѣдами, прямо насмѣхались надъ Ляхами и говорили, что они уже не прежніе, не Жолкевскіе, Ходкѣвичи и Конецпольскіе, а Тхоржевскіе (трусы) и Зайончковскіе (зайцы). Напрасно также комиссары хлопотали объ освобожденіи плѣнныхъ Поляковъ, особенно взятыхъ въ Кодакѣ, Константиновѣ и Барѣ.

Наконецъ, комиссія едва добилась согласія заключить перемиріе до Троицына дня и уѣхала, увозя съ собой нѣкоторыя предварительныя условія мира, предложенныя гетманомъ, а именно: чтобы въ Кіевѣ или на Украйнѣ самого названія Уніи не было, также чтобы не было іезуитовъ и жидовъ, чтобы кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ, а воевода и каштелянъ были бы изъ православныхъ, чтобы гетманъ казацкій подчиненъ былъ прямо королю, чтобы Вишневецкій не былъ коронным гетманомъ и т. д. Опредѣленіе казацкаго реестра и другихъ условій мира Хмѣльницкій отлагалъ до весны, до общаго собранія полковниковъ и всей старшины и до будущей комиссіи, имѣющей прибыть на рѣку Россаву. Главною причиною его неуступчивости, повидимому, было не столько присутствіе тогда въ Переяславѣ иноземныхъ пословъ и надежда на помощь сосѣдей, сколько неудовольствіе народа или, собственно, черни, которая явно роптала на эти переговоры и бранила гетмана, опасаясь, чтобы онъ ее снова не отдалъ въ крѣпостное состояніе польскимъ панамъ. Хмѣльницкій иногда высказывалъ комиссарамъ, что съ сей стороны самой его жизни грозитъ опасность и что безъ согласія войсковой рады онъ не можетъ ничего сдѣлать. Какъ ни было неудачно и на сей разъ посольство Ад. Киселя съ комиссіей и какъ ни порицали многіе вельможи сего православнаго Русина, обвиняя его чуть ли не въ измѣнѣ Рѣчи Посполитой и въ тайныхъ соглашеніяхъ съ своимъ единоплеменникомъ и единовѣрцемъ Хмѣльницкимъ (котораго нѣкоторые интеллигентные Поляки называли «Запорожскимъ Макіавелемъ»); однако, король оцѣнилъ направленныя къ умиротворенію труды престарѣлаго и уже одолѣваемаго болѣзнями воеводы Брацлавскаго: въ то время умеръ воевода кіевскій Янушъ Тышкевичъ, и Янъ Казиміръ далъ Кіевское воеводство Киселю, повысивъ его тѣмъ въ сенаторскомъ рангѣ, къ еще большему неудовольствію его товарищей пановъ-рады. ([6]).

Какъ и слѣдовало ожидать, заключенное Киселемъ перемиріе не повело къ миру: та и другая сторона готовилась къ рѣшительной борьбѣ

и ожидала весны, чтобы возобновить войну. Ожесточеніе казаковъ, между прочимъ, выразилось и въ убіеніи помянутаго шляхтича Смяровскаго, при концѣ перемирія вновь посланнаго къ Хмѣльницкому съ письмомъ отъ короля. Заподозривъ въ немъ шпіона, казаки его утопили. Поляки первые открыли военныя дѣйствія. Оставивъ за собой главное командованіе, Янъ Казиміръ взялъ себѣ въ помощники трехъ региментарей: Фирлея, Лянцкоронскаго и уже извѣстнаго намъ Остророга. Коронное войско двинулось двумя колоннами: одна съ Фирлеемъ на Заславль, другая съ Лянцкоронскимъ и Остророгомъ на Константиновъ и Межибожъ; князья Вишневецкій, Корецкій и нѣкоторые другіе паны съ своими полками также ударили на условленную (демаркаціонную) линію Случъ—Южный Бугъ, и потѣснили стоявшіе вдоль нея казацкіе отряды. Поляки выиграли нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ и отобрали или сожгли нѣсколько замковъ; а по линіи Припети удачно воевали противъ казаковъ отряды литовскаго гетмана Януша Радивила. Но недолго продолжался этотъ перевѣсъ на сторонѣ Поляковъ. Къ нимъ пришла вѣсть, что Хмѣльницкій приближается съ огромнымъ будто бы 200.000 казацкимъ войскомъ и что вмѣстѣ съ нимъ идетъ самъ ханъ Исламъ-Гирей во главѣ 100.000 Татаръ Крымскихъ, Ногайскихъ, Перекопскихъ и Буджацкихъ. (Цифры, по крайней мѣрѣ, въ трое преувеличенныя). Польскіе региментари соединили свои силы и отступили къ Збаражу; по ихъ усильнымъ просьбамъ, къ нимъ примкнулъ и Вишневецкій, забывъ свои личныя обиды ради общаго дѣла. Польское войско, въ числѣ 15—20.000, стало обозомъ около Збаражского замка и окопалось. Въ первыхъ числахъ іюня подошли сюда Хмѣльницкій и ханъ. Первыя попытки взять окопы штурмомъ были отбиты. Тогда казаки и Татары со всѣхъ сторонъ обступили польскій лагерь. Душою обороны явился все тотъ же малый ростомъ, но великій мужествомъ и неукротимый Вишневецкій. Когда окопы оказались слишкомъ обширными, онъ не разъ заставлялъ сокращать ихъ и обносить лагерь новыми, еще болѣе высокими валами. Хмѣльницкій близко окружилъ ихъ своими шанцами, съ которыхъ громилъ непріятелей ядрами и картечью изъ нѣсколькихъ десятковъ орудій. Осажденные укрывались отъ нихъ, а также и отъ казацкихъ пуль и татарскихъ стрѣлъ въ норахъ, и только въ случаяхъ штурма высыпали наверхъ. Около двухъ мѣсяцевъ длилась эта отчаянная оборона. Въ польскомъ лагерѣ всѣ продовольственные запасы были съѣдены; теперь ѣли кошекъ, собакъ, мышей и всякую падаль (коней еще въ началѣ осады выпустили изъ обоза по недостатку корма), воду пили зараженную трупами; отчего свирѣпствовали болѣзни. Половина польскаго войска уже вымерла или пала въ сраженіяхъ. Не разъ Поляки

въ отчаяніи хотѣли покинуть лагерь и запереться въ замкѣ; но Вишневецкій всегда и энергично тому противился. Наконецъ, одному шляхтичу, переодѣтому русскимъ крестьяниномъ, удалось переплыть прудъ и ползкомъ по травѣ пробраться сквозь казацкіе и татарскіе станы, потомъ дойти до короля и принести ему извѣстіе о крайнемъ положеніи войска въ Збаражѣ.

Янъ Казиміръ, лично предводившій частью кварцянаго войска и вяло собиравшагося посполитаго рушенія, медленно двигался отъ Варшавы на Люблинъ и Замостье. Онъ остановился у Топорова, не зная о положеніи дѣлъ подъ Збаражемъ, когда къ нему пришелъ вѣстникъ. Имѣя у себя 20—25.000 войска, король рѣшилъ идти на помощь. Но оказалось, что развѣдочная часть у Хмѣльницкаго была лучше устроена, и онъ отъ своихъ лазутчиковъ тотчасъ узналъ о семъ рѣшеніи. Оставивъ подъ Збаражемъ часть своихъ силъ, Богданъ вмѣстѣ съ ханомъ тайкомъ вышелъ изъ обоза и поспѣшилъ навстрѣчу королю. Эта встрѣча произошла подъ Зборовымъ, въ пяти миляхъ отъ Збаража, 15 августа нов. стиля. Окруженное со всѣхъ сторонъ казацкими и татарскими полчищами, королевское войско подверглось паническому ужасу, и едва не повторился Пилявицкій погромъ. Но тутъ Янъ Казиміръ показалъ много личнаго мужества и энергіи; всюду бросаясь со шпагою въ рукѣ и съ ободряющимъ словомъ, онъ успѣлъ возстановить порядокъ и сомкнуть колеблющійся таборъ; нападающимъ данъ былъ отпоръ, и наступившая ночь прекратила сраженіе. Но положеніе Поляковъ было отчаянное: долго выдерживать осаду въ своемъ подвижномъ таборѣ они не могли бы уже по неимѣнію запасовъ продовольствія. На военномъ совѣтѣ возобладало предложеніе канцлера Оссолинскаго приготовиться къ отчаянной оборонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно вступить въ переговоры съ ханомъ. Къ нему отъ имени короля было отправлено съ татарскимъ плѣнникомъ письмо, въ которомъ Янъ Казимиръ съ достоинствомъ напоминалъ оказанную когда-то Владиславомъ IV услугу Исламъ-Гирею (отпускъ изъ плѣна); удивлялся его несправедливому нападенію и предлагалъ возобновить пріязненныя отношенія. Поутру сраженіе возобновилось; храбрая оборона Поляковъ грозила затянуть здѣсь дѣло подобно тому, какъ было подъ Збаражемъ, что особенно не нравилось Татарамъ. Ханъ послалъ королю благосклонный отвѣтъ на его письмо; тогда завязались мирные переговоры, къ которымъ принужденъ былъ приступить и Хмѣльницкій. А на слѣдующій день уже состоялся двойной договоръ Поляковъ съ Ордою и казаками. Сущность перваго вращалась около дани, которою Польша вновь обязалась въ отношеніи Орды съ уплатою и за прежніе неуплаченные годы. Съ казаками, какъ бы

по ходатайству хана, заключенъ миръ, и притомъ на основаніи помянутыхъ выше условій, которыя были вручены Хмѣльницкимъ коммиссіи Адама Киселя. А именно: 1. Запорожскому войску возвращаются всѣ его права и привилегіи. 2. Число реестроваго войска опредѣляется въ 40.000, и въ это число гетманъ принимаетъ людей изъ имѣній равно королевскихъ и шляхетскихъ; а тѣ, которые останутся внѣ реестра, должны воротиться въ подданство или королевскихъ замковъ, или своихъ пановъ шляхты. 3. Чигиринское староство состоитъ при булавѣ Запорожскаго гетмана. 4. Всѣмъ участникамъ замятни полное прощеніе (амнистія). 5. Жиды не могутъ быть ни державцами, ни арендаторами, ни даже обывателями на Урайнѣ, гдѣ есть казацкіе полки. 6. То же самое и іезуиты. 7. Относительно уніи, церковныхъ правъ и имуществъ будетъ постановлено на ближайшемъ сеймѣ согласно съ прежними привилеями, съ желаніемъ духовенства и Кіевскаго митрополита, которому предостовляется мѣсто въ сенатѣ. 8. Всякіе достоинства и уряды въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ будутъ раздаваться только шляхтѣ греческаго исповѣданія. Наконецъ, 9) казакамъ вольно курить горѣлку, варить пиво и медъ и продавать, только не въ розницу.

Заключеніе мира возвѣщено было войскамъ обѣихъ сторонъ при звукахъ трубъ, котловъ и пушечной пальбѣ. Ханъ обмѣнялся подарками съ королемъ; а Хмѣльницкій, получивъ въ залогъ короннаго маршалка Любомірскаго, лично пріѣхалъ въ польскій лагерь и имѣлъ свиданіе съ королемъ. При семъ, по словамъ лѣтописцевъ, этотъ Запорожскій Макіавель упалъ въ ноги королю, проливалъ слезы и увѣрялъ въ своей преданности.

Успѣхи Хмѣльницкаго на Украйнѣ (и на Волыни) сопровождались неудачами на другомъ, впрочемъ менѣе важномъ, театрѣ войны, въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ, гдѣ Поляками предводительствовалъ польный литовскій гетманъ Янушъ Радивилъ. Тутъ дѣйствовали казацкіе вожди Гладкій, Голота, Подобойло и Кречовскій. Сначала они имѣли успѣхъ; но потомъ потерпѣли рядъ неудачъ, закончившихся пораженіемъ подъ Лоевымъ на Днѣпрѣ, гдѣ палъ и самъ Кречовскій.

Какъ ни обрадованы были Поляки заключеніемъ мира, который избавилъ отъ явной гибели два ихъ войска, подъ Збаражемъ и Зборовымъ, однако нѣкоторыя условія этого мира произвели на нихъ весьма непріятное впечатлѣніе, и заранѣе можно было предвидѣть, что они ихъ не исполнятъ. Канцлеръ Оссолинскій подвергся жестокимъ нареканіямъ и даже обвиненію въ измѣнѣ за Зборовскій договоръ. Съ другой стороны, хотя Хмѣльницкій съ казаками возвращались побѣдителями, однако, среди Украинска-

го народа также высказывалось неудовольствіе на возобновленіе подданства Рѣчи Посполитой, а главнымъ образомъ, конечно, на предстоявшее возвращеніе внѣреестроваго казачества въ панскую неволю; неопредѣленность и необезпеченность условій относительно уніи и вообще церковныхъ дѣлъ также ничего хорошаго не обѣщали въ близкомъ будущемъ. Поэтому обѣ стороны вскорѣ по заключеніи мира стали нарушать его условія. Король снова отправилъ на Украйну комиссію, съ А. Киселемъ во главѣ, для переговоровъ съ казацкимъ гетманомъ объ устройствѣ дѣлъ согласно со Зборовскимъ договоромъ. Въ качествѣ кіевскаго воеводы Кисель водворился въ Кіевскомъ замкѣ и былъ весьма дружески принятъ здѣсь Хмѣльницкимъ. Началось составленіе реестра. Около 40.000 было зачислено гетманомъ въ списки 15 или 16 полковъ. Но цѣлая сотня тысячъ казаковъ если неболѣе, остававшаяся внѣ реестра и долженствовавшая возвратиться въ сословіе посполитыхъ, т.-е. крестьянъ, подняла великій шумъ на казацкой радѣ. Во главѣ недовольныхъ сталъ удалой браславскій полковникъ Данило Нечай (котораго братъ Иванъ былъ женатъ на дочери Хмѣльницкаго Еленѣ); они прямо укоряли Хмѣльницкаго въ измѣнѣ народу и грозили выбрать другого гетмана. Тогда Богданъ принялъ въ полки еще 40.000 подъ названіемъ казаковъ „охочихъ“ или „компанейныхъ“. Но эта мѣра далеко не удовлетворила народъ, который никакъ не хотѣлъ примириться съ тою статьею договора, на основаніи которой многіе польскіе паны и шляхта начали быстро возвращаться въ свои украинскія имѣнія и требовать повиновенія отъ бывшихъ своихъ крестьянъ. Но трудно было возстановить крѣпостныя отношенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне сами назначали себѣ уплату небольшого оброка своему пану и отказывались отъ всякаго дальнѣйшаго подчиненія. Въ другихъ они прямо грозили смертію возвращавшимся панамъ и нерѣдко приводили въ исполненіе свою угрозу, чѣмъ многихъ заставили вновь бѣжать изъ Украйны въ Польшу. Въ третьихъ паны, вопреки договору, успѣвали окружить себя вооруженными отрядами и принимались жестокими казнями смирять непокорныхъ. Самъ Богданъ, по требованію Поляковъ, не ограничился универсалами о послушаніи крестьянъ помѣщикамъ, но въ началѣ пытался также прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ и даже къ казнямъ. Однако, распространившіеся волненія, мятежи и бѣгство украинцевъ за Московскій рубежъ скоро принудили его отказаться отъ подобныхъ мѣръ.

Вообще въ этомъ случаѣ ясно обнаружилось вліяніе польскаго общественнаго склада на казацкомъ гетманѣ. Очевидно, онъ такъ проникнутъ былъ польскими шляхетскими понятіями, что и на Украйнѣ думалъ поддержать раздѣленіе народа на привилегированное сословіе и крѣпостное

состояніе, приравнивая надѣленное помѣстьями реестровое казачество къ польской шляхтѣ. Большинство казацкой старшины, конечно, сочувствовало подобнымъ стремленіямъ; но массѣ простого народа онѣ были ненавистны; польская шляхта также не хотѣла признавать казачество за равное себѣ сословіе.

Неслыханная и постоянная удача оказала замѣтное вліяніе на характеръ и дальнѣйшіе замыслы Богдана: въ силу договора признанный пожизненнымъ гетманомъ Запорожскаго войска, онъ, естественно, мечталъ уже объ особомъ хотя бы и вассальномъ княжествѣ, завелъ при себѣ родъ гвардіи или тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ казаковъ и наемныхъ Татаръ, и даже началъ обнаруживать династическіе планы. Образцы подобнаго рода вассальныхъ владѣтелей были у него передъ глазами. Это господари Валахіи и Молдавіи и воевода Трансильваніи—всѣ трое бывшіе въ то время данниками Турецкаго султана. Не надѣясь добиться такого положенія отъ Рѣчи Посполитой и предвидя скорое возобновленіе борьбы съ нею, Хмѣльницкій, естественно, обратилъ свои исканія въ сторону Константинополя, и тѣмъ болѣе, что отъ послѣдняго зависѣла также татарская помощь, безъ которой гетманъ еще не могъ обойтись въ предстоявшей новой войнѣ съ Поляками; притомъ его собственная власть на Украйнѣ далеко не была упрочена и сильно ограничивалась какъ выборною старшиною, такъ и общею казацкою радою.

Въ слѣдующемъ 1650 году мы видимъ дѣятельныя сношенія Богдана съ Константинополемъ и Бахчисараемъ. Источники выражаются коротко и глухо, говоря о томъ, что Хмѣльницкій поступилъ подъ покровительство Турецкаго султана, которому отдавалъ Подолію по Днѣстръ до Каменца-Подольскаго. Но дѣло въ томъ, что свое подчиненіе Султану онъ по возможности скрывалъ отъ народа и отъ сосѣдей. Султанъ прислалъ гетману бунчукъ, булаву, саблю и почетный кафтанъ; приказалъ Крымскому хану и Силистрійскому пашѣ подавать ему помощь противъ Поляковъ. Въ это время Богданъ вознамѣрился породниться съ молдавскимъ господаремъ Василіемъ Лупуломъ. Въ 1649 году по просьбѣ Лупула, тѣснимаго своимъ соперникомъ (Матвѣемъ Басарабою) гетманъ посылалъ ему на помощь отрядъ со своимъ старшимъ сыномъ Тимофеемъ; походъ окончился удачно. Но тутъ Тимофей страстно полюбилъ дочь Лупула красавицу Роксанду и просилъ ея руки. Старшая ея сестра Елена, какъ извѣстно, была женою Януша Радивилла, теперь польнаго литовскаго гетмана. Роксанда пребывала нѣкоторое время заложницею въ Константинополѣ, и по сему поводу существовали о ней недобрые слухи. Однако, на ея руку явилось нѣсколько претенден-

товъ между польскими магнатами; въ ихъ числѣ одинъ изъ Потоцкихъ и одинъ изъ Вишневецкихъ. Трудно было хотя и храброму, но малообразованному, застѣнчивому и неловкому Тимошу въ глазахъ красавицы одержать верхъ надъ такими соперниками. Ему отказали. Отказъ этотъ обидѣлъ возгордившагося гетмана, надѣявшагося симъ бракомъ придать блеска своей фамиліи. Около того времени произошло кровавое столкновеніе Молдаванъ съ Буджакскими Татарами, въ которомъ послѣдніе потерпѣли пораженіе. Съ разрѣшенія султана ханъ отправилъ въ Молдавію войско, къ которому Богданъ присоединилъ отрядъ казаковъ. Молдавія подверглась такому разоренію, что Лупулъ, тщетно ожидавшій помощи отъ Поляковъ, попросилъ пощады, заплатилъ Татарамъ большой окупъ, а Хмѣльницкому далъ согласіе на скорый бракъ своей дочери съ его сыномъ. Послѣдовавшія затѣмъ событія нѣсколько отдалили заключеніе сего брака.

Поляки съ своей стороны готовились къ новой борьбѣ съ казачествомъ и не исполнили нѣкоторыхъ условій договора. Такъ, когда Сильвестръ Коссовъ пріѣхалъ въ Варшаву, католическіе епископы рѣшительно воспротивилась его присутствію въ сенатѣ, и онъ со стыдомъ долженъ былъ уѣхать. Объ уничтоженіи уніи Поляки не хотѣли и слышать. Зборовскій договоръ, очевидно, только подлилъ масла въ огонь. Посполитому рушеню, собиравшемуся въ самыхъ важныхъ случаяхъ, теперь почти никто не противился на сеймѣ въ декабрѣ 1650 года; тотъ же сеймъ назначилъ средства на военныя издержки. Возбуждаемые своимъ духовенствомъ, Поляки замѣтно одушевились и готовились къ новой войнѣ какъ къ крестовому походу. Папа прислалъ королю освященный мечъ, хоругвь и титулъ защитника вѣры. Межъ тѣмъ среди Украинскаго народа, наоборотъ, первоначальное одушевленіе ослабѣло отчасти вслѣдствіе начинавшагося утомленія борьбою, которая становилась безконечною, отчасти вслѣдствіе разочарованія своимъ вождемъ, который все еще не рѣшался порвать всякія связи съ Польшею и навсегда покончить съ польскимъ крѣпостнымъ правомъ на Украйнѣ. Самъ Богданъ, по всѣмъ признакамъ, не столько разсчитывалъ на 80.000 казаковъ, сколько надѣялся на своего союзника Исламъ-Гирея съ его стотысячною ордою. Весною 1651 года Хмѣльницкій лишился второй, любимой имъ, жены; послѣ того еще болѣе сталъ предаваться пагубному пристрастію къ горѣлкѣ. Впрочемъ, вскорѣ онъ вступилъ въ третій бракъ, а именно съ сестрою нѣжинскаго полковника Ивана Золотаренка.

Военныя дѣйствія возобновились еще зимою, именно въ февралѣ 1651 года. Во главѣ польскаго кварцяного войска снова стали корон-

ный гетманъ Николай Потоцкій и польный Мартинъ Калиновскій, которые успѣли высвободиться изъ татарскаго плѣна. Узнавъ, вѣроятно, о подданствѣ Хмѣльницкаго Турціи и замыслахъ послѣдней на Каменецъ-Подольскій, король двинулъ сюда Потоцкаго. Калиновскій расположилъ отряды около Бара. Польскіе жолнеры снова начали свирѣпствовать надъ русскимъ населеніемъ. Собираясь съ главными силами и ожидая орду, Хмѣльницкій пока выслалъ впередъ браславскаго полковника Нечая, который сталъ подъ Краснымъ. Тутъ Калиновскій нечаянно напалъ на безпечныхъ и упившихся казаковъ и поразилъ ихъ, при чемъ палъ Нечай. Опустошивъ огнемъ и мечомъ нѣсколько подольскихъ городовъ, каковы Мурахва и Шаргородъ, Калиновскій пошелъ на Винницу, лежащую на Южномъ Бугѣ. Этотъ городъ занялъ полковникъ Богунъ, извѣстный своею храбростью и находчивостью. Онъ устроилъ Полякамъ засаду, подрубивъ ледъ на рѣкѣ и покрывъ его соломой. Поляки наскакали на засаду и много ихъ тутъ потонуло; много непріятелей было истреблено ударившими на нихъ казаками. Калиновскій потерялъ весь свой обозъ и ушелъ въ Баръ.

Весною 1651 года самъ король выступилъ въ походъ, собирая вокругъ себя посполитое рушене. Воевода семиградскій Ракочи, по условію съ своимъ союзникомъ Хмѣльницкимъ, предполагалъ напасть на Краковъ; чтобы облегчить ему это нападеніе, агенты казацкаго гетмана взбунтовали татранскихъ горцевъ-крестьянъ противъ панской власти. Но это движеніе скоро было подавлено; а предводитель крестьянъ нѣкій Наперскій былъ взятъ въ плѣнъ надворнымъ отрядомъ Краковскаго епископа и посаженъ на колъ.

Янъ Казиміръ, соединивъ подъ своимъ начальствомъ и кварцяное войско, и посполитое рушене, въ половинѣ іюня сталъ обозомъ на болотистыхъ берегахъ Стыря подъ Берестечкомъ. Говорятъ, силы его простирались до 100.000—число, давно уже не слыханное въ лѣтописяхъ Польши. Сюда же придвинулись гетманъ Хмѣльницкій и ханъ Исламъ Гирей съ своими полчищами; соединенныя ихъ ополченія числомъ своимъ, повидимому, превышали польское войско. Два дня съ той и другой стороны выходили изъ обоза части войскъ и сражались съ перемѣннымъ счастіемъ, взаимно испытывая силы противниковъ. Какъ и подъ Зборовымъ, король обнаружилъ много личной храбрости и распорядительности. Вечеромъ второго дня на военномъ совѣтѣ рѣшено было произвести общій и дружный ударъ. На слѣдующее утро король вывелъ въ поле все войско, и завязался бой по всей линіи. Послѣ полудня Еремія Вишневецкій, предводительствуя однимъ крыломъ, стремительнымъ движеніемъ впередъ отрѣзалъ казаковъ отъ Татаръ и тѣмъ обезпечилъ

побѣду Полякамъ; ихъ артиллерія довершила ее. Какой-то паническій страхъ напалъ на Крымцевъ, непривычныхъ къ правильному, упорному бою: ханъ, смотрѣвшій на битву съ возвышеннаго мѣста, первый бросился бѣжать, а за нимъ побѣжала и вся орда. Казаки, однако, продолжали храбро биться съ непріятелемъ. Но тутъ произошло что-то непонятное съ ихъ вождемъ. Вмѣсто того, чтобы еще крѣпче сплотить и одушевить свои полки, онъ покинулъ ихъ, и, сопровождаемый писаремъ Выговскимъ и сыномъ Тимофеемъ, поскакалъ вслѣдъ за ханомъ, догналъ его и уговаривалъ воротиться, упрекая въ измѣнѣ. Ханъ оправдывался тѣмъ, будто, видя бѣгство своихъ Татаръ, поскакалъ имъ на отсѣчь. Части орды онъ приказалъ вернуться на помощь казакамъ; но и эта часть, не дошедши до Берестечка, опять повернула назадъ въ степи. Хмѣльницкій также не вернулся въ свой обозъ, а, разставшись съ ханомъ, поѣхалъ на Украйну. Очевидно, онъ поддался чувству робости и самосохраненія, не довѣрялъ собственному войску и боялся попасть въ плѣнъ къ Полякамъ. Межъ тѣмъ казаки воспользовались наступившею ночью, чтобы возвести сильные окопы. Всѣ попытки непріятелей взять ихъ штурмомъ были отбиты. Еще нѣсколько дней казаки мужественно оборонялись; но отсутствіе гетмана неизбѣжно повело за собою внутренніе раздоры: хотѣли поставить себѣ новаго гетмана; сначала выбрали полковника Джаджалы; потомъ отставили его и выбрали полковника Гладкаго; но и его мало слушались. Пытались вступить въ переговоры съ Поляками; но тѣ требовали прежде всего выдачи пушекъ, знаменъ и боевыхъ запасовъ. Особенно выступило наружу разъединеніе реестровыхъ съ показачившеюся чернію. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ одну ночь Богунъ съ реестровой конницей ушелъ тайкомъ изъ обоза и прорвался сквозь непріятелей. Пѣшая чернь, видя себя покинутою на жертву Полякамъ, частію успѣла разбѣжаться въ разныя стороны, частію была истреблена врагомъ, а частью перетонула въ сосѣднихъ трясинахъ и болотахъ. Весь обозъ съ пушками и запасами достался непріятелямъ.

Поляки, однако, не могли воспользоваться вполнѣ этою побѣдою для устройства своихъ дѣлъ на Украйнѣ. Во-первыхъ, собранная шляхта, непривычная къ военнымъ трудамъ, скоро соскучилась по своимъ семьямъ и хозяйствамъ; считая свою задачу оконченной, она стала требовать распущенія посполитаго рушеня и отказалась идти далѣе. На убѣжденія короля она отвѣчала тѣмъ, что начала самовольно расходиться и спѣшить къ поспѣвшей дома жатвѣ. Тогда Янъ Казиміръ и самъ уѣхалъ въ Варшаву, предоставивъ гетманамъ дальнѣйшее веденіе войны почти съ однимъ кварцянымъ войскомъ. Литовскій гетманъ Радивилъ въ то же время удачно дѣйствовалъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Онъ подъ Лоевымъ напалъ внезапно на безпечно стоявшихъ и бражничавшихъ казаковъ съ черниговскимъ полковникомъ Небабою и поразилъ ихъ; Небаба палъ. Радивилъ переправился черезъ Днѣпръ и безпрепятственно занялъ Кіевъ. Въ ту же сторону на соединеніе съ нимъ двинулись коронные гетманы. На этомъ походѣ Поляки понесли большую потерю въ лицѣ князя Еремія Вишневецкаго, умершаго 10 августа въ Паволочи отъ какого-то воспаленія еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и мужества.

Окруженный горстью казаковъ, Хмѣльницкій, межъ тѣмъ, проходя по разнымъ городамъ и замкамъ, забиралъ изъ нихъ части гарнизона; приказалъ спѣшить къ нему и тѣмъ отрядамъ, которые не поспѣли подъ Берестечко; ускакавшіе отсюда реестровые полки и многіе хлопы, спасшіеся бѣгствомъ, также соединились съ нимъ; пришли и нѣкоторые татарскіе мурзы. Такимъ образомъ, казацкій гетманъ вскорѣ снова увидалъ себя во главѣ значительнаго войска и расположился укрѣпленнымъ обозомъ подъ Бѣлою Церковью. Коронные гетманы, соединясь съ Радивиломъ, напали на этотъ обозъ, но встрѣтили порядочный отпоръ. Тогда возобновились мирные переговоры при посредничествѣ комиссіи все того же Адама Киселя. Наконецъ, 18 сентября гетманъ Потоцкій взялъ на свою отвѣтственность заключить съ Хмѣльницкимъ такъ называемый Бѣлоцерковскій договоръ на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ. Число реестровыхъ казаковъ уменьшается до 20.000, а испомѣщеніе ихъ ограничивается однимъ Кіевскимъ воеводствомъ и притомъ только королевскими имѣньями. Только въ семъ воеводствѣ польскіе жолнеры не имѣютъ постоя. Не одни паны и шляхта, но и жиды также возвращаются на Украйну. Гетманъ Запорожскій долженъ помирить Польшу съ Татарами, а въ случаѣ неудачи разорвать съ ними союзъ и по требованію Рѣчи Посполитой начать съ ними войну. Онъ подчинялся коронному гетману и не могъ непосредственно сноситься съ иностранными державами. Греческая религія утверждалась въ своихъ правахъ и имуществахъ. Договоръ сей долженъ быть подтвержденъ королевскою присягою и сеймомъ. Само собой разумѣется, что народъ Украинскій съ негодованіемъ встрѣтилъ уменьшеніе реестровыхъ, новое согласіе своего гетмана на возобновленіе панщины, на возвращеніе шляхты и жидовъ. Мѣстами поднимались открытые бунты, которые Хмѣльницкому приходилось усмирять то силою, то уговорами и обѣщаніями не приводить въ исполненіе означенныя статьи. Особенно большое волненіе произвело появленіе буйныхъ жолнеровъ, надменной шляхты и хищныхъ жидовъ на Заднѣпровской Украйнѣ, менѣе привычной къ этимъ бѣдствіямъ. Тогда усилилось движеніе народа за московскій рубежъ, гдѣ вслѣдствіе того возникли населенные Украинцами

города Сумы, Ахтырка, Лебединъ, Харьковъ и многія слободы, доходившія до верхняго Донца и его притоковъ (Слободская Украйна). Хмѣльницкій жаждалъ случая отомстить за Берестечко и поправить свое пошатнувшееся положеніе. Этотъ случай скоро представился.

Варшавскій сеймъ 1652 года получилъ особую извѣстность въ польской исторіи: упитскій посолъ шляхтичъ Сицинскій прислалъ письменную противъ него протестацію и скрылся изъ Варшавы, чѣмъ сорвалъ самый сеймъ. Это было первое проявленіе такъ называемаго liberum veto. Сеймъ разошелся, не окончивъ своей сессіи и, между прочимъ, не подтвердивъ Бѣлоцерковскаго договора. Говорятъ, Сицинскій тутъ былъ только орудіемъ въ рукахъ недовольнаго королемъ вельможи, именно литовскаго гетмана Януша Радивила. Кромѣ него, въ то время во главѣ оппозиціи королю выступили и нѣкоторые другіе магнаты, напримѣръ, познанскій воевода Кристофъ Опалинскій и Радзеевскій. По смерти Оссолинскаго подканцлеръ коронный Лещинскій сдѣлался канцлеромъ, а подканцлерскую печать получилъ Радзеевскій. Послѣдній былъ женатъ на богатой вдовѣ Казановскаго; но когда разссорился съ нею, то былъ изгнанъ ея братьями изъ ея варшавскаго дома; въ свою очередь онъ ночью съ вооруженной толпой и пушками напалъ на этотъ домъ и овладѣлъ имъ силою. За такое самоуправство въ самой королевской резиденціи маршалковскій судъ приговорилъ его къ инфаміи и банниціи. Гордый и мстительный вельможа бѣжалъ за границу и нашелъ убѣжище въ Стокгольмѣ, откуда началъ сноситься съ врагами Рѣчи Посполитой, въ томъ числѣ и съ Хмѣльницкимъ. Послѣдній, конечно, хорошо зналъ о происходившихъ въ Польшѣ внутреннихъ неладахъ, отзывавшихся и военными неурядицами. Онъ счелъ удобнымъ моментъ для совершенія брака своего сына съ дочерью Молдавскаго господаря, который пытался уклониться отъ него и искалъ помощи у Поляковъ. И дѣйствительно, Калиновскій, по смерти Потоцкаго получившій главное начальство, съ кварцянымъ войскомъ расположился подъ Батогомъ на Южномъ Бугѣ, чтобы загородить дорогу Тимофею Хмѣльницкому съ казаками въ Молдавію. Тутъ въ маѣ того же года Хмѣльницкіе, отецъ и сынъ, кромѣ казаковъ имѣя у себя и татарское войско, почти внезапно напали на Поляковъ и поразили ихъ наголову; самъ Калиновскій погибъ въ битвѣ. Послѣ того Богданъ занялся осадою обѣщаннаго Туркамъ Каменца (но безъ успѣха); а Тимофей съ частью войска отправился въ Яссы. Испуганные молдавскіе бояре заставили Лупула не противиться болѣе и выдать свою дочь за молодого Хмѣльницкаго (въ августѣ). На этой свадьбѣ долговязый Тимошъ, съ лицомъ испорченнымъ оспою, остался вѣренъ своей неловкости и молчаливости; но за

него расточалъ любезности хитрый его менторъ Выговскій. Однако, послѣ свадьбы передъ отъѣздомъ къ отцу на Украйну молодой гетманичъ сумѣлъ намекнуть тестю, что не прочь занять его мѣсто на Молдавскомъ господарствѣ, а ему посовѣтовалъ хлопотать о Мултянскомъ или Валашскомъ.

Межъ тѣмъ возобновившаяся подъ Батогомъ война казаковъ съ Поляками продолжалась. Отправленный на Украйну, коронный обозный Стефанъ Чарнецкій взялъ нѣсколько городовъ и замковъ, истребляя все огнемъ и мечомъ. Высланный противъ него Богунъ заперся въ крѣпости Монастырищѣ, гдѣ храбро оборонялся. Самъ Чарнецкій былъ раненъ въ лицо пулей изъ мушкета. Богунъ повторилъ не разъ испытанное средство: одѣлъ нѣсколько сотъ казаковъ по-татарски и велѣлъ имъ, зашедши съ поля съ крикомъ *Аллахъ*, ударить на Поляковъ. Маневръ удался: Поляки отступили. Но въ это время къ союзу съ Польшей противъ казаковъ пристали седмиградскій князь Ракочи и валашскій господарь Радулъ, которыхъ возбудили происки Лупула въ Константинополѣ относительно Валашскаго господарства. Измѣнившій ему его собственный логофетъ, прозваніемъ Георгица, вошелъ съ ними въ заговоръ, чтобы свергнуть Лупула и самому занять его мѣсто. Благодаря подкупамъ, этому тріумвирату удалось въ глазахъ Султана очернить и Хмѣльницкаго, и его молдавскаго свата. Соединенныя силы Валаховъ и Угровъ (Трансильванскихъ) напали на Молдавію, а Георгица произвелъ мятежъ въ Яссахъ. Лупулъ бѣжалъ, и логафетъ, дѣйствительно, занялъ его престолъ. Хмѣльницкій вступился за свата и отправилъ сына ему на помощь съ 12.000 казаковъ. Тимошъ разбилъ непріятелей и возстановилъ тестя. Но пылкій юноша не ограничился тѣмъ, а пошелъ въ самую Валахію. Здѣсь счастье ему измѣнило: онъ потерпѣлъ пораженіе. Георгица опять занялъ Яссы, а Лупулъ бѣжалъ, и жена его Домна удалилась въ крѣпость Сочаву съ господарскими сокровищами. Сюда же пришелъ Тимошъ съ отрядомъ казаковъ и геройски оборонялъ крѣпость отъ соединенныхъ силъ Валаховъ, Молдаванъ, Угровъ и Поляковъ. Уже чувствовался во всемъ недостатокъ; но казаки продолжали окапываться и ждали подмоги отъ гетмана Хмѣльницкаго; господарыня Домна своею смѣлостью и твердостью поддерживала ихъ бодрость и мужество. Вдругъ непріятельское ядро раздробило ногу Тимофея и, спустя нѣсколько дней, онъ умеръ отъ антонова огня. Тогда крѣпость сдалась, при чемъ казаки выговорили себѣ свободное отступленіе на родину съ тѣломъ своего павшаго вождя. Это событіе произошло въ концѣ сентября или началѣ октября 1653 года. Вѣсть о немъ распространила скорбь на Украйнѣ. Старый гетманъ

потерялъ свою главную опору; его тяжкое горе смягчалось только мыслію, что сынъ его умеръ настоящимъ казакомъ или героемъ. Тимофей былъ погребенъ въ родномъ Суботовѣ.

Еще до гибели сына Хмѣльницкій выступилъ къ нему на помощь и призвалъ снова хана Исламъ Гирея, который получилъ изъ Стамбула приказъ помогать казакамъ. Янъ Казиміръ поспѣшилъ съ войскомъ загородить имъ дорогу въ Молдавію. Онъ двинулся къ Каменцу; не много не дошедши до него, расположился у мѣстечка Жванца и поджидалъ на помощь себѣ союзныхъ Молдаванъ и Угровъ. Тутъ король былъ почти окруженъ казаками и Татарами; скоро голодъ и холодъ начали свирѣпствовать въ польскомъ лагерѣ, и многіе стали уходить изъ него тайкомъ. Тщетно Хмѣльницкій убѣждалъ хана всѣми силами ударить на Поляковъ. Ханъ еще прежде былъ недоволенъ имъ за уклоненіе отъ войны съ Москвою; а теперь, по всей вѣроятности, до него дошли вѣсти о переговорахъ гетмана съ царемъ относительно подданства—переговорахъ, уже приходившихъ къ благополучному концу. Естественно, Исламъ Гирей не имѣлъ никакой охоты способствовать усиленію Москвы насчетъ Польши. Нѣкоторые подкупленные мурзы дѣйствовали въ пользу Поляковъ. Поэтому ханъ легко согласился войти въ переговоры съ королемъ. Они велись съ польской стороны канцлеромъ (Лещинскимъ), а съ крымской главнымъ совѣтникомъ хана и его правою рукою, ловкимъ и умнымъ Сеферъ-казы-агой.

Въ половинѣ декабря 1653 года между Ордою и Польшею состоялся такъ наз. Жванецкій договоръ: король обязался вносить хану дань съ уплатою и за прежніе годы; а ханъ обѣщалъ не помогать болѣе казакамъ; хотя для виду и просилъ оставить за ними Зборовскія статьи. Хмѣльницкій не былъ приглашенъ къ участію въ договорѣ. Затѣмъ всѣ три войска отправились каждое въ свою сторону. Такимъ образомъ коварный ханъ, послѣ Зборова и Берестечка, въ третій разъ спасъ польскаго короля и обманулъ надежды Хмѣльницкаго. Прежде чѣмъ покинуть Югозападную Русь, Татарская орда, не получивъ условленной дани, распустила свои загоны по Волыни, Полѣсью и Украйнѣ, разграбила многіе города и села и захватила большой полонъ.

Теперь яснѣе чѣмъ когда-либо обнаружилось безвыходное положеніе Малой Россіи: негласное подчиненіе Турецкому султану не обезпечивало татарской помощи; а безъ нея казачество не могло успѣшно бороться съ Польшею. Но именно въ это время уже совершилось то, къ чему давно были направлены народныя упованія, о чемъ долго велись тайные и явные переговоры: это торжественное подданство Украйны единоплеменному и единовѣрному Московскому государю. (7)

III.

ПОДДАНСТВО МАЛОРОССІИ МОСКВѢ.

Отношенія Малой Россіи къ Великой. Посольства Хмѣльницкаго въ Москву, просьбы о подданствѣ и отвѣтныя присылки изъ Москвы. Временное охлажденіе. Усиленныя просьбы послѣ Берестечка. Участіе Выговскаго. Содѣйствіе Никона. Соборный приговоръ о принятіи подданства. Поведеніе высшаго малороссійскаго духовенства. Торжественное посольство боярина Бутурлина на Украйну. Переяславская рада 8 января 1654 года и присяга на подданство. Отклоненное посломъ требованіе взаимной присяги. Награды Бутурлину и его товарищамъ. Вопросъ о войсковыхъ правахъ и о жалованьи. Гетманское посольство въ Москвѣ. Подтвержденіе городскихъ привилеевъ Переяслава и Кіева. Столкновеніе царскихъ воеводъ съ митрополитомъ Сильвестромъ. Польская попытка склонить къ измѣнѣ полк. Богуна.—Украйна по запискамъ Павла Алеппскаго. Умань. Обиліе дѣтей. Слѣды польской культуры на Украйнѣ. Свиданіе патр. Макарія съ Хмѣльницкимъ въ Богуславѣ. Кіевопечерскій монастырь. Верхній Кіевъ и Подолъ. Прилуки. Путивль и московскіе обычаи.

Мысли о Московскомъ подданствѣ, какъ сказано, давно уже бродили въ умахъ православнаго Западнорусскаго народа, терпѣвшаго отъ польщизны, латинства и еврейства угнетеніе въ своихъ самыхъ насущныхъ интересахъ и правахъ церковныхъ, политическихъ и экономическихъ. Но сложившееся въ теченіе вѣковъ различіе культуры и общественнаго склада западнорусскаго отъ восточнорусскаго или собственно сравнительная культурная отсталость Московской Руси много мѣшали болѣе сильному проявленію означенныхъ мыслей. Всѣ имущіе и руководящіе слои населенія, подвергшіеся вліянію польской и отчасти западноевропейской культуры и привыкшіе къ политическимъ вольностямъ, естественно, смотрѣли свысока на грубую по ихъ понятіямъ Москву и съ нѣкоторымъ страхомъ взирали на ея несокрушимый самодержавный строй и желѣзную общественную дисциплину. Только неполноправные классы и простой народъ, находившійся въ угнетеніи, не раздѣляли этого страха и при случаѣ обнаруживали явное тяготѣніе къ своей восточной сосѣдкѣ. Это тяготѣніе или симпатіи къ единовѣрной Москвѣ не разъ проявлялись во время военныхъ столкновеній ея

съ Польшею. Когда же начались казацкія возстанія и обнаружились невозможность бороться одпѣми собственными силами, а потомъ и ненадежность всякихъ другихъ союзниковъ, въ особенности страшная разорительность татарской или бусурманской помощи, тогда упованія народа и самого казачества все сильнѣе и сильнѣе стали сосредоточиваться на царѣ Московскомъ. Но прежде нежели та и другая сторона пришли къ полному обоюдному соглашенію, вопросъ этотъ прошелъ разныя стадіи.

Когда началось возстаніе Хмѣльницкаго, на Украинско-Московскомъ рубежѣ какъ и на всемъ Польско-Московскомъ пограничьѣ происходили обычныя въ тѣ времена столкновенія по разнымъ поводамъ. Во-первыхъ, изъ Украйны шелъ тайный или контрабандный привозъ вина и запретнаго табаку, при чемъ иногда происходили кровавыя драки съ московскими сторожевыми людьми. Воровскіе люди нерѣдко прокрадывались изъ Украйны за нашъ рубежъ, производили грабежи, и опять уходили; за ними посылалась погоня, иногда успѣшная, иногда нѣтъ. Особенно озлобились Черкасы (т.-е. Малороссійскіе казаки) за свои любимыя пасѣки, когда многія изъ нихъ по новымъ межевымъ гранямъ заключеннаго А. Киселемъ договора отошли къ Москвѣ, и пасѣчники эти выстрѣлами изъ пищалей встрѣчали московскихъ объѣздчиковъ. Вообще съ весны 1648 года безпокойное состояніе Украйны выразилось и въ замѣтномъ усиленіи разбоевъ Черкасъ на сосѣднихъ московскихъ земляхъ, судя по отпискамъ нашихъ пограничныхъ воеводъ, трубчевскихъ, сѣвскихъ, путивльскихъ, бѣлгородскихъ, хотмыжскихъ, чугуевскихъ и пр. Черкасы усердно поддерживали свою славу хищниковъ и грабителей, пріобрѣтенную ими въ Московскомъ государствѣ въ Смутное время. Такъ въ іюнѣ этого года Бѣлогородскій воевода, донося объ ихъ разбойничьихъ нападеніяхъ, жалуется на своихъ станичниковъ, т.-е. сторожевыхъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, которые «живутъ оплошно и небрежно». И заключаетъ свою отписку словами: «А отъ Черкасъ, государь, стало воровство большое и о томъ писалъ къ тебѣ государь я, холопъ твой, прежъ сего». Въ то же время и отъ тѣхъ же воеводъ идутъ въ Москву частыя отписки съ извѣстіями и слухами о начавшихся громкихъ событіяхъ, т.-е. о войнѣ Хмѣльницкаго съ Поляками. Извѣстія эти добывались разными способами; для того служили посылаемые за рубежъ лазутчики, конечно снабженные благовидными предлогами: торговые люди, обоюдно ѣздившіе въ сосѣднее государство и притомъ на обѣихъ сторонахъ русскіе; многіе выходцы и бѣглецы изъ Украйны, уходившіе отъ польскихъ и еврейскихъ притѣсненій, между прочимъ, православные монахи, которыхъ монастыри подвергались разо-

ренію и всякимъ насиліямъ, или просто малороссійскіе старцы, приходившіе въ Москву за милостыней; а съ московской стороны монахи, ходившіе на богомолье въ Кіевъ. Всѣ эти лица или подвергались опросу пограничныхъ воеводъ и дьяковъ, или опрашивались на Москвѣ въ Посольскомъ приказѣ, а чаще и тамъ и здѣсь. Не мало помогали въ дѣлѣ извѣстій и негласныхъ сношеній съ Югозападною Россіей и греческія духовныя особы, которыя обыкновенно черезъ Кіевъ и Украйну пріѣзжали въ Москву также за милостыней. Пріѣзжая въ Западную и Восточную Россію, Греки вообще сочувственно относились къ борьбѣ казаковъ съ католическою Польшею, поощряли и благословляли ихъ на эту борьбу. Въ числѣ ихъ видимъ высшія духовныя лица, напримѣръ, извѣстнаго уже намъ іерусалимскаго патріарха Паисія, коринѳскаго митрополита Іоасафа, назаретскаго митрополита Гавріила и др. Тѣ же Греки нерѣдко служили посредниками въ переговорахъ Богдана Хмѣльницкаго съ Московскимъ правительствомъ о подданствѣ Украйны.

Но между тѣмъ какъ заѣзжее греческое духовенство, а также западнорусскіе священники и монахи жаждали сего подданства и видѣли въ немъ единственный якорь спасенія для западнорусскаго православія, высшее малороссійское духовенство иначе относилось къ возсоединенію съ Восточной Россіей, и совсѣмъ не обнаруживало стремленія къ скорѣйшему его осуществленію, согласно со своими польско-шляхетскими симпатіями. Услуги высшаго Кіевскаго духовенства за все это время ограничивались удовлетвореніемъ послѣдовавшей въ 1649 году просьбы изъ Москвы: прислать нѣсколько ученыхъ старцевъ, которые бы хорошо знали языки Эллинскій и Славянскій, чтобы помочь дѣлу исправленія церковныхъ книгъ. Для сего дѣла отправлены были старцы Кіевобратскаго монастыря Епифаній Славенецкій, Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій. За удовлетвореніе своей просьбы царь послалъ щедрую милостыню въ ихъ монастырь игумену Гизелю, а также и самому митрополиту Сильвестру Коссову.

Въ началѣ возстанія Хмѣльницкаго само Польское правительство извѣщало Москву о событіяхъ на Украйнѣ и союзѣ казаковъ съ Татарами; при чемъ на основаніи недавно заключеннаго договора напоминало обоюдное обязательство двинуть войско на помощь сосѣду въ случаѣ нашествія Крымцевъ. Москва не отвѣчала отказомъ, но и не спѣшила дѣйствовать. Вообще Поляковъ сильно тревожила мысль о томъ, какъ отнесется царь къ событіямъ, особенно въ трудное для нихъ время наступившаго безкоролевья и послѣ первыхъ побѣдъ Хмѣльницкаго. Опасаясь московскаго вмѣшательства въ пользу казаковъ, Поляки прибѣгли къ такому хитрому пріему. Вдругъ отъ сѣвскаго воеводы въ

Москвѣ получается основанное на нѣкоторыхъ польскихъ источникахъ донесеніе, будто бы паны-рада не хотятъ выбирать Яна Казиміра, такъ какъ Посполитая Рѣчь хочетъ быть подъ рукою царя Московскаго, и будто бы этого особенно желаютъ въ Бѣлой Руси, Кіевѣ, Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ. Такое донесеніе должно было задѣть молодого царя за чувствительную струну и обезоружить его по крайней мѣрѣ на время безкоролевья. Любопытно, что и самъ Богданъ Хмѣльницкій отчасти поддерживалъ сію заманчивую идею. Онъ воспользовался посланцемъ московскихъ воеводъ къ Адаму Киселю, задержалъ его и отправилъ съ нимъ на царское имя почтительное письмо, отъ 8 іюня 1648 года, съ извѣстіемъ объ одержанныхъ имъ побѣдахъ, Желтоводской и Корсунской, и съ выраженіемъ своего горячаго желанія, чтобы въ его землѣ былъ самодержавнымъ государемъ Алексѣй Михайловичъ; для чего предлагалъ немедлено «наступать на государство», изъявлялъ готовность служить царю всѣмъ своимъ войскомъ и совѣтовалъ неоткладывать сего наступленія. Тутъ еще нѣтъ рѣчи о подданствѣ Малороссіи собствено Московскому царю, а только о желаніи имѣть его государемъ въ самой Рѣчи Посполитой, главное же получить отъ него помощь не только людьми, но и денежнымъ жалованьемъ. Свое приглашеніе идти вмѣстѣ воевать Ляховъ Богданъ и потомъ не разъ посылаетъ московскимъ пограничнымъ воеводамъ, а по поводу (невѣрныхъ) слуховъ о предстоявшемъ будто бы соединеніи московскихъ войскъ съ польскими, упрекаетъ Москву въ измѣнѣ православію и грозитъ Божьимъ Судомъ.

Непосредственныя сношенія Хмѣльницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ начались, благодаря воздѣйствію помянутаго іерусалимскаго патріарха Паисія, который въ бытность свою въ Кіевѣ въ концѣ 1648 г. очень подружился съ знаменитымъ казацкимъ гетманомъ. Патріархъ съ прискорбіемъ смотрѣлъ на его союзъ съ бусурманскою ордою, убѣждалъ прибѣгнуть къ православному царю Московскому и предлагалъ свое посредничество; гетманъ тогда, послѣ Пилявицъ, по возвращеніи изъ-подъ Львова и Замостья, находился наверху своей силы и славы, и потому сначала не особенно склонялся на убѣжденія патріарха. Но скоро онъ увидѣлъ, что надежды, почему-то возлагаемыя имъ на благосклонныя отношенія новоизбраннаго короля Яна Казиміра къ казачеству, нисколько не оправдываются; что, напротивъ, польское правительство съ новымъ королемъ во главѣ принялось за дѣятельныя приготовленія къ подавленію казацкаго возстанія, для чего и пользуется заключеннымъ перемиріемъ. Тогда только Богданъ согласился на предложеніе Паисія и отправилъ съ нимъ въ Москву полковника Мужи-

ловскаго съ нѣсколькими казаками, какъ бы въ качествѣ почетнаго провожатаго, а въ самомъ дѣлѣ какъ своего посла къ царю съ просьбою о покровительствѣ и подданствѣ; что должно было оставаться тайной для Поляковъ. Въ Москвѣ полковника распросили въ Посольскомъ приказѣ о цѣли его пріѣзда и о томъ, что дѣлается у казаковъ съ Поляками. Мужиловскій разсказывалъ о послѣднихъ событіяхъ на Украйнѣ, а относительно своего пріѣзда хотѣлъ непременно объявить только самому царю. 4 февраля 1649 года царь съ обычными церемоніями принялъ гетманскаго посла въ присутствіи Паисія. Полковникъ положилъ къ ногамъ государя письмо, въ которомъ кратко излагалась исторія послѣдняго возстанія и польскихъ неправдъ, а въ заключеніи приводилось челобитье о царской помощи главнымъ образомъ для защиты православной христіанской вѣры. Челобитье изложено было въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и разногласило со словами Паисія, который говорилъ, что гетманъ желаетъ поступить подъ державу Московскаго государя. Мужиловскаго задержали, а къ гетману послали особаго гонца за разъясненіями. Богданъ отвѣчалъ, что казаки желаютъ имѣть его царское величество надъ собою государемъ православнымъ и вновь просилъ ратныхъ людей на помощь. Тогда Мужиловскому, назначенные для переговоровъ, бояринъ Пушкинъ и думный дьякъ Волошениновъ объявили, что съ Поляками у насъ заключенъ вѣчный миръ и потому послать ратныхъ людей нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они посовѣтовали казакамъ послать къ панамъ-радѣ и уговаривать ихъ выбрать своимъ королемъ русскаго государя, а если король уже выбранъ, то просить у нихъ согласія на поступленіе Запорожскаго войска въ царское подданство. Очевидно, въ Москвѣ еще не пришли ни къ какому положительному рѣшенію относительно вмѣшательства въ дѣла Малороссіи и выжидали, что скажутъ дальнѣйшія событія; потому и давали подобные невозможные для исполненія совѣты. Въ заключеніе Московское правительство изъявило готовность посредничать между Поляками и казаками, и въ половинѣ марта отпустило гетманскаго посла, наградивъ его со свитою государевымъ жалованьемъ, т.-е. деньгами, сукнами, соболями, и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ былъ первый непосредственный царскій посланецъ къ Хмѣльницкому Григорій Унковскій, сопровождаемый подьячимъ Домашневымъ, съ государевой грамотой и съ подарками для гетмана и нѣкоторыхъ членовъ казацкой старшины.

Когда Унковскій подъѣзжалъ къ Чигирину, ему выслана была почетная встрѣча съ Тимофеемъ Хмѣльницкимъ во главѣ. Гетманъ прислалъ съ извиненіями, что по болѣзни самъ не участвовалъ въ этой встрѣчѣ. Принимая потомъ посланца, онъ приложился къ печати на грамотѣ. Въ ней повто-

рялись помянутые выше совѣты. Гетманъ отвѣчалъ, что король уже избранъ и коронованъ и что государю слѣдуетъ теперь наступать на Литву. Въ происходившихъ затѣмъ переговорахъ Хмѣльницкій обнаружилъ школьныя историческія свѣдѣнія, разсуждая о прежнемъ единеніи православной Руси еще при Владимирѣ св.; онъ настойчиво приглашалъ къ общей войнѣ съ Поляками и къ отобранію у нихъ Смоленска и другихъ потерянныхъ городовъ; говорилъ о своемъ союзникѣ Крымскомъ ханѣ, который по окончаніи войны съ Поляками надѣется въ свою очередь съ помощью казаковъ освободиться отъ Турецкаго ига. Не преминулъ гетманъ похвалиться тѣмъ, что на предложеніе хана идти вмѣстѣ воевать Московское государство, онъ не только отказалъ, но и пригрозилъ соединиться съ московскимъ войскомъ противъ Крымцевъ, если они пойдутъ на государевы украйны. Посланецъ съ своей стороны указалъ на отказъ государя Полякамъ, просившимъ о помощи на основаніи мирнаго договора, и на то, что государь, узнавъ объ истребленіи посѣвовъ саранчей на Украйнѣ, позволилъ ея торговымъ людямъ свободно пріѣзжать въ свои города для покупки хлѣба и соли, а теперь дозволилъ имъ привозить въ порубежные города свои товары *безпошлинно*. Жаловался московскій посланецъ на Черкасъ, которые нападаютъ на порубежное населеніе, производятъ грабежи и всякія насилія, чего при Полякахъ не было. Гетманъ приказалъ писарю Выговскому послать грамоты порубежнымъ начальникамъ, чтобы такихъ людей наказывали безъ всякой пощады. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля гетманъ отпустилъ Унковскаго съ подарками и отвѣтною грамотою. Сей послѣдній во время своего чигиринскаго пребыванія успѣлъ собрать отъ разныхъ людей всякія свѣдѣнія (не всегда, впрочемъ, точныя) о политическихъ дѣлахъ Украйны, Польши, Литвы и другихъ сосѣдей, для чего щедро раздавалъ соболей, отпущенныхъ ему изъ царской казны. Изъ своихъ разспросовъ онъ убѣдился, что Малорусскій народъ, дѣйствительно, желаетъ поступить въ царское подданство, но такое дѣло пока оставлялъ на волю гетмана, который, какъ сказано выше, именно въ это время пользовался наибольшимъ народнымъ расположеніемъ.

Разъ завязавшіеся, переговоры гетмана съ Москвою продолжались. Вмѣстѣ съ Унковскимъ онъ отправилъ второго своего посла къ государю, именно черниговскаго полковника Ѳедора Вешняка, который повезъ грамоту гетмана съ новою просьбою о помощи ратными людьми и о принятіи его въ подданство съ войскомъ Запорожскимъ. Гетманъ въ подарокъ царю послалъ коня и лукъ. Вешнякъ былъ принятъ царемъ 5 іюня, а 13-го онъ имѣлъ уже отпускную аудіенцію. Ему выдали почти такое же царское жалованье какъ его предшественнику Мужиловскому и вру-

чили грамоту, въ которой царь похвалялъ усердіе къ нему гетмана, но о посылкѣ ратныхъ людей отвѣчалъ тоже что и прежде, т.-е.: заключенное съ королемъ Владиславомъ «вѣчное докончаніе нарушить немочно»; но безъ нарушенія сего докончанія, т.-е. съ согласія королевскаго величества, государь готовъ гетмана и все войско Запорожское «принять подъ свою высокую руку». Было въ томъ же 1649 году и еще столь же неуспѣшное отъ гетмана къ царю посольство, съ которымъ ѣздилъ полковникъ Иванъ Искра; а изъ Москвы въ концѣ этого года ѣздили въ Чигиринъ Гр. Нероновъ и подьячій Богдановъ съ царскою грамотою и съ соболями въ подарокъ. Московское правительство, обезпокоенное извѣстіемъ о намѣреніи Крымцевъ напасть на его украйны, вновь хлопотало, чтобы гетманъ ихъ не допускалъ до того. Гетманъ обѣщалъ, а съ своей стороны просилъ впредь удерживать Донскихъ казаковъ отъ нападенія на союзный ему Крымъ.

Въ это время переговоры Хмѣльницкаго съ Москвою приняли не особенно дружественный характеръ. Новыя побѣды надъ Поляками и Зборовскій договоръ даже произвели нѣкоторое охлажденіе. Гетманъ повысилъ тонъ въ своихъ сношеніяхъ съ пограничными воеводами: они жаловались ему, что порубежные казацкіе атаманы въ письмахъ своихъ не соблюдаютъ полнаго царскаго титула, что казаки насильно межи и грани портятъ, пашутъ, сѣютъ и пасѣки ставятъ на государевыхъ земляхъ; а гетманъ въ отвѣтъ бранилъ воеводскихъ посланцевъ и грозилъ воевать самоё Москву за то, что она не помогала ему противъ Поляковъ. «Вы де за дубье да за пасѣки говорите, а я де и города Московскіе и Москву сломаю!» Такъ грозилъ Богданъ, по увѣдомленію воеводскихъ отписокъ. Мало того, говорилъ и такія непригожія слова: «кто де на Москвѣ сидитъ, и тотъ де отъ меня неотсидится». Очевидно, подобныя угрозы произносились не въ трезвомъ видѣ, и только словесно, а въ письмахъ къ воеводамъ соблюдалась возможная вѣжливость. Не оправдались пока и сообщаемыя воеводами вѣсти о намѣреніи Татаръ напасть на московскія украйны, при чемъ Хмѣльницкій указывалъ и, кажется, справедливо на свою заслугу, что именно онъ удерживалъ бусурманъ отъ сихъ нападеній, о чемъ не разъ просило его Московское правительство. Неудовольствіе его на Москву, какъ указано выше, особенно обнаружилось въ слѣдующемъ 1650 и отчасти 1651 году, когда онъ не исполнилъ настоятельныхъ домогательствъ о выдачѣ Тимошки Анкудинова и далъ ему возможность ускользнуть изъ Малороссіи.

Межъ тѣмъ сношенія Варшавы съ Москвою продолжали носить дружественный характеръ. Для Поляковъ, конечно, было чрезвычайно важно

устранить вмѣшательство Москвы въ Украинскія дѣла, а потому они явно передъ нею заискивали и всячески старались помѣшать ея соглашенію съ мятежнымъ казацкимъ гетманомъ. Со своей стороны Московское правительство съ самаго начала возстанія держалось нейтралитета и предлагало только свое посредничество для возстановленія мира съ мятежниками. Молодому царю, повидимому, очень понравилось искусно пущенный Поляками слухъ о возможномъ избраніи его въ короли; о чемъ были рѣчи еще при заключеніи Поляновскаго договора. Въ Москвѣ не мало и серьезно носились съ этимъ коварнымъ слухомъ. Такъ, при отправленіи въ Варшаву гонцомъ дьяка Кунакова въ декабрѣ 1648 года, ему данъ былъ наказъ, въ которомъ, между прочимъ, прямо предписывалось напомнить панамъ-радѣ о помянутыхъ рѣчахъ и подать имъ надежду на согласіе государя. Когда же выбранъ былъ Янъ Казиміръ, то новый король и паны-рада продолжали мѣняться съ Москвою гонцами и посольствами и писать царю льстивыя посланія, гдѣ благодарили его за мирное расположеніе. Любопытно, что помянутый дьякъ Кунаковъ послѣ долгаго пребыванія въ Варшавѣ, возвратясь въ Москву, не только подалъ обстоятельныя донесенія о Польскихъ и Малороссійскихъ дѣлахъ, но и привезъ съ собою шесть печатныхъ книгъ или, какъ онъ выражается, «тетрадей», которыя относились къ современнымъ событіямъ и могли интересовать наше правительство. Подобныя же книги вообще московскіе гонцы и послы обыкновенно пріобрѣтали въ Польшѣ; а въ Москвѣ потомъ тщательно въ нихъ разыскивали и переводили то, что касалось ихъ обоюдныхъ отношеній, и особенно всякіе неблагопріятные о насъ отзывы или извѣстія. Находясь въ стѣсненномъ положеніи по случаю возстанія Хмѣльницкаго и его союза съ Татарами, Поляки, естественно, по наружности оказывали Московскому правительству дружелюбіе. Но въ Москву доходили извѣстія и о другой сторонѣ медали. Продолжавшееся мирное настроеніе и невмѣшательство молодого царя уже начинало объясняться Поляками какъ признакъ нашей слабости и робости. Такъ, по донесенію дьяка Кунакова, въ октябрѣ 1649 г., возвратившіеся изъ Москвы литовскіе послы въ Смоленскѣ вели такія рѣчи, послѣ которыхъ шляхта, собранная здѣсь въ осаду въ виду грозившей отъ Москвитянъ опасности, теперь стала разъѣзжаться въ свои маетности и предаваться обычнымъ банкетамъ; при чемъ похвалялась: «мы де боялись Москвы, а Москва де насъ больше того боится».

Собиравшееся посполитое рушенье, пораженіе казаковъ подъ Берестячкомъ и Бѣлоцерковскій договоръ произвели новый поворотъ въ отношеніяхъ гетмана къ сосѣдямъ. Союзъ съ Татарами оказался не только дорогъ, но и не надеженъ; номинальное подданство Турецкому султану

не принесло дѣйствительной помощи и не ограждало Украйны отъ польскихъ притязаній. Поэтому вновь завязались сношенія съ Москвою, просьбы и переговоры о подданствѣ. Они велись отчасти особыми посланцами, отчасти посредствомъ все тѣхъ же пріѣзжавшихъ въ Россію за милостынею греческихъ духовныхъ лицъ, каковы помянутые выше митрополиты, назаретскій Гавріилъ и кориноскій Іоасафъ, и разные старцы. (А іерусалимскаго патріарха Паисія Турки утопили). Теперь въ этихъ сношеніяхъ дѣятельное участіе сталъ принимать самый довѣренный человѣкъ гетмана, войсковой писарь Иванъ Выговскій, который и отправлялъ въ Москву грамоты не только отъ гетмана, но и лично отъ себя. Гетманъ и Выговскій писали смиренные и заискивающіе «листы» нетолько къ самому царю, но и къ его приближеннымъ, каковы бояре Борисъ Ив. Морозовъ, постельничій Ѳедоръ Мих. Ртищевъ, духовникъ царскій благовѣщенскій протопопъ Стефанъ и думный дьякъ Мих. Волошениновъ. Московское правительство съ своей стороны тщательно собирало всѣ свѣдѣнія о событіяхъ въ Польшѣ и на Украйнѣ, особенно послѣ Берестечка, ради котораго нарочно посылало подьячихъ гонцами къ гетману. Хитрый Выговскій при семъ даже пытался играть роль усерднаго московскаго доброхота, который не только хлопоталъ о принятіи Украйны подъ высокую царскую руку, но будто бы тайкомъ отъ гетмана сообщалъ гонцамъ о всѣхъ дѣлахъ и сношеніяхъ; передавалъ имъ копіи съ писемъ, полученныхъ гетманомъ отъ сосѣднихъ владѣтелей, и пугалъ намѣреніемъ польскаго короля и крымскаго хана соединенными силами напасть на Московское государство, отъ каковаго нападенія удерживаетъ ихъ только гетманъ Хмѣльницкій. Выговскому за усердіе посылали изъ Москвы щедрые подарки и оказывали большое довѣріе.

Въ сентябрѣ 1651 года видимъ въ Москвѣ гетманскимъ посланцемъ одного изъ полковниковъ, Сем. Савича, а въ мартѣ слѣдующаго 1652 г. Ив. Искру; послѣдній, между прочимъ, просилъ позволенія казакамъ отъ польскаго утѣсненія переселяться въ царскіе порубежные города. На это ему отвѣчали въ Посольскомъ приказѣ, что для сего есть въ Московскомъ государствѣ «пространныя, изобильныя земли» по рѣкамъ Дону и Медвѣдицѣ; а если селить въ порубежныхъ городахъ, то будетъ оттого ссора съ Польскими и Литовскими людьми. Въ концѣ того же 1652 года и въ началѣ 1653-го посланники отъ войска Запорожскаго, войсковой судья Самуилъ Богдановичъ съ товарищи, уже ведутъ въ Москвѣ переговоры о желаніи Малой Руси быть подъ высокой рукой царя. Для переговоровъ съ ними государь назначилъ боярина и оружейничаго Гр. Гавр. Пушкина и дьяковъ, думнаго Мих. Волошени-

пова и посольскаго Алмаза Иванова. Бояринъ и дьяки подробно разспрашивали посланниковъ о положеніи дѣлъ; а въ заключеніи спросили, какъ они разумѣютъ слова: «быть подъ высокою рукою царскою». Такимъ образомъ, практичная Москва не хотѣла ограничиться этою неопредѣленною фразою, а прямо поставила вопросъ объ условіяхъ. Гетманскіе посланники затруднились опредѣленнымъ отвѣтомъ и отозвались, что «о томъ они не вѣдаютъ, и отъ гетмана съ ними о томъ ничего не сказано, а вѣдаетъ то гетманъ». Посольство хотя также уѣхало ни съ чѣмъ; однако, обоюдные переговоры, очевидно, оживились и участились.

1653 годъ особенно отмѣченъ частымъ обмѣномъ посланниковъ между Москвою и Чигириномъ. Въ апрѣлѣ видимъ въ Москвѣ гетманскими посланниками Бырляя и Мужиловскаго, которые, между прочимъ, тщетно просили о пропускѣ ихъ въ Швецію къ королевѣ Христинѣ. А въ числѣ московскихъ посланцевъ къ гетману въ этомъ году встрѣчаемъ стрѣлецкаго голову дворянина Артамона Матвѣева и стольника Ладыжинскаго. Матвѣеву писарь Выговскій, якобы тайно отъ гетмана, вручилъ писанные къ Хмѣльницкому листы отъ Турецкаго султана, Крымскаго хана, Силистрійскаго паши и литовскаго гетмана Радивилла, а Ладыжинскому—письмо гетмана Потоцкаго. Листы эти списаны и переведены въ Москвѣ; въ августѣ обратно отправлены съ новымъ посланцемъ, подьячимъ Ив. Ѳоминымъ, и вручены Выговскому вмѣстѣ съ соболями, которые пожалованы ему царемъ за его радѣніе. Тому же Ѳомину Выговскій, опять якобы тайно, передалъ и новополученные подобные же листы. Самъ гетманъ, какъ оказалось, на ту пору «гулялъ по пасѣкамъ»; воротясь съ этихъ прогулокъ, онъ принялъ посланца съ большимъ почетомъ въ своей слободѣ Суботовѣ 17 августа. Къ этому времени уже выработались слѣдующіе обычаи при пріемѣ царскихъ посланниковъ гетманомъ. Поданную ему царскую грамоту прежде чѣмъ распечатать онъ поцѣловалъ въ печать; прочитавъ ее, опять поцѣловалъ, «поклонился въ землю средь свѣтлицы на государской милости» и отдалъ грамоту писарю Выговскому. Послѣ того Ѳоминъ отъ имени государя спросилъ о здоровьѣ гетмана, полковниковъ и все войско Запорожское. Гетманъ и находившаяся при немъ старшина низко поклонились, благодарили и повторили, что рады служить великому государю и во всемъ ему добра хотѣть. Тутъ подьячій вручилъ гетману сорокъ соболей въ 80 руб., да двѣ пары добрыхъ по 10 руб. пара, а Выговскому пару соболей также въ 10 рублей (кромѣ сорока соболей въ 70 руб. и двухъ паръ по 10 руб., которыя вручилъ ему *тайно* отъ гетмана). Затѣмъ гетманъ перешелъ въ другую свѣтлицу, гдѣ заперся вмѣстѣ съ Ѳоминымъ и Выговскимъ,

и втроемъ они совѣщались. Гетманъ указывалъ на свое трудное положеніе: вновь на него наступаютъ. Онъ вновь проситъ великаго государя принять подъ свою высокую руку «въ вѣчное холопство» и помочь ратными людьми. Богданъ напомнилъ, что стольникъ Ладыжинскій, съ которымъ они тоже совѣщались втроемъ, уже передавалъ имъ согласіе на то великаго государя. Ѳоминъ спросилъ, что извѣстно имъ о великихъ и полномочныхъ послахъ, князѣ Борисѣ Александровичѣ Рѣпнинѣ—Оболенскомъ съ товарищи, которыхъ его царское величество отправилъ къ королю по дѣламъ Украйны. Хмѣльницкій и Выговскій отвѣчали, что великіе послы находятся подъ Львовымъ и вступили въ переговоры съ королемъ и панами-радой; но тѣ ихъ задерживаютъ въ ожиданіи, чѣмъ рѣшится война съ казаками. Гетманъ, между прочимъ, разсказалъ подьячему о недавнемъ походѣ сына своего Тимофея подъ Сочаву на выручку его тещи. Окончивъ совѣщаніе, Богданъ позвалъ Ѳомина къ себѣ на обѣдъ; тутъ онъ торжественно провозгласилъ царскую здравицу. На слѣдующій день гетманъ вручилъ Ѳомину грамоту, написанную Выговскимъ и запечатанную войсковой печатью, все съ тою же просьбою къ царю. А на третій день, т.-е. 19-го августа, Ѳоминъ былъ отпущенъ. Самъ гетманъ пріѣхалъ къ нему на дворъ съ своею свитою. На сей разъ онъ былъ порядкомъ выпивши; говорилъ, что идетъ въ походъ на Поляковъ; что у него своего казацкаго войска будто бы со 100.000, опричь Татаръ, и со слезами повторялъ свое челобитье государю о принятіи въ вѣчное холопство и скорой помощи, хвастливо обѣщая уговорить къ поступленію въ такое же холопство своихъ друзей, Крымскаго хана и мурзъ. А не задолго передъ тѣмъ онъ чрезъ пограничныхъ воеводъ давалъ знать въ Москву, что если царь не внемлетъ его просьбамъ, то ему и войску Запорожскому ничего болѣе не остается, какъ отдаться въ подданство Турецкому султану.

Выше мы сказали, что гетманъ и войсковой писарь обращались съ просьбами о ходатайствѣ за Украйну къ разнымъ лицамъ, приближеннымъ къ царю. Но такія просьбы какъ-то мало имѣли дѣствія или лица эти не оказывали усердія въ своемъ ходатайствѣ. Когда же среди приближенныхъ самое высокое и вліятельное положеніе занялъ патріархъ Никонъ, Хмѣльницкій и Выговскій не замедлили устремить свои домогательства именно на патріарха. Такъ мы знаемъ, что они писали ему съ Бырляемъ и Мужиловскимъ, умоляя его стать за нихъ ходатаемъ предъ его царскимъ величествомъ за войско Запорожское и за православную Русскую церковь, угнетенную латынами. Никонъ, очевидно, былъ взятъ за чувствительныя струны. Съ Арт. Матвѣевымъ онъ отвѣчалъ, что не перестаетъ ходатайствовать. И гетманъ, и Выговскій, ис-

кусившіеся въ сочиненіи умильныхъ посланій, продолжали «низко и смиренно до лица земли бить челомъ Божіею милостію великому святителю, святѣйшему Никону, патріарху царствующаго града Москвы и всея великія Россіи, господину и пастырю, его великому святительству», умоляя его быть «неусыпнымъ ходатаемъ» у «пресвѣтлаго царскаго величества», «да подастъ руку помощи на враговъ» «прескорѣйшею ратію своею великою государскою» и «да пребудетъ (войско Запорожское) подъ крѣпкою его великаго государства рукою и покровомъ», и т. п. Именно съ такого рода мольбами явился въ Москву гетманскій посланникъ Герасимъ Яцковичъ съ товарищами въ августѣ того же года, т.-е. въ то самое время, когда въ Чигиринѣ пребывалъ Иванъ Ѳоминъ. Царь принялъ ихъ милостиво. Никонъ на сей разъ ограничился пріемомъ у себя и благословеніемъ посланцевъ гетмана, и хотя никакой собственой грамоты имъ не вручалъ, но по всѣмъ признакамъ не безъ его вліянія царь, наконецъ, рѣшился покончить съ Польско-Казацкимъ вопросомъ и принять Малую Русь подъ свою высокую руку.

Согласно со своими традиціями все дѣлать не торопясь и осторожно, долго Москва не рѣшалась удовлетворить просьбамъ гетмана и войсковой старшины; она все наблюдала и присматривалась къ событіямъ и ждала какъ выяснятся обстоятельства. Наконецъ, наступилъ моментъ, пропустить который и терять время на дальнѣйшее ожиданіе было-бы большою и непоправимою ошибкою. Если Хмѣльницкій и войско Запорожское оказались почти въ безвыходномъ положеніи, то и Москвѣ грозила явная опаснось не только упустить благопріятное время для возсоединенія Малой Россіи съ Великой и затѣмъ съ помощію первой воротить Смоленскъ и другіе русскіе города, оторванные Сигизмундомъ III и Владиславомъ IV, но и быть готовой на новыя потери. Ибо, подчинивъ себѣ вновь казаковъ, Поляки не стали бы удерживать Крымцевъ отъ нашествія на Московское государство, но, по всей вѣроятности, обрушились бы на него вмѣстѣ съ ними и съ казаками; къ чему уже давно подговаривалъ ихъ Исламъ Гирей. Все это было, конечно, обсуждено и взвѣшено въ совѣтѣ молодого государя вмѣстѣ съ ближними людьми и патріархомъ.

Въ началѣ сентября на отпускѣ гетманскимъ посланцамъ было объявлено, что государь отправляетъ въ Чигиринъ ближняго стольника Матвѣя Стрѣшнева и дьяка Мартемьяна Бредихина со своимъ «государскимъ жалованьемъ» (съ соболями для гетмана и старшины на 2352 рублей). Въ грамотѣ, которую эти послы должны были вручить Богдану, было написано: «И о чемъ они тебѣ говорить учнутъ, и тебѣ бы въ томъ имъ вѣрить и къ намъ великому государю отпу-

стить ихъ не задержавъ». Они везли съ собою согласіе на просьбу Хмѣльницкаго о принятіи его подъ высокую государеву руку (если посольство кн. Рѣпнина въ Польшу окажется безуспѣшно). Но имъ пришлось довольно долго ожидать въ Чигиринѣ гетмана, который находился тогда въ походѣ противъ Поляковъ. Тщетно посланники требовали, чтобы ихъ проводили къ нему въ войско. Гетманъ все еще сохранялъ тайну своихъ переговоровъ съ Москвою и особенно не хотѣлъ ихъ обнаружить передъ своимъ союзникомъ Исламъ-Гиреемъ. Только по заключеніи Жванецкаго договора и по возвращеніи гетмана въ Чигиринъ, уже въ концѣ декабря, Стрѣшневъ и Мартемьяновъ вручили ему царскую грамоту и подарки; послѣ чего были отпущены. ([8]).

Въ Москвѣ царское рѣшеніе о принятіи Малороссіи въ подданство прежде всего постарались закрѣпить соборнымъ приговоромъ.

Еще въ началѣ 1651 года былъ созываемъ Земскій Соборъ, на обсужденіе котораго предлагался Малороссійскій вопросъ вмѣстѣ съ польскими неправдами, каковы: несоблюденіе царскаго титула, изданіе книгъ, заключавшихъ безчестія и укоризны московскимъ чинамъ и самому государю, подговоры Крымскаго хана сообща воевать Московское государство и т. п. Но тогда Великая Земская Дума высказалась за принятіе Малой Россіи и за войну съ Поляками условно: если они не исправятся, т.-е. не дадутъ удовлетворенія. Очевидно, Малороссійскій вопросъ еще недостаточно назрѣлъ въ глазахъ Московскаго правительства; оно выжидало, что покажутъ дальнѣйшія обстоятельства, продолжая сохранять мирный договоръ съ Польшею, и въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ нею пока ограничивалось жалобами на нарушеніе статей «вѣчнаго докончанія», главнымъ образомъ на несоблюденіе полнаго царскаго титула, а также на безчестіе, наносимое изданіемъ книгъ, исполненныхъ хулы на царя и на все Московское государство. Наше правительство даже требовало ни болѣе ни менѣе какъ смертной казни виновныхъ въ томъ лицъ, согласно съ сеймовой конституціей (постановленіемъ) 1638 года. Такое требованіе предъявили въ 1650 году московскіе послы бояринъ и оружейничій Григорій Гавр. Пушкинъ съ товарищи, а въ 1651 г. посланники Аѳанасій Прончищевъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ. Король и паны-рада на подобное требованіе отвѣчали разными отговорками, называли его «малымъ дѣломъ» и присылали посольства съ пустыми оправданіями, при чемъ сваливали вину на лица незначительныя и неизвѣстно гдѣ пребывавшія. Съ подобнымъ отвѣтомъ являлись, напримѣръ, въ Москву въ іюлѣ 1652 года польскіе посланники королевскій дворянинъ Пенцеславскій и королевскій секретарь

Упеховскій. Въ слѣдующемъ 1653 году, когда происходила послѣдняя отчаянная борьба казаковъ съ Поляками и когда со стороны Хмѣльницкаго сдѣлались особенно настойчивы просьбы царю о принятіи Малой Россіи въ его подданство, въ Москвѣ сочли возможнымъ вмѣшаться въ эту борьбу; но начали со вмѣшательства дипломатическаго.

Въ апрѣлѣ государь отправилъ въ Польшу великихъ и полномочныхъ пословъ бояръ-князей Бориса Александровича Рѣпнина-Оболенскаго и Ѳед. Ѳед. Волконскаго съ посольскимъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ и большою свитою. Это посольство предъявило тѣ же требованія о наказаніи виновныхъ въ «пропискахъ» царскаго титула или въ умаленіи «государской чести»; кромѣ того, жаловалось на грабежи польскихъ и литовскихъ людей въ порубежныхъ городахъ и на вывозъ крестьянъ изъ боярскихъ и дворянскихъ вотчинъ и помѣстій, на коварныя ссылки съ Крымскимъ ханомъ и пропускъ его посла въ Швецію все съ тѣмъ же умысломъ, т.-е. сообща воевать Московское государство. Но всѣ сіи польскія неисправленія московскіе послы именемъ государя предлагали предать забвенію, если Рѣчь Посполитая прекратитъ гоненіе на православную вѣру, возвратитъ церкви, отобранныя на унію, покончитъ междоусобную войну съ казаками и утвердитъ съ ними миръ по Зборовскому договору. На эти представленія паны—рада не дали никакого удовлетворительнаго отвѣта, а надъ требованіемъ смертной казни для лицъ, виновныхъ въ пропискахъ титула, прямо смѣялись; противъ же казаковъ польскія войска выступили въ походъ еще во время пребыванія у нихъ нашего посольства. Послѣднее уѣхало ни съ чѣмъ; хотя и заявляло, что его царское величество польскія неисправленія больше терпѣть не будетъ, а «за православную вѣру и свою государскую честь стояти будетъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ». Только въ концѣ сентября князь Рѣпнинъ-Оболенскій съ товарищи воротился въ Москву. Здѣсь своевременно получали извѣстія о неудачномъ ходѣ переговоровъ, и, конечно, заранѣе разсчитывали на эту неудачу; а потому уже приняли соотвѣтственныя рѣшенія и готовились къ вооруженной борьбѣ. Рѣшенія эти, какъ мы сказали, молодой царь и Боярская Дума сочли нужнымъ подкрѣпить торжественнымъ всенароднымъ согласіемъ. Съ сею цѣлью заранѣе былъ созванъ въ Москвѣ обычный Земскій соборъ изъ духовенства, бояръ, дворянъ, торговыхъ и всякихъ чиновъ людей.

Соборъ началъ свои засѣданія въ іюнѣ мѣсяцѣ и не спѣша обсуждалъ важный Малороссійскій вопросъ. Закончился онъ 1 октября, въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Царь съ боярами слушалъ обѣдню въ храмѣ сего праздника (болѣе извѣстномъ подъ именемъ Ва-

силія Блаженнаго); а затѣмъ съ крестнымъ ходомъ прибылъ въ Грановитую палату, гдѣ собрались думные и выборные земскіе люди вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, имѣвшимъ во главѣ патріарха Никона. Въ началѣ засѣданія прочтено было (думнымъ дьякомъ) изложеніе помянутыхъ выше польскихъ неправдъ и казацкихъ домогательствъ передъ царемъ; при чемъ сообщалось о прибытіи новаго гетманскаго посланца Лаврина Капуты съ извѣщеніемъ о возобновившейся войнѣ съ Поляками и съ просьбою о помощи хотя небольшимъ числомъ ратныхъ людей.

На соборѣ Малороссійскій вопросъ ставился на почву по преимуществу религіозную; на передній планъ выдвигалось спасеніе Западнорусской православной церкви отъ польскаго гоненія и отъ вводимой Поляками уніи. Указывалось на то, что король Янъ Казиміръ при своемъ избраніи присягалъ на свободѣ «разнствующихъ» христіанскихъ вѣроисповѣданій и заранѣе разрѣшалъ подданныхъ своихъ отъ вѣрности и себѣ отъ послушанія, если онъ не сдержитъ сей присяги и начнетъ тѣснить кого за вѣру; а такъ какъ онъ присяги своей не сдержалъ, то православные люди сдѣлались вольными и могутъ теперь вступить въ подданство иному государю. Чины земскаго собора подавали свои голоса по обычному порядку. Отвѣты ихъ, конечно, уже сложились заранѣе и теперь облекались только въ торжественную форму. Мнѣніе освященнаго собора было уже извѣстно. Вслѣдъ за тѣмъ и бояре въ своемъ отвѣтѣ упирали главнымъ образомъ на гонимое православіе, а также на опасеніе, чтобы Запорожское войско по нуждѣ не поддалось бусурманскимъ государямъ, Турецкому султану или Крымскому хану; поэтому—заключали они—слѣдуетъ «принять подъ высокую государскую руку гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско Запорожское съ городами и землями». За боярами повторили то же самое придворные чины, дворяне и дѣти боярскіе, стрѣлецкіе головы, гости, торговыя и черныя сотни и тяглые люди дворцовыхъ слободъ. Служилые люди по обычаю выразили готовность за государскую честь биться съ Литовскимъ королемъ, не щадя своихъ головъ; а торговые люди обязались чинить для войны «вспоможенье» (денежное) и также «помирать головами за Государя. Вслѣдъ за приговоромъ собора въ тотъ же день объявлено, очевидно заранѣе приготовленное, посольство боярина Вас. Вас. Бутурлина, стольника Алферьева и думнаго дьяка Ларіона Лопухина, которое должно было ѣхать въ Кіевъ и на Украйну, чтобы привести къ присягѣ на подданство гетмана, все войско Запорожское, мѣщанъ «и всякихъ жилецкихъ людей».

Хотя переговоры о соединеніи Украйны съ Великою Россіей велись преимущественно на религіозной основѣ, а Московское правительство

въ особенности выдвигало на передній планъ спасеніе православія въ Малой Руси, однако, любопытнымъ является то обстоятельство, что высшее малороссійское духовенство совсѣмъ почти не участвовало въ сихъ переговорахъ и—какъ мы уже указывали—не изъявляло никакого желанія промѣнять польское подданство на московское. Монахи же и священники, наоборотъ, явно стремились къ такой перемѣнѣ и даже въ значительномъ числѣ уходили въ Московское государство.

Дѣло въ томъ, что митрополитъ, епископы и настоятели важнѣйшихъ монастырей большею частію происходили изъ той русской шляхты, которая хотя и сохраняла еще православіе, но уже подверглась значительному ополяченію въ своемъ языкѣ, обычаяхъ, убѣжденіяхъ и чувствахъ, весьма несочувственно относилась къ самодержавному Московскому строю и свысока смотрѣла на московскихъ людей, считая ихъ значительно низшими себя по культурѣ и чуть ли не варварами. Нагляднымъ примѣромъ тому, кромѣ извѣстнаго Адама Киселя, служитъ православный малорусскій шляхтичъ Іоахимъ Ерличъ, который въ своихъ запискахъ враждебно относится къ возстанію Хмѣльницкаго и ко всякому непріятелю Рѣчи Посполитой. Кіевская іерархія именно въ это время была шляхетскаго происхожденія и вышла изъ школы Петра Могилы, который, какъ извѣстно, состоялъ въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ польскою аристократіей, и если обращался въ Москву, то ради только вспоможенія на школы и храмы. Преемникъ его на митрополіи Сильвестръ Коссовъ, родомъ бѣлорусскій шляхтичъ, точно такъ же охотно пользовался милостынею изъ Москвы и по ея требованію посылалъ кіевскихъ ученыхъ; но онъ болѣе дорожилъ связанными съ его каѳедрой маетностями и привилегіями, былъ доволенъ улучшившимся во времена Хмѣльницкаго положеніемъ высшаго православнаго духовенства и не выражалъ никакого желанія возсоединить малороссійскую паству съ великорусскою. Ему нисколько не улыбалась мысль промѣнять свою номинальную зависимость отъ Константинопольскаго патріарха, т.-е. почти полную самостоятельность, на дѣйствительное подчиненіе суровому Московскому патріарху. Кромѣ того, съ отпаденіемъ Украйны отъ Польши православная паства дѣлилась на двѣ части; ибо Бѣлоруссія и Волынь оставались за Поляками; слѣдовательно, Кіевскій митрополитъ могъ лишиться и власти, и доходовъ въ этой другой части своей митрополіи. Поэтому онъ не только не обидѣлся отказомъ сенаторовъ принять его въ свою среду, вопреки Зборовскому договору, но и послѣ того продолжалъ являться посредникомъ между Хмѣльницкимъ и Польскимъ правительствомъ и хлопотать объ ихъ примиреніи. Въ томъ же духѣ дѣйствовали преемникъ Петра Могилы на Кіевопечер-

ской архимандріи Іосифъ Тризна и отчасти кіевобратскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Московское правительство, конечно, обратило вниманіе на ихъ постоянное неучастіе въ челобитьѣ гетмана о подданствѣ и выражало свое недоумѣніе; но Хмѣльницкій увѣрялъ въ ихъ тайномъ съ нимъ согласіи, а молчаніе оправдывалъ страхомъ передъ мщеніемъ Поляковъ въ случаѣ, если его челобитье не увѣнчается успѣхомъ. Когда же оно увѣнчалось, тогда и обнаружились истинныя отношенія малорусскихъ іерарховъ къ дѣлу возсоединенія.

9 октября 1653 года, послѣ богослуженія въ Успенскомъ соборѣ и цѣлованія царской руки, изъ Москвы выѣхали на Украйну названные выше великіе и полномочные послы. При семъ бояринъ Бутурлинъ наименованъ былъ намѣстникомъ Тверскимъ, а окольничій Алферьевъ намѣстникомъ Муромскимъ. Ихъ сопровождала большая свита: кромѣ духовенства, она заключала до 50 человѣкъ стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дворянъ, подьячихъ и переводчиковъ и 200 стрѣльцовъ приказа (полку) Артамона Матвѣева. При стрѣльцахъ находился и самъ ихъ голова, т.-е. Матвѣевъ.

Послы снабжены были соотвѣтственными грамотами и подробными наказами; а для раздачи гетману, всей старшинѣ Запорожскаго войска и высшему духовенству они везли съ собою богатую соболиную казну. Дорогою ихъ нагналъ гонецъ съ приказомъ: въ Путивлѣ подождать, назначенныя для гетмана, булаву, знамя, ферязь и шапку горлатную. Прибывъ въ Путивль 1 ноября, послы согласно наказу послали въ Чигиринъ подьячаго провѣдать, гдѣ находится гетманъ. Послѣдній, какъ извѣстно, находился въ Жванецкомъ походѣ, и великимъ посламъ, подобно Стрѣшневу и Бредихину, довольно долго пришлось ожидать его возвращенія. Послы, впрочемъ, не теряли времени даромъ, а всѣми способами усердно собирали вѣсти о положеніи дѣлъ на Украйнѣ, о дѣйствіяхъ гетмана, о Полякахъ, Крымцахъ и т. п.; пересылались также со Стрѣшневымъ, и обо всемъ отправляли донесенія въ Москву. Между прочимъ, донесли, что въ Миргородъ пришло распоряженіе отъ Хмѣльницкаго строить большой домъ для его жены; для чего до 500 подводъ свозятъ изъ разныхъ городовъ разобранные панскіе хоромы; а другой дворъ тамъ же строятъ для писаря Выговскаго.

3 декабря въ Путивль пріѣхалъ изъ обоза подъ Жванцемъ кальницкій полковникъ Ѳедоренко съ казацкою свитою, привезъ листы отъ гетмана посламъ и предложилъ проводить ихъ въ Переяславъ; туда приглашалъ гетманъ, а не въ Чигиринъ потому, что этотъ городъ малъ и скуденъ хлѣбомъ и кормомъ, по причинѣ саранчи и засухи. Послы отпустили Ѳедоренка назадъ, а сами оставались въ Путивлѣ, все еще ожидая изъ Москвы

гетманскихъ регалій и дальнѣйшихъ распоряженій. Получивъ все это, только 20 ноября посольство двинулось изъ Путивля за рубежъ. Тутъ съ перваго казацкаго городка Корыбутова начались торжественныя встрѣчи, по гетманскому распоряженію. За десять верстъ отъ городка посольство встрѣтилъ сынъ Ѳедоренка съ сотнею казаковъ подъ знаменемъ и говорилъ привѣтствіе. Въ Николаевскомъ храмѣ городка служили ѣхавшіе съ послами московскія духовныя лица; при чемъ благовѣщенскій дьяконъ Алексѣй «кликалъ многолѣтье» государю, государынѣ и благовѣрнымъ царевнамъ; на правомъ крилосѣ «пѣли многолѣтіе» священники и дьяконы монастырей Чудова и Саввы Сторожевскаго, а на лѣвомъ мѣстный священникъ съ причетниками. Собравшееся въ церковь населеніе молилось и плакало отъ радости, «что Господь Богъ велѣлъ имъ быть подъ государевою рукою». Затѣмъ подобныя встрѣчи и молебствія происходили и далѣе. Въ Красномъ навстрѣчу, кромѣ казаковъ со знаменемъ, вышли также священники въ ризахъ со крестами, иконами и святою водою при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Далѣе слѣдовали городокъ Ивонница, полковой городъ Прилуки (гдѣ встрѣчалъ полковникъ Воронченко), мѣстечки Галица, Быково, Барышевка и пр. Во время своего торжественнаго шествія послы постоянно обмѣнивались гонцами и грамотами съ Хмѣльницкимъ и Выговскимъ.

31 декабря посольство достигло Переяслава. За пять верстъ его встрѣтилъ переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря съ сотниками, атаманами и 600 казаками при звукахъ трубъ и литавръ. Сошедъ съ коня, полковникъ обратился къ боярину Бутурлину и другимъ посламъ съ привѣтствіемъ, которое указывало на его знакомство съ реторикой и начиналось словами: «Благовѣрный благовѣрнаго и благочестивый благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Руси самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, его государскаго величія великій бояринe и прочіе господіе! Съ радостію ваше благополучное пріемлемъ пришествіе» и т. д. У городовыхъ воротъ ожидало населеніе съ женами и дѣтьми и городское духовенство со крестами и образами. Когда послы и ихъ свита приложились къ образамъ и окропились св. водою, протопопъ Григорій также говорилъ имъ привѣтственное слово, которое закончилъ такъ: «Радующежеся внійдите въ богоспасаемый градъ сей, совѣтуйте мирная, благая и полезная всему христіанству, яко да вашимъ благоустроеніемъ подъ его царскаго пресвѣтлаго величества тихо осѣняющими крилы почіетъ и наше Малыя Россіи православіе». Отсюда посольство вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ пѣшее двинулось въ соборный Успенскій храмъ, куда

внесли и московскій образъ Спаса, отпущенный царемъ на Украйну съ послами. Въ соборѣ совершено молебствіе о здравіи царя, царицы и царевенъ. Изъ собора послы при пушечной пальбѣ въ сопровожденіи казачества отправились на отведенное имъ подворье.

Гетманъ въ то время пребывалъ въ Чигиринѣ и пока не ѣхалъ въ Переяславъ по причинѣ трудной переправы черезъ Днѣпръ, по которому шли ледяныя икры, и рѣка еще не стала. 6 января въ день Крещенья отъ Переяслава былъ крестный ходъ на рѣку Трубежъ, на іордань; вмѣстѣ съ переяславскимъ духовенствомъ тутъ служили и московскіе, именно: архимандритъ казанскаго Преображенскаго монастыря Прохоръ, рождественскій протопопъ Андреянъ, Саввы Сторожевскаго попъ Іона и дьяконы. Передъ вечеромъ въ этотъ день прибылъ гетманъ, а на слѣдующій день и писарь Выговскій. По призыву гетмана въ Переяславъ съѣхались многіе полковники и сотники. Вечеромъ 7-го числа Хмѣльницкій пріѣхалъ на посольское подворье съ Выговскимъ и полковникомъ Тетерею. Бояринъ Бутурлинъ съ товарищи сообщилъ ему милостивое государево рѣшеніе или указъ на его челобитье (о подданствѣ), и условился съ нимъ, чтобы на завтра гетманъ объявилъ указъ на съѣзжемъ дворѣ и затѣмъ совершилась бы присяга на вѣрность государю.

Такъ и было все исполнено.

Поутру 8 января сначала происходила у гетмана тайная рада изъ полковниковъ и всей войсковой наличной старшины, которая тутъ подтвердила свое согласіе на московское подданство. Затѣмъ долгое время на городской площади били въ барабанъ, пока во множествѣ собрались казаки и прочіе жители Переяслава на всенародную раду. Раздвинули толпу, устроили просторный кругъ для войска и старшины. Посреди круга стоялъ гетманъ подъ бунчукомъ, а около него судьи, есаулы, писарь и полковники. Войсковой есаулъ велѣлъ всѣмъ молчать. Когда водворилась тишина, гетманъ обратился къ народу съ рѣчью.

«Панове полковники, ясаулы, сотники и все войско Запорожское и вси православные христіане!—началъ онъ.—Вѣдомо вамъ всѣмъ, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ Церковь Божію и озлобляющихъ все христіанство нашего православія восточнаго, что уже шесть лѣтъ живемъ безъ государя въ нашей землѣ въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ гонители и враги нашими, хотящими искоренить Церковь Божію, дабы имя русское не помянулось въ земли нашей; что уже вельми намъ всѣмъ докучило, и видимъ, что нельзя намъ жити боле безъ царя. Для того нынѣ собрали есми раду явную всему народу, чтобъ есте себѣ съ нами обрали государя изъ

четырехъ котораго вы хощете». Затѣмъ послѣдовало указаніе на Турецкаго султана, Крымскаго хана, Польскаго короля и Московскаго царя. Первые два бусурмане и враги христіанъ; третій дѣйствуетъ за одно съ польскими папами, которые жестоко утѣсняютъ православный Русскій народъ. Остается единовѣрный благочестивый царь восточный. «Кромѣ его высокія царскія руки,—закончилъ гетманъ,—благотишайшаго пристанища не обрящемъ, а будетъ кто съ нами не согласуетъ, теперь куды хочетъ вольная дорога».

На эту рѣчь весь народъ возопилъ: «Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!»

Полковникъ Тетеря, обходя кругъ, на всѣ стороны спрашивалъ: «Вси ли такъ соизволяете?»

«Вси»—единодушно отозвался народъ.

«Буди тако»—молвилъ гетманъ.—«Да Господь Богъ насъ укрѣпитъ подъ его царскою крѣпкою рукою».

«Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобъ есми вовѣки вси едино были!»—повторялъ народъ.

Хмѣльницкій съ старшиною отправился на съѣзжій дворъ, гдѣ его ожидалъ бояринъ Бутурлинъ съ товарищи. Бояринъ объявилъ о государевой грамотѣ къ гетману и всему войску Запорожскому и вручилъ ему эту грамоту. Гетманъ поцѣловалъ ее, распечаталъ, и, отдавъ писарю Выговскому, велѣлъ читать вслухъ. Послѣ прочтенія гетманъ и полковники выразили свою радость и свою готовность служить, прямить и головы складывать за государя. Спросивъ ихъ царскимъ именемъ о здоровьѣ, Бутурлинъ обратился къ гетману съ рѣчью, въ которой изложилъ вкратцѣ о постоянно возобновлявшемся челобитьѣ его царскому величеству принять Запорожское войско подъ его высокую руку, о тщетныхъ попыткахъ царя помирить казаковъ съ Поляками и удержать сихъ послѣднихъ отъ гоненія на православную вѣру, о совершившемся согласіи царя на челобитье. Закончилъ бояринъ призывомъ къ вѣрной службѣ государю и обѣщаніемъ царской милости войску и обороны отъ враговъ.

Со съѣзжаго двора гетманъ и царскіе послы поѣхали въ каретѣ къ соборному Успенскому храму. Здѣсь уже ожидали ихъ московскія духовныя лица съ архимандритомъ Прохоромъ и мѣстное духовенство съ протопопомъ Григоріемъ, которое встрѣтило ихъ на паперти со крестами и кадилами. Въ церкви духовенство, облачась въ ризы, хотѣло начать чтеніе присяги по чиновной книгѣ, присланной изъ Москвы. Но тутъ возникло нѣкоторое затрудненіе или, точнѣе, произошло первое столкновеніе самодержавнаго московскаго строя съ польскими

понятіями и обычаями, которымъ не осталась чужда и Малорусская украйна.

Хмѣльницкій вдругъ изъявилъ желаніе, чтобы московскіе послы именемъ своего государя учинили присягу не нарушать вольностей войска Запорожскаго, соблюдать всѣ его состоянія съ ихъ земельными имуществами и не выдавать его Польскому королю. Бояринъ Бутурлинъ съ товарищи отвѣтили, что въ Московскомъ государствѣ подданные чинятъ присягу своему государю, а не наоборотъ, и затѣмъ обнадеживали, что царь пожалуетъ гетмана и войско Запорожское, вольностей у нихъ не отниметъ и какими маетностями кто владѣлъ, тѣмъ велитъ владѣть попрежнему.

Гетманъ сказалъ, что онъ поговоритъ о томъ съ полковниками, и пошелъ на дворъ къ Павлу Тетерѣ. Тамъ происходило совѣщаніе, а послы и духовенство стояли въ церкви и ждали. Старшина прислала Тетерю и еще миргородскаго полковника Сахновича, которые повторили ту же просьбу; а Бутурлинъ повторилъ тотъ же свой отвѣтъ, говоря: «николи того не повелось, чтобы подданнымъ давать присягу за своего государя, а даютъ присягу подданные государю». Полковники указали на польскихъ королей, которые присягаютъ своимъ подданнымъ. Послы возразили, что «того въ образецъ ставить непристойно, потому что тѣ короли невѣрные и не самодержцы», и убѣждали полковниковъ «такихъ непристойныхъ рѣчей не говорить». Полковники попробовали сослаться на казаковъ, которые будто бы требуютъ присяги. Бутурлинъ напомнилъ, что великій государь принялъ ихъ подъ свою высокую руку по ихъ же челобитью ради православной вѣры, и совѣтовалъ такихъ людей отъ непристойныхъ словъ унимать. Московскій бояринъ-дипломатъ при семъ искусно замѣтилъ, что государь вѣроятно пожалуетъ войско Запорожское еще большими милостями и льготами, чѣмъ сами польскіе короли. Полковники ушли; вскорѣ гетманъ и вся старшина воротились и объявили, что они во всемъ полагаются на милость государя и «вѣру (присягу), по евангельской заповѣди, великому государю вседушно учинить готовы».

Послѣ того архимандритъ Прохоръ привелъ къ присягѣ гетмана и старшину по чиновной книгѣ. По окончаніи ея благовѣщенскій дьяконъ Алексѣй (вѣроятно обладавшій хорошимъ голосомъ) кликалъ государю многолѣтіе. Многіе изъ предстоявшаго народа проливали слезы радости. Гетманъ съ послами поѣхалъ въ каретѣ на съѣзжій дворъ, куда полковники и прочіе люди пошли пѣшкомъ. Тамъ гетману вручили отъ царя знамя, булаву, ферязь, шапку и соболи; врученіе каждой изъ этихъ вещей бояринъ Бутурлинъ, согласно своему наказу, сопрово-

ждалъ соотвѣтственнымъ словомъ. Напримѣръ, отдавая шапку, онъ говорилъ: «Главѣ твоей, отъ Бога высокимъ умомъ вразумленной и промыслъ благоугодный о православія защищеніи смышляющей, сію шапку пресвѣтлое царское величество въ покрытіе даруетъ, да Богъ здраву главу твою соблюдая, всяцемъ разумомъ ко благу воинства преславнаго строенію вразумляетъ» и т. д. За гетманомъ роздано было «государево жалованье» (соболи и другіе подарки) Выговскому, полковникамъ, есауламъ и обозничему. Хмѣльницкій со старшиною возвращался къ себѣ на дворъ пѣшій въ пожалованныхъ ему ферязи и шапкѣ съ булавою въ рукѣ, а передъ нимъ несли развернутое знамя.

На слѣдующій день архимандритъ съ освященнымъ соборомъ въ томъ же храмѣ приводили къ присягѣ сотниковъ, полковыхъ есауловъ и писарей, простыхъ казаковъ и мѣщанъ. Затѣмъ послы вытребовали отъ гетмана роспись городамъ и мѣстамъ, которыми владѣетъ войско Запорожское, для того, чтобы въ большіе города ѣхать самимъ для отобранія присяги, а въ иные послать стольниковъ и дворянъ. Въ происходившихъ затѣмъ бесѣдахъ гетмана съ послами онъ высказалъ пожеланія, которыя просилъ довести до государя. А именно: во-первыхъ, чтобы всякій оставался въ своемъ чину, шляхтичъ шляхтичемъ, казакъ казакомъ, а мѣщанинъ мѣщаниномъ, и по смерти его маетность не отнимать у жены и дѣтей, какъ то дѣлали Поляки, которые эти маетности отбирали на себя; во-вторыхъ, учинить войско Запорожское въ 60.000 человѣкъ, да хотя бы и больше того, тѣмъ лучше, потому что «жалованья они у царскаго величества на тѣхъ казаковъ не просятъ». Послы обнадежили гетмана царскимъ согласіемъ на эти пожеланія. Всѣ же имѣнія королевскія, панскія, католическихъ церквей и монастырей условлено было отобрать на государя.

Писарь Выговскій продолжалъ усердствовать; увѣрялъ, что и въ Литовскихъ городахъ, узнавъ о совершившемся въ Малой Россіи, многіе поспѣшатъ также перейти подъ высокую царскую руку, и вызвался написать о томъ въ Могилевъ къ знакомому ему православному шляхтичу, а послѣдній съ Могилевцами будетъ писать въ другіе города. Однако это усердіе не помѣшало ему 12 января вмѣстѣ съ полковниками придти къ посламъ и просить у нихъ по образцу польскому письменнаго обязательства въ томъ, что вольности, права и маетности казацкія не будутъ нарушены. Это будто бы нужно было полковникамъ, пріѣхавъ въ свои полки, показать людямъ, а иначе въ городахъ будетъ сомнѣніе, когда стольники и дворяне начнутъ отбирать присягу. Послы конечно отклонили и эту просьбу, назвавъ ее «дѣломъ нестаточнымъ». Мѣстные православные шляхтичи также явились къ посламъ съ прось-

бою оставить за ними разные уряды, которые они сами себѣ понаписали. Эта просьба также была устранена и названа «непристойною». Гетманъ простился съ послами и уѣхалъ въ Чигиринъ.

Сеунщикомъ, т.-е. вѣстникомъ, къ государю съ отписками пословъ отправился стрѣлецкій голова Артамонъ Матвѣевъ.

Послы разослали стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ въ города всѣхъ 17 малороссійскихъ полковъ для отобранія присяги; а сами 14 числа отправились въ Кіевъ, куда и прибыли черезъ два дня. За десять верстъ отъ города еще до переправы черезъ Днѣпръ пословъ встрѣчали кіевскіе сотники съ знаменами и болѣе тысячи казаковъ. А не доѣзжая городскаго валу версты полторы отъ Золотыхъ воротъ, они были встрѣчены кіевскими игумнами и настоятелями, выѣхавшими въ возкахъ и саняхъ съ митрополитомъ Сильвестромъ, черниговскимъ епископомъ Зосимою и печерскимъ архимандритомъ Іосифомъ во главѣ. Митрополитъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не радовался перемѣнѣ польскаго подданства на московское, но долженъ былъ скрывать свои чувства. Вышедъ изъ возка, онъ сказалъ привѣтственное слово: въ его лицѣ—говорилъ Сильвестръ—привѣтствуютъ пословъ Владиміръ Святой, Андрей Первозванный, Антоній, Θеодосій и печерскіе подвижники. Затѣмъ поѣхали въ Софійскій соборъ, у котораго ихъ встрѣтили всѣ соборные, монастырскіе и приходскіе священники въ ризахъ, со крестами, образами, хоругвями и святой водой. Въ соборѣ митрополитъ отслужилъ молебенъ о здравіи царя и его семейства, а архидіаконъ провозглашалъ имъ многолѣтіе. После чего бояринъ В. В. Бутурлинъ обратился съ словомъ къ митрополиту. Упомянувъ о прошлыхъ неоднократныхъ челобитьяхъ государю гетмана и всего войска Запорожскаго, относительно принятія ихъ подъ государеву высокую руку, онъ сказалъ, что митрополитъ никогда въ этихъ челобитьяхъ не участвовалъ и «царской милости себѣ не поискалъ»; а потому бояринъ просилъ, «чтобы митрополитъ имъ объявилъ, для какія мѣры великому государю онъ не билъ челомъ и не писывалъ?» Сильвестръ отозвался невѣдѣніемъ о сихъ челобитьяхъ. Бутурлинъ именемъ государя спросилъ митрополита, епископа, архимандритовъ и весь освященный соборъ «о спасенномъ пребываніи», т.-е. о здоровьѣ; духовныя власти благодарили за эту государеву милость.

На другой день послы приводили къ присягѣ кіевскихъ казаковъ и мѣщанъ. Но тщетно посылали они стольниковъ и подьячихъ съ требованіемъ къ присягѣ митрополичьихъ и печерскихъ служилыхъ шляхтичей, дворовыхъ и мѣщанъ. Сильвестръ Коссовъ и Іосифъ Тризна отговаривались тѣмъ, что то люди вольные, служатъ по найму, никакихъ

маетностей за ними нѣтъ, а потому присягать имъ ненужно. Цѣлые два дня эти духовныя власти упорствовали; но настойчивость московскихъ пословъ взяла верхъ; требуемые люди были присланы и приведены къ присягѣ. Чтобы на всякій случай сохранить за собой расположеніе польскаго правительства, митрополитъ завелъ съ нимъ тайныя сношенія и указывалъ на то, что долженъ былъ покориться силѣ.

Покончивъ съ присягою въ Кіевѣ, послы отправились въ Нѣжинъ. Здѣсь, за 5 верстъ отъ города, встрѣчали ихъ полковникъ Золотаренко и протопопъ Максимъ; послѣдній говорилъ привѣтствіе, потомъ въ Троицкомъ соборѣ служилъ молебенъ; а на слѣдующій день, 24 января, происходила присяга. То же повторилось въ Черниговѣ, гдѣ молебенъ служилъ въ Спасскомъ соборѣ его протопопъ Григорій. Отправивъ князя Данила Несвицкаго приводить къ присягѣ города и мѣстечки Черниговскаго полка, В. В. Бутурлинъ съ товарищи 30 января пріѣхалъ опять въ Нѣжинъ, и здѣсь ожидалъ государева указа о своемъ возвращеніи въ Москву. Онъ продолжалъ тщательно собирать отовсюду вѣсти о томъ, что дѣлалось на Украйнѣ, въ Польшѣ и обо всемъ посылать донесенія государю; переписывался съ гетманомъ, а также съ княземъ Ѳедоромъ Семеновичемъ Куракинымъ, который былъ назначенъ воеводою въ Кіевъ, и вмѣстѣ съ товарищами своими въ Путивлѣ поджидалъ прихода ратныхъ людей.

Въ ночь на 1 февраля въ Нѣжинъ пріѣхалъ Артамонъ Матвѣевъ съ царскою грамотою, которая приказывала Бутурлину съ товарищи ѣхать въ Москву. Того же числа они отправились. Ихъ ожидалъ самый милостивый пріемъ за успѣшное исполненіе «государева дѣла». Въ Калугу посланъ имъ навстрѣчу стольникъ А. И. Головинъ, чтобы отъ имени государя спросить о здоровьѣ и сказать похвальное слово. Особенная похвала воздавалась имъ за то, что они съ достоинствомъ и твердостію отклонили настояніе гетмана и старшины о присягѣ на соблюденіе казацкихъ вольностей. Награждены они были щедрою рукою. Бояринъ В. В. Бутурлинъ получилъ дворчество *съ путемъ*, золотную атласную шубу на соболяхъ, золоченый серебряный кубокъ съ кровлею, четыре сорока соболей и 150 рублей придачи къ его окладу, который былъ въ 450 руб. (А въ путь ему назначена половина доходовъ съ нѣкоторыхъ Ярославскихъ рыбныхъ слободъ и кружечныхъ дворовъ и судныхъ пошлинъ, другая половина шла на государя). Окольничему Ив. В. Алферьеву пожалованы такая же шуба, кубокъ, два сорока соболей и 70 рублей денежной придачи къ окладу (къ 300 р.); а думному дьяку Лар. Лопухину шуба, кубокъ, два сорока соболей и нѣкоторая прибавка къ окладу (къ 250 р.). «Соболи всѣ по 100 руб. со-

рокъ», т.-е. сравнительно высокой цѣны. Награды эти объявилъ имъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ за царскимъ столомъ на Святой недѣлѣ, въ концѣ марта. Съ такимъ торжественнымъ объявленіемъ очевидно медлили, пока были приведены къ концу щекотливые переговоры съ гетманскимъ посольствомъ о правахъ Малороссійскаго народа.

Межъ тѣмъ 5 февраля царица Марья Ильинична родила сына и наслѣдника Алексѣя. Это событіе тотчасъ послужило средствомъ соединить въ общей радости и Великую, и Малую Русь. Въ послѣднюю былъ отправленъ стольникъ Палтовъ съ извѣстительными грамотами и съ милостивымъ царскимъ словомъ, именно въ Чигиринъ и въ Кіевъ. Гетманъ отвѣчалъ поздравительнымъ посланіемъ, низшее и высшее кіевское духовенство, т.-е. митрополитъ и Печерскій архимандритъ, совершили благодарственныя молебствія съ возглашеніемъ обычнаго многолѣтія царю, царицѣ, новорожденному царевичу и царевнамъ ([9]).

Гетманъ и войсковая старшина не замедлили на первый планъ выдвинуть вопросъ о правахъ Малороссійскаго народа, затронутый во время Переяславской присяги и отклоненный московскими послами. Когда эти послы воротились изъ Малороссіи, войско Запорожское рѣшило и съ своей стороны отправить посольство, чтобы бить челомъ о своихъ нуждахъ и правахъ. Сначала въ Москвѣ выражали желаніе, чтобы самъ гетманъ пріѣхалъ «видѣть пресвѣтлыя царскія очи». Но Хмѣльницкій уклонился отъ личной поѣздки къ царю, подъ предлогомъ тревожнаго состоянія Украйны, ея небезопасности отъ Татаръ и Ляховъ. Затѣмъ ожидали, что главою посольства явится войсковой писарь, т.-е. Иванъ Евстафьевичъ Выговскій. Но и онъ также уклонился; вмѣсто него старшимъ посломъ отправился войсковой судья Самойло Богдановъ; а вторымъ посломъ поѣхалъ переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря. Въ числѣ ихъ товарищей находились пасынокъ гетмана Кондратій и сынъ судьи Богданова Иванъ. Посольская свита заключала въ себѣ болѣе 50 человѣкъ; она была еще многочисленнѣе; но путивльскій воевода, окольничій Ст. Гавр. Пушкинъ, не пропустилъ цѣлыхъ 70 человѣкъ казаковъ и поворотилъ ихъ назадъ (за что потомъ получилъ выговоръ отъ готударя и отмѣну своего распоряженія). Въ Москвѣ посланникамъ оказаны были торжественная встрѣча и ласковый пріемъ. Ихъ помѣстили на Старомъ Денежномъ дворѣ, предварительно починивъ его «кровли, заборы, ворота и навѣсы» и произведя его очистку. Первый царскій пріемъ состоялся 13 марта въ Столовой избѣ. Для переговоровъ съ ними царь назначилъ особую комиссію изъ бояръ, князя Алексѣя Ник. Трубецкаго, В. В. Бутурлина, окольничаго Головина и думнаго дьяка Алмаза Иванова. Посольство

привезло съ собою и представило Московскому правительству списки съ разныхъ привилеевъ войску и жалованныхъ грамотъ гетману отъ королей Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казиміра; самое важное мѣсто между привезенными документами занималъ Зборовскій договоръ. Посланники подали челобитную, которая заключала болѣе 20 просительныхъ статей о правахъ и вольностяхъ войска Запорожскаго; каковы: право свободно выбирать гетмана, полковниковъ и иную старшину; судиться по своимъ казацкимъ обычаямъ; имѣть въ городахъ урядниковъ изъ своихъ же людей, которые бы собирали доходы на государя; учинить реестровое войско въ 60.000 человѣкъ, которому давать государево жалованье, также давать жалованье на пушки, порохъ и свинецъ; гетману на булаву предоставить Чигиринское староство, оставить за нимъ право принимать пословъ изъ сосѣднихъ странъ, утвердить грамотами за казаками и шляхтою ихъ маетности въ наслѣдственномъ владѣніи, а также за монастырями и церквами, и т. д.

Почти на всѣ эти статьи «государь указалъ и бояре приговорили быть такъ по ихъ челобитью». Затрудненіе возбудили только статьи о жалованьи войску и о пріемѣ гетманомъ иностранныхъ пословъ. Казацкимъ посланникамъ напомнили о томъ, какъ гетманъ въ присутствіи старшины заявлялъ боярину Бутурлину съ товарищи, что какъ бы ни было велико Запорожское войско, «государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ»; теперь же государь собралъ многія рати для обороны Украйны и христіанской вѣры, а эти рати требуютъ большихъ расходовъ; чтоже касается доходовъ съ городовъ и мѣстечекъ Малой Россіи, то царь пошлетъ своихъ дворянъ переписать эти доходы, и смотря по тому будетъ указъ о жалованьѣ. Но посланники настаивали и просили, кромѣ приличнаго жалованья старшинѣ, положить на каждаго рядового казака по 30 польскихъ золотыхъ, если же невозможно, то хотя половину того; а иначе они не знаютъ какъ воротиться домой съ отказомъ и показаться войску, которое можетъ отъ того замутиться. При семъ они постоянно ссылались на жалованье, назначавшееся Запорожскому войску Рѣчью Посполитою (которое она легко обѣщала, но почти никогда не уплачивала). Расчетливое Московское правительство при всемъ своемъ желаніи ласкать и ублаготворять новыхъ своихъ подданныхъ, не хотѣло слишкомъ обременять коренную часть своего государства расходами на его окраины. А потомув концѣ-концовъ оно согласилось на уплату жалованья, но изъ малороссійскихъ же доходовъ и смотря по этимъ доходамъ, когда они будутъ приведены въ извѣстность. А пока царь жалуетъ войску по четверти угорскаго золотого на человѣка. Относительно просьбы гет-

мана оставить за нимъ право принимать иностранныхъ пословъ, по указу государя и боярскому приговору дозволено ему принимать и отпускать тѣхъ пословъ, которые будутъ приходить для «добрыхъ дѣлъ», и о нихъ доносить государю; а которые придутъ съ противными, т.-е. непріязненными, предложеніями, тѣхъ задерживать и безъ государева указу не отпускать. Но *съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ во всякомъ случаѣ безъ царскаго разрѣшенія гетманъ неможетъ ссылаться.*

Подтверждая обще-войсковыя права и вольности, Московское правительство въ это время принуждено было удовлетворять многія личныя ходатайства о разныхъ пожалованіяхъ и милостяхъ, съ которыми обратились въ Москву особенно члены войсковой старшины, начиная съ гетмана. Кромѣ соединеннаго съ гетманской булавой, т.-е. пожизненнаго, владѣнія Чигиринскимъ староствомъ, Хмѣльницкій чрезъ своихъ посланныхъ выпросилъ какъ подтвержденіе королевскихъ привилеевъ на потомственное владѣніе Суботовскимъ имѣніемъ, такъ и еще нѣкоторыми мѣстечками и слободами (Медвѣдовка, Борки, Жаботинъ, Каменка, Новосельцы). Но этими имѣніями онъ не ограничился, а исходатойствовалъ еще себѣ у государя въ вѣчное потомственное владѣніе городъ Гадячъ со всѣми пренадлежавшими къ нему угодьями. Вообще Хмѣльницкій широко воспользовался обстоятельствами, чтобы удовлетворить своему любостяжанію. Сами посланники гетмана также не преминули исходатайствовать себѣ пожалованіе вотчинъ; а именно Богдановъ мѣстечко Старый Имглеевъ, а Тетеря мѣстечко Смѣлую, со всѣми ихъ землями и живущими на нихъ «подданными», да еще съ правомъ курить вино и держать всякія питья. Мало того, они выпросили себѣ и своему потомству право отправлять царскую службу или въ войскѣ Запорожскомъ, или въ судахъ градскихъ и земскихъ, наравнѣ съ «земянами и шляхтою Кіевскаго воеводства»; другими словами, они изъ сословія казацкаго перечислялись въ сословіе шляхетское. Это стремленіе всѣхъ казацкихъ старшинъ и урядниковъ пріобрѣсти себѣ потомственное шляхетское достоинство, слиться съ мѣстными шляхетными родами (православными и потому не изгнанными) въ одинъ высшій землевладѣльческій и крестьяновладѣльческій слой на Украйнѣ, по образцу польскому, является господствующею чертою того времени.

Малороссійскому посольству во время его пребыванія въ Москвѣ царь оказывалъ милостивое вниманіе, снисходилъ къ его просьбамъ и приказывалъ отпускать ему обильный кормъ; патріархъ Никонъ также не однажды принималъ ихъ и угощалъ. 15 марта, въ середу на шестой недѣлѣ великаго поста, былъ царскій смотръ на Дѣвичьемъ полѣ рей-

тарскому и солдатскому ученью. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ Богданову и Тетерѣ съ товарищи быть въ своей свитѣ на этомъ смотру, и конечно не безъ задней мысли: показать Малороссійскимъ казакамъ часть своего по-европейски устроеннаго войска, которому предстояло тою же весною выступить въ поле для обороны Малой Россіи, возсоединенной съ Великою.

Въ концѣ марта посланники были отпущены на родину, щедро одаренные соболями, камками, сукнами, кубками и деньгами. Вмѣстѣ съ многочисленными жалованными грамотами и привилеями они увозили также богатые подарки гетману и новую для него печать съ царскимъ «именованьемъ» (вмѣсто прежняго королевскаго). Ближніе бояре Б. И. Морозовъ и И. Д. Милославскій, къ которымъ Хмѣльницкій обращался какъ къ своимъ ходатаямъ передъ царемъ, также послали ему привѣтственныя письма, которыя дошли до насъ. Вѣроятно, такое же письмо было послано и главнымъ его ходатаемъ, т.-е. патріархомъ Никономъ.

Одновременно съ посольствомъ Богданова и Тетери въ Москву пріѣхали уполномоченные отъ мѣщанъ украинскаго города Переяслава, въ лицѣ ихъ войта, одного изъ бурмистровъ, одного изъ райцевъ, подписка и двухъ представителей отъ ремесленныхъ цеховъ. Они также ходатайствовали о сохраненіи своихъ старыхъ привилеевъ или собственно о подтвержденіи Магдебургскаго права и цеховаго устройства, пожалованныхъ имъ Сигизмундомъ III и Владиславомъ IV. Изъ ихъ челобитныхъ грамотъ однако видно, что польскія власти мало уважали всѣ эти права и привилеи; такъ старосты переяславскіе отнимали у города земли и приписывали ихъ къ замку, налагали на мѣщанъ незаконныя тяготы, особенно мучили кормами и подводами для всякихъ своихъ посланцевъ и т. д. Мѣщане и ремесленники просили еще объ оставленіи у нихъ трехъ ярмарокъ въ году, о вареніи капуновъ или меду на вольную продажу дважды въ годъ (подъ большіе праздники); при чемъ воскъ шелъ на церковь и на пропитаніе нищихъ и т. п. Всѣ эти просьбы были исполнены и привилеи утверждены государемъ. Въ апрѣлѣ переяславскій войтъ Иванъ Григорьевъ съ товарищи былъ отпущенъ изъ Москвы. А въ маѣ прибылъ кіевскій войтъ Богданъ Самковичъ съ пятью товарищами, именно съ бурмистромъ, райцемъ и тремя лавниками, ради той же цѣли, т.-е. бить челомъ о подтвержденіи Магдебургскихъ правъ и привилеевъ города Кіева, о ярмаркахъ, торгахъ, канунахъ и пр., а также о возвращеніи мѣстъ и земель, отнятыхъ католическимъ духовенствомъ и шляхтою. Кромѣ списка со старыхъ королевскихъ привилеевъ, они были снабжены просительными за нихъ письмами гетмана Хмѣльницкаго и писаря Выговскаго, перваго

царю, а второго бояриму В. В. Бутурлину, какъ своему другу и радѣтелю Малоросійскаго народа. Царь на ту пору отсутствовалъ и находился въ походѣ. Боярская Дума разсматривала челобитье по статьямъ и большую часть ихъ приговорила: «быть попрежнему», а, имѣвшій значеніе намѣстника царскаго, святѣйшій патріархъ Никонъ утверждалъ эти приговоры. Но были въ челобитьяхъ и такія статьи, на которыя бояре отвѣчали отказомъ. Такъ, ссылаясь на недавнее разореніе, причиненное Кіеву войсками гетмана Радивила, мѣщане просили и получили разныя льготы въ поборахъ и повинностяхъ; но на просьбу ихъ въ теченіе 10 лѣтъ не вносить тѣ 3.000 золотыхъ, которые прежде городъ давалъ воеводѣ Кіевскому, было отказано. Также не послѣдовало согласія на возвращеніе тѣхъ мѣстъ и селъ, которыми уже владѣли казаки. Алексѣй Михайловичъ потомъ своими жалованными грамотами городу Кіеву также подтвердилъ боярскіе приговоры.

Но въ то время, какъ войсковыя и городскія власти на Украйнѣ изъявляли смиреніе и покорность своему новому государю, высшая церковная власть обнаруживала явную строптивость.

Само собой разумѣется, Московское правительство позаботилось прежде всего закрѣпить за собою обладаніе такимъ важнымъ и священнымъ мѣстомъ, какимъ былъ древнерусскій стольный городъ Кіевъ. Поэтому уже одновременно съ отправкою пословъ въ Малую Россію для отобранія присяги назначены были для занятія города Кіева московскіе воеводы со значительною ратною силою. Князья-бояре Θедоръ Куракинъ и Θедоръ Волконскій съ дьякомъ Немировымъ двинулись изъ Путивля съ двухтысячнымъ солдатскимъ полкомъ полковника Юрія Гутцына, съ нѣсколькими стрѣлецкими сотнями и небольшою конною дружиною дѣтей боярскихъ и съ огнестрѣльнымъ нарядомъ. 23 февраля они достигли Кіева; согласно своимъ наказамъ, извѣстили церковныя и гражданскія власти для оказанія имъ должной встрѣчи и выслушанія государева милостиваго слова. За три версты встрѣтили ихъ кіевскіе полковники, настоящій Павелъ Яненокъ и прежній Евстафій Пѣшакъ съ сотнями двумя казаковъ и мѣщанъ. На площади Софійскаго собора воеводъ и ратныхъ людей ожидали кіевскіе игумены и священники со крестами, а въ его воротахъ принимали ихъ митрополитъ Сильвестръ и печерскій архимандритъ Іосифъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Въ самомъ храмѣ пѣли молебенъ и провозгласили царское многолѣтіе. Послѣ чего воеводы говорили по наказу привѣтственную рѣчь отъ имени государя, за которую власти били челомъ на государевой милости. Но уже черезъ два дня возникли неудовольствія и пререканія.

Московскіе воеводы, прибывши въ Кіевъ, прежде всего озаботились возведеніемъ замка или крѣпости, которая могла бы служить надежнымъ оплотомъ отъ нападенія внѣшнихъ враговъ; такъ какъ оба существовавшіе при Полякахъ острога на Посадѣ и въ Верхнемъ городѣ, гдѣ былъ воеводскій дворъ, во время предшествующихъ войнъ частію были выжжены, частію развалились отъ ветхости; да и расположены были неудобно какъ для обороны, такъ и для снабженія водою. Осмотрѣвшись, Куракинъ и Волконскій вмѣстѣ съ военными и городскими властями выбрали самое подходящее для крѣпости мѣсто около Софійскаго монастыря со стороны Золотыхъ воротъ. Мѣсто это оказалось на земляхъ церковныхъ и монастырскихъ. Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ объявилъ, что онъ тутъ дѣлать крѣпость не позволитъ. Тщетно воеводы говорили, что государь вмѣсто того велитъ отвести другія земли; митрополитъ не только стоялъ на своемъ отказѣ, но и грозилъ «биться» съ Москвичами, т.-е. оказать имъ вооруженное сопротивленіе. По сему поводу опять обнаружились его полякофильство и неудовольствіе на возсоединеніе Малой Россіи съ Великою или собственно на потерю маетностей въ земляхъ, оставшихся подъ польскимъ владычествомъ, и на утрату своего независимаго церковнаго положенія. Въ своей запальчивости онъ, при разговорѣ съ воеводами, иногда переставалъ говорить по-русски и переходилъ на польскій языкъ, очевидно болѣе ему привычный; при чемъ проговаривался, что онъ со своимъ соборомъ и съ гетманомъ и прежде не думалъ быть подъ высокою царскою рукою, и теперь считаетъ возможнымъ возвратъ подъ польское владычество. «Почекайте (ждите) себѣ конца вскорѣ»—восклицалъ митрополитъ. Но очевидно коса нашла на камень. Воеводы повторяли, что они слушаютъ только государева указу, а затѣмъ послали обоихъ вышеназванныхъ кіевскихъ полковниковъ, сотниковъ, войта и бурмистровъ уговаривать митрополита. Этимъ посредникамъ удалось образумить расходившагося іерарха, такъ что онъ черезъ нихъ же просилъ не только простить его, но и не писать къ государю о его поступкѣ. Воеводы отвѣтили, что «Богъ проститъ», но что его непристойныя слова имъ передъ царскимъ величествомъ «утаити никоими мѣрами нельзя». Тѣмъ это дѣло кончилось, и въ Москвѣ хотя получено подробное донесеніе, но митрополита пока оставили въ покоѣ. А крѣпость спѣшно и энергично стала возводиться на выбранномъ мѣстѣ.

Московское правительство конечно понимало, что обстоятельства требовали осторожнаго и мягкаго образа дѣйствій въ отношеніи къ мѣстнымъ украинскихъ властямъ. Возсоединеніе пока существовало только условное или формальное; предстояло еще много заботъ, трудовъ

и всякихъ жертвъ, чтобы его укрѣпить и обезпечить (но въ Москвѣ очевидно, не подозрѣвали, какъ страшно дорого оно обойдется). Поляки съ своей стороны нисколько не думали отказаться отъ благодатнаго Южнорусскаго края. Готовясь къ новой войнѣ изъ за него и вербуя себѣ союзниковъ въ Турціи, Крыму, Венгріи и Молдовалахіи, они въ то же время пытались всякими средствами смущать населеніе и посѣять въ немъ раздоръ. Между прочимъ въ Малой Россіи распространялись универсалы, подписанные или самимъ королемъ, или литовскимъ гетманомъ Радивиломъ. Въ нихъ войско Запорожское убѣждалось отстать отъ Московскаго царя и отъ измѣнника Хмѣльницкаго и оставаться вѣрнымъ его королевскому величеству, при чемъ обѣщались всякія льготы и милости. Не ограничиваясь окружными посланіями, Поляки обращались и къ отдѣльнымъ лицамъ, особенно если предполагали въ нихъ какое-либо колебаніе. Напримѣръ, извѣстный браславскій полковникъ Богунъ не присутствовалъ въ Переяславѣ на вѣрноподданнической присягѣ царю, и вотъ Поляки отыскали какого-то пріятеля его православнаго шляхтича Олекшича. Сей послѣдній въ половинѣ марта пишетъ къ полковнику увѣщательное посланіе; старается вооружить его противъ Хмѣльницкаго, который «де изъ товарищей» сталъ его «паномъ»; говоритъ о бѣдствіяхъ, ожидающихъ православный Малорусскій народъ отъ безконечныхъ войнъ; указываетъ на родную ихъ матерь—церковь, принуждаемую къ повиновенію Московскому патріарху, вмѣсто святѣйшаго Константинопольскаго, и между прочимъ именемъ короля обѣщаетъ войску подтвержденіе всѣхъ вольностей, а ему, Богуну, запорожское гетманство, шляхтское достоинство и любое староство, если онъ не только останется вѣрнымъ Рѣчи Посполитой, но и постарается другихъ полковниковъ вмѣстѣ съ чернію удержать въ сей вѣрности. Самъ польскій гетманъ Станиславъ Потоцкій писалъ кратко къ тому же полковнику и намекалъ на ожидающія его блага. Но Богунъ былъ изъ тѣхъ, которые хорошо знали цѣну подобнымъ заискиваніямъ.

Полученныя имъ посланія онъ препроводилъ Хмѣльницкому; а тотъ вмѣстѣ съ помянутыми универсалами отослалъ ихъ царю съ посланникомъ своимъ Филономъ Гаркушею, который пріѣзжалъ въ Москву въ апрѣлѣ того же 1654 года. Царь отвѣтилъ похвальною грамотою гетману и полковнику, и велѣлъ послѣдняго привести къ присягѣ, обнадеживъ его государевою милостью и жалованьемъ. Межъ тѣмъ польскій гетманъ не ограничился письменными попытками склонить Богуна къ измѣнѣ, а вслѣдъ за тѣмъ двинулъ на поддержку ему часть войска отъ Константинова, съ Чарнецкимъ во главѣ. Обманувшись въ расчетахъ, Поляки преслѣдовали отступившаго передъ ними Богуна; послѣдній

заперся въ Умани и далъ энергичный отпоръ осадившимъ его Полякамъ. Когда же на помощь къ нему поспѣшили другіе полковники, Поляки ушли; при чемъ, пылая местью, сожгли и разорили по дорогѣ многія села и деревни ([10]).

—

Прежде, нежели перейдемъ къ дальнѣйшимъ событіямъ, бросимъ взглядъ на Украйну, только что освободившуюся отъ польскаго ига и перешедшую въ московское подданство. Для сего воспользуемся путевыми записками архидіакона Павла Алеппскаго, который находился въ свитѣ антіохійскаго патріарха Макарія, проѣзжавшаго по сей странѣ въ Москву лѣтомъ того же 1654 года.

10 іюня путешественники переправились на судахъ черезъ рѣку Днѣстръ, которая отдѣляла Молдавію отъ Украйны, и вступили въ пограничный русскій городъ Рашковъ, въ которомъ была деревянная крѣпость съ пушками. Навстрѣчу имъ вышли всѣ жители, не исключая дѣтей, съ своимъ сотникомъ во главѣ, священники семи городскихъ церквей и клиръ съ пѣвчими, съ хоругвями и зажженными свѣчами; народъ палъ ницъ передъ патріархомъ и оставался колѣнопреклоненнымъ, пока онъ проходилъ въ ближнюю церковь. Гостей помѣстили въ домѣ одного знатнаго человѣка. Такъ какъ это былъ субботній день, то они отстояли вечерню, а въ воскресенье утреню и затѣмъ обѣдню, затянувшуюся до полудня. Тутъ путешественники впервые испытали русское церковное стояніе; ибо какъ въ Малой, такъ и въ Великой Россіи они не нашли обычныхъ на востокѣ стасидіевъ (сидѣній), и должны были терпѣть большую усталость ногъ, съ удивленіемъ взирая на Русскихъ людей, которые «стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни, безпрестанно кладутъ земные поклоны, и всѣ вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы». «Усердіе ихъ—продолжаетъ Павелъ—приводило насъ въ изумленіе. О Боже, Боже! какъ долго тянутся у нихъ молитвы, пѣніе и литургія! Но ничто такъ не удивляло насъ, какъ красота маленькихъ мальчиковъ и ихъ пѣніе, исполняемое отъ всего сердца, въ гармоніи со старшими». Далѣе онъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что даже большинство казацкихъ женъ и дочерей «умѣютъ читать, знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы». Дѣти-сироты обыкновенно по вечерамъ, послѣ заката солнца, ходятъ по домамъ и просятъ милостыню, «поя хоромъ гимны Пресвятой Дѣвѣ». Имъ подавали деньги, хлѣбъ и разныя кушанья; этими подаяніями они поддерживали свое существованіе до окончанія своего ученія. «Вотъ причина, почему большинство изъ нихъ грамотны. Число грамотныхъ особенно увеличилось со времени появленія Хмѣля

(дай Богъ ему долго жить!), который освободилъ эти страны и избавилъ эти милліоны православныхъ отъ ига враговъ вѣры, проклятыхъ Ляховъ». Тутъ Павелъ Алеппскій, конечно со словъ жителей, говоритъ, что Ляхи не довольствовались поголовною податью и десятиной съ произведеній, а чинили нестерпимыя притѣсненія православному народу, отдавали его во власть «жестких Евреевъ», не дозволяли строить храмы и удаляли священниковъ, надъ женами и дочерями которыхъ совершали насилія. Ясно, что страна была еще наполнена живыми воспоминаніями о всѣхъ этихъ проявленіяхъ польско-еврейскаго гнета.

Отъ Рашкова патріархъ Макарій и его свита продолжали свой путь въ сѣверовосточномъ направленіи на Умань, Лысянку, Богуславъ. Во всѣхъ лежавшихъ по сему пути городахъ и значительныхъ селеніяхъ (снабженныхъ обыкновенно крѣпостями) жители со священниками и войсковые начальники съ казаками выходили навстрѣчу патріарху съ хоругвями, зажженными свѣчами, пѣвчими и принимали отъ него благословеніе, ставъ въ два ряда и кланяясь ему до земли. При звонѣ колоколовъ его вводили въ главный храмъ, гдѣ протоіерей пѣлъ молебенъ съ водосвятіемъ и поминалъ о здравіи христолюбиваго царя Алексѣя, царицу Марію и ихъ дѣтей, затѣмъ антіохійскаго патріарха Макарія и кіевскаго митрополита Сильвестра, а также гетмана Зиновія. Но имя московскаго патріарха Никона пока не поминалось на Украйнѣ. Что особенно поражало вездѣ путниковъ,—это «огромное множество дѣтей всѣхъ возрастовъ, которыя сыпались какъ песокъ». Эти дѣти съ пѣніемъ и свѣчами обыкновенно шли впереди клира; а вечеромъ они «ходили по домамъ, воспѣвая гимны. Восхищающій и радующій душу напѣвъ и пріятные голоса ихъ приводили насъ въ изумленіе»—замѣчаетъ Павелъ Алеппскій. Многочисленность дѣтей онъ объясняетъ ранними браками и чрезвычайною плодовитостію русскихъ женщинъ; ему сообщали, что въ странѣ «нѣтъ ни одной женщины безплодной». Почти въ каждомъ домѣ находилось до десяти и болѣе дѣтей и притомъ все бѣлокурыхъ. Они погодки и идутъ лѣсенкой одинъ за другимъ, что еще болѣе увеличивало наше удивленіе. Дѣти выходили изъ домовъ посмотрѣть на насъ, но больше мы на нихъ любовались: ты увидѣлъ бы, что большіе стоятъ съ краю, подлѣ него пониже его на пядень, и такъ все ниже и ниже до самаго маленькаго съ другого края. Поэтому, несмотря на предыдущія кровавыя войны и появившуюся тогда моровую язву, населеніе все-таки отличалось своей многочисленностію. Значительная часть дѣтей оказывалась сиротами; тѣмъ не менѣе всѣ они не только находили себѣ пропитаніе, но и почти всѣ обучались грамотѣ. Тутъ ясно сказывается тотъ сильный толчокъ къ образованію, который

данъ былъ Малорусскому народу предшествующею борьбою съ католичествомъ и уніей, общественнымъ стремленіемъ къ заведенію училищъ и книгопечатней.

По пути довольно часто были расположены селенія, которыя авторъ записокъ называетъ восточнымъ словомъ *базары*, конечно потому, что въ нихъ имѣлась базарная, т.-е. торговая, площадь съ лавками и палатками. Всѣ такія селенія были огорожены дубовымъ тыномъ и имѣли кромѣ того внутреннюю деревянную крѣпость. Всѣ подобныя укрѣпленія, первоначально сооруженныя жителями по строгому принужденію польскихъ землевладѣльцевъ собственно для защиты отъ татарскихъ набѣговъ, теперь служили обороною отъ самихъ Ляховъ. Возлѣ каждаго города или селенія непремѣнно существовалъ большой прудъ, образуемый или рѣчками, или дождевой водой, и эти пруды снабжены были рыбными садками и водяными мельницами. Такимъ образомъ жители обезпечивали себя и водой, и рыбой, и помоломъ. Въ устройствѣ такихъ прудовъ и мельницъ жители были очень искусны. Какъ въ Малой, такъ и въ Великой Россіи проѣзжая дорога обыкновенно проходитъ чрезъ средину города или селенія; такимъ образомъ путешественникъ въѣзжаетъ въ одни ворота и выѣзжаетъ въ другія, и не можетъ объѣхать ихъ окольнымъ путемъ. Приближаясь къ Умани, патріархъ и его свита все чаще и чаще встрѣчали селенія и мѣстечки, сожженныя и разоренныя въ тотъ же годъ передъ Пасхою. Это былъ упомянутый выше набѣгъ Чарнецкаго съ Ляхами, мстившими Украйнцамъ за ихъ только что учиненную присягу Московскому царю; при чемъ много жителей было ими избито. Теперь нѣкоторыя мѣстечки вновь обстраивались и тщательно укрѣплялись, стѣны вооружались пушками, а вокругъ стѣнъ копались глубокіе рвы. На нѣкоторыхъ воротахъ со временъ Ляховъ водруженъ былъ высокій брусъ съ изображеніемъ Распятія Христова. Поруганныя или оскверненныя Ляхами церкви проѣзжій восточный патріархъ, по просьбѣ жителей, вновь освятилъ. Значительные города не только имѣли наружную стѣну и внутреннюю крѣпость, но еще окружались извнѣ тыномъ или надолбами, чтобы задерживать подступы непріятельской конницы. Стѣны и вообще укрѣпленія строились преимущественно изъ дубоваго лѣса. Поэтому Ляхи - землевладѣльцы охраняли отъ истребленія дубовые лѣса. Но теперь казаки, изгнавъ Ляховъ, подѣлили земли между собою и принялись рубить эти лѣса, выжигать корни и обращать ихъ почву на посѣвы (старая и общая русская черта).

По всѣмъ даннымъ, приведеннымъ у Павла Алеппскаго, Украйна при польскомъ владычествѣ, подпавъ вліянію польской культуры, прі-

обрѣла внѣшній видъ довольно цвѣтущей страны, съ хорошо обстроенными городами и довольно развитымъ сельскимъ хозяйствомъ, и казалось бы, это процвѣтаніе не оправдывало столь единодушнаго и кроваваго возстанія коренныхъ ея обитателей. Но у того же автора находимъ и объясненіе. Кромѣ главной побудительной причины, т.-е. утѣсненія вѣры и нравственнаго попранія Русской народности, польскіе паны и шляхта энергично старались обратить жителей въ крѣпостное состояніе и угнетали тяжелыми работами. «Ихъ — говоритъ Павелъ—заставляли работать днемъ и ночью надъ сооруженіемъ укрѣпленій, копаніемъ прудовъ для воды, очищеніемъ земель и прочимъ». Слѣдовательно всѣ эти роскошные замки польско-украинскихъ магнатовъ, ихъ цвѣтущіе сады, воздѣланныя поля и пр.—все это достигалось принудительнымъ непосильнымъ трудомъ, работами изъ-подъ палки. А потому сіе процвѣтаніе имѣло только наружный, поверхностный видъ. Между прочимъ, какъ только Русскій народъ освободился отъ польскаго ига, онъ съ пренебреженіемъ сталъ относиться къ памятникамъ пышной жизни своихъ бывшихъ угнетателей, т.-е. къ ихъ замкамъ-дворцамъ, въ которыхъ еще недавно роскошествовали панскія семьи, гнѣздились многочисленная дворня и хорошо вооруженныя надворныя хоругви, давались веселые пиры и попойки, а сырыя подвальныя темницы оглашались стонами провинившагося крѣпостного люда. Въ нѣкоторыхъ городахъ восточные путники съ удивленіемъ осматривали изящные панскіе дворцы, своими сводами и балюстрадами высоко поднимавшіеся надъ городомъ. Но теперь эти дворцы стояли пустые, безлюдные и, будучи построены изъ дерева, скоро обращались въ развалины, служа убѣжищемъ собакамъ и свиньямъ. Такой дворецъ Павелъ указываетъ въ Умани внутри крѣпости; но особенно распространяется онъ о роскошномъ дворцѣ Калиновскаго въ Маньковкѣ, стоявшемъ на краю города и хорошо-укрѣпленномъ. Изъ его верхняго этажа путешественники любовались далекимъ видомъ на окрестности; а внутри ихъ поражали своими размѣрами широкіе каптуры или камины, проникавшіе вверхъ чрезъ всѣ этажи. Точно такъ же въ городахъ нерѣдко пустыми стояли и служили логовищемъ для звѣрей красивые дома и лавки Жидовъ и Армянъ, изгнанныхъ или истребленныхъ во время послѣдняго казацкаго возстанія; казаки завладѣли ихъ движимымъ и недвижимымъ имуществами и раздѣлили между собою.

Освобожденіе отъ польскаго ига очевидно подняло духъ народа и вмѣстѣ дало сильный толчокъ въ культурномъ отношеніи. Записки Павла Алеппскаго вообще отражаютъ благопріятныя впечатлѣнія, произведенныя на него Украйной. Онъ хвалитъ ея климатъ, плодородіе поч-

вы, изобиліе скота, свиней, домашней птицы и рыбы, уютныя жилища, окруженныя садиками или огородами, засѣянными капустой, морковью, рѣпой, петрушкой; а изгородь ихъ состояла изъ вишенъ, сливъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Съ особою любовью описываетъ онъ благочестіе жителей, благолѣпіе ихъ церквей, процвѣтавшее у нихъ искусство иконописанія и вообще живописи, подвергшееся вліянію итальянскихъ и польскихъ мастеровъ. Въ этихъ церквахъ висѣли люстры, обыкновенно устроенныя изъ оленьихъ роговъ, концы которыхъ обдѣлывались такъ, что въ нихъ вставлялись свѣчи. Священники носятъ черные суконные колпаки съ мѣховой опушкой, а кто побогаче, то бархатные съ собольимъ мѣхомъ; протопопы же носятъ суконныя или бархатныя шляпы съ крестомъ. Но и въ церковной сферѣ мѣстами все еще замѣтны слѣды латинскаго или уніатскаго вліянія. Такъ путешественники по дорогѣ встрѣчали изображеніе Богоматери (вѣроятно рѣзное) «въ видѣ непорочной дѣвы съ розовыми щеками».

Хмѣльницкій или просто *Хмѣль* — какъ его называлъ народъ — стоялъ тогда лагеремъ подъ Богуславомъ. Къ этому городу и направился патріархъ Макарій со своею свитою.

Когда путешественники переправились на лодкахъ черезъ рѣку Рось, на берегу ихъ уже ожидали шесть городскихъ священниковъ въ облаченіяхъ и съ хоругвями, пѣвчіе съ толпой жителей и казаки съ большимъ гетманскимъ знаменемъ изъ черной и желтой шелковой матеріи. На слѣдующій день въ городъ прибылъ самъ гетманъ съ многочисленной свитой. Увидѣвъ патріарха, вышедшаго на встрѣчу съ крестомъ въ рукѣ, онъ сошелъ съ коня, поклонился, и, поцѣловавъ край его одежды, приложился ко кресту и облобызалъ его руку; а патріархъ поцѣловалъ его въ голову; послѣ чего гетманъ взялъ Макарія подъ руку и повелъ въ крѣпость, гдѣ ожидалъ ихъ и свиту приготовленный обѣдъ. Павелъ выражаетъ свое удивленіе смиренному виду знаменитаго казацкаго вождя: между тѣмъ какъ окружавшіе его полковники и прочая старшина отличались пышнымъ одѣяніемъ и дорогимъ оружіемъ, Хмѣль наоборотъ одѣтъ былъ въ простой короткій кафтанъ и имѣлъ при себѣ малоцѣнное оружіе. Вообще онъ показался автору записокъ человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ и некрасивой наружности. Онъ посадилъ патріарха на первое мѣсто, а самъ сѣлъ на второе, и за обѣдомъ былъ очень умѣренъ въ ѣдѣ. На столъ подали миски съ горѣлкой, которую черпали и пили чарками, снабженными ручкой (наподобіе большой ложки); а передъ гетманомъ поставили высшій сортъ горѣлки въ серебряномъ кубкѣ, которымъ онъ угощалъ патріарха и его приближенныхъ. Послѣ водки подали глиняныя расписанныя блюда съ соленой и вареной рыбой и

прочими незатѣйливыми явствами. За обѣдомъ не было ни виночерпіевъ, ни стольниковъ, ни серебряной посуды; не было также у гетмана и золотыхъ каретъ, украшенныхъ дорогими тканями и запряженныхъ многими красивыми конями—вообще всей той роскоши и пышности, которую Антіохійцы только что наблюдали у господарей Молдавіи и Валахіи. Въ дѣйствительности у всѣхъ этихъ казацкихъ полковниковъ, сотниковъ, есауловъ, писарей и т.-д. имѣлось по нѣскольку сундуковъ, наполненныхъ золотой и серебряной посудой, отбитой у Ляховъ, а на конюшняхъ стояло много прекрасныхъ коней, и дома они щеголяли сими сокровищами, но въ походѣ держались совсѣмъ иначе. Павелъ очень хвалитъ умъ, кротость и радушіе Хмѣля, которые онъ выказалъ въ пріемѣ патріарху; при чемъ даже плакалъ отъ радости его видѣть; много съ нимъ бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ и покорно исполнялъ всѣ его просьбы. Между прочимъ патріархъ имѣлъ порученіе отъ новыхъ господарей, валашскаго Константина и молдавскаго Стефана, исходатайствовать у страшнаго для нихъ гетмана обѣщаніе, что онъ не будетъ мстить имъ за смерть сына Тимофея и избіеніе многихъ казаковъ. Хмѣль легко далъ это обѣщаніе и даже подтвердилъ его письмами къ господарямъ. Но мы знаемъ, какимъ искуснымъ дипломатомъ и какимъ смиреннымъ человѣкомъ являлся Хмѣльницкій, когда обстоятельства того требовали. Антіохійцы конечно не разобрали того, что казацкій демократическій строй съ его выборными гетманами и старшиною не былъ похожъ на деспотическія отношенія турецкихъ вассаловъ - господарей къ своимъ подданнымъ. А обѣщаніе не мстить этимъ господарямъ, т.-е. нейти на нихъ войною, онъ далъ тѣмъ легче, что при начавшейся войнѣ съ Поляками въ его собственныхъ интересахъ было не заводить новой ссоры съ Молдо-Валахами. Патріаршая свита поднесла гетману на блюдахъ, по казацкому обычаю покрытыхъ платками, свои подарки, состоявшіе изъ куска камня отъ св. Голгоѳы, святого мѵра, разнаго рода душистаго мыла, ладона, фиников, абрикосовъ, ковра и сосуда съ кофейными бобами. Хмѣль потомъ отдарилъ патріарха деньгами; далъ письменный приказъ о даровомъ снабженіи его во время пути по Украйнѣ лошадьми, повозками, пищей и питьемъ; снабдилъ также письмами къ царю въ Москву и къ воеводѣ Путивльскому. Когда онъ послѣ свиданія съ патріархомъ отправился въ свой лагерь, шелъ проливной дождь; гетманъ накинулъ на себя бѣлый плащъ и поѣхалъ въ простомъ экипажѣ, запряженномъ въ одну лошадь.

Какъ видно, казаки съ ихъ длинными усами и бритыми подбородками произвели большое впечатлѣніе на архидіакона Павла. Онъ хвалитъ ихъ храбрость, наѣздничество, умѣнье стрѣлять изъ ружей и ме-

тать стрѣлы. По его словамъ, подъ начальствомъ Хмѣля находились 18 полковниковъ, изъ которыхъ каждый правитъ многими городами и базарами и начальствуетъ десятками тысячъ войска; а всего войска собирается до 500.000 (что касается цифръ, то Павелъ вообще приводитъ ихъ въ преувеличенномъ видѣ, какъ это свойственно восточному человѣку). Всѣ эти воины содержатъ себя на собственный счетъ; зато они не знаютъ теперь никакихъ податей и налоговъ. Главный доходъ Украинскаго гетманства составляетъ пограничный таможенный сборъ съ товаровъ, который Хмѣль отдаетъ на откупъ вмѣстѣ съ доходами отъ пива, меду и водки, и получаетъ за нихъ 100.000 червонцевъ; этой суммы хватаетъ для его расходовъ на цѣлый годъ.

22 іюня, въ четвергъ, Антіохійскій патріархъ выѣхалъ изъ Богуслава и по приглашенію гетмана направилъ путь чрезъ его лагерь, изъ котораго войско готовилось выступить въ походъ. Лагерь этотъ большею частію состоялъ изъ шалашей, которые ратники устроили изъ древесныхъ вѣтвей и жердей и покрыли своими плащами. Они толпами окружили патріарха, стараясь приложиться къ его десницѣ и ко кресту, при чемъ бросались на землю; въ происшедшей отсюда тѣснотѣ путешественники съ трудомъ подвигались впередъ. Гетманъ, встрѣтивъ патріарха, тоже сдѣлалъ ему земной поклонъ и принялъ отъ него благословеніе; потомъ, поддерживая его подъ руку, ввелъ въ свою маленькую, отнюдь нероскошную палатку, въ которой вмѣсто дорогихъ ковровъ былъ постланъ простой половикъ. Тутъ онъ попотчивалъ гостей водкой. Патріархъ прочелъ молитву о побѣдѣ, призывая Божіе благословеніе на гетмана и его войско. Послѣ чего онъ простился съ Хмѣлемъ и продолжалъ свой путь по направленію къ Кіеву.

На этомъ пути патріархъ останавливался въ двухъ городахъ: Трипольѣ и Васильковѣ. Первый болѣе чѣмъ на половину оказался пустъ, потому что былъ прежде населенъ Евреями: а теперь ихъ дома и лавки стояли безлюдны. По разсказамъ жителей, при приближеніи Хмѣля наиболѣе богатые Евреи ушли со своими сокровищами изъ Триполя въ Тульчинъ, гдѣ и укрѣпились, имѣя пушки и съѣстные припасы; но казаки взяли крѣпость и избили до 20.000 Евреевъ, не щадя ни пола, ни возраста, и захватили всѣ ихъ сокровища. Тщетно Евреи, не видя спасенія, ночью побросали въ озеро бочонки съ деньгами, всякія драгоцѣнности, золотыя и серебряныя вещи; казаки со свойственною имъ смышленостію все это вытащили и раздѣлили между собою. Казаки злобились на Евреевъ не только за ихъ притѣсненія и вымогательства, но и за то, что во время своего господства тѣ совершали насилія надъ казацкими женами и дочерьми. Въ Васильковской крѣпости Ан-

тіохійцы особенно любовались въ храмѣ свв. Антонія и Θеодосія Печерскихъ великолѣпною иконою Богоматери (повидимому, на алтарной стѣнѣ). Ликъ Ея какъ живой, уста будто говорили, риза какъ бы сдѣлана изъ темнокраснаго бархата, а убрусъ, который покрывалъ Ея чело и ниспадалъ внизъ, казалось, будто переливается и колеблется,—такъ хорошо все это было написано.

Сопровождаемые отрядомъ казаковъ съ сотникомъ, патріархъ и его свита подъѣзжали къ Кіеву трудною узкою дорогою, пролегавшею по большому лѣсу. Навстрѣчу имъ выѣхали архимандритъ Печерскаго монастыря (Іосифъ Тризна) и проживавшій въ немъ епископъ (Черниговскій), съ нѣсколькими монахами. Патріарха посадили въ карету, снаружи позолоченную, внутри обитую краснымъ бархатомъ, и повезли посреди многочисленныхъ садовъ, обилующихъ орѣховыми и шелковичными деревьями и даже виноградными лозами. Всѣ эти сады принадлежали Печерскому монастырю. Надъ желѣзными вратами его возвышалась церковь во имя св. Троицы. Тутъ путешественники вышли изъ экипажей и вступили въ знаменитую обитель. По широкой прекрасной дорожкѣ они направились къ главному ея храму или къ Великой церкви Успенія Богоматери. По обѣимъ сторонамъ дорожки расположены были красивыя, чистыя кельи монаховъ, окруженныя садиками и палисадниками съ цвѣтами, имѣющія стеклянныя окна, а потому очень свѣтлыя, внутри ярко расписанныя и снабженныя изразцовыми печами. Кельи обыкновенно состояли изъ 3 комнатъ съ тремя дверями, которыя запирались желѣзными замками. Еще два года назадъ здѣсь было до 500 иноковъ; но теперь, послѣ моровой язвы, ихъ осталось 200. Одѣтые въ шерстяныя мантіи, въ черныхъ суконныхъ клобукахъ съ крепами, спускающимися на глаза и застегнутыми у подбородка, съ четками въ рукахъ, съ ясными лицами и выраженіемъ смиренія, иноки эти производили пріятное впечатлѣніе. Тутъ ясно сказывались плоды дѣятельности Петра Могилы, который оставилъ послѣ себя сей монастырь благоустроеннымъ и разбогатѣвшимъ. Павелъ прибавляетъ, что во владѣніи его состояло 30 базаровъ и до 400 деревень; часть этихъ имуществъ находилась въ областяхъ, оставшихся за Рѣчью Посполитой.

Въ Великой церкви патріархъ Макарій выслушалъ ектенію, за которою упомянули имена его (т.-е. Макарія), архимандрита Іосифа, царское и гетманское, но не упоминали владыку Сильвестра, такъ какъ этотъ монастырь самостоятельный, независимый отъ Кіевскаго митрополита. По-гречески спѣли «Исполла эти деспота». Изъ церкви патріарха и его свиту повели въ трапезную, гдѣ угостили ихъ разнаго рода

сладкими вареньями, хлѣбомъ на меду и водкой, послѣ чего подали обѣдъ изъ постныхъ блюдъ—такъ какъ это былъ понедѣльникъ,—приправленныхъ шафраномъ и разнаго рода пряностями; также подавали блины, грибы и пр. А напитками служили медъ, пиво и красное вино изъ собственныхъ виноградниковъ. Всякое блюдо сначала ставили передъ владыкой патріархомъ; а когда онъ съѣстъ изъ него немного, двигали дальше по столу до самаго конца. Тарелки, кубки и ложки были серебряныя. Послѣ обѣда подали разные плоды и ягоды, каковы черешни, вишни, крыжовникъ и пр.

Павелъ Алеппскій довольно подробно описываетъ Великую церковь, т.-е. Успенскій храмъ Печерскаго монастыря. Изъ его описанія видно, что этотъ девятиглавый храмъ въ то время еще сохранялъ свой первоначальный величественный объемъ и нѣкоторыя древнія украшенія, каковы: мозаичныя изображенія въ абсидѣ главнаго алтаря, разноцвѣтные мраморные полы и барельефы. На одной изъ монастырскихъ колоколенъ устроены большіе желѣзные часы, которые свои 24 часа отбивали такъ, что слышны были на большое разстояніе. Далѣе онъ описываетъ ближнія и дальнія пещеры и упоминаетъ о знаменитой Кіево-Печерской типографіи, въ которой Макарій, по обычаю восточныхъ патріарховъ, попросилъ напечатать большое число разрѣшительныхъ грамотъ со своимъ именемъ для раздачи; для вельможъ назначались въ цѣлый листъ, поменьше для простого народа, еще меньше для женщинъ. Конечно это былъ родъ индульгенцій, но далеко не такихъ соблазнительныхъ какъ папскія. Дѣло въ томъ, что Антіохійскій патріархъ особенно почитался на Руси какъ древнѣйшій изъ патріарховъ и какъ преемникъ апостола Петра, «коему одному поручилъ Господь Христосъ вязать и рѣшать на небѣ и на землѣ».

Обратила на себя вниманіе Павла роскошная обстановка Печерскаго архимандрита. У него былъ великолѣпный домъ въ два этажа съ высокимъ куполомъ, обведеннымъ красивою рѣшеткою, при домѣ особый большой садъ, тщательно содержимый, съ абрикосовыми, шелковичными, орѣховыми деревьями и виноградными лозами. При немъ состояла свита служилыхъ людей, которые при выѣздѣ архимандрита скакали впереди и позади его кареты на отличныхъ коняхъ, въ пышномъ одѣяніи и при дорогомъ оружіи. Въ его кельяхъ хранилось большое количество всякаго оружія, т.-е. мушкеты, сабли, пистолеты, арбалеты и т. д. Эта собственная военная свита составляла общую черту западнорусскихъ митрополитовъ, епископовъ и настоятелей богатыхъ монастырей,—черту, конечно, заимствованную у польско-латинскихъ прелатовъ. Когда митрополитъ Сильвестръ Коссовъ посѣтилъ въ Печерскомъ монастырѣ

патріарха Макарія, то его карету, обитую краснымъ сукномъ, сопровождалъ отрядъ такихъ же богато вооруженныхъ всадниковъ. Извѣстіе Павла о митрополичьихъ и архимандричьихъ военно-служилыхъ людяхъ, повидимому довольно многочисленныхъ, до нѣкоторой степени объясняетъ помянутую выше угрозу Сильвестра московскимъ воеводамъ биться съ ними за клочокъ замли, назначенный подъ новую крѣпость.

По приглашенію игуменьи женскаго Воскресенскаго монастыря, патріархъ Макарій посѣтилъ этотъ монастырь и присутствовалъ за литургіей. Павелъ называетъ его очень благоустроеннымъ, имѣвшимъ болѣе 50 или 60 монахинь, большею частію принадлежавшихъ къ старымъ родамъ. Одѣтыя въ черныя шерстяныя мантіи, съ свѣтлыми какъ солнце лицами, монахини—пишетъ онъ—«пѣли и читали молитвы пріятнымъ напѣвомъ и нѣжными голосами, разрывающими сердце и исторгающими слезы: это было пѣніе трогательное, хватающее за душу, много лучше пѣнія мужчинъ. Мы были восхищены пріятностію голосовъ и пѣнія, въ особенности дѣвицъ взрослыхъ и маленькихъ. Всѣ онѣ умѣютъ читать, знакомы съ философіей, логикой и занимаются сочиненіями». «Одна изъ нихъ прочла Апостолъ весьма отчетливо». «У нихъ много дѣвицъ взрослыхъ и маленькихъ, которыя носятъ мѣховые колпаки: ихъ воспитываютъ для монашества, ибо большая часть ихъ сироты».

Митрополитъ, повидимому, пріѣзжалъ въ Печерскій монастырь за тѣмъ, чтобы пригласить къ себѣ патріарха. Послѣдній пробылъ въ Печерскѣ около шести дней. Онъ совершилъ здѣсь литургію въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла. За литургіей послѣдовалъ обѣдъ въ трапезѣ, гдѣ Антіохійцамъ подавали супы съ яицами, начиненными пряностями, рыбныя кушанья съ миндальнымъ молокомъ и соусы съ чистымъ шафраномъ. (Всѣ эти пряности покупались дорогой цѣной). А на слѣдующее утро, въ субботу, архимандритъ отвезъ патріарха въ своей каретѣ въ сопровожденіи военной свиты въ монастырь св. Софіи, т.-е. въ митрополію. Тутъ встрѣтилъ ихъ Сильвестръ, окруженный настоятелями кіевскихъ монастырей, и помѣстилъ гостей въ своихъ палатахъ. «Среди сихъ настоятелей—замѣчаетъ архидіаконъ—есть люди ученые, законовѣды, ораторы, знающіе логику и философію и занимающіеся глубокими вопросами».

Павелъ даетъ довольно подробное описаніе Кіевской Софіи въ современномъ ему состояніи, т.-е. послѣ обновленія ея Петромъ Могилою. Со свойственною ему восточною наклонностью къ преувеличенію, онъ такъ приступаетъ къ сему описанію: «Умъ человѣческій не въ силахъ обнять ее по причинѣ разнообразія цвѣтовъ ея мрамора и ихъ сочетаній, симметрическаго расположенія частей ея строенія, большого числа и

высоты ея колоннъ, возвышенности ея куполовъ, ея обширности, многочисленности ея портиковъ и притворовъ». (Не останавливаемся надъ его описаніемъ сего храма, къ сожалѣнію, не всегда точнымъ и яснымъ). Далѣе онъ касается златоверхаго Михайловскаго монастыря, съ его позолоченнымъ куполомъ; патріархъ Макарій посѣтилъ его по приглашенію архимандрита Ѳеодосія. Вновь выстроенная Москвитянами крѣпость проходила почти у самыхъ вратъ св. Софіи. Павелъ говоритъ, что «она укрѣплена деревянными стѣнами, рвами и крѣпкими башнями». «Кругомъ рва поставили бревна въ родѣ длинной оси водяного колеса, очень большія, и переплели ихъ жердями, заостренными наподобіе кинжаловъ и копій, торчащими съ четырехъ сторонъ оси въ видѣ креста, какъ во́роты нашихъ колодцевъ. Бревна эти положены въ два яруса, будучи протянуты надъ землей на высотѣ около полутора роста». (Вѣроятно тутъ разумѣются надолбы съ двухъярусными рогатками). «Мосты при воротахъ этого города и крѣпости поднимаются на цѣпяхъ. Вся земля вокругъ нихъ имѣетъ подземные ходы, наполненные большимъ количествомъ пороха. На каждыхъ воротахъ виситъ набатный колоколъ. Въ крѣпости много пушекъ, однѣ надъ другими, вверху и внизу. Въ ней двое воеводъ и 60.000 (6.000 ?) войска, изъ коего одна часть стоитъ подъ ружьемъ днемъ, а другая— ночью». Одинъ изъ воеводъ приходилъ поздравить патріарха съ пріѣздомъ.

По всѣмъ признакамъ, верхній Кіевъ въ то время былъ занятъ именно храмами, монастырями и крѣпостью; а собственно городъ лежалъ внизу, т.-е. на Подолѣ, на самомъ берегу Днѣпра. 3 іюля патріархъ въ митрополичьей каретѣ, съ вооруженнымъ конвоемъ, спустился въ этотъ нижній Кіевъ, гдѣ ему заранѣе было приготовлено помѣщеніе. Здѣсь было много хорошихъ деревянныхъ домовъ съ садами и кипѣла торгово-промышленная дѣятельность; у жителей въ изобиліи имѣлись водка, хлѣбъ и разнообразная рыба; по Днѣпру стояли и сновали большія и малыя суда; послѣднія были длиною въ 10 локтей и выдолблены изъ одного огромнаго куска дерева. Изъ турецкихъ земель купцы привозили сюда оливковое масло, миндаль, смоквы, табакъ, сафьянъ, пряности, хлопчатобумажныя ткани и пр. На базарѣ въ отличныхъ лавкахъ сидятъ нарядно одѣтыя женщины и продаютъ разныя матеріи, соболей и пр. Онѣ ведутъ себя скромно, и никто не бросаетъ на нихъ нахальныхъ взглядовъ, ибо нравы въ этой странѣ очень строги: захваченную на мѣстѣ преступленія пару тотчасъ раздѣваютъ и ставятъ цѣлью для ружей. Въ этомъ именно городѣ процвѣтало иконописное искусство и было много хорошихъ мастеровъ.

По поводу иконописанія Павелъ замѣчаетъ, что «въ каждой изъ церквей кіевскихъ есть изображеніе гнуснаго сборища противъ Господа

нашего: Евреи сидятъ въ креслахъ съ письменными свидѣтельствами въ рукахъ и Никодимъ съ своимъ письмомъ; Пилатъ, сидя на тронѣ, умываетъ руки, а жена его говоритъ ему на ухо; внизу Господь, нагой, связанный; Каіафа безъ бороды, въ одѣяніи, похожемъ на облаченіе Армянъ и съ подобнымъ же какъ у нихъ уборомъ на головѣ, стоитъ выше всѣхъ и раздираетъ свою одежду».

Здѣсь, на Подолѣ, оставалось много великолѣпныхъ домовъ съ прекрасными садами, прежде принадлежавшихъ Ляхамъ и богатымъ Евреямъ. Отъ Ляховъ оставались также два величественныхъ каменныхъ костела, одинъ старинный, а другой новый, изящный, съ гипсовыми еще неоконченными украшеніями. Послѣдній уже началъ разрушаться и покрылся темно-сѣрою зеленью мха. Жители разсказывали Павлу, что въ этомъ городѣ, который былъ укрѣпленъ, искали спасенія многіе польскіе ксендзы и монахи; но казаки, ворвавшись въ него, связали ихъ тѣми веревками, которыми они были опоясаны, и побросали въ рѣку Днѣпръ.

На четвертый день по переѣздѣ на Подолъ, въ пятницу, Антіохійцы слушали литургію въ монастырѣ Сагайдачнаго, т.-е. въ Братскомъ Богоявленскомъ. Послѣ литургіи ихъ повели въ трапезную, которая вся была расписана, а въ передней ея части алтарная абсида покрыта была изображеніями страстей Господнихъ. Въ воскресенье патріархъ, по просьбѣ жителей, служилъ обѣдню въ Успенскомъ храмѣ; послѣ обѣдни раздавалъ всѣмъ антидоръ, даже мальчикамъ и дѣвочкамъ. О послѣднихъ архидіаконъ его замѣчаетъ, что дочери зажиточныхъ гражданъ носятъ на волосахъ кружокъ или кольцо изъ чернаго бархата, шитаго золотомъ, украшеннаго жемчугомъ и каменьями, на подобіе короны, стоимостью до 200 золотыхъ и болѣе; дочери же бѣдныхъ дѣлаютъ себѣ вѣнки изъ различныхъ цвѣтовъ. А знатные люди въ Кіевѣ имѣютъ обыкновеніе носить въ рукахъ «разновидныя толстыя трости».

Въ тотъ же вечеръ пришелся канунъ праздника Антонія Новаго (Печерскаго), и съ этого вечера до слѣдующаго полудня происходилъ безпрерывный звонъ во всѣ колокола. По причинѣ такого звона и многихъ совершавшихся службъ Антіохійцы не спали всю ночь. Въ ту же ночь шелъ проливной дождь, произведшій цѣлое наводненіе и туманъ.

Въ самый этотъ праздникъ, т.-е. въ понедѣльникъ, 10 іюля, патріархъ со свитою покинулъ Кіевъ и на большомъ суднѣ переѣхалъ на другой берегъ Днѣпра. По песчаной высокой почвѣ сквозь огромный сосновый лѣсъ путешественники къ вечеру прибыли въ мѣстечко или базаръ, именуемый Бровары, имѣвшій подворье Печерскаго монастыря. Затѣмъ архидіаконъ упоминаетъ 5 или 6 мѣстечекъ, которыя они проѣзжали, пока добрались до Прилукъ, расположенныхъ на берегахъ рѣки Удая, куда

прибыли въ четвергъ вечеромъ и были помѣщены на подворьѣ Густынскаго монастыря. Прилуки показались имъ большимъ благоустроеннымъ городомъ, хорошо укрѣпленнымъ. Цитадель, или внутренняя его крѣпость, замѣчательна по своей высотѣ, башнямъ, пушкамъ и глубокому рву съ проточною водою; а въ южной ея сторонѣ помѣщался скрытый резервуаръ. Въ цитадели находился величественный новый, еще не вполнѣ оконченный, но пустой дворецъ съ горбообразной кровлей, снабженной рѣзными украшеніями. Онъ былъ построенъ княземъ Еремiей Вишневецкимъ, которому принадлежалъ окрестный край, простиравшійся отъ Днѣпра до границъ Московіи; за его небольшой ростъ, претерпѣнныя отъ него внезапныя нападенія и разоренія Татары прозвали его *Кучукъ шайтанъ*, т.-е. Маленькій діаволъ. Павелъ сообщаетъ какую-то басню о его трагическомъ концѣ: будто бы во время войны съ Хмѣлемъ онъ пьянствовалъ въ своемъ дворцѣ, былъ застигнутъ казаками и ускакалъ но выброшенный лошадью изъ сѣдла, сломалъ себѣ шею, а подоспѣвшіе казаки отрубили ему голову, которую Хмѣль на длинномъ шестѣ выставилъ на верху его дворца. Подобныя басни отчасти показываютъ, сколько въ народѣ ходило невѣроятныхъ слуховъ и разсказовъ о только что совершившихся событіяхъ, а отчасти могутъ свидѣтельствовать, что многое изъ этихъ разсказовъ антіохійскій архидіаконъ едва ли вѣрно понималъ и точно передавалъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ, что въ семъ городѣ нѣкоторые Евреи и Ляхи, не успѣвшіе бѣжать, приняли православіе и тѣмъ спаслись, а кто отказался отъ крещенія, тѣ были избиты; что тутъ была общественная баня, въ которой мужчины и женщины мылись вмѣстѣ безъ передниковъ, прикрываясь только вѣниками, а, выходя изъ бани, погружались въ холодную, протекающую мимо рѣку.

Патріархъ со своею свитою посѣтилъ Троицкій Густынскій монастырь. Онъ основанъ въ началѣ XVII вѣка неподалеку отъ Прилукъ, на островѣ рѣки Удая; потомъ, уничтоженный пожаромъ, былъ возобновленъ на щедрыя пожертвованія молдавскаго господаря Василія Лупула. Царь Алексѣй Михайловичъ также прислалъ вспомоществованіе, обращенное въ особенности на расписаніе по золоту иконостаса. Встрѣченный архимандритомъ и всѣмъ клиромъ со свѣчами, хоругвями и крестами, патріархъ вступилъ въ пятикупольный храмъ Св. Троицы. Его архидіаконъ болѣе всего хвалитъ именно иконостасъ, который своимъ великолѣпіемъ превосходилъ только что видѣнные имъ иконостасы Печерскій и Софійскій. «Ни одинъ человѣкъ—замѣчаетъ онъ—не въ силахъ описать этотъ иконостасъ, его громадность, высоту, обиліе его позолоты, видъ и блескъ». Однако затѣмъ онъ даетъ краткое описаніе главныхъ

иконъ и орнаментовъ, говоря, что оно стоило ему «большого труда и старанія». Послѣ трапезы и вечерни восточные гости отошли ко сну. «Но сна не было», жалуется архидіаконъ, «ибо клопы и комары болѣе многочисленные, чѣмъ ихъ миріады въ воздухѣ, не дали намъ даже и попробовать сна и покоя: ихъ въ этой странѣ изобиліе—море, выходящее изъ береговъ». Несмотря на головокруженіе, чувствуемое постоянно послѣ такой ночи, патріархъ долженъ былъ служить утреню, а потомъ и обѣдню.

17 іюля, въ понедѣльникъ, патріархъ выѣхалъ изъ Прилукъ по направленію къ Путивлю. Онъ миновалъ нѣсколько базаровъ, городъ Красный и мѣстечко Корыбутовъ; тутъ кончались казацкія поселенія, далѣе лежали покинутыя земли и необработанныя поля. Дороги въ этомъ краю шли изгибами между холмами и долинами, чрезъ плотины, мосты и заставы. Нѣсколько разъ эти заставы приходилось ломать или съ трудомъ переѣзжать мосты; такъ какъ тѣ и другіе были приспособлены къ мѣстнымъ маленькимъ повозкамъ и оказывались слишкомъ узки для патріаршей кареты. Въ городахъ и селеніяхъ при концѣ сихъ мостовъ выстроены были дома для бѣдняковъ и сиротъ, со многими повѣшенными на нихъ образами. При проѣздѣ путешественниковъ изъ этихъ домовъ выходили толпы сиротъ и ожидали подаянія. Это множество сиротъ, какъ извѣстно, было слѣдствіемъ предыдущихъ войнъ; но тутъ они находились, повидимому, въ худшемъ положеніи, чѣмъ на правобережной Украйнѣ.

Здѣсь оканчиваются замѣтки Павла Алеппскаго объ Украйнѣ. Любопытно, что среди характерныхъ чертъ украинскаго быта и хозяйства того времени не встрѣчаемъ ни слова о пасѣкахъ, которыя составляли въ особенности любимое занятіе Малорусскаго племени. Очевидно Антіохійскому патріарху на его пути просто не пришлось видѣть пасѣки, обыкновенно расположенныя гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, вдали отъ главныхъ дорогъ.

20 іюля, въ праздникъ пророка Иліи, путники достигли рѣки Сейма, который составлялъ предѣлъ Московской земли. На другомъ берегу его возвышался пограничный городъ Путивль, по тому времени отлично укрѣпленный и снабженный сильнымъ гарнизономъ. Высланные воеводою чиновники переправили на судахъ Макарія, его свиту и карету. На томъ берегу его встрѣтили жители и уже небритые, чубатые казаки, а выстроенные рядами бородатые, статные, нарядные стрѣльцы со своими ружьями. Подлѣ города ждалъ воевода Никита Алексѣевичъ Зюзинъ; онъ сошелъ съ коня и три раза поклонился въ землю патріарху, прежде чѣмъ принять отъ него благословеніе. Другіе чиновники, одѣтые въ роскошные кафтаны съ широкими расшитыми золотомъ воротниками,

съ дорогими пуговицами и красивыми петлицами, застегнутыми отъ шеи до подола, бросались на землю и въ пыли стояли на колѣняхъ при приближеніи патріарха. Ворота ихъ рубашекъ были унизаны крупнымъ жемчугомъ, а также и макушки суконныхъ шапокъ розоваго и краснаго цвѣта. Изъ города вышло духовенство съ крестами, хоругвями, евангеліями, иконами; тутъ было 36 священниковъ въ ризахъ, 4 діакона въ стихаряхъ и множество монаховъ въ большихъ клобукахъ и длинныхъ мантіяхъ. Въ попутныхъ церквахъ (а ихъ въ городѣ было 24) патріарха провожали колокольнымъ звономъ, пока не ввели его въ высокій прекрасный храмъ св. Георгія. Затѣмъ его помѣстили въ просторномъ домѣ протопопа. Здѣсь путешественники начали наблюдать уже московскіе или великорусскіе нравы и обычаи, во многомъ отличные отъ малорусскихъ и удивлявшіе ихъ своею строгой чинностью, обрядностью и устойчивостью. Такъ въ тотъ же день къ патріарху явились царскіе чиновники со съѣстными припасами, которые несли за ними стрѣльцы, т.-е. съ хлѣбомъ, рыбою, боченками меду и пива, водкою и разными винами, и все это поднесли ему отъ имени государя, подъ именемъ хлѣба-соли. А воевода прислалъ отъ себя подъ тѣмъ же именемъ роскошный обѣдъ, состоявшій изъ сорока или пятидесяти блюдъ; тутъ были: вареная и жареная рыба, разнообразное печеное тѣсто съ начинкою (пироги), рубленая рыба въ видѣ гусей и куръ, жареная въ маслѣ, блины, лепешки, начиненныя яйцами и сыромъ, соусы, приправленные пряностями, шафраномъ и благовоніями, маринованные лимоны; водка, заморскія вина и вишневая настойка подавались въ серебряныхъ вызолоченныхъ чашахъ.

Чиновники при поднесеніи патріарху каждаго блюда говорили, что воевода Никита Алексѣевичъ бьетъ ему челомъ своею хлѣбомъ-солью; при чемъ не на словахъ только, а дѣйствительно кланялись въ землю и ударяли о нее лбомъ такъ, что слышенъ былъ стукъ.

Переѣхавъ изъ Малой Россіи въ Великую, Павелъ замѣчаетъ: «Мы вступили во вторыя врата борьбы, пота, трудовъ и пощенія, ибо въ этой странѣ, отъ мірянъ до монаховъ, ѣдятъ только разъ въ день (?) и выходятъ изъ церковныхъ службъ не ранѣе, какъ около восьмого часа (2 часа пополудни). Во всѣхъ церквахъ ихъ совершенно нѣтъ сидѣній. Всѣ міряне стоятъ какъ статуи, молча, тихо, дѣлая безпрерывно земные поклоны. Мы выходили изъ церкви едва волоча ноги отъ усталости и безпрерывнаго стоянія безъ отдыха и покоя. Свѣдущіе люди заранѣе говорили намъ, что если кто желаетъ сократить свою жизнь на 15 лѣтъ, пусть ѣдетъ въ страну Московитовъ и живетъ среди нихъ какъ подвижникъ, являя постоянное воздержаніе и пощеніе, за-

нимаясь чтеніемъ (молитвъ) и вставая въ полночь». Тутъ за проѣзжающими духовными лицами тщательно надзираютъ и сквозь дверныя щели наблюдаютъ, упражняются ли они въ смиреніи, постѣ и молитвѣ или пьянствуютъ, занимаются игрой, шутками, смѣхомъ и бранью. За подобные проступки у нихъ наравнѣ съ преступниками ссылаютъ людей въ страну мрака, т.-е. въ Сибирь, добывать тамъ соболей, бѣлокъ, лисицъ и горностаевъ. «Если бы у Грековъ была такая же строгость, какъ у Московитовъ, то они и до сихъ поръ сохраняли бы свое владычество», прибавляетъ Павелъ.

Воевода тотчасъ послалъ увѣдомленіе о пріѣздѣ патріарха къ царю, который въ то время воевалъ подъ Смоленскомъ. А затѣмъ онъ прислалъ къ патріарху писаря, который переписалъ имена и должности всѣхъ бывшихъ съ нимъ людей. Всей свиты оказалось около 40 человѣкъ; въ томъ числѣ было нѣсколько купцовъ, скрывшихъ свое званіе и записавшихся служителями. Въ пятницу послѣ обѣдни воевода навѣстилъ патріарха: «Сначала онъ молча сотворилъ крестное знаменіе и помолился на иконы; потомъ приблизился къ патріарху, чтобы тотъ благословилъ его московскимъ благословеніемъ, поклонился ему до земли два раза и сдѣлалъ поклонъ присутствующимъ на всѣ четыре стороны, а затѣмъ началъ (привѣтственную) рѣчь». ([11]).

IV.

БОРЬБА ЗА МАЛОРОССІЮ.

Военныя приготовленія царя и отпускъ ратей. Его личное выступленіе въ походъ. Сдача литовскихъ городовъ. Взятіе Смоленска. Медлительность гетмана. Моровая язва. Ропотъ на крутыя мѣры Никона. Замѣтки П. Алеппскаго: московскіе города и населеніе, Коломна, страшное опустошеніе отъ мора, торжественное возвращеніе побѣдоносного царя и церковныя празднества.—Извѣстія съ театра войны и второй походъ государя. Взятіе Вильны. Вторженіе Шведовъ въ Польшу и Литву. Вторичная осада Львова и отступленіе Хмѣльницкаго. Отчаянное положеніе Рѣчи Посполитой. Религіозное и патріотическое движеніе Поляковъ. Коварное посредничество Австріи и цесарское посольство. Никонъ и царь Алексѣй по П. Алеппскому.—Война со Шведами и третій походъ царя. Неудачная осада Риги. Виленскіе переговоры и польское мнимое избраніе Алексѣя. — Вальесарское перемиріе.—Ордынъ-Нащокинъ.— Неудовольствіе Хмѣльницкаго на замиреніе съ Поляками и его послѣдніе переговоры.—Его историческое значеніе.

Въ 1649 году московскій гонецъ дьякъ Кунаковъ во время переговоровъ въ Варшавѣ, вызванныхъ возстаніемъ Хмѣльницкаго, между прочимъ говорилъ Полякамъ слѣдующее: «А войска у великаго государя нашего, у его царскаго величества, всегда наготовѣ многая рать, и царскаго величества у бояръ и воеводъ по полкамъ расписаны, по тридцати и по сороку тысячъ въ полку и больше, такъ же и гусары, и райтары, и драгуны, и солдаты въ строеньѣ у полковниковъ и у всякихъ начальныхъ людей многіе полки, и всѣ царскаго величества войска воинскому ратному рыцерскому строю навычные. Хотя ему великому государю нашему и не друга никого нѣтъ, только его государскимъ разсмотрѣніемъ во всѣхъ его государствахъ и по украинамъ войска многіе полки всегда наготовѣ. И ко всѣмъ людямъ, къ подданнымъ своимъ и къ иноземцамъ, великій государь нашъ, его царское величество, милостивъ и щедръ и наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученью навыченъ, и къ воинскому ратному рыцерскому строю хотѣнье держитъ большое, по своему государскому чину и достоянью».

Что этотъ отзывъ былъ близокъ къ истинѣ, о томъ свидѣтельствуетъ въ своихъ отпискахъ тотъ же Кунаковъ. Московскіе доброхоты передавали ему тайныя совѣщанія польскихъ сенаторовъ о возстаніи Хмѣльницкаго и опасенія ихъ насчетъ Москвы. «А нынѣ де Москва стала суптельна—говорили они,—и часъ отъ часу суптельнѣйши, и райторского строю войско устроено нынѣ вновь многіе полки; такъ же и на Украйнѣ всѣ люди ратному строю навычны, изучены вновѣ, чего предъ тѣмъ николи не бывало». Тамъ же, въ Варшавѣ, Кунакову сообщали гданскіе купцы, побывавшіе въ Ригѣ, о томъ, что Шведы немало озабочены московскими военными дѣлами: ибо «въ Новгородѣ и во всѣхъ новгородскихъ мѣстахъ учатъ райторскому и драгунскому строю и полки строятъ».

Дѣйствительно, молодой царь съ особымъ рвеніемъ предавался заботамъ объ устроеніи войска; онъ дѣятельно продолжалъ начинанія своего отца по введенію европейскаго военнаго искусства. Для обученія русскихъ полковъ въ значительномъ количествѣ вызывались въ Москву инструкторы изъ чужихъ земель. Напримѣръ, въ 1646 году посланъ былъ стольникъ Илья Дан. Милославскій (потомъ тесть государя) чрезъ Архангельскъ въ Голландію для найма желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ и опытныхъ въ солдатскомъ строѣ капитановъ съ двумя десятками хорошо обученныхъ солдатъ; послѣдніе должны были помогать иностраннымъ офицерамъ въ обученіи русскихъ ратниковъ. А въ слѣдующемъ 1647 году отпечатанъ былъ переведенный съ нѣмецкаго строевой уставъ подъ заглавіемъ «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей»—впрочемъ уставъ и въ Европѣ уже довольно устарѣлый для того времени, т.-е. послѣ улучшеній, введенныхъ Густавомъ Адольфомъ. Названіе солдатъ усвоено было пѣхотнымъ полкамъ, устроеннымъ по-европейски и набиравшимся по преимуществу изъ даточныхъ крестьянъ. Конные полки, набиравшіеся изъ дѣтей боярскихъ, новокрещеновъ, казаковъ и всякихъ вольныхъ охочихъ людей, носили общее названіе рейтаръ; нѣкоторая часть ихъ обучалась драгунскому строю; а тѣ, которые были вооружены копьями, составляли гусарскій строй. Хотя эти пѣшіе и конные полки только въ извѣстное время собирались и учились новому строю, и хотя рядомъ съ ними продолжали существовать разнаго рода прежнія ополченія, однако военныя силы Московскаго государства замѣтно развивались и дѣлались грозны для его сосѣдей.

По мѣрѣ того, какъ событія на Украйнѣ принимали болѣе острый характеръ, и Московское правительство предвидѣло свое близкое вмѣшательство, усилились его военныя приготовленія и участились царскіе

смотры. Такъ, по дворцовымъ записямъ, въ мартѣ 1653 года велѣно было всѣмъ стольникамъ, стряпчимъ, московскимъ дворянамъ и жильцамъ (т.-е. собственному государеву двору или полку) съѣзжаться въ столицу къ 1 мая на царскій смотръ «со всею ихъ службою», т.-е. на коняхъ, въ полномъ вооруженіи и съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ. Этотъ смотръ начался 13 іюня на Дѣвичьемъ полѣ, и продолжался до 28 числа; послѣ чего «всякихъ чиновъ служилые люди» были расписаны и распредѣлены на извѣстныя части. 5 февраля слѣдующаго года царица родила сына, нареченнаго также Алексѣемъ; крестилъ его въ Успенскомъ соборѣ патріархъ Никонъ; воспріемницей была царевна Ирина Михайловна, а кумомъ троицкій архимандритъ Адріанъ. 14 числа объявили, что государь повелѣлъ идти на Польскаго короля за его многія неправды и клятвопреступленія, и велѣно собираться служилымъ людямъ Государева полку въ Москву къ 1 мая. 27 февраля Алексѣй Михайловичъ торжественно отпустилъ изъ Москвы съ Болота (площадь за Москвой-рѣкой) тяжелый нарядъ или артиллерію, которая должна была дожидаться его въ Вязьмѣ. При нарядѣ состояли бояринъ Ѳед. Бор. Далматовъ-Карповъ и князь Петръ Ив. Щетининъ. Въ мартѣ царь ѣздилъ на Дѣвичье поле смотрѣть рейтарское и солдатское ученье, при чемъ въ его свитѣ находились посланники гетмана Хмѣльницкаго.

Наступило время съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои права на Малую Русь, и московскія войска уже двигались къ назначеннымъ пунктамъ.

26 апрѣля 1654 года, въ майскій день, происходилъ торжественный отпускъ той рати, которая должна была частями идти на Брянскъ, тамъ собраться, устроиться и затѣмъ двинуться за польско-литовскій рубежъ. Этою ратью начальствовалъ старый уважаемый воевода князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, а въ товарищахъ у него были князья Гр. Сем. Куракинъ и Юр. Алексѣевичъ Долгоруковъ. Въ Успенскомъ соборѣ литургію совершалъ патріархъ Никонъ. Послѣ молебна бояре и воеводы приняли отъ него благословеніе и приложились къ образамъ и мощамъ. Патріархъ взялъ изъ царскихъ рукъ воеводскій наказъ, положилъ его въ кіотъ Владимірской Богородицы на пелену, и, сказавъ краткое наставительное слово, вручилъ наказъ князю Трубецкому. Государь позвалъ всѣхъ военачальниковъ къ своему столу. Тутъ онъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ соблюдать заповѣди Божіи, наблюдать правду, враговъ Божіихъ и царскихъ не щадить, а войско свое любить и беречь, между собою быть въ любви и совѣтѣ и т. д. Послѣ стола царь жаловалъ изъ собственныхъ рукъ водкою и медомъ не только бояръ и воеводъ, но и простыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и увѣ-

щевалъ крѣпко стоять противъ враговъ за ихъ гоненіе на православную вѣру и за обиды Московскому государству; причемъ возвѣстилъ, что и самъ онъ вскорѣ за ними отправится въ походъ и готовъ вмѣстѣ съ ними проливать свою кровь. Растроганные ратники клялись не щадить своихъ головъ. При отпускѣ бояре и воеводы подходили къ царской рукѣ. Первый подошелъ князь Трубецкой; государь взялъ его сѣдую голову и прижалъ къ своей груди; воевода заплакалъ отъ умиленія и нѣсколько разъ поклонился въ землю. Между прочимъ, благочестивый царь заповѣдалъ на первой недѣлѣ Петрова поста всѣмъ «обновиться» покаяніемъ и св. причащеніемъ.

Спустя три дня, рать Трубецкого выступила изъ Москвы. Она проходила Кремлемъ и подъ самыми дворцовыми переходами, на которыхъ стояли царь и патріархъ. Послѣдній кропилъ ее святою водою. Бояре и воеводы сошли съ коней и поклонились до земли; причемъ государь спрашивалъ ихъ о здоровьѣ. Никонъ благословилъ ихъ и сказалъ напутственное слово. Ему отвѣчалъ князь Трубецкой, называя его «великимъ государемъ, пресвятѣйшимъ патріархомъ всея Великія *и Малыя* Россіи», обѣщая служить «безъ всякія хитрости» и прося его «заступленія и помощи».

Алексѣй Михайловичъ, достигшій 25-лѣтняго возраста, исполненный любви къ ратному дѣлу, далеко не былъ чуждъ завоевательныхъ стремленій. Въ противоположность своему отцу, онъ при первомъ удобномъ случаѣ сталъ во главѣ своихъ полковъ и лично повелъ ихъ противъ непріятеля; а именно, онъ взялъ на себя высшее предводительство главной рати, которая направлялась на Смоленскъ и Бѣлоруссію. Согласно съ обычаями и преданіями Московской государственности и съ собственнымъ благочестіемъ, онъ поступалъ чинно, не спѣша и готовился къ походу съ молитвою и съ благословенія церковнаго. 28 апрѣля царь отправился помолиться въ Троицкій Сергіевъ монастырь, а потомъ, 3 мая, въ Саввинъ Звенигородскій. 10 мая онъ на Дѣвичьемъ полѣ смотрѣлъ по сотнямъ стольниковъ и стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, городовыхъ и всякихъ ратныхъ людей, которымъ быть въ его государевѣ походѣ. 15-го царь отпустилъ напередъ себя въ Вязьму чудотворную икону Иверской Богородицы, которая не задолго до того была принесена въ Москву изъ Царьграда отъ патріарха Парѳенія; вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, освященнымъ соборомъ и со крестами царь провожалъ ее до Донского монастыря. Съ иконою поѣхали казанскій митрополитъ Корнилій и архимандриты монастырей Спасскаго въ Казани, Саввина Звенигородскаго и Спасо-Евфиміевскаго въ Суздалѣ, игумны Петровскаго въ Москвѣ, Борисоглѣбскаго въ Ростовѣ и Клоп-

скаго въ Новгородѣ. Передовой полкъ повелъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищи, ертоульный-стольникъ Петръ Вас. Шереметевъ, большой полкъ кн. Яковъ Кудентовичъ Черкасскій съ товарищи, а сторожевой кн. Мих. Мих. Темкинъ-Ростовскій. Всѣ эти полки выступали одинъ за другимъ, тѣмъ же порядкомъ и съ тѣмъ же напутствіемъ, какіе мы видѣли выше, т.-е. бояре и воеводы слушали обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, цѣловали руку у государя и шли съ войсками подъ дворцовые переходы, на которыхъ стояли царь и патріархъ; послѣдній кропилъ святой водой. Вслѣдъ за тѣмъ, 18 мая, выступилъ и самъ государь со своимъ дворовымъ полкомъ и большою придворною свитою. Дворовыми воеводами въ этомъ полку были бояре Борисъ Ив. Морозовъ и Илья Дан. Милославскій. Далѣе за государемъ слѣдовали царевичи, грузинскій Николай Давидовичъ и двое сибирскихъ, бояре Никита Ив. Романовъ, Глѣбъ Ив. Морозовъ, кн. Борисъ Алек. Рѣпнинъ, Вас. Вас. Бутурлинъ и др. Въ свитѣ государя находились и его любимцы: окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, постельничій Ѳедоръ Мих. Ртищевъ Большой (былъ еще Ѳед. Мих. Ртищевъ Меньшой) и ловчій Аѳан. Ив. Матюшкинъ. Въ числѣ головъ надъ сотнями стольниковъ и стряпчихъ встрѣчаемъ извѣстнаго самозванца князя Л. А. Шляковскаго; среди сотенныхъ головъ у городовыхъ дворянъ сыновей извѣстныхъ братьевъ Ляпуновыхъ, Прокопія и Захара: Льва Прокофьевича и Ивана Захаровича; а среди эсауловъ-стольниковъ въ государевомъ полку Ивана Дмитріевича Пожарскаго.

Спачала дворянскія сотни, рейтарскіе, гусарскіе и солдатскіе полки и стрѣлецкіе приказы собрались на полѣ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, и отсюда двинулись черезъ Кремль и дворецъ. Тутъ изъ окна Столовой палаты патріархъ Никонъ кропилъ ихъ водою. Самъ государь отправился впереди со своею свитою. У городскихъ воротъ по обѣ стороны устроены были ступенчатые подмостки или рундуки, обитые краснымъ сукномъ. На нихъ стояли духовныя власти и кропили святою водой царя и ратныхъ людей. Въ государевомъ обозѣ слѣдовала его богато убранная, золоченая, обитая алымъ бархатомъ карета; но самъ онъ выступалъ изъ столицы верхомъ впереди войска. Первый станъ его былъ на Воробьевыхъ горахъ. Эта главная рать подъ личнымъ начальствомъ государя направилась обычнымъ Смоленскимъ путемъ черезъ Можайскъ и Вязьму на Дорогобужъ. Съ другой стороны князь Ал. Ник. Трубецкой, какъ мы видѣли, пошелъ на Брянскъ; онъ долженъ былъ соединиться съ полками Хмѣльницкаго. Третья рать собралась въ Путивлѣ подъ главнымъ начальствомъ Василія Борисовича Шереметева и оттуда направилась на Бѣлгородскую украйну, чтобы оберегать южные предѣлы

отъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. Въ случаѣ нужды, на сходъ съ Шереметевымъ должны были идти воеводы: изъ Яблонова князь Ив. Ромодановскій, изъ Путивля Н. Зюзинъ, изъ Козлова Пушкинъ. Противъ Татаръ должны были дѣйствовать также не только Донскіе казаки, но и союзные съ Москвою новые азіатскіе пришельцы въ наши юго-восточныя степи, Калмыки, которые своими нападеніями и грабежами уже успѣли сдѣлаться страшными для Крымцевъ и Ногаевъ.

На Москвѣ для оберегапія столицы, царскаго семейства и двора государь назначилъ бояръ-князей Мих. Петр. Пронскаго и Ив. Вас. Хилкова съ нѣсколькими окольничими и думнымъ посольскимъ дьякомъ Ахматомъ Ивановымъ. На ихъ обязанности лежало посылать извѣстія и доносить обо всемъ государю. Высшій надзоръ за государственными дѣлами порученъ былъ патріарху Никону, безъ совѣта и соизволенія котораго ничего не могли рѣшить Боярская Дума и начальники московскихъ приказовъ.

Межъ тѣмъ какъ Москва выставила большія силы для борьбы съ Польшею, послѣдняя тщетно искала себѣ союзниковъ на западѣ. Тогда она обратилась къ Крымской ордѣ, гдѣ ханъ Исламъ-Гирей естественно пересталъ дружить Хмѣльницкому послѣ его подданства Москвѣ, и явно склонялся къ союзу съ Польшею. Но именно въ это лѣто (въ іюнѣ) Исламъ-Гирей умеръ, и прошло много времени, пока его братъ и преемникъ Мухаммедъ-Гирей утвердился на Крымскомъ престолѣ и послалъ Польшѣ помощь противъ Москвы. На сеймѣ, созванномъ въ концѣ мая, Янъ Казиміръ успѣлъ провести кое-какія мѣры для обороны Рѣчи Посполитой. По настоянію шляхты, онъ отдалъ вакантныя гетманскія булавы: коронную Станиславу Потоцкому, а польную Лянцкоронскому, большую литовскую Янушу Радивиллу, а польную литовскому подскарбію Винцентію Гонсѣвскому, съ которымъ Радивиллъ дотолѣ былъ въ явной враждѣ.

Вступая въ Польско-литовскіе предѣлы, передовые московскіе воеводы разсылали царскія грамоты, обращаемыя къ населенію. Эти грамоты указывали на просьбы Малороссіянъ о защитѣ православной вѣры и ихъ самихъ отъ польскаго гоненія, и призывали жителей «постричь хохлы на своихъ главахъ» и вооружиться противъ Божіихъ супостатовъ. Тѣмъ, которые присягнутъ на вѣрность Московскому государю, обѣщалось сохраненіе ихъ домовъ и имущества отъ воинскаго разоренія.

Однако, въ самой свитѣ Алексѣя Михайловича были такіе приближенные люди, которые неохотно шли въ походъ, боялись предстоящихъ трудовъ

и лишеній и пытались смущать молодого царя толками о прежнихъ неудачахъ въ войнахъ съ Поляками; о чемъ онъ самъ съ огорченіемъ писалъ нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ. Но царь быстро шелъ впередъ, поспѣшая къ Смоленску и надѣясь захватить этотъ важный городъ, пока непріятель не успѣлъ собрать туда большія силы. Онъ, очевидно, избѣгалъ ошибокъ, которыми Шеинъ погубилъ свою армію. Скоро его бодрость была подкрѣплена извѣстіями объ успѣхахъ русскаго оружія.

4 іюня государь находился въ деревнѣ Ѳедоровской, за одинъ переходъ до Вязьмы, когда къ нему отъ передовыхъ воеводъ пришло донесеніе о первомъ военномъ успѣхѣ. При появленіи московскаго отряда подъ Дорогобужемъ, польско-литовскій гарнизонъ сего города съ своими начальниками покинулъ его и ушелъ въ Смоленскъ; конечно, они видѣли враждебное имъ настроеніе жителей, тянувшихъ къ Москвѣ. И дѣйствительно, посадскіе люди немедля сдали городъ и отправили одного изъ своихъ лавниковъ съ нѣсколькими товарищами на поклонъ къ государю. Тотчасъ въ Москву отправленъ былъ гонецъ къ царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ и патріарху Никону съ извѣстіемъ, что «Божіею милостію, а его государевымъ счастіемъ городъ Дорогобужъ ему, государю, добилъ челомъ». Спустя недѣлю, на пути между Вязьмою и Дорогобужемъ, на стану въ селѣ Чоботовѣ, получилась вѣсть о сдачѣ города Невля воеводѣ боярину Вас. Пет. Шереметеву. А еще черезъ три дня (14 іюня), когда государь находился въ Дорогобужѣ, пригналъ одинъ стольникъ съ сеунчемъ (донесеніемъ) отъ воеводы сторожевого полку кн. Темкина-Ростовскаго о сдачѣ крѣпости Бѣлой. Къ счастливымъ воеводамъ Алексѣй Михайловичъ посылалъ похвальныя грамоты. 28 іюня онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ, гдѣ уже сражался съ Поляками передовой полкъ кн. Никиты Ив. Одоевскаго. Государь остановился на Богдановой Околицѣ. На слѣдующій день, въ праздникъ свв. апостолъ Петра и Павла, сюда прискакалъ новый гонецъ отъ боярина и воеводы Вас. Петр. Шереметева съ извѣстіемъ о сдачѣ знаменитаго города Полоцка. А 2 іюля пригналъ отъ князя Ал. Ник. Трубецкого съ товарищи сеунщикъ о взятіи Рославля. Съ Богдановой Околицы государь передвинулся на Дѣвичью Гору, т.-е. поближе къ Смоленску. Нѣсколько времени спустя, сюда явился новый гонецъ отъ кн. Трубецкого съ вѣстью о взятіи приступомъ города Мстиславля. Потомъ опять гонецъ отъ Шереметева съ донесеніемъ о взятіи Дисны и Друи. 2 августа явились гонцы отъ воеводъ всѣхъ трехъ полковъ: большого, передового и сторожевого, т.-е. отъ бояръ-князей Черкасскаго, Одоевскаго и Темкина-Ростовскаго, незадолго отправленныхъ подъ Оршу на гетмана Радивилла. Сначала, по оплошности Русскихъ, Радивиллу удалось нечаяннымъ ноч-

нымъ нападеніемъ нанести имъ пораженіе; на помощь Черкасскому поспѣшилъ кн. Трубецкой изъ Мстиславля; Радивиллъ отступилъ передъ превосходными силами; воеводы его преслѣдовали; городъ Орша былъ взятъ. 20 августа отъ кн. А. Н. Трубецкаго пригнали сеунщики: обоихъ литовскихъ гетмановъ Радивилла и Гонсѣвскаго настигли и наголову разбили на рѣкѣ Шкловѣ (не доходя города Борисова). Въ теченіе августа и первыхъ чиселъ сентября постепенно приходили вѣсти о взятіи воеводами городовъ: Глубокаго, Озерища, Могилева, Усвята, Шклова, а наказнымъ гетманомъ Ив. Золотаренкомъ: Гомеля, Чичерска, Новаго Быхова и Пропойска. По просьбѣ бѣлорусскихъ горожанъ, государь обыкновенно подтверждалъ ихъ Магдебургское самоуправленіе; причемъ приказывалъ удалять изъ городовъ не только жидовъ, но и казаковъ, а ляховъ не допускать ни къ какимъ урядамъ.

Осадныя работы подъ Смоленскомъ дѣятельно подвигались впередъ и московскій нарядъ разрушительно дѣйствовалъ по укрѣпленіямъ. Въ числѣ войскъ, осаждавшихъ Смоленскъ, находился вспомогательный отрядъ Малороссійскихъ казаковъ подъ начальствомъ Василія Золотаренка (братъ наказного гетмана). Спустя около двухъ мѣсяцевъ отъ начала осады, въ ночь на 16 августа произведенъ былъ приступъ. Русскіе приставили лѣстницы и полѣзли на стѣны. Но этотъ приступъ не удался; Поляки удачно взорвали порохомъ одну башню, уже захваченную Русскими, и, пользуясь происшедшимъ отъ того замѣшательствомъ, отбили нападеніе. По словамъ самого Алексѣя Михайловича (въ его письмѣ къ сестрамъ), Русскіе потеряли 300 человѣкъ убитыми и тысячу ранеными; польскія извѣстія преувеличиваютъ наши потери до 2.000 съ лишнимъ. Однако, укрѣпленія были во многихъ мѣстахъ настолько разрушены, что малочисленный гарнизонъ не могъ долго оборонять обширныя стѣны и многочисленныя башни. Извѣстіе о пораженіи литовскихъ гетмановъ произвело упадокъ духа; дисциплина стала быстро падать, и участились побѣги изъ города въ станъ осаждающихъ. Наконецъ, воевода Обуховичъ и полковникъ Корфъ обратились къ царю съ просьбою начать переговоры. Царь назначилъ для этого двухъ стольниковъ Милославскихъ и стрѣлецкаго голову Артамона Сергѣевича Матвѣева (который со своимъ приказомъ во время означеннаго приступа направленъ былъ на Днѣпровскія ворота и Наугольную башню). Дьякомъ при нихъ состоялъ Максимъ Лихачовъ. Нѣсколько дней велись переговоры объ условіяхъ; порѣшили на томъ, чтобы ратные люди и мѣщане, которые не захотятъ служить московскому государю, были отпущены въ Литву. 23 сентября государь выѣхалъ съ дворомъ изъ своего стана съ Дѣвичьей Горы и сталъ противъ Малаховскихъ

воротъ, окруженный русскими полками. Тутъ совершилось повтореніе той сцены, которая происходила подъ Смоленскомъ 19 февраля 1634 года, только въ обратномъ смыслѣ. Теперь польско-литовскія хоругви клали передъ московскимъ царемъ свои знамена, ихъ начальники ударяли челомъ, и затѣмъ гарнизонъ пошелъ въ Литву. Впрочемъ, на сей разъ сцена далеко не была такъ печально-величественна, какъ прежняя, по малолюдству гарнизона и его отнюдь не столь тяжелымъ страданіямъ. Государь послѣ того побывалъ въ городѣ, но не поселился въ немъ, а расположилъ свой станъ передъ Малаховскими воротами, гдѣ 25 сентября происходило освященіе вновь построенной тафтяной, т.-е. походной, церкви Воскресенія Христова казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ. Послѣ обѣдни бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе и дворяне приходили къ государю поздравить его со Смоленскомъ; причемъ подносили хлѣбы и соболей. Въ тотъ же день у государя въ столовомъ шатрѣ былъ пиръ для бояръ и окольничихъ. Въ числѣ пирующихъ находился и наказной гетманъ Иванъ Золотаренко. Спустя три дня, новый царскій пиръ, на которомъ угощались стольники, исполнявшіе должность эсауловъ въ государевомъ полку, и, кромѣ того, Смоленская шляхта, присягнувшая на вѣрность государю.

Съ конца сентября до конца октября включительно продолжались наступательныя дѣйствія; между тѣмъ взяты были еще города Горки, Дубровна, Витебскъ. Такимъ образомъ, вся восточная часть Бѣлоруссіи до рѣки Березины была завоевана. Не сдавался только днѣпровскій городъ Старый Быховъ, который былъ осажденъ наказнымъ гетманомъ Иваномъ Золотаренкомъ. Но въ эту первую и самую удачную для Москвитянъ эпоху войны самъ малороссійскій гетманъ отличался бездѣйствіемъ. Собравъ большое войско, онъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, какъ мы видѣли, стоялъ подъ Богуславомъ. Отсюда передвинулся къ Хвастову; здѣсь опять остановился и не двигался далѣе подъ предлогомъ опасности со стороны Татаръ; онъ возобновилъ сношенія съ Крымскимъ ханомъ и старался отвлечь его отъ союза съ Поляками. Алексѣй Михайловичъ былъ недоволенъ медлительностью Хмѣльницкаго и торопилъ его походомъ, указывая на полки В. Б. Шереметева, которые имѣли своимъ назначеніемъ оборонять Украйну отъ Татаръ. Въ сентябрѣ гетманъ постоялъ немного подъ Бердичевымъ совмѣстно съ московскимъ отрядомъ Андрея Вас. Бутурлина. Отсюда онъ пошелъ въ свой Чигиринъ, а Бутурлинъ въ Бѣлую Церковь (онъ вскорѣ умеръ). Богданъ, однако, не ошибся въ своихъ предположеніяхъ, что Поляки, слабо защищавшіе Бѣлую Русь, обратятъ свои главныя силы и свою энергію на отвоеваніе дорогой для нихъ Украйны, и что на помощь къ нимъ

придетъ Крымская орда; но онъ напрасно давалъ имъ время не спѣша собраться и приготовиться къ наступленію.

Алексѣй Михайловичъ принужденъ былъ пріостановить свое наступленіе въ глубь великаго княжества Литовскаго по причинѣ моровой язвы, которая тогда страшно свирѣпствовала въ его войскахъ и въ его государствѣ. Она перешла сюда изъ Украйны, гдѣ явилась обычнымъ послѣдствіемъ предыдущихъ войнъ, разореній и массы неубранныхъ труповъ людей и животныхъ, заражавшихъ воздухъ. 5 октября государь отправился изъ-подъ Смоленска и, спустя 16 дней, остановился въ Вязьмѣ, не рѣшаясь идти въ Москву, гдѣ моръ былъ особенно силенъ.

Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ царь послалъ указъ Никону выѣхать изъ столицы съ царскимъ семействомъ, чтобы уберечь его отъ заразы, въ Троицкій монастырь. По Смоленской дорогѣ и по другимъ главнымъ путямъ изъ Москвы устроены были заставы, чтобы не пропускать зараженныхъ въ области и особенно подъ Смоленскъ въ царское войско. Въ столицѣ принимались строгія мѣры для охраненія отъ повѣтрія дворцовыхъ и казенныхъ палатъ; въ нѣкоторыхъ окна и двери закладывали кирпичомъ и замазывали глиной. Въ зараженные дворы ходы заваливались и приставлялась къ нимъ стража, никого не выпускавшая. Также и подмосковныя деревни, если онѣ оказывались зараженными, то окружались засѣкой и крѣпкой стражей, которая прерывала съ ними всякое сообщеніе. На сторожахъ раскладывали частые огни.

При такихъ обстоятельствахъ не замедлило обнаружиться и народное неудовольствіе противъ властей; особенно обратилось оно на патріарха. Поводомъ къ тому послужили его слишкомъ крутыя мѣры для исправленія иконъ и церковныхъ книгъ. Въ Москвѣ нѣкоторые иконописцы стали тогда подражать западной, преимущественно итальянской, живописи. Послѣ отправленія царя въ походъ, оставшись почти полнымъ хозяиномъ столицы, неукротимый патріархъ, между прочимъ, обрушился на эти новонаписанныя иконы. Онъ посылалъ отбирать ихъ у частныхъ людей и даже у самихъ бояръ; затѣмъ приказывалъ прокалывать на нихъ глаза или соскабливать съ нихъ самый ликъ; послѣ чего стрѣльцы, по его повелѣнію, носили ихъ по городу и грозили наказаніемъ всякому, который будетъ писать по этимъ образцамъ; нѣкоторые соскобленные образа возвращались назадъ для ихъ переписанія. Въ городѣ многіе съ недоумѣніемъ взирали на такія дѣйствія патріарха и считали его иконоборцемъ. Когда же разразилась моровая язва, естественно, пошли толки, что это гнѣвъ Божій за оскорбленіе иконъ патріархомъ; стали собираться враждебныя ему скопища. Но въ это время Никонъ выѣхалъ съ

царскимъ семействомъ. Тогда усилился народный ропотъ противъ него и его довѣреннаго старца Арсенія (Грека), главнаго справщика на Печатномъ дворѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ перепортившаго многія книги. 25 августа толпа собралась около Успенскаго собора, гдѣ былъ у обѣдни князь Пронскій съ товарищами; она жаловалась на то, что патріархъ покинулъ столицу въ бѣдѣ, а за нимъ разбѣжались и многіе попы, вслѣдствіе чего православные умираютъ безъ покаянія и причастія; требовали взятія подъ стражу патріарха и старца Арсенія. Принесли и нѣкоторыя обезображенныя иконы. Бояре увѣщевали народъ и говорили, что патріархъ уѣхалъ по государеву указу. Имъ удалось успокоить волненіе, которое, впрочемъ, не разъ возобновлялось. Царское семейство переѣхало въ Калязинъ монастырь; грамоты, присланныя изъ Москвы царицѣ и патріарху, пропускались черезъ огонь. Межъ тѣмъ моръ усиливался. Въ сентябрѣ умерли оба боярина, оберегавшіе столицу, князья Пронскій и Хилковъ. Жители гибли тысячами. Ряды съ лавками были заперты; дома знатныхъ людей, кипѣвшіе многочисленной дворней, опустѣли; воры воспользовались тѣмъ и разграбили нѣсколько дворовъ. Для предосторожности отъ злоумышленниковъ всѣ кремлевскія ворота и рѣшетки были заперты; оставлена одна калитка, ведущая на Боровицкій мостъ. Только въ октябрѣ моръ началъ стихать. Царское семейство изъ Калязина монастыря переѣхало въ Вязьму, гдѣ остановился государь. Въ началѣ декабря царь послалъ въ Москву счетчиковъ, которые должны были сосчитать умершихъ жителей и оставшихся въ живыхъ. Оказалось, что въ главныхъ кремлевскихъ соборахъ едва по одному священнику и дьякону было налицо; а въ главныхъ монастыряхъ оставалось иноковъ или инокинь гдѣ третья часть, а гдѣ и гораздо менѣе того; соразмѣрная тому произошла убыль и въ другихъ частяхъ населенія.

Вышеприведенныя записки антіохійскаго архидіакона Павла Алеппскаго даютъ намъ возможность ближе заглянуть внутрь Московскаго государства, когда оно подверглось страшнымъ опустошеніямъ отъ моровой язвы.

Нѣсколькими днями, проведенными въ Путивлѣ, Павелъ воспользовался для своихъ наблюденій и записей. По его словамъ, Путивль, это—обширный городъ, расположенный на высокомъ мѣстѣ; дома жителей имѣли садики съ яблонями, вишнями, сливами и грушами. А крѣпость его такая, что подобной путешественники не видѣли въ землѣ казаковъ; она построена изъ дерева съ прочными башнями, двойными стѣнами, бастіонами и глубокими рвами, коихъ откосы укрѣплены деревомъ; концы

мостовъ поднимаются на бревнахъ и цѣпяхъ; въ ней есть водоемъ, въ который вода скрытно накачивается колесами изъ рѣки. Внутри ея есть другая крѣпость (кремль) еще сильнѣе и неодолимѣе, снабженная множествомъ большихъ и малыхъ пушекъ, расположенныхъ рядами одинъ надъ другимъ. Но Боже сохрани, если какой-либо иностранецъ станетъ осматривать крѣпость и пушки; Московиты тотчасъ его отправятъ въ заточеніе, говоря: «ты шпіонъ изъ Турецкой земли». Такъ они подозрительны и такъ крѣпко охраняютъ свою страну. Въ городѣ 24 церкви и 4 монастыря, изъ коихъ одинъ женскій. Иконы обыкновенно закрыты серебряными окладами, чеканной работы съ позолотою; иконы ветхія, древнія пользуются особымъ почитаніемъ. Колокольни круглыя и осьмиугольныя съ приподнятымъ узкимъ и высокимъ верхомъ, тогда какъ въ землѣ Малороссійскихъ казаковъ онѣ широкія и круглыя наподобіе восточныхъ. Верхняя одежда священниковъ и дьяконовъ изъ чернаго или коричневаго сукна со стеклянными или серебряными пуговицами, съ петлями изъ крученаго шелка и съ отложнымъ воротникомъ; на головѣ они носятъ высокіе суконные колпаки. Такъ же одѣваются ихъ жены, въ отличіе отъ мірскихъ женщинъ. Одежды послѣднихъ архидіаконъ имѣлъ случай наблюдать во время обѣдни въ Спасопреображенскомъ храмѣ. Кругомъ него шла галлерея; тутъ стояли жены важнѣйшихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ супругою воеводы, въ роскошныхъ платьяхъ съ дорогимъ собольимъ мѣхомъ, въ темнорозовыхъ суконныхъ верхнихъ одеждахъ, унизанныхъ жемчугомъ, въ красныхъ колпакахъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ и опушенныхъ чернымъ мѣхомъ. При нихъ было много служанокъ изъ плѣнныхъ Татарокъ, что ясно было видно по ихъ широкимъ лицамъ и узкимъ глазамъ. Благодаря ничтожной цѣнѣ, за которую можно было купить плѣнныхъ татарскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, у московскихъ вельможъ обыкновенно встрѣчалось ихъ по нѣскольку десятковъ среди дворни. Прежде Татары брали въ плѣнъ многихъ Русскихъ; теперь же, когда пограничная линія сильно укрѣплена, наоборотъ, московскія войска, охраняющія южную границу, нерѣдко нападаютъ на Татаръ и многихъ берутъ въ плѣнъ, а потомъ продаютъ за какой-нибудь десятокъ золотыхъ. Покупатель плѣнныхъ рабовъ немедленно ихъ креститъ и даетъ имъ русскія имена, и это противъ воли. Крещеные Татары и Татарки потомъ отличаются замѣчательною набожностью и усердіемъ къ православной вѣрѣ; обыкновенно женятъ ихъ между собою.

Ссылаясь на разсказы мѣстныхъ монаховъ, Павелъ говоритъ, что въ Путивлѣ во дни Михаила Ѳедоровича воеводами были притѣснители, обидчики и взяточники, потому что царь былъ милосердъ и скупъ на про-

литіе крови; но сынъ его, Алексѣй, воцарившись, казнилъ этихъ неправедныхъ правителей, ибо онъ весьма грозенъ; а воеводою сюда онъ прислалъ Никиту (Зюзина), который принадлежалъ къ патріаршимъ боярамъ. Антіохійскій патріархъ и его свита посѣтили тутъ Молчанскій монастырь, гдѣ находилась могила нѣкоего митрополита Іереміи родомъ изъ Алеппа, пріѣхавшаго въ Россію за милостыней и скончавшагося въ Путивлѣ по причинѣ долгаго здѣсь задержанія и притѣсненій отъ корыстолюбиваго воеводы. Этотъ монастырь возвышался на окраинѣ города, на холмѣ. Поднявшись на верхъ на галлерею, путешественники любовались оттуда видомъ на окрестности и смотрѣли, какъ городское стадо переходило въ бродъ рѣку. Поутру пастухи сзывали его звуками рожка и выгоняли въ поле по ту сторону рѣки, а теперь гнали обратно въ городъ. Отъ Путивля до Москвы рогатый скотъ меньше ростомъ, чѣмъ въ Малороссіи; а пастухи пасутъ вмѣстѣ коровъ, барановъ, козловъ, свиней и лошадей; тогда какъ у казаковъ каждый пастухъ пасетъ одну породу.

Получивъ разрѣшеніе на отпускъ Антіохійскаго патріарха, путивльскій воевода снарядилъ его въ путь, назначилъ пристава для его сопровожденія, снабдилъ его на содержаніе денежною суммою, распредѣленною на 14 дней пути отъ Путивля до Москвы; при чемъ патріарху назначалось по 25 копеекъ на день, архидіакону по 7 коп., прочимъ лицамъ свиты соотвѣтственно ихъ значенію. Позднимъ утромъ 24 іюля, въ понедѣльникъ, путешественники двинулись въ путь. Дороги оказались еще болѣе узкими и трудными чѣмъ доселѣ; онѣ пролегали по густымъ непроходимымъ лѣсамъ; притомъ въ іюлѣ и августѣ шли частые дожди, отъ которыхъ образовались вездѣ ручьи и непролазная грязь. Однако, благодаря исправнымъ казеннымъ подводамъ, путешественники довольно скоро подвигались впередъ, минуя небольшія селенія и останавливаясь въ наиболѣе крупныхъ, гдѣ досыта кормили лошадей ячменемъ. На третій день добрались до Сѣвска, который показался Павлу большимъ городомъ съ величественною, отлично устроенною и вооруженною крѣпостью, рвы которой были обставлены острыми рогатками, и внѣ которой шли двойнымъ рядомъ надолбы, долженствовавшіе задерживать нападеніе конницы. По обыкновенію дорога направлялась чрезъ средину посада, острога и кремля. Сѣвскій воевода, мужъ преклонныхъ лѣтъ и внушающій почтеніе, очень дружелюбно привѣтствовалъ владыку, прислалъ ему большое количество напитковъ и сообщилъ разныя подробности о своей странѣ и о походѣ царя. Изъ этой бесѣды, равно и изъ другихъ подобныхъ, Павелъ заключилъ, что Московиты очень любятъ своего царя Алексѣя и очень боятся своего патріарха Никона. Обыкно-

венно воеводы и другіе чиновники просили Антіохійскаго владыку, чтобы тотъ похвалилъ ихъ передъ московскимъ патріархомъ, когда съ нимъ свидится; ибо онъ и царь одно. Перемѣнивъ экипажи и лошадей въ Сѣвскѣ, путешественники пустились далѣе и, проѣхавъ верстъ 30 большею частью по сосновому лѣсу и мимо нѣсколькихъ деревень, заночевали въ лѣсу; а на зарѣ продолжали свой путь.

Павелъ дѣлалъ попутныя наблюденія надъ сельскохозяйственными обычаями и пріемами мѣстнаго населенія. Онъ видѣлъ, какъ крестьяне вырубали лѣсъ, очищали землю отъ пней и не медля ее засѣвали; какъ они пахали на одной лошади сохою вмѣсто коровъ, которыя употребляются для того на востокѣ, и быковъ, которыхъ по нѣскольку паръ запрягаютъ въ плуги въ Молдо-Валахіи и Малой Россіи. И въ Малой, и въ Великой Россіи сѣяли пшеницу, ячмень и особенно рожь, изъ которой съ помощью хмѣля выдѣлывали водку; она очень дешева въ странѣ казаковъ и очень дорога у Московитовъ (вѣроятно, по причинѣ налога); затѣмъ слѣдовали: овесъ, горохъ, греча, просо, рѣпа, ленъ, изъ котораго приготовляютъ рубашки, и т. д. Поля лѣтомъ представляютъ зеленые или разноцвѣтные ковры. Сжатый хлѣбъ связывали въ снопы, которые складывали въ скирды, покрытые досками; а обмолачивали хлѣбъ, просто раскладывая его вокругъ врытаго въ землю бревна, къ которому привязывали лошадей и гоняли ихъ по хлѣбу то въ ту, то въ другую сторону; при чемъ молотили только старый хлѣбъ, собранный года за два, а новый сохраняли. Запасы сѣна на зиму оставляли на скошенныхъ лугахъ (вѣроятно, сложенное въ стога), пользуясь полнѣйшею безопасностью; путешественники также съ любопытствомъ смотрѣли на русскіе серпы и грабли. Видѣнные ими лѣса изобиловали высокими прямыми соснами и елями; встрѣчались тополь и липа. Послѣдняя въ іюнѣ и іюлѣ была покрыта цвѣтами, которые далеко отъ себя распространяли благоуханіе. Изъ этого дерева приготовляли дуги, сундуки, колеса, оглобли и пр.; его кора (лубки) шла на покрышку домовъ и экипажей; изъ нея же выдѣлывали веревки и рыболовныя сѣти, циновки, лапти и т. д. Дома же строили изъ еловыхъ бревенъ, плотно пригнанныхъ другъ къ другу, съ дощатыми кровлями, выведенными горбомъ, чтобы на нихъ не залеживался снѣгъ. Въ землѣ казаковъ, во время владычества Ляховъ, Евреи устраивали обширные постоялые дворы (корчмы) для проѣзжихъ, съ которыхъ взимали плату за постой, за пищу, за водку и за кормъ скота. Въ землѣ же Московитовъ такихъ дворовъ не было, и путешественники останавливались въ тѣхъ домахъ обывателей, которые отводилъ сопровождавшій ихъ приставъ. Иногда они останавливались въ полѣ ради пастьбы

коней; но при этомъ много страдали отъ дождей, комаровъ и другихъ безпокойствъ.

Русскія женщины невольно обращали на себя вниманіе путешественниковъ своею красотою или миловидностію, а дѣти ихъ своими румяными лицами. Головной женскій уборъ у крестьянокъ составляла маленькая шапочка съ отвороченными краями, подбитая ватой; въ большихъ селеніяхъ и городахъ сверхъ нея носили колпакъ съ чернымъ мѣхомъ, закрывавшій волосы; а дѣвицы имѣли родъ высокой шапки съ мѣховымъ отворотомъ. Жены богатыхъ людей носили колпаки, или расшитые золотомъ и украшенные дорогими камнями, или изъ хорошей матеріи съ желтымъ пушистымъ мѣхомъ. На мужчинахъ были узкіе кафтаны съ пуговицами и петлицами, застегнутыми сверху донизу. Волосы у Московитовъ тонкіе, хорошо расчесанные вдоль головы; стригутъ ихъ очень рѣдко, а бороды не брѣютъ и оставляютъ ее расти на свободѣ. Межъ тѣмъ жители Молдо-Валахіи и Малой Россіи брѣютъ головы, оставляя родъ локона, спускающагося на глаза; очень немногіе сохраняютъ бороду, а обыкновенно ее брѣютъ и носятъ густые усы. Но торговцы, пріѣзжающіе въ страну Московитовъ, опасаются брить голову или бороду, потому что послѣдніе очень не любятъ этого обычая. Вообще среди малоруссовъ и великоруссовъ антіохійцы не видали людей, пораженныхъ уродствомъ, какимъ-либо тѣлеснымъ недостаткомъ, разслабленныхъ, прокаженныхъ или больныхъ (которыхъ такъ много на востокѣ); развѣ только кто-либо изъ богачей страдаетъ подагрой.

Послѣ Сѣвска путники проѣхали укрѣпленные города, Карачевъ, Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ, и достигли Калуги. Вездѣ они замѣтили строгія мѣры предосторожности, принятыя противъ внѣшнихъ непріятелей и ихъ шпіоновъ. Дорога всегда пролегала чрезъ средину города или селенія, съ узкимъ проходомъ по мосту, черезъ рѣки и озера, и потомъ черезъ болота; объѣзжихъ путей не было; слѣдовательно, никакой иноземецъ не могъ миновать надзора и пропуска. Нашимъ путникамъ приходилось переѣзжать засѣки или укрѣпленныя черты. Тутъ они пробирались иногда лѣсомъ, до того частымъ, что жители не разъ спасались въ немъ отъ вражескихъ набѣговъ. Дорога упиралась въ укрѣпленныя ворота, снабженныя башнями, отъ которыхъ въ обѣ стороны тянулись или тынъ, т.-е. частоколъ, или надолбы, т.-е. бревна, связанныя въ рѣшетку, на извѣстныхъ разстояніяхъ прерываемые небольшими крѣпостцами или острожками. Отъ Болхова стали встрѣчаться телѣги съ плѣнными польско-литовскими женщинами и дѣтьми, которыхъ везли съ театра войны; а мужчинъ Московиты избивали мечомъ. «Сердца наши разрывались за нихъ—пишетъ Павелъ,—Богъ да не дастъ намъ видѣть

подобное». Онъ сообщаетъ также, что, отправляясь на войну, царь Алексѣй издалъ указъ, чтобы во всѣхъ его городахъ каждое воскресенье передъ литургіей или послѣ нея священники собирались въ главный храмъ и совершали молебствіе (о побѣдѣ), а затѣмъ крестный ходъ вокругъ крѣпости, что и было исполняемо.

Отъ Сѣвска путешественники ѣхали до Калуги не перемѣняя лошадей; здѣсь они встрѣтились съ греческими торговцами, которые бѣжали изъ Москвы отъ моровой язвы и разсказывали о ея необыкновенной губительности. Съ стѣсненнымъ сердцемъ Антіохійцы отправились въ дальнѣйшій путь. Но едва отъѣхали отъ Калуги 15 верстъ по трудной холмистой и размокшей отъ дождей дорогѣ, какъ, къ великой ихъ радости, навстрѣчу явился гонецъ, посланный отъ патріарха Никона и бояръ съ порученіемъ отправить ихъ на царскомъ суднѣ въ Коломну, чтобы тамъ пережидали моровую язву. Путешественники вернулись въ Калугу, и тутъ пробыли нѣкоторое время, пока приготовляли для нихъ особое судно съ разными помѣщеніями и съ каютою для владыки-патріарха. Въ этомъ городѣ изъ мѣстныхъ произведеній наиболѣе славились яблоки и дыни по своему вкусу и величинѣ. А изъ бесѣдъ съ калужскимъ воеводой они вывели заключеніе, что вообще московскіе сановники люди очень любознательные, склонные разсуждать о тонкихъ вопросахъ и вести глубокомысленные споры. Такъ сей воевода спрашивалъ восточныхъ гостей, откуда взялись лишніе восемь лѣтъ сверхъ пяти тысячъ пяти сотъ отъ воплощенія Господа Христа. Павелъ откровенно сознается, что Антіохійцы не могли разрѣшить такое недоумѣніе. Онъ замѣтилъ при этомъ, что видѣлъ у воеводъ множество книгъ, а у кіевскихъ будто бы цѣлые воза, и воеводы будто бы прилежно ихъ читаютъ.

Патріархъ Макарій съ собственною свитою помѣстился на означенномъ суднѣ, сопровождавшіе его греческіе монахи и торговцы сѣли на другое, и въ пятницу 11 августа эти суда отъ Калуги поплыли внизъ по Окѣ. Тутъ архидіакону Павлу пришлось наблюдать судоходство Московитовъ по ихъ внутреннимъ рѣкамъ. Корабль двигался впередъ помощію длинныхъ шестовъ съ желѣзнымъ наконечникомъ. Если онъ садился на мель, его съ трудомъ сдвигали съ нея тѣми же шестами; а если поднимался противный вѣтеръ, то рабочіе выходили на берегъ и тащили его канатами. Извилистые берега Оки отъ Калуги до Коломны, т.-е. на разстояніи 200 верстъ, казались хорошо заселенными и воздѣланными; деревни были очень близко расположены другъ къ другу. Путешественники плыли мимо нѣсколькихъ городовъ, каковы Алексинъ Серпуховъ, Кашира. Тутъ они останавливались и посылали перевод-

чика извѣстить воеводу о своемъ прибытіи; а тотъ или являлся лично, или присылалъ чиновника, въ сопровожденіи священниковъ, съ поклономъ и подарками, состоявшими изъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Останавливались они болѣе при монастыряхъ (Владычній, Высоцкій, Троицкій), посѣщали ихъ и отстаивали тамъ или всенощную или обѣдню. Когда они достигли устья Москвы-рѣки, то повернули въ нее. По этой рѣкѣ спускалось въ Волгу много судовъ, шедшихъ изъ Москвы съ семьями, которыя бѣжали отъ моровой язвы. Не доѣзжая немного до Коломны, Антіохійскій патріархъ и его спутники пристали къ Голутвенному монастырю и отстояли здѣсь вечерю. А на слѣдующее утро, 17 августа, они приплыли къ самой Коломнѣ, гдѣ воевода встрѣтилъ ихъ съ духовенствомъ и всѣмъ народомъ. Ихъ привели въ каменную крѣпость, гдѣ въ соборномъ храмѣ они отстояли обѣдню, послѣ которой помѣстились въ епископскихъ келліяхъ; ибо Коломенская каѳедра послѣ ссылки Никономъ епископа Павла пока не была занята. Въ челѣ мѣстнаго духовенства и церковнаго управленія поэтому стоялъ соборный протопопъ.

Павелъ Алеппскій восхищается высокими каменными стѣнами и башнями Коломенскаго кремля. Онъ описываетъ его сводчатыя подземелья или тайники, ведущіе къ рѣкѣ, ворота съ желѣзными рѣшетками, снабженными подъемной машиной, и надворотныя иконы съ навѣсомъ отъ дождя и съ фонарями вмѣсто лампадъ, башню со сполошнымъ колоколомъ, въ который ударяютъ въ случаѣ пожара; при чемъ жители домовъ съ топорами спѣшатъ для его тушенія. Далѣе онъ распространяется о важнѣйшихъ коломенскихъ церквахъ, ихъ куполахъ, иногда покрытыхъ зеленой черепицей, иконостасахъ, массивныхъ и расписанныхъ восковыхъ свѣчахъ, вставленныхъ въ каменныя съ рѣзьбою колонки, и т. д.; а также о большой тюрьмѣ при епископіи, съ цѣпями и колодками для ея провинившихся слугъ и крестьянъ, о епископскихъ угодьяхъ и доходахъ и пр. Коломенская епископія считалась бѣднѣйшею сравнительно съ другими; а между тѣмъ подъ ея вѣдѣніемъ находилось болѣе 15 городовъ и 2000 селеній.

Въ ближайшее воскресенье патріархъ Макарій, по просьбѣ жителей, совершилъ освященіе воды, которую затѣмъ священники раздѣлили между собою и ходили кропить по всему городу по случаю начинавшейся въ немъ моровой язвы. Ради нея воевода, чиновники и духовенство съ плачемъ просили патріарха наложить недѣльный постъ на всѣхъ жителей безъ исключенія. Онъ разрѣшилъ трехдневный постъ, который и былъ соблюденъ со всею строгостію, не исключая малыхъ дѣтей. Въ среду 23 августа Антіохійскій владыка снова святилъ воду

въ соборномъ храмѣ, и затѣмъ, во главѣ всего духовенства, совершилъ крестный ходъ вокругъ кремля при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Павелъ при семъ замѣчаетъ, что всякая церковная служба у Русскихъ содержитъ моленія за патріарха и царя съ царицею и чадами ихъ, при чемъ Алексѣю Михайловичу давались титулы «христолюбиваго, благочестиваго, боговѣнчаннаго, богохранимаго, тишайшаго великаго князя и самодержца всей земли Русской». Подмѣтилъ онъ также чрезвычайное благочестіе Русскихъ, большое обиліе у нихъ праздниковъ и почти ежедневное посѣщеніе обѣдни; при чемъ каждый ставитъ въ церкви одну или нѣсколько свѣчей съ приклеенною къ нимъ копейкою, затѣмъ крестится полнымъ (истовымъ) крестнымъ знаменіемъ и совершаетъ непрестанные земные поклоны. Священники вообще очень затягивали службы; такъ что «мы—замѣчаетъ Павелъ—выходили разбитые ногами и съ болью въ спинѣ, словно насъ распинали». Удивляли его и нѣкоторые русскіе обычаи, вытекавшіе изъ набожности, но не чуждые соблазна. Такъ, мужья и жены, исполнившіе супружескія обязанности, становились внѣ церкви и не входили въ нее, пока священникъ не прочелъ надъ ними особую молитву; при чемъ они, конечно, служили предметомъ нескромнаго любопытства.

О церковномъ пѣніи Павелъ замѣтилъ, что у казаковъ оно радуетъ душу, ихъ напѣвъ пріятенъ и вообще они любятъ нотное пѣніе и нѣжныя мелодіи; у Московитовъ же этому пѣнію не обучаются; они порицаютъ напѣвы казаковъ, называя ихъ фряжскими и ляшскими; а лучшимъ голосомъ у нихъ почитается грубый, густой басъ. О священникахъ онъ сообщаетъ, что они выбриваютъ большой кружокъ посрединѣ головы (древнее гуменцо), а остальные волосы оставляютъ длинными, которые держатъ въ порядкѣ и часто расчесываютъ; «при этомъ очень любятъ смотрѣться въ зеркала, которыхъ въ каждомъ алтарѣ бываетъ одно или два». Воеводы и чиновники относятся къ нимъ съ уваженіемъ и снимаютъ передъ ними свои колпаки; когда священникъ идетъ по улицѣ, то встрѣчные подходятъ къ нему съ поклономъ для полученія благословенія. При соборной церкви было семь священниковъ и семь дьяконовъ. Въ алтарѣ стояли сундуки съ богатыми архіерейскими облаченіями, митрами, серебряными сосудами, священническими и дьяконскими ризами. Въ золотыхъ и серебряныхъ ковчегахъ хранились мощи святыхъ, т.-е. собственно частицы мощей; къ симъ святынямъ благоговѣйно прикладывались, почитали ихъ защитою города и носили ихъ въ крестномъ ходу, когда молились объ отвращеніи какого либо бѣдствія.

1 Сентября 1654 года Антіохійцамъ пришлось участвовать въ большомъ церковномъ торжествѣ по случаю наступленія новаго года.

Во время богослуженія на аналоѣ была положена икона св. Симеона Столпника Алеппскаго, память котораго приходится въ этотъ день.

Межъ тѣмъ, сильная моровая язва, распространяясь изъ Москвы на ближнія области, достигла Коломны и ея окрестностей. То было нѣчто превосходящее всякое описаніе по своимъ ужасамъ и по своей внезапности. Стоитъ человѣкъ, и вдругъ моментально падаетъ мертвымъ; ѣдетъ верхомъ или въ повозкѣ и валится навзничь бездыханнымъ, тотчасъ вздувается какъ пузырь, чернѣетъ и принимаетъ непріятный видъ. Лошади бродили по полямъ безъ хозяевъ, а послѣдніе мертвыми лежали въ повозкахъ, и некому было ихъ хоронить. Воевода послалъ было загородить дороги и не пропускать въ городъ людей, чтобы не вносили заразы, но это оказалось невозможнымъ. Проникши въ какой-либо домъ, язва опустошала его совершенно. Городъ, кипѣвшій прежде народомъ, теперь обезлюдѣлъ. Скотъ и домашняя птица бродили безъ призора и погибали отъ голода и жажды; собаки и свиньи пожирали трупы или бѣсились отъ голода. Большинство священниковъ сдѣлалось жертвою язвы, и, по недостатку ихъ, многіе умирали безъ покаянія и причащенія. По несчастію, вдовымъ священникамъ запрещено было служить, и многіе изъ нихъ, удаляясь изъ города, жили въ монастыряхъ, чтобы посредствомъ монашества получить опять право отправлять богослуженіе. Когда бѣдствіе усилилось, некому было хоронить покойниковъ. Мальчики, сидя верхомъ на лошади, отвозили телѣги, наполненныя трупами, которые сваливали въ яму. Въ Молдо-Валахіи и Малой Россіи хоронятъ въ досчатыхъ гробахъ, а въ Московской землѣ въ гробахъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева; ихъ привозили изъ деревень и цѣна имъ, бывшая гораздо меньше рубля, теперь поднялась до 7 рублей, а потомъ и за эту цѣну нельзя было найти; такъ что для богатыхъ стали дѣлать гробы изъ досокъ, а бѣдныхъ зарывали прямо въ землю. По спискамъ, составленнымъ воеводою, всего въ Коломнѣ умерло около 10,000 душъ. А по разсказамъ вновь прибывшаго къ Антіохійцамъ царскаго толмача (прежній умеръ), въ столицѣ отъ начала язвы до конца ея исчислено будто бы 480,000 умершихъ, такъ что и она сдѣлалась безлюдною. Бѣдствіе продолжалось съ іюля мѣсяца до самого Рождества, все усиливаясь, и затѣмъ—благодареніе Богу!—прекратилось. «Многіе жители изъ городовъ бѣжали въ поля и лѣса, но изъ нихъ мало кто остался въ живыхъ». «Московиты давно уже не знали моровой язвы, и теперь, когда она появилась, они были сбиты съ толку и впали въ сильное уныніе». Павелъ Алеппскій замѣтилъ еще, что, несмотря на царившую смерть, въ городѣ не было слышно раздирающихъ душу воплей; ибо русскія женщины не бьютъ себя по лицу и

не кричатъ дикимъ голосомъ по своимъ покойникамъ, какъ это было въ обычаѣ на его родинѣ, а плачутъ и рыдаютъ тихо, но очень жалобно, чѣмъ вызываютъ слезы даже у жестокосердыхъ; провожая тѣло, онѣ при всякой встрѣчавшейся церкви творили крестное знаменіе и, проливая слезы, клали земные поклоны.

Коломенскія власти воспользовались пребываніемъ Антіохійскаго патріарха для поставленія священниковъ и дьяконовъ на мѣста умершихъ. При соборномъ храмѣ изъ семи священниковъ и семи дьяконовъ осталось только два дьякона, и сюда по воскресеньямъ пріѣзжалъ одинъ сельскій священникъ для совершенія литургіи. Патріархъ Макарій часто совершалъ служеніе, при чемъ рукоположилъ многихъ не только для Коломны, но и для всей окружной области. Изъ сосѣднихъ городовъ, напримѣръ изъ Каширы, пріѣзжали многіе люди съ письменными удостовѣреніями отъ воеводы и его подчиненныхъ въ томъ, что такой-то достоинъ сана іерея или дьякона, при чемъ привозили въ подарокъ рыбу, масло, медъ и т. п. Патріархъ рукопологалъ кандидата, а потомъ прикладывалъ свою подпись къ ставленной грамотѣ, съ которою тотъ отправлялся на свое мѣсто, уплативъ рубль служилымъ людямъ епископіи. Въ обычное время архіерей, рукоположивъ священника или дьякона, прежде чѣмъ отпустить его домой, заставитъ его 15 разъ отслужить въ соборѣ, чтобы онъ хорошо научился отправлять богослуженіе. Теперь же, во время бѣдствія, ограничивались для того гораздо болѣе сокращеннымъ срокомъ. Новоставленный священникъ облекался въ длиннополый кафтанъ съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, выбривалъ на макушкѣ большой кружокъ по циркулю, откидывалъ волосы за уши, и ѣхалъ къ своей церкви.

Пріѣзжіе антіохійцы, однако, всѣ уцѣлѣли; хотя сильно страдали отъ непривычнаго для нихъ зимняго холода и по причинѣ утомленія отъ безпрерывныхъ продолжительныхъ церковныхъ службъ. Въ соборѣ было такъ холодно, что при водосвятіи вода замерзала въ металлическихъ кувшинахъ; а св. Дары оттаивали кипяткомъ. Несмотря на мѣховыя рукавицы и трое или четверо толстыхъ теплыхъ чулокъ, антіохійцы съ великимъ трудомъ выстаивали службу, постоянно переминая ноги. Павелъ по сему поводу удивляется привычкѣ и выносливости Русскихъ. «Мы выходили отъ обѣдни—говоритъ онъ—только передъ закатомъ, и когда еще мы сидѣли за столомъ, въ церкви начинали уже звонить къ вечернѣ; мы должны были вставать и идти къ службѣ. Какая твердость и какіе порядки! Эти люди не скучаютъ, не устаютъ и не тяготятся безпрерывными службами и поклонами; къ тому же они стоятъ на ногахъ съ непокрытою головою при такомъ сильномъ холодѣ».

Особенно тяжело приходилось восточнымъ людямъ въ Рождественскіе праздники и при Крещенскомъ водоосвященіи на Москвѣ-рѣкѣ: тутъ хотя и приготовлена была прорубь во льду, но вода тотчасъ замерзала и при погруженіи патріархомъ креста каждый разъ приходилось разбивать ледъ мѣдными кувшинами; а когда онъ кропилъ предстоящихъ, вода замерзала на самомъ кропилѣ. Въ базарные дни, по понедѣльникамъ и четвергамъ, чужеземцы наблюдали въ Коломнѣ съѣздъ крестьянъ изъ ближнихъ селеній съ ихъ продуктами, каковы: капуста, морковь, рѣдька, ощипанная замороженая птица и битый скотъ. Особенно дивились они на свиныя туши, которыя стояли какъ живыя.

Во время коломенскаго пребыванія патріарха Макарія посѣтилъ извѣстный Мисаилъ, архіепископъ Рязанскій, проѣздомъ въ столицу. На разспросы патріарха онъ разсказывалъ, что въ его епархіи болѣе 1000 церквей, что въ послѣднее время онъ проповѣдывалъ христіанство одному языческому народу (Мордвѣ), отъ котораго перенесъ много бѣдъ, и успѣлъ окрестить 4400 человѣкъ, при чемъ ставилъ въ рѣкѣ вмѣстѣ мужчинъ въ нижнихъ портахъ и женщинъ въ сорочкахъ, наливалъ масла въ воду и по прочтеніи обычныхъ молитвъ заставлялъ ихъ погружаться. Новокрещенные сдѣлались усердными къ вѣрѣ и очень охотно собираются на богослуженіе въ построенные для нихъ храмы. (Впослѣдствіи сей архіепископъ воспріялъ мученическую кончину отъ языческой Мордвы). Простившись съ патріархомъ, Мисаилъ дважды простерся въ своей мантіи по снѣгу передъ иконами, которыя находились надъ соборными дверями; потомъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ, окруженный своими боярами и слугами, въ сопровожденіи 50 всадниковъ. Подъ мантіей одежда его состояла изъ обычной зеленой, узорчатой рытой камки съ собольимъ мѣхомъ и длинными узкими рукавами; а на головѣ была суконная шапочка съ чернымъ мѣхомъ, прикрытая сверху большимъ чернымъ клобукомъ.

Антіохійцы крайне соскучились въ Коломнѣ, и тщетно ожидали отвѣта на письма Макарія въ Москву съ просьбою о своемъ туда выѣздѣ. Томленіе ихъ увеличивалось тѣмъ обстоятельствомъ, что, несмотря на свои разспросы о царѣ и о положеніи его дѣлъ, они не могли ничего узнать; всѣ, даже дѣти, отвѣчали имъ однимъ словомъ: „не знаемъ“. По сему поводу Павелъ указываетъ на коварство Московитовъ вообще и въ особенности на ихъ скрытность по отношенію къ дѣламъ государственнымъ, къ чему они обязываются присягою при воцареніи каждаго государя. Даже съ пріѣзжихъ греческихъ купцовъ брали клятву, что тѣ не разнесутъ никакихъ вѣстей. Потомъ узнали,

что главною причиною задержки было отсутствіе патріарха Никона изъ Москвы. На содержаніе Макарія и его свиты положено было 150 реаловъ (75 руб.), которые шли изъ питейныхъ сборовъ съ водки, меда и пива, и ежемѣсячно драгоманъ отправлялся за полученіемъ этихъ денегъ. Но вотъ, въ одно воскресенье, когда патріархъ Макарій съ своимъ архидіакономъ служилъ обѣдню въ верхней (теплой) соборной церкви и посвящалъ іерея съ дьякономъ, пришла къ нимъ вѣсть о прибытіи изъ Москвы двухъ толмачей съ царскими санями, съ бочкой меда, вишневою водою, икрою и рыбою. Они привезли приказъ воеводѣ какъ можно скорѣе отправить гостей. Во вторникъ, 30 января, послѣ обѣдни, воевода и епископскіе бояре посадили Макарія въ запряженныя четверней царскія сани, обитыя сукномъ снаружи и внутри и устланныя подушками; укрыли его до груди полостью, и съ торжествомъ, предшествуемые отрядомъ стрѣльцовъ, проводили его изъ города. Путешествіе до столицы по зимнему санному пути совершилось съ большою скоростію; на пути виднѣлись частыя селенія; въ нѣкоторыхъ останавливались для отдыха себѣ и лошадямъ. При встрѣчѣ съ проѣзжими провожатые стрѣльцы заставляли ихъ сворачивать въ сторону съ узкой дороги; причемъ ихъ лошади увязали въ снѣгъ по брюхо. На запяткахъ патріаршихъ саней у обоихъ угловъ по очереди смѣнялись драгоманы и епископскій бояринъ, какъ ради почета, такъ и для того, чтобы сани не опрокидывались на большихъ ухабахъ. Отъ частыхъ ухабовъ сани качались вправо и влѣво, словно корабли на морѣ, и означенные люди постоянно держали ихъ въ равновѣсіи; тогда какъ другія сани, со свитою, неоднократно опрокидывались.

Въ пятницу, 2 февраля, въ день Срѣтенія, Антіохійцы прибыли въ столицу; проѣхали Земляной городъ, потомъ Бѣлый городъ, Китай и вступили въ Кремль. Сердца путниковъ были поражены жалостію, при видѣ множества пустыхъ домовъ и безлюдныхъ улицъ. Ихъ помѣстили на Кирилловскомъ подворьѣ, расположенномъ противъ дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря, и назначили имъ столовое содержаніе изъ царской кухни. Но тутъ гости были подвергнуты извѣстному московскому порядку: за исключеніемъ приставленныхъ переводчиковъ, никто изъ жителей къ нимъ не приходилъ, и сами они никуда не могли выдти, пока не были представлены царю. Означенные переводчики или драгоманы наставляли ихъ въ знаніи московскихъ порядковъ. Между прочимъ, никто не могъ входить къ патріарху безъ доклада ему со стороны привратника; тогда патріарха приготовляли къ пріему, для чего надѣвали на него мантію и панагію и давали въ руки посохъ; безъ этихъ принадлежностей міряне не должны были видѣть не только архіерея, но и мо-

настырскаго настоятеля. «Тутъ-то, по сознанію архидіакона Павла, они вступили на путь стояній и бдѣній, самообузданія и благонравія, почтительнаго страха и молчанія. Всякая шутка и смѣхъ сдѣлались имъ чужды; ибо коварные московиты подсматривали за гостями и обо всемъ доносили царю и патріарху». Поэтому Антіохійцы въ своемъ образѣ жизни невольно уподобились святымъ людямъ.

Уже на другой день пріѣзда ихъ, т.-е. въ субботу, 3 февраля, въ Москву воротился Никонъ, послѣ почти полугодового изъ нея отсутствія. Въ слѣдующую пятницу, 9 числа, вечеромъ, прибыла царица; а царь остановился ночевать въ одномъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ, чтобы на слѣдующее утро, въ субботу, 10 февраля, вступить въ столицу во всемъ царскомъ величіи, послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ и завоеваній. У Земляного вала встрѣтилъ его патріархъ Никонъ съ освященнымъ соборомъ, съ крестами, хоругвями, образами, при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Купцы и ремесленники поднесли ему хлѣбъ съ солью, иконы въ окладахъ, позолоченныя чаши и связки соболей. Въ городъ одинъ за другимъ вступали отряды войска или сотни; передъ каждою несли большое знамя, при которомъ били въ два барабана; сотни шли въ три ряда. Смотря по цвѣту знамени, ратники были одѣты въ кафтаны бѣлые, синіе, красные, зеленые и т. д. На первомъ знамени изображено было Успеніе Богородицы, на второмъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, потомъ св. Георгія, св. Димитрія, Михаила Архангела, двуглавый орелъ и т. д. Подъ каждымъ шелъ сотникъ съ сѣкирою въ рукѣ. Войско расположилось отъ Земляного вала до дворца по обѣ стороны дороги, по которой долженъ былъ проходить царь. Въ Кремлѣ показались ведомыя въ поводу царскія заводныя лошади, въ числѣ 24, съ сѣдлами, украшенными золотомъ и драгоцѣнными каменьями, потомъ царскія сани, обитыя алымъ сукномъ, съ покрывалами, расшитыми золотомъ, и кареты со стеклянными дверцами, съ серебряными и золотыми украшеніями. Появились толпы стрѣльцовъ, метлами расчищавшія снѣгъ передъ царемъ. Алексѣй Михайловичъ шелъ пѣшкомъ съ открытою головою, въ царскомъ одѣяніи изъ алаго бархата, обложенномъ по воротнику, подолу и обшлагамъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, съ обычными шнурами на груди. Рядомъ съ нимъ шелъ патріархъ Никонъ и разговаривалъ. Антіохійцы, смотрѣвшіе въ окно своего подворья, видѣли, какъ, поравнявшись съ Вознесенскимъ монастыремъ, царь обернулся къ наворотнымъ иконамъ и положилъ на снѣгу три земныхъ поклона, а затѣмъ поклонился ожидавшимъ тутъ игуменьѣ съ монахинями, которыя поднесли ему икону Вознесенія и черный хлѣбъ такихъ размѣровъ, что его держали двое. Царь прошелъ

въ Успенскій соборъ, отслушалъ вечерню и только послѣ того поднялся къ себѣ во дворецъ.

Народъ радовался возвращенію государя; но самъ онъ съ печалью смотрѣлъ на опустошенія, произведенныя моровою язвою; а подходя къ Спасской башнѣ, пролилъ обильныя слезы при видѣ ея разрушенія. Она красовалась своими узорчатыми орнаментами, флюгерами и высѣченными изъ камня фигурами; а главное заключала въ себѣ прекрасные боевые часы съ колоколами; но во время Рождественскихъ праздниковъ почему-то загорѣлись деревянныя брусья внутри часовъ; пламя охватило всю башню, и верхъ ея обрушился; часы погибли.

Вскорѣ по прибытіи царя, именно 12 февраля, состоялся торжественный пріемъ патріарха Макарія, сопровождавшійся со стороны послѣдняго поднесеніемъ подарковъ. По московскому обычаю предварительно были переписаны тщательно всѣ эти подарки, состоявшіе отчасти изъ священныхъ предметовъ, отчасти изъ произведеній Востока, каковы: иконы, частицы Крестнаго древа, Честный камень съ Голгофы (обагренный кровью Спасителя), іерусалимскія свѣчи, ладанъ, благовонное іерусалимское мыло, финики, пальмовая вѣтвь, алеппскія фисташки, ангорская шерстяная матерія, дорогіе платки съ золотомъ и пр. Все это было разложено на многочисленныхъ блюдахъ, покрытыхъ шелковой матеріей, и принесено стрѣльцами въ Золотую палату, гдѣ происходилъ пріемъ. На этомъ пріемѣ Макарію оказанъ былъ чрезвычайный почетъ: царь сошелъ съ трона, поклонился патріарху до земли и потомъ принялъ отъ него благословеніе. Хотя при дворѣ было много разныхъ переводчиковъ, но никто изъ нихъ не зналъ родного Макарію языка, т.-е. арабскаго; а по турецки его предупредили не говорить, ибо этотъ языкъ считался здѣсь нечистымъ. Поэтому Антіохійскій владыка принужденъ былъ объясняться на греческомъ языкѣ, на которомъ онъ не говорилъ такъ бѣгло, какъ греческіе духовные, пріѣзжавшіе въ Москву; отъ царя не укрылось это обстоятельство, и онъ спросилъ о причинѣ. Алексѣй Михайловичъ не только обласкалъ Макарія, но и сказалъ, что ради свиданія съ нимъ и его благословенія прибылъ въ Москву. Послѣ царскаго пріема Макарій перешелъ изъ дворца въ палаты патріарха Никона, который встрѣтилъ его во всемъ величіи своего сана, одѣтый въ мантію изъ рытаго, узорчатаго бархата съ красными бархатными скрижалями, на которыхъ золотомъ и жемчугомъ былъ изображенъ херувимъ, и съ бѣлыми источниками, имѣвшими красную полоску посрединѣ; на головѣ его былъ бѣлый клобукъ съ верхушкою въ видѣ золотого купола, увѣнчаннаго крестомъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, и съ жемчужнымъ изображеніемъ херувима надъ глазами; а

спускавшіяся внизъ воскрылія клобука также блистали золотомъ и драгоцѣнными каменьями; въ рукахъ былъ посохъ. Оба патріарха затѣмъ были приглашены къ царскому обѣду, который происходилъ въ Столовой избѣ. Патріархи сидѣли по лѣвую руку царя, а далѣе за ними расположились бояре за другимъ столомъ. Это была недѣля передъ мясопустомъ; послѣ молитвы обѣдъ начался хлѣбомъ съ икрой. Кушанья подавались всѣ рыбныя, конечно ради патріарховъ; а во время обѣда одинъ юный псаломщикъ стоялъ передъ аналоемъ и, по монастырскому обычаю, громко читалъ житіе св. Алексѣя, котораго память праздновалась въ этотъ день. (Именины грудного младенца, царевича Алексѣя Алексѣевича). Такое благочестіе и смиреніе царя пріѣзжій патріахъ невольно сравнивалъ съ обычаями господарей Молдавскаго и Валашскаго, у которыхъ во время трапезы слышались пѣсни, гремѣли барабаны и бубны, звучали трубы и флейты; сами они сидѣли на переднемъ мѣстѣ, на высокихъ креслахъ, посадивъ патріарха ниже себя направо. Царь кушалъ мало, болѣе былъ занятъ бесѣдою съ Никономъ; а Макарія часто потчивалъ яствами и напитками. Послѣ обѣда царь всталъ и собственноручно раздавалъ серебряные кубки съ виномъ всѣмъ присутствующимъ, начиная съ патріарховъ; то была круговая чаша за его здоровье. Въ это время пѣвчіе пѣли многолѣтіе, сначала царю, потомъ царицѣ и царевичу, а затѣмъ обоимъ патріархамъ. Трапеза началась послѣ полудня, а круговыя чаши окончились около полуночи. Послѣ чего пѣлись обычныя на сей случай молитвы. А между тѣмъ стрѣльцы, разставленные въ Кремлѣ, все еще стояли со своими знаменами на снѣгу при сильномъ морозѣ, и ушли только тогда, когда патріархъ Макарій проѣхалъ мимо нихъ. Воротившіеся на свое подворье, антіохійцы едва не умирали отъ усталости, стоянія и холода. Они крайне удивлялись царю, который „оставался на ногахъ около четырехъ часовъ и съ непокрытой головой, пока не роздалъ всѣмъ присутствующимъ четыре круговыя чаши!“ Но и этого было мало: едва гости расположились отдохнуть, какъ ударили въ колокола, и царь съ Никономъ и боярами отправился въ соборъ, гдѣ слушалъ вечерню и утреню, и вышелъ изъ него только на зарѣ. „Какая твердость и какая выносливость!—восклицаетъ Павелъ Алеппскій.—Наши умы были поражены изумленіемъ при видѣ такихъ порядковъ, отъ которыхъ посѣдѣли бы и младенцы“.

Затѣмъ Антіохійскому патріарху пришлось принимать участіе въ обычномъ церковномъ торжествѣ, извѣстномъ въ Москвѣ подъименемъ «дѣйство Страшнаго Суда или Второе Пришествіе», которое совершалось въ воскресенье передъ мясопустомъ (масляницею). Оно началось въ Успенскомъ соборѣ; оттуда царь, оба патріарха, пребы-

вавшій въ Москвѣ сербскій митрополитъ Гавріилъ и весь освященный соборъ съ крестнымъ ходомъ вышли на дворцовую площадку, усыпанную пескомъ. Въ этомъ ходу видное мѣсто занимала большая великолѣпная икона Страшнаго Суда. Патріархъ Никонъ сталъ на помостѣ, устланномъ коврами, а царь на тронѣ, покрытомъ соболями. Главную часть богослуженія составляло протяжное, нараспѣвъ, чтеніе патріархомъ Никономъ благовѣстія о Страшномъ Судѣ изъ евангелиста Матѳея. А потомъ совершалось водосвятіе, которое закончилось пѣснью «Спаси, Господи, люди твоя». Послѣ того царь и бояре прикладывались ко кресту и были окроплены святою водой. Крестный ходъ воротился въ соборъ, гдѣ и продолжалось богослуженіе, которое протянулось до вечера. Не довольствуясь продолжительною службою, Никонъ читалъ еще изъ книги поученіе, относящееся ко Второму пришествію, и чтеніе свое сопровождалъ наставленіями и толкованіями. Царь терпѣливо выстоялъ службу до конца; только по причинѣ бывшаго въ этотъ день холода, онъ держалъ правую руку за пазухой—какъ о томъ записалъ Павелъ Алеппскій. Черезъ день послѣ того, 20 февраля, во вторникъ на Сырной недѣлѣ, во дворцѣ праздновались именины и рожденіе старшей царской дочери Евдокіи. Она родилась собственно 1 марта; но такъ какъ этотъ день приходился на первой недѣлѣ Великаго поста, то царь перенесъ его празднованіе на нѣсколько дней ранѣе. Оба патріарха и Сербскій митрополитъ служили въ этотъ день въ одной изъ дворцовыхъ церквей. Царица и сестры царскія слушали богослуженіе изъ-за рѣшетокъ и маленькихъ оконъ; а царь во время службы обходилъ церковь и самъ зажигалъ свѣчи передъ иконами. Послѣ службы владыки были приглашены къ царской трапезѣ, которая происходила въ нижней Столовой избѣ и со всѣми тѣми же обрядами, какъ и въ предыдущій разъ. А на слѣдующій день царь съ боярами отправился въ Троицкую лавру, чтобы тамъ заговѣться вмѣстѣ съ монахами. Въ его отсутствіе, въ четвергъ на Сырной недѣлѣ, Никонъ соборнѣ совершалъ въ Успенскомъ храмѣ поминовеніе по усопшимъ московскимъ патріархамъ и митрополитамъ; послѣ чего угощалъ обѣдомъ Антіохійскаго патріарха съ его свитой, Сербскаго митрополита, архіереевъ и архимандритовъ. За столомъ прислуживали патріархамъ стольники; вообще во всемъ было явное подражаніе обычаямъ царской трапезы. Обѣдъ продолжался до вечера, и въ концѣ его Никонъ, чтобы занять гостей, велѣлъ позвать нѣсколько десятковъ старшинъ дикой Самоѣдской или Лопской орды, которая, на ряду со вспомогательнымъ отрядомъ Чувашъ, Черемисъ и другихъ инородцевъ, по царскому повелѣнію пришла въ Москву въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, вооруженная лукомъ и стрѣлами.

Приземистые, съ круглымъ, плоскимъ, безбородымъ лицомъ, закутанные въ оленьи шкуры, дикари произвели сильное, отталкивающее впечатлѣніе на антіохійцевъ. На вопросы присутствующихъ, ѣдятъ ли они человѣческое мясо? дикари отвѣчали: «Мы ѣдимъ своихъ покойниковъ и собакъ, почему же намъ не ѣсть людей?» Имъ дали сырую мерзлую щуку, которую они тотчасъ съѣли съ большимъ наслажденіемъ и попросили другую.

Павелъ Алеппскій даетъ любопытное описаніе торжественнаго патріаршаго служенія въ недѣлю Православія, или такъ наз. Сборнаго воскресенья, которое пришлось тогда на 4 марта. Никону въ тотъ день сослужили шесть архіереевъ: по правую его руку становились митрополитъ Новгородскій, архіепископы Рязанскій и Вологодскій, а по лѣвую—митрополиты Сербскій и Ростовскій и архіепископъ Тверской; за ними четыре обычныхъ архимандрита (Чудовской, Новоспасскій, Симоновскій и Андроньевскій), два протоіерея Успенскаго и Архангельскаго соборовъ, большое число священниковъ и дьяконовъ. За обѣднею протодіаконъ читалъ синодикъ: сначала поминались святые Греческой церкви, и при каждомъ имени сослужащіе хоромъ трижды возглашали вѣчную память. Потомъ поминались святые Русской церкви съ такимъ же возглашеніемъ. Затѣмъ слѣдовало помиповеніе русскихъ великихъ князей и царей, потомъ русскихъ воеводъ и ратниковъ, павшихъ въ послѣднюю войну. За помпновеніемъ наступило троекратное анаѳематствованіе всѣхъ извѣстныхъ еретиковъ, иконоборцевъ и т. п. По окончаніи сего обряда протодіаконъ провозгласилъ многолѣтіе царю, потомъ царицѣ, царевичу Алексѣю, сестрамъ царя и его дочерямъ; потомъ патріархамъ Никону и Макарію, а затѣмъ архіереямъ и всему духовному сану, боярамъ, воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Уже наступалъ вечеръ; но, несмотря на общее утомленіе и большой холодъ, Никонъ взошелъ на амвонъ; дьяконы раскрыли передъ нимъ Сборникъ отеческихъ бесѣдъ, и онъ началъ читать положенную на тотъ день бесѣду объ иконахъ. Свое медленное чтеніе онъ сопровождалъ еще поученіями и толкованіями. Потомъ велѣлъ принести написанныя по западнымъ образцамъ и осужденныя имъ иконы, о которыхъ мы говорили выше. Теперь Никонъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы въ присутствіи царя распространиться противъ означенныхъ иконъ; при чемъ онъ сослался на Антіохійскаго владыку въ доказательство неправильности такой живописи. Оба патріарха предали анаѳемѣ и отлучили отъ церкви впредь какъ тѣхъ, кто будетъ писать подобные образа, такъ и тѣхъ, кто будетъ ихъ у себя держать. Никонъ бралъ правой рукой такую икону, называлъ вельможу или человѣка, у котораго она

была, показывалъ народу и бросалъ на желѣзныя половыя плиты, такъ что образа разбивались; послѣ чего приказывалъ ихъ жечь. Царь смиренно стоялъ подлѣ, внимая проповѣди патріарха, и тихимъ голосомъ упросилъ его не жечь образа, а просто зарыть ихъ въ землю. Послѣ того Никонъ поучалъ о крестномъ знаменіи, вооружаясь противъ двуперстія; въ чемъ опять ссылался на присутствующаго Антіохійскаго патріарха. Архидіаконъ послѣдняго прибавляетъ, что, послѣ семичасового стоянія въ соборѣ, они воротились на свое подворье, полумертвые отъ усталости и холода.

Напрасно антіохійскіе гости вмѣстѣ съ москвичами радовались прибытію царя и ждали провести съ нимъ пасхальные праздники. На сей разъ онъ оставался въ Москвѣ не болѣе мѣсяца. Чтоже заставило Алексѣя Михайловича такъ скоро опять покинуть столицу и спѣшить на западъ? Непріятныя и важныя извѣстія съ театра войны, какъ изъ Бѣлой, такъ и Малой Россіи.

Въ Могилевѣ начальствовали воевода Воейковъ и полковникъ Поклонскій. Послѣдній былъ изъ мѣстныхъ православныхъ шляхтичей; онъ выѣхалъ въ войско Хмѣльницкаго, былъ имъ рекомендованъ царю какъ пострадавшій за вѣру, принятъ въ государеву службу, пожалованъ въ полковники, отличился при взятіи нѣкоторыхъ городовъ, и помогъ москвитянамъ овладѣть Могилевымъ, уговоривъ его жителей къ сдачѣ, и съ своимъ казацкимъ полкомъ, набраннымъ въ Бѣлоруссіи, оставленъ въ Могилевѣ. Осаждавшій Старый Быховъ наказной гетманъ Иванъ Золотаренко былъ недоволенъ тѣмъ, что Могилевъ сдался не ему, и сталъ враждовать съ Поклонскимъ. Черкасы или казаки Золотаренка ѣздили въ Могилевскій уѣздъ и собирали въ свою пользу хлѣбные запасы, сѣно, скотъ и оброки съ крестьянъ; при чемъ били и выгоняли московскихъ стрѣльцовъ и людей Поклонскаго, пріѣзжавшихъ въ уѣздъ для сбора запасовъ на могилевскій гарнизонъ. Но Золотаренко, не взявъ Стараго Быхова, отступилъ въ Новый, а съ нимъ удалились и его черкасы. Теперь московскіе стрѣльцы и солдаты стали терпѣть обиды и побои отъ казаковъ Поклонскаго, который не думалъ ихъ унимать; сердце шляхтича, очевидно, не лежало къ московскимъ людямъ, когда онъ познакомился съ ними поближе. Кромѣ шляхтичей, то же явленіе замѣчалось и у многихъ мѣстныхъ горожанъ, не говоря уже о мѣстныхъ жидахъ. Въ январѣ 1655 года литовскіе гетманы Радивилъ и Гонсѣвскій предприняли наступательное движеніе на верхнеднѣпровскіе города, занятые москвитянами. Въ нѣкоторыхъ городахъ обнаружилась измѣна; напримѣръ, Орша и Озерищи передались

Литвѣ. Но нападеніе Радивилла на Новый Быховъ, гдѣ заперся Золотаренко, было отбито. Отступивъ отсюда, Радивиллъ двинулся на Могилевъ; ибо Поклонскій уже вошелъ съ нимъ въ тайныя сношенія. Когда гетманъ осадилъ Могилевъ, Поклонскій 5 февраля, подъ предлогомъ вылазки, часть своего полка вывелъ въ поле, передался Литовцамъ и впустилъ ихъ въ Большой острогъ. Но воевода Воейковъ со своими ратными людьми и съ тѣми мѣщанами, которые остались вѣрны Москвѣ, заперся въ Вышнемъ городѣ или замкѣ и упорно оборонялся. Въ то же время произведено было движеніе польскаго войска съ княземъ Лукомскимъ къ Витебску. Подвергшись нечаянному нападенію Матвѣя Васильевича Шереметева, Лукомскій потерпѣлъ сначала неудачу; но, собравшись съ силами, осадилъ Витебскъ, и Шереметевъ едва отсидѣлся.

Еще болѣе тревожныя событія произошли на Малорусскомъ театрѣ войны.

Уже союзникъ Богдана Хмѣльницкаго крымскій ханъ Исламъ-Гирей, какъ извѣстно, склонялся на сторону Поляковъ, когда Малая Русь поддалась Москвѣ: ханъ ясно видѣлъ, что возрастающее могущество сей послѣдней нарушало равновѣсіе; а это нарушеніе угрожало опасностью и самому Крыму. Поляки воспользовались такимъ настроеніемъ и съ помощью золота убѣдили младшаго брата и преемника Исламова, Мухаммедъ-Гирея, прямо заключить союзъ противъ Москвы и казаковъ. Настоящимъ руководителемъ крымской политики оставался все тотъ же визирь Сеферъ-Гази-ага, который состоялъ прежде главнымъ совѣтникомъ умершаго хана; благосклонный прежде къ Богдану Хмѣльницкому, онъ теперь показывалъ сильное негодованіе на его соединеніе съ Москвою. Мы видѣли, что Хмѣльницкій опасался нападенія Татаръ и бездѣйствовалъ въ то время, когда оба коронные гетмана, Потоцкій и Лянцкоронскій, свирѣпствовали въ юго-западной части Украйны. Зимой пришли нѣсколько десятковъ тысячъ Татаръ и соединились съ Поляками. Это соединенное войско осадило Умань, гдѣ заперся храбрый полковникъ Богунъ. На помощь послѣднему отъ Бѣлой Церкви поспѣшили самъ гетманъ Хмѣльницкій и находившійся въ соединеніи съ нимъ московскій воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ; но они поспѣшили не со всѣми силами, а только съ небольшою частью ихъ, введенные въ заблужденіе невѣрными слухами о количествѣ непріятельскаго войска. Не доходя Умани, подъ городомъ Ахматовымъ, они неожиданно для себя 19 января встрѣтились съ Поляками и Татарами вчетверо болѣе многочисленными; тутъ они увидали свою оплошность; однако, не смутились, а мужественно вступили въ бой въ открытомъ полѣ и выдер-

живали его до наступленія темноты. Окруженные со всѣхъ сторонъ, ночью казаки и Москвитяне укрѣпились обозомъ или таборомъ, и приготовились къ отчаянной оборонѣ. Лютый морозъ вредилъ обѣимъ сторонамъ, но всего болѣе непривычнымъ къ нему и легко одѣтымъ Полякамъ и Татарамъ, которые гибли во множествѣ. На второй день, съ помощью своихъ пушекъ и пищалей, Русскіе удачно отбивали приступы враговъ. А на третій день воеводы ихъ рѣшили идти напроломъ и всѣмъ таборомъ двинулись сквозь непріятельское войско. Татарская конница дѣлала натиски на нашъ таборъ; она разбивалась о сани и теряла своихъ коней. Русскіе въ крайнихъ случаяхъ вывертывали изъ саней оглобли и особенно успѣшно били ими Татаръ. Наконецъ, хотя и съ большими потерями людей, пушекъ, знаменъ и пр., удалось пробиться, и они воротились подъ Бѣлую Церковь, куда непріятели не рѣшились за ними слѣдовать. (Мѣсто этой битвы стало извѣстно подъ именемъ Држи или Дрожи-поля.)

Несмотря на такое удачное отступленіе, Алексѣй Михайловичъ остался недоволенъ дѣйствіями Хмѣльницкаго и русскихъ воеводъ, которые, по его мнѣнію, должны были вести войну наступательную, а не оборонительную. Онъ отозвалъ В. Б. Шереметева, а на его мѣсто прислалъ въ Бѣлую Церковь извѣстнаго боярина Василія Васильевича Бутурлина и стольника князя Гр. Гр. Ромодановскаго, съ приказомъ имъ и гетману со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ идти подъ непріятельскіе города.

11 марта, въ воскресенье второй недѣли Великаго поста, въ Успенскомъ соборѣ оба патріарха призывали благословеніе Божіе на отъѣзжающаго въ походъ Алексѣя Михайловича и читали надъ нимъ соотвѣтственныя молитвы. Никонъ при семъ случаѣ не пропустилъ сказать пространное напутственное слово съ изреченіями изъ св. Отецъ, съ указаніями на примѣры побѣдъ Моисея надъ фараономъ, Константина надъ Максиміаномъ и Максенціемъ и т. п. Онъ говорилъ громко, велерѣчиво, неспѣшно, съ движеніемъ руки и другими ораторскими пріемами, иногда останавливался и обдумывалъ свои слова; а царь, въ своемъ великолѣпномъ облаченіи, скрестивъ руки и опустивъ голову, смиренно слушалъ поученіе. Окончивъ слово молитвою объ успѣхѣ царскаго похода, Никонъ поклонился царю и облобызался съ нимъ. Патріархи послѣ того отправились къ Лобному мѣсту съ крестнымъ ходомъ и со свѣчами, ибо наступилъ уже вечеръ; тамъ еще разъ благословили царя, окропивъ его святою водою, и облобызались съ нимъ. Алексѣй Михайловичъ сѣлъ въ сани, имѣя по правую и по лѣвую руку двухъ братьевъ крещеныхъ сибирскихъ царевичей, Петра и

Алексѣя; насупротивъ его была помѣщена Влахернская икона Богородицы. Царь сказалъ послѣднее «простите!» и поѣхалъ. За нимъ слѣдовали многіе бояре съ окольничьими и дворовый или гвардейскій отрядъ, состоявшій изъ стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и дворянъ. Въ его свитѣ находился Тверской архіепископъ, со многими священниками и дьяконами. Отъѣхавъ версты три, царь остановился на ночлегъ въ загородномъ дворцѣ села Воробьева. На другой день онъ ночевалъ въ селѣ Кубенскомъ; отсюда заѣзжалъ въ Звенигородъ помолиться въ своемъ любимомъ монастырѣ Саввы Сторожевскаго. 16-го онъ достигъ Вязьмы и здѣсь на слѣдующій день праздновалъ Алексѣя Божьяго человѣка, т.-е. свои именины. Тутъ въ теченіе недѣли онъ занимался военными распорядками и смотрами. Изъ похода своего Алексѣй Михайловичъ писалъ нѣжныя братскія посланія къ своимъ сестрамъ, извѣщая ихъ о трудномъ пути, о сборѣ ратныхъ людей; просилъ ихъ имѣть попеченіе о его женѣ и дѣтяхъ и т. п. 31 марта государь прибылъ въ Смоленскъ, и на другой день, 1 апрѣля, праздновалъ здѣсь именины царицы Марьи Ильиничны; причемъ угощалъ своихъ бояръ и Смоленскую шляхту.

Поляки, ободренные извѣстіями о страшномъ опустошеніи Московскаго государства моровою язвою, не ожидали, что царь Алексѣй Михайловичъ такъ скоро вернется на театръ войны и притомъ съ большими силами; а потому вожди ихъ были смущены одновременно въ разныхъ мѣстахъ начавшимся наступленіемъ царскихъ воеводъ, и стали отходить. Между прочимъ и гетманъ Радивиллъ покинулъ осаду Могилева. 24 мая самъ государь двинулся изъ Смоленска къ столицѣ великаго княжества Литовскаго. Въ Шкловѣ, гдѣ царь оставался нѣкоторое время, онъ 26 іюня получилъ извѣстіе о взятіи крѣпкаго города Велижа стольникомъ Матвѣемъ Вас. Шереметевымъ. А потомъ на пути къ Борисову 6 іюля къ нему «пригнали сеунчики» отъ князя-боярина Ѳед. Юр. Хворостинина и окольничаго Богд. Матв. Хитрово съ увѣдомленіемъ о взятіи города Минска. Но походъ вообще замедлялся вслѣдствіе затрудненій въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ для войска. На Вильну государь двинулъ полки: большой съ княземъ Як. Куд. Черкасскимъ, передовой съ кн. Никитой Ив. Одоевскимъ, сторожевой съ кн. Бор. Александр. Репнинымъ, ертоульный съ другимъ княземъ Черкасскимъ и отрядъ казаковъ съ наказнымъ гетманомъ Золотаренкомъ. А 13 іюня изъ Борисова самъ пошелъ за ними. Когда онъ, не дойдя 50 верстъ до Вильны, расположился станомъ въ деревнѣ Крапивнѣ, сюда 30 іюня прискакали гонцы отъ помянутыхъ воеводъ съ извѣстіемъ, что «Божіею милостію, а его государевымъ счастіемъ» они побили обоихъ литов-

скихъ гетмановъ, Радивилла и Гонсѣвскаго, и прогнали ихъ за рѣку Вилію, а столицу вел. княжества Литовскаго, городъ Вильну, взяли. Государь немедля послалъ увѣдомить о такомъ важномъ успѣхѣ въ Москву царицу и патріарха, также къ воеводамъ другихъ полковъ и къ гетману Хмѣльницкому; а къ побѣдителямъ отправилъ своего комнатнаго стольника Ладыженскаго съ «государевымъ жалованнымъ словомъ» и велѣлъ спросить ихъ о здоровьѣ. Затѣмъ обрадованный царь поспѣшилъ въ Вильну, при чемъ съ дороги писалъ своимъ сестрамъ, что: «постоявъ подъ Вильною недѣлю для запасовъ, прося у Бога милости и надѣяся на отца нашего великаго государя святѣйшаго Никона патріарха молитвы, пойдемъ къ Оршавѣ». Если вѣрить иностраннымъ источникамъ, царь совершилъ очень пышный въѣздъ въ Вильну, сидя въ роскошной, внутри обитой бархатомъ, каретѣ, запряженной шестерней свѣтло-гнѣдыхъ коней. Тутъ 9 августа онъ получилъ отъ воеводъ извѣстіе о взятіи города Ковны, а 29-го о занятіи Гродны. Теперь Алексѣй Михайловичъ къ своему царскому титулу присоединилъ титулъ великаго князя Литовскаго, Бѣлыя Россіи, Волынскаго и Подольскаго; о чемъ издалъ особый указъ (отъ 3 сентября 1655 г.).

Въ Варшаву, однако, Алексѣю Михайловичу идти не пришлось: ее въ то время захватилъ другой непріятель Польши.

Когда королева Христина въ 1654 г. отказалась отъ шведской короны въ пользу своего двоюроднаго брата Карла Густава, то Янъ Казиміръ, подобно Владиславу, принявшій титулъ короля Шведскаго и считая себя единственнымъ потомкомъ Густава Вазы въ мужскомъ колѣнѣ, протестовалъ противъ вступленія Карла на Шведскій престолъ. Хотя онъ и не подкрѣпилъ этого протеста никакими враждебными дѣйствіями, тѣмъ не менѣе Карлъ X воспользовался имъ, чтобы объявить войну Польшѣ. Съ одной стороны, его возбуждалъ къ тому извѣстный польскій выходецъ, бывшій подканцлеръ коронный Радзеевскій, который пылалъ жаждою мести къ Яну Казиміру и королевѣ Маріи Людвигѣ за свои личныя оскорбленія и уже давно интриговалъ противъ нихъ при Шведскомъ дворѣ; онъ входилъ въ сношенія съ гетманомъ Хмѣльницкимъ, съ венгерскимъ княземъ Ракочи, и вообще старался устроить цѣлую коалицію противъ Польскаго короля. Съ другой стороны, успѣхи Московскаго царя въ войнѣ съ Поляками и безпомощное положеніе Польши побудили воинственнаго Карла, не теряя времени на переговоры, воспользоваться обстоятельствами для собственныхъ завоеваній. Въ то время Шведскія владѣнія соприкасались съ Польскими и Литовскими съ двухъ сторонъ, именно со стороны Помераніи и Лифляндіи; изъ той и другой шведскія войска двинулись противъ Поляковъ. Въ

іюнѣ 1655 года фельдмаршалъ Виттенбергъ вторгся изъ Помераніи въ Великую Польшу. Мѣстное посполитое рушеніе, собранное въ Познанскомъ воеводствѣ на берегу Нотеца, подъ мѣстечкомъ Устьемъ (Uscie), и предводимое воеводой познанскимъ Кристофомъ Опалинскимъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ прекратило сопротивленіе. Вожди его склонились на шведскія прокламаціи и увѣщанія Радзеевскаго, и подписали договоръ, по которому воеводства Познанское и Калишское отдавались подъ протекцію Шведскаго короля, выговоривъ сохраненіе шляхетскихъ правъ и вольностей. Послѣ того Шведы безъ сопротивленія заняли Познань и Калишъ. Вскорѣ прибылъ самъ Карлъ съ новымъ войскомъ.

Янъ Казиміръ поспѣшно отозвалъ изъ Украйны польнаго гетмана Лянцкоронскаго и Стефана Чарнецкаго и съ небольшимъ войскомъ сталъ подъ Волбожемъ. Шведскій король безъ выстрѣла занялъ Варшаву, поразилъ Яна Казиміра и двинулся на Краковъ, куда ушелъ Польскій король, поручивъ войска Ляпцкоронскому. По совѣту сенаторской рады, Янъ Казиміръ, избѣгая плѣна, покинулъ этотъ городъ и вслѣдъ за королевой уѣхалъ за предѣлы своего королевства въ австрійскія владѣнія, именно въ Силезію, въ городъ Глогову. Ляпцкоронскій потерпѣлъ пораженіе подъ Войницей и войска его перешли въ подданство Шведскаго короля. Чарнецкій попытался оборонять Краковъ, но, въ виду недостатка укрѣпленій и гарнизона, принужденъ былъ сдать его на извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ уже въ сентябрѣ 1655 года большая часть земель Польской короны очутилась въ рукахъ Шведовъ. Межъ тѣмъ другое шведское войско, предводительствуемое Габріелемъ Магнусомъ дела-Гарди, изъ Лифляндіи вторглось въ великое княжество Литовское. Здѣсь, послѣ занятія Вильны Москвитянами, царили полное замѣшательство и безпорядокъ. Между магнатами не было никакого согласія, и они не спѣшили соединить свои отряды. Великій гетманъ Янушъ Радивиллъ, ушедшій на Жмудь въ Кейданы, имѣлъ у себя не болѣе 5.000 войска. Дела-Гарди обратился къ литовскимъ панамъ съ письменнымъ увѣщаніемъ, чтобы они, по примѣру Короны, поддались подъ протекцію Шведскаго короля. Въ виду невозможности противустать двумъ непріятелямъ, приходилось выбирать между Москвой и Швеціей. Янушъ Радивиллъ выбралъ послѣднюю: во-первыхъ, по причинѣ единовѣрія, такъ какъ онъ былъ протестантъ (собственно кальвинистъ); во-вторыхъ, представительный образъ правленія Швеціи, конечно, ближе подходилъ къ строю Рѣчи Посполитой, чѣмъ суровое московское самодержавіе, а въ-третьихъ, и степень культуры вообще болѣе сближала Поляковъ со Шведами, чѣмъ съ Москвитянами. Надежда

на шведскую помощь противъ московскаго нашествія окончательно побудила принять протекцію короля Карла Густава. 18 августа (нов. стиля) Янушъ Радивиллъ, его братъ Богуславъ, польный гетманъ Гонсѣвскій, епископъ жмудскій Парчевскій и нѣкоторые другіе литовскіе паны подписали въ Кейданахъ договоръ со шведскими комиссарами, по которому они вступали подъ протекцію Шведскаго короля подъ условіемъ соблюденія своихъ правъ и вольностей какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ. По этому договору въ общихъ чертахъ великое княжество Литовское соединялось со Шведскимъ королевствомъ на подобіе бывшаго своего соединенія съ Короною Польскою. Но только одна часть литовскихъ магнатовъ согласилась на шведское подданство. Другая часть, съ Павломъ Сапѣгою, воеводой Витебскимъ, во главѣ, осталась вѣрна Яну Казиміру, смотрѣла на подписавшихъ договоръ, какъ на измѣнниковъ отечеству, и рѣшила продолжать войну со Шведами. Остатокъ войска отложился отъ Радивилла. Сапѣга, имѣвшій и личные поводы враждовать съ нимъ, хотѣлъ представить его, Януша, на судъ Рѣчи Посполитой и осадилъ его въ Тыкочинскомъ замкѣ, въ которомъ находился небольшой шведскій гарнизонъ. Снѣдаемый отчаяніемъ, Янушъ Радивиллъ впалъ въ сильную болѣзнь, и, когда послѣ нѣсколькихъ штурмовъ Сапѣга взялъ замокъ, онъ нашелъ только трупъ своего противника (въ декабрѣ 1655 г.). Такъ безславно погибъ этотъ, гордый и не лишенный талантовъ, представитель протестантской вѣтви пышнаго рода Радивилловъ.

Межъ тѣмъ гетманъ Хмѣльницкій, соединивъ свои силы съ московскими войсками боярина В. В. Бутурлина, двинулся на Подолію и Галицію. Внезапное отозваніе польскихъ войскъ изъ Украйны, причиненное нашествіемъ Шведскаго короля, облегчило движеніе соединеннымъ московско-казацкимъ силамъ. Постоявъ немного подъ Каменцомъ, москвитяне и казаки отступили и направились ко Львову, который и осадили. Коронный гетманъ Потоцкій, собравъ нѣсколько тысячъ войска подъ Глинянами, отступилъ за Львовъ и сталъ подъ мѣстечкомъ Грудекъ, угрожая нашему тылу. Тогда Хмѣльницкій пошелъ на него, побилъ и разсѣялъ его войска. Послѣ того московскіе и казацкіе полки (въ концѣ сентября 1655 г.) со всѣхъ сторонъ облегли Львовъ, выставили сильную артиллерію и начали громить его огнестрѣльными снарядами; а время отъ времени дѣлали приступы и пытались ворваться въ городъ. Но львовскіе граждане, какъ и въ первую осаду Хмѣльницкаго (въ 1649 г.), оказали мужественное сопротивленіе. Обороною руководилъ генералъ артиллеріи Кристофъ Гродзицкій. Во время сей осады части русскихъ войскъ ходили еще далѣе въ глубь коронныхъ земель, брали

плѣнныхъ и добычу. Они достигали до Замостья и Люблина; первый городъ вновь отстоялъ себя, а второй присягнулъ на имя Московскаго царя и далъ окупъ. Но осада Львова затянулась. Успѣху львовской обороны болѣе всего помогли искусно веденные переговоры, которые тянулись почти все время осады. На увѣщательныя грамоты Хмѣльницкаго о сдачѣ и принесеніи присяги царю Московскому, городское управленіе присылало краснорѣчивые отвѣты о своей вѣрности Польскому королю. Делегаты сего управленія (Кушевичъ, Сахновичъ, Лавришевичъ и др.) свободно приходили въ станъ Хмѣльницкаго, расположенный на Святоюрской горѣ, находили здѣсь радушный пріемъ и угощеніе, и своими переговорами удачно выигрывали время. Замѣтивъ не особенно дружескія отношенія между Хмѣльницкимъ и Бутурлинымъ, они съ іезуитскою ловкостью умѣли произвести въ гетманѣ еще большее охлажденіе къ его московскимъ союзникамъ. При чемъ они иногда искусно льстили самолюбію казаковъ, выхваляя ихъ храбрость, приписывая исключительно имъ одержанные военные успѣхи и стараясь унижать Москвитянъ. Въ самомъ окруженіи гетмана они нашли себѣ помощниковъ, въ лицѣ генеральнаго писаря Ивана Выговскаго и переяславскаго полковника Павла Тетери. Выговскій, по всѣмъ признакамъ, уже тогда началъ измѣнять Москвѣ и склонялъ гетмана къ пощадѣ осажденнаго города; а Тетеря, человѣкъ школьнаго образованія, владѣвшій латинскимъ языкомъ, однажды во время спора городскихъ делегатовъ съ гетманомъ шепнулъ имъ по-латыни: Sitis constantes et generosi (будьте тверды и мужественны, т.-е. не уступайте). Въ пользу осажденнаго города ходатайствовалъ передъ гетманомъ и русскій епископъ во Львовѣ Желиборскій. Въ станѣ Хмѣльницкаго сошлись тогда послы и Яна Казиміра, и Карла Густава; каждый, конечно, склонялъ его на свою сторону. Эти переговоры и колебанія гетмана ослабили энергію осады. Онъ, очевидно, не показывалъ большой охоты завоевать сей городъ для Московскаго царя. Осада длилась уже около шести недѣль; наступили осеннія непогоды и недостатокъ запасовъ, а главное, пришли вѣсти о движеніи Крымскаго хана на Украйну на помощь Полякамъ. Наконецъ, гетманъ, ограничась сравнительно небольшимъ окупомъ, 8 ноября (нов. стиля) отступилъ съ казацкими полками отъ города. За нимъ принужденъ былъ то же сдѣлать и воевода Бутурлинъ съ московскими полками; при чемъ пошелъ такъ спѣшно, что бросалъ пушки дорогою, и войско его сильно страдало отъ голода и холода. Вообще этотъ воевода, начальствуя многочисленнымъ московскимъ войскомъ, сыгралъ довольно жалкую роль подъ Львовымъ, рядомъ съ гетманомъ. Столь взысканный царемъ за удачно произведенную при-

сягу Малороссіи, онъ утратилъ теперь милость государя, и вскорѣ послѣ сего похода умеръ въ Кіевѣ.

Такимъ образомъ, изъ главныхъ городовъ Рѣчи Посполитой Львовъ былъ единственный, отразившій непріятелей и оставшійся въ рукахъ Поляковъ. А на Днѣпрѣ держался еще противъ Русскихъ Старый Быховъ, осажденный наказнымъ гетманомъ Иваномъ Золотаренкомъ, который и получилъ тутъ смертельную рану. Но вообще положеніе Рѣчи Посполитой было отчаянное, вслѣдствіе двухъ нашествій, Московскаго и Шведскаго. Кромѣ Шведовъ и Русскихъ, ее тѣснили седмиградскій князь Ракочи, претендентъ на Польскую корону, и «великій курфюрстъ» бранденбургскій Фридрихъ Вильгельмъ, какъ герцогъ Восточной Пруссіи стремившійся освободиться отъ польско-литовской зависимости. Для Польши въ третьей четверти XVII столѣтія наступило то же смутное время, какое происходило въ первой четверти въ Московскомъ государствѣ. Ее спасли, съ одной стороны религіозное одушевленіе, напомнившее такое же одушевленіе Русскихъ людей въ самую тяжелую эпоху, съ другой возникшее вскорѣ столкновеніе между ея главными непріятелями, т.-е. Москвою и Швеціей, — столкновеніе, вызванное искусными или, точнѣе, коварными политическими махинаціями Поляковъ и ихъ католическихъ покровителей.

Шведскія наемныя войска своими реквизиціями или поборами и грабежами скоро такъ возбудили противъ себя населеніе, что въ разныхъ краяхъ Рѣчи Посполитой началось вооруженное движеніе противъ Шведскаго владычества; явились смѣлые предводители, собиравшіе добровольныя шляхетскія ополченія, которыя нападали на отдѣльные шведскіе отряды или разоряли помѣстья шведскихъ сторонниковъ. Патріотическое движеніе это особенно усилилось съ того времени, какъ знаменитый Ченстоховскій монастырь Паулиновъ, съ помощью мѣстной шляхты, выдержалъ почти полуторамѣсячную осаду шведскаго генерала Миллера и отразилъ нѣсколько штурмовъ. Душою обороны явился энергичный настоятель сего монастыря Августинъ Кордецкій. 26 декабря Миллеръ снялъ осаду. Въ маломъ видѣ это событіе напоминало польскую осаду нашей Троицкой лавры. Отраженіе непріятеля было приписано особому заступленію Божіей Матери, монастырская икона которой съ того времени стала пользоваться чрезвычайнымъ почитаніемъ, и самую Богоматерь Поляки объявили тогда покровительницею и даже королевою Польши. Религіозное одушевленіе охватило народную среду; возстаніе противъ Шведовъ росло; между прочимъ, возстали карпато-татранскіе горцы. Въ концѣ декабря (нов. стиля) завязана была противъ Шведскаго короля Тышовицкая конфедерація, къ которой приступило и при-

сягнувшее было сему королю коронное войско, съ гетманами Потоцкимъ и Лянцкоронскимъ во главѣ. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, гдѣ со смертію Януша Радивилла шведско-диссидентская партія потеряла своего главу, также возникло сильное движеніе противъ Шведовъ. Въ началѣ января 1656 года Янъ Казиміръ могъ уже воротиться въ Польшу; на нѣкоторое время онъ остановился во Львовѣ, и отсюда руководилъ дальнѣйшими мѣрами обороны. (14).

Едва ли не болѣе, чѣмъ вооруженное патріотическое движеніе, помогли Полякамъ дипломатическіе маневры.

Въ эту критическую эпоху Янъ Казиміръ и супруга его Марія Гонзаго развили самую энергичную дипломатію; ихъ послы скакали во всѣ стороны и отыскивали помощь. Марія пыталась возбудить родную ей Францію противъ Швеціи на защиту Польши; но французская политика обыкновенно держалась Швеціи, какъ своего естественнаго союзника противъ Габсбурговъ. Отъ короля и сената разсылались предложенія мира и всякія убѣжденія къ сосѣдямъ и не сосѣдямъ. Москву они старались поссорить съ Швеціей, Хмѣльницкаго возбудить противъ царя, Бранденбургскаго курфирста и Седмиградскаго князя отвлечь отъ союза съ Карломъ Густавомъ, Голландію и Данію возбудить къ войнѣ со Шведами; а особенно налегали на католическую Австрію, стараясь получить отъ нея всякую помощь и войскомъ, и посредничествомъ; въ чемъ имъ помогала и Римская курія. Притомъ же Янъ Казиміръ, какъ сынъ австрійской принцессы, приходился двоюроднымъ братомъ императору Фердинанду III, и сей послѣдній тѣмъ усерднѣе вступился за единовѣрную Польшу противъ ея сѣверныхъ и восточныхъ иновѣрныхъ сосѣдей. Отказывая пока въ вооруженной помощи, онъ обратился со своимъ посредничествомъ къ Московскому царю, котораго постарался не только помирить съ Поляками, но и возбудить къ войнѣ со Шведами.

Государь еще находился въ Вильнѣ, когда въ концѣ августа 1655 года получилъ донесеніе отъ новгородскаго воеводы кн. Ив. Андр. Голицына о прибытіи великихъ цесарскихъ пословъ. Уже въ самомъ выборѣ ихъ пути скрывалась задняя мысль: чтобы отстранить подозрѣніе въ тайномъ соглашеніи съ Поляками, они были отправлены не чрезъ польскія владѣнія, а моремъ въ Шведскую Ливонію на Колывань и Ругодивъ (Ревель и Нарву). Во главѣ посольства былъ поставленъ іезуитъ донъ Аллегрети де-Аллегретисъ; въ товарищи ему данъ Теодоръ фонъ Лорбахъ. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ направить посольство прямо въ столицу и помѣстить въ домѣ извѣстнаго (самозваннаго) князя Шлякова-Чешскаго. 7 октября оно имѣло торжественный въѣздъ въ Москву,

гдѣ тогда царскимъ намѣстникомъ былъ князь Григ. Сем. Куракинъ, а государственными дѣлами вѣдалъ патріархъ Никонъ. Хитрый іезуитъ Аллегрети, зная, что каждое его слово будетъ записано и донесено царю, во время пути и пребыванія въ Москвѣ искусно заводилъ рѣчи о польско-шведскихъ отношеніяхъ; разсказывалъ, что какъ ни просилъ Польскій король Цесаря о военной помощи, тотъ ему отказалъ, а обѣщалъ только помирить его съ царемъ; говорилъ о справедливомъ неудовольствіи Московскаго царя на неправды короля Яна Казиміра, но съ особымъ негодованіемъ указывалъ на коварство Шведовъ, которые, пользуясь побѣдами Московскаго государя надъ Поляками, поспѣшили напасть на послѣднихъ, не дождавшись конца перемирію, и вообще имѣютъ обычай нападать на слабыхъ. Далѣе Аллегрети какъ будто съ сожалѣніемъ указывалъ на то, что русскіе торговые люди не ѣздятъ въ Цесарскую землю для продажи соболей и всякаго пушного товару, чѣмъ корыстуются нѣмецкіе и польскіе купцы, которые покупаютъ въ Россіи эти товары дешево, а продаютъ ихъ въ Австріи дорогою цѣною; когда же царь и цесарь будутъ «въ братствѣ и совѣтѣ», московскимъ торговымъ людямъ вольно будетъ самимъ ѣздить въ Цесарскую землю, и отъ того будетъ великая прибыль Московскому государю. Давалъ понять о пріязни и почтеніи Турецкаго султана къ Римскому цесарю и разсказывалъ, какъ, будучи въ Царьградѣ посломъ испанскаго короля, съ огорченіемъ видѣлъ тамъ множество русскихъ и польскихъ плѣнниковъ, которыхъ Крымскіе татары продаютъ на базарѣ, и удивлялся, что столь великіе христіанскіе государи терпятъ такое зло отъ поганыхъ бусурманъ. Однимъ словомъ, Аллегрети все направлялъ къ тому, чтобы настроить Московское правительство къ примиренію съ Поляками и къ столкновенію со Шведами; а императоръ Фердинандъ III, по его увѣренію, очень желалъ помирить Алексѣя Михайловича съ Яномъ Казиміромъ единственно для того, чтобы не лилась христіанская кровь. По всѣмъ признакамъ, эти маневры не остались безъ вліянія на совѣтниковъ молодого государя, а главнымъ образомъ на всесильнаго тогда патріарха Никона, съ которымъ ловкій іезуитъ, повидимому, сумѣлъ войти въ посредственныя или непосредственныя сношенія.

Въ началѣ декабря прибыло въ Москву шведское посольство. Вслѣдъ затѣмъ 10 декабря воротился въ столицу и царь Алексѣй Михайловичъ.

Къ пріѣзду его подъ личнымъ наблюденіемъ патріарха Никона отлитъ былъ въ Кремлѣ огромный колоколъ, вѣсившій отъ 10 до 12 тысячъ пудовъ; его подняли на небольшую высоту и повѣсили на громадномъ бревнѣ, и наканунѣ царскаго прибытія далеко въ окрестностяхъ раздался его звонъ. Вступленіе въ столицу царя—побѣдителя и завое-

вателя, обставлено было всевозможною торжественностью, т.-е. пушечною пальбою, колокольнымъ звономъ, крестнымъ ходомъ, разставленными вдоль всего пути войсками и густыми народными толпами. Несмотря на холодъ и морозъ, не только народъ стоялъ съ непокрытыми головами, но и самъ царь, у Землянго вала вышедшій изъ саней навстрѣчу крестному ходу и патріархамъ (Никону и Макарію Антіохійскому), все время отставался также съ открытою головою. Никонъ послѣ молебна сказалъ царю длинную витіеватую рѣчь, причемъ напомнилъ библейскіе и византійскіе примѣры: Моисея, Гедеона, Константина, Максиміана и пр. Царь отвѣчалъ патріарху, что побѣдами своими обязанъ его святымъ молитвамъ. Потомъ продолжалось шествіе. Уже стемнѣло, когда царь прибылъ въ Успенскій соборъ, гдѣ приложился къ иконамъ и мощамъ и снова принялъ благословеніе отъ патріарховъ. Павелъ Алеппскій пишетъ, что лицо царя «сіяло и блистало и даже пополнѣло отъ избытка радости по случаю побѣды, покоренія городовъ и пораженія враговъ». Молодой, довѣрчивый государь въ это время, конечно, не подозрѣвалъ, какое разочарованіе въ совершенныхъ побѣдахъ и какую потерю завоеваній готовитъ ему ожидавшее его въ столицѣ дружественное императорское посольство со своими сладкими рѣчами и соблазнительными предложеніями!

А эти предложенія или, точнѣе, обѣщанія заключались ни болѣе, ни менѣе какъ въ томъ, чтобы избрать Алексѣя Михайловича польскимъ королемъ, т.-е. преемникомъ Яна Казиміра, и еще при жизни сего послѣдняго! И на такую нехитрую удочку пойманъ былъ, мечтавшій о славѣ и завоеваніяхъ, Московскій царь со своими главными совѣтниками или, собственно, съ патріархомъ Никономъ. Аллегрети, конечно, подалъ только надежду на избраніе; а между тѣмъ убѣдилъ царя остановить военныя дѣйствія противъ Поляковъ, какъ противъ своихъ будущихъ подданныхъ, и направить русское оружіе противъ якобы ихъ общихъ враговъ, т.-е. Шведовъ. Завоеваніе Ливоніи и Эстоніи, которыхъ такъ безуспѣшно добивался Иванъ Грозный, теперь представлялось весьма возможнымъ и даже нетруднымъ. Для переговоровъ съ цесарскими послами назначены были бояре-князья Алексѣй Никитичъ Трубецкой и Гр. Сем. Куракинъ, окольничій Богданъ Матв. Хитрово и посольскій думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. Но потребовались еще посылки гонцовъ къ самому императору Фердинанду III и обратно, при чемъ гонцы эти осторожно пробирались черезъ Курляндію и Пруссію. Однимъ словомъ, цесарское посольство такъ искусно затянуло свои предварительные переговоры, что только въ маѣ 1656 года выѣхало изъ Москвы, осыпанное царскими милостями и подарками; оно условилось о съѣздѣ

московскихъ и польскихъ уполномоченныхъ въ Вильнѣ, для окончательныхъ мирныхъ переговоровъ, въ которыхъ обѣщало принять на себя роль посредниковъ. Аллегрети былъ славянскаго происхожденія и понималъ русскій языкъ, что много облегчало ему переговоры съ русскими боярами. Притомъ уже самыя грамоты Фердинанда III, въ которыхъ прописывался полный царскій титулъ, и даже съ прибавленіемъ новыхъ земель, производили на царя и бояръ очень выгодное впечатлѣніе; что, однако, не мѣшало имъ держать цесарское посольство подъ строгимъ присмотромъ и никакихъ постороннихъ лицъ къ нему не допускать.

Совсѣмъ иначе было принято шведское посольство, пріѣхавшее затѣмъ, чтобы подтвердить Столбовскій договоръ. Для переговоровъ съ нимъ назначены были кн. Н. Ив. Одоевскій, В. Б. Шереметевъ, Гр. Гав. Пушкинъ и тотъ же дьякъ Алмазъ Ивановъ. Уже самый вопросъ о царскомъ титулѣ возбудилъ споры; такъ какъ послы не хотѣли признавать новыхъ прибавленій, т.-е. вел. княжества Литовскаго, Бѣлой Россіи, Подоліи и Волыни. Затѣмъ бояре укоряли Шведскаго короля за то, что онъ «не обославшись съ царскимъ величествомъ пошелъ на польскіе города войною и у царскихъ ратныхъ людей отъ Полоцка дорогу велѣлъ перенять». Затѣмъ высчитывались споры о границахъ и разныя другія неправды со стороны Шведовъ. Эти переговоры такъ же затянулись на всю зиму и сопровождались посылкою гонцовъ къ Шведскому королю и обратно. А весною они окончились разрывомъ и объявленіемъ войны. Цесарское посольство такимъ образомъ добилось всего, о чемъ хлопотало, и въ этомъ случаѣ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ иностранцевъ, ему болѣе всѣхъ помогъ всесильный въ то время патріархъ Никонъ: какъ бывшій митрополитъ Новгородской области, онъ очевидно сохранялъ непріязнь къ ея сосѣдямъ. Въ числѣ вліятельныхъ чиновниковъ, державшихъ сторону Польши противъ Швеціи, находился знаменитый впослѣдствіи московскій дипломатъ Афанасій Ордынъ-Нащокинъ, въ это время стольникъ и воевода города Друи, лежавшаго на Западной Двинѣ, въ сѣверномъ углу новозавоеваннаго княжества Литовскаго. Черезъ этотъ городъ на Курляндію проѣзжали тогда гонцы изъ Москвы въ Вѣну къ Фердинанду III и обратно. Ордынъ-Нащокинъ снабжалъ ихъ провожатыми и велъ дружескія сношенія съ Яковомъ, герцогомъ Курляндскимъ. Въ своихъ отпискахъ государю онъ явно склоняется на сторону Поляковъ, выставляетъ шляхту сосѣднихъ повѣтовъ преданною царю, и не пропускаетъ случая извѣщать о грабительствахъ и обидахъ населенію (т.-е. уже царскимъ поддаппымъ), причиняемыхъ шведскими войсками, занимавшими часть сѣверныхъ литовскихъ областей. Онъ передаетъ всякіе доходившіе до него слухи о политиче-

скихъ событіяхъ и планахъ, между прочимъ, польскіе толки объ избраніи преемника Яну Казиміру, о намѣреніи Шведскаго короля соединиться съ Поляками противъ Московскаго царя и т. п. Нащокинъ, какъ псковскій дворянинъ, подобно Никону, питалъ явное нерасположеніе къ сосѣдямъ своего края, т.-е. къ Шведамъ.

Воспользуемся драгоцѣнными записками Павла Алепскаго, чтобы бросить взглядъ на то, что происходило въ эту зиму въ Москвѣ при царскомъ дворѣ, кромѣ торжественныхъ пріемовъ австрійскаго и шведскаго посольствъ и переговоровъ съ ними.

Государь съ боярами, по обычаю, усердно посѣщалъ храмы и присутствовалъ при богослуженіи, которое совершалось Никономъ съ особою торжественностью, благодаря возвышенному настроенію послѣ побѣдоноснаго похода, а также пребыванію въ Москвѣ антіохійскаго патріарха Макарія, которому царь оказывалъ большое уваженіе и ласку. Никонъ настоялъ на томъ, что бы и царица съ боярынями присутствовала за обѣдней въ Успенскомъ соборѣ; здѣсь для нея было устроено особое мѣсто въ видѣ трона и занавѣсъ, который закрывалъ ее и боярынь отъ глазъ народа.

Любя строить новыя зданія и передѣлывать старыя, Никонъ задумалъ воздвигнуть въ Кремлѣ патріаршія палаты на мѣстѣ прежнихъ митрополичьихъ, которыя находилъ тѣсными и низкими. Онъ выпросилъ у царя сосѣднее съ соборомъ дворцовое мѣсто, и съ помощью нѣмецкихъ мастеровъ въ теченіе трехъ лѣтъ построилъ просторное каменное двухъэтажное зданіе; въ нижней части его устроены были кухня и разные приказы патріаршаго вѣдомства, а въ верхней—пріемныя палаты съ небольшою церковью во имя свв. митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Стѣны ея были расписаны портретами московскихъ патріарховъ, съ Никономъ включительно. Самая обширная и наиболѣе украшенная палата названа Крестовою (нынѣ Мироваренная). Къ ней примыкало деревянное строеніе съ патріаршими зимними келіями; ибо въ Москвѣ тогда зимой не любили жить въ каменныхъ домахъ, по причинѣ сырости и угара. Свое новоселье или водвореніе въ новыхъ палатахъ Никонъ обставилъ большою торжественностью и пріурочилъ его къ празднику въ память св. Петра митрополита, 21 декабря. Въ этотъ день онъ обыкновенно послѣ обѣдни угощалъ у себя царя, бояръ и духовенство. Такъ какъ на тотъ годъ праздникъ случился въ пятницу, когда рыба не разрѣшалась, то Никонъ перенесъ празднованіе на слѣдующій день, т.-е. на субботу. Онъ совершилъ въ Успенскомъ соборѣ продолжительную литургію, въ

сослуженіи Антіохійскаго патріарха, Сербскаго митрополита, нѣсколькихъ архіереевъ и пр.; при чемъ воспользовался симъ праздникомъ, чтобы перемѣнить свой низкій клобукъ московскаго покроя на высокій греческій съ изображеніемъ спереди херувима, вышитаго золотомъ и жемчугомъ. (Вообще онъ оказывалъ пристрастіе ко всему греческому). По условленному съ нимъ заранѣе плану, Антіохійскій патріархъ послѣ обѣдни подошелъ къ царю съ новымъ клобукомъ и камилавкой въ рукѣ и просилъ позволенія возложить его на Никона, чтобы онъ въ этомъ уборѣ не отличался отъ другихъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ. Алексѣй Михайловичъ охотно согласился, велѣлъ Никону снять старый клобукъ и камилавку и самъ надѣлъ на него новые. Лицо Никона засіяло, и тѣмъ болѣе, что новый уборъ шелъ къ нему лучше стараго; но, какъ онъ и опасался, русскіе архіереи, игумны и даже міряне сильно возроптали на него за эту перемѣну стараго, освященнаго обычаемъ, убора. Однако потомъ архіереи и даже монахи стали приходить къ патріарху Макарію съ просьбою дать имъ греческіе клобукъ и камилавку; такъ какъ у него ихъ не было, то стали заказывать и, такимъ образомъ, монашескій головной уборъ у насъ съ того времени былъ введенъ греческаго покроя.

Когда царь и бояре вышли изъ собора, весь народъ удалили, двери затворили и никого не впускали, пока царица, предшествуемая патріархомъ, по обычаю, прикладывалась къ иконамъ и мощамъ. Послѣ того Никонъ съ духовенствомъ поднялся на верхъ въ свои новыя палаты. Тутъ архіереи, игумны, потомъ священники и міряне стали подносить ему въ даръ позлащенныя иконы, золоченые кубки, куски парчи, бархата, сороки соболей и пр. Но патріархъ принималъ преимущественно иконы и хлѣбъ-соль. Пришелъ царь съ боярами и поднесъ патріарху хлѣбъ-соль и сороки лучшихъ соболей отъ себя, царицы, сына, сестеръ и дочерей; всего 12 хлѣбовъ и 12 сороковъ. Что особенно удивило антіохійцевъ, онъ бралъ отъ бояръ эти дары по порядку и собственноручно съ поклонами подносилъ ихъ патріарху. Сей послѣдній посадилъ царя за особый столъ, уставленный золотою посудой; близъ него помѣщались особые столы для обоихъ патріарховъ и четырехъ царевичей (Грузинскаго, двухъ Сибирскихъ и новокрещеннаго Касимовскаго); а за большимъ столомъ сидѣли бояре и духовенство. Во время трапезы анагностъ (псаломщикъ) нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ читалъ на аналоѣ посрединѣ палаты житіе св. Петра митрополита. Время отъ времени чтеніе это прерывалось пѣніемъ патріаршихъ пѣвчихъ. Особое удовольствіе царю и патріарху доставилъ хоръ, составленный изъ малороссійскихъ мальчиковъ-каза-

ковъ, которыхъ царь привезъ въ Москву и отдалъ патріарху, а тотъ образовалъ изъ нихъ особый пѣвческій хоръ. Пѣніе ихъ было пріятнѣе basistаго и грубаго пѣнія московскихъ пѣвчихъ. Послѣ трапезы, патріархъ отдарилъ царя кускомъ древа Честнаго Креста, частицей мощей одного святого, двѣнадцатью позолоченными кубками, двѣнадцатью кусками парчи и пр. Изъ каменной палаты перешли въ новое деревянное помѣщеніе, гдѣ пирующимъ предложены были превосходные напитки. Поздно вечеромъ царь поднялся и собственноручно роздалъ всѣмъ присутствующимъ кубки за здравіе патріарха; послѣ чего Никонъ, въ свою очередь, раздавалъ напитки за здравіе царя, потомъ царицы и ихъ сына. Выпивъ кубокъ, обыкновенно опрокидывали его себѣ на голову, въ знакъ того, что осушили здравицу до капли. Гости разошлись, а царь все еще оставался у патріарха; когда же ударили къ заутрени по случаю памяти св. Филиппа, они оба отправились въ соборъ, откуда вышли только на разсвѣтѣ. Такое усердіе къ церкви и такая выносливость царя приводили въ удивленіе антіохійцевъ, едва державшихся на ногахъ отъ продолжительнаго московскаго богослуженія и отъ сильной стужи на холодномъ церковномъ полу.

Наступившіе вскорѣ Рождественскіе праздники сопровождались обычными церковными торжествами и царскими пирами. Въ первый день праздника Никонъ служилъ въ новомъ саккосѣ, который оцѣнивали въ 7.000 золотыхъ, а царь былъ въ новой чудесной коронѣ и въ верхнемъ кафтанѣ изъ тяжелой парчи съ каймой изъ драгоцѣнныхъ камней, жемчуга и золота. На плечахъ у него была пелерина также изъ золота, драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, обрамленная образками Господскихъ праздниковъ, вырѣзанныхъ на изумрудѣ или отчеканенныхъ на золотѣ. На шеѣ у него висѣлъ на золотой цѣпи большой крестъ изъ бѣлой (слоновой?) кости съ вырѣзанными на обѣихъ сторонахъ Господскими праздниками. Это полное облаченіе, очевидно, имѣло значительную тяжесть, и потому двое вельможъ поддерживали царя подъ руки; третій держалъ его жезлъ, выточенный изъ бѣлой кости и присланный въ подарокъ шахомъ персидскимъ.

Во время Рождественскихъ праздниковъ пришло извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ въ Червонной Руси и обратномъ походѣ гетмана Хмѣльницкаго и боярина В. В. Бутурлина, которымъ царь, какъ сказано выше, остался недоволенъ. Вскорѣ привезли въ Москву каменецкаго кастеляна Павла Потоцкаго, подъ Каменцомъ взятаго въ плѣнъ вмѣстѣ съ сыномъ. Его убѣдили принять православіе; шесть недѣль продержали въ Чудовѣ монастырѣ въ качествѣ оглашеннаго; а затѣмъ самъ патріархъ окрестилъ его; причемъ царскій тесть Ил. Дан. Милослав-

скій былъ его воспріемникомъ. Царь наградилъ его имѣньями и большимъ жалованьемъ, и онъ ежедневно являлся во дворецъ вмѣстѣ съ боярами, причемъ держалъ себя съ свойственнымъ Ляхамъ высокомѣріемъ. Тогда многіе западнорусскіе паны дали присягу на вѣрность царю и были награждены; многіе шляхтичи поступили на службу въ московскую конницу и были пожалованы помѣстьями. По замѣчанію Павла Алеппскаго, Москва въ это время наполнилась разнообразною добычею, которую ратные люди привезли изъ своихъ походовъ въ польскія и литовскія владѣнія. Поэтому торговые ряды столицы изобиловали дорогими вещами и рѣдкостями, которыя можно было купить почти за безцѣнокъ; а многочисленные плѣнники продавались на рынкѣ. Тогда же будто бы впервые появились въ Москвѣ привезенные изъ завоеванныхъ областей буйволы и ослы или ишаки (мулы).

Во время Крещенскаго водосвятія, совершаемаго патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ въ присутствіи царя и вельможъ, былъ такой морозъ, что воду въ прорубп постоянно мѣшали, что бы не дать ей замерзнуть. На слѣдующій день въ Успенскомъ соборѣ послѣ обѣдни служили благодарственный молебенъ, по случаю извѣстія о новой побѣдѣ надъ Ляхами, которые пытались обратно взять Вильну. Въ донесеніи о томъ воеводой помѣщена была такая легенда: когда воевода спросилъ плѣнныхъ, почему Ляхи обратились въ бѣгство, тѣ объяснили его внезапнымъ видѣніемъ на небѣ царя Алексѣя и впереди его св. Михаила, устремляющагося на нихъ съ мечомъ. Патріархъ Никонъ прочелъ этотъ разсказъ всему народу изъ письма воеводы. Царь при семъ плакалъ отъ радости, а Никонъ сказалъ ему и вельможамъ привѣтственное слово съ разными примѣрами, изреченіями и молитвенными благопожеланіями. Царь отвѣчалъ ему въ томъ же родѣ. Пѣвчіе пропѣли многолѣтіе тому и другому, при чемъ называли Алексѣя царемъ и самодержцемъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи. Царь велѣлъ также именовать Никона «патріархомъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи». 12 января Алексѣй Михайловичъ, по обычаю, устроилъ пиръ по случаю именинъ своей младшей сестры Татьяны Михайловны. А въ день Симеона и Анны онъ праздновалъ большимъ пиромъ именины своей послѣдней дочери Анны, которая родилась годъ тому назадъ. Потомъ 12 февраля, въ память св. Алексѣя, именины царевича, была продолжительная служба въ Чудовѣ монастырѣ и опять большой пиръ у царя. 1-го марта опять пиръ у царя, по случаю дня рожденія его старшей дочери Евдокіи. А 17 марта пиръ въ день царскаго ангела; но Антіохійскій патріархъ на этомъ пиру почему-то не былъ.

Вскорѣ послѣ Крещенья патріархъ Никонъ уѣхалъ въ свой новоустроенный Иверскій монастырь; а спустя нѣсколько дней, царь съ боярами 17 января отправился на богомолье въ свой любимый звенигородскій Саввы Сторожевскаго монастырь, расположенный въ сорока верстахъ отъ столицы, на берегу Москвы-рѣки. Онъ заново отстроилъ этотъ монастырь, не щадилъ для него трудовъ и издержекъ и хотѣлъ по зданіямъ и укрѣпленіямъ сдѣлать изъ него подобіе Троицкой Лавры. 19-го числа праздновалась память обрѣтенія мощей св. Саввы Сторожевскаго; Алексѣй Михайловичъ пріѣхалъ лично присутствовать на этомъ праздникѣ, и накапунѣ его прислалъ въ столицу гонца съ приказаніемъ привезти туда же своего гостя, антіохійскаго патріарха Макарія. Послѣдній отправился въ царскихъ саняхъ, запряженныхъ вороными конями. Онъ ѣхалъ почти всю ночь, при большомъ холодѣ и мятели, и все-таки не засталъ уже обѣдни. Алексѣй Михайловичъ самъ встрѣтилъ патріарха въ монастырскихъ воротахъ, и велѣлъ помѣстить его со свитой въ царицыныхъ покояхъ. Въ этотъ день царь угощалъ трапезой монаховъ, причемъ самъ прислуживалъ имъ. Затѣмъ онъ посадилъ съ собою за одинъ столъ патріарха Макарія; бояре же и прочая свита обѣдали за отдѣльнымъ столомъ. Вблизи царя былъ поставленъ столъ для нищихъ, слѣпыхъ и калѣкъ, и онъ самъ раздавалъ имъ пищу и питье. Въ то же время онъ милостиво бесѣдовалъ съ патріархомъ, причемъ удивилъ его знаніемъ разныхъ обстоятельствъ, лично касавшихся гостя; очевидно, онъ очень интересовался Ближнимъ востокомъ и имѣлъ агентовъ, о многомъ ему доносившихъ. По окончаніи трапезы, по обыкновенію стольники подносили царю кубки съ напитками, которые онъ самъ раздавалъ присутствующимъ, заставляя ихъ пить за здоровье патріарха Московскаго, а потомъ патріарха Антіохійскаго. Сей послѣдній въ свою очередь провозгласилъ здравицу за царя, царицу, царевича и весь царствующій домъ. Во время этихъ здравицъ пѣвчіе возглашали многая лѣта.

Вообще поведеніе царя, его замѣчательное знаніе церковной службы, необыкновенное смиреніе, а также чрезвычайная подвижность и впечатлительность постоянно возбуждали удивленіе восточныхъ гостей. Архидіаконъ Антіохійскаго патріарха приводитъ, напримѣръ, слѣдующія черты изъ пребыванія въ Саввинѣ монастырѣ.

Означенный праздникъ происходилъ въ субботу. Вечеромъ отстояли съ царемъ малое повечеріе; а въ третьемъ часу утра воскресенья, по звону колоколовъ, собрались ко всенощному бдѣнію. Царь сталъ подлѣ раки святого, имѣя подъ ногами подстилку изъ соболей; а рядомъ на разостланномъ коврѣ поставилъ патріарха Макарія. По окончаніи службы

царь и патріархъ сѣли на кресла; всѣмъ присутствующимъ тоже велѣно было сѣсть. Псаломщикъ приступилъ къ чтенію изъ житія святого, начавъ его обычнымъ обращеніемъ къ настоятелю «благослови отче». Вдругъ царь вскакиваетъ и съ гнѣвомъ укоряетъ чтеца, называя его мужикомъ, т.-е. невѣжею, который не знаетъ того, что въ присутствіи патріарха надобно говорить: «благослови владыко». Чтецъ упалъ въ ноги со словами: «Государь, прости меня». «Богъ тебя проститъ», отвѣчалъ царь. Затѣмъ во время утрени онъ постоянно училъ монаховъ, и, обходя ихъ, говорилъ: «читайте то-то, пойте такой-то канонъ, такой-то ирмосъ, такой-то тропарь, такимъ-то голосомъ»; если же они ошибались, то онъ бранилъ ихъ и сердился за то, что они обнаруживали свое незнаніе въ присутствіи иноземнаго патріарха. Въ то же время онъ самъ зажигалъ или тушилъ церковныя свѣчи и снималъ съ нихъ нагаръ. За обѣднею, въ которой участвовалъ Макарій, его архидіаконъ Павелъ во время чтенія Апостола кадилъ крестообразно въ царскихъ вратахъ и обратилъ кадило сначала на царя; но тотъ пальцемъ показалъ ему на мощи святого, съ которыхъ слѣдовало начать. Евангеліе Павелъ прочелъ по-гречески и по-арабски; онъ уже выучился читать его по славянски; но стѣснялся сдѣлать это въ присутствіи царя, а, окончивъ свое чтеніе, взялъ мѣстное славянское Евангеліе, очень тяжелое по своему большому размѣру и по обилію золота и крупныхъ драгоцѣнныхъ камней, его украшавшихъ, и съ трудомъ понесъ его къ царю; но тотъ знакомъ показалъ ему на патріарха и приложился послѣ него. Послѣ обѣдни царь подвелъ Макарія къ ракѣ святого и велѣлъ открыть для него мощи; причемъ разсказалъ ему, какъ вынималъ мощи изъ земли и замѣтилъ, что не достаетъ одного коренного зуба, который послѣ тщательныхъ поисковъ нашелъ, и какъ у него самого прошла зубная боль отъ тренія этимъ зубомъ. Въ этотъ день царь угощалъ патріарха и его свиту трапезой въ своихъ собственныхъ покояхъ.

Вечеромъ того же дня произошелъ такой любопытный случай. Одинъ патріаршій дьяконъ, которому Никонъ запретилъ служить и который былъ заточенъ въ этотъ монастырь, явился къ царю и, упавъ ему въ ноги, просилъ разрѣшенія служить на другой день обѣдню. Но царь не разрѣшилъ и отвѣтилъ ему: «Боюсь, что патріархъ Никонъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возьми его и паси монаховъ и священниковъ; я не прекословлю твоей власти надъ вельможами и народомъ, зачѣмъ же ты ставишь мнѣ препятствія, по отношенію къ монахамъ и священникамъ?».

Царь велѣлъ показать гостямъ всѣ зданія и отдѣленія своего монастыря, и они удивились его крѣпкимъ, изящнымъ и богато украшеннымъ постройкамъ, на которыя, какъ по секрету допытался Павелъ, было уже истрачено 378.000 динаровъ (рублей), а они еще не были окончены. Въ одномъ углу монастыря былъ устроенъ родъ отдѣльной обители, съ особымъ настоятелемъ, собственно для увѣчныхъ, слѣпыхъ, разслабленныхъ и заразнобольныхъ монаховъ. Эта обитель еще не была достроена, означенные монахи еще находились въ своемъ прежнемъ деревянномъ помѣщеніи. Царь повелъ къ нимъ патріарха, чтобы онъ благословилъ этихъ «братьевъ Христовыхъ» и прочелъ надъ ними молитву. Антіохійцы были поражены отвратительнымъ зловоніемъ сего помѣщенія и едва могли его выносить; а царь подходилъ къ каждому больному послѣ патріаршаго благословенія, и цѣловалъ его въ голову, уста и руки. Въ разговорѣ съ Макаріемъ Алексѣй Михайловичъ горько жаловался на бывшую моровую язву, послѣ которой въ Саввиномъ монастырѣ изъ 300 слишкомъ монаховъ осталось только 170.

Вечеромъ, повидимому того же воскресенья, Алексѣй Михайловичъ уѣхалъ изъ Саввина монастыря, одѣливъ священниковъ, простыхъ монаховъ и нищихъ деньгами, которыя были для сего заранѣе приготовлены и завернуты въ бумажки. Но онъ отправился не прямо въ Москву, а заѣхалъ на одинъ день еще въ одну обитель.

1-го февраля Никонъ возвратился изъ своей поѣздки въ Иверскій монастырь, и царь выѣхалъ къ нему навстрѣчу за 20 верстъ. Игумны монастырей, по обычаю, поздравили патріарха съ пріѣздомъ, и поднесли ему иконы и хлѣбъ-соль. Спустя три дня, происходило новое церковное торжество, по случаю прибытія въ Москву креста изъ Честного Древа, которымъ воевода В. В. Бутурлинъ овладѣлъ при взятіи Люблина. Царь, патріархъ, бояре и народъ послѣ молебствія съ умиленіемъ прикладывались къ нему въ Успенскомъ соборѣ; потомъ совершено было ночное бдѣніе, а на слѣдующій день торжественное патріаршее служеніе; установлено и ежегодное празднованіе въ этотъ день. Крестъ величиной въ палецъ длины и ширины былъ помѣщенъ въ коробочку, имѣющую подобіе книжки и устроенную изъ серебра и хрусталя. Благодаря сему пріобрѣтенію, царь дозволилъ тѣло опальнаго воеводы (Бутурлина) привезти изъ Кіева въ Москву и похоронить въ Чудовѣ монастырѣ.

Около этого времени антіохійцамъ удалось видѣть партію Донскихъ казаковъ, которые со своимъ атаманомъ пріѣхали и доложили царю объ ихъ удачномъ походѣ въ Черное море на 40 чайкахъ. На каждой было по 90 человѣкъ, изъ которыхъ обыкновенно одна половина гре-

бетъ, а другая сражается, и такъ они чередуются. Казаки сначала взяли турецкую крѣпость Тамань, и прислали гонцовъ къ царю съ вопросомъ, что съ ней дѣлать. По его приказу разрушили ее, пушки бросили въ море, взяли большую добычу и поплыли отсюда къ Синопскому берегу, гдѣ произвели большія опустошенія, послѣ чего съ добычей и плѣнными вернулись на Донъ. Сюда явились родственники плѣнныхъ и многихъ выкупили. А остальныхъ казаки привезли въ Москву и тутъ продали ихъ вмѣстѣ съ своей добычей, состоявшей изъ разныхъ вещей, золота, серебра и турецкихъ монетъ (османіе). Антіохійцы дивились, смотря на мужественную наружность и высокій ростъ Донскихъ казаковъ. Вскорѣ затѣмъ отъ кизильбаша, т.-е. персидскаго шаха, пришло письмо съ московскимъ гонцомъ, котораго царь посылалъ къ шаху по дѣлу грузинскаго царя Теймураза. За прочтеніемъ этого письма Посольскій приказъ обратился къ Павлу Алеппскому.

Въ воскресенье мясопуста послѣ обѣдни Никонъ повелъ антіохійцевъ къ трапезѣ въ свою новую Крестовую палату, и тутъ они имѣли случай наблюдать его обращеніе съ однимъ юродивымъ или «человѣкомъ Божьимъ», по имени Купріаномъ, который ходилъ голымъ по улицамъ и котораго Москвичи очень почитали. Патріархъ посадилъ его подлѣ себя за столъ, собственными руками подавалъ ему кушанья, поилъ изъ серебряныхъ кубковъ и остававшіяся въ нихъ капли самъ проглатывалъ. Любопытны далѣе у Павла Алеппскаго описанія: Прощенаго дня, когда вельможи явились къ царю и патріарху просить прощенія; службы въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, куда были переведены монахини изъ нѣкоторыхъ украинскихъ монастырей; торжественнаго богослуженія въ недѣлю Православія, т.-е. въ первое Воскресеніе Великаго поста, когда съ одной стороны возглашали анаѳему еретикамъ и грѣшникамъ, а съ другой пѣли вѣчную память военачальникамъ, убитымъ на войнѣ съ Ляхами. Мало того, за этой службой вынимали изъ ящика листы бумаги и читали имена всѣхъ простыхъ ратниковъ, убитыхъ въ послѣдніе два года и пѣли имъ вѣчную память, какъ павшимъ за вѣру. Служба сія тянулась такъ долго, что по словамъ Павла, антіохійцы чуть не падали отъ усталости, а ноги ихъ совсѣмъ замерзли на холодномъ полу.

Патріархъ Макарій и его свита, зажившіеся въ Москвѣ, начали скучать по родинѣ и усердно просили царя объ отпускѣ. Алексѣй Михайловичъ, наконецъ, согласился и отпустилъ патріарха, щедро одаривъ его. 23-го марта на пятой недѣлѣ великаго поста антіохійцы выѣхали изъ Москвы; но едва они съ большимъ трудомъ по причинѣ распутицы добрались до Болхова и встрѣтили тамъ праздникъ Пасхи, какъ приска-

калъ царскій гонецъ и воротилъ патріарха назадъ. Гонецъ объявилъ, что царь имѣетъ нужду въ немъ для важныхъ тайныхъ духовныхъ дѣлъ. На этомъ обратномъ пути отъ греческихъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Москвы, патріархъ услыхалъ, что царь поссорился съ Никономъ вслѣдствіе высокомѣрія и грубости послѣдняго. Неизвѣстно, изъ-за чего собственно вышла ссора; узнали только, что вспыльчивый Алексѣй Михайловичъ въ пылу спора съ Никономъ назвалъ его мужикомъ, т.-е. невѣжей, и на замѣчаніе, что онъ ему духовный отецъ, отвѣчалъ, что предпочитаетъ имѣть отцомъ Антіохійскаго патріарха—и немедля послалъ вернуть сего послѣдняго. Однако, когда Макарій пріѣхалъ опять въ Москву, онъ не могъ добиться точнаго отвѣта на вопросъ, зачѣмъ его вернули. Самъ Никонъ ему объявилъ, что его присутствіе нужно для участія въ церковномъ соборѣ, который тогда былъ созванъ по вопросу о крещеніи Ляховъ. Макарій сталъ на сторону того мнѣнія, которое считало новое крещеніе папистовъ несогласнымъ съ церковными правилами. Царь согласился съ нимъ и въ этомъ смыслѣ издалъ указъ. Потомъ оказались и еще нѣкоторые поводы къ возвращенію Антіохійскаго патріарха, а именно, участіе въ осужденіи новой аріанской ереси (протопопъ Нероновъ) и прибытіе въ Москву молдавскаго митрополита Гедеона. Этотъ митрополитъ пріѣхалъ въ сопровожденіи большой свиты посломъ отъ господаря или воеводы Стефана съ предложеніемъ подданства отъ него лично и отъ всей Молдавской земли. Но царь гнѣвался на воеводу за то, что онъ помогалъ Ляхамъ противъ казаковъ; вообще Алексѣй Михайловичъ не вѣрилъ въ искренность сего предложенія и считалъ его обманомъ, несмотря на предъявленныя посломъ письменныя увѣренія іерусалимскаго патріарха. Благодаря заступничеству Макарія, царь, наконецъ, смиловался и согласился на условія, о которыхъ просилъ воевода, а именно: помогать ему своимъ войскомъ противъ Татаръ и Турокъ, утвердить за нимъ пожизненное господарство, въ теченіи десяти лѣтъ не требовать дани и проч. Но дѣло ограничилось взаимными подарками и почестями; а дѣйствительное подданство, какъ и слѣдовало ожидать, не состоялось. Алексѣй Михайловичъ, однако, это время такъ высоко думалъ о своемъ могуществѣ и своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ православію, что обнаруживалъ желаніе ополчиться на мусульманъ и освободить отъ ихъ ига православный Востокъ. Эту свою мечту онъ высказалъ проживавшимъ въ Москвѣ греческимъ купцамъ, когда въ день Пасхи въ соборѣ подозвалъ ихъ къ себѣ и роздалъ имъ красныя яйца; о чемъ купцы разсказали потомъ антіохійцамъ.

Въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній патріархъ Макарій со свитою присутствовалъ въ соборѣ при хиротоніи Іосифа, архіепископа Астрахан-

скаго. Царь и оба патріарха сидѣли въ креслахъ на высокомъ помостѣ, на уступахъ котораго расположились архіереи; вокругъ амвона стали шесть *халдеевъ* въ красныхъ кафтанахъ съ широкими рукавами и жезлами въ рукахъ, въ высокихъ красныхъ колпакахъ. Когда новопосвященный произнесъ исповѣданіе и началъ читать символъ вѣры, всѣ поднялись. За обѣдней совершено было его посвященіе. А потомъ во время царскаго стола онъ, окруженный халдеями и сопровождаемый боярами, ѣздилъ окроплять кремлевскія стѣны. На другой день онъ окропилъ вторую стѣну (Бѣлъ-городъ), а на третій остальную. Затѣмъ подносилъ подарки царю, патріарху и всему духовенству, присутствовавшему при его посвященіи.

На глазахъ Антіохійцевъ происходили и приготовленія къ задуманной царемъ Шведской войнѣ. По словамъ Павла Алеппскаго, въ Новгородъ и Псковъ отправлялись обозы съ боевыми и съѣсными припасами для войска. Между прочимъ, отправлена масса свиныхъ тушъ, по обычаю разрубленныхъ пополамъ для болѣе удобнаго ихъ вяленія. Запасы эти привозились изъ разныхъ областей, и даже изъ отдаленной Сибири. На рѣкахъ Каспле и Бѣлой строилась большая флотилія струговъ для сплава ратныхъ людей и запасовъ внизъ по Западной Двинѣ. Въ то же время отовсюду собирались ратные люди, которыхъ снабжали огнестрѣльнымъ оружіемъ, отчасти получавшемся изъ иностранныхъ государствъ, отчасти изготовленнымъ дома царскими оружейными мастерами. На военные расходы, кромѣ повсемѣстнаго денежнаго сбора по 25 коп. съ двора, съ архіерейскихъ домовъ и монастырей взималась десятая часть изъ ихъ казны и сельскохозяйственныхъ имуществъ; съ торговыхъ людей десятая часть ихъ капиталовъ, а съ служилыхъ людей, почему либо не явившихся лично или невыставившихъ положенное число ратниковъ, взимались особыя за то деньги. Такимъ образомъ царь приготовилъ средства для войны, не трогая собственной казны; при чемъ онъ будто бы архіереямъ и игуменамъ обѣщалъ по заключеніи мира взятое у нихъ возвратить вдвое.

Весною 1656 г. съ большою торжественностію выступила изъ Москвы рать, отправленная противъ Шведовъ. Вслѣдъ за тѣмъ и царь началъ готовиться въ походъ; при чемъ по своему обыкновенію онъ ѣздилъ на богомолье въ городскіе и загородные монастыри. Въ день Вознесенія (15 мая) состоялся его отъѣздъ изъ столицы, при обычныхъ церемоніяхъ, молебствіяхъ и колокольномъ звонѣ. Царь явился въ соборъ въ богатомъ одѣяніи; на головѣ его вмѣсто короны былъ колпакъ, осыпанный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и украшенный султаномъ на подобіе пера. Онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ сопровожденіи

12

многочисленной боярской свиты; а за каждымъ бояриномъ и вообще знатнымъ человѣкомъ слѣдовала толпа его собственной челяди, щеголявшей хорошимъ вооруженіемъ и господскими конями. За этой свитой двигались заводные кони въ роскошныхъ уборахъ, царскіе экипажи, стольники и другіе придворные чины, а затѣмъ стрѣльцы и прочее войско. На другой день рано поутру Никонъ, пригласивъ съ собой патріарха Макарія, въ экипажѣ поспѣшилъ въ принадлежавшее ему селеніе за нѣсколько верстъ отъ города, гдѣ у него былъ построенъ дворецъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ царя и угостилъ его и бояръ роскошною трапезой, продолжавшейся до поздняго вечера; послѣ чего царь простился съ обоими патріархами, принялъ отъ нихъ неоднократное благословеніе, сѣлъ въ карету, и уѣхалъ.

Недѣли черезъ двѣ патріархъ Макарій съ своей свитой былъ, наконецъ, отпущенъ изъ Москвы.

На этомъ обратномъ пути черезъ Кіевъ и Украйну Макарій заѣзжалъ въ Чигиринъ, мѣстопребываніе Хмѣльницкаго, который выслалъ ему на встрѣчу писаря Выговскаго, а потомъ сына своего Юрія съ мѣстнымъ духовенствомъ. Антіохійцевъ поразили глубокіе пески и болота, среди которыхъ расположенъ этотъ сильно укрѣпленный городъ, такъ что они невольно спрашивали, почему гетманъ выбралъ его резиденціей. Имъ отвѣтили: потому, что онъ лежитъ на границѣ съ Татарами. Изъ Чигирина патріархъ направилъ свой путь черезъ селеніе Суботово, гдѣ прежде жилъ старшій сынъ гетмана Тимофей и гдѣ теперь находилась его гробница, поставленная въ храмѣ св. Михаила, куда покойный отдалъ сокровища армянскихъ церквей, захваченныя имъ въ молдавскомъ городѣ Сучавѣ. Надъ гробницей его висѣла большая хоругвь съ портретомъ героя верхомъ на конѣ съ мечомъ въ правой рукѣ и съ булавой въ лѣвой и съ изображеніемъ Молдавіи на переднемъ планѣ. Въ Суботовѣ проживала его вдова, дочь молдавскаго господаря Василія; она нѣсколько разъ посѣтила владыку-патріарха, который, конечно по ея просьбѣ, совершилъ поминовеніе ея супруга при его гробницѣ. Она была окружена казацкими и молдавскими дѣвицами и подобно имъ была одѣта, какъ невольница, въ суконномъ колпакѣ, опушенномъ мѣхомъ. Павелъ прибавляетъ, что, владѣвшая четырьмя языками (валашскимъ, греческимъ, турецкимъ и русскимъ), бѣдная Роксанда, на которую отецъ истратилъ многія сокровища, чтобы вызволить ее изъ Царьграда, жила теперь вдали отъ родныхъ и родины, среди чужихъ людей, во дворцѣ среди укрѣпленія, окруженнаго окопами. Къ сожалѣнію, Павелъ Алеппскій оказался скупъ на болѣе подробныя извѣстія о вдовѣ Тимофея, а о самомъ Хмѣлѣ на сей разъ почти

ничего не сообщаетъ. Далѣе, по пути въ Молдавію патріархъ останавливался въ Умани въ домѣ полковника. На третій день полковникъ поѣхалъ съ нимъ въ казацкій *таборъ*, собранный по вѣстямъ о выступленіи въ походъ татарскаго хана. Когда патріархъ преподалъ свое благословеніе, казаки съ ликованіемъ стрѣляли изъ ружей и поднимали на дыбы своихъ коней, а затѣмъ дали ему отрядъ, проводившій его по дорогамъ, опаснымъ отъ разбойничьихъ шаекъ.

Алексѣй Михайловичъ направилъ свой походъ на Шведовъ черезъ Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ. Когда онъ прибылъ въ послѣдній городъ, то игуменъ Богоявленскаго монастыря Игнатій Іевличъ привѣтствовалъ его торжественнымъ словомъ. Здѣсь царь видѣлся съ цесарскимъ посольствомъ Аллегрети, которое ѣхало на Псковъ. А отсюда оно отправилось въ Вильну, чтобы служить посредниками при переговорахъ Русскихъ съ Поляками. Отсюда же царь послалъ своихъ уполномоченныхъ на Виленскій съѣздъ.

Шведскія войска были разсѣяны въ Польшѣ и Сѣверной Литвѣ, а потому вторженіе царской рати въ Шведскую Ливонію, въ іюлѣ 1656 г., началось рядомъ успѣховъ. 30 числа взятъ приступомъ Динабургъ, который былъ переименованъ царемъ въ Борисоглѣбскъ потому, что въ немъ онъ построилъ церковь во имя Бориса и Глѣба. А спустя двѣ недѣли также штурмомъ взятъ сильно укрѣпленный Кокенгузенъ; здѣсь государь поставилъ церковь во имя св. царевича Дмитрія, а потому переименовалъ городъ въ Дмитріевъ; воеводою въ немъ назначилъ А. Л. Ордына-Нащокина, который немедля разослалъ сосѣдней литовской шляхтѣ грамоты, призывая ее ополчиться противъ Шведовъ. Взявъ еще нѣсколько замковъ, царь свои главныя силы сухопутьемъ и рѣкой Двиной направилъ къ Ригѣ. Часть рати заранѣе была отправлена изъ Новгорода съ княземъ А. Н. Трубецкимъ, Ю. А. Долгоруковымъ и Сем. Ром. Пожарскимъ на Юрьевъ или Дерптъ. Въ то же время отдѣльные отряды наши напали на шведскія владѣнія по рѣкѣ Невѣ и берегамъ Финскаго залива и Ладожскаго озера, т.-е. пытались отвоевать обратно тѣ русскія земли, которыя остались за Шведами по Столбовскому договору. Русскіе взяли крѣпость Ніеншанцъ и осадили Корелу и Орѣшекъ.

Въ началѣ августа къ Ригѣ подступилъ князь Яковъ Куденотовичъ Черкасскій, и сталъ на Задвинской сторонѣ; а затѣмъ съ остальными полками подошелъ самъ царь, сопровождаемый престарѣлымъ генераломъ Лесли, и расположился по другую сторону. Иностранныя извѣстія опредѣляютъ число осаднаго войска въ 100.000 слишкомъ. Во

всякомъ случаѣ оно было огромно въ сравненіи съ малочисленнымъ гарнизономъ, хотя къ послѣднему присоединились вооруженные граждане. Русскіе опустошили и сожгли подгородніе дворы и строенія; насыпали шанцы, поставили батареи, и начали громить городъ снарядами изъ большихъ орудій и мортиръ. Осадныя работы велись иностранными инженерами подъ общимъ руководствомъ генерала Лесли. Русскіе еще въ началѣ осады успѣли овладѣть внѣшними земляными валами и городскими предмѣстьями съ ихъ садами и рощами, которые послужили прикрытіемъ для траншейныхъ работъ. Но губернаторъ рижскій графъ Габріель Дела-Гарди оборонялся искусно и мужественно; благодаря свободному сообщенію по Двинѣ съ ея устьемъ, онъ успѣлъ получить подкрѣпленія, дѣлалъ удачныя вылазки и особенно нанесъ большой уронъ Русскимъ, истребивъ часть ихъ судовъ, нагруженныхъ боевыми и съѣстными припасами. Вообще осада пошла неудачно и затянулась; что объясняется отчасти недостаткомъ у насъ военнаго или собственно осаднаго искусства, а отчасти измѣной нѣкоторыхъ иностранныхъ офицеровъ, которые служили въ нашихъ солдатскихъ полкахъ и перебѣжали къ непріятелю. Несмотря на совѣты Лесли и другихъ объ отступленіи, царь все еще упорствовалъ и продолжалъ осаду. Межъ тѣмъ наступили осеннее ненастье и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ разоренной странѣ; голодные солдаты и стрѣльцы начали убѣгать изъ лагеря цѣлыми партіями. Царь уже сталъ готовиться къ снятію осады и хотѣлъ только еще разъ попытать счастья рѣшительнымъ штурмомъ; но, извѣщенные измѣнниками, Шведы предупредили его. 2 октября они рано поутру вышли съ большими силами и энергично ударили на русскіе шанцы. Имъ удалось разбить солдатскіе полки Циклера, Ренарта, Англера, Юнгмана и приказъ срѣльцовъ. Мы потеряли до 2000 человѣкъ и 17 знаменъ (а вся осада стоила намъ до 15,000). Тогда Алексѣй Михайловичъ далъ приказъ къ отступленію, которое произведено было и сухопутьемъ, и рѣкой Двиной. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него послужила послѣдовавшая вскорѣ (12 октября) сдача Дерпта или Юрьева Ливонскаго князю А. Н. Трубецкому съ товарищи, которые жителей его привели къ присягѣ на вѣрность государю. Такимъ образомъ въ нашихъ рукахъ осталась восточная полоса Лифляндіи, опиравшаяся съ одной стороны на крѣпости Борисоглѣбскъ и Царевиче-Дмитріевъ, съ другой на Юрьевъ, Нейгаузенъ и Маріенбургъ, которые царь усилилъ и снабдилъ достаточнымъ гарнизономъ и всякими запасами.

Въ то время въ Вильнѣ происходили переговоры московскихъ и польскихъ уполномоченныхъ. Во главѣ первыхъ стояли ближній бояринъ князь Никита Ив. Одоевскій и окольничіе Ив. Ив. Лобановъ-Ростовскій и Вас.

Александр. Чоглоковъ; а во главѣ вторыхъ плоцкій воевода Янъ Казиміръ Красинскій, маршалокъ в. княжества Литовскаго Кристофъ Завиша и виленскій помпатъ-бискупъ, тоже Завиша. Посредничали въ этихъ переговорахъ тѣже австрійскіе послы Аллегрети и Лорбахъ. Они явно держали польскую сторону, когда шли споры о предѣлахъ: Русскіе потребовали уступки всего в. княжества Литовскаго и уплаты военныхъ издержекъ; а Поляки хотѣли возвращенія всѣхъ завоеваній и возмѣщенія убытковъ. Когда же отъ этихъ споровъ, по почину Одоевскаго, вопросъ перешелъ на избраніе царя польскимъ королемъ, то, какъ истый іезуитъ, Аллегрети не замедлилъ проявить свое коварство: въ Москвѣ онъ подавалъ надежду на избраніе царя польскимъ королемъ, а теперь на Виленскомъ съѣздѣ, какъ скоро наши уполномоченные заговорили о томъ, онъ объявилъ, что присланъ императоромъ только хлопотать о мирѣ; что же касается польской короны, то для нея есть у цесаря братья, дѣти и племянники. Зато польскіе комиссары на словахъ показывали большое расположеніе къ избранію царя и дѣлали видъ, что это избраніе не подлежитъ сомнѣнію; но разумѣется прибавляли, что избраніе принадлежитъ будущему Варшавскому сейму, на который должно быть отправлено изъ Москвы особое полномочное посольство. Въ этомъ смыслѣ была составлена и 27 октября обѣими сторонами подписана договорная запись. Первая статья этого предварительнаго договора постановила на будущемъ сеймѣ произвести избраніе Алексѣя Михайловича преемникомъ Яну Казиміру, при чемъ царь заранѣе обязывался охранять въ Рѣчи Посполитой права и привилегіи равно какъ Католической, такъ и Греческой вѣры. Но это были статьи показныя, а главная суть заключалась въ тѣхъ статьяхъ, которыя постановляли не только прекратить всякія враждебныя дѣйствія русскихъ войскъ въ Польшѣ и Литвѣ, но и соединиться съ Поляками противъ общаго непріятеля, Шведскаго короля. Въ дѣйствительности Русскіе уже прекратили дальнѣйшее наступленіе на Польшу и, какъ мы видѣли, уже вступили въ войну со Шведами. Русскіе уполномоченные, разыгравшіе на Виленскомъ съѣздѣ въ сущности жалкую роль людей недальновидныхъ, поддавшихся наглому обману, послали къ государю дворянина (Астафьева) съ донесеніемъ о заключеніи перемирія и «обраніи его королемъ Польскимъ и в. княземъ Литовскимъ».

Государь только что прибылъ въ Полоцкъ на обратномъ пути изъ подъ Риги, когда онъ 31 октября получилъ донесеніе отъ кн. Одоевскаго съ товарищи. Послѣ того, во время его присутствія на торжественномъ служеніи въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, игуменъ Богоявленскаго монастыря Игнатій Іевличъ въ обращенной къ нему рѣчи

привѣтствовалъ государя какъ новоизбраннаго на престолъ Польши и Литвы. Алексѣй Михайловичъ былъ такъ доволенъ означеннымъ донесеніемъ и такъ вѣрилъ въ свое избраніе, что тотчасъ по полученіи о томъ извѣстія послалъ вѣдавшему въ его отсутствіе столицею боярину князю Гр. Сем. Куракину указъ объ отправленіи въ соборѣ и другихъ храмахъ благодарственнаго молебствія за побѣды надъ Шведами и за избраніе его преемникомъ Польскаго короля. Событія конечно показали потомъ, что и то и другое торжества были преждевременны. Но Поляки конечно имѣли нужду пока поддерживать свой обманъ. Особенную преданность царю показывалъ польный литовскій гетманъ Винцентій Гонсѣвскій, и Алексѣй Михайловичъ, еще пребывая въ Полоцкѣ, послалъ ему со стольникомъ Артамономъ Матвѣевымъ богатые подарки, именно семь сороковъ соболей, цѣною въ 700 рублей. Когда царь, направляясь къ Москвѣ, прибылъ въ Смоленскъ, тутъ явился къ нему посланный изъ Вильны польскими коммиссарами шляхтичъ Янъ Корсакъ и въ торжественной аудіенціи 21 ноября отъ ихъ имени сказалъ ему пышную польскую рѣчь, въ которой именовалъ его «обраннымъ королемъ Польскимъ и в. княземъ Литовскимъ». При семъ онъ просилъ царя въ знакъ его милости къ своимъ будущимъ подданнымъ отодвинуть свои войска назадъ за рѣку Березину, подъ предлогомъ, чтобы обыватели в. княжества Литовскаго могли свободно выбрать и снабдить полномочіями своихъ пословъ на предстоящій сеймъ, на которомъ должно произойти окончательное избраніе его самого. Подобная слишкомъ дерзкая просьба конечно не была исполнена. Въ мартѣ слѣдующаго 1657 года въ Москву прибыли еще польскіе послы съ извѣстіями все о томъ же избраніи Алексѣя Михайловича, на сей разъ въ Калишѣ сенаторскою радою; при чемъ она отклонила искательство польской короны со стороны венгерскаго князя Ракочи. Однако формальнаго сеймового избранія пришлось долго ждать. Подъ предлогомъ вновь появившагося мороваго повѣтрія сеймъ былъ отложенъ, и назначенное для него московское посольство не состоялось.

Тою же весной возобновились военныя дѣйствія противъ Шведовъ въ Ливоніи; но очевидно неудачная осада Риги послужила поворотнымъ пунктомъ въ этой Московско-Шведской войнѣ; хотя она продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ, и хотя Датскій король, понуждаемый Московскимъ царемъ, также началъ войну со Шведами, однако перевѣсъ явно сталъ склоняться на сторону послѣднихъ, владѣвшихъ вполнѣ европейскимъ военнымъ искусствомъ и лучше предводимыхъ (Делагарди, Лёвенъ, Горнъ, Крузе и друг.). Дела-Гарди и воевода Царевиче-Дмитріева Аѳанасій Лавр. Ордынъ-Нащокинъ нѣкоторое время

пытались завязать переговоры о перемиріи; но когда польный гетманъ литовскій Винцентій Гонсѣвскій, стоявшій съ войскомъ въ Курляндіи, покинулъ ее, взявъ большую контрибуцію, и ушелъ на Жмудь, шведскій полководецъ, перемѣнивъ тонъ, перешелъ въ энергичное наступленіе, и тѣмъ успѣшнѣе, что на помощь ему прибылъ изъ Кареліи генералъ Крузе. Наиболѣе важными событіями кампаніи сего года были взятіе приступомъ и разграбленіе Псково-Печерскаго монастыря и пораженіе Русскихъ подъ Валкомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, при чемъ былъ смертельно раненъ ихъ храбрый воевода Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ. А весною слѣдующаго 1658 года Русскіе потерпѣли неудачи подъ Нарвой и вновь отбитыми у нихъ Ямбургомъ и Ніеншанцомъ. Обѣ стороны желали прекращенія войны, а потому въ ноябрѣ сего года въ Валіесарѣ, недалеко отъ Нарвы, состоялся съѣздъ. Мирные переговоры началъ бывшій подъ этимъ городомъ воевода князь Ив. А. Хованскій. Продолжали ихъ со стороны Шведовъ Бельке и Горнъ, а со стороны Русскихъ кн. Прозоровскій и воевода Царевиче-Дмитріева городка Ордынъ-Нащокинъ. Послѣдній собственно и велъ переговоры. Русскіе потребовали не только уступки занятыхъ ими въ Ливоніи городовъ, но также Риги, Ревеля и Нарвы и кромѣ того возвращенія отошедшихъ по Столбовскому договору Кареліи и Ингріи. А Шведы мирились только на границахъ, опредѣленныхъ Столбовскимъ договоромъ. Вслѣдствіе столь несогласныхъ обоюдныхъ требованій, заключеніе прочнаго мира оказалось пока невозможнымъ, и согласились только на трехлѣтнее перемиріе (20 декабря 1658 г.), на основаніяхъ uti possidetis; такимъ образомъ, Россія удержала за собой занятую ею полосу Ливоніи. Царь былъ радъ этому перемирію и велѣлъ праздновать его колокольнымъ звономъ и пушечной пальбою. Дѣло въ томъ, что въ это время уже вполнѣ обнаружился польскій обманъ, и возобновлялась война съ Польшей за Малороссію. Но и Шведы также были довольны; ибо ни война ихъ съ Поляками, ни враждебныя отношенія съ Даніей не прекращались.

Главнымъ воеводою въ занятой Русскими части Ливоніи попрежнему остался Ордынъ-Нащокинъ. Это былъ псковскій дворянинъ, отличившійся своею преданностію Московскому правительству въ эпоху извѣстнаго псковскаго мятежа. Во время Польской войны мы его видѣли воеводою въ Друѣ на Западной Двинѣ, гдѣ онъ проявилъ свои дипломатическія способности сношеніями съ нейтральнымъ курляндскимъ герцогомъ Яковомъ и сообщеніемъ въ Москву (въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ) разныхъ извѣстій и слуховъ о дѣлахъ сосѣднихъ странъ. Мы видѣли также, что въ его донесеніяхъ съ самаго начала проглядываетъ наклонность къ примиренію съ Польшею и явная непріязнь къ Шведамъ,

и онъ не мало постарался къ возбужденію противъ нихъ Алексѣя Михайловича. Затѣмъ онъ отличился во время Шведской войны, и получилъ воеводство опять на Западной Двинѣ, именно въ Царевиче-Дмитріевомъ городѣ (Кукейносѣ), занимавшемъ важное стратегическое положеніе: съ одной стороны сей городъ былъ близокъ къ Ригѣ, а съ другой по той же Двинѣ изъ Витебска и Полоцка сюда шли съѣстные и боевые припасы и подкрѣпленія для войскъ, занимавшихъ сосѣднюю Ливонію. Отсюда Нащокинъ продолжаетъ слѣдить за политикой и военными событіями разныхъ странъ и доносить обо всемъ царю. Но его донесенія иногда не вѣрны, такъ какъ нерѣдко основывались на пустыхъ слухахъ и ложныхъ сообщеніяхъ, и большею частію односторонни, т.-е. направлены болѣе или менѣе въ пользу Поляковъ. Особенно живую переписку онъ поддерживалъ съ польнымъ литовскимъ гетманомъ Винцентіемъ Гонсѣвскимъ, который коварно льстилъ ему и царю, явно стараясь возбудить ихъ противъ Шведовъ; при чемъ гетманъ не забывалъ о своихъ личныхъ интересахъ, т.-е. о своихъ маетностяхъ въ области занятой Русскими, а также о полученіи отъ царя возможно болѣе всякихъ милостей. Донесенія Нащокина тѣмъ болѣе оказывали вліяніе въ Москвѣ, что вновь разразившееся въ 1658 году моровое повѣтріе въ Литвѣ и Ливоніи сильно затруднило полученіе оттуда извѣстій; самъ царь жаловался на недостатокъ сихъ извѣстій въ грамотахъ къ своимъ воеводамъ. Изъ тѣхъ же донесеній видимъ, что возвышеніе незнатнаго Нащокина и возрастающее довѣріе къ нему царя вызывали зависть и недоброжелательство со стороны другихъ воеводъ. Нащокинъ, выставляя на видъ свою усердную службу, не разъ жалуется Алексѣю Михайловичу на интриги завистниковъ, особенно на псковскаго воеводу Ив. Андр. Хованскаго. Онъ называетъ Псковичей «искони шаткимъ народомъ», и, между прочимъ, сѣтуетъ на распространяемые изъ Пскова слухи о враждебныхъ намѣреніяхъ Польскаго короля, каковые слухи удержали псковскихъ воеводъ отъ похода на Шведовъ; послѣднихъ допустили разорить Печерскіе и Гдовскіе посады; а послѣ, когда пришелъ Гонсѣвскій въ Лифляндію и потѣснилъ Шведовъ до самой Перновы, тогда эти слухи оказались ложными.

Гонсѣвскій (и в. литовскій гетманъ Сапѣга), продолжая льстить, тѣмъ не менѣе отказывался принести присягу на подданство царю какъ в. князю Литовскому, и это обстоятельство Нащокинъ со словъ самого Гонсѣвскаго оправдываетъ тѣмъ, что польный гетманъ хотѣлъ послужить государю на предстоявшемъ Варшавскомъ сеймѣ (по дѣлу объ избраніи на Польскій престолъ), въ которомъ онъ не могъ бы участвовать, если бы уже далъ присягу на московское подданство. (На этотъ Вар-

шавскій сеймъ Нащокинъ послалъ съ Гонсѣвскимъ собственнаго сына Воина въ качествѣ московскаго агента). Мало того, несмотря на прошлую неудачу, онъ, конечно подъ вліяніемъ того же Гонсѣвскаго, пытается побудить царя къ новому походу на Ригу въ соединеніи съ Поляками и сообщаетъ, будто мѣщане Рижскіе ждутъ только прихода большого царскаго войска, чтобы сдать ему городъ. Разумѣется, въ сущности Поляки надѣялись съ помощью Москвы отвоевать назадъ Ригу со всей Ливоніей. А между тѣмъ, по донесеніямъ псковскихъ воеводъ, которымъ подчиненъ былъ полузавоеванный Юрьевскій уѣздъ, раздраженная своимъ разореніемъ и грабительствами московскихъ ратныхъ людей, мѣстная *Чухна* измѣняла Русскимъ и подводила на нихъ непріятельскія партіи, такъ что эти партіи прекращали сообщенія Пскова съ Юрьевымъ. Мѣщане юрьевскіе то же колебались въ вѣрности, тайно давали вѣсти Шведамъ, и многіе Юрьевцы убѣгали въ шведскіе отряды. Жалобы Нащокина на такихъ знатныхъ людей, какъ псковскій воевода кн. Хованскій, повидимому, не имѣли успѣха; но другіе, менѣе значительные люди, не желавшіе подчиняться неродовитому Нащокину, подвергались суровымъ взысканіямъ. Напримѣръ, тотъ же Гонсѣвскій написалъ Нащокину, что воевода борисоглѣбскій (динабургскій) Ѳедоръ Баскаковъ приказываетъ насильно, именемъ царскимъ, выводить въ свой городъ мѣщанъ изъ сосѣднихъ Литовскихъ мѣстъ; слухъ о чемъ можетъ-де отвратить и дальнихъ жителей отъ подданства царю. На убѣжденія и отписки Нащокина Баскаковъ отвѣчалъ дерзко и ставилъ ихъ ни во что. Аѳанасій Лаврентьевичъ въ февралѣ 1658 года послалъ въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ жалобу на ослушаніе Баскакова государеву указу; а въ мартѣ капитанъ Захаровъ изъ Царевиче-Дмитріева ѣздилъ въ Борисоглѣбскъ, и, по государеву повелѣнію, чинилъ Баскакову наказанье: «за ослушанье билъ батоги въ съѣзжей избѣ при многихъ начальныхъ людяхъ солдатскаго строю». Въ апрѣлѣ свое расположеніе и довѣріе къ Ордыну-Нащокину царь выразилъ пожалованіемъ его въ думные дворяне, каковое пожалованіе сопровождалось милостивою царскою грамотою (рескриптомъ), которая хвалитъ его за многія службы, радѣніе великому государю, за «исполненіе заповѣдей Божьихъ и смѣлое стояніе противъ городовъ Свейскаго короля». ([16]).

Въ то время, какъ молодой Московскій царь увлекался обманчивымъ призракомъ ненужной ему Польской короны и несвоевременной войной со Шведами, отношенія съ Малороссійскимъ казачествомъ и его гетманомъ начали замѣтно портиться и усложняться. Послѣ радужныхъ надеждъ, возбужденныхъ подданствомъ Украйны подъ высокую царскую

руку, при болѣе близкомъ взаимномъ знакомствѣ съ обѣихъ сторонъ началось постепенное разочарованіе, возникли разныя столкновенія и недоразумѣнія. Казацкая старшина, по воспитанію и привычкамъ примыкавшая къ западно-русской шляхтѣ и вмѣстѣ съ нею проникнутая вліяніемъ польской культуры, находила Москвитянъ и даже ихъ высшій или боярскій и дворянскій слой слишкомъ грубыми и невѣжественными; а Московскіе люди съ своей стороны скоро стали замѣчать непостоянство, шатость Украинскаго населенія и своекорыстныя побужденія казацкой старшины. Неудовольствія возникали по преимуществу на почвѣ матеріальныхъ, имущественныхъ столкновеній. Какъ изъ Украйны казаки и посполитые люди отъ притѣсненій властей и землевладѣльцевъ уходили толпами въ Московскіе предѣлы и населяли тамъ цѣлыя слободы, такъ, наоборотъ, изъ ближнихъ Московскихъ уѣздовъ многіе крестьяне и холопы (хотя сравнительно съ украинцами все-таки въ гораздо меньшемъ числѣ), избѣгая крѣпостного состоянія, убѣгали на Украйну и селились тамъ, а нѣкоторые приписывались къ казацкому сословію. Помѣщики конечно подаютъ царю умильныя челобитныя, жалуясь на свои отъ того разоренія и невозможность исправно отбывать царскую службу; а царь приказываетъ бѣглыхъ разыскивать по Черкасскимъ городамъ и селамъ и возвращать помѣщикамъ; но мѣстныя власти ихъ нерѣдко скрывали или просто не выдавали; отсюда пошли жалобы и неудовольствія. Но что наиболѣе возбуждало непріязнь, это взаимные драки и грабежи военныхъ людей той и другой стороны. Особенно часты были оии въ Бѣлоруссіи, которую на ряду съ московскими войсками занимали и казацкіе отряды; и тѣ, и другіе не только грабили и разоряли мѣстныхъ обывателей или шляхтичей-землевладѣльцевъ и ихъ крестьянъ, но и грабили другъ друга. Послѣ ея завоеванія Алексѣемъ Михайловичемъ здѣсь стали даже формироваться и селиться новые казацкіе полки.

Видимъ нерѣдкія жалобы и казаковъ, и мѣстныхъ жителей на московскихъ ратныхъ людей, которые, будучи посланы воеводами въ уѣзды для собиранія съѣстныхъ припасовъ (стацей), предавались грабежу скота, платья, хлѣба и всякаго имущества у обывателей. Но и казаки въ свою очередь проявляли еще болѣе хищные инстинкты: они иногда цѣлыми шайками рыскали по уѣздамъ для грабежа мѣстныхъ жителей и даже Москвитянъ тамъ, гдѣ встрѣчали ихъ въ меньшемъ числѣ. Многіе бѣлорусскіе крестьяне записывались въ казаки и потомъ грабили своихъ же земляковъ. Особенно свирѣпствовали казаки Чаусскаго полку, Ивана Нечая, который смѣнилъ въ Бѣлоруссіи наказного гетмана Золоторенка и сталъ именовать себя полковникомъ Бѣлорусскимъ. По жалобѣ мо-

сковскихъ воеводъ, царь велѣлъ произвести строгое разслѣдованіе, и гетманъ Хмѣльницкій послалъ для того въ Бѣлоруссію кіевскаго полковника Антона Ждановича. Послѣдній нашелъ жалобы отчасти справедливыми, и нѣкоторыхъ казаковъ присудилъ или къ повѣшенію, или къ наказанію кіями, но самого Нечая оправдалъ на томъ основаніи, будто бы грабежи, поджоги и убійства дѣлались казаками безъ его вѣдома и вопреки его запрещеніямъ (1656 г.). Затѣмъ изъ Москвы отправленъ былъ въ Бѣлоруссію стольникъ Леонтьевъ для разбора жалобы казацкихъ сотенъ на грабежи, убійства и насилія, которыя онѣ терпѣли отъ воеводъ Могилевскаго и Мстиславскаго (князей И. Б. Репнина и Дашкова). Но розыскъ этотъ, повидимому, не привелъ ни къ какимъ существеннымъ послѣдствіямъ или мѣрамъ, такъ что Московско-украинскія отношенія не улучшались и готовы были обостриться еще болѣе.

Важнѣе всего было то обстоятельство, что самъ казацкій батько, старый гетманъ, показывалъ явное неудовольствіе противъ перемѣны въ Московско-польскихъ отношеніяхъ и сталъ вести собственную политику.

Съ огорченіемъ узналъ онъ о началѣ войны Москвитянъ со Шведами, о прекращеніи первыми военныхъ дѣйствій противъ Поляковъ и о Виленскомъ съѣздѣ уполномоченныхъ. Онъ отправилъ было также своихъ комиссаровъ для участія въ этомъ съѣздѣ; но они не были къ тому допущены, и, воротясь къ гетману, припадая къ его ногамъ, со слезами на глазахъ разсказали ему о своей неудачѣ; передавали ему и рѣчи Ляховъ, которые подъ видомъ тайны сообщили имъ, будто московскіе комиссары уговорились съ польскими возобновить Поляновскій договоръ и слѣдовательно вновь отдать Полякамъ Малую Русь. Хмѣльницкій сильно вспылилъ и сталъ говорить, что онъ отступитъ отъ христіанскаго царя и поддастся бусурманскому. Созванные имъ на совѣтъ полковники едва могли его успокоить, выражая свое недовѣріе къ рѣчамъ коварныхъ Ляховъ. Алексѣй Михайловичъ увѣдомилъ гетмана о перемиріи съ Поляками и постановленіяхъ Виленской комиссіи. На это увѣдомленіе гетманъ въ декабрѣ 1656 года отправилъ отвѣтъ почтительный, но исполненный сомнѣній. Онъ ссылался на извѣстныя неправды Ляховъ, предсказывалъ, что они договора своего относительно выбора въ короли не исполнятъ, и конечно, какъ всегда, будутъ отлагать это дѣло отъ одного сейма до другого. Въ доказательство ихъ коварства сообщалъ, что они во время самыхъ виленскихъ переговоровъ послали къ цесарю съ предложеніемъ короны его родному брату, а прежде того предлагали ту же корону Ракочію. Хмѣльницкій лучше зналъ польскіе политическіе пріемы и обстоятельства и былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ и предсказаніяхъ. Напрасно Алексѣй Михайловичъ пы-

тался ввести его въ свои виды и помирить съ Поляками; ошибка была сдѣлана непоправимая: Виленскимъ договоромъ и перемиріемъ московское правительство Поляковъ къ себѣ не привлекло, а казаковъ въ значительной мѣрѣ оттолкнуло или охладило.

Въ Москвѣ стали получаться изъ Украйны извѣстія о томъ, что гетманъ, вопреки статьямъ о подданствѣ, принимаетъ пословъ отъ сосѣднихъ владѣтелей, заключаетъ съ ними трактаты и вообще ведетъ самостоятельную политику, хотя по наружности остается какъ-бы вѣренъ царю и пишетъ ему почтительнѣйшія грамоты. Межъ тѣмъ Хмѣльницкій продолжалъ дружить со Шведскимъ королемъ и заключалъ оборонительные союзы съ Ракочіемъ Седмиградскимъ, господарями Молдавскимъ и Валахскимъ, а также велъ переговоры съ ханомъ Крымскимъ. Съ Карломъ X и Ракочіемъ онъ даже переговаривался о раздѣлѣ Польши, выговаривая себѣ владѣтельное вассальное положеніе въ Малой Россіи въ родѣ курфирста Браденбургскаго или герцога Курляндскаго. Великую Польшу и Западную Пруссію они назначали Шведскому королю, а Малую Польшу, Мазовію, Литву и Галицію—Ракочію. На основаніи такого договора Хмѣльницкій въ началѣ 1657 года отправилъ послѣднему на помощь противъ Поляковъ отрядъ войска подъ начальствомъ помянутаго полковника Антона Ждановича. Такимъ образомъ выходило вопіющее противорѣчіе: Московскій царь воевалъ со Шведами и мирился съ Поляками, а его подданный, казацкій гетманъ, наоборотъ, продолжалъ воевать съ Поляками и находился въ союзѣ со Шведами. Но въ Москвѣ понимали, что имѣя на шеѣ внѣшнюю войну, нельзя круто обойтись съ такимъ непослушнымъ подданнымъ, у котораго въ распоряженіи находилось 60,000 испытанной боевой силы, и потому относились къ нему осторожно. Царь посылаетъ гетману жалованье и мягко спрашиваетъ его о причинахъ его поведенія. Гетманъ по-прежнему ссылается на польское коварство, и въ доказательство извѣщаетъ, что отъ Яна Казиміра пріѣзжалъ къ нему волынскій каштелянъ Беневскій и уговаривалъ перейти на сторону короля, при чемъ увѣрялъ, что Виленскій договоръ о выборѣ царя никогда не будетъ исполненъ; съ этимъ предложеніемъ пріѣзжалъ къ нему и посланникъ отъ цесаря. Умалчивая о томъ, что отвѣчалъ польскому королю очень любезнымъ письмомъ, Хмѣльницкій въ апрѣлѣ чрезъ своего посланца Коробку увѣдомляетъ государя о новомъ коварствѣ Ляховъ: по извѣстію, полученному отъ Молдавскаго господаря, они готовятся ударить на Украйну въ союзѣ съ цесаремъ, Турецкимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ. Султану Ляхи обѣщали за то отдать сосѣднюю съ Молдавіей часть Украйны до Каменца Подольскаго включительно. Вмѣстѣ съ симъ увѣдомленіемъ гетманъ просилъ милости царской для своего шестнадцати-

лѣтняго сына Юрія, котораго, съ согласія полковниковъ, назначилъ своимъ преемникомъ на гетманствѣ.

Богданъ Хмѣльницкій еще не достигъ полной старости: ему было лѣтъ 60 съ небольшимъ. Но чрезвычайное напряженіе физическихъ и умственныхъ силъ за послѣднія десять лѣтъ, а также неумѣренное употребленіе горѣлки разстроили его крѣпкое здоровье; во время данныхъ переговоровъ онъ уже очень хворалъ, не являлся болѣе во главѣ казацкихъ полковъ и не выѣзжалъ изъ своего Чигирина. Очевидно, его озабочивала мысль о будущемъ страстно любимой Украйны и о судьбѣ собственной семьи. Безвременная смерть старшаго сына Тимоша, по всѣмъ признакамъ, не мало удручала старика, лишивъ его возможности оставить булаву надежному продолжателю своего рода и своего дѣла. Младшій сынъ Юрій не былъ похожъ на старшаго и не обѣщалъ казацкихъ доблестей. Тѣмъ не менѣе отецъ, очевидно лелѣявшій мысль быть родоначальникомъ собственной казацкой династіи, сосредоточилъ теперь на немъ свои надежды, старался дать ему приличное образованіе, и еще при жизни своей хотѣлъ обезпечить за нимъ гетманскую булаву. Ему конечно не трудно было склонить казацкую старшину на предварительное избраніе сына; но вслѣдъ за тѣмъ открылось, что его довѣренный помощникъ и самый близкій совѣтникъ, войсковой писарь Иванъ Выговскій, уже интриговалъ въ свою пользу и имѣлъ своихъ сторонниковъ, между прочимъ миргородскаго полковника Лѣсницкаго, которые и не хотѣли дать своего согласія на избраніе Юрія. Узнавъ о томъ, старый гетманъ сильно разсердился и едва не казнилъ Лѣсницкаго; а Выговскаго велѣлъ приковать ничкомъ къ землѣ. Однако, мольбы и слезы любимаго писаря тронули старика, и онъ простилъ его.

Въ апрѣлѣ 1657 года царь отправилъ въ Чигиринъ окольничаго Ѳед. Вас. Бутурлина и дьяка В. Михайлова для развѣдыванія о положеніи дѣлъ и для объясненій съ гетманомъ. На Украйнѣ царскихъ посланниковъ встрѣчали полковники и сотники и провожали ихъ отъ города до города, отъ села до села. 23 мая они пріѣхали въ Гоголево; здѣсь ихъ встрѣтилъ Остафій Выговскій, отецъ войскового писаря, съ священниками, съ крестами, иконами и хоругвями, и со своими двумя сыновьями, Даниломъ и Константиномъ. Проводивъ иконы и кресты въ церковь, Остафій позвалъ окольничаго и дьяка къ себѣ на обѣдъ. Тутъ они начали распрашивать о сношеніяхъ гетмана и Ракочія и посылкѣ послѣднему на помощь Ждановича съ войскомъ. Словоохотливый хозяинъ разсказалъ исторію съ возвращеніемъ казацкихъ посланцевъ съ Виленскего съѣзда и слезнымъ донесеніемъ гетману объ отдачѣ Украйны назадъ Ляхамъ. При семъ Остафій особенно распространялся

о томъ, что негодованію Хмѣльницкаго и его намѣренію отступить отъ Москвы особенно воспротивились сыновья Выговскаго, писарь Иванъ и Данило, женатый на дочери гетмана, Катеринѣ. Разсказалъ и о договорѣ его съ Ракочіемъ, чему опять-таки будто всѣми силами противился Иванъ Выговскій. Гетманъ же ошалѣлъ и въ болѣзни своей на всякаго сердится, такъ что впору бѣжать отъ него; на его неправду и злодѣйство никаками мѣрами не угодишь. «Если бы не ты, да не матка—будто бы говорилъ отцу писарь Иванъ Выговскій,—то я бы давно съ горя убѣжалъ отъ него къ его царскому величеству или въ иное государство». Тотъ же сынъ Иванъ, чтобы услужить царскому величеству, женился на православной шляхтянкѣ, дочери Богдана Статкевича, имѣвшаго маетности въ Оршанскомъ повѣтѣ; а младшій сынъ Константинъ женился на дочери Ивана Мещерскаго, и оба они хотятъ бить челомъ царю о маетностяхъ. Итакъ, семья Выговскихъ, предвидя близкій конецъ гетмана, явно пролагала пути къ своему дальнѣйшему возвышенію и обогащенію и усиленно льстила Московскому правительству.

3 іюня окольничій и дьякъ пріѣхали въ Чигиринъ. За 10 верстъ ихъ встрѣтилъ миргородскій полковникъ Григорій Лѣсницкій среди казацкаго табора, и сообщилъ, что онъ назначенъ наказнымъ гетманомъ и собирается въ походъ противъ Крымскаго хана, который стоитъ недалеко со своей ордой; сообщилъ также, что казаки очень опечалены слухомъ о гнѣвѣ на нихъ царскаго величества, который «не вѣсть за какія вины» хочетъ послать на нихъ свою рать. Окольничій и дьякъ отвѣчали, что подобные слухи распускаются недобрыми людьми для ссоры, и совѣтовали такимъ воровскимъ, смутнымъ рѣчамъ не вѣрить. За пять верстъ отъ Чигирина встрѣчали ихъ сынъ Богдана Юрій, писарь войсковой Выговскій и эсаулъ Ковалевскій съ отрядомъ конницы. Юрій, писарь и эсаулъ сошли съ коней и привѣтствовали окольничаго съ дьякомъ, вышедшихъ изъ рыдвановъ, послѣ чего всѣ сѣли на коней и отправились въ городъ. На другой день гетманъ прислалъ двухъ богато-осѣдланныхъ коней за царскими посланцами; но самъ онъ не вышелъ къ нимъ навстрѣчу, а принялъ у себя въ избѣ, повидимому, лежа на постелѣ, такъ какъ былъ очень слабъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій отъ царскаго имени посланцы вручили гетману государеву грамоту и роздали подарки ему, писарю, эсауламъ и наличнымъ полковникамъ; а затѣмъ просили гетмана выслушать о государскихъ дѣлахъ, о которыхъ имъ наказано говорить. Богданъ сослался на свою «велику скорбь» (болѣзнь), и сказалъ, что онъ велитъ выслушать ихъ войсковому писарю. Но москвичи настаивали на точномъ исполненіи своего наказа. Гетманъ отложилъ разговоръ о дѣлахъ на то время, когда ему будетъ полегче; а

между тѣмъ попросилъ гостей у него откушать. За обѣдомъ ихъ потчивали жена гетмана Анна и дочь Катерина, бывшая за Даниломъ Выговскимъ. Гетманъ тутъ же лежалъ на постели. Онъ велѣлъ налить себѣ серебряный кубокъ венгерскаго вина, всталъ, поддерживаемый другими, и выпилъ чашу за здоровье государя, проговоривъ многолѣтіе ему, царицѣ, всему царскому семейству, патріарху, боярамъ и христолюбивому воинству, послѣ чего опять повалился на постель. Послѣ обѣда Выговскій и Ковалевскій проводили московскихъ гостей до господы, и тутъ еще отъ имени гетмана потчивали ихъ винами венгерскимъ и волошскимъ.

Послѣ того, за болѣзнію гетмана, переговоры съ московскими посланниками началъ вести писарь Выговскій. Они настойчиво распрашивали его, зачѣмъ гетманъ заключаетъ союзы со Шведскимъ королемъ, Ракочіемъ, Волошскимъ и Мутьянскимъ владѣтелями; а Выговскій повторялъ все ту же исторію, что вслѣдствіе Виленскаго договора и слуховъ о возвращеніи Украйны подъ польское владычество старшины и все войско Запорожское очень опечалились, и потому гетманъ началъ ссылаться съ сосѣдями и заключать союзы, чтобы предупредить злохитрыхъ Поляковъ, которые могли бы соединиться съ тѣми же сосѣдями противъ войска Запорожскаго. Посланники конечно отрицали всякую возможность отдачи царемъ Украйны назадъ Ляхамъ. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ, какъ замѣститель гетмана, принялъ участіе его сынъ Юрій. Тогда посланцы, согласно съ наказомъ, напомнили вкратцѣ всю исторію добровольнаго присоединенія Малороссіи къ Москвѣ и присягу казаковъ на вѣрность его царскому величеству, а потомъ совмѣстную войну противъ Поляковъ и государево жалованье, и упрекали гетмана за союзъ съ царскимъ непріятелемъ и еретикомъ, т.-е. Шведскимъ королемъ. Юрій и Выговскій передавали рѣчи гетмана и приносили отъ него отвѣты. Въ заключеніе онъ позвалъ къ себѣ посланныхъ и тутъ лично повторилъ тѣ же рѣчи, т.-е.: что съ Шведскимъ королемъ у него дружба и пріязнь давнія и шведскіе люди правдивые, что онъ вѣрно служилъ его царскому величеству и удерживалъ Крымскаго хана отъ нападенія на Московскія украйны, что примиреніемъ съ Поляками царь отдавалъ казаковъ въ ихъ руки; что слухъ есть, будто онъ даже послалъ имъ 20.000 рати на помощь противъ казаковъ, Шведовъ и Ракочія. Была еще спорная статья о московскихъ воеводахъ и малороссійскихъ доходахъ; гетманъ увѣрялъ, будто съ В. В. Бутурлинымъ у него было условіе, что бы московскимъ воеводамъ быть только въ Кіевѣ, а доходы съ Малой Россіи такъ незначительны, что едва хватитъ на кормы иноземныхъ посланниковъ и на разныя войсковыя потребы. Между прочимъ

любопытны слѣдующія слова: «Диво мнѣ, что ему, великому государю его бояре ничего добраго не порадятъ; коруной польскою еще не обладали и о миру въ совершеніе еще не привели, а съ другимъ панствомъ, съ Шведы, войну начали!» Въ это время на глазахъ у московскихъ посланниковъ въ Чигиринъ пріѣхали послы отъ Шведскаго короля и отъ Ракочія и имѣли аудіенцію у гетмана 12 іюня. Московскіе послы усердно развѣдывали, за чѣмъ тѣ пріѣхали; но имъ отвѣчали, что просто за подтвержденіемъ любви и дружбы. На слѣдующій день Хмѣльницкій опять позвалъ къ себѣ на обѣдъ московскихъ гостей. Тутъ опять происходили счеты и взаимныя притязанія по поводу разныхъ столкновеній и недоразумѣній между казаками и московскими ратными людьми (отчасти уже приведенныя выше), а также по поводу неудачной осады Гусятина и Львова, которыхъ Хмѣльницкій очевидно щадилъ. Гетманъ хотя волновался и дѣлалъ возраженія, однако, постоянно повторялъ, что онъ не думаетъ отступать отъ Московскаго царя и будетъ вѣрно служить ему «и впредь, до кончины живота своего».

А кончина эта не замедлила: спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, 27 іюля казацкій батько въ Чигиринѣ отошелъ въ вѣчность. Онъ былъ погребенъ въ своемъ любимомъ Суботовѣ.

Что же представляетъ собою Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, какъ историческій дѣятель?

Потомство, болѣе или менѣе, признавало его почти великимъ человѣкомъ. Однако, въ послѣднее время слышатся несогласныя мнѣнія; указываютъ на его двоедушіе и политическое коварство, вообще на неустойчивость въ отношеніяхъ къ Московскому подданству, въ особенности на честолюбивыя, своекорыстныя и эгоистическія стремленія, на его гибельное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ и т. п. Все это до нѣкоторой степени справедливо, и тѣмъ не менѣе Хмѣльницкій является въ новые вѣка самымъ крупнымъ политическимъ представителемъ Малорусской народности, совмѣщавшимъ въ себѣ наиболѣе типичныя черты этой народности въ эпоху польскаго культурнаго вліянія. Дѣятельность подобныхъ людей, выдвинутыхъ изъ народной среды условіями времени и собственными талантами, нельзя подводить подъ какую-либо опредѣленную программу. Личныя обстоятельства толкнули его на борьбу съ польскимъ игомъ, а общественныя условія создали ему благодарную почву для этой борьбы; но нужны были необычайныя изворотливость и энергія, чтобы умѣло воспользоваться обстоятельствами, справиться со всевозможными кознями, затрудненіями и препятствіями, выяснить средства и цѣли, найти себѣ союзниковъ и довести до конца

свои начинанія. Въ отношеніи къ сосѣднимъ народамъ и въ пріобрѣтеніи союзниковъ Хмѣльницкій обнаружилъ замѣчательныя дипломатическія способности; на поляхъ битвъ онъ проявилъ большія военныя дарованія и личное мужество; наконецъ, возсоединеніемъ Малой Россіи съ Великою засвидѣтельствовалъ политическую прозорливость и присутствіе сильнаго православно-національнаго чувства. Конечно, разрѣшеніе такого сложнаго вопроса, какъ Малороссійскій, не могло совершиться легко и скоро, безъ промаховъ и ошибокъ, безъ колебаній и уклоненій въ стороны. Что касается послѣднихъ недоразумѣній и пререканій съ Москвою, то здѣсь, во-первыхъ, дѣйствовало различіе или столкновеніе различныхъ культуръ и общественной среды, а во-вторыхъ, едва ли не большая доля вины падаетъ на недостатокъ политическаго искусства со стороны самого Московскаго правительства, и главное на крупный промахъ молодого малоопытнаго царя, поддавшагося льстивымъ польскимъ обѣщаніямъ и пренебрегшаго совѣтами умудреннаго опытомъ казацкаго гетмана.

Кромѣ дипломатическихъ и военныхъ дарованій, Хмѣльницкій проявилъ и крупный организаторскій талантъ. Нельзя сказать, чтобы онъ создалъ на Украйнѣ совсѣмъ новый гражданскій порядокъ; но тѣ сословныя отношенія, которыя существовали при польскомъ владычествѣ, въ значительной степени видоизмѣнились. Города остались при своемъ магдебургскомъ правѣ; поспольство освободилось отъ крѣпостного подчиненія шляхтѣ; а, помогавшее ей угнетать крестьянъ, еврейство почти исчезло съ лица Украйны или, по крайней мѣрѣ, очень сократилось.

Главная организаторская дѣятельность Богдана, естественно, была направлена на военное или казацкое сословіе. Онъ весьма умножилъ это сословіе и широко распространилъ его по Малой Россіи, такъ что число полковъ, вмѣсто прежнихъ шести, при немъ постепенно возросло до 20. По обычаю они носили названія по именамъ своихъ главныхъ городовъ; а именно: на правой сторонѣ Днѣпра были расположены Чигиринскій, Каневскій, Черкасскій, Кіевскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Уманскій, Лисянскій, Паволоцкій, Кальницкій и Овруцкій; а на лѣвой Переяславскій, Нѣжинскій, Черниговскій, Стародубскій, Полтавскій, Миргородскій, Лубенскій, Ирклеевскій и Прилуцкій. Полкъ обнималъ извѣстную территорію, раздѣленную по сотнямъ; полковникъ съ эсауломъ, писаремъ, судьею жилъ въ главномъ городѣ своего полка, а сотники въ своихъ сотенныхъ городахъ или мѣстечкахъ. Гетманъ всего Запорожскаго войска утвердилъ свою резиденцію въ Чигиринѣ; при немъ находились: войсковой писарь, судья, обозный, эсаулы и т. д. Кромѣ жалованья, шедшаго изъ царской казны, войсковая и полковая старшина

дѣлилась земельными имѣніями, арендами и разнаго рода доходными статьями (мельницы, винокуреніе, пивовареніе и т. п.). Хотя эта старшина была тогда не родовая, а выслуженная, однако, по естественному порядку вещей, она немедля начала стремиться къ выдѣленію изъ народа и образованію мѣстной родовой знати по привычному ей образцу польской шляхты. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось поползновеніе закрѣпить за собой и жившее на ея земляхъ посполитство, т.-е. крестьянскій трудъ. А гетманъ, по естественному ходу вещей, при всемъ демократическомъ характерѣ казачества, сумѣлъ окружить свою особу почетомъ и обстановкой на подобіе владѣтельныхъ особъ, хотя и вассальнаго типа; такъ при немъ явились нѣкоторые зачатки владѣтельнаго двора и даже наемный отрядъ гвардіи или тѣлохранителей, частію изъ Русскихъ, а частію изъ Сербовъ, Татаръ и другихъ народностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и свою гетманскую власть, благодаря постоянному военному времени, Хмѣльницкій поднялъ на такую ступень, до которой она прежде него никогда не достигала; онъ распоряжался урядами, давалъ жалованныя грамоты, присвоилъ себѣ право смертной казни. Видимъ у него даже династическія стремленія, т.-е. попытку утвердить гетманское достоинство за своимъ потомствомъ. Однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые производили важные перевороты и начинали новую эпоху въ исторіи своего народа. Послѣдующія событія показали, что почва для созданія единаго цѣлаго изъ Малой Руси была неблагопріятная и что колебаніе Украйны между двумя культурами и двумя притягательными центрами (Польшею и Москвою) только на время было сдержано могучею личностію Богдана; а послѣ него началось постепенное и гибельное раздвоеніе, началась такъ наз. *Руина* ([17]).

V.

УКРАИНСКАЯ РУИНА.

Юрій Хмѣльницкій. Выговскій временный гетманъ. Митр. Діонисій Балабанъ. Избирательная Переяславская рада. Польскія симпатіи старшины. Раздвоеніе. Пушкарь. Измѣна Выговскаго и Гадячскій договоръ. Путаница отношеній. Конотопское пораженіе. Движеніе въ пользу Москвы. Вторичный выборъ Юрія. Вторая Польская война за Украйну. Походъ В. Б. Шереметева. Измѣна Юрія и Чудновскій погромъ. Кардисскій миръ со Швеціей. Потеря Вильны. Измѣна бѣлорус. шляхты. Самко и Золотаренко. Барановичъ. Меѳодій. Избраніе Брюховецкаго. Неудачное нашествіе короля. Тетеря. Вражда епископа съ гетманомъ. Послѣдній въ Москвѣ. Правобережный гетманъ Дорошенко. Андрусовское перемиріе и раздѣлъ Украйны. Причины неудачъ. Волненіе умовъ. Убіеніе Лодыженскаго Запорожцами. Избіеніе царскихъ гарнизоновъ. Измѣна и гибель Брюховецкаго. Гетманъ Многогрѣшный. Тяготѣніе Лѣвобережной къ Москвѣ. Отреченіе Яна Казиміра. Подданство Дорошенка Султану Вопросъ о Кіевѣ. Ордынъ-Нащокинъ и съѣздъ въ Мигновичахъ. Отставка Нащокина. Малорос. смута. Сверженіе Многогрѣшнаго и выборъ Самойловича.

Сильная рука Хмѣльницкаго обуздывала разнообразные интересы и стремленія среди украинскаго населенія и поддерживала его единство. Когда же не стало знаменитаго гетмана, естественно, эти интересы и стремленія выступили наружу; начались ихъ взаимныя столкновенія, осложненныя внѣшними вліяніями. Малороссійскому народу пришлось переживать тяжелую эпоху всякихъ смутъ и опустошительныхъ кровавыхъ событій. Первымъ и главнымъ поводомъ къ нимъ послужила, конечно, осиротѣвшая гетманская булава.

Какъ ни заботился Богданъ закрѣпить эту булаву за своимъ сыномъ Юріемъ, обстоятельства тому не благопріятствовали. Юрій былъ еще слишкомъ молодъ, неопытенъ, да притомъ по самой натурѣ своей лишенъ былъ необходимыхъ для того способностей; а потому тотчасъ сдѣлался жертвою интриги со стороны все того же Ивана Выговскаго. Войсковой писарь, бывшій столь долго ближайшимъ совѣтникомъ и правою рукою Богдана, конечно, имѣлъ возможность составить себѣ

среди казацкой старшины значительную партію, во главѣ которой стояли: войсковой обозный Носачъ, судья Самойло Богдановъ и полковникъ миргородскій Григорій Лѣсницкій. А теперь, благодаря тѣсной дружбѣ и родственнымъ связямъ съ семьей Хмѣльницкаго, онъ успѣлъ захватить значительную часть накопленныхъ имъ богатствъ и щедрою рукою подкупалъ себѣ сторонниковъ.

23-го августа совершился въ Суботовѣ обрядъ погребенія Богдана; а 26-го въ Чигиринѣ собралась на его дворѣ рада изъ наличной старшины и небольшой толпы простыхъ казаковъ для избранія гетмана. Первымъ движеніемъ послѣднихъ было указать на молодого Хмѣльницкаго. Ссылаясь на волю покойнаго, Выговскій взялъ на себя роль опекуна для его сына, и ему нетрудно было при помощи названныхъ своихъ сторонниковъ заранѣе убѣдить юношу, чтобы онъ отказался отъ гетманства, такъ какъ еще не окончилъ школьнаго ученія и по своей молодости и неопытности не можетъ начальствовать войскомъ. Юрій сложилъ передъ громадой булаву и бунчукъ. Казацкое большинство однако настаивало. Тогда доброхоты войсковаго писаря предложили, чтобы Юрій оставался гетманомъ, но до его совершеннолѣтія войскомъ начальствовалъ Выговскій, который на время похода долженъ изъ рукъ Юрія получать булаву и бунчукъ, а по окончаніи похода снова возвращать ихъ въ его руки. Но тутъ возникъ вопросъ: придется въ военное время выдавать универсалы и разныя грамоты отъ гетманскаго уряда, какъ же будетъ на нихъ подписываться Иванъ Выговскій? Сторонники, конечно, сговорившіеся о томъ заранѣе, предложили, чтобы онъ подписывался: «на тотъ часъ (т.-е. временный) гетманъ войска Запорожскаго». Простое казачество, недолго думая, согласилось. Этого было на первое время достаточно Выговскому: такимъ образомъ фактически булава, а вмѣстѣ съ нею и власть оказались въ его рукахъ. Но то было только предварительное избраніе, учиненное малымъ числомъ казачества. Очевидно, въ войскѣ многіе несочувствовали сему избранію; притомъ оно произошло безъ вѣдома царскаго, и неизвѣстно было, какъ отнесется къ нему Московское правительство. Поэтому Выговскій созвалъ на 2-е октября новую и уже большую казацкую раду въ Корсуни, куда съѣхались полковники и сотники съ 20 человѣками простыхъ казаковъ отъ всякой сотни. Тутъ опять разыграна была сцена, заранѣе условленная съ его доброхотами. Рада происходила въ полѣ. Выговскій положилъ булаву и сказалъ полковникамъ, что не хочетъ быть у нихъ гетманомъ; а въ числѣ причинъ главною выставилъ вновь присланные изъ Москвы пункты, которые отнимали у казаковъ старыя ихъ вольности. Затѣмъ онъ поѣхалъ прочь.

Но судья Самойло Богдановъ и полковники взяли булаву и, нагнавъ Выговскаго, снова ее вручили; тотъ конечно, согласился; при семъ замѣтилъ, что полковники должны присягать ему, гетману, а самъ онъ не присяжникъ царя, которому присягалъ Хмѣльницкій. Потомъ вынулъ изъ кармана мѣдныя деньги и, бросивъ имъ, сказалъ, что Московскій царь хочетъ этими деньгами платить войску жалованье. Изъ среды полковниковъ нѣсколько человѣкъ, съ полтавскимъ Пушкаремъ во главѣ, возражали ему и настаивали на вѣрной службѣ царю, говоря, что за свою вольность они будутъ стоять съ нимъ заодно. Затѣмъ рада приговорила послать въ Москву къ великому государю и бить ему челомъ объ утвержденіи новаго гетмана вмѣстѣ съ прежними правами и вольностями войска Запорожскаго. Съ этимъ челобитьемъ отправлены въ Москву эсаулъ Корсунскаго полка Юрій Миневскій и сотникъ Коробка. Такимъ образомъ, поставлено было рѣшеніе уже просто о гетманствѣ, а не о временномъ только.

Но прежде нежели означенное казацкое посольство прибыло въ Москву, оттуда отправленъ былъ стряпчій Рогожинъ къ Выговскому съ радостнымъ извѣстіемъ о рожденіи царевны Софьи (столь знаменитой впослѣдствіи), и, конечно, съ тайнымъ порученіемъ развѣдать о положеніи дѣлъ въ Малороссіи. По пути въ Чигиринъ, проѣзжая Ромны, Лохвицу, Лубны, и на обратномъ пути стряпчій изъ разговоровъ съ мѣстными казаками, между прочимъ, узналъ, что болѣе всего заводитъ смуту миргородскій полковникъ Григорій Лѣсницкій, который распускаетъ слухи о намѣреніи Москвы отнять у казаковъ ихъ вольности, ограничить ихъ войско десятью тысячами, а другихъ брать въ драгуны и солдаты, собирать съ нихъ десятину и отобрать всѣ аренды на государя. Онъ и сотники его созывали рады, на которыхъ явно старались отводить казаковъ отъ московскаго подданства и даже предлагали перейти на сторону Поляковъ; но простые казаки и мѣщане не хотѣли ихъ слушать и говорили, что останутся вѣрными своей присягѣ. И не однажды казаки, провожавшіе стряпчаго отъ города до города, повторяли, что чернь казацкая предана великому государю и хочетъ служить ему правдою, а старшіе «мятутся»; говорили также, что не долюбливаютъ Выговскаго, а больше склонны къ Хмѣльницкому, но за перваго стоятъ старшіе и богатые казаки. Изъ ихъ же разговоровъ обнаруживалось, что простые казаки и мѣщане стоятъ за государя болѣе на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а на правой—менѣе и что на лѣвой сторонѣ казаки сочувственно относятся къ слухамъ о намѣреніи царя поставить на Украйнѣ въ большіе города своихъ воеводъ.

Выговскій на извѣстіе о рожденіи царевны отвѣчалъ грамотою съ выраженіемъ своей радости; при семъ, играя роль преданнаго царскаго слуги, увѣдомлялъ о коварствѣ Ляховъ и короля, который по отъѣздѣ Беневскаго прислалъ пана Воронича, чтобы наговаривать казаковъ къ возвращенію подъ Польскую корону; но онъ яко бы отвѣчалъ, что никогда не измѣнитъ его царскому величеству; увѣдомлялъ о польскихъ военныхъ сборахъ и пришествіи Крымской орды на помощь Ляхамъ. Подъ грамотой своей царю Выговскій подписался «нанижайшимъ подданнымъ, повольнымъ гетманомъ» войска Запорожскаго. Это слово «повольный» въ Москвѣ не понравилось, и потомъ Выговскому было поставлено на видъ, что Богданъ Хмѣльницкій писался просто «царскаго величества вѣрнымъ слугой и подданнымъ».

Межъ тѣмъ въ Москвѣ казацкихъ посланцевъ, Юрія Миневскаго съ товарищи, подробно разспрашивали о гетманскомъ избраніи; выражали опасеніе о томъ, что на Корсунской радѣ не было казаковъ изъ Запорожья, и потому не затѣваютъ ли они какого бунта. Посланцы старались разсѣять это сомнѣніе и объясняли отсутствіе Запорожцевъ на радѣ тѣмъ, что время не позволяло ждать ихъ прибытія и мѣшкать. Впрочемъ—прибавляли они,—въ Запорогахъ живутъ ихъ же братья-казаки, приходя изъ городовъ для промысловъ или кто пропьется и проиграется, а жены и дѣти ихъ живутъ по городамъ. Пытаясь устранить всякое подозрѣніе, Миневскій отъ имени Выговскаго просилъ, чтобы государь прислалъ въ войско свое довѣренное лицо, которое бы и созвало вновь большую раду для выбора гетмана, а избранный принесетъ присягу царю на вѣрность и получитъ царскую подтвердительную грамоту на свое избраніе и на войсковыя права и вольности. На вопросъ, гдѣ лучше быть этой радѣ, посланцы указали на Переяславъ.

Такъ и было сдѣлано.

Въ декабрѣ того же 1657 года изъ Москвы отправленъ былъ на Украйну полномочнымъ посломъ ближній окольничій и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово съ товарищи (два стольника и два дьяка).

Избраніе новаго Запорожскаго гетмана случайно совпало съ избраніемъ новаго Кіевскаго митрополита.

13-го апрѣля 1657 года скончался митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, который, какъ мы видѣли, не сочувственно относился къ московскому подданству Малороссіи. Но подъ конецъ жизни, въ виду успѣховъ московскаго оружія, когда царскія войска занимали большую часть великаго княжества Литовскаго, онъ, повидимому, примирился съ этимъ

подданствомъ. Съ его кончиною, казалось, наступилъ благопріятный моментъ поставить выборъ его преемника въ зависимость отъ соизволенія Московскаго правительства и сдѣлать рѣшительный шагъ къ подчиненію Кіевской каѳедры Московскому патріарху. Но Богданъ Хмѣльницкій не счелъ нужнымъ обращаться въ Москву по сему поводу; онъ назначилъ временнымъ блюстителемъ митрополіи Лазаря Барановича, только что поставленнаго на Черниговскую епископію, и затѣмъ послалъ звать въ Кіевъ для митрополичьяго избранія епископовъ львовскаго, луцкаго и перемышльскаго, состоявшихъ подъ польскимъ владычествомъ. Старый гетманъ ясно хотѣлъ показать, что считаетъ это дѣло чисто малорусскимъ, основаннымъ на стародавнихъ правахъ и неподлежащимъ вѣдѣнію Московской патріархіи. Съѣздъ архіереевъ, однако, произошелъ нескоро: надо было получить на него согласіе польскаго короля; болѣзнь и кончина Хмѣльницкаго также задержали выборы. Только въ октябрѣ собралось въ Кіевъ высшее малороссійское духовенство, въ присутствіи новаго гетмана Выговскаго. Тутъ голоса раздѣлились: нѣкоторые желали печерскаго архимандрита Гизеля, другіе луцкаго епископа Діонисія Балабана, третьи львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго, четвертые виленскаго архимандрита Іосифа Тукальскаго. Выборы были отложены до декабря или до Николина дня. Дѣло въ томъ, что Выговскій хотѣлъ провести своего кандидата, именно Діонисія Балабана Луцкаго, котораго ему указалъ польскій посолъ Беневскій, надѣявшійся найти въ Балабанѣ усерднаго сторонника для польской партіи. Балабанъ дѣйствительно былъ выбранъ и вступилъ въ управленіе митрополіей, не дожидаясь ни согласія Московскаго правительства, ни благословенія отъ Московскаго патріарха.

Послѣ смерти Хмѣльницкаго Выговскій продолжалъ писать въ Москву объ угрожавшемъ вторженіи въ Украйну Поляковъ и Крымцевъ и просилъ помощи; государь двинулъ изъ Бѣлгорода князя Ромодановскаго съ войскомъ къ Переяславу. Но тутъ князь долго и тщетно ожидалъ Выговскаго; нареченный гетманъ не заботился доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ и конскихъ кормовъ, отъ чего люди разбѣгались, а лошади падали. Прибывъ, наконецъ, въ Переяславъ, Выговскій самъ сознавался, что приходъ царскаго войска много способствовалъ прекращенію начавшихся было бунтовъ и укрѣпленію его на гетманствѣ, и пытался удалить Ромодановскаго на правую сторону Днѣпра, но тотъ безъ царскаго указу не пошелъ. А въ Москвѣ въ то время разсчитывали посредствомъ этого войска занять своими гарнизонами Переяславъ, Нѣжинъ, Черниговъ и другіе важнѣйшіе украинскіе города на лѣвой сторонѣ, и тѣмъ, конечно, закрѣпить за собой Украйну.

Въ концѣ января 1658 года Богданъ Матв. Хитрово съ товарищи прибылъ въ Переяславъ; сюда же вмѣстѣ съ Выговскимъ съѣхалась войсковая старшина, т.-е. обозный, судья, полковники, сотники, и немного простыхъ казаковъ; но полковники пріѣхали не всѣ, а по преимуществу сторонники Выговскаго; простыхъ же казаковъ они взяли съ собой по десятку или около того. Кромѣ старшины, пріѣхало высшее малороссійское духовенство, а именно: новопоставленный митрополитъ Балабанъ съ архимандритами печерскимъ Иннокентіемъ Гизелемъ, виленскимъ Іосифомъ Тукальскимъ, овруцкимъ Ѳеофаномъ Креховецкимъ, черниговскимъ Іосифомъ Мещериновымъ, кобринскимъ Іовомъ Зайончковскимъ, съ нѣкоторыми игумнами и протопопами. Въ Переяславѣ ждали полтавскаго полковника Мартына Пушкаря; но онъ не пріѣхалъ и, кромѣ того, предупреждалъ Москву о шатости и ненадежности Выговскаго; не пріѣхали также уполномоченные отъ запорожскаго кошевого атамана Барабаша. Собравшаяся старшина уже думала, что рада не состоится, и хотѣла разъѣзжаться. Но Хитрово воспротивился; ему помогъ особенно черниговскій архимандритъ Іосифъ Мещериновъ, находившійся въ свойствѣ съ Выговскимъ; онъ уговорилъ старшину остаться. Созвана была рада, которой Хитрово предложилъ выбрать себѣ гетмана. Выговскій положилъ булаву и въ третій разъ разыгралъ сцену отказа отъ гетманства. Но присутствовавшія старшина и чернь были уже такъ хорошо подготовлены, что провозгласили его единогласное избраніе. Выговскій снова взялъ въ руки булаву, и затѣмъ духовенство привело его къ присягѣ на вѣрную службу великому государю. Хитрово послѣ того отъ царскаго имени щедро одарилъ соболями новаго гетмана, его родственниковъ, полковниковъ и митрополита съ помянутыми духовными особами. Во время пребыванія въ Переяславѣ окольничій не разъ заводилъ съ гетманомъ разговоръ о желаніи Государя, чтобы въ важнѣйшихъ украинскихъ городахъ находились московскіе воеводы съ ратными людьми для обороны отъ непріятельскихъ нападеній и чтобы подати съ населенія и доходы съ арендъ шли на жалованье войску Запорожскому и на содержаніе царскихъ осадныхъ ратныхъ людей (т.-е. гарнизоновъ). Понятно, что подобныя мѣры сильно не нравились Выговскому, хотѣвшему быть такимъ же самостоятельнымъ начальникомъ въ Малороссіи, какимъ былъ Хмѣльницкій, и такъ же безконтрольно распоряжаться ея доходами. Въ этомъ отношеніи онъ находилъ полное сочувствіе въ окружавшихъ его полковникахъ и прочей войсковой старшинѣ, привыкшей всякими способами обогащаться на счетъ простыхъ казаковъ, мѣщанъ и посполитства. Выговскій не отказывался исполнить желаніе государя; но откладывалъ исполненіе и, очевидно, хо-

тѣлъ выиграть время. Хитрово, кромѣ того, потребовалъ, чтобы въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ городахъ казацкіе гарнизоны были замѣнены московскими, а въ особенности въ Старомъ Быховѣ, который незадолго передъ кончиной Хмѣльницкаго сдался, наконецъ, «на царское имя»; онъ принадлежалъ къ Оршанскому повѣту, который вѣдался московскимъ воеводою. Окольничій повторилъ и прежнее требованіе о томъ, чтобы въ порубежныхъ черкасскихъ городахъ не принимали бѣглыхъ крестьянъ изъ сосѣднихъ московскихъ областей и виновныхъ выдавали бы назадъ ихъ помѣщикамъ. Гетманъ обѣщалъ исполнить и то, и другое требованіе.

Тамъ же въ Переяславѣ Хитрово пытался убѣждать новоизбраннаго митрополита Діонисія, чтобы онъ взялъ благословеніе у патріарха Никона на свое поставленіе. Діонисій отвѣчалъ, что кіевскіе митрополиты всегда благословлялись отъ святѣйшихъ патріарховъ цареградскихъ и что пусть изъ Москвы хлопочутъ о разрѣшеніи ему получить посвященіе отъ патріарха Московскаго. При семъ онъ съ клятвою обѣщалъ вѣрно служить великому государю. Хитрово далъ ему сорокъ соболей во 100 рублей, т.-е. болѣе чѣмъ кому-либо изъ малороссійскихъ духовныхъ особъ. Окольничій, повидимому, простодушно вѣрилъ словамъ гетмана и митрополита и не зналъ того, что оба они уже находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ, панами и особенно съ королевскимъ уполномоченнымъ Беневскимъ, который съ помощью сихъ двухъ измѣнниковъ надѣялся воротить Малороссію въ польское подданство. А Выговскій, кромѣ того, сносился и съ Крымскимъ ханомъ, котораго звалъ помочь противъ Москвы.

Но почему же Выговскій, при Хмѣльницкомъ постоянно заискивавшій у московскаго правительства, теперь, утвержденный на гетманство симъ правительствомъ, задумалъ измѣнить царю и клонился на сторону короля?

Когда бы исполнилось намѣреніе Москвы—посадить своихъ воеводъ и поставить гарнизоны въ главныхъ украинскихъ городахъ, то понятно, что гетманская власть, столь усилившаяся при Хмѣльницкомъ, была бы сильно стѣснена, и возрождавшаяся самостоятельность Украйны не могла бы развиваться далѣе. Уменьшилась бы и власть полковниковъ, теперь распространявшаяся на всю территорію полка. Не нравилось также Выговскому и старшинѣ предстоявшее усиленіе контроля надъ войсковыми доходами, арендами и всякими земскими сборами, которыми они уже привыкли распоряжаться по своему усмотрѣнію, т.-е. взимать ихъ и увеличивать ради собственнаго обогащенія. Но съ другой стороны, казалось бы, возвращеніе подъ Польское владычество должно

было повести за собою возвращеніе на Украйну панскаго и шляхетскаго землевладѣнія, католическаго и уніатскаго духовенства, отъ которыхъ она большею частію избавилась, проливъ для того потоки крови. Конечно, казацкая старшина все это хорошо знала; знала она по опыту и цѣну льстивыхъ польскихъ обѣщаній. И тѣмъ не менѣе легко поддавалась польскимъ внушеніямъ и подговорамъ. Дѣло въ томъ, что происшедшее со времени подданства Москвѣ болѣе близкое знакомство съ обычаями и строемъ Московской Руси многихъ Украинцевъ привело къ раздумью, а иныхъ къ разочарованью. Суровый государственный порядокъ съ его строгими служебными правилами, естественно, не понравился людямъ, привыкшимъ къ польской государственной распущенности; а главное, бросалось въ глаза довольно рѣзкое различіе въ культурѣ. Воспитанная въ коллегіяхъ и школахъ, устроенныхъ на польскій образецъ, въ значительной степени усвоивавшая себѣ польско-шляхетскіе нравы и польскую общественность, западно-русская шляхта чувствовала себя несравненно ближе къ польской шляхтѣ, чѣмъ къ московскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и стала смотрѣть вообще на Москвитянъ, какъ на людей грубыхъ и невѣжественныхъ, съ которыми у нея не было ничего общаго, кромѣ религіи. Но религіозный интересъ въ это время, очевидно, уже отступилъ на второй планъ въ глазахъ значнаго казачества. А казацкая войсковая старшина большею частію составлялась изъ людей, или принадлежавшихъ по происхожденію къ шляхетскому сословію, или старавшихся примкнуть къ тому же привилегированному сословію, вообще изъ людей, получившихъ болѣе или менѣе польское воспитаніе и проникнутыхъ шляхетскимъ міровоззрѣніемъ. Нобилитація или королевское утвержденіе въ правахъ сего сословія для многихъ составляло предметъ вожделѣній. Старшина казацкая и вообще значное казачество явно стали стремиться къ тому, чтобы выдѣлиться въ высшее господствующее сословіе и замѣнить собою для народа только что изгнанныхъ польскихъ пановъ и шляхту.

Семья Выговскихъ, принадлежавшая къ русскимъ обывателямъ на Волыни, по своему воспитанію, привычкамъ и родственнымъ связямъ была сродни польской шляхтѣ, и естественно ея симпатіи оказались теперь на сторонѣ аристократической шляхетской Польши, а не самодержавной демократической Москвы. Гетманъ Иванъ Выговскій, его отецъ Евстафій, братья Данило и Константинъ и шуринъ Павелъ Тетеря, такимъ образомъ стали во главѣ польской партіи на Украйнѣ. Къ той же партіи примыкала и часть высшаго малорусскаго духовенства, имѣя въ своей главѣ митрополита Діонисія Балабана, вышедшаго изъ шляхетскаго сословія подобно нѣкоторымъ другимъ

членамъ сего духовенства. Зато простое казачество, мѣщанство и крестьянство не раздѣляли польскихъ симпатій своего значнаго люда, отъ котораго терпѣли угнетеніе. Они ясно видѣли его стремленіе выдѣлиться въ украинскую шляхту и закрѣпостить себѣ простой народъ; поэтому держались Москвы, предпочитая ея строгій самодержавный строй польско-шляхетской распущенности и отсутствію всякой управы. Къ Москвѣ склонялось и Запорожье, враждебное всякимъ шляхетскимъ стремленіямъ. На сторонѣ московскихъ симпатій находилось также бѣлое и вообще низшее украинское духовенство. Впрочемъ, въ самомъ населеніи замѣтно было раздвоеніе: правая сторона Днѣпра, болѣе пропитанная польскими элементами и преданіями, склонялась къ Польшѣ, а лѣвая — къ Москвѣ. На этой-то лѣвой сторонѣ не замедлила явиться дѣятельная оппозиція замысламъ польской партіи, имѣя во главѣ полтавскаго полковника Пушкаря. Вотъ почему Выговскій еще не спѣшилъ обнаруживать свою измѣну: ему нужно было прежде сломить эту оппозицію.

Въ то самое время, когда происходила Переяславская рада, Пушкарь пытался предупреждать Московское правительство объ измѣнническихъ замыслахъ Выговскаго и настаивалъ на томъ, что эта рада не настоящая, что Выговскій выбранъ только своими сторонниками, что надо созвать большую войсковую и полевую раду при достаточномъ количествѣ черни, т.-е. простыхъ казаковъ и Запорожцевъ, и на этой радѣ выбрать гетмана. Но такимъ извѣтамъ не давали или не хотѣли дать вѣры, благодаря искуснымъ проискамъ самого Выговскаго и его сторонниковъ. Извѣты шли не прямо къ царю, а при посредствѣ путивльскаго воеводы боярина Никиты Алексѣевича Зюзина и царскаго уполномоченнаго Богд. Мат. Хитрово; оба эти лица держали сторону Выговскаго, повидимому, задаренные имъ или привлеченные ласкательствами и т. п. средствами. Зюзинъ даже прямо находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Этотъ бояринъ, впрочемъ, въ январѣ 1658 г. былъ смѣненъ на воеводствѣ въ Путивлѣ стольникомъ Григ. Алексѣевичемъ Зюзинымъ (вѣроятно, его же братомъ), который сталъ болѣе осторожно относиться къ Выговскому. Уже въ январѣ еще до Переяславской рады началось первое междоусобіе на Украйнѣ при московскомъ владычествѣ. Когда Выговскій попытался склонить Пушкаря къ примиренію и отправилъ къ нему своего посланца, тотъ велѣлъ заковать сего послѣдняго въ кандалы и посадить подъ стражу. Тогда Выговскій отправилъ на Пушкаря часть своей казацко-сербской гвардіи, около полуторы тысячи человѣкъ. Полтавскій полковникъ съ Запорожцами напалъ на этотъ отрядъ и разгромилъ его;

потомъ онъ прогналъ изъ Миргорода полковника Лѣсницкаго, подручника Выговскому, а миргородскимъ полковникомъ былъ сдѣланъ нѣкій Довгаль. Тщетно новый митрополитъ Діонисій Балабанъ посылалъ Пушкарю увѣщательную грамоту и грозилъ церковнымъ проклятіемъ, если онъ не смирится. Пушкарь отвѣчалъ ему, что пусть онъ проклинаетъ измѣнниковъ, а не тѣхъ, которые вѣрно служатъ его царскому величеству, и звалъ гетмана въ Москву для оправданія передъ самимъ царемъ. Гетманъ отклонилъ эту поѣздку подъ предлогомъ опасности покидать Украйну при ея смутномъ состояніи, а послалъ въ Москву Григорія Лѣсницкаго, который отъ имени полковниковъ всего войска Запорожскаго билъ челомъ Государю, чтобы Пушкарю особымъ царскимъ указомъ велѣно быть въ послушаніи у гетмана. При этомъ онъ коварно просилъ сдѣлать перепись казакамъ и утвердить 60,000 реестровыхъ, а всѣхъ гультяевъ исключить изъ войска; мало того, отъ имени гетмана и войска высказывалъ полное удовольствіе по поводу намѣренія Государя прислать своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ болѣе значительные города Украйны: тогда де прекратятся всякіе бунты.

Но и Пушкарь съ своей стороны вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Московскимъ правительствомъ, и посланецъ его Искра доносилъ о тайныхъ сношеніяхъ гетмана съ Ракочимъ, Поляками и Ордою. Однако, въ Москвѣ не хотѣли ссориться съ Выговскимъ, и Пушкарю была отправлена царская грамота съ приказомъ жить съ гетманомъ «въ совѣтѣ, любви и послушаніи».

Такая же грамота была послана на Запорожье. Но слухи и донесенія о замышляемой гетманомъ измѣнѣ все усиливались. Подобныя донесенія стали приходить также изъ Кіева отъ воеводы Андрея Бутурлина. Пришли извѣстія о томъ, что нѣсколько тысячъ Крымцевъ съ Карачбеемъ уже явились на помощь Выговскому противъ Пушкаря. Изъ Москвы послали съ Ив. Опухтинымъ приказъ гетману, чтобы онъ не смѣлъ идти самъ на полтавскаго полковника, а ждалъ бы царскихъ воеводъ. Но Выговскій не послушалъ приказа и въ началѣ мая выступилъ изъ Чигирина. Подъ Голтвою на полдорогѣ къ Полтавѣ въ обозъ гетманскій прибылъ новый посланецъ изъ Москвы стольникъ Петръ Скуратовъ, а въ Полтаву къ Пушкарю—стольникъ Алфимовъ съ царской грамотой, убѣждавшей не начинать междоусобія. Но Выговскій не хотѣлъ ничего слушать и продолжалъ походъ. Лѣвобережное казачество раздѣлилось на двѣ стороны: одна стала за Пушкаря, другая за гетмана. Такъ Миргородцы смѣстили у себя новопоставленнаго полковника Довгаля; въ Голтвѣ казаки испугались угрозы Выговскаго на воз-

вратномъ пути сжечь ихъ городъ и перебить жителей, и пристали къ его полкамъ; Лубны заперли дорогу отрядамъ, шедшимъ на соединеніе съ гетманомъ; они пробились силою. Московское правительство своими грамотами и запрещеніями немало ослабило сторону Пушкаря и усилило Выговскаго. Видя приближеніе гетмана съ многочисленными полками и Крымскими татарами, Пушкарь и Барабашъ попытались войти съ нимъ въ переговоры и запросили мира, ссылаясь на государеву волю. Выговскій подошелъ близко къ Полтавѣ и расположился лагеремъ. Тутъ новый царскій посланецъ Вас. Петр. Кикинъ началъ съ большимъ усердіемъ хлопотать о примиреніи; уже Выговскій присягнулъ на томъ, что не будетъ мстить Пушкарю, а послѣдній собирался ѣхать къ гетману въ обозъ; но Запорожцы и полтавскіе казаки не пустили его, справедливо не довѣряя клятвамъ Выговскаго. Мало того, въ ночь на 1-е іюня Пушкарь, Барабашъ и Довгаль внезапно напали на гетманскій обозъ и разгромили его, захвативъ пушки и гетманское добро. Выговскій спасся въ татарскій станъ, а по утру съ Татарами ударилъ на противниковъ и разбилъ ихъ. Пушкарь былъ убитъ. Полтава, сдавшаяся на милость побѣдителя, была разграблена и опустошена Татарами. Эта побѣда, казалось, окончательно укрѣпила булаву за Выговскимъ; довольный и самоувѣренный, возвращался онъ въ гетманскую резиденцію ([18]).

Но тамъ его встрѣтило непріятное извѣстіе о прибытіи московскихъ воеводъ въ Украинскіе города.

Московское правительство исполнило важную мѣру, задуманную для болѣе дѣйствительнаго закрѣпленія за собою Малой Россіи. На мѣсто стольника Андрея Васильевича Бутурлина оно поставило кіевскимъ воеводою знатнаго боярина Василія Борисовича Шереметева, обладавшаго твердымъ характеромъ и военными талантами, но, къ сожалѣнію, нѣсколько гордаго и самонадѣяннаго; въ товарищи ему даны два стольника, князь Барятинскій и Чадаевъ, и дьякъ Постниковъ. Свиту его составляли по нѣскольку человѣкъ отъ стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ; его сопровождалъ приказъ московскихъ стрѣльцовъ, два полка драгунъ, полкъ гусаръ, такъ что съ прежде бывшими въ Кіевѣ ратными людьми у него числилось болѣе 6,000 человѣкъ московскаго отборнаго по тому времени войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ, назначены были воеводы въ слѣдующіе шесть украинскихъ городовъ: Бѣлую Церковь, Корсунь, Нѣжинъ, Черниговъ, Полтаву и Миргородъ; но всѣ они должны были находиться въ подчиненіи у главнаго, т.-е. кіевскаго, воеводы; такимъ образомъ, установлялось ихъ единство, и кіевскій воевода представлялъ собою родъ

царскаго намѣстника въ Малороссіи; чѣмъ, конечно, не мало ограничивалась гетманская самостоятельность. Непріятность умножалась еще гордымъ поведеніемъ Шереметева, который, прибывъ 17-го іюня въ Кіевъ, тотчасъ послалъ звать къ себѣ гетмана «для государевыхъ дѣлъ». Выговскій уже былъ оскорбленъ тѣмъ, что никто изъ прибывшихъ воеводъ не явился къ нему на поклонъ, а всѣ прямо ѣхали въ назначенные имъ города. Гетманъ не поѣхалъ на зовъ, отговариваясь какими-то вѣстями объ угрожавшемъ вторженіи Турокъ. Въ то же время онъ отправилъ въ Москву жалобу на поведеніе Шереметева, который началъ распоряжаться, не совѣтуясь съ гетманомъ. Кромѣ Шереметева, онъ жаловался и на другого московскаго воеводу, стоявшаго съ войсками на юговосточныхъ предѣлахъ Украйны, именно окольничаго князя Гр. Гр. Ромодановскаго, человѣка суроваго, исполненнаго воинскимъ пыломъ. Польскіе агенты пользовались раздраженіемъ Выговскаго и разсылали по Украйнѣ «прелестные листы», увѣрявшіе, что Шереметевъ и Ромодановскій собираются напасть на гетмана и на все войско Запорожское. Напрасно изъ Москвы слали новыя грамоты, пытавшіяся успокоить Выговскаго и увѣрявшія, что воеводы посланы по собственному челобитью гетмана на помощь ему противъ мятежниковъ и своевольниковъ. Польская интрига превозмогла, и Выговскій началъ враждебныя дѣйствія противъ московскихъ воеводъ.

Гетманъ универсалами сталъ звать къ себѣ въ Чигиринъ казацкихъ полковниковъ съ ихъ полками, звалъ Татарскую орду и Поляковъ. Въ половинѣ августа 1658 года прибыли подъ Кіевъ 20.000 казаковъ и Татаръ, чтобы прежде всего выбить отсюда московскій гарнизонъ. Ими начальствовалъ братъ гетмана Данило Выговскій. Онъ повелъ приступъ къ городу со стороны Лыбеди у Золотыхъ воротъ, а кіевскій полковникъ Павелъ Яненко ударилъ съ другой стороны. Но мужественный воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ уже зналъ о намѣреніяхъ измѣнниковъ и приготовился ихъ встрѣтить. На обѣихъ сторонахъ приступы были отбиты. На слѣдующее утро товарищи Шереметева, Барятинскій и Чадаевъ, сдѣлали большую вылазку и такъ разгромили таборъ Выговскаго, что онъ самъ едва успѣлъ убѣжать съ немногими людьми и уплыть въ лодкѣ внизъ по Днѣпру. Потомъ тѣ же воеводы обратились на Яненка, расположившагося обозомъ на горѣ Щековицѣ, и послѣ упорнаго боя взяли его обозъ со всѣми пушками и знаменами. Взятые въ плѣнъ казаки сознавались, что ихъ насильно пригнали подъ Кіевъ, и только угрозами старшина заставляла ихъ идти въ бой на государевыхъ людей. Шереметевъ внялъ ихъ просьбамъ, простилъ ихъ и распустилъ по домамъ, разсчитывая на то, что они будутъ отговаривать свою братью

отъ послушанія гетману Выговскому. Но послѣдній продолжалъ начатое дѣло измѣны. Около того времени случай или, скорѣе, неосторожность бѣлгородскаго воеводы князя Ромодановскаго отдала въ его руки Пушкарева товарища, запорожскаго кошевого Барабаша. Ромодановскій отправилъ его въ Кіевъ къ Шереметеву подъ прикрытіемъ 200 дѣтей боярскихъ и драгунъ. Но подъ мѣстечкомъ Гоголевымъ одинъ изъ семьи Выговскихъ окружилъ ихъ съ 1,000 казаковъ, ограбилъ донага и, перевязавъ, отослалъ къ гетману. Вскорѣ потомъ высланный изъ Кіева Шереметевымъ 2,000-ый отрядъ съ кн. Юріемъ Барятинскимъ подъ Васильковымъ столкнулся съ полковниками браславскимъ Иваномъ Сербинымъ, овруцкимъ Василіемъ Выговскимъ (дядею гетмана) и татарскимъ мурзою Максыремъ, побилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ Ив. Сербина и В. Выговскаго. Но сдѣлать больше кіевскій воевода не могъ по недостатку ратныхъ людей; напрасно писалъ онъ въ Москву и просилъ о немедленной присылкѣ новыхъ войскъ, такъ какъ чернь и казаки не пристаютъ къ нему только потому, что видятъ малочисленность его войска и ждутъ, когда придутъ большіе полки.

Въ это время гетманъ уже формальнымъ договоромъ попытался возвратить Малороссію подъ польское владычество. Такой договоръ Выговскій отъ имени всего войска Запорожскаго заключилъ 6-го сентября съ польскими коммиссарами Станиславомъ Беневскомъ и Казиміромъ Евлашевскимъ, каштелянами волынскимъ и смоленскимъ. Главные пункты сего договора были слѣдующіе: Греческая и Римская церкви пользуются равными правами и въ Коронѣ, и въ Литвѣ; при чемъ митрополитъ Кіевскій и пять православныхъ архіереевъ получаютъ мѣсто въ сенатѣ; сенаторы могутъ быть выбираемы и изъ русскихъ знатныхъ людей. Число Запорожскаго войска опредѣляется въ 60.000; гетманъ Украинскій въ то же время есть Кіевскій воевода и сенаторъ, а Чигиринскій повѣтъ остается при его булавѣ; онъ имѣетъ право бить монету для жалованья войску и устроить свои суды и трибуналъ. Въ Кіевскомъ воеводствѣ всѣ уряды раздаются только православной шляхтѣ, а въ Брацлавскомъ и Черниговскомъ она чередуется съ католической. Въ Кіевѣ дозволяется учредить другую Академію на правахъ уже существующей; вольно учреждать коллегіи, школы и друкарни, заниматься науками и печатать всякія книги. Податей для Польскаго правительства не полагается; а коронныя войска только въ случаяхъ необходимости могутъ быть на Украйнѣ, и тогда они состоятъ подъ начальствомъ Украинскаго гетмана. Все случившееся со времени бунта Хмѣльницкаго предается забвенію и бывшимъ его сторонникамъ возвращаются отобранныя имѣнія. Король даетъ нобилитацію казакамъ по представленію

гетмана. Казалось бы, подобныя статьи были очень выгодны для Малорусскаго народа; мало того, по смыслу договора Украйна какъ бы выдѣлялась въ особое Русское великое княжество, которое на ряду съ Короной и Литвой составляло теперь третью часть Рѣчи Посполитой, соединясь съ ними какъ люди вольные съ вольными, равные съ равными. Но всѣ эти выгодныя статьи въ сущности являлись со стороны Поляковъ наглымъ обманомъ, вынужденнымъ обстоятельствами. Умные, опытные изъ Малоруссовъ хорошо это понимали, и, конечно, прежде всего и менѣе всего вѣрили въ равноправность Православной церкви съ Латинскою въ Рѣчи Посполитой.

Такимъ невѣрующимъ элементомъ оказалось по преимуществу русское духовенство. Хотя шляхетская часть высшей Украинской іерархіи и продолжала держать сторону Поляковъ, и самъ митрополитъ Діонисій Балабанъ уже въ началѣ движенія Выговскаго покинулъ Кіевъ и удалился въ Чигиринъ къ гетману; однако, другая часть іерарховъ и чернаго духовенства осталась вѣрна московскому правительству; въ числѣ ея находились Лазарь Барановичъ, епископъ Черниговскій, и Иннокентій Гизель, архимандритъ Кіево-Печерской лавры. А затѣмъ къ Москвѣ было привержено почти все бѣлое духовенство, которое по своимъ интересамъ и чувствамъ стояло ближе къ простому казачеству и черному народу. Изъ среды сего духовенства особенно выдвинулся своею преданностью и услугами московскому правительству нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ. Напримѣръ, когда окрестная Кіеву область наводнилась казацкими и татарскими отрядами мятежника Выговскаго и сношенія боярина Шереметева съ Москвою и съ другими воеводами до крайности затруднились, протопопъ Максимъ учредилъ нѣчто въ родѣ тайной почты: племянникъ его пріѣзжалъ въ Кіевъ подъ предлогомъ собственныхъ надобностей, сообщалъ Шереметеву о положеніи дѣлъ, получалъ отъ него донесенія и отписки, которыя отвозилъ въ Путивль воеводѣ князю Долгорукому или въ Бѣлгородъ князю Ромодановскому; а отъ нихъ эти донесенія шли въ Москву.

Въ концѣ октября съ братомъ Даниломъ соединился самъ гетманъ, и они вмѣстѣ приступили къ Кіевской государевой крѣпости, имѣя у себя многіе казацкіе полки и татарскую вспомогательную орду. «Хотя бы у меня всѣхъ людей побили, а не взявъ Кіева, не отступлю», — похвалялся Выговскій. У Шереметева подъ рукою набралось около семи съ половиною тысячъ ратныхъ людей противъ почти 50-тысячнаго непріятельскаго ополченія. Однако, и на сей разъ приступы были блистательно отбиты. Послѣ того гетманъ послалъ звать Шереметева на свиданье. Они съѣхались за городомъ, и тутъ Выговскій со слезами говорилъ,

что онъ поднялъ оружіе на царскихъ воеводъ вслѣдствіе коварныхъ извѣтовъ и писемъ какихъ-то измѣнниковъ, которые старались поссорить его съ Москвою, но что впредь онъ съ государевыми ратными людьми биться не будетъ, а останется въ подданствѣ великаго государя; даже обѣщалъ пріѣхать въ Кіевъ и принести новую присягу. Послѣ того онъ отступилъ и воротился въ Чигиринъ; но, конечно, и не подумалъ пріѣхать въ Кіевъ для новой присяги, отозвавшись болѣзнію, а прислалъ вмѣсто себя нѣкоторыхъ членовъ войсковой старшины. Любопытна эта постоянная и наглая ложь Выговскаго, уже заключившаго формальный договоръ съ Поляками о своемъ подданствѣ Рѣчи Посполитой. Очевидно, онъ вполнѣ усвоилъ себѣ тѣ пріемы и способы, при помощи которыхъ его знаменитый учитель Богданъ Хмѣльницкій велъ борьбу съ Польшею. Только Выговскій примѣнилъ ихъ къ борьбѣ съ Москвою. Онъ также постоянно призываетъ на помощь Крымскую орду и отдаетъ ей на разграбленіе и плѣненіе селенія и цѣлые города. Ведя открытую войну съ московскими воеводами, онъ также продолжаетъ увѣрять Московское правительство въ своемъ вѣрноподданствѣ, принимать его посланцевъ и отправлять своихъ; а поведеніе свое объясняетъ главнымъ образомъ обидами, которыя будто бы причиняли ему присланные изъ Москвы воеводы и преимущественно Шереметевъ. И все это онъ точно такъ же дѣлаетъ въ ожиданіи болѣе дѣйствительной помощи, т.-е. тянетъ переговоры, хитритъ и лицемѣритъ, ожидая прихода польскихъ войскъ. Еще болѣе любопытно то обстоятельство, что Московское правительство, несмотря на явные измѣну и мятежъ Выговскаго, не прерываетъ съ нимъ обычныхъ сношеній и продолжаетъ отправлять къ нему своихъ посланцевъ для всякаго рода переговоровъ. А патріархъ Никонъ лѣтомъ того же 1658 года, во время междоусобія Выговскаго съ Пушкаремъ, черезъ Загоровскаго, игумна лубенскаго Мгарскаго монастыря, пріѣзжавшаго въ Москву, посылаетъ гетману свое благословеніе и приказываетъ узнать, чѣмъ гетманъ недоволенъ. Но Загоровскій оказался сторонникомъ Выговскаго и старался въ Москвѣ оправдывать его поведеніе. Московское правительство долго не могло разобраться въ совершавшейся путаницѣ и распознать истинныя чувства и отношенія малороссійскихъ дѣятелей, получая противорѣчивыя извѣстія и донесенія. Но и въ то время, когда ясно обнаружилась измѣна Выговскаго, оно все еще медлитъ приступить къ рѣшительнымъ противъ него дѣйствіямъ: съ одной стороны, самое подданство Малороссіи, столь еще недавнее, условное и не укрѣпившееся, замѣчаемыя непостоянства и шатость умовъ въ населеніи, малое еще знакомство съ ея бытовыми условіями и народнымъ характеромъ, конечно, заста-

вляли дѣйствовать осторожно, не спѣша и затрудняли принятіе рѣшительныхъ мѣръ, а съ другой—такая мѣра, какъ посылка большихъ войскъ, была не легко осуществима и потому, что военныя силы московскія въ это время были разбросаны. Онѣ занимали значительную часть новозавоеваннаго великаго княжества Литовскаго, а также расположены были на пограничьѣ со Швеціей, съ которой еще не было заключено перемиріе.

А перемиріе съ Поляками уже было нарушено.

Несчастная и упорная надежда добиться избранія на Польскій престолъ долго не покидала Алексѣя Михайловича; а Поляки ловко поддерживали ее, стараясь выиграть время для окончанія своей войны со Шведами. При царскомъ дворѣ совсѣмъ упускали изъ виду первостепенной важности вѣроисповѣдный вопросъ, и воображали, что можно занять Польскій престолъ, не переходя въ католичество. А затѣмъ вѣрили коварнымъ увѣреніямъ литовскихъ сановниковъ, будто все великое княжество Литовское отступитъ отъ Короны и перейдетъ въ московское подданство, если сеймъ не утвердитъ выбора Алексѣя въ короли. Весной 1657 года по обоюдному согласію назначенъ былъ вторичный съѣздъ въ Вильнѣ уполномоченнымъ обѣихъ сторонъ. Сюда изъ Москвы былъ отправленъ тотъ же ближній бояринъ князь Н. И. Одоевскій; въ товарищи ему на сей разъ даны бояре П. В. Шереметевъ и кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій и двое дьяковъ, думный Алмазъ Ивановъ и Ив. Патрикѣевъ. Для обереганья пословъ отряженъ бояринъ Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ съ полкомъ ратныхъ людей. Прибывъ въ Вильну въ 20-хъ числахъ іюня, послы не нашли тамъ польскихъ комиссаровъ; въ ожиданіи ихъ они вступили въ переговоры съ в. литовскимъ гетманомъ Павломъ Сапѣгою. Онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Гонсѣвскимъ главнымъ образомъ и манили доселѣ Московское правительство готовностью на подданство ему со стороны в. княжества Литовскаго. Теперь же Сапѣга на вопросы русскихъ пословъ сталъ отвѣчать въ иномъ тонѣ; говорилъ, что онъ отъ Короны не отступитъ; что при живомъ государѣ искать другого — «то дѣло великое и страшное». Межъ тѣмъ Польское правительство вело тайные переговоры съ Выговскимъ и въ виду его измѣны оттягивало Виленскій съѣздъ. Не дождавшись комиссаровъ, московское посольство 16-го августа выѣхало изъ Вильны въ Москву. Но тутъ пришло извѣстіе о скоромъ прибытіи польскихъ уполномоченныхъ. По приказу изъ Москвы Одоевскій съ товарищи воротился въ Вильну, и съѣздъ открылся 16-го сентября. Но къ этому времени съ Выговскимъ былъ уже заключенъ Гадячскій договоръ, и естественно Поляки на съѣздѣ, вмѣсто окончательнаго дого-

вора объ избраніи царя, стали снимать съ себя маску и предъявлять невозможныя условія; напримѣръ, они требовали не только очищенія литовскихъ городовъ, но и возстановленія границъ на основаніи Поляновскаго договора. А между тѣмъ оба гетмана, Сапѣга и Гонсѣвскій, начали съ своими полками движеніе къ Вильнѣ; были уже случаи нападенія на русскіе отряды. Наконецъ, наши уполномоченные 19-го октября прервали переговоры и выѣхали изъ Вильны, предоставивъ князю Долгорукову вести уже открывшіяся военныя дѣйствія. 8-го октября этотъ воевода близъ Вильны при селеніи Верки напалъ на отрядъ Гонсѣвскаго, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ. Затѣмъ онъ послалъ въ Вильну къ князю Одоевскому и его товарищамъ съ просьбою прислать бывшихъ съ ними ратныхъ людей ему на помощь противъ Сапѣги. Тѣ посылали; но сотенные головы, князь Барятинскій и Плещеевъ, замѣстничали, и не пошли по родовымъ счетамъ. Тогда Долгоруковъ отступилъ отъ Вильны по дорогѣ къ Смоленску. Такимъ образомъ вопросъ объ избраніи царя въ короли кончился, и война съ Поляками возобновилась сама собою и въ Литвѣ, и на Украйнѣ. Вскорѣ, какъ извѣстно, удалось заключить Валіесарское перемиріе со Шведами. Только послѣ сего перемирія царь рѣшилъ исполнить просьбу своихъ воеводъ и сторонниковъ въ Малороссіи, т.-е. послать туда значительное войско.

Это войско, предводимое старымъ извѣстнымъ воеводою ближнимъ бояриномъ и (титулярнымъ) намѣстникомъ казанскимъ кн. А. Н. Трубецкимъ, въ концѣ марта 1659 года выступило изъ Путивля и вошло въ лѣвобережную Украйну; съ нимъ соединились бѣлгородскій воевода кн. Г. Г. Ромодановскій, который удачно велъ тамъ военныя дѣйствія, и вѣрные Москвѣ казаки подъ начальствомъ временнаго гетмана Ив. Беспалаго. Такимъ образомъ составилось многочисленное войско (нѣкоторыя извѣстія преувеличиваютъ его число до 100 и даже до 150 тысячъ). Но старый воевода на сей разъ оказался ниже своей задачи и дѣлалъ одну ошибку за другой. Во-первыхъ, Выговскій, поджидая Поляковъ и Татаръ, сумѣлъ нѣкоторое время задерживать его обѣщаніемъ пріѣхать лично для переговоровъ (впрочемъ, эти переговоры предписывались воеводѣ царскимъ наказомъ, который все еще выражалъ надежду на раскаяніе Выговскаго). Во-вторыхъ, онъ занялся осадою Конотопа, гдѣ заперся полковникъ Гуляницкій, котораго Выговскій назначилъ наказнымъ Сѣверскимъ гетманомъ; Трубецкой болѣе двухъ мѣсяцевъ потерялъ въ этой безуспѣшной осадѣ. Тщетно В. Б. Шереметевъ присылалъ съ просьбою оставить часть войскъ подъ Конотопомъ, а съ главными силами спѣшить къ Кіеву или къ Переяславу,

14*

чтобы вмѣстѣ съ нимъ встрѣтить непріятелей на днѣпровской переправѣ или разбить Выговскаго до прихода Крымской орды.

Выговскій успѣлъ собрать большія силы изъ казаковъ, Поляковъ, наемныхъ Нѣмцевъ, Сербовъ и Волоховъ; а главное на помощь къ нему пришелъ самъ ханъ Мухамедъ-Гирей съ 30.000 крымскихъ, нагайскихъ и буджакскихъ Татаръ. Князь Трубецкой стоялъ такъ оплошно, что допустилъ Выговскаго незамѣтно подойти и на разсвѣтѣ 27-го іюня внезапно съ казаками ударить на русскія укрѣпленныя линіи. Побивъ много людей, Выговскій затѣмъ отступилъ. Недальновидный Трубецкой, думая, что передъ нимъ все непріятельское войско, двинулъ за отступавшимъ конницу подъ начальствомъ двухъ князей, Семена Романовича Пожарскаго и Сем. Петр. Львова. Эти князья увлеклись преслѣдованіемъ и попали въ ловушку. Нѣкоторые взятые языки сообщали о близко находившейся ордѣ; но князь Пожарскій, ничему не внимая, рвался впередъ и похвалялся вырубить и полонить хана съ его ордою. На слѣдующій день, 28-го іюня, онъ въ семи верстахъ отъ Конотопа переправился за рѣчку Сосновку; тутъ вдругъ появились татарскія полчища и окружили его заодно съ казаками. Послѣ отчаянной обороны Русскіе были подавлены числомъ и побиты; тысячъ пять взяты въ плѣнъ, да и тѣхъ потомъ рѣзали какъ барановъ. Неукротимому и бранчивому князю Пожарскому ханъ велѣлъ отрубить голову; Львовъ вскорѣ умеръ въ плѣну. Такъ погибъ цвѣтъ московскаго воинства отъ нераспорядительности и оплошности князя Трубецкого. Послѣ того Выговскій съ ханомъ напали на главное русское войско, которое отступало отъ Конотопа, оградясь таборомъ. Тщетно казаки и Татары напирали на таборъ и старались его разорвать; они были постоянно отбиваемы сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Непріятель преслѣдовалъ русское войско до тѣхъ поръ, пока оно перебралось за р. Семь и закрылось болотами; тогда Выговскій и ханъ воротились назадъ, а Трубецкой ушелъ въ Путивль. Первыя вѣсти о Конотопскомъ пораженіи и наступленіи непріятелей произвели въ Москвѣ не только тяжелое впечатлѣніе, но и большую тревогу; власти бросились укрѣплять столицу, при чемъ по государеву указу жителей ея сгоняли на земляныя работы; окрестное населеніе съ легкимъ имуществомъ спѣшило въ городъ, въ виду предстоявшей осады. Пронесся даже слухъ, что государь хочетъ уѣхать за Волгу. Но тревога оказалось напрасною и вѣсти слишкомъ преувеличенными.

Выговскій вмѣстѣ съ ханомъ успѣлъ «обманомъ» (прелестными листами) захватить и разрушить нѣкоторые города на Сулѣ, а именно Ромны, Константиновъ, Глинскъ, Лохвицу, и выжечь многія селенія;

потомъ перешелъ Пселъ; но тутъ встрѣтилъ мужественный отпоръ подъ Гадячемъ, гдѣ заперся миргородскій полковникъ Павелъ Ефремовъ Апостолъ. Разореніе, причиненное наемными войсками Выговскаго, и выдача жителей въ плѣнъ Татарамъ, произвели такое дѣйствіе, что города стали запираться отъ него и отчаянно обороняться. Въ это время пришла вѣсть, что Запорожцы, предводимые знаменитымъ кошевымъ атаманомъ Ив. Сѣрко, погромили ногайскіе улусы, пользуясь отсутствіемъ хана съ войскомъ. Съ просьбою объ этой диверсіи московскіе воеводы посылали къ Сѣрку еще до Конотопской битвы. Юрій Хмѣльницкій, участвовавшій въ этомъ походѣ, самъ извѣстилъ о томъ хана, хвалясь такими словами: «ты воюешь чужія земли, а я повоевалъ ногайскіе улусы». Не одни Запорожцы напали на Крымъ. Побуждаемые московскими воеводами, Донцы тоже сдѣлали судовой набѣгъ на крымскіе берега и Чернымъ моремъ доходили даже до Синопа. Ханъ покинулъ Выговскаго и, оставивъ ему небольшой отрядъ, поспѣшилъ въ Крымъ. Гетманъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить отъ Гадяча и уйти въ Чигиринъ. Напрасно онъ продолжалъ разсылать прелестные листы по Украйнѣ, возбуждая казачество противъ Москвы. Эта неудача послужила поворотнымъ пунктомъ въ его столь удачно начавшемся возстаніи. Какъ только измѣнникъ—гетманъ ушелъ за Днѣпръ, въ лѣвобережной Украйнѣ проявилось сильное противъ него народное движеніе, сдерживаемое дотолѣ его наемными войсками и особенно Крымскою ордою. Въ пользу Москвы особенно выступило бѣлое духовенство, имѣя во главѣ извѣстнаго уже намъ нѣжинскаго протопопа Максима Филимоновича. Благодаря убѣжденіямъ его и другихъ уважаемыхъ священниковъ, лѣвобережные казацкіе полковники, съ переяславскимъ Тимоѳеемъ Цецурою во главѣ, еще недавно вмѣстѣ съ Выговскимъ угрожавшіе Москвѣ стоять за свои вольности, вступили теперь въ переговоры съ Шереметевымъ въ Кіевѣ и съ княземъ Трубецкимъ въ Путивлѣ о своемъ возвращеніи въ московское подданство. Сіе движеніе отразилось и на правой сторонѣ. Чувствуя колеблющуюся подъ собою почву, Выговскій снова попытался овладѣть Кіевомъ, этимъ главнымъ опорнымъ пунктомъ Московскаго владычества. Но отряженный имъ братъ Данило снова потерпѣлъ пораженіе отъ Шереметева. Послѣ того на лѣвомъ берегу вновь присягнули на подданство великому государю полковники переяславскій Тимоѳей Цецура, нѣжинскій Василій Золотаренко, черниговскій Симичъ, лубенскій Засядка со своими полками, мѣщанами и чернью. А на правомъ то же сдѣлали кіевскій Якименко, уманскій Ханенко, паволоцкій Ив. Богунъ, каневскій Ив. Лизогубъ и бѣлоцерковскій Ив. Кравченко. Въ нѣкоторыхъ городахъ приверженцы Москвы бросились на

сторонниковъ Выговскаго, на Поляковъ и Нѣмцевъ и перебили ихъ нѣсколько тысячъ. Выговскій тщетно ждалъ войска и денегъ изъ Польши. Тогда онъ съ нѣсколькими сотнями казаковъ ушелъ подъ Бѣлую Церковь, гдѣ стоялъ съ небольшимъ таборомъ Андрей Потоцкій вмѣстѣ съ Даниломъ Выговскимъ. Казаки стали покидать Выговскаго и переходить къ Юрію Хмѣльницкому; около послѣдняго скопилось до 10,000 человѣкъ, которые расположились по сосѣдству въ Германовкѣ. Иванъ Выговскій попытался созвать здѣсь черную раду, на которой уговаривалъ казаковъ остаться въ подданствѣ Польскаго короля. Его едва не убили, и онъ спасся въ польскій таборъ. Вскорѣ съ Хмѣльницкимъ соединились правобережные полки: Чигиринскій, Уманскій, Черкасскій, Каневскій. Казаки обратились къ Выговскому съ требованіемъ выдать имъ булаву и бунчукъ. Послѣ многихъ споровъ Выговскій послалъ имъ гетманскіе знаки съ братомъ Данилой, подъ условіемъ оставаться вѣрными королю. Но войско передало знаки Юрію Хмѣльницкому, провозгласивъ его гетманомъ. Это произошло около половины сентября 1659 года.

Межъ тѣмъ князь А. Н. Трубецкой, хотя и получилъ подкрѣпленіе съ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, по приказу изъ Москвы около 20-го августа выступилъ изъ Путивиля далѣе къ Сѣвску, чтобы охранять наши предѣлы отъ Черкасъ и Татаръ. Въ Москвѣ считали Украйну какъ бы потерянною для себя и еще не знали о начавшемся обратномъ движеніи. Уже передовыя части отошли отъ города верстъ десять, какъ вдругъ изъ Нѣжина отъ протопопа Максима и полковника Вас. Золоторенка пришло письмо съ извѣстіемъ о перемѣнахъ и съ моленіемъ вновь идти въ черкасскіе города. Трубецкой рѣшился нарушить царскій указъ, и поворотилъ войско назадъ. Въ Путивль пріѣхалъ протопопъ Максимъ съ депутатами отъ Нѣжинскаго полка, которые и присягнули вновь на подданство Московскому царю. Затѣмъ принесли присягу полки Прилуцкій и Переяславскій; а въ началѣ сентября такимъ же образомъ присягнула почти вся лѣвая сторона. Трубецкой прибылъ въ Переяславъ, и сюда съ правой стороны въ первыхъ числахъ октября Юрій Хмѣльницкій прислалъ полковника Петра Дорошенка предъявить 14 статей о правахъ и вольностяхъ, на основаніи которыхъ войско Запорожское желаетъ учинить новую присягу царю. Тутъ, между прочимъ, требовали, чтобы московскихъ воеводъ на Украйнѣ ни въ какихъ городахъ не было, кромѣ Кіева; чтобы гетманъ имѣлъ право принимать иноземныхъ пословъ, сообщая въ Москву только копіи съ ихъ грамотъ; чтобы при заключеніи договоровъ съ сосѣдними народами въ Москвѣ присутствовали комиссары отъ войска; чтобы митрополитъ Кіевскій находился

подъ послушенствомъ Константинопольскаго патріарха, а избраніе митрополита попрежнему было вольное; чтобы въ Москвѣ не принимали никакихъ грамотъ изъ Украйны, если онѣ не снабжены гетманскою подписью и войсковою печатью. Вообще Юрій Хмѣльницкій, повидимому руководимый разными вліяніями, обнаружилъ какую то неискренность и притязательность въ отношеніи московскаго подданства. Кромѣ требованія помянутыхъ условій, онъ отказывался ѣхать на раду въ Переяславъ, и хотѣлъ, чтобы казацкая рада для избранія гетмана собралась на правой сторонѣ у Терехтемірова монастыря. Только послѣ угрозъ Трубецкого двинуть на него свои войска съ одной стороны, а Шереметева — съ другой, Юрій и окружавшая его старшина пріѣхали въ Переяславъ. Сюда же прибыли В. Б. Шереметевъ, кн. Ромодановскій и наказной гетманъ Безпалый. 17-го октября въ полѣ, близъ города, состоялась казацкая рада въ присутствіи внушительной московской рати. На этой радѣ былъ выбранъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Юрій Хмѣльницкій, и ему торжественно вручили булаву. Затѣмъ читали статьи о правахъ и вольностяхъ войска Запорожскаго, но не вышеупомянутыя, увеличивавшія гетманскую власть, а старыя Богдановскія; къ нимъ присоединили еще нѣсколько новыхъ статей, которыя, наоборотъ, немного сокращали эту власть, указывая гетману, чтобы онъ былъ всегда готовъ на царскую службу со всѣмъ войскомъ, и безъ государева соизволенія ни куда на войну и на помощь кому-либо не ходилъ; царскимъ воеводамъ полагалось быть въ городахъ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Браславѣ и Умани для охраны отъ непріятелей; а въ бѣлорусскихъ городахъ всѣ казацкіе залоги вывести; гетману полковниковъ и другихъ начальныхъ людей безъ рады не назначать, также не назначать ихъ изъ людей неправославныхъ или новокрещенныхъ, а смертію ихъ не казнить безъ полномочія отъ царскаго величества. За радою слѣдовала присяга Хмѣльницкаго и старшины въ соборномъ храмѣ. Торжество кончилось общимъ пиромъ у князя Трубецкого; при чемъ чаши о многолѣтіи государя сопровождались громкою пальбою изъ всего наряда.

21-го октября воеводы роздали новому гетману и начальнымъ людямъ въ подарокъ отъ государя соболей и отпустили ихъ изъ Переяслава. А 26-го выступилъ обратно въ Москву и кн. А. Н. Трубецкой со своимъ большимъ полкомъ. Съ ратными людьми, т. е. съ московскимъ гарнизономъ, онъ оставилъ въ Переяславѣ своего товарища, окольничаго А. В. Бутурлина, въ Нѣжинѣ кн. Сем. Шаховскаго, въ Черниговѣ Вл. Новосильцева; кіевскому воеводѣ В. Б. Шереметеву онъ далъ «въ прибавку» часть полковъ своего и товарища князя Долгорукова. Послѣд-

нему съ его полкомъ велѣлъ оставаться въ Путивлѣ до государева указа. Требованіе воеводъ выдать Ивашку Выговскаго со всей его родней казаки не могли исполнить, за ихъ отсутсвіемъ. Выдали только брата его Данила, котораго Трубецкой взялъ въ Москву; но дорогой онъ умеръ. При самомъ началѣ возстанія противъ Выговскаго, на лѣвой сторонѣ захватили его дядю Василія, овруцкаго полковника, да его двоюродныхъ братьевъ, Илью и Юрія, которыхъ отправили тоже въ Москву (19).

Итакъ, Малороссія, разрываемая на части измѣною Выговскаго, казалась теперь снова объединенною подъ державою Московскаго государя. Но дальнѣйшая ея судьба была тѣсно связана съ личностью общаго казацкаго вождя или гетмана. А чего можно было ожидать отъ Юрія Хмѣльницкаго, котораго только память о знаменитомъ его отцѣ возвела на высокую гетманскую ступень въ то именно время, когда на этой ступени не могли удержаться и люди гораздо болѣе его умные и опытные? Это былъ застѣнчивый, невзрачный и болѣзненный юноша, скорѣе походившій на монастырскаго послушника, чѣмъ на добраго казака. Между прочимъ, на кіевскаго воеводу В. Б. Шереметева онъ произвелъ столь невыгодное впечатлѣніе, что тотъ, по словамъ одного украинскаго лѣтописца, будто бы отозвался о немъ такимъ образомъ: «этому гетманишкѣ впору гусей пасти, а не гетманствовать». Но именно вмѣстѣ съ такимъ ничтожествомъ московскимъ воеводамъ пришлось и обороняться отъ польскихъ интригъ, и вести возобновившуюся или Вторую польскую войну.

Эта война ознаменовалась для насъ новыми важными неудачами на обоихъ ея театрахъ: Бѣлорусскомъ и Малорусскомъ.

Въ началѣ 1660 года военныя дѣйствія въ Бѣлоруссіи съ нашей стороны были удачны. Князь Ив. Андр. Хованскій разбилъ польскіе отряды, предводимые Полубенскимъ, Огинскимъ и др.; затѣмъ взялъ и сжегъ Брестъ-Литовскій. Но Московское правительство все еще вѣрило въ возможность заключить прочный миръ, которымъ манили его Поляки. Для переговоровъ вновь было снаряжено то же посольство, т.-е. кн. Н. И. Одоевскій, П. В. Шереметевъ и кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій съ думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ и большою свитою. На сей разъ условлено было съѣхаться съ польскими комиссарами на р. Березинѣ въ тогдашнемъ пограничномъ городѣ Борисовѣ, куда въ началѣ апрѣля и прибылъ Одоевскій съ товарищи. Здѣсь къ московскому посольству, согласно послѣднимъ переяславскимъ статьямъ, присоединились уполномоченные отъ войска Запорожскаго полковники В. Золотаренко и

Ѳ. Коробка съ полсотней казаковъ. Но вновь и тщетно наше посольство ожидало польскихъ комиссаровъ. Они ограничились тѣмъ, что завели безплодную переписку о казацкихъ уполномоченныхъ, не признавая ихъ царскими подданными и отвергая ихъ участіе въ переговорахъ. Въ дѣйствительности Поляки и теперь старались только выиграть время, пока происходили ихъ мирные переговоры со Шведами. Эти переговоры, начатые въ Данцигѣ, прекратились было вслѣдствіе кончины Карла X; однако, вскорѣ они возобновились близъ Данцига въ Оливѣ, при дѣятельномъ посредствѣ французскаго посла Деломбра. 23-го апрѣля здѣсь состоялся наконецъ мирный трактатъ, по которому Западная Двина признана границею шведскихъ и польскихъ владѣній, а Янъ Казиміръ отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Шведскую корону. Поляки теперь имѣли развязанныя руки и всѣ силы свои могли обратить противъ Москвы. Естественно, вмѣсто мирныхъ переговоровъ они тотчасъ двинули свои закаленные въ Шведской войнѣ отряды изъ ливонскихъ и прусскихъ областей на подкрѣпленіе тѣмъ, которые дѣйствовали въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ.

Князь Хованскій съ довольно значительными силами въ это время осаждалъ Ляховичи. Узнавъ о приближеніи гораздо меньшаго числомъ польскаго войска подъ начальствомъ гетмана Сапѣги и Чарнецкаго, онъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, и 18-го іюня сразился у мѣстечка Полоннаго; но, вслѣдствіе превосходства непріятельской конницы, потерпѣлъ сильное пораженіе, потерялъ весь обозъ и артиллерію и съ остаткомъ своей рати ушелъ къ Минску; товарищъ его князь Щербатовъ со многими второстепенными начальниками попался въ плѣнъ. Московское посольство послѣ того поспѣшно уѣхало изъ Борисова. Польскіе вожди, продолжая наступленіе, въ 20-хъ числахъ сентября напали на князя Ю. А. Долгорукаго (побѣдителя Гонсѣвскаго), въ 30 верстахъ отъ Могилева. Долгорукій храбро и успѣшно выдерживалъ цѣлый рядъ битвъ. 10-го октября, однако, конница его была разбита непріятельскими гусарами и пятигорцами, а пѣхота принуждена запереться въ укрѣпленномъ лагерѣ. Непріятели заняли окрестности и прекратили Русскимъ подвозъ припасовъ. Князь Хованскій двинулся въ тылъ Полякамъ и отвелъ на себя Сапѣгу и Чарнецкаго. Онъ даже побилъ ихъ передовой отрядъ съ Кмитичемъ на берегахъ Друча. Чарнецкій вплавь переправился черезъ Другъ и ударилъ на Хованскаго. Послѣдній вновь потерпѣлъ пораженіе и ушелъ въ Полоцкъ. Межъ тѣмъ Долгорукій отступилъ къ Могилеву, а брата своего Петра направилъ къ Шклову; но тотъ около сего города былъ настигнутъ и побитъ непріятелемъ.

Еще болѣе крупными событіями отразился Оливскій миръ на Украйнѣ. Перевѣсъ въ силахъ, бывшій первые мѣсяцы 1660 года на русской сторонѣ, вскорѣ перешелъ на сторону Поляковъ, когда къ нимъ подоспѣли полки съ сѣвера. Въ Москвѣ по мысли самого царя рѣшили вести войну наступательную, т.-е. не ожидать непріятельскаго вторженія въ Украйну, а самимъ идти въ Польшу и подписать миръ въ Варшавѣ, Краковѣ или Львовѣ. Поэтому главному тамъ воеводѣ В. Б. Шереметеву посланы значительныя подкрѣпленія. А чтобы отвлечь хана отъ соединенія съ Поляками, предположено двинуть на Крымцевъ не только Донскихъ казаковъ, но и Калмыковъ, часть которыхъ около того времени добровольно просила Московскаго царя принять ихъ подъ свою высокую руку. На Украйнѣ сравнительно небольшая московская рать должна была опираться на массу войска Запорожскаго и вмѣстѣ съ нимъ идти на Поляковъ. Но тутъ-то и оказалось, что она опиралась не на каменную стѣну.

Такое ничтожество какъ Юрій Хмѣльницкій, естественно, не устоялъ противъ интригъ ловкихъ польскихъ агентовъ, и прежде всего извѣстнаго намъ Беневскаго, который усердно смущалъ его съ одной стороны всякими бѣдствіями, грозившими ему лично и всей Украйнѣ отъ московскаго деспотизма, а съ другой—всѣми благодѣяніями, ожидавшими его отъ короля и Рѣчи Посполитой. Внушенія эти падали на благодарную почву; ибо Юрій уже обращался въ Москву чрезъ своихъ посланцевъ (Одинца и Дорошенка) съ разными просьбами; но на нихъ часто отвѣчали отказомъ; таковы, напримѣръ, просьбы отмѣнить пребываніе московскихъ воеводъ въ малороссійскихъ городахъ, кромѣ Кіева и Переяслава, возвратить гетману и войсковымъ судьямъ право казнить за преступленіе какъ чернь, такъ и самую старшину, простить и воротить въ прежнее достоинство Данилу Выговскаго, Ивашку Нечая, Лѣсницкаго, Гуляницкаго и пр. Юрій не зналъ того, что его я ть Данила Выговскій уже умеръ въ московскомъ плѣну, повидимому, не вынесши жестокихъ пытокъ; а другого его зятя Ив. Нечая не хотѣли освободить изъ московскаго плѣна, какъ явнаго царскаго измѣнника, передавшагося Полякамъ и причинившаго много зла. Жены этихъ двухъ лицъ, т.-е. родныя сестры Юрія, конечно, своими жалобами не мало усиливали его раздраженіе противъ Москвы. Московскіе недоброхоты, разумѣется, не замедлили передать Юрію и выше приведенный презрительный о немъ отзывъ кіевскаго воеводы Шереметева. Самымъ вліятельнымъ лицомъ при гетманѣ и распорядителемъ въ войскѣ тогда былъ генеральный эсаулъ Иванъ Ковалевскій, уже втайнѣ увлеченный Беневскимъ на польскую сторону. Не умѣло Московское правительство

привязать къ себѣ и энергичнаго переяславскаго полковника Тимоѳея Цецуру, который въ предстоявшемъ походѣ долженъ былъ учавствовать въ качествѣ наказного гетмана: Цецура билъ челомъ объ отдачѣ ему тѣхъ маетностей (Кричева и Чичерека), которыя были отобраны у измѣнника Ивашки Нечая; но ему было въ томъ отказано, тогда какъ его товарищи и сотрудники по возвращенію Украйны въ московское подданство, нѣжинскій полковникъ В. Золотаренко и протопопъ Максимъ, были награждены маетностями, при чемъ Золотаренкѣ данъ Гомель.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій уже стоитъ подъ Межибожемъ (на верхнемъ Бугѣ) и готовится идти на Украйну, въ Васильковѣ 7-го іюля, въ присутствіи Шереметева, собралась рада, на которой сдѣланъ былъ распорядокъ казацкимъ полкамъ. Одна часть ихъ подъ начальствомъ самого гетмана должна была вмѣстѣ съ Кіевскимъ воеводой идти на Поляковъ, именно на Львовъ, а другая сторожить Украйну со стороны Крыма. Положили, что Шереметевъ и Хмѣльницкій не медля выступятъ разными дорогами и соединятся въ Слободищахъ. Но полковники вяло собирались въ назначенные пункты; Шереметевъ и его товарищъ окольничій князь Щербатовъ только послѣ Спаса, т.-е. 6-го августа, выступили изъ Кіева съ своею ратью и съ тремя черкасскими полками, Переяславскимъ, Миргородскимъ и Кіевскимъ; послѣдними двумя начальствовали полковники П. Апостолъ и В. Дворецкій, люди преданные Москвѣ. На походѣ къ этой рати присоединились еще три черкасскихъ полка и стольникъ князь Козловскій, пришедшій съ своимъ отрядомъ изъ Умани. Подъ Котельною Шереметевъ произвелъ смотръ своему войску. Оно имѣло бодрый, стройный видъ, прекрасное вооруженіе и состояло изъ многихъ сотенъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, одѣтыхъ въ панцыри и сидѣвшихъ на хорошихъ коняхъ, изъ пѣшихъ солдатскихъ и стрѣлецкихъ, конныхъ драгунскихъ и рейтарскихъ полковъ, хорошо обученныхъ, съ нѣкоторыми начальниками изъ иноземцевъ, каковы фанъ-Стаденъ, Крафортъ, Яндеръ, фанъ-Ховенъ и др. Всей боевой московской рати (т.-е. кромѣ обозныхъ) тутъ было до 15000 человѣкъ. Шесть казацкихъ полковъ подъ общимъ начальствомъ наказного гетмана Цецуры заключало въ себѣ до 20000; въ сравненіи съ московскимъ войскомъ они представляли безпорядочную толпу. Во главѣ всего войска стоялъ опытный, мужественный воевода В. Б. Шереметевъ, котораго царь Алексѣй Михайловичъ очень цѣнилъ, несмотря на неоднократныя просьбы, не хотѣлъ отпустить его изъ Украйны, писалъ ему ласковыя письма и называлъ его «добронадежнымъ архистратигомъ». Къ сожалѣнію, онъ былъ излишне гордъ и самоувѣренъ,

и позволялъ себѣ разныя похвальбы насчетъ Поляковъ и ихъ короля. Онъ недостаточно заботился о развѣдочной части, предпринимая движеніе противъ сильнаго, искуснаго въ интригахъ непріятеля.

Душою сихъ интригъ былъ столь опытный въ нихъ злой геній своей родины, измѣнникъ Иванъ Выговскій. Онъ разсылалъ многочисленныхъ лазутчиковъ, которые вывѣдывали все, что дѣлалось на Украйнѣ, слѣдили за всѣми движеніями Шереметева, и въ то же время распускали тамъ ложные слухи о польскихъ войскахъ, уменьшая ихъ число; а казаковъ смущали всѣми способами, убѣждая ихъ покинуть Московское подданство и вернуться подъ Польское. Онъ же усердно хлопоталъ о союзѣ Поляковъ съ Татарами, ведя переписку съ ханомъ Мухамедъ-Гиреемъ и съ его приближенными.

Подъ Межибожемъ собралось отборное коронное войско числомъ до 30000 человѣкъ, подъ начальствомъ обоихъ коронныхъ гетмановъ, Потоцкаго и Любомірскаго. На помощь ему пришли 40000 Татаръ съ нурадинъ-султаномъ, но пришли только въ концѣ августа. Слѣдовательно, Шереметевъ пропустилъ время напасть на Поляковъ до прихода Татаръ. Да и теперь, введенный въ заблужденіе ложными извѣстіями, онъ не зналъ еще, что коронные гетманы соединились; а силы ихъ полагалъ втрое менѣе числомъ противъ дѣйствительности; о Татарахъ же думалъ, что они и совсѣмъ не придутъ, опасаясь нападенія на нихъ казаковъ. Межъ тѣмъ Юрій Хмѣльницкій съ главнымъ казацкимъ войскомъ даже и близко не появлялся къ условленному для соединенія пункту, т.-е. къ Слободищамъ; а въ то же время своими коварными листами усердно побуждалъ Шереметева идти впередъ и не медля напасть на Ляховъ. Уже начались встрѣчи передовыхъ разъѣздовъ, и отъ плѣнныхъ узнали о близости соединенныхъ войскъ польскихъ и татарскихъ. Шереметевъ собралъ военный совѣтъ. Цецура высказался уклончиво. Умный князь Козловскій совѣтовалъ не идти дальше, не зная въ точности силы непріятеля и неимѣя увѣренности въ казакахъ, которые легко переходятъ то на ту, то на другую сторону и вѣроломно нарушаютъ присягу. Но упрямый Шереметевъ, поддержанный на совѣтѣ княземъ Щербатовымъ, рѣшилъ продолжать наступленіе, и 25-го августа отъ Котельны двинулся къ Межибожу. Туда же велѣно было идти стоявшимъ у города Бара четверымъ полковникамъ, Уманскому, Браславскому, Подольскому и Кальницкому. Но соединенное польско-татарское войско въ это время уже само двигалось въ боевомъ порядкѣ навстрѣчу царской рати. Первая схватка въ открытомъ полѣ произошла у мѣстечка Любара, 4-го сентября. Упорный бой продолжался до ночи. Проливные дожди сдѣлали распутицу. Русскіе на другой день огороди-

лись обозомъ и стали окапываться подъ выстрѣлами непріятеля; въ ночь они успѣли окружить себя валомъ, такъ что потомъ всѣ отчаянные приступы непріятеля были отбиты. По временамъ Шереметевъ выступалъ изъ окоповъ и давалъ кровопролитныя битвы въ открытомъ полѣ и снова уходилъ въ свое укрѣпленіе. Польскія войска также укрѣпились валомъ и рвомъ; а Татары рыскали по окрестностямъ и отрѣзывали Русскимъ всѣ сообщенія. Тщетно Кіевскій воевода ждалъ къ себѣ на помощь Юрія Хмѣльницкаго съ казачьими полками; дни проходили за днями, а онъ не являлся. Въ это время польскіе подметные листы проникали въ лагерь Цецуры и убѣждали казаковъ отстать отъ Москвы, обѣщая всевозможныя королевскія милости. Они производили впечатлѣніе, и многіе казаки тайкомъ перебѣгали въ польскій лагерь.

Въ виду начавшагося волненія въ своемъ войскѣ, крайняго недостатка въ конскихъ кормахъ и грозившаго истощенія съѣстныхъ припасовъ, Шереметевъ рѣшилъ начать отступленіе, которое онъ устроилъ согласно съ правилами военнаго искусства тогдашняго времени и съ своею боевой опытностью. 16-го сентября, на разсвѣтѣ, подъ проливнымъ дождемъ русское войско вышло изъ окоповъ, устроенное въ подвижной таборъ; оно направилось на мѣстечко Чудново, двигаясь между 17 рядами телѣгъ, которыя были связаны другъ съ другомъ; таборъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, а особенно по угламъ былъ защищенъ множествомъ легкихъ орудій; тяжелыя орудія везли посрединѣ, гдѣ находились и войсковые запасы. Онъ представлялъ видъ движущейся крѣпости. Впереди его шелъ отрядъ рабочихъ, который энергично прорубалъ просѣку сквозь стоявшій на пути лѣсъ. Польское войско немедленно устремилось за отступавшимъ таборомъ, обошло его и произвело бѣшенную атаку съ фронта; но не могло разорвать его и съ большими потерями было отбито. Такимъ образомъ, Русскіе прошли семь верстъ; оставалось еще 5 до Чуднова, когда встрѣтилось болотистое мѣсто, которое задержало движеніе; съ помощью рабочаго отряда, однако, устроена была переправа и началось прохожденіе сего мѣста. Но тутъ къ Полякамъ подоспѣлъ генералъ Вольфъ съ артиллеріей и восемью тысячами отборной пѣхоты. Благодаря такому подкрѣпленію, Поляки снова и со всѣхъ сторонъ ударили на таборъ при означенной переправѣ; имъ удалось оторвать и забрать цѣлую его треть, при чемъ они захватили много съѣстныхъ припасовъ и также богатую добычу въ видѣ золотой и серебряной утвари, дорогихъ мѣховъ, жемчугу, которымъ унизываютъ Москвитяне свою одежду, и т. п. Шереметевъ сомкнулъ оставшійся таборъ и продолжалъ движеніе, выдерживая новыя, отчаянныя нападенія непріятеля; 17-го сентября рано по-

утру съ своей изнеможенной, голодной ратью вступилъ въ Чудновъ и занялъ неудобную для обороны позицію на берегу р. Тетерева. На несчастіе онъ не поспѣшилъ во-время занять стоявшій на горѣ Чудновскій замокъ, и непріятель успѣлъ его захватить; Шереметевъ выжегъ городъ; а Поляки окружили расположенный въ болотѣ русскій лагерь со всѣхъ сторонъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла, подѣлали городки и шанцы и начали осыпать наше войско ядрами и гранатами. Отчаянной вылазкой Шереметевъ заставилъ непріятеля отодвинуть свой лагерь и дать болѣе простора Русскимъ; при этомъ они успѣли разыскать ямы, въ которыхъ мѣстное населеніе хоронило свой хлѣбъ.

27-го сентября столь долго ожидаемый Юрій Хмѣльницкій пришелъ, наконецъ, въ мѣстечко Слободищи, отстоявшее на 15 верстъ отъ русскаго войска. Но вмѣсто того, чтобы поспѣшить ему на помощь, этотъ жалкій гетманъ спокойно расположился станомъ, и, окруженный коварными совѣтниками, пріятелями семьи Выговскаго, вошелъ въ тайные переговоры съ польскими начальниками; а Шереметеву далъ знать, будто сильный польско-татарскій отрядъ загородилъ ему дорогу и мѣшаетъ ихъ соединенію. Бѣдственное положеніе русскаго войска достигло крайней степени: постоянно падавшія отъ безкормицы лошади распространяли въ лагерѣ страшное зловоніе; а люди уже страдали отъ голода. Шереметевъ принялъ отчаянное рѣшеніе снова идти таборомъ и пробиться въ Слободищи на соединеніе съ гетманомъ. Какая-то слѣпота мѣшала ему видѣть истину; онъ все еще не догадывался объ измѣнѣ Хмѣльницкаго. 4-го октября Русскіе двинулись. Но отъ казаковъ перебѣжчиковъ польскіе воеводы уже знали о предстоявшемъ движеніи; заранѣе разставили свои войска на пути, который въ удобномъ мѣстѣ преградили рвами и пушками. Началась новая отчаянная атака непріятелей и львиная оборона остававшейся части русскихъ ратныхъ людей. Послѣдніе были сбиты съ дороги къ лѣсу и тамъ окружены всѣми силами польскими и татарскими; уже Татары ворвались въ средину обоза. Но тутъ они наткнулись на шереметевскія телѣги, нагруженныя червонцами, серебряной посудой, мѣхами, дорогимъ платьемъ, и занялись дѣлежомъ добычи. Этимъ моментомъ воспользовался русскій воевода, и такъ какъ отъ постоянной стрѣльбы порохъ истощился, то русскіе ратники ударили въ топоры и рогатины и отчаяннымъ рукопашнымъ боемъ снова отбили непріятеля. А въ наступившую ночь они уже вновь огородились телѣгами и окопались валомъ. Сами непріятели отдавали справедливость и даже приходили въ удивленіе передъ такою стойкостію царскаго войска. Юрій Хмѣльницкій какъ только узналъ о безвыходномъ положеніи Шереметева, покончилъ свои измѣнническіе

переговоры съ Поляками; 7-го октября, по требованію польскихъ гетмановъ, онъ со своей старшиной пріѣхалъ въ ихъ лагерь, а 8-го подписалъ сочиненный ими договоръ, по которому со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ вновь возвращался въ подданство королю и Рѣчи Посполитой. Извѣстіе объ измѣнѣ Хмѣльницкаго произвело удручающее впечатлѣніе въ лагерѣ Шереметева, который въ своей упорной слѣпотѣ все еще надѣялся на его помощь.

Теперь польскіе начальники постарались отдѣлить Цецуру съ казаками отъ московскихъ людей; въ чемъ имъ помогъ Хмѣльницкій: онъ увѣдомилъ полковника о заключенномъ съ Поляками договорѣ и приглашалъ послѣдовать своему примѣру. Цецура не сталъ спорить и въ условленный день съ своими восемью тысячами казаковъ устремился въ польскій лагерь. При этомъ непредвидѣнный случай наказалъ измѣнниковъ: непредувѣдомленные объ ихъ измѣнѣ, Татары со всѣхъ сторонъ напали на нихъ и успѣли изрубить нѣсколько сотъ и взять въ плѣнъ болѣе тысячи, пока Поляки подоспѣли на выручку. Однако, во время этого кроваваго недоразумѣнія одна часть казаковъ бросилась назадъ въ русскій лагерь, а другая ушла домой, такъ что съ Цецурой перешло въ польскій лагерь не болѣе 2000. Полковники Кіевскій, Миргородскій и Прилуцкій съ частью своихъ казаковъ не приняли участія въ измѣнѣ и продолжали находиться при Шереметевѣ.

У послѣдняго оставалась еще надежда на своего замѣстителя въ Кіевѣ стольника князя Юрія Ник. Барятинскаго, котораго онъ уже ранѣе звалъ къ себѣ на помощь. Но безъ царскаго указа князь несмѣлъ двинуться; а пока получился такой указъ изъ Москвы, прошло не мало времени. 7-го октября онъ выступилъ изъ Кіева съ отрядомъ въ 3000 человѣкъ—самое большее, что ему можно было собрать; кое-какія части, отдѣленныя изъ разныхъ гарнизоновъ, должны были присоединиться къ нему на дорогѣ. Вмѣсто спѣшнаго похода прямо на мѣсто дѣйствія, онъ, отошедши потихоньку 50 верстъ отъ Кіева, остановился въ одномъ мѣстечкѣ и сталъ тутъ поджидать означенныхъ подкрѣпленій. Мало-по-малу у него набралось свыше 5000 человѣкъ; 19-го октября онъ двинулся далѣе и дошелъ до мѣстечка Брусилова. Но мѣстный сотникъ съ казаками и войтъ съ мѣщанами отказались впустить его въ городъ, разобрали мостъ и плотину и начали стрѣлять изъ пушекъ. Тутъ только Барятинскій узналъ объ измѣнѣ Хмѣльницкаго. Видя, что Ляхи, Татары и мятежные казаки стали собираться, чтобы окружить и разгромить его войско и опасаясь за судьбу Кіева, гдѣ оставался его товарищъ стольникъ Чадаевъ съ очень малочисленнымъ гарнизономъ, Барятинскій повернулъ назадъ и остановился, це

доходя съ небольшимъ верстъ 20 до Кіева, въ мѣстечкѣ Бѣлгородкѣ, откуда послалъ отписку въ Москву и спрашивалъ новаго царскаго указу. Но къ тому времени вопросъ о главной русской рати былъ уже поконченъ.

Шереметевъ съ остатками своего табора сумѣлъ пройти еще нѣкоторое разстояніе; но подъ Кодnею принужденъ былъ опять остановиться и окопаться. Днемъ шли дожди, а ночью уже были морозы. Русскіе жестоко страдали отъ голода, холода и трупнаго смрада. Такъ какъ не было дровъ, то люди ѣли сырое мясо павшихъ лошадей; ихъ исхудалыя почернѣвшія лица возбуждали сожалѣніе даже у непріятелей. Въ виду безнадежнаго положенія и предстоявшей гибели, естественно, пошатнулась воинская дисциплина и стали происходить шумные толки о сдачѣ среди ратныхъ людей. Мужественное упорство Шереметева, наконецъ, было сломлено, и 15-го октября онъ вступилъ въ переговоры. Польская армія и сама страдала отъ погоды, отъ недостатка кормовъ и съѣстныхъ припасовъ; а потому гетманы были очень обрадованы предложеніемъ перемирія и тотчасъ на него согласились. Затѣмъ назначенные съ обѣихъ сторонъ комиссары принялись договариваться о мирѣ. Въ началѣ сихъ переговоровъ одинъ изъ русскихъ комиссаровъ стольникъ Акинѳіевъ, человѣкъ очень умный, по словамъ польскаго современника, вздумалъ было напомнить Полякамъ о принадлежности къ единому Славянскому племени и къ общей христіанской вѣрѣ, объ ихъ неестественной дружбѣ съ врагами Христа — Татарами. Но, разумѣется, это былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ; татарскіе уполномоченные даже были допущены къ участію въ переговорахъ и прежде всего потребовали отъ Москвитянъ уплаты большихъ суммъ въ пользу Орды.

Послѣ многихъ споровъ мирный договоръ состоялся, былъ обѣими сторонами подписанъ 23-го октября и утвержденъ взаимною присягою. Главныя его статьи были слѣдующія: изъ Кіева, Переяслава, Нѣжина и Чернигова должны быть выведены московскіе гарнизоны, оставивъ въ нихъ свои пушки и военные запасы. Рать Шереметева выдаетъ все свое оружіе, знамена и весь боевой запасъ, и затѣмъ подъ конвоемъ польскимъ будетъ разведена по большимъ городамъ. Русскіе воеводы Шереметевъ, князья Щербатовъ и Козловскій, вообще начальные люди, полковники и офицеры будутъ находиться заложниками у коронныхъ гетмановъ и крымскаго царевича, пока царскіе гарнизоны не выдутъ изъ помянутыхъ городовъ. Когда состоится ихъ сдача, тогда русскіе воеводы и офицеры съ ихъ ратными людьми будутъ отпущены домой, до границы ихъ проводитъ польскій конвой и тамъ возвратитъ имъ

ручное оружіе. Страннымъ кажется, какимъ образомъ такой стойкій и вѣрный царскій слуга, какимъ былъ Шереметевъ, самовольно согласился на очищеніе Украйны отъ московскихъ гарнизоновъ, т.-е. на полное возвращеніе ея подъ Польское владычество, и не только согласился самъ, но и поручился за таковое же согласіе своего кіевскаго товарища князя Барятинскаго? Это по тому времени небывалое превышеніе власти можно объяснить только крайнимъ безвыходнымъ положеніемъ русской рати, не терпѣвшимъ никакого дальнѣйшаго промедленія ради ея спасенія отъ конечной гибели. Едва ли Шереметевъ и вѣрилъ въ возможное исполненіе сихъ условій; а просто не хотѣлъ сдаться безусловно и видѣть своихъ ратныхъ людей увлеченными въ татарскую неволю. Тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствительно послалъ Барятинскому, Чадаеву и лѣвобережнымъ воеводамъ извѣстіе о заключенномъ договорѣ и вмѣстѣ приказъ объ очищеніи занятыхъ Москвою городовъ. Но такіе приказы, конечно, писались подъ диктовку польскихъ вождей.

Князь Барятинскій поступилъ какъ истый московскій воевода: на грамоту Шереметева онъ отвѣтилъ, что договорныя статьи пошлетъ къ великому государю, а безъ царскаго указу, по приказу Шереметева, отдать города и вывести изъ нихъ ратныхъ людей «немочно». «Много па Москвѣ Шереметевыхъ!»—прибавилъ онъ. Посланцевъ отъ коронныхъ гетмановъ и Шереметева онъ не отпустилъ въ эти города; а самъ съ своимъ отрядомъ поспѣшилъ въ Кіевъ.

Межъ тѣмъ гетманы Потоцкій и Любомірскій распорядились самымъ варварскимъ и вѣроломнымъ образомъ. Во-первыхъ, тѣхъ казаковъ, которые оставались въ русскомъ таборѣ, они отдали въ неволю Татарамъ. Во-вторыхъ, какъ только русскіе ратные люди, числомъ около 10,000, выдали свое оружіе, въ ихъ таборъ начали врываться Татары и хватать ихъ арканами. Тогда безоружные Москвитяне стали обороняться чѣмъ попало; Татары пустили въ ходъ стрѣлы, перебили много народу; а остальныхъ, около 8,000, забрали въ плѣнъ; Поляки равнодушно смотрѣли на этотъ разгромъ. Въ-третьихъ, самого В. Б. Шереметева, вопреки условіямъ, польскіе гетманы выдали нуррединъ-султану въ обезпеченіе обѣщанной ему суммы въ 150,000 ефимковъ. Шереметева посадили въ его собственную карету, запряженную шестерней, и въ сопровожденіи его собственныхъ слугъ и свиты, состоявшей изъ сотни разныхъ подчиненныхъ ему лицъ, подъ татарскимъ конвоемъ увезли въ Крымъ, гдѣ онъ потомъ томился болѣе 20 лѣтъ въ тяжкомъ плѣну. Такъ жалко окончился его походъ, предпринятый съ отборною ратью, съ пышными надеждами и похвальбами! Чудновское пораженіе было

еще горше Конотопскаго, и стоило еще дороже Московскому государству

Извѣстіе объ этомъ событіи произвело большую радость въ католической Европѣ. Папа Александръ VII не только послалъ Яну Казиміру поздравленіе съ такой славной побѣдой надъ Москвитянами, но и самъ лично отслужилъ благодарственный молебенъ въ храмѣ св. Станислава. Въ Москвѣ извѣстіе о пораженіи породило совершенное уныніе, и тѣмъ болѣе, что наши внутреннія дѣла тогда находились въ плохомъ состояніи. Не говоря уже о разладѣ царя съ патріархомъ Никономъ, недавнее введеніе мѣдныхъ денегъ въ одной цѣнѣ съ серебряными успѣло произвести свои неблагопріятныя слѣдствія, и въ народѣ обнаружилось броженіе, готовое перейти въ открытый бунтъ. Поэтому при дворѣ снова думали объ отъѣздѣ царя изъ Москвы въ Ярославль или Нижній-Новгородъ. Со стороны Турокъ и Татаръ около того же времени произведено было движеніе на устья Дона. Изъ Царьграда пришли корабли къ Азову и высадили турецкое войско, съ которымъ соединился Крымскій ханъ; подъ ихъ защитою были выстроены двѣ каменныя башни на обоихъ берегахъ, и протянули между ними желѣзныя цѣпи; такимъ образомъ Донскимъ казакамъ былъ отрѣзанъ выходъ въ Черное море для промысла надъ турецкими областями. Царскіе воеводы, сидѣвшіе въ Украинскихъ городахъ, не ладили другъ съ другомъ и посылали взаимныя жалобы; такъ изъ Кіева младшій воевода Чадаевъ билъ челомъ на старшаго воеводу князя Барятинскаго за пренебрежительное къ нему отношеніе, обвинялъ его въ грабежѣ сельскаго населенія и въ угнетеніи ратныхъ людей, отъ чего послѣдніе постоянно бѣгаютъ изъ Кіева, человѣкъ по 20 и по 30 въ день. Переяславскій воевода князь В. Волконскій жаловался на самого Чадаева за его грабежи и ругательства. Такъ какъ московскіе ратные люди получали жалованье мѣдными деньгами, которыхъ на Украйнѣ мѣстные жители не хотѣли принимать, то первые ничего не могли купить, голодали и терпѣли во всемъ нужду; а потому стали насильно собирать съѣстные припасы, что, конечно, возбуждало большія неудовольствія и жалобы со стороны населенія. И тѣмъ не менѣе, когда правая сторона Днѣпра вмѣстѣ съ Юріемъ Хмѣльницкимъ отложилась отъ Москвы и воротилась подъ польское владычество, лѣвобережная Украйна большей частью осталась ей вѣрна. Какъ ни смущали ея жителей агенты Поляковъ и измѣнниковъ, чернь все-таки подданство царю предпочитала господству своей старшины, которая стремилась закрѣпостить себѣ народъ, разбогатѣть на его счетъ и выдѣлиться въ привеллигированное сословіе, по образцу ненавистной Малорусскому народу польской шляхты.

На лѣвой сторонѣ въ это время во главѣ московскихъ приверженцевъ дѣйствовали три человѣка: переяславскій полковникъ и наказной гетманъ Якимъ Самко, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко и нѣжинскій протопопъ извѣстный Максимъ Филимоновичъ. Запорожье также оставалось вѣрно царю; тамъ выдвинулись храбрый сотникъ особой вольной дружины Сѣрко и кошевой Иванъ Брюховецкій. Напрасно агенты Юрія Хмѣльницкаго и извѣстнаго Беневскаго старались склонить на сторону Польши лѣвобережныхъ и грозили имъ погромомъ; здѣсь, напротивъ, приготовились къ отпору.

Около средины ноября Юрій Хмѣльницкій, по настоянію своего руководителя Беневскаго, созвалъ черную раду въ Корсуни на площади у церкви св. Спаса. Тутъ Хмѣльницкій сложилъ съ себя булаву, т.-е. гетманство, утвержденное за нимъ Москвою. А Беневскій сказалъ такое краснорѣчивое слово въ пользу короля, что казаки шумными возгласами объявили себя королевскими слугами и грозили убить всякаго, кто вздумаетъ бунтовать противъ него. Беневскій королевскимъ именемъ вручилъ снова булаву Хмѣльницкому; обознымъ поставили Носача, генеральнымъ судьей Григорія Лѣсницкаго, а войсковую печать передали Павлу Тетерѣ — все лицамъ, преданнымъ Полякамъ.

Перейдя на лѣвый берегъ Днѣпра, Поляки, Татары и казаки Юрія Хмѣльницкаго въ январѣ и февралѣ приступили къ Козельцу и Нѣжину; но и тамъ и тутъ были отбиты вѣрными казаками и мѣщанами. Самко и Золотаренко дѣйствовали удачно и просили только о скорѣйшей присылкѣ царскихъ воеводъ на помощь. Но не легко было Московскому правительству вооружить и прислать новое войско послѣ Чудновскаго погрома. Обстоятельства или, точнѣе, польское безнарядье помогли ему и на сей разъ. Поляки и Татары вскорѣ ушли обратно за Днѣпръ; причиною того было возмущеніе польскаго войска, которое за неплатежъ жалованья отказалось отъ службы и составило конфедерацію. Послѣ того, по примѣру полковъ Переяславскаго, Нѣжинскаго и Черниговскаго, другіе полки лѣвобережной Украйны, Лубенскій, Миргородскій, Прилуцкій, Полтавскій, били челомъ государю о новомъ принятіи ихъ въ свое подданство ([20]).

Обманутый въ своихъ надеждахъ на польскій престолъ и удрученный возобновившеюся, притомъ неудачной войною съ Польшей, естественно Алексѣй Михайловичъ сильно желалъ окончательно развязать себѣ руки со стороны Швеціи, съ которой такъ неосторожно и такъ несвоевременно вступилъ въ борьбу за Балтійскія области.

Послѣ заключенія Вальесарскаго перемирія уполномоченные обѣихъ сторонъ не разъ наряжались для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Съ русской стороны ихъ попрежнему велъ думный дворянинъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, въ качествѣ главнаго воеводы управлявшій занятыми въ Ливоніи городами изъ своего Царевиче-Дмитріева (Кокенгузена). Но среди сихъ переговоровъ въ февралѣ 1660 года его постигло большое горе отъ собственнаго сына Воина. Этотъ молодой человѣкъ воспитался подъ вліяніемъ отцовскаго уваженія къ западноевропейской культурѣ, представительницей которой въ русскихъ глазахъ являлась Польша, къ тому же привлекательная для неопытной молодежи шляхетскими вольностями по сравненію со строгими московскими порядками. А недальновидный отецъ, желая дать своему сыну европейское образованіе, окружалъ его учителями изъ плѣнныхъ Поляковъ. Онъ уже помогалъ отцу въ дѣлахъ управленія и въ перепискѣ съ сосѣдними странами. Пріѣхавъ въ Москву съ какимъ-то порученіемъ, Воинъ окончательно ее возненавидѣлъ, и, посланный обратно къ отцу съ нѣкоторою суммою казенныхъ денегъ, не воротился къ нему, а бѣжалъ за границу, сначала къ Польскому королю, потомъ въ Германію и, наконецъ, во Францію. Эта измѣна сына родинѣ и своему государю сильно поразила отца; ожидая себѣ наказанія, онъ отправилъ царю слезную жалобу на свое горе и просилъ прислать кого-либо другого на его мѣсто. Но царь съ обычною своею добротою и словоохотливостью отвѣтилъ ему длиннымъ письмомъ, въ которомъ утѣшалъ и оправдывалъ отца, не соглашался на его удаленіе и поручалъ ему продолжать начатые переговоры со Шведами. Однако, потомъ внялъ его просьбамъ и въ началѣ 1661 года для этихъ переговоровъ назначилъ великимъ посломъ кн. Ив. Сем. Прозоровскаго съ двумя стольниками (кн. Барятинскимъ и Прончищевымъ) и двумя дьяками (Дохтуровымъ и Юрьевымъ).

Съѣзды уполномоченныхъ теперь происходили въ селеніи Кардисъ (почти на половинѣ дороги между Дерптомъ и Ревелемъ). Шведы, и безъ того требовательные, по заключеніи Оливскаго мира съ Польшею сдѣлались еще неуступчивѣе и требовали полнаго возвращенія всѣхъ завоеванныхъ въ Ливоніи городовъ. Напрасно Россія пыталась получить хотя только Ивангородъ, Ямъ и Копорье. Въ виду бѣдствій Польской войны и тяжелаго положенія нашихъ дѣлъ въ Бѣлоруссіи и Малоруссіи, Москва, наконецъ, согласилась почти на всѣ шведскія требованія, и 21-го іюня былъ заключенъ вѣчный миръ въ Кардисѣ. Такъ печально окончилась завоевательная попытка Алексѣя Михайловича со стороны Балтійскаго моря. Но, по обстоятельствамъ времени, Москва была рада и этому миру. Теперь она могла главное свое вниманіе и

свои очень ослабленныя средства обратить на борьбу съ Поляками и ихъ союзниками Татарами.

Но русскія дѣла въ Литвѣ и Бѣлоруссіи и послѣ того шли неуспѣшно.

Лѣтомъ 1661 года происходилъ знаменитый Варшавскій сеймъ, на которомъ король старался предупредить борьбу партій (обострившуюся по поводу вопроса о немедленномъ избраніи ему преемникомъ французскаго принца Конде) и на которомъ онъ произнесъ пророческія слова о будущемъ раздѣлѣ земель Рѣчи Посполитой между ея тремя сосѣдями: Москвой, Пруссіей и Австріей. (Онъ, собственно, говорилъ о ближайшемъ времени, если его не послушаютъ и не изберутъ немедленно преемника; послѣдняго все-таки не выбрали). Послѣ того онъ лично предпринялъ походъ для обратнаго завоеванія городовъ литовскихъ и бѣлорусскихъ, въ сопровожденіи Стефана Чарнецкаго и Павла Сапѣги. Города эти, занятые малочисленными московскими гарнизонами, не получая подкрѣпленій, безъ особаго труда стали переходить въ польскія руки. Изъ Гродна московскій отрядъ самъ ушелъ при вѣсти о приближеніи короля. Въ Могилевѣ жители перешли на сторону Поляковъ и также заставили Москвитянъ очистить городъ. Король осадилъ Вильну. Начальствовавшій здѣсь воевода, стольникъ князь Данило Мышецкій, заперся въ Виленскомъ замкѣ съ горстью бывшихъ у него людей и храбро оборонялся въ ожиданіи подмоги со стороны князя Хованскаго. Но послѣдній, вмѣстѣ съ Ордынъ-Нащокинымъ, потерпѣлъ новое и полное пораженіе отъ Поляковъ, предводительствуемыхъ Жеромскимъ, потерялъ большую часть войска, пушки и съ немногими людьми спасся въ Полоцкъ. И послѣ того князь Мышецкій продолжалъ свою отчаянную оборону. Поляки стали готовиться къ рѣшительному приступу. Узнавъ о томъ, Мышецкій хотѣлъ взорвать порохомъ себя и свой гарнизонъ. Но его ратные люди воспротивились тому, схватили воеводу и выдали непріятелю. Приведенный въ оковахъ къ королю, онъ держалъ себя гордо; обвиненный въ жестокихъ поступкахъ съ жителями, онъ не захотѣлъ просить помилованія, былъ казненъ смертію и погребенъ въ виленскомъ Духовѣ монастырѣ. По уходѣ короля польскіе отряды продолжали обратное завоеваніе Бѣлоруссіи; въ чемъ имъ помогали сами жители, недовольные грабежами казаковъ и московскихъ ратныхъ людей, неправдами и поборами московскихъ воеводъ. Особенно часто измѣняла бѣлорусская шляхта, по своимъ симпатіямъ и привычкамъ проникнутая польской культурой. Между прочимъ Поляки осадили города Старый Быховъ и Борисовъ. На помощь быховскому гарнизону смоленскій воевода князь

Петръ Долгоруковъ послалъ отрядъ съ боевыми запасами и денежной казной подъ начальствомъ генералъ-майора Друмонта. Польскій полковникъ Станкевичъ встрѣтилъ его недалеко отъ Чаусъ; послѣ упорнаго боя Русскіе одержали полную побѣду. Но такая удача не измѣнила положенія дѣлъ. Малочисленныя московскія войска терпѣли во всемъ недостатокъ, получая жалованье мѣдными деньгами, и ратные люди все болѣе и болѣе уходили изъ полковъ. Въ іюлѣ 1662 г., когда у гарнизона всѣ съѣстные припасы кончились, Русскіе, по приказу изъ Москвы, сами очистили Борисовъ и увезли изъ него свои пушки и боевые снаряды. А въ декабрѣ Поляки взяли приступомъ городъ Усвятъ и плѣнили воеводу съ ратными людьми. Московское правительство, удрученное тяжелой нескончаемой Польской войной, не разъ дѣлало попытки къ мирнымъ переговорамъ; но онѣ разбивались о непомѣрныя требованія Поляковъ, которые хотѣли лишить насъ всѣхъ пріобрѣтеній. Тщетно князь Никита Ив. Одоевскій жилъ въ Смоленскѣ и ждалъ польскихъ комиссаровъ для заключенія перемирія. Все, чего добились русскіе уполномоченные, это размѣна плѣнныхъ. Въ числѣ отпущенныхъ плѣнныхъ Поляковъ находился извѣстный гетманъ Гонсѣвскій. Но едва онъ возвратился въ отечество, какъ около Вильны былъ схваченъ бунтовавшими жолнерами и разстрѣлянъ по обвиненію въ измѣнѣ и въ присягѣ Московскому царю; за одно съ нимъ былъ убитъ и названный выше маршалокъ Жеромскій какъ его единомышленникъ. Въ мартѣ 1663 года А. Л. Ордынъ-Нащокинъ былъ у короля во Львовѣ для новыхъ переговоровъ о мирѣ и опять тщетно, по неуступчивости Поляковъ.

На Украйнѣ предстояло рѣшить вопросъ о гетманѣ, вопросъ, который послѣ Хмѣльницкаго сталъ часто возобновляться и служилъ главнымъ источникомъ для партійной борьбы и постоянной смуты. Наученное опытомъ, Московское правительство недовѣрчиво относилось къ нѣсколькимъ претендентамъ на гетманское достоинство и медлило своимъ рѣшеніемъ; тѣмъ болѣе, что западная сторона Малороссіи отложилась вмѣстѣ съ Юріемъ Хмѣльницкимъ. Изъ Москвы поэтому нѣкоторое время пытались воротить его въ царское подданство, чтобы такимъ образомъ возсоединить обѣ стороны Днѣпра. Юрій самъ склонялся къ тому же, сознавая, какую жалкую роль игралъ онъ въ рукахъ Поляковъ и ихъ сторонниковъ среди старшины. Онъ уже писалъ въ Москву, что правобережные полковники почти насильно принудили его перейти въ королевское подданство, а что впредь онъ желаетъ вѣрно служить его царскому величеству, если получитъ прощеніе. Но переговоры съ нимъ кончились ничѣмъ; по своему ничтожеству Юрій не могъ дѣй-

ствовать самостоятельно, остался игрушкой въ рукахъ окружавшихъ его сторонниковъ Польши и, увлекаемый ими, вскорѣ предпринялъ наступательное движеніе на восточную Украйну. Изъ среды лѣвобережной старшины претендентами на гетманское достоинство выступили двое вышепомянутыхъ полковниковъ: переяславскій, уже носившій званіе наказного гетмана, Самко, и нѣжинскій Золотаренко. Оба они оказали большія заслуги Москвѣ мужественной обороной лѣвой стороны отъ Поляковъ и казацкихъ измѣнниковъ; но въ то же время взаимными доносами и обвиненіями другъ друга въ намѣреніи измѣнить государю и поддаться польскому королю они ставили Московское правительство въ раздумье. Ясно было, что если будетъ выбранъ Самко, Золотаренко не захочетъ ему повиноваться, а если выберутъ Золотаренка, Самко сдѣлаетъ то же самое; слѣдовательно, могло снова возникнуть междоусобіе, какъ было у Выговскаго съ Пушкаремъ. Дѣйствительно весною 1662 года Самко собралъ малую, т.-е. старшинскую, раду въ Козельцѣ изъ своихъ сторонниковъ, которые и выбрали его гетманомъ; но Золотаренко не призналъ этой рады и такое избраніе назвалъ самовольствомъ. Самко казался особенно подозрительнымъ еще по родству съ Юріемъ Хмѣльницкимъ: по своей сестрѣ, матери Юрія, онъ приходился послѣднему дядей, и были основанія обвинять его въ тайныхъ сношеніяхъ съ племянникомъ. Недовольны были также въ Москвѣ и нѣкоторыми его распоряженіями въ качествѣ наказного гетмана; напримѣръ, онъ запрещалъ торговымъ людямъ принимать въ уплату московскія мѣдныя деньги.

Соперничествомъ Самка и Золотаренка воспользовался третій претендентъ, чтобы проложить себѣ дорогу къ гетманству. То былъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, когда-то слуга Богдана Хмѣльницкаго, а теперь кошевой атаманъ на Запорожьѣ, человѣкъ ловкій и пронырливый. Обоихъ названныхъ полковниковъ онъ обвинялъ или въ измѣнѣ, или въ корыстолюбіи и всякихъ неправдахъ, а себя выставлялъ предавнѣйшимъ слугою великаго государя и непримиримымъ врагомъ Ляховъ. Онъ даже предлагалъ совсѣмъ отмѣнить гетманское достоинство и замѣнить его малоросійскимъ княземъ, собственно московскимъ намѣстникомъ, и указывалъ, какъ на подходящее для того лицо, на окольничаго Ѳеодора Михайловича Ртищева. Но, конечно, это былъ сознательно неисполнимый проектъ, придуманный для вящаго угожденія Москвѣ. Брюховецкій сумѣлъ перетянуть на свою сторону и самое вліятельное въ то время духовное лицо въ восточной Малороссіи, а именно епископа Меѳодія, т.-е. бывшаго протопопа Максима.

Послѣ того какъ Діонисій Балабанъ измѣнилъ великому государю вмѣстѣ съ Выговскимъ и удалился изъ Кіева, митрополичья каѳедра оставалась свободною, и епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ вновь исполнялъ обязанности блюстителя Кіевской митрополіи. Но такъ какъ посреди происходившихъ смутъ и шатости умовъ онъ не обнаружилъ особого усердія и энергіи въ поддержаніи царской стороны, то Московское правительство обратило особое вниманіе на дѣятельнаго и усерднаго своего слугу нѣжинскаго протопопа Максима Филимоновича и вызвало его въ Москву, гдѣ въ маѣ 1661 года его, нареченнаго въ монашствѣ Меѳодіемъ, поставили во епископа Мстиславскаго и Оршанскаго; съ такимъ титуломъ онъ былъ отправленъ въ Кіевъ и назначенъ блюстителемъ митрополичьей каѳедры. Діонисій Балабанъ обратился къ Константинопольскому патріарху съ жалобой на насильственное отнятіе у него сей каѳедры; его жалоба, поддержанная гетманомъ Хмѣльницкимъ и Поляками, имѣла успѣхъ: патріархъ изрекъ на Меѳодія анаѳему. Хотя впослѣдствіи, по ходатайству Московскаго царя, анаѳема была снята съ Меѳодія, однако она успѣла произвести впечатлѣніе въ Малороссіи и увеличить смуту въ умахъ.

Посреди раздоровъ, происходившихъ на лѣвой сторонѣ изъ-за гетманства, лѣтомъ 1662 года Юрій Хмѣльницкій переправился черезъ Днѣпръ и пошелъ на Самка, стоявшаго лагеремъ подъ Переяславомъ. Самко отступилъ въ городъ; а потомъ, подкрѣпленный московскимъ гарнизономъ, вышелъ въ поле, разбилъ непріятеля и прогналъ его обратно за Днѣпръ. Кременчугскіе казаки въ это время измѣнили, передались на сторону Хмѣльницкаго и впустили его казаковъ въ городъ; но московскій гарнизонъ, подкрѣпленный мѣщанами, удержался въ замкѣ; а потомъ, когда прибыла помощь отъ князя Ромодановскаго, мятежные казаки потерпѣли полное пораженіе. Въ іюлѣ Ромодановскій вмѣстѣ съ Самкомъ и Золотаренкомъ переправился за Днѣпръ, поразилъ Хмѣльницкаго, занялъ Каневъ и Черкасы. Однако, войско Хмѣльницкаго, подкрѣпленное Татарами и Поляками, принудило Ромодановскаго къ отступленію на лѣвый берегъ. Тутъ послѣдній потерпѣлъ еще пораженіе отъ Мухамедъ Гирея и спасся въ городъ Лубны. Но вскорѣ затѣмъ Юраско Хмѣльницкій, заслужившій нелюбовь казаковъ, окруженный всякими интригами, чувствуя подъ собою колеблющуюся почву, самъ сложилъ съ себя гетманское достоинство и постригся въ Чигиринскомъ монастырѣ. Гетманомъ на западной сторонѣ былъ выбранъ извѣстный Павелъ Тетеря.

Взаимныя обвиненія въ измѣнѣ, толки и пересылки Украйны съ Москвою о выборѣ настоящаго гетмана разрѣшились только въ слѣ-

дующемъ 1663 году. Государь послалъ окольничаго князя Даніила Великаго Гагина съ указомъ всѣмъ властямъ, чтобы собрать большую черную раду, которая должна выбрать гетмана вольными голосами по старымъ войсковымъ правиламъ, утвержденнымъ Переяславскими статьями при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Эта рада собралась подъ Нѣжиномъ. Несмотря на возраженія взаимнопомирившихся Самка и Золотаренка, къ участію въ этой радѣ допущенъ былъ Брюховецкій со своими Запорожцами, о чемъ хлопоталъ епископъ Меѳодій, который и самъ прибылъ на раду. Черная рада началась 17-го іюня. Одни закричали: Брюховецкаго! Другіе: Самка! Вопросъ былъ рѣшенъ силой. Запорожцы и вообще сторонники перваго бросились въ драку на Самковцевъ и одолѣли ихъ. Самко протестовалъ противъ насильственнаго выбора своего противника и потребовалъ новой рады. На другой день, 18-го іюня, собрали раду опять. Тутъ Брюховецкій былъ выбранъ подавляющимъ числомъ голосовъ, ибо на его сторону успѣли перейти Самковцы. Тогда Гагинъ утвердилъ его избраніе, а епископъ Меѳодій въ мѣстной соборной церкви св. Николая привелъ его къ присягѣ на вѣрность великому государю. Новый гетманъ ознаменовалъ свое торжество тѣмъ, что далъ волю Запорожцамъ побить нѣкоторыхъ полковниковъ и замѣнить ихъ людьми преданными. Мало того, онъ, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, испросилъ у Московскаго правительства разрѣшеніе отдать на войсковой судъ людей, обвиняемыхъ въ измѣнѣ. Этотъ судъ приговорилъ къ смертной казни нѣсколько человѣкъ изъ старшины; въ ихъ числѣ потомъ были казнены Самко и Золотаренко. Нѣсколько другихъ обвиненныхъ въ оковахъ отправили въ Москву. Самко и Золотаренко, конечно, не были образцами добродѣтели; но, какъ мы видѣли, они оказали не малыя услуги Москвѣ и ни въ какомъ случаѣ не заслуживали такой жестокой кары. Измѣна ихъ не была доказана, и они погибли жертвою клеветы и злобы коварнаго Брюховецкаго, которому Великороссійское правительство выдало ихъ также неосновательно какъ впослѣдствіи Искру и Кочубея столь же коварному Мазепѣ. Вообще московскіе правители долгое время не могли разобраться въ украинскихъ отношеніяхъ и лицахъ и постоянно дѣлали промахи какъ въ выборѣ послѣднихъ, такъ и въ своихъ съ ними поступкахъ.

Брюховецкій первые годы своего гетманства, повидимому, усердно служилъ Москвѣ въ борьбѣ съ Поляками и казаками-измѣнниками. Эта борьба велась большею частію мелкими партіями и осадами или обороною городовъ. Подущеніями правобережнаго гетмана Тетери нѣкоторые поднѣпровскіе города на лѣвомъ берегу передались на его сторону,

каковы Кременчугъ, Потокъ и Переволочна; сюда явился его наказной гетманъ Петръ Дорошенко; съ русской стороны дѣйствовалъ небольшой конный отрядъ московскаго стряпчаго Григорія Косагова, съ которымъ по временамъ соединялся Сѣрко съ горстью Запорожцевъ и Калмыковъ. Чтобы отвлечь Татаръ отъ помощи Полякамъ, они ходили также подъ самый Перекопъ, и въ октябрѣ едва не взяли татарскую крѣпость, а Брюховецкій, подкрѣпленный воеводою Хлоповымъ, между тѣмъ отобралъ измѣнившіе поднѣпровскіе города. Но въ это время въ Москву пришла тревожная вѣсть о томъ, что король собираетъ силы и снова зоветъ Крымцевъ, чтобы лично напасть на лѣвобережную Украйну и отвоевать ее такъ же, какъ онъ почти отвоевалъ Бѣлоруссію. И гетманъ Брюховецкій, и епископъ Мееодій усилили свои просьбы о присылкѣ большаго войска для обороны Кіева и всей Украйны. Мееодій еще дружитъ съ гетманомъ и хвалитъ царю его службу, конечно, надѣясь съ его помощью достигнуть митрополичьей каеедры; онъ только предупреждаетъ о непостоянствѣ и шатости малороссійскихъ жителей вообще. Коварный Брюховецкій, наоборотъ, уже подкапывается подъ Мееодія, находя его преданность Москвѣ неудобною для своихъ стремленій къ увеличенію гетманской власти и своему личному обогащенію. Онъ лицемѣрно изъявляетъ желаніе, чтобы на Кіевскую митрополію было поставлено лицо изъ московскаго духовенства; между тѣмъ втайнѣ даетъ знать, что кіевскіе монахи находятся въ сношеніи съ Тетерею, а старица Ангелина, которая учитъ грамотѣ дочь Мееодія, передаетъ Тетерѣ и Полякамъ все что услышитъ отъ своей ученицы. Онъ жалуется тоже на медленность кн. Ромодановскаго, который не спѣшитъ съ нимъ соединиться. «Приходъ королевъ на Украйну дѣло великое—пишетъ онъ кіевскому полковнику Дворецкому:—отъ нихъ ничѣмъ не откупишься, а я своею лысою головой силы непріятельскія не сдержу». Изъ Москвы дьякъ Приказа Тайныхъ дѣлъ Башмаковъ привезъ подарки казацкой старшинѣ; но въ то же время потребовалъ отъ нея новой подписи Переяславскихъ статей, на которыхъ присягалъ Юрій Хмѣльницкій. Гетманъ и старшина отговариваются военнымъ временемъ, разореніемъ страны и раздѣленіемъ ея послѣ Юрія на двѣ части. Особенно имъ не нравятся статьи о сборѣ городскихъ и земскихъ доходовъ въ царскую казну и на жалованье войску Запорожскому, такъ какъ эти доходы гетманъ и старшина обращали въ свою пользу. 19 ноября однако на съѣздѣ въ Батуринѣ они подписали статьи. Но Башмаковъ продолжалъ предъявлять разныя требованія; между ними главное и обычное мѣсто занимало крѣпостное право, т. е. обязательство впредь не принимать въ малороссійскіе города московскихъ служилыхъ людей, боярскихъ холопей и

крестьянъ, а настоящихъ бѣглецовъ сыскивать и отправлять на прежнія мѣста; далѣе требовалось сдѣлать перепись казакамъ, мѣщанамъ, крестьянамъ, ихъ землямъ и угодьямъ, а также всѣмъ арендамъ и торговымъ дворамъ для обложенія ихъ оброкомъ, запретить Малороссіанамъ ѣздить въ московскія земли съ виномъ и табакомъ, выдавать хлѣбные запасы на прокормленіе московскимъ ратнымъ людямъ въ Малороссіи и пр.

Нашествіе короля между тѣмъ началось.

Янъ Казиміръ успѣлъ собрать до 40.000 короннаго войска вмѣстѣ съ казаками гетмана Тетери; къ нему должно было присоединиться вспомогательное татарское полчище. Съ королемъ шли лучшіе польскіе военачальники, каковы, кромѣ короннаго гетмана Потоцкаго, Чарнецкій и будущій король Янъ Собѣскій. Съ нимъ же должны были соединиться литовскіе гетманы Сапѣга и Пацъ. Послѣ покоренія всей Украйны Янъ Казиміръ грозилъ идти на самую Москву. Но тамъ знали о надвигавшейся опасности и въ свою очередь придвинули къ юго-западнымъ границамъ войска, которыя только можно было собрать; начальство надъ ними вручили Якову Куденетовичу Черкасскому съ товарищи. На Украйнѣ съ гетманомъ Брюховецкимъ соединился извѣстный бѣлгородскій воевода князь Гр. Гр. Ромодановскій.

Подъ Ржищевымъ Польское войско перешло Днѣпръ. Время года было выбрано неудачно для похода. Наступилъ уже ноябрь мѣсяцъ и стояла ненастная погода. Приходилось двигаться по глубокимъ черноземнымъ грязямъ и топкимъ болотистымъ мѣстамъ; надежда найти достаточное продовольствіе въ плодоносной Украйнѣ была обманута, лошади падали отъ безкормицы; жители, вмѣсто ожидаемой покорности, враждебно относились къ Полякамъ; а союзные Татары своей страстью къ разоренію и полону еще болѣе возбуждали Украинцевъ противъ Поляковъ. Эти хищные союзники оказали имъ мало помощи, потому что встрѣтили тутъ своихъ степныхъ соперниковъ, еще болѣе свирѣпыхъ и дикихъ— Калмыковъ. Около того времени поступившіе подъ высокую руку Московскаго государя, Калмыки прислали нѣсколько тысячъ своихъ наѣздниковъ на помощь царскимъ казакамъ. Эти темножелтые устрашающіе своимъ видомъ наѣздники искусно дѣйствовали стрѣлами, а еще лучше копьями; они особенно наводили страхъ на Крымцевъ тѣмъ, что не давали пощады и не брали плѣнныхъ, а убивали всякаго попавшаго въ ихъ руки. Татары въ первое время такъ ихъ боялись, что при встрѣчѣ съ ними не выдерживали и обращались въ бѣгство. Притомъ Сѣрко и Косаговъ съ Запорожцами и Калмыками сдѣлали набѣгъ на Крымъ, чтобы отвлечь Татаръ, и дѣйствительно часть послѣднихъ вскорѣ оставила своихъ союзниковъ и поспѣшила на защиту собственныхъ улусовъ. Нѣсколько

незначительныхъ городовъ (въ насмѣшку называемыхъ «курятниками») вначалѣ сдались Полякамъ; но тѣмъ окончились ихъ успѣхи. Другіе города, лучше укрѣпленные и вооруженные, пришлось брать осадою или приступомъ и терять много людей; а Ромодановскій и Брюховецкій, по указу изъ Москвы, отступили къ Путивлю; но постоянно тревожили непріятеля мелкими отрядами, которые перехватывали партіи фуражировъ. Король дошелъ до Остра на Деснѣ, и здѣсь на нѣкоторое время остановился. Въ январѣ 1664 года онъ двинулся далѣе, и подступилъ къ Глухову; французскіе инженеры, находившіеся въ польской службѣ, тщетно обстрѣливали эту неважную крѣпость (отнесенную къ разряду «курятниковъ»); ея земляные валы, политые водою, покрылись ледянымъ слоемъ, по которому скользили ядра; а засѣвшій въ ней казацкій гарнизонъ мужественно отбивалъ отчаянные приступы; его одушевленію и стойкости не мало содѣйствовали своими увѣщаніями глуховскіе священники, съ протопопомъ Ив. Шматковскимъ во главѣ. Король упорствовалъ; Чарнецкій самъ ходилъ на штурмъ, но крѣпость устояла. Пришло извѣстіе, что на помощь ей двигается гетманъ Брюховецкій съ княземъ Ромодановскимъ, а запорожскій кошевой Сѣрко вошелъ въ западную Украйну и успѣшно возмущаетъ ее противъ короля. Послѣдній со стыдомъ отступилъ отъ Глухова и двинулся на сѣверъ; тутъ соединилось съ нимъ литовское войско, предводимое Пацемъ и Полубенскимъ. Затѣмъ слѣдовали безплодный походъ Полубенскаго въ Карачевскій уѣздъ и неудачная попытка самого короля на Новгородъ Сѣверскій; мѣщане и казаки, убѣждаемые пребывавшимъ здѣсь епископомъ Лазаремъ Барановичемъ, сохранили вѣрность царю и усердно помогали московскому гарнизону выдержать осаду и бомбардировку города. Наступали оттепель и весенняя распутица. Янъ Казиміръ, тѣснимый полками Ромодановскаго, Хлопова, П. В. Шереметева и Брюховецкаго, отступилъ на Кричевъ и Могилевъ, а въ маѣ воротился въ Вильну. Кудепетовича обвиняютъ въ томъ, что онъ не умѣлъ совершенно уничтожить польское войско. Во всякомъ случаѣ широко задуманное, но плохо и не во время исполненное нашествіе Яна Казиміра на восточную Украйну окончилось полной неудачей. Успѣху обороны, какъ видно, много помогло мѣстное православное духовенство. Кромѣ епископа Меѳодія, Лазаря Барановича и глуховскаго протопопа Шматковскаго, въ эту тяжелую годину выдвинулся еще нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, который не ограничилъ свою дѣятельность однимъ Нѣжинымъ, а разсылалъ вообще по Украйнѣ письменныя увѣщанія, чтобы горожане и казаки не склонялись на королевскія прелести (т. е. льстивыя грамоты).

Правобережное православное духовенство также старалось вновь возбудить движеніе противъ Поляковъ, и тѣмъ именно способствовало успѣху Сѣрка во время его вторженія въ южную часть Западной Украйны. При его приближеніи мѣстные горожане сами принимались истреблять Ляховъ и Жидовъ. На сторону царя перешли полки Браславскій и Кальницкій, поднѣстрянскіе города Могилевъ и Рашковъ, Уманскій повѣтъ и пр. Соединясь съ Косаговымъ, Сѣрко осадилъ Чигиринъ, гдѣ заперся Тетеря; а гетманъ Брюховецкій вмѣстѣ съ воеводою Скуратовымъ осадилъ Каневъ. Во главѣ правобережнаго духовенства, возбуждавшаго противопольское движеніе, сталъ, повидимому, самъ новый митрополитъ Іосифъ Тукальскій. Въ маѣ 1663 года умеръ Діонисій Балабанъ, пребывавшій въ Корсуни. Въ томъ же городѣ собрались въ ноябрѣ представители православнаго духовенства и міряне для избранія ему преемника, при участіи гетмана Тетери. Избиратели раздѣлились на двѣ партіи: одна предлагала мстиславскаго епископа Іосифа Тукальскаго, другая епископа перемышльскаго Антонія Винницкаго. Послѣ многихъ споровъ митрополичья каѳедра утверждена королемъ за Іосифомъ Тукальскимъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ связи съ этимъ митрополитомъ во главѣ противупольскаго движенія задумалъ стать и бывшій гетманъ-измѣнникъ пресловутый Иванъ Выговскій. Очевидно измѣной царю онъ не достигъ своихъ честолюбивыхъ цѣлей: польское правительство не только не исполняло статьи заключеннаго съ нимъ Гадячскаго договора, но и вообще показывало пренебреженіе къ столь яркимъ заслугамъ Выговскаго; не возвращало ему гетманства и оставило за нимъ только титулъ воеводы Кіевскаго. Вѣроятно не интересы народности и церкви, а болѣе личные счеты побудили его къ новой попыткѣ противъ польскаго владычества. Онъ сталъ сочувственно относиться къ убѣжденіямъ духовенства и побуждать полковника Сулиму къ возстанію. О замыслахъ Тукальскаго и Выговскаго увѣдомилъ Поляковъ Павелъ Тетеря, нелюбившій ни того, ни другого. Полковникъ Маховскій схватилъ Выговскаго, самовольно предалъ его военному суду и разстрѣлялъ въ Корсуни, какъ измѣнника, въ мартѣ 1664 года. А митрополитъ Іосифъ вмѣстѣ съ замѣшаннымъ въ томъ же дѣлѣ инокомъ Гедеономъ (Юріемъ) Хмѣльницкимъ были схвачены и заточены въ прусскую крѣпость Маріенбургъ, гдѣ провели около двухъ лѣтъ. Отношенія казаковъ къ Полякамъ на Западной Украйнѣ послѣ того обострились еще болѣе. Для усмиренія ея посланъ былъ знаменитый Стефанъ Чарнецкій. Онъ подошелъ къ Чигирину, но вслѣдствіе ряда битвъ съ Сѣркомъ и Косаговымъ долженъ былъ отступить. Потомъ Чарнецкій и коронный хорунжій Собѣскій вмѣстѣ съ Татарами и гетманомъ Тетерею напали на Брюховецкаго и Скуратова,

которые овладѣли Каневымъ. Послѣ неоднократныхъ и упорныхъ стычекъ непріятель былъ отбитъ. Чарнецкій отошелъ за Бѣлую Церковь и осадилъ крѣпкое мѣстечко Ставищи. На первый разъ осада была неудачна. Чарнецкій опять явился подъ эту крѣпость въ декабрѣ, взялъ ее жестокимъ штурмомъ и сжегъ до основанія. Но на этомъ штурмѣ онъ получилъ тяжелую рану, отъ которой вскорѣ и умеръ. Такимъ образомъ Украйна освободилась отъ сего прославившагося и своимъ военнымъ талантомъ, и своею жестокостію польскаго полководца, котораго казаки и Москвитяне прозвали «рябой собакой». Итакъ на Западной Украйнѣ шла война Русскихъ съ Поляками съ перемѣннымъ счастіемъ, хотя съ явнымъ перевѣсомъ на русской сторонѣ. Война эта велась небольшими войсками и не имѣла рѣшительнаго характера, именно по причинѣ малолюдства съ той и другой стороны. Поляки не могли выставить большихъ силъ; ибо въ то время (въ 1665 году) происходило въ Польшѣ междоусобіе, вслѣдствіе мятежа гетмана Любомірскаго, и главныя силы были заняты симъ междоусобіемъ. Преемникъ Чарнецкаго, Яблоновскій оставилъ гарнизонъ въ немногихъ городахъ (Чигиринѣ, Корсуни, Бѣлой церкви) и отступилъ въ Польшу со своимъ небольшимъ войскомъ, требовавшимъ уплаты жалованья. Павелъ Тетеря, въ виду казацкихъ измѣнъ и малой поддержки со стороны Поляковъ, сложилъ съ себя булаву и тоже уѣхалъ въ Польшу. Для Русскихъ наступило самое благопріятное время, чтобы овладѣть Западной Украйной. Но не было для того достаточно войска, а изъ Москвы медлили присылкой большой рати, несмотря на слезныя просьбы мѣстной старшины. Нѣкій Стефанъ Опара воспользовался обстоятельствами, провозгласилъ себя гетманомъ правой стороны и обратился за помощью къ Крымскому хану. Но когда Татары пришли, ихъ склонилъ на свою сторону болѣе хитрый и энергичный полковникъ Петръ Дорошенко. Опара былъ схваченъ и отправленъ въ Польшу, а гетманомъ правобережной или «тогобачной» украйны провозглашенъ Дорошенко.

Успѣху русскихъ сторонниковъ не мало мѣшала въ то время вражда главныхъ сановниковъ украинскихъ, епископа Меѳодія и гетмана Брюховецкаго.

Укрѣпясь въ гетманскомъ санѣ, честолюбецъ и корыстолюбецъ Брюховецкій конечно не замедлилъ проявить свои домогательства, направленныя къ усиленію собственной, т. е. гетманской, власти. Во-первыхъ, онъ пожелалъ самостоятельно сноситься съ сосѣдними владѣтелями, какъ это было при Богданѣ Хмѣльницкомъ; а прежде всего выхлопоталъ у царя себѣ право непосредственныхъ сношеній съ Крымскимъ ханомъ, обѣщая отвлечь его отъ союза съ Польшей и склонить на сторону Москвы. Затѣмъ онъ пожелалъ, кромѣ казаковъ, подчинить себѣ

и городское сословіе; для чего пытался ограничить его магдебургскія привилегіи или самоуправленіе, чтобы облагать мѣщанъ поборами въ свою пользу; съ этою цѣлью самовольно разослалъ по городамъ своихъ агентовъ, чтобы произвести перепись городскаго населенія, и потребовалъ отъ мѣщанъ выдачи ему данныхъ польскими королями привилеевъ. Такъ какъ главное противодѣйствіе ожидало его со стороны духовенства, неподчиненнаго гетманской власти, то Брюховецкій старался всячески набросить на него тѣнь въ глазахъ Московскаго правительства; особенно обвинялъ кіевскихъ монаховъ въ шатости и пронырствѣ, а епископа Меѳодія въ наклонности къ латинству и въ тайныхъ сношеніяхъ съ правобережными измѣнниками. Меѳодій съ своей стороны платилъ гетману тою же монетою. Онъ посылалъ въ Москву сѣтованіе на данное Брюховецкому разрѣшеніе списаться съ ханомъ, заступался передъ Москвою за магдебургскія привилегіи горожанъ, внушалъ ей, что гетману и старшинѣ должны быть подчинены только казаки; денежные сборы отъ мѣщанъ и крестьянъ должны поступать отнюдь не въ гетманскую казну, но въ казну государеву на жалованье казацкому войску, а хлѣбные сборы на прокормленіе московскихъ ратныхъ людей, стоявшихъ на Украйнѣ. Меѳодій пытался даже устранить Брюховецкаго, предлагая на его мѣсто Тетерю, который могъ бы возвратить Западную Украйну подъ власть великаго государя и скорѣе помирить Москву со своимъ союзникомъ ханомъ. Для этого онъ вошелъ съ Тетерею въ переговоры, о которыхъ доносилъ Московскому правительству, но которые остались безплодны. Вообще епископъ былъ крайне неудобенъ для гетмана уже тѣмъ, что постоянно сообщалъ въ Москву свѣдѣнія о состояніи и ходѣ дѣлъ въ Малороссіи. Въ февралѣ 1665 г. онъ лично пріѣхалъ въ столицу, и тутъ подалъ въ Малороссійскій приказъ докладную записку, въ которой обстоятельно доказывалъ, во-первыхъ, необходимость послать сильное войско для подчиненія Западной Малороссіи, пользуясь благопріятнымъ для того временемъ, именно происходившимъ въ Польшѣ мятежомъ Любомірскаго; а во вторыхъ, подробно критиковалъ планы и мѣры Брюховецкаго, направленныя къ усиленію гетманской власти и къ его личному обогащенію, и вообще настаивалъ на точномъ исполненіи договорныхъ статей Москвы съ Богданомъ Хмѣльницкимъ и его преемниками. И Брюховецкій, и Меѳодій просили объ усиленіи московскихъ гарнизоновъ въ главныхъ украинскихъ городахъ. Но гетманъ имѣлъ въ виду опереться на нихъ въ случаѣ какого движенія противъ себя со стороны непокорныхъ казаковъ и старшины. А епископъ радѣлъ при этомъ о закрѣпленіи края за великимъ государемъ, и совѣтовалъ кромѣ того для надзора за гетманомъ держать при немъ особаго вое-

воду съ тысячью ратныхъ людей, подъ предлогомъ его охраны. Гетманъ же просилъ назначить къ его особѣ не болѣе сотни московскихъ солдатъ и притомъ въ полную его команду.

Московское правительство благосклонно разспрашивало и выслушивало сужденія и планы Меѳодія о Малороссійскихъ дѣлахъ, и только въ іюлѣ отпустило его обратно на Украйну. А въ сентябрѣ пріѣхалъ давно собиравшійся въ Москву и самъ гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій съ нѣкоторыми членами войсковой старшины и городскихъ магистратовъ. Ему оказаны были почетная встрѣча и потомъ милостивый царскій пріемъ; помѣстили его со свитою на Посольскомъ дворѣ съ отпускомъ кормовыхъ денегъ. Затѣмъ начались переговоры съ нимъ Малороссійскаго приказа; послѣдній на основаніи свѣдѣній и внушеній, полученныхъ отъ Меѳодія, болѣе всего настаивалъ на томъ, чтобы денежные сборы съ малороссійскихъ жителей поступали въ казну не гетмана, а великаго государя и производились бы они подъ надзоромъ московскихъ воеводъ людьми, выбранными изъ мѣстныхъ жителей. Послѣ многихъ возраженій Брюховецкій уступилъ и согласился на это требованіе. Московское правительство со своей стороны сдѣлало ему нѣкоторыя уступки, и между прочимъ согласилось назначить къ его особѣ только 100 ратныхъ людей. Цѣлый мѣсяцъ длились эти переговоры. Когда они окончились, царь пожаловалъ гетмана боярскимъ саномъ и далъ ему грамоту на просимыя имъ большія наслѣдственныя маетности; а вся войсковая старшина (обозный, судья, писарь, эсаулы и полковники) пожалованы въ дворяне. Такимъ образомъ Москва какъ бы подражала Польшѣ, съ ея пожалованіемъ гетмана сенаторствомъ, а старшину шляхетствомъ. Чтобы еще тѣснѣе скрѣпить свою связь съ Москвою и доказать свою преданность государю, Иванъ Мартыновичъ, какъ человѣкъ холостой, уже въ началѣ своего пребыванія въ Москвѣ билъ челомъ о назначеніи ему невѣсты. Но эта просьба была удовлетворена только послѣ подписанія имъ означенныхъ статей. Онъ прежде высказывалъ, что, будучи уже лысымъ, желалъ бы взять за себя изъ Москвы какую-либо вдову. Теперь его спросили кого онъ хочетъ: вдову или дѣвицу? Гетманъ-бояринъ рѣшительно просилъ дѣвицу. Государь далъ ему въ Москвѣ дочь окольничаго князя Дм. Алексѣев. Долгорукова. Въ концѣ декабря Иванъ Мартыновичъ и его свита, осыпанные царскими милостями и подарками, выѣхали изъ Москвы обратно на Украйну ([21]).

Пока Брюховецкій благодушествовалъ въ Москвѣ, дѣла на Украйнѣ значительно усложнились и повернулись не въ нашу пользу. Энергич-

ный Дорошенко, подкрѣпленный Татарами, началъ наступательное движеніе на города, отложившіеся отъ Польши. Сначала онъ встрѣтилъ мужественный отпоръ при осадѣ Браслава отъ его полковника Дрозда и подъ Мотовиловкою отъ овруцкаго полковника Демьяна Децика. Попытка правобережныхъ казаковъ перейти на лѣвую сторону была отбита. Но потомъ обстоятельства измѣнились. Не получая ниоткуда помощи, осажденный Дроздъ принужденъ былъ сдаться; Децикъ отступилъ къ Кіеву; Мотовиловку захватили Поляки изъ Бѣлой Церкви и союзные имъ Черкасы. Воевода кіевскій князь Львовъ, человѣкъ престарѣлый и болѣзненный, дѣйствовалъ вяло и неудачно; даже на восточной сторонѣ населеніе мѣстами волновалось вслѣдствіе обидъ и насилій отъ ратныхъ людей, преимущественно отъ наемныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ изъ Нѣмцевъ и Ляховъ. Епископъ Меѳодій и наказной гетманъ, переяславскій полковникъ Ермоленко, писали въ Москву усильныя жалобы и просьбы о присылкѣ подкрѣпленій и скорѣйшемъ возвращеніи гетмана Брюховецкаго.

На мѣсто князя Львова воеводою въ Кіевѣ былъ посланъ бояринъ Петръ Вас. Шереметевъ (двоюродный братъ В. Б. Шереметева и отецъ знаменитаго фельдмаршала), который привелъ съ собою нѣсколько тысячъ свѣжаго войска и съ успѣхомъ началъ дѣйствовать въ смыслѣ умиротворенія Малороссіи. Татары покинули Дорошенка и ушли въ Крымъ, гдѣ въ то время происходила перемѣна хана: хищный, жестокій Мухамедъ-Герай былъ смѣщенъ за свои попытки вести самостоятельную отъ Порты политику; на его мѣсто присланъ изъ Константинополя Аадиль-Герай, нечистокровный потомокъ Гиреевъ, а потому возбуждавшій волненіе среди татарской знати и даже неповиновеніе со стороны нѣкоторыхъ мурзъ, именно Ширинскихъ. По характеру своему новый ханъ былъ способенъ поддерживать мирныя отношенія съ сосѣдями, и потому охотно готовъ былъ прекратить враждебныя столкновенія съ Москвою. Но гетманъ Брюховецкій оказался мало способнымъ водворить миръ и спокойствіе въ своей части Украйны, а тѣмъ болѣе возсоединить съ нею всю западную часть и вытѣснить изъ послѣдней предпріимчиваго Дорошенка. Уже самый титулъ боярина не понравился казачеству, какъ новость, несоотвѣтствовавшая его демократическимъ стремленіямъ. Горожане не любили его за попытки отнять у нихъ магдебургскія привилеи; а болѣе и болѣе проявлявшаяся страсть къ наживѣ, захватъ разныхъ маетностей и угодій, въ томъ числѣ монастырскихъ, и всякіе незаконные поборы скоро сдѣлали его нелюбимымъ со стороны почти всего населенія. Стремленіе къ усиленію своей власти и наклонность къ интригамъ теперь окончательно обострили его отношенія съ блю-

стителемъ митрополичьей каѳедры епископомъ Меѳодіемъ и малороссійской духовной іерархіей вообще. Главнымъ поводомъ къ тому послужилъ вопросъ именно объ этой каѳедрѣ. Брюховецкій во время пребыванія въ Москвѣ для доказательства своей преданности, подъ предлогомъ вящаго закрѣпленія Малой Россіи за царемъ, просилъ не только прислать воеводъ съ ратными людьми во многіе малороссійскіе города, но также поставить на Кіевскую митрополію московское духовное лицо; при чемъ онъ продолжалъ обвинять Кіевское духовенство и его школы въ наклонности къ латинству. На послѣднюю просьбу Московское правительство отвѣчало уклончиво, обѣщало подумать и снестись съ Цареградскимъ патріархомъ. Оно отнюдь не желало пока возбуждать неудовольствіе мѣстной іерархіи вопросомъ о митрополичьей каѳедрѣ и отлагало это дѣло до болѣе благопріятнаго времени. Однако слухъ о сей статьѣ переговоровъ дошелъ до Кіевскаго чернаго духовенства, и притомъ въ преувеличенномъ видѣ, при двусмысленныхъ рѣчахъ на этотъ счетъ самого гетмана. Встревоженное духовенство обратилось къ Кіевскому воеводѣ. Блюститель митрополіи епископъ Меѳодій, печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, ректоръ Братскаго училища Іоанникій Голятовскій, выдубецкій игуменъ Старушичъ и другіе игумны 21 февраля 1666 г. пріѣхали къ Шереметеву и заявили ему о своемъ желаніи послать въ Москву челобитье, чтобы царь не велѣлъ отнимать у нихъ старыхъ вольностей и правъ, т.-е. оставилъ бы за ними право выбирать митрополита и находиться подъ благословеніемъ Цареградскаго патріарха.

Воевода старался ихъ разувѣрить и говорилъ, что Государь нисколько не изволитъ отнимать у нихъ права и вольности, и что злонамѣренные люди только хотятъ ихъ ссорить съ гетманомъ. Духовныя лица такъ разгорячились, что грозили въ случаѣ прибытія московскаго митрополита не пускать его къ себѣ и запереться въ своихъ монастыряхъ. Шереметевъ выговаривалъ имъ за такія непристойныя рѣчи и особенно укорялъ за нихъ Меѳодія, напомнивъ ему, что онъ поставленъ во епископа на Москвѣ Питиримомъ митрополитомъ. Въ заключеніе воевода отказался принять отъ нихъ челобитную царю и отпустить съ нею въ Москву ихъ посланцевъ. На другой день, послѣ обѣдни въ Софійскомъ соборѣ, Меѳодій подошелъ къ Шереметеву и просилъ забыть вчерашнія непристойныя слова; при чемъ ссылался на свое вынужденное въ нихъ участіе, такъ какъ кіевскія духовныя лица ставятъ ему въ упрекъ московское посвященіе во епископа и считаютъ его сторонникомъ гетманскаго желанія о поступленіи подъ благословеніе Московскаго патріарха. Но воевода конечно обо всемъ отписалъ въ Москву, и тамъ этотъ случай значительно пошатнулъ довѣріе, питаемое

доселѣ къ Меѳодію. А потому послѣдующіе его доносы на беззаконные грабительскіе поступки Брюховецкаго еще менѣе производили впечатлѣнія чѣмъ до того времени; тогда какъ всякія коварныя сообщенія гетмана насчетъ епископа Меѳодія и духовенства, наоборотъ, встрѣчали въ Москвѣ болѣе вниманія. Между прочимъ гетманъ доносилъ о ходатайствѣ епископа, духовенства и кіевскаго полковника Дворецкаго относительно возобновленія латинской школы въ Кіевѣ, и о томъ, что сынъ Меѳодія женатъ на особѣ, у которой два брата служатъ при Польскомъ королѣ. Дьякъ Фроловъ, присланный въ Кіевъ развѣдать о положеніи дѣлъ, спрашивалъ объясненія по поводу сихъ доносовъ у П. В. Шереметева. Послѣдній заступился за школу, въ которой учатся всякихъ чиновъ кіевскіе жители; относительно епископскаго сына отвѣтилъ, что онъ живетъ съ женой въ Нѣжинѣ, а теща его живетъ въ Печерскомъ монастырѣ, и что за ними учиненъ тайный надзоръ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ Фроловымъ Шереметевъ указалъ, какъ на мѣстное бѣдствіе, на взаимную вражду гетмана съ епископомъ и духовенствомъ, на великое корыстолюбіе гетмана и общую къ нему нелюбовь. Въ этой нелюбви могъ лично убѣдиться Фроловъ, между прочимъ, во время праздничнаго обѣда въ началѣ мая въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ присутствовали епископъ Меѳодій, архимандритъ Гизель и много духовенства, а также полковникъ Дворецкій. Когда Фроловъ предложилъ выпить за здоровье гетмана, то епископъ и нѣкоторыя духовныя лица рѣшительно отказались отъ этой здравицы, называя гетмана своимъ злодѣемъ, а не доброхотомъ. Кіевскій полковникъ Дворецкій, державшій сторону духовенства, желая избавиться отъ гетманскихъ преслѣдованій, билъ челомъ, чтобы ему со своимъ полкомъ быть подъ начальствомъ воеводы Шереметева, а не гетмана.

Общею нелюбовію къ гетману и его враждой съ духовенствомъ, также непріязнію жителей къ московскимъ воеводамъ и ратнымъ людямъ за ихъ поборы и притѣсненія—всѣмъ этимъ ловко пользовался правобережный соперникъ Брюховецкаго, Петръ Дорошенко. Утвердясь въ старой гетманской резиденціи Чигиринѣ, онъ отсюда разсылалъ своихъ агентовъ съ универсалами въ лѣвобережную Украйну и смущалъ казаковъ слухами о близкомъ уничтоженіи ихъ правъ и вольностей Москвою съ согласія Брюховецкаго. Восточное казачество, и безъ того страдавшее шатостію, волновалось; а въ Переяславскомъ полку вспыхнулъ явный бунтъ: казаки убили своего полковника Ермоленка, вырубили московскій гарнизонъ и выжгли крѣпость. Этотъ бунтъ былъ вскорѣ усмиренъ войсками, которыя были посланы изъ Кіева Шереметевымъ, а изъ Гадяча Брюховецкимъ; захваченныхъ коноводовъ

бунта казнили одновременно въ Кіевѣ и Гадячѣ. Однако на лѣвой сторонѣ Днѣпра казачество мѣстами отложилось отъ Москвы. Универсалы Дорошенка взволновали и гнѣздо казачества—Запорожье: противники Москвы взяли верхъ и выбрали единомышленнаго имъ кошевого (Рога); послѣ чего московскій стряпчій Косаговъ со своимъ небольшимъ отрядомъ принужденъ былъ уйти изъ Запорожья. Но Дорошенко не сталъ хлопотать, чтобы всю Малороссію воротить въ польское подданство. Нѣтъ, онъ мечталъ о сильномъ самостоятельномъ владѣніи, которое равно было бы независимо и отъ Польши, и отъ Москвы и находилось бы только въ данническихъ или вассальныхъ отношеніяхъ къ третьему сосѣду. Для сего онъ возобновилъ попытку Богдана Хмѣльницкаго отдаться подъ покровительство Турецкаго султана и вновь воспользоваться всѣми силами Крымской орды для борьбы съ Поляками и Москвитянами. Когда онъ объявилъ свой планъ правобережной казацкой старшинѣ, та сначала съ негодованіемъ отвергла подчиненіе басурманамъ. Дорошенко сдѣлалъ видъ, что отказывается отъ гетманства и сложилъ булаву. Тутъ полковники упросили его вновь взять булаву и быть попрежнему ихъ гетманомъ. Онъ немедленно послалъ въ Царьградъ бить челомъ Султану о подданствѣ Малороссіи. Послѣдствіемъ сего былъ султанскій приказъ хану Аадиль-Гирею помогать войскомъ Дорошенку. Ханъ не посмѣлъ ослушаться. Подкрѣпленный Татарами съ нурадиномъ царевичемъ, Дорошенко двинулся на Поляковъ, и подъ Межибожемъ разбилъ Маховскаго. Послѣ того не встрѣчая отпора, казаки и Татары осенью 1666 года разсѣялись по Подоліи и Галиціи, грабили, разоряли и взяли огромный полонъ.

Но этотъ успѣхъ имѣлъ совсѣмъ не тѣ слѣдствія, на которыя разсчитывалъ Дорошенко: общій непріятель сблизилъ обѣ враждующія за Малороссію страны, т.-е. Польшу и Москву, и принудилъ ихъ, наконецъ, къ заключенію прочнаго перемирія.

Уже нѣсколько разъ возобновлялись со стороны Московскаго правительства попытки къ мирнымъ переговорамъ съ Поляками; но послѣдніе предъявляли невозможныя требованія, и потому попытки эти были безуспѣшны. Только въ концѣ 1665 года, удрученная междоусобной войной Любомірскаго, Рѣчь Посполитая согласилась приступить къ серьезнымъ переговорамъ о мирѣ; а возстаніе противъ Поляковъ Дорошенка и опасность, грозившая со стороны Татаръ и Турокъ, располагали къ тому еще болѣе. Переговоры открылись въ апрѣлѣ 1666 г. въ деревнѣ Андрусовѣ, лежавшей на р. Городнѣ въ Смоленскомъ уѣздѣ, между Смоленскомъ и Мстиславлемъ. Съ польской стороны главнымъ комиссаромъ былъ назначенъ староста жмудскій Юрій Глѣбовичъ, а на

русской сторонѣ уполномоченнымъ явился извѣстный московскій дипломатъ окольничій А. Л. Ордынъ-Нащокинъ съ товарищи. Этотъ Нащокинъ незадолго былъ обрадованъ добровольнымъ возвращеніемъ изъ чужихъ земель своего сына-бѣглеца Воина, о прощеніи котораго молилъ государя. Во время самыхъ переговоровъ онъ получилъ отъ царя письмо съ извѣщеніемъ, что сынъ его прощенъ, записанъ по Московскому (дворянскому) списку и отпущенъ на житье въ отцовскія помѣстья. Переговоры и на сей разъ паладились нескоро. Когда убѣдились въ невозможности заключить вѣчный миръ, стали говорить о перемиріи. По инструкціямъ, полученнымъ изъ Москвы, Нащокинъ дѣлалъ уступки въ Бѣлоруссіи, но стоялъ за Украйну; а Поляки хотѣли скорѣе уступить что-либо изъ Бѣлоруссіи, чѣмъ изъ Украйны. Потомъ въ Москвѣ склонились къ уступкѣ западной или правобережной Украйны; но хотѣли удержать за собою Кіевъ на Днѣпрѣ и Динабургъ на Двинѣ. Нащокину поручалось подкупить польскихъ комиссаровъ. Однако, Поляки крѣпко стояли на своемъ. Послѣ 30-ти съѣздовъ они согласились на уступку всей восточной стороны Днѣпра, но Кіева не уступали. И даже самъ Нащокинъ склонялся къ его отдачѣ. Изъ Москвы дали знать, чтобы Кіевъ не отдавать тотчасъ, а нужно настоять на извѣстномъ срокѣ для вывода войска. Межъ тѣмъ нашествіе Дорошенка и Татаръ сдѣлало Поляковъ сговорчивѣе; подѣйствовали также и присланные изъ Москвы нѣсколько десятковъ тысячъ золотыхъ для раздачи польскимъ комиссарамъ. Наконецъ, па 31-мъ съѣздѣ въ срединѣ января окончательно составлены были статьи договора. Перемиріе заключено до іюня 1680 года, т.-е. съ лишкомъ на 13 лѣтъ, и въ теченіе сего срока должно происходить нѣсколько съѣздовъ для заключенія вѣчнаго мира. За Москвой оставались области Смоленская и Сѣверская; а Бѣлоруссія съ Полоцкомъ, Витебскомъ, Динабургомъ и южная Ливонія возвращались Польшѣ и Литвѣ. Украйна раздѣлена Днѣпромъ: восточная закрѣплялась за Москвой, западная за Польшей; но при этомъ очищеніе Кіева отъ русскаго войска отложено до апрѣля 1669 года, т.-е. съ небольшимъ на два года; а пока онъ съ ближайшими окрестностями остался за царемъ. Запорожье поставлено въ зависимость отъ обѣихъ державъ. Плѣнные возвращаются съ обѣихъ сторонъ. Крымскому хану въ случаѣ нападенія на Украйну или возмущенія казаковъ давать отпоръ сообща.

Въ октябрѣ того же года пріѣзжали въ Москву польскіе послы Беневскій и Бжостовскій для утвержденія договора и для заключенія союза противъ угрожавшихъ Турокъ и Татаръ, и тутъ просили Государя удовлетворить обездоленную и безпокойную шляхту, лишившуюся

своихъ имѣній на Украйнѣ и въ Сѣверской землѣ. Возвращеніе ихъ въ эти имѣнія Московское правительство отклонило, и послѣ многихъ разговоровъ согласилось уплатить имъ милліонъ польскихъ злотыхъ, по московскому счету 200,000 рублей. На помощь королю противъ бусурманъ обѣщано отправить 5,000 конницы и 20,000 пѣхоты, а на Крымъ послать Донскихъ казаковъ съ Калмыками. При торжественномъ отпускѣ пословъ присутствовалъ наслѣдникъ престола царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ. Тутъ Ордынъ-Нащокинъ, теперь уже бояринъ и посольскихъ дѣлъ оберегатель, въ рѣчи, обращенной къ посламъ, заранѣе обѣщалъ имъ царское согласіе, если по смерти Яна Казиміра они будутъ просить себѣ въ короли кого-либо изъ царевичей московскихъ. Такъ прочно засѣла въ головѣ Алексѣя Михайловича несчастная, хотя успѣвшая сдѣлаться традиціонною, идея о польской коронѣ для своего дома. Не даромъ и на сей разъ глашатаемъ ея выступилъ Ордынъ-Нащокинъ, который пользовался у насъ доселѣ славою перваго русскаго дипломата XVII столѣтія, благодаря поверхностному отношенію историковъ къ плодамъ его дѣятельности. Своими велерѣчивыми посланіями и разсужденіями о европейской политикѣ онъ сумѣлъ внушить благодушному Алексѣю Михайловичу великое уваженіе къ своему уму и дипломатическому искусству; а постояннымъ припѣвомъ о врагахъ и родовитыхъ завистникахъ, которые якобы стараются умалять его заслуги, какъ неродовитаго человѣка, онъ поддерживалъ у царя высокое мнѣніе объ этихъ заслугахъ. А между тѣмъ, страдая полонофильствомъ и шведофобіей, именно Нащокинъ былъ въ числѣ главныхъ виновниковъ огромнаго политическаго промаха, который имѣлъ такія плачевныя послѣдствія, стоилъ Россіи такихъ страшныхъ потерь людьми, деньгами и областями. Мы говоримъ объ увлеченіи царя польской короной, о недоконченномъ отвоеваніи Украйны съ частію Бѣлой Руси, о несвоевременной войнѣ со Швеціей.

Въ неудачахъ и недостаточныхъ для Россіи результатахъ двухъ польскихъ войнъ—недостаточныхъ сравнительно съ ея жертвами,—конечно, много виноваты были извѣстное непостоянство или шатость Малороссійскаго казачества, частыя измѣны его предводителей и ловкія искусившіяся въ іезуитизмѣ польскія интриги. Однако, помимо невыгоднаго для Московской культуры сопоставленіи ея съ Польскою въ глазахъ казацкой старшины, немалая доля отвѣтственности передъ исторіей падаетъ и на царскихъ политическихъ совѣтниковъ, на ихъ неумѣнье разобраться въ сложныхъ и непривычныхъ для Москвичей отношеніяхъ Украйны, на постоянныя ошибки въ выборѣ гетмановъ и довѣренныхъ лицъ и т. п. Самъ Алексѣй Михайловичъ, лично и энер-

тично выступившій на военное поприще въ началѣ Малороссійскаго вопроса, со времени неудачнаго похода подъ Ригу какъ бы охладѣлъ къ воинственной дѣятельности и болѣе уже не появлялся на театрѣ военныхъ дѣйствій, предоставляя ихъ своимъ воеводамъ, также не всегда удачно выбраннымъ. При чемъ успѣху этихъ дѣйствій большою помѣхою служили отсутствіе ихъ единства, отсутствіе общаго военачальника на мѣстѣ и руководство отдѣльными частями войска и ихъ движеніями изъ отдаленной Москвы, при медленныхъ и трудныхъ сообщеніяхъ того времени, да еще при соперничествѣ воеводъ и мѣстническихъ счетахъ, далеко невышедшихъ изъ употребленія. Во вторую Польскую войну ко всѣмъ указаннымъ условіямъ присоединились еще разныя внутреннія затрудненія и неустройства, каковы дѣло Никона и связанное съ нимъ начало церковнаго раскола, а также денежный кризисъ, произведенный по преимуществу внѣшними войнами и въ свою очередь приведшій къ новому открытому мятежу столичной черни.

Однако и то надобно сказать, что нигдѣ и никогда подобная исторія не совершалась безпрепятственно, по сочиненной программѣ, если рѣшительныя событія не были заранѣе подготовлены зрѣлою политикой, а также цѣлымъ рядомъ естественныхъ условій и цѣлесообразныхъ мѣропріятій. Потому возвращеніе областей Смоленской и Черниговской и пріобрѣтеніе Лѣвобережной Украйны съ временнымъ, но обратившимся въ постоянное, занятіемъ Кіева все-таки были великимъ шагомъ впередъ на пути окончательнаго собиранія Руси и послужили поворотнымъ пунктомъ къ рѣшительному торжеству Москвы въ ея вѣковой борьбѣ съ Польшею и къ неудержимому упадку сей послѣдней. А предпріятіе Алексѣя Михайловича противъ Шведовъ получило значеніе опыта, хотя дорогого и неудачнаго, но довольно полезнаго для будущаго рѣшенія въ высшей степени важнаго для насъ Балтійскаго вопроса. Итакъ, Андрусовскимъ договоромъ Малороссійскій вопросъ далеко не былъ исчерпанъ; онъ немало еще занималъ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ и его преемникѣ, и стоилъ намъ новыхъ и многихъ жертвъ. (22).

Заключеніе Андрусовскаго перемирія, по распоряженію правительства, праздновалось благодарственными молебнами какъ въ самомъ Московскомъ государствѣ, такъ и въ Лѣвобережной Украйнѣ. Но здѣсь условія этого перемирія встрѣчены были съ неудовольствіемъ. Формальное нарушеніе ея единства, т.-е. раздѣленіе Украйны между двумя сосѣдними державами вызывало среди населенія чувство горькаго разочарованія. Казачество, конечно, не сознавало при этомъ, что теперь

юридически было подтверждено только то, что уже существовало фактически. Особенно возбуждала негодованіе статья, по которой древній столичный городъ Кіевъ съ его русскими святынями черезъ два года вновь возвращался подъ польское иго. Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное договоромъ, увеличило броженіе умовъ и вообще то смутное состояніе, въ которомъ находилась тогда Украйна. Согласно съ предоставленіями епископа Меѳодія и гетмана Брюховецкаго, изъ Москвы уже прибыли воеводы съ ратными людьми и во второстепенные Малороссійскіе города. А вмѣстѣ съ воеводами прибыли подьячіе и писцы, которые начали переписывать земли, угодья и прочія недвижимыя имущества жителей или оброчныя статьи, чтобы сборы съ нихъ взимать въ казну государеву. Казацкіе полковники и сотники были недовольны, такъ какъ эти сборы привыкли обращать въ свою пользу, вообще притѣснять и грабить мѣщанство и крестьянство. Все казачество роптало на разрѣшеніе мѣщанамъ курить вино, такъ какъ винокуреніе считало своимъ исключительнымъ правомъ. Но мѣщане и посполъство также возроптали, какъ скоро познакомились съ московскими писцами и сборщиками, т.-е. начали терпѣть отъ нихъ лишніе поборы и всякія притѣсненія. Особенно тяжелы были повинности постойная, подводная и сборы хлѣба, вообще съѣстныхъ припасовъ для ратныхъ людей. Само собой разумѣется, что правительственные агенты, начиная воеводами и кончая мелкими чиновниками, явились сюда со своими грубыми нравами и закоренѣлыми привычками, отъ которыхъ народъ стоналъ и въ самой Великой Руси. Воеводы присвоивали себѣ власть, нарушали мѣстныя права и привилегіи, и старались нажиться на счетъ населенія. А ратные люди, плохо содержимые и полуголодные, невзирая на строгіе наказы и запрещенія, чинили разныя обиды и насилія жителямъ. Андрусовскимъ перемиріемъ въ особенности недовольно было Запорожье, ибо при замиреніи Москвы съ Польшею ему было строго запрещено нападать на польскія владѣнія. А слухи о мирныхъ переговорахъ Москвы съ Крымомъ грозили и запрещеніемъ предпринимать походы на владѣнія татарскія и турецкія; что лишало «хохлачей» возможности «достать зипуна» по ихъ характерному выраженію.

Всѣми этими обстоятельствами искусно воспользовался Петръ Дорошенко, гетманъ Правобережной Украйны. Чтобы вызвать мятежъ и въ лѣвобережной и соединить подъ своею властію оба берега, агенты его старались усилить волненіе умовъ, ложно толковали значеніе Андрусовскаго договора и пугали завѣреніями, что есть еще тайныя стороны сего договора, по которымъ Москва и Польша условились искоренить казачество. Дѣло открытаго мятежа противъ Москвы начали

Запорожцы. Въ апрѣлѣ 1667 года изъ Москвы возвращался въ Крымъ гонецъ хана Аадиль-Гирея, который вошелъ съ Москвою въ мирные переговоры. Вмѣстѣ съ гонцомъ отправленъ былъ къ хану царскій посланецъ стольникъ Лодыженскій. Имъ пришлось проѣзжать мимо Запорожской Сѣчи въ то самое время, когда тамъ господствовала большая смута и когда стекавшіеся туда бѣглецы и гультяи заводили безпорядки, не слушая голоса коренныхъ Запорожцевъ и ихъ выборной старшины. Когда посланцы съ своею свитою переправились у Переволочны черезъ Днѣпръ, къ нимъ присоединилась партія въ полтораста казаковъ, возвращавшихся изъ своихъ зимовниковъ въ Запорожье. Двое сутокъ они спокойно ѣхали вмѣстѣ съ посланцами, а на третью ночь внезапно бросились на Татаръ, перерѣзали ихъ, ограбили и ускакали. Лодыженскій, дѣйствуя въ качествѣ царскаго чиновника, пріѣхалъ въ Запорожье и потребовалъ отъ кошевого Ждана Рога, чтобы злодѣи были сысканы и чтобы ему данъ былъ конвой до перваго крымскаго городка. Но по рѣшенію войсковой рады самого Лодыженскаго съ подьячимъ Скворцовымъ и свитою задержали, а царскія грамоты и посланную съ нимъ казну отобрали. Лодыженскій отправилъ немедля донесеніе въ Москву и къ гетману Брюховецкому. Прочитавъ отобранный у посланца наказъ о переговорахъ съ ханомъ, старшина усмотрѣла въ нихъ угрозу казачеству и съ этимъ толкованіемъ сообщила наказъ гетману. Послѣдній не спѣшилъ освобожденіемъ чиновника, и только спустя мѣсяцъ по строгому требованію изъ Москвы написалъ, наконецъ, въ Сѣчь приказъ отпустить Лодыженскаго, возвратить все отобранное и проводить его до городка Шекерменя. Въ Сѣчи собралась шумная рада. Своевольные казаки взяли верхъ, свергли Рога и поставили кошевымъ Васютенко. Послѣдній во главѣ нѣсколькихъ десятковъ Запорожцевъ сѣлъ на суда съ Лодыженскимъ и его свитою для ихъ охраны. Но едва они отъѣхали отъ Сѣчи, какъ ватага человѣкъ въ 500 заскакала спереди и велѣла лодкамъ пристать къ берегу. Тутъ они раздѣли всѣхъ московскихъ людей донага и, заставивъ ихъ бросаться съ берега въ воду и спасаться вплавь, принялись стрѣлять въ нихъ изъ пищалей. Нѣкоторые, въ ихъ числѣ и Лодыженскій, были тотчасъ убиты; другіе, въ томъ числѣ одинъ поручикъ, одинъ прапорщикъ и нѣсколько солдатъ, доплыли до другого берега; тогда разбойники догнали ихъ на лодкахъ и перебили. Отъ смерти успѣли спастись и прибѣжать въ Сѣчь подьячій Скворцовъ и еще пять человѣкъ. Такое варварское убійство царскихъ посланцевъ и явный бунтъ хотя и были съ негодованіемъ встрѣчены старыми Запорожцами, но они ничего не могли сдѣлать противъ своевольниковъ, подстрекаемыхъ агентами Дорошенка. А ко-

шевой потомъ писалъ Брюховецкому, что государь долженъ простить Запорожцевъ, иначе они соединятся съ Дорошенкомъ и Татарами и пойдутъ на государевы украйны. И Брюховецкій въ такомъ именно смыслѣ говорилъ стольнику Кикину, назначенному для разслѣдованія дѣла.

Тщетно Московское правительство отправляло на Украйну своихъ посланцевъ и увѣщательныя грамоты всему войску Запорожскому. Возбужденіе противъ московскихъ ратныхъ людей на лѣвомъ берегу увеличивалось, подстрекаемое тѣми же агентами Дорошенка; послѣднему помогалъ митрополитъ Іосифъ Тукальскій, по его просьбѣ возвращенный изъ ссылки вмѣстѣ съ Гедеономъ Хмѣльницкимъ и проживавшій теперь въ гетманской резиденціи—Чигиринѣ. И гетманъ, и митрополитъ хлопотали о возсоединеніи подъ своею властію обѣихъ половинъ Украйны. А въ Москвѣ попрежнему не имѣли яснаго представленія объ истинныхъ обстоятельствахъ и запутанныхъ личныхъ отношеніяхъ и продолжали усложнять дѣла собственными промахами.

Извѣстный намъ епископъ Меѳодій, блюститель Кіевской митрополіи, и епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ были вызваны въ 1666 г. въ столицу, чтобы принять участіе въ церковномъ соборѣ, судившемъ Никона; они пробыли тамъ около года. Ученый Барановичъ, привезшій съ собою свое сочиненіе «Мечъ Духовный», посвященное Государю, удостоился самаго лучшаго пріема и щедрыхъ наградъ; при чемъ его Черниговская каѳедра была соборомъ возведена на степень архіепископіи. А Меѳодій, бывшій дотолѣ усерднымъ агентомъ царскаго правительства на Украйнѣ, наоборотъ, встрѣтилъ на сей разъ холодный пріемъ и отказъ въ разныхъ его ходатайствахъ. Такъ по его же проекту въ сосѣдней съ Украйной Бѣлгородской области учреждена была архіерейская каѳедра со степенью архіепископіи; но отдана она была не Меѳодію, а пріѣхавшему изъ Сербіи митрополиту Ѳеодосію; между тѣмъ Андрусовское условіе объ отдачѣ Кіева черезъ два года грозило ему лишеніемъ блюстительства митрополіи. Меѳодію даже отказали въ соболиной казнѣ, которую онъ просилъ для раздачи своимъ помощникамъ въ охранѣ московскихъ интересовъ. Во-первыхъ, онъ охладилъ расположеніе и довѣріе къ себѣ своимъ явнымъ несочувствіемъ самой идеѣ о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріарху и поставленіи на сію митрополію кого-либо изъ московскаго духовенства. А затѣмъ не только гетманъ Брюховецкій продолжалъ присылать на него разные доносы и обвиненія, болѣе или менѣе преувеличенные, но и кіевскій воевода П. В. Шереметевъ также сталъ отзываться о немъ неблагопріятно. Обвиняя его въ постоянныхъ проискахъ, гетманъ писалъ, будто на Украйнѣ стало гораздо спокойнѣе во время Меѳодіева

отсутствія. Новый начальникъ Малороссійскаго приказа А. Л. Ордынъ-Нащокинъ (вѣдавшій и Посольскій приказъ) показывалъ явное недовѣріе Меѳодію, который продолжалъ сообщать получаемыя имъ извѣстія изъ Малороссіи и предлагать разныя мѣры для ея успокоенія и противодѣйствія интригамъ Дорошенка. Меѳодій крайне недовольнымъ воротился на Украйну въ свой Нѣжинъ (а не въ Кіевъ); это недовольство еще усилилось, когда онъ узналъ, что Московское правительство начатыя Меѳодіемъ тайныя сношенія съ Дорошенкомъ (для отклоненія его отъ союза съ бусурманами надеждою на отдачу ему и лѣвобережной булавы) поручило теперь продолжать не ему, Меѳодію, а печерскому архимандриту Иннокентію Гизелю. Тогда онъ рѣшилъ помириться и сблизиться со своимъ врагомъ Брюховецкимъ, который послѣ убіенія Лодыженскаго также могъ жаловаться на утрату къ нему расположенія и довѣрія со стороны Московскаго правительства, которую ясно выражалъ ему тотъ же начальникъ Малороссійскаго приказа, т.-е. Ордынъ-Нащокинъ. По приглашенію гетмана Меѳодій пріѣхалъ къ нему въ Гадячъ, и тутъ бывшіе враги не только подружились, но и скрѣпили свою дружбу помолвкою гетманскаго племянника на дочери Меѳодія. Послѣдній сообщилъ гетману о тайныхъ сношеніяхъ Москвы съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ, которыя грозили Брюховецкому потерею гетманства въ пользу его соперника Дорошенка, а Меѳодію потерею блюстительства въ случаѣ водворенія Тукальскаго въ Кіевѣ. Сношенія эти въ то время велись главнымъ образомъ изъ Переяслава стольникомъ Тяпкинымъ, довѣреннымъ лицомъ Ордына-Нащокина. Но Дорошенко предлагалъ подчиниться великому государю на условіяхъ неисполнимыхъ; такъ какъ требовалъ уничтоженія Андрусовскаго договора, возвращенія казакамъ всѣхъ старыхъ правъ и вольностей, вывода московскихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, смѣщенія Брюховецкаго, чтобы Дорошенкѣ быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, и признанія Тукальскаго кіевскимъ митрополитомъ. Очевидно Дорошенко мечталъ быть вторымъ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Тяпкинъ, дѣйствовавшій по инструкціямъ Ордына-Нащокина, ничего положительнаго не обѣщалъ, но и ни въ чемъ рѣшительно не отказывалъ, а тянулъ переговоры, стараясь выиграть время. Но этотъ нехитрый маневръ московской или ордынъ-нащокинской дипломатіи не ввелъ въ заблужденіе Дорошенка и только ускорилъ бѣдственныя событія.

Въ Малороссію пришли къ духовнымъ и мірскимъ властямъ грамоты изъ Москвы, извѣщавшія о намѣреніи государя пріѣхать въ Кіевъ помолиться угодникамъ, а напередъ себя для приготовленія пути послать боярина Ордына-Нащокина съ ратными людьми. Дорошенко и

Тукальскій ловко воспользовались этимъ извѣстіемъ и распространили такое толкованіе: Ордынъ-Нащокинъ (вообще нелюбимый въ Малороссіи) идетъ съ большою ратью, чтобы отдать Кіевъ Полякамъ, а казачество истребить огнемъ и мечомъ. Какъ ни было нелѣпо это толкованіе, но оно не замедлило усилить тревогу и волненіе умовъ на Украйнѣ. Особенно встревожился Брюховецкій; нелюбимый народомъ, потерявшій расположеніе Москвы, подстрекаемый Меѳодіемъ, онъ счелъ свое положеніе отчаяннымъ и совсѣмъ потерялъ голову. И этимъ обстоятельствомъ также воспользовались Дорошенко и Тукальскій. Дорошенко, вообще попрекавшій Брюховецкаго тѣмъ, что онъ старыя казацкія права и привилеи продаетъ Москвѣ, теперь, въ подтвержденіе Меѳодіевскихъ разоблаченій, сообщилъ Ивану Мартыновичу, будто Московское правительство предложило ему, Дорошенку, и гетманство восточной стороны. Брюховецкій повѣрилъ и вошелъ въ заговоръ съ правобережнымъ своимъ соперникомъ, условившись перебить московскихъ ратныхъ людей въ малороссійскихъ городахъ и отдаться подъ покровительство Турціи; при чемъ подана была надежда, что Дорошенко откажется отъ своего гетманства и Брюховецкій будетъ единымъ гетманомъ. Въ январѣ 1668 года онъ собралъ въ Гадячѣ на тайную раду лѣвобережныхъ полковниковъ: нѣжинскаго Мартынова, черниговскаго Самойловича, полтавскаго Кублицкаго, переяславскаго Райча, миргородскаго Апостоленко, прилуцкаго Горленко и съ праваго берега кіевскаго Дворецкаго. Тутъ гетманъ убѣдилъ ихъ въ необходимости начать всѣми мѣрами очищеніе городовъ отъ московскихъ ратныхъ людей; на чемъ они обоюдно присягнули.

Въ февралѣ 1668 года заговорщики приступили къ дѣлу. Первый починъ взялъ на себя самъ Брюховецкій. Онъ послалъ сказать сидѣвшему въ Гадячѣ воеводѣ Огареву, чтобы со своими людьми уходилъ вонъ изъ города. У воеводы было всего 200 человѣкъ, и притомъ здѣсь не было внутренняго замка или крѣпости, въ которой они могли бы обороняться. Воевода подчинился требованію; но ворота города оказались запертыми, и тутъ казаки бросились на малочисленный московскій отрядъ. Послѣ отчаянной схватки казаки одолѣли: большая часть москвитянъ была перебита; остальные съ раненымъ воеводою взяты въ плѣнъ; жену воеводы изувѣчили и отдали въ богадѣльню. Послѣ такого дикаго подвига Брюховецкій разослалъ универсалы, приглашавшіе и другіе города слѣдовать примѣру Гадяча, оправдывая себя мнимыми замыслами Москвы разорить Украйну и истребить ея населеніе. Послалъ онъ просьбу и на Донъ, призывая встать противъ московскихъ бояръ, которые, вошедши въ дружбу съ Ляхами, будто бы замышляютъ истре-

бить также Донское казачество; при чемъ грамота указывала на жестокое и незаконное сверженіе въ Москвѣ святѣйшаго патріарха (Никона) и увѣщевала Донцевъ держаться въ единеніи съ «господиномъ» Стенькою (Разинымъ), начавшимъ тогда свой знаменитый бунтъ. Домовитая часть Донского казачества не откликнулась на призывъ Брюховецкаго; зато въ малороссійскихъ городахъ началось возстаніе противъ Москвитянъ, и нѣкоторые гарнизоны были истреблены или забраны въ плѣнъ казаками; напримѣръ, въ Сосницахъ, Прилукахъ, Батуринѣ, Глуховѣ, Стародубѣ. Въ Новгородѣ-Сѣверскѣ погибъ воевода Квашня послѣ геройской обороны; другіе воеводы также мужественно оборонялись и успѣли отсидѣться, какъ-то: въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Острѣ, Черниговѣ. Между тѣмъ подоспѣли подкрѣпленія съ князьями Конст. Щербатовымъ и Гр. Ромодановскимъ, которыя начали бить казацкія ополченія, разорять села и деревни и осаждать возмутившіеся города. Дорошенко недолго притворялся съ Брюховецкимъ, и скоро потребовалъ отъ него отдачи гетманской булавы. Потерявшій голову Брюховецкій обругалъ соперника и отправилъ къ Турецкому султану бить челомъ о своемъ подданствѣ и присылкѣ помощи. По приказу султана въ Гадячъ явился отрядъ Татаръ, которые, конечно, дорого обошлись скупому Брюховецкому. Присоединивъ ихъ къ своимъ полкамъ, онъ двинулся противъ московскихъ воеводъ. Но по пути ему пришлось встрѣтиться съ самимъ Дорошенкомъ, который переправился на лѣвую сторону и снова потребовалъ выдать гетманскіе знаки, т.-е. булаву, знамя, бунчукъ и, кромѣ того, армату или пушки. Брюховецкій думалъ упорствовать; но собственные его казаки перешли на противоположную сторону и заодно съ правобережными принялись грабить гетманскій обозъ. Самъ онъ былъ схваченъ, приведенъ къ своему сопернику и отвѣчалъ молчаніемъ на его упреки; а затѣмъ, по знаку Дорошенка, цѣлая толпа набросилась на несчастнаго и варварски забила его до смерти. Такъ въ іюнѣ 1668 г. погибъ этотъ честолюбецъ, показавшій много хитрости и ловкости для достиженія гетманской булавы, но оказавшійся совершенно неспособнымъ, чтобы удержать ее въ своихъ рукахъ.

Провозгласивъ себя гетманомъ всего войска Запорожскаго, Дорошенко съ казаками и Татарами двинулся на князя Ромодановскаго, осаждавшаго городъ Котельну. Ромодановскій отступилъ къ Путивлю. Разграбивъ предварительно скарбъ Брюховецкаго въ Гадячѣ, Дорошенко также пошелъ къ Путивлю; но дорогой пришло къ нему извѣстіе объ измѣнѣ собственной жены. Казацкій гетманъ былъ такъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что оставилъ войско своему наказному гетману и ускакалъ къ себѣ въ Чигиринъ. Послѣ его отъѣзда ушли домой и Та-

тары, уводя съ собой большой полонъ. Тогда князь Ромодановскій снова перешелъ въ наступленіе на восточной Украйнѣ и началъ освобождать отъ осады державшіеся въ нѣкоторыхъ городахъ русскіе гарнизоны. Черниговскій полковникъ Демьянъ Многогрѣшный, названный наказнымъ или Сѣверскимъ гетманомъ, не могъ ему противостоять, и тѣмъ болѣе, что на лѣвой сторонѣ повторилось движеніе въ пользу Москвы,—движеніе, особенно производимое бѣлымъ духовенствомъ и мѣщанами. Какъ ни старались сторонники Дорошенка возбуждать населеніе противъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей, однако, тягости отъ послѣднихъ казались мѣщанамъ болѣе легкими сравнительно съ насиліями и хищничествомъ казацкой старшины и полковниковъ; а бѣлое духовенство не сочувствовало стремленіямъ украинскихъ епископовъ, архимандритовъ, игумновъ, примыкавшихъ по своимъ интересамъ къ казацкой старшинѣ. Среди бѣлаго духовенства, какъ выше замѣчено, особенно усердствовалъ Московскому правительству нѣжинскій протопопъ Семенъ Адамовичъ. Пресловутый блюститель Кіевской митрополіи епископъ Меѳодій былъ захваченъ казаками Дорошенка и подъ стражей отвезенъ въ Чигиринъ. Соперникъ его Іосифъ Тукальскій велѣлъ снять съ него архіерейскую мантію и заточить въ Уманскій монастырь. Но Меѳодію удалось убѣжать оттуда въ Кіевъ. Тутъ онъ попытался воротить себѣ довѣріе Московскаго правительства доносами на сношенія кіевскаго чернаго духовенства съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ. А это духовенство въ свою очередь выставляло его главнымъ виновникомъ измѣны, учиненной Брюховецкимъ. Воевода Шереметевъ, чтобы избавиться отъ сего безпокойнаго человѣка, отослалъ его въ Москву; тамъ его заключили въ Новоспасскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ.

Демьянъ Игнатовичъ Многогрѣшный задумалъ воспользоваться обстоятельствами въ свою пользу, т.-е. сталъ домогаться для себя гетманства. Онъ вступилъ въ переговоры съ Московскимъ правительствомъ о возвращеніи въ его подданство восточной Украйны; но при этомъ просилъ утвердить за ней права и вольности, которыя были установлены при Богданѣ Хмѣльницкомъ, и вывести московскихъ воеводъ. Посредникомъ въ сихъ переговорахъ явился черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, который поддерживалъ его просьбу и умолялъ царя согласиться на нее ради того, чтобы все казачество не обратилось въ мусульманское подданство. Съ такими просьбами пріѣхало въ Москву посольство отъ Многогрѣшнаго и Барановича въ январѣ 1669 года. Но протопопъ Адамовичъ извѣщалъ о дѣйствительномъ состояніи умовъ и о томъ, что ни войско, ни горожане отнюдь не добиваются вывода московскихъ воеводъ. По рѣшенію государя была назначена черная

казацкая рада въ началѣ марта въ Глуховѣ, куда прибыли и московскіе уполномоченные: князь Гр. Ромодановскій, стольникъ Артамонъ Матвѣевъ и дьякъ Богдановъ. Многогрѣшный и старшина нѣсколько дней препирались съ ними о своихъ правахъ и вольностяхъ и выводѣ московскихъ воеводъ. Наконецъ, сговорились и подписались на томъ, чтобы воеводы съ ратными людьми оставались въ Кіевѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ; чтобы число реестровыхъ казаковъ было 30.000 съ жалованьемъ по 30 золотыхъ польскихъ въ годъ (а гетману и старшинѣ, конечно, особое приличное жалованье); чтобы взамѣнъ частыхъ посланцевъ гетману имѣть въ Москвѣ ежегодно смѣняющееся выборное лицо; чтобы казацкіе дворы были свободны отъ постоя ратныхъ людей; чтобы гетманъ, хотя и выборный, не могъ быть смѣненъ безъ царскаго указа, а резиденцію свою имѣлъ въ Батуринѣ и пр. Послѣ того рада собралась на площади передъ соборомъ, и на вопросъ, кого хочетъ въ гетманы, выкрикнула Демьяна Игнатовича.

Такъ смута, учиненная Дорошенкомъ и Брюховецкимъ, только вновь подтвердила неудержимое тяготѣніе лѣвобережной Украйны къ Московскому государству. И Дорошенко, несмотря на свою популярность между казаками, оказался безсильнымъ помѣшать ея возсоединенію съ Москвой.

Съ своей стороны и Польша не въ состояніи была возсоединить съ собою всю предоставленную ей Андрусовскимъ договоромъ западную Малороссію, т.-е. смирить непокорнаго Дорошенка, получавшаго помощь отъ Татаръ. Польскіе гарнизоны держались только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, каковы въ особенности Бѣлая Церковь и Каменецъ-Подольскій. Но около того времени здѣсь во главѣ польскаго войска явился польный коронный гетманъ знаменитый Янъ Собѣскій, который съ небольшими силами умѣлъ давать отпоръ многочисленнымъ непріятелямъ. Въ концѣ сентября 1667 года въ мѣстечкѣ Подгайцахъ онъ былъ окруженъ казаками Дорошенка и Татарами калги и нурреддинъ салтановъ. Если вѣрить польскимъ источникамъ, Поляковъ было около 8.000, а непріятелей около 100.000. Когда осада угрожала затянуться, а у Поляковъ уже истощились всѣ запасы, къ осаждающимъ пришла вѣсть, что Сѣрко бросился въ Крымъ и что Запорожцы производятъ тамъ страшное опустошеніе. А тутъ еще Собѣскій искусно пустилъ слухъ о движеніи къ нему на помощь самого короля. Встревоженные царевичи склонились къ заключенію мира. Къ нему же принужденъ былъ приступить и Дорошенко, который снова присягнулъ на вѣрность польскому королю. Подгаецкій договоръ очень прославилъ Собѣсскаго и доставилъ ему большую гетманскую булаву.

Въ то время уже распространились слухи о намѣреніи Яна Казиміра сложить съ себя злополучную корону, которая особенно стала тяготить его послѣ кончины энергичной его супруги Маріи Гонзаги. И слухи эти снова оживили при Московскомъ дворѣ несчастный вопросъ объ избраніи на польскій престолъ. На сей разъ, впрочемъ, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ въ виду не себя лично, а своего старшаго сына и наслѣдника Алексѣя Алексѣевича. Повидимому несбыточную надежду на избраніе поддерживалъ все тотъ же близорукій московскій дипломатъ Ордынъ-Нащокинъ, въ качествѣ начальника Посольскаго приказа получившій титулъ «большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ оберегатель». При своемъ извѣстномъ полякофильствѣ, онъ какъ бы совсѣмъ упускалъ изъ виду непреоборимое препятствіе со стороны вѣроисповѣдной: ни Польша не могла выбрать на престолъ не католика, ни русскій царевичъ не могъ измѣнить православію. Тѣмъ не менѣе Московское правительство чрезъ своихъ посланцевъ вновь завязало съ нѣкоторыми польскими и литовскими сановниками безплодные переговоры объ избраніи, сопровождая ихъ подарками сороковъ соболей. При подтвержденіи Андрусовскаго перемирія въ Москвѣ было условлено, чтобы въ іюнѣ 1668 года уполномоченные русскіе, польскіе и шведскіе собрались на съѣздъ въ Курляндіи для заключенія торговаго договора между тремя сосѣдними державами. Въ концѣ мая сего года на условленный съѣздъ отправился Ордынъ-Нащокинъ, напутствуемый молебнами и благословеніями патріарховъ; ему государь вручилъ на дорогу свою домовую икону Спаса-Вседержителя и самъ проводилъ его за Тверскія ворота. Очевидно на предстоявшій съѣздъ возлагались большія надежды по вопросу о кандидатурѣ московскаго царевича. Но дѣло окончилось самымъ неожиданнымъ образомъ: съѣздъ просто не состоялся за неприбытіемъ уполномоченныхъ не только шведскихъ, но и польскихъ.

Въ началѣ сентября 1668 года на Варшавскомъ сеймѣ совершилось торжественное отреченіе Яна Казиміра, сопровождавшееся трогательными рѣчами и слезами всего собранія. Послѣ того онъ еще около года оставался въ Польшѣ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто; при чемъ могъ воочію убѣдиться въ непостоянствѣ польской шляхты, которая, несмотря на слезное съ нимъ прощаніе своихъ представителей, теперь при встрѣчѣ съ бывшимъ королемъ и шапокъ своихъ не ломала. Затѣмъ онъ уѣхалъ во Францію, и умеръ тамъ аббатомъ Неверскаго бенедиктинскаго монастыря (1672 г.). Въ наступившую послѣ его отреченія выборную агитацію въ числѣ кандидатовъ было выставлено имя московскаго царевича Алексѣя Алексѣевича; но теперь уже самъ Ор-

дынъ-Нащокинъ посовѣтовалъ царю отказаться отъ сей кандидатуры: она требовала огромныхъ расходовъ на подкупы, но не обѣщала успѣха; ибо, кромѣ вѣроисповѣднаго вопроса, возбуждала еще вопросъ объ уступкѣ Полякамъ Смоленской области.

Долго тянулось на сей разъ польское междукоролевье съ его борьбою партій, которыя выставили трехъ иноземныхъ кандидатовъ: герцоговъ Нейбургскаго и Лотарингскаго и принца Конде. Наконецъ, на избирательномъ Варшавскомъ сеймѣ въ іюнѣ 1669 года совершенно неожиданно былъ выбранъ человѣкъ, о кандидатурѣ котораго дотолѣ мало кто и слышалъ. То былъ Михаилъ Вишневецкій, сынъ знаменитаго Ереміи. Кромѣ общаго нерасположенія шляхты имѣть на престолѣ иноземца, на сей выборъ очевидно повліяла благодарная память объ отцѣ Михаила, бывшемъ, какъ извѣстно, грозою казаковъ, возставшихъ противъ польскаго владычества. Это показываетъ, что потеря Украйны и вообще Малороссійскія дѣла затрогивали самую чувствительную струну въ шляхетскихъ сердцахъ. Но, по личному ничтожеству Михаила, выборъ короля на сей разъ оказался однимъ изъ самыхъ неудачныхъ.

Въ это время несчастная Малороссія была раздираема междоусобными войнами за гетманство. Пресловутый Дорошенко не могъ даже удержать за собою въ цѣлости ея западную половину. Соперникомъ ему выступилъ нѣкто Суховѣенко, молодой писарь въ Запорожьѣ. Онъ увлекъ за собой часть Запорожцевъ и сумѣлъ добиться для себя гетманскаго титула отъ Крымскаго хана, отъ котораго получилъ и войско на помощь. (Татары охотно поддерживали казацкія междоусобія). Часть правобережныхъ полковъ и даже нѣкоторые изъ лѣвобережныхъ признали его своимъ гетманомъ. Не получая помощи отъ Поляковъ, Дорошенко попытался снова завести переговоры съ Москвою о своемъ подданствѣ на условіяхъ Богдана Хмѣльницкаго; но эти переговоры ни къ чему не привели; ибо Московское правительство прежде всего не думало нарушать постановленія Андрусовскаго перемирія, по которымъ западная сторона оставлена за Польшей. Тогда Дорошенко обратился съ настойчивой просьбой къ Турецкому султану о формальномъ принятіи Украйны подъ свою руку. Занятая войною съ Венеціанцами, Турція не могла оказать помощь Дорошенкѣ собственнымъ войскомъ. Султанскій чаушъ прибылъ къ нему съ гетманскими клейнодами въ то именно время, когда Суховѣенко съ казацкими полками и крымскими царевичами сильно тѣснилъ Дорошенка. По требованію чауша царевичи покинули Суховѣенка. На помощь Дорошенкѣ пришла орда Бѣлгородская, которая подчинена была не хану Крымскому, а пашѣ

Силистрійскому. Между тѣмъ Суховѣенко сложилъ съ себя гетманство и передалъ его уманскому полковнику Михаилу Ханенкѣ; послѣдній призналъ себя подданнымъ Рѣчи Посполитой и продолжалъ борьбу съ Дорошенкомъ; снова призвавъ на помощь Крымцевъ, онъ осадилъ соперника, принужденнаго запереться въ Стеблевѣ. Но Сѣрко помогъ Дорошенкѣ взять верхъ. Ханенко и Суховѣенко ушли на Запорожье; а принявшій ихъ сторону и снявшій съ себя монашеское платье Гедеонъ или Юрій Хмѣльницкій попалъ въ плѣнъ и былъ отосланъ въ Царьградъ, гдѣ его засадили въ Семибашенный замокъ.

Пока происходили эти событія, между Москвой и Польшей шли переговоры о болѣе тѣсномъ сближеніи и о заключеніи вѣчнаго мира. Но тутъ выступилъ на передній планъ вопросъ о предварительной отдачѣ Кіева Полякамъ. Уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались въ Мигновичахъ. Съ московской стороны велъ переговоры все тотъ же Ордынъ-Нащокинъ, который жилъ въ Мигновичахъ еще съ марта 1669 г. и оттуда слѣдилъ за выборомъ новаго польскаго короля. Гораздо позднѣе его прибыли сюда коммисары съ польской стороны: Янъ Гнинскій, Николай Тихановецкій и Павелъ Бжостовскій. Съѣздъ уполномоченныхъ открылся не ранѣе конца сентября. Поляки потребовали не только исполненія Андрусовскаго договора относительно Кіева, но и возвращенія всего, что было пріобрѣтено Москвой по сему договору. О послѣднемъ требованіи Нащокинъ не хотѣлъ и говорить. Но относительно Кіева пришлось толковать долгое время и оттягивать рѣшеніе вопроса. Событія ясно указывали, какое важное значеніе имѣлъ этотъ городъ для всего Малороссійскаго вопроса, и какъ восточная Украйна волновалась при одной мысли о возможности его возвращенія Полякамъ; а въ церковномъ отношеніи, какъ митрополичья каѳедра, онъ оказывалъ бы самое неблагопріятное вліяніе на всю Украйну, если бы снова очутился въ рукахъ Поляковъ. Поэтому Московское правительство и прежде неоднократно давало понять мѣстному духовенству и старшинѣ, что оно не намѣрено возвратить Кіевъ Полякамъ, а Нащокинъ получилъ теперь инструкцію всякими способами отклонять вопросъ о сдачѣ. Главною отговоркою служило общее смутное состояніе Украйны и захватъ Дорошенкомъ нѣкоторыхъ украинскихъ городовъ на Московской сторонѣ (Остра, Козельца, Барышполя и др.). Московскіе уполномоченные, кромѣ того, нашли возможнымъ придраться къ нѣкіимъ оскорбительнымъ «листамъ» и «пашквилю», напечатаннымъ тогда въ Польшѣ противъ Московскаго государства, и выставляли ихъ нарушеніемъ Андрусовскаго договора, обязавшаго Польшу и Россію быть въ

дружескихъ, союзныхъ отношеніяхъ. Переговоры затянулись до марта 1670 года. Какъ ни упорно требовали Поляки сдачи Кіева, но надвигавшая тогда опасность со стороны Турціи, разстроенное состояніе самой Польши и бездѣятельность новаго короля привели ихъ къ уступчивости; вопросъ о Кіевѣ былъ отложенъ, а прочія статьи Андрусовскаго перемирія подтверждены и возобновлено обоюдное обѣщаніе стоять общими силами противъ басурманъ.

Долгое пребываніе Ордынъ-Нащокина въ Мигновичахъ было послѣднею его службою въ качествѣ царскаго посла и уполномоченнаго. Въ это время его значеніе перваго дипломатическаго дѣльца и довѣріе къ нему государя сильно пошатнулись, и вмѣстѣ съ его должностями переходили къ новому царскому любимцу, Артамону Сергѣевичу Матвѣеву. Уже въ октябрѣ 1669 года, когда Нащокинъ пребывалъ въ Мигновичахъ, бывшій дотолѣ въ его вѣдѣніи Малороссійскій приказъ переданъ Матвѣеву, пожалованному званіемъ думнаго дворянина. Это назначеніе произвело благопріятное впечатлѣніе въ Малороссіи, гдѣ уже успѣли оцѣнить Матвѣева за его привѣтливый характеръ и постоянную готовность оказывать услуги украинскимъ дѣятелямъ; тогда какъ упрямый, жесткій въ обращеніи Нащокинъ вооружилъ противъ себя Малороссовъ, также какъ онъ успѣлъ вооружить въ Москвѣ и своихъ подчиненныхъ, въ особенности дьяковъ. Своими политическими разсужденіями и длинными наставительными посланіями, написанными витіеватымъ, подчасъ невразумительнымъ языкомъ, онъ успѣлъ наскучить уже самому царю, и тѣмъ болѣе, что эти посланія почти всегда были пересыпаны указаніями на его усердную и полезную службу, а также вѣчными жалобами на происки и козни его придворныхъ враговъ и завистниковъ. А между тѣмъ царь уже могъ изъ разныхъ опытовъ убѣдиться, что политическіе проекты и разсужденія его канцлера (какъ величали Нащокина иноземцы) на дѣлѣ большею частію не оправдывались. Особенно усердно предавался онъ всякимъ посланіямъ въ Москву и докладнымъ запискамъ во время своего годового пребыванія въ Мигновичахъ, гдѣ имѣлъ много свободнаго времени. Но въ то же время приходили изъ Малороссіи разныя на него жалобы, болѣе или менѣе основательныя. Такъ архимандритъ Кіевопечерской лавры Гизель сѣтовалъ на то, что его секретныя донесенія о дѣлахъ Украйны Нащокинъ показывалъ польскому послу Беневскому, бывшему въ Москвѣ въ концѣ 1667 года для подтвержденія Андрусовскаго договора. А во время съѣзда въ Мигновичахъ осенью 1669 года польскіе коммиссары составили съ согласія Нащокина воззваніе къ Дорошенку, при чемъ говорилось, что король всѣмъ казакамъ обѣихъ сторонъ Днѣпра вины

ихъ прощаетъ и разрѣшаетъ прислать депутацію на съѣздъ. Съ этимъ воззваніемъ они послали прапорщика Крыжевскаго, который дорогою показалъ его разнымъ лицамъ; изъ него стали выводить заключеніе о намѣреніи воротить восточную Украйну подъ власть короля; что произвело немалое волненіе въ умахъ; особенно оскорбился гетманъ Многогрѣшный, находя тутъ обращеніе только къ Дорошенку, а свое имя даже неупомянутымъ. Затѣмъ Нащокинъ усердно, но неискусно преслѣдовалъ мысль о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріарху; во время своего пребыванія въ Мигновичахъ онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Іосифомъ Тукальскимъ, обѣщая признаніе за нимъ Кіевской митрополіи на условіи сего подчиненія; при чемъ даже не спрашивалъ согласія изъ Москвы, гдѣ уже перестали думать о Тукальскомъ, убѣдясь въ его неискренности и въ томъ, что его нельзя отдѣлить отъ Дорошенка. Мало того, Нащокинъ не соблюдалъ должной осторожности при сихъ тайныхъ сношеніяхъ; любя окружать себя людьми польской культуры, онъ взялъ къ себѣ въ службу того православнаго шляхтича (Лубенка), который привозилъ ему письма Тукальскаго; а этотъ шляхтичъ разболталъ о письмахъ опять въ смыслѣ намѣренія Москвы возвратить Полякамъ лѣвобережную Украйну, что еще болѣе усилило въ ней тревожные толки и вызвало потомъ формальную жалобу гетмана Многогрѣшнаго. Вообще поведеніемъ Нащокина царь былъ настолько недоволенъ, что когда тотъ въ мартѣ 1670 г. пріѣхалъ съ посольскаго съѣзда, ему велѣно было поставить сопровождавшій его на съѣздъ образъ Спаса въ церкви Дорогомиловской слободы, а самому ѣхать къ себѣ на дворъ и ждать царскаго указа.

Ордынъ-Нащокинъ, разсчитывая на доброту государя, отказался исполнить его повелѣніе подъ предлогомъ, что такая явная немилость будетъ сочтена Поляками за неутвержденіе заключеннаго имъ мирнаго докончанія и, слѣдовательно, принесетъ большой вредъ государству. Расчетъ его оказался вѣренъ: государь самъ выѣхалъ встрѣтить образъ Всемилостиваго Спаса, при чемъ пожаловалъ посла къ своей рукѣ и похвалилъ его службу. Это не избавило, однако, Нащокина отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Ему предложены были допросные пункты относительно его дѣйствій по Малороссійскимъ дѣламъ, и онъ принужденъ былъ оправдываться. Нащокинъ нѣкоторое время продолжалъ еще составлять запутанные проекты и подавать докладныя записки о мѣрахъ къ успокоенію Малороссіи и добиваться ихъ обсужденія въ царскомъ совѣтѣ; но политическая роль его скоро окончилась. Въ февралѣ слѣдующаго 1671 года, послѣ брака царя съ Натальей Кирилловной, Арт. Серг. Матвѣевъ получилъ въ свое вѣдѣніе и Посольскій

приказъ. Чтобы смягчить отставку Ордына-Нащокина, царь назначилъ его главою большого посольства въ Польшу, съ званіемъ ближняго боярина. Но и по сему поводу онъ не преминулъ подать пространный докладъ, наполненный личными сѣтованіями и требованіями самыхъ широкихъ полномочій — докладъ, возбудившій большое неудовольствіе у царя и его ближайшихъ совѣтниковъ. Изъ нихъ Матвѣевъ, какъ начальникъ Посольскаго приказа, составилъ для Нащокина наказъ, строго опредѣлявшій сферу его полномочій. Тогда онъ сталъ отказываться отъ посольства подъ предлогомъ болѣзни, и его охотно уволили. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое посольство было направлено теперь не въ Варшаву, а на границу въ извѣстное Андрусово. Потерявъ все свое придворное вліяніе и значеніе, Ордынъ-Нащокинъ въ концѣ того же 1671 г. испросилъ у царя разрѣшеніе поступить въ монастырь. Онъ удалился въ свой родной Псковскій край, гдѣ въ Крыпецкой пустыни въ февралѣ 1672 г. постригся въ монахи, подъ именемъ Антонія.

Межъ тѣмъ Малороссійская смута, вновь поднятая Дорошенкомъ, не прекращалась. Его попытка вооруженною рукою захватить лѣвобережную Украйну встрѣтила успѣшный отпоръ со стороны Многогрѣшнаго. Тогда онъ противъ послѣдняго пустилъ въ ходъ разныя интриги. По мысли Дорошенка, преданный ему митрополитъ Тукальскій своими жалобами на отнятіе Многогрѣшнымъ церковныхъ имуществъ у духовенства добился въ Константинополѣ того, что вселенскій патріархъ отлучилъ лѣвобережнаго гетмана отъ церкви. Но Московское правительство вскорѣ посланною патріарху милостынею и своимъ ходатайствомъ побудило снять это отлученіе. Дорошенко теперь прибѣгъ къ другому образу дѣйствія, именно къ тому, который такъ удался ему въ отношеніи Брюховецкаго. Оставивъ по наружности всякую вражду, онъ завелъ съ Многогрѣшнымъ дружескія сношенія и началъ постепенно возбуждать его неудовольствіе противъ Москвы. Простодушный или, точнѣе, умственно ограниченный Многогрѣшный пошелъ на эту удочку. А поводовъ къ сему неудовольствію у него оказалось достаточно, хотя Московское правительство продолжало оказывать ему милостивое вниманіе, жаловать маетности, посылать подарки и т. п. Но оно, во-первыхъ, отказало въ его просьбѣ о возвращеніи въ Малороссію епископа Меѳодія; во-вторыхъ, не разрѣшило прислать на съѣздъ Нащокина съ польскими комиссарами казацкихъ депутатовъ, вопреки Глуховскому договору; въ-третьихъ, слишкомъ добросовѣстно исполняя статьи Андрусовскаго договора, оно не рѣшалось принять военныя мѣры противъ польскихъ нападеній и грабежей, чинимыхъ особенно въ монастырскихъ имѣніяхъ почти подъ самымъ Кіевомъ. Чтобы удовлетворить гетмана, правительство

дозволило ему прислать въ Москву депутатовъ для присутствія при переговорахъ съ польскимъ посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ Янъ Гнинскій. Многогрѣшный прислалъ кіевскаго полковника Солонину съ товарищами; но польскіе послы воспротивились ихъ присутствію при переговорахъ, что еще болѣе усилило неудовольствіе и толки о намѣреніи царя возвратить Полякамъ лѣвый берегъ. Переяславскій полковникъ Дмитрашко Райча затѣялъ бунтъ противъ гетмана; хотя послѣдній успѣлъ подавить этотъ бунтъ, но былъ оскорбленъ отказомъ кіевскаго воеводы кн. Козловскаго прислать ему отрядъ на помощь подъ предлогомъ неимѣнія о томъ указа. Всѣми сими обстоятельствами Дорошенко и Тукальскій ловко воспользовались и начали уже склонять Многогрѣшнаго къ измѣнѣ царю и къ подданству султану, подавая ему виды на правобережное гетманство послѣ смерти его, т.-е. Дорошенка. До Московскаго правительства доходили слухи объ этихъ тайныхъ сношеніяхъ; сначала оно не придало имъ значенія, такъ какъ самъ Многогрѣшный сообщилъ ему о первыхъ присылкахъ изъ Чигирина. Но московскіе воеводы доносили, что они замѣчаютъ среди казаковъ какое-то необычное движеніе, какія-то приготовленія и продолженіе слуховъ о намѣреніи государя выдать Полякамъ восточную Украйну. Мало того, тѣснимый одно время Поляками и своимъ соперникомъ Ханенкомъ, Дорошенко просилъ помощи у Многогрѣшнаго и получилъ ее. Не безъ участія Дорошенка и Тукальскаго пущенъ былъ слухъ, что государь намѣренъ смѣнить Многогрѣшнаго, а на его мѣсто поставить полковника Солонину, находившагося тогда въ Москвѣ. Жадный къ стяжаніямъ, какъ и предшественникъ его, притомъ грубый въ обращеніи, Многогрѣшный страдалъ еще страстью къ вину, а въ пьяномъ видѣ онъ былъ очень вспыльчивъ и дерзокъ на языкъ; при чемъ нерѣдко принимался бранить Москву и грозить, что найдетъ себѣ другого государя, намекая на Турецкаго султана; на противорѣчившихъ ему бросался съ обнаженной саблей. Напрасно архіепископъ Лазарь Барановичъ, вновь сдѣлавшійся блюстителемъ митрополіи, убѣждалъ гетмана письменно, а извѣстный протопопъ Адамовичъ лично, чтобы онъ не вѣрилъ слухамъ. Напрасно и начальникъ Малороссійскаго приказа А. С. Матвѣевъ употреблялъ разныя мѣры и отправлялъ посланцевъ съ грамотами, чтобы успокоить Многогрѣшнаго. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ ночь на 13-е марта 1672 года въ Батуринѣ старшина, съ обознымъ Петромъ Забѣллою во главѣ, сама схватила Демьяна Многогрѣшнаго и отправила его въ Москву съ генеральнымъ писаремъ Мокріевичемъ и протопопомъ Адамовичемъ, ссылаясь на то, что необходимо было предупредить междоусобное кровопролитіе, такъ какъ гетманъ уже рѣ-

шилъ выступить въ походъ и соединиться съ Дорошенкомъ. Братъ Демьяна Василій, полковникъ Черниговскій, пытался спастись бѣгствомъ. Сначала онъ обратился за помощью къ архимандриту Черниговско-Елецкаго монастыря Іоанникію Голятовскому; но тотъ не допустилъ его спрятаться въ своемъ монастырѣ. Тогда Василій, переодѣтый въ монашеское платье, пришелъ въ Кіево-Братскую обитель, гдѣ и укрылся ея игумну и ректору кіевскихъ школъ Варлааму Ясинскому. Въ виду строгихъ поисковъ бѣглеца, игуменъ, опасаясь навлечь на себя опалу, сообщилъ о томъ кіевскому воеводѣ кн. Козловскому, который немедленно велѣлъ схватить Василія Многогрѣшнаго и подъ сильнымъ конвоемъ отправить въ Москву. Здѣсь обоихъ братьевъ подвергли допросу съ пристрастіемъ,т.-е. съ пыткою; послѣ чего они были приговорены къ отсѣченію головы; но у самой плахи ихъ помиловали и затѣмъ сослали въ Сибирь вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Туда же вслѣдъ за ними отправили и знаменитаго атамана Сѣрко: онъ вздумалъ добиваться гетманскаго достоинства; тогда его соперники и завистники поспѣшили обвинить его въ измѣнническихъ замыслахъ схватили и отослали въ Москву.

Въ іюнѣ того же 1672 года, въ Казачьей Дубровѣ (между Путивлемъ и Конотопомъ, въ 15 верстахъ отъ Путивля), въ присутствіи боярина Ромодановскаго и его ратныхъ людей, а также архіепископа Лазаря Барановича, происходила генеральная рада для выбора гетмана. Вольными голосами выбранъ былъ генеральный судья Иванъ Самойловичъ, сынъ священника, переселившагося съ правобережной Украйны на лѣвобережную. Тотчасъ ему вручили булаву, знамя и бунчукъ. А затѣмъ архіепископъ Барановичъ вмѣстѣ съ протопопами Адамовичемъ и Лежайскимъ облачились въ ризы и отслужили благодарственный молебенъ; при чемъ архіепископъ привелъ новоизбраннаго гетмана къ присягѣ на вѣрную службу Государю. Бояринъ Ромодановскій позвалъ къ себѣ въ шатеръ духовенство, новаго гетмана и старшину и угощалъ ихъ обѣдомъ. Тогда же московскимъ ратнымъ людямъ и казакамъ объявлена только что прибывшая радостная вѣсть о томъ, что 30-го мая царю Алексѣю Михайловичу вторая его супруга Наталья Кирилловна родила сына Петра Алексѣевича. Торжество закончилось раздачею царскихъ подарковъ духовенству, гетману, десяти лѣвобережнымъ полковникамъ и всей старшинѣ казацкой; ихъ дарили деньгами и соболями ([23]).

VI.

ИСПРАВЛЕНІЕ КНИГЪ И ОБРЯДОВЪ. ДѢЛО НИКОНА.

Вліяніе кіевскихъ ученыхъ. Кружокъ ревнителей просвѣщенія и благочестія. Ртищевъ и Андреевскій монастырь-школа. Вопросъ о двуперстіи и единогласіи. Грекофильство Никона. Посылка Арсенія Суханова на Востокъ и пріобрѣтеніе греческихъ рукописей. Протопопы Нероповъ, Аввакумъ и другіе противники Никоновыхъ исправленій. Крутыя мѣры патріарха. Ссылка и раскаяніе Неронова. Властолюбіе и любостяжаніе Никона. Построенные имъ монастыри. Охлажденіе къ нему царя. Столкновеніе его съ Б. М. Хитрово, торжественное отреченіе отъ патріаршества въ Успенскомъ соборѣ и удаленіе въ Воскресенскій монастырь. Церковный соборъ 1660 года. Строптивое поведеніе Никона.—Денежный кризисъ и мѣдная монета. Новый народный мятежъ и его жертвы.

Начавшееся при Михаилѣ Θеодоровичѣ исправленіе церковныхъ книгъ, безуспѣшныя пренія о вѣрѣ съ лютеранами въ Москвѣ, по поводу сватовства принца Вальдемара, и ясно обнаруженное при семъ превосходство южноруссовъ въ дѣлѣ образованія побуждали лучшихъ московскихъ людей все болѣе и болѣе обращаться къ кіевской книжной словесности и кіевскимъ ученымъ. При Московскомъ дворѣ уже съ самаго начала Алексѣева царствованія образовался кружокъ ревнителей просвѣщенія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; изъ духовныхъ къ нему принадлежали патріархъ Іосифъ и царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, а изъ свѣтскихъ самъ Алексѣй Михайловичъ и любимый его постельничій Θеодоръ Мих. Ртищевъ; сему кружку сочувствовалъ и бояринъ-временщикъ Борисъ Ив. Морозовъ; къ нему же примкнулъ и будущій патріархъ Никонъ. Изъ книгъ, напечатанныхъ въ это время, наибольшую извѣстность пріобрѣла такъ наз. «Книга о вѣрѣ», сочиненная игуменомъ кіевскаго Михайловскаго монастыря Нафанаиломъ противъ уніатовъ (въ 1644 г.), переведенная теперь съ бѣлорусскаго на великорусское нарѣчіе и изданная попеченіемъ Стефана Вонифатьева. Убѣдясь въ неудовлетворительности старыхъ славянскихъ переводовъ, кружокъ ревнителей пришелъ къ мысли вновь перевести Библію съ

греческаго языка на славянскій. Для этого дѣла Алексѣй Михайловичъ обратился въ Кіевъ къ митрополиту Сильвестру Коссову съ просьбой прислать въ Москву нѣсколькихъ извѣстныхъ ученыхъ. Митрополитъ исполнилъ просьбу. Въ 1649 и 1650 гг. въ Москву прибыли такіе ученые знатоки греческаго и латинскаго языковъ, какъ Епифаній Славинецкій, инокъ Кіево-Братскаго монастыря, и Дамаскинъ Птицкій, инокъ Кіево-Печерской Лавры.

Около того же времени Ѳедоръ Ртищевъ, движимый жаждою просвѣщенія, съ благословенія патріарха Іосифа устроилъ на собственныя средства монастырь-школу не далеко отъ Москвы, близъ церкви Андрея Стратилата, и поселилъ здѣсь до 30 иноковъ, вызванныхъ изъ разныхъ малороссійскихъ монастырей для того, чтобы они обучали желающихъ греческой и славянской граматикѣ, реторикѣ и философіи, а также принимали бы участіе въ исправленіи книгъ. Самъ Ртищевъ, по словамъ его житія, днемъ отправлялъ царскую службу, а вечера до глубокой ночи проводилъ въ своемъ Андреевскомъ монастырѣ, учась греческой грамотѣ или бесѣдуя съ учеными старцами. Между молодыми людьми нашлось не мало охотниковъ учиться въ семъ монастырѣ; а нѣкоторые, поощряемые Морозовымъ и Ртищевымъ, отправлялись въ самый Кіевъ, чтобы тамъ доучиваться латинскому языку. Но эти образовательныя стремленія не обошлись безъ толковъ и подозрѣній со стороны нѣкоторыхъ ревнителей русскаго благочестія, опасавшихся еретической заразы отъ знакомства съ греческою и латинскою грамотою. Даже про Б. И. Морозова такіе ревнители говорили, что онъ только для виду держитъ при себѣ отца духовнаго, а самъ жалуетъ кіевлянъ и вмѣстѣ съ ними уклонился къ ересямъ. Распространеніе латинствующей уніи и польскаго вліянія въ Западной Руси, естественно, подвергало сомнѣнію чистоту православія кіевскаго духовенства въ глазахъ многихъ москвичей. Но такого же сомнѣнія не избѣжало у насъ и самое греческое духовенство.

Еще въ XV вѣкѣ, послѣ Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, появилось на Руси ученіе книжниковъ о томъ, что мѣсто второго Рима (Константинополя) заняла Москва, которая есть третій и послѣдній Римъ («а четвертому не быть»). Самое паденіе Константинополя русскіе книжники приписывали тому, что Греки не удержали въ чистотѣ вѣру, и Византійскій императоръ принялъ унію съ латинствомъ (Флорентійскую). Хотя эта унія не упрочилась, все же подъ мусульманскимъ игомъ Греки де не могли сохранить въ чистотѣ вѣроученіе и обряды своей церкви. Съ водвореніемъ въ Европѣ книгопечатанія они, не имѣя собственныхъ типографій, принуждены были обращаться на

западъ, преимущественно въ Венецію, для печатанія церковныхъ книгъ, которыя поэтому не могли избѣжать нѣкотораго латинскаго вліянія. Единственнымъ православнымъ государемъ былъ теперь Русскій царь, который и сдѣлался охранителемъ истинной вѣры на мѣсто старыхъ византійскихъ императоровъ, и только на Руси сохранялась де въ чистотѣ и процвѣтала православная Церковь. Это ученіе достигло полнаго своего развитія въ XVI столѣтіи, а наиболѣе укрѣпилось въ русскихъ умахъ съ того времени, какъ Москва получила своего собственнаго патріарха. Многіе Русскіе такимъ образомъ въ дѣлѣ православія начали ставить себя выше Грековъ, въ особенности по отношенію къ обрядовой сторонѣ. Но около половины XVII вѣка такое высокое о себѣ мнѣніе нѣсколько поколебалось, когда все сильнѣе и сильнѣе проявлялись сознаніе своей отсталости въ образованіи и потребность въ исправленіи церковныхъ книгъ при помощи переводовъ, болѣе близкихъ къ греческимъ подлинникамъ. Сей поворотъ въ пользу Грековъ произошелъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ помянутаго придворнаго кружка ревнителей просвѣщенія, и онъ ясно отразился въ изданіи названной выше «Книги о вѣрѣ». Она распространяется о томъ, что въ Греческой церкви сохранилось древнее благочестіе, несмотря на Флорентійскій соборъ и Турецкое иго; а въ числѣ доказательствъ почивающей на ней благодати указываетъ въ особенности на ежегодно совершающееся чудо въ Іерусалимѣ у Гроба Господня, т.-е. на явленіе священнаго огня вечеромъ въ Великую субботу передъ Воскресной заутреней. Книга эта возбудила большой интересъ и оживленные толки въ Московскомъ обществѣ; о томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и самая ея продажа: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на Печатномъ дворѣ было ея продано 850 экземпляровъ—по тому времени очень значительное количество.

Случилось, что зимой 1649 года, въ разгаръ именно вопроса о Грекахъ, пріѣхалъ въ Москву за милостынею іерусалимскій патріархъ Паисій. Въ самомъ началѣ его пребыванія, чрезъ дьяка Посольскаго приказа (Волошенинова), его тщательно разспрашивали о положеніи православія на Востокѣ, о дѣлахъ Іерусалимской церкви, о состояніи Гроба Господня и особенно о сошествіи съ неба огня въ Страстную субботу. Изъ членовъ извѣстнаго кружка наиболѣе усердно (съ царскаго разрѣшенія) посѣщалъ патріарха новоспасскій архимандритъ Никонъ и велъ съ нимъ продолжительныя бесѣды, послѣ чего будущій московскій патріархъ окончательно сдѣлался завзятымъ грекофиломъ. Но Московское правительство не довольствовалось такими разспросами и бесѣдами; когда Паисій собрался въ обратный путь, царь и патріархъ Іосифъ послали съ нимъ своего довѣреннаго человѣка, который долженъ былъ на мѣстѣ

ознакомиться съ положеніемъ восточныхъ церквей, ихъ святынями и обрядовыми правилами. Выборъ ихъ палъ на Арсенія Суханова, строителя Богоявленскаго монастыря, помѣщавшагося въ Кремлѣ и служившаго подворьемъ Троице-Сергіевой Лавры.

Этотъ Арсеній Сухановъ, происходившій изъ бѣдныхъ городовыхъ дворянъ Тульской украйны, отличался любовью къ книжному и лѣтописному дѣлу, былъ архидіакономъ при патріархѣ Филаретѣ и послѣ его кончины поселился въ Чудовомъ монастырѣ. Въ то время возобновились сношенія съ Москвой Грузіи, постоянно искавшей у насъ защиты противъ мусульманскихъ своихъ сосѣдей, Персовъ и Турокъ. Грузинскій (собственно Кахетинскій) царь Теймуразъ прислалъ въ 1637 году къ Михаилу Θеодоровичу посольство съ просьбою принять его въ свое подданство и помочь ему противъ внѣшнихъ враговъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу изъ Москвы отправлено было посольство въ Грузію, съ княземъ Θед. Волконскимъ во главѣ; въ числѣ духовныхъ членовъ этого посольства находился и Сухановъ. Оно должно было увѣдомить Грузинскаго царя о принятіи его подъ Московскую руку и привести къ присягѣ, а затѣмъ собрать всякія свѣдѣнія о Грузинской или Иверской землѣ. Духовные члены посольства имѣли особое порученіе разсмотрѣть состояніе тамъ православной вѣры и указать Грузинамъ на тѣ неисправленія, которыя окажутся въ церковныхъ правилахъ и обрядахъ, чтобы впредь не было у нихъ «никакой розни съ соборною и апостольскою Церковью». При семъ они должны были осмотрѣть святыни Грузіи и особенно провѣрить разсказы Грузинъ о Ризѣ Господней, которой часть была прислана шахомъ Аббасомъ Михаилу Θедоровичу и которая будто бы хранилась въ Мцхетскомъ соборномъ храмѣ. Духовныя лица дѣйствительно нашли тамъ и указали много неправильностей въ обрядахъ; но Ризы Господней не могли видѣть, потому что Мцхетъ былъ тогда занятъ Персами. Посольство воротилось въ 1640 году. Арсеній Сухановъ такимъ образомъ имѣлъ уже опытность относительно путешествія и собиранія свѣдѣній въ далекихъ странахъ; кромѣ того, при своей любознательности онъ успѣлъ обучиться греческому языку, столь важному для знакомства съ восточными церквами. Теперь съ нимъ отправились на Востокъ нѣсколько помощниковъ изъ духовныхъ лицъ и клириковъ, въ томъ числѣ троицкій черный дьяконъ Іона Маленькій, описавшій потомъ свое хожденіе въ Іерусалимъ и Царьградъ. Но такъ какъ патріархъ Паисій задержался почти на два года въ Молдо-Валахіи, то и Арсеній Сухановъ оставался здѣсь и проживалъ или близъ Яссъ въ патріаршемъ Барнавскомъ монастырѣ, или въ Терговищѣ вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ. Часть этого времени онъ употребилъ на дѣла политическія, ради которыхъ даже

ѣздилъ въ Москву, сообщалъ тамъ вѣсти о польско-казацкихъ дѣлахъ и пребываніи на Украйнѣ извѣстнаго самозванца Тимошки Анкудинова; о выдачѣ послѣдняго онъ хлопоталъ въ Чигиринѣ у гетмана Хмѣльницкаго, но безуспѣшно.

Во время пребыванія Суханова въ Молдо-Валахіи у него произошло вѣроисповѣдное столкновеніе съ Греками; хотя онъ былъ посланъ именно за тѣмъ, чтобы удостовѣрить чистоту ихъ православія.

Въ мартѣ 1650 года, проѣзжая изъ Яссъ въ столицу Валахіи Терговище, гдѣ тогда находился патріархъ Паисій, старецъ Сухановъ остановился на ночлегъ въ одномъ сербскомъ подворьѣ святогорскаго Зографскаго монастыря. Тутъ сербскій игуменъ разсказалъ, какъ незадолго до того на Аѳонѣ въ этомъ именно монастырѣ греческіе монахи набросились на одного старца Сербина за то, что онъ крестился двумя перстами. Старецъ въ доказательство своей правоты сослался на старинную сербскую рукопись и на книги московской печати (Кириллова книга, Псалтырь и пр.). Греки объявили двуперстіе ересью и сожгли московскія книги вмѣстѣ съ сербской рукописью; едва не сожгли и самого старца. Игуменъ, разсказавъ это событіе, жаловался вообще на Грековъ, на ихъ гордость и вражду къ Славянамъ, надъ которыми они хотятъ всегда властвовать. На Арсенія Суханова эти рѣчи и самый разсказъ о сожженіи московскихъ книгъ произвели сильное впечатлѣніе. Проживая въ Терговицкомъ греческомъ монастырѣ въ ожиданіи совмѣстнаго съ патріархомъ Паисіемъ отъѣзда въ Іерусалимъ, онъ нѣсколько разъ вступалъ съ Греками въ горячія пренія о вѣрѣ. Онѣ начались съ вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Арсеній отстаивалъ двуперстіе, которое водворилось на Руси со второй половины XV вѣка и было подтверждено Стоглавомъ. Оно же господствовало въ Малой Россіи и въ Сербіи. А греческіе монахи, съ самимъ патріархомъ во главѣ, называли такой обычай еретическимъ и защищали триперстіе, называя его исконнымъ и настоящимъ въ христіанской Церкви. Въ дѣйствительности оба способа употреблялись въ ней въ различное время и у разныхъ народовъ. Сами Греки въ X—XII вѣкѣ употребляли двуперстіе, которое отъ нихъ перешло отчасти и къ Славянскимъ народамъ. Поэтому споръ, не имѣя подъ собой твердой исторической почвы, не приводилъ ни къ какому рѣшительному выводу. Среди терговицкихъ Грековъ находился ученый дидаскалъ Паисій Лигаридъ; патріархъ потребовалъ, чтобы онъ въ писаніяхъ св. Отецъ отыскалъ доказательства въ пользу триперстія; но Лигаридъ отказался и даже склонился на сторону Суханова. Пренія не ограничились однимъ перстосложеніемъ, а коснулись и другихъ обрядовыхъ сторонъ. Между про-

чимъ, русскій монахъ упрекалъ Грековъ за то, что они крестятся не троекратнымъ погруженіемъ, а чрезъ обливаніе или окропленіе, что они молятся въ одной церкви вмѣстѣ съ еретиками Армянами, Римлянами и пр.; вообще указывалъ на порчу греческихъ церковныхъ преданій во времена турецкаго ига и ставилъ русское православіе выше греческаго. Но въ Москвѣ, куда опять ѣздилъ Арсеній по дѣлу вора Тимошки и гдѣ доносилъ о своихъ преніяхъ, не одобрили его непріязненнаго къ Грекамъ отношенія и приказали быть сдержаннѣе.

Не дождавшись отъѣзда патріарха Паисія, Арсеній Сухановъ весною 1651 года безъ него отправился въ Царьградъ, а оттуда моремъ въ Египетъ, гдѣ бесѣдовалъ съ Александрійскимъ патріархомъ, и только осенью сего года онъ достигъ Іерусалима. Здѣсь онъ пробылъ болѣе полугода, въ ожиданіи праздника Свѣтлаго Воскресенія, такъ какъ имѣлъ отъ царя порученіе главнымъ образомъ провѣрить чудо явленія св. огня въ Великую субботу. Повинуясь московскому внушенію, Арсеній теперь держалъ себя смирно по отношенію къ Грекамъ и особенно къ патріарху Паисію, вернувшемуся въ Іерусалимъ. Но онъ продолжалъ тщательно наблюдать за греческими обрядами и обычаями и вести свои записки, которыя потомъ сдѣлались извѣстны подъ именемъ „Проскинитарія“. Въ послѣднемъ онъ откровенно говоритъ о многихъ церковныхъ нестроеніяхъ и безпорядкахъ, особенно поражается недостаткомъ благочинія и опрятности въ храмахъ. Онъ подробно разсказываетъ о выходѣ патріарха изъ часовни Гроба Господня съ пуками горящихъ свѣчъ и зажиганіи ихъ у народа, но ничего не говоритъ о самомъ чудѣ, т.-е. о явленіи огня внутри часовни. Вѣроятно, свои наблюденія на этотъ счетъ онъ сообщилъ изустно въ Москвѣ, куда отправился уже не моремъ, а сухимъ путемъ черезъ Грузію. Тутъ ему удалось посѣтить Мцхетскій храмъ, гдѣ хранился хитонъ или Риза Господня; но самой Ризы онъ не видалъ, а ему показали только мѣсто, гдѣ подъ столбомъ будто бы она была положена. Задержанный на дальнѣйшемъ пути Тарховскимъ шамхаломъ, а потомъ ожиданіемъ въ Теркахъ весенней навигаціи по Каспійскому морю и Волгѣ, онъ только въ іюнѣ 1653 года воротился въ Москву, гдѣ и подалъ описаніе своихъ странствованій и своихъ наблюденій царю и новому патріарху Никону. Сей послѣдній, успѣвшій сдѣлаться открытымъ грекофиломъ, не придалъ значенія тѣмъ сообщеніямъ Суханова, которыя были не въ пользу греческаго духовенства на Востокѣ; зато поспѣшилъ воспользоваться тѣми замѣчаніями Сухановскаго Проскинитарія, которыя свидѣтельствовали въ пользу Грековъ. Такъ послѣдній указывалъ, что въ греческомъ богослуженіи господствуетъ единогласіе, т.-е. поютъ „ожидая другъ друга“, тогда какъ у

насъ пѣли и читали въ нѣсколько голосовъ; что по окончаніи службы первый изъ церкви выходитъ отправлявшій ее іерей, игуменъ или самъ патріархъ, уже послѣ него выходятъ духовные и міряне, а по выходѣ онъ оборачивается и осѣняетъ народъ общимъ благословеніемъ; что въ греческихъ церквахъ отсутствуетъ древній амвонъ, который, по словамъ Грековъ, у насъ „всю церковь заслонилъ".

Послѣ сего сообщенія началось и у насъ уничтоженіе амвоновъ. А особое вниманіе Никонъ обратилъ на водвореніе вообще строгаго церковнаго благочинія.

Противъ разныхъ церковныхъ безпорядковъ и общественныхъ пороковъ, какъ извѣстно, давно уже дѣйствовалъ помянутый кружокъ ревнителей благочестія, образовавшійся по почину царскаго духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева. Между прочимъ, этотъ кружокъ ратовалъ въ пользу единогласія. Еще Стоглавый соборъ запрещалъ говорить псалмы и каноны по нѣскольку одновременно. Несмотря на это запрещеніе, въ церквахъ попрежнему службы совершались въ нѣсколько голосовъ: одинъ пѣлъ, другой читалъ, третій говорилъ эктеніи, не обращая вниманія на другихъ и стараясь даже ихъ перекричать. При такомъ безпорядкѣ народъ не только не получалъ молитвеннаго настроенія, но и велъ себя въ церкви очень неблагоговѣйно; многіе разговаривали, пересмѣивались, расхаживали по храму и т. п. Такъ какъ многогласіемъ достигалась скорость службы, а гдѣ служба совершалась скорѣе, туда и молящихся приходило больше, то приходскіе священники даже соперничали другъ съ другомъ этой скоростью. Протопопъ Стефанъ и его другъ Ѳедоръ Ртищевъ первые установили въ своихъ домовыхъ церквахъ единогласное и согласное пѣніе. По ихъ примѣру оно было введено въ Казанскомъ соборѣ Иваномъ Нероновымъ, однимъ изъ членовъ того же кружка. Вмѣстѣ съ тѣмъ ревнители старались поднять совсѣмъ упавшее церковное проповѣдничество. Но такія нововведенія встрѣтили себѣ многихъ противниковъ среди бѣлаго духовенства, не желавшаго разстаться съ укоренившимися привычками. Самъ патріархъ Іосифъ не особенно сочувствовалъ имъ, очевидно недовольный кружкомъ за самовольное и рѣзкое вмѣшательство въ церковные порядки и въ назначеніе духовныхъ властей; а потому онъ пытался передать вопросъ о единогласіи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вопросами на усмотрѣніе Константинопольскаго патріарха. Но по настоянію Вонифатьева и его друзей передъ царемъ (въ томъ числѣ Никона), на соборѣ 1651 г. единогласіе было сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ церквей. Вообще Іосифъ подъ конецъ своего патріаршества совсѣмъ разошелся съ кружкомъ ревнителей, которые укоряли па-

тріарха въ недостаткѣ усердія и энергіи при исправленіи всякихъ церковныхъ непорядковъ и самого духовенства, страдавшаго разными пороками и, между прочимъ, сильно распространеннымъ пьянствомъ. Іосифъ билъ челомъ царю на рѣзкіе и бранные нападки Стефана Вонифатьева, но безуспѣшно. Очевидно, кружокъ сего послѣдняго имѣлъ болѣе силы; а потому Іосифъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ передъ нимъ смириться и не разъ выражалъ опасеніе, что его низведутъ съ патріаршества.

Уже при семъ патріархѣ, какъ мы видѣли, началось печатаніе книгъ, вновь исправленныхъ не только при помощи старославянскихъ текстовъ, но и греческихъ подлинниковъ. Никонъ съ особымъ рвеніемъ продолжалъ такое исправленіе. Во главѣ справщиковъ московскаго Печатнаго двора теперь находились два монаха: извѣстный намъ кіевскій ученый Епифаній Славинецкій и Арсеній Грекъ. Послѣдній прибылъ въ Москву въ свитѣ помянутаго выше іерусалимскаго патріарха Паисія, своимъ книжнымъ образованіемъ и особенно знаніемъ языковъ обратилъ на себя вниманіе и по просьбѣ государя былъ оставленъ въ Москвѣ, въ виду царскаго намѣренія учредить греко-латинскую школу. Потомъ патріархъ Паисій на обратномъ пути изъ Москвы прислалъ царю грамоту; въ ней извѣщалъ, что онъ не зналъ Арсенія, который присталъ къ нему въ Кіевѣ, но что теперь узналъ о немъ нѣчто весьма предосудительное, а именно: во время своихъ странствій Арсеній въ Римѣ принялъ унію, а въ Константинополѣ обасурманился. По приказу царя, Арсенія Грека подвергли строгому допросу. По сему допросу и по сознанію на исповѣди духовнику оказалось, что онъ дѣйствительно былъ въ уніи, чтобы попасть въ латинское училище, и потомъ былъ насильно обасурманенъ; но что давно уже раскаялся, получилъ разрѣшеніе отъ духовной власти и возсоединился съ православною Церковью. Тѣмъ не менѣе, его послали на исправленіе въ Соловецкій монастырь; тамъ онъ пробылъ три года и своимъ поведеніемъ удостоился добрыхъ отзывовъ отъ соловецкихъ властей. Никонъ уже въ началѣ своего патріаршества воротилъ Арсенія Грека въ Москву, поручилъ ему свою библіотеку и сдѣлалъ справщикомъ при исправленіи и печатаніи книгъ. Этотъ Арсеній Грекъ вмѣстѣ съ Епифаніемъ, не довольствуясь исправленіемъ по новымъ греческимъ книгамъ, напечатаннымъ въ Венеціи и Англіи, по всей вѣроятности и навели Никона на мысль о пріобрѣтеніи для того старыхъ греческихъ рукописей и въ возможно большемъ количествѣ; при чемъ указали, конечно, на Аѳонъ, въ монастыряхъ котораго ихъ сохранилось болѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Для исполненія такого дѣла царь и Никонъ выбрали того же старца Арсенія Суханова, недавно воротившагося изъ своего странствія на

Востокъ. Спустя четыре мѣсяца послѣ этого возвращенія, въ томъ же 1653 году Сухановъ отправился на Аѳонъ за покупкой рукописей, для чего щедро былъ спабженъ отъ царя казною, денежной и соболиной. Одпихъ соболей было отпущено съ нимъ на 3,000 рублей (болѣе 40,000 на наши деньги). Онъ везъ съ собой также патріаршія грамоты къ аѳонскимъ монастырскимъ властямъ. Съ трудомъ Арсеній провезъ свою дорогую кладь сквозь Малороссію, гдѣ продолжались военныя дѣйствія. Прибывъ въ Молдавію, только что подвергшуюся большому разоренію отъ междоусобныхъ и казацкихъ войнъ, онъ въ Яссахъ между торговцами не нашелъ покупателей для государевыхъ соболей. Его выручилъ изъ затрудненія воевода Стефанъ (преемникъ сверженнаго Василія Лупула), который и купилъ соболей, желая угодить царю Алексѣю Михайловичу. Когда Сухановъ достигъ Аѳонской горы и вручилъ протату и старцамъ аѳонскимъ богатую царскую милостыню вмѣстѣ съ патріаршими грамотами, то встрѣтилъ самый благосклонный пріемъ. Ему позволили самому рыться въ монастырскихъ библіотекахъ и выбирать рукописи. Сухановъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ усердно работалъ, осмотрѣлъ почти всѣ аѳонскія библіотеки и выбралъ до 500 цѣнныхъ рукописей; многія изъ нихъ считали за собой по нѣскольку сотъ лѣтъ, а одно Евангеліе имѣло древности болѣе 1000 лѣтъ. Самое большое количество ихъ (слишкомъ 150) пришлось на долю Иверскаго монастыря, который пользовался въ Москвѣ особою милостію патріарха Никона и около того времени получилъ здѣсь для своего подворья Никольскій монастырь, близъ Кремля въ Китай-городѣ. Потомъ по количеству пріобрѣтенныхъ рукописей слѣдуютъ: Лавра св. Аѳанасія, Ватопедскій, св. Филоѳея, св. Діонисія, Пантократоръ, Дохіаріа, Есфигменскій, Ставро-Никиты, Ксиропотамъ, Хиландарь, Русикъ и пр. Болѣе всего, конечно, было рукописей, содержащихъ писанія св. Отцевъ, богослужебныя и каноническія книги, но не мало рукописей и свѣтскаго содержанія, т.-е. грамматическія и реторическія, а также сочиненія языческихъ классиковъ. Было пріобрѣтено и нѣкоторое количество славянскихъ рукописей, также греческихъ печатныхъ книгъ. (Большая часть этихъ сокровищъ сохранилась въ московскомъ Синодальномъ книгохранилищѣ.) Кромѣ книгъ, Арсеній Сухановъ по порученію Никона закупилъ еще значительное количество кипарисныхъ досокъ для писанія иконъ. Онъ воротился въ Москву въ 1655 году и въ награду за удачно исполненныя порученія былъ назначенъ на видную должность келаря Троице-Сергіева монастыря, а впослѣдствіи вѣдалъ московскимъ Печатнымъ дворомъ. Пріобрѣтенныя имъ богослужебныя рукописи, конечно, оказали не малую помощь при дальнѣйшемъ исправленіи книгъ; а греческія рукописи

свѣтскаго содержанія, заключавшія въ себѣ сочиненія Гомера, Софокла, Плутарха, Аристотеля и др., по всей вѣроятности, назначались для греко-латинской школы, которую въ это время Никонъ основалъ и поручилъ помянутому выше Арсенію Греку (24).

Около того времени уже начался открытый разрывъ Никона съ своими прежними друзьями, т.-е. съ кружкомъ ревнителей благочестія, изъ-за нѣкоторыхъ распоряженій патріарха, направленныхъ къ болѣе тѣсному единенію съ греческими церковными обычаями и обрядами.

Кружокъ этотъ въ значительной части состоялъ изъ протопоповъ, т.-е. изъ бѣлаго духовенства. Во главѣ его дѣйствовалъ благовѣщенскій протоіерей и царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, приближенное и вліятельное лицо при государѣ. Ближайшимъ къ нему и наиболѣе виднымъ лицомъ кружка является Иванъ Нероновъ. Еще будучи юношей, онъ пришелъ изъ своего родного села въ сосѣдній городъ Вологду во время святокъ; увидавъ здѣсь ряженыхъ съ страшными масками и притомъ выходящихъ изъ архіерейскаго дома, онъ, воспалясь благочестивой ревностью, сталъ горячо ихъ обличать, за что подвергся большимъ побоямъ. Юноша удалился въ Устюгъ, гдѣ нѣкоторое время обучался грамотѣ у одного „мастера“. Оттуда перешелъ въ село Никольское, близъ Юрьева Повольскаго, и здѣсь женился на дочери одного священника. Но, гонимый за усердное обличеніе пьянства и безчинной жизни сельскаго духовенства, онъ отправился въ Троицкую Лавру, гдѣ сумѣлъ возбудить участіе къ себѣ знаменитаго ея игумена Діонисія, такъ что жилъ въ его кельѣ и много упражнялся какъ въ чтеніи св. Писанія, такъ и въ келейныхъ правилахъ и всенощныхъ бдѣніяхъ. По ходатайству Діонисія патріархъ Филаретъ посвятилъ Неронова въ дьяконы села Никольскаго; а вскорѣ онъ былъ посвященъ въ іерея. Гонимый за свои строгія поученія и обличенія, онъ удалился въ извѣстное нижегородское село Лысково къ „искусному въ Божественномъ писаніи“ священнику Ананіи, а потомъ сдѣлался іереемъ одного запустѣвшаго храма въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тутъ своими простыми, доступными для народа поученіями и толкованіями св. Писанія онъ сталъ привлекать въ свой храмъ многихъ молящихся; не довольствуясь тѣмъ, ходилъ съ книгою Златоуста, именуемой Маргаритъ, по улицамъ и площадямъ и поучалъ народъ. Проповѣдникъ обратилъ на себя общее вниманіе. Явились жертвователи, благодаря которымъ онъ не только возобновилъ свой храмъ, но и устроилъ при немъ кельи для иноковъ и братскую трапезу для странниковъ и нищихъ. Особенно усердную борьбу велъ Нероновъ съ скоморохами, которые ходили съ бубнами, домрами и

медвѣдями, преимущественно во время святокъ; окруженный учениками, онъ нерѣдко вступалъ въ драку, стараясь сокрушать ихъ игральныя орудія, при чемъ и самъ иногда терпѣлъ побои. Мало того, онъ выступилъ съ обличеніями даже противъ нижегородскаго воеводы (Шереметева), котораго публично укорялъ въ мздоимствѣ и притѣсненіяхъ народу; за что воевода приказывалъ бить его палкою по пятамъ и, наконецъ, посадить въ тюрьму. Но, благодаря своимъ посѣщеніямъ столицы, онъ уже сдѣлался извѣстенъ царю, патріарху и многимъ вельможамъ. Извѣщенный однимъ изъ почитателей Неронова, царь велѣлъ его освободить. А царскій духовникъ Стефанъ, заботившійся о возобновленіи устной церковной проповѣди и единогласія, призвалъ его въ Москву и устроилъ протопопомъ Казанскаго собора, который стоялъ посреди торжища и былъ посѣщаемъ многимъ народомъ. Вскорѣ искусное проповѣдничество, единогласное церковное пѣніе и чтеніе и строгое чинное исполненіе всѣхъ службъ стали привлекать не только народную толпу, но и самъ царь съ своей семьей иногда приходилъ послушать поученія Неронова. А затѣмъ его стали приглашать для тѣхъ же поученій въ царскій дворецъ и оказывать ему особое расположеніе.

Вслѣдъ за Иваномъ Нероновымъ видное мѣсто среди ревнителей благочестія занялъ знаменитый протопопъ Аввакумъ. Въ своемъ житіи онъ повѣствуетъ о себѣ, что родился въ нижегородскихъ предѣлахъ (по сосѣдству съ родиной Никона) отъ сельскаго священника Петра, „прилежавшаго питію хмѣльному“, но что имѣлъ благочестивую мать, которая научила его страху Божію. По смерти отца мать женила его на бѣдной сиротѣ Анастасіи, дочери кузнеца. Послѣ смерти матери онъ переселился „во ино мѣсто“; 21 года былъ рукоположенъ въ діаконы, а черезъ два года въ попы. Такъ же какъ Нероновъ, Аввакумъ выступилъ горячимъ противникомъ церковныхъ нестроеній, старыхъ языческихъ обычаевъ, особенно противъ скомороховъ, и вообще противъ всякихъ неправдъ, за что терпѣлъ гоненія и побои отъ начальныхъ людей. Посѣщая Москву, онъ нашелъ себѣ покровителей и друзей въ лицѣ Стефана Вонифатьева, Ивана Неронова и Никона, т.-е. примкнулъ къ кружку ревнителей и сдѣлался извѣстенъ царю. Его поставили протопопомъ въ Юрьевецъ Повольскій. Тутъ онъ оставался недолго; ибо своимъ энергичнымъ обличеніемъ общественныхъ пороковъ, особенно распутства, такъ вооружилъ противъ себя мѣстное духовенство, мужиковъ и бабъ, что они разъ напали на него большой толпой и избили до полусмерти. Тогда онъ убѣжалъ въ Москву къ Стефану Вонифатьеву. Царскій духовникъ и самъ царь упрекали его за то, что малодушно покинулъ свой соборный храмъ. Однако, ревнители вскорѣ

пристроили Аввакума къ тому же Казанскому собору, гдѣ онъ началъ помогать Неронову въ церковной службѣ и устной проповѣди, при чемъ скоро обратилъ на себя народное вниманіе своею начитанностію въ св. Писаніи и энергичнымъ словомъ, которое соединялось съ умѣньемъ говорить языкомъ простымъ и понятнымъ для толпы.

Того же закала и такихъ же стремленій были и прочіе члены кружка, выдвинутые Стефаномъ на мѣста протоіереевъ въ разные города, каковы Даніилъ Костромской и Логгинъ Муромскій, а также Лазарь, священникъ Романово-Борисоглѣбскій.

Никонъ, бывшій другомъ ревнителей и членомъ ихъ кружка, по словамъ Аввакума, какъ скоро сдѣлался патріархомъ, перемѣнилъ съ ними тонъ, «друзей не сталъ и въ Крестовую пускать!» Конечно, онъ видѣлъ, что ревнители надѣялись при немъ играть ту же вліятельную роль въ церковныхъ вопросахъ, а особенно при выборѣ лицъ, назначаемыхъ на мѣста архіереевъ, архимандритовъ, игумновъ и т. п. Властолюбивый патріархъ, ревниво относившійся къ своей власти и къ царской дружбѣ, воспользовался первымъ удобнымъ поводомъ, чтобы разгромить кружокъ. Зимой 1653 года передъ Великимъ постомъ Никонъ разослалъ по церквамъ «память», т.-е. распоряженіе, о томъ, чтобы во время молитвы «Господи Владыко живота моего» клали четыре земныхъ поклона вмѣсто вошедшихъ въ употребленіе семнадцати а остальные дѣлали въ поясъ, и потомъ, чтобы вообще крестились не двумя перстами, а тремя. Это распоряженіе тотчасъ подверглось осужденію протопоповъ-ревнителей, которые назвали его даже «непоклонническою ересью». Аввакумъ и Даніилъ подали государю челобитную о поклонахъ и перстосложеніи; но не получили никакого отвѣта. Логгинъ обличалъ Никона въ «высокоумномъ и гордомъ житіи». Съ него и началъ мстительный патріархъ. Отъ муромскаго воеводы поступила жалоба на Логгина, который при посѣщеніи воеводскаго дома укорилъ жену воеводы за то, что она набѣлена; а когда ему возразили, что бѣлила употребляются и при писаніи св. иконъ, то протопопъ будто бы изрекъ хулу и на иконы. Лѣтомъ того же 1653 года Никонъ по этой жалобѣ судилъ Логгина на освященномъ соборѣ, и, не изслѣдуя справедливость ея, отдалъ его приставу на истязаніе. Иванъ Нероновъ горячо вступился за осужденнаго, потребовалъ предварительнаго розыска и пожелалъ участія царя въ соборѣ. Вѣроятно раздраженный его противорѣчіями, Никонъ сказалъ что-нибудь лишнее. По крайней мѣрѣ, Нероновъ вмѣстѣ съ ярославскимъ протопопомъ Ермиломъ донесъ царскому духовнику и самому царю, будто патріархъ позволилъ себѣ замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что не нуждается въ царской помощи, и вы-

разилъ это въ очень грубой, дерзкой формѣ. Какъ на свидѣтеля этихъ словъ, они ссылались на ростовскаго митрополита Іону. Но когда Никонъ вновь созвалъ у себя въ Крестовой освященный соборъ и жаловался на Неронова за взведенную на него клевету, митрополитъ Іона послѣ нѣкотораго колебанія подтвердилъ, что это дѣйствительно была клевета. Тутъ Нероновъ вошелъ съ Никономъ въ рѣзкія пререканія, осыпалъ его укорами за измѣну прежнимъ друзьямъ и за жестокія поступки, уличалъ его въ томъ, что онъ хулитъ теперь соборную Уложенную книгу, подъ которой прежде самъ подписался въ числѣ другихъ, и т. п. На попытки сторонниковъ и прислужниковъ Никона громкими укоризнами остановить и пристыдить Неронова, сей послѣдній отвѣчалъ: «Что вы кричите и вопите? Я не во Св. Троицу погрѣшилъ и не похулилъ Отца и Сына и Св. Духа, но похуляю вашъ Соборъ». За такое дерзновеніе Неронова присудили послать въ монастырь на смиреніе и лишить скуфьи. Сначала его держали въ Новоспасскомъ, потомъ перевели въ Симоновъ монастырь; наконецъ, сослали въ Спасо-Каменскую обитель на Кубенскомъ озерѣ (Вологод. губ.) подъ строгое начало съ присужденіемъ исполнять черныя работы.

Протопопы Аввакумъ и Даніилъ пытались въ защиту Неронова подавать челобитную царю чрезъ его духовника. Но Стефанъ Вонифатьевъ въ этой распрѣ не пошелъ за бывшими своими друзьями противъ патріарха и уклонился. Челобитная съ подписью многихъ прихожанъ была подана чрезъ другихъ людей; но государь отдалъ ее Никону, чѣмъ ясно подтвердилъ свое полное къ нему довѣріе и поощрилъ его къ дальнѣйшей энергичной борьбѣ съ противниками. Аввакумъ вздумалъ продолжать свои поученія народу въ Казанскомъ соборѣ; но причтъ ему не позволилъ. Тогда онъ самовольно устроилъ молельню въ сушилѣ на дворѣ отсутствующаго Неронова, привлекъ сюда часть прихожанъ, главнымъ образомъ подписавшихъ челобитную, и сталъ служить всенощную. По доносу того же причта, посланы были стрѣльцы, которые забрали подъ стражу Аввакума и челобитчиковъ. Послѣднихъ Никонъ во время литургіи предалъ анаѳемѣ и отлучилъ отъ церкви; а съ непокорными протопопами расправился особо. Даніилу Костромскому и Логгину Муромскому онъ въ разные дни „остригъ голову“ торжественно въ соборномъ храмѣ въ присутствіи царя и снялъ съ нихъ священническую однорядку; перваго сослалъ въ Астрахань, а второго въ муромскую деревню къ его собственному отцу. Спустя нѣсколько времени, Аввакума привели изъ Андроньева монастыря, т.-е. изъ мѣста его заключенія, къ Успенскому собору, гдѣ патріархъ совершалъ литургію (15-го сентября 1653 года). Но когда Юрьевскаго протопопа подвели для разстриженія,

царь сошелъ съ своего мѣста и, приблизясь къ патріарху, упросилъ его пощадить Аввакума. Сей послѣдній съ женой и дѣтьми былъ сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ ему дозволили священствовать.

Иванъ Нероновъ, узнавъ о ссылкѣ трехъ друзей, въ свою очередь написалъ изъ своего Спасо-Каменскаго заточенія письмо къ царю съ ходатайствомъ объ осужденныхъ и съ мольбою прекратить опасный для церкви раздоръ. Духовникъ Стефанъ, очевидно по желанію благодушнаго Алексѣя Михайловича, попытался стать посредникомъ, убѣждалъ Неронова и его друзей смириться и покаяться, обнадеживая въ такомъ случаѣ прощеніемъ патріарха. Нероновъ отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ, въ которомъ доказывалъ, что, наоборотъ, Никонъ долженъ покаяться и просить у нихъ прощенія. Царь чрезъ того же духовника запретилъ писать къ себѣ. Но упрямый и плодовитый протопопъ одно за другимъ присылалъ свои полемическія письма Вонифатьеву, разсчитывая, что онъ все-таки покажетъ ихъ царю, и, кромѣ того, обращался съ челобитьемъ о ходатайствѣ за осужденныхъ друзей къ царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ, которая благосклонно относилась къ ревнителямъ, бывшимъ членамъ кружка, и, можетъ-быть, не мало способствовала тому, что самъ царь иногда заступался за нихъ передъ суровымъ патріархомъ. Видя, что пребываніе на Кубенскомъ озерѣ не мѣшаетъ Неронову сноситься съ своими единомышленниками, вести устную и письменную полемику противъ церковныхъ распоряженій патріарха, распространять ее въ народѣ, Никонъ велѣлъ перевезти его на далекій сѣверъ и заточить въ Кандалакшскій монастырь, тамъ держать на цѣпи и не давать ему чернилъ.

Такъ мало-по-малу возгорѣлась борьба между Никономъ и прежними его пріятелями, т.-е. ревнителями благочестія. Никонъ, какъ почитатель Грековъ и кіевскихъ ученыхъ, при исправленіи церковныхъ обрядовъ и обычаевъ встрѣчаетъ упорное сопротивленіе со стороны приверженцевъ русской старины, которые сами проповѣдуютъ улучшеніе народной нравственности и введеніе церковнаго благоустройства, но по чистотѣ православія Московско-Русскую церковь считаютъ выше Греческой и Кіевской и отрицаютъ какъ ересь всякую даже мелочную перемѣну въ установившихся обрядовыхъ и вѣроисповѣдныхъ правилахъ. Это представители крайней охранительной (консервативной) партіи, которыхъ выставила старая областная Русь,—люди упорные, стойкіе и готовые на мученичество ради своихъ убѣжденій. Столкновеніе, какъ мы видимъ, въ началѣ имѣло по преимуществу личный характеръ; но скоро перешло на общественную и принципіальную почву и, благодаря неуступчивости и нетерпимости обѣихъ сторонъ, крайне обострилось.

Видя, какое охужденіе и сопротивленіе со стороны ревнителей и ихъ единомышленниковъ встрѣчаетъ предпринятое исправленіе церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, Никонъ рѣшилъ придать этому исправленію авторитетъ высшей духовной власти, т.-е. соборной. По его просьбѣ весною 1654 года царь созвалъ въ Москвѣ всероссійскій церковный соборъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ митрополитовъ, епископовъ, игумновъ и протоіереевъ, всего 34 духовныхъ представителей, кромѣ царскихъ думныхъ людей. Тутъ Никонъ предложилъ рядъ вопросовъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе собора на нѣкоторыя разногласія въ служебникахъ Московской печати съ греческими и древними славянскими. Соборъ постановилъ исправить служебники согласно съ сими послѣдними. Затѣмъ шли вопросы о разныхъ обрядовыхъ отличіяхъ Русскихъ отъ Грековъ, напримѣръ, держать ли царскія двери отверстыми отъ начала литургіи до великаго выхода, вопреки написаннымъ уставамъ, которымъ слѣдуютъ Греки? Начинать ли литургію въ 7-мъ и 8-мъ часу дня, какъ это у насъ дѣлается, или по уставу въ третьемъ часу дня (девятый часъ пополуночи)? Продолжать ли освященіе новыхъ церквей безъ положенія въ нихъ мощей свв. мучениковъ, вопреки правилу Седьмого вселенскаго собора? И т. д. На всѣ эти вопросы соборъ отвѣчалъ, что надобно поступать по древнимъ уставамъ, и затѣмъ всѣ члены собора подписались подъ его рѣшеніями. Единодушіе, господствовавшее на соборѣ, конечно, поддерживалось личнымъ участіемъ царя и особенно всѣмъ извѣстною строгостію и энергіей патріарха. Только одинъ изъ членовъ собора, именно епископъ коломенскій Павелъ, попытался выразить несогласіе съ постановленіемъ о поклонахъ, тѣмъ самымъ постановленіемъ, противъ котораго уже возражали протопопы-ревнители; вѣроятно, и вообще онъ обнаружилъ свое къ нимъ сочувствіе. Никонъ обошелся съ Павломъ не только сурово, но весьма жестоко. Онъ заставилъ его осудить, снялъ съ него архіерейскую мантію, подвергъ истязаніямъ и отправилъ въ заточеніе; послѣ чего Павелъ Коломенскій, какъ говорятъ, впалъ въ умопомѣшательство и погибъ неизвѣстно гдѣ и какъ. Противники Никона не замедлили объявить его мученикомъ за истинную вѣру.

Межъ тѣмъ Никонъ, не довольствуясь одобреніемъ своихъ исправленій со стороны русской іерархіи, хотѣлъ опереться и на авторитетъ восточныхъ іерарховъ. Онъ отправилъ грамоту константинопольскому патріарху Паисію большей частью съ тѣми же вопросами, которые обсуждались на Московскомъ соборѣ, и съ жалобою на противорѣчія епископа коломенскаго Павла и протопопа Ивана Неронова. Прошелъ почти годъ, пока получилось отъ патріарха Паисія обширное отвѣтное

посланіе, написанное отъ имени всего освященнаго собора Константинопольскаго и въ желательномъ для Никона смыслѣ. Но еще прежде чѣмъ пришелъ этотъ отвѣтъ, именно лѣтомъ 1654 года въ Москву прибыли антіохійскій патріархъ Макарій и сербскій митрополитъ Гавріилъ. Царь, какъ извѣстно, тогда отсутствовалъ изъ столицы, находясь въ польскомъ походѣ. Тогда же разразилась страшная моровая язва; патріархъ Макарій, какъ мы видѣли, провелъ это опасное время въ Коломнѣ и только въ февралѣ слѣдующаго 1655 года прибылъ въ Москву, гдѣ уже проживалъ Сербскій митрополитъ. Никонъ воспользовался ихъ присутствіемъ по вопросу объ исправленіи книгъ и обрядовъ. Выше, изъ приведеннаго описанія Павла Алеппскаго, мы знаемъ, какъ Московскій патріархъ 4-го марта 1655 года въ Недѣлю православія торжественно въ Успенскомъ соборѣ сокрушалъ иконы, написанныя фряжскимъ пошибомъ, и проповѣдывалъ противъ двуперстнаго крестнаго знаменія. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ ссылался на предстоявшаго патріарха Антіохійскаго, который принужденъ былъ тутъ же подтвердить его проповѣдь и удостовѣрить, что троеперстіе господствуетъ въ восточныхъ церквахъ, а также въ Молдо-Валахіи и въ Малой Россіи.

Затѣмъ во время пребыванія Макарія въ Москвѣ Никонъ нѣсколько разъ созывалъ церковные соборы по обрядовымъ вопросамъ. Такъ въ концѣ марта 1655 года на соборѣ разсуждали о разныхъ замѣченныхъ Макаріемъ недостаткахъ въ русскихъ обрядахъ; напримѣръ, Русскіе совершаютъ литургію не на антиминсѣ, а просто на кускѣ бѣлаго холста, изъ просфоры вынимаютъ четыре частицы, а не девять, не раздаютъ въ церкви антидора, напрасно перекрещиваютъ католиковъ и уніатовъ при обращеніи въ православіе и т. д. На томъ же соборѣ разсмотрѣнъ и одобренъ къ печатанію новый „Служебникъ“ или чинъ божественной литургіи, исправленный согласно съ греческимъ текстомъ. Вмѣстѣ со „Служебникомъ“ Никонъ велѣлъ напечатать и переведенную съ греческаго книгу „Скрижаль“ или толкованіе на литургію и другія священнодѣйствія. Въ февралѣ слѣдующаго 1656 года при отправленіи Недѣли православія въ Успенскомъ соборѣ антіохійскій патріархъ Макарій произнесъ проклятіе на тѣхъ, кто не крестится тремя перстами; это проклятіе повторили присутствующіе тутъ митрополиты сербскій Гавріилъ и никейскій Григорій; мало того, по просьбѣ Никона, потомъ проклятіе было изложено на бумагѣ и подписано тѣми же тремя иноземными іерархами съ прибавленіемъ четвертаго, новоприбывшаго митрополита молдавскаго Гедеона. Въ апрѣлѣ Никонъ созвалъ новый церковный соборъ, на которомъ русскіе іерархи разсмотрѣли и одобрили

своими подписями помянутую книгу „Скрижаль“ и постановленіе о крестномъ знаменіи. Въ маѣ соборъ пересматривалъ вопросъ о вторичномъ крещеніи католиковъ, такъ какъ русское духовенство неохотно отказывалось отъ сего послѣдняго, и вопросъ былъ рѣшенъ только царскимъ указомъ, который запретилъ перекрещиваніе. На слѣдующихъ соборахъ разсматривались и многія другія обрядовыя подробности, которыя Никонъ направлялъ къ согласію съ Греческой церковью. Послѣ Скрижали были изданы Требникъ, также переведенный съ греческаго языка, Тріодь постная, Ирмологій, Часословъ, Евангеліе напрестольное, Апостолъ, Псалтырь слѣдованная и пр. Нѣкоторыя изъ нихъ были переведены съ греческаго, другія исправлены по древнимъ славянскимъ и греческимъ текстамъ. Новоизданныя исправленныя книги немедленно разсылались по церквамъ, при чемъ Никонъ приказывалъ употреблять тамъ сіи книги, а старыя отбирать. Эта крутая мѣра, конечно, возбудила много толковъ и неудовольствій. На ряду съ исправленіемъ книгъ и обрядовъ Никонъ, какъ мы уже видѣли, обратилъ строгое вниманіе на то, чтобы иконописаніе производилось по древнимъ образцамъ, и преслѣдовалъ такъ называемое Фряжское письмо. Заботился онъ и о введеніи болѣе стройнаго церковнаго пѣнія, для чего призывалъ изъ Греціи и Малороссіи знатоковъ партеснаго напѣва и пѣнія по нотамъ.

Межъ тѣмъ Иванъ Нероновъ, сосланный въ Кандалакшскій монастырь, несмотря на болѣе тѣсное заключеніе и запрещеніе имѣть письменныя принадлежности, сумѣлъ и оттуда присылать свои увѣщательныя грамоты Стефану Вонифатьеву и другимъ лицамъ. Очевидно, приказъ о его строгомъ заключеніи не соблюдался. Съ помощью своихъ почитателей, онъ въ августѣ 1655 г. убѣжалъ и явился въ Москву, гдѣ нашелъ пріютъ у того же царскаго духовника и нѣкоторое время проживалъ у него тайно отъ Никона, но съ вѣдома самого государя. Только когда Нероновъ постригся въ монахи подъ именемъ Григорія и удалился въ Спасо-Ломовскую Игнатьеву пустынь, Никонъ узналъ о его мѣстопребываніи и послалъ своихъ дѣтей боярскихъ, чтобы схватить его. Но онъ спасся въ одномъ сосѣднемъ селеніи, гдѣ крестьяне спрятали его и отказались выдать. Тогда Никонъ предалъ его соборному суду 18-го мая 1656 года. Въ этомъ судѣ участвовалъ и антіохійскій патріархъ Макарій, который, какъ мы видѣли, около того времени уѣхалъ было изъ Москвы, но былъ возвращенъ съ дороги. Соборъ, разсмотрѣвъ вины Неронова, отлучилъ его и вмѣстѣ съ нимъ предалъ анаѳемѣ всѣхъ его единомышленниковъ, непокоряющихся церкви. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, инокъ Григорій Нероновъ прибылъ въ Москву и добровольно предсталъ предъ Никономъ, когда тотъ изъ Крестовой па-

латы шелъ къ обѣднѣ. Патріархъ сначала не узналъ попавшагося ему сѣдого старца и спросилъ, кто онъ такой. „Я тотъ, кого ты ищешь, казанскій протопопъ Іоаннъ, въ иночествѣ Григорій“. По окончаніи литургіи патріархъ позвалъ его въ Крестовую и тутъ много съ нимъ бесѣдовалъ. Нероновъ объявилъ, что доселѣ не покорялся Никону, пока тотъ дѣйствовалъ единолично, но вселенскимъ патріархамъ онъ не противится и подъ клятвою ихъ быть не хочетъ, а потому признаетъ перемѣны, ими утвержденныя. Тутъ же старецъ нѣсколько разъ принимался уговаривать патріарха, чтобы онъ не былъ такъ жестокъ и грозенъ, что его называютъ лютымъ звѣремъ, не святителемъ, а мучителемъ, что его всѣ страшатся гораздо болѣе, чѣмъ самого государя и т. д. Никонъ былъ тронутъ и отвѣчалъ: „Прости, старецъ Григорій, не могу терпѣть“, и велѣлъ его помѣстить на Троицкомъ подворьѣ. Государь также былъ доволенъ раскаяніемъ Неронова. По царскому желанію, Никонъ вскорѣ за литургіей въ соборѣ произнесъ надъ старцемъ разрѣшительныя молитвы и причастилъ его изъ собственныхъ рукъ, при чемъ оба они проливали слезы. А послѣ обѣдни ради сего примиренія патріархъ устроилъ у себя трапезу, за которой много чествовалъ Григорія. Мало того, когда потомъ Григорій говорилъ, что и старые русскіе служебники не охуляются греческими властями, то Никонъ благословилъ его совершать служеніе по новымъ или старопечатнымъ книгамъ, по какимъ онъ хочетъ, и вскорѣ отпустилъ его въ Игнатьеву пустынь. Пріѣзжая въ Москву, Нероновъ бывалъ у патріарха и пользовался его благосклонностью, хотя съ своей стороны продолжалъ питать къ нему нерасположеніе. Однажды, слыша за всенощной въ Успенскомъ соборѣ, что патріархъ велѣлъ троить аллилуію, онъ сталъ умолять соборнаго протопопа съ братіей, чтобы не троили, и тѣ послушали его, а Никонъ сдѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ ([25]).

Не такъ благополучно окончилось дѣло съ другими ревнителями старины, т.-е. съ друзьями Неронова, какъ это потомъ увидимъ.

Возведенный на небывалую высоту дружбою и довѣріемъ молодого государя, Никонъ не сумѣлъ обуздать свое возраставшее властолюбіе и все расширявшіяся притязанія, которыя мало-по-малу и привели къ неизбѣжному столкновенію съ царскою властью. Нѣкогда подписанное имъ еще архимандритомъ, въ числѣ другихъ членовъ Земскаго собора, Уложеніе онъ въ качествѣ патріарха явно охуждалъ за то, что оно выдвинуло какъ особое самостоятельное учрежденіе Монастырскій приказъ, который состоялъ изъ мірскихъ людей и долженъ былъ вѣдать иски и гражданскія дѣла всего духовенства, и чернаго и бѣлаго, не исключая

архіереевъ. Уже будучи Новгородскимъ митрополитомъ, онъ исходатайствовалъ царскую грамоту о неподсудности своего духовенства Монастырскому приказу; теперь же стремился все русское духовенство въ административномъ, судебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ поставить въ исключительную зависимость отъ власти патріаршей. Прежде въ санъ архіерея и архимандрита никто не назначался безъ царскаго соизволенія, и даже игумны значительныхъ монастырей ставились по волѣ государя. Никонъ присвоилъ себѣ исключительное право всѣхъ этихъ назначеній. Вообще онъ стремился упрочить за патріаршей властью то значеніе, которое она имѣла при Филаретѣ Никитичѣ, т.-е. въ сущности возобновить въ государствѣ двоевластіе, которое произошло случайно, благодаря сыновней покорности Михаила Θеодоровича. По примѣру Филарета, и конечно не безъ указанія самого Никона, духовныя лица въ своихъ къ нему грамотахъ начали титуловать его „великимъ государемъ". Мало-по-малу и самъ царь сталъ называть его то „великимъ господиномъ", то „великимъ государемъ". Послѣ завоеванія Украйны и Бѣлоруссіи Никонъ сталъ титуловаться „великимъ государемъ, святѣйшимъ патріархомъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи". Во время своихъ польскихъ походовъ, какъ извѣстно, царь поставилъ Никона во главѣ всего гражданскаго управленія. И тутъ-то онъ давалъ полную волю своему гордому, крутому нраву. Думные люди и начальники приказовъ должны были каждое утро являться къ нему съ докладами. Опоздавшему боярину или окольничему приходилось долго ждать внѣ патріаршихъ палатъ, иногда на большомъ морозѣ, пока патріархъ не разрѣшалъ его впустить. Понятно, какую ненависть возымѣли къ нему вельможи вслѣдствіе такого высокомѣрнаго и унизительнаго съ ними обращенія. Если Никонъ сурово обходился со свѣтскими людьми, даже съ боярами, то можно себѣ представить, какъ онъ былъ жестокъ съ духовными. Всякій проступокъ наказывался разными истязаніями: наложеніемъ желѣзныхъ цѣпей или деревянныхъ колодокъ, заключеніемъ въ смрадную темницу и т. п. Сибирскіе монастыри, дотолѣ пустынные, теперь наполнялись священниками и монахами, сосланными за пьянство или какое-либо нерадѣніе.

Никонъ далеко не былъ чуждъ любостяжанія и корыстолюбія. Несмотря на огромное количество патріаршихъ вотчинъ, всякихъ домовыхъ владѣній и доходныхъ статей, онъ испрашивалъ отъ царя все новыя и новыя пожалованія и, кромѣ того, много вотчинъ и недвижимыхъ имуществъ пріобрѣталъ покупкой, вопреки Уложенію, запрещавшему такія пріобрѣтенія. Въ 1656 году на духовномъ соборѣ, конечно по желанію Никона, упразднена была близкая къ Москвѣ особая Коломенская

епархія, а вмѣсто нея учреждена новая Вятская. Послѣдняя, т.-е. Вятская, область по своей отдаленности дѣйствительно нуждалась въ особомъ епископѣ. Въ Вятку былъ переведенъ изъ Коломны епископъ Александръ (преемникъ несчастнаго епископа Павла). Коломенскую епархію присоединили непосредственно къ Патріаршей; подозрѣваютъ, что Никонъ тутъ отчасти руководился корыстными побужденіями, т.-е. желаніемъ воспользоваться вотчинами и доходами бывшей Коломенской каѳедры. Ради умноженія своихъ доходовъ, онъ измѣнилъ и усложнилъ порядки при поставленіи церковнослужителей въ своей области. Прежде съ нихъ просто взимались извѣстныя пошлины; а теперь они должны были брать отписки у мѣстныхъ десятильниковъ и поповскихъ старостъ, разумѣется не даромъ, съ этими отписками пріѣзжать въ Москву, здѣсь проживаться въ ожиданіи ставленія, каждый день ходить на патріаршій дворъ и стоять тамъ даже зимою наружи, не смѣя входить въ сѣни или въ Крестовую, какъ это было прежде. Бѣднымъ сельскимъ священникамъ приходилось ожидать ставленія отъ 15 до 30 недѣль, и поповское мѣсто обходилось имъ отъ 5 до 6 рублей, не считая харчи и посулы архидіакону и дьякамъ. Кромѣ того, Никонъ велѣлъ переписать все духовенство огромной Патріаршей епархіи и обложить новымъ поборомъ всѣ дворы, начиная поповскимъ и кончая просвирней. Разумѣется, подобныя мѣры возбуждали въ духовенствѣ сильное неудовольствіе противъ патріарха.

Накоплявшаяся такими способами огромная патріаршая казна тратилась Никономъ отчасти на роскошныя облаченія и дорогую утварь, а главнымъ образомъ на великолѣпныя постройки и нововоздвигаемые монастыри.

Иноземный наблюдатель (Павелъ Алеппскій) замѣчаетъ, что Никонъ при совершеніи церковныхъ службъ являлся въ мантіи зеленаго бархата съ бѣлыми источниками, съ малиновыми скрижалями, шитыми золотомъ, въ бѣломъ клобукѣ, наверху его съ крестомъ, унизаннымъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и съ жемчужнымъ изображеніемъ херувима на передней сторонѣ клобука. Въ Патріаршей ризницѣ доселѣ сохраняются четыре его митры, усыпанныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, пожалованныя ему государемъ, а также подаренные ему царемъ или царицей аксамитные, атласные и бархатные саккосы, украшенные жемчугомъ, дорогими камнями и сребропозлащенными дробницами. Не довольствуясь такими подарками и богатыми одѣяніями прежнихъ патріарховъ, по свидѣтельству того же наблюдателя, Никонъ все увеличивалъ ихъ количество; такъ, къ пасхѣ 1655 года онъ сдѣлалъ себѣ саккосъ изъ желтой венеціанской парчи, шитой золотомъ, болѣе 50 рублей аршинъ, съ широкими каймами изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ

камней, съ жемчужной епитрахилью въ пудъ (?) вѣсомъ, и весь этотъ саккосъ былъ до того тяжелъ, что патріархъ недолго оставался въ немъ и во время службы перемѣнилъ его на болѣе легкій. Выше мы видѣли, какъ тотъ же наблюдатель описываетъ великолѣпіе каменныхъ патріаршихъ палатъ, выстроенныхъ Никономъ на мѣстѣ прежнихъ митрополичьихъ. Страсть къ дорогимъ постройкамъ особенно проявилась во вновь основанныхъ имъ монастыряхъ.

Первый построенный имъ монастырь былъ Иверскій на островѣ Валдайскаго озера. Это мѣсто, входившее въ Новгородскую епархію, онъ облюбовалъ еще тогда, когда былъ Новгородскимъ митрополитомъ. Государь пожаловалъ Никону Валдайское озеро съ его островами, съ селомъ Валдаемъ и другими окрестными селами, деревнями и угодьями. Строеніе монастыря было окончено въ 1654 году. Сюда были торжественно перенесены изъ Боровицкой обители мощи св. Іакова. Въ главномъ каменномъ храмѣ Валдайскаго монастыря была поставлена копія съ иконы Иверской Божіей Матери; для снятія сей копіи Никонъ посылалъ на Аѳонъ искусныхъ иконописцевъ, а потомъ устроилъ ей богатую ризу, украшенную драгоцѣнными камнями. Въ этотъ Валдайскій Иверскій монастырь онъ переселилъ иноковъ изъ оршинскаго Кутеинскаго монастыря, который наравнѣ съ другими бѣлорусскими обителями претерпѣлъ разореніе во время Русско-польской войны, а ихъ игумена Діонисія возвелъ въ санъ архимандрита. Изъ Кутеинскаго монастыря была перенесена сюда типографія, и здѣсь потомъ печатались книги. Не довольствуясь пожалованными монастырю имуществами и вотчинами, Никонъ прикупилъ къ нимъ новыя села и деревни, съ царскаго разрѣшенія приписалъ къ нему еще четыре второстепенныхъ монастыря съ ихъ селами и угодьями, истратилъ большія суммы денегъ на каменныя монастырскія постройки и вообще сдѣлалъ Иверскую обитель одною изъ первостепенныхъ и богатѣйшихъ въ Россіи.

За Иверскимъ послѣдовало основаніе Крестнаго монастыря на бѣломорскомъ островкѣ Кіѣ, лежащемъ насупротивъ Онежскаго устья. Извѣстно, что на этомъ островѣ онъ когда-то спасся отъ бури, водрузилъ крестъ и далъ обѣтъ построить церковь или монастырекъ. Теперь онъ соорудилъ здѣсь значительный монастырь съ каменнымъ храмомъ во имя Животворящаго креста Господня и также, при помощи государя, щедро надѣлилъ его многими селами, деревнями, рыбными ловлями и другими угодьями.

Наиболѣе знаменитъ третій основанный имъ монастырь, извѣстный подъ именемъ Новаго Іерусалима. Во время своихъ поѣздокъ въ Иверскій монастырь Никонъ останавливался дорогою въ селѣ Воскресенскѣ,

лежавшемъ въ 45 верстахъ отъ Москвы, на живописномъ лѣсистомъ берегу рѣки Истры. Онъ купилъ село съ принадлежащими къ нему деревнями у помѣщика Бобарыкина въ 1656 году и немедленно приступилъ къ разсчисткѣ мѣста и постройкѣ монастыря. А въ слѣдующемъ 1657 году монастырь былъ уже освященъ во имя живоносного Христова Воскресенья самимъ патріархомъ въ присутствіи государя, его семейства и бояръ. Съ царскаго согласія Никонъ сталъ называть его «Новымъ Іерусалимомъ»; а для вящаго подобія заложилъ великолѣпный каменный храмъ Воскресенія по плану и образцу настоящаго Іерусалимскаго храма, для чего послужила его модель, присланная съ востока. Этотъ третій Никоновскій монастырь былъ одаренъ царемъ и патріархомъ еще большими вотчинами, землями, всякими имуществами и угодьями, чѣмъ первые два.

Но построеніе и украшеніе величественнаго Воскресенскаго храма были только предприняты, когда положеніе патріарха подверглось внезапной и рѣзкой перемѣнѣ.

Могущество Никона и его широкое вліяніе на государственныя дѣла особенно проявились во времена первой Польской войны или въ эпоху военныхъ походовъ Алексѣя Михайловича (1654 и 1655 гг.), когда царь оставлялъ на попеченіе патріарха столицу, свою семью и почти все гражданское управленіе. Вліяніе Никона не ограничивалось внутреннимъ управленіемъ, а распространилось и на внѣшнюю политику: онъ стоялъ за принятіе Малороссіи въ подданство и благословилъ царя на войну съ Поляками; онъ же потомъ склонился къ примиренію съ Польшею и къ поднятію русскаго оружія противъ Швеціи. Пока войны шли удачно, и войска, предводимыя самимъ царемъ, были побѣдоносны, значеніе Никона и уваженіе къ нему государя, конечно, стояли высоко. Но когда третій личный походъ царя окончился неудачею подъ Ригой и затѣмъ когда обстоятельства все усложнялись, становились трудными и все болѣе и болѣе выяснялось, какую политическую ошибку сдѣлало Русское правительство, обманутое Поляками и Австрійцами и начавшее Шведскую войну, не окончивъ Польскую, естественно у Алексѣя Михайловича возникло разочарованіе въ благодѣтельномъ на него вліяніи патріарха. Личные походы, крупныя событія и борьба съ разными затрудненіями, само собой разумѣется, не замедлили развить въ молодомъ царѣ опытность и самостоятельность, которыя неизбѣжно должны были повести къ столкновенію съ непомѣрными притязаніями его «собиннаго друга» Никона; такъ какъ сей послѣдній не сумѣлъ во-время усмотрѣть и оцѣнить перемѣну обстоятельствъ. Придворное боярство, успѣвшее возненавидѣть надменнаго и деспотичнаго патріарха,

скорѣе его подмѣтило эту перемѣну и пользовалось своею близостью къ царю, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ набрасывать тѣнь на поведеніе Никона, особенно на его властолюбіе и якобы стремленіе подчинить себѣ самую царскую власть. Явилось даже обвиненіе въ томъ, что онъ былъ подкупленъ цесарскимъ посольствомъ, чтобы склонить царя къ остановкѣ военныхъ дѣйствій съ Поляками и направить его оружіе противъ Шведовъ. Указывали и на то, что во время продолжавшихся разорительныхъ войнъ, истощавшихъ государство и царскую казну, патріархъ широко тратился на свои новые монастыри и возводилъ дорогія постройки, испрашивая у царя новыя пожалованія и вспомоществованія на свои расходы. Кромѣ бояръ, своими повшествами и своею жестокостью, онъ уже успѣлъ вооружить противъ себя множество враговъ и въ другихъ слояхъ населенія, особенно въ духовенствѣ; многія жалобы и нареканія на патріарха, конечно, доходили до государя и не мало его смущали. Напримѣръ, старецъ Нероновъ (если ему вѣрить), хотя и прощенный Никономъ, въ январѣ 1658 года у всенощной въ Успенскомъ соборѣ, когда царь приблизился къ нему, сказалъ: «Доколѣ, Государь, тебѣ терпѣть такого врага Божія? Смутилъ всю землю Русскую и твою царскую честь попралъ; уже твоей власти не слышатъ; отъ него врага всѣмъ страхъ». Государь отошелъ молча; но подобныя слова конечно производили впечатлѣніе.

Алексѣй Михайловичъ, какъ мы видѣли изъ записокъ Павла Алеппскаго, несомнѣнно, пересаливалъ выраженіе своей дружбы и преклоненіе предъ Никономъ. (Напримѣръ, припомнимъ сцену на праздновании Никономъ своего новоселья, когда царь до утомленія собственноручно подносилъ ему подарки, или отвѣтъ дьякону въ Сторожевскомъ монастырѣ, что царь боится вмѣшиваться въ дѣла церковнослужителей). Но уже въ то время и изъ тѣхъ же записокъ узнаемъ, что грубость и упрямство патріарха иногда вызывали припадки гнѣва и бранныхъ словъ у вспыльчиваго, впечатлительнаго государя. Но такъ какъ согласіе скоро возстановлялось и государь опять оказывалъ почтеніе, смиреніе и щедрость въ отношеніи къ патріарху, то сей послѣдній, повидимому, не придавалъ большого значенія такимъ вспышкамъ. При всемъ выдающемся умѣ онъ какъ бы не сознавалъ, что своимъ чрезвычайнымъ положеніемъ обязанъ личному государеву расположенію, а не архипастырскому сану, который при исключительномъ развитіи царскаго самодержавія не могъ представить какого-либо серьезнаго ему противовѣса. Мы видимъ, что съ одной стороны, достигавшій зрѣлаго мужескаго возраста, Алексѣй Михайловичъ сталъ ревнивѣе относиться къ своей власти; а съ другой зазнавшійся Никонъ продолжалъ вести себя съ

тою же надменностію и съ тѣми же непомѣрными притязаніями. Но, наконецъ, и онъ долженъ былъ замѣтить несомнѣнные признаки охлажденія. Послѣдніе выразились тѣмъ, что Алексѣй Михайловичъ сталъ не такъ часто, какъ прежде, присутствовать на служеніи патріарха, приглашать его къ себѣ и совѣтоваться съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Ненавистный Никону Монастырскій приказъ не только не былъ упраздненъ, а напротивъ, сталъ болѣе чѣмъ прежде вмѣшиваться въ имущественныя отношенія чернаго духовенства. Враждебные Никону бояре воспользовались и частыми его отлучками изъ Москвы въ свои новые монастыри, особенно Воскресенскій, чтобы возбуждать царя противъ патріарха.

Такимъ образомъ полный и открытый разрывъ былъ уже достаточно подготовленъ, когда случай помогъ ему совершиться.

Лѣтомъ 1658 года въ Москву прибылъ грузинскій царь Теймуразъ, чтобы лично принести присягу на русское подданство. 6-го іюля во дворцѣ происходилъ торжественный пиръ въ честь Теймураза. При подобныхъ торжествахъ обыкновенно присутствовалъ и патріархъ. На сей разъ, къ великому своему огорченію, онъ не получилъ приглашенія: царская немилость сказывалась очень наглядно. Подъ предлогомъ наблюсти за благочиніемъ духовенства, Никонъ послалъ ко дворцу своего боярина князя Димитрія Мещерскаго, который и замѣшался въ толпѣ, собравшейся посмотрѣть на шествіе Теймураза и его свиты во дворецъ. Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, палкою расчищая путь гостю, задѣлъ по головѣ Мещерскаго. Послѣдній закричалъ, что окольничій напрасно его бьетъ, такъ какъ онъ пришелъ сюда по порученію патріарха. «Не дорожися патріархомъ», отвѣтилъ Хитрово и снова ударилъ его по лбу такъ, что у него вскочила шишка. Мещерскій поспѣшилъ къ Никону съ горькою жалобой. И безъ того считавшій себя обиженнымъ, патріархъ вспылилъ при столь явномъ къ себѣ неуваженіи и тотчасъ написалъ государю, прося наказать окольничаго, въ противномъ случаѣ угрожалъ подвергнуть его наказанію духовному. Царь два раза присылалъ къ нему стольника Аѳанасія Матюшкина съ письменными отвѣтами, а обсужденіе дѣла отлагалъ до личнаго свиданія. Никонъ твердилъ одно, что если Хитрово не будетъ наказанъ, то онъ расправится съ нимъ «церковью», т.-е. грозилъ отлученіемъ. Разумѣется, его рѣчи передавались царю въ очень рѣзкомъ тонѣ и подливали масла въ огонь. Обѣщанное свиданіе не состоялось. Мало того, спустя два дня, т.-е. 8-го іюля, въ праздникъ Казанской Божіей Матери патріархъ тщетно посылалъ къ царю съ извѣстіемъ о началѣ каждой службы; вопреки своему обыкновенію царь не пришелъ въ

Казанскій соборъ на патріаршее служеніе ни къ вечернѣ, ни къ обѣднѣ, передъ которой совершался крестный ходъ. Зная характеръ Никона, нетрудно понять, до какой степени онъ волновался.

Прошло еще около двухъ дней, и наступило третье испытаніе.

10-го іюля праздновалось положеніе Ризы Господней. На всѣхъ службахъ этого праздника государь всегда присутствовалъ съ боярами въ Успенскомъ соборѣ. Передъ вечерней Никонъ по обычаю послалъ извѣстить его; но тотъ не пожаловалъ. Передъ заутреней повторилось то же. Послѣ нея явился къ патріарху князь Юрій Ромодановскій и объявилъ, что царское величество гнѣвается на него и не велѣлъ ждать себя и къ литургіи; а затѣмъ царскимъ именемъ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ пишется на грамотахъ «великимъ государемъ»; «у насъ одинъ великій государь, царь».—«Я не самъ собою такъ называюсь—отвѣтилъ Никонъ,—а по царскому велѣнію; о томъ есть у меня его собственныя грамоты».—«Царское величество почтилъ тебя какъ отца и пастыря —продолжалъ Ромодановскій, — но ты зазнался, и теперь онъ запретилъ тебѣ писаться великимъ государемъ, и впредь почитать тебя не будетъ».

Ясно было, что охлажденіе царя къ Никону стараніями ближняго боярства перешло уже въ открытую немилость. Сколько-нибудь благоразумному архипастырю оставалось бы только смириться передъ самодержавною волею и пережить тяжелую пору, въ ожиданіи лучшихъ дней. Но не таковъ былъ Никонъ: онъ отдался своему безсильному гнѣву и съ лихорадочною поспѣшностію сталъ готовиться къ задуманному имъ рѣшительному шагу. Такъ онъ велѣлъ купить для себя простую поповскую клюку, а также заготовить простое монашеское платье. Нѣкоторые приближенные догадались о его намѣреніи отречься и тщетно пытались отговаривать; отъ нихъ узналъ о томъ преданный ему бывшій его патріаршій бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ и прислалъ увѣщаніе оставить свое дерзновеніе. Но никто не могъ сломить его упрямства. Очевидно, онъ рѣшилъ идти напроломъ, чтобы поразить воображеніе впечатлительнаго царя и тѣмъ воротить себѣ прежнее положеніе, а въ случаѣ неудачи разыграть мученика. Отправляясь къ обѣднѣ, Никонъ велѣлъ иподьяконамъ надѣть новые стихари, говоря: «пусть проводятъ меня въ послѣдній разъ». Въ соборѣ онъ облачился въ саккосъ св. Петра митрополита и взялъ въ руки его же посохъ. Во время литургіи сослужившее ему духовенство уже перешоптывалось въ алтарѣ о рѣшеніи патріарха оставить свой престолъ. Послѣ причастія онъ написалъ короткое извѣщеніе царю о томъ, что уходитъ ради его неправеднаго гнѣва, и послалъ къ нему своего ризничаго. Но царь

тотчасъ возвратилъ письмо съ тѣмъ же посланнымъ. Никонъ велѣлъ соборному ключарю поставить сторожей у всѣхъ дверей, чтобы невыпускать народъ и объявить ему, что будетъ поученіе. Дѣйствительно, при окончаніи литургіи онъ взошелъ на амвонъ и, по прочтеніи поученія изъ бесѣдъ св. Златоуста о пастыряхъ Церкви, повелъ къ народу рѣчь о самомъ себѣ. Это было нѣчто странное и непослѣдовательное, но сильно и убѣдительно сказанное. Патріархъ бранилъ самого себя за то, что былъ лѣнивъ поучать народъ, отчего и самъ онъ и его паства окоростовѣли. Говорилъ, что его несправедливо называли иконоборцемъ и хотѣли убить за то, что онъ отбиралъ и уничтожалъ иконы латинскаго письма; что его напрасно называли еретикомъ за исправленіе книгъ. Напоминалъ, какъ онъ отказывался отъ избранія въ патріархи, и какъ великій государь всенародно далъ обѣщаніе повиноваться св. Церкви, а теперь измѣнилъ своему обѣщанію и наложилъ гнѣвъ на патріарха, почему онъ и оставляетъ свое мѣсто. «Отнынѣ я болѣе вамъ не патріархъ, и будь я анаѳема, если помыслю быть патріархомъ!»—сорвалось съ его языка въ минуту крайняго нервнаго раздраженія. Затѣмъ онъ торжественно снялъ съ себя митру, омофоръ и саккосъ, пошелъ въ алтарь и велѣлъ подать мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ; но духовенство не допустило до того, говоря: «Кому ты насъ оставляешь?»—«Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица», отвѣчалъ Никонъ. Онъ надѣлъ черную архіерейскую мантію и черный клобукъ, поставилъ посохъ св. Петра митрополита на святительское мѣсто, взялъ простую клюку и пошелъ къ дверямъ. Но теперь уже самъ народъ, растроганный происшедшею сценою, заперъ двери и не пускалъ никого изъ церкви. Выпустили только митрополитовъ крутицкаго Питирима и сербскаго Михаила, чтобы они доложили государю о всемъ случившемся. Въ ожиданіи царскаго распоряженія Никонъ съ видомъ смиренія сѣлъ на ступени амвона.

Безъ сомнѣнія, онъ питалъ тайную надежду, что царь будетъ сильно пораженъ и огорченъ, а потому лично придетъ уговаривать бывшаго друга, чтобы тотъ не покидалъ каѳедры. Но пришелъ ближній бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ окольничимъ Род. Матв. Стрѣшневымъ и спросилъ Никона, зачѣмъ онъ оставляетъ патріаршество, не поговоря съ великимъ государемъ, и на какое гоненіе онъ жалуется. Тотъ отвѣчалъ, что оставляетъ добровольно безъ всякаго гоненія и что еще прежде билъ челомъ великому государю о томъ, чтобы больше трехъ лѣтъ не оставаться. Никонъ поручилъ боярину передать царю письмо и просьбу дать ему келью. Князь Трубецкой отправился и вскорѣ воротился съ нѣкоторыми боярами. Царь снова велѣлъ отдать

19

письмо назадъ и сказать, чтобы Никонъ не оставлялъ патріаршества, а что касается кельи, то ихъ много на патріаршемъ дворѣ. Никонъ отвѣтилъ, что рѣшенія своего не перемѣнитъ. Бояре велѣли отворить двери. Народъ съ плачемъ провожалъ Никона изъ собора, не пустилъ его сѣсть въ колымагу, а у Спасскихъ воротъ опять заступилъ ему дорогу; Никонъ сѣлъ въ углубленіе и тоже плакалъ. Явились стрѣльцы и отворили ворота. Никонъ пѣшкомъ прибылъ на Воскресенское подворье, благословилъ народъ и простился съ нимъ. Сюда снова явился къ нему князь А. Н. Трубецкой съ товарищами и передалъ повелѣніе не уѣзжать, не повидавшись съ царемъ. Казалось бы, Никонъ могъ все еще надѣяться на примиреніе. Но онъ не выдержалъ смиренной роли: подождалъ день, другой, а затѣмъ вдругъ сѣлъ въ плетеную малороссійскую телѣгу и уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь. Царь послалъ вслѣдъ за нимъ того же князя Трубецкого съ дьякомъ Лопухинымъ и съ патріаршей каретой. Но князь нашелъ Никона уже въ монастырѣ. На вопросъ, «почему онъ уѣхалъ не доложа великому государю и не подавъ ему и его семейству благословенія?» Никонъ отвѣчалъ, что не въ далекое мѣсто уѣхалъ. Но главное порученіе посланныхъ, повидимому, состояло въ томъ, чтобы взять у Никона благословеніе Крутицкому митрополиту на управленіе церковными дѣлами, пока нѣтъ настоящаго патріарха. Никонъ далъ на это свое согласіе и благословеніе. А къ царю и царицѣ онъ написалъ письмо, въ которомъ слезно испрашивалъ прощенія за свой скорый отъѣздъ и ссылался на свои болѣзни. Царь прислалъ ему милостивый отвѣтъ со стольникомъ Аѳан. Ив. Матюшкинымъ.

Такимъ образомъ казались возстановленными мирныя отношенія между царемъ и бывшимъ патріархомъ, которому, повидимому, предоставляли спокойно вѣдать свои монастыри съ приписанными къ нимъ вотчинами и доходами и заниматься постройкой большого Воскренскаго храма. Но его упрямый, строптивый характеръ, а также неискренность отреченія вскорѣ опять дали себя знать.

Въ мартѣ 1659 года мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ Питиримъ совершилъ на Вербное Воскресенье обычное шествіе на осляти. Вдругъ къ государю приходитъ дерзкое посланіе, въ которомъ Никонъ упрекалъ его за вмѣшательство въ церковныя дѣла, а именно за дозволеніе Питириму совершать такое дѣяніе, которое принадлежитъ патріарху. Царь послалъ въ Воскресенскъ для объясненій думнаго дворянина Елизарова и думнаго дьяка Алмаза Иванова. Посланные напомнили Никону, что онъ самъ оставилъ свою паству и благословилъ Крутицкаго митрополита вѣдать дѣла патріаршія; что и прежде крутицкіе

митрополиты въ междупатріаршество совершали означенное церковное дѣйство, которое въ Новгородѣ и Казани исполняются тоже митрополитами. Никонъ возражалъ, что хотя онъ и добровольно оставилъ святительскій престолъ и не намѣренъ на него возвращаться, но не отказывался отъ патріаршаго званія и писалъ къ великому государю по долгу пастыря; а впрочемъ, не сѣтуетъ на него и посылаетъ ему свое благословеніе. Однимъ словомъ, онъ путался въ противорѣчіяхъ и, видимо, старался замять свой дерзкій поступокъ. Снова начались было мирныя сношенія. Однако, послѣдовало распоряженіе, чтобы духовныя лица безъ особого разрѣшенія не ѣздили въ Воскресенскій монастырь. Никонъ узналъ о томъ, и не скрывалъ своего негодованія. Для объясненій и съ царскими подарками ѣздилъ къ нему думный дьякъ Дементій Башмаковъ. Никонъ, между прочимъ, сообщилъ дьяку, что съ оставленіемъ патріаршаго престола онъ не лишился данной ему благодати Святаго Духа; въ доказательство чего привелъ два недавнихъ случая людей, одержимыхъ чернымъ недугомъ, которые исцѣлились по его молитвамъ. Потомъ, какъ узнали въ Москвѣ, по поводу измѣны Выговскаго Никонъ высказывался въ такомъ смыслѣ, что безъ него неумѣютъ въ Москвѣ обращаться съ Малороссами, а пока онъ былъ патріархомъ, дѣла шли хорошо и Выговскій будто бы во всемъ его слушалъ. Когда вмѣстѣ съ извѣстіемъ о Конотопскомъ пораженіи пронеслись слухи о вторженіи Татарской орды, принялись укрѣплять столицу. Царь показалъ заботливость о бывшемъ патріархѣ и послалъ ему предложеніе изъ неукрѣпленнаго Воскресенскаго монастыря переѣхать на время опасности въ крѣпкій Колязинскій монастырь. Никонъ туда не поѣхалъ, а прибылъ въ Москву, на сей разъ добился свиданія съ царемъ, былъ имъ ласково принятъ, однако въ присутствіи бояръ; а о возвращеніи на патріаршество не было и рѣчи. Осенью 1659 г. Никонъ отправился въ Иверскій монастырь, отсюда потомъ ѣздилъ въ Крестный, и вообще провелъ болѣе года на сѣверѣ; при чемъ не упустилъ случая и тутъ подать жалобу царю и затѣять дѣло о томъ, что какой то дьяконъ Ѳедоръ покушался отравить его (Никона), будто бы подосланный для того Крутицкимъ митрополитомъ.

Межъ тѣмъ съ разныхъ сторонъ царь слышалъ сѣтованія на усилившееся церковное нестроеніе, по отсутствію настоящаго архипастыря, и просьбы даровать Русской церкви новаго патріарха. Алексѣй Михайловичъ какъ бы воспользовался отъѣздомъ Никона въ дальніе монастыри и въ февралѣ 1660 года созвалъ духовный соборъ, которому предложилъ обсудить вопросъ объ удаленіи Никона и объ избраніи ему преемника. Соборъ усердно занялся изслѣдованіемъ разнообразныхъ

свидѣтельствъ объ отреченіи и поведеніи Никона. Такимъ путемъ вполнѣ установлено было, что Никонъ, добровольно покинувъ свою каѳедру, неоднократно утверждалъ, будто не намѣренъ возвращаться на нее и нехочетъ быть патріархомъ. Царь все-таки отправилъ къ нему въ Крестный монастырь стольника, чтобы взять благословеніе на избраніе новаго патріарха. Никонъ хотя и не противорѣчилъ, что оставилъ патріаршество добровольно, однако, не призналъ за созваннымъ соборомъ право выбирать новаго патріарха безъ его личнаго участія: ибо всѣ власти этого собора были его ставленники и клятвенно обязались ему повиновеніемъ, отъ котораго онъ ихъ еще не разрѣшилъ. По сему поводу голоса на соборѣ раздѣлились. Одни, въ томъ числѣ нѣсколько греческихъ архіереевъ, случившихся въ Москвѣ и приглашенныхъ на соборъ, полагали, что Никонъ, какъ самовольно покинувшій свой престолъ и столько времени (18 мѣсяцевъ) оставляющій его сиротствовать, тѣмъ самымъ по церковнымъ правиламъ лишается всякихъ правъ и даже священства. Другіе, напротивъ, приводили изъ исторіи вселенской Церкви примѣры возвращенія архіереевъ на оставленныя ими каѳедры, и настаивали на снисхожденіи къ Никону. Въ числѣ послѣднихъ былъ и ученый кіевскій монахъ Епифаній Славинецкій. Послѣ многихъ преній соборъ въ августѣ того же 1660 года постановилъ рѣшеніе низложить Никона и выбрать ему преемника; но далъ понять, что не будетъ противъ снисхожденія, если государь таковое окажетъ. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, Никонъ назвалъ соборъ іудейскимъ сонмищемъ, а дѣянія его противуканоническими; такъ какъ онъ осудилъ бывшаго патріарха заочно, не выслушавъ его оправданій, притомъ состоялъ изъ лицъ, имъ рукоположенныхъ, и былъ созванъ только царемъ, т.-е. свѣтской властію безъ участія Цареградскаго патріарха. Во всякомъ случаѣ полугодовые труды сего собора оказались безплодны: его рѣшеніе не удостоилось царскаго подтвержденія. Очевидно, съ одной стороны, набожный государь опасался погрѣшить противъ церковныхъ каноновъ, а съ другой все еще затруднялся поступить рѣзко и властно съ своимъ бывшимъ другомъ. Мѣра его терпѣнія пока не истощилась, и колебаніе продолжалось.

Продолжались и присылки отъ царя къ Никону то за благословеніемъ, то за поминовеніемъ кого-либо изъ ближнихъ людей, а вмѣстѣ—подарки и пожертвованія на строеніе роскошнаго Воскресенскаго храма. Но безпокойный Никонъ не переставалъ время отъ времени досаждать царю своими поступками. Такъ онъ заводилъ споры о монастырскихъ земляхъ съ сосѣдними землевладѣльцами (Сытинымъ и Бобарыкинымъ), при чемъ дѣйствовалъ самоуправно, приказывалъ жать и косить на спорной землѣ до судебнаго рѣшенія. А когда по сему случаю произведенъ былъ

розыскъ, онъ написалъ царю длинное и дерзкое посланіе, въ которомъ сравнивалъ его съ египетскими фараонами, съ Навуходоносоромъ, Ахавомъ и т. п.; грозилъ Божьимъ гнѣвомъ и, наконецъ, повѣствовалъ о какомъ-то своемъ видѣніи, во время котораго св. Петръ митрополитъ всталъ изъ гроба и велѣлъ передать царю, чтобы тотъ возвратилъ отобранныя у Церкви имущества. Мало того, узнавъ, что Питиримъ пересталъ поминать его при богослуженіи и запретилъ то же самое во всѣхъ русскихъ церквахъ, и что по желанію государя онъ рукоположилъ извѣстнаго Меѳодія во епископа Мстиславскаго, назначеннаго мѣстоблюстителемъ Кіевской митрополіи (безъ соизволенія Цареградскаго патріархата), Никонъ въ недѣлю Православія въ 1662 году во время литургіи произнесъ анаѳему Питириму.

Послѣдній подалъ царю жалобу; спрошенные о томъ архіереи отвѣчали, что проклятіе это совершенно незаконно и недѣйствительно. Тѣмъ не менѣе, бывшій патріархъ сталъ широко пользоваться симъ духовнымъ орудіемъ противъ своихъ недоброжелателей. Дошелъ до него слухъ, что дядя царя по матери бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ обучилъ свою собаку складывать лапки и благословлять на подобіе Никона, тогда онъ и царскаго дядю предалъ анаѳемѣ ([26]).

Эпоха распри патріарха Никона съ царемъ была вообще тяжелымъ временемъ для Московскаго государства. Она совпала не только съ внѣшними бѣдственными для Россіи войнами и малороссійскими неурядицами, но и ознаменовалась еще внутреннимъ экономическимъ кризисомъ и новымъ народнымъ мятежомъ въ самой царской столицѣ.

Огромные расходы на возникшія войны съ Поляками и Шведами легли такимъ бременемъ на русскіе финансы, что правительство затруднялось уплатою жалованья военнослужилымъ людямъ и стало прибѣгать къ чрезвычайнымъ денежнымъ сборамъ, въ родѣ 20-й, а потомъ 10-й деньги съ доходовъ торговыхъ людей и частновладѣльческихъ крестьянъ. Но и такіе сборы оказывались недостаточны. Пытались усилить выпускъ звонкой монеты, но недостатокъ драгоцѣнныхъ металловъ служилъ тому непреодолимымъ препятствіемъ. Такъ какъ попытки отыскать собственныя руды, серебряныя и золотыя, все еще не удавались, за неимѣніемъ знающихъ людей, то государство пробавлялось иностраннымъ серебромъ, которое привозилось въ монетѣ и въ слиткахъ. Оно приходило изъ Голландіи и Ганзейскихъ городовъ къ Архангельскому порту, гдѣ серебряною монетою уплачивались пошлины или покупались на нее русскіе товары. Обычною монетною единицею слу-

жили такъ называемые ефимки (іоахимсталеры). Эти ефимки правительство на Московскомъ денежномъ дворѣ перечеканивало въ свою монету или просто накладывало свой штемпель; при чемъ принимало ефимокъ за полтинникъ или 50 копеекъ, а выпускало его за 21 алтынъ и 2 деньги, т.-е. за 64 копейки; слѣдовательно, получало около 30% прибыли.

Въ виду недостатка серебряной монеты, въ Москвѣ явилась мысль выпустить мѣдныя деньги въ одинаковой цѣнѣ съ серебряными. Кто придумалъ такой выпускъ, въ точности неизвѣстно, хотя мысль о томъ и приписана извѣстному Өедору Михайловичу Ртищеву. Какъ бы то ни было, въ 1656 году царь приказалъ чеканить мѣдные полтинники, алтынники, грошевики и копейки такой же величины и формы какъ серебряныя и съ обозначеніемъ на нихъ такого же количества денегъ. Денежный дворъ находился въ вѣдѣніи приказа Большой казны. Кромѣ Москвы, новая монета чеканилась въ Новгородѣ, Псковѣ и Кокенгузенѣ. Сначала эта мѣра удалась, и мѣдныя деньги ходили паравнѣ съ серебряными, такъ какъ казна сама принимала ихъ въ той же цѣнѣ. Но, разумѣется, такое искусственное уравненіе не могло долго держаться, и тѣмъ болѣе, что оно повело за собой неизбѣжныя злоупотребленія, Во-первыхъ, само правительство не соблюдало мѣры въ выпускѣ монеты; а во-вторыхъ, не замедлило появиться большое количество денегъ фальшивыхъ или, какъ тогда называли, воровскихъ. Ихъ тайно чеканили не только денежные мастера, но и разные серебряники, котельники, оловянщики и тому подобные мастеровые люди, имѣвшіе возможность добыть или украсть чеканы. Замѣтили, что многіе изъ нихъ, прежде жившіе скудно, вдругъ разбогатѣли, построили себѣ каменные или красивые деревянные дома, одѣли себя и своихъ женъ чуть не въ боярское платье, завели серебряную посуду и стали покупать въ рядахъ всякіе товары дорогой цѣной. Сыщики подсматривали за ними, накрывали съ чеканами и воровскими деньгами и хватали ихъ. Подверженные пыткамъ, фальшивомонетчики винились и указывали своихъ сообщниковъ. Ихъ казнили или смертью (м. пр. заливали горло растопленнымъ металломъ), или отсѣченіемъ рукъ, которыя прибивались на стѣнахъ у денежныхъ дворовъ. Но соблазнъ легко разбогатѣть былъ слишкомъ великъ; зло не унималось, и тѣмъ болѣе, что богатые воры иногда откупались отъ казни, давая большіе посулы начальнымъ людямъ, приставленнымъ къ денежному дѣлу, именно царскому тестю Ильѣ Даниловичу Милославскому и царскому родственнику думному дворянину Матюшкину (по матери племяннику Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой), а въ другихъ городахъ воеводамъ, дьякамъ и приказнымъ людямъ.

Въ Малороссіи населеніе прямо отказывалось брать мѣдныя деньги, отъ чего бѣдствовали ратные люди, получавшіе ими жалованье. Но и внутри государства мѣдныя деньги уже въ 1658 году начали понижаться въ цѣнѣ сравнительно съ серебряными, а товары и съѣстные припасы дорожать. Правительство приставило къ денежнымъ дворамъ головъ и цѣловальниковъ выборныхъ изъ гостей и торговыхъ людей, извѣстныхъ своею честностью и зажиточностью, чтобы они смотрѣли за пріемомъ и расходомъ какъ мѣди, такъ и денегъ. Однако, эта мѣра не помогла. Современникъ замѣчаетъ, что «діаволъ возмутилъ ихъ разумъ, и эти люди нашли, что они еще не совсѣмъ богаты». И стали они покупать мѣдь на Москвѣ и въ Швеціи, и заставляли чеканить изъ нея деньги для себя вмѣстѣ съ царскими деньгами. Конечно, на нихъ донесли стрѣльцы и другіе служители Денежнаго двора. Съ пытокъ виновные показали, какъ имъ мирволили за посулы и тѣмъ поощряли все тѣ же бояринъ Милославскій и думный дворянинъ Матюшкинъ съ дьяками и подьячими. Подвергли пыткамъ сихъ послѣднихъ, и тѣ подтвердили показаніе. Виновнымъ головамъ и цѣловальникамъ вмѣстѣ съ сими дьяками и подьячими учинили жестокія наказанія,—отсѣкали пальцы или цѣлыя руки и ноги и ссылали въ дальніе города. На боярина царь только прогнѣвался, а думнаго дворянина отставилъ отъ Приказа. Такое легкое наказаніе знатныхъ преступниковъ обратило на себя общее вниманіе и возбудило народный ропотъ.

Межъ тѣмъ мѣдная монета все падала и падала въ сравненіи съ серебряной. Въ 1659 году на рубль мѣдной монеты противъ серебряной требовалось прибавки только въ десять денегъ, въ слѣдующемъ—шесть алтынъ четыре деньги, а въ концѣ 1661 года разница достигла двухъ рублей съ полтиной, и затѣмъ быстро увеличивалась, такъ что къ лѣту 1662 года мѣдный рубль уже въ двѣнадцать или тринадцать разъ былъ дешевле серебрянаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ росла дороговизна, въ особенности на съѣстные припасы, вопреки всѣмъ запретительнымъ указамъ. Все это произвело сильное народное неудовольствіе, и тѣмъ болѣе, что въ то же время увеличивались сборы на затянувшуюся войну съ Поляками изъ-за Малороссіи, и весною 1662 года производился со всего государства сборъ уже не десятой, а пятой деньги. Московская чернь волновалась и готова была повторить еще памятный ей мятежъ 1648 г., въ который она безнаказанно предавалась грабежу чужого добра. Народное озлобленіе опять направилось на нѣкоторыхъ бояръ и богатыхъ людей, извѣстныхъ своимъ корыстолюбіемъ; въ ихъ главѣ встрѣчаемъ также лица и прежде возбуждавшія народныя страсти, а именно царскаго тестя И. Д. Милославскаго и гостя Василія Шорина. Перваго

съ его родственниками и клевретами обвиняли въ разныхъ неправдахъ, особенно въ потачкѣ крупнымъ производителямъ фальшивыхъ денегъ; а второй по порученію правительства производилъ сборъ, столь обременительный для населенія, пятой деньги. Новый мятежъ или, точнѣе, грабежъ вспыхнулъ въ послѣднихъ числахъ іюля 1662 года. Толчкомъ къ нему послужили подметные листы, которые неизвѣстными злоумышленниками ночью были приклеены къ воротамъ и городскимъ стѣнамъ и въ которыхъ обвинялись въ намѣреніи поддаться польскому королю двое Милославскихъ (Ил. Дан. и Ив. Мих.), Сем. Лук. Стрѣшневъ, Ѳ. М. Ртищевъ, Б. М. Хитрово и гость В. Шоринъ.

25-го іюля, когда на Срѣтенкѣ происходилъ мірской сходъ по поводу пятой деньги, какіе-то проходившіе мимо сообщили сходу, что на Лубянкѣ письмо приклеено. Толпа, конечно, устремилась на указанное мѣсто. Но срѣтенскій соцкій Григорьевъ уже успѣлъ о письмѣ донести Земскому приказу; оттуда не медля прибыли дворянинъ Сем. Ларіоновъ и дьякъ Аѳ. Башмаковъ, которые сорвали письмо. Возбуждаемая стрѣльцомъ Нечаевымъ, толпа нагнала дворянина и дьяка и угрозами заставила того же соцкаго Григорьева вырвать письмо у Ларіонова. Остановились на Лубянкѣ же у церкви преп. Ѳеодосія, и тутъ Нечаевъ, ставъ на скамью, прочелъ письмо вслухъ; потомъ пошли къ Земскому двору, гдѣ тотъ же Нечаевъ опять читалъ письмо все умножавшимся слушателямъ. Въ то же время происходили сборища и въ другихъ мѣстахъ около тѣхъ же листовъ. Съ разныхъ сторонъ народъ скоплялся на Красной площади подлѣ Торговыхъ рядовъ и у Лобнаго мѣста. Рѣшили всѣмъ міромъ идти къ царю и просить его выдать означенныхъ бояръ міру на убіеніе, какъ царскихъ измѣнниковъ. Оказалось, что царя въ городѣ не было: онъ пребывалъ въ своемъ любимомъ селѣ Коломенскомъ въ семи верстахъ отъ Москвы. Толпа съ криками двинулась въ Коломенское. Алексѣй Михайловичъ въ этотъ день праздновалъ имянины одного изъ членовъ своей многочисленной семьи (сестры Анны Михайловны) и былъ у обѣдни. Увидѣвъ приближеніе шумной, но безоружной толпы и по ея крикамъ догадавшись въ чемъ дѣло, царь велѣлъ Милославскимъ, Ртищеву и прочимъ спрятаться въ комнатахъ царицы и царевенъ, которыя заперлись, сильно перепуганныя. Царица, вспомнивъ всѣ ужасы прошлаго мятежа, дрожала за жизнь своего отца и съ испугу потомъ долго была больна. Царь хотѣлъ дослушать обѣдню; но мятежники вынудили его выйти къ нимъ и били ему челомъ, чтобы выдалъ имъ измѣнниковъ головою. Царь и въ этомъ случаѣ показалъ находчивость и присутствіе духа: сталъ кротко ихъ уговаривать, чтобы они мирно воротились въ городъ, а самъ онъ, какъ только отслушаетъ обѣдню, тотчасъ по-

ѣдетъ въ Москву и лично разберетъ дѣло. Дерзость нѣкоторыхъ коноводовъ дошла до того, что они взяли царя за пуговицы его кафтана и спрашивали, можно ли ему повѣрить. Алексѣй Михайловичъ побожился и даже ударилъ съ однимъ изъ коноводовъ по рукамъ на своемъ словѣ. Толпа притихла и пошла назадъ. Вслѣдъ за ней Алексѣй отправилъ князя Ив. Андр. Хованскаго, чтобы онъ уговаривалъ народъ смуты не чинить, никого не грабить и ожидать царя для розыску. Но смута и грабежъ уже начались; на рѣчи Хованскаго чернь отвѣчала, что онъ человѣкъ добрый и царю заслуженный, но до него ей дѣла нѣтъ. Въ числѣ пограбленныхъ дворовъ главное мѣсто занималъ Шоринскій. Самъ Василій Шоринъ и на этотъ разъ спасся: онъ убѣжалъ въ Кремль и спрятался въ домѣ князя Черкасскаго; пятнадцатилѣтній сынъ его, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ въ простую телѣгу и попытался уѣхать изъ города; но его поймали и такъ напугали, что мальчикъ согласился самому царю показать на отца, будто бы тотъ побѣжалъ въ Польшу съ письмами отъ измѣнниковъ-бояръ. Захвативъ съ собой мальчика, нѣсколько тысячъ бунтовщиковъ и грабителей отправились въ Коломенское. Въ Варварскихъ воротахъ они повстрѣчали крестьянина съ возомъ, нагруженнымъ мукою; вывалили муку, посадили въ телѣгу молодого Шорина и велѣли крестьянину везти его. Межъ тѣмъ бояре, оставленные для обереганія столицы, именно князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ съ товарищи, приняли необходимыя военныя мѣры: по требованію изъ Коломенскаго, они послали на помощь къ царю нѣсколько стрѣлецкихъ приказовъ, солдатскихъ и рейтарскихъ полковъ; а по уходѣ толпы съ мальчикомъ Шоринымъ велѣли запереть всѣ ворота и никого ни выпускать, ни впускать въ городъ.

По дорогѣ въ Коломенское вторая толпа встрѣтила первую, возвращавшуюся въ городъ, и поворотила ее назадъ. Соединясь вмѣстѣ, мятежники снова явились къ царю, который въ это время уже садился на лошадь, чтобы ѣхать въ Москву. Приведенный къ нему сынъ Шорина, запуганный ихъ угрозами, началъ показывать на отца, что тотъ бѣжалъ въ Польшу съ листами отъ измѣнниковъ-бояръ. Поэтому толпа опять начала просить царя объ ихъ выдачѣ. Когда же онъ отвѣтилъ, что ѣдетъ въ столицу для розыска по сему дѣлу, коноводы грубо и невѣжливо стали кричать, что если не выдадутъ бояръ добромъ, то они начнутъ ихъ брать сами своею волею. Но въ Коломенское уже подоспѣла ратная помощь. Тогда Алексѣй Михайловичъ велѣлъ своимъ стольникамъ, дворянамъ, стрѣльцамъ и наличной боярской челяди ударить на мятежниковъ,—однихъ рубить и колоть, а другихъ хватать живыми. Толпа, большею частью безоружная или имѣв-

шая въ рукахъ палки, скоро была побита и обращена въ бѣгство; при чемъ многіе попали въ Москву рѣку и потонули. Нѣсколько тысячъ народу погибло въ этотъ день; а изъ захваченныхъ живыми не медля повѣсили или утопили нѣкоторое число; остальныхъ потомъ пытали, присуждали къ отсѣченію членовъ, били кнутомъ, клеймили лицо раскаленнымъ желѣзомъ и разсылали по дальнимъ городамъ. Столь легко былъ усмиренъ этотъ народный мятежъ (или такъ наз. «гиль»), возбужденный мѣдными деньгами. Очевидно, обстоятельства были уже не тѣ, что въ 1648 году. Съ одной стороны, Алексѣй Михайловичъ, пріобрѣвшій правительственную опытность, успѣлъ укрѣпить свою самодержавную власть и устроить около себя надежную охрану; а съ другой и сила движенія на сей разъ далеко уступала прежней. Служилое сословіе не только оставалось спокойнымъ, но и заявило свою преданность царю просьбою о дозволеніи бить гилевщиковъ. Въ мятежѣ участвовали по преимуществу мелкіе торговцы и ремесленники, хлѣбники, мясники, пирожники, городскіе и деревенскіе гулящіе люди и праздная боярская дворня столицы. Только нѣсколько сотенъ солдатъ полку Агѣя Шепелева и рейтаръ разныхъ полковъ участвовали въ движеніи. По свидѣтельству современника (Котошихина), въ мятежной толпѣ многіе приняли участіе изъ любопытства и пошли за ней въ Коломенское посмотрѣть, что она будетъ чинить передъ царемъ; а настоящихъ или «прямыхъ воровъ» будто бы было не болѣе 200. Видя слѣдующихъ за собой нѣсколько тысячъ человѣкъ, эти коноводы набрались большой дерзости и буйства, за которыя и сами поплатились и многихъ погубили, такъ какъ правительству пришлось быстро тушить пожаръ и некогда было разбирать праваго отъ виноватаго. По усмиреніи мятежа придворные, военные и приказные люди получили награды за свое радѣнье въ обереганіи царскаго здоровья и за свое стоянье противъ воровъ; смотря по чину, имъ раздавали изъ царской казны деньги, соболей, камки, атласы, бархаты, сукна и пр. Шорину за разоренье его двора была прощена пятая деньга, которой приходилось взять съ него болѣе 15.000 рублей, и сыну его простили за невольный проступокъ. Но всѣ розыски о томъ, кто писалъ воровскія письма, возбудившія мятежъ, остались тщетными.

Прошло, однако, еще около года прежде, нежели правительство рѣшилось покончить съ своею неудачною мѣрою относительно мѣдной монеты. Лѣтомъ слѣдующаго 1663 года вышли царскіе указы о прекращеніи чекана этой монеты и закрытіи устроенныхъ для нея денежныхъ дворовъ, вмѣсто которыхъ велѣно возобновить старый дворъ въ Москвѣ для чекана серебряныхъ денегъ. Служилымъ людямъ приказано выда-

вать жалованье серебромъ, всѣ казенные сборы, пошлины, продажу вина и всю торговлю производить на серебро. Мѣдную монету запрещено держать частнымъ людямъ; ее велѣно или сливать, или приносить въ казну и обмѣнивать на серебряную, при чемъ за мѣдный рубль выдавали по десяти денегъ или по 5 копеекъ серебромъ. Конечно, не вдругъ прекратились неустройства и злоупотребленія съ мѣдными деньгами. Нашлись такіе ослушники указовъ, которые вмѣсто сливки или сдачи въ казну мѣдныхъ денегъ покрывали ихъ ртутью, полудой или посеребряли и пускали въ оборотъ подъ видомъ серебряныхъ. Въ слѣдующемъ 1664 году видимъ новые указы противъ сихъ злоупотребленій. Попавшіеся поддѣлыватели подвергались жестокимъ казнямъ. Если вѣрить тому же современнику, во время смутъ, произшедшихъ изъ-за мѣдной монеты, казнено болѣе 7.000 человѣкъ, да болѣе 15.000 изувѣчены отсѣченіемъ рукъ, ногъ или пальцевъ и сосланы, съ отобраніемъ ихъ домовъ и имуществъ въ казну. Вотъ какъ дорого обошлась Московскому населенію эта хитроумная затѣя съ уравненіемъ мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ ([27]).

VII.

СОБОРЪ 1666—1667 гг. И НАЧАЛО РАСКОЛА.

Паисій Лигаридъ и его участіе въ дѣлѣ Никона.—Оправдательное сочиненіе послѣдняго.—Посольство къ восточнымъ патріархамъ. Дѣло о клятвахъ.—Зюзинъ и внезапный пріѣздъ Никона въ Москву.—Его перехваченныя грамоты.—Прибытіе двухъ восточныхъ патріарховъ. Соборъ 1666—1667 гг.—Торжественныя засѣданія собора.—Поведеніе Никона и личное участіе царя въ его обвиненіи.—Лишеніе сана и ссылка.—Вопросъ о подчиненіи патріарха царской власти.—Избраніе Іоасафа II и мѣры церковнаго благоустройства.—Протопопъ Аввакумъ и его автобіографія.—Попъ Никита и его челобитная.—Дьяконъ Ѳедоръ, попъ Лазарь и прочіе расколоучители.—Соборный судъ надъ ними.—Симеонъ Полоцкій и его „Жезлъ правленія".—Осужденіе Аввакума и его товарищей.—Мятежъ въ Соловецкомъ монастырѣ.—Соборная клятва на расколъ.—Его распространеніе.—Фанатизмъ раскольниковъ.—Его жертвы: боярыня Морозова и княгиня Урусова.—Общій взглядъ на причины раскола.

Среди высшаго московскаго клира въ то время появилось новое лицо, не мало повліявшее на дальнѣйшее развитіе Никоновскаго дѣла. То былъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ.

Послѣ водворенія турецкаго ига въ юго-восточной Европѣ, когда въ греческихъ и славянскихъ земляхъ закрывались школы и просвѣщеніе постепенно упадало, многіе молодые Греки и Славяне стали отправляться въ Италію для полученія образованія, въ особенности тѣ, которые назначали себя къ духовному званію. Папство не преминуло воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ видахъ католицизма и уніи, и тѣмъ болѣе, что со времени Флорентійскаго собора Римская курія считала Грековъ болѣе или менѣе уніатами. Для нихъ и для Славянъ была основана въ Римѣ особая коллегія св. Аѳанасія (Collegio Greco), гдѣ, воспитываясь на папскомъ иждивеніи и подъ руководствомъ іезуитовъ, молодые люди проходили грамматику, реторику, философію и богословіе. Здѣсь-то получилъ свое образованіе Пантелеймонъ Лигаридъ, уроженецъ острова Хіоса. Онъ оказалъ большія способности и окон-

чилъ курсъ съ блестящимъ успѣхомъ, такъ что его на время оставили при коллегіи св. Аѳанасія преподавателемъ греческаго языка. Затѣмъ его поставили священникомъ и отправили на Востокъ; при чемъ Пропаганда назначила ему ежегодное пособіе въ 50 скуди, увеличенное вскорѣ до 60. Нѣкоторое время Лигаридъ служилъ дидаскаломъ или преподавателемъ въ Молдо-Валахіи, гдѣ онъ писалъ обличительныя сочиненія противъ лютеранъ и кальвинистовъ. Въ 1650 году, какъ мы видѣли, въ Терговищахъ онъ встрѣтился съ Арсеніемъ Сухановымъ и, если вѣрить послѣднему, поддержалъ его въ спорѣ о двуперстіи. Въ слѣдующемъ году онъ уѣхалъ съ патріархомъ Паисіемъ въ Іерусалимъ. Здѣсь патріархъ постригъ его въ монахи, нарекъ своимъ именемъ, т.-е. Паисіемъ, и отдалъ на искусъ тому же Суханову. А спустя десять мѣсяцевъ, тотъ же патріархъ посвятилъ Лигарида въ митрополиты города Газы. Такимъ образомъ послѣдній обманулъ возлагавшіяся на него въ Римѣ надежды и отрекся отъ католицизма. Но, получая слишкомъ ничтожный доходъ съ своей бѣдной, разоренной Турками, епархіи, онъ пытался скрывать отъ Рима это отреченіе, чтобы не лишиться получаемаго отъ Пропаганды денежнаго пособія; конечно, такая попытка была безуспѣшна. Тогда-то задумалъ онъ отправиться въ Россію о которой давно могъ имѣть хорошія свѣдѣнія; такъ какъ въ коллегіи св. Аѳанасія вмѣстѣ съ нимъ воспитывались молодые уніаты изъ западно-русскихъ областей. А Сухановъ своими разговорами о Никонѣ съ Лигаридомъ и потомъ съ Никономъ о Лигаридѣ, очевидно, возбудилъ въ нихъ взаимное желаніе познакомиться; кромѣ того, Паисій вступилъ въ сношеніе съ Никономъ при посредствѣ своего соотечественника, извѣстнаго Арсенія Грека.

Въ концѣ 1656 или въ началѣ 1657 года, находясь на вершинѣ своего могущества, Никонъ письменно приглашалъ къ себѣ Паисія Лигарида, проживавшаго въ Молдо-Валахіи. Но прошло болѣе пяти лѣтъ, когда митрополитъ Паисій въ сопровожденіи цѣлой свиты собрался въ далекій путь. Онъ явился въ Москву въ то время, когда Никонъ уже пребывалъ въ своемъ добровольномъ изгнаніи. Бывшій патріахъ чрезъ того же Арсенія Грека привѣтствовалъ Лигарида и выражалъ надежду, что митрополитъ поможетъ его примиренію съ царемъ. Тотъ отвѣчалъ ему въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Но, разумѣется, хитрый, корыстолюбивый Грекъ скоро узналъ и оцѣнилъ положеніе дѣлъ и поспѣшилъ примкнуть къ болѣе сильной теперь боярской партіи. Онъ поднесъ государю модель гроба Господня, іорданскую воду, іерусалимскія свѣчи и подалъ челобитную о вспоможеніи его бѣдной епархіи. Государь велѣлъ выдать ему богатые подарки, соболями и

деньгами, и назначилъ ему со свитою щедрое содержаніе. Благодаря своей вкрадчивости и находчивости, искусству тонко льстить, знанію многихъ европейскихъ дѣлъ и отношеній, Паисій сумѣлъ такъ понравиться Алексѣю Михайловичу и его приближеннымъ, что не замедлилъ сдѣлаться важнымъ лицомъ въ московскихъ церковныхъ вопросахъ, продолжая при всякомъ удобномъ случаѣ выпрашивать себѣ все новыя милости и денежныя пожалованія.

Весною 1662 года Паисій Лигаридъ, конечно по желанію боярской партіи, подалъ государю записку, въ которой указывалъ, что нельзя такъ долго оставлять Русскую церковь безъ пастыря и что необходимо или избрать новаго, или воротить прежняго, если онъ окажется невиннымъ. Для обсужденія этого дѣла онъ совѣтовалъ скорѣе снестись со вселенскимъ, т.-е. Цареградскимъ, патріархомъ. Записка эта была сообщена въ копіи Никону, и тотъ не замедлилъ отвѣтить на нее Лигариду длиннымъ письмомъ, которое Епифаній Славинецкій перевелъ на латинскій языкъ. Тутъ онъ съ своей точки зрѣнія излагаетъ поводъ къ своему удаленію изъ Москвы, т.-е. причиненныя ему царемъ и боярами обиды, и тѣмъ старается себя оправдать. Паисій въ свою очередь отвѣтилъ также Никону въ почтительныхъ выраженіяхъ, но съ явнымъ осужденіемъ его поступковъ. Видя, что съ этой стороны ему не будетъ помощи, Никонъ вдругъ заявилъ, что намѣренъ апеллировать къ папѣ, и прислалъ Паисію совсѣмъ неподходящую къ дѣлу справку о папскомъ судѣ. Это заявленіе произвело въ Москвѣ впечатлѣніе, и власти поручили Паисію подвергнуть его критикѣ. Лигаридъ составилъ записку, въ которой на основаніи византійскихъ хроникъ доказывалъ, что Русь приняла христіанство отъ Грековъ и что церковь наша всегда находилась подъ властью цареградскаго патріарха, слѣдовательно, папа не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла этой церкви. Такъ своимъ искуснымъ перомъ и своею ученостью Лигаридъ постепенно пріобрѣлъ большой авторитетъ среди свѣтскихъ и духовныхъ властей въ Москвѣ, и къ нему стали постоянно обращаться за совѣтами по дѣлу Никона. По порученію царя, бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ передалъ Лигариду по этому дѣлу около 30 вопросовъ, на которые тотъ не замедлилъ написать отвѣты; послѣдніе были переведены на славянскій языкъ толмачомъ Стефаномъ. Разумѣется, отвѣты явились ни чѣмъ инымъ какъ подтвержденіемъ тѣхъ обвиненій, которыя высказывались въ вопросахъ; при чемъ обвиненія эти равно касались важныхъ и неважныхъ предметовъ, были иногда совершенно правильны, а иногда не совсѣмъ справедливы. Напримѣръ, Никонъ обвинялся въ томъ, что при возведеніи на патріаршество въ другой разъ былъ рукоположенъ

во епископа, запретилъ исповѣдывать и причащать разбойниковъ, осужденныхъ на смерть, называлъ себя „великимъ государемъ", щеголялъ роскошными облаченіями и смотрѣлся въ зеркало во время богослуженія, самъ сложилъ съ себя патріаршія ризы во время отреченія, рукополагалъ священниковъ и дьяконовъ послѣ этого отреченія, назвалъ іудейскимъ скопищемъ бывшій ради него духовный соборъ 1660 года, называлъ свой Воскресенскій монастырь Новымъ Іерусалимомъ, для обогащенія котораго разорилъ Коломенскую епископію, не оставилъ по себѣ намѣстника для управленія церковью, изрекалъ проклятія, собственноручно билъ подчиненныхъ или отправлялъ ихъ въ ссылку, хулилъ государя за учрежденіе Монастырскаго приказа и даже называлъ его мучителемъ и хищникомъ (духовныхъ имуществъ) и пр. Кромѣ этихъ личныхъ вопросовъ, тутъ были и общіе, напримѣръ: нужно ли созвать соборъ по дѣлу Никона? Можетъ ли царь самъ созвать его, т.-е. безъ патріарха? Могутъ ли епископы судить своего патріарха? Грѣшитъ ли государь, оставляя вдовствовать церковь? и т. п. На всѣ подобные вопросы Лигаридъ далъ утвердительные отвѣты, не рѣдко подкрѣпляя ихъ ссылками на каноны, богословскія соображенія, на примѣры изъ духовной исторіи и практики.

Списки съ данныхъ вопросовъ и отвѣтовъ дошли до Никона. Крайне задѣтый ими, бывшій патріархъ далъ волю своему и безъ того большому расположенію къ бумагописательству. Онъ написалъ пространную книгу, въ которой подвергъ разбору и опроверженію почти всѣ выставленныя противъ него обвиненія. Очевидно, онъ имѣлъ не мало свободнаго времени, и надъ книгой этой работалъ едва ли не больше года; наполнилъ ее многими ссылками и цитатами, при чемъ широко пользовался имѣвшимися у него подъ рукою Библіей, Кормчей Книгой, Толковымъ Евангеліемъ, Апостоломъ и т. д. За исключеніемъ нѣкоторыхъ справедливыхъ возраженій, книга эта отличается болѣе или менѣе неосновательными опроверженіями. Неправдивость автора доходила до того, что онъ пытается отрицать даже свой всенародный отказъ отъ патріаршества и называетъ его выдумкой. Тонъ этой книги очень несдержанный, грубый и раздражительный; противныхъ ему сановниковъ (кн. Одоевскаго, митропол. Питирима, Паисія Лигарида) онъ осыпаетъ бранью, называя ихъ даже антихристами; не щадитъ и самого царя, выставляя его врагомъ и гонителемъ церкви. Любопытно, что тутъ онъ доходитъ до средневѣковыхъ папскихъ притязаній и аргументовъ. Такъ онъ пытается доказать, что священство выше царства, ибо священство получаетъ помазаніе отъ Бога, а царство отъ священства; архіерейскую власть уподобляетъ солнцу, царскую же мѣсяцу, а мѣ-

сяцъ заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца. Но эта обширная книга не оказала никакой услуги ея автору. Пока она сочинялась, событія продолжали развиваться въ противномъ ему направленіи, чему содѣйствовали не только Лигаридъ, но и самъ Никонъ своимъ необузданнымъ нравомъ.

Церковныя неустройства, порожденныя междупатріаршествомъ, все болѣе и болѣе давали о себѣ знать. Особенно великій соблазнъ въ народѣ производило продолжавшееся разногласіе въ духовныхъ службахъ и пѣніи. Первые расколоучители пользовались сими неустройствами, чтобы возбудить православныхъ людей противъ исправленія книгъ и другихъ Никоновскихъ мѣропріятій. Государь видѣлъ зло и скорбѣлъ. По его желанію, бояре спрашивали Лигарида, какъ помочь горю и прекратить вдовство церкви. Паисій посовѣтовалъ созвать соборъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ или ихъ замѣстителей. Совѣтъ его былъ принятъ. Изготовили грамоты къ патріархамъ константинопольскому Діонисію, александрійскому Паисію, антіохійскому Макарію, іерусалимскому Нектарію и бывшему константинопольскому Паисію. Въ посольство къ нимъ, по указанію Лигарида, выбрали Грека іеродіакона Мелетія, который обучалъ греческому пѣнію соборный хоръ и получалъ за то царское жалованіе. Ему вручили грамоты и щедрые подарки для патріарховъ, и въ началѣ 1663 года отправили на востокъ чрезъ Малую Россію и Молдо-Валахію. Государь думалъ созвать соборъ въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года, и къ тому времени велѣлъ съѣзжаться изъ областей русскимъ архіереямъ, а ростовскому митрополиту Іонѣ и рязанскому архіепископу Иларіону съ нѣкоторыми дьяками и боярами поручилъ изыскать и приготовить для собора всякія вины бывшаго патріарха.

Несмотря на запрещеніе духовнымъ и мірскимъ лицамъ безъ особаго разрѣшенія посѣщать Воскресенскій монастырь, въ Москвѣ были многіе приверженцы Никона, которые продолжали сообщаться съ нимъ и передавали ему все, до него касающееся. Такимъ образомъ, онъ скоро узналъ о послѣднихъ распоряженіяхъ и понялъ, что настаетъ рѣшеніе его участи. Тогда онъ прибѣгаетъ къ своему сочинительскому таланту и шлетъ царю убѣдительныя письма съ оправдательными рѣчами, съ просьбою то о примиреніи и прощеніи, то о дозволеніи пріѣхать и видѣть его свѣтлыя очи; при чемъ онъ пытается набросить тѣнь на Грека Мелетія, обвиняетъ его въ поддѣлываніи печатей и подписей и т. п. Письма эти онъ доводитъ до государя при посредствѣ новаго царскаго духовника, протоіерея Лукьяна. Но все тщетно: царь (по внушенію бояръ) болѣе всего остерегается свиданія съ бывшимъ своимъ

другомъ, остерегается также давать ему письменные отвѣты, а ограничивается словесными; ибо Никонъ былъ настолько дерзокъ, что злоупотреблялъ прежнею интимною перепиской съ царемъ, которую припряталъ и на которую ссылался въ своихъ притязаніяхъ.

Межъ тѣмъ помянутыя выше сосѣдскія земельныя столкновенія съ Сытинымъ и особенно съ Бобарыкинымъ еще болѣе обострились. По челобитью сего послѣдняго на завладѣніе его землею, изъ Москвы пришелъ Никону приказъ учинить добровольное соглашеніе. Когда же оно не состоялось, то присланные чиновники приступили къ отмежеванію спорной земли Бобарыкину. Это было лѣтомъ 1663 года. Никонъ и тутъ далъ волю своему раздраженію. Онъ велѣлъ въ церкви во всеуслышаніе прочесть жалованную Воскресенскому монастырю царскую грамоту на имущества; положилъ ее на аналоѣ подъ крестъ и образъ Богородицы, совершилъ молебенъ Животворящему кресту, и затѣмъ началъ громогласно приводить клятвенныя слова изъ 108 псалма, а именно: „да будутъ дни его мали, да будутъ сынове его сиры, и жена его вдова, да будутъ чада его въ погубленіе“ и т. д. На слѣдующій день повторился тотъ же молебенъ и съ тѣми же клятвами, въ присутствіи самого Романа Бобарыкина. Тотъ, не медля, донесъ въ Москву, будто Никонъ предавалъ проклятію государя и весь царствующій домъ.

Само собой разумѣется, этотъ доносъ крайне взволновалъ Алексѣя Михайловича, который особенно огорчился за клятву на свое семейство. Посовѣтовавшись съ духовенствомъ и боярами, онъ для изслѣдованія дѣла отправилъ въ Воскресенскій монастырь трехъ духовныхъ особъ, митрополита газскаго Паисія, астраханскаго архіепископа Іосифа и Богоявленскаго архимандрита Ѳеодосія, и трехъ думныхъ людей, князя Никиту Одоевскаго, окольничаго Родіона Стрѣшнева и дьяка Алмаза Иванова. Допросъ началъ Паисій, говоря по-латыни; а толмачъ переводилъ Никону. Но послѣдній, задѣтый тѣмъ, что Грекъ не подошелъ къ нему подъ благословеніе, не захотѣлъ отвѣчать прямо на его вопросы, а разразился грубою бранью, называя его собакой, воромъ, нехристемъ, самозванно носящимъ архіерейскій титулъ. Когда же другіе члены посольства стали спрашивать, для чего Никонъ клалъ царскую грамоту подъ крестъ и на кого произносилъ клятвенныя слова, Никонъ объяснилъ, что слова эти относились къ Роману Бобарыкину. Но въ дальнѣйшихъ пререканіяхъ онъ забылся до того, что началъ порицать государя за его вмѣшательство въ духовные дѣла и суды, особенно за Монастырскій приказъ; грозилъ отлучить его отъ Церкви; увѣрялъ, будто онъ своего патріаршества не оставилъ; сравнивалъ прислан-

ныхъ сановниковъ съ жидами, которые пришли на Христа; безпрестанно прерывалъ ихъ рѣчи, стучалъ своимъ посохомъ по полу, и вообще велъ себя крайне дерзко и грубо. На слѣдующій день, воскресенье, онъ въ церкви съ такъ наз. Голгоѳы говорилъ длинную проповѣдь, въ которой себя уподоблялъ Христу, шедшему на страданія, а присланныхъ думныхъ людей—Ироду, Пилату, Іудѣ, духовныхъ же—Аннѣ, Каіафѣ и т. д. Межъ тѣмъ въ этотъ и слѣдующіе дни производились допросы монастырской братіи и патріаршимъ дѣтямъ боярскимъ какъ о помянутыхъ клятвенныхъ словахъ, такъ вообще объ образѣ жизни Никона и о лицахъ, его посѣщавшихъ. Власти пріѣхали въ сопровожденіи отряда вооруженныхъ стрѣльцовъ, которые брали подъ караулъ всѣхъ допрашиваемыхъ и сажали ихъ по тюрьмамъ, вообще наводили большой страхъ и трепетъ на обитателей монастыря. Болѣе недѣли пріѣхавшія власти пробыли на слѣдствіи въ Воскресенскомъ монастырѣ и уѣхали, именемъ государя запретивъ Никону отлучаться куда бы то ни было.

Паисій Лигаридъ въ эту поѣздку впервые увидалъ Никона, и потомъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что на портретѣ и въ дѣйствительности былъ пораженъ его звѣрообразной наружностью, великимъ ростомъ, большою толстокожею головою, черными волосами, узкимъ морщинистымъ челомъ, нависшими бровями и длинными ушами, а также болтливостью и зычнымъ голосомъ. Никону было тогда подъ 60 лѣтъ; но, очевидно, онъ вполнѣ сохранилъ свои физическія и умственныя силы. Несмотря на приведенныя сцены и на всѣ признаки изобилія, которымъ пользовался Никонъ (такъ что за разъ угощалъ за своей трапезой 200 человѣкъ міряиъ, или давалъ по 20 рублей милостыни пріѣзжимъ духовнымъ лицамъ), онъ вскорѣ потомъ возобновилъ свои посланія къ царю съ увѣреньями въ своей невинности и клеветѣ на него и съ просьбами о пособіи въ своей будто бы крайней бѣдности.

Время, назначенное для собора съ участіемъ восточныхъ патріарховъ, уже миновало, и долго не получалось извѣстій отъ посланнаго къ нимъ іеродіакона Мелетія. Достигнувъ Царьграда, онъ вручилъ царскія грамоты патріарху Діонисію и случайно бывшему тамъ же іерусалимскому патріарху Нектарію. Они отказались отъ поѣздки въ Москву, а вмѣсто того написали общій обширный отвѣтъ на вопросы о дѣлѣ Никона, и каждый подписался на отдѣльномъ спискѣ. Затѣмъ одинъ списокъ съ этого отвѣта отправили съ греческимъ монахомъ къ антіохійскому патріарху Макарію, а другой съ тѣмъ же Мелетіемъ къ александрійскому патріарху Паисію; оба патріарха подписали эти списки.

Обратное путешествіе Мелетія много затруднялось военными дѣйствіями, происходившими въ Молдавіи и Малороссіи. Только въ маѣ 1664 года онъ прибылъ въ Москву. Хотя патріархи письменно и давали свое согласіе на осужденіе и низложеніе Никона, однако царь полагалъ, что однѣхъ патріаршихъ грамотъ не достаточно, и тѣмъ болѣе, что у Никона, какъ извѣстно грекофила, въ самомъ греческомъ духовенствѣ нашлись сторонники, которые писали о возможности его возвращенія. Самъ іерусалимскій патріархъ Нектарій прислалъ царю особое посланіе въ такомъ примирительномъ духѣ. Нѣкоторые изъ греческихъ іерарховъ, пребывавшихъ въ Москвѣ (напр., иконійскій митрополитъ Аѳанасій), дѣйствовали въ пользу Никона, по зависти къ Паисію Лигариду; были даже такіе, которые отвергали подлинность патріаршихъ подписей на грамотахъ, привезенныхъ Мелетіемъ.

Царь рѣшилъ, что нужно пригласить самихъ патріарховъ въ Москву. Съ этимъ приглашеніемъ въ сентябрѣ того же года вновь были отправлены на Востокъ тотъ же іеродіаконъ Мелетій съ нѣсколькими свѣтскими лицами.

Надвигающаяся грозная туча въ видѣ предстоявшаго соборнаго судилища сильно тревожила Никона и преданныхъ ему людей. Между послѣдними особенно усердствовалъ ему бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, который велъ съ нимъ тайную переписку. Бояринъ постоянно убѣждалъ бывшаго патріарха смириться, просить у государя прощенія и воротиться на свою каѳедру; но тотъ, хотя несомнѣнно мечталъ о возвращеніи, однако, по своей строптивости и упрямству, все откладывалъ и выжидалъ удобнаго случая или перваго шага къ примиренію со стороны самого царя. Зюзинъ, наконецъ, рѣшился на отчаянную мѣру. Замѣтивъ, что Алексѣй Михайловичъ сталъ оказывать Никону болѣе милости и вниманія, онъ письменно увѣдомилъ бывшаго патріарха, будто государь чрезъ Аѳанасія Ордына-Нащокина (который, повидимому, былъ въ числѣ сторонниковъ) велѣлъ ему, Зюзину, передать Никону, чтобы вскорѣ пріѣхалъ къ заутрени въ Успенскій соборъ, и, ставъ на патріаршемъ мѣстѣ, послалъ бы извѣстить о себѣ государя. Никонъ повѣрилъ Зюзину, и поступилъ во всемъ согласно съ его наставленіями.

Ночью на 18 декабря 1664 года, подъ воскресенье, къ Никитскимъ воротамъ Земляного города подъѣхала цѣлая вереница саней, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вершниковъ или верховыхъ. На стукъ въ ворота караульные стрѣльцы опросили, кто ѣдетъ. „Власти Савина монастыря"—отвѣчали путники. Ихъ пропустили. То же повторилось у воротъ Бѣлгорода и Кремля. Поѣздъ направился къ Успенскому

собору, гдѣ шла утреня. Съ шумомъ вошла въ соборъ толпа пріѣзжихъ. Впереди шли мірскіе слуги, за ними монахи, потомъ несли крестъ, а за крестомъ шествовалъ бывшій патріархъ. Монахи пропѣли „Исполла эти деспота“ и „Достойно есть“. Никонъ приложился къ иконамъ, взялъ посохъ Петра митрополита, сталъ на патріаршее мѣсто и подозвалъ къ себѣ подъ благословеніе ростовскаго митрополита Іону, исполнявшаго обязанность мѣстоблюстителя послѣ Питирима (назначенного митрополитомъ новгородскимъ). Разумѣется, въ церкви отъ такого неожиданнаго явленія произошло большое смятеніе. Іона растерялся и подошелъ подъ благословеніе; за нимъ подошли прочее духовенство и многіе міряне. Затѣмъ Никонъ отправилъ Іону вмѣстѣ съ воскресенскимъ архимандритомъ Герасимомъ и соборнымъ ключаремъ извѣстить царя о своемъ пріѣздѣ.

Алексѣй Михайловичъ, слушавшій заутреню въ одной изъ дворцовыхъ церквей, былъ крайне озадаченъ этимъ извѣстіемъ и наскоро созвалъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ изъ бояръ и духовныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находились три митрополита: Павелъ крутицкій, Паисій газскій и Аѳанасій сербскій. Всѣ болѣе или менѣе громко выражали свое негодованіе по поводу столь дерзкаго, самовольнаго возвращенія Никона на святительскую каѳедру. По рѣшенію совѣта, царь послалъ въ соборъ Павла крутицкаго съ боярами—князьями Никитой Одоевскимъ и Юріемъ Долгорукимъ, окольничимъ Родіономъ Стрѣшневымъ и дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ. Посланные объявили Никону, чтобы онъ, не медля, уѣзжалъ въ свой монастырь, такъ какъ самовольно оставилъ каѳедру и клялся впредь патріархомъ не быть. Никонъ отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ по бывшему у него видѣнію, и просилъ передать письмо государю. Бояре доложили о томъ Алексѣю Михайловичу и только съ его позволенія взяли письмо. Тутъ Никонъ разсказывалъ, что недавно было ему видѣніе какъ бы во снѣ: въ Успенскомъ соборѣ явились ему усопшіе архипастыри, въ числѣ ихъ свв. митрополиты Петръ и Іона московскіе; повелѣли ему воротиться на свой престолъ и пасти Христово стадо. Къ сему разсказу Никонъ присоединилъ примирительное посланіе къ царю и всему его семейству. Но письмо это произвело обратное дѣйствіе. Видѣнію не повѣрили и еще болѣе вознегодовали. Всѣ три митрополита съ тѣми же боярами отправились въ соборъ и потребовали, чтобы Никонъ уѣзжалъ въ свой монастырь не медля, т.-е. до восхода солнца, во избѣжаніе народнаго смущенія. Горько обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ, Никонъ дѣйствительно поспѣшилъ выйти изъ храма, но не выпускалъ изъ рукъ посоха св. Петра-митрополита и не слушалъ бояръ, просившихъ оставить посохъ. По нѣкоторымъ

извѣстіямъ, садясь въ сани и неумѣстно примѣняя евангельское изреченіе, Никонъ сказалъ, что отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ. „А мы этотъ прахъ подметемъ“—будто бы замѣтилъ стрѣлецкій голова Артамонъ Матвѣевъ. „Размететъ васъ сія метла“—отвѣтилъ Никонъ, указывая на хвостатую комету, въ то время являвшуюся на небѣ. Окольничій князь Димитрій Долгорукій и тотъ же Матвѣевъ проводили уѣзжавшаго за ворота Земляного города. Прощаясь съ нимъ, они сказали, что государь велѣлъ просить у него благословенія и прощенія. Никонъ на это отвѣтилъ, что Богъ проститъ, если смута случилась помимо царской воли, такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Москву не самъ собою, а по извѣщенію. Разумѣется, слова его тотчасъ были доложены государю, и Алексѣй вслѣдъ за уѣхавшимъ послалъ крутицкаго митрополита Павла, чудовскаго архимандрита Іоакима, окольничаго Родіона Стрѣшнева и дьяка Алмаза Иванова.

Посланные нагнали Никона на остановкѣ въ селѣ Черневѣ, лежавшемъ на полпути между столицею и Воскресенскимъ монастыремъ. Они царскимъ именемъ потребовали отъ него, во-первыхъ, отдачи посоха Петра-митрополита, а, во-вторыхъ, объясненія, по какимъ вѣстямъ онъ пріѣхалъ въ Москву. Никонъ, по обыкновенію, заупрямился и не хотѣлъ исполнить повелѣнія. Послали къ царю съ донесеніемъ. Отъ него получился новый приказъ не выпускать Никона изъ Чернева, пока не исполнитъ требованія. Никонъ и тутъ продолжалъ упорствовать еще нѣсколько часовъ; наконецъ, уступилъ просьбамъ и убѣжденіямъ, причемъ просилъ передать государю главныя условія, на которыхъ онъ соглашается признать имѣющаго быть избраннымъ на его мѣсто другого патріарха, а именно, чтобы вновь избранный обходился съ нимъ какъ съ равнымъ, и были бы оставлены ему (Никону) извѣстные монастыри со всѣми ихъ имуществами и доходами. А посохъ и извѣстительныя письма (Зюзинскія) онъ вручилъ воскресенскому архимандриту, который отправился въ Москву вмѣстѣ съ царскими посланцами. Такимъ образомъ, Никонъ выдалъ властямъ своего самаго ревностнаго приверженца, тогда какъ, по условію, онъ долженъ былъ или возвращать, или сжигать всѣ зюзинскія письма. Возникло новое слѣдственное дѣло. Зюзина подвергли тщательному допросу и даже пыткѣ; вымучили у него всѣ подробности его сношеній съ Никономъ; но писемъ къ нему Никона онъ не могъ предъявить, потому что добросовѣстно ихъ жегъ. Бояре приговорили его къ смертной казни; но царь помиловалъ отъ нея и велѣлъ сослать его на службу въ Казань, отобравъ помѣстья и вотчины. Жена Зюзина Марія умерла отъ горя во время слѣдствія. Нѣкоторыя духовныя лица, служившія посредниками въ сношеніяхъ

его съ Никономъ, подверглись ссылкѣ или заточенію. Допроса по этому дѣлу не избѣгъ и самъ Ордынъ-Нащокинъ; а ростовскаго митрополита Іону за то, что подходилъ къ Никону подъ благословеніе судили цѣлымъ архіерейскимъ соборомъ; но ограничились тѣмъ, что отрѣшили его отъ мѣстоблюстительства патріаршаго престола, которое было передано крутицкому митрополиту Павлу.

Убѣдясь въ томъ, что ему не избѣжать суда восточныхъ патріарховъ, Никонъ со свойственною ему дерзостью вздумалъ предварительно и непосредственно обратиться къ симъ патріархамъ, чтобы расположить ихъ въ свою пользу и возбудить противъ своихъ враговъ. Онъ написалъ имъ грамоту, для которой нашелъ и Грека-переводчика. Въ этой грамотѣ Никонъ представилъ обозрѣніе своего дѣла, или столкновенія съ царемъ, но конечно такимъ образомъ, что самъ онъ былъ во всемъ правъ, а царь во всемъ виноватъ. При семъ темными чертами изображались дѣйствія противъ него бояръ и архіереевъ, въ особенности Паисія Лигарида. Въ заключеніе онъ выражалъ надежду, что патріархи праведно разсудятъ его съ царскимъ величествомъ. Чтобы переслать списки съ грамоты по назначенію, Никонъ воспользовался пребываніемъ въ Москвѣ гетмана Брюховецкаго въ концѣ 1665 года. Съ помощью подкупленнаго казака, въ многочисленную свиту возвращавшагося на Украйну гетмана, подъ видомъ плѣнника изъ города Львова, былъ замѣшанъ Никоновъ двоюродный племянникъ Ѳедотъ Марисовъ, служившій въ числѣ его боярскихъ дѣтей. Однако, въ Москвѣ скоро о томъ провѣдали, и царь послалъ гетману приказъ схватить Марисова. Послѣдній, не успѣвшій еще покинуть Украйну, дѣйствительно былъ взятъ и привезенъ въ Москву. Содержаніе перехваченныхъ грамотъ, наполненныхъ тяжкими обвиненіями противъ Алексѣя Михайловича, сильно его взволновало и уничтожило всякую возможность примиренія съ Никономъ.

Вторичное посольство на Востокъ іеродіакона Грека Мелетія въ значительной степени увѣнчалось успѣхомъ. Онъ убѣдилъ къ поѣздкѣ въ Россію двухъ патріарховъ, Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, а, кромѣ нихъ, еще синайскаго архіепископа Ананію и трапезундскаго митрополита Филоѳея. Эти четыре іерарха со своими свитами съѣхались въ Закавказьѣ, въ городѣ Шемахѣ. Отсюда весною 1666 года они на кораблѣ, присланномъ изъ Астрахани, поплыли Каспійскимъ моремъ, въ сопровожденіи Мелетія. Въ Астрахани они были встрѣчены торжественно архіепископомъ, воеводою и всѣмъ народомъ съ иконами и хоругвями. Затѣмъ Волгою путешественники поднялись до Симбирска; откуда поѣхали въ столицу сухимъ путемъ. Вездѣ принимали ихъ и

провожали съ великими почестями. Гости-патріархи до того увлеклись преувеличенными почестями, что преувеличили и свое значеніе, стали принимать отъ жителей челобитныя и по нимъ рѣшать дѣла, напримѣръ, разстригать поповъ и дьяконовъ, прощать сосланныхъ и т. п. Отъ Мурома ихъ провожалъ царскій любимецъ—стрѣлецкій голова Артамонъ Матвѣевъ. Только въ началѣ ноября путешественники добрались до Москвы, гдѣ устроены были для нихъ самыя торжественныя встрѣчи. 4 ноября происходилъ царскій пріемъ въ Грановитой палатѣ, за которымъ слѣдовалъ роскошный пиръ. Государь выражалъ большую радость о прибытіи восточныхъ патріарховъ, изъ которыхъ Макарія антіохійскаго онъ узналъ и полюбилъ еще въ первый его пріѣздъ. ([28]).

Съ прибытіемъ двухъ восточныхъ патріарховъ въ Москвѣ составился такой большой духовный соборъ, какого не было ни прежде, ни послѣ. Кромѣ патріарховъ, здѣсь присутствовало нѣсколько греческихъ митрополитовъ и архіепископовъ; всѣ русскіе іерархи Московскаго государства были налицо, въ томъ числѣ черниговскій Лазарь Барановичъ и мстиславскій Меѳодій, какъ блюститель Кіевской митрополіи. Рядомъ съ архіереями въ соборѣ участвовали многіе архимандриты, игумны, протопопы и другія духовныя лица.

Этотъ большой соборъ прежде всего занялся дѣломъ Никона. Первое посвященное ему засѣданіе происходило 7 ноября 1666 года въ Столовой палатѣ дворца, въ присутствіи государя и съ участіемъ Боярской думы. Достоинство верховныхъ судей въ этомъ дѣлѣ было предоставлено восточнымъ патріархамъ; а потому судъ начался подачею имъ отдѣльныхъ сказокъ или выписей о проступкахъ Никона и одной пространной записки или обвинительнаго акта, составленнаго повидимому Паисіемъ Лигаридомъ, который служилъ для патріарховъ главнымъ переводчикомъ и вообще явился наиболѣе дѣятельнымъ членомъ собора, а потомъ и его исторіографомъ. Патріархи занялись подробнымъ изученіемъ дѣла. Послѣ перваго были и еще два засѣданія, такъ сказать, предварительныя, т. е. посвященныя обсужденію компетенціи даннаго собора и различнымъ справкамъ. Только три недѣли спустя послѣ его открытія, рѣшено было отъ имени патріарховъ и всего сонма послать Никону позывъ лично явиться предъ святѣйшимъ соборомъ. Съ такимъ порученіемъ въ Воскресенскій монастырь 29 ноября пріѣхали псковскій архіепископъ Арсеній и два архимандрита. Вѣрный своему строптивому характеру, Никонъ не сразу исполнилъ требованіе, а началъ съ того, что не признавалъ для себя авторитета патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, такъ какъ онъ будто бы имѣлъ святительское поставленіе отъ Констан-

тинопольскаго; а затѣмъ хотя не отказывался отъ поѣздки въ Москву, но не опредѣлялъ времени. Посланные не медля отправили донесеніе о его отвѣтѣ, а сами объявили Никону, что безъ него не вернутся въ столицу. Тогда онъ началъ собираться въ путь и сборы эти обставилъ особою торжественностью.

На слѣдующій день бывшій патріархъ послѣ заутрени исповѣдался у своего духовника, совершилъ надъ собою таинство елеосвященія, помазалъ елеемъ и всю братію; отслужилъ литургію по чину патріаршему, произнесъ длинное поученіе, говорилъ о терпѣніи, съ которымъ должно переносить всякія испытанія, и вообще ясно давалъ понять, что онъ идетъ на страданія и бесѣдуетъ съ братіей въ послѣдній разъ. Тщетно архіепископъ Арсеній и его товарищи побуждали Никона ускорить отъѣздъ. Онъ обращался съ ними надменно; только къ вечеру приказалъ подать сани и простился съ обитателями монастыря, преподавъ имъ свое послѣднее благословеніе уже за воротами, на такъ называемой горѣ Елеонской. Поѣздъ былъ конвоируемъ стрѣльцами. Передъ Никономъ ѣхалъ верхомъ его поддьякъ Иванъ Шушера съ большимъ крестомъ въ рукѣ.

Извѣщенный о нежеланіи Никона не медля явиться на соборъ, сей послѣдній назначилъ не только вторую за нимъ посылку, но затѣмъ и третью (на основаніи правила о троекратномъ призывѣ). Не доѣзжая села Чернева, поѣздъ съ Никономъ встрѣтилъ владиміро-рождественскаго архимандрита Филарета, который остановилъ путниковъ и объявилъ второе приглашеніе отъ собора. Не доѣзжая села Тушина, поѣздъ былъ снова остановленъ: тутъ новоспасскій архимандритъ Іосифъ передалъ третье приглашеніе. По распоряженію изъ Москвы, пріѣздъ совершился въ глухую ночную пору. Никонъ подъѣхалъ къ Никольскимъ воротамъ Кремля. Но прежде чѣмъ пропустить путниковъ, ожидавшій тутъ стрѣлецкій полковникъ велѣлъ взять Ивана Шушеру, сказавъ ему, что до него есть государево дѣло. Тотъ передалъ крестъ въ руки Никону, а затѣмъ рано поутру былъ представленъ предъ лице государя, который лично допрашивалъ его о дѣлахъ, касавшихся Никона. Этотъ Шушера состоялъ довѣреннымъ его человѣкомъ и былъ посылаемъ въ Москву, гдѣ исполнялъ разныя его порученія. Между прочимъ онъ же входилъ въ сношенія со свитою Брюховецкаго и подкупилъ того казака, который взялъ съ собою Никонова племянника, имѣвшаго грамоты къ восточнымъ патріархамъ. По словамъ самого Шушеры, государь не получилъ отъ него требуемыхъ свѣдѣній. Его посадили подъ стражу, а потомъ сослали въ Новгородъ, гдѣ онъ и написалъ хвалебную біографію бывшаго патріарха.

Никона съ его свитою помѣстили вблизи Никольскихъ воротъ на Архангельскомъ подворьѣ, которое окружили стражею; а самыя ворота не только наглухо заперли, но и разобрали передъ ними мостъ, чѣмъ отрѣзали ему всякое сообщеніе съ городомъ. На слѣдующій день, 1 декабря, происходило торжественное засѣданіе собора въ Столовой палатѣ съ участіемъ самого государя и Боярской думы. Государю были уже извѣстны всѣ подробности Никонова путешествія. Онъ сообщилъ патріархамъ, какъ тотъ передъ отъѣздомъ изъ монастыря исповѣдался, пріобщался и освящалъ себя елеемъ, и какъ теперь за арестъ поддьяка поноситъ царя, называя его своимъ мучителемъ. Епископъ мстиславскій Меѳодій и два архимандрита посланы были отъ собора за Никономъ. Сей послѣдній и тутъ не преминулъ войти въ пререканія. Онъ велѣлъ одному изъ своихъ монаховъ нести передъ собой крестъ; напрасно посланныя лица противились такому предписанію, какъ латинскому обычаю; Никонъ настаивалъ. Тѣ запросили соборъ; патріархи разрѣшили. Никонъ сѣлъ въ сани; на его пути толпился народъ, привлеченный чрезвычайнымъ событіемъ: судомъ надъ патріархомъ. Проѣзжая мимо Успенскаго собора, гдѣ совершалась литургія, Никонъ вышелъ изъ саней и хотѣлъ войти въ церковь, но двери ея передъ нимъ затворились; онъ направился въ Благовѣщенскій храмъ; тамъ повторилось то же самое. Когда Никонъ вошелъ въ Столовую палату, всѣ присутствующіе при видѣ предносимаго креста встали, что и было вѣроятно имъ предусмотрѣно. Онъ сталъ подлѣ царскаго мѣста и прочелъ молитву о здравіи государя, его семейства, патріарховъ и пр.; послѣ чего трижды поклонился въ землю царю и дважды патріархамъ. На приглашеніе сѣсть на скамью рядомъ съ патріархами, онъ отказался, такъ какъ не видѣлъ особо для себя приготовленнаго мѣста; а затѣмъ спросилъ, зачѣмъ его звали.

Тутъ Алексѣй Михайловичъ сошелъ съ своего возвышенія, сталъ предъ патріархами и со слезами началъ говорить о томъ, какое безчестіе и униженіе учинилъ Россійской церкви Никонъ своимъ внезапнымъ и самовольнымъ удаленіемъ, послѣ чего сія церковь уже девятый годъ вдовствуетъ, оставаясь безъ пастыря и подвергаясь многимъ смутамъ и мятежамъ. Свою рѣчь царь заключилъ просьбою къ патріархамъ, чтобы они допросили Никона, зачѣмъ онъ оставилъ свой престолъ и отъѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. Когда патріархи чрезъ толмача предложили этотъ вопросъ, Никонъ самъ спросилъ, есть ли у нихъ согласіе судить его отъ патріарховъ Константинопольскаго и Іерусалимскаго. Ему указали на тутъ же лежавшія грамоты о его дѣлѣ, подписанныя всѣми четырьмя патріархами. Тогда онъ потребовалъ удале-

нія изъ собора митрополитовъ новгородскаго Питирима и сарскаго Павла, какъ его завѣдомыхъ враговъ, покушавшихся будто бы на его жизнь. Разумѣется, этого требованія не исполнили. Наконецъ, Никонъ рѣшился отвѣтить прямо на повторяемый вопросъ о причинѣ его удаленія, и указалъ на извѣстную обиду отъ Богдана Хитрово, на неполученіе за нее удовлетворенія, непосѣщеніе царемъ патріаршихъ службъ и объявленіе царскаго гнѣва за именованіе себя „великимъ государемъ", почему онъ якобы устрашился и уѣхалъ изъ Москвы въ свой монастырь. Послѣ такого отвѣта Алексѣй Михайловичъ снова сошелъ съ трона и, стоя, опровергалъ всѣ взводимыя на него обвиненія. Смыслъ сихъ опроверженій былъ слѣдующій: жалобу на Хитрово онъ не могъ разбирать въ то самое время, когда угощалъ Теймураза; къ службамъ не пришелъ, занятый важными государственными дѣлами; о гнѣвѣ своемъ говорить не приказывалъ; въ Воскресенскій монастырь посылалъ бояръ съ увѣщаніемъ патріарху воротиться на свой престолъ и т. п. Бояре и архіереи подтвердили справедливость царскихъ словъ и безпричинность Никонова отреченія и ухода. Никонъ стоялъ на своемъ, прибавляя, что онъ вообще отъ патріаршаго сана будто бы не отрекался, а только отъ московскаго патріаршества, что поэтому онъ взялъ съ собою святительскую одежду; приводилъ въ примѣръ Аѳанасія Александрійскаго и Григорія Богослова, которые также удалялись вслѣдствіи царскаго гнѣва.

Затѣмъ царь приказалъ читать перехваченную грамоту къ Цареградскому патріарху, въ которой Никонъ взводилъ на него разныя обвиненія. На каждомъ пунктѣ чтеніе прерывалось, и отъ Никона требовали объясненій. Онъ пытался, конечно, все объяснять съ своей точки зрѣнія; при чемъ самъ государь увлекался преніями съ нимъ, уличалъ его въ недобросовѣстной передачѣ фактовъ или въ ихъ лжетолкованіяхъ. Иногда, припертый къ стѣнѣ, Никонъ ссылался на запамятованіе или просто отдѣлывался молчаніемъ. Напримѣръ, въ грамотѣ онъ писалъ, что царь сначала былъ благочестивъ и милостивъ, а потомъ возгордился и началъ вступаться въ архіерейскія дѣла. Алексѣй Михайловичъ обратился къ патріархамъ со словами: „Допросите Никона, въ какія архіерейскія дѣла я вступался". На ихъ вопросъ тотъ отвѣчалъ: „Не упомню, про что я писалъ". Въ грамотѣ Никонъ съ ненавистью отзывался объ Уложенной книгѣ, особенно объ учрежденіи Монастырскаго приказа, и сообщалъ, будто его не разъ хотѣли убить за намѣреніе уничтожить эту книгу. Когда же ему указали на его рукоприкладство къ ней въ числѣ другихъ духовныхъ лицъ, онъ отвѣтилъ, что руку приложилъ поневолѣ; а на вопросы—почему, будучи на па-

тріаршествѣ, онъ не озаботился дать Монастырскому приказу церковный характеръ, и кто хотѣлъ его убить,—Никонъ ничего не отвѣтилъ. Въ той же грамотѣ приводились въ видѣ жалобы почти всѣ извѣстные намъ случаи: столкновеніе съ Хитрово, дѣло Зюзина, дѣйствія митрополитовъ Питирима и Паисія Лигарида, собачка Стрѣшнева и т. д. На всѣ эти жалобы даны были оправдательныя объясненія или самимъ царемъ, или боярами и духовными сановниками. Между прочимъ Никонъ называлъ беззаконнымъ и еретическимъ бывшій передъ тѣмъ на него церковный соборъ (1660 года), въ которомъ участвовалъ самъ царь со своимъ синклитомъ или съ Боярскою думою. На такое тяжкое обвиненіе горячо возстали и бояре и духовенство; а царь, за названіе его еретикомъ, просилъ патріарховъ учинить указъ по правиламъ апостольскимъ и свв. отцовъ. Никонъ на это позволилъ себѣ укоризненно сказать: „Только бы ты Бога боялся, ты бы такъ со мною не дѣлалъ".

Чтеніе Никоновой грамоты и обсужденіе ея затянулись до поздняго вечера. Государь, подобно Никону, все время оставался на ногахъ, несмотря на свое утомленіе.

Слѣдующее соборное засѣданіе, 3 декабря, продолжало разбирать до мелочей всѣ дѣянія Никона, котораго на сей разъ не пригласили. На засѣданіе 5 декабря опять позвали Никона, и тутъ главнымъ образомъ занялись его клятвеннымъ отреченіемъ отъ патріаршества. Никонъ продолжалъ увѣрять, будто онъ такого отреченія не произносилъ, а просто удалился отъ государева гнѣва. Но многія духовныя лица присутствовали тогда въ Успенскомъ соборѣ и слышали это клятвенное отреченіе; бояре, приходившіе отъ царя увѣщевать патріарха, подтвердили ихъ показаніе. Никонъ спорилъ, пытался даже говорить, что присутствовавшіе патріархи не истинные, такъ какъ въ ихъ отсутствіе на ихъ мѣста уже назначены другія лица; возражалъ даже противъ нѣкоторыхъ церковныхъ правилъ, на которыя ему указывали. Въ заключеніе патріархи обратились къ Собору съ вопросомъ: какое наказаніе слѣдуетъ Никону по церковнымъ канонамъ? «Изверженіе отъ священнаго сана»—единодушно отвѣчалъ Соборъ.

Приговоръ этотъ потомъ былъ изложенъ письменно по-гречески и по-русски съ исчисленіемъ всѣхъ винъ. 12 декабря происходило послѣднее соборное засѣданіе, въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ помѣщались восточные патріархи. Государь на этотъ разъ самъ не присутствовалъ, а прислалъ ѣсто себя нѣкоторыхъ бояръ и дворянъ. Члены Собора перешли въ небольшую церковь Благовѣщенія надъ монастырскими воротами и призвали сюда Никона. Послѣ краткаго молебствія началось чтеніе соборнаго приговора съ обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ пунктовъ обви-

ненія. Окончательное рѣшеніе состояло въ томъ, что Никонъ лишался не только архіерейскаго сана, но и самаго священства, а оставался простымъ монахомъ и подвергался ссылкѣ въ какую-либо обитель, чтобы тамъ замаливать свои грѣхи. Бывшій патріархъ и тутъ не измѣнилъ своему характеру. Во время чтенія онъ то бормоталъ что-то про себя, то саркастично улыбался. А когда патріархи велѣли ему снять съ себя черный клобукъ съ жемчужнымъ изображеніемъ серафима, Никонъ отказался исполнить ихъ приказаніе, говорилъ, что они находятся въ турецкомъ рабствѣ, что его осудили несправедливо и т. п. Тогда александрійскій патріархъ Паисій подошелъ и собственноручно снялъ клобукъ и панагію, такъ же украшенную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Никонъ при этомъ не утерпѣлъ, чтобы не прибавить: «Бѣдные пришельцы, возьмите этотъ жемчугъ и раздѣлите между собою». На голову его надѣли простой монашескій клобукъ; но архіерейскую мантію пока не сняли, будто бы изъ опасенія народнаго неудовольствія, если вѣрить помянутому выше его жизнеописателю (т.-е. Шушерѣ). А когда онъ вышелъ и садился въ сани, то проговорилъ какъ бы про себя, но вслухъ: «Все это тебѣ, Никонъ, за то,—не говори правды, не теряй дружбы; если бы готовилъ имъ трапезы дорогія, да вечерялъ съ ними, то сего тебѣ бы не приключилось». Не сумѣвъ оправдать свои поступки на Соборѣ, очевидно онъ былъ не прочь возбудить народное чувство противъ своихъ судей.

Алексѣй Михайловичъ, хотя и былъ удовлетворенъ торжественнымъ и безповоротнымъ осужденіемъ строптиваго Никона, однако, по всѣмъ признакамъ, скорбѣлъ о судьбѣ бывшаго своего друга и совѣтника.

На слѣдующій день, рано поутру, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ принесъ ему отъ царя въ подарокъ деньги, теплыя лисьи и собольи одѣянія для дороги, съ просьбою преподать благословеніе его величеству и всему царскому семейству. Но бывшій патріархъ менѣе всего думалъ о смиреніи. Онъ не принялъ подарковъ и наотрѣзъ отказалъ въ благословеніи. Вслѣдъ затѣмъ Никону объявлено, что его отправляютъ въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь, и велѣли немедля собраться въ дорогу. Его подъ сильнымъ стрѣлецкимъ конвоемъ вывезли изъ города въ Арбатскія ворота и направили по Дмитровской дорогѣ; а чтобы отвлечь народъ въ другую сторону, заранѣе распустили слухъ, что его повезутъ изъ Кремля въ Спасскія ворота по Стрѣтенкѣ. Сюда дѣйствительно и устремились толпы, собравшіяся на проводы своего бывшаго патріарха. Предосторожность оказалась не лишняя, ибо нельзя было поручиться за спокойствіе столицы при извѣстной несдержанности Никона и народномъ возбужденіи.

Около 20 декабря Никона привезли въ Ѳерапонтовъ монастырь и помѣстили съ нѣсколькими оставшимися при немъ монахами въ двухъ больничныхъ кельяхъ, такъ какъ незадолго случившійся пожаръ произвелъ большія опустошенія въ монастырскихъ зданіяхъ. На другой день явились къ Никону сопровождавшій его архимандритъ печерскій Іосифъ и стрѣлецкій полковникъ Шепелевъ, отобрали у него архіерейскую мантію и посохъ, которые отослали въ Москву.

Когда миновали Рождественскіе праздники, члены Собора должны были выбрать новаго патріарха. Прежде чѣмъ приступить къ этому избранію, они собрались, чтобы подписать приговоръ о низложеніи Никона, облеченный въ форму особаго акта и, между прочимъ, подкрѣпленный ссылками на грамоту четырехъ восточныхъ патріарховъ. Но тутъ неожиданно возникло разногласіе. Блюститель патріаршаго престола крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, которые болѣе другихъ ратовали противъ Никона на Соборѣ, вдругъ отказались подписать актъ о его низложеніи; они указывали на то, что въ семъ актѣ помѣщено было взятое изъ помянутой грамоты патріарховъ положеніе о полномъ подчиненіи Русскаго архипастыря Московскому царю, и что такимъ образомъ Русская церковь будетъ находиться въ совершенномъ порабощеніи у мірскихъ властей, отъ которыхъ и безъ того она терпитъ много притѣсненій.

Нѣкоторые другіе архіереи послѣдовали сему примѣру и такъ же не хотѣли подписывать актъ. Произошло немалое смущеніе. Узнавъ о томъ, царь огорчился. Патріархи пригласили архіереевъ приготовить письменныя мнѣнія къ слѣдующему засѣданію, назначенному черезъ два дня. Мнѣнія эти раздѣлились: одни доказывали превосходство царской власти, а другіе поднимали значеніе епископской и вообще священства, причемъ ссылались на сочиненія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и пр. Но тутъ выступилъ Паисій Лигаридъ, который явился краснорѣчивымъ и горячимъ защитникомъ преобладанія царской власти надъ епископской. Приводимыя изъ отцовъ Церкви мѣста онъ подвергалъ искусному толкованію въ этомъ смыслѣ, указывалъ яркіе примѣры изъ исторіи Евреевъ, Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, а особенно распространялся о благочестіи и смиренномудріи Алексѣя Михайловича. Нѣсколько засѣданій было посвящено сему вопросу. Кончилось тѣмъ, что Иларіонъ и Павелъ раскаялись и просили патріарховъ исходатайствовать имъ прощеніе у государя. Въ заключеніе Соборъ принялъ толкованіе спорнаго мнѣнія въ томъ смыслѣ, что царь преобладаетъ въ дѣлахъ политическихъ, а патріархъ—въ церковныхъ. Оба протестовавшіе архіерея послѣ того подписались на актѣ низложенія; тѣмъ не менѣе, они подверглись временному запрещенію

совершать божественную службу; а Павелъ былъ отрѣшенъ и отъ мѣстоблюстительства.

Принятое Соборомъ 1666—1667 гг. мнѣніе восточныхъ іерарховъ о неограниченной царской власти съ полнымъ подчиненіемъ ей власти патріаршей, конечно, не внесло никакого новаго начала во взаимныя отношенія сихъ властей. Это было только теоретическимъ подтвержденіемъ того, что уже давно существовало въ Московскомъ государствѣ. Мы видѣли, какъ въ церковныхъ вопросахъ рѣшающій голосъ принадлежалъ уже Василію Темному, а еще болѣе его знаменитому сыну Ивану III. При Иванѣ Грозномъ попытка митрополита Филиппа отстоять авторитетъ архипастыря окончилась для него трагически. А учрежденіе патріаршаго сана, при всемъ наружномъ его величіи, не измѣнило его подчиненнаго отношенія къ царской власти. Только исключительный примѣръ Филарета, какъ отца государева, и смиренное, почти сыновное отношеніе къ патріарху Алексѣя Михайловича, очевидно, ввели въ нѣкоторое заблужденіе властолюбиваго Никона, такъ что онъ вообразилъ, будто бы въ Московскомъ государствѣ была возможна борьба патріаршаго авторитета съ царскимъ. Онъ не нашелъ для себя никакой опоры въ народѣ, хотя, повидимому, и разсчитывалъ на него. Толпившійся во время суда надъ Никономъ народъ обнаруживалъ естественное любопытство къ небывалому у насъ событію; пожалуй, показывалъ нѣкоторое сожалѣніе объ осужденномъ и развѣнчанномъ архипастырѣ, но не болѣе того. А часть духовенства, въ лицѣ двухъ архіереевъ, подняла было голоса за патріаршую власть, какъ естественную свою защиту противъ притѣсненій и неправдъ, которыя ей приходилось терпѣть въ областяхъ отъ воеводъ и всякихъ мірскихъ чиновниковъ. Въ концѣ-концовъ попытка Никона къ открытой борьбѣ и эти голоса доказали полное развитіе Московскаго самодержавія и подчиненное ему положеніе церковной іерархіи; что для восточныхъ патріарховъ только напоминало отношенія, существовавшія въ Византійской имперіи, и было въ ихъ глазахъ совершенно естественнымъ.

Спустя нѣсколько дней, 31 января, въ Чудовомъ монастырѣ происходили выборы новаго патріарха. Собравшееся духовенство намѣтило двѣнадцать кандидатовъ; а изъ нихъ выбрало троихъ, наиболѣе угодныхъ государю, именно двухъ архимандритовъ и одного келаря. Окончательное рѣшеніе принадлежало царю. Алексѣй Михайловичъ остановилъ свой выборъ на Іоасафѣ, архимандритѣ Троице-Сергіева монастыря. Это былъ уже дряхлый старикъ. Онъ попытался отклонить отъ себя высокую честь, ссылаясь на свои преклонные годы и недостатокъ учености, но уступилъ царскимъ настояніямъ. 9 февраля совершено было

его торжественное поставленіе въ Успенскомъ соборѣ обоими восточными патріархами въ сослуженіи съ прочими архіереями. Затѣмъ, во время пира у государя, новопоставленный патріархъ вставалъ изъ-за стола, чтобы сдѣлать обычный объѣздъ вокругъ Кремля; но, по своей немощи, онъ производилъ этотъ объѣздъ, вмѣсто осляти, въ саняхъ. Въ слѣдующіе дни онъ также въ саняхъ объѣхалъ стѣны Бѣлаго города, вставая изъ-за стола, которымъ угощалъ духовенство въ патріаршей Крестовой палатѣ ([29]).

Послѣ избранія новаго московскаго патріарха, Соборъ, покончивъ съ Никономъ, воротился къ вопросамъ церковнаго благоустройства, которыми онъ занимался до пріѣзда восточныхъ патріарховъ. Изъ новыхъ постановленій Собора 1667 года наиболѣе важны слѣдующія. Архіепископіи Астраханская, Рязанская и Тобольская возведены па степень митрополій; учреждена новая митрополія въ Бѣлгородѣ, утверждены архіепископская каѳедра въ Псковѣ и епископская въ Вяткѣ; въ нѣкоторыхъ большихъ епархіяхъ учреждены подручные (викарные) епископы. Далѣе, Соборъ выразилъ желаніе, чтобы духовенство судилось не мірскими людьми въ Монастырскомъ приказѣ, какъ это предписывало Уложеніе, а своими епархіальными архіереями; постановилъ, чтобы латиняне при обращеніи въ православіе не были перекрещиваемы, а только помазывались св. мѵромъ, и разрѣшилъ богослуженіе вдовымъ попамъ и дьяконамъ. Между прочимъ теперь были вновь подтверждены нѣкоторыя постановленія, сдѣланныя Соборомъ въ предыдущемъ 1666 году, а именно: предписано совершать службы по новоисправленнымъ при Никонѣ книгамъ, употреблять троеперстіе для крестнаго знаменія и произносить аллилуію троекратно. Сіи постановленія касались тѣхъ предметовъ, которые вызвали наибольшее сопротивленіе и послужили поводомъ къ началу русскаго церковнаго раскола.

Мы видѣли, что движеніе среди бѣлаго духовенства, вызванное исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, принятыми противъ него мѣрами было почти остановлено: первые расколоучители частію примирились съ исправленіемъ, частію были разосланы въ заточеніе. Но удаленіе Никона изъ Москвы или наступившее междупатріаршество съ его церковными нестроеніями, естественно, ободрило расколоучителей, и движеніе возобновилось еще съ большею силой. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли умереть (протопопы Даніилъ Переяславскій и Логгинъ Муромскій); но самые главные вожаки раскола были еще живы, и вновь выступили со своей проповѣдью. Таковыми въ особенности являются: Нероновъ, протопопъ Аввакумъ, попы Никита Добрынинъ Суздальскій

(впослѣдствіи прозванный Пустосвятомъ), Лазарь Романо-Борисоглѣбскій и дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ.

Нероновъ, постригшійся въ иноки съ именемъ Григорія, хотя наружно раскаялся и получилъ разрѣшеніе отъ Никона, но теперь, находясь въ Игнатіевой пустыни, въ Вологодскомъ краѣ, принялся писать тетради противъ исправленныхъ книгъ, подавалъ челобитныя государю въ защиту двуперстія и сугубой аллилуіи и насаждалъ расколъ въ окрестныхъ селеніяхъ, въ то же время усердно возбуждалъ Алексѣя Михайловича низложить Никона и поставить другого патріарха. Пользуясь своими московскими связями и расположеніемъ самого государя, онъ имѣлъ возможность успѣшно хлопотать объ облегченіи участи бывшихъ своихъ товарищей по расколу; между прочимъ, онъ ходатайствовалъ передъ царемъ о возвращеніи изъ сибирской ссылки протопопа Аввакума. Усердная къ расколу дѣятельность Неронова, наконецъ, обратила на себя вниманіе духовныхъ властей, и этого безпокойнаго человѣка послали подъ началъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь.

Протопопъ Аввакумъ, сосланный въ 1653 году въ Сибирь, разсказываетъ въ своей автобіографіи о многихъ мытарствахъ и чрезвычайныхъ страданіяхъ, которыя онъ тамъ претерпѣлъ. За свой сварливый нравъ и за брань на Никона онъ, по царскому указу, былъ удаленъ изъ Тобольска и отправленъ на Лену; а отсюда, опять по указу, посланъ въ далекую Даурію священникомъ при отрядѣ ратныхъ людей, которыхъ повелъ туда енисейскій воевода Пашковъ, чтобы поставить тамъ новыя крѣпостцы или остроги. Воевода дѣйствительно основалъ остроги Нерчинскій, Иркутскій, Албазинскій и пр., и начальствовалъ въ томъ краю около пяти лѣтъ. Въ теченіе этихъ лѣтъ Аввакумъ перенесъ много обидъ и всякихъ мученій отъ сего жестокаго и алчнаго воеводы, который нерѣдко держалъ его въ тюрьмѣ, морилъ голодомъ, подвергалъ побоямъ, угнеталъ работами. Очевидно, коса нашла на камень; строптивый и необузданный на языкъ протопопъ своими укоризнами и всякими обличеніями часто навлекалъ на себя воеводскую злобу. Любопытныя подробности даетъ намъ иногда разсказъ Аввакума о дѣйствіяхъ воеводы, о русскихъ насельникахъ въ этой непріютной странѣ, объ ихъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ туземными племенами. Для примѣра приведемъ слѣдующій случай. Воевода Пашковъ вздумалъ послать своего сына Еремея въ сосѣднія Мунгальскія владѣнія для добычи, т.-е. попросту для грабежа, и далъ ему 72 казака да 20 человѣкъ туземныхъ инородцевъ. Передъ началомъ похода невѣжественный и суевѣрный воевода, вмѣсто обращенія къ священнику за молитвой, заставилъ мѣстнаго языческаго шамана гадать о томъ, будетъ ли по-

ходъ успѣшенъ. При наступленіи вечера шаманъ взялъ барана и началъ вертѣть ему голову; баранъ жалобно мычитъ, а онъ все вертитъ, пока не оторвалъ совсѣмъ головы, которую и отбросилъ прочь. Потомъ принялся прыгать, плясать и кричать, призывая бѣсовъ, и, выбившись изъ силъ, упалъ на землю; изо рта его пошла пѣна. Въ заключеніе объявилъ, что духи предсказали возвращеніе людей назадъ съ побѣдою и великою добычею. Конечно, всѣ возрадовались. Аввакумъ сильно вознегодовалъ на такую вѣру въ варварское языческое гаданіе и началъ молить Бога о томъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не воротился назадъ. Вообще въ своей автобіографіи онъ любитъ сильно прихвастнуть, такъ что не рѣдко повѣствуетъ о бывшихъ ему явленіяхъ святыхъ или Богородицы и даже самого Спасителя, а также о чудодѣйственной силѣ его молитвы. Она оправдала себя и на сей разъ. Выступленіе въ походъ сопровождалось зловѣщими признаками: лошади заржали, коровы взревѣли, овцы и козы заблеяли, собаки и сами инородцы завыли, такъ что на всѣхъ напалъ ужасъ. Только одинъ Еремей, оказывавшій почтеніе Аввакуму и иногда заступавшійся за него передъ отцомъ, просилъ молиться о немъ, что тотъ и исполнилъ съ усердіемъ. (По словамъ автобіографіи, „сталъ Владыкѣ докучать, чтобъ его пощадилъ“). Прошелъ назначенный срокъ, а люди не возвращаются. Такъ какъ Аввакумъ не только не таилъ своего злого желанія, но громко его высказывалъ и заранѣе грозилъ гибелью всему отряду, то воевода озлился на него и рѣшилъ его пытать. Уже былъ приготовленъ застѣнокъ и и разложенъ огонь. Зная, что послѣ того огня люди не долго живутъ, Аввакумъ прощался со своей плачущей женой и дѣтьми. Уже шли за нимъ два палача; какъ вдругъ мимо его избы ѣдетъ Еремей, раненый и возвратившійся только самъ-другъ; онъ вернулъ назадъ палачей. Явясь къ отцу, Еремей подробно разсказалъ ему, какъ мунгальскіе люди побили весь его отрядъ, какъ одинъ туземецъ спасъ его, уведя въ пустынное мѣсто, гдѣ они цѣлую недѣлю блуждали по горамъ и лѣсамъ, питаясь одной бѣлкой, и какъ ему, наконецъ, во снѣ явился человѣкъ въ образѣ протопопа Аввакума, благословилъ и указалъ настоящую дорогу. Если вѣрить сему послѣднему, то для воеводы не оставалось сомнѣнія, что по молитвѣ протопопа съ одной стороны погибъ отрядъ, а съ другой—спасенъ сынъ Еремей, и какъ ни злобился онъ, но по просьбамъ сына на сей разъ не тронулъ Аввакума. Вообще, судя по его собственнымъ разсказамъ, это былъ человѣкъ не только неукротимаго духа, но и желѣзнаго здоровья, легко переносившій всякія бѣдствія и тѣлесныя страданія.

Въ 1660 году на смѣну Пашкову посланъ былъ воеводою боярскій сынъ Толбузинъ. Пашкову велѣно ѣхать въ Тобольскъ; а протопопу Аввакуму разрѣшено воротиться въ Москву, гдѣ о немъ не забыли его усердные почитатели и ходатаи и гдѣ самъ царь питалъ къ нему расположеніе. Пашковъ не взялъ Аввакума въ свой судовой караванъ, и тотъ долженъ былъ плыть по безконечнымъ сибирскимъ рѣкамъ одинъ съ семьей и нѣсколькими убогими людьми въ лодкѣ, терпя всякую нужду и опасности отъ туземцевъ, особенно отъ Татаръ и Башкиръ, которые въ то время возставали и нападали на Русскихъ. Два раза по пути онъ зимовалъ: въ Енисейскѣ и Тобольскѣ. Приближаясь къ предѣламъ коренной Россіи, Аввакумъ видѣлъ, что богослуженіе совершается по исправленнымъ книгамъ и обрядамъ. Тутъ, по его разсказу, разгорѣлась въ немъ ревность къ обличенію „никоніанской ереси"; но жена и дѣти связывали его, и онъ запечалился. Когда же протопопица вывѣдала отъ него причину печали, то сама благословила его на подвигъ, и онъ сталъ на своемъ пути дерзостно проповѣдывать вездѣ излюбленные двуперстіе, сугубую аллилуію, осьмиконечный крестъ на просфорахъ и прочіе предметы расколоученія. Только въ 1663 году добрался онъ до Москвы. „Яко ангела Божія пріяша мя государь и бояре, всѣ мене рады"— пишетъ онъ въ своей хвастливой автобіографіи.— „Къ Ѳедору Ртищеву зашелъ, онъ благословился у меня, и говорили съ нимъ много-много; три дня и три ночи домой меня не отпускалъ, а потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говориль: „Здорово ли-де, протопопъ, живешь? Еще-де видатца Богъ велѣлъ!" И я сопротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: „Живъ Господь, жива душа моя, царь-государь, а впредь — что изволитъ Богъ!" Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошелъ, куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить! Прошло уже то! Велѣлъ меня поставить въ Кремлѣ, на Новодѣвичьи подворьи, и въ походы, мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки; а самъ говоритъ: Благослови-де меня и помолися о мнѣ! „И шапку въ иную пору мурманку, снимаючи съ головы, уронилъ, ѣдучи верхомъ! А изъ кареты высунется бывало ко мнѣ, таже и вси бояра, послѣ его, челомъ, да челомъ: протопопъ, благослови, молися о насъ".

Благоволеніе къ Аввакуму, по его словамъ, въ то время простиралось до того, что ему (за смертію Стефана Вонифатьева) предлагали сдѣлаться царскимъ духовникомъ, если онъ покается и приметъ всѣ Никоновы исправленія. Но протопопъ остался непреклоненъ и подавалъ царю челобитныя, въ которыхъ попрежнему не только хулилъ все сдѣ-

ланное Никономъ, но многое взводилъ на него ложно, приравнивалъ его къ Арію, грозилъ страшнымъ судомъ и всѣмъ его послѣдователямъ; а себя изображалъ страдальцемъ за вѣру, разсказывалъ о претерпѣнныхъ имъ мученіяхъ отъ Пашкова, о своихъ видѣніяхъ и чудесахъ. Челобитныя и увѣщательныя грамоты Аввакума написаны языкомъ замѣчательно живымъ, сильнымъ и вмѣстѣ образнымъ; онѣ должны были производить большое впечатлѣніе на умы современниковъ; не удивительно поэтому, что онъ имѣлъ почитателей и ходатаевъ даже въ самомъ высшемъ обществѣ. Кромѣ Ѳедора Ртищева и Родіона Стрѣшнева, онъ нашелъ сочувствіе себѣ въ семьяхъ Морозовыхъ, Милославскихъ, Хилковыхъ, Хованскихъ и нѣкоторыхъ другихъ. Особенную преданность оказывала ему Ѳедосья Прокопьевна Морозова. По мужу своему Глѣбу Ивановичу (чрезъ его брата, извѣстнаго Бориса Ивановича), она находилась въ свойствѣ съ царицей Марьей Ильиничной, а по отцу своему (окольничему Соковнину) приходилась ей въ родствѣ. Благодаря вліянію Морозовой, сама царица оказывала усердное покровительство Аввакуму; ей же вторили многочисленные родственники и пріятели. А родная сестра Ѳедосьи, княгиня Евдокія Прокопьевна Урусова, вмѣстѣ съ нею сдѣлалась духовною дочерью Аввакума и такою же послѣдовательницей его ученія. Морозова въ это время была уже вдовою, и, владѣя большимъ богатствомъ, всѣми средствами поддерживала расколоучителя. Она сдѣлала изъ своего дома подобіе монастыря, держала при себѣ инокинь, странницъ, приживалокъ и юродивыхъ. Аввакумъ, почти поселившійся въ ея домѣ, находилъ здѣсь благодарную почву для своей проповѣди, которую отсюда его послѣдователи и послѣдовательницы распространяли по городу.

Благодаря всѣмъ этимъ ходатайствамъ, государь оставилъ было Аввакума въ покоѣ, приказавъ ему только молчать, т.-е. воздерживаться отъ своей проповѣди и отъ своихъ челобитныхъ. Ему даже пообѣщали пристроить его справщикомъ на Печатномъ дворѣ, чѣмъ протопопъ былъ очень доволенъ. Но онъ выдержалъ не болѣе полугода; снова принялся утруждать царя своими дерзкими челобитными, а народъ смущать своею проповѣдью противъ того, что онъ называлъ Никоніанскою ересью. По жалобѣ духовныхъ властей, его отправили въ ссылку на Мезень. Но онъ и оттуда продолжалъ писать свои обличительныя посланія. Въ мартѣ 1666 года его перевели ближе къ Москвѣ, чтобы подвергнуть соборному суду.

Слѣдующимъ лицомъ по значенію въ основаніи раскола можно поставить суздальскаго соборнаго попа Никиту Константинова Добрынина. Своимъ дерзкимъ, необузданнымъ нравомъ онъ не уступалъ Аввакуму,

а начитанностью и діалектическими способностями едва ли его не превосходилъ. Въ Москвѣ онъ впервые обратилъ на себя вниманіе духовныхъ властей и самого государя обличеніемъ своего архіепископа Стефана, котораго Никонъ изъ архимандритовъ Воскресенскаго монастыря поставилъ на Суздальскую каѳедру еще при жизни ея архіепископа Іосифа, отпросившагося по причинѣ болѣзни въ одну Казанскую обитель. Никита считалъ Стефана незаконно поставленнымъ и подалъ въ Москву доносъ о его служеніи не по правиламъ свв. отецъ, а въ Суздалѣ громогласно называлъ его измѣнникомъ государю и еретикомъ, чѣмъ учинилъ большое смятеніе въ паствѣ. Изъ Москвы сюда два раза наряжаемо было слѣдствіе, которое поручалось вятскому епископу Александру. Послѣдній, извѣстный своимъ нерасположеніемъ къ Никону (за переводъ изъ Коломны въ Вятку), собралъ многія показанія свидѣтелей не въ пользу архіепископа. Соборомъ 1660 года Стефанъ былъ лишенъ епархіи и „ради пропитанія“ устроенъ при московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Но и Никита, уличенный въ нѣкоторыхъ ложныхъ извѣтахъ на своего архіерея, также понесъ наказаніе: ему запрещено было священнослуженіе впредь до указа. Въ такомъ положеніи онъ предался литературной дѣятельности, и, подъ видомъ обращенной къ государю челобитной, предпринялъ обширное обличительное сочиненіе, заключающее критическій разборъ изданной Никономъ книги *Скрижаль*, т.-е. переводныхъ съ греческаго толкованій на правила богослуженія. Сочиненіе его отличается обиліемъ ссылокъ на св. Писаніе, на отцовъ Церкви и на лѣтописцевъ, въ подтвержденіе раскольничьихъ доказательствъ; оно написано довольно сдержаннымъ языкомъ (въ противоположность Аввакуму) и не безъ нѣкотораго литературнаго таланта. Но оно отличается также крайнею мелочностью въ нападкахъ на Никоновское исправленіе при новыхъ переводахъ книгъ. Напримѣръ, онъ возстаетъ противъ того, что слово *церковь* замѣнено словомъ *храмъ*; что вмѣсто *о Бозѣ* напечатано *въ Бозѣ*, вмѣсто *креста — древо*, вмѣсто *обрадованная — благодатная* и т. п. Никита не ограничился книжными и обрядовыми подробностями. Онъ громитъ Никона за то, что тотъ велѣлъ изъ Суздальскаго собора вынести амвонъ съ колончатыми стѣнками и на мѣсто его поставить открытый рундукъ; хотя амвонъ сей, судя по золотой надписи на немъ, существовалъ около 300 лѣтъ, ибо былъ устроенъ суздальскимъ епископомъ Діонисіемъ въ XIV вѣкѣ, во время великаго князя нижегородскаго Димитрія Константиновича. По сему поводу онъ ссылается на старинныя иконы, гдѣ амвоны изображены «по чину Влахернской церкви, а не рундуками»; ссылается и на древній амвонъ св. Софіи Константинопольской, кото-

рый имѣлъ серебряные столпы. Нападаетъ онъ на перемѣны въ одѣяніи духовенства: такъ Никонъ свой бѣлый клобукъ «надѣлъ на рогатую колпашную камилавку, аки сельскихъ бабъ на волосникъ»; подъ мантіей сталъ носить разнополый кафтанъ, на подобіе иноземца; такіе же кафтаны, названные «рясами», велѣлъ носить всему духовенству, въ чемъ «поревновалъ жидовскимъ и римскимъ обычаямъ», и всѣ такія перемѣны, не согласны-де съ изображеніями на старыхъ иконахъ.

Это сочиненіе попа Никиты получило видное мѣсто въ распространеніи первоначальнаго раскола, ибо Никита давалъ его читать многимъ лицамъ. Оно производило большое впечатлѣніе, на ряду съ „Проскинитаріемъ“ старца Арсенія Суханова, посланіями Неронова, Аввакума и пр. Всѣ сіи сочиненія тогда усердно переписывались, читались и обсуждались въ Москвѣ въ разныхъ обывательскихъ домахъ, куда сходились люди, увлекавшіеся обличеніями Никоновыхъ нововведеній и вопросами объ истинномъ благочестіи. Въ числѣ лицъ, усердно читавшихъ челобитную попа Никиты, находился и Ѳедоръ Ивановъ, дьяконъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, также одинъ изъ наиболѣе крупныхъ расколоучителей, сочиненія котораго также обнаруживаютъ значительную начитанность и нѣкоторый литературный талантъ. Дьяконъ Ѳедоръ былъ подвергнутъ розыску; при чемъ книги и тетради были отъ него отобраны, въ декабрѣ 1665 года. При допросахъ онъ не скрывалъ своего отвращенія къ служебникамъ новой печати, своихъ сношеній съ Нероновымъ, Аввакумомъ, Никитою и т. д. Въ ожиданіи соборнаго суда его посадили на цѣпь.

Почти не меньшимъ значеніемъ въ первоначальной исторіи раскола пользуется борисоглѣбскій попъ Лазарь; онъ также написалъ большое сочиненіе, изрыгающее хулы на новоисправленныя богослужебныя книги, которыя считаетъ исполненными ересей жидовской, армянской и латинской. Въ 1661 году онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ, вмѣстѣ со своимъ единомышленникомъ и другомъ патріаршимъ поддьякомъ Ѳедоромъ Трофимовымъ, оба съ ихъ семьями. Въ Тобольскѣ тогда проживалъ извѣстный сербскій католическій священникъ Юрій Крижаничъ, который изображаетъ Лазаря человѣкомъ, подверженнымъ пороку пьянства и сквернословія. За свою нераскаянность попъ Лазарь и поддьякъ Ѳедоръ были потомъ отправлены въ Пустозерскій острогъ.

Кромѣ названныхъ сейчасъ лицъ изъ бѣлаго духовенства, а также и не названныхъ (напр., ризположенскаго попа Продіона), въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVII столѣтія въ числѣ расколоучителей является не мало и представителей монашествующей братіи. Во-первыхъ, бывшій игуменъ московскаго Златоустова монастыря Ѳеоктистъ. Онъ былъ бли-

жайшимъ послѣдователемъ Неронова и подъ его руководствомъ началъ писать челобитныя и другія сочиненія въ защиту раскола и противъ Никонова исправленія книгъ. Одно время онъ имѣлъ убѣжище у вятскаго епископа Александра, который самъ раздѣлялъ нѣкоторыя мнѣнія расколоучителей о неправильномъ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Далѣе, бывшій архимандритъ муромскаго Спасскаго монастыря Антоній и бывшій строитель московскаго Покровскаго монастыря Авраамій; старецъ того же Покровскаго монастыря Спиридонъ Потемкинъ, происходившій изъ рода смоленскихъ дворянъ и находившійся въ родствѣ съ Ѳ. М. Ртищевымъ; другой Потемкинъ старецъ, Ефремъ, удалившійся въ пустынные лѣса Нижегородскаго края и тамъ проповѣдывавшій окрестнымъ жителямъ о томъ, что уже народился антихристъ, что истинная вѣра повреждена новопечатными книгами, и т. д. Подобно ему, удалился въ костромскія пустыни старецъ Капитонъ, по происхожденію крестьянинъ; человѣкъ совсѣмъ безграмотный, онъ тѣмъ не менѣе пріобрѣлъ столько поклонниковъ своей проповѣдью противъ троеперстія, что по его имени они стали называться „капитонами". Были и разные другіе старцы (Симоновскій Серапіонъ, Кожеезерскій Боголѣпъ Львовъ, Богородицкій на р. Инзѣ Германъ и пр.), ратовавшіе противъ исправленныхъ книгъ и обрядовъ устно и письменно.

Но что особенно замѣчательно: на сторонѣ расколоучителей оказался цѣлый монастырь и притомъ такой знаменитый и первостепенный, какъ Соловецкая обитель. Здѣсь противониконовское движеніе началъ самъ настоятель монастыря архимандритъ Илья. Когда въ 1657 году отъ новгородскаго митрополита сюда присланы были новонапечатанные служебники, архимандритъ и ближайшіе его совѣтники сначала ихъ спрятали; а въ слѣдующемъ году, когда монахи узнали о томъ и произошли толки, Илья созвалъ всю черную братію, увѣщевалъ ее постоять за православную вѣру и не принимать латинскихъ новшествъ. Увлеченная его единомышленниками братія согласилась съ ними и подписала приговоръ о томъ, чтобы священники и дьяконы не смѣли служить по новопечатнымъ книгамъ. Илья и его помощники послѣ того стали распространять расколоученіе по всему Поморскому краю и по многочисленнымъ монастырскимъ владѣніямъ. Архимандритъ Илья вскорѣ умеръ. Преемникъ его Варѳоломей, хотя и пытался отмѣнить помянутый приговоръ и ввести новыя книги, но безуспѣшно; расколъ и проповѣдь о наступленіи времени антихриста нашли очень благодарную почву среди приверженныхъ къ старинѣ малограмотной братіи и окрестнаго населенія.

Итакъ, благодаря удаленію Никона изъ Москвы и отсутствію настоящаго, властнаго архипастыря Русской церкви въ теченіе 8—9 лѣтъ,

расколъ укоренялся и распространялся въ Русской землѣ, встрѣчая довольно незначительное противодѣйствіе со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей. Поэтому Московскій церковный соборъ, съѣхавшійся въ февралѣ 1666 года и торжествено открытый царемъ въ концѣ апрѣля, имѣлъ своею первою задачею приготовить мѣры противъ раскола и подвергнуть суду его главныхъ дѣятелей. Не ограничиваясь карательными мѣрами, соборъ пытался дѣйствовать путемъ убѣжденія и каноническихъ доказательствъ. Онъ обратилъ особое вниманіе на помянутыя выше наиболѣе крупныя раскольничьи сочиненія, именно: челобитную попа Никиты и свитокъ попа Лазаря, такъ какъ эти сочиненія заключали въ себѣ главныя основанія раскольничьяго ученія, систематично и ясно изложенныя. Написать опроверженіе на челобитную Никиты поручено было сначала Паисію Лигариду. Написанное имъ на латинскомъ языкѣ опроверженіе было переведено на русскій іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Но оно оказалось не достаточно убѣдительнымъ и страдало общими мѣстами. Тогда соборъ тому же Симеону Полоцкому поручилъ составить опроверженіе болѣе подробное и кстати разобрать также сочиненіе или свитокъ попа Лазаря.

Этотъ Симеонъ, по фамиліи Ситніановичъ, былъ уроженецъ Бѣлоруссіи и получилъ высшее образованіе въ кіевской Могилянской коллегіи гдѣ въ его время въ числѣ наставниковъ былъ извѣстный Лазарь Барановичъ. Принявъ постриженіе, онъ поселился въ полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ, и занялъ должность дидаскала (преподавателя) въ братскомъ училищѣ сего монастыря. При своей значительной учености, Симеонъ обладалъ еще литературнымъ и даже стихотворнымъ талантомъ, т.-е. писалъ вирши. Въ 1656 году Алексѣй Михайловичъ, во время своего похода подъ Ригу, останавливался въ Полоцкѣ, а такъ же и на обратномъ пути. При одномъ изъ этихъ посѣщеній молодой дидаскалъ Богоявленской школы поднесъ ему свои поздравительныя вирши, и съ тѣхъ поръ сдѣлался извѣстенъ царю. Когда же Полоцкъ перешелъ опять во власть Поляковъ, онъ переселился въ Москву, и тутъ его стали называть Симеономъ Полоцкимъ. Онъ былъ помѣщенъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, при которомъ было устроено царемъ небольшое училище, и Симеону, какъ опытному искусному преподавателю, поручено было обучать въ немъ латинскому языку молодыхъ подьячихъ Тайнаго приказа для приготовленія изъ нихъ переводчиковъ. (Въ ихъ числѣ находился извѣстный впослѣдствіи Сильвестръ Медвѣдевъ). Это училище стало соперничать съ тѣмъ, которое около того же времени заведено при Чудовомъ монастырѣ; тамъ преобладалъ греческій языкъ, а главнымъ преподавателемъ явился ученый іеромонахъ Епифаній Славинецкій, который

также учился въ Кіево-Братской школѣ, но еще до ея преобразованія Петромъ Могилой, т.-е. когда въ ней господствовало грекофильское направленіе. Пользуясь своимъ талантомъ, Симеонъ Полоцкій началъ сочинять вирши по поводу торжественныхъ событій въ царской семьѣ, напримѣръ, рожденія новаго царевича. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался придворнымъ стихотворцемъ и проповѣдникомъ, а потомъ и наставникомъ царскихъ дѣтей. За все это онъ получалъ щедрыя награды и обильное дворцовое содержаніе. Въ Москвѣ съ Симеономъ познакомился Паисій Лигаридъ и оцѣнилъ его какъ очень даровитаго и ученаго человѣка. Они своими знаніями помогали другъ другу и нерѣдко взаимно служили переводчиками; такъ какъ Симеонъ не зналъ греческаго языка, а Паисій русскаго. Оба они участвовали въ дѣлѣ Никона и въ Московскомъ соборѣ 1666—1667 годовъ, и оба описали дѣянія сего собора.

Симеонъ Полоцкій успѣшно исполнилъ соборное порученіе и написалъ обширное опроверженіе, котораго первая часть, воспользовавшаяся до нѣкоторой степени трудомъ Лигарида, направлена противъ челобитной Никиты, а вторая, совершенно самостоятельная, противъ сочиненій Лазаря. Соборъ остался доволенъ работою Симеона и постановилъ издать ее какъ соборную книгу подъ заглавіемъ «Жезлъ правленія, утвержденія, наказанія» и проч. Книга эта написана по всѣмъ правиламъ схоластической реторики. Превосходя своихъ противниковъ ученостію, Симеонъ опровергаетъ ихъ многочисленными ссылками на отцовъ Церкви; но именно своею витіеватостію или реторичностію и презрительнымъ отношеніемъ къ противникамъ, которыхъ укоряетъ въ невѣжествѣ, „Жезлъ" не имѣлъ убѣдительной силы для расколоучителей. А нѣкоторые изъ православныхъ книжниковъ (напримѣръ, старцы Чудовского монастыря, у которыхъ была греческая школа) усмотрѣли въ ней нѣсколько одностороннихъ латинскихъ толкованій (особенно о зачатіи Пресв. Богородицы). Но высшее русское духовенство, засѣдавшее на соборѣ, съ полнымъ одобреніемъ встрѣтило эту помощь со стороны кіевской учености въ борьбѣ съ возникавшимъ церковнымъ расколомъ.

Главнымъ же образомъ Московскій духовный соборъ занялся допросами и судомъ надъ перечисленными выше расколоучителями; тѣ, которые были сосланы, теперь большею частію доставлены въ Москву для суда и увѣщанія. Начали съ епископа вятскаго Александра, который показывалъ сочувствіе противникамъ Никоновыхъ исправленій и даже письменно выражалъ нѣкоторыя недоумѣнія. Но когда на свои недоумѣнія онъ получилъ разъясненія, то поспѣшилъ подать собору покаянный свитокъ и былъ прощенъ. Затѣмъ пресловутый протопопъ Аввакумъ вызванъ былъ на соборъ изъ боровскаго Пафнутьева монастыря (куда его при-

везли изъ Мезени). Но тщетно отцы собора пытались убѣждать протопопа, чтобы онъ раскаялся и отрекся отъ своихъ хульныхъ писаній противъ исправленныхъ книгъ и обрядовъ. Онъ, наоборотъ, рѣзко спорилъ съ ними и называлъ соборъ неправославнымъ. Его приговорили лишить священства и анаѳематствовать. По его собственному разсказу, когда его въ Успенскомъ соборѣ торжественно разстригали и проклинали, онъ самъ въ это время проклиналъ своихъ противниковъ; а царица Марья Ильинична на ту пору ходатайствовала за него передъ царемъ и избавила его отъ казни. Аввакума снова заключили въ монастырскую тюрьму, сначала на Угрѣшахъ, а потомъ опять въ Пафнутьевѣ.

Послѣ Аввакума принялись за попа Никиту и его челобитную. Онъ также упорно стоялъ на своихъ обличеніяхъ, не слушалъ никакихъ увѣщаній и осыпалъ бранью отцовъ собора. Его также разстригли, отлучили отъ Церкви и заключили въ угрѣшскую темницу. Но темничныхъ страданій онъ не выдержалъ и вскорѣ написалъ покаянныя челобитныя государю и собору, отказывался отъ своихъ обличеній, каялся и молилъ о прощеніи предъ лицомъ собора въ Крестовой палатѣ. А затѣмъ, по соборному указу, принесъ публичное покаяніе на Красной площади, на Лобномъ мѣстѣ, передъ всѣмъ народомъ. Соборъ, однако, не вдругъ далъ ему прощеніе и разрѣшеніе, а только по прибытіи двухъ восточныхъ патріарховъ. Почти та же исторія повторилась съ дьякономъ Ѳедоромъ. Онъ также упорствовалъ, былъ разстриженъ и преданъ анаѳемѣ. Когда его вывели изъ Успенскаго собора, то онъ поднялъ вверхъ два сложенные перста и кричалъ народу: «Стражду и умираю братія, за сію истину». Его заключили въ томъ же Угрѣшскомъ монастырѣ. Но отсюда онъ вскорѣ послалъ покаянное письмо съ мольбою о прощеніи, и былъ освобожденъ изъ заключеніи вмѣстѣ съ Никитою. Ихъ раскаяніе, однако, было притворное, и оба они потомъ воротились къ своему ученію. Послѣ нихъ представленные предъ лицо собора раскольничьи старцы, Ефремъ Потемкинъ, Сергѣй Салтыковъ, Серапіонъ, извѣстный Нероновъ, Ѳеоктистъ, Антоній, Авраамій и нѣкоторые другіе, не оказали большого сопротивленія, принесли свое покаяніе и получили прощеніе. Только соловецкій инокъ Епифаній и попъ Лазарь, доставленные на соборъ изъ Пустозерска, остались непреклонными и нераскаянными, подобно протопопу Аввакуму. Приговоръ имъ состоялся въ слѣдующемъ 1667 году, съ участіемъ восточныхъ патріарховъ; ихъ отлучили отъ Церкви и передали суду свѣтскому, который осудилъ ихъ на вырѣзаніе языка и ссылку въ Пустозерскій острогъ. Туда же былъ сосланъ ученикъ Лазаря поддьякъ Ѳедоръ; но послѣдній потомъ раскаялся и былъ прощенъ.

Одновременно съ соборнымъ судомъ надъ Лазаремъ вновь принялись за Аввакума и неоднократно привозили его въ Москву. Очевидно, Алексѣй Михайловичъ все еще жалѣлъ его и питалъ надежду сломить упорство этого уважаемаго имъ неукротимаго человѣка. Отъ имени царя и восточныхъ патріарховъ къ нему не разъ приходили разныя лица и уговаривали покориться собору. Въ числѣ этихъ лицъ встрѣчаемъ Неронова, чудовскаго архимандрита Іоакима (будущаго патріарха) и рязанскаго архіепископа Иларіона. А изъ мірскихъ людей приходили отъ царя приближенные его Артамонъ Матвѣевъ и дьякъ Дементій Башмаковъ. Но никто не могъ поколебать Аввакума. Вслѣдъ за Лазаремъ и Епифаніемъ его сослали въ тотъ же Пустозерскій острогъ. Туда же потомъ отправленъ и дьяконъ Ѳедоръ, которому, такъ же какъ попу Лазарю и иноку Епифанію, предварительно вырѣзали языкъ.

Не такъ легко и скоро рѣшилось дѣло съ монастыремъ Соловецкимъ.

Настоятель сего монастыря архимандритъ Варѳоломей былъ вызванъ въ Москву, чтобы принять участіе въ церковномъ соборѣ. Тутъ, когда узнали, что въ его монастырѣ продолжаютъ служить по старымъ неисправленнымъ книгамъ и что братія поручила ему подать челобитную объ оставленіи ей старины, архимандрита подвергли допросу. Онъ сосознался въ томъ, что безуспѣшно пытался ввести новыя книги и «нарѣчное пѣніе» и только навлекъ на себя укоризны со стороны монастырскихъ старцевъ. Мало того, на соборъ была прислана отъ нѣкоторыхъ старцевъ челобитная, которая обвиняла Варѳоломея въ пьянствѣ, любостяжаніи и вообще дурномъ поведеніи, и просила дать ей иного настоятеля. Въ отпоръ имъ пришла другая челобитная, написанная отъ лица келаря и остальной братіи; они жаловались на помянутыхъ старцевъ и на сосланныхъ подъ началъ нѣсколько десятковъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которыя затѣвали въ монастырѣ мятежи и безчинствовали. Для разслѣдованія соловецкихъ непорядковъ и челобитныхъ, соборъ отправилъ туда коммиссію изъ нѣсколькихъ духовныхъ особъ съ ярославско-спасскимъ архимандритомъ Сергіемъ во главѣ, въ сопровожденіи небольшого стрѣлецкаго отряда. Но коммиссія была тамъ принята самымъ непріязненнымъ образомъ. Когда она стала читать въ храмѣ царскій указъ и соборную грамоту, братія подняла шумъ и крикъ и рѣшительно объявила себя противъ троеперстія, трегубой аллилуіи и новоисправленныхъ книгъ. Болѣе всѣхъ кричалъ бывшій архимандритъ любимаго царемъ Саввы-Сторожевскаго монастыря Никаноръ, добровольно удалившійся на покой въ Соловецкую обитель. Тщетно архимандритъ Сергій и его товарищи нѣсколько разъ принимались убѣждать братію и

доказывать неправильность раскольничьяго ученія; такъ они и уѣхали назадъ, ничего не добившись. А братія вслѣдъ за ними послала государю новыя челобитныя объ оставленіи въ Соловецкомъ монастырѣ старыхъ книгъ и устава свв. Зосимы, Савватія и Германа. Въ Москвѣ рѣшили отставить Варѳоломея и на его мѣсто назначить архимандритомъ въ Соловецкій монастырь Іосифа. Но когда послѣдній прибылъ туда, братія прежде всего спросила его, какъ онъ будетъ служить: по старымъ или по новымъ книгамъ. Іосифъ вмѣсто отвѣта прочелъ ей въ церкви царскій указъ. Тогда его не допустили отправлять настоятельскую должность и вскорѣ выслали изъ монастыря; къ царю же снова послали челобитную съ просьбою оставить ихъ при старыхъ порядкахъ. Послѣ того (въ декабрѣ 1667 года) царь указалъ отобрать соловецкія вотчины и земли въ казну и прекратить подвозъ хлѣбныхъ припасовъ монастырю. А большой Московскій соборъ изрекъ анаѳему на непослушныхъ монаховъ и послалъ о томъ грамоту, призывая братію къ послушанію. Но такъ какъ мятежники взяли верхъ въ монастырѣ и продолжали стоять на своемъ, то въ слѣдующемъ 1668 году пришлось-таки отправить противъ нихъ стрѣлецкій отрядъ подъ начальствомъ стряпчаго Игнатія Волохова. Монахи со многими находившимися у нихъ въ ссылкѣ и на богомольѣ мірянами вооружились и сѣли въ осаду.

Соборъ 1666 года, занимавшійся по преимуществу дѣлами о расколоучителяхъ, по окончаніи суда надъ ними издалъ особое «Наставленіе благочинія церковнаго». Этимъ наставленіемъ отцы собора подтвердили почти все сдѣланное Никономъ относительно исправленія книгъ и обрядовъ, въ томъ числѣ троеперстіе, тройную аллилуію, четвероконечный крестъ на просфорахъ и пр. Но они не изрекли никакого проклятія на старопечатныя книги, двуперстіе и т. п. Въ свою очередь, большой соборъ 1667 года, происходившій съ участіемъ восточныхъ патріарховъ и занимавшійся преимущественно судомъ надъ Никономъ, издалъ такъ наз. «Изреченіе», въ которомъ еще болѣе подробно изложилъ и подтвердилъ статьи означеннаго «Наставленія»; но прибавилъ отъ себя проклятіе тѣмъ, которые не захотятъ покориться сему соборному опредѣленію; а кто изъ нихъ потомъ обратится съ покаяніемъ, тотъ можетъ быть снова принятъ въ лоно православной Церкви.

Въ дѣйствительности, расколоучители и ихъ послѣдователи уже отдѣлились отъ Грековосточной церкви, считая ея іерархію неправославною со времени Никона. Тѣмъ не менѣе, означенный актъ положилъ открытую и рѣзкую грань между господствующею Церковью и такъ

называемымъ расколомъ старообрядчества. Расколъ этотъ съ того времени принялъ уже прямо враждебное отношеніе не только къ господствующей Церкви и къ духовнымъ властямъ, но и къ самой гражданской власти. Дотолѣ расколоучители старались отдѣлять царя отъ Никона и подавали первому свои челобитныя на второго и на его, яко бы еретическія, нововведенія. Теперь никоніанскою ересью въ ихъ глазахъ были заражены уже всѣ власти и всѣ государственныя учрежденія. Поэтому съ особою силою проповѣдывали они теперь о воцареніи на землѣ антихриста, съ которымъ связывали апокалиптическое или звѣриное число 666, пріурочивая его именно къ Московскому собору 1666 года. Этимъ царствомъ антихриста осквернены не только сами никоніанцы, но даже и предметы ихъ обихода, до пищи включительно. Отсюда возникла проповѣдь наиболѣе фанатичныхъ дѣятелей раскола не сообщаться съ никоніанцами и даже не ѣсть съ ними изъ одной посуды. Но, съ другой стороны, такъ какъ открытое исповѣданіе раскола не всегда было удобно и навлекало преслѣдованія со стороны властей, то нѣкоторые расколоучители, въ томъ числѣ Аввакумъ, даютъ своимъ послѣдователямъ совѣты лицемѣрія и скрытности. Напримѣръ, вотъ каковы Аввакумовы совѣты: если поневолѣ придется быть въ церкви, то «молитву Іисусову твори вздыхая, а пѣнія ихъ не слушай»; если же священникъ придетъ въ домъ съ крестомъ и святою водою, то пусть ребята спрячутся за печью, а хозяинъ съ женой долженъ поить его виномъ, но къ кресту не подходить, говоря: «бачко, нечисты, недостойны». «Онъ кропитъ, а ты рожу-то въ уголъ вороти, или въ мошну въ тѣ поры полѣзь да деньги ему добывай; а жена за домашними дѣлами поди, да говори ему: «бачко, не время мнѣ!» и т. п.

Расколъ, однако, открыто и сильно распространялся, особенно въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ краяхъ. Патріархъ Макарій Антіохійскій, послѣ собора возвращаясь изъ Москвы Волгою, писалъ изъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря патріарху Іоасафу, что въ этой странѣ много раскольниковъ не только въ народѣ, но и между священниками, и совѣтовалъ обуздывать ихъ строгими мѣрами. Тамъ расколъ усиливался и мало встрѣчалъ себѣ противодѣйствія между прочимъ и потому, что Нижегородскій край не имѣлъ собственнаго епископа, т.-е. не составлялъ особой епархіи, а входилъ въ составъ епархіи патріаршей. Хотя на соборѣ 1667 года и заходила рѣчь объ учрежденіи Нижегородской каѳедры, но вопросъ остался нерѣшеннымъ, вѣроятно, потому, что московскій патріархъ не желалъ лишиться значительной части своихъ доходовъ. Событія, однако, вскорѣ заставили

рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Во-первыхъ, въ началѣ 70-хъ годовъ XVII столѣтія мятежъ Стеньки Разина отразился въ семъ краю сочувственнымъ ему движеніемъ раскольниковъ. А во-вторыхъ, въ томъ же краю, прежде чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, раскольничій фанатизмъ проявился въ самомъ изувѣрномъ видѣ, т.-е. въ видѣ самосожженія, которое связывалось съ представленіемъ о воцареніи антихриста и съ ожиданіемъ близкой кончины міра. Многіе крестьяне сожигались въ овинахъ и избахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; образовалась даже особая секта самосожигателей. Другіе въ лѣсныхъ трущобахъ луговой стороны запирались наглухо и морили себя голодомъ. Замѣчательно, что Нижегородская епархія была учреждена Московскимъ соборомъ въ 1672 году, именно въ междупатріаршество, т.-е. послѣ кончины Іоасафа и до выбора его преемника Питирима. Епархія сія была прямо возведена въ достоинство митрополіи. Первымъ нижегородскимъ митрополитомъ поставленъ архимандритъ владимірскаго Рождественскаго монастыря Филаретъ, нижегородскій уроженецъ. Не видно, однако, чтобы въ Нижегородскомъ краю и послѣ того успѣшно пошла борьба съ расколомъ, который успѣлъ тамъ сильно укорениться.

Раскольничій фанатизмъ разгорался и скоро выставилъ изъ своей среды рядъ мучениковъ за такъ называемую старую вѣру. Не было недостатка и въ мученицахъ. Среди нихъ первое мѣсто заняла боярыня Ѳеодосія Прокопьевна Морозова съ своей сестрой княгиней Евдокіей Урусовой.

Вотъ что повѣствуетъ о судьбѣ сихъ духовныхъ своихъ дщерей протопопъ Аввакумъ въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ и яркихъ своихъ произведеній — „Житіи боярыни Морозовой", и повѣствуетъ конечно съ своей, крайне пристрастной, точки зрѣнія.

Ревность знатной боярыни къ расколу и ея хулы на исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ, очевидно, производили большой соблазнъ въ высшемъ московскомъ обществѣ, и царь неоднократно, но тщетно посылалъ къ ней духовныхъ и мірскихъ лицъ (въ томъ числѣ ея дядю Мих. Алексѣевича Ртищева) съ увѣщаніями оставить расколъ. Въ наказаніе онъ велѣлъ отобрать у нея половину вотчинъ. Но за нее заступалась царица Марья Ильинична, покровительница и протопопа Аввакума. Пока она была жива (до 1669 г.) и нѣсколько времени послѣ ея кончины Морозова продолжала свободно исповѣдывать расколоученіе и чуждаться православной церковной службы. Ее окружали бѣглыя инокини и юродивые; а какая-то мать Меланія пользовалась ея особымъ почитаніемъ и съ помощью нѣкоего отца Досифея тайно постригла ее въ иноческій санъ, съ именемъ Ѳеодоры. Но вотъ наступило время второго брака Алексѣя Михайловича въ 1671 году.

Морозову, вмѣстѣ съ другими боярынями, потребовали къ обычному участію въ брачныхъ обрядахъ. Она отказалась, ссылаясь на свои больныя ноги, которыя не позволяли ей ни ходить, ни стоять. Царь на нее разгнѣвался. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, возобновились присылки къ ней отъ царя съ убѣжденіями не отступать отъ православной Церкви и съ угрозами, если она будетъ упорствовать. Но боярыня стояла на томъ, что она пребываетъ вѣрна своей отеческой православной вѣрѣ и хочетъ въ ней умереть, а потому не можетъ принять новыхъ, т.-е. Никоновыхъ, уставовъ. Царь все болѣе и болѣе гнѣвался и неоднократно совѣтовался съ боярами о томъ, какими способами сломить ея упрямство. Бояре большею частію молчали; но не молчали духовныя лица, которыхъ никоновскія „заблужденія“ боярыня открыто и громко поносила вездѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ.

Зимой 1672 года однажды князь Урусовъ, вечеромъ за ужиномъ, сообщилъ женѣ своей о томъ, что происходитъ „у нихъ въ Верху“, (т.-е. въ царскомъ дворцѣ) и что великія бѣды предстоятъ ея сестрѣ. (Онъ, повидимому, не зналъ, что и его жена такая же раскольница). На слѣдующее утро, когда онъ собирался къ царю „въ Верхъ“, княгиня просила его отпустить ее къ Морозовой. „Ступай, простись съ ней,— сказалъ князь — только тамъ не мѣшкай; думаю, что сегодня же будетъ за ней посылка“. Евдокія поступила наоборотъ: предупредивъ сестру о предстоящей бѣдѣ, она рѣшилась раздѣлить ея участь и совсѣмъ не воротилась домой. Онѣ ободряли одна другую, взаимно благословились и приготовились крѣпко постоять за свою „правую“ вѣру. Ночью, дѣйствительно, пришли чудовской архимандритъ Іоакимъ и думный дьякъ Иларіонъ Ивановъ со свитою, чтобы забрать упрямую боярыню, если она не покорится и не отстанетъ отъ своего раскола. Стали искать у нея въ домѣ и старицу Меланію, но вмѣсто нея нашли княгиню Урусову. Спросили ее, какъ она крестится; та въ отвѣтъ сложила два перста: указательный и великосредній. Озадаченный тѣмъ архимандритъ оставилъ здѣсь дьяка, а самъ поспѣшилъ къ царю, который на ту пору засѣдалъ съ боярами въ Грановитой палатѣ. Узнавъ, что княгиня Урусова хотя и скрывала доселѣ, а съ такимъ же упорствомъ держится раскола, царь велѣлъ взять обѣихъ. Морозова отказалась идти сама; ее посадили въ кресло и унесли. Молодой сынъ ея Иванъ Глѣбовичъ едва успѣлъ проститься съ матерью. На обѣихъ сестеръ наложили оковы, заперли ихъ въ подклѣти подъ людскими хоромами на томъ же дворѣ и приставили стражу. Съ того дня начались ихъ страданія. Это было время междупатріаршества по кончинѣ Іоасафа. Пробовалъ увѣщевать ихъ мѣстоблюститель патріаршаго

престола Павелъ, митрополитъ Крутицкій, въ Крестовой палатѣ, куда Морозову принесли въ креслахъ. Но сестры отвѣчали рѣзкою хулою на Никоновы служебники и называли еретическимъ все высшее русское духовенство. На слѣдующее утро ихъ разлучили: Θеодосію приковали цѣпью къ стулу и повезли на саняхъ мимо Чудова монастыря подъ царскими переходами. Полагая, что царь съ этихъ переходовъ смотритъ на нее, боярыня высоко подняла правую руку съ двуперстнымъ сложеніемъ. Ее помѣстили на подворьѣ Печерскаго монастыря подъ крѣпкою стрѣлецкою стражею, которая никого къ ней не допускала. А Евдокію заключили въ Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ ее силою водили или носили къ церковной службѣ. Многія боярскія жены нарочно пріѣзжали въ монастырь, чтобы посмотрѣть, какъ княгиню Урусову на носилкахъ тащили въ церковь. Тогда же захватили послѣдовательницу Морозовой, какую-то Марью Данилову, и скованную посадили ее въ подвалъ подъ Стрѣлецкимъ приказомъ.

Сына Морозовой, Ивана Глѣбовича, царь приказалъ беречь и послалъ къ нему своихъ врачей, когда тотъ съ горя разболѣлся. Но молодой человѣкъ умеръ. Тогда все имѣніе Морозовой, ея вотчины и конскіе табуны розданы были боярамъ; а золотыя и серебряныя вещи, жемчугъ и дорогіе каменья распроданы. Θеодосія со смиреніемъ перенесла извѣстіе о смерти сына и полномъ разореніи. Двухъ ея братьевъ, Θедора и Алексѣя, послали на воеводство въ далекіе города.

Когда новгородскій митрополитъ Питиримъ былъ возведенъ на Московскій патріаршій престолъ, онъ принялъ къ сердцу страданія сестеръ и сталъ ходатайствовать передъ царемъ объ ихъ прощеніи. „Святѣйшій владыко! — отвѣтилъ царь, — я бы давно это сотворилъ. Но ты не вѣдаешь всей лютости Морозовой, какъ она меня ругала и теперь ругаетъ. Никто не надѣлалъ мнѣ столько зла и хлопотъ, какъ она. Если не вѣруешь моимъ словамъ, изволь испытать самъ; призови ее и разспроси. Узнаешь тогда все ея упорство и всю терпкость. А потомъ я поступлю по твоему желанію.

Въ тотъ же вечеръ скованную боярыню посадили на дровни и привезли въ Чудовъ, гдѣ ее ожидалъ патріархъ съ церковными и нѣкоторыми гражданскими властями.

— Доколѣ ты будешь пребывать въ безуміи и возмущать царскую душу своимъ противленіемъ?—восклицалъ Питиримъ.—Оставь свои нелѣпыя начинанія, послушайся моего совѣта; жалѣя тебя, говорю: пріобщись Соборной церкви и Россійскому собору, исповѣдайся и причастись.

— Не у кого мнѣ исповѣдываться и причащаться, — отвѣтила Морозова.

— Много поповъ па Москвѣ.

— Много поповъ, но истиннаго нѣтъ.

— По своему о тебѣ попеченію, я самъ, при всей своей старости, потружусь, исповѣдаю тебя, а потомъ отслужу (обѣдню) и пріобщу.

— Не вѣмъ, что глаголешь. Развѣ ты чѣмъ отъ нихъ рознишься. Ихъ же волю творишь. Когда ты былъ митрополитомъ Крутицкимъ и держался христіанскаго, отъ отцовъ переданнаго, обычая нашей Русской земли, то носилъ клобукъ старый; то и былъ намъ любезенъ. Нынѣ же восхотѣлъ творить волю земного царя, а небеснаго презрѣлъ и возложилъ на главу свою рогатый клобукъ римскаго папы. Сего ради мы отвращаемся отъ тебя.

Патріархъ велѣлъ облачить себя и принести освященное масло: онъ счелъ боярыню повредившеюся въ умѣ и хотѣлъ помазать ее, чтобы привести въ разумъ. Морозова сама не стояла; ее наклоненную держали подъ руки сотникъ и стрѣльцы. Но когда патріархъ приблизился, она вдругъ выпрямилась на собственныхъ ногахъ и приготовилась къ борьбѣ. Крутицкій митрополитъ Павелъ, одной рукой поддерживая патріарха, другою хотѣлъ приподнять треухъ на головѣ боярыни для помазыванія; а патріархъ, обмакнувъ спицу въ масло, уже протянулъ свою руку. Но Морозова быстро оттолкнула обѣ руки, и завопила: „Не губи меня, грѣшницу, отступнымъ своимъ масломъ. Ты хочешь разомъ уничтожить весь мой недовершенный трудъ! Отойди. Не хочу вашей святыни!“

Попытка патріарха окончилась тѣмъ, что самъ онъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и (если вѣрить Аввакуму) велѣлъ бросить ее на полъ и тащить вонъ цѣпью за ошейникъ, такъ что головой своей она пересчитала всѣ ступени лѣстницы. Въ то же время привели къ патріарху и княгиню Урусову. Ее онъ также пытался помазать масломъ; но она поступила еще находчивѣе. Когда архипастырь взялся за спицу съ масломъ, Евдокія вдругъ сбросила съ головы покрывало и явилась простоволосою. „Что творите, безстыдные?—вскричала она.—Развѣ не знаете, что я жена!“—чѣмъ привела духовныя лица въ великое смущеніе.

Услыхавъ изъ устъ патріарха разсказъ о его неудачѣ и особенно его жалобу на Ѳеодосію, царь замѣтилъ: «Развѣ я тебѣ не говорилъ, какова ея лютость? Вотъ ты только одинъ разъ испыталъ ее на себѣ, а я уже сколько лѣтъ терплю отъ нея, и не вѣдаю, что съ нею творить». Въ слѣдующую ночь всѣхъ трехъ женщинъ, т.-е. Морозову съ сестрой и Марьей Даниловой, привезли на Ямской дворъ и подвергли огненной пыткѣ въ присутствіи князей Ивана Воротынскаго и Якова Одоевскаго и думнаго дьяка Иларіона Иванова, при чемъ уговаривали

ихъ смириться. Но страдалицы выдержали всѣ мученія. Царь, очевидно, затруднялся и не зналъ, какъ сломить упорство двухъ знатныхъ женщинъ, которое могло послужить большимъ соблазномъ для другихъ, имъ подобныхъ, и вообще для народа. Такъ какъ на Печерское подворье многіе тайкомъ проникали къ Морозовой, утѣшали ее и приносили ей съѣстные припасы, то онъ велѣлъ перевезти ее въ загородный Новодѣвичій монастырь, держать ее тамъ подъ крѣпкимъ началомъ и силою влачить къ церковной службѣ. Но и сюда, на лицезрѣніе страдалицы, устремились вельможныя жены въ такомъ количествѣ, что весь монастырскій дворъ бывалъ заставленъ рыдванами и каретами. Царь велѣлъ перевезти ее опять въ городъ, въ Хамовники. Тогда старшая сестра его, Ирина Михайловна, начала ему пенять такими словами:

„Зачѣмъ помыкаешь бѣдную вдову съ мѣста на мѣсто? Нехорошо, братецъ! Не мѣшало бы помнить службу Борисову и брата его Глѣба“.

Алексѣй Михайловичъ вспылилъ. „Добро, сестрица, добро,—воскликнулъ онъ,—коли ты объ ней кручинишься, то мѣсто ей будетъ тотчасъ готово!“

Вскорѣ потомъ Ѳеодосію перевезли въ Боровскій острогъ и посадили въ земляную тюрьму, т.-е. въ яму. Сюда же посадили вмѣстѣ съ нею княгиню Урусову и Марью Данилову. Къ заключеннымъ строго приказано никого не допускать и питаніе производить имъ самое скудное. У нихъ отобрали старопечатныя книги, старыя иконы и оставили только самую необходимую одежду. Но тщетной оставалась новая попытка убѣжденія. Ничто не могло сломить твердости женщинъ. А потому заключеніе становилось все суровѣе и суровѣе, и пищи опускалось въ яму все меньше и меньше. Наступилъ и конецъ ихъ страданіямъ; первою умерла Евдокія, за нею вскорѣ послѣдовали Ѳеодосія и Марія (октябрь и ноябрь 1672 г.). Неизвѣстно, насколько вѣрно, во всякомъ случаѣ краснорѣчиво и трогательно описываетъ Аввакумъ послѣднія минуты боярыни Морозовой, а также ея просьбу къ одному изъ сторожей тайкомъ взять и вымыть на рѣкѣ ея до крайности грязную сорочку, чтобы надѣть чистую передъ смертью. Сострадательный сторожъ исполнилъ эту просьбу добровольной мученицы-боярыни. Тѣло Ѳеодосіи завернули въ рогожу и погребли рядомъ съ Евдокіей ([30]).

Конечно, послѣдовательно мы можемъ объяснить и разсказать, какъ мало-по-малу изъ личной оппозиціи Никону, т.-е. его жесткому своенравному образу дѣйствія, развилось такое важное историческое явленіе, какъ русскій расколъ старообрядства. Тѣмъ не менѣе, крайне странное впечатлѣніе производятъ теперь это неимовѣрное упорство и

готовность жертвовать всѣмъ и самою жизнію ради сохраненія хотя и привычныхъ, но въ сущности мелкихъ церковныхъ обрядностей, въ родѣ, напримѣръ, двуперстія или сугубой аллилуіи. Положимъ, расколоучители сумѣли и этимъ мелкимъ обрядностямъ придать необыновенно высокое значеніе въ смыслѣ православія и спасенія души; всякое отступленіе отъ нихъ они объясняли великимъ грѣхомъ, оскорбленіемъ Божества и отступленіемъ отъ истинной вѣры, безъ которой нѣтъ спасенія, такъ какъ подобнаго отступника ожидаютъ адскія муки въ загробной жизни. И все-таки странно, что на Западѣ люди умирали за отличные отъ общепринятыхъ догматы и понятія о св. Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ или о папскомъ авторитетѣ, а у насъ за осмиконечный крестъ на просфорахъ вмѣсто четырехконечнаго, за написаніе Ісусъ вмѣсто Іисусъ, за сложеніе двухъ перстовъ вмѣсто трехъ и т. п. Были на Руси большія несогласія и въ основныхъ догматахъ, каковы ереси Стригольническая, Мниможидовская и т. п.; но онѣ не удержались или выродились въ жалкія секты, тогда какъ расколъ старообрядства оказался очень живучимъ и охватившимъ значительную часть Великорусской народности. Какъ бы ни былъ въ XVII вѣкѣ низокъ уровень культуры въ Московскомъ государствѣ, все-таки можно было бы усомниться въ самыхъ умственныхъ способностяхъ всей народности, если принять буквально и безусловно одно грубое невѣжество за основу раскола. Конечно, и оно имѣло свою долю участія въ этомъ явленіи. Но, вникая глубже въ дѣло, возможно открыть въ немъ и другіе двигатели.

Во-первыхъ, вообще наклонность Великорусскаго племени къ охраненію или консерватизму по отношенію къ бытовой обрядовой сторонѣ жизни, наклонность, доходящую иногда до крайности, до преувеличеннаго преклоненія передъ этими обрядами. Во всякомъ случаѣ консерватизмъ это черта почтенная, свидѣтельствующая объ устойчивости народнаго характера. Во-вторыхъ, непосредственно связанное съ сею чертою нерасположеніе къ иноземному вліянію, въ особенности къ вліянію латинскому, и преувеличенное мнѣніе о своемъ превосходствѣ. Хотя исправленіе книгъ и обрядовъ производилось на основаніи греческихъ текстовъ и традицій и подтверждено было благословеніемъ греческихъ іерарховъ, но въ то время авторитетъ ихъ въ Россіи былъ уже очень поколебленъ: Русскіе считали Греческую церковь испорченною турецкимъ игомъ, а пастырей ея зараженными латинствомъ еще со временъ Флорентійской уніи, и тѣмъ болѣе, что образованнѣйшіе изъ нихъ, за неимѣніемъ высшихъ школъ въ Турціи, учились въ западныхъ или латинскихъ академіяхъ, а греческія церковныя книги, за неимѣніемъ типографій, печатались въ Италіи и другихъ западныхъ

странахъ. Поэтому на Грековъ Русскіе стали смотрѣть свысока, а на себя какъ на ихъ преемниковъ въ дѣлѣ православной культуры. Въ то время болѣе чѣмъ когда-либо процвѣтало у нашихъ книжниковъ ученіе о Москвѣ, какъ третьемъ и послѣднемъ Римѣ („а четвертому не быть"). Такимъ образомъ, отрицая авторитетъ Грековъ, наши книжники обвиняли ихъ въ уклоненіи къ латинству, этому исконному противнику православія. А подъ симъ явнымъ предлогомъ, очевидно, дѣйствовали вообще нерасположеніе ко всякому иноземному вліянію и сильная приверженность къ собственной старинѣ. Въ расколѣ инстинктивно сказалось преувеличенное опасеніе за Русскую народность передъ надвигавшею съ Запада эпохою реформъ или всякихъ иноземныхъ новшествъ, долженствовавшихъ нарушить основы вѣками сложившагося оригинальнаго русскаго быта. Наконецъ, раскольничья оппозиція, вышедшая изъ среднихъ и низшихъ слоевъ духовенства, чернаго и бѣлаго, не мало была возбуждена до нѣкоторой степени угнетеніемъ отъ высшей іерархіи, т.-е. отъ тѣхъ ея членовъ (начиная Никономъ), которые слишкомъ деспотично относились къ своимъ подчиненнымъ, слишкомъ усердно занимались любостяжаніемъ или поборами со своихъ церквей и монастырей.

Само собой разумѣется, всѣмъ сказаннымъ историкъ не можетъ оправдать появленіе русскаго раскола; но онъ долженъ по возможности указать на тѣ обстоятельства, которыя способствовали его возникновенію. Итакъ, едва ли можно объяснять его однимъ невѣжествомъ и тѣмъ болѣе, что первые расколоучители были люди книжные, для своего времени очень начитанные. А по своей аргументаціи нѣкоторые изъ нихъ выдаются изворотливостію и обиліемъ ссылокъ, хотя бы и отправляющихся отъ софистическихъ исходныхъ точекъ зрѣнія. Надобно при семъ еще имѣть въ виду, что нашей національной натурѣ въ значительной степени присуща черта полемическая и критическая; а пренія, по вѣроисповѣднымъ вопросамъ въ особенности, способны увлекать русскаго человѣка, у котораго религіозное чувство искони было очень развито.

Въ виду того грубаго, фанатическаго характера, который проявился со стороны значительной части раскола, нельзя не пожалѣть, что правительственныя мѣры свою жестокостью и буквальнымъ приложеніемъ статей новоизданнаго Уложенія не мало способствовали возбужденію сего раскольничьяго фанатизма. Суровый, деспотичный характеръ Московской государственности встрѣтился съ не менѣе суровымъ, крайне тягучимъ и самоотверженно страдательнымъ сопротивленіемъ, — черта также вполнѣ присущая русскому народному характеру.

VIII.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.—СОЛОВКИ.—ДОРОШЕНКО.

Донская голытьба. Походъ Разина на Волгу и въ Каспійское море. Мягкое отношеніе къ нему астраханскихъ воеводъ. Возвращеніе на Донъ. Второе выступленіе Разина. Измѣна стрѣльцовъ. Захватъ Астрахани и ея оказаченіе. Походъ вверхъ по Волгѣ. Избіеніе воеводъ и помѣщиковъ. Неудача воровъ подъ Симбирскомъ. Мятежъ и усмиреніе Волжско-Окскаго края. Выдача Разина Донцами и его казнь. Астраханскій митрополитъ Іосифъ. Его мученическая кончина. Осада и сдача Астрахани. — Мятежъ Соловецкихъ раскольниковъ. Осада монастыря и его защитники. Взятіе его.—Хаосъ Малороссійскихъ дѣлъ. Вторженіе султана и паденіе Каменца. Бучацкій договоръ. Возвращеніе Сѣрка изъ Сибири. Переговоры Москвы съ Дорошенкомъ и его лукавство. Походъ на правый берегъ. Переяславская рада и вторичный выборъ Самойловича. Иванъ Мазепа. Лжесимеонъ въ Запорожьѣ. Его выдача и казнь. Хотинская побѣда Собѣсскаго. Его избраніе въ короли. Конецъ гетманства Дорошенка. Представители Малороссійскаго духовенства.

Продолжительная борьба съ Польшею за Малороссію, отвлекавшая къ западнымъ предѣламъ военныя силы Московскаго государства, неизбѣжно ослабляла ихъ на другихъ его окраинахъ и вообще давала просторъ всякаго рода вольницѣ и разбойничьимъ шайкамъ. Особенно усилились онѣ въ Приволжскихъ областяхъ и на самой Волгѣ, гдѣ издавна свирѣпствовали вольныя казачьи шайки, какъ это наглядно показываютъ намъ приведенные прежде отрывки изъ записокъ иностраннаго путешественника (Олеарія). А шайки эти въ значительной степени пополнялись охотниками съ Дону. То было время не только трудныхъ внѣшнихъ войнъ, но также и тяжелаго внутренняго положенія. Обременительные государственные налоги, повинности и все усиливавшееся крѣпостное право вмѣстѣ съ притѣсненіями корыстолюбивыхъ воеводъ, дьяковъ и прочихъ чиновниковъ вызывали многочисленные побѣги тяглыхъ людей вообще и крестьянъ въ особенности. Наиболѣе отважные и энергичные люди бѣжали преимущественно въ казаки на Донъ, который тѣмъ и отличался, что не выдавалъ бѣглецовъ. Эти бѣглые или пришлые люди, разумѣется, составляли на Дону большею частію

бездомовную, неимущую часть казачества, такъ наз. голутвенную, т.-е. казацкую голытьбу. Послѣ Андрусовскаго договора, оставившаго Заднѣпровскую часть Украйны подъ польскимъ владычествомъ, усилилось переселеніе Черкасъ или Малороссійскихъ казаковъ изъ сей Украйны въ предѣлы Московскаго государства. Многіе изъ нихъ уходили на Донъ, и тамъ эти Черкасы или «хохлачи»—какъ ихъ называли Московскіе люди—значительно увеличили количество голутвенныхъ казаковъ. Для такой безпокойной вольницы, болѣе всего жаждавшей добычи и разгула, къ несчастію, въ то время былъ затрудненъ главный выходъ въ Азовское и Черное моря, куда дорогу загораживали и турецкія укрѣпленія, и Татарская орда, и само домовитое казачество, дѣйствовавшее по строгимъ наказамъ изъ Москвы, не хотѣвшей навлекать на свои южныя украйны месть Турокъ и Татаръ. Донской голытьбѣ для разгула и добычи зипуновъ оставалась все та же Волга, изъ которой въ случаѣ удачи можно было выйти въ Каспійское море; а населенные персидскіе и кавказскіе берега его манили къ себѣ грабителей, будучи менѣе защищены чѣмъ турецкіе на Черномъ морѣ.

Къ веснѣ 1667 года на Дону произошло большое движеніе среди голытьбы отъ прилива изъ югозападныхъ украйнъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ; послѣдніе прибывали съ женами и дѣтьми и тѣмъ увеличивали и безъ того бывшій здѣсь недостатокъ продовольствія. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, волнующіеся элементы ждали только подходящаго предводителя, чтобы собраться вокругъ него и идти куда онъ укажетъ. Такой предводитель явился въ лицѣ донского казака Стеньки Разина.

Если вѣрить нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ, то Разинымъ руководило чувство мести, возникшее вслѣдствіе того, что братъ его, служившій на Украйнѣ въ войскѣ князя Юрія Долгорукаго, былъ приговоренъ симъ воеводой къ повѣшенію за своевольный уходъ. Но объ этомъ случаѣ нѣтъ ни слова въ русскихъ источникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ сообщаютъ, что Разинъ однажды былъ посланцемъ отъ Донского войска къ Калмыкамъ съ приглашеніемъ идти вмѣстѣ на Крымцевъ и что потомъ онъ побывалъ въ Москвѣ, откуда ходилъ на богомолье въ Соловки. По всѣмъ признакамъ это человѣкъ уже не молодой, бывалый, при среднемъ ростѣ отличавшійся атлетическимъ сложеніемъ и несокрушимымъ здоровьемъ. Владѣя при этомъ недюжинными способностями, находчивостью, дерзостью и энергіей, онъ имѣлъ тѣ именно качества, которыя наиболѣе плѣняютъ грубую, несмысленную толпу; а ставъ въ ея главѣ, и къ вящему ея удовольствію, онъ не замедлилъ разнуздать свои инстинкты хищнаго звѣря, проявить кровожадную сви-

рѣпость и такъ поразить воображеніе простыхъ людей, что оно изъ удалого казака-разбойника сдѣлало народнаго героя. Разумѣется, главнымъ поводомъ къ такой славѣ послужило то обстоятельство, что Разинъ сумѣлъ выставить себя другомъ простонародья и врагомъ нелюбимаго боярскаго и дворянскаго класса; народъ видѣлъ въ немъ живой протестъ противъ крѣпостного права и всякихъ чиновничьихъ неправдъ.

Итакъ весной 1667 года Степанъ Разинъ собралъ шайку голутвенныхъ и попытался было сначала пройти на стругахъ въ Азовское море. Войсковымъ атаманомъ въ то время былъ Корнило Яковлевъ, тоже человѣкъ недюжинный; руководимые имъ домовитые казаки Черкасскаго городка, не хотѣвшіе накликать на себя месть Азовскихъ Турокъ и Татаръ, задержали шайку въ низовьяхъ Дона. Тогда она повернула назадъ и погребла вверхъ. Войсковое начальство посылало за нею погоню; но воровскіе казаки успѣли добраться до тѣхъ мѣстъ, гдѣ Донъ сближается съ Волгою; пограбивъ окрестные городки и встрѣчныхъ торговыхъ людей, они стали лагеремъ на высокихъ буграхъ между Паншинымъ и Качалинскимъ городками, защищенные высокою полою водою. Въ Паншиномъ они принудили мѣстнаго атамана снабдить ихъ оружіемъ, порохомъ, свинцомъ и другими запасами. Сюда стали подходить къ нимъ голутвенные изъ разныхъ донскихъ городковъ, такъ что шайка уже насчитывала до 1.000 человѣкъ. Ближайшимъ городомъ на Волгѣ былъ Царицынъ. Корнило Яковлевъ поспѣшилъ увѣдомить царицынскаго воеводу Андрея Унковскаго о походѣ воровскихъ казаковъ вверхъ по Дону и объ ихъ явномъ намѣреніи перейти на Волгу. Унковскій сначала послалъ къ Паншину нѣсколько стрѣльцовъ провѣдать о сихъ казакахъ, потомъ отправилъ къ нимъ соборнаго попа и монастырскаго старца, чтобы убѣждать ихъ отстать отъ воровства и вернуться на свои мѣста; но за большой водой посланные не добрались до воровского становища, а привезли только вѣсти изъ Паншина о томъ, что казаки собираются идти на Каспійское море, засѣсть въ Яицкомъ городкѣ и оттуда сдѣлать набѣгъ на тарховскаго шамхала Суркая. Межъ тѣмъ изъ Царицына о всѣхъ этихъ дѣлахъ даны были вѣсти въ Москву и въ Астрахань съ просьбою прислать въ подкрѣпленіе ратныхъ людей, чтобы можно было учинить поискъ надъ ворами. Изъ Москвы пошли въ поволжскіе города, главнымъ образомъ въ Астрахань, а также на Терекъ царскія грамоты, чтобы воеводы «жили съ великимъ береженіемъ отъ воровскихъ казаковъ», чтобы «всякими мѣрами про нихъ провѣдывали», чтобы на Волгѣ и на ея притокахъ не дать имъ воровать, въ море ихъ не пропустить и промыселъ надъ ними чи-

нить. О всемъ воеводы должны немедля писать великому государю и боярину князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову въ приказъ Казанскаго дворца (гдѣ вѣдалось среднее и нижнее Поволжье) и сообщать вѣсти другъ другу. По волжскимъ ватагамъ и учугамъ (рыбнымъ заводамъ) также велѣно жить съ великимъ береженіемъ.

Воеводы астраханскіе князь Ив. Андр. Хилковъ, Бутурлинъ и Безобразовъ были смѣнены. На ихъ мѣсто назначены князья: бояринъ Ив. Сем. Прозоровскій, стольники Мих. Сем. Прозоровскій и Сем. Ив. Львовъ. Съ ними отправлено подкрѣпленіе изъ четырехъ стрѣлецкихъ приказовъ и нѣкотораго количества солдатъ съ пушками и боевыми снарядами; велѣно идти еще служилымъ пѣшимъ людямъ изъ Симбирска и другихъ городовъ Саранско-Симбирской засѣчной черты, изъ Самары и Саратова.

Но пока писались грамоты и медленно приводились въ исполненіе военныя мѣры, воровскіе казаки уже дѣлали свое дѣло.

Стенька Разинъ перешелъ съ своей шайкой на Волгу, и первымъ его подвигомъ было нападеніе на большой судовой караванъ, который плылъ въ Астрахань съ ссыльными и казеннымъ хлѣбомъ; кромѣ казенныхъ струговъ, тутъ были струги патріарха, извѣстнаго московскаго гостя Шорина и еще нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Караванъ сопровождался стрѣлецкимъ отрядомъ. Но стрѣльцы не оказали никакого сопротивленія болѣе многочисленнымъ казакамъ и выдали своего начальника, котораго Стенька велѣлъ убить. Изрубили или повѣсили Шоринскаго приказчика и другихъ судохозяевъ. Ссыльныхъ освободили. Стенька объявилъ, что онъ идетъ противъ бояръ и богатыхъ за бѣдныхъ и простыхъ людей. Стрѣльцы и чернорабочіе или ярыжные поступили въ его шайку. Увеличивъ такимъ образомъ свои силы и забравъ все бывшее на караванѣ оружіе и съѣстные запасы, Стенька поплылъ внизъ по Волгѣ. Когда казаки поравнялись съ Царицынымъ, изъ города навели на нихъ пушки, но почему-то ни одна не выстрѣлила; тотчасъ сложилась легенда, будто Стенька успѣлъ заговорить оружіе, такъ что ни сабля, ни пищаль его не берутъ. Напуганный тѣмъ воевода Унковскій не посмѣлъ отказать, когда атаманъ прислалъ къ нему своего эсаула съ требованіемъ кузнечныхъ принадлежностей. Затѣмъ Стенька, не теряя времени, проплылъ на своихъ стругахъ мимо Чернаго Яра, вошелъ въ Бузанъ, одинъ изъ рукавовъ Волги, и, минуя Астрахань, вышелъ въ Каспійское море около Краснаго Яра. Не трогая и сего города, онъ скрылся въ лабиринтѣ прибрежныхъ островов; потомъ направясь къ сѣверо-востоку, вошелъ въ устье Яика и захватилъ плохо охраняемый Яицкій городокъ, гдѣ у него были уже

единомышленники. Наряжаемый изъ Астрахани, стрѣлецкій гарнизонъ и здѣсь не сопротивлялся; часть его пристала къ казацкой шайкѣ. Начальникамъ рубили головы; тѣ стрѣльцы, которые не хотѣли остаться и отпущены были въ Астрахань, потомъ, настигнутые посланными въ погоню казаками, подверглись варварскому избіенію; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ успѣли спрятаться въ камышахъ. Вообще Стенька и его товарищи съ самаго же начала показали себя дикими, кровожадными извергами, для которыхъ не существовало никакихъ человѣческихъ и христіанскихъ правилъ или законовъ.

Засѣвъ въ Яицкомъ городкѣ, воровскіе казаки оттуда предпринимали грабительскій набѣгъ къ устьямъ Волги и Терека, погромили улусы Едисанскихъ татаръ, разграбили нѣсколько судовъ на морѣ и, воротясь съ добычею, вступили въ торгъ съ сосѣдними Калмыками, у которыхъ вымѣнивали скотъ и другіе съѣстные припасы.

Тщетно астраханскіе воеводы, прежній Хилковъ и новый Прозоровскій, посылали къ нимъ грамоты съ увѣщаніемъ отстать отъ воровства и принести повинную, а также пытались дѣйствовать военными отрядами и вооружать противъ нихъ Калмыцкую орду. Казаки смѣялись надъ увѣщаніями, вѣшали и топили посланцевъ; малочисленные военные отряды возвращались побитые или приставали къ казакамъ; а Калмыцкая орда, постоявъ нѣкоторое время подъ Яицкимъ городкомъ, отошла отъ него. Стенька зазимовалъ въ этомъ городкѣ; а въ мартѣ слѣдующаго 1668 года онъ со своими ватагами поплылъ къ персидскимъ берегамъ. Вѣсти объ его удачахъ привлекли съ Дона новыя шайки голутвенныхъ. Такъ по Волгѣ пробрался атаманъ Сережка Кривой съ нѣсколькими сотнями товарищей, на Бузанѣ побилъ загородившій ему путь стрѣлецкій отрядъ и вышелъ въ море. По Кумѣ пришли Алешка Каторжный съ конными казаками и запорожецъ Боба съ хохлачами. Съ прибытіемъ сихъ подкрѣпленій силы Разина возросли до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и онъ съ большою свирѣпостью погромилъ прибрежные татарскіе города и селенія отъ Дербента и Баку до Решта. Тутъ онъ вступилъ въ переговоры, и даже предложилъ шаху свои услуги, если ему дадутъ землю для поселенія. Во время сихъ переговоровъ хитрые Персіяне воспользовались безпечностью и пьянствомъ казаковъ и нечаяннымъ нападеніемъ нанесли имъ порядочный уронъ. Разинъ отплылъ отъ Решта и съ помощью вѣроломства вымѣстилъ свою злобу на довѣрчивыхъ жителяхъ Фарабата. Они согласились пустить къ себѣ казаковъ для производства торговли, и нѣсколько дней эта торговля мирно производилась. Вдругъ Стенька подалъ условленный знакъ, именно поправилъ на головѣ шапку. Казаки какъ звѣри бросились на жителей

и учинили страшную рѣзню; захватили большой полонъ, разграбили городъ и сожгли увеселительные шахскіе дворцы. Съ огромной добычей и плѣнниками они расположились на одномъ островѣ, поставили тамъ укрѣпленный городокъ и въ немъ зазимовали. По ихъ приглашенію Персіяне приходили сюда вымѣнивать изъ плѣна своихъ родныхъ на христіанскихъ невольниковъ. Казаки давали по одному персіянину за трехъ-четырехъ христіанъ. Это показываетъ, какое большое количество плѣнныхъ сбывали въ Персію кавказскіе Татары и Черкесы, грабившіе христіанскія сосѣднія области. Такое освобожденіе многихъ христіанъ отъ неволи давало Стенькѣ и его казакамъ поводъ хвастаться, будто они сражаются съ мусульманами за вѣру и свободу.

Весной 1669 года казаки предприняли набѣгъ на восточный берегъ Каспійскаго моря и пограбили туркменскіе аулы. Въ этомъ набѣгѣ они потеряли одного изъ наиболѣе удалыхъ атамановъ, Сережку Кривого. Послѣ того они укрѣпились на Свиномъ островѣ и отсюда чинили набѣги на сосѣдніе берега, чтобы доставать съѣстные припасы. Межъ тѣмъ Персіяне еще зимой начали собирать войско и готовить суда противъ казаковъ. Лѣтомъ это войско напало на нихъ почти въ количествѣ 4.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Менеды-хана. Но оно встрѣтило отчаянное сопротивленіе и было совершенно разбито; ханъ спасся бѣгствомъ съ нѣсколькими судами; а его сынъ и дочь попали въ плѣнъ. Не совсѣмъ понятно, зачѣмъ этой дочери понадобилось участвовать въ походѣ. Не была ли она захвачена прежде? Извѣстно только, что Стенька взялъ красавицу себѣ въ наложницы. Въ этой отчаянной битвѣ казаки потеряли много товарищей; дальнѣйшее пребываніе на островѣ становилось не безопасно: Персы могли воротиться въ большемъ числѣ; къ тому же по недостатку прѣсной воды открылись болѣзни и смертность между казаками. Послѣдніе столько разъ дуванили (дѣлили) между собой награбленное добро, что были обременены добычею; а сосѣдніе берега настолько опустошены, что уже не представляли приманки для грабежей.

Пришлось подумать о возвращеніи на родной Донъ.

Для сего возвращенія предстояло два пути: открытый, но мелководный по Кумѣ и широкій, но не свободный по Волгѣ. Оставляя первый на случай нужды, Стенька попытался идти вторымъ и поплылъ къ Волжскому устью. Но и тутъ казаки не измѣнили своимъ привычкамъ. Во-первыхъ, они разграбили принадлежавшій Астраханскому митрополиту учугъ Басаргу, забрали тамъ рыбу, икру, невода, багры и прочія рыболовныя снасти; а потомъ напали на двѣ персидскія купеческія бусы, шедшія въ Астрахань съ товарами подъ охраною Терскихъ стрѣльцовъ;

на одной изъ нихъ находились дорогіе кони (аргамаки), посланные шахомъ въ подарокъ Московскому царю. Казаки забрали весь грузъ; хозяинъ-купецъ спасся бѣгствомъ вмѣстѣ съ стрѣльцами въ Астрахань; а сынъ его Сехамбетъ попался въ плѣнъ. Бѣглецы съ митрополичьяго учуга и съ персидскихъ бусъ принесли астраханскимъ воеводамъ вѣсть о приближеніи воровскихъ казаковъ. Это было въ началѣ августа.

Князь Прозоровскій немедля послалъ противъ нихъ своего товарища князя Сем. Ив. Львова съ четырьмя тысячами стрѣльцовъ на тридцати шести стругахъ. Казаки, расположившіеся станомъ на островѣ Четырехъ бугровъ, увидя сильную флотилію, выплывавшую изъ Волги, не отважились на сопротивленіе и побѣжали въ открытое море. Воевода гнался за ними, пока гребцы его не утомились. Тогда онъ послалъ казакамъ царскую увѣщательную грамоту. Стенька остановился и вступилъ въ переговоры. Присланные имъ два выборныхъ казака били челомъ отъ всего войска, чтобы великій государь простилъ виновныхъ, а они за то будутъ ему служить, гдѣ укажетъ, и класть за него свои головы. Выборные уговорились и скрѣпили присягою, что казаки выдадутъ пушки, захваченныя ими на волжскихъ судахъ, въ Яицкомъ городкѣ и въ мусульманскихъ городахъ, отпустятъ бывшихъ съ ними служилыхъ людей и своихъ плѣнниковъ, а струги отдадутъ въ Царицынѣ, откуда пойдутъ волокомъ на Донъ со своимъ добытымъ добромъ. Послѣ того князь Львовъ отплылъ въ Астрахань, а за нимъ поплыли и казацкіе струги. Послѣднихъ пропустили мимо города и поставили на Болдинскомъ устьѣ. 25 августа Разинъ съ нѣсколькими атаманами и казаками явился къ Приказной избѣ, гдѣ засѣдалъ воевода князь Прозоровскій; положилъ передъ нимъ свой предводительскій бунчукъ, билъ челомъ на государево имя объ отпускѣ на Донъ и испросилъ позволеніе послать въ Москву шестерыхъ выборныхъ казаковъ. Злодѣй, въ случаѣ нужды, умѣлъ притвориться и выдать себя за преданнаго слугу государева. А любостяжательныхъ воеводъ онъ обошелъ щедрыми дарами. Казаки далеко не исполнили заключенныхъ съ княземъ Львовымъ условій. Они выдали только одну половину пушекъ, а другую оставили у себя, подъ предлогомъ обороны дорогою въ степяхъ отъ татарскихъ нападеній. Плѣнныхъ Персіянъ они выдали очень немногихъ, а остальныхъ заставили выкупать; также не выдали и купеческихъ товаровъ, награбленныхъ на персидскихъ бусахъ. Противъ настоянія воеводъ Разинъ говорилъ, что плѣнники и товары взяты за саблей и уже подуванены, отдавать ихъ никоимъ образомъ нельзя. Точно такъ же не допустилъ онъ дьяковъ и подьячихъ переписывать казачье войско, говоря, что того дѣлать «не повелось» ни на Дону, ни на Яикѣ. Тщетно

родственники и земляки плѣнныхъ Персіянъ приступали къ воеводамъ, естественно полагая, что разъ казаки въ рукахъ царскаго правительства, то они должны отпустить плѣнниковъ на свободу и воротить пограбленное имущество. Воеводы отказались употребить силу, ссылаясь на милостивую царскую грамоту, и дозволили только выкупать плѣнныхъ безпошлинно. Вообще князья Прозоровскій и Львовъ выказали явное послабленіе казакамъ и слишкомъ любезно относились къ Разину, какъ будто испытывая на себѣ обаяніе его громкой славы и выдающейся личности; чѣмъ еще болѣе подтвердили распространявшіеся въ народѣ слухи о чародѣйскихъ свойствахъ атамана казацкой голытьбы.

Десятидневное пребываніе воровскихъ казаковъ подъ Астраханью было какимъ-то празднествомъ для нихъ и для жителей. Казаки вели торгъ награбленными товарами, и мѣстные купцы за безцѣнокъ пріобрѣтали у нихъ шелковыя ткани, золотыя и серебряныя вещи, жемчугъ и драгоцѣнные камни. Казаки расхаживали въ бархатныхъ кафтанахъ и шапкахъ, богато разукрашенныхъ жемчугомъ и самоцвѣтными каменьями. Атаманы щедро расплачивались за все золотыми и серебряными деньгами. Именитые граждане, сами воеводы, немало поживившіеся изъ казацкой добычи, угощали Стеньку или принимали отъ него угощеніе. Толпы любопытныхъ ходили смотрѣть казачьи струги, наполненные всякимъ добромъ. Стенька держалъ себя гордо и повелительно; казаки и простые люди называли его батькой или батюшкой и кланялись ему до земли. О немъ тогда же стали складываться легенды и пѣсни. Разсказывали, напримѣръ, что на его кораблѣ, носившемъ названіе «Сокола», канаты были шелковые, а паруса изъ дорогихъ матерій. Если вѣрить иноземному извѣстію, въ это именно время произошелъ слѣдующій случай. Кутилъ однажды атаманъ и катался съ товарищами по рѣкѣ. Вдругъ пьяный Стенька обратился къ Волгѣ-матушкѣ, говоря, что она славно носила на себѣ молодца, а онъ еще ничѣмъ ее не отблагодарилъ; затѣмъ извергъ схватилъ сидѣвшую рядомъ съ нимъ персидскую красавицу, помянутую выше ханскую дочь, роскошно убранную, и бросилъ ее въ воду. Астраханскіе стрѣльцы и простолюдины, конечно, не безъ зависти смотрѣли на звенѣвшихъ золотомъ, богато одѣтыхъ и широко гулявшихъ казаковъ, а къ атаману ихъ прониклись особымъ уваженіемъ и страхомъ. Эти чувства сыграли важную роль въ послѣдующихъ событіяхъ. Напрасно близорукіе и лакомые къ подаркамъ астраханскіе воеводы отписывали въ Москву, что они не употребили строгихъ мѣръ противъ казаковъ изъ опасенія, чтобы не произошло кровопролитіе и не пристали бы къ воровству многіе другіе люди. Своею поблажкою и слабостію они именно и способствовали тому, чего опасались.

4 сентября казаки отплыли отъ Астрахани къ Царицыну, снабженные рѣчными стругами и провожаемые жильцомъ Плохово; отъ Царицына до Паншина ихъ долженъ былъ проводить небольшой стрѣлецкій отрядъ. Само собой разумѣется, что, очутившись на полной свободѣ, они не замедлили воротиться къ своевольнымъ и грабительскимъ привычкамъ. Въ Царицынѣ Стенька разыгралъ строгаго судью и, по жалобѣ Донскихъ казаковъ, покупавшихъ здѣсь соль, на воеводскія вымогательства, заставилъ Унковскаго заплатить имъ за убытки. Тотъ же воевода по наказу изъ Астрахани велѣлъ продавать вино вдвое дороже, чтобы удержать казаковъ отъ пьянства. Но казаки его чуть не зарѣзали, и онъ спасся тѣмъ, что куда-то спрятался. Стенька велѣлъ выпустить изъ тюрьмы колодниковъ и ограбить плывшій по Волгѣ купеческій стругъ. Нѣсколько служилыхъ и бѣглыхъ людей пристали къ его шайкѣ. Плохово тщетно требовалъ ихъ выдачи. Прозоровскій прислалъ изъ Астрахани особаго человѣка съ такимъ же требованіемъ. Стенька отвѣчалъ обычнымъ «не повелось» у казаковъ выдавать кого бы то ни было; а на убѣжденія и угрозы посланца Прозоровскаго съ яростію закричалъ, какъ онъ смѣлъ явиться съ подобными рѣчами. «Скажи своему воеводѣ, что онъ дуракъ и трусъ! Я сильнѣе его и покажу, что не боюсь не только его, но и того, кто повыше! Я разсчитаюсь съ ними и научу ихъ, какъ со мною разговаривать!» Съ сими и т. п. словами онъ отпустилъ посланца, уже нечаявшаго выйти живымъ изъ рукъ неистоваго атамана. А въ это время отправленные имъ въ Москву выборные казаки добили челомъ свои вины, получили царское прощеніе и посланы въ Астрахань на службу. Но дорогой они напали на провожатыхъ, захватили у нихъ коней и степью ускакали на Донъ.

Достигнувъ Дона, Стенька и не подумалъ распустить свою ватагу. Онъ засѣлъ на островѣ между городками Кагальникомъ и Ведерниковымъ, окружилъ свой станъ земляннымъ валомъ и остался здѣсь зимовать. Сюда же вызвалъ изъ Черкаска свою жену и брата Фролку. Многихъ казаковъ своихъ Разинъ отпустилъ домой для свиданья съ родственниками и для уплаты долговъ; ибо, отправляясь добыть зипуновъ, голутвенные брали у домовитыхъ казаковъ оружіе, платье и всякіе запасы подъ условіемъ раздѣлить съ ними добычу. Теперь эти должники широкой рукой расплачивались со своими заимодавцами, и тѣмъ наглядно подкрѣпляли распространившуюся по донскимъ городкамъ молву объ удачныхъ предпріятіяхъ и безнаказанности Стеньки Разина и о предстоящемъ новомъ промыслѣ, который онъ задумывалъ. И вотъ эта молва возбудила новое движеніе среди голутвеннаго казачества по Дону съ его притоками и въ Запорожьѣ. Кагальницкій городокъ наполнился

пришлыми людьми, жаждущими добычи. Домовитые казаки съ прискорбіемъ видѣли приготовленія къ новому походу на Волгу, но не знали, какъ ему помѣшать.

Настала весна 1670 года.

Въ Черкаскъ прибылъ жилецъ Евдокимовъ съ милостивой царской грамотой къ Донскому войску и, конечно, съ порученіемъ узнать положеніе дѣлъ. Казаки благодарили за царскую милость, особенно за обѣщанную присылку суконъ, съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ. Корнило Яковлевъ собралъ кругъ, чтобы выбрать станицу казаковъ, которая по обычаю должна была проводить царскаго посланца до Москвы. Вдругъ является Разинъ съ толпой своей голытьбы, спрашиваетъ, куда выбираютъ станицу, и, получивъ отвѣтъ, что посылаютъ ее къ великому государю, приказываетъ привести Евдокимова. Послѣдняго онъ обругалъ лазутчикомъ, избилъ и велѣлъ бросить въ рѣку. Тщетно Яковлевъ и нѣкоторые старые казаки пытались спасти московскаго посланца и уговаривать Стеньку. Послѣдній грозилъ и съ ними сдѣлать тоже. «Владѣй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ!»—кричалъ онъ Яковлеву. Затѣмъ онъ уже сталъ громко объявлять, что пора идти на московскихъ бояръ. Вмѣстѣ съ боярами онъ осуждалъ на истребленіе поповъ и монаховъ; церковные обряды, по его понятіямъ, были совсѣмъ излишни. Пьяный, разнузданный казакъ потерялъ всякую вѣру и кощунствовалъ при случаѣ. Между прочимъ, когда кто-либо изъ молодыхъ его казаковъ хотѣлъ пожениться, онъ приказывалъ парамъ плясать вокругъ дерева вмѣсто вѣнчальнаго обряда. Тутъ, конечно, сказалось вліяніе народныхъ пѣсенъ съ ихъ вѣнчаніемъ «кругъ ракитова куста».

Корнило Яковлевъ съ домовитыми казаками видѣли, что имъ не осилить буйную толпу голутвенныхъ, находившихся подъ обаяніемъ Стеньки Разина, и ничего не предпринимали, выжидая болѣе удобнаго времени. Московское правительство съ своей стороны не осталось довольно слишкомъ мягкимъ образомъ дѣйствія астраханскихъ воеводъ по отношенію къ воровскимъ казакамъ. Царская грамота выговаривала имъ за то, что они такъ неосторожно выпустили Стеньку и его товарищей изъ своихъ рукъ и не приняли никакихъ мѣръ для предупрежденія ихъ дальнѣйшаго воровства. Воеводы оправдывались и ссылались, между прочимъ, на совѣтъ Астраханскаго митрополита. Но дальнѣйшія событія рѣшительно ихъ осудили.

Въ числѣ другихъ казацкихъ атамановъ къ Стенькѣ Разину пришелъ съ своей ватагой извѣстный тогда Васька Усъ. Теперь собралось

тысячъ семь или болѣе казацкой голытьбы, и Стенька вновь повелъ ее на Волгу. Онъ подступилъ къ Царицыну, гдѣ мѣсто Унковскаго уже занималъ воевода Тургеневъ. Казаки спустили привезенныя ими суда на воду и окружили городъ съ рѣки и съ суши. Оставивъ здѣсь Ваську Уса, самъ Стенька отправился на кочевавшихъ по сосѣдству Калмыковъ и Татаръ, погромилъ ихъ, захватилъ скотъ и плѣнниковъ. Межъ тѣмъ въ осажденномъ городѣ оказались люди, сочувствовавшіе казакамъ, которые вошли съ ними въ сношенія, а потомъ отворили имъ городскія ворота. Тургеневъ съ горстью вѣрныхъ слугъ и стрѣльцовъ заперся въ башнѣ. Прибылъ Стенька, былъ съ почетомъ встрѣченъ жителями и духовенствомъ и усердно угощаемъ. Въ пьяномъ видѣ онъ лично повелъ казаковъ на приступъ и взялъ башню. Защитники ея пали, а самъ Тургеневъ, еще живымъ попавшій въ плѣнъ, былъ подвергнутъ поруганію и брошенъ въ воду. Въ это время тысячный отрядъ московскихъ стрѣльцовъ съ своимъ головой Лопатинымъ плылъ сверху на помощь Тургеневу и другимъ низовымъ воеводамъ. Стенька внезапно напалъ на него, но встрѣтилъ мужественную оборону. Несмотря на большое превосходство въ числѣ противниковъ, стрѣльцы пробились къ Царицыну, разсчитывая на его поддержку и не зная объ его участи. Но тутъ встрѣтили ихъ пушечными выстрѣлами. Половина отряда погибла; остальные были взяты въ плѣнъ. Лопатинъ и другіе стрѣлецкіе начальники подверглись варварскимъ истязаніямъ и утоплены. До 300 стрѣльцовъ Стенька посадилъ гребцами на доставшіяся ему суда. Онъ ввелъ казацкое устройство въ Царицынѣ и сдѣлалъ изъ него свой опорный укрѣпленный пунктъ. Затѣмъ онъ объявилъ, что идетъ вверхъ по Волгѣ на Москву, но не противъ государя, а для того, чтобы истреблять вездѣ бояръ и воеводъ и давать вольность простому народу. Съ такими же рѣчами разослалъ онъ въ разныя стороны своихъ лазутчиковъ для возмущенія этого народа. Обстоятельства заставили его обратиться прежде внизъ, а не вверхъ по Волгѣ.

Уже Стенькѣ удалось взять городъ Камышинъ такой же измѣной какъ Царицынъ и также утопить воеводу съ начальными людьми, когда къ нему пришла вѣсть о приближеніи судовой рати, посланной противъ него изъ Астрахани. Узнавъ о новомъ возмущеніи Разина, князь Прозоровскій спѣшилъ загладить свою прежнюю опрометчивую нерѣшительность. Онъ собралъ и вооружилъ пушками до сорока судовъ, посадилъ на нихъ болѣе 3.000 стрѣльцовъ и вольныхъ людей и послалъ на Разина опять подъ начальствомъ своего товарища князя Львова. Но и эта запоздалая рѣшительность также оказалась опрометчивою. Стенька оставилъ въ Царицынѣ изъ каждаго десятка по одному человѣку, около

700 человѣкъ конницы послалъ берегомъ; а съ прочею силою, числомъ до 8.000, поплылъ навстрѣчу князю Львову. Но главная его сила заключалась въ шатости и въ измѣнахъ служилыхъ или ратныхъ людей. Среди стрѣльцовъ уже замѣшались его клевреты, которые нашоптывали имъ о вольности и добычѣ, ожидавшихъ ихъ подъ знаменами Степьки. А стрѣльцы и безъ того питали къ нему сочувствіе со времени его пребыванія подъ Астраханью. Почва была такъ хорошо подготовлена, что когда около Чернаго Яра обѣ флотиліи встрѣтились, астраханскіе стрѣльцы шумно и радостно привѣтствовали Стеньку своимъ батюшкой, затѣмъ перевязали и выдали своихъ головъ, сотниковъ и другихъ начальниковъ. Всѣ они были побиты; только князь Львовъ пока оставленъ въ живыхъ. Городъ Черный Яръ также измѣною перешелъ въ руки казаковъ, при чемъ воевода и вѣрные служилые люди подверглись истязаніямъ и смерти.

Стенька раздумывалъ, куда ему теперь направиться: идти ли вверхъ по Волгѣ на Саратовъ, Самару и т. д. или внизъ на Астрахань?

Передавшіеся ему астраханскіе стрѣльцы склонили рѣшеніе въ пользу Астрахани, увѣряя, что тамъ его ждутъ и городъ ему сдадутъ.

Говорятъ, что астраханскихъ жителей уже заранѣе смущали разныя зловѣщія знаменія, каковы землетрясеніе, ночной колокольный звонъ, невѣдомый шумъ въ церквахъ и т. п. Вѣсть объ измѣнѣ посланныхъ стрѣльцовъ и приближеніи казаковъ произвела окончательное уныніе среди городскихъ властей; а крамольники начали дѣйствовать почти открыто. Возбуждаемые ими, стрѣльцы дерзко потребовали отъ воеводы уплаты жалованья. Князь Прозоровскій отвѣчалъ имъ, что отъ великаго государя денежная казна еще неприслана, что онъ дастъ имъ сколько можно отъ себя и отъ митрополита, только бы они служили вѣрно и не сдавались на рѣчи измѣнника и богоотступника Стеньки Разина. Митрополитъ далъ своихъ келейныхъ денегъ 600 рублей, да у Троицкаго монастыря отобралъ 2000 рублей. Стрѣльцы, повидимому, были удовлетворены и даже обѣщали стоять противъ воровъ. Но воевода плохо полагался на эти обѣщанія и дѣлалъ что могъ для обороны города. Онъ усилилъ караулы, осматривалъ и укрѣплялъ стѣны и валы, разставлялъ на нихъ пушки и т. д. Главными помощниками его въ этихъ приготовленіяхъ были нѣмецъ Бутлеръ, капитанъ стоявшаго подъ городомъ царскаго корабля «Орелъ», и англичанинъ полковникъ Ѳома Бойль. Воевода ласкалъ ихъ и разсчитывалъ особенно на нѣмецкую команду Бутлера; даже Персіянамъ, Черкесамъ и Калмыкамъ онъ довѣрялъ болѣе чѣмъ стрѣльцамъ.

Межъ тѣмъ зловѣщія знаменія возобновились. 13 іюня караульные стрѣльцы донесли митрополиту, что ночью съ неба сыпались на городъ искры какъ будто изъ огненной пылающей печи. Іосифъ прослезился и сказалъ, что это изліялся фіалъ гнѣва Божія. Уроженецъ Астрахани, онъ былъ мальчикомъ во время Заруцкаго и Марины и помнилъ неистовство казаковъ того времени. Спустя нѣсколько дней, караульные стрѣльцы извѣщаютъ о новомъ знаменіи: видѣли они три радужныхъ столпа съ тремя вѣнцами наверху. И это не къ добру! А тутъ еще падаютъ проливные дожди съ градомъ и вмѣсто обычной жаркой погоды стоитъ такой холодъ, что надобно ходить въ тепломъ платьѣ.

Около 20-хъ чиселъ іюня подошли многочисленные струги воровскихъ казаковъ и стали обступать городъ, окруженный волжскими рукавами и протоками. Чтобы не дать пріюта казакамъ, власти сожгли подгородную Татарскую слободу. Ворота городскія заложили кирпичомъ. Митрополитъ съ духовенствомъ обходилъ стѣны крестнымъ ходомъ. Нѣсколько Стенькиныхъ лазутчиковъ, проникшихъ въ городъ, схвачены и казнены. Стрѣлецкіе старшины и лучшіе посадскіе люди были собраны на митрополичій дворъ и послѣ архипастырскихъ убѣжденій дали обѣщаніе биться съ ворами, не щадя своего живота. Посадскіе были вооружены и поставлены для обороны города на ряду со стрѣльцами. Видя приготовленія непріятелей къ ночному приступу, князь Прозоровскій взялъ благословеніе у митрополита, облекся въ ратную сбрую и на боевомъ конѣ къ вечеру выступилъ со своего двора при соблюденіи обычнаго на войнѣ церемоніала. Его сопровождали братъ Михаилъ Семеновичъ, дѣти боярскіе, свои дворовые слуги и приказные люди; впередъ вели коней, покрытыхъ попонами, трубили въ трубы и били въ тулунбасы. Онъ сталъ у Вознесенскихъ воротъ, на которыя казаки, повидимому, хотѣли ударить главными силами. Но то былъ обманъ: въ дѣйствительности они намѣтили другія мѣста для приступа. Послѣ тихой ночи на разсвѣтѣ казаки вдругъ приставили лѣстницы и полѣзли на укрѣпленія. Съ послѣднихъ раздались пушечные выстрѣлы. Но это были большей частью безвредные выстрѣлы. Заготовленые камни и кипятокъ не посыпались и не полились на непріятелей. Напротивъ, мнимые защитники подавали имъ руки и помогали взлѣзать на стѣны.

Съ гикомъ и крикомъ казаки ворвались въ городъ и вмѣстѣ съ астраханскою чернью принялись избивать дворянъ, дѣтей боярскихъ, начальственныхъ лицъ и воеводскихъ слугъ. Братъ воеводы палъ, пораженный изъ самопала; самъ князь Прозоровскій получилъ смертельную рану копьемъ въ животъ и на коврѣ отнесенъ своими холопами въ соборный храмъ. Сюда поспѣшилъ митрополитъ Іосифъ и собственноручно

пріобщилъ свв. Тайнъ воеводу, съ которымъ находился въ большой дружбѣ. Храмъ наполнился бѣжавшими отъ воровъ подьячими, стрѣльцами, офицерами, купцами, дѣтьми боярскими, женщинами, дѣвицами и дѣтьми. Желѣзныя рѣшетчатыя двери храма заперли, и у нихъ сталъ стрѣлецкій пятидесятникъ Фролъ Дура съ ножомъ въ рукахъ. Казаки выстрѣлили сквозь двери и убили ребенка на рукахъ у матери; потомъ выломали рѣшетку. Фролъ Дура отчаянно оборонялся ножомъ и былъ изрубленъ. Князя Прозоровскаго и многихъ другихъ вытащили изъ храма и посадили подъ раскатъ. Пришелъ Стенька Разинъ и изрекъ свой судъ. Воеводу взвели на раскатъ и оттуда сбросили внизъ; остальныхъ тутъ же рубили мечами, сѣкли бердышами, избивали дубинами. Потомъ трупы ихъ отвезли въ Троицкій монастырь и свалили въ общую могилу; стоявшій у нея старецъ монахъ насчиталъ 441 трупъ. Только кучка Черкесовъ (людей Каспулата Муцаловича), засѣвшая въ одной башнѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими Русскими, отстрѣливались до тѣхъ поръ, пока у нея не стало пороху; тогда они попытались бѣжать за городъ, но были настигнуты и изрублены. Нѣмцы тоже пробовали обороняться, но потомъ обратились въ бѣгство. Въ городѣ происходилъ неистовый грабежъ. Грабили приказную палату, церковное имущество, дворы купцовъ и иноземныхъ гостей, каковы Бухарскій, Гилянскій, Индѣйскій. Все это потомъ было свезено въ одно мѣсто и подѣлено (подуванено). Кромѣ своей кровожадности, Стенька отличался еще особою ненавистью къ приказному письмоводству: онъ велѣлъ собрать всѣ бумаги изъ правительственныхъ мѣстъ и торжественно ихъ сжечь. При этомъ похвалялся, что также сожжетъ всѣ дѣла на Москвѣ *въ Верху*, т.-е. у самого государя.

Астрахань подверглась оказаченію. Населеніе было раздѣлено на тысячи, сотни и десятки, и отнынѣ должно было управлятся казачьимъ кругомъ и выборными атаманами, эсаулами, сотниками и десятниками. Однажды утромъ устроена была торжественная присяга за городомъ, гдѣ населеніе произносило клятву вѣрно служить великому государю и Степану Тимоѳеевичу, а измѣнниковъ выводить. Разинъ, очевидно, не рѣшался открыто посягнуть на царскую власть, столь глубоко внѣдрившуюся въ умы Русскаго народа: онъ постоянно твердилъ, что вооружился за великаго государя противъ его измѣнниковъ московскихъ бояръ и приказныхъ людей; а извѣстно, что эти два сословія были нелюбимы народомъ, который имъ приписывалъ всѣ неправды, всѣ свои тяготы и въ особенности водвореніе крѣпостного состоянія. Естественно поэтому, какой дружный откликъ находилъ въ низшихъ классахъ призывъ къ свободѣ и казацкому равенству не только среди

холопства и крестьянства, но также среди посадскихъ жителей и простыхъ служилыхъ людей, каковы пушкари, воротники, затинщики и, наконецъ, самые стрѣльцы. Послѣдніе составляли въ поволжскихъ городахъ главную опору воеводской власти; но они не были довольны своей подъ часъ тяжелой, скудно вознаграждаемой службой и съ завистью смотрѣли на вольнаго казака, имѣвшаго возможность проявить свою удаль, погулять на просторѣ и обогатить себя добычею. Отсюда понятно, почему стрѣльцы въ тѣхъ мѣстахъ такъ легко переходили на сторону воровского казачества. Мѣстному духовенству въ этихъ смутныхъ обстоятельствахъ пришлось играть незавидную страдательную роль. Когда всѣ гражданскія власти были истреблены, митрополитъ Іосифъ затворился на своемъ дворѣ и, повидимому, только скорбѣлъ о событіяхъ, сознавая свою безпомощность. Среди священниковъ нашлось нѣсколько лицъ, самоотверженно пытавшихся обличать Стеньку и его товарищей; но они были замучены; другіе поневолѣ исполняли приказанія атамана; напримѣръ, безъ архіерейскаго разрѣшенія вѣнчали дворянскихъ женъ и дочерей, которыхъ Стенька насильно выдавалъ замужъ за своихъ казаковъ. Притомъ же воровскіе казаки менѣе всего отличались религіозностію. Стенька не соблюдалъ постовъ и неуважительно относился къ церковнымъ обрядамъ; его примѣру слѣдовали не только старые казаки, но и новые, т.-е. астраханскіе жители; а кто думалъ противорѣчить, тѣхъ нещадно били.

Шумно и весело праздновали казаки свою удачу въ Астрахани. Ежедневно шла гульба и попойки. Стенька Разинъ постоянно былъ пьянъ и въ такомъ видѣ рѣшалъ судьбу людей, въ чемъ-либо провинившихся и представленныхъ къ нему на судъ: одного приказывалъ утопить, другого обезглавить, третьяго изувѣчить, а четвертаго по какому-то капризу пустить на волю. Въ день имянинъ царевича Ѳеодора Алексѣевича онъ вдругъ съ начальными казаками пришелъ въ гости къ митрополиту, и тотъ угостилъ ихъ обѣдомъ. А потомъ онъ же велѣлъ взять поочередно обоихъ сыновей убитаго князя Прозоровскаго, которые вмѣстѣ съ матерью скрывались въ митрополичьихъ палатахъ. Старшаго 16-лѣтняго онъ спрашивалъ, гдѣ таможенныя деньги, собиравшіяся съ торговыхъ людей. „Пошли на жалованье служилымъ людямъ", отвѣчалъ княжичъ и сослался на подьячаго Алексѣева. „А гдѣ ваши животы?" продолжалъ онъ допрашивать и получилъ отвѣтъ: „разграблены". Обоихъ мальчиковъ Стенька велѣлъ повѣсить за ноги на городской стѣнѣ, а подьячаго—на крюкѣ за ребро. На другой день подьячаго сняли мертваго, старшаго Прозоровскаго сбросили со стѣны, а младшаго живого высѣкли и отдали матери.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ пьянаго и празднаго пребыванія въ Астрахани.

Стенька, наконецъ, опомнился и сообразилъ, что въ Москвѣ хотя и не скоро, а все же получили извѣстіе объ его подвигахъ и собираютъ противъ него силы. Онъ велѣлъ готовиться къ походу. Въ это время приходитъ къ нему толпа астраханцевъ и говоритъ, что нѣкоторые дворяне и приказные люди успѣли скрыться. Она просила, чтобы атаманъ велѣлъ ихъ разыскать, а иначе, въ случаѣ присылки государева войска, они будутъ имъ первыми непріятелями. «Когда уѣду изъ Астрахани, тогда дѣлайте что хотите», отвѣтилъ Стенька. Въ Астрахани онъ вручилъ атаманскую власть Васькѣ Усу, а товарищами ему назначилъ атамановъ Ѳедьку Шелудяка и Ивана Терскаго; оставилъ половину показаченныхъ астраханцевъ и стрѣльцовъ и по два отъ каждаго десятка Донцовъ. А съ остальными поплылъ вверхъ по Волгѣ на двухъ стахъ стругахъ; берегомъ шли 2.000 конныхъ казаковъ. Достигнувъ Царицына, онъ отправилъ на Донъ часть награбленнаго въ Астрахани добра подъ прикрытіемъ особаго отряда. Слѣдующіе наиболѣе значительные города, Саратовъ и Самара, были легко захвачены, благодаря измѣнѣ ратныхъ людей. Воеводы, дворяне и приказные люди подверглись избіенію; имѣнье ихъ разграблено; а жители получили казацкое устройство, и часть ихъ подкрѣпила воровскія полчища.

Въ началѣ сентября 70-го года Стенька былъ уже подъ Симбирскомъ.

Разосланные имъ лазутчики успѣли разсѣяться въ понизовыхъ областяхъ, а нѣкоторые проникли до самой Москвы. Вездѣ они смущали народъ заманчивыми обѣщаніями истребить бояръ и приказныхъ людей, ввести равенство, а слѣдовательно и раздѣлъ имущества. Для вящшаго уловленія простонародья хитрый воръ прибѣгъ даже къ такому обману: его агенты увѣряли, что въ казацкомъ войскѣ находятся несправедливо сверженный царемъ патріархъ Никонъ и (умершій въ началѣ этого года) наслѣдникъ престола царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, подъ именемъ *Нечая*; послѣдній яко бы не умеръ, а убѣжалъ отъ боярской злобы и родительской неправды. Возбуждая такимъ образомъ православное русское населеніе, агенты Стеньки вели другія рѣчи среди раскольниковъ и инородцевъ; первымъ обѣщали свободу старой вѣры, вторымъ освобожденіе отъ русскаго владычества. Такимъ образомъ возмущены были Черемисы, Чуваши, Мордва, Татары, и многіе изъ нихъ спѣшили соединиться съ полчищами Разина. Онъ призывалъ даже и внѣшнихъ враговъ на помощь къ себѣ противъ Московскаго государства: для этого онъ посылалъ за Крымскою ордою

и предлагалъ свое подданство Персидскому шаху. Но то и другое было безуспѣшно. Шахъ, пылая мщеніемъ за грабительскій набѣгъ и гнушаясь сношеніемъ съ разбойникомъ, велѣлъ казнить Стенькиныхъ посланцевъ.

Городъ Симбирскъ былъ очень важенъ по своему положенію: онъ входилъ въ укрѣпленную черту или засѣчную линію, шедшую на западъ до Инсара, на востокъ до Мензелинска. Предстояла трудная задача не пропустить Стеньку съ его полчищами внутрь этой черты. Симбирскъ имѣлъ крѣпкій городъ, т.-е. кремль, и кромѣ того укрѣпленный посадъ или острогъ. Кремль былъ достаточно снабженъ пушками и имѣлъ гарнизонъ изъ стрѣльцовъ, солдатъ, а также изъ помѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые собрались сюда изъ уѣзда и сѣли въ осаду. Воеводой здѣсь былъ окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій. Въ виду близкаго нашествія онъ неоднократно просилъ помощи у главнаго казанскаго воеводы князя Урусова. Тотъ медлилъ и, наконецъ, послалъ ему отрядъ подъ начальствомъ окольничаго князя Юрія Никитича Барятинскаго. Послѣдній подошелъ къ Симбирску почти одновременно съ Разинскимъ полчищемъ; у него были солдаты и рейтары, т.-е. люди, обученные европейскому строю, но въ недостаточномъ числѣ. Онъ выдержалъ упорный бой, но не могъ пробраться къ городу, и тѣмъ болѣе, что многіе его рейтары изъ Татаръ дали тылъ, а Симбирцы измѣнили и впустили казаковъ въ острогъ. Милославскій заперся въ кремлѣ. Барятинскій отступилъ къ Тетюшамъ и запросилъ подкрѣпленій. Около мѣсяца Милославскій оборонялся въ своемъ городѣ и отбилъ всѣ казацкіе приступы. Наконецъ, Барятинскій, получивъ подкрѣпленія, вновь приблизился къ Симбирску. Тутъ въ началѣ октября на берегахъ Свіяги Разинъ напалъ на него всѣми своими силами; но былъ разбитъ, самъ получилъ двѣ раны и отошелъ къ острогу. Барятинскій соединился съ Милославскимъ. Въ слѣдующую ночь Стенька думалъ зажечь городъ. Но вдругъ онъ услыхалъ вдали крики съ другой стороны. То была часть войска, отряженная Барятинскимъ съ цѣлью обмануть непріятеля. Дѣйствительно, Стенькѣ показалось, что идетъ новое царское войско, и онъ рѣшилъ бѣжать. Нестройнымъ толпамъ оказаченныхъ посадскихъ людей и инородцевъ онъ объявилъ, что хочетъ съ своими Донцами ударить въ тылъ воеводамъ. Вмѣсто того бросился на лодки и уплылъ внизъ по Волгѣ. Воеводы зажгли острогъ и дружно напали на толпы мятежниковъ съ двухъ сторонъ; увидя себя обманутыми и покинутыми, послѣдніе также поспѣшили къ лодкамъ; но были настигнуты и подверглись страшному избіенію. Нѣсколько сотъ взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ были безъ суда и пощады казнены.

Праздное пребываніе Стеньки въ Астрахани и задержка его подъ Симбирскомъ дали Московскому правительству время собрать силы и вообще принять мѣры для борьбы съ мятежомъ. Но первое неудачное столкновеніе Барятинскаго съ воровскими казаками и отступленіе къ Тетюшамъ въ свою очередь помогли Разинскимъ клевретамъ распространить мятежъ къ сѣверу и западу отъ Симбирска, т.-е. внутри засѣчной черты. Мятежъ уже пылалъ здѣсь на большомъ пространствѣ, когда разбитый Разинъ бѣжалъ на югъ съ своими Донцами. Можно себѣ представить, какіе размѣры могъ принять этотъ пожаръ, если бы Разинъ отъ Симбирска побѣдителемъ двинулся на сѣверъ. Теперь же царскимъ воеводамъ предстояло имѣть дѣло съ раздробленными мятежными толпами, лишенными единства и общаго предводителя. И тѣмъ не менѣе, имъ пришлось еще много и долго бороться съ этой многоглавой гидрой. Такъ велико было движеніе посадскаго и крестьянскаго люда, возбужденное главнымъ образомъ противъ сословій приказнаго и помѣщичьяго.

Мятежъ охватилъ все пространство между нижнею Окою и среднею Волгой и главнымъ образомъ кипѣлъ въ области рѣки Суры. Онъ большею частію начинался въ селахъ; крестьяне избивали помѣщиковъ и грабили ихъ дворы, затѣмъ подъ руководствомъ разинскихъ Донцевъ составляли казацкія шайки и шли на города. Тутъ посадская чернь отворяла имъ ворота, помогала избивать воеводъ и приказныхъ людей, вводила у себя казацкое устройство и ставила собственныхъ атамановъ. Бывало и наоборотъ: городская чернь поднимала мятежъ, составляла ополченіе или приставала къ какой-либо казачьей шайкѣ и шла въ уѣздъ, чтобы возмущать крестьянъ и истреблять помѣщиковъ. Во главѣ этихъ мятежныхъ ополченій обыкновенно становились присланные Разинымъ атаманы, напримѣръ, Максимъ Осиповъ, Мишка Харитоновъ, Васька Ѳедоровъ, Шиловъ и пр. Нѣкоторыя мятежныя толпы двинулись вдоль Саранской засѣчной черты, взяли Корсунь, Атемаръ, Инсаръ, Саранскъ; затѣмъ овладѣли Пензой, Нижнимъ и Верхнимъ Ломовымъ, Керенскомъ и вступили въ Кадомскій уѣздъ. Другія толпы пошли на Алатырь, который взяли и сожгли вмѣстѣ съ воеводой Бутурлинымъ, его семьей и дворянами, запершимися въ соборной церкви. Потомъ взяли Темниковъ, Курмышъ, Ядринъ, Васильсурскъ, Козмодемьянскъ. За одно съ русскими крестьянами атаманы поднимали и брали въ свои шайки приволжскихъ инородцевъ, т.-е. Мордву, Татаръ, Черемисъ и Чувашъ. Крестьяне богатаго села Лыскова сами призвали къ себѣ атамана Осипова изъ Курмыша и вмѣстѣ съ нимъ пошли на противный берегъ Волги осаждать Макарьевъ Желтоводскій монастырь, въ которомъ сложено

было на храненіе имущество многихъ зажиточныхъ людей изъ сосѣдняго края. Воры съ крикомъ «Нечай! Нечай!» сдѣлали приступъ къ монастырю и пытались его зажечь. Но монахи и служки съ помощью своихъ крестьянъ и богомольцевъ отбили приступъ и потушили пожаръ. Воры ушли въ село Мурашкино; а потомъ они скоро воротились и нечаяннымъ нападеніемъ успѣли захватить монастырь; хранившееся тамъ добро, конечно, было разграблено. Въ селѣ Мурашкинѣ атаманъ Осиповъ сталъ собирать большія силы, чтобы идти на Нижній-Новгородъ, куда городская чернь уже призывала казаковъ. Но въ это время пришла вѣсть о пораженіи Разина подъ Симбирскомъ и бѣгствѣ его на низъ. Царскіе воеводы могли теперь обратить свои полки на усмиреніе посадско-крестьянскаго мятежа.

Однако, борьба съ многочисленными и широко распространившимися мятежными толпами оказалась не легкою. Во главѣ царскихъ воеводъ для этой борьбы поставленъ былъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Онъ сдѣлалъ своимъ опорнымъ пунктомъ Арзамасъ, откуда и направлялъ въ разныя стороны дѣйствія подчиненныхъ себѣ воеводъ. Главное его затрудненіе состояло въ недостаткѣ войска; назначенные подъ его начальство стольники, стряпчіе, дворяне и дѣти боярскіе большею частью числились въ нѣтяхъ, ибо всѣ дороги кишѣли воровскими шайками, которыя не пропускали ратныхъ людей, шедшихъ въ свои полки. Тѣмъ не менѣе, отряды, посылаемые кн. Долгорукимъ, начали побивать мятежныя скопища и мало-по-малу очищать отъ нихъ сосѣдній край. Главныя силы мятежниковъ сосредоточивались въ селѣ Мурашкинѣ. Долгорукій послалъ на нихъ воеводъ князя Щербатова и Леонтьева. 22 октября эти воеводы выдержали упорный бой съ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ, имѣвшимъ у себя немалое количество пушекъ, и разгромили его. Лысковцы сдались безъ боя, и воеводы съ торжествомъ вступили въ Нижній. Затѣмъ продолжалось постепенное очищеніе Нижегородскаго уѣзда, несмотря на отчаянное сопротивленіе воровскихъ шаекъ, иногда заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку тысячъ человѣкъ и защищавшихся въ трущобахъ, укрѣпленныхъ валами и засѣками. Само собой разумѣется, что побѣды надъ ними и вообще усмиреніе мятежниковъ сопровождались жестокими ихъ казнями, сожженіемъ цѣлыхъ селъ и деревень.

За очищеніемъ Нижегородскаго уѣзда послѣдовало такое же сопровождаемое отчаянными боями усмиреніе Кадомскаго, Темниковскаго, Шацкаго и т. д. Когда воровскія силы постепенно были сломлены, а многочисленные казни и разгромы устрашили умы, началось обратное движеніе. Мятежные города и села стали встрѣчать воеводъ-побѣдителей съ духо-

венствомъ, образами и крестами и бить челомъ о прощеніи, ссылаясь на то, что они пристали къ мятежу невольно подъ угрозами смерти и разоренія отъ воровъ; при чемъ иногда сами выдавали зачинщиковъ и вожаковъ. Воеводы казнили этихъ вожаковъ и приводили къ присягѣ челобитчиковъ. Любопытный случай произошелъ въ Темниковѣ. Повинившіеся жители его, между прочимъ, выдали кн. Долгорукову, какъ вожаковъ мятежа попа Савву и старицу-колдунью Алену. Послѣдняя, крестьянка родомъ, постригшаяся въ монахини, не только начальствовала воровскою шайкою, но призналась (на пыткѣ конечно) въ томъ что занималась вѣдовствомъ и портила людей. Мятежнаго попа повѣсили, а старицу-мнимую колдунью сожгли.

Когда Долгорукій въ своемъ постепенномъ движеніи съ запада на востокъ дошелъ до Суры, т.-е. приблизился къ Казани, отсюда былъ отозванъ за свою медлительность воевода князь П. С. Урусовъ. Назначенный на его мѣсто князь Долгорукій получилъ подъ свое начальство воеводъ, сражавшихся съ Разинымъ. Изъ нихъ князь Юрій Барятинскій принялъ самое дѣятельное участіе въ дальнѣйшей борьбѣ съ мятежомъ. Онъ имѣлъ нѣсколько упорныхъ битвъ съ воровскими скопищами, состоявшими подъ начальствомъ атамановъ Ромашки и мурзы Калка. Особенно замѣчательна его побѣда надъ ними 12 ноября 1670 года подъ Усть-Уренской Слободой, на берегахъ рѣчки Кондратки, впадающей въ Суру; здѣсь пало столько мятежниковъ, что, по его же выраженію, кровь текла большими ручьями, какъ послѣ сильнаго дождя. Навстрѣчу побѣдителю пришла большая толпа жителей изъ Алатыря и его уѣзда съ образами; она со слезами молила о прощеніи и о защитѣ отъ воровскихъ шаекъ. Барятинскій занялъ Алатырь и укрѣпился здѣсь, въ ожиданіи нападенія. Дѣйствительно, вскорѣ сюда направились соединенныя силы атамановъ Калки, Савельева, Никитинскаго, Ивашки Маленькаго и др. Барятинскій соединился съ отправленнымъ къ нему на помощь воеводою Василіемъ Панинымъ, разбилъ воровскія полчища и на пространствѣ 15 верстъ гналъ бѣгущихъ, устилая дорогу трупами. Побѣдители двинулись къ Саранску, подвергая казни захваченныхъ вожаковъ и приводя русскихъ крестьянъ къ присягѣ, а Татаръ и Мордву къ шерти по ихъ вѣрѣ. Въ тоже время дѣйствовали и другіе воеводы отправленные княземъ Долгоруковымъ, который послѣ Темникова расположился въ Красной Слободѣ. Князь Конст. Щербатый очищалъ отъ воровъ Пензенскій край, Верхній и Нижній Ломовы; Яковъ Хитрово двигался на Керенскъ и въ деревнѣ Ачадовѣ поразилъ воровское скопище; при чемъ особенно отличилась смоленская шляхта съ своимъ полковникомъ Швыйковскимъ. Керенчане отворили ворота побѣдителямъ.

Пользуясь движеніемъ воеводъ къ югу, въ тылу у нихъ въ Алатырскомъ и Арзамасскомъ уѣздахъ снова собрались воровскія шайки изъ Русскихъ и Мордвы и стали укрѣпляться въ засѣкахъ, вооруженныхъ пушками. Противъ нихъ отправленъ воевода Леонтьевъ, который разгромилъ воровъ, взялъ ихъ засѣки и сжегъ ихъ деревни. По нагорному берегу Волги князь Данила Барятинскій (братъ Юрія) усмирялъ мятежныхъ Чувашъ и Черемисовъ. Онъ занялъ Цивильскъ, Чебоксары, Васильсурскъ, взялъ приступомъ Козьмодемьянскъ и разбилъ пришедшее сюда изъ Ядрина многотысячное воровское скопище; послѣ чего Ядринцы и Курмышане добили челомъ. Усмиреніе сопровождалось обычными казнями воровскихъ вожаковъ. Любопытно, что въ ихъ средѣ иногда встрѣчаются священники; таковымъ въ Козьмодемьянскѣ явился соборный попъ Ѳедоровъ.

Такимъ образомъ, къ началу 1671 года Волжско-Окскій край былъ умиротворенъ огнемъ и мечомъ, т.-е потоками крови и заревомъ пожаровъ подавлено движеніе крестьянъ и посадскихъ противъ крѣпостного права, противъ московскихъ бояръ и приказныхъ людей. Но на юговосточной украйнѣ казацкая голытьба еще свирѣпствовала; а Стенька Разинъ еще гулялъ на свободѣ.

Однако и ему скоро пришелъ конецъ.

Напрасно Стенька распространялъ молву о своемъ чародѣйствѣ, о томъ, что его не беретъ ни пуля, ни сабля и что сверхъестественныя силы ему помогаютъ. Тѣмъ скорѣе и полнѣе наступило разочарованіе, когда сторонники, увлеченные его успѣхомъ и обѣщаніями, вдругъ увидали его побитымъ, израненнымъ и спасающимся бѣгствомъ. Самарцы и Саратовцы заперли передъ нимъ свои ворота. Только въ Царицынѣ нашелъ онъ пріютъ и отдыхъ съ остатками своихъ шаекъ. Хотя въ его распоряженіи еще были мятежныя астраханскія силы; но онъ не захотѣлъ явиться туда теперь же и бѣглецомъ; а перебрался въ свой Кагальницкій городокъ и отсюда пытался прежде поднять весь Донъ.

Пока мятежники имѣли успѣхъ, Донское войско держало себя нерѣшительно и выжидало событій. Главный его атаманъ Корнило Яковлевъ, будучи противникомъ мятежа, однако, дѣйствовалъ осторожно и такъ ловко, что уцѣлѣлъ отъ ярыхъ, безпощадныхъ клевретовъ Разина и въ то же время велъ негласныя сношенія съ Московскимъ правительствомъ. Когда въ сентябрѣ 1670 года на Донъ пришла новая царская грамота съ увѣщаніемъ о вѣрности и прочитана была въ казацкомъ кругу, Яковлевъ попытался уговаривать братьевъ-казаковъ, чтобы они отложили свою дурость, покаялись и по примѣру отцовъ своихъ служили

великому государю вѣрою и правдою. Домовитые поддержали было атамана и хотѣли уже выбрать станицу, чтобы послать ее въ Москву съ повинною. Но сторонники Разина еще составляли сильную партію, которая и воспротивилась этому выбору. Прошло еще два мѣсяца. Вѣсть о пораженіи и бѣгствѣ Степьки немедленно измѣнила положеніе на Дону. Корнило Яковлевъ явно и рѣшительно началъ дѣйствовать противъ мятежниковъ и нашелъ дружную поддержку въ средѣ домовитыхъ. Напрасно Стенька разсылалъ своихъ клевретовъ; никто не шелъ къ нему на помощь. Въ безсильной злобѣ своей онъ (по словамъ современнаго акта) нѣсколько захваченныхъ противниковъ сжегъ въ печи вмѣсто дровъ. Напрасно онъ явился съ своей шайкой и хотѣлъ лично дѣйствовать въ Черкаскѣ; его не впустили въ городъ и заставили уйти ни съ чѣмъ. Этотъ случай, однако, побудилъ войскового атамана Яковлева отправить въ Москву станицу съ просьбой о присылкѣ войска на помощь противъ мятежниковъ. Въ Москвѣ, по распоряженію патріарха, въ недѣлю Православія на ряду съ другими богоотступниками провозгласили громогласную анаѳему Стенькѣ Разину. Донцамъ отвѣтили приказомъ чинить промыселъ надъ Стенькою и доставить его въ Москву; а бѣлгородскому воеводѣ князю Ромодановскому велѣно отправить на Донъ стольника Косогова съ тысячью отборныхъ рейтаръ и драгунъ. Но прежде нежели подоспѣлъ Косоговъ, Корнило Яковлевъ съ Донскимъ войскомъ подступилъ къ Кагальницкому городку. Воровскіе казаки, видя, что на Дону дѣло ихъ совсѣмъ проиграно, большею частью покинули своего атамана и бѣжали въ Астрахань. 14 апрѣля 1671 года городокъ былъ взятъ и сожженъ. Попавшіе въ плѣнъ сообщники Разина перевѣшаны; только онъ съ братомъ Фролкою подъ сильнымъ конвоемъ живыми доставлены въ Москву.

Одѣтый въ рубище, на телѣгѣ съ укрѣпленной на ней висѣлицей, прикованный къ ней цѣпью, знаменитый разбойничій атаманъ въѣхалъ въ столицу; братъ его бѣжалъ за телѣгою, также привязанный къ ней цѣпью. Народныя толпы съ любопытствомъ смотрѣли на человѣка, о которомъ было столько тревожныхъ слуховъ и всякихъ толковъ. Злодѣя привезли на Земскій дворъ, гдѣ думные люди подвергли его обычному розыску. Иностранныя извѣстія говорятъ, будто во время сего розыска Стенька еще разъ показалъ желѣзную крѣпость своего тѣла и своего характера: онъ вытерпѣлъ всѣ самые жестокіе способы пытокъ и ничего не отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы. Но извѣстія эти не совсѣмъ вѣрны: Разинъ отвѣчалъ кое-что и, между прочимъ, говорилъ, будто Никонъ присылалъ къ нему монаха. 6 іюня на Красной площади онъ съ видомъ безчувствія встрѣтилъ свою лютую казнь: его

четвертовали, а части тѣла растыкали на кольяхъ на замоскворѣцкомъ такъ называемомъ Болотѣ. Братъ его Фролка, закричавшій, что у него есть государево слово и дѣло, получилъ отсрочку и былъ казненъ, спустя нѣсколько лѣтъ.

Московское правительство не преминуло воспользоваться обстоятельствами, чтобы стѣснить донскую вольность и болѣе прочными узами закрѣпить войско за государствомъ. Стольникъ Косоговъ привезъ на Донъ милостивую царскую грамоту, денежное и хлѣбное жалованье, а также боевые припасы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ привезъ и требованіе присяги на вѣрную службу великому государю. Молодые и менѣе значные казаки попытались было противорѣчить въ казачьихъ кругахъ, но старые взяли верхъ, и 29 августа Донцы, съ войсковымъ атаманомъ Семеномъ Логиновымъ во главѣ, приведены были священникомъ къ присягѣ по установленному чину, въ присутствіи стольника и дьяка. Послѣ того войску предложено было идти на помощь воеводамъ противъ астраханскихъ мятежниковъ. Но прежде нежели оно собралось въ походъ, въ Астрахани дѣло съ мятежомъ было покончено.

Главнымъ атаманомъ казаковъ здѣсь, какъ извѣстно, оставался подобный Стенькѣ извергъ Васька Усъ. Старшими атаманами показаченныхъ астраханцевъ были Ѳедоръ Шелудякъ и Иванъ Терскій; а послѣ ухода послѣдняго на Донъ его мѣсто заступилъ Иванъ Красулинъ. По отъѣздѣ Разина, казаки занимались нѣкоторое время очищеніемъ города отъ своихъ враговъ, т.-е. розыскомъ и избіеніемъ подьячихъ и другихъ людей, заподозрѣнныхъ въ приверженности къ боярскому правительству. Но въ Астрахани оставалась еще власть духовная, которая не преклонялась передъ грубою силою и твердо держала московское государственное знамя. То былъ митрополитъ Іосифъ; въ это критическое время, окруженный со всѣхъ сторонъ измѣною и мятежомъ, угрожаемый постоянно насильственною смертію, безпомощный старецъ явился на высотѣ своего призванія. Невинные люди, осужденные на казнь, не разъ искали убѣжища въ митрополичьихъ палатахъ. Разыскивая ихъ, мятежники врывались въ эти палаты, кричали на митрополита, осыпали его бранью, грозили истребить всѣхъ его домовыхъ людей, убить и его самого, однако, пока не рѣшались поднять на него руку. Іосифъ повѣдалъ своимъ приближеннымъ, что ему было сонное видѣніе: представилась ему палата вельми чудная и украшенная; сидятъ въ ней трое убіенныхъ мятежниками князей Прозоровскихъ, бывшій его пріятель воевода Иванъ Семеновичъ съ братомъ и сыномъ; на ихъ головахъ сіяли золотые вѣнцы съ драгоцѣнными каменьями и пили они сладкое питье

паче меда; но ему, митрополиту, сидящему поодаль отъ нихъ, не дали пить и сказали: «Онъ еще къ намъ не поспѣлъ».—«Да,—прибавилъ владыка—еще не пришелъ часъ мой».

И дѣйствительно, послѣ того прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока рѣшилась судьба митрополита.

Когда Стенька, разбитый подъ Симбирскомъ, бѣжалъ на Донъ, въ Астрахань пришла окружная царская грамота съ увѣщаніемъ къ мятежникамъ, чтобы они принесли повинную и добили челомъ великому государю. Грамота эта была доставлена митрополиту посланцами-Татарами. Іосифъ велѣлъ сдѣлать съ нея нѣсколько списковъ; одинъ изъ нихъ онъ отправилъ къ эсаулу Лебедеву для убѣжденія казаковъ, а самъ велѣлъ звонить въ большой колоколъ и созывать народъ въ соборную церковь, чтобы выслушать тамъ царскую грамоту. Эсаулъ поспѣшилъ на атаманскій дворъ и донесъ Васькѣ Усу о томъ, будто митрополитъ со своими попами и домовыми людьми сочиняетъ подложныя грамоты и хочетъ всѣхъ казаковъ выдать въ руки боярамъ. Межъ тѣмъ соборный ключарь, по приказу митрополита, облачась прочелъ съ амвона грамоту и, окончивъ чтеніе, передалъ ее владыкѣ. Но тутъ бросились къ нему казаки и вырвали изъ его рукъ грамоту. «Еретики! Измѣнники!» обрушился на нихъ Іосифъ. Тѣ въ свою очередь осыпали старца всякими бранными словами. «На раскатъ его!»—кричали одни. «Въ воду!»—отзывались другіе. «Въ заточенье!»—перебивали третьи. Однако и на сей разъ угрозы эти не были приведены въ исполненіе. Грамоту отнесли къ атаману. А на слѣдующій день схватили ключаря и пытками дознались отъ него о существованіи списковъ съ грамоты, которые затѣмъ и отобрали у владыки.

Миновала зима.

Въ апрѣлѣ вдругъ приходитъ вѣсть, что Кагальницкій городокъ разоренъ самими Донцами, а Разинъ схваченъ и отправленъ въ Москву. Смятеніе и тревога овладѣли астраханцами. А въ это время митрополитъ узналъ, что за Волгою стоятъ Татары, которые привезли изъ Москвы новую царскую грамоту. Іосифъ въ свою очередь далъ о томъ знать казацкимъ старшинамъ и тщетно звалъ ихъ къ себѣ. Наконецъ лично пришелъ на базаръ и сталъ говорить казакамъ, чтобы они отправились на ту сторону Волги за новою грамотою, а что самъ онъ не шлетъ за нею, такъ какъ его уже поклепали первою грамотою. «Великій государь свѣтъ милостивъ и вины вамъ отдастъ»,—прибавлялъ онъ. Но казаки не смѣли идти безъ атаманскаго приказа. Возвращаясь въ соборный храмъ, владыка встрѣтилъ Ваську Уса съ эсауломъ Топоркомъ, которые стали съ нимъ перебраниваться; особенно дерзокъ

былъ эсаулъ. Іосифъ назвалъ его окаяннымъ еретикомъ и замахнулся на него посохомъ.

На слѣдующій день, въ Страстную субботу, привезли грамоты въ соборъ, распечатали ихъ и начали читать. Но казаки не захотѣли слушать, вышли изъ собора и составили кругъ. Митрополитъ пошелъ за ними и велѣлъ читать грамоты въ кругу. Когда окончилось чтеніе, казаки снова начали кричать, что грамоты сочинилъ самъ митрополитъ со своими попами и что, если бы онѣ были подлинныя государевы, то имѣли бы красныя печати. Вся смута происходитъ отъ митрополита,— шумѣли казаки: «онъ переписывается и съ московскими боярами, и съ Терекомъ и съ Дономъ. По его письмамъ Терекъ и Донъ отъ насъ отложились». «Охъ, тужитъ по немъ раскатъ!»—прибавляли нѣкоторые. Старецъ, однако, не смутился этими угрозами, и, обратясь къ Астраханцамъ, увѣщевалъ ихъ исполнить государеву волю, выраженную въ грамотахъ: схватить донскихъ воровъ и посадить въ тюрьму до указу, а самимъ принести свои вины. «Онъ государь милостивъ, и вины вамъ отдастъ»,—повторялъ Іосифъ. Такое открытое требованіе схватить воровъ, а главное попытка отдѣлить астраханцевъ отъ казаковъ привели послѣднихъ въ бѣшенство. Они готовы были броситься на старца и тутъ же съ нимъ покончить; но уваженіе народной толпы къ величію наступавшаго праздника пока сдержало ихъ порывъ.

Когда прошла Святая недѣля, казаки принялись допрашивать въ своемъ кругу соборнаго ключаря и нѣкоторыхъ митрополичьихъ дѣтей боярскихъ, съ пытками добиваясь признанія въ томъ, что грамоты подложныя; но такого признанія не добились. Ключаря казнили, а дѣтей боярскихъ засадили подъ караулъ. Начали думать объ убіеніи митрополита; но остатокъ уваженія къ великому духовному сану мѣшалъ наложить на него руку. Въ это время астраханскіе мятежники сдѣлали отчаянную попытку возобновить бунтъ въ среднемъ Поволжьи и отправили туда войско подъ начальствомъ Ѳедора Шелудяка. Остановясь въ Царицынѣ, Шелудякъ собралъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Отовсюду получились неблагопріятныя для воровскихъ казаковъ извѣстія объ усмиреніи мятежниковъ и водвореніи правительственной власти. Оставалась одна Астрахань; но и на ея жителей трудно было полагаться, пока здѣсь сохранялась церковная власть въ лицѣ митрополита, который неустрашимо убѣждалъ свою паству покаяться, отложиться отъ воровъ, выдать ихъ. Шелудякъ собралъ кругъ, на которомъ рѣшено было убить митрополита, а также и воеводу князя Семена Львова, все еще остававшагося въ живыхъ. Съ этимъ рѣшеніемъ онъ послалъ казака Коченовскаго къ астраханскимъ атаманамъ, прибавивъ, что по

письмамъ владыки Іосифа и князя Семена не только отложились Терекъ и Донъ, но и произошла самая поимка Разина и что отъ нихъ грозитъ казакамъ конечная гибель. Эта присылка дала рѣшительный толчокъ, чтобы покончить съ митрополитомъ.

Утромъ 11 мая 1671 г. Іосифъ слушалъ проскомидію въ соборѣ. Вдругъ пришло нѣсколько казаковъ и позвали его въ свой кругъ. Старецъ облачился въ святительскія ризы, надѣлъ митру и съ крестомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи священниковъ, при звонѣ большого колокола отправился въ казачій кругъ. Тутъ Васька Усъ велѣлъ Коченовскому выступить впередъ и говорить съ чѣмъ пріѣхалъ. Тотъ объявилъ, что присланъ отъ войска съ донесеніемъ на митрополита въ перепискѣ съ Дономъ и Терекомъ. Іосифъ отвѣтилъ, что съ ними не переписывался. «А хотя бы и переписывался,—замѣтилъ онъ—то вѣдь это не съ Крымомъ и не съ Литвою». Затѣмъ онъ снова началъ увѣщевать казаковъ, чтобы они отстали отъ своего воровства и принесли повинную великому государю. Кругъ зашумѣлъ. «Что онъ пришелъ на насъ съ крестомъ, какъ будто мы невѣрные?» — кричали они. Нѣкоторые потянулись, чтобы сорвать съ него облаченіе. Тутъ нѣкій донской казакъ, по имени Миронъ, попытался заслонить собою митрополита, говоря: «что это, братцы, хотите руку поднять на такой великій санъ, къ какому намъ и прикоснуться нельзя!» Но казакъ Алешка Грузиновъ бросился на Мирона и схватилъ его за волосы; съ помощью другихъ вытащилъ изъ круга, и тутъ его изрубили. Однако, мятежники послѣ его словъ не рѣшились сами разоблачать владыку, а велѣли это сдѣлать священникамъ. Тѣ медлили. Іосифъ снялъ съ себя митру и, обратясь къ священникамъ и протодьякону, сказалъ: «Разоблачайте. Уже пришелъ часъ мой».

Разоблаченнаго владыку привели на зелейный (пороховой) дворъ и подвергли жестокой огненной пыткѣ, допрашивая о перепискѣ. Не получивъ никакого отвѣта, стали спрашивать, сколько у него казны. «Всего полтораста рублей»,—проговорилъ страдалецъ. Обожженнаго, изувѣченнаго старца потомъ повели къ раскату на казнь. Проходя мимо убитаго Мирона, онъ поклонился и осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ. Алешка Грузиновъ и его товарищи взвели старца на раскатъ, посадили на край и стали толкать. По невольному чувству самосохраненія, митрополитъ ухватился за Алешку и едва не увлекъ его съ собою. Товарищи отцѣпили его и столкнули старца. Когда раздался стукъ упавшаго на землю тѣла, и воры увидали предсмертныя судороги владыки, на нихъ напалъ ужасъ и нѣсколько минутъ они стояли въ молчаніи. Очнувшись, они снова составили кругъ, куда привели князя Семена Львова. Его также подвергли пыткѣ, а потомъ палачъ отрубилъ ему голову.

На слѣдующій день Васька Усъ и другіе атаманы собрали опять кругъ и составили запись, на которой всѣ казаки и посадскіе люди обязывались дружно жить между собою и стоять противъ измѣнниковъ-бояръ. Священники неволею принуждены были подписаться подъ этимъ приговоромъ за себя и за своихъ духовныхъ дѣтей. Но подобная запись мало подкрѣпляла духъ мятежниковъ и не могла разсѣять тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго мученическою кончиною митрополита. Тѣло его священники перенесли въ соборъ и тамъ пока похоронили въ придѣлѣ.

Походъ Ѳедьки Шелудяка вверхъ сначала имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Къ нему пристали не только царицынцы, но также саратовцы и самарцы, и онъ въ главѣ большого полчища въ іюнѣ дошелъ до Симбирска. Но тутъ такъ же, какъ у Разина, и окончилась его удача. Въ Симбирскѣ теперь начальствовалъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Онъ отбилъ приступы мятежниковъ; но послѣ имѣлъ неосторожность принять отъ нихъ грамоту о томъ, что они воюютъ противъ измѣнниковъ-бояръ, изъ которыхъ главные это князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Мало того, Шереметевъ отвѣчалъ атаманамъ и вошелъ съ ними въ переписку о принесеніи повинной и о посылкѣ за царскимъ указомъ. За это онъ потомъ подвергся царскому выговору. Межъ тѣмъ полчище, отступившее къ Самарѣ, большею частью разсѣялось; а Шелудякъ съ своимъ войскомъ ушелъ въ Астрахань. Тутъ онъ взялъ въ свои руки главное начальство; такъ какъ Васька Усъ, замучившій митрополита Іосифа, вскорѣ послѣ его кончины и самъ умеръ, какъ говорятъ, заживо съѣденный червями.

Вслѣдъ за Шелудякомъ, въ концѣ августа, подъ Астрахань приплыла царская рать, начальство надъ которою было ввѣрено боярину Ив. Богд. Милославскому, отличившемуся обороною Симбирска отъ Разина. Онъ остановился у Болдинскаго устья и отсюда посылалъ мятежникамъ увѣщанія о сдачѣ съ обѣщаніемъ помилованія. Но казаки и астраханцы приготовились къ отчаянной оборонѣ. Мало того, приведшій къ нимъ на помощь съ Дону остатки Разинцевъ, атаманъ Алешка Каторжный укрѣпился на нагорной сторонѣ Волги и отсюда препятствовалъ сообщеніямъ Милославскаго съ верховыми воеводами. Тогда послѣдній и съ своей стороны велѣлъ возвести земляной городокъ на томъ же нагорномъ берегу. Этотъ городокъ 12 сентября подвергся нападенію соединенныхъ шаекъ Шелудяка и Каторжнаго; но онѣ были отбиты. Послѣ того воры ограничились простою обороною Астрахани. Осада ея затянулась на цѣлыхъ три мѣсяца. Милославскій также не предпринималъ рѣшительныхъ дѣйствій. Онъ старался склонить жителей

къ покорности убѣжденіями и ласковымъ обхожденіемъ съ тѣми, которые приходили къ нему для переговоровъ или просто перебѣгали въ его станъ. На помощь царской рати явился черкесскій князь Каспулатъ Муцаловичъ, вѣрный вассалъ Московскаго государя. Теперь Астрахань была такъ стѣснена, что прекратился подвозъ съѣстныхъ припасовъ, и осажденнымъ грозилъ неизбѣжный голодъ. Въ городѣ началось разъединеніе: умѣренные стали склоняться на увѣщанія боярина. Тщетно самое непримиримое казачество пыталось свирѣпствовать и застращать коренныхъ жителей. Видя неминучую бѣду, Шелудякъ вошелъ въ сношенія съ княземъ Каспулатомъ; но тотъ перехитрилъ воровского атамана, выманилъ его изъ города и схватилъ. Оставшись безъ предводителя, астраханцы 26 ноября сдались на милость царскую.

Милославскій торжественно, при звонѣ колоколовъ, вступилъ въ городъ и обошелся очень мягко съ побѣжденными. Опираясь на обѣщаніе царскихъ грамотъ отдать вины покорившимся, онъ никого не казнилъ и не преслѣдовалъ. Даже Шелудякъ свободно проживалъ на его дворѣ; Алешка Грузиновъ отпущенъ изъ города, Иванъ Красулинъ тоже оставленъ на свободѣ. Впрочемъ, воевода дѣйствовалъ далеко небезкорыстно и собралъ съ виновниковъ мятежа обильную дань изъ награбленныхъ ими богатствъ. Въ Москвѣ не совсѣмъ были довольны такимъ образомъ дѣйствія воеводы; но благоразумно выждали время, пока Астраханскій край успокоился и дѣла вошли въ обычный порядокъ. А слѣдующимъ лѣтомъ сюда былъ присланъ князь Яковъ Одоевскій, чтобы произвести слѣдствіе и судъ надъ главными мятежниками. Всѣ они болѣе или менѣе подверглись казни; въ томъ числѣ Шелудякъ, Красулинъ и Грузиновъ были повѣшены. Менѣе значительные мятежники разосланы на службу по другимъ волжскимъ городамъ. Владыка Парѳеній, назначенный митрополитомъ въ Астрахань, прежде всего устроилъ торжественное погребеніе убіенному предшественнику своему Іосифу и положилъ его въ самой соборной церкви за святительскимъ мѣстомъ. Въ народѣ распространились слухи о разныхъ знаменіяхъ, являвшихся на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилась его мученическая кончина ([31]).

Успокоеніемъ Астраханскаго края окончилась смута, поднятая Стенькою Разинымъ во главѣ голутвеннаго казачества противъ московскихъ государственныхъ порядковъ. Она приняла большіе размѣры потому, что нашла себѣ обильную пищу среди закрѣпощеннаго крестьянства, утѣсненнаго поборами посадскаго люда и угнетеннаго тяжелою службою стрѣлецкаго войска, т.-е. среди тѣхъ низшихъ обездоленныхъ слоевъ, изъ которыхъ наиболѣе смѣлая и свободолюбивая часть и уходила именно

въ это казачество. Въ сей борьбѣ государства со своими противниками много было потрачено энергіи и свирѣпости съ той и другой стороны; но, разумѣется, въ концѣ концовъ новая смута обнаружила только крѣпость Московскаго государственнаго начала и окончательно утвердила его самодержавный строй, вмѣстѣ съ помѣщичьимъ крестьяновладѣльческимъ служилымъ сословіемъ. Эта побѣда государства была также и дальнѣйшимъ его шагомъ въ дѣлѣ централизаціи, т.-е. въ болѣе тѣсномъ подчиненіи окраинъ и вообще областей центральному московскому правительству.

Въ то же время еще болѣе укрѣпилось и государственное значеніе православной Церкви послѣ неудачной попытки со стороны послѣдователей раскола, которые подняли открытый мятежъ на противуположной или сѣверной окраинѣ государства, въ отдаленномъ отъ Москвы Соловецкомъ монастырѣ.

Этотъ монастырь представлялъ довольно сильную крѣпость и имѣлъ всѣ средства для продолжительной обороны. Уже самое островное его положеніе на далекомъ сѣверномъ морѣ, въ теченіе полугода закованномъ въ льды и лишенномъ сообщеній, служило наилучшею его защитою. Башни и стѣны монастыря были вооружены мѣдными и желѣзными пушками и застѣнными пищалями; всего до 90 орудій. Пороху было заготовлено до 900 пудовъ. А хлѣба и всякихъ съѣстныхъ припасовъ было собрано едва ли не на десять лѣтъ; одного меду имѣлось болѣе 200 пудовъ и порядочное количество бочекъ церковнаго краснаго вина; притомъ сообщенія съ берегомъ и доставка съѣстныхъ припасовъ еще долго не прекращались. Гарнизонъ превышалъ 500 человѣкъ, въ томъ числѣ было до 200 монаховъ и послушниковъ и болѣе 300 міряпъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ крестьянъ, были бѣглые холопы, стрѣльцы, Донскіе казаки и даже разные иноземцы, именно Шведы, Поляки и Татары. Религіозный фанатизмъ придавалъ русскимъ раскольникамъ еще силу моральную. О новоисправленныхъ книгахъ мятежники не хотѣли и слышать; присланныя имъ новопечатныя книги въ дощатыхъ переплетахъ они выломали и бросили въ море, а переплеты пожгли. Понятно поэтому, что отправленный сюда воеводой стряпчій Волоховъ съ небольшимъ стрѣлецкимъ отрядомъ (человѣкъ полтораста) даже не рѣшался осадить монастырь; а посланцы его, приходившіе съ увѣщаніемъ, возвращались съ дерзкимъ отвѣтомъ. Воевода сталъ было на Заячьемъ островѣ въ 5 верстахъ отъ монастыря; но, ничего не достигнувъ, на зиму ушелъ на твердую землю. Онъ поставилъ въ Кемскомъ городкѣ слабую заставу, якобы для того, чтобы не пропускать запасовъ съ берега въ монастырь; а самъ засѣлъ поблизости на югозападномъ берегу

Бѣлаго моря въ Сумскомъ острогѣ и занялся поборами съ волостей, населенныхъ монастырскими крестьянами. Но тутъ онъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны архимандрита Іосифа; непринятый монахами, архимандритъ поселился на томъ же островѣ, откуда управлялъ сумскими и кемскими монастырскими вотчинами и всякими промыслами, солянымъ, рыбнымъ, слюдянымъ и т. д. Іосифъ сталъ посылать въ Москву жалобы на притѣсненія и вымогательства Волохова; а послѣдній доносилъ будто архимандритъ, его старцы и служки бражничаютъ, за государево здоровье Бога не молятъ, поютъ въ церкви не единогласно и даже радѣютъ соловецкимъ ворамъ. Распря ихъ разгорѣлась до того, что Волоховъ позволилъ себѣ явное насиліе надъ архимандритомъ, билъ его по щекамъ, дралъ за бороду и велѣлъ своимъ стрѣльцамъ посадить въ тюрьму на цѣпь. Оба противника были вызваны для разбирательства въ Москву и уже не воротились на Бѣлое море. Іосифа перевели въ Казанскій Спасскій монастырь; а на мѣсто Волохова въ 1672 году былъ отправленъ стрѣлецкій голова Клементій Іевлевъ. На подкрѣпленіе къ нему послано съ Двины, т.-е. изъ Холмогоръ и Архангельска, 600 стрѣльцовъ. Но это были люди, «пѣхотному строю необученные», состоявшіе подъ командою двухъ поручиковъ и трехъ «неумѣлыхъ» сотниковъ. Въ августѣ сего года, имѣя отрядъ въ 725 человѣкъ, воевода подступилъ къ монастырю и послалъ туда сотника съ увѣщательнымъ письмомъ, но также безуспѣшно. Свои военныя дѣйствія онъ ограничилъ тѣмъ, что пожегъ ближнія хозяйственныя строенія, сѣно, дрова, побилъ скотъ; а затѣмъ ушелъ опять въ Сумскій острогъ, сославшись въ своихъ донесеніяхъ на недостатокъ пороху и свинцу. Тутъ, подобно Волохову, онъ сталъ притѣснять монастырскихъ крестьянъ поборами, вступаться въ соляные и другіе промыслы, съ цѣлью наживы, но подъ предлогомъ недостаточныхъ кормовъ для своего отряда. Въ слѣдующемъ году Іевлевъ былъ также отозванъ, и воеводою присланъ изъ Москвы Иванъ Мещериновъ съ новымъ подкрѣпленіемъ и людьми, и боевыми запасами, и съ указомъ „быть на Соловецкомъ островѣ неотступно". Подчиненные ему начальные люди оставлены прежніе, а именно иноземцы майоръ Степанъ Келеръ, ротмистръ Гаврило Бушъ, поручики Гутковскій и Стахорскій, которые и должны были обучать стрѣльцовъ пѣхотному строю и стрѣльбѣ; хотя сами они были офицеры рейтарскаго строя. Но этимъ обученіемъ руководилъ самъ воевода, по докладамъ котораго дѣло шло успѣшно.

Лѣтомъ 1674 года Мещериновъ собралъ лодьи и карбасы, взялъ у крестьянъ гребцовъ и кормщиковъ и высадился на Соловецкомъ островѣ. Тутъ оказалось, что Іевлевъ, предавъ огню хозяйственныя постройки, окружавшія монастырь, тѣмъ облегчилъ оборону его и

затруднилъ нападеніе. Строенія эти давали бы возможность осаждающимъ близко подойти къ стѣнамъ; теперь же они должны были дѣйствовать на совершенно открытой мѣстности, подвергаясь огню крѣпостного наряда. А грунтъ былъ каменистый, и шанцы приходилось копать съ большимъ трудомъ. Укрѣпясь кое-какъ шанцами, Мещериновъ началъ обстрѣливать монастырь; откуда отвѣчали ему также выстрѣлами. Самымъ ярымъ мятежникомъ явился бывшій архимандритъ Саввы-Сторожевскаго монастыря Никаноръ; онъ не только благословилъ на стрѣльбу изъ пушекъ, но и часто ходилъ по башнямъ, кадилъ и кропилъ св. водою голландскія пушки, приговаривая: „матушки мои галаночки, надѣемся на васъ, что вы насъ обороните". Онъ приказывалъ особенно стрѣлять по воеводѣ, и для этого поручалъ караульнымъ на стѣнахъ смотрѣть въ трубки, говоря: „поразишь пастыря, ратные люди разбредутся аки овцы". Рядомъ съ Никаноромъ въ такомъ же воинственномъ задорѣ дѣйствовали особенно келарь старецъ Маркелъ, городничій старецъ Дорофей, прозваніемъ Моржъ, сотники Исачко Воронинъ, изъ бѣглыхъ боярскихъ холоповъ, и Самко, родомъ Поморецъ. Но среди мятежниковъ возникла распря по вопросу о моленіяхъ за великаго государя; ибо нѣкоторые старцы и черные священники настаивали на моленіи. По сему поводу 16 сентября было общее совѣщаніе. Тутъ сотники Исачко и Самко съ товарищами сняли съ себя оружіе и повѣсили на стѣну, говоря, что не хотятъ болѣе служить, такъ какъ священники ихъ не слушаютъ, за великаго государя Бога молятъ и заздравныя чаши въ царскіе праздники пьютъ. Тогда келарь добилъ имъ челомъ, и они снова надѣли на себя оружіе, изрекая бранныя слова на царя. Послѣ того мятежники выгнали изъ монастыря нѣкоторыхъ черныхъ священниковъ, именно Геронтія съ товарищи, а другіе (Митрофанъ и Абросимъ) и сами ушли. Всѣ они явились къ воеводѣ Мещеринову и принесли свои вины великому государю.

По ихъ разсказамъ, міряне въ осажденномъ монастырѣ большею частью ведутъ безобразную жизнь: въ церковь Божію не ходятъ, у своихъ духовныхъ отцовъ не исповѣдаются, а исповѣдаются промежъ собой, помираютъ безъ покаянія и причастія; взаимно предаются содомскому грѣху и для той же цѣли держатъ при себѣ мальчиковъ, которымъ шьютъ красивое платье изъ дорогихъ сукнъ и матерій, похищаемыхъ изъ монастырской казны. Разсказывали священники и про обиліе всякихъ запасовъ у осажденныхъ. Всѣ эти раскаявшіеся священники изъявили согласіе принять новоисправленныя книги и троеперстіе. Только Геронтій отказывался, говоря, что сіи нововведенія для него „сумнительны" и онъ боится страшнаго суда Божія. Межъ тѣмъ, по удаленіи свя-

щенниковъ, почти некому было отправлять въ монастырѣ церковную службу: но Никаноръ кричалъ, что можно „обойтись и безъ священниковъ, и безъ обѣдни, а ограничиться чтеніемъ въ церкви часовъ". Однако, не всѣ были съ нимъ согласны; умы не успокоились, и среди мятежниковъ продолжались распри. Тѣмъ не менѣе, о сдачѣ не было и помину. При наступленіи холоднаго времени Мещериновъ не рѣшился зимовать на островѣ; а разорилъ свои шанцы и подобно своимъ предшественникамъ отплылъ на зимовку въ Сумскій острогъ, вопреки наказамъ изъ Москвы.

Повторилось то же, что было при Волоховѣ и Іевлевѣ. Вѣдавшій въ то время монастырскими вотчинами и промыслами, старецъ Игнатій Тарбѣевъ посылалъ жалобу за жалобой на притѣсненія и корыстныя дѣйствія воеводы Мещеринова и на его ратныхъ людей, которые подъ видомъ необходимыхъ кормовъ насильно производятъ всякіе поборы въ Сумскомъ уѣздѣ. Мещериновъ даже посылалъ свою мѣру для сбора хлѣбныхъ запасовъ, т.-е. крупъ, овса, ржи, толокна— мѣру, въ которой было 22 фунта лишку противъ казенной! Мало того, воевода разсылаетъ крестьянъ со стрѣльцами разыскивать для него слюду по горамъ, конечно, съ личною корыстною цѣлью. Изъ Москвы приходятъ ему грамоты съ выговорами и угрозами; но, повидимому, не производятъ большого впечатлѣнія.

Лѣтомъ 1675 года Мещериновъ снова высадился на островѣ, имѣя болѣе 1000 ратныхъ людей, пушки и всякіе запасы въ изобиліи. На сей разъ онъ прочно укрѣпился и приготовился къ зимней осадѣ; для чего устроилъ вокругъ монастыря 13 земляныхъ городковъ съ деревянными раскатами, внутри засыпанными камнемъ, и на нихъ поставилъ пушки. А затѣмъ повелъ подкопы подъ три башни. Но мятежники продолжали успѣшную оборону, и долго еще тянулась бы осада, если бы не помогла измѣна. Въ ноябрѣ изъ монастыря перебѣжалъ въ станъ осаждающихъ чернецъ Ѳеоктистъ. Онъ указалъ Мещеринову слабое мѣсто обороны, именно подъ сушиломъ у Бѣлой башни слегка закладенное камнями окно, черезъ которое осаждающіе могли проникнуть въ монастырь. Но воевода сначала не внялъ этому указанію. 23 декабря онъ сдѣлалъ приступъ къ монастырскимъ стѣнамъ и былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Только послѣ того Мещериновъ воспользовался помянутымъ открытіемъ. Въ ночь на 22 января 1676 г. онъ послалъ отрядъ съ майоромъ Стеаномъ Кашинымъ; путеводителемъ служилъ Ѳеоктистъ. Послѣдній зналъ часъ, когда караулы расходятся по кельямъ, а по стѣнамъ и на башняхъ остается только по одному человѣку. Стрѣльцы выломали камни въ окнѣ, вошли въ Бѣлую

башню, затѣмъ отбили у нея наружную калитку и впустили войско. Къ разсвѣту монастырь былъ уже въ рукахъ царской рати; застигнутые врасплохъ, мятежники пытались защищаться; но ихъ скоро одолѣли и обезоружили. Мещериновъ велѣлъ служить молебенъ въ соборной церкви, а между тѣмъ опечатать всякую монастырскую казну,— денежную, оружейную, портную и чеботную (съ платьемъ и обувью) и пр. Захваченные вожаки мятежа, какъ напримѣръ архимандритъ Никаноръ и сотникъ Самко, были имъ перевѣшаны; менѣе виновные заточены по сѣвернымъ острогамъ; а толпа, принесшая повинную на имя государя, оставлена въ покоѣ. Но едва ли Алексѣй Михайловичъ успѣлъ получить вѣсть о взятіи Соловецкаго монастыря; такъ какъ онъ скончался, спустя нѣсколько дней послѣ этого взятія. Его преемникомъ былъ присланъ сюда на воеводство князь Владиміръ Волконскій, который подвергъ любостяжательнаго Мещеринова розыску по обвиненію въ присвоеніи себѣ части монастырской казны и въ вымогательствѣ взятокъ отъ келаря и старцевъ (32).

———

Малороссійскія дѣла за это время не только не приходили въ порядокъ, а напротивъ тамъ царилъ какой-то хаосъ, въ которомъ очень нелегко разобраться историку.

Украйна раздѣлилась на три главныя части: Лѣвобережная съ гетманомъ Самойловичемъ признавала себя въ московскомъ подданствѣ; небольшая доля Правобережной съ гетманомъ Ханенкомъ находилась въ польскомъ владѣніи; а гораздо большая ея полоса съ Дорошенкомъ считала своимъ верховнымъ государемъ турецкаго султана. Запорожье, по Андрусовскому договору оставленное въ общемъ московско-польскомъ владѣніи, стремилось къ самостоятельному образу дѣйствій, хотя все-таки наиболѣе склонялось къ московской зависимости. На правобережной Украйнѣ отражалось еще и то смутное состояніе, въ которомъ находилась Рѣчь Посполитая въ несчастное царствованіе Михаила Вишневецкаго; онъ не пользовался никакимъ уваженіемъ со стороны магнатовъ; нѣкоторые изъ нихъ даже намѣревались свергнуть его съ престола. Это смутное состояніе дошло до крайнихъ предѣловъ, когда Турецкій султанъ лично вмѣшался въ дѣла Малороссіи.

Хотя въ своей борьбѣ съ Поляками Дорошенко и получалъ помощь отъ Крымскаго хана какъ турецкаго вассала, но терпѣлъ пораженія отъ коронного гетмана Яна Собѣсскаго и потерялъ нѣслолько городовъ. Дорошенко призывалъ султана на помощь не только противъ Поляковъ, но и для того, чтобы отвоевать восточную Украйну у

Московскаго царя. Въ то время Порта, руководимая великимъ визиремъ знаменитымъ Ахмедомъ Кöприли, вновь сдѣлалась грозою сосѣднихъ европейскихъ народовъ; незадолго она отняла у Венеціанъ островъ Кандію и побѣдоносно окончила продолжительную съ ними войну (1669 г.). Вскорѣ потомъ Людовикъ XIV напалъ на Голландскую республику; чѣмъ вооружилъ противъ себя коалицію изъ Австріи, Бранденбурга, Испаніи и пр. Силы и вниманіе европейскихъ державъ такимъ образомъ были отвлечены отъ юго-восточной Европы, и Порта не замедлила воспользоваться сими обстоятельствами. Какъ только начались военныя дѣйствія на Рейнѣ, весною 1672 года султанъ Магометъ IV выступилъ въ походъ изъ Адріанополя на сѣверъ во главѣ стотысячнаго войска. По пути къ нему присоединились съ вспомогательными отрядами господари Валахіи и Молдавіи, а затѣмъ крымскій ханъ Селимъ Герай и Дорошенко; такъ что войска его насчитывали по крайней мѣрѣ 200,000 человѣкъ, когда онъ вторгся въ польскіе предѣлы. Но еще прежде его вторженія около Батога на берегахъ Буга передовая татарская орда столкнулась съ польско-казацкимъ войскомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ подлясскаго кастеляна Лужецкаго и гетмана Ханенка. Несмотря на огромное неравенство силъ, Поляки и казаки погромили Татаръ, и тѣ бросились за Бугъ. Вопреки совѣту Ханенка, легкомысленный Лужецкій съ одними Поляками перешелъ рѣку и на усталыхъ коняхъ погнался за Татарами; но былъ окруженъ, разбитъ и съ остаткомъ войска едва спасся въ подвижномъ казацкомъ таборѣ, подъ прикрытіемъ котораго ушелъ въ ближнюю крѣпость Ладыжинъ. Это пораженіе открыло Татарамъ широкій путь въ польскую часть Украйны. Главное турецкое войско вторглось въ Подолію и 7 августа облегло Каменецъ, считавшійся самымъ крѣпкимъ ея оплотомъ. Но вслѣдствіе польской безпечности или, точнѣе, правительственной анархіи ничего не было приготовлено для отпора грозному непріятелю; хотя объ его близкомъ нашествіи Рѣчь Посполитая была освѣдомлена своевременно. Гарнизонъ едва насчитывалъ полторы тысячи человѣкъ Поляковъ и Нѣмцевъ. Турки сдѣлали подкопы и взяли внѣшній или земляной городъ. Потомъ подвели мины подъ каменный городъ; взорвали часть стѣны и сдѣлали приступъ; но осажденные храбро его отбили. Однако, ясно было, что крѣпость не можетъ долго держаться, а помощи ждать было неоткуда. А потому послѣ десятидневной осады гарнизонъ сдалъ крѣпость, выговоривъ себѣ свободное отступленіе, а жителямъ сохраненіе ихъ вѣры. Магометъ IV, сопровождаемый ханомъ и Дорошенкомъ, торжественно вступилъ въ Каменецъ и отправился въ соборный костелъ, тотчасъ же

обращенный въ мечеть. Янычары принялись срывать кресты съ христіанскихъ церквей и замѣнять ихъ полумѣсяцемъ, а св. иконами мостить улицу. Католическаго епископа, ксендзовъ и пановъ они одѣли въ турецкіе кафтаны и отправили въ мѣстечко Ягельницу. Молодыя польскія шляхтянки забраны въ гаремы пашей, а наиболѣе красивыя отобраны для султана; нѣсколько десятковъ мальчиковъ потурчено; одинъ изъ нихъ былъ обрѣзанъ въ помянутой мечети въ присутствіи самого султана.

Великій визирь, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ и Татарами отряженный къ Львову, по пути взялъ и сжегъ города Бучачъ, Зборовъ, Злочовъ и нѣкоторые другіе, при чемъ Турки и Татары захватили огромный полонъ. Крѣпкій Львовъ и на сей разъ оказалъ мужественное сопротивленіе и задержалъ дальнѣйшее нашествіе. Растерявшійся король Михаилъ тщетно объявлялъ посполитое рушенье. Оно собиралось крайне лѣниво и медленно; да и собравшаяся немногочисленная шляхта не показывала никакой охоты идти на непріятеля, а занималась проектами конфедераціи и шумнымъ сеймованьемъ, направленнымъ противъ нѣкоторыхъ магнатовъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ королю и въ турецкомъ нашествіи (въ томъ числѣ примаса Пражмовскаго и гетмана Собѣсскаго).

При такихъ обстоятельствахъ король посылаетъ въ турецко-татарскій станъ подъ Львовымъ комиссаровъ съ порученіемъ заключить миръ во что бы то ни стало. Комиссары вели здѣсь переговоры съ визиремъ и ханомъ подъ давленіемъ самаго бѣдственнаго положенія дѣлъ: мимо стана татарскіе загоны ежедневно проводили множество захваченныхъ всюду плѣнныхъ, преимущественно женщинъ и дѣтей. Поляки согласились на слѣдующія главныя условія: Подолія и Украйна отходили во владѣніе Турціи; Рѣчь Посполитая обязывалась платить султану ежегодную дань въ 220.000 червонцевъ; кромѣ того, городъ Львовъ за освобожденіе отъ осады долженъ былъ уплатить 80.000 талеровъ. Такъ какъ онъ не могъ заразъ внести полную сумму, то граждане выдали десять добровольныхъ заложниковъ. Львовскій православный епископъ Шумлянскій лично приходилъ въ станъ Дорошенка и тщетно молилъ его о заступленіи за христіанъ передъ невѣрными. Затѣмъ польскіе уполномоченные отправились въ Бучачъ, гдѣ стоялъ лагеремъ Магометъ IV, и тутъ 8 октября подписанъ былъ мирный договоръ на основаніи упомянутыхъ условій. Никогда еще Польша не заключала такого постыднаго мира! И несмотря на него, татарскіе чамбулы (отряды) продолжали грабить и плѣнить Волынь и Червонную Русь. На жалобы Поляковъ визирь отвѣчалъ: «Благодарите Бога и хана, что Крымцы еще не пошли за Вислу». Приближавшаяся зима заставила Турокъ и Татаръ подумать

объ отступленіи. Межъ тѣмъ какъ султанъ, оставивъ сильный гарнизонъ въ Каменцѣ и залоги въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, съ главными силами направился къ Дунаю, а Дорошенко пошелъ въ Чигиринъ, Татары, раздѣлясь на три орды, разными дорогами возвращались домой, обремененные добычею и огромнымъ полономъ. Тутъ выступилъ противъ нихъ доблестный гетманъ Собѣсскій; собравъ сколько было можно кварцянаго войска, онъ то тамъ, то здѣсь настигалъ эти орды и, несмотря на ихъ превосходство въ числѣ, разбивалъ ихъ, отнималъ добычу и освобождалъ плѣнныхъ; разбитые чамбулы снова собирались и соединялись, но неутомимый гетманъ снова обрушивался на нихъ, билъ и гналъ ихъ до полнаго изнеможенія своей немногочисленной конницы.

Въ это время посполитое рушенье, собравшееся въ Голомбѣ на Вислѣ, успѣло составить конфедерацію и двинулось, но не противъ непріятелей. «Чтобы драться съ ними, у насъ на то есть кварцяное (т.-е. наемное) войско»,—говорила шляхта. Вмѣсто непріятелей конфедераты дрались другъ съ другомъ по всякому поводу и грабили населеніе на своемъ пути. Дойдя до Люблина, Голомбская конфедеренція начала разъѣзжаться, постановивъ, между прочимъ, отрѣшить Пражмовскаго отъ примасовства, а Собѣсскаго отъ гетманства и сговорясь въ скоромъ времени собраться въ Варшавѣ. Собѣсскій съ своей стороны сконфедеровалъ преданное ему кварцяное войско, которое и расположилъ въ Ловичѣ, въ виду предстоявшаго Варшавскаго сейма. На этомъ такъ называемомъ «пацифекціонномъ» сеймѣ (въ февралѣ 1673 г.) при посредничествѣ короля и папскаго нунція обѣ стороны примирились, и уже начинавшаяся междоусобная война была прекращена. Собѣсскій остался гетманомъ; а Пражмовскій вслѣдъ затѣмъ умеръ. Тогда только занялись приготовленіями къ новой войнѣ съ Турками; ибо сеймъ не утвердилъ Бучацкаго договора ([33]).

Вѣсти о вторженіи Турокъ въ польскіе предѣлы, о взятіи Каменца и мусульманскихъ неистовствахъ надъ христіанскими храмами и жителями произвели въ Москвѣ большую тревогу, и тѣмъ болѣе, что тѣ же вѣсти говорили о намѣреніи султана идти на Кіевъ и правобережную Украйну. Польскій король просилъ о помощи; кіевскій воевода князь Козловскій и нѣжинскій протопопъ Адамовичъ умоляли о присылкѣ ратныхъ людей и увеличеніи московскихъ гарнизоновъ. Послѣдній, кромѣ того, просилъ о перемѣнѣ воеводъ, въ особенности нѣжинскаго—Хрущова, на людей болѣе способныхъ и усердныхъ; указывалъ также на непостоянство казаковъ, въ виду усилій Дорошенка склонить ихъ всѣхъ къ турецкому подданству. Царь, по совѣту съ думными людьми и духовенствомъ, предписалъ особые сборы на военные издержки съ по-

мѣщанковъ и посадскихъ, отправилъ на Украйну подкрѣпленія и новыхъ воеводъ; при чемъ въ Кіевѣ князь Козловскій былъ замѣненъ княземъ Юріемъ Петровичемъ Трубецкимъ, въ Нѣжинъ назначенъ кн. Звенигородскій, въ Черниговъ кн. Хованскій, а въ Переяславль кн. Волконскій. Алексѣй Михайловичъ изъявилъ намѣреніе даже лично выступить въ походъ въ случаѣ нападенія на Кіевъ и велѣлъ готовить для себя дворъ въ Путивлѣ. Когда же Поляки заключили Бучацкій договоръ и султанъ ушелъ за Дунай, тревога въ Москвѣ не прекратилась; напротивъ, тамъ предполагали, что весной Турки воротятся для того, чтобы завоевать Кіевъ и лѣвобережную Украйну; что, помирясь съ Поляками, теперь Турки и Татары всѣ свои силы обратятъ на войну съ Московскимъ государствомъ.

Не ограничиваясь военными приготовленіями, правительство Московское отправило посланцевъ къ европейскимъ державамъ, что бы пригласить ихъ къ общимъ дѣйствіямъ противъ Турціи въ союзѣ съ Польшею и Россіею. Съ такимъ порученіемъ поѣхали дьякъ Посольскаго приказа Украинцевъ въ Голландію, Данію и Швецію, переводчикъ того же приказа Виніусъ въ Лондонъ, Парижъ и Мадридъ; а въ Германію, Австрію, Венецію и Римъ былъ посланъ находившійся въ русской военной службѣ шотландскій выходецъ Павелъ Менезій. Миссіи эти оказались болѣе или менѣе безуспѣшны. Почти всѣ правительства, въ томъ числѣ и Римская курія, выразили свое сочувствіе борьбѣ съ мусульманами; но Людовикъ XIV ни за что не хотѣлъ прекратить начатую имъ войну съ Голландскими Штатами, благодаря чему въ борьбу съ нимъ вскорѣ были вовлечены и другія державы. Россія и Польша, такимъ образомъ, предоставлены были собственнымъ силамъ.

Въ числѣ приготовительныхъ мѣръ къ войнѣ съ мусульманами не послѣднее мѣсто заняло возвращеніе изъ Сибири знаменитаго запорожскаго атамана Ивана Сѣрка или Сѣрика, который слылъ грозою Татарскихъ ордъ. Объ этомъ возвращеніи хлопотали не только сами Запорожцы, но о томъ же просилъ царя и польскій король Михаилъ. Царь внялъ этимъ просьбамъ, и въ мартѣ 1673 года Сѣрко былъ уже въ Москвѣ. При отпускѣ на Запорожье съ него взята была клятва, вѣрно служить государю; при чемъ самъ Алексѣй Михайловичъ, бояре и начальникъ Малороссійскаго приказа Матвѣевъ увѣщевали его не измѣнять своей присягѣ, а патріархъ грозилъ въ такомъ случаѣ церковнымъ проклятіемъ. Царь прибавилъ, что отпускаетъ его по заступленію гетмана Самойловича. Но это было сказано только ради ихъ умиренія. Въ дѣйствительности Самойловичъ письменно просилъ Матвѣева задержать Сѣрка въ Москвѣ во избѣжаніе новыхъ смутъ на Украйнѣ. Ревни-

вый къ своему гетманству, Самойловичъ опасался Сѣрка, какъ бывшаго претендента на его булаву. Опасался онъ также и соперничества со стороны Дорошенка. А потому, когда въ Москвѣ вознамѣрились отвлечь сего послѣдняго отъ Турокъ и склонить его къ московскому подданству, Самойловичъ предлагалъ вмѣсто того, чтобы входить съ нимъ въ переговоры, въ виду его шатости просто промышлять надъ нимъ соединенными силами вмѣстѣ съ княземъ Ромодановскимъ. Кромѣ того, онъ предлагалъ походъ на Крымцевъ, чтобы отвлечь ихъ отъ Украйны; при чемъ просилъ о присылкѣ пушекъ, пороху, свинцу и ядеръ. Со всѣми этими предложеніями и просьбами Самойловичъ въ началѣ марта прислалъ въ Москву своего пріятеля и главнаго совѣтника нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича. Для вящаго доказательства своей преданности царю, съ тѣмъ же протопопомъ гетманъ прислалъ въ Москву двухъ своихъ сыновей въ качествѣ заложниковъ, извиняясь, что самъ не пріѣхалъ въ виду смутнаго состоянія Украйны. Въ Москвѣ этихъ сыновей и Адамовича приняли очень ласково; наибольшую любезность гетману и протопопу оказывалъ А. С. Матвѣевъ; по его ходатайству, для молодыхъ Самойловичей и ихъ свиты былъ купленъ на казенный счетъ особый дворъ и всѣ они были щедро одарены платьемъ. Боевые припасы также были посланы; но главныя просьбы гетмана не исполнены: Сѣрко отпущенъ въ Запорожье; походъ на Крымъ пока откладывался; а съ Дорошенкомъ велѣно гетману и кн. Ромодановскому вступить въ переговоры о подданствѣ. Основаніемъ для сихъ переговоровъ должно было служить то обстоятельство, что въ 1671 году самъ Дорошенко просился подъ высокую царскую руку; но тогда нельзя было этого сдѣлать, такъ какъ въ силу четвертой статьи Андрусовскаго договора Заднѣпровская Украйна была отдана Польшѣ; теперь же, разъ Польша по Бучацкому договору отказалась отъ Украйны въ пользу Турокъ, то и статья сія теряетъ свою обязательную силу, и Москва хочетъ освободить ее отъ басурманскаго ига. Въ то же время архіепископу черниговскому Барановичу поручено было писать къ митрополиту Тукальскому, побуждая его дѣйствовать на Дорошенка и на всю правобережную казацкую старшину въ данномъ смыслѣ. Въ Москвѣ знали, что Тукальскій, проживавшій то въ Чигиринѣ, то въ Каневѣ, имѣлъ большое вліяніе на Дорошенка. У насъ имѣлись свѣдѣнія, что послѣ опустошительнаго турецкаго нашествія Дорошенко возбудилъ противъ себя негодованіе Украинскаго населенія и самъ уже тяготился басурманскимъ игомъ, а потому надѣялись на успѣхъ переговоровъ. Но ни Самойловичъ, ни Барановичъ не оказали усердія въ исполненіи сего порученія: первый опасался, чтобы Дорошенко, въ случаѣ своего подчиненія, не

сдѣлался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра; а второй, будучи мѣстоблюстителемъ митрополичьяго престола, совсѣмъ не желалъ видѣть Тукальскаго въ Кіевѣ на этомъ престолѣ. Малороссійскій приказъ поэтому лѣтомъ 1673 года обратился къ кіевопечерскому архимандриту Иннокентію Гизелю, прося его войти въ сношенія съ Тукальскимъ по данному вопросу.

Но и Польское правительство съ своей стороны не дремало.

Оправившись отъ первыхъ впечатлѣній турецкаго погрома и рѣшивъ не исполнять Бучацкаго договора, оно заявило Московскому правительству, что четвертая статья Андрусовскаго договора сохраняетъ свою силу, а слѣдовательно Западная Украйна должна принадлежать Полякамъ, и что Кіевъ также долженъ быть имъ возвращенъ. Поляки равно прибѣгли къ переговорамъ съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ; посредникомъ въ сихъ переговорахъ они употребили львовскаго владыку Іосифа Шумлянскаго, который долженъ былъ обѣщать одному гетманскую булаву, а другому митрополію. Это обстоятельство, а главное ссылка Поляковъ на четвертую статью произвели недоумѣніе и колебаніе среди правобережной казацкой старшины, наклонной къ московскому подданству. Къ вящей запутанности положенія, Самойловичъ уговорилъ бѣлгородскаго воеводу князя Ромодановскаго, вопреки царскому наказу, начать тѣмъ же лѣтомъ 1673 года военныя дѣйствія противъ Дорошенка, не посылая къ нему царскихъ увѣщательныхъ грамотъ. Они соединили свои полки, подошли къ Днѣпру и отправили сильный передовой отрядъ на правый берегъ подъ Каневъ. Начальствовавшій здѣсь генеральный эсаулъ Яковъ Лизогубъ пересылался съ переяславскимъ полковникомъ Райчей, сообщалъ о ненависти населенія къ турецкому игу и нелюбви къ Дорошенку и увѣрялъ, что если царскія войска появятся на той сторонѣ, то всѣ города сдадутся, кромѣ Чигирина. Но когда явился помянутый отрядъ, Лизогубъ отказалъ въ сдачѣ Канева. Во это время Татары сдѣлали нападеніе на южные предѣлы восточной Украйны. Тогда Ромодановскій и Самойловичъ не пошли за Днѣпръ, отозвали передовой отрядъ и безъ всякаго успѣха со стыдомъ воротились,—первый въ Бѣлгородъ, второй въ Гадячъ. Въ Малороссіи этотъ походъ вызвалъ насмѣшки; а недоброжелатель Самойловича запорожскій кошевой Сѣрко сказалъ лѣвобережному генеральному эсаулу (Черняченко): «Какому мужику вы дали гетманство? Онъ поволочился по Днѣпру и, ничего добраго не учиня, назадъ воротился». Въ Москвѣ остались очень не довольны такими дѣйствіями воеводы и гетмана; къ обоимъ были посланы царскія грамоты со строгимъ выговоромъ за неисполненіе наказа.

Только послѣ сего похода Иннокентій Гизель вступилъ въ порученные ему переговоры съ Тукальскимъ и Дорошенкомъ, приглашая ихъ вступить въ московское подданство и обнадеживая царскою милостью. Правобережный гетманъ не отвѣчалъ отказомъ; но онъ предъявлялъ непомѣрныя требованія: напримѣръ, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра долженъ быть одинъ пожизненный гетманъ, въ руки котораго имѣетъ быть переданъ и Кіевъ, посполитые люди должны быть подчинены казакамъ, и пусть царь собственною присягою подтвердитъ условія подданства и вольности казацкія. Онъ ссылался при семъ на предложенія Поляковъ, которые при посредствѣ Іосифа Шумлянскаго обѣщаютъ принять вновь казаковъ на Гадячскихъ условіяхъ Выговскаго. По всѣмъ признакамъ Дорошенко питалъ мечты о самостоятельной гетманской власти, о положеніи «господаря», пребывающаго только подъ протекціей царскаго величества; мечталъ о водвореніи на Украйнѣ излюбленнаго польско-шляхетскаго строя, при которомъ казачество владѣло бы сельскимъ населеніемъ такъ же, какъ шляхта владѣла имъ въ польскихъ областяхъ. До чего казацкая старшина увлекалась польскимъ строемъ, показываетъ примѣръ помянутаго переяславскаго полковника Дмитрашки Райча, который въ началѣ 1673 года выхлопоталъ у Польскаго короля себѣ шляхетское достоинство.) Само собой разумѣется, что въ Москвѣ на подобныя требованія не могли согласиться; однако, продолжали вести таинственные и безплодные переговоры, вопреки представленіямъ Самойловича, который увѣдомилъ, что Дорошенко лукавитъ и объ этихъ переговорахъ сообщаетъ какъ Турецкому султану, такъ и Польскому королю, и стремится только захватить лѣвобережную Украйну, куда подсылаетъ поджигателей, отъ которыхъ горятъ цѣлые города.

Межъ тѣмъ гетманъ польской части Украйны Ханенко, подвергшійся гоненію со стороны короннаго гетмана Собѣскаго, отложился отъ Поляковъ. Онъ подошелъ къ Кіеву со своимъ небольшимъ войскомъ и послалъ въ Москву челобитную о принятіи его въ подданство. Но такъ какъ онъ считался въ подданствѣ короля, то здѣсь сослались на Андрусовскій договоръ, и Малороссійскій приказъ предложилъ ему выгнать сначала Дорошенка, сѣсть на его мѣсто, а потомъ уже перейти въ московское подданство. Ханенко дѣйствительно началъ войну съ соперникомъ; но силы его были слишкомъ недостаточны для рѣшительныхъ дѣйствій.

Убѣдясь въ неискренности и лукавствѣ Дорошенка, царь, наконецъ, согласился на представленія Самойловича и предписалъ ему вмѣстѣ съ кн. Ромодановскимъ и кошевымъ Сѣрко идти всѣми силами на правобережнаго гетмана. Въ началѣ 1674 года Самойловичъ и Ромодановскій съ большимъ (почти 80.000-мъ) войскомъ переправились за Днѣпръ и

успѣшно начали отбирать города: сдались Крыловъ, Черкасы, Триполье, Каневъ съ Лизогубомъ; проживавшій здѣсь Тукальскій бѣжалъ въ Чигиринъ, гдѣ вскорѣ ослѣпъ. Мѣстное духовенство много способствовало успѣху русскихъ войскъ, склоняя жителей къ переходу въ подданство православнаго государя. Скоро почти вся правобережная Украйна добила челомъ великому государю. Ханенко съ своими 2.000 казаковъ присоединился къ царскимъ войскамъ. Не сдавался только Чигиринъ, гдѣ заперся Дорошенко. Русскіе военачальники, ограничившись нерѣшительными и неудачными попытками противъ Чигирина, воротились на лѣвый берегъ, и здѣсь въ городѣ Переяславѣ 17 августа собрали казацкую раду, чтобы выбрать гетмана для Западной Украйны. Отъ этой Украйны присутствовали войсковой эсаулъ (Як. Лизогубъ), обозный (Ив. Гулакъ), судья (Як. Петровъ) и представители 11 полковъ: Черкасскаго, Каневскаго, Корсунскаго, Бѣлоцерковскаго, Уманскаго, Торговицкаго, Брацлавскаго, Кальницкаго, Подольскаго, Могилевскаго и Паволоцкаго (недоставало Чигиринскаго, гдѣ сидѣлъ Дорошенко). Отъ восточной стороны присутствовали семь полковниковъ: Кіевскій (Солонина), Переяславскій (Дм. Райча), Нѣжинскій, Стародубскій, Черниговскій, Прилуцкій и Лубенскій. Когда князь Ромодановскій именемъ великаго государя предложилъ правобережнымъ выбрать себѣ новаго гетмана, старшина и казаки объявили, что они не желаютъ имѣть разныхъ гетмановъ и просятъ великаго государя утвердить ихъ гетманомъ того же Ивана Самойловича. Ханенко на этой радѣ сложилъ съ себя гетманское достоинство и выдалъ полученные имъ отъ короля булаву и бунчукъ. Его сдѣлали Уманскимъ полковникомъ.

На той же радѣ составлена грамота, заключавшая до 20 статей, которыя вновь опредѣляли отношенія Украйны къ Москвѣ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ. Къ иностраннымъ монархамъ гетманъ и старшина не должны писать безъ царскаго указу. Бѣглыхъ посполитыхъ людей изъ Малой Россіи въ Великую и обратно великорусскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ на Украйну, выдавать. Малороссійскіе жители не должны привозить въ пограничные московскіе города вино и табакъ. Гетманъ безъ совѣту войсковой старшины и безъ войсковаго суда не долженъ наказывать казаковъ или лишать ихъ вотчинъ. У гетмана и полковниковъ не должно быть компаній изъ сердепятъ, какъ это заведено у Дорошенка и его полковниковъ (которые, очевидно, окружали себя вольнонаемной гвардіей). По смерти казака имѣнье его наслѣдуютъ жена и дѣти. Московскимъ ратнымъ людямъ не останавливаться въ казацкихъ дворахъ, а только у мѣщанъ и крестьянъ. Казаковъ мужиками и измѣнниками не называть. Въ 16 статьѣ заключается роспись жалованья гетману, старшинѣ, полковникамъ, эсауламъ, сотникамъ, писарямъ, хорунжимъ, бунчужному гетмана и т. д. Здѣсь приведена

вся казацкая іерархія, всѣ ихъ чины. Реестровыхъ казаковъ полагается 20.000. Недостающее число реестровыхъ дополнить изъ мѣщанъ и крестьянъ. Жалованье идетъ изъ разныхъ сборовъ. Отъ этихъ сборовъ свободны маетности и подданные архіерейскіе и монастырскіе, но не бѣлаго духовенства. Для подачи писемъ и челобитныхъ отъ гетмана и старшины учреждается особый выборный отъ казачества, постоянно пребывающій въ Москвѣ со свитою въ 5—6 человѣкъ. Вообще пріѣздъ казаковъ въ столицу и число подводъ для нихъ точно опредѣлены. Царскія почты учинены, кромѣ Кіева, въ Нѣжинѣ и Батуринѣ. Затѣмъ идетъ присяга на вѣрность великому государю. Изъ сихъ статей мы видимъ продолженіе все тѣхъ же стремленій, т.-е. какъ съ одной стороны реестровое казачество стремится организовать изъ себя привилегированное крестьяно-владѣльческое сословіе по образцу польской шляхты, а съ другой—Московское правительство старается ограничить гетманскую власть, облегчить для себя содержаніе войска помощію мѣстныхъ средствъ, ограничить убыточный и безпорядочный пріѣздъ въ столицу многочисленныхъ казацкихъ депутацій и челобитчиковъ. Казачество также пытается оградить себя отъ обидъ со стороны московскихъ ратныхъ людей. Въ этомъ отношеніи любопытны жалобы кіево-печерскаго архимандрита Гизеля и кіевскаго полковника Солонины на стрѣлецкіе отряды, прибывшіе изъ Москвы вмѣстѣ съ новымъ кіевскимъ воеводой княземъ Трубецкимъ: они побрали все сѣно на монастырскихъ лугахъ, опустошили лѣса; дорогою забирали лишніе подводы, при чемъ вощиковъ нетолько бранили скверными словами, но и били ихъ и *драли за хохлы*; кормы у крестьянъ брали силою, дворы и огороды опустошали и дома жгли. Вообще проходъ московскихъ ратныхъ людей скорѣе походилъ на татарское нашествіе нежели на прибытіе христіанской помощи противъ басурманъ. Жаловались также Украинцы на то, что великорусскіе люди называютъ ихъ измѣнниками. Подобныя жалобы ясно говорятъ, какъ трудно было въ то время установить пріязненныя отношенія между двумя русскими народностями, успѣвшими значительно разойтись по своей культурѣ, обычаямъ и понятіямъ.

Послѣ Переяславской рады коварный Дорошенко прислалъ поздравить Самойловича съ избраніемъ въ гетманы и сказать, что онъ и самъ отдался бы подъ царскую руку, но будто бы чигиринская старшина не позволяетъ. Вскорѣ потомъ, получивъ помощь отъ Крымскаго хана, онъ перемѣнилъ тонъ и успѣлъ отобрать назадъ нѣкоторые отпавшіе отъ него города отчасти силою, отчасти хитростію. Ромодановскій и Самойловичъ въ іюнѣ 1674 года двинули противъ него значительныя силы, а въ іюлѣ сами переправились за Днѣпръ и снова осадили Чигиринъ.

У Дорошенка было до 6.000 войска, состоявшаго изъ наемныхъ серденятъ, потомъ казаковъ, Черемисъ (польскихъ Татаръ), вооруженныхъ чигиринскихъ мѣщанъ и притомъ большое количество пушекъ. Самъ Дорошенко, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ это время предавался пьянству и ходилъ по шинкамъ, гдѣ его забавляли игрою на волынкахъ и скрипкахъ; мѣщане его не любили и были склонны перейти на царскую сторону, но боялись его казаковъ и серденятъ. Онъ заперся въ крѣпкомъ верхнемъ замкѣ. Наступившій голодъ, однако, побуждалъ осажденныхъ подумать о сдачѣ. Но въ августѣ на помощь Дорошенку пришли съ одной стороны Крымскій ханъ со своей ордой, съ другой—великій визирь съ турецкимъ войскомъ. Ромодановскій и Самойловичъ отступили къ городу Черкасамъ; тутъ они имѣли бой съ Дорошенкомъ и Татарами, послѣ котораго сожгли городъ, оставленный жителями (переселившимися на восточную сторону), и опять переправились на лѣвый берегъ.

Во время сей войны съ Дорошенкомъ впервые на историческую сцену выступаетъ личность Ивана Мазепы, которому суждено было впослѣдствіи играть столь видную роль.

Мазепа былъ казацкаго рода, получилъ шляхетство и нѣкоторое время находился при дворѣ Яна Казиміра въ числѣ его покоевыхъ дворянъ. Какъ подобало шляхтичу, онъ владѣлъ порядочнымъ образованіемъ, внѣшнимъ лоскомъ, а также пристрастіемъ къ женскому полу и романтическимъ похожденіямъ. Извѣстенъ разсказъ (заключающійся въ польскихъ мемуарахъ его современника Паска) о томъ, какъ Мазепа, живя въ своемъ имѣньи на Волыни, завелъ интимныя отношенія съ женой сосѣдняго помѣщика (пана Фальбовскаго) и какъ обманутый мужъ отомстилъ ему: захвативъ обольстителя по дорогѣ на любовное свиданье, онъ велѣлъ своимъ слугамъ раздѣть его, привязать къ спинѣ собственной его лошади и, напугавъ ее бичами и выстрѣлами, пустить. Лошадь бросилась сквозь лѣсную чащу и примчала хозяина домой въ самомъ жалкомъ видѣ, почти полумертваго. Послѣ того Мазепа отъ стыда покинулъ Польшу, ушелъ на Украйну и сталъ служить въ Малороссійскомъ войскѣ. Это произошло въ первой половинѣ 60-хъ годовъ XVII столѣтія. Трудно сказать, насколько сей разсказъ отличается достовѣрностью; по крайней мѣрѣ послѣдующее поведеніе Мазепы тому не противорѣчитъ. Во всякомъ случаѣ, своимъ образованіемъ и недюжинными способностями онъ обратилъ на себя вниманіе казацкихъ гетмановъ и особенно употреблялся ими для дипломатическихъ порученій. Въ данное время онъ былъ женатъ; но жена его жила въ Корсуни, а самъ онъ находился въ Чигиринѣ при гетманѣ Дорошенкѣ.

Въ февралѣ или мартѣ 1674 года, когда Западная Украйна уже поддалась московскому царю, Дорошенко отправилъ Мазепу къ князю Гр. Гр. Ромодановскому съ письменными увѣреніями въ своей готовности тоже перейти въ московское подданство на извѣстныхъ условіяхъ. При семъ гетманъ велѣлъ своему посланцу присягнуть, что тотъ не останется у своей жены въ Корсуни, т.-е. во владѣніяхъ его царскаго величества: въ этомъ городѣ предполагалась избирательная казацкая рада, куда передавшаяся Москвѣ старшина приглашала и Дорошенка. Но рада, какъ извѣстно, произошла въ Переяславѣ; туда и поѣхалъ Мазепа. Исполнивъ порученіе и получивъ подарки отъ Бѣлгородскаго воеводы, онъ вернулся въ Чигиринъ вмѣстѣ съ посланцами отъ Ромодановскаго и вновь выбраннаго Самойловича. Извѣстно также, что всѣ эти переговоры о подданствѣ Дорошенка были только выигрышемъ времени съ его стороны до полученія помощи отъ Крымской Орды. По собственному показанію Мазепы, лѣтомъ того же года, т.-е. въ разгарѣ военныхъ дѣйствій, онъ просилъ Дорошенка отпустить его къ женѣ въ Корсунь. Но гетманъ заподозрилъ, что онъ намѣренъ измѣнить, прельстившись соболями, полученными отъ Ромодановскаго; а потому заставилъ его въ присутствіи митрополита Тукальскаго присягнуть въ вѣрности и въ томъ, что, будучи въ Переяславѣ, не говорилъ про него ничего худого. Спустя нѣсколько дней послѣ сей присяги, Дорошенко послалъ Мазепу съ письменными и словесными порученіями къ турецкому визирю и далъ ему въ провожатые нѣсколько человѣкъ Бѣлгородскихъ татаръ. Главное содержаніе этихъ порученій заключалось въ просьбѣ о присылкѣ скорѣйшей помощи противъ московской рати и въ жалобѣ на нѣкоторыхъ татарскихъ мурзъ и царевичей. Посылка эта была неудачна. Въ степи запорожской кошевой Сѣрко перехватилъ Мазепу; провожатыхъ его Татаръ побили, а его самого взяли въ плѣнъ; найденныя при немъ грамоты препроводили къ гетману Самойловичу, а тотъ отослалъ ихъ въ Москву. Вскорѣ по требованію Ромодановскаго Сѣрко прислалъ и самого Мазепу, котораго также отправили въ Москву. О дипломатическихъ способностяхъ Мазепы и его умѣньѣ понравиться видно изъ того, что Сѣрко писалъ Самойловичу и просилъ не лишать Мазепу свободы, а Самойловичъ въ свою очередь писалъ въ Москву и ходатайствовалъ о его скоромъ отпускѣ. По порученію гетмана о томъ писалъ собственно нѣжинскій протопопъ Адамовичъ Матвѣеву, при чемъ замѣтилъ о Мазепѣ: «человѣкъ онъ ученый, межъ высокими людьми бывалъ».

Въ Москвѣ Мазепу подвергли подробному допросу въ Малороссійскомъ приказѣ въ присутствіи Арт. Сер. Матвѣева. Тутъ ловкій посланецъ

сумѣлъ подкупить въ свою пользу и самихъ недовѣрчивыхъ Москвичей. Словоохотливый и вкрадчивый, съ видомъ откровенности и добродушія онъ пространно отвѣчалъ на всѣ вопросы, входилъ въ подробности и, казалось, раскрывалъ настоящее положеніе дѣлъ въ Малороссіи и взаимныя отношенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Исчислялъ военныя силы Дорошенка, говорилъ о склонности чигиринскихъ жителей перейти въ московское подданство, передавалъ о сношеніяхъ правобережнаго гетмана съ Татарами, Турками, съ Собѣсскимъ и Сѣркомъ; при чемъ постарался набросить тѣнь на послѣдняго, который будто бы вмѣстѣ съ Запорожцами отговаривалъ Дорошенка отъ поѣздки въ Переяславъ на раду, предлагалъ быть въ соединеніи съ нимъ и съ ханомъ, какъ это было при Богданѣ Хмѣльницкомъ, и просилъ Крымскаго хана ихъ помирить (Мазепа, вѣроятно, старался угодить Самойловичу, нелюбившему Сѣрка). Между прочимъ передавалъ и такой отзывъ визиря: удивляется онъ просьбамъ Дорошенка о помощи, чего онъ боится московскихъ ратныхъ людей и не можетъ съ ними управиться; *московскіе де люди не военные*, а прежніе гетманы давали имъ отпоръ съ Татарами безъ турецкихъ войскъ. На эти слова будто бы Дорошенко поручилъ сообщить визирю, какъ онъ (т.-е. Мазепа) въ Переяславѣ видѣлъ до 20,000 ратныхъ людей его царскаго величества, до 500 пушекъ и всякихъ запасовъ «и бой у нихъ все огненный и ему де Дорошенку противъ нихъ съ Татары стоять никоими мѣрами неможно». Сообщалъ Мазепа и вѣсти изъ Константинополя, по которымъ султанъ собирается опять придти на Украйну и взять съ собой Юрія Хмѣльницкаго, чтобы поставить его гетманомъ въ случаѣ, если бы Дорошенко ему измѣнилъ. Вообще Мазепа произвелъ такое впечатлѣніе, что удостоился царскаго пріема, получилъ государево жалованье соболями и деньгами, и скоро былъ отпущенъ въ Чигиринъ съ увѣщательными грамотами къ Дорошенку и жителямъ; съ ихъ отвѣтомъ онъ долженъ былъ воротиться къ кн. Ромодановскому и гетману Самойловичу, а затѣмъ ему разрѣшалось поселиться на лѣвой сторонѣ съ женою и дѣтьми.

Не всѣ, однако, вѣрили Мазепѣ. Такъ, стрѣлецкій голова Александръ Карандѣевъ, состоявшій при Малороссійскомъ войскѣ, видѣлъ у гетмана Самойловича Мазепу, присланнаго Сѣркомъ, и въ своихъ отпискахъ А. С. Матвѣеву замѣчаетъ: «и его, государь, лукавъ отвѣтъ, творитъ себя невиннымъ, а судьбы кладетъ на Дорошенка» и т. д. При допросахъ въ Москвѣ Мазепа, между прочимъ, показалъ, что во время его пребыванія въ Запорожьѣ у Сѣрка онъ видѣлъ тамъ самозванца, именующаго себя царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ.

Мятежъ, вызванный Разинымъ, все еще отзывался на юго-восточныхъ и южныхъ окраинахъ.

Многіе Донскіе казаки, бѣжавшіе изъ Астрахани въ верховые города по Дону и на Сѣверскій Донецъ, составили шайку воровъ, человѣкъ въ 200; ихъ грабежи и разбои затрудняли проѣздъ царскихъ чиновниковъ и ратныхъ людей. На Дону стоялъ тогда съ отрядомъ думный дворянинъ Иванъ Савост. Хитрово; шайка пополнялась отчасти бѣглецами изъ этого отряда. Во главѣ ея находился одинъ изъ товарищей Разина казакъ Иванъ Міуской, родомъ Малороссіяниnъ, «изъ хохлачей», какъ выражаются о немъ современники. Въ октябрѣ 1673 года царь послалъ указъ атаману Корнилѣ Яковлеву и всему Донскому войску, чтобы они совмѣстно съ Хитрово учинили промыселъ надъ ворами. Принятыя военныя мѣры очистили Донскую и Сѣверскую Украйну отъ воровъ. Міуска куда-то скрылся. Но въ наступившую зиму онъ появился въ Запорожской Сѣчи, расположенной на Чертомлыкѣ; его сопровождали нѣсколько Донцовъ и какой-то молодой человѣкъ, котораго онъ выдавалъ за царевича Симеона Алексѣевича, будто бы бѣжавшаго изъ Москвы послѣ ссоры съ своей матерью царицей Марьей Ильиничной и дѣдомъ своимъ бояриномъ Ильей Милославскимъ. Молодецъ этотъ былъ довольно пріятной наружности, тонокъ, долголицъ, смугловатъ; держалъ себя молчаливо и былъ одѣтъ въ зеленый кафтанъ, подбитый лисьимъ мѣхомъ. Его выдавали за пятнадцатилѣтняго юношу, хотя на видъ ему было лѣтъ 20. Какъ это бывало въ обыкновеніи при самозванствѣ, Міуска увѣрялъ запорожскую старшину, что у мнимаго Симеона на тѣлѣ есть какіе-то царственные знаки, въ родѣ вѣнца. Восемь Донцовъ Міуски составляли его свиту и носили за нимъ два знамени съ изображеніями орловъ и кривыхъ сабель. Во время его появленія кошевой Иванъ Сѣрко находился въ походѣ подъ Тягинъ (Бендеры). Когда онъ воротился изъ похода въ Сѣчь, то Лжесимеонъ вышелъ ему навстрѣчу, распустивъ свои два знамени. Кошевой пригласилъ его въ свою ставку и началъ разспрашивать, кто онъ такой, заклиная сказать правду. Молодой человѣкъ съ клятвою увѣрялъ, что онъ истинный сынъ царя Алексѣя Михайловича; что онъ бѣгствомъ спасся отъ боярскихъ козней въ Соловецкій монастырь; тамъ будто бы видѣлся съ Стенькой Разинымъ, тайно присталъ къ нему и, никѣмъ не знаемый, участвовалъ въ его походахъ. Сѣрко сталъ съ нимъ обращаться почтительно какъ будто съ дѣйствительнымъ царевичемъ.

Получивъ извѣстіе о самозванцѣ, гетманъ тотчасъ далъ о немъ знать въ Москву. Тамъ еще помнили самозванческія смуты, и очень встревожились. Царь немедля отрядилъ на Украйну стрѣлецкаго сотника Ча-

дуева и подьячаго Щеголева съ небольшимъ отрядомъ стрѣльцовъ и съ грамотами къ Самойловичу и Сѣрку: онѣ приказывали схватить обоихъ воровъ, самозванца и Міуску, и за крѣпкимъ карауломъ прислать ихъ въ Москву. Въ грамотахъ объяснялось, что царевичъ Симеонъ родился въ 1665 году, а умеръ въ 1668 четырехъ лѣтъ и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ; на погребеніи его присутствовали два патріарха, Паисій Александрійскій и Іоасафъ Московскій, митрополиты и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Если бы онъ былъ живъ, то ему теперь было бы девять лѣтъ, а не пятнадцать. Царскіе посланцы въ декабрѣ прибыли въ Батуринъ къ гетману Самойловичу; но тутъ они задержались болѣе двухъ мѣсяцевъ. Гетманъ показывалъ усердіе въ этомъ дѣлѣ и уже послалъ отъ себя въ Запорожье съ требованіемъ выдачи самозванца. Но Сѣрко, очевидно, коварствовалъ и пользовался случаемъ насолить и Москвѣ, и Самойловичу за свое устраненіе отъ гетманской булавы. Конецъ зимы онъ вновь находился въ отсутствіи; но Запорожцы, настроенные имъ, охраняли Лжесимеона какъ будто истиннаго царевича и посмѣялись надъ требованіемъ гетмана, а царскимъ посланцамъ прямо грозили смертью.

Когда Сѣрко воротился въ Сѣчь, Чадуевъ и Щеголевъ отправились туда, принявъ разныя предосторожности; во-первыхъ, они усилили свой конвой нѣсколькими десятками гетманскихъ казаковъ; во-вторыхъ, захватили нѣсколько пріѣзжихъ знатныхъ Запорожцевъ и отдали ихъ гетману въ качествѣ заложниковъ. Только 9 марта прибыли они въ Сѣчь и тутъ начали переговоры съ атаманомъ и старшиною. Запорожцы стояли на томъ, что у нихъ находится истинный царевичъ; а Чадуевъ и Щеголевъ называли его воромъ и обманщикомъ. Самъ Лжесимеонъ однажды напалъ съ саблею на Чадуева, стоявшаго у дверей своей избы; а тотъ схватилъ пищаль и навелъ на него. Толпа Запорожцевъ бросилась къ избѣ и начала было разбирать крышу, чтобы побить московскихъ пословъ; ихъ стрѣльцы съ мушкетами въ рукахъ поклялись не выдавать другъ друга и дорого продать свою жизнь. До кровопролитія, однако, дѣло не дошло, и Запорожцы ограничились тѣмъ, что приставили къ избѣ сильный караулъ. 12 марта происходила рада въ присутствіи пословъ. Прочли царскія грамоты. Сѣрко напомнилъ Запорожцамъ, что у нихъ никогда того не бывало, чтобы войско кого выдавало, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ выдавать истаго царевича. Толпа зашумѣла, что не выдастъ его; мало того, кричала, что пословъ надо или утопить, или обрубить имъ ноги и руки. Но Сѣрко уговорилъ ее потерпѣть еще, такъ какъ много Запорожцевъ находится въ залогѣ у гетмана. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ послами Сѣрко высказалъ

причины своего негодаванія: и захватъ его обманомъ со стороны кн. Ромодановскаго, и ссылку его въ Сибирь, и выборъ въ гетманы Самойловича, тогда какъ войско желало его, Сѣрка; а на угрозу гетмана не пропускать хлѣбъ и всякіе харчи на Запорожье замѣтилъ, что безъ хлѣба Запорожцы не останутся и сыщутъ себѣ другого государя. Разные казаки и старшина приходили къ царскимъ посланцамъ и угрожали имъ смертью; сіи послѣдніе, по словамъ ихъ донесенія, дарили казаковъ ефимками, занятыми у Самойловича, и тѣмъ спаслись отъ бѣды.

По приказу кошевого, куренные атаманы вмѣстѣ со священникомъ осматривали мнимаго царевича и нашли у него на груди нѣсколько бѣлыхъ пятенъ, подобныхъ лишаямъ. И эти пятна сочтены были за какіе-то царственные знаки! Наконецъ царскіе послы были отпущены въ Москву въ сопровожденіи запорожскихъ пословъ, которые повезли грамоты отъ Запорожцевъ и Лжесимеона и должны были отъ самого царя узнать правду объ именующемъ себя Симеономъ Алексѣевичемъ; ибо, по его увѣренію, никакія письма его къ своему отцу бояре до государя не допускаютъ. Гетманъ Самойловичъ и воевода кн. Рамодановскій съ своей стороны доносили обо всемъ государю и предлагали отписать въ казну имущество Сѣрка, а жену его и зятей посадить въ крѣпость. Запорожскіе посланцы были задержаны въ Москвѣ въ качествѣ заложниковъ. Сѣрку царь прислалъ новую грамоту; онъ укорялъ кошевого въ неисполненіи указа и потворствѣ самозванцу, и вновь требовалъ его выдачи вмѣстѣ съ казакомъ Міуской. Укоры, однако, смягчались милостями: царь обѣщалъ отправить просимыя Запорожцами лодки (чайки), пушки, сукна, денежное и хлѣбное жалованье; но все это будетъ въ Сѣвскѣ ожидать, пока кошъ не выдастъ воровъ. Въ этихъ переговорахъ прошло цѣлое лѣто. Настойчивость и мѣры, принятыя Московскимъ правительствомъ, увѣнчались успѣхомъ. Въ августѣ Сѣрко за крѣпкимъ карауломъ отослалъ Лжесимеона въ Москву; но Міуска, повидимому, успѣлъ спастись бѣгствомъ. Сѣрка потомъ наградили соболями и по его просьбѣ пожаловали ему мѣстечко Келеберду на Днѣпрѣ; но это пожалованіе не было приведено въ исполненіе врагомъ его гетманомъ Самойловичемъ.

Самозванца ввезли въ столицу, прикованнаго къ телѣгѣ такимъ же образомъ какъ Стеньку Разина. На Земскомъ дворѣ бояре подвергли его пыточному розыску, спрашивали, кто онъ такой. Изъ всѣхъ довольно противорѣчивыхъ и запутанныхъ показаній самозванца выяснилось только то, что онъ Семенъ Ивановъ, вѣры латинской, родомъ изъ Лохвицы, что отецъ его Иванъ Воробьевъ былъ подданный князя Димитрія Вишневецкаго и что самозванству его научилъ казакъ Міуска.

Затѣмъ Лжесимеонъ 17 сентября 1674 года былъ казненъ на Красной площади такимъ же способомъ, какъ Степька Разинъ, а потомъ части тѣла его точно такъ же были выставлены на кольяхъ на Болотѣ. Въ этомъ дѣлѣ любопытно то обстоятельство, что новый самозванецъ вышелъ изъ юго-западной Украйны и по своему происхожденію опять связанъ съ одной изъ тѣхъ польскорусскихъ фамилій, которыя выставили и перваго, и второго Лжедимитрія, и самозванца Лубу. А кошевой Сѣрко долго уклонялся отъ выдачи Лжесимеона, подобно тому какъ уклонялся Богданъ Хмельницкій отъ такой же выдачи Лжешуйскаго. Лжесимеонъ явился послѣднимъ представителемъ самозванщины, порожденной польскою интригою противъ Московскаго государства.

Посмотримъ, что въ это время творилось въ самой Польшѣ.

Въ теченіе лѣта 1673 года тамъ съ обычной медленностію и всякими препятствіями производились приготовленія къ новой войнѣ съ Турціей. Только благодаря энергіи короннаго гетмана Собѣсскаго, удалось собрать до 30.000 войска. Въ сентябрѣ король Михаилъ произвелъ ему смотръ подъ Глинянами; послѣ чего, удрученный болѣзнію, онъ остался во Львовѣ; а Собѣсскій двинулся къ Днѣстру, перешелъ рѣку и приблизился къ Хотину, подъ которымъ стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ сераскиръ Гуссейнъ; послѣдній имѣлъ подъ своимъ начальствомъ до 80.000 человѣкъ; но часть ихъ была разсѣяна по разнымъ крѣпостямъ Подоліи. Между тѣмъ рать Собѣсскаго усилилась съ прибытіемъ литовскихъ гетмановъ Паца и Радивилла. Гуссейнъ не выходилъ изъ окоповъ; поэтому въ началѣ ноября Собѣсскій на разсвѣтѣ лично съ саблею въ рукѣ повелъ свои войска на приступъ непріятельскаго лагеря. Вспомогательные Туркамъ отряды Молдаванъ и Валаховъ перешли на сторону Поляковъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной битвы лагерь былъ взятъ, и Турки совершенно разбиты; много ихъ потонуло въ Днѣстрѣ во время бѣгства. Вмѣстѣ съ лагеремъ и крѣпость Хотинъ досталась побѣдителямъ. Раненный Гуссейнъ спасся въ Каменецъ. Собѣсскій, однако, не воспользовался моментомъ паники, чтобы немедля ударить на этотъ главный оплотъ турецкаго владычества въ Подоліи. Въ это время пришло извѣстіе о смерти короля Михаила, который скончался во Львовѣ наканунѣ Хотинской побѣды. Литовскій гетманъ Пацъ тотчасъ съ своимъ войскомъ отдѣлился отъ коронного и отправился въ Варшаву; а потомъ и Собѣсскій воротился съ театра войны, чтобы принять участіе въ избирательной борьбѣ партій.

Число кандидатовъ на Польскій престолъ, выставленныхъ разными партіями, на сей разъ простиралось до шести или семи; въ этомъ числѣ встрѣчались принцы Датскій, Трансильванскій, Савойскій и др. Но главныхъ

партій было двѣ: Австрійская и Французская. Первая, наиболѣе значительная, предлагала Карла Лотарингскаго; во главѣ ея стояли примасъ съ частью высшаго духовенства и вдова короля Михаила, бывшая австрійская эрцгерцогиня Елеонора, которая надѣялась вторично выдти замужъ за новоизбраннаго польскаго короля. Французская партія, поддерживаемая самимъ Людовикомъ XIV, предлагала герцога Конде или баварскаго принца Филиппа Нейбургскаго; эта партія группировалась около Собѣсскаго, его родственниковъ и пріятелей. Собѣсскій въ бытность свою во Франціи сдѣлался личнымъ другомъ герцога Конде; съ Французской партіей его связывала еще и супруга Марія Казиміровна. Молодой дѣвицей прибыла она въ Польшу въ свитѣ Маріи Гонзага, супруги Владислава IV и потомъ Яна Казиміра. Красавица сначала изъ всѣхъ претендентовъ на ея руку выбрала пожилого Яна Замойскаго; но уже при его жизни благосклонно относилась къ страстно влюбленному въ нее Яну Собѣсскому, а овдовѣвъ, сдѣлалась его женою. Польскому герою исторія справедливо ставитъ въ упрекъ то, что онъ слишкомъ подчинялся ея вліянію, невсегда благотворному.

Рядомъ съ этими двумя главными партіями готова была образоваться третья: партія Московская.

Незадолго до кончины Михаила Московскій и Варшавскій дворы, при дѣятельныхъ переговорахъ по Малороссійскимъ дѣламъ, при начинавшейся общей борьбѣ съ Турками и Татарами, пришли къ убѣжденію въ необходимости имѣть постоянныхъ резидентовъ для непрерывныхъ и болѣе удобныхъ взаимныхъ сношеній. Таковыми резидентами съ польской стороны былъ назначенъ въ Москву шляхтичъ Свидерскій, а въ Варшаву отправленъ стольникъ и полковникъ В. М. Тяпкинъ. Прежде нежели послѣдній успѣлъ доѣхать до границы, король Михаилъ умеръ; что еще болѣе замедлило его путешествіе; ибо пришлось посылать въ Москву за новыми инструкціями. Только въ концѣ января 1674 года Тяпкинъ съ своею небольшою свитою добрался до Варшавы и имѣлъ торжественный пріемъ у примаса, во время безкоролевья игравшаго роль перваго правительственнаго сановника въ Рѣчи Посполитой. Спустя нѣкоторое время, литовскій гетманъ Пацъ, разговаривая съ Тяпкинымъ о претендентахъ на польскій престолъ, вдругъ спросилъ его: «А сколько лѣтъ царевичу Ѳедору Алексѣевичу?» Такимъ образомъ объявилась Московская партія, которую представляли сановники великаго княжества Литовскаго, всегда болѣе чѣмъ Поляки наклонные къ тѣсному сближенію и къ союзу съ Московскимъ государствомъ. Кромѣ гетмана Паца, къ сей партіи принадлежали: другой Пацъ, великій канцлеръ литовскій, братъ гетмана; троцкій

воевода Огинскій, маршалокъ великаго княжества Полубенскій, референдарій Бростовскій, виленскій кастелянъ Котовичъ и пр. Они завязали переговоры съ Московскимъ дворомъ о кандидатурѣ царевича Ѳеодора на Польскій престолъ на слѣдующихъ условіяхъ: принять католическую вѣру, сочетаться бракомъ со вдовствующею королевой Елеонорой, составить оборонительный союзъ противъ Турокъ изъ Германской имперіи, Польши и Россіи и возвратить Польшѣ завоеванные у нея города. Для поддержанія сей кандидатуры просили прислать торжественное посольство и нѣсколько милліоновъ на подкупы. Само собой разумѣется, уже одна только перемѣна вѣры дѣлала Московскую кандидатуру невозможною. По сему пункту немыслима была уступка ни съ той, ни съ другой стороны. Тѣмъ не менѣе, въ Москвѣ нашли нужнымъ поддерживать безплодные переговоры; при чемъ Алексѣй Михайловичъ, когда-то соблазненный видами на Польскій престолъ, вновь предложилъ самого себя, обѣщая сохранять польскія и литовскія права и вольности и прислать свои войска для обороны Рѣчи Посполитой отъ внѣшнихъ непріятелей. Тайные переговоры сіи кончились ничѣмъ, и литовскіе вельможи присоединились къ партіи цесарской, т.-е. къ кандидатурѣ герцога Лотарингскаго. Безкоролевье на сей разъ длилось около полугода, и когда весною 1674 года собрался избирательный сеймъ, избраніе Лотарингскаго казалось обезпеченнымъ. Но въ началѣ мая умеръ престарѣлый примасъ князь Чарторыйскій, и обязанности его до назначенія новаго исправлялъ краковскій епископъ Требицкій, человѣкъ нейтральный.

Янъ Собѣсскій, совершившій торжественно свой въѣздъ въ Варшаву, занялъ на сеймѣ самое видное положеніе; окруженный ореоломъ Хотинской побѣды, онъ возбуждалъ чрезвычайное сочувствіе среди шляхты, и она съ жадностью ловила каждое его слово. А онъ высказывался въ пользу герцога Конде, какъ знаменитаго полководца, ибо Польшѣ при обстоятельствахъ того времени нужнѣе всего былъ король-воинъ. И вотъ когда наступилъ день избранія (около половины мая), воевода русскій Яблоновскій передъ шляхтою своего воеводства громко произнесъ имя Собѣсскаго, прибавивъ: «Зачѣмъ намъ искать героя среди чужихъ, когда имѣемъ собственнаго?» Его поддержали еще нѣсколько знатныхъ людей, и шляхта тринадцати воеводствъ съ увлеченіемъ принялась выкрикивать имя Собѣсскаго. Тщетно Пацы съ Литвинами пытались противупоставить свое veto новому выбору Пяста. Два дня длилась эта жаркая оппозиція; вице-канцлеръ литовскій Михаилъ Радивиллъ, женатый на сестрѣ Собѣсскаго, съ тремя Сапѣгами присоединился къ его избранію, и на третій день Литва уступила. Собѣсскій былъ провозглашенъ королемъ.

Несмотря на это избраніе, война съ Турками снова пріобрѣла неблагопріятный для Польши оборотъ. Лѣтомъ 1674 года Турки вновь сдѣлали нашествіе на Украйну, съ самимъ султаномъ во главѣ. Во время сего нашествія они взяли назадъ нѣсколько отобранныхъ въ прошломъ году городовъ; особенно крупными событіями были взятіе и страшное разореніе Ладыжина, а потомъ Умани, послѣ отчаянной обороны. Это появленіе Турокъ на правобережной Украйнѣ, какъ мы видѣли, заставило кн. Ромодановскаго и гетмана Самойловича покинуть осаду Чигирина и отступить на лѣвую сторону Днѣпра. Въ сентябрѣ турецкое войско съ султаномъ ушло за Дунай, обремененное огромнымъ полономъ и страшно опустошивъ страну. Собѣсскій во время сего нашествія бездѣйствовалъ и не мѣшалъ Туркамъ опустошать Украйну, имѣя слишкомъ мало силъ; а послѣ ухода Турокъ обратился въ Москву съ просьбою соединить московскія войска съ польскими для дѣйствій противъ Татаръ и Дорошенка. Въ Москвѣ не спѣшили исполнить эту запоздалую просьбу, и тѣмъ болѣе, что подозрительный гетманъ Самойловичъ внушалъ сомнѣнія насчетъ искренности Поляковъ. Дѣйствительно, Собѣсскій теперь вновь занялся захватомъ городовъ правобережной Украйны подъ польское владычество; нѣкоторые города сдались добровольно, другіе были захвачены силою; таковы: Баръ, Могилевъ, Кальникъ, Браславъ и Паволочъ. Перешедшій на сторону короля полковникъ Гоголь былъ назначенъ гетманомъ польской Украйны. Въ то же время король завелъ переговоры съ Дорошенкомъ, стараясь склонить его въ польское подданство. Очевидно Московское правительство имѣло всѣ поводы не довѣрять королю. Въ концѣ 1674 года на новомъ Андрусовскомъ съѣздѣ польскихъ и русскихъ уполномоченныхъ первые возобновили требованіе о возвращеніи Кіева, но получили отказъ.

Лѣтомъ слѣдующаго 1675 года многочисленное турецкое войско, предводимое сераскиромъ Ибрагимъ-пашою, снова пришло на правобережную Украйну и, соединясь съ Крымскою ордою, вновь принялось опустошать страну и брать города. Король и на сей разъ бездѣйствовалъ, расположивъ свое небольшое войско подъ Львовымъ. Когда же Крымцы съ нурреддинъ-султаномъ, отдѣлясь отъ Турокъ, приблизились къ Львову, король напалъ на нихъ и разбилъ наголову (въ августѣ). Однако съ своимъ малымъ войскомъ онъ не рѣшился напасть на самого Ибрагимъ-пашу. Турки осадили городъ Подгайцы, который взяли и сожгли; а затѣмъ, послѣ неудачной осады Теребовля, спокойно ушли назадъ, вновь обремененные большимъ полономъ. Польскіе легкіе отряды издали слѣдовали за уходившими Турками почти до самаго Дуная; при чемъ въ Малой Валахіи своими грабежами и наси-

ліями превзошли самихъ басурманъ. Несмотря на просьбы Собѣсскаго, Московское правительство и на сей разъ уклонилось отъ соединенія своихъ войскъ съ польскими. Князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ ограничились тѣмъ, что выслали отряды на правую сторону воевать Дорошенка и вновь отбирать у него нѣкоторые города. А знаменитый запорожскій кошевой Сѣрко по распоряженію изъ Москвы соединился съ черкесскимъ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, съ отрядомъ московскихъ стрѣльцовъ, предводимымъ стольникомъ Леонтьевымъ, съ донскимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ и калмыцкимъ мурзою Мазаномъ, и ходилъ съ ними подъ Перекопъ, погромилъ Крымцевъ, взялъ большую добычу, освободилъ большое количество русскихъ плѣнниковъ и со славою воротился на Запорожье. Въ это время (октябрь 1675 года) Дорошенко, стѣсненный отрядами Ромодановскаго и Самойловича, оставленный Турками безъ помощи и угнетаемый общей нелюбовью къ нему за союзъ съ басурманами, страшно опустошившими Украйну, склонился наконецъ на увѣщанія поддаться царю. Онъ призвалъ въ Чигиринъ Сѣрка съ отрядомъ Запорожцевъ и въ ихъ присутствіи присягнулъ со всѣмъ своимъ войскомъ на вѣрность Московскому государю. Но извѣстіе о такой присягѣ было дурно принято какъ Самойловичемъ и Ромодановскимъ, такъ и въ самой Москвѣ. Оттуда потребовали, чтобы Дорошенко лично явился въ Батуринъ вмѣстѣ со своими сторонниками и тамъ принялъ бы присягу по всѣмъ установленнымъ правиламъ. Сѣрку посланъ былъ выговоръ за самовольное вмѣшательство въ дѣло, ему неподлежащее. Въ концѣ 1675 года отъ Дорошенка прибыли въ Москву посланцы, съ Сенкевичемъ во главѣ, для объясненій и оправданій.

Но во время этихъ переговоровъ скончался царь Алексѣй I, и Малороссійскій вопросъ не получилъ своего рѣшенія при его жизни.

Любопытна роль, которую въ послѣдніе годы царствованія играли представители Малороссійскаго духовенства въ отношеніяхъ Украйны къ Москвѣ.

Наиболѣе видное мѣсто въ ихъ сношеніяхъ принадлежало нѣжинскому протопопу Симеону Адамовичу, который сумѣлъ сдѣлаться главнымъ совѣтникомъ гетмана Самойловича и угодить Московскому правительству своими сообщеніями обо всемъ, что происходило важнаго въ Малороссіи. Благодаря просьбамъ Адамовича, изъ Москвы въ августѣ 1674 года отпустили къ гетману его сыновей, проживавшихъ тамъ въ качествѣ заложниковъ; ибо убѣдились въ его вѣрности и преданности. Но именно вслѣдъ за тѣмъ Самойловичъ сталъ обнаруживать непріязнь къ своему

главному совѣтнику. Во-первыхъ, гетманъ, столь ревнивый къ своей власти, уже тяготился слишкомъ явнымъ вліяніемъ Адамовича на дѣла; во-вторыхъ, онъ недружелюбно смотрѣлъ на стремленіе духовенства къ увеличенію своихъ маетностей на счетъ войсковыхъ имуществъ; въ-третьихъ, Адамовичъ, доставлявшій въ Москву всякія извѣстія, не умолчалъ о слишкомъ медленныхъ и нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ Самойловича и Ромодановскаго противъ Дорошенка лѣтомъ 1674 года, и объ ихъ поспѣшномъ отступленіи отъ Чигирина при первыхъ вѣстяхъ о движеніи Татаръ на помощь осажденнымъ; хотя въ началѣ осады Ромодановскій писалъ въ Москву, что безъ государева указу не отступитъ даже и въ томъ случаѣ, если къ городу придетъ самъ Турецкій султанъ. Ромодановскій и Самойловичъ сочинили на Адамовича доносъ въ измѣнѣ, именно въ тайныхъ сношеніемъ съ Турецкимъ султаномъ,—столь обычное въ то время обвиненіе. Въ этомъ обвиненіи принялъ участіе и самъ архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, недовольный потерею своего политическаго значенія, которое перешло къ Адамовичу.

Въ началѣ 1675 года Барановичъ поручилъ Нѣжинскому протопопу отвезти въ Москву отпечатанный въ Кіевѣ второй сборникъ своихъ проповѣдей, озаглавленный „Трубы словесъ проповѣдныхъ“ и посвященный Алексѣю Михайловичу. Протопопъ долженъ былъ поднести роскошно переплетенные экземпляры царю, царицѣ, царевичамъ и царевнамъ. (Первый сборникъ, названый „Мечъ Духовный“, въ 1666 году былъ лично поднесенъ Барановичемъ). Но суть порученія заключалась въ томъ, что Адамовичъ повезъ болѣе 350 экземпляровъ сего сборника и долженъ былъ чрезъ А. С. Матвѣева подать его царскому величеству челобитье, чтобы всѣ эти экземпляры были взяты въ казну, а деньги за нихъ уплачены по цѣнѣ, назначенной самимъ государемъ. Архіепископъ разсчитывалъ, что купленныя у него книги правительство потомъ разошлетъ по монастырямъ и церквамъ, съ которыхъ и взыщетъ уплаченныя ему деньги, какъ это бывало прежде. Но царь на сей разъ не пожелалъ никого приневоливать къ покупкѣ, а велѣлъ продавать книги вольною цѣною. Эта вольная продажа въ теченіе двухъ мѣсяцевъ дала въ результатѣ только одинъ проданный десятокъ „Трубъ“. Адамовичъ вновь началъ бить челомъ о принятіи книгъ въ казну. Въ то время политическія обстоятельства усложнились особенно вслѣдствіе требованія Поляковъ возвратить имъ Кіевъ; въ Маллороссійскомъ приказѣ сочли нужнымъ приголубить Барановича, и его „Трубы“ были взяты въ казну по 2 руб. съ полтиной; а ему выдана значительная сумма (около 10.000 руб. по современной намъ цѣнѣ денегъ). Книги послѣ того розданы гостиподворскимъ мѣщанамъ для продажи; но она пошла очень туго. Такимъ обра-

зомъ Адамовичъ успѣшно исполнилъ порученіе какъ Барановича, такъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, имѣвшихъ дѣло въ Москвѣ, и благополучно воротился на Украйну. Вопреки расчету доносчиковъ, Московское правительство не повѣрило слишкомъ неискусно составленному ими доносу, не задержало протопопа въ столицѣ и продолжало оказывать ему довѣріе. Это обстоятельство еще болѣе вооружило противъ него гетмана и архіепископа. Вскорѣ послѣ кончины Алексѣя Михайловича имъ удалось-таки погубить Адамовича, обвинивъ его въ тайныхъ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и въ подстрекательствѣ сего послѣдняго противъ Москвы. Протопопъ былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь.

По смерти митрополита Тукальскаго (въ іюлѣ 1675 года) явились нѣсколько претендентовъ на занятіе Кіевской митрополичьей каѳедры. Таковы: печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель; отпущенный изъ Москвы, но задержанный въ Кіевѣ и проживавшій въ Софійскомъ монастырѣ извѣстный митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ; потомъ львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій и Антоній Винницкій, еще отъ Яна Казиміра имѣвшій привилей на Кіевскую каѳедру. Но никому изъ сихъ претендентовъ не удалось получить согласіе Московскаго правительства, и Лазарь Барановичъ продолжалъ носить званіе мѣстоблюстителя Кіевской митрополіи. Вообще политическая роль малороссійскихъ духовныхъ лицъ въ это время видимо ослабѣла, благодаря въ особенности ревниво относившемуся къ гетманской власти Самойловичу. Но ихъ культурное значеніе въ Московскомъ государствѣ, благодаря дѣятельному участію въ заведеніи училищъ и въ образованіи московскаго духовенства, напротивъ, еще болѣе усилилось ([34]).

IX.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ. РАТНОЕ ДѢЛО. ДИПЛОМАТІЯ.

Распространеніе русскаго владычества въ Сѣверовосточной Сибири. Опытовщики Стадухинъ и Дежневъ. Буряты. Даурія. Поярковъ и Хабаровъ. Богатырскіе подвиги на Амурѣ. Степановъ. Албазинскій острогъ. Первыя посольства въ Китай. Спаѳарій. Путешествіе въ Пекинъ. Пришествіе Калмыковъ. Подданство ихъ тайшей Москвѣ. Движеніе Сибирскихъ инородцевъ. Раздробленность Калмыцкихъ и Татарскихъ ордъ. Сношенія съ Грузіей. Засѣчныя линіи и Слободская украйна. Крымскія отношенія. Иностранные офицеры инструкторы. Московская рать. Царскій смотръ. Попытка завести флотъ. Постоянная почта. Заводское и торговое дѣло. Новоторговый уставъ. Сношенія съ Голландіей, Англіей, Бранденбургомъ, Австріей, Швеціей, Польшей, Персіей и т. д. Важнѣйшія посольства и записки иностранцевъ. Русскіе посольскіе обычаи. Приказъ Тайныхъ дѣлъ. Засѣданія Боярской Думы.

Покореніе Восточной Сибири, какъ мы видѣли, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ не только было начато, но и доведено до Охотскаго моря. При Алексѣѣ Михайловичѣ оно было здѣсь окончательно утверждено и распространено почти до береговъ Тихаго океана.

Край этотъ находился въ вѣдѣніи Якутскаго воеводы. Въ 1646 году воевода Василій Пушкинъ съ товарищи послалъ служилаго десятника Семена Шелковника съ отрядомъ въ 40 человѣкъ на рѣку Охту для сбора ясака съ туземныхъ Тунгузовъ и для «пріиску новыхъ землицъ“. Шелковникъ поставилъ острогъ на этой рѣкѣ близъ ея впаденія въ море и началъ собирать дань собольими и лисьими мѣхами съ сосѣднихъ туземныхъ родовъ; при чемъ бралъ въ заложники или аманаты кого-либо изъ сыновей ихъ старшинъ или такъ наз. «князцовъ». Но, вопреки царскому указу приводить туземцевъ въ подданство «ласкою и привѣтомъ», служилые люди нерѣдко раздражали ихъ своей грубостію и насиліями. Да и вообще туземцы, разумѣется, неохотно подчинялись русскому игу. Поэтому князцы съ своими родами иногда поднимали бунтъ, перехватывали и побивали небольшія партіи русскихъ служилыхъ людей и промышленниковъ и подступали къ русскимъ острожкамъ. Такъ въ 1650 году якутскій воевода Дмитрій Францбековъ, получивъ вѣсть объ осадѣ Охотскаго острога возмутившимися

туземцами, на выручку и на смѣну Шелковника послалъ Семена Епишева съ отрядомъ около 30 человѣкъ. Съ большимъ трудомъ добрался онъ до Охотска и тутъ выдержалъ нѣсколько боевъ съ Тунгузами, которые были вооружены стрѣлами и копьями, одѣты въ желѣзные и костяные куяки и шишаки. Огнестрѣльное оружіе какъ всегда помогло Русскимъ одолѣть гораздо болѣе многочисленныхъ непріятелей (по донесеніямъ Епишева, число ихъ будто простиралось до 1000 и болѣе). Острожекъ былъ освобожденъ отъ осады, а вмѣстѣ съ тѣмъ спасена накопившаяся тамъ ясачная казна. Шелковника Епишевъ не засталъ въ живыхъ; отъ его товарищей осталось только 20 человѣкъ. Получивъ потомъ новыя подкрѣпленія, онъ ходилъ на окрестныя земли, облагалъ данью племена и роды, дотолѣ не ясачные, и бралъ отъ нихъ аманатовъ.

Не одну борьбу съ туземцами и суровою природой приходилось вести начальникамъ русскихъ партій. Одновременно они должны были усмирять частыя ссоры и неповиновенія своихъ же служилыхъ людей, которые на далекомъ востокѣ отличались особенно грубыми нравами и своеволіемъ. Епишевъ посылаетъ воеводѣ жалобы на неповиновеніе своихъ подчиненныхъ. А года четыре спустя, мы находимъ его уже въ другомъ острожкѣ, на рѣкѣ Ульѣ, куда онъ ушелъ съ остаткомъ своихъ людей послѣ того, какъ Охотскій острожекъ былъ сожженъ туземцами и аманаты оттуда разбѣжались. Изъ Якутска воевода Михаилъ Лодыженскій отправилъ въ ту сторону на рѣки Ламу, Улью и Охту сына боярскаго Андрея Булыгина съ значительнымъ отрядомъ. Булыгинъ забралъ съ собой изъ Ульи пятдесятника Оноховскаго съ тремя десятками служилыхъ людей, на мѣстѣ стараго построилъ Новый Охотскій острожекъ (1665 г.), разгромилъ бунтовавшіе тунгузскіе роды, вновь привелъ ихъ въ подданство государю и наложилъ дань на болѣе отдаленные неясачные.

Въ то же время Московскія владѣнія распространялись далѣе на сѣверъ. Тутъ особенно выдался казачій десятникъ Михаилъ Стадухинъ, который заложилъ острогъ на рѣкѣ Колымѣ, обложилъ собolинымъ, лисьимъ и песцовымъ ясакомъ жившихъ по ней Оленныхъ Тунгузовъ и Юкагировъ, и первый принесъ въ Якутскъ извѣстіе о Чукотской землѣ и Чукчахъ, которые зимой на оленяхъ переѣзжаютъ на сѣверные острова, тамъ бьютъ моржей и привозятъ ихъ головы съ зубами. Воевода Василій Пушкинъ въ 1647 году далъ Стадухину отрядъ служилыхъ людей и отпустилъ его за рѣку Колыму добывать новыхъ земель. Стадухинъ въ теченіе девяти или десяти лѣтъ совершилъ цѣлый рядъ походовъ то по волокамъ на нартахъ, то по рѣкамъ на кочахъ или

круглыхъ судахъ, тамъ же построенныхъ съ большимъ трудомъ по недостатку лѣсу въ сихъ тундровыхъ краяхъ; захватывалъ юрты и зимовники сѣверныхъ Тунгузовъ, Чукчей и Коряковъ, облагалъ ихъ данью и бралъ у нихъ аманатовъ; а рѣкой Анадыремъ выходилъ въ море, т.-е. Тихій океанъ, и плавалъ вдоль его береговъ. И все это совершалось ничтожными силами въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, при тяжкой борьбѣ съ суровой негостепріимной природой, съ холодомъ и голодомъ и при постоянныхъ битвахъ съ дикими туземцами.

Одновременно со Стадухинымъ на крайнемъ сѣверѣ въ томъ же сѣверо-восточномъ углу Сибири подвизались и другіе охочіе служилые и промышленные предприниматели или такъ называемые «опытовщики». Иногда такія партіи служилыхъ людей составлялись самовольно и уходили на добычу безъ разрѣшенія властей. Такъ въ 1648 или 9 году десятка два служилыхъ людей ушли изъ Якутскаго острога отъ притѣсненій воеводы Головина и его преемника Пушкина, на которыхъ они потомъ жаловались, что тѣ вымогали взятки, не выдавали государева жалованья, а недовольныхъ наказывали кнутомъ, тюрьмою, огнемъ (пыткою), били батогами. Пушкинъ, по ихъ словамъ, завелъ у себя батоги длиною въ полтора аршина, толщиною въ палецъ. Эти 20 человѣкъ ходили на рѣки Яну, Индигирку и Колыму и собирали тамъ ясакъ. Вообще сіи партіи воевали туземцевъ и брали приступомъ ихъ укрѣпленные зимовники; при чемъ туземцы оборонялись не только стрѣлами, но и кольями, а также топорами и ножами, насаженными на длинныя топорища. Иногда разныя партіи сталкивались и заводили взаимныя распри и драки. Нѣкоторыя дружины сихъ опытовщиковъ Стадухинъ пытался завербовать въ свой отрядъ, и даже чинилъ имъ разныя обиды и насилія; но онѣ большею частію предпочитали дѣйствовать на свой страхъ и собирали ясакъ соболями и лисицами, а также цѣнною рыбьею костью, т.-е. моржевыми зубами, или сами ее промышляли. (Къ рыбьей кости Русскіе тогда, повидимому, причисляли и китовый усъ, и мамонтовы клыки?)

Въ числѣ такихъ людей, не подчинявшихся Стадухину, былъ и промышленно-служилый человѣкъ Семенъ Дежневъ со своими товарищами. Сначала онъ въ 1648 году отъ устьи Колымы, плывя вверхъ по Аною, пробрался къ верховьямъ рѣки Анадыря, гдѣ былъ заложенъ Анадырскій острогъ. А въ слѣдующемъ году, по его собственному донесенію, онъ отъ устья Колымы отправился на нѣсколькихъ кочахъ моремъ; изъ нихъ осталась только одна коча, на которой онъ обогнулъ Чукотскій посъ; но бурею и эту кочу выбросило на берегъ; послѣ чего партія пѣшкомъ добралась до устья Анадыря, откуда пошла вверхъ по рѣкѣ. Изъ 25 товарищей Дежнева воротились 12. Въ томъ же доне-

сенія Дежневъ сообщаетъ, что противъ Чукотскаго носу есть два острова, на которыхъ живутъ какіе-то зубатые Чукчи: у нихъ сквозь губы будто бы прорѣзываются или вставляются два зуба въ родѣ моржовыхъ. Если вѣрить разсказамъ Дежнева и его товарищей, не совсѣмъ яснымъ и толковымъ, то сей Дежневъ на 80 лѣтъ предупредилъ Беринга въ открытіи пролива, отдѣляющаго Азію отъ Америки. Русское господство въ тѣхъ отдаленныхъ краяхъ водворялось медленно. Нерѣдко туземцы отказывались платить ясакъ и избивали сборщиковъ. Тогда приходилось вновь отправлять на нихъ военные отряды, которые громили ихъ юрты, забирали въ аманаты начальныхъ людей или ихъ родственниковъ и вновь приводили въ подданство непокорныхъ. Такъ боярскій сынъ Гр. Пушкинъ, отправленный якутскимъ воеводою княземъ Борятинскимъ, въ 1671 году усмирялъ возмутившихся Юкагировъ и Ламутовъ, обитавшихъ по р. Индигиркѣ.

На ряду съ обильнымъ ясачнымъ сборомъ на государя, русскіе промышленники такъ усердно занимались охотою на соболей и лисицъ, что даже въ 1649 году нѣкоторые тунгузскіе старшины Якутскаго уѣзда били челомъ Московскому правительству на быстрое истребленіе пушнаго звѣря. Не довольствуясь охотою и облавою съ собаками, промышленники всю зиму ловили соболей и лисицъ кулемниками (родъ капкановъ); отчего эти звѣри стали сильно выводиться, и туземцамъ уже трудно было выплачивать сполна ясакъ.

Излишніе поборы и притѣсненія вызывали иногда довольно значительные бунты среди сибирскихъ инородцевъ. Особенно сильно было возстаніе Бурятъ, обитавшихъ по рѣкамъ Ангарѣ и верхней Ленѣ, около Байкала. Оно произошло въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича:

Буряты и сосѣдніе Тунгузы уплатили ясакъ въ Верхоленскомъ острогѣ подвѣдомственномъ якутскимъ воеводамъ; а казачій атаманъ Василій Колесниковъ, посланный енисейскимъ воеводою и ставившій городъ на Байкалѣ, вновь собралъ ясакъ съ тѣхъ же Бурятъ и Тунгузъ. Тогда соединенныя толпы сихъ двухъ народцевъ, вооруженныя луками, копьями и саблями, въ куякахъ и шишакахъ, конныя стали нападать на Русскихъ и приходить подъ Верхоленскій острогъ. Возстаніе это усмирено было не безъ труда. Посланные на помощь сему острогу изъ Якутска боярскій сынъ Алексѣй Бедаревъ и казачій десятникъ Василій Бугоръ съ отрядомъ въ 130 человѣкъ, не доходя Верхоленска, выдержали три «напуска» (атаки) со стороны 500 Бурятъ. При третьемъ напускѣ изъ служилыхъ людей нѣкто Аѳанасьевъ схватился съ бурятскимъ наѣздникомъ-*богатыремъ*, братомъ князца Могунчака, и убилъ

его. Съ убитаго снялъ куякъ, шеломъ и саадакъ. Получивъ подкрѣпленіе въ острогѣ, Русскіе опять пошли на Бурятъ, погромили ихъ улусы и вновь выдержали открытый бой, который окончили полной побѣдой.

Изъ построенныхъ въ томъ краю укрѣпленій впослѣдствіи особенно выдвинулся Иркутскій острогъ (1661) на Ангарѣ, противъ впаденія въ нее рѣчки Иркути. А въ Забайкальѣ нашими главными опорными пунктами сдѣлались Нерчинскъ (1654), на р. Нерчѣ, впадающей въ Шилку, и Селенгинскъ (1666) на р. Селенгѣ, впадающей съ юга въ Байкалъ.

Подвигаясь все далѣе и далѣе на востокъ, Русскіе вступили въ предѣлы Дауріи. Здѣсь, вмѣсто сѣверовосточныхъ тундръ и горныхъ пустынь, они нашли болѣе плодоносныя земли съ менѣе суровымъ климатомъ, вмѣсто рѣдкихъ бродячихъ дикарей-шаманистовъ, обилующихъ только оленями, рыбою и пушнымъ звѣремъ, болѣе частые улусы кочевыхъ или полуосѣдлыхъ монгольскихъ («мугальскихъ») племенъ—ладаитовъ, полузависимыхъ отъ Китая, подвергшихся вліянію его культуры и религіи, богатыхъ всякаго рода скотомъ и хлѣбомъ, знакомыхъ съ рудами и съ издѣліями изъ драгоцѣнныхъ металловъ. У даурскихъ и манчжурскихъ князцовъ встрѣчаются серебряные позолоченные идолы (бурханы), укрѣпленные городки, съ расположенными около нихъ передвижными юртами. Мелкіе князцы, а также сосѣдніе бурятскіе и тунгузскіе роды обыкновенно платили дань болѣе крупнымъ владѣльцамъ или ханамъ, которые въ свою очередь подчинялись манчжурскому богдыхану. Эти ханы имѣли крѣпости, окруженныя землянымъ валомъ и снабженныя иногда огненнымъ боемъ, т.-е. пушками. Русскимъ тутъ уже нельзя было дѣйствовать партіями въ десятокъ, другой ратныхъ людей; для успѣшнаго покоренія нужны были сотенные и даже тысячные отряды, вооруженные не только пищалями, но и пушками.

Первый русскій походъ въ Даурію предпринятъ былъ въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича.

Якутскій воевода Петръ Головинъ, имѣя вѣсти о народцахъ, сидѣвшихъ на рр. Шилкѣ и Зіѣ и изобилующихъ хлѣбомъ и всякою рудою лѣтомъ 1643 года отправилъ партію въ 130 человѣкъ, подъ начальствомъ письменнаго головы Василія Пояркова, на рѣку Зію, лѣвый притокъ Амура, «для прінску вновь неясашныхъ людей». Поярковъ поплылъ на дощеникахъ внизъ по Ленѣ, потомъ вверхъ по ея притоку Алдану, потомъ по впадающей въ него рѣчкѣ Учюрѣ и по ея притоку. Плаваніе было очень трудное и медленное по причинѣ частыхъ пороговъ, большихъ и малыхъ (послѣдніе назывались „шиверы“). Когда онъ достигъ волока, настали морозы; пришлось устроить зимовье. Перешедши волокъ и вновь построивъ легкія суда, Поярковъ весною спу-

стился въ Зію по ея притоку. Тутъ онъ плылъ сначала по землѣ Оленныхъ Тунгузовъ; а потомъ вступилъ въ улусы пашенныхъ Дауровъ. Князцы ихъ жили въ городкахъ съ своими родами, заключавшими по нѣскольку десятковъ человѣкъ, а иногда до сотни и болѣе. Письменный голова началъ хватать у нихъ аманатовъ и подвергать разспросамъ. Отъ нихъ онъ узналъ имена разныхъ князцевъ, обитавшихъ по Шилкѣ и Амуру, и количество ихъ людей. По ихъ разсказамъ, наиболѣе крупнымъ и богатымъ князцомъ на Шилкѣ является Лавкай, а выше его на той же рѣкѣ живутъ кочевные Мугалы, у которыхъ онъ свой хлѣбъ мѣняетъ на скотъ. Даурскіе князцы платили ясакъ какому-то хану, который жилъ ордою далеко къ югу, въ землѣ Богдойской (повидимому, въ южной Манджуріи), имѣлъ у себя «рубленый» (бревенчатый) городъ съ землянымъ валомъ; а бой у него былъ не только лучной, но и огненный и даже пушечный. Даурскіе князцы платятъ хану ясакъ соболями. На соболи же они покупаютъ у него серебро, мѣдь, олово, камки и кумачи; а это все онъ получаетъ изъ Китайской земли. Если какой князецъ не захочетъ платить ясакъ хану и аманатовъ ему не даетъ, то онъ отправляетъ на непокорнаго войско въ тысячу, двѣ и даже въ три тысячи человѣкъ. Поярковъ посылалъ впереди себя нѣкоторыя партіи, а потомъ самъ спустился въ среднее теченіе Амура и поплылъ внизъ по землѣ Дючеровъ, которые не мало побили у него людей; а потомъ нижнимъ теченіемъ онъ дошелъ до моря въ землѣ Гиляковъ, которые никому не платили дани. Русскіе люди впервые достигли устья Амура, гдѣ и зимовали, собравъ небольшой ясакъ съ ближнихъ гиляцкихъ улусовъ. Отсюда Поярковъ поплылъ Охотскимъ моремъ къ устью рѣчки Ульи, гдѣ опять зазимовалъ; а весною перевалился въ рѣку Маю, потомъ вошелъ въ Алданъ и Леной воротился въ Якутскъ въ 1646 году, послѣ трехлѣтняго отсутствія. Это былъ, собственно, развѣдочный походъ, познакомившій Русскихъ съ рѣкой Амуромъ и Дауріей, которую они тогда называли Пѣгою ордою. Его нельзя назвать удачнымъ: большая часть людей погибла отчасти въ схваткахъ съ туземцами, отчасти отъ голода и всякихъ лишеній. Особенно сильный голодъ терпѣли они во время зимовки около р. Зіи: онъ доходилъ до того, что нѣкоторые служилые и промышленные люди принуждены были питаться мертвыми тѣлами туземцевъ. По возвращеніи въ Якутскъ они подали новому воеводѣ Пушкину жалобу на Пояркова за его жестокость и корыстолюбіе и обвиняли его въ томъ, что онъ ихъ билъ, мучилъ и не только не давалъ имъ хлѣбныхъ запасовъ, но еще отнималъ у нихъ и выгонялъ ихъ изъ острожка въ поле. По донесеніямъ Пушкина, Поярковъ былъ вызванъ на судъ въ Москву вмѣстѣ съ потакавшимъ

ему прежнимъ воеводою Головинымъ, также обвинявшимся въ разныхъ проступкахъ.

Слухи о богатствахъ Даурской земли возбудили въ сибирскихъ воеводахъ и въ самой Москвѣ сильное желаніе привести эту землю въ подданство великому государю и собирать тамъ обильную дань не только «мягкою рухлядью», но также серебромъ, золотомъ, самоцвѣтными камнями и всякими «узорочными товарами». Немедленно возобновлены были попытки идти и покорить обитавшихъ по Шилкѣ и Амуру даурскихъ владѣтелей или князцевъ Лавкая и его родственника Ботогу (по другимъ даннымъ, Болтачая). По нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже Поярковъ до его позыва въ Москву былъ посланъ въ новый походъ въ ту сторону, а послѣ него отправленъ другой письменный голова Епалей Бахтеяровъ. Отыскивая болѣе близкій путь, они ходили изъ Лены по ея правому притоку Витиму, вершины котораго сближаются съ лѣвыми притоками Шилки. На настоящую дорогу однако не попали, не дошли до цѣли походовъ и безъ успѣха воротились назадъ.

Въ 1649 году якутскому воеводѣ Димитрію Францбекову подалъ на имя царя челобитье «старый опытовщикъ» Ерофей Павловъ Хабаровъ, происхожденіемъ посадскій торговый человѣкъ изъ города Устюга. Онъ вызывался на собственныя средства «прибрать», т.-е. снарядить, до полутораста или болѣе охочихъ людей, служилыхъ и промышленныхъ, чтобы идти на Лавкая и Ботогу, привести ихъ подъ высокую царскую руку и взять съ нихъ ясакъ на государя. При семъ этотъ бывалый, опытный человѣкъ объявилъ, что настоящая «прямая» дорога на Шилку и Амуръ идетъ по притоку Лены Олекмѣ и впадающему въ нее Тугиру, отъ котораго волокъ ведетъ уже въ Шилку. Получивъ разрѣшеніе и вспоможеніе оружіемъ, порохомъ и свинцомъ, построивъ дощаники и нагрузивъ ихъ хлѣбными запасами, Хабаровъ съ отрядомъ въ 70 человѣкъ лѣтомъ того же 1649 года переплылъ изъ Лены въ Олекму, и по Олекмѣ достигъ Тугира. Настала зима. Покинувъ дощаники, Хабаровъ и его партія двинулись далѣе на партахъ; долиною Шилки и потомъ Амура они пришли во владѣнія князца Лавкая. Но городъ его или зимовникъ и окрестные улусы оказались пусты. Русскіе подивились на сей городъ, укрѣпленный пятью башнями и глубокими рвами; изъ башенъ вели тайники къ водѣ; въ городѣ находились каменные сараи, въ которыхъ могло помѣститься человѣкъ по шестьдесятъ и болѣе. Если бы на жителей не напалъ страхъ, то крѣпость ихъ было бы невозможно взять съ такимъ малымъ отрядомъ. Хабаровъ пошелъ внизъ по Амуру и нашелъ еще нѣсколько подобныхъ, также укрѣпленныхъ городовъ, которые также были покинуты своими князцами и жителями. Оказалось, что въ томъ

краю у подвластныхъ Лавкаю Тунгузовъ успѣлъ побывать какой-то казакъ или промышленный человѣкъ Ивашка Квашнинъ съ нѣсколькими товарищами; онъ говорилъ, что Русскіе идутъ въ числѣ 500 человѣкъ, а за ними слѣдуютъ еще большія силы, что они хотятъ всѣхъ даурскихъ людей побить, имущество ихъ пограбить, а женъ и дѣтей взять въ полонъ. Испуганные Тунгузы давали Ивашкѣ подарки соболями, а онъ отдаривалъ ихъ котлами, топорами, ножами. Услыхавъ о грозившемъ нашествіи, Лавкай и находившіеся съ нимъ въ родствѣ другіе даурскіе старшины, Шилгинѣй, Албаза, Атуй, Десаулъ и пр., побросали свои городки или зимовники; со всѣми ихъ родами, улусными людьми и стадами они бѣжали въ сосѣднія степи подъ покровительство манчжурскаго владѣтеля Шамшакана, котораго были вассалами. Изъ ихъ покинутыхъ зимовниковъ Хабарову особенно понравился городокъ князца Албазы своимъ крѣпкимъ положеніемъ, на среднемъ теченіи Амура. Онъ занялъ Албазинъ. Оставивъ 50 человѣкъ гарнизону, Хабаровъ пошелъ назадъ, построилъ острожекъ на Тугирскомъ волокѣ, и лѣтомъ 1650 года воротился въ Якутскъ. Чтобы закрѣпить Даурскую землю за великимъ государемъ, воевода Францбековъ поспѣшилъ въ слѣдующемъ 1651 году отправить того же Хабарова съ отрядомъ гораздо большимъ и съ нѣсколькими пушками.

Межъ тѣмъ Дауры уже приступали къ Албазину, который продержался до прихода Хабарова. На сей разъ даурскіе князья оказали Русскимъ довольно сильное вооруженное сопротивленіе; послѣдовалъ рядъ боевъ, окончившихся пораженіемъ Дауръ; пушки особенно нагоняли на нихъ страхъ. Князья эти снова покинули свои городки и на коняхъ бѣжали внизъ по Амуру. Русскіе ихъ нагоняли, отбивали у нихъ скотъ и захватывали знатныхъ аманатовъ. Наконецъ, мѣстные князья покорились и обязались платить ясакъ русскому царю. Въ этотъ походъ Хабаровъ еще болѣе укрѣпилъ Албазинъ, который сдѣлался опорнымъ пунктомъ русскаго владычества на Амурѣ. Кромѣ того, онъ основалъ еще нѣсколько острожковъ по Шилкѣ и Амуру. Онъ собиралъ царскій ясакъ съ туземцевъ и отправлялъ его въ Якутскъ, прося о подкрѣпленіяхъ. Воевода Францбековъ не замедлилъ прислать еще нѣсколько партій. Кромѣ того, вѣсти о богатствахъ Даурской земли привлекли сюда многихъ вольныхъ казаковъ и промышленниковъ. Собравъ значительную силу, Хабаровъ лѣтомъ 1652 года предпринялъ изъ Албазина походъ внизъ по Амуру, и погромилъ прибрежные улусы, захватывая аманатовъ и собирая дань на имя великаго государя. Онъ доплылъ до впаденія рѣки Шингала (Сунгари) въ Амуръ и вступилъ въ земли Дючеровъ и Ачанъ. Здѣсь въ Ачанскомъ

городѣ онъ зазимовалъ; отрядъ его кормился рыбою, которая ловилась на желѣзные крюки.

Мѣстные князья, данники Манджуро-Китайскаго богдыхана, послали въ Китай извѣстіе о нашествіи Русскихъ и просили о помощи.

Около того времени, какъ извѣстно, въ Китаѣ совершился важный политическій переворотъ: туземная китайская династія Мингъ была низвергнута нѣкоторыми мятежными военачальниками, съ которыми соединились полчища Манджурскихъ Татаръ, уже давно совершавшихъ набѣги на Китайскія земли. Въ Пекинѣ водворилась манджурская династія Чингъ (1644 г.) въ лицѣ богдыхана Хуанъ-чи. Но далеко не всѣ китайскія области признали его своимъ государемъ; ему пришлось ихъ покорять, усмирять возстанія и постепенно упрочивать свою династію. Въ эту именно эпоху и происходили походы Хабарова и вторженіе Русскихъ въ Даурію; ихъ успѣхамъ не мало способствовало тогдашнее смутное состояніе имперіи и отвлеченіе ея военныхъ силъ по преимуществу въ южныя и приморскія провинціи. Извѣстія съ Амура заставили богдыханскаго намѣстника въ Манджуріи (котораго Хабаровъ называетъ Учурва) отрядить значительное войско, конное и пѣшее, снабженное отчасти огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ количествѣ тридцати пищалей, шести пушекъ и двѣнадцати глиняныхъ пинардъ, въ которыя насыпалось по пуду пороху; онѣ подкидывались подъ стѣны и башни для взрыва. Огнестрѣльное оружіе появилось въ Китаѣ, благодаря европейскимъ купцамъ и особенно миссіонерамъ; водворившіеся тамъ іезуиты ради своихъ миссіонерскихъ цѣлей старались быть полезными китайскому правительству и лили для него пушки.

24 марта 1653 г. казаки, зимовавшіе въ Ачанскомъ городѣ, на утренней зарѣ были разбужены пальбою изъ пищалей и пушекъ, — то было богдойское войско, которое соединилось съ толпами Дючеровъ и шло на приступъ, предводимое княземъ Исинеемъ. По отпискѣ Ерофея Хабарова, Исиней будто бы кричалъ своимъ людямъ, чтобы не жгли и не рубили казаковъ, а брали бы ихъ живьемъ. Узнавъ отъ толмачей о такомъ приказѣ, — говоритъ онъ — „язъ Ярофейко и ясаулъ Андрей Ивановъ, и служилые люди, и вольные казаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промежъ себя прощались и говорили: умремъ, братцы казаки, за вѣру крещеную и порадѣемъ государю царю Алексѣю Михайловичу всей Руси, и помремъ мы казаки всѣ за одинъ человѣкъ, а живы въ руки Богдойскимъ людямъ не дадимся“. Судя по сей отпискѣ, произошелъ бой по истинѣ гомерическій. Дрались отъ зари до солнечнаго заката. Манджуро-Ки-

тайцы вырубили три звѣна изъ городской стѣны и пытались вломиться въ городъ. Но казаки прикатили сюда мѣдную пушку и начали бить въ упоръ по толпѣ нападающихъ, въ то же время направили на нее выстрѣлы изъ другихъ пушекъ и пищалей и положили много народу. Толпа не выдержала и въ безпорядкѣ отхлынула прочь. Этимъ моментомъ воспользовались Русскіе: 50 человѣкъ остались въ городѣ, а 156, облеченные въ желѣзные куяки, съ саблями въ рукахъ сдѣлали вылазку и вступили въ рукопашную свалку. Русскіе одолѣли, и богдойское войско побѣжало отъ города. Трофеями побѣдителей были обозъ въ 830 лошадей съ хлѣбными запасами, 17 скорострѣльныхъ пищалей, имѣвшихъ по три и по четыре ствола вмѣстѣ, двѣ желѣзныя пушки и восемь знаменъ. По словамъ отписки, непріятелей легло около 700 человѣкъ; тогда какъ казаки потеряли только десять человѣкъ убитыми и около 80 было ранено, но послѣдніе потомъ выздоровѣли. Это побоище напомнило богатырскіе подвиги первыхъ завоевателей Сибири, т.-е. Ермака и его товарищей, разрушившихъ царство Кучума.

Но обстоятельства тутъ были другія.

Завоеваніе Дауріи вовлекало насъ въ столкновеніе съ огромной и могущественной по тому времени Китайско-Манджурской имперіей. Понесенное пораженіе возбудило жажду отместки; захваченные Русскими языки изъ окрестныхъ туземцевъ единогласно свидѣтельствовали о новыхъ скопищахъ, которыя собирались опять ударить на казаковъ и подавить ихъ числомъ. Поэтому князьки отказывались платить ясакъ, и его приходилось брать силою или захватомъ въ плѣнъ знатныхъ людей („добрыхъ мужиковъ" по выраженію отписки). Хабаровъ не пошелъ далѣе внизъ по Амуру въ землю Гиляковъ, а въ концѣ апрѣля сѣлъ на дощаники и поплылъ вверхъ. Дорогою онъ встрѣтилъ посланное ему подкрѣпленіе изъ Якутска; такъ что у него было теперь около 350 человѣкъ. Но, кромѣ опасности, грозившей со стороны Китая, приходилось бороться еще со своеволіемъ и неповиновеніемъ собственныхъ дружинъ, набранныхъ изъ разнаго рода вольныхъ и гулящихъ людей. Такъ 136 человѣкъ, возмущенныхъ какими-то Стенькою Поляковымъ, Костькою Ивановымъ и другими воровскими казаками, отдѣлились отъ Хабарова и на свой страхъ поплыли внизъ по Амуру ради добычи и зипуновъ, т.-е. принялись грабить туземцевъ, чѣмъ еще болѣе отшатнули ихъ отъ подчиненія русскому царю и отъ уплаты ясака. По порученію изъ Якутска, Хабаровъ долженъ былъ отправить нѣсколько человѣкъ посланцами съ царскою грамотою къ Богдыхану. Но туземцы отказались проводить этихъ посланцевъ въ Китай, ссылаясь на вѣроломство Русскихъ, которые обѣщали имъ миръ

и спокойствіе, а теперь грабятъ ихъ и убиваютъ. Въ своихъ донесеніяхъ Хабаровъ прямо говоритъ, что необходимо прислать большое войско, если мы хотимъ утвердиться на Амурѣ, а что съ такими малыми силами намъ его за собой не удержать. Онъ указывалъ на многолюдство Китайской земли и особенно на то, что у нея есть огненный бой.

Въ слѣдующемъ 1654 году на Амуръ пріѣхалъ дворянинъ Дмитрій Ивановичъ Зиновьевъ съ подкрѣпленіемъ, царскимъ жалованьемъ и золотыми, которые были розданы въ награду Хабарову и его товарищамъ, въ количествѣ 320 человѣкъ. Собравъ ясачную соболиную казну, онъ воротился въ Москву, куда взялъ съ собою и Хабарова. Послѣдній получилъ отъ царя званіе сына боярскаго и назначенъ приказчикомъ Усть-Кутскаго острога на Ленѣ. На Амурѣ послѣ него начальствовалъ приказный человѣкъ Онуфрій Степановъ. Въ Москвѣ намѣревались было отправить сюда по крайней мѣрѣ 3000-ное войско. Но въ это время началась война съ Поляками за Малороссію, и означенная отправка не состоялась. Предоставленный своимъ небольшимъ силамъ, Степановъ совершалъ походы внизъ и вверхъ по Амуру, собиралъ дани съ Дауровъ и Дючеровъ и мужественно отбивался отъ приходившихъ имъ на помощь манджурскихъ войскъ. Особенно сильные бои пришлось ему выдержать въ мартѣ 1655 года въ новопоставленномъ Комарскомъ острогѣ (пониже Албазина), къ которому приступало богдойское или манджурское войско съ пушками и пищалями, правильно раздѣленное па отряды, съ ихъ разноцвѣтными знаменами. Число этого войска вмѣстѣ съ полчищами возставшихъ туземцевъ простиралось до 10,000; предводительствовалъ имъ князецъ Тогудай. Не ограничиваясь пальбой изъ пушекъ, непріятели бросали въ острогъ стрѣлы съ «огненными зарядами» и подвезли къ острогу арбы съ деревянными щитами, обитыми кожей и войлокомъ, нагруженныя смолой и соломой, чтобы зажечь наружный частоколъ; кромѣ того, у нихъ „были багры желѣзные и всякія приступныя мудрости“ (по донесенію Степанова). Три недѣли продолжалась осада острога, сопровождавшаяся частыми, особенно ночными, приступами. Укрѣпляясь постомъ и молитвою, Русскіе мужественно оборонялись и дѣлали удачныя вылазки. Острогъ былъ хорошо укрѣпленъ высокимъ валомъ съ деревянными стѣнами и широкимъ рвомъ, вокругъ котораго шелъ еще частоколъ съ какими-то потайными желѣзными прутьями. Непріятели во время приступа натыкались на прутья и не могли подойти близко къ стѣнамъ, чтобы ихъ зажечь; а въ это время били по нимъ пушками изъ нижнихъ и верхнихъ амбразуръ, устроенныхъ въ стѣнѣ. Потерявъ множество людей, богдойское войско не выдержало и отступило,

пометавъ въ воду часть своихъ огненныхъ зарядовъ; но все еще значительноое количество ихъ, а также пороху и ядеръ осталось въ добычу Русскимъ; на огненныхъ зарядахъ оказались какія-то подписи; а ядра вѣсили въ полтора фунта и болѣе. Донося въ Якутскъ воеводѣ Лодыженскому о своихъ дѣйствіяхъ, Степановъ просилъ о присылкѣ пороху, свинцу, подкрѣпленій и хлѣбныхъ запасовъ. Но просьбы его мало исполнялись; а между тѣмъ упорная война съ Манджурами продолжалась; туземцы, т.-е. Дауры, Дючеры и Гиляки, отказывали въ ясакѣ и нерѣдко возставали, при случаѣ захватывали и избивали небольшія партіи русскихъ служилыхъ людей. Степановъ посылалъ къ нимъ значительные отряды или ходилъ самъ. Русскіе обыкновенно старались захватить въ аманаты кого-либо изъ знатныхъ или начальныхъ людей; тогда туземцы, чтобы его выручить, привозили ясакъ.

Лѣтомъ 1658 года Онуфрій Степановъ, выступивъ изъ Албазина на 12 дощаникахъ съ отрядомъ около 500 человѣкъ, плавалъ по Амуру и собиралъ ясакъ и съѣстные припасы. Ниже устья Шингала, въ землѣ Дючеровъ, онъ неожиданно встрѣтилъ сильное богдойское войско; оно представляло флотилію почти въ 50 судовъ, снабженныхъ „большимъ огненнымъ нарядомъ", т.-е. многими пушками и пищалями. Въ происшедшемъ бою эта артиллерія дала непріятелю перевѣсъ и произвела большое опустошеніе среди русскаго отряда. Степановъ палъ съ 270 товарищей; изъ оставшихся 227 человѣкъ одни спаслись бѣгствомъ на судахъ, другіе бросились на берегъ и ушли въ горы. Часть богдойскаго войска двинулась вверхъ по Амуру на русскія поселенія. Наше владычество на среднемъ и нижнемъ Амурѣ почти утратилось; самый Албазинъ былъ покинутъ. Но на верхнемъ Амурѣ или на Шилкѣ оно продолжалось, благодаря крѣпкимъ острогамъ, изъ которыхъ выходили партіи служилыхъ людей для обычнаго сбора дани. Въ это время тамъ дѣйствовалъ енисейскій воевода Аѳанасій Пашковъ, который основаніемъ Нерчинска упрочилъ русское владычество въ западной Дауріи. Въ 1662 году Пашкова смѣнилъ въ Нерчинскѣ тобольскій сынъ боярскій Илларіонъ Толбузинъ.

Вскорѣ потомъ Русскіе вновь утвердились на среднемъ Амурѣ, и по слѣдующему поводу.

Илимскій воевода Обуховъ отличался не только корыстолюбіемъ и вымогательствами, но и насильствомъ надъ женщинами своего уѣзда. Между прочимъ, онъ обезчестилъ сестру одного служилаго человѣка, по имени Никифора Черниговскаго, родомъ изъ Литвы или Западной Руси. Пылая мщеніемъ, Никифоръ взбунтовалъ нѣсколько десятковъ своихъ товарищей; они напали на Обухова подъ Киренскимъ острогомъ на р. Ленѣ

и убили его (1665 г.). Избѣгая смертной казни, на которую были осуждены, Черниговскій и его соучастники ушли на Амуръ, заняли опустѣлый Албазинскій острогъ и возобновили его укрѣпленія. Отсюда бѣглецы стали вновь собирать ясакъ съ сосѣднихъ Тунгузовъ, которые вмѣстѣ съ другими туземными народцами такимъ образомъ очутились между двухъ огней: отъ нихъ требовали ясакъ съ одной стороны Русскіе, съ другой—Китайцы. Въ виду постоянной опасности отъ Китайцевъ, Черниговскій призналъ свою подчиненность нерчинскому воеводѣ и обратился въ Москву съ просьбою о помилованіи. Благодаря своимъ заслугамъ, онъ не только получилъ это помилованіе, но и утвержденъ албазинскимъ начальникомъ. Вмѣстѣ съ новымъ занятіемъ средняго Амура и сборомъ ясака съ окрестныхъ племенъ возобновились, конечно, враждебныя отношенія со стороны Китайцевъ. Эти отношенія осложнились еще тѣмъ, что нѣкій тунгузскій князецъ Гантимуръ-Уланъ, вслѣдствіе несправедливо рѣшенной Китайцами тяжбы съ его снохою, ушелъ изъ Богдойской (Манджурской) земли къ Нерчинску при Толбузинѣ, отдался со всѣмъ своимъ родомъ или улусомъ подъ высокую царскую руку и сталъ платить дань великому государю. Бывали и другіе случаи, когда туземные роды, не стерпя налоговъ и притѣсненій отъ китайскихъ чиновниковъ, били челомъ русскимъ начальникамъ о принятіи ихъ въ русское подданство. Китайское правительство изъявляло свое неудовольствіе и готовилось къ войнѣ. А между тѣмъ русскихъ служилыхъ людей и казаковъ въ томъ краю было очень малолюдно. Обыкновенно сюда присылались стрѣльцы и казаки изъ Тобольска и Енисейска, и они служили по очереди отъ 3 до 4 лѣтъ (съ проѣздомъ). Кто изъ нихъ пожелалъ бы служить въ Дауріи болѣе 4 лѣтъ, тѣмъ прибавлялось денежное и хлѣбное жалованье. Преемникъ Толбузина тобольскій сынъ боярскій Данило Аршинскій доносилъ тобольскому воеводѣ Петру Годунову, что въ 1669 году приходило полчище Мунгаловъ на сосѣднихъ ясачныхъ Бурятъ и увело ихъ въ свои улусы; смотря на то, и ближніе Тунгузы отказываются платить ясакъ; а «поиску учинить некѣмъ»: въ трехъ нерчинскихъ острогахъ (собственно Нерчинскій, Иргенскій и Теленбинскій) служилыхъ людей всего 124 человѣка. Когда въ слѣдующемъ году изъ сибирскихъ городовъ пришли 12 человѣкъ и подали заручную запись съ просьбой записать ихъ въ нерчинскіе казаки, Аршинскій очень охотно исполнилъ ихъ желаніе. Русское правительство поэтому старалось уладить распри съ Китайцами помощію переговоровъ и посольствъ.

Чтобы войти въ непосредственныя торговыя и политическія сношенія съ Китаемъ, уже въ 1654 году отправленъ былъ гонцомъ въ Камба-

лыкъ (Пекинъ) тобольскій сынъ боярскій Ѳедоръ Байковъ. Сначала онъ плылъ вверхъ по Иртышу, а потомъ путешествовалъ по землямъ Калмыковъ, по Монгольскимъ степямъ, у города Калгана вступилъ внутрь Китайской стѣны, и наконецъ достигъ Пекина. Но тутъ его ожидали неудачные переговоры съ китайскими чиновниками, и, ничего не добившись, онъ тою же дорогою вернулся обратно, употребивъ болѣе трехъ лѣтъ на это путешествіе. Но по крайней мѣрѣ онъ доставилъ Московскому правительству многія важныя свѣдѣнія какъ о самомъ Китаѣ, такъ и о караванномъ пути къ нему. Въ 1659 году попытка была возобновлена, и тѣмъ же путемъ ѣздилъ въ Китай съ царскою грамотою сынъ боярскій Иванъ Перфильевъ. Онъ имѣлъ болѣе удачи, удостоился богдыханскаго пріема, получилъ подарки и привезъ въ Москву первую партію чая. Когда же возникли неудовольствія со стороны Китайцевъ по поводу тунгузскаго князца Гантимура и албазинскихъ дѣйствій Никифора Черниговскаго, нерчинскій приказчикъ Данило Аршинскій, въ 1670 году, по приказу изъ Москвы, отправилъ для объясненій въ Пекинъ гонцомъ сына боярскаго Милованова съ нѣсколькими служилыми людьми. Онъ поплылъ вверхъ по Аргуни и по ея притокамъ; а затѣмъ манджурскими степями достигъ Китайской стѣны и прибылъ въ Пекинъ. Посланцы были съ честью приняты богдыханомъ и щедро одарены кумачами, камками и шелковыми поясами. Миловановъ былъ отпущенъ не только съ отвѣтною грамотою къ царю Алексѣю Михайловичу, но и въ сопровожденіи китайскаго чиновника (Муготѣя) съ значительною свитою. По челобитью послѣдняго Аршинскій послалъ Никифору Черниговскому приказъ, чтобы онъ безъ указу великаго государя не воевалъ Дауръ и Дючеръ. Такое мягкое отношеніе Китайскаго правительства къ Русскимъ, повидимому, объясняется смутами, все еще происходившими тогда въ Китаѣ. Второй богдыханъ Манджурской династіи знаменитый Канъ-хи (1662—1722) былъ еще очень молодъ, и ему пришлось много бороться съ мятежами и разными затрудненіями прежде, нежели удалось упрочить свою династію и цѣлость Китайской имперіи.

Поощренное успѣхомъ послѣдняго гонца, Московское правительство рѣшило снарядить большое посольство въ Китай, чтобы уладить споры о русско-китайскихъ границахъ и тѣмъ предотвратить дальнѣйшія неудовольствія, возникавшія по поводу своевольныхъ казаковъ, которые вооруженною рукою собирали дани съ инородцевъ, считавшихся подвластными Китаю. Во главѣ такого посольства былъ поставленъ переводчикъ Посольскаго приказа Николай Спаѳарій.

Этотъ Спаѳарій былъ ученый Грекъ, долгое время пребывавшій въ Молдавіи и находившійся на службѣ у молдавскаго господаря Стефана-

Георгія, которому онъ служилъ и послѣ его изгнанія и былъ его резидентомъ при Шведскомъ дворѣ. По смерти господаря Спаѳарій побывалъ въ Турціи, откуда и пріѣхалъ въ Москву въ 1671 году съ рекомендательными грамотами отъ іерусалимскаго патріарха Досифея и греческаго драгомана Высокой Порты Панагіота; это были уважаемые въ Москвѣ дѣятели православнаго Востока, служившіе ей сообщеніемъ всякихъ болѣе или менѣе важныхъ свѣдѣній о турецкихъ дѣлахъ. Московское правительство благосклонно отнеслось къ Спаѳарію и назначило его въ Посольскій приказъ переводчикомъ языковъ греческаго, латинскаго и волошскаго. Этимъ приказомъ завѣдывалъ тогда А. С. Матвѣевъ, который приблизилъ къ себѣ ученаго переводчика, любилъ бесѣдовать съ нимъ и поручилъ ему учить своего сына Андрея по-гречески и по-латыни. Когда же вскорѣ потомъ, по настояніямъ Досифея и Панагіота (и не безъ участія Спаѳарія), извѣстный *латинофронъ* Паисій Лигаридъ былъ удаленъ изъ Москвы, то его дѣло, т.-е. переводы греческихъ и латинскихъ книгъ, поручено Спаѳарію; ему же отдали и самые хоромы которые занималъ Лигаридъ. Своею усердною книжною дѣятельностію Спаѳарій обратилъ на себя вниманіе самого Алексѣя Михайловича, особенно послѣ того, какъ въ 1673 году посвятилъ ему свой переводъ греческаго сочиненія «Хрисмологіонъ или Даніила пророка откровеніе на сонъ Навуходоносора о четырехъ монархіяхъ». Естественно поэтому, что выборъ чрезвычайнаго посланника въ Китай остановился именно на Спаѳаріи, и тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ дипломатическими дѣлами на него возлагались ученыя географическія работы по описанію Сибири и ея путей, а также проектъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Поэтому съ нимъ были отпущены разные астрономическіе инструменты и компасы, человѣкъ, знавшій землемѣріе и умѣвшій писать чертежи, китайскій лексиконъ, описаніе Китайскаго государства и т. д. Для подарковъ богдыхану были посланы съ нимъ соболя и живые кречеты.

Первоначально предполагалось направить посольство тѣмъ путемъ, которымъ ходилъ въ Китай Байковъ. Но извѣстія о междоусобіяхъ въ Калмыцкихъ степяхъ заставили выбрать болѣе сѣверный путь, т.-е. на Енисейскъ, Байкалъ и Даурію.

Въ началѣ мая 1675 года Спаѳарій съ большою посольскою и конвойною свитою поплылъ на нѣсколькихъ дощаникахъ изъ Тобольска внизъ по Иртышу, потомъ поднялся вверхъ по Оби до ея праваго притока Кети, а Кетью до волока, которымъ добрался до Енисейска. Пробывъ здѣсь дней десять, посольство поплыло по Енисею и по его притоку Верхней Тунгузкѣ или Ангарѣ, вытекающей изъ Байкала. Плаваніе это было очень трудное и опасное по причинѣ многочислен-

ныхъ пороговъ и шиверъ. Только къ половинѣ сентября оно добралось до озера Байкала, которое съ большими затрудненіями по причинѣ бурь переплыло въ самомъ узкомъ его мѣстѣ (называемомъ Култукъ), и вошло въ устье Селенги. Въ началѣ октября оно остановилось въ Селенгинскомъ острогѣ, который лежалъ на краю Сибири, на пограничьи съ Монгольскою степью. Сосѣдніе кочевые Монголы вели торговлю съ русскими казаками, пригоняя на продажу коней, верблюдовъ и всякій скотъ, а также китайскіе товары и покупая у Русскихъ ихъ товары и соболей. (Впослѣдствіи въ томъ краю образовался Кяхтинскій пограничный торгъ.) Спаѳарій хвалитъ эту мѣстность, указывая на ея довольно теплый климатъ, плодородіе, обиліе садовъ, луговъ и рыбы. Главный тайша надъ сосѣдними монгольскими князьями или тайшами назывался Саинъ-ханъ; а начальный жрецъ надъ буддійскими ламами назывался Кутухта-лама, который живетъ съ нѣсколькими тысячами ламъ около великаго идольскаго капища, похожаго на городъ и построеннаго китайскими мастерами.

Въ монгольскіе улусы посланы были служилые люди, которымъ не безъ труда и дорогою цѣной удалось закупить вьючныхъ коней и верблюдовъ у подозрительныхъ кочевниковъ. Послѣ того Спаѳарій отправился изъ Селенгинска сухимъ путемъ черезъ даурскія долины и горы. Впередъ посольства всегда посылались въ слѣдующіе острожки вѣстовые люди, которые предупреждали начальниковъ о приготовленіи всего нужнаго для дальнѣйшаго пути. Въ первыхъ числахъ декабря онъ прибылъ въ Нерчинскъ; а отсюда двинулся далѣе въ Китай по пути, проложенному Миловановымъ, и въ сопровожденіи сего послѣдняго. Его же Спаѳарій послалъ напередъ себя въ Пекинъ, чтобы извѣстить богдыхана о приближеніи большого русскаго посольства. Около половины января 1676 года оно достигло Хинганскаго хребта и вступило въ предѣлы Китайскаго государства. Здѣсь была ему первая встрѣча со стороны Китайцевъ. Но, вслѣдствіе разныхъ задержекъ отъ нихъ, только въ маѣ этого года русское посольство вступило въ Пекинъ, то-есть уже при преемникѣ Алексѣя Михайловича. Тамъ оно подверглось разнымъ притѣсненіямъ и проволочкамъ. Мандарины прежде богдыханскаго пріема потребовали у Спаѳарія царскую грамоту для предварительнаго просмотра; на что онъ не соглашался. Такъ какъ посредникомъ въ переговорахъ служилъ одинъ іезуитъ, то посланникъ сообщилъ ему латинскій переводъ царской грамоты. Мандарины не хотѣли принять перевода; наконецъ, согласились на томъ, что подлинную грамоту Спаѳарій привезетъ прямо во дворецъ. Ее взяли и отнесли къ богдыхану. Послѣ чего посланникъ былъ допущенъ предъ лицо его китайскаго величества,

и тутъ принужденъ творить низкіе поклоны, но не былъ удостоенъ никакимъ вниманіемъ. Только во время второго пріема богдыханъ соблаговолилъ, при посредствѣ переводчиковъ іезуитовъ, спросить его о здоровьѣ и возрастѣ царя. Во время переговоровъ мандарины ставили посольству на видъ разныя вины съ русской стороны, особенно нападенія казаковъ на китайскіе предѣлы, требовали выдачи Гантимура и т. д. Даже китайскіе торговцы съ своей стороны притѣсняли посольство, покупая у него русскіе товары и продавая ему свои по цѣнамъ, которыя назначали, стакнувшись между собою. Цѣлое лѣто оно прожило въ Пекинѣ, и наконецъ было отпущено ни съ чѣмъ, даже безъ богдыханской отвѣтной грамоты, такъ какъ Спаөарій не соглашался на обычныя высокомѣрныя китайскія выраженія, унизительныя для царскаго достоинства.

Только спустя три года послѣ своего выѣзда изъ Москвы, Спаөарій воротился въ нее, въ началѣ 1678 года. Важнымъ плодомъ его посольства было составленное въ двухъ книгахъ описаніе совершеннаго имъ пути, т.-е. описаніе Сибири и Китая, снабженное чертежами; кромѣ того, имѣемъ любопытныя донесенія, посылавшіяся царю во время самаго путешествія. Но его главный покровитель Матвѣевъ находился уже въ ссылкѣ и вообще, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, онъ не нашелъ достаточно благосклоннаго отношенія къ совершеннымъ трудамъ. Ему пришлось даже въ Сибирскомъ приказѣ оправдываться противъ возведенныхъ на него обвиненій въ превышеніи посланнической власти, въ лихоимствѣ и въ сношеніяхъ съ іезуитами. Напримѣръ, говорили, что онъ поднесъ богдыхану плохихъ соболей, а добрыхъ оставилъ себѣ для продажи; что послалъ албазинскимъ людямъ приказъ не ходить для сбора ясака по р. Зіѣ и внизъ по Амуру; что образъ Михаила Архангела отдалъ католикамъ для ихъ пекинскаго костела и т. п. Однако, ему удалось до нѣкоторой степени оправдаться, и потомъ онъ былъ вновь назначенъ на должность переводчика Посольскаго приказа. ([35]).

Межъ тѣмъ какъ русское владычество утверждалось въ Восточной Сибири до береговъ Охотскаго моря и Тихаго Океана, въ Западной Сибири оно упрочилось и пускало все болѣе и болѣе глубокіе корни; хотя ему и пришлось здѣсь выдержать нѣкоторую борьбу съ новымъ напоромъ кочевыхъ ордъ. То были пресловутые Калмыки. Тѣснимые другими монгольскими и татарскими ордами, они съ 20-хъ и 30-хъ годовъ XVII столѣтія изъ Монгольскихъ степей передвинулись далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ и заняли своими кочевьями земли по верхнему

теченію Иртыша, Ишима, Тобола до рѣки Яика, и даже перешли на западную его сторону въ степи Волжскія и Астраханскія. Въ отношеніи силы и энергіи движеніе этихъ ордъ далеко уступало ихъ предшественникамъ Половцамъ и особенно Татарамъ. Раздробленные на отдѣльные роды, управляемые своими князьями или тайшами, нерѣдко враждебными другъ другу, Калмыки не могли быть опасными непріятелями для окрѣпшаго Московскаго государства, владѣвшаго страшнымъ для кочевниковъ огненнымъ боемъ; но ему все-таки пришлось напрягать силы, чтобы обезпечить свои юго-восточные предѣлы и подчинить себѣ тѣ орды, которыя очутились внутри этихъ предѣловъ, сливавшихся съ степями Средней Азіи.

Москвѣ помогло и то обстоятельство, что это чисто монгольское племя встрѣтило себѣ враговъ въ племенахъ татарскихъ, съ которыми оно столкнулось и потѣснило ихъ, а именно съ Ногаями и Киргизами. Съ Ногаями еще рѣзко раздѣляла его и самая религія: первые были мусульмане, тогда какъ Калмыки принадлежали къ ламаитамъ. За Ногаями стояла Крымская орда, съ которою Калмыки также вступили во враждебныя отношенія. Московское правительство довольно ловко воспользовалось сими отношеніями для того, чтобы въ Калмыкахъ пріобрѣсти себѣ союзниковъ противъ Крымцевъ.

Испытавъ въ нѣкоторыхъ столкновеніяхъ силу московскаго огнестрѣльнаго оружія, часть калмыцкихъ тайшей, кочевавшихъ между Яикомъ и Волгой, уже въ концѣ Михаилова царствованія прислала въ Москву пословъ съ просьбою о принятіи подъ свою высокую руку и разрѣшеніи вести торгъ съ русскими городами. Правительство Алексѣя Михайловича спѣшило закрѣпить эти вассальныя отношенія; оно обѣщало государево жалованье, но требовало отъ тайшей заложниковъ, присяги на вѣрную службу, а также удаленія орды на востокъ за Яикъ. Ближніе калмыцкіе тайши то соглашались на требованія, то давали гордый отвѣтъ въ родѣ того, что «ни кого не боятся, кромѣ Бога»; но въ концѣ концовъ, прельщенные подарками и нуждаясь въ пастбищахъ, выдавали аманатовъ, приносили шерть или присягу на подданство (1655 г.) и обязывались платить дань. Они не разъ выставляли вспомогательные отряды для войны съ Крымцами; чѣмъ отвлекали ихъ отъ союза съ Польшею и оказали значительную помощь Москвѣ въ трудное время ея борьбы съ Поляками изъ-за Украйны. Часть калмыцкихъ ордъ, перешедшая на западъ отъ Яика, не ушла за него обратно; а распространилась въ степяхъ Астраханскихъ, Уфимскихъ и Саратовскихъ, и тутъ продолжала вести довольно успѣшную борьбу съ татарскими народами, т.-е. съ Крымцами, Ногайцами и Башкирами; но при этомъ и

сами Калмыки иногда заводили междоусобія. Кочевники такимъ образомъ ослабляли себя въ этой взаимной враждѣ и тѣмъ облегчали окончательную побѣду Московскаго государства надъ степью. Безобразной наружности, одѣтые въ кольчуги и шлемы, вооруженные стрѣлами, копьями и короткими, прямыми саблями, жадные къ добычѣ, Калмыки первое время наводили большой страхъ на Крымскихъ Татаръ и нерѣдко однимъ своимъ появленіемъ обращали ихъ въ бѣгство. (Только Башкиры умѣли наносить пораженія Калмыкамъ.) Не мало пользы для Москвы принесли они тѣмъ, что, занявъ Астраханскія степи, отрѣзали Крымскихъ, Едисанскихъ и Кубанскихъ Татаръ отъ ихъ болѣе сѣверныхъ единоплеменниковъ; чѣмъ нарушили также ихъ мусульманское единеніе, поддерживаемое верховенствомъ и вліяніемъ Крыма.

Что касается Большой Ногайской орды, то часть ея осталась въ тѣхъ же степяхъ, которыя были заняты Калмыками; при чемъ ея мурзы признали себя въ нѣкоторой зависимости отъ калмыцкихъ тайшей; такъ что послѣдніе, давая шерть Московскому государю, включали въ нее присягу не только за своихъ родичей, но и за этихъ мурзъ. Эта шерть или присяга, конечно, нерѣдко нарушалась; Калмыки и Татары измѣняли, бунтовали, грабили торговые караваны, нападали на русскія поселенія и т. п. По усмиреніи вновь давали аманатовъ и возобновляли шерть. Самыми крупными тайшами среди Астраханскихъ и Уфимскихъ Калмыковъ въ первую эпоху Алексѣева царствованія были Дайчинъ и его сынъ Мончакъ; исполняя государеву волю, они вмѣстѣ съ Донскими казаками предпринимали болѣе или менѣе успѣшные походы на Крымцевъ и Азовцевъ. Отъ 1661 года мы имѣемъ шерть, которую учинилъ Бунчукъ-тайша за себя, за отца своего Дайчина и племянника Монжака Ялбу. А въ 1673 году даетъ шерть великому государю съ своими братьями и племянниками Аюкай-тайша, сынъ Мончака и внукъ Дайчина. Они присягали «на своей калмыцкой вѣрѣ»; при чемъ «цѣловали бога своего Бурхана (т.-е. статуетку Будды) и молитвенную книгу Бичинъ, и четки и саблю на свою голову и къ горлу прикладывали», клянясь вѣрно служить, государское повелѣніе исполнять и ходить войною, на кого государь укажетъ, а на русскихъ людей не нападать и въ полонъ ихъ не брать, рыбныхъ учуговъ по Волгѣ не разорять, мурзъ и Татаръ Едисанскихъ, Ногайскихъ и др. отъ воровства унимать; съ турецкимъ султаномъ, кизыльбашскимъ (персидскимъ) шахомъ, крымскимъ ханомъ, азовскимъ беемъ, Темрюками и Кумыками не ссылаться и въ соединеніи съ ними не быть и т. д. Этотъ Аюкай впослѣдствіи игралъ немаловажную роль въ исторіи нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ.

Такимъ образомъ Калмыки, поселившіеся по сю сторону Яика, хотя и не могли, конечно, совершенно отстать отъ своихъ хищныхъ, грабительскихъ привычекъ, однако, признали себя подданными Московскаго царя и поступили, такъ сказать, на его службу. Другое дѣло было съ Калмыками, оставшимися по ту сторону Яика, т.-е. въ степяхъ Западной Сибири. Тамъ московское господство поддерживалось немногочисленными русскими колоніями, разбросанными на огромномъ пространствѣ и терявшимися посреди инородческихъ племенъ, подобно оазисамъ въ необозримой пустынѣ. Подчиненіе одной царской волѣ и государственный порядокъ, затѣмъ культурное и расовое превосходство и, наконецъ, огненный бой — вотъ чѣмъ обусловилось это господство надъ разноплеменными, разрозненными полудикими туземцами. Если и бывали съ ихъ стороны мятежныя попытки и отказы платить ясакъ, то онѣ довольно легко и скоро усмирялись небольшими отрядами служилыхъ людей при помощи огнестрѣльнаго оружія. Прибытіе Калмыцкихъ ордъ въ Сибирскіе предѣлы въ значительной степени измѣнило положеніе дѣлъ и дало сильный толчокъ къ новымъ и болѣе опаснымъ движеніямъ инородческихъ племенъ. Уже въ послѣднюю эпоху Михаилова царствованія сибирскіе воеводы должны были напрягать имѣвшіяся подъ рукою силы, чтобы оборонить нѣкоторые города и уѣзды (Тюменскій, Тарскій, Кузнецкій, Красноярскій) отъ нападеній хищныхъ Калмыковъ и соединявшихся съ ними туземцевъ, каковы Киргизы, Саянскіе Татары, Телеуты и пр. Соединенными усиліями западно-сибирскихъ воеводъ удалось, однако, отразить этотъ первый калмыцкій напоръ. При Алексѣѣ Михайловичѣ калмыцко-инородческое движеніе возобновилось и распространилось далеко на сѣверъ. Кромѣ Калмыковъ, этому движенію способствовали и другіе сопредѣльные Монголы.

Среди южныхъ отроговъ Саянскаго хребта между истоками Енисея и озеромъ Упса находились кочевья монгольскаго владѣтеля такъ наз. Алтынъ-хана. Этотъ ханъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ призналъ себя подручникомъ или вассаломъ московскаго царя и получилъ отъ него жалованье, то-есть дорогіе подарки. Но, конечно, такое подчиненіе было чисто номинальное. Пользуясь трудными для Русскихъ обстоятельствами, Алтынъ-ханъ въ 1652 году сдѣлалъ вторженіе въ Красноярскій уѣздъ, повоевалъ обитавшихъ тамъ Киргизъ и Тубинцевъ и потребовалъ, чтобы они платили ясакъ ему, т.-е. хану, а не русскому царю. У Красноярскаго воеводы имѣлось всего 350 воинскихъ служилыхъ людей, которымъ трудно было стоять противъ 5.000-го монгольскаго полчища. Только пущенный воеводою слухъ о приходѣ къ нему на помощь ратныхъ людей изъ

другихъ городовъ заставилъ Алтынъ-хана удалиться. Но, спустя лѣтъ пять, сынъ и преемникъ этого Алтынъ-хана снова повоевалъ нашихъ ясачныхъ Киргизъ и Татаръ въ Томскомъ уѣздѣ и заставилъ ихъ признать себя его данниками.

Особенно сильно отразился приходъ Калмыковъ на Иртышскихъ и Тобольскихъ Татарахъ. Онъ оживилъ ихъ воспоминанія о бывшемъ своемъ царствѣ; нѣкоторые татарскіе улусы соединились вокругъ внуковъ Кучума и подъ начальствомъ сихъ царевичей произвели разныя мятежныя попытки. Такъ въ 1681 году они напали на монастырь, основанный старцемъ Далматомъ на р. Исети (впадающей въ Тоболъ) и сожгли его. Въ 1659—60 годахъ вмѣстѣ съ Калмыками они повоевали русскія волости въ Барабинской степи. По примѣру Татаръ, стали бунтовать и грабить русскія поселенія Башкиры, даже Вогулы и инородцы, обитавшіе на западъ отъ Уральскаго хребта, т.-е. Самоѣды, Мордва, Черемисы, Чуваши. Въ 1662 году мятежники взяли и сожгли Кунгуръ, а въ 1663 году Самоѣды сожгли Пустозерскій острогъ и перебили тамъ служилыхъ людей. Въ 1664 году Башкиры напали на Невьянскій острогъ и пожгли сосѣдніе деревни и монастырь. Остяки волновались и также готовились къ бунту; но онъ не состоялся, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ русскихъ воеводъ. Въ 1667 году калмыцкій тайша Сенга и киргизскій князецъ Ерепякъ соединенными силами, хотя и тщетно, осаждали Красноярскъ. Томскъ и Енисейскъ также были угрожаемы; ибо ясачные Тубинцы, Телеуты, Алаторцы бунтовали и помогали Калмыкамъ. Однако благодаря дробленію инородцевъ и русской стойкости, всѣ эти возстанія окончились усмиреніемъ и торжествомъ государственнаго порядка. Наиболѣе крупные калмыцкіе тайши стали склоняться къ мирнымъ сношеніямъ, къ торговому обмѣну съ Русскими и охотно вступали въ переговоры о своемъ подчиненіи московскому государю и полученіи отъ него щедраго жалованья. Такіе переговоры иногда нарушались грубыми нравами и вѣроломствомъ кочевниковъ. Напримѣръ, въ 1673 году, то-есть одновременно съ подчиненіемъ московскому государю Аюкая и его родичей, Дундукъ, наиболѣе значительный тайша по ту сторону Яика, кочевавшій между рѣками Ишимомъ и Вагаемъ и находившійся во враждѣ съ нѣкоторыми другими тайшами и контайшами, билъ челомъ о принятіи его подъ высокую царскую руку. Изъ Тобольска отправленъ былъ къ нему стрѣлецкій голова Иванъ Аршинскій съ подьячимъ при конвоѣ служилыхъ людей, чтобы вручить тайшѣ государево жалованье (красное сукно, атласъ, юфть, мѣха, водка, медъ, табакъ) и взять у него аманатовъ изъ числа его родственниковъ и зайсановъ (знатныхъ людей). Дундукъ принялъ подарки, честилъ послан-

цевъ, поилъ ихъ кумысомъ; а спустя нѣсколько дней, вдругъ велѣлъ ихъ схватить, связать, ограбить почти до нага и отнять у нихъ коней. Причиной тому, между прочимъ, было его неудовольствіе на плохой якобы пріемъ въ Москвѣ его посла и на то, что его сына будто бы хотятъ тамъ окрестить и выучить грамотѣ. Все это былъ наговоръ ему какого-то татарина. Снявшись послѣ того съ кочевья, Дундукъ съ своей ордой направился на другой берегъ Ишима, и только тогда отпустилъ Аршинскаго съ товарищами, давъ имъ всего полпуда крупъ на 30 человѣкъ. Не мало дней брели они то пѣшіе, то на лодкахъ, пока добрались до Тобольска. Взаимная вражда и междоусобія тайшей (главнымъ образомъ, вѣроятно, изъ-за кочевьевъ) и обиды, причинявшіяся сильными болѣе слабымъ родамъ, сдѣлали то, что часть калмыцкихъ ордъ около того времени откочевала обратно на востокъ въ монгольскіе и китайскіе предѣлы; другая часть ушла въ Казачью орду, т.-е. къ Киргизамъ.

Итакъ Калмыцкій народъ, раздробясь и разсѣявшись на огромныхъ пространствахъ, утратилъ свою силу и прежнюю опасность для сосѣдей; а оставшіеся въ Сибири Калмыки все болѣе и болѣе входили въ мирныя и подчиненныя отношенія къ Москвѣ. Русскіе товары они вымѣнивали по преимуществу на рогатый и вьючный скотъ, а также на рабовъ и рабынь. Бѣдность, голодные годы заставляли ихъ продавать въ рабство собственныхъ дѣтей и родственниковъ. Одинъ современникъ по сему поводу сообщаетъ слѣдующее: «Если проданный въ рабство начиналъ горевать, то ему говорили: ступай, бѣдняга, и не грусти; тебѣ будетъ тамъ лучше — не будешь такъ голодать, какъ голодалъ у насъ». «Поэтому, въ Сибири нѣтъ ни одного человѣка хотя бы съ малыми средствами, который не имѣлъ бы одного или болѣе рабовъ или рабынь изъ Калмыковъ». По замѣчанію этого же современника, калмыцкіе тайши любили отправлять пословъ къ Москвитянамъ, подъ предлогомъ освѣдомленія о здравіи великаго государя и готовности своей къ его службѣ, куда бы онъ ни приказалъ идти, а въ дѣйствительности, конечно, ради подарковъ и угощенія. Въ Тобольскѣ такому послу отводилось помѣщеніе въ подгородной слободѣ и для переговоровъ съ нимъ назначался подьячій. Ему ежедневно доставлялись съѣстные припасы въ изобиліи, и посолъ заживался здѣсь по цѣлымъ годамъ. При отпускѣ ему дарили два, три куска обыкновеннаго сукна, а для тайши сукно получше. Иногда по требованію посла, сколько-нибудь значительнаго, его отправляли въ Москву, откуда онъ возвращался съ болѣе цѣнными подарками.

Какое важное значеніе имѣлъ огненный бой для русскаго владычества въ Сибири, показываютъ мѣры, принимаемыя правительствомъ по

сему поводу. Когда при нашествіи Алтынъ-хана подъ Красноярскомъ собрались вспомогательные намъ отряды Киргизъ, Тубинцевъ и другихъ инородцевъ, то у нихъ оказалось 30 пищалей и винтовокъ русскихъ, да 15 калмыцкихъ, а также порохъ и свинецъ. Русскіе начальники, очевидно, были озадачены такимъ вооруженіемъ, и тщательно допросили, откуда оно получалось. Инородцы отвѣтили, что порохъ, свинецъ и ружья привозятъ имъ торговые люди изъ Томска и мѣняютъ на ихъ товары. Владѣвшіе симъ оружіемъ инородцы стрѣляли въ цѣль не хуже Русскихъ. Потомъ появились пищали и винтовки у Башкиръ, которые поэтому стали покидать «лучную стрѣльбу». Московское правительство обратило особое вниманіе на это обстоятельство. Послѣдовалъ рядъ тайныхъ царскихъ приказовъ сибирскимъ воеводамъ о строжайшемъ наблюденіи, чтобы русскіе люди пороху, свинцу, пищалей, сабель, бердышей, топоровъ, панцырей, шишаковъ и вообще никакого оружія, никакой ратной сбруи Калмыкамъ, Монголамъ, Китайцамъ, Бухарцамъ, Башкирцамъ и всякимъ инородцамъ «нигдѣ не продавали и ни на что не промѣнивали» (36).

Въ то время, какъ наши предѣлы на востокѣ достигали Пріамурья, на югѣ они вступали въ области Прикавказья. Мы знаемъ, что сосѣдній съ Терскою областью владѣтель черкесскій Муцалъ уже при Михаилѣ Ѳедоровичѣ является преданнымъ вассаломъ Московскаго царя; въ началѣ Алексѣева царствованія мы видимъ его вмѣстѣ съ Донскими казаками сражающимся противъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. А въ концѣ этого царствованія дѣйствуетъ его сынъ Каспулатъ Муцаловичъ, который, соединясь съ Донцами, Калмыками и запорожскимъ кошевымъ Сѣркомъ, въ 1675 году сдѣлалъ удачный поискъ на самый Крымскій полуостровъ и погромилъ татарскіе улусы. Самое Закавказье, утѣсняемое мусульманскими сосѣдями, уже не разъ заявляетъ свое желанье отдаться подъ высокую руку Московскаго государя. Такъ имеретинскій царь Александръ Георгіевичъ съ сыномъ Багратомъ и братомъ Машукомъ въ 1649 году били челомъ Алексѣю Михайловичу о принятіи въ подданство. Алексѣй отправилъ къ нимъ своего дворянина (Толочанова) съ дьякомъ, которые и привели ихъ къ присягѣ, при чемъ дали имъ государево жалованье, т.-е. богатые подарки. Въ 1658 году тотъ же Александръ извѣщалъ Москву, что владѣтельный князь Дадьянъ измѣнилъ православію, обасурманился и отдался во власть персидскаго шаха, что послѣ его смерти онъ, Александръ, ходилъ войной на его сына, покорилъ его землю и привелъ ее въ подданство царя Московскаго. Въ томъ же году мы видимъ въ Москвѣ

царя Карталиніи и Кахетіи Теймураза Давидовича, который вступилъ въ русское подданство еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ, а теперь лично подтвердилъ это подданство; дѣло въ томъ, что онъ былъ лишенъ своихъ владѣній Персіянами и тщетно хлопоталъ о военной помощи. А спустя 16 лѣтъ, мы видимъ пребывающимъ въ Москвѣ внука его Николая Давидовича, которому Алексѣй Михайловичъ выдалъ новую жалованную грамоту на владѣніе Иверской или Грузинской землей съ обязательствомъ вѣрной службы. Но всѣ эти присяги и жалованныя грамоты оставались недѣйствительными, и подданство грузинскихъ владѣній Московскому государю было только номинальное. Закавказье было слишкомъ отдалено отъ насъ и притомъ загорожено громаднымъ хребтомъ съ воинственными горцами, чтобы возможно было вести тамъ трудныя войны за обладаніе Грузіей. Московское правительство при случаѣ давало жалованье грузинскимъ владѣтелямъ и дипломатическимъ путемъ заступалось за нихъ у персидскаго шаха. Тѣмъ не менѣе, Московскій царь включилъ ихъ земли въ свой титулъ, т.-е. сталъ называться государемъ Иверскимъ, Карталинскимъ и пр. Но при сношеніяхъ съ мусульманскими дворами эта прибавка къ титулу предусмотрительно опускалась. Во всякомъ случаѣ пересылки и связи, особенно на церковной почвѣ, съ этими отдаленными странами дѣятельно поддерживались. Точно такъ же недѣйствительной оказалась царская грамота, изъявлявшая согласіе на подданство, о которомъ чрезъ своихъ посланниковъ въ 1656 году билъ челомъ молдавскій господарь Стефанъ, желавшій турецкую зависимость перемѣнить на русскую.

Вообще Москва не могла еще оказывать серьезную военную помощь такимъ далекимъ владѣтелямъ, когда и ближніе ея предѣлы на югѣ еще страдали отъ татарскихъ набѣговъ и требовали постоянныхъ заботъ объ ихъ оборонѣ.

Съ этой стороны при Алексѣѣ I мы видимъ продолженіе и дальнѣйшее развитіе все тѣхъ же оборонительныхъ линій и постепенное занятіе степи новыми городами или укрѣпленіями. При немъ выдвинулась на югъ въ степи Бѣлгородская линія или черта, главнымъ городомъ которой былъ Бѣлгородъ на верхнемъ Донцѣ. По бокамъ его въ одну сторону, на западъ, шли города Олешна, Вольный, Хотмышскъ, Болховъ и пр., а въ другую, на востокъ, Короча, Яблоновъ, Новый Осколъ, Усердъ, Острогожскъ, Коротоякъ, Воронежъ, Орловъ, Козловъ и т. д. Изъ нихъ Болховъ, Новый Осколъ, Олешна, Коротоякъ, Воронежъ, Острогожскъ были основаны вновь. На юго-западѣ эта Бѣлгородская черта примыкала къ такъ наз. Слободской Украйнѣ, которая образовалась изъ укрѣпленныхъ поселеній или сло-

бодъ, основанныхъ малороссійскими выходцами, уходившими въ Московское государство отъ польскаго гнета. Особенно сильное движеніе ихъ за Бѣлгородскую черту произошло въ 1651 г. послѣ Берестецкаго пораженія. Наиболѣе значительными явились слободы Сумы, Ахтырка, Харьковъ, Лебединъ, Изюмъ. Послѣ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ переселенія эти затихли. Но позднѣе, когда война съ Поляками приняла неблагопріятный оборотъ и когда Малороссія была раздѣлена между Москвою и Польшею, т.-е. во время Руины, вновь усилились движенія Малоруссовъ на лѣвый берегъ Днѣпра и въ Слободскую украйну именно изъ правобережной Малороссіи, остававшейся за Поляками; послѣдняя такимъ образомъ страшно запустѣла. Малороссійскіе казацкіе полки, образовавшіеся въ Слободской Украйнѣ, несли теперь пограничную сторожевую службу наравнѣ съ великорусскими служилыми людьми Бѣлгородской черты.

На восточныхъ предѣлахъ, за Волгою и Камою, при Алексѣѣ Михайловичѣ возникли города Уфа, Сергіевскъ и Кунгуръ, чтобы утвердить московское владычество въ странѣ Башкиръ и другихъ пріуральскихъ инородцевъ. Со стороны Швеціи оборона нашей сѣверозападной границы была усилена построеніемъ крѣпкаго Олонца.

Итакъ, благодаря усердной оборонительно-строительной дѣятельности правительства Алексѣя I, военная колонизація значительно отодвинула наши предѣлы вглубь южнорусскихъ степей. Подъ защитою засѣчныхъ линій мало-по-малу распространялись обработка земли и скотоводство, т.-е. насаждалась сельскохозяйственная культура. Но если татарскія вторженія въ предѣлы государства большими массами теперь были затруднены и происходили все рѣже, зато нападенія небольшихъ отрядовъ и шаекъ на украинныя мѣста совершались постоянно и много мѣшали водворенію этой культуры. Отряды въ нѣсколько сотъ или нѣсколько десятковъ внезапно прорывались сквозь укрѣпленную черту, жгли хутора и деревни, отбивали стада и захватывали въ плѣнъ находившихся въ деревняхъ, въ полѣ или на какомъ-либо промыслѣ мужчинъ и женщинъ. Иногда извѣщенные вовремя воеводы сосѣднихъ городовъ устраивали погоню и успѣвали отбить полонъ гдѣ-нибудь при переходѣ вала или при переправѣ черезъ рѣку; но большею частью хищники безнаказанно уводили плѣнниковъ и потомъ продавали ихъ въ тяжкое рабство на татарскихъ и турецкихъ базарахъ. Немногимъ отважнымъ плѣнникамъ удавалось спасаться бѣгствомъ и послѣ разныхъ приключеній возвращаться въ отечество. Нѣкоторая часть захваченныхъ людей возвращалась, благодаря размѣну на плѣнныхъ Татаръ или выкупу. Ради послѣдняго производился осо-

бый такъ наз. «полоняничный сборъ», который взимался во всемъ государствѣ въ Посольскій приказъ по извѣстному количеству денегъ съ каждаго двора и считался дѣломъ богоугоднымъ. Мало того, посадскій, попавшій въ плѣнъ, освобождался отъ тягла, а крестьянинъ отъ крѣпостного состоянія. Тщетно Московское правительство старалось прекратить татарскіе набѣги и построеніемъ оборонительныхъ линій, и мирными сношеніями съ Крымской ордой; получало отъ хановъ шертныя грамоты, давало имъ ежегодные поминки и честило ихъ пословъ. Крымскіе послы любили посѣщать Москву часто и съ большою свитою, ради царскихъ подарковъ и угощенія. Имъ дарили атласныя шубы на мѣху, суконные и камчатные кафтаны, шапки, сапоги. А послѣ угощенія во дворцѣ романеей и медомъ они обыкновенно серебряные кубки и ковши, изъ которыхъ пили, клали себѣ за пазуху и присваивали. Поэтому для такихъ случаевъ стали заказывать за границей (въ Англіи) особые мѣдные сосуды, позолоченные и посеребренные. Но всѣ эти средства оказывались недѣйствительными. На поминки крымскіе ханы, царевичи и мурзы смотрѣли какъ на дань, и разбойничьи нападенія продолжались. Вообще одна оборонительная система безъ содѣйствія наступательной не могла достаточно обезопасить наши южные предѣлы. А наступательную войну противъ Крымцевъ Московское правительство считало еще очень трудною и неудобною; такъ какъ насъ отдѣляли отъ Крыма широкія безводныя степи, травы которыхъ въ случаѣ нужды выжигались Татарами. Тутъ могла дѣйствовать успѣшно только легкая татарская конница, а не тяжелая и мало подвижная московская рать. Къ сожалѣнію, правительство того времени мало обращало вниманія на возможность чаще громить Крымъ такими летучими отрядами, каковъ, напримѣръ, былъ походъ 1675 года, совершенный княземъ черкесскимъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, донскимъ атаманомъ Миняевымъ и запорожскимъ кошевымъ Сѣркомъ. ([37]).

Помимо сложныхъ оборонительныхъ сооруженій и связанной съ ними сторожевой службы, Алексѣй I большое вниманіе посвящалъ ратному дѣлу вообще и много потрудился надъ устройствомъ регулярныхъ полковъ, обученныхъ европейскому строю.

Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ системѣ, усвоенной въ царствованіе его отца послѣ несчастнаго Смоленскаго похода, т.-е. набирались пѣшіе или «солдатскіе полки» и конные или «рейтарскіе», а обученіе ихъ поручалось наемнымъ иноземцамъ, уже состоявшимъ въ русской службѣ или вновь пріѣзжимъ. Кромѣ офицеровъ, Московское правительство вызывало въ качествѣ инструкторовъ и опытныхъ ино-

земныхъ солдатъ или унтеръ-офицеровъ. Хорошее жалованье и награжденіе помѣстьями привлекали столько иноземцевъ въ русскую военную службу, что подъ конецъ Алексѣева царствованія пріемъ ихъ былъ уже обставленъ извѣстной процедурой и они должны выдерживать родъ экзамена въ искусствѣ владѣть оружіемъ и въ разныхъ военныхъ свѣдѣніяхъ.

Одинъ изъ такихъ иноземныхъ офицеровъ, именно шотландецъ Патрикъ Гордонъ, въ своихъ любопытныхъ запискахъ разсказываетъ слѣдующее.

Онъ побывалъ уже въ шведской, а потомъ въ польской военной службѣ; въ послѣдней былъ участникомъ и очевидцемъ знаменитаго пораженія Русскихъ подъ Чудновымъ въ 1660 году. Нѣкоторые русскіе офицеры изъ иностранцевъ, взятые въ плѣнъ въ этомъ бою, склонили майора Гордона перейти на русскую службу, какъ болѣе выгодную, т.-е. лучше оплачиваемую. Въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ нѣсколькими другими иностранными офицерами (въ томъ числѣ капитаномъ Павломъ Менезіемъ и освободившимся изъ плѣна полковникомъ Кравфордомъ) онъ пріѣхалъ въ Москву. 5 сентября эти офицеры были въ селѣ Коломенскомъ допущены къ цѣлованію царской руки. А черезъ два дня, по распоряженію начальника Иноземскаго приказа боярина Ильи Даниловича Милославскаго, они явились на московскомъ загородномъ полѣ, именуемомъ Чертолье. Бояринъ велѣлъ имъ взять въ руки копья и мушкеты и показать свое боевое искусство. Удивленный тѣмъ Гордонъ возразилъ, что для офицеровъ такое искусство есть наименѣе важное дѣло, а что главное для нихъ умѣнье командовать и обучать солдатъ. Милославскій не принялъ никакихъ возраженій. Тогда Гордонъ, взявъ копье и мушкетъ, продѣлалъ съ ними всѣ пріемы, и такъ ловко, что бояринъ остался имъ доволенъ. Онъ былъ принятъ на царскую службу также мойоромъ, а его товарищъ Менезій также капитаномъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Гордонъ получилъ чинъ полковника и драгунскій полкъ въ свое командованіе. Съ этимъ полкомъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣдующихъ военныхъ событіяхъ на Украйнѣ. Кромѣ собственно военнаго дѣла, онъ имѣлъ свѣдѣнія и въ инженерномъ искусствѣ. Московское правительство такъ цѣнило его усердную и полезную службу, что потомъ отклоняло его неоднократныя просьбы объ отставкѣ и отпускѣ на родину. А между тѣмъ продолжавшійся наплывъ иностранныхъ офицеровъ въ Россію вызывалъ иногда отказъ въ ихъ пріемѣ. Такъ въ сентябрѣ 1675 года къ Архангельску прибыли на голландскихъ корабляхъ полковникъ фонъ Фростенъ и болѣе десятка офицеровъ иностранцевъ съ предложеніемъ своей службы. Въ числѣ ихъ

находился столь знаменитый впослѣдствіи капитанъ Францъ Лефортъ, родомъ Женевецъ. Изъ Москвы отъ Посольскаго приказа на это предложеніе было прислано повелѣніе выслать иноземцевъ за море, также поступать и съ другими новопріѣзжими иноземцами. Но такъ какъ навигація уже прекратилась, за наступленіемъ зимняго времени, то по усильному челобитью офицеровъ, оказавшихся въ безвыходномъ положеніи при истощившихся собственныхъ средствахъ, послѣдовало царское разрѣшеніе Двинскому воеводѣ отпустить ихъ въ Москву. Сюда они прибыли уже по кончинѣ Алексѣя Михайловича. Но и тутъ ждала ихъ неудача. Новый государь указалъ весной отпустить ихъ за море, о чемъ имъ объявилъ А. С. Матвѣевъ. Только часть ихъ уѣхала, а полковникъ фонъ Фростенъ съ нѣкоторыми все-таки добился пріема на царскую службу. Лефортъ, пріютившійся въ Нѣмецкой слободѣ, на ту пору заболѣлъ, и такимъ образомъ случайно остался въ Россіи.

По словамъ одного иностраннаго наблюдателя (Мейеберга), уже въ половинѣ Алексѣева царствованія этихъ полковниковъ-иностранцевъ было у насъ болѣе сотни, а еще болѣе другихъ чиновъ, т.-е. подполковниковъ, майоровъ, капитановъ и поручиковъ.

Рейтарскіе полки, въ составъ которыхъ входили гусары съ копьями и драгуны съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, набирались отчасти попрежнему изъ малопомѣстныхъ боярскихъ дѣтей и вольныхъ охочихъ людей, а отчасти изъ даточныхъ, которыхъ выставляли помѣщики и монастыри, смотря по количеству крестьянскихъ дворовъ. (Обыкновенно одного рейтара со 100 дворовъ.) Въ солдатскіе же полки хотя и могли записываться охочіе люди разнаго званія, но они составлялись по преимуществу изъ даточныхъ крестьянъ и бобылей. (Обыкновенно съ 20 дворовъ одинъ солдатъ.) Эти рейтарскіе и солдатскіе полки, однако, не были въ постоянномъ сборѣ, а въ мирное время собирались только въ концѣ осени и въ началѣ зимы (т.-е. по окончаніи полевыхъ работъ) въ извѣстныя мѣста, гдѣ и обучали ихъ инструкторы изъ иноземныхъ и русскихъ офицеровъ. При такихъ большихъ промежуткахъ, естественно, они не могли освоиться съ воинскою дисциплиною и еще не представляли вполнѣ регулярнаго войска. Вооруженіе ихъ, отчасти пріобрѣтенное на свой счетъ, отчасти доставляемое казною, также не было достаточно исправнымъ и однообразнымъ. Наиболѣе обученными и привычными къ службѣ являются полки, расположенные на границахъ (родъ военныхъ поселеній). Такъ противъ Шведовъ устроены были солдатскіе и отчасти драгунскіе полки въ Заонѣжскихъ погостахъ, въ уѣздахъ Новогородскомъ и Старорусскомъ. А на юго-западной Украйнѣ и на порубежьѣ съ Татарами поселены драгунскіе полки, которые обучались и кон-

ному, и пѣшему строю, были вооружены мушкетами, пиками и бердышами.

Рядомъ съ этими новыми полками иноземнаго строя оставались и войска прежняго времени, каковы стрѣльцы и казаки, нестройныя ополченія дворянъ и дѣтей боярскихъ; а ко времени войны призывались отряды изъ служилыхъ или наемныхъ Татаръ, Мордвы, Черемисъ, Башкиръ, Калмыковъ и другихъ инородцевъ. Самая конная гвардія царская, т.-е. стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы были только расписаны по сотнямъ, и каждая такая сотня собиралась вокругъ своей хоругви, но безъ опредѣленнаго строя; ибо никакого кавалерійскаго ученія у нихъ не было.

По поводу пестраго, разнороднаго состава русской арміи при Алексѣѣ I любопытенъ нѣсколько хвастливый отзывъ стольника Чемоданова. Онъ (въ 1657 г.) ѣздилъ посломъ во Флоренцію и на вопросы будущаго герцога Козьмы Медичи о русскомъ войскѣ отвѣчалъ приблизительно такими словами:

„У нашего великаго государя противъ его государскихъ недруговъ рать собирается многая и несчетная, а строенья бываетъ разнаго: многія тысячи копейныхъ ротъ устроены гусарскимъ строемъ, другія многія тысячи копныя съ огненнымъ боемъ рейтарскимъ строемъ, многія же тысячи съ большими мушкетами драгунскимъ строемъ, а иныя многія тысячи солдатскимъ строемъ. Надъ всѣми ими поставлены начальные люди: генералы, полковники, подполковники, майоры, капитаны, поручики, прапорщики. Сила низовая, Казанская, Астраханская, Сибирская, тоже рать несмѣтная; а вся она конная и бьется лучнымъ боемъ. Татары Большого и Малаго Ногаю, Башкирцы, Калмыки бьются лучнымъ же боемъ. Стрѣльцовъ въ одной Москвѣ, не считая городовыхъ, 40.000; а бой у нихъ солдатскаго строя. Казаки Донскіе, Терскіе Яицкіе бьются огненнымъ боемъ, а Запорожскіе Черкасы и огненнымъ, и лучнымъ. Дворяне же государевыхъ городовъ бьются разнымъ обычаемъ, и лучнымъ, и огненнымъ боемъ, кто какъ умѣетъ. Въ государевомъ полку у стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ свой обычай; только у нихъ и бою, что аргамаки рѣзвы, да сабли остры; куда ни придутъ, никакіе полки противъ нхъ не стоятъ. То у нашего великаго государя ратное строенье“.

Не забудемъ, что этотъ нѣсколько хвастливый отзывъ данъ былъ въ счастливую эпоху царствованія, послѣ первой Польской войны, подъ впечатлѣніями только что совершеннаго отвоеванія Малой и Бѣлой Руси отъ Поляковъ. При всемъ преувеличеніи своемъ общій характеръ нашихъ ратныхъ силъ того времени изображенъ тутъ довольно вѣрно.

Относительно московскаго войска временъ Алексѣя Михайловича имѣемъ любопытную архивную запись о царскомъ смотрѣ, производившемся на Дѣвичьемъ полѣ, между валами Земляного города и Новодѣвичьимъ монастыремъ, зимою 1664 года, т.-е. въ разгаръ второй Польской войны.

Государь собирался на весну лично выступить въ походъ противъ Польскаго короля, а потому въ январѣ объявилъ большой смотръ ратнымъ людямъ, находившимся въ столицѣ. Для сего смотра построили на Дѣвичьемъ полѣ «царское мѣсто»; а именно: отмѣрили большой четыреугольный дворъ, огородили его столбиками съ перекладинами, обитыми краснымъ сукномъ; а посреди двора на помостѣ поставили «горницу» или родъ павильона, покрытаго шатровою бѣлою жестяною крышею съ золоченымъ крестомъ наверху и золочеными орлами на всѣхъ четырехъ углахъ. Съ трехъ сторонъ горница обведена крашенными перилами, а съ четвертой, обращенной къ Земляному городу, былъ входъ, устроенный широкими ступенями (рундукъ), которыя вели въ главную дверь горницы. Она была снабжена печью и слюдяными окнами, уставлена иконами, убрана тисненными золотомъ кожами, парчею, коврами и краснымъ сукномъ. По сторонамъ ея находились чуланцы, также съ окнами. А въ самой горницѣ поставили золоченыя кресла индѣйской работы, украшенныя алмазами, изумрудами и другими драгоцѣнными каменьями. Съ боку государева двора воздвигнутъ особый продолговатый помостъ, обитый краснымъ сукномъ, или такъ наз. «накрачейня», для военнаго оркестра. Сюда же заранѣе былъ привезенъ съ Пушкарскаго двора нарядъ, т.-е. пушки и пищали. По обѣимъ сторонамъ государева двора было поставлено по 14 пищалей; а большой нарядъ или пушки помѣщенъ направо, къ Москвѣ-рѣкѣ.

Смотръ состоялся 3 февраля. Государь отслушалъ заутреню въ дворцовой церкви Препод. Евдокіи; послѣ нея отпустилъ на Дѣвичье поле крестный ходъ, т.-е. образа съ духовенствомъ и пѣвчими, которые во все время пути пѣли молебенъ; по прибытіи туда освятили воду и окропили ею государевъ дворъ, нарядъ и накрачейню. Шествіе самой отборной части войска направлено было Кремлемъ подъ переходы между Патріаршимъ дворомъ и Чудовымъ монастыремъ мимо Успенскаго собора къ Колымажнымъ воротамъ. Такое направленіе дано было, конечно, для того, чтобы царское семейство и верховыя боярыни изъ дворцовыхъ оконъ могли любоваться красивымъ военнымъ парадомъ. Впереди шли нѣсколько стрѣлецкихъ сотенъ съ ружьями, предшествуемые своими полковниками и головами.

Первую сотню велъ голова Артамонъ Матвѣевъ; она была одѣта въ красные кафтаны. Вторая сотня была въ бѣлыхъ кафтанахъ, а третья

въ лазоревыхъ. Передъ каждою шелъ знаменщикъ въ кирасѣ или латахъ. Проходя мимо государевыхъ хоромъ, головы и сотники останавливались и кланялись великому государю до земли. Въ это время стрѣльцы играли на сурнахъ и били въ барабаны. Потомъ слѣдовали три конюшенныя роты на коняхъ въ стальныхъ латахъ и шишакахъ, вооруженные карабинами и пистолетами. Затѣмъ конюхи вели царскихъ коней подъ богатыми сѣдлами, съ покрывалами; во главѣ ихъ выступалъ любимый жеребецъ Шарапъ. А за ними ѣхалъ ясельничій Иванъ Желябужскій «съ конюшеннымъ чиномъ». Потомъ шелъ «трубничій чинъ», т.-е. военный оркестръ, который трубилъ въ трубы, билъ въ набаты, литавры и накры. Къ Постельной лѣстницѣ дворца подвели «санника», т.-е. коня, запряженнаго въ сани, украшенныя золотомъ и серебромъ и обитыя краснымъ золотнымъ и двоеморхимъ бархатомъ, съ таковой же полостью, но зеленаго цвѣта. Сани были осѣняемы большимъ государевымъ знаменемъ съ написаннымъ на немъ видѣніемъ Іоанна Богослова («Конь бѣлъ и сѣдяй на немъ»), окружены рындами и подрындами; послѣдніе несли царское вооруженіе: доспѣхъ, большой и малый саадакъ, сулицу и рогатину. Алексѣй Михайловичъ еще разъ помолился въ церкви Евдокіи Мученицы, приложился къ образамъ, взялъ въ правую руку Честный Животворящій крестъ, вышелъ на Постельное крыльцо и спустился по лѣстницѣ къ санямъ, сопровождаемый сыномъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, царевичами Касимовскимъ и Сибирскимъ, боярами, окольничими, думными и ближними людьми, одѣтыми въ блестящую ратную «сбрую». Государь передалъ крестъ Сибирскому царевичу, а самъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ, предшествуемый конными рындами. Около его саней шли сокольники въ своихъ нарядныхъ кафтанахъ; а за ними ѣхали въ саняхъ бояре, окольничіе и другіе думные люди. Когда онъ прибылъ на Дѣвичье поле, тамъ уже были выстроены войска, по обѣ стороны дороги къ царскому мѣсту. На правой сторонѣ стояла конница: три сотни стольниковъ, шесть сотенъ стряпчихъ, шесть сотенъ дворянъ и т. д., всего около 20 сотенъ въ первыхъ рядахъ или въ первомъ отдѣлѣ; за ними стояли ихъ вооруженные дворовые люди. Второй отдѣлъ конницы составляли 14 сотенъ жильцовъ и три сотни патріаршихъ дворянъ, также съ ихъ служебными людьми. А по лѣвую сторону дороги стояли стрѣлецкіе приказы. Около государева мѣста за пушками расположились солдатскіе полки и роты, имѣя во главѣ начальныхъ людей, большею частію иноземцевъ, каковы: генералъ-майоръ Данило Крафертъ, полковники Траурнихтъ, Фанбокховенъ, Билсъ и Фанстаденъ. Позади нихъ восемь сотенъ даточныхъ, далѣе къ Москвѣ рѣкѣ—солдатскій полкъ Матвѣя Кровкова, позади Государева

двора—солдатскій же полкъ генералъ-поручика Томаса Дальеля. При пушкахъ были пушкари въ «нарядномъ платьѣ». Кромѣ того, къ Новодѣвичьему монастырю стояли еще двѣ роты пушкарей, устроенныя стрѣлецкимъ строемъ съ длинными списами (копьями), на коихъ висѣли значки. У каждой роты было знамя «венгерской пѣхоты». Въ той же сторонѣ стояли служебные люди бояръ и другихъ думныхъ людей, одни со значками, другіе безъ значковъ. Шедшіе впереди Государя помянутые выше разные отряды также заняли назначенныя имъ мѣста. Рынды слѣзли съ коней и стали у царской горницы; на рундукѣ по обѣ стороны расположились бояре и ближніе люди, а также часть сокольниковъ, въ ратной сбруѣ съ мечами; другая часть сокольниковъ съ протазанами стала отъ рундука до воротъ Государева двора по обѣ стороны; на дворѣ расположились подьячіе разныхъ приказовъ «въ цвѣтномъ платьѣ», держа на древкахъ знамена, которыя предстояло раздать въ конныя сотни. Оркестръ, занимавшій накрачейню, при приближеніи Государя началъ играть въ сурны и трубы, бить въ набаты, накры и литавры.

Взявъ крестъ у Сибирскаго царевича, Государь передалъ его чудовскому архимандриту Павлу, который поставилъ его въ горницѣ надъ царскимъ кресломъ. Сѣвъ на это кресло, Алексѣй Михайловичъ приказалъ войскамъ проходить. Конные отряды, очутившіеся теперь на лѣвой сторонѣ отъ Государя, стали переходить на правую, начиная со стольничьихъ сотенъ. Думный дьякъ Семенъ Заборовскій распоряжался «отпускомъ» каждой сотни и выборомъ знаменщика; а самъ царь назначалъ ей голову. Передъ царскимъ дворомъ сотня останавливалась, знаменщикъ сходилъ съ коня и шелъ къ воротамъ. Тутъ царь подзывалъ къ себѣ того, кого жаловалъ головою сотни. «Дьякъ въ государевѣ имени» Дементій Башмаковъ тотчасъ записывалъ его имя въ сотенный списокъ на мѣстѣ головы и подносилъ списокъ царю. Царь передавалъ его вновь назначенному; а тотъ, помолясь Богу и поклонясь въ поясъ царю, шелъ къ воротамъ и приказывалъ знаменщику принять знамя отъ подьячаго. Затѣмъ они оба садились на коней и ѣхали къ сотнѣ, которая встрѣчала голову поклономъ. Тутъ кн. П. А. Долгоруковъ «отпускалъ» сотню, т.-е. направлялъ ее далѣе въ правую же сторону. Такимъ образомъ, хотя конныя сотни ѣхали скоро, однако, прохожденіе ихъ длилось нѣсколько часовъ. За ними двинулась пѣхота. Тогда Государь приказалъ открыть пушечную и ружейную пальбу по очереди разнымъ частямъ наряда и разнымъ полкамъ. Стрѣльба была направлена къ валамъ Земляного города. Когда она окончилась, заигралъ опять шумный оркестръ накрачейни. Государь и его свита тѣмъ же порядкомъ шествовали назадъ въ городъ. Духовенство и пѣвчіе съ образами и пѣ-

ніемъ молебна послѣдовали во дворецъ. Дѣвичье поле опустѣло; только одна стрѣлецкая сотня осталась для охраны Государева мѣста. Алексѣй Михайловичъ, который успѣлъ уже опять помолиться въ церкви св. Евдокіи, встрѣтилъ крестный ходъ и проводилъ его въ Переднюю палату. Такъ окончился этотъ большой царскій смотръ, продолжавшійся съ ранняго утра и до поздняго вечера. Дворцовыя записи сообщаютъ намъ, что поутру въ тотъ день шелъ небольшой снѣгъ; потомъ сдѣлалось ведрено при маломъ полуденномъ вѣтрѣ, а ночью стало тепло; въ эту ночь дворцовый караулъ держалъ голова Андрей Коптевъ съ 500 стрѣльцовъ.

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича подражаніе иностраннымъ образцамъ, выправка, роскошь въ одеждѣ и вооруженіи придворнаго (гвардейскаго) войска сдѣлали еще большіе успѣхи. Такъ въ началѣ слѣдующаго царствованія членъ одного польскаго посольства въ запискахъ своихъ упоминаетъ, что при торжественномъ въѣздѣ сего посольства въ Москву, въ числѣ встрѣчавшихъ его войскъ былъ живописный отрядъ всадниковъ въ красныхъ кафтанахъ, на бѣлыхъ коняхъ, вооруженный пиками, къ которымъ были прикрѣплены какія-то позолоченныя змѣи вмѣсто флюгеровъ; за плечами у нихъ были пристегнуты крылья; такъ что они походили на легіонъ ангеловъ. (Очевидно, то было подражаніе крылатымъ польскимъ гусарамъ.) За этимъ коннымъ легіономъ (составленнымъ изъ царскихъ сокольниковъ) слѣдовалъ другой, составленный изъ 200 нарядныхъ всадниковъ, которыхъ авторъ записокъ называетъ пажами. Но, конечно, то были царскіе стольники, стряпчіе и жильцы. Сверхъ узкихъ алаго цвѣта, украшенныхъ жемчугомъ, полукафтановъ на нихъ были плащи, опушенные собольимъ мѣхомъ, расшитые серебромъ и золотомъ, а на головахъ высокія шапки, также унизанныя жемчугомъ съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ. Мѣсто конскихъ поводовъ замѣняли серебряныя вызолоченныя цѣпи, производившія пріятный звукъ; даже на конскихъ ногахъ блестѣли металлическія украшенія. Многіе изъ сихъ всадниковъ имѣли при себѣ запасныхъ коней и отличались такою ловкостію, что, не дотрогиваясь до земли, перепрыгивали съ одного коня на другого.

Алексѣй Михайловичъ не ограничился заботами объ улучшеніи сухопутныхъ военныхъ силъ и введеніи въ нихъ европейскаго строя. Онъ пытался завести у себя и флотъ также по европейскому образцу. Такъ, когда его войска занимали значительную часть Ливоніи, вѣдавшій этимъ краемъ А. Л. Ордынъ-Нащокинъ построилъ на Двинѣ цѣлую флотилію мелкихъ судовъ, которая оказывала не малыя услуги подвозомъ подкрѣпленій, съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ. Послѣ предполагаемаго взя-

тія Риги эта флотилія, конечно, должна была послужить началомъ русскаго Балтійского флота. Но когда по Кардисскому договору (1661 г.) завоеванная часть Ливоніи снова отошла къ Шведамъ, естественно и эта флотилія перестала существовать. Тогда царь вмѣсто сѣверо-запада обратилъ вниманіе на юго-востокъ и задумалъ построить такія военныя суда, которыя могли бы ходить по Волгѣ и Каспійскому морю и охранять отъ разбоевъ нашу торговлю съ Персіей. Образцомъ для нихъ служилъ извѣстный корабль, построенный въ Нижнемъ-Новгородѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ голштинскимъ мастеромъ и русскими рабочими. Сооруженіе новыхъ судовъ царь особымъ указомъ (лѣтомъ 1667 года) поручилъ тому же Ордыну-Нащокину (очевидно, подавшему и самую мысль о томъ) и мѣстомъ постройки назначилъ дворцовое село Дѣдново, лежавшее на берегу Оки въ Коломенскомъ уѣздѣ и извѣстное своими плотниками, искусными въ рѣчномъ судостроеніи. Корабельными мастерами на сей разъ были Голландцы, которые послѣ ограниченія Англичанъ Архангельскимъ портомъ заняли главное мѣсто во внѣшнихъ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ Россіи съ Западной Европой. Этихъ мастеровъ наняли въ Голландіи при посредствѣ жившаго въ Москвѣ голландскаго купца фанъ-Сведена. Въ Дѣдновѣ, спустя полтора года, былъ выстроенъ трехмачтовый корабль въ 80 футъ длины, 21 ширины и съ осадкою около 5 футъ. Ему дали названіе «Орелъ» и вооружили 22-мя пушками. Кромѣ него, построены одномачтовый ботъ и двѣ шлюпки. Капитаномъ «Орла» былъ назначенъ племянникъ фанъ-Сведена Давидъ Бутлеръ, котораго снабдили чертежами и инструментами для опредѣленія географическаго и астрономическаго положенія прибрежныхъ мѣстъ. Команду его составляли десятка два иноземцевъ, къ которымъ потомъ присоединили нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ. Весною 1669 года, пользуясь половодьемъ, флотилію эту спустили внизъ по Окѣ и Волгѣ до Астрахани. Но все это начинаніе, стоившее не мало трудовъ и денегъ, имѣло бѣдственный конецъ. Когда подъ Астраханью появился Стенька Разинъ со своими шайками, онъ захватилъ царскую флотилію и велѣлъ ее сжечь.

Счастливѣе было другое нововведеніе, предпринятое въ царствованіе Алексѣя Михайловича, именно постоянныя почты. Дотолѣ письма и правительственныя распоряженія посылались съ гонцами. Войны съ Поляками и Шведами вызвали учрежденіе болѣе правильныхъ и постоянныхъ сообщеній между Москвою и западными краями. Такъ по взятіи Вильны учреждена была еженедѣльная почта между этимъ городомъ и Москвою чрезъ Смоленскъ. А по дорогѣ въ присоединенную Украйну размѣщены по станамъ гонцы, всегда готовые для посылокъ. Затѣмъ сему

учрежденію помогли проживавшіе въ Москвѣ иноземные купцы. Вышепомянутый фанъ-Сведенъ взялъ на себя подрядъ на почтовую гоньбу отъ Москвы въ Польшу и Курляндію (1665 г.). Спустя три года, торговый иноземецъ Леонтій Марселисъ подрядился содержать почтовое сообщеніе Москвы черезъ Новгородъ и Псковъ съ Ригой и другими ливонскими городами (Ругодивъ, Колывань, Юрьевъ и пр.), для чего онъ заключилъ контрактъ съ Рижскимъ почтмейстеромъ (1668 г.). Казенныя бумаги и грамоты пересылались безплатно, а съ частныхъ писемъ взималась извѣстная плата ($1^1/_2$—$2^1/_4$ алтына); за пересылку денегъ частные люди платили 2—3%. Доходы эти дѣлились пополамъ между Марселисомъ и Рижскимъ почтмейстеромъ. Когда окончились сроки симъ подрядамъ, заведенная почтовая гоньба и доходы отъ нея были поручены надзору дьяка Аптекарской палаты Андрея Виніуса, который служилъ прежде переводчикомъ Посольскаго приказа. Кромѣ постоянныхъ, по обстоятельствамъ устраивались и временныя почты. Такъ въ 1672 году указомъ (7 іюня) въ Ямской приказъ велѣно «учинить по Калужской дорогѣ до малороссійскихъ городовъ почту» на время рады въ Казачьей Дубровѣ, долженствовавшей избрать новаго гетмана. Почтовыя учрежденія первоначально, повидимому, находились въ вѣдѣніи Приказа Тайныхъ Дѣлъ, т.-е. личной канцеляріи государя ([38]).

Начавшіяся при Михаилѣ Θеодоровичѣ разысканія рудъ желѣзныхъ, мѣдныхъ, золотыхъ и построеніе заводовъ продолжались и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Первою заботою при семъ служило снабженіе русской арміи всякаго рода оружіемъ и снарядами, т.-е. пушками, мушкетами, ядрами, латами, бердышами, шпагами и т. д. Главными заводчиками являются пока тѣ же иноземцы, которымъ даны привилегіи въ предыдущее царствованіе, а именно голландскіе купцы Андрей Виніусъ и Филимонъ Акема и гамбургскій—Петръ Марселисъ. Всѣ трое соединились въ товарищество Тульскихъ литейныхъ заводовъ, съ разрѣшенія правительства еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Но такъ какъ они не исполнили добросовѣстно своихъ важнѣйшихъ обязательствъ, русскихъ людей не научили мастерству и ставили въ казну пушки не совсѣмъ удовлетворительныя, то въ 1647 году у нихъ заводы отобрали. Однако, спустя года два, по ихъ просьбѣ и по ходатайству Голландскихъ Штатовъ, заводы эти были обратно отданы Акемѣ и Марселису (безъ Виніуса). Потомъ и эти двое раздѣлились: Акемѣ съ племянниками отданы въ аренду желѣзные заводы въ Малоярославскомъ и Оболенскомъ уѣздахъ; а за Марселисомъ и его сыновьями оставлены заводы Тульскіе и Каширскіе, съ приписанными къ нимъ крестьянами.

Оба они обязались поставлять въ казну военные снаряды и всякаго рода желѣзо за извѣстную плату. Такимъ образомъ, изготовленіе огнестрѣльнаго и холоднаго оружія въ Россіи было поставлено на прочномъ основаніи; хотя въ военное время его еще далеко не хватало, и приходилось дѣлать заказы и покупки за границей. Заботясь прежде всего объ удовлетвореніи важнѣйшей потребности, т.-е. о государственной оборонѣ, Московское правительство не оставляло безъ вниманія и нужды главной русской промышленности, т.-е. земледѣльческой. Желѣзодѣлательные заводы обязательно должны были выдѣлывать сельскохозяйственныя орудія. По сему поводу любопытныя данныя представляетъ царская грамота начальнику Оружейнаго приказа окольничему Б. М. Хитрово, въ 1663 году, о разсылкѣ въ дворцовыя села разныхъ орудій, изготовленныхъ на желѣзныхъ заводахъ, именно сошниковъ, плуговъ, косуль, топоровъ и косъ. (Плуги и косули разосланы въ количествѣ 2.400, косъ около 5 000, а топоровъ 3.300). Горнозаводская промышленность на Уралѣ, начавшаяся при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, получила теперь дальнѣйшее развитіе: въ Верхотурскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ открыты были уже не иноземными, а нѣкоторыми русскими плавильщиками мѣдныя и желѣзныя руды и драгоцѣнные камни („узорочное каменье“). Тамъ положено начало извѣстнымъ Невьянскимъ заводамъ (1666 — 1670 гг.). Другіе заводы и фабрики, стеклянные, суконные, полотняные, шелковыхъ издѣлій и т. п., заведенные большею частію при Михаилѣ для потребностей царскаго двора, продолжались и расширялись при Алексѣѣ съ помощью иностранныхъ мастеровъ. Продолжалось также и начатое въ Астрахани винодѣліе, которое попеченіями правительства распространилось и въ казачьихъ городкахъ по Тереку. О томъ, какое количество виноградныхъ винъ стали вывозить изъ сего края въ Москву, можно судить по тому, что въ 1559 году привезено было изъ Астрахани 48 бочекъ (около 1.380 ведеръ) одного церковнаго вина

Въ это царствованіе приняты были и нѣкоторыя мѣры для облегченія внутренней торговли. Разнообразные мыты и пошлины, взимаемые съ возовъ на мостахъ и перевозахъ, а также въ гостинныхъ складахъ и лавкахъ, обыкновенно отдавались на откупъ. Жадные откупщики при этомъ позволяли себѣ всевозможныя придирки и задержки, отъ которыхъ торговые люди терпѣли большіе убытки и разореніе; особенно чувствительны были затрудненія въ торговлѣ съѣстными припасами. Алексѣй Михайловичъ внялъ многочисленнымъ жалобамъ на такое положеніе дѣла и въ 1653—1654 годахъ издалъ «таможныя правила» и «Уставную грамоту», которыми отмѣнялись разныя пошлины и мыты;

а вмѣсто нихъ назначалась одна рублевая пошлина съ товаровъ, именно 10 денегъ съ каждаго рубля продажной ихъ цѣны. Къ сожалѣнію, сборы на мостахъ и перевозахъ все-таки остались; только они были болѣе упорядочены или точнѣе опредѣлены (таксированы). Царь внялъ также жалобамъ русскихъ торговыхъ людей на обманы и разныя злоупотребленія со стороны иноземныхъ купцовъ. Въ 1667 году по его указу и боярскому приговору былъ изданъ такъ наз. Новоторговый уставъ, которымъ точнѣе и строже опредѣлялись порядки ихъ торговли и взимаемыя съ ихъ товаровъ пошлины. Этотъ уставъ подтверждалъ ограниченіе ихъ торговли окраинными городами, каковы: Архангельскъ, Новгородъ, Псковъ и Путивль. Главную роль игралъ Архангельскъ; туда каждую весну приплывали иноземные купеческіе корабли и къ тому времени отправлялись изъ Москвы гости съ товарищами или цѣловальниками для того, чтобы вѣдать таможнею и наблюдать за точнымъ исполненіемъ уставовъ и русскими, и иноземными купцами. Отъ всякаго приходящаго корабля требовалась подробная роспись его товаровъ, и если при повѣркѣ оказывался излишекъ противъ росписи, то онъ отбирался въ царскую казну. Иностранцамъ не только запрещалось торговать въ розницу, но и вести въ Архангельскѣ торговлю между собою; они могли вести ее только съ царскими агентами и русскими купцами. Но и русскіе купцы во всякомъ городѣ обязаны были подавать таможенному головѣ точные списки своихъ товаровъ и уплачивать за нихъ пошлины; а всякій утаенный товаръ отбирался на государя. Со всѣхъ вѣсчихъ товаровъ полагалось по 10 денегъ съ рубля, а съ невѣсчихъ—по 8 денегъ. Даже купецъ, пріѣзжающій въ какой-либо городъ для покупки товаровъ, обязанъ былъ объявить количество привезенныхъ имъ денегъ, и съ нихъ также взималась пошлина, только въ половину менѣе, т.-е. по 5 денегъ съ рубля.

Въ интересахъ русскихъ купцовъ правительство Алексѣя Михайловича сдѣлало даже попытку сосредоточить въ Россіи торговлю персидскимъ шелкомъ. Съ этою цѣлью въ 1667 г. начальникъ Посольскаго приказа Ордынъ-Нащокинъ заключилъ договоръ съ представителями Армянской торговой компаніи, чтобы она весь получаемый ею въ Персіи шелкъ-сырецъ доставляла въ Астрахань, гдѣ его будутъ покупать русскіе торговцы, которые потомъ, конечно, съ выгодою продавали бы его западнымъ иноземцамъ въ Архангельскѣ. По смерти шаха Аббаса при его преемникѣ Сулейманѣ тотъ же договоръ въ 1673 году былъ возобновленъ новымъ начальникомъ Посольскаго приказа А. С. Матвѣевымъ. Но Персы и Армяне договору этого не исполнили: вмѣстѣ съ другими

товарами они привозили малое количество шелку и то плохого качества а европейцамъ доставляли его другими путями ([39]).

На ряду съ усиленіемъ нашей внѣшней торговли и отчасти въ связи съ нею развивались и дипломатическія сношенія Московскаго государства съ иностранными державами.

Само собой разумѣется, что эта связь наиболѣе проявлялась въ сношеніяхъ съ такими торговыми націями, каковы были Голландцы и Англичане. Дѣятельные, предпріимчивые голландскіе купцы въ эту эпоху являются самыми опасными соперниками англійскихъ торговыхъ компаній. Они ловко воспользовались извѣстною отмѣною данныхъ когда-то Англичанамъ привилегій и теперь выступили на передній планъ во внѣшней торговлѣ Московскаго государства. Дипломатическія сношенія его съ Голландскими Штатами вращались по преимуществу въ сферѣ интересовъ культуры и торговли. Московское правительство отправляло въ Голландію пословъ и посланниковъ большею частію съ порученіемъ набирать тамъ офицеровъ и разныхъ мастеровъ (въ томъ числѣ докторовъ и аптекарей), закупать мушкеты, карабины, пистолеты, свинецъ и порохъ для нашей арміи, разнообразную посуду („узорочные товары") и другіе предметы для царскаго двора. Были порученія и учинить заемъ у Штатовъ, но обыкновенно безуспѣшныя. Голландскіе посланцы въ Москвѣ хлопотали о какой-либо торговой льготѣ или общей для своихъ гостей, или частной для извѣстныхъ лицъ, о какомъ-либо взысканіи ихъ убытковъ, о дозволеніи приходить къ Архангельску не Пудожемскимъ устьемъ Двины, а Березовскимъ, болѣе глубокимъ и удобнымъ, объ отмѣнѣ новой увеличенной пошлины на иноземные товары, о дозволеніи Голландцамъ построить свою кирку въ Москвѣ или имѣть у себя русскую прислугу, ѣздить черезъ Россію въ Китай и Хиву, купить въ Россіи столько-то десятковъ тысячъ четвертей хлѣба и т. п. Затрогивались и политическіе вопросы, напр., о союзѣ противъ Шведовъ, о помощи Полякамъ противъ Турокъ; но подобныя предложенія обыкновенно отклонялись съ той или другой стороны. Въ самомъ концѣ Алексѣева царствованія замѣчательно голландское чрезвычайное посольство Конрада фанъ Кленка; но онъ засталъ царя незадолго до его кончины и оставался нѣкоторое время при его преемникѣ.

Въ томъ же родѣ происходили дружественныя сношенія и съ Англіей, гдѣ Москва также нанимала офицеровъ (и отчасти солдатъ). Со стороны Англичанъ видимъ усердныя хлопоты о возвращеніи имъ безпошлинной торговли и права торговать внутри Россіи; чего они были лишены въ 1649 году. Уже Оливеръ Кромвель въ качествѣ протектора обращался

съ такою просьбою къ царю, но безуспѣшно. Сынъ казненнаго Карла I, Карлъ II во время своего царствованія присылалъ нѣсколько посольствъ въ Москву, и всѣ они просили главнымъ образомъ о возвращеніи утраченныхъ Англичанами торговыхъ привилегій, а частію о мѣрахъ противъ ихъ соперниковъ Голландцевъ. Но Алексѣй Михайловичъ не поступался интересами русскаго купечества и непоколебимо стоялъ на отмѣнѣ излишнихъ привилегій иностранцамъ, зная, что, благодаря ихъ конкурренціи, наша внѣшняя торговля уже стояла на твердыхъ ногахъ. Во время своего изгнанія Карлъ II получилъ отъ русскаго царя вспоможеніе въ количествѣ 40.000 ефимковъ (20.000 руб.). Ставъ королемъ, сумму эту онъ съ благодарностью возвратилъ, вручивъ ее русскому послу князю П. С. Прозоровскому (1663 г.); но въ то же время отвѣчалъ отказомъ на просьбу въ свою очередь ссудить царя извѣстною суммою, ссылаясь на разореніе государства по причинѣ междоусобной войны.

Вслѣдъ за отъѣздомъ помянутаго русскаго посла кн. Прозоровскаго Карлъ II отправилъ въ Москву графа Карлейля съ пышной многочисленной свитой на двухъ корабляхъ, военномъ и купеческомъ. Его сопровождали супруга и сынъ; а въ свитѣ его, повидимому, находился и Гебдонъ, состоявшій прежде въ русской службѣ по иностраннымъ порученіямъ съ званіемъ резидента, а теперь пожалованный королемъ въ камеръ-юнкеры. Во второй половинѣ августа 1663 года посолъ присталъ къ Архангельску; затѣмъ поплылъ по Двинѣ и Сухонѣ до Вологды; а отсюда въ январѣ слѣдующаго 1664 года онъ зимнимъ путемъ на саняхъ черезъ Ярославль поѣхалъ далѣе, и только 6 февраля имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. Послѣдовали обычные царскіе пріемы и угощенія посла съ его свитою, а также переговоры съ боярами. Но тщетно Карлейль добивался возвращенія прежнихъ привилегій англійскимъ купцамъ. Послѣ почти пятимѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ, онъ отправился въ Швецію и Данію, весьма недовольный русскимъ правительствомъ, и, въ свою очередь, оставилъ по себѣ неблагопріятное впечатлѣніе по причинѣ своей надменности и сварливости. Между прочимъ онъ не принялъ обычныхъ царскихъ подарковъ, торжественно ему принесенныхъ, и заставилъ нести ихъ назадъ на томъ основаніи, что миссія его осталась безуспѣшною. Царь даже посылалъ въ Лондонъ одного стольника (Дашкова) съ жалобой къ королю на поведеніе его посла. На сію жалобу Карлейль подалъ свои объясненія; тѣмъ дѣло и кончилось. Для насъ посольство Карлейля замѣчательно въ томъ отношеніи, что кто-то изъ его свиты сдѣлалъ описаніе его пребыванія въ Россіи. Въ этомъ описаніи находимъ много любопытныхъ подробностей о видѣнныхъ имъ русскихъ краяхъ, о царскомъ дворѣ, московско-посольскихъ обычаяхъ

и т. п. Оно принадлежитъ къ числу цѣнныхъ источниковъ по русской исторіи XVII вѣка. Спустя года три съ половиной, къ Алексѣю Михайловичу отъ Карла II въ качествѣ посланника явился кавалеръ Иванъ Гебдонъ (сынъ названнаго выше) съ тѣмъ же ходатайствомъ о возвращеніи торговыхъ привилегій англійскимъ купцамъ и о высылкѣ изъ Россіи купцовъ голландскихъ, но также безуспѣшно. А въ 70-хъ годахъ Карлъ II, подобно Голландскимъ Штатамъ, отвѣчалъ отказомъ на просьбу Алексѣя Михайловича подать помощь Полякамъ противъ Турокъ, и вообще уклонялся отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла Восточной Европы.

Наиболѣе частыя сношенія и пересылки происходили, конечно, съ сосѣдними государствами, Польшей и Швеціей, вслѣдствіе возникавшихъ иногда съ ними войнъ и постоянныхъ пограничныхъ столкновеній. Эти непріязненныя Шведо-Польскія отношенія повели за собой нѣкоторое сближеніе Московскаго царя съ знаменитымъ «великимъ курфирстомъ» бранденбургскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ; послѣдній съ одной стороны въ качествѣ прусскаго герцога добивался полной независимости отъ Рѣчи Посполитой, а съ другой долженъ былъ бороться со Шведами, которые старались расширить свои владѣнія на южномъ Балтійскомъ побережьѣ. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, когда Шведы и Бранденбуржцы вступили въ рѣшительную войну, великій курфирстъ отправилъ въ Москву своего посланника Скультета съ предложеніемъ тѣснаго союза; при чемъ совѣтовалъ царю воспользоваться обстоятельствами для обратнаго завоеванія русскихъ областей, прилежащихъ къ Финскому заливу (1675). Но московская дипломатія, руководимая Матвѣевымъ, уклонилась отъ новой войны со Швеціей. Вслѣдствіе опасности, грозившей отъ этой усилившейся въ то время державы, Данія также искала сближенія съ Москвою, и преемники Христіана IV, кромѣ торговыхъ сношеній, вели дружественныя пересылки съ царемъ, стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ возбуждать его противъ Швеціи. Во время нашей войны съ нею былъ даже заключенъ родъ союза. Но, вопреки условію, Датчане ранѣе насъ прекратили войну. (Во всякомъ случаѣ въ эту эпоху на почвѣ Балтійскаго вопроса ясно обозначилась будущая коалиція Руси, Даніи и отчасти Польши противъ Швеціи, т.-е. Великая Сѣверная война). Съ другимъ вассаломъ Польши, герцогомъ курляндскимъ Яковомъ, Московское правительство въ военное время по необходимости входило въ частыя сношенія, требуя, чтобы онъ не давалъ помощи Полякамъ ни людьми, ни съѣстными припасами и даже склоняло его перейти подъ русскую зависимость. А герцогъ съ своей стороны хлопоталъ, чтобы царь во время войны съ Поляками и Шведами запретилъ своимъ войскамъ вторгаться въ Курляндію.

Тѣ же Польско-Шведскія отношенія, съ прибавленіемъ Турецкихъ, служили главнымъ предметомъ для посольствъ, которыми мѣнялись Московскій царь съ Римскимъ, т.-е. Австро-Германскимъ, императоромъ. Ведя почти постоянную и тяжелую борьбу съ Оттоманской державой, Вѣнскій дворъ искалъ союзниковъ и не разъ обращался съ этой цѣлью въ Москву. Во время нашей первой войны съ Поляками за Малороссію цесарь Фердинандъ III вызвался быть посредникомъ для примиренія обѣихъ сторонъ; для чего, какъ извѣстно, пріѣзжали въ Россію его послы де-Аллегретисъ и фонъ-Лорбахъ. Но ихъ участіе въ этомъ примиреніи было неискреннее и для насъ невыгодное; они очевидно держали болѣе сторону Поляковъ, помогали имъ втянуть насъ въ войну со Шведами и коварно поддерживали виды царя на избраніе польскимъ королемъ. Мало того, Фердинандъ III въ началѣ 1657 года, незадолго передъ своею смертію, тайно подсылалъ къ Хмѣльницкому, убѣждая его отстать отъ Москвы и предлагая помирить его съ Польшею. Тѣмъ не менѣе, преемникъ Фердинанда Леопольдъ I продолжалъ дружественныя сношенія съ Алексѣемъ Михайловичемъ, и во время его второй войны съ Поляками отправилъ въ Москву великое посольство, съ Августиномъ Мейербергомъ во главѣ, чтобы предложить царю свое посредничество для примиренія съ Польшею и склонить его на поданіе помощи противъ Турціи. Это посольство около года прожило въ Москвѣ (1661—1662) и уѣхало безъ успѣха. Но оно было успѣшно въ другомъ отношеніи, именно въ историко-описательномъ. Вообще нѣкоторые иностранные послы, пріѣзжавшіе въ Россію, оставили послѣ себя такія записки, которыя служатъ любопытнымъ источникомъ для Русской исторіи; въ XVII вѣкѣ наиболѣе цѣнныя, послѣ Олеарія, принадлежатъ именно барону Мейербергу. Его «Путешествіе въ Россію» написано на латинскомъ языкѣ и снабжено многими рисунками, которые заключаютъ виды русскихъ городовъ и селеній, церквей и разныхъ построекъ, а также изображенія лицъ духовныхъ, боярскаго и другихъ сословій и т. д.

Въ 70-хъ годахъ, когда Польша подверглась большой опасности отъ Турокъ, оживились и переговоры о союзѣ противъ нихъ, и отъ Леопольда (въ 1675 г.) прибыли въ Москву великіе послы Боттони и Гусманъ. Переговоры этихъ пословъ съ боярами, главнымъ образомъ съ А. С. Матвѣевымъ, окончились только однимъ предварительнымъ трактатомъ.

Наши дипломатическія сношенія при Алексѣѣ Михайловичѣ столь расширились, что обнимали почти всѣ западно-европейскія страны. Такъ изъ Москвы ѣздили посольства во Францію и Испанію (стольникъ Потемкинъ), въ Венецію (стольникъ Чемодановъ), во Флоренцію (дворянинъ

Лихачовъ) и въ Римъ (майоръ Менезіусъ). Этими сношеніями положено было начало участію Россіи въ политическихъ дѣлахъ цѣлой Европы. Напримѣръ, Москва пыталась хотя и тщетно заступиться за Голландскіе Штаты передъ Людвикомъ XIV. А на востокѣ она имѣла дружескія пересылки съ Персидскимъ шахомъ, особенно по дѣламъ торговымъ, и даже была попытка войти въ сношенія съ Великимъ Моголомъ Индіи. Въ концѣ этого царствованія въ Москвѣ видимъ присутствіе столькихъ иностранныхъ агентовъ и пословъ, что составился почти цѣлый дипломатическій корпусъ, даже съ присущими ему взаимными интригами и стараніями направлять въ своихъ интересахъ московскую политику. Нѣкоторыя государства уже имѣли здѣсь постоянныхъ резидентовъ, какъ, напримѣръ, Данія (Магнусъ Гоэ, сильно интриговавшій въ пользу разрыва Москвы со Стокгольмомъ) и Польша (Павелъ Свидерскій); а при Польскомъ дворѣ находился русскій резидентъ (стольникъ Василій Тяпкинъ). Для своихъ заграничныхъ посольствъ, пересылокъ, вербовокъ и покупокъ Московское правительство пользовалось отчасти иноземцами, болѣе или менѣе состоявшими въ его службѣ. Таковы: Виніусъ, Марселисъ, Фансведенъ, Гебдонъ, Менезіусъ, Спаѳарій и пр. Но большею частію снаряжались посольства изъ коренныхъ русскихъ людей, которые такимъ образомъ получали возможность близко знакомиться съ европейской культурой, хотя и были не мало стѣснены въ своемъ заграничномъ образѣ жизни какъ строгими правительственными инструкціями, такъ и родными привычками и предразсудками, заставлявшими ихъ на все смотрѣть съ оригинальной или своеобразной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи любопытны ихъ посольскіе отчеты или такъ наз. «статейные списки», дошедшіе до насъ въ значительномъ количествѣ.

Посольскіе обычаи и церемоніи въ Москвѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ наблюдались тѣ же самые, которые мы видѣли при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ изъ описанія Олеарія. Тѣ же медленные проѣзды подъ надзоромъ пристава отъ границы до столицы; тѣ же торжественные въѣзды и царскіе пріемы и то же пребываніе на Посольскомъ подворьѣ подъ строгимъ присмотромъ московскихъ приставовъ и стрѣлецкой стражи. А затѣмъ едва ли не главную заботу при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранцами московскихъ бояръ въ столицѣ и русскихъ посольствъ за границей составляло наблюденіе полнаго царскаго титула въ вѣрительныхъ и договорныхъ грамотахъ. Особенно по сему поводу велики и часты были споры съ Поляками, которые по естественной непріязни къ Москвѣ старались умалять достоинство ея государя. Былъ со стороны Поляковъ и другой поводъ для большихъ неудовольствій въ

Москвѣ: это нерѣдко появлявшіяся въ Польшѣ пасквили, т.-е. книги и брошюры, изрыгавшія всякую хулу на царя и на Московское государство. Московское правительство относилось къ симъ явленіямъ такъ строго, что иногда требовало отъ Польскаго правительства жестокихъ наказаній и даже смертной казни для оскорбителей государевой чести; но при извѣстной польской распущенности, конечно, такія требованія оставались тщетными; зато сіи оскорбленія имѣли не малую долю значенія въ упорныхъ войнахъ того времени Москвы съ Польшею.

Чувствительно относясь къ заграничнымъ изданіямъ, трактующимъ о Московскомъ государствѣ, русское правительство при Алексѣѣ I иногда принимало мѣры для того, чтобы съ помощью печати опровергать распространенныя тамъ невѣрныя извѣстія о какомъ-либо событіи. Такъ послѣ пораженія подъ Чудновымъ и плѣненія В. Б. Шереметева за границей появились печатные листы, изображавшіе это событіе въ преувеличенномъ видѣ и въ освѣщеніи очень невыгодномъ для Россіи. Получивъ увѣдомленіе о томъ отъ нашего резидента въ Голландіи иноземца Гебдона и предложеніе его напечатать опроверженіе, Ордынъ Нащокинъ, конечно, доложилъ царю. Къ Гебдону вскорѣ было послано изъ Приказа Тайныхъ дѣлъ для напечатанія и распространенія за границей довольно правдивое изложеніе всего дѣла съ указаніемъ на измѣну Юрія Хмѣльницкаго и на польское вѣроломство.

Съ великими державами Московская дипломатія старалась держать себя на равной ногѣ, а отъ малыхъ государствъ требовала самаго почтительнаго отношенія къ его царскому величеству. Напримѣръ, несмотря на дружественныя пересылки съ великимъ курфирстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, Алексѣй Михайловичъ какъ-то остался недоволенъ его манерой держать себя и предписалъ своему посланнику (въ 1656 г.), чтобы во время аудіенціи курфирстъ „противу царскаго именованія и титула всталъ и шляпу снялъ и царскую грамоту принялъ бы стоя, безъ шляпы", въ противномъ случаѣ грамоты ему не отдавать и къ рукѣ не ходить. „А что мы, великій государь, — говорилось далѣе въ наказѣ, — про курфирста спрашиваемъ, сидя въ шапкѣ, и вамъ бы говорить, что мы, государь великій и преславный и помазанъ отъ Бога, не только что посольства отправляемъ, но и въ церковь Божію входимъ въ шапкѣ; а ему, курфирсту, про насъ, великаго государя, и про нашу отъ Бога данную великую честь и говорить стыдно".

Московскіе чиновные люди, отправленные посланниками въ иностранныя государства и на посольскіе съѣзды, нерѣдко держали себя тамъ безъ

должнаго достоинства, обнаруживали иногда грубость нравовъ, жадность къ подаркамъ, пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ и т. п. Поэтому во вторую половину царствованія въ составъ посольства часто помѣщались подьячіе изъ Приказа Тайныхъ дѣлъ: на ихъ обязанности лежало надзирать за поведеніемъ пословъ и по возвращеніи доносить обо всемъ государю. Съ подобною же цѣлью таковые же подьячіе вводились въ походную канцелярію при воеводѣ, отправлявшемся на войну, чтобы смотрѣть, не будетъ ли онъ чинить притѣсненія и разныя неправды ратнымъ людямъ.

Любопытны происхожденіе и значеніе сего Приказа Тайныхъ дѣлъ, въ которомъ сидѣлъ только дьякъ съ десяткомъ подьячихъ и которымъ вѣдалъ самъ царь непосредственно, т.-е. безъ участія бояръ.

Лѣтомъ 1654 года Алексѣй Михайловичъ, отправляясь въ свой ервый Польскій походъ, по случаю начавшейся войны изъ-за Малой Россіи, имѣлъ, конечно, при себѣ нѣсколько дьяковъ и подьячихъ, въ качествѣ своей походной канцеляріи. Эта канцелярія оказалась настолько удобною и удовлетворяющею правительственнымъ потребностямъ царя, что оставалась при немъ и послѣ похода. Естественнымъ путемъ, безъ всякаго заранѣе составленнаго плана, она обратилась въ постоянное учрежденіе, въ постоянный приказъ, лично и ревниво руководимый царемъ, недопускавшимъ въ немъ участія бояръ. Такъ какъ онъ учредился въ военное время, то первоначальныя распоряженія, изъ него выходившія, относились по преимуществу къ разнымъ военнымъ потребностямъ и лицамъ, т.-е. къ движенію и составу полковъ, снабженію боевыми и съѣстными припасами, назначенію и поощренію воеводъ и т. п. Но потомъ сфера дѣятельности и компетенція приказа постепенно расширялись и охватили самые разнообразные предметы, относящіеся, однако, къ ближайшимъ интересамъ и заботамъ царя; таковы: его личная переписка и личная касса, хозяйственныя учрежденія, постройки, нѣкоторые заводы (соляные, желѣзные, сафьянный), разные дворы (Аптекарскій, Гранатный, Потѣшный), торговыя операціи, отысканіе рудъ, раздача церковныхъ книгъ, дѣла любимаго Саввинскаго монастыря, царская благотворительность или раздача милостыни, дворцовый караулъ, дворцовыя записи и т. п. Кромѣ того, Тайный приказъ вѣдалъ и дѣла общаго управленія, но только въ смыслѣ надзора и руководства. Это вѣдѣніе вызывалось обыкновенно обращенными къ царю челобитными на разныя несправедливости, злоупотребленія и обиды со стороны правительственныхъ учрежденій и властныхъ лицъ; при чемъ Тайный приказъ не лишалъ самостоятельности эти учре-

жденія и не мѣшалъ ихъ дѣятельности, а скорѣе объединялъ ихъ и подводилъ подъ общій царскій контроль. Главнымъ образомъ онъ надзиралъ дѣла военныя и дипломатическія, въ особенности Украинскія, не нарушая компетенціи приказовъ Разряднаго, Посольскаго и Малороссійскаго. Само собой разумѣется, что дѣла или событія чрезвычайныя подвергались по преимуществу разслѣдованію и направленію изъ Тайнаго приказа, каковы дѣла о Никонѣ, расколоучителяхъ и Стенькѣ Разинѣ. Вообще это учрежденіе, замѣтно ограничившее нѣкоторыя старыя привычки и притязанія боярства, давало царю возможность постоянно и чувствительно проявлять въ управленіи всю полноту самодержавной власти. Оно свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ характерѣ и правительственномъ усердіи «тишайшаго» Алексѣя Михайловича. Оно такъ тѣсно было связано съ его личностію, что существовало только въ его царствованіе. Московскіе приказы занимали рядъ особыхъ зданій въ Кремлѣ; но Тайный приказъ помѣщался въ самомъ царскомъ дворцѣ, въ верхнемъ этажѣ его, и слѣдовательно находился у царя подъ рукою. Первымъ дьякомъ сего приказа, вѣдавшимъ его около десяти лѣтъ, былъ Дементій Башмаковъ, который пользовался любовью и довѣріемъ царя; онъ потомъ получилъ думное дьячество и переведенъ въ Разрядный приказъ. А въ числѣ подьячихъ Тайнаго приказа встрѣчаемъ извѣстныхъ впослѣдствіи Семена (Сильвестра) Медвѣдева и Ѳедора Шакловитаго. Вѣдавшій Тайнымъ Приказомъ дьякъ былъ надѣленъ правомъ подписывать за государя его распоряженія и указы; а потому носилъ званіе «дьяка въ государевѣ имени».

Существованіе сего, такъ сказать, личнаго Приказа не мѣшало Алексѣю I также лично руководить исконнымъ царскимъ совѣтомъ или синклитомъ, т.-е. Боярской Думой. При немъ въ это высшее правительственное учрежденіе стекалось столько дѣлъ, особенно по докладамъ изъ приказовъ, что вмѣсто прежнихъ трехъ дней оно должно было засѣдать ежедневно утромъ и вечеромъ, обыкновенно въ *Передней* палатѣ царскаго дворца. Государь часто присутствовалъ на засѣданіяхъ Думы, направлялъ ея дѣятельность и спрашивалъ ея мнѣніе по тому или другому важному вопросу. Къ этому моменту относится извѣстное мѣсто изъ записокъ московскаго подьячаго Котошихина (бѣжавшаго за границу въ 1664 году). «Кто изъ большихъ или меньшихъ бояръ поразумнѣй,—говоритъ онъ,—тотъ свою мысль объявляетъ; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые и нестудерованные». Но тутъ же подьячій сознается, что всегда сыщется кто-либо изъ бояръ на разумный

отвѣтъ. Засѣданія Думы даже и въ царскомъ присутствіи оживлялись иногда спорами и пререканіями; такъ какъ Алексѣй Михайловичъ допускалъ ихъ ради выясненія вопроса. Но онъ не любилъ пустословія и похвальбы, и въ такихъ случаяхъ иногда въ рѣзкой формѣ проявлялъ свойственную ему вспыльчивость. Одинъ иностранный посолъ (баронъ Мейербергъ) въ своемъ сочиненіи о Россіи по сему поводу разсказываетъ слѣдующій случай. Въ 1661 году во время второй Польской войны, получивъ извѣстіе о пораженіи своей рати, царь разсуждалъ съ Думой, какъ поправить дѣло. Тутъ царскій тесть, т.-е. Илья Даниловичъ Милославскій, похвалился, что если ему дадутъ начальство надъ войскомъ, то онъ самого польскаго короля приведетъ плѣнникомъ въ Москву. Алексѣй Михайловичъ вскипѣлъ гнѣвомъ, обругалъ его бездѣльнымъ хвастуномъ, никакими ратными подвигами неотличившимся. «Смѣяться что ли ты вздумалъ надо мной? Пошелъ вонъ!» — закричалъ Государь; послѣ чего вскочилъ съ мѣста, собственноручно надавалъ тестю пощечинъ и пинковъ, вытолкалъ его изъ палаты и захлопнулъ за нимъ дверь.

Въ дѣлахъ интимныхъ или въ вопросахъ особой важности, прежде нежели такой вопросъ отдавался на обсужденіе цѣлой Думы, Алексѣй I, подобно своимъ предшественникамъ, собиралъ у себя въ комнатѣ (т.-е. въ кабинетѣ) Малую или Ближнюю Думу изъ наиболѣе близкихъ бояръ и совѣтниковъ. Подобную же Малую Думу для занятія текущими дѣлами Государь обыкновенно имѣлъ при себѣ во время своихъ нерѣдкихъ отлучекъ изъ Москвы, т.-е. во время пребыванія въ загородныхъ мѣстахъ или на «походахъ» (поѣздкахъ). Свои правительственныя заботы и занятія онъ даже не прекращалъ въ церкви, такъ что за обѣдней въ менѣе торжественныя минуты онъ выслушивалъ доклады бояръ и дѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія ([40]).

X.

ДВОРЪ, ВТОРОЙ БРАКЪ и СОТРУДНИКИ АЛЕКСѢЯ I.

Дворцы Кремлевскій и Коломенскій.—Соколиная охота и переписка съ Матюшкинымъ.—Придворныя забавы и аскетическое направленіе.—Иноземное вліяніе и А. С. Матвѣевъ.—Царскія смотрины невѣстъ.—Наталья Кирилловна Нарышкина.—Неудачная противъ нея интрига.—Начало театра въ Москвѣ.—Библейскіе сюжеты.—Переводная и придворная литература.—Патріархъ Іоакимъ и царскій духовникъ.—Важнѣйшіе гражданскіе и военные дѣятели.—Князья Долгорукій и Одоевскій.—Шереметевы.—Хитрово и Ртищевъ.—Непрочное положеніе Матвѣева.—Наслѣдникъ престола.—Безвременная кончина Алексѣя Михайловича.—Его личность и значеніе.—Котошихинъ и его сочиненіе о Россіи.—Крижаничъ въ Москвѣ и Сибири.—Его сочиненія и стремленія.

Трудами Алексѣя I Московскій самодержавный строй получилъ, можно сказать, свою полную обработку не только въ отношеніи внутренней или чисто правительственной стороны, но также и въ отношеніи внѣшней или обрядовой и обстановочной. При наслѣдованной отъ предковъ умѣренности, бережливости и набожномъ смиреніи, этотъ царь наслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ также любовь къ пышной обрядности и наружному благолѣпію. Довольно скромный въ своемъ семейномъ быту, царь являлся во всемъ блескѣ своего сана при торжественныхъ случаяхъ, главное при своихъ выходахъ на большіе праздники, а также при пріемѣ и угощеніи чужеземныхъ посольствъ. Иностранные очевидцы всѣ болѣе или менѣе свидѣтельствуютъ о великой пышности и роскоши Московскаго двора, о многочисленности и нарядности придворнаго люда, о богатствѣ утвари, чрезвычайномъ обиліи всевозможныхъ яствъ и напитковъ и т. п.

Вся эта роскошь, конечно, требовала соотвѣтственныхъ дворцовыхъ палатъ и покоевъ.

Уже Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ мы знаемъ, при своей любви къ строительству успѣлъ возобновить старый Кремлевскій дворецъ и зна-

чительно расширить его новыми постройками, сообразно съ увеличеніемъ своей собственной семьи. Алексѣю Михайловичу поэтому пришлось только прибавить немногія новыя зданія или заново перестроить и украсить прежнія; таковы, напримѣръ, Столовая изба, Постельныя хоромы и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ поправлялись, передѣлывались и вновь украшались расположенные въ верхнемъ ярусѣ дворца домовыя или *сѣнныя* церкви царя, царицы, царевичей и царевенъ. Изъ нихъ особенно извѣстенъ храмъ во имя Нерукотвореннаго Спасова Образа, возведенный при Алексѣѣ на степень соборнаго. Площадка, отдѣлявшая его отъ теремныхъ покоевъ со стороны лѣстницы, ведшей внизъ на Постельное крыльцо, теперь ограждена золотой рѣшеткой; отчего и самая церковь получила названіе *Спасъ,-что за золотой рѣшеткой.* Сія послѣдняя была, собственно, мѣдная вызолоченная; а слита (въ 1670 г.) изъ тѣхъ мѣдныхъ денегъ, которыя, какъ извѣстно, были выпущены въ непомѣрномъ количествѣ и произвели смуту въ народѣ. Въ отношеніи дворцовыхъ зданій время Алексѣя Михайловича замѣчательно не столько строительствомъ, сколько внутреннимъ ихъ украшеніемъ, въ которомъ главное мѣсто занимали живопись, фигурная нѣмецкая рѣзьба по дереву, обои изъ золоченой кожи или изъ дорогихъ тканей. Въ расписаніи стѣнъ участвовали царскіе иконописцы, съ знаменитымъ Симономъ Ушаковымъ во главѣ; между прочимъ, они возобновили стѣнное расписаніе Грановитой палаты. Вообще въ украшеніяхъ дворцовыхъ въ это время проявилось замѣтное вліяніе западныхъ и отчасти польскихъ образцовъ. Алексѣй Михайловичъ во время своихъ походовъ въ первую Польскую войну лично познакомился съ бытомъ и искусствомъ польскихъ или, собственно, западно-русскихъ большихъ городовъ, получилъ къ нему вкусъ и потомъ сталъ вызывать оттуда художниковъ и ремесленниковъ для украшенія своихъ дворцовъ. Такъ въ помянутой Столовой избѣ, построенной иностранцемъ инженеромъ и полковникомъ Густавомъ Декенпиномъ, на подволокѣ (плафонѣ) западно-русскими живописцами было написано *звѣздочетное небесное движеніе,* т.-е. небесныя свѣтила и двѣнадцать знаковъ зодіака, звѣзды и т. д.

Кремлевскій царскій дворецъ составился изъ разныхъ строеній и пристроекъ, возникшихъ въ разное время; а потому представлялъ пеструю группу зданій, соединенныхъ между собою крытыми сѣнями и открытыми переходами, балконами, площадками и т. п. Онъ былъ кирпичный, но сохранялъ характеръ обычныхъ русскихъ деревянныхъ построекъ или клѣтей съ нижними этажами или «подклѣтями»; хотя послѣднія были уже со сводчатыми потолками. По тому же типу строились и загородные деревянные дворцы. Самымъ извѣстнымъ, самымъ нарядньмъ изъ

нихъ является Коломенскій дворецъ, созданный Алексѣемъ Михайловичемъ и служившій любимымъ его лѣтнимъ мѣстопребываніемъ.

Дворцовое село Коломенское, расположенное на возвышенномъ берегу Москвы рѣки, въ 7 верстахъ отъ столицы, отличалось красивымъ мѣстоположеніемъ. Тамъ въ первой половинѣ XVI вѣка Василіемъ III построенъ каменный храмъ Вознесенія; рядомъ съ нимъ существовали царскіе хоромы. Михаилъ Ѳеодоровичъ ихъ обновилъ. Но Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ выстроить здѣсь новый, болѣе обширный дворецъ для себя и своей многочисленной семьи и богато его украсить. Постройка его началась въ 1667 году, а окончилась въ 1671. Она была совершена лучшими мастерами плотничнаго и рѣзного дѣла. Частію эти мастера были Бѣлоруссы, работавшіе у Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ. Изъ того же монастыря были взяты какія-то двѣ книги съ гравюрами (вѣроятно, нѣмецкія), которыя служили въ числѣ образцовъ для рѣзныхъ украшеній, каковы: «гзымзы», подзоры, карнизы, оконные и дверные наличники, точеные столбики и балясы для оконъ и перилъ на гульбищахъ (балконахъ) и лѣстницахъ. Разнообразныя кровли, то двускатныя, то кубомъ, бочкою, шатромъ и т. п., дѣлались изъ деревянной чешуи, окрашенной въ зелень, и вѣнчались наверху мѣднымъ золоченымъ гребнемъ или жестяными прапорцами (флюгерами) и орлами. Внутри стѣны и потолки (подволоки) расписывались царскими иконописцами, съ тѣмъ же Симономъ Ушаковымъ во главѣ; кромѣ того, изъ Персіи былъ вызванъ особый живописецъ какой-то армянинъ Салтановъ. На ряду со священными изображеніями изъ Ветхаго и Новаго завѣта, образами святыхъ и мучениковъ, тутъ были и картины историческія, напримѣръ, изъ исторіи Александра Македонскаго. А подлѣ царскаго трона были устроены львы съ такимъ механизмомъ, который производилъ рыканіе (на подобіе того, что было въ Византіи). Кромѣ палатъ собственно царскихъ, тутъ были особые покои для царевичей и царевенъ. Вся эта группа покоевъ разной величины и вида ярко раскрашенныхъ, обильно снабженныхъ позолотою и всякими затѣйливыми орнаментами, вполнѣ соотвѣтствовала русскому вкусу и плѣняла даже глазъ иностранцевъ. Такъ одинъ иностранецъ (Рейтенфельсъ), видѣвшій Коломенскій дворецъ въ началѣ 70-хъ годовъ XVII столѣтія, говоритъ, что онъ походилъ на красивую игрушку. А знаменитый ученый монахъ Симеонъ Полоцкій воспѣлъ красоту сего дворца своими тяжелыми стихами или виршами, при чемъ называетъ его осьмымъ чудомъ свѣта («Седмь дивныхъ вещей древній міръ читаше. Осьмый дивъ сей домъ время имать наше»). Изъ оконъ дворца разстилался широкій кругозоръ на текущую мимо Москву-рѣку, зеленые луга, сосѣдніе селенія и

монастыри и на самую столицу. По отношенію къ Москвѣ эта загородная резиденція имѣла почти то же значеніе, какое къ Парижу имѣлъ Версальскій дворецъ, создаваемый современникомъ Алексѣя Людовикомъ XIV.

Не одинъ Коломенскій дворецъ пользовался заботами Алексѣя I, и другіе подмосковные царскіе хоромы были при немъ или обновлены, или вновь построены. А въ селѣ Измайловѣ вмѣстѣ съ дворцомъ возведены многочисленныя хозяйственныя постройки; домовитый царь завелъ здѣсь не только образцовую пашню, но также садоводство, пчеловодство, льноводство, даже развелъ виноградъ и шелковичныя или тутовыя деревья. Но Коломенское мѣстопребываніе всегда оставалось наиболѣе любимымъ. Оно привлекало царя въ особенности своими поемными лугами, на которыхъ весной во время половодья появлялись многочисленныя стаи всякихъ перелетныхъ птицъ, представлявшія обширное поприще для соколиной охоты.

Охота съ ловчими птицами издревле составляла обычную забаву владѣтельныхъ особъ и въ Европѣ, и въ Азіи. Древніе русскіе князья хотя любили болѣе трудную или опасную охоту на звѣрей и вообще дикихъ животныхъ, однако держали также ловчихъ соколовъ и кречетовъ, добывать которыхъ посылали въ дѣвственные лѣса, на озера и рѣки Печерскаго, Пермскаго и Югорскаго края. Въ періодъ Царскій соколиная охота заняла видное мѣсто какъ лѣтняя потѣха государей и получила особое устроеніе или вѣдомство, съ *ловчимъ* или *сокольничимъ* во главѣ. Но никто изъ московскихъ государей не былъ такъ страстно привязанъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ къ этой забавѣ какъ Алексѣй Михайловичъ. Возможно, что на раннее развитіе этой страсти повліялъ дядька его Б. И. Морозовъ, бывшій знатокомъ и любителемъ соколиной охоты, какъ это можно заключить изъ приведеннаго выше извѣстія (Олеарія) о Голштинскомъ посольствѣ въ Москвѣ. До какихъ размѣровъ простиралось при Алексѣѣ Михайловичѣ придворное Соколиное вѣдомство, можно судить по тому, что въ одномъ Потѣшномъ дворцѣ подъ Москвою жило до сотни сокольниковъ съ ихъ помощниками, а число царскихъ ловчихъ птицъ доходило иногда до 3.000, за которыми царскіе *помытчики* ѣздили въ отдаленные края Сѣверовосточной Россіи и Западной Сибири. Лучшихъ кречетовъ царь посылалъ въ подарокъ иностраннымъ государямъ; особенно цѣнился такой подарокъ въ Персіи при Шахскомъ дворѣ. На окрестныхъ Коломенскому лугахъ и болотахъ водилось много дичи (лебеди, гуси, утки, журавли и пр.), на которую въ особенности царь пускалъ своихъ ловчихъ птицъ. Но охотился онъ съ соколами и въ другихъ своихъ подмосковныхъ селахъ, каковы: Пре-

ображенское, Семеновское, Покровское, Измайлово, Воробьево, Алексѣевское, Соколово, Хорошово и пр.

Вѣдомство соколиное подчинено было Приказу Тайныхъ дѣлъ, т.-е. собственной царской канцеляріи. Во главѣ сего вѣдомства былъ поставленъ родственникъ царя по матери и сверстникъ по воспитанію стольникъ и ловчій Аѳан. Ив. Матюшкинъ, пожалованный потомъ въ думные дворяне. Это былъ, очевидно, человѣкъ также до страсти преданный сему дѣлу. Изъ дошедшей до насъ переписки царя съ Матюшкинымъ раскрывается самое дружеское отношеніе перваго ко второму и нѣжная заботливость о ловчихъ птицахъ, объ ихъ содержаніи, дрессировкѣ и объ ихъ здоровьѣ. Въ случаѣ болѣзни особенно любимыхъ соколовъ и кречетовъ царь обнаруживалъ безпокойство и даже напускалъ на себя суровость. «А будетъ вашимъ небреженіемъ, — пишетъ царь Матюшкину и *подсокольничему* Петру Хомякову (изъ Колязина отъ 11-го іюня 1650 г.)—Адарь или Муратъ, или Булатъ, или Стреляй, или Лихачъ, или Салтанъ умрутъ, то вы меня и не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю кнутомъ перепороть; а если убережете, то васъ милостиво пожалую, а сокольниковъ также пожалую».

Иногда царь извѣщаетъ своего ловчаго о томъ, какъ онъ «ходилъ тѣшиться съ челигами» и какіе подвиги совершали при немъ или безъ него его любимые кречеты. «Во вторникъ нынѣшнія недѣли,—читаемъ мы въ письмѣ изъ села Покровскаго — за Стрѣтенскими воротами при насъ же великомъ государѣ Парѳеньевы статьи кречетъ Бердяй добылъ коршака, и ставокъ было съ 15 и добывалъ добрѣ добро и хотко. Да нынѣшней же недѣли въ пятницу изъ утра въ 3 часу безъ насъ великаго государя добылъ красной кречетъ Гамаюнъ коршака промежъ Сущова и рощи, что къ Напрудному, при стольникѣ нашемъ князѣ Юрьѣ Ромодановскомъ; а добывалъ въ великомъ верху долгое время, и збилъ съ верху и коршакъ побѣжалъ на утекъ къ рощѣ и хотѣлъ увалитца отъ славнаго Гамаюна кречета добычи, и не допуская до рощи добылъ ево съ верхней ставки; а въ добычѣ было ставокъ съ 30» и т. д. Въ томъ же письмѣ царь извѣщалъ, что пропавшій было челига Хорьякъ пойманъ на Рязани; «привезъ во вторникъ въ вечеру нынѣшнія недѣли сынъ боярскій, весь (т.-е. челига) цѣлъ и здоровъ». «Вы теряете, а мы сыскиваемъ»,—съ явнымъ удовольствіемъ прибавляетъ Тишайшій.

Въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія Алексѣй Михайловичъ велѣлъ написать даже особое, составленное при его личномъ участіи, руководство для сокольниковъ, названное «Урядникъ» или «Новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути». Тутъ главнымъ образомъ установлены об-

ряды, съ которыми вступали въ должность нововыбранные изъ рядовыхъ въ начальные сокольники, врученіе имъ знаковъ ихъ достоинства, распредѣленіе между ними кречетовъ и челигъ (кречатьихъ или сокольихъ самцовъ) и т. п. На этой книгѣ царь собственноручно приписалъ правоученіе или свой взглядъ на забаву: «дѣлу время и потѣхѣ часъ». Сокольники имѣли особое нарядное одѣяніе, а именно: цвѣтной суконный кафтанъ, съ золотыми или серебряными нашивками, желтые сапоги, большія узорныя рукавицы, а у начальныхъ людей горностайная шапка.

Какою таинственностію и какими церемоніями была окружена царская соколиная охота, показываетъ случай, приведенный въ описаніи императорскаго посольства (Мейербергомъ), относящійся къ 1662 году. Посольство желало посмотрѣть на царскихъ кречетовъ и срисовать ихъ; но долго не могло этого добиться. Вдругъ разъ на масляницѣ явился въ его помѣщеніе царскій сокольникъ съ нѣсколькими товарищами въ своихъ нарядныхъ одѣяніяхъ; у каждаго изъ нихъ на правой рукѣ, облеченной въ богатую съ золотымъ шитьемъ перчатку, сидѣло по кречету съ шелковымъ клобучкомъ на головахъ и съ золотымъ шнуркомъ, привязаннымъ за лѣвую лапку. Приставъ торжественно объявилъ, что великій государь изъ любви къ своему брату императору Леопольду прислалъ напоказъ его посламъ шесть своихъ лучшихъ кречетовъ. На вопросъ пословъ, гдѣ такія птицы добываются, сокольничій сухо отвѣтилъ: «во владѣніяхъ нашего великаго государя». Иноземцамъ при этомъ удалось срисовать одного кречета.

Въ упомянутой выше перепискѣ Алексѣя Михайловича съ Матюшкинымъ встрѣчаются иногда любопытныя черты, характеризующія личность «Тишайшаго» царя. Такъ въ одномъ письмѣ, очевидно, изъ загороднаго пребыванія, онъ «извѣщаетъ» своего любимаго ловчаго, что каждое утро забавляется купаніемъ своихъ стольниковъ въ прудѣ: кто изъ нихъ не поспѣетъ къ смотру, того и купаетъ, а послѣ купанья жалуетъ, зоветъ къ своему столу; иные стольники сознаются, что нарочно не поспѣваютъ, чтобы воспользоваться царскимъ угощеніемъ.

Соколиная охота, которою „тѣшилъ“ себя государь, приходилась на лѣтнее или, собственно, весеннее время; а зимой производилась звѣриная и псовая охота, на лѣсныхъ и полевыхъ звѣрей, каковы: волки, лоси и особенно медвѣди. Была въ обычаѣ при дворѣ и старая русская „медвѣжья потѣха“, которая состояла или въ травлѣ медвѣдя собаками, или въ единоборствѣ съ нимъ человѣка, вооруженнаго рогатиной, или въ комичномъ представленіи ученыхъ медвѣдей. Рядомъ съ сими забавами, происходившими на вольномъ воздухѣ, существовали потѣхи

комнатныя, имѣвшія общерусскій, народный характеръ. Сюда относятся шуты и дураки, потѣшавшіе и глупыми, и остроумными выходками своими. Въ древней Руси шуты и карлы составляли принадлежность каждаго знатнаго или богатаго дома, и естественно, что въ государевомъ дворцѣ они были особенно многочисленны; даже почти у каждой царевны была своя дура. Затѣмъ идутъ бахари или сказочники, домрачеи и гусельники, т.-е. мастера играть на домрѣ и гусляхъ, органщики, цимбалисты, разнаго рода „веселые" или скоморохи; съ помощью ихъ устраивались во дворцѣ увеселенія съ плясками и музыкой. Были также и канатные плясуны, изъ Нѣмцевъ и ихъ русскихъ учениковъ. Всѣ эти дворцовыя увеселенія и принадлежавшія къ нимъ лица вѣдались особою „Потѣшною палатою", получали опредѣленный кормъ и жалованье. Михаилъ Ѳеодоровичъ, очевидно, любилъ комнатныя забавы, и при немъ содержалось во дворцѣ большое количество всякаго рода потѣшниковъ; хотя высшее духовенство русское издавна неодобрительно смотрѣло на подобныя народныя потѣхи, наслѣдованныя еще отъ языческихъ временъ. Но въ послѣдніе годы Михаилова царствованія, омраченные болѣзнями и другими огорченіями, эти забавы отошли на задній планъ. А его наслѣдникъ молодой царь Алексѣй при своей особой набожности мало показывалъ расположенія къ означеннымъ забавамъ. Мы видѣли, что на его свадьбѣ въ 1648 году, вмѣсто трубъ, органовъ и скоморошьихъ потѣхъ, слышалось только стройное пѣніе церковныхъ стиховъ и тріодей. Въ томъ же году вышелъ даже царскій указъ, направленный противъ скомороховъ и народныхъ игрищъ „бѣсовскихъ", а маски и музыкальные инструменты, т.-е. гусли, домры, сурны, гудки и т. п., повелѣвалось отбирать и жечь. Въ патріаршество Никона эти суровыя мѣры были повторены и еще усилены. По свидѣтельству иностранца (Олеарія), онъ даже велѣлъ собрать въ Москвѣ музыкальные инструменты; ими нагрузили пять возовъ и сожгли за Москвой рѣкой на такъ называемомъ Болотѣ. Только у Нѣмцевъ ихъ не отбирали, да еще у ихъ друга и покровителя боярина Никиты Ивановича Романова, какъ царскаго двоюроднаго дяди. Изъ дворцовыхъ потѣшниковъ Алексѣй Михайловичъ, однако, пощадилъ бахарей; только при немъ они получаютъ нѣсколько иной характеръ, называются то „нищіе", то „верховые богомольцы"; по свидѣтельству другого иноземца (врача Коллинса), это были старцы, и даже столѣтніе, и царь въ долгіе зимніе вечера очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ.

Въ послѣднюю эпоху сего царствованія, послѣ паденія Никона и особенно послѣ кончины весьма набожной царицы Марьи Ильиничны, аскетическое

направленіе при дворѣ замѣтно ослабѣло, а иноземное вліяніе усилилось. Между прочимъ, въ числѣ комнатныхъ развлеченій видимъ шахматную игру. Появляется и небывалая дотолѣ царская забава: театръ, устроенный по европейскому образцу. Это нововведеніе и вообще перемѣна въ направленіи совершились не безъ связи со вторымъ бракомъ Алексѣя Михайловича и съ усилившимся придворнымъ значеніемъ Артамона Сергѣевича Матвѣева.

Происходя изъ мелкаго дворянства, сынъ дьяка, Артамонъ мальчикомъ попалъ въ число тѣхъ придворныхъ жильцовъ, которые воспитывались вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, царевичемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Здѣсь началось ихъ сближеніе. Матвѣевъ на нѣсколько лѣтъ былъ старше царевича и сумѣлъ пріобрѣсти его особое расположеніе. Раннее знакомство съ придворнымъ бытомъ, съ его борьбою разныхъ честолюбій и мѣстническими счетами развило въ даровитомъ молодомъ человѣкѣ умѣнье держать себя скромно, почтительно относиться къ знатнымъ людямъ и не задѣвать ихъ обычной боярской спѣси. Когда наступило царствованіе Алексѣя, Матвѣевъ, очевидно, не злоупотреблялъ его расположеніемъ, чтобы выдвинуться по служебной лѣстницѣ и стать кому-либо поперекъ дороги. Мы долгое время видимъ его въ званіи стрѣлецкаго головы, а потомъ полковника и вмѣстѣ стольника. Въ этомъ званіи онъ участвуетъ почти во всѣхъ главныхъ походахъ того времени, а также исполняетъ разнообразныя порученія своего царственнаго друга, преимущественно порученія военно-дипломатическія, направленныя въ Литву и Малороссію. Особенно часты были посылки его къ Богдану Хмѣльницкому и къ преемникамъ сего послѣдняго. Мы встрѣчаемъ его участникомъ почти всѣхъ важнѣйшихъ событій, сопровождавшихъ какъ присоединеніе Украйны, такъ и послѣдующую за нее борьбу. Добрый нравомъ и ласковый въ обхожденіи, Артамонъ сумѣлъ пріобрѣсти также любовь своихъ подчиненныхъ. Извѣстно по этому поводу преданіе о томъ, что когда онъ началъ строитч себѣ новый домъ и былъ недостатокъ въ камнѣ для фундамента, то стрѣльцы его полку привезли ему камни, снятые ими съ могилъ своихъ родныхъ. Въ Малороссіи онъ также сумѣлъ заслужить общее расположеніе и завязать дѣловыя сношенія со многими лицами изъ казацкой старшины и духовенства. Конечно, никто лучше его не былъ ознакомленъ съ положеніемъ дѣлъ на Украйнѣ; а потому естественно, когда пошатнулось довѣріе царя къ Ордыну-Нащокину, то Приказъ Малой Россіи въ апрѣлѣ 1669 года былъ порученъ именно Матвѣеву послѣ его возвращенія съ Глуховской рады, на которой онъ былъ номинально товарищемъ у царскаго посла кн. Гр.

Гр. Ромодановскаго, а въ дѣйствительности его руководителемъ и душою всего дѣла.

Во время своего управленія Малороссійскимъ приказомъ Артамонъ Сергѣевичъ обратилъ особое вниманіе на доставку продовольствія московскимъ ратнымъ людямъ, стоявшимъ гарнизонами въ украинскихъ городахъ. Доставка хлѣба производилась частію на судахъ по рѣкамъ, частію на подводахъ, которые собирались иногда силою съ мѣстныхъ жителей. Эта подводная повинность для хлѣбныхъ обозовъ, а также для частыхъ пословъ и гонцовъ изъ Москвы или въ Москву вела къ постояннымъ столкновеніямъ и вызывала горькія жалобы украинскаго населенія на обиды отъ московскихъ ратныхъ людей и казацкой старшины. Матвѣевъ вмѣсто доставки продовольствія натурою ввелъ посылку денегъ для покупки его на мѣстѣ; а взаимныя пересылки Москвы съ Украйной ограничилъ самыми важными дѣлами и значительно уменьшилъ свиту пословъ и гонцовъ вообще.

Тѣсная связь Украинскихъ дѣлъ съ дипломатическими отношеніями къ западнымъ сосѣдямъ и необходимость согласовать съ ними политику не позволяли на долгое время раздѣлять приказъ Малороссійскій отъ Посольскаго, и потому въ февралѣ 1671 года они были вновь объединены подъ управленіемъ одного лица, т.-е. Матвѣеву велѣно было вѣдать и Посольскимъ приказомъ, съ предварительнымъ производствомъ его въ думные дворяне.

Этими двумя приказами не ограничивалась дѣятельность Артамона Сергѣевича въ ту эпоху. Онъ вѣдалъ, кромѣ того, приказы Стрѣлецкій, Казанскій, Монетный дворъ и нѣкоторыя другія учрежденія. А главное онъ былъ ближайшимъ совѣтникомъ и другомъ царя, который свою потребность въ сердечныхъ отношеніяхъ сосредоточилъ теперь по преимуществу на немъ. Объ этихъ отношеніяхъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ письма къ нему Алексѣя Михайловича, въ которыхъ онъ называетъ его «другъ мой, Сергѣевичъ». Въ одномъ письмѣ говорилось слѣдующее: «Пріѣзжай поскорѣй; мои дѣти осиротѣли безъ тебя; мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться». На сей разъ дружба, привязанность и довѣріе царя обратились на человѣка вполнѣ ихъ достойнаго и едвали способнаго ими злоупотреблять. По отзыву иностранныхъ наблюдателей, посѣщавшихъ Россію въ какой-либо посольской свитѣ, Артамонъ Матвѣевъ своимъ умомъ, способностями (и едва ли не образованіемъ) превосходилъ всѣхъ другихъ царскихъ вельможъ. Никонъ также былъ очень уменъ и даровитъ; но сдѣлался невыносимъ для царя и бояръ по своему строптивому нраву и безмѣрному честолюбію. Матвѣевъ, напротивъ, съ твердостію характера и служебнымъ усердіемъ умѣлъ соединить добрый нравъ и мягкое, при-

вѣтливое обращеніе. Не находимъ мы также въ немъ обычной черты того времени: постояннаго напоминанія о своихъ заслугахъ и выпрашиванія себѣ вотчинъ, жалованья и всякихъ богатыхъ милостей. Будучи другомъ царя, онъ даже не засѣдалъ въ Царской Думѣ; только послѣ долгаго пребыванія въ скромномъ званіи стольника, уже состоя во главѣ нѣсколькихъ приказовъ, онъ получилъ, наконецъ, чинъ думнаго дворянина, т.-е. вступилъ въ низшій разрядъ думныхъ людей. Какъ представитель внѣшней политики въ послѣднюю эпоху царствованія, Матвѣевъ постоянное и главное вниманіе обращалъ на Малороссійскія дѣла и Польско-русскія отношенія и твердо сохранялъ миръ со Швеціей, не поддаваясь на усердные подговоры ея противниковъ, въ особенности Бранденбурга и Даніи.

Часто посѣщая Западнорусскіе и Польскіе края, находясь въ постоянномъ общеніи съ умными, учеными людьми, особенно изъ западнорусскаго духовенства, наблюдательный, воспріимчивый Матвѣевъ пріобрѣлъ большія и разнообразныя познанія и естественно проникся уваженіемъ къ европейской образованности вообще, такъ что явился однимъ изъ передовыхъ западниковъ Допетровской Руси. Это уваженіе, однако, не мѣшало ему сохранить чисто-русское чувство и пониманіе. Подобно Ордыну-Нащокину, онъ постарался дать хорошее образованіе своему сыну, но ввѣрилъ его не польскимъ плѣнникамъ, а православному бѣлорусскому шляхтичу (Подборскому) и также православному ученому иноземцу, извѣстному Николаю Спаѳарію, служившему переводчикомъ у него въ Посольскомъ приказѣ. Оставаясь вполнѣ русскимъ человѣкомъ, Матвѣевъ допустилъ въ своемъ домашнемъ быту нѣкоторыя черты, взятыя отъ западнорусской и польской знати. Между прочимъ, онъ завелъ у себя музыкальный оркестръ, который былъ набранъ изъ дворовыхъ людей, обученныхъ Нѣмцами. Его домъ, находившійся въ Бѣломъ городѣ за Неглинной, выдавался своею изящною архитектурою, по словамъ иностраннаго очевидца.

Въ связи съ влiятельнымъ придворнымъ положеніемъ Матвѣева и его дружескими отношеніями къ царю совершилась вторая женитьба Алексѣя Михайловича, еще болѣе укрѣпившая эти отношенія.

26 февраля 1669 года царица Марья Ильинична разрѣшилась отъ бремени дочерью Евдокіей. Роды, повидимому, были неблагополучны. Спустя два дня, новорожденная царевна скончалась; а вслѣдъ за ней, 4-го марта, скончалась и царица, уже замѣтно хворавшая за послѣдніе годы. Она отличалась большою набожностію и дѣлами благотворенія, но, очевидно, не пользовалась особымъ вліяніемъ на своего царственнаго супруга. Еще къ большему огорченію царя, спустя три съ половиною

мѣсяца, за царицей послѣдовалъ въ могилу ихъ четырехлѣтній сынъ Симеонъ. Находясь въ полномъ разцвѣтѣ силъ, имѣя только 40 лѣтъ отъ роду, Алексѣй Михайловичъ, естественно, не желалъ оставаться вдовцомъ. Уже осенью того же года въ Москву собраны были самыя красивыя дѣвицы среднихъ и высшихъ сословій государства. Часть дѣвицъ, имѣвшая въ столицѣ родственниковъ, у нихъ и поселилась; а другая часть размѣщена въ дворцовыхъ хоромахъ. Начались царскія смотрины; производились онѣ по группамъ въ назначенные дни. Намъ извѣстны имена до 70 такихъ дѣвицъ, которыя большею частію двукратно являлись для царскаго выбора съ ноября 1669 года до мая 1670. Наиболѣе понравившіяся, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, взяты были въ Верхъ, т.-е. въ царскій дворецъ, конечно на его женскую половину, гдѣ обитали сестры и дочери государя. Въ числѣ такихъ, выдѣленныхъ изъ общаго числа, находилась родственница А. С. Матвѣева, Наталья Кирилловна, дочь простого тарусскаго дворянина Кириллы Полуектовича Нарышкина, нѣкоторое время состоявшаго на службѣ въ Смоленскѣ, въ качествѣ стрѣлецкаго головы. По поводу незнатности ея рода впослѣдствіи враги Нарышкиныхъ выражались о Натальѣ Кирилловнѣ, будто, когда она въ Смоленскѣ была, то въ лаптяхъ ходила. Есть основаніе предполагать, что Алексѣй Михайловичъ еще ранѣе видалъ ее, посѣщая иногда запросто своего друга Артамона, въ семьѣ котораго она воспитывалась, и весьма вѣроятно, что царь уже былъ неравнодушенъ къ высокой, стройной, миловидной и веселонравной смуглянкѣ съ черными глазами, звонкимъ голосомъ и пріятными манерами. А потому возможно, что и самый сборъ дѣвицъ былъ произведенъ ради соблюденія обычая, и не безъ совѣта самого Матвѣева, опасавшагося слишкомъ явнымъ нарушеніемъ сего обычая возбудить еще большую зависть къ своему придворному значенію; такъ какъ вмѣстѣ съ женитьбою царя на его родственницѣ, естественно увеличивалось и это значеніе.

Со стороны завистниковъ вскорѣ обнаружилась интрига, пытавшаяся разстроить бракъ съ Нарышкиной и напомнившая попытки, которыя удались противъ Хлоповой и Всеволожской.

Главной соперницей Натальи явилась нѣкая Авдотья Ивановна Бѣляева, которую взяли въ Верхъ изъ Вознесенскаго монастыря, гдѣ она пребывала у одной старицы, ея двоюродной бабки. Дядя ея какой-то Иванъ Шихиревъ неосторожно началъ говорить своимъ знакомымъ о счастьи племянницы, распуская при семъ ложный слухъ, будто «Нарышкина свезена» съ Верху. Мало того, такъ какъ предварительно смотрѣвшій дѣвицу Бѣляеву бояринъ и дворецкій Богд. Матв. Хитрово

нашелъ, что у нея руки худы, то Шихиревъ началъ хлопотать о покровительствѣ для нея у придворныхъ докторовъ; ибо здоровье дѣвицъ при выборѣ играло очень важную роль, а слѣдовательно, голосъ докторовъ имѣлъ почти рѣшающее значеніе. Обращался Шихиревъ и къ царскому духовнику благовѣщенскому протопопу Андрею Савиновичу.

22 апрѣля во дворцѣ однимъ истопникомъ найдены были два подметныя письма и представлены Богдану Матв. Хитрово, который тотчасъ доложилъ ихъ государю. Эти письма, сколько можно догадываться, заключали въ себѣ какія-то измышленія, которыя должны были повредить Нарышкиной, а слѣдовательно принести пользу Бѣляевой. Алексѣй Михайловичъ сильно разгнѣвался на такое небывалое прежде *воровство*, чтобы подметывать столь непристойныя письма въ государевыхъ хоромахъ, и велѣлъ произвести строжайшее слѣдствіе. Тутъ сдѣлались извѣстными приведенныя сейчасъ слова и дѣйствія Шихирева. На дворѣ у него нашли еще подозрительныя травы. Его обвинили въ подметныхъ письмахъ и подвергли пыткамъ; но несчастный стоялъ на томъ, что въ сочиненіи этихъ писемъ онъ невиновенъ. Тогда стали разыскивать по приказамъ, сличая почерки дьяковъ и подьячихъ съ означенными письмами. Но и здѣсь виновника не открыли. Наконецъ, на Постельномъ крыльцѣ собрали всѣхъ наличныхъ служилыхъ людей, показывали имъ воровскія письма и сказали государевъ указъ, чтобы они «всякими мѣрами сыскивали» виновника, обѣщая большія награды тому, кто найдетъ и обличитъ вора. Но всѣ эти мѣры оказались напрасными: истинные виновники остались неизвѣстны.

Безпокойства и тревоги, произведенныя сими розысками и вообще царскими смотринами, возбудили недовольство среди служилыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, Кокоревъ, не скрываясь, говорилъ: «лучше бы (дворяне) своихъ дѣвицъ въ воду пересажали, нежели ихъ въ Верхъ къ смотру привозили»; слова его довели до свѣдѣнія государя. Можетъ-быть, въ этихъ словахъ сказалось и неудовольствіе вообще на самый сборъ дѣвицъ, когда выборъ царскій былъ уже предрѣшенъ заранѣе; о чемъ, наконецъ, догадались по ходу дѣла и особенно по той горячности, съ какою царь отнесся къ попыткѣ набросить тѣнь на его избранницу. Относительно главнаго виновника историкъ можетъ только оставить въ подозрѣніи того же Б. М. Хитрово. Это былъ одинъ изъ любимцевъ и приближенныхъ государя, который, конечно, не желалъ еще большаго возвышенія своего соперника по вліянію на царя. Едва ли можно объяснить случайностью, что письма были представлены именно Богдану Хитрову, а имъ государю. Извѣстно также, что на нихъ стояла над-

пись: «Артемошка»; отсюда ясно, противъ кого опи были направлены. А розыскъ, учиненный надъ Шихиревымъ, вѣроятно, послужилъ для отвода глазъ, такъ какъ съ самаго начала изъ царскаго гнѣва видно было, что интрига не удалась и что сердце Алексѣя Михайловича уже было отдано Натальѣ Кирилловнѣ.

Произведенныя сей интригой смущенія и передряги, однако, замедлили бракъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Государеву свадьбу сыграли только 22 января 1671 года, со всею царскою пышностію и съ соблюденіемъ обычныхъ обрядовъ. Вѣнчаніе, происходившее въ соборномъ Успенскомъ храмѣ, совершалъ духовникъ государя благовѣщенскій протопопъ Андрей Савиновичъ Постниковъ. Государь былъ одѣтъ при семъ въ бѣлую суконную ферязь па соболяхъ; а его бархатную двоеморхую шапку держалъ одинъ изъ стольниковъ (А. С. Шеинъ). За вѣнчаніемъ слѣдовали роскошные пиры для бояръ и всякихъ чиновъ людей, объявленные «безъ мѣстъ». Посажеными отцомъ и матерью были бояринъ князь Никита Ив. Одоевскій съ супругой Авдотьей Өедоровной, а тысяцкимъ грузинскій царевичъ Николай Давидовичъ; въ числѣ *сидячихъ* бояръ и боярынь находились со своими женами царевичи касимовскій Василій Араслановичъ и сибирскіе два брата, Алексѣй и Петръ Алексѣевичи. Межъ тѣмъ какъ въ числѣ гостей-бояръ находился старый дипломатъ бояринъ Аө. Лавр. Ордынъ-Нащокинъ, его преемникъ думный дворянинъ А. С. Матвѣевъ былъ товарищемъ боярина князя И. А. Воротынскаго у сѣнника (т.-е. спальни новобрачныхъ) — мѣсто скромное, но важное для предупрежденія какой-либо интриги со стороны недоброжелателей молодой царицы и его собственныхъ. А супруга его Авдотья Григорьевна и, по мужу Өедору Полуектовичу, тетка Натальи Кирилловны Авдотья Петровна находились въ числѣ комнатныхъ боярынь новобрачной царицы, и конечно также зорко охраняли ея спокойствіе и безопасность.

30 мая слѣдующаго 1672 года Наталья Кирилловна родила сына Петра. Алексѣй Михайловичъ былъ очень обрадованъ и праздновалъ это событіе большими пирами и милостями; между прочимъ Матвѣевъ, вмѣстѣ съ отцомъ молодой царицы, получилъ санъ окольничаго. Новорожденный царевичъ былъ окрещенъ въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ обѣдню служилъ архимандритъ Іоакимъ совмѣстно съ царскимъ духовникомъ Андреемъ. Воспріемниками были наслѣдникъ престола царевичъ Өеодоръ Алексѣевичъ и сестра государева царевна Ирина Михайловна. Мамкой къ младенцу Петру приставлена боярыня княгиня Ульяна Ивановна, вдова князя Ивана Васильевича Голицына.

Въ томъ же году дворцовыя записи впервые упоминаютъ, что въ селѣ Преображенскомъ «тѣшили великаго государя» иноземцы комидій-

нымъ дѣйствомъ. Знакомство съ театральными представленіями получалось при Московскомъ дворѣ двумя путями. Во-первыхъ, русскіе послы, бывавшіе при польскомъ и западно-европейскихъ дворахъ, разсказывали о видѣнныхъ ими театральныхъ потѣхахъ. Особенно въ этомъ отношеніи любопытенъ статейный списокъ дворянина Лихачова, который въ 1660 году былъ посломъ во Флоренціи и въ числѣ видѣнныхъ имъ диковинокъ описалъ театральныя представленія, дававшіяся при герцогскомъ дворѣ. Во-вторыхъ, присоединеніе Малороссіи, какъ извѣстно, повело къ болѣе близкому знакомству Москвичей съ образованностью Кіевской украйны, усвоившею многія черты польской и вообще западно-европейской культуры, въ томъ числѣ и театральныя зрѣлища. Таковыя зрѣлища были въ обычаѣ, напримѣръ, въ Кіево-Могилянской академіи. Межъ тѣмъ какъ въ Италіи и вообще въ Западной Европѣ театръ уже принималъ характеръ свѣтской драмы или комедіи, въ Польшѣ и въ Кіевской Руси онъ продолжалъ оставаться подобіемъ средневѣковыхъ мистерій и бралъ свое содержаніе преимущественно изъ библейскихъ, хотя бы и апокрифическихъ, повѣствованій. Въ этомъ видѣ онъ перешелъ и въ Москву на придворную сцену.

Молодая царица Наталья, по всѣмъ даннымъ, была веселаго нрава и охотно предавалась разнымъ забавамъ; а сильно любившій ее царь старался ей угождать. А. С. Матвѣевъ, какъ самый приближенный къ нимъ вельможа и притомъ почитатель европейскихъ обычаевъ, по всей вѣроятности, оказалъ главное вліяніе при заведеніи театра, о которомъ онъ могъ имѣть подробныя свѣдѣнія уже въ качествѣ начальника какъ Посольскаго, такъ и Малороссійскаго приказовъ. Ему и было поручено царемъ устройство всего этого предпріятія. Благочестивый государь предварительно заручился разрѣшеніемъ своего духовника протопопа Андрея: на вопросъ, можно ли Нѣмцамъ играть комедію во дворцѣ, духовникъ сослался на примѣръ византійскихъ императоровъ, которые забавлялись театральными зрѣлищами. Да и само библейское наставительное содержаніе сихъ зрѣлищъ не противорѣчило введенію ихъ при строго православномъ дворѣ. Въ Московской Руси среди торжественныхъ церковныхъ обрядовъ уже существовалъ одинъ, который, хотя и въ сокращенномъ видѣ, являлся подобіемъ средневѣковыхъ мистерій, именно такъ наз. «Пещное дѣйство»; оно въ лицахъ представляло повѣствованіе изъ книги пророка Даніила о трехъ отрокахъ, вверженныхъ въ огненную пещь повелѣніемъ Навуходоносора. Этотъ обрядъ, конечно, заимствованный изъ Византіи, совершался только въ тѣхъ городахъ, гдѣ были архіерейскія каѳедры, архіерейское служеніе.

Передъ Святками въ субботу во время заутрени посреди церкви ставили легкую переносную храмину, которая озарялась зажженною плаунъ-травой и должна была изображать вавилонскую пылающую печь. Три отрока, выбираемые вѣроятно изъ архіерейскаго хора, въ стихаряхъ и съ вѣнцами на головахъ вводились въ нее двумя такъ наз. халдеями, одѣтыми въ соотвѣтствующее платье. Деревянная рѣзная фигура, представлявшая ангела, посланнаго Господомъ, спускалась въ пещь; отроки оставались невредимы, а халдеи, какъ бы опаленные огнемъ, падали ницъ. Все это дѣйство сопровождалось разговоромъ между отроками и халдеями и пѣніемъ священныхъ псалмовъ.

Среди иноземцевъ, подчиненныхъ Посольскому приказу, находился пасторъ лютеранской церкви въ Новонѣмецкой слободѣ магистръ Іоганнъ-Готфридъ Грегори, очевидно, хорошо ознакомившійся съ театральнымъ дѣломъ еще въ бытность на родинѣ, т.-е. въ Германіи. Ему-то, конечно по указанію Матвѣева, и данъ былъ 4 іюня 1672 года царскій указъ «учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ Библіи книгу Эсфирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь». Такая хоромина была построена въ селѣ Преображенскомъ; расходы на нее отнесены на счетъ двухъ приказовъ, Володимирской и Галицкой четей, которыя тогда находились также въ вѣдѣніи Артамона Матвѣева. Комедійная труппа для сего придворнаго театра въ нѣсколько десятковъ человѣкъ была набрана изъ дѣтей подьячихъ и посадскихъ и отдана въ ученье пастору Грегори; онъ обучалъ ихъ, повидимому, съ помощью нѣкоторыхъ заѣзжихъ въ Москву или уже проживавшихъ здѣсь нѣмецкихъ актеровъ. Театральныя пьесы переводились въ Посольскомъ приказѣ съ Нѣмецкаго языка, а можетъ-быть, и съ Польскаго. Первыя представленія даны были въ Преображенскомъ; а затѣмъ устроена такая же комедійная палата при Кремлевскомъ дворцѣ, въ бывшихъ хоромахъ боярина Милославскаго, получившихъ по этому названіе «Потѣшнаго дворца». Смотря по мѣстопребыванію царя, представленія давались то тамъ, то здѣсь. Дѣйствія перемежались танцами и пѣснями нѣмецкихъ фигляровъ и нѣмецкимъ музыкальнымъ оркестромъ, въ которомъ участвовали помянутые выше дворовые А. С. Матвѣева. Царь сидѣлъ передъ сценой на особой скамьѣ; бояре и вообще ближніе люди, которыхъ онъ призывалъ, стояли; а царица съ царскимъ семействомъ смотрѣла изъ ложи, защищенной рѣшетчатой перегородкой.

По всей вѣроятности, не случайно первой пьесой на придворной сценѣ была поставлена, и не одинъ разъ, комедія, которая имѣла своимъ содержаніемъ извѣстный библейскій разсказъ, относившійся къ царю персидскому (Артаксерксу), его супругѣ Эсѳири, къ ея дядѣ Мардохею

и первому вельможѣ Аману. Въ этой пьесѣ современники легко могли приравнивать роли главныхъ дѣйствующихъ лицъ къ недавнимъ событіямъ и интригамъ, происходившимъ при Московскомъ дворѣ, по поводу второго государева брака. Роль Эсѳири напоминала положеніе Натальи Кирилловны, Мардохей—Матвѣева, Аманъ—Богдана Хитрово. За сей пьесой послѣдовалъ рядъ другихъ подобныхъ, т.-е. съ библейскими сюжетами, каковы: «Юдиѳь», «Товія Младшій», комедіи о прекрасномъ Іосифѣ, о царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ, о Блудномъ сынѣ, о царѣ Давидѣ и Соломонѣ; діалогъ Алексѣй Божій человѣкъ, сочиненный въ честь Алексѣя Михайловича, и т. д. Въ переводѣ и въ сочиненіи этихъ пьесъ принималъ дѣятельное участіе придворный проповѣдникъ и наставникъ знаменитый іеромонахъ Симеонъ Полоцкій. Его перу принадлежатъ именно комедіи о Навуходоносорѣ и Блудномъ сынѣ. Притомъ, какъ бывшій студентъ Кіево-Могилянской коллегіи, онъ обладалъ опытомъ въ подобныхъ драматическихъ упражненіяхъ и, вѣроятно, не мало помогалъ при ихъ устройствѣ въ Москвѣ.

Всѣ эти переводы и сочиненія совершались подъ непосредственнымъ руководствомъ царя. Онъ покровительствовалъ разнообразнымъ отраслямъ литературы и давалъ много работы переводчикамъ при Посольскомъ приказѣ. Они, между прочимъ, переводили научныя сочиненія по географіи (собственно, космографіи), риторики и фортификаціи; а въ особенности приготовляли выдержки изъ получавшихся при дворѣ иностранныхъ журналовъ и газетъ, нѣмецкихъ и голландскихъ; эти переводныя выдержки назывались вообще «куранты» (по имени одной иностранной газеты); по нимъ любознательный царь слѣдилъ за европейскими событіями и явленіями. Его интересъ къ исторіи, собственно Русской, выразился въ учрежденіи имъ особаго «Записного приказа» для «записыванія степени и грани царственные». Записной приказъ долженъ былъ продолжать «Степенную книгу» и, начиная съ Ѳеодора Іоанновича, описать царствованія до Алексѣя Михайловича включительно; а для того долженъ былъ предварительно собрать (преимущественно изъ монастырей) существовавшіе хронографы и лѣтописцы, похвальныя слова святымъ, повѣсти о военныхъ и церковныхъ событіяхъ, сдѣлать соотвѣтствующія выписки изъ Разрядныхъ и Посольскихъ книгъ. Этотъ приказъ порученъ былъ дьяку (Тимофею Кудрявцеву, потомъ Григ. Кунакову) и поставленъ въ непосредственную связь или зависимость отъ Тайнаго приказа. Но далѣе собиранія матеріаловъ онъ не пошелъ и существовалъ только около двухъ лѣтъ (1657—1659). Задачу его потомъ, по указу государя, исполнилъ дьякъ Ѳедоръ Грибоѣдовъ, который, сокративъ старую Степенную книгу, дополнилъ ее послѣдующими царствованіями и довелъ

повѣствованіе до 1667 года, озаглавивъ ее «Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли Русской». Царь не ограничивался тѣмъ, что задавалъ работы другимъ; по всѣмъ признакамъ, онъ принималъ личное участіе въ литературной дѣятельности своего времени. Уже то, что дошло до насъ отъ его обширной переписки и сокольничій «Урядникъ» свидѣтельствуютъ о его литературныхъ способностяхъ и любви къ книжному дѣлу. Но есть основаніе думать, что его собственному перу или по крайней мѣрѣ его собственной редакціи принадлежитъ еще «Сказаніе объ Успеніи Пресвятыя Богородицы»; по формѣ и по составу своему оно представляетъ отличія отъ другихъ подобныхъ сказаній.

На поприщѣ придворной литературы ближайшимъ сотрудникомъ царя явился его любимецъ Матвѣевъ. Вѣдая Посольскимъ приказомъ, онъ поручалъ его чиновникамъ составлять или переводить нѣкоторыя объяснительныя сочиненія, которыя и были исполнены съ помощью извѣстнаго Спаоарія. Таковы: «Хрисмологіонъ—сирѣчь книга переченословная» (толкованіе сна Навуходоносорова о четырехъ монархіяхъ, о Магометѣ, Антихристѣ и пр.); потомъ «Василіологіонъ» (о царяхъ ассирійскихъ, персидскихъ, еврейскихъ, греческихъ и пр.). Далѣе слѣдуютъ: «Титулярникъ» заключавшій обзоръ Русской исторіи и внѣшнихъ сношеній, Книга объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова, Родословная Московскихъ государей и др. Всѣ эти книги были иллюстрированы, т.-е. снабжены рисунками при помощи царскихъ иконописцевъ ([43]).

Престарѣлый Іоасафъ II правилъ Русскою церковью до 1672 года. Преемникомъ его былъ новгородскій митрополитъ Питиримъ, который свое кратковременное патріаршество не отмѣтилъ никакимъ особымъ дѣяніемъ. Въ 1674 году, послѣ его кончины, на патріаршемъ престолѣ явился человѣкъ недюжиннаго ума и характера, Іоакимъ. Онъ происходилъ изъ рода можайскихъ дворянъ Савеловыхъ; въ молодыхъ лѣтахъ служилъ въ московскомъ войскѣ, стоявшемъ на юго-западныхъ предѣлахъ. Овдовѣвъ, онъ покинулъ военную службу и ушелъ въ украинскій Межигорскій монастырь, гдѣ и постригся. Здѣсь на Украйнѣ онъ, повидимому, ознакомился съ кіевскою школьною ученостію. Патріархъ Никонъ почему-то зналъ монаха Іоакима, вызвалъ его изъ Межигорскаго монастыря и сдѣлалъ строителемъ вновь основанной имъ Иверской обители на островѣ Валдаѣ. Конечно по желанію Никона; онъ былъ нѣкоторое время строителемъ въ его Воскресенскомъ монастырѣ или Новомъ Іерусалимѣ, затѣмъ въ Андреевскомъ, по просьбѣ Θедора Ртищева, при устроенномъ тамъ братствѣ. По желанію царя, Іоакимъ

перешелъ оттуда въ Новоспасскій монастырь на должность келаря, а затѣмъ поставленъ архимандритомъ знаменитаго Чудова монастыря. Въ этомъ званіи онъ принималъ видное участіе въ дѣлѣ Никона. Уваженіе, которое питалъ Алексѣй Михайловичъ къ Іоакиму, сказалось особенно на дальнѣйшемъ его возвышеніи. Когда Питиримъ изъ Новгорода былъ переведенъ на патріаршій престолъ, на Новгородскую митрополію былъ посвященъ Іоакимъ; а когда Питиримъ скончался, Іоакимъ и теперь занялъ его мѣсто, имѣя не болѣе пятидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду и находясь въ полномъ развитіи своихъ силъ. Это былъ первый изъ высшихъ московскихъ іерарховъ, если не получившій образованіе въ кіевскихъ школахъ, то по крайней мѣрѣ близко знакомый съ ними; можетъ-быть, благодаря именно сему обстоятельству, онъ является потомъ однимъ изъ духовныхъ писателей своего времени и борцовъ противъ церковнаго раскола. Означенное знакомство не помѣшало ему (а можетъ-быть, и побудило его) проявить особую ревность по охранѣ русскаго православія отъ сильныхъ въ то время латино-польскихъ вліяній. Въ отношеніи къ подчиненному себѣ духовенству онъ былъ строгъ и съ согласія Освященнаго собора издалъ указы противъ нѣкоторыхъ возникавшихъ обычаевъ, несогласныхъ съ прежними правилами; напримѣръ, запрещалъ вдовымъ попамъ у кого-либо на дому исповѣдывать, крестить, давать молитвы роженицамъ и т. п. Запрещалъ также въ подмосковныхъ боярскихъ вотчинахъ новопостроенныя церкви освящать безъ присылки изъ Москвы соборнаго протопопа, ключарей и дьяконовъ. Свою строгость по отношенію къ священникамъ онъ распространилъ и на царскаго духовника, несмотря на его привилегированное положеніе.

Въ началѣ царствованія Алексѣя мы видѣли, какъ его духовникъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ смѣло препирался съ патріархомъ Іосифомъ по вопросу о единогласіи и другихъ исправленій въ церковной службѣ, и царь держалъ сторону своего духовника. А въ концѣ царствованія видимъ распрю преемника сего послѣдняго протопопа Андрея Савиновича Постникова съ патріархомъ Іоакимомъ. Впрочемъ, эта распря имѣла чисто личные поводы. Очевидно, духовникъ зазнался и показывалъ строптивость въ отношеніи патріарха. Послѣдній обвинилъ его не только въ неповиновеніи, но и въ зазорномъ поведеніи, а именно мздоимствѣ, пьянствѣ и даже прелюбодѣяніи, за что хотѣлъ его судить. Андрей Савиновичъ не смирялся. Но Іоакимъ характеромъ не походилъ на Іосифа; онъ велѣлъ взять протопопа и посадить на цѣпь для смиренья. Это было въ первыхъ числахъ ноября 1674 года. Государь находился за городомъ, въ селѣ Преображенскомъ. Духовникъ

не поддался патріаршему велѣнію и послалъ своего сына стольника Ивана Постникова къ царю съ мольбою о заступничествѣ. Алексѣй Михайловичъ на другой же день воротился въ столицу и призвалъ къ себѣ патріарха; но тщетно просилъ его за своего духовника. Іоакимъ, обвиняя Андрея въ названныхъ выше дѣяніяхъ, запретилъ ему священнодѣйствовать, благословлять и исповѣдывать, пока его дѣло не будетъ разсмотрѣно на соборѣ. Недѣли двѣ спустя, царь отправился опять въ село Преображенское, и, опасаясь, чтобы патріархъ не прибѣгъ къ насилію, приказалъ поставить на дворѣ у своего духовника караулъ изъ 20 стрѣльцовъ, которые бы никого къ нему не допускали безъ особаго указу. Прошло еще около мѣсяца. За нѣсколько дней до Рождественскаго праздника царь опять призвалъ патріарха и едва, наконецъ, упросилъ, чтобы тотъ простилъ протопопа Андрея и разрѣшилъ ему священнодѣйствовать. Тогда протопопъ, по приказу государя, снова «въ верхъ въѣхалъ», т.-е. сталъ отправлять свои обязанности во дворцѣ. Такъ Алексѣй Михайловичъ умѣлъ чтить и благодѣтельствовать приближенныхъ къ нему людей.

Посмотримъ, кто были самые крупные сотрудники государя на военномъ и гражданскомъ поприщѣ, кромѣ извѣстнаго временщика Б. И. Морозова, о которомъ достаточно говорилось выше.

Наиболѣе популярнымъ, т.-е. народнымъ любимцемъ, былъ двоюродный царскій дядя Никита Ивановичъ Романовъ, который по своему положенію могъ бы играть самую видную роль послѣ царя. По всѣмъ признакамъ, онъ обладалъ пріятнымъ, привѣтливымъ нравомъ, но не отличался ни дѣятельностію, ни честолюбіемъ. Знаемъ только, что онъ былъ поклонникъ иноземныхъ обычаевъ и свою дворню даже одѣлъ въ нѣмецкое платье, за что очень косился на него патріархъ Никонъ. А главное, Иванъ Никитичъ былъ не долговѣченъ; онъ умеръ въ 1655 году, не оставивъ послѣ себя дѣтей. Любопытно вообще то обстоятельство, что послѣ Б. И. Морозова мы не видимъ, чтобы выдающимся вліяніемъ въ Боярской думѣ, а тѣмъ менѣе въ ближнемъ царскомъ совѣтѣ пользовались люди наиболѣе родовитые, т.-е. представители знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій. Кромѣ недостатка талантовъ и характеровъ съ ихъ стороны, тутъ, конечно, дѣйствовала и самая правительственная система Алексѣя Михайловича, ревниво относившагося и къ своей самодержавной власти, и къ старымъ боярскимъ преданіямъ. Наружно онъ однако поддерживалъ съ этой средой весьма дружелюбныя и даже отеческія отношенія. Важнѣйшими дѣятелями изъ сей среды являются князья А. Н. Трубецкой, Ю. А. Долгорукій, Г. Г. Ромодановскій, Н. И. Одоевскій и нѣкоторые изъ Шереметевыхъ.

Бояринъ и дворецкій князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой въ качествѣ самаго заслуженнаго московскаго полководца выдвигался, собственно, въ первую половину царствованія. Но Конотопское пораженіе омрачило его воинскую славу, и старикъ немногими годами ее пережилъ († 1663 г.). Его значеніе перваго воеводы перешло къ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому, также одному изъ самыхъ заслуженныхъ московскихъ бояръ. Послѣдній отличился въ войнахъ съ Поляками и при усмиреніи мятежа, поднятаго Стенькою Разинымъ; а въ мирное время начальствовалъ разными приказами. Какъ извѣстно, при изданіи Уложенія на Земскомъ Соборѣ 1649 года онъ предсѣдательствовалъ въ палатѣ выборныхъ людей. О его рѣшительномъ характерѣ и преданности государю существуетъ слѣдующее, хотя и не совсѣмъ достовѣрное, преданіе. Однажды царскій духовникъ (неизвѣстный по имени) ради посула ходатайствовалъ о помилованіи какого-то дворянина, который убилъ собственнаго брата и его жену. Царь отказалъ; тогда духовникъ отлучилъ его отъ св. причастія. Алексѣй Михайловичъ обратился къ патріарху Никону; тотъ принялъ сторону духовника. Узнавъ, что царь очень тѣмъ опечаленъ, князь Ю. А. Долгорукій, несмотря на то, что лежалъ больной подагрой, поспѣшилъ къ духовнику и, угрозой немедля сковать его и отослать на заточеніе въ Соловки, принудилъ его разрѣшить и причастить царя. Патріархъ такъ былъ разгнѣванъ на Долгорукаго, что бранилъ его и даже проклиналъ. Во всякомъ случаѣ этотъ князь явился въ числѣ тѣхъ бояръ, которые наиболѣе способствовали паденію и осужденію Никона. Ю. А. Долгорукій до конца сохранялъ особое къ себѣ уваженіе со стороны Алексѣя I. Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій своими воинскими заслугами особенно выдавался среди бояръ того времени. По замѣчанію одного современника (Павла Потоцкаго), онъ владѣлъ большою физическою силою, свирѣпымъ характеромъ и львинымъ мужествомъ; но искуснымъ полководцемъ его нельзя было назвать. Извѣстно, что онъ долгое время служилъ бѣлгородскимъ воеводою и принималъ самое дѣятельное участіе въ борьбѣ съ Поляками за Малороссію, а потому пользовался особымъ расположеніемъ ея населенія.

Князь Никита Ивановичъ Одоевскій наоборотъ отличался не на военномъ, а на гражданскомъ поприщѣ. Такъ мы видѣли его главнымъ лицомъ въ законодательной комиссіи по составленію Уложенной книги. Позднѣе мы встрѣчаемъ его исполняющимъ посольскія обязанности, особенно при переговорахъ съ Поляками. Царь не былъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ, однако оказывалъ ему и его семьѣ милостивое вниманіе и расположеніе. Такъ по поводу смерти его

сына, Михаила Никитича, сердобольный царь написалъ отцу (бывшему тогда, въ 1653 г., казанскимъ воеводою) самое сердечное и трогательное посланіе. Тутъ онъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи сыновей князя Никиты, именно Өедора и Михаила, въ ихъ подмосковномъ селѣ Вешняковѣ. Они потчивали царственнаго гостя и ударили ему челомъ, чтобы принялъ отъ нихъ темносѣраго жеребца. «Развѣ я за тѣмъ къ вамъ пріѣхалъ, чтобы васъ грабить?»—молвилъ царь. Но, по слезному ихъ прошенію, принялъ подарокъ. Затѣмъ царь поѣхалъ съ ними тѣшиться (охотиться) въ сосѣднія рощи Карачаровскія, а на ночь пріѣхалъ въ Покровское. Здѣсь во время ужина князь Михаилъ сталъ жаловаться на страшную головную боль. А къ утру онъ уже лежалъ въ горячкѣ, отъ которой скоро и умеръ. Описывая все это отцу, царь старается утѣшать его и совѣтуетъ не слишкомъ скорбѣть, чтобы не прогнѣвить Бога. «Вѣдаешь самъ, что Богъ все на лучшее намъ строитъ, а взялъ его въ добромъ покаяніи». Въ заключеніе онъ извѣщаетъ: князю Өедору «на выносъ и на погребальная я послалъ, сколько Богъ изволилъ», ибо «провѣдалъ про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня никого у васъ нѣтъ». Отсюда можно заключить, что семья Н. Ив. Одоевскаго не отличалась большимъ богатствомъ; хотя онъ былъ женатъ на Евдокіи Өедоровнѣ, дочери извѣстнаго боярина Өедора Ивановича Шереметева, который большую часть своего огромнаго состоянія оставилъ именно внукамъ своимъ Одоевскимъ (Ө. И. Шереметевъ умеръ въ 1650 г. монахомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря). О князѣ Никитѣ Ив. Одоевскомъ мы имѣемъ отзывъ польскаго плѣнника (Павла Потоцкаго), какъ объ одномъ изъ наиболѣе образованныхъ московскихъ вельможъ: онъ любилъ книжныя занятія и былъ свѣдущъ въ Польской исторіи.

Среди родственной кн. Одоевскому многочисленной фамиліи Шереметевыхъ бояринъ Василій Борисовичъ особенно отличался военными талантами, вообще обычными въ этой фамиліи. По отзыву того же польскаго наблюдателя, при Московскомъ дворѣ будто бы недостаточно цѣнили таланты Василія Борисовича. Но, какъ извѣстно, своей излишней отвагой и неосторожностью онъ погубилъ цѣлое войско подъ Чудновымъ въ 1660 году, и послѣ того долгое время томился въ татарскомъ плѣну. Старшимъ въ родѣ Шереметевыхъ въ первую половину Алексѣева царствованія является бояринъ Василій Петровичъ, который былъ казанскимъ воеводою во время путешествія Олеарія и котораго сей послѣдній хвалитъ за его обходительность, гостепріимство и уваженіе къ иноземнымъ обычаямъ. Во время первой Польской войны Василій Петровичъ явился въ числѣ главныхъ и наиболѣе удачливыхъ

московскихъ воеводъ. У него было два сына, Петръ и Матвѣй. Младшій, Матвѣй, въ пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ пошелъ дальше отца и даже брилъ бороду; за что подвергся сильнымъ укоризнамъ отъ извѣстнаго протопопа Аввакума. Во время войны со Шведами въ Лифляндіи онъ былъ смертельно раненъ, сражаясь впереди своего отряда подъ Валкомъ (1657 г.). А старшій Петръ, неотстававшій отъ другихъ бояръ въ ратныхъ подвигахъ и гражданскихъ дѣлахъ, по словамъ того же Поляка, «надутый своею длинной родословной, отличался необыкновенною гордостью и высокомѣріемъ», по этому былъ несносенъ. (Онъ заслуживаетъ вниманія исторіи и какъ отецъ будущаго фельдмаршала графа Бориса Петровича). Замѣчательно вообще то обстоятельство, что среди московскаго боярства мы видимъ много храбрыхъ воеводъ, но почти не находимъ искусныхъ полководцевъ, всегда стоявшихъ на высотѣ своихъ задачъ. Въ этомъ отношеніи особенно типичнымъ является кн. Ив. Андр. Хованскій. Не менѣе П. В. Шереметева напыщенный знатностію своего рода, онъ отличался большою храбростью, но вмѣстѣ большою запальчивостью и опрометчивостію, а потому прославился не побѣдами, а своими пораженіями (по замѣчанію Мейерберга). Народъ далъ ему прозваніе Тараруя; а царь прямо называлъ его (въ письмахъ своихъ) дуракомъ, и тѣмъ не менѣе довѣрялъ ему ратное начальствованіе!

Наиболѣе вліятельными вельможами и прямыми совѣтниками Алексѣя I являются именно люди незнатнаго происхожденія, каковы: Б. М. Хитрово, Ѳ. М. Ртищевъ, А. Л. Ордынъ-Нащокинъ и А. С. Матвѣевъ. Любопытно, что всѣ они болѣе или менѣе были наклонны къ уваженію европейской культуры, то-есть могутъ быть названы западниками того времени. Бояринъ и оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, по отзыву иностранцевъ, былъ человѣкъ привѣтливый, охотно ходатайствовавшій передъ царемъ за бѣдныхъ и несчастныхъ. Столкновеніе его съ Никономъ однако обнаружило въ немъ характеръ рѣшительный и упорный; а извѣстія о второмъ бракѣ царя бросаютъ свѣтъ на его наклонность къ интригѣ. Однако послѣднее обстоятельство не умалило его придворнаго значенія, и онъ до конца сохранилъ довѣріе и благоволеніе Алексѣя Михайловича. Очевидно онъ былъ ловкій царедворецъ, хорошо изучившій придворныя пружины и личныя свойства царя и умѣвшій ими пользоваться. Инымъ характеромъ отличался любимый царскій постельничій, а потомъ окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, человѣкъ очень добрый, безхитростный и—что особенно рѣдко въ то время—безкорыстный. Онъ былъ большой любитель книжнаго дѣла, и, какъ извѣстно, основалъ на свой счетъ подъ Москвой въ Преображенской

пустынѣ монашествующее литературное братство, для котораго вызвалъ изъ Кіева ученыхъ старцевъ, съ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ, и поручилъ имъ переводы книгъ съ греческаго языка. Кромѣ того, основалъ загородное убѣжище для бѣдныхъ и больныхъ; вообще тратилъ свои средства преимущественно на дѣла благотворенія и былъ попечительнымъ отцомъ для своихъ крестьянъ. А своими благоразумными совѣтами онъ, говорятъ, не разъ сдерживалъ порывы такихъ временщиковъ, какъ Морозовъ и Никонъ. Приписываемый ему извѣстный проектъ о выпускѣ мѣдныхъ денегъ по цѣнѣ равной серебрянымъ, хотя на практикѣ и потерпѣлъ неудачу и породилъ разныя бѣдствія, однако (если дѣйствительно ему принадлежалъ) указываетъ на его понятія о государственномъ кредитѣ и на его финансовую изобрѣтательность. Царь, очень его любившій и уважавшій, ввѣрилъ ему воспитаніе наслѣдника престола Алексѣя Алексѣевича. Ранняя кончина царевича удручающимъ образомъ повліяла на слабое и безъ того здоровье Ртищева. Онъ умеръ въ 1673 году, не достигнувъ еще 50 лѣтъ.

Съ дѣятельностью и характеромъ «большой печати и великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя» Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина мы достаточно ознакомились при обозрѣніи событій сего царствованія и видѣли, что, при всѣхъ своихъ заслугахъ какъ воеводы и дипломата, онъ не отличался ни политической прозорливостью, ни добрымъ нравомъ, такъ что въ концѣ концовъ утратилъ довѣріе царя и уступилъ мѣсто болѣе мягкому и дальновидному Артамону Сергѣевичу Матвѣеву. Сей послѣдній въ политикѣ слѣдовалъ инымъ воззрѣніямъ чѣмъ его предшественникъ по отношенію къ сосѣдямъ, т.-е. Польшѣ и Швеціи. А въ придворной сферѣ онъ до конца держалъ себя скромно и по возможности старался не задѣвать спѣси высокородныхъ вельможъ. Только въ октябрѣ 1674 года, спустя нѣсколько дней послѣ крестинъ новорожденной царевны Ѳеодоры Алексѣевны, Матвѣевъ изъ окольничьихъ былъ пожалованъ въ бояре. Въ слѣдующемъ году, по извѣстію Дворцовыхъ Разрядовъ, А. С. Матвѣевъ „челомъ ударилъ", т.-е. поднесъ любопытные дары государю и царевичамъ, свидѣтельствующіе о его пристрастіи къ иноземнымъ предметамъ. А именно: государю поднесъ нѣмецкую карету, темнаго цвѣта съ хрустальными окнами и раздвижнымъ верхомъ, запряженную шестью темносѣрыми конями; а наслѣднику престола Ѳедору Алексѣевичу карету, обитую краснымъ бархатомъ, запряженную шестью рыже-пѣгихъ коней въ красивой сбруѣ, съ нѣмецкими перьями на головахъ, кромѣ того, нѣмецкую библію „въ лицахъ" (т.-е. иллюстрированную) и клавикорды съ нотами. Трехлѣтнему Петру Алексѣевичу онъ поднесъ маленькую

карету съ четырьми конями, да рыжаго иноходца съ аксамитной попоной и нѣмецкимъ мундштукомъ.

Этотъ трехлѣтній царевичъ уже тогда обнаруживалъ свой живой, подвижной характеръ. О томъ свидѣтельствуетъ между прочимъ эпизодъ, разсказанный секретаремъ Австрійскаго посольства (Лизекомъ). Торжественный пріемъ пословъ Боттони и Гусмана происходилъ въ Коломенскомъ дворцѣ. Царь устроилъ такъ, чтобы Наталья Кирилловна могла смотрѣть на этотъ пріемъ изъ сосѣдней комнаты въ дверное отверстіе. Вдругъ маленькій Петръ отворилъ дверь и произвелъ не малое смущеніе, открывъ присутствіе своей матери.

Что касается Матвѣева, то никакія угожденія наслѣднику, никакія государственныя заслуги не могли избавить его отъ ненависти со стороны потомства Марьи Ильиничны Милославской, ея многочисленныхъ родственниковъ и свойственниковъ, оттѣсненныхъ на второй планъ бракомъ царя съ Нарышкиной. А такъ какъ престолъ долженъ былъ перейти къ сыну Марьи Ильиничны, то естественно, съ какой затаенной враждой къ Нарышкинымъ и Матвѣеву его противники ждали своего времени. И это время наступило скорѣе, чѣмъ можно было думать на основаніи обычныхъ человѣческихъ расчетовъ.

Отъ Марьи Ильиничны Алексѣй Михайловичъ имѣлъ пять сыновей и восемь дочерей. Старшій сынъ Димитрій умеръ еще въ младенческихъ лѣтахъ (въ 1651). Второй сынъ, Алексѣй, получилъ хорошее образованіе подъ руководствомъ Ѳ. М. Ртищева и, говорятъ, обнаруживалъ прекрасныя способности. Прошло уже около двухъ съ половиной лѣтъ со времени торжественнаго объявленія его наслѣдникомъ престола, какъ вдругъ онъ скончался, имѣя только 16 лѣтъ отъ роду, въ январѣ 1670 года, къ великому огорченію царя и народа (Еще прежде него умеръ третій царевичъ Симеонъ). Замѣчательно, что вообще сыновья Марьи Ильиничны были болѣзненны и недолговѣчны; трудно сказать, коренилась ли причина тому въ плохомъ здоровьѣ самой матери или въ ихъ противугигіеничномъ воспитаніи, т.-е. въ слишкомъ замкнутомъ образѣ жизни, въ недостаткѣ движенія и свѣжаго воздуха; на что именно указывали придворные медики-иностранцы. Можетъ-быть, отчасти въ томъ и другомъ. За Алексѣемъ Алексѣевичемъ слѣдовалъ царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ. Онъ получилъ тщательное образованіе подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго.

Перваго сентября 1674 года, въ новый годъ по стилю того времени, происходилъ обычный царскій выходъ въ Успенскій соборъ, откуда царь отправился на Красную площадь, сопровождаемый высшимъ духо-

венствомъ, боярами и войскомъ. На сей разъ выходъ совершался съ особою торжественностію, потому что на немъ царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ былъ самимъ государемъ объявленъ народу какъ наслѣдникъ престола, съ высоты Лобнаго мѣста. Отсюда процессія направилась въ Архангельскій соборъ. Тутъ около собора находились сыновья малороссійскаго гетмана Самойловича, резиденты польскій и датскій. Имъ также объявили царевича, и государь велѣлъ сказать, чтобы они отписали о томъ съ нарочными гонцами въ свои государства. Затѣмъ послѣдовали царскіе пиры и пожалованія думныхъ, придворныхъ и служилыхъ людей прибавкою помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ. Старшій дядька царевича, бояринъ князь Ѳ. Ѳ. Куракинъ награжденъ денежнымъ подаркомъ въ 150 руб., а младшій дядька думный дворянинъ Ив. Богд. Хитрово былъ произведенъ въ окольничіе. На другой день во всѣ города къ воеводамъ отправлены были царскія извѣстительныя грамоты, которыя велѣно громогласно читать передъ всѣми служилыми и посадскими людьми.

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича его довольно многочисленная семья состояла, кромѣ второй супруги, изъ слѣдующихъ членовъ. Вопервыхъ, три царевича, Ѳедоръ и Іоаннъ отъ первой супруги и маленькій Петръ отъ второй. Вовторыхъ, шесть дочерей Марьи Ильиничны: Евдокія, Марѳа, Софья, Екатерина, Марія, Ѳеодосія; да двѣ дочери Натальи Кирилловны: Наталья и Ѳеодора. Были еще живы и три сестры Алексѣя Михайловича: Ирина, Анна и Татьяна Михайловны.

Алексѣй I только что достигъ зрѣлаго возраста (47-й годъ). Благодаря его воздержности и хорошему сложенію, можно было надѣяться еще на продолжительное царствованіе. Его пріятное румяное лицо, окаймленное подстриженными въ кружокъ русыми волосами и окладистою бородою, и его свѣтлые глаза отражали не только мягкую, добрую душу, но, повидимому, указывали и на цвѣтущее здоровье. Воздержность его особенно выражалась строгимъ соблюденіемъ постовъ. По свидѣтельству одного иноземца (Рейтенфельса), во все время великаго поста Алексѣй не пилъ вина и не ѣлъ рыбы. Но какой-то, можетъ-быть наслѣдственный, недугъ подточилъ его организмъ; несмотря на дѣятельный образъ жизни, онъ началъ страдать излишнею полнотою или ожиреніемъ, а потому сдѣлался менѣе подвиженъ. Хотя выѣзды его въ подмосковныя села и монастыри были все также часты; но эти выѣзды или „походы“ въ послѣдніе годы, судя по дворцовымъ записямъ или „разрядамъ“, онъ совершалъ уже не верхомъ, а сидя въ каретѣ, запряженной шестерней. А потому, когда въ январѣ 1676 года царь простудился и серьезно занемогъ, организмъ

его недолго боролся съ болѣзнію. Среди придворныхъ медиковъ-иностранцевъ очевидно не нашелся настолько искусный, чтобы помочь ему въ этой борьбѣ. Впрочемъ, по словамъ сихъ докторовъ, царь отказывался принимать ихъ лѣкарства, а при сильномъ своемъ жарѣ пилъ очень холодный квасъ и приказывалъ класть ему на животъ толченый ледъ; чѣмъ скоро сдѣлалъ свое положеніе безнадежнымъ. Чувствуя приближеніе кончины, Алексѣй учинилъ всѣ нужныя распоряженія, пріобщился св. Таинъ, соборовался, въ присутствіи патріарха благословилъ на царство своего сына Θеодора, поручилъ ему и нѣсколькимъ избраннымъ боярамъ беречь маленькаго царевича Петра (какъ бы сознавая его опасное положеніе), велѣлъ освободить многихъ узниковъ изъ темницы, простить царскихъ должниковъ, заплатить за частныхъ и т. п. Второй царь изъ дома Романовыхъ скончался въ ночь съ 29 на 30 января. Поутру тѣло его, положенное въ гробъ и покрытое серебряною объярью, комнатные стольники снесли изъ дворца въ сани, обитыя червленымъ бархатомъ; гробъ и сани закрыли золотымъ аксамитнымъ покровомъ, и всѣ стольники, перемѣняясь, понесли ихъ въ Архангельскій соборъ, предшествуемые патріархомъ, архіереями и архимандритами съ государевыми и патріаршими пѣвчими. А за гробомъ несли въ креслахъ Θеодора Алексѣевича (больного ногами); за нимъ шли бояре, думные люди и всѣ придворные чины въ траурномъ платьѣ. Потомъ въ носилкахъ, устроенныхъ на подобіе саней, дворяне несли царицу Наталью Кирилловну; голова ея, окутанная чернымъ покрываломъ, склонилась на грудь какой то знатной женщины (эту черту узнаемъ изъ иностраннаго свидѣтельства какъ и относительно Евдокіи Лукьяновны). За нею слѣдовали царевны, боярыни и прочіе чины женскаго пола.

По совершеніи литургіи и надгробнаго пѣнія всѣ придворные и служилые люди съ великимъ плачемъ цѣловали руку почившаго и „прощались“ съ нимъ. Онъ былъ погребенъ на правой сторонѣ собора подлѣ гроба царевича Алексѣя Алексѣевича. Народъ, наполнявшій Кремль, оплакивалъ его непритворными слезами, и эта искренняя народная любовь, засвидѣтельствованная очевидцами - иностранцами, служила самою краснорѣчивою похвалою и наилучшимъ памятникомъ Тишайшему царю.

О благодушіи и живыхъ способностяхъ Алексѣя I равно отзываются и русскія, и иностранныя свидѣтельства. Это благодушіе однако не мѣшало ему быть очень вспыльчивымъ и весьма впечатлительнымъ. А въ гнѣвѣ на кого-нибудь онъ иногда давалъ волю своимъ рукамъ. Но гнѣвъ и раздраженіе скоро проходили, и тогда царь старался ласками и милостями вознаградить потерпѣвшаго. Если чего недоставало ему,

такъ это твердости воли и выдержки характера. Отсюда нерѣдко замѣчались нерѣшительность и колебанія въ дѣйствіяхъ, въ личныхъ отношеніяхъ и правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Самымъ яркимъ примѣромъ тому служитъ исторія Никона, дружбою съ которымъ царь сначала увлекался до крайности, а потомъ цѣлыя восемь лѣтъ колебался и медлилъ принять рѣшительныя мѣры, въ ущербъ церковнымъ и государственнымъ потребностямъ. Политическія ошибки и промахи первыхъ 10—12 лѣтъ объясняются преимущественно юностью и малоопытностью царя; таковы въ особенности несвоевременныя перемиріе съ Поляками и объявленіе войны Шведамъ, рѣшенныя по личному усмотрѣнію безъ совѣта съ великою Земскою Думою, имѣвшія бѣдственныя послѣдствія и приведшія къ освобожденію только половины, а не цѣлой Украйны. На эти промахи не мало вліяла и несчастная мечта о Польской коронѣ, т.-е. о неестественномъ соединеніи всей Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ. Во вторую половину царствованія, когда государь пріобрѣлъ болѣе опытности и сталъ разборчивѣе въ выборѣ совѣтниковъ, многое было исправлено и упорядочено какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Только начавшійся Церковный расколъ не удалось обуздать, несмотря на строгія, даже жестокія мѣры. Въ этомъ случаѣ царь проявилъ также много колебаній и нерѣшительности, а въ концѣ концовъ вступилъ на путь гоненій, вызвавшихъ рѣзкія проявленія фанатизма со стороны крайнихъ поборниковъ старины и противниковъ всякихъ новшествъ. При всемъ своемъ религіозномъ благочестіи и строгомъ православіи, Алексѣй I можетъ быть причисленъ къ числу русскихъ западниковъ своего времени, т.-е. поборниковъ европейской матеріальной культуры. Да иначе не могло и быть: русскій государь долженъ былъ ясно сознавать превосходство этой культуры и государственную потребность ея постепеннаго введенія въ русскую жизнь; ибо безъ нея немыслимы были политическое могущество и экономическое преуспѣяніе. Столкновенія съ западными сосѣдями, Поляками и Шведами, слишкомъ наглядно о томъ напоминали.

Въ своей правительственной дѣятельности Алексѣй I является очень крупнымъ представителемъ государственной централизаціи и самодержавнаго строя, который онъ окончательно укрѣпилъ; такъ что при немъ замерли отголоски Смутнаго времени, проявившіеся въ движеніяхъ посадскомъ, крестьянскомъ и особенно казацкомъ. Вмѣстѣ съ этимъ строемъ однако подвинулось впередъ и закрѣпощеніе крестьянскаго люда, которое было слѣдствіемъ извѣстнаго историческаго процесса и, если можетъ быть поставлено въ вину, то не какимъ-либо отдѣльнымъ личностямъ, а развѣ всему военному боярско-дворянскому сословію.

30*

Разумѣется, успѣхи самодержавнаго строя главнымъ образомъ опирались на народное ему сочувствіе, т.-е. на сочувствіе со стороны народа сильной правительственной власти, которая обезпечивала нашу національную самобытность и побѣду надъ враждебными сосѣдями. Но ближайшимъ основаніемъ для народной любви къ Алексѣю I служилъ его чисто русскій обликъ, наружный и внутренній. Онъ жилъ общею жизнію, общими чувствами и помыслами со своимъ народомъ, и окружалъ себя коренными русскими людьми. Между прочимъ, онъ былъ чуждъ попыткамъ своего знаменитаго дѣда, Филарета Никитича, возвысить блескъ новой династіи родственными связями съ европейскими царствовавшими домами; обѣ его супруги были взяты изъ чисто русской семьи, а слѣдовательно, могли только поддерживать и укрѣплять тѣсное единеніе царя съ народомъ. Вообще тишайшій Алексѣй I ближе чѣмъ кто-либо подошелъ къ народному представленію о русскомъ царѣ и самодержцѣ, въ которомъ нашъ народъ склоненъ видѣть существо нестолько величественное и грозное, сколько ласковое и щедрое—однимъ словомъ подобіе князя Владиміра *Красное Солнышко*, Да едва ли и само былинное представленіе о семъ послѣднемъ не выработалось окончательно съ участіемъ народныхъ впечатлѣній, полученныхъ отъ свѣтлой личности царя Алексѣя ([43]).

Для знакомства съ эпохою Алексѣя I имѣемъ, во-первыхъ, богатые источники, заключающіеся въ нашихъ государственныхъ архивахъ. Во-вторыхъ, до насъ дошли многія и любопытныя записки иностранцевъ, на которыя отчасти мы указывали выше (Павелъ Алеппскій, Мейербергъ, Карлейль, Павелъ Потоцкій, Рейтенфельсъ, Коллинсъ, фанъ-Кленкъ, Лизекъ и пр.). Въ-третьихъ, мы имѣемъ объ этой эпохѣ нѣкоторыя современныя ей сочиненія славяно-русскія. Между ними наиболѣе замѣчательныя принадлежатъ Григорію Котошихину и Юрію Крижаничу.

Котошихинъ служилъ подьячимъ въ Посольскомъ приказѣ, и тутъ, какъ человѣкъ даровитый и наблюдательный, онъ могъ развить свой умственный кругозоръ, присматриваясь къ сношеніямъ Москвы съ иностранцами и даже входя въ непосредственное знакомство съ сими послѣдними. Это развитіе сильно подвинулось впередъ, когда ему пришлось участвовать въ посольскихъ съѣздахъ въ свитѣ русскихъ пословъ, которые вели переговоры о мирѣ прежде съ Поляками, а потомъ со Шведами. Такъ онъ участвовалъ въ 1658—1661 гг. въ переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію Кардисскаго мира со Швеціей. Въ это время случилась съ нимъ служебная непріятность. Въ 1660 году

русскіе послы Ордынъ-Нащокинъ съ товарищи посылали изъ Дерпта въ Москву донесенія о ходѣ переговоровъ. Въ одномъ изъ такихъ донесеній, писанныхъ подьячимъ Котошихинымъ, случился пропускъ: вмѣсто «Великаго Государя» было написано только «Великаго», а «Государя» пропущено. За такое упущеніе послы получили выговоръ, а подьячій битъ батогами; каковое обстоятельство впрочемъ не имѣло дурного вліянія на его служебное положеніе. Послѣ того онъ былъ отправляемъ съ порученіями въ Ревель, а по заключеніи мира даже ѣздилъ гонцомъ въ самый Стокгольмъ, гдѣ получилъ въ подарокъ два серебряныхъ бокала. Начальство, повидимому, было довольно его службою; о чемъ свидѣтельствуетъ прибавка ему денежнаго оклада. Но именно въ это время уже сказалась нравственная шатость московскаго подьячаго: Григорій Котошихинъ изъ-за денегъ сталъ измѣнять своей родинѣ. Хотя Кардисскій миръ былъ заключенъ, но между обѣими сторонами шли еще переговоры о разныхъ денежныхъ претензіяхъ. Шведскій резидентъ въ Москвѣ Эберсъ, желая знать, на какія уступки уполномочены русскіе послы, подкупилъ Котошихина, который доставилъ ему копію съ инструкціи нашимъ посламъ; за что и получилъ 40 рублей. Онъ и потомъ продолжалъ тайно сообщать резиденту нужныя ему свѣдѣнія.

Около того же времени семью Котошихиныхъ постигло несчастіе Отецъ его Карпъ, поступившій въ монахи, былъ обвиненъ въ растратѣ довѣренныхъ ему монастырскихъ денегъ. Взысканіе ихъ обратили на сына, у котораго отняли домъ и движимое имущество. Тщетно Григорій хлопоталъ о возвращеніи имущества и доказывалъ, что отецъ его обвиненъ понапрасну. Такое обстоятельство могло конечно поселить озлобленіе въ душѣ подьячаго и подготовить его къ открытой измѣнѣ. Во время второй Польской войны Котошихинъ былъ назначенъ состоять для письмоводства при воеводахъ кн. Яковѣ Куденетовичѣ Черкасскомъ съ товарищи. Вскорѣ потомъ кн. Черкасскій за неудачныя военныя дѣйствія въ Бѣлоруссіи былъ отозванъ и на мѣсто его назначенъ кн. Юрій Ал. Долгорукій. Впослѣдствіи Котошихинъ разсказывалъ будто бы Долгорукій потребовалъ отъ него письменнаго доноса на кн. Черкасскаго,—доноса о томъ, какъ сей послѣдній упустилъ изъ своихъ рукъ польскаго короля и едва не погубилъ царское войско. Тогда, будто бы не желая поступать противъ совѣсти и опасаясь мщенія отъ новаго воеводы, онъ, т.-е. Котошихинъ, бѣжалъ въ Польшу. Неизвѣстно, какая доля правды заключалась въ этомъ его разсказѣ. Вѣроятнѣе предположить, что, кромѣ озлобленія за отнятіе дома и имущества, на измѣну Котошихина могъ повліять страхъ передъ жестокимъ наказаніемъ,

если бы открылись его помянутыя, основанныя на подкупѣ, тайныя сношенія съ шведскимъ резидентомъ.

Это бѣгство произошло лѣтомъ или осенью 1664 года. Въ одномъ правительственномъ документѣ находимъ слѣдующую запись: «И въ прошломъ 172 г. (т.-е. 7172 г. сентябрьскомъ) Гришка своровалъ, измѣнилъ, отъѣхалъ въ Польшу».

Котошихинъ предложилъ свои измѣнническія услуги прежде польскому правительству; при чемъ ссылался на свое знаніе московскихъ политическихъ распорядковъ, особенно хранившихся втайнѣ. Сначала онъ проживалъ въ Литвѣ, потомъ переѣхалъ въ Польшу. Тутъ онъ перемѣнилъ свою русскую фамилію на польскую и назвался Иваномъ Селицкимъ. Но, повидимому, польское правительство недостаточно цѣнило или вознаграждало Котошихина; а можетъ-быть, онъ опасался быть выданнымъ при заключеніи мира. Какъ бы то ни было, въ слѣдующемъ году онъ бѣжалъ изъ Польши въ Силезію; послѣ нѣкоторыхъ скитаній сѣлъ на корабль въ Любекѣ и пріѣхалъ въ Ругодивъ или Нарву. Здѣсь онъ также предложилъ шведскому правительству своими свѣдѣніями служить противъ Россіи; при чемъ ссылался на прежнія свои сообщенія шведскому резиденту въ Москвѣ. О пребываніи Котошихина въ Нарвѣ узналъ новгородскій воевода кн. Ромодановскій и потребовалъ его выдачи. Ингерманландскій генералъ-губернаторъ Таубе изъявилъ притворное согласіе на выдачу; но она не состоялась якобы потому, что Котошихинъ успѣлъ скрыться. Въ дѣйствительности Таубе тайкомъ препроводилъ его въ Стокгольмъ (1666 г.). Тутъ онъ нашелъ покровителя въ лицѣ государственнаго канцлера графа Магнуса Делягарди. Королевское правительство рѣшило воспользоваться свѣдѣніями Котошихина, зачислило его на службу въ Государственный архивъ, назначило ему жалованье (по 300 талеровъ въ годъ) и поручило составить или окончить ранѣе начатое имъ описаніе Русскаго двора и его обычаевъ, вообще русскихъ государственныхъ учрежденій и порядковъ, а также общественныхъ нравовъ. Плодомъ сего порученія и было знаменитое сочиненіе Котошихина, получившее впослѣдствіи такое заглавіе: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Оно было своевременно переведено на шведскій языкъ.

Вслѣдъ за окончаніемъ сего труда авторъ его трагически окончилъ свою жизнь, имѣя около сорока лѣтъ отъ роду.

Въ Стокгольмѣ Котошихинъ нанималъ квартиру у своего пріятеля и товарища по службѣ въ Государственномъ архивѣ, русскаго толмача Даніила Анастасіуса, человѣка семейнаго. Пріятели однако недолго жили въ мирѣ и согласіи. Размолвка повидимому произошла на почвѣ рев-

ности со стороны хозяина къ жильцу. А такъ какъ оба они были привержены къ спиртнымъ напиткамъ, то однажды въ пьяномъ видѣ затѣяли брань и ссору, во время которой Котошихинъ бросился на хозяина и нанесъ ему ножомъ смертельныя раны. Убійца былъ преданъ уголовному суду и сложилъ на плахѣ свою буйную голову (осенью 1667 года). Свою измѣну родинѣ онъ усугубилъ еще тѣмъ, что передъ казнію перешелъ въ лютеранство.

Сочиненіе Котошихина обнаруживаетъ въ немъ широкую, даровитую русскую натуру, большую наблюдательность и огромную память. Какъ и слѣдовало ожидать, наглядно ознакомясь съ европейскими учрежденіями и культурою, онъ критически относится къ отечественнымъ порядкамъ и русскому государственному строю, а мѣстами подвергаетъ ихъ даже глумленію; особенно замѣтно его нерасположеніе къ боярскому сословію. Для примѣра укажемъ на его комичное изображеніе боярскаго мѣстничества за царскимъ столомъ, когда мѣстникъ кричитъ: «хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть», и спустится подъ столъ». Выше было приведено пристрастное описаніе засѣданія Боярской Думы, гдѣ на вопросы царя «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ» и пр. Но вообще это сочиненіе представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія и пониманія изображаемой имъ эпохи. За немногими исключеніями, оно даетъ обстоятельныя свѣдѣнія, подтверждаемыя государственными актами и другими источниками. Самое изложеніе его выдѣляется изъ многочисленныхъ письменныхъ памятниковъ эпохи своею ясностію и дѣловитостью.

Юрій Крижаничъ былъ родомъ Сербо-Хорватъ изъ области, находившейся тогда подъ Турецкимъ игомъ, сынъ купца. Оставшись сиротою, онъ попалъ въ итальянскій городъ Падую, гдѣ началъ свое школьное образованіе; а продолжалъ его въ Австрійскихъ владѣніяхъ, именно въ католической духовной семинаріи города Загреба; откуда, благодаря покровительству Загребскаго епископа (Винковича) былъ отправленъ въ Хорватскую коллегію Вѣны и потомъ въ таковую же Болоньи. Благодаря тому же покровительству, Крижаничъ прибылъ въ Римъ и здѣсь былъ принятъ въ коллегію св. Аѳанасія (гдѣ, какъ мы видѣли, воспитывался и старшій его современникъ Паисій Лигаридъ). Тутъ онъ закончилъ свое богословское образованіе, и, согласно съ назначеніемъ сей коллегіи, приготовилъ себя къ миссіонерской дѣятельности, направленной на распространеніе католицизма или уніи среди иновѣрныхъ народовъ. Будучи истымъ сознательнымъ Славяниномъ, Юрій Крижаничъ съ раннихъ лѣтъ обратилъ свои помыслы и стремленія на далекую Московію, которая привлекала его пылкое воображеніе какъ

таинственная или мало доступная тогда страна и какъ сильное Славянское царство, возбуждавшее большія надежды среди утратившихъ свою независимость единоплеменныхъ народовъ, особенно среди Балканскихъ Славянъ. Крижаничъ задумалъ ни болѣе, ни менѣе какъ осуществить давній планъ іезуитовъ: привести сіе царство къ уніи, т.-е. къ церковному единенію съ Римомъ. Съ этой цѣлью онъ заранѣе старался ознакомиться съ Московіей, а потому усердно изучалъ труды Герберштейна, Поссевина и другихъ европейскихъ путешественниковъ въ Восточную Европу; какъ Славянинъ онъ надѣялся легко овладѣть русскимъ языкомъ. Изъ записки, поданной имъ по сему поводу въ римскую Конгрегацію Пропаганды вѣры (въ 1641 г., когда ему было 24 года отъ роду), видно, что Крижаничъ главнымъ образомъ разсчитывалъ получить доступъ къ царю, расположить его къ себѣ, написанными въ прозѣ и стихахъ, похвалами какъ ему самому, такъ и прежнимъ царямъ московскимъ, давать ему совѣты по увеличенію государственныхъ доходовъ и вообще овладѣть его довѣріемъ, а затѣмъ черезъ него дѣйствовать въ пользу уніи. Но не вдругъ осуществилась его завѣтная мечта о миссіонерскихъ подвигахъ на Славянскомъ востокѣ. Нѣкоторое время онъ служилъ священникомъ въ родной Хорватіи. Только въ 1646 г. онъ получилъ отъ Конгрегаціи Пропаганды миссіонерское назначеніе въ Западную Русь и Московію, куда отправился черезъ Вѣну, Краковъ и Варшаву. Въ семъ послѣднемъ городѣ Крижаничъ обратилъ вниманіе на латинскую надпись на каплицѣ, въ которой были погребены Шуйскіе. Хотя гробницы съ тѣлами Шуйскихъ, какъ мы видѣли, были перевезены въ Москву при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но гласящая о нихъ надпись оставалась надъ дверями каплицы. Крижаничъ сообщилъ ее въ славянскомъ переводѣ бывшему тогда въ Варшавѣ московскому гонцу (Дохтурову) и указалъ на ея унизительное для Русскихъ значеніе. Въ Москвѣ не замедлили принять къ сердцу это указаніе; въ слѣдующемъ 1647 году, воспользовавшись прибытіемъ польскихъ пословъ, съ Ад. Киселемъ во главѣ, для заключенія договора о союзѣ (противъ Крымскихъ Татаръ), Московское правительство добилось отъ нихъ обѣщанія о присылкѣ мраморной плиты съ означенной надписью. Дѣйствительно она была вскорѣ доставлена въ Москву. Крижаничъ впослѣдствіи это обстоятельство ставилъ въ немалую свою заслугу передъ царемъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что онъ впервые побывалъ въ Москвѣ въ томъ же 1647 году, находясь среди многочисленной свиты, слѣдующихъ послѣ Киселя, польскихъ пословъ (Паца и Тихановича).

Въ 1650 году Крижаничъ точно также же въ свитѣ австрійскаго посла побывалъ въ Константинополѣ. Потомъ встрѣчаемъ его опять въ

Италіи. Между прочимъ въ 1657 году онъ былъ очевидцемъ-наблюдателемъ посѣтившаго Флоренцію и Венецію русскаго посольства, со стольникомъ Чемодановымъ и дьякомъ Постниковымъ во главѣ. По свидѣтельству Крижанича, и можетъ-быть, не совсѣмъ безпристрастному, Русскіе рѣзко обнаруживали тамъ свою некультурность и грубость своихъ нравовъ. Такъ въ Венеціи, когда послы обѣдали, то въ гостиницу къ нимъ приходили многіе замаскированные нобили, глядѣли и хохотали надъ ихъ застольными обычаями, и тѣмъ болѣе, что по дешевизнѣ мѣстнаго вина почти всѣ Русскіе бывали пьяны; а посѣщеніе ихъ женщинами дурного поведенія возбуждало къ нимъ особое презрѣніе.

Въ это время въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изданіяхъ появилось извѣстіе о томъ, что въ Москвѣ царь и патріархъ (Никонъ) учредили школу для обученія русскаго юношества языкамъ греческому и латинскому (подъ руководствомъ грека Арсенія). Извѣстіе это дошло до Италіи въ преувеличенномъ видѣ: будто въ Москвѣ вообще открываются философскія школы. Крижаничъ возгорѣлъ желаніемъ поступить преподавателемъ въ эти школы, и съ помощію нихъ начать въ Москвѣ свои труды надъ церковной уніей. Онъ обратился въ Римскую курію съ просьбою объ отправленіи его въ Россію. Но курія, въ виду тревожнаго состоянія Югозападной Россіи, нашла эту отправку несвоевременной. Тогда Крижаничъ уѣхалъ самовольно. Весною 1659 года онъ является на Украйнѣ, гдѣ проживаетъ у извѣстнаго нѣжинскаго протопопа Максима (впослѣдствіи епископа Меѳодія), ревностнаго сторонника Москвы. Въ это именно время происходило возстаніе противъ нея Выговскаго. Когда послѣ Конотопской битвы на Украйнѣ, благодаря между прочимъ усиліямъ протопопа Максима, началось опять движеніе въ пользу соединенія съ Москвою, Крижаничъ помогалъ ему своими письменными увѣщаніями къ населенію (напр., «Бесѣда ко Черкасомъ»). Затѣмъ вмѣстѣ съ казацкими посланцами онъ очутился въ Путивлѣ, а здѣсь добился отъ главнаго воеводы князя А. Н. Трубецкаго отправки своей вмѣстѣ съ гонцомъ отъ воеводы въ Москву, куда и прибылъ осенью того же года, подъ именемъ простого «сербенина Юрія Иванова», вышедшаго на государеву службу. Такъ онъ и былъ записанъ въ Посольскомъ приказѣ, куда зачисленъ въ переводчики, а за выходъ по обычаю награжденъ сукнами, тафтой и куницами.

Вопреки своимъ расчетамъ, Крижаничъ не только не получилъ свободнаго доступа къ царю, а тѣмъ менѣе вліянія, но и не сдѣлался преподавателемъ русскаго школьнаго юношества. По его же предложенію, ему поручено было заняться славянской грамматикой и лексикономъ; а

денежное и кормовое жалованье шло ему изъ приказа Большого Дворца. Благодаря своимъ филологическимъ, историческимъ и богословскимъ познаніямъ, онъ вскорѣ пріобрѣлъ расположеніе боярина Б. И. Морозова и окольничаго Ѳед. Мих. Ртищева, а также завелъ знакомство съ Ртищевскимъ кружкомъ ученыхъ бѣлорусскихъ старцевъ въ Андреевскомъ монастырѣ, въ томъ числѣ съ Епифаніемъ Славинецкимъ. Но недолго продолжалось его московское пребываніе, всего 16 мѣсяцевъ: въ январѣ 1661 года онъ былъ сосланъ въ Сибирь, именно въ Тобольскъ. Въ точности причина ссылки намъ неизвѣстна. Самъ онъ потомъ говорилъ, что пострадалъ за какое-то «глупое слово», сказанное въ разговорѣ съ «нѣкимъ господиномъ» и донесенное правительству. Вѣроятнѣе всего, что за нимъ тщательно слѣдили и узнали или догадались о томъ, что онъ скрылъ при своемъ выходѣ на царскую службу, т.-е. о томъ, что онъ былъ католическій священникъ. Вѣроятно также, что онъ не удержался и сдѣлалъ какіе-либо шаги въ смыслѣ католической пропаганды. Сосланъ онъ былъ однако въ качествѣ служилаго человѣка и отданъ въ распоряженіе тобольскаго воеводы съ назначеніемъ приличнаго содержанія. Здѣсь онъ нашелъ и другихъ ссыльныхъ иноземцевъ, между прочимъ своихъ единовѣрцевъ изъ Поляковъ и Литовцевъ, а также иновѣрныхъ Нѣмцевъ и Шведовъ. Благодаря иноземцамъ, онъ добывалъ иностранныя книги и даже газеты, такъ что не прерывалъ своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій. Здѣсь онъ ознакомился съ нѣкоторыми русскими расколоучителями, особенно съ попомъ Лазаремъ, видѣлся даже съ протопопомъ Аввакумомъ, когда того изъ Дауріи провозили въ Москву; при чемъ на вопросъ сего послѣдняго, какой онъ вѣры, отвѣтилъ уклончиво, а потому Аввакумъ не далъ ему своего благословенія. Въ концѣ своего пребыванія Юрій бесѣдовалъ здѣсь съ Спаѳаріемъ, отправлявшимся въ свое Китайское посольство, и снабдилъ его разными совѣтами и письменными свѣдѣніями.

По желанію Крижанича, воеводы тобольскіе предоставили ему заниматься тѣмъ же дѣломъ, какъ и въ Москвѣ, т.-е. переводами и сочиненіями. Онъ прожилъ здѣсь шестнадцать лѣтъ и эту эпоху своей жизни ознаменовалъ цѣлымъ рядомъ учено-литературныхъ трудовъ, которые обезсмертили его имя въ Русской исторіи. Намъ извѣстно до десяти его сибирскихъ сочиненій, написанныхъ частію по-латынѣ, а большею частію по-славянски. Важнѣйшія изъ нихъ: Славянская грамматика, извлеченія изъ иностранныхъ писателей о Россіи, «Политика» или «Разговоры о владѣтельствѣ», «О Божьемъ смотрѣніи или о причинахъ ратнаго одолѣнія» (De Providentia Dei sive de causis victoriarum et cladium) и «Обличеніе Соловецкой челобитной» (противураскольничье

полемическое сочиненіе). Впослѣдствіи онъ составилъ еще краткую «Исторію Сибири» (Historia de Sibiria) или, собственно, замѣтки о Сибири, на основаніи собранныхъ тамъ свѣдѣній. Самое обширное и самое любопытное для насъ его сочиненіе это вышеназванная *Политика*. Здѣсь Крижаничъ распространяется о состояніи Московскаго государства въ его время по собственнымъ своимъ наблюденіямъ и по запискамъ иностранцевъ; говоритъ о его земледѣліи, промышленности и торговлѣ, о военномъ дѣлѣ, о политическихъ отношеніяхъ и даетъ разнообразныя совѣты какъ улучшить положеніе и достигнуть процвѣтанія. Относительно, собственно, ратнаго дѣла онъ входитъ въ подробности въ помянутомъ выше сочиненіи «О промыслѣ Божіемъ», гдѣ приводитъ разные примѣры изъ исторіи Ветхаго Завѣта, Римской, Византійской, Польской и т. д. При семъ по своему обыкновенію возстаетъ противъ допущенія въ русское войско Нѣмцевъ, которыхъ какъ протестантовъ онъ особенно не любитъ, и съ прискорбіемъ смотритъ на ихъ привилегированное положеніе и начинавшееся вліяніе въ Россіи. Сочиненіе это Крижаничъ посвятилъ наслѣднику престола царевичу Алексѣю Алексѣевичу. Вообще всѣ названные труды онъ назначалъ для Московскаго правительства съ явно выражаемымъ желаніемъ, чтобы оно обратило вниманіе на сочинителя и воротило бы его изъ ссылки. Но въ Москвѣ оставались глухи къ его сочиненіямъ и стремленіямъ. Мало того, ему прямо предлагали вновь креститься и принять православіе, чтобы избавиться отъ ссылки. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ, мечтавшій объ обращеніи Русскаго народа изъ «схизмы» въ унію или католичество, въ Россіи былъ трактуемъ какъ еретикъ и самъ подвергся опасности перемѣнить свою вѣру. Фанатично ей преданный онъ, конечно, устоялъ, несмотря на то, что первоначально назначенное ему достаточное содержаніе потомъ было очень уменьшено, такъ что онъ терпѣлъ во всемъ большую нужду и его стали посѣщать болѣзни.

Послѣ кончины царевича Алексѣя, когда наслѣдникомъ престола сдѣлался Ѳеодоръ Алексѣевичъ, Крижаничъ сталъ теперь обращаться къ сему послѣднему. Около 1675 года онъ послалъ царевичу латинское письмо, въ которомъ просилъ о своемъ возвращеніи; при чемъ обѣщалъ научить его, какими способами можно предотвратить величайшія опасности, грозящія Россіи со стороны внѣшнихъ враговъ, особенно со стороны вѣроломныхъ и хищныхъ Нѣмцевъ, которые уже захватили большую часть Польши. Вскорѣ послѣ сего письма авторъ его дѣйствительно былъ освобожденъ изъ ссылки, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ въ самой Москвѣ.

Въ концѣ января 1676 года скончался Алексѣй Михайловичъ. А въ началѣ марта въ Тобольскѣ уже были получены грамоты, которыми новый царь Θеодоръ Алексѣевичъ, въ числѣ обычныхъ при восшествіи на престолъ милостей, даровалъ свободу многимъ заключеннымъ и ссыльнымъ. Среди нихъ оказался и «сербянинъ Юрій». Воротясь въ Москву и зачисленный вновь въ переводчики Посольскаго приказа, Крижаничъ теперь настойчиво сталъ добиваться отпуска за границу; о чемъ подавалъ царю слезныя челобитныя, ссылаясь на данный въ Сибири во время тяжкой болѣзни обѣтъ по выздоровленіи отправиться на поклоненіе къ мощамъ св. Николая Угодника. Между прочимъ онъ сочинилъ особое «привѣтство» на коронацію Θеодора Алексѣевича. Спустя болѣе года по возвращеніи въ Москву, Крижаничъ получилъ разрѣшеніе уѣхать за границу, куда и отправился потомъ въ свитѣ датскаго посланника (фонъ Габеля), который пріѣзжалъ хлопотать о заключеніи союза противъ Швеціи. Въ Вильнѣ Крижаничъ остановился и вступилъ въ миссіонерскій орденъ Доминиканцевъ; ибо миссіонерская дѣятельность все еще составляла его главное желаніе. Но оно не осуществилось; орденъ удерживалъ Крижанича въ Вильнѣ, гдѣ онъ продолжалъ свои литературные труды и между прочимъ написалъ сочиненіе о Сибири. Прошло болѣе трехъ лѣтъ, пока онъ добился возможности отправиться въ Римъ, чтобы тамъ подать отчетъ о своей миссіи въ Московское государство. Но онъ добрался только до Вѣны, и тутъ во время знаменитой осады ея Турками, въ 1683 году, окончилъ свое земное поприще этотъ ученый даровитый славянинъ, горѣвшій любовью ко всему Славянскому міру и снѣдаемый еще болѣе пламенною мечтою о соединеніи церквей подъ главенствомъ Римскаго папы ([44]).

XI.

ѲЕОДОРЪ II АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Усиленіе польскаго вліянія.—Болѣзненность Ѳеодора.—Двѣ придворныя партіи.—Царевна Софья и происки Милославскихъ.—Обвиненіе и ссылка Матвѣева.—Вопросъ о Никонѣ.—Царскіе любимцы и старецъ Иларіонъ.—Сдача и судьба Дорошенка.—Юрій Хмѣльницкій вновь на Украйнѣ.—Первая осада Чигирина Турками.—Вторая осада и паденіе Чигирина.—Запустѣніе правобережной Украйны.—Мирные переговоры съ Турціей.—Посольство Тяпкина въ Крымъ.—Ханскій пріемъ его.—Бахчисарайскій трактатъ и возвращеніе посольства.—Вопросъ о Слободской Украйнѣ.—Размѣнъ плѣнныхъ.—Движеніе восточныхъ инородцевъ.—Разныя правительственныя мѣропріятія.—Комиссія о ратномъ дѣлѣ.—Отмѣна мѣстничества.—Успѣхи раскола.—Духовный соборъ и противураскольничьи мѣры.—Распря Аввакума и Ѳеодора. — Ихъ казнь.—Мурзы—помѣщики.—Проектъ высшаго училища въ Москвѣ.—Первый и второй браки царя.—Вновь Никонъ и Матвѣевъ.—Кончина Ѳеодора II.

Едва Алексѣй Михайловичъ скончался, какъ Ѳеодора Алексѣевича облекли въ царскую одежду, посадили его на тронъ, и бояре первые принесли ему присягу, прикладываясь ко кресту, который держалъ въ рукахъ патріархъ Іоакимъ. Цѣлую ночь во дворцѣ совершалась присяга всѣхъ стольниковъ, дворянъ, жильцовъ и прочихъ придворныхъ чиновъ, а также иностранцевъ, состоявшихъ на русской службѣ. На слѣдующее утро въ Успенскомъ соборѣ присягали всѣ служилые люди, а жители столицы—по своимъ приходамъ. Въ то же время гонцы скакали во всѣ концы государства съ грамотами о присягѣ новому царю.

Ѳеодору II еще не было полныхъ пятнадцати лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ. По тому времени онъ былъ очень хорошо образованъ. Благодаря своему наставнику, Симеону Полоцкому, Ѳеодоръ зналъ латинскій языкъ и получилъ вкусъ къ литературнымъ занятіямъ, такъ что упражнялся въ сочиненіи стиховъ или виршъ; зналъ и польскій языкъ настолько, что охотно читалъ польскія книги. Понятно, что вліяніе польской или западно-русской культуры, и безъ того водворившееся въ Москвѣ со времени присоединенія Малороссіи, при Ѳеодорѣ II еще

усилилось. Юный царь былъ любознателенъ, уменъ и добръ; а потому возбуждалъ общее къ себѣ сочувствіе и надежды на счастливое царствованіе. Но эти надежды съ самаго начала омрачались его крайнею болѣзненностью. Иностранецъ, тою же весною видѣвшій его на посольскомъ пріемѣ, говоритъ, что Ѳеодоръ былъ довольно красивъ, но вслѣдствіе болѣзни имѣлъ лицо немного желтое и одутловатое; въ рукахъ у него былъ костыль изъ чернаго дерева, на который отъ слабости часто опирался; а когда, спрашивая о здоровьѣ, ему приходилось подпимать свою черную (по случаю траура) суконную шапку съ собольей опушкой, то бояринъ князь Одоевскій поддерживалъ его руку. Главнымъ образомъ у него болѣли ноги.

Эта болѣзненность очень тревожила ближайшихъ родственниковъ и родственницъ Ѳеодора, въ особенности потомство Марьи Ильиничны Милославской. По ихъ желанію, тотъ же князь Никита Ив. Одоевскій, какъ начальникъ Аптекарскаго приказа, уже въ февралѣ собралъ придворныхъ врачей и аптекарей и спрашивалъ ихъ мнѣніе относительно болѣзни царя. Врачи просили разрѣшить подробный осмотръ больного. Государь соизволилъ, и осмотръ былъ произведенъ въ присутствіи патріарха и ближнихъ бояръ. Послѣ того врачи устроили консиліумъ; наиболѣе свѣдущіе изъ нихъ (фонъ-Розенбургъ, Блюментростъ, фонъ-Гаденъ, Грамонъ) пришли къ такому заключенію, что болѣзнь эта—цынга, которою страдалъ и покойный царь; составили мазь и пластыри для ногъ, и предписали извѣстную діэту, обнадеживая, что «съ Божьей помощью можно вылѣчить, но только постепенно и не скорымъ временемъ».

18 іюля совершилось коронованіе юнаго царя съ присвоенными сему акту обрядами и слѣдующими затѣмъ пиршествами.

Межъ тѣмъ государственныя дѣла велись такъ, какъ это было установлено при Алексѣѣ Михайловичѣ, и царствованіе Ѳеодора по наружности казалось продолженіемъ царствованія его отца. Тѣ же четыре ближнихъ боярина стояли во главѣ управленія, т.-е. князья Никита Ив. Одоевскій и Юрій Алек. Долгорукій, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово и Арт. Серг. Матвѣевъ. Послѣдній попрежнему былъ «великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель», т.-е. вѣдалъ иностранныя сношенія. Ѳеодоръ очень почтительно относился къ своей мачихѣ Натальѣ Кирилловнѣ, оставилъ ей весь ея придворный штатъ и даже велѣлъ выстроить для нея и ея дѣтей особые деревянные хоромы съ зимнимъ садомъ. Но недолго длились миръ и согласіе при дворѣ Ѳеодора; вскорѣ ясно обозначились двѣ стороны или партіи, Милославскіе и Нарышкины; первая начала враждебно относиться ко второй. Дочери Марьи Ильиничны и ея родственники съ тревогою смотрѣли на болѣзненное состояніе

Θеодора и таковое же слѣдующаго затѣмъ единоутробнаго брата Ивана; потому естественно опасались, что престолъ перейдетъ къ маленькому царевичу Петру, а за его малолѣтствомъ управленіе можетъ очутиться въ рукахъ его матери.

Среди сестеръ юнаго царя наиболѣе выдавалась Софья, которая года на четыре была его старше. Нестройная и некрасивая, она обладала большимъ умомъ и еще большимъ честолюбіемъ. На ряду съ братомъ она пользовалась уроками Симеона Полоцкаго, пристрастилась къ чтенію и литературнымъ упражненіямъ. Вообще дочери Алексѣя Михайловича имѣли болѣе свободы и получили болѣе широкое образованіе въ сравненіи съ прежними московскими царевнами, которыя ограничивались церковно-славянскою грамотою и чтеніемъ святыхъ житій. Дочери Алексѣя вмѣстѣ съ мачихою присутствовали на вошедшихъ въ моду при дворѣ театральныхъ представленіяхъ, которыя вносили новую, сильную струю въ ихъ умственное развитіе и міровоззрѣніе. Софья такъ увлекалась этими зрѣлищами, что пробовала сочинять драмы и сама разыгрывала ихъ въ кругу близкихъ. А чтеніе хронографовъ познакомило ее съ судьбою нѣкоторыхъ византійскихъ царевенъ и царицъ, которыя умѣли забрать въ свои руки правительственную власть, и ея мечты направились въ ту же сторону. Окружая больного брата своими попеченіями, Софья искусно старалась возбуждать его противъ мачихи и всей Нарышкинской родни. Ей въ этомъ отношеніи своими наговорами усердно помогала бывшая мамка царя боярыня Анна Петровна Хитрово, большая ханжа и сплетница, которая къ дѣятельному участію въ интригѣ привлекла и своего сродника, вліятельнаго боярина, дворецкаго и оружничаго Б. М. Хитрово; а онъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ главныхъ недоброжелателей Матвѣева и противниковъ Алексѣева брака съ Нарышкиной. Соучастникомъ ихъ былъ также дядька царя, кн. Θ. Θ. Куракинъ; а изъ семьи Милославскихъ наиболѣе ревностнымъ врагомъ Нарышкиныхъ и Матвѣева явился бояринъ Иванъ Михайловичъ, который при Θеодорѣ занялъ вліятельное положеніе и получилъ въ свое вѣдѣніе Иноземскій приказъ.

Хотя молодой государь продолжалъ оказывать уваженіе вдовствующей царицѣ, однако враги умѣли причинять ей столько всякихъ непріятностей, что Наталья Кирилловна покинула столицу и удалилась со своими дѣтьми (сынъ и двѣ дочери) въ подмосковное село Преображенское. Но Милославскимъ этого было недостаточно: имъ нужно было свалить главную опору семьи Нарышкиныхъ, боярина Матвѣева, который все еще занималъ важный государственный постъ и, повидимому, пользовался милостью и расположеніемъ молодого государя. Между прочимъ враги

противъ него пустили въ ходъ сплетню о какомъ то духовномъ завѣщаніи, которымъ будто бы Алексѣй Михайловичъ, подъ вліяніемъ Матвѣева, назначилъ своимъ наслѣдникомъ царевича Петра, а до его совершеннолѣтія государственное управленіе предоставилъ самому Матвѣеву.

Несмотря на явную нелѣпость подобныхъ сплетенъ, имъ удалось поколебать довѣріе Ѳедора II къ Матвѣеву. Началось съ того, что его устранили отъ надзора за придворной аптекой и отъ пробы лѣкарствъ, которыя приготовлялись для царя. Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ Матвѣева помогъ его врагамъ помянутый выше датскій резидентъ Гоэ, человѣкъ, отличавшійся дурнымъ поведеніемъ, пристрастіемъ къ горячимъ напиткамъ и вздорными, невѣрными сообщеніями своему двору о Московскихъ дѣлахъ. Матвѣевъ какъ начальникъ Посольскаго приказа имѣлъ съ нимъ столкновенія, и при Алексѣѣ Гоэ нѣкоторое время находился въ явной немилости у царя. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по воцареніи Ѳеодора, онъ былъ отозванъ изъ Москвы, и, стакнувшись съ врагами Матвѣева, задумалъ теперь ему отомстить. Во время пути къ Архангельску онъ прислалъ въ Москву жалобу на то, что Матвѣевъ будто бы не доплатилъ ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное ко двору. Милославскіе воспользовались этою жалобою, чтобы выставить сего послѣдняго казнокрадомъ, стяжавшимъ себѣ всякими неправдами большія богатства. Власти и не подумали допросить резидента, а прямо обвинили Матвѣева. По указу государя онъ назначенъ былъ воеводою въ Верхотурье, куда и отправился съ сыномъ Андреемъ. Эта почетная ссылка очевидно не удовлетворила его враговъ. Матвѣевъ съ семьей и дворней плылъ по Камѣ; едва онъ достигъ Лаишева, какъ здѣсь его арестовали; при чемъ тщательно рылись въ его скарбѣ, разыскивая какія то подозрительныя лѣкарства, о которыхъ допрашивали и его людей, и его самого. Потомъ привезли его въ Казань, гдѣ воеводствовалъ одинъ изъ Милославскихъ (бояринъ Иванъ Богдановичъ), и здѣсь содержали подъ крѣпкимъ карауломъ до рѣшенія его судьбы. Бывшаго царскаго друга и совѣтника обвинили въ разныхъ преступленіяхъ и даже въ чародѣйствѣ; а затѣмъ по царскому указу онъ былъ лишенъ боярства, всего имущества и сосланъ вмѣстѣ съ сыномъ на далекій сѣверъ, въ безпріютный, голодный и холодный Пустозерскій острогъ. Тщетно посылалъ онъ оттуда челобитныя царю съ указаніями на свои службы и съ увѣреніями въ своей невинности. Тщетно обращался письменно съ просьбой о заступничествѣ къ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ къ патріарху, князьямъ Долгоруковымъ и Одоевскимъ, Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, Б. М. Хитрово, И. М. Милославскому. Никто не вступился за несчастнаго опальнаго боярина.

Патріархъ Іоакимъ въ это время расправлялся со своимъ недругомъ, извѣстнымъ царскимъ духовникомъ протопопомъ Андреемъ Савиновичемъ Постниковымъ. Послѣдній по своей сварливости на погребеніи Алексѣя Михайловича завелъ споръ съ патріархомъ, утверждая, будто право вложить прощальную грамоту въ руку покойнаго царя принадлежитъ ему, духовнику, а не патріарху; протопопъ забылся до того, что грозилъ убить патріарха. Съ соизволенія молодого царя, Іоакимъ предалъ протопопа суду церковнаго собора. Тутъ онъ былъ изобличенъ въ разныхъ проступкахъ, а особенно въ пьянственномъ и блудномъ поведеніи. По соборному приговору его лишили священства и сослали въ Кожеезерскій монастырь.

Сосланный въ заточеніе, бывшій патріархъ Никонъ находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ симъ царскимъ духовникомъ, посылалъ ему подарки и при его посредствѣ подавалъ Алексѣю Михайловичу свои письма и челобитныя. Хотя онъ и не добился возврата изъ своего заточенія, однако послѣднее во многомъ было смягчено, и Никонъ, вѣрный своему строптивому характеру, нисколько не смирился. Онъ продолжалъ называть себя патріархомъ и бранить всѣхъ осудившихъ его, въ томъ числѣ патріарха Іоакима; ни вочто ставилъ состоявшаго при немъ пристава и монастырскія власти, вообще велъ образъ жизни, несоотвѣтствующій монашескимъ обѣтамъ: сильно поилъ виномъ приходившихъ къ нему крестьянъ и крестьянокъ, подъ видомъ ихъ лѣченія; иногда самъ напивался допьяна; къ церковной службѣ ходилъ рѣдко, за государя и патріарха не молился, истязалъ старцевъ, собственоручно наносилъ побои своимъ служкамъ, стрѣлялъ по птицамъ изъ пищали и т. п. Когда въ Ѳерапонтовъ монастырь изъ Москвы пріѣхалъ къ нему дворянинъ съ извѣстіемъ о кончинѣ царя Алексѣя и съ просьбою дать покойному письменное прощеніе, Никонъ прослезился и сказалъ: „Богъ проститъ", но на письмѣ прощенія не далъ. Доселѣ хотя и приходили въ Москву доносы на зазорные поступки Никона; но имъ не давали ходу. Теперь доносы принимались охотно, и они участились. Патріархъ Іоакимъ воспользовался обстоятельствами, чтобы смирить своего неукротимаго противника, и наиболѣе важные изъ доносовъ представилъ на разсмотрѣніе духовнаго собора. По соборному приговору, утвержденному молодымъ государемъ, лѣтомъ 1676 года Никонъ ради исправленія изъ Ѳеропонтова монастыря былъ переведенъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій, съ приказомъ содержать его въ болѣе строгомъ заточеніи, не пускать къ нему ни міранъ, ни иноковъ, не давать ни бумаги, ни чернилъ и т. п. На оправданія Никона, объяснявшаго всѣ обвиненія клеветою и несправедливостью, не было обращено вниманія.

Подобно своему отцу, набожный молодой государь любилъ иноческій чинъ и искалъ съ нимъ духовнаго общенія. Но онъ нашелъ его не въ видѣ самолюбиваго, строптиваго Никона, а въ образѣ смиреннаго, добродушнаго Иларіона, строителя Флорищевской пустыни въ Гороховецкомъ уѣздѣ.

Изъ числа близкихъ къ царю придворныхъ чиновъ особое расположеніе его пріобрѣли постельничій Ив. Макс. Языковъ и комнатный стольникъ Алексѣй Тимоѳ. Лихачовъ съ своимъ братомъ Михаиломъ. Первый въ особенности сдѣлался его любимцемъ, благодаря своему острому уму и пріятнымъ манерамъ. Онъ-то и указалъ на старца Иларіона, который де своимъ житіемъ напоминаетъ святыхъ подвижниковъ древняго времени. Ѳеодоръ Алексѣевичъ пожелалъ было самъ отправиться въ пустынь, чтобы принять благословеніе отъ старца и просить его молитвъ объ исцѣленіи своихъ болѣзней. Но Иларіонъ на ту пору пріѣхалъ въ Москву ради нѣкоторыхъ монастырскихъ нуждъ и пребывалъ у своего родственника, знаменитаго царскаго иконописца Симона Ушакова. Призванный во дворецъ, онъ произвелъ на царя сильное впечатлѣніе своимъ смиреніемъ и душеспасительными рѣчами. Послѣ того Ѳеодоръ, тяготясь кипѣвшими вокругъ него дворскими интригами, нерѣдко вызывалъ въ Москву Иларіона, и любилъ отдыхать душою въ дружеской бесѣдѣ съ умнымъ старцемъ. Сей послѣдній не злоупотреблялъ царскою дружбою и не пошелъ по стопамъ Никона; онъ по возможности уклонялся отъ прямого вмѣшательства въ государственныя дѣла и придворныя отношенія, ограничиваясь внушеніями юному царю кротости, справедливости и долготерпѣнія; что не помѣшало впрочемъ его возвышенію по іерархической лѣстницѣ. Въ концѣ сего царствованія мы видимъ Иларіона уже владыкою Суздальскимъ ([45]).

Важнѣйшимъ дѣломъ внѣшней политики сего царствованія было приведеніе къ концу начатаго Алексѣемъ Малороссійскаго вопроса.

Петръ Дорошенко, завязавшій переговоры о своей присягѣ Московскому царю, все еще колебался, хитрилъ и сочинялъ разныя условія для присяги, ожидая выручки отъ своихъ союзниковъ Турокъ и Татаръ. Но именно этотъ союзъ дѣлалъ его ненавистнымъ Малороссійскому народу. Жители правобережной Украйны продолжали усердно изъ нея выселяться: часть ихъ уходила на Волынь; но главный потокъ переселенцевъ устремлялся на лѣвую сторону Днѣпра, вопреки всѣмъ усиліямъ Дорошенка тому воспрепятствовать. Правая сторона обращалась въ пустыню. Положеніе ненавистнаго Дорошенка становилось все труднѣе, города отпадали одинъ за другимъ. Только Чигиринъ съ нѣкоторыми изъ нихъ еще держался его; да непостоянный Сѣрко съ Запорожцами показывалъ

ему пріязнь и поощрялъ къ сопротивленію. Московское правительство старалось избѣгать новаго кровопролитія, сдерживало Ивана Самойловича, нетерпѣливо желавшаго стать гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, и приказывало ласкою склонять Дорошенка къ подданству. Наконецъ и московское терпѣніе истощилось; надо было покончить съ правобережнымъ гетманомъ, пока не пришли къ нему Турки и Татары. Воевода Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ получили приказъ двинуть войска на лѣвый берегъ и промышлять надъ Чигириномъ. Передовые ихъ отряды, московскій со стольникомъ Григ. Косаговымъ и казацкій съ бунчужнымъ Леонтіемъ Полуботкомъ, въ половинѣ августа 1676 года подошли къ Чигирину. Казаки Дорошенка попытались вступить съ ними въ бой; но скоро его прекратили по приказу своего гетмана. Мѣстная старшина съ толпою жителей и духовенство со крестами вышли изъ города и присягнули Московскому царю. Самъ Дорошенко съ 2.000 остававшихся у него казаковъ отправился за Днѣпръ въ станъ Ромодановскаго и Самойловича и сложилъ передъ ними гетманскіе клейноды, т.-е. булаву, знамя и бунчукъ; послѣ чего принесъ присягу на вѣрное подданство. Чигиринъ и нѣкоторые другіе сдавшіеся города были заняты царскими гарнизонами. Съ Дорошенкомъ обошлись очень мягко. Сначала его оставили на Украйнѣ и водворили въ Сосницѣ (мѣстечко Черниговскаго полка); но потомъ изъ предосторожности вызвали въ Москву, гдѣ онъ удостоился видѣть ясныя государевы очи и былъ осыпанъ милостями. Его поселили здѣсь съ семьею, дали ему дворъ и назначили обильное содержаніе. Дорошенко скучалъ по родинѣ и неоднократно просилъ отпустить его на Украйну; но вмѣсто Украйны, царь потомъ далъ ему воеводство на Вяткѣ, съ жалованьемъ по 1,000 руб. въ годъ. Пробывъ на воеводствѣ обычное трехлѣтье, Дорошенко воротился въ Москву. Царь пожаловалъ ему большое помѣстье (въ Волоколам. уѣздѣ). Онъ прожилъ еще не мало лѣтъ († 1698 г.).

Такъ мирно и почетно окончилъ свое бурное поприще этотъ энергичный честолюбецъ, стремившійся идти якобы по стопамъ Богдана Хмѣльницкаго и пытавшійся съ помощью Турокъ и Татаръ сдѣлать изъ Украйны хотя бы вассальное султану, но самобытное гетманство или господарство, а въ дѣйствительности явившійся ея злѣйшимъ врагомъ и доведшій ее до полнаго упадка и разоренія.

Удаленіе Дорошенка изъ правобережной Украйны не прекратило причиненнаго имъ зла, т.-е. притязаній Турецкаго султана на ея подданство. Султанъ на мѣсто Дорошенка назначилъ бывшаго въ турецкомъ плѣну Юрія Хмѣльницкаго, съ пожалованіемъ ему титула не только гетмана, но и князя Малороссійскаго. Очевидно Турки разсчитывали на громкое

и чтимое на Украйнѣ имя его отца. Весною 1677 года въ Подоліи появились универсалы Юрія, которыми онъ возвѣщалъ о своемъ назначеніи и скоромъ прибытіи великихъ турецкихъ силъ. Особенно налегалъ онъ на Запорожье, гдѣ его посланцы вели переговоры съ храбрымъ, но непостояннымъ атаманомъ Сѣркомъ, который не переставалъ враждовать съ гетманомъ Самойловичемъ. Сѣрко колебался и не спѣшилъ соединиться ни съ той, ни съ другой стороной. Въ началѣ августа большое турецкое войско, предводимое сераскиромъ Ибрагимъ-пашою, и Юраска Хмѣльниченко съ небольшимъ отрядомъ казаковъ осадили Чигиринъ. Тутъ начальствовалъ московскій генералъ Трауернихтъ, который успѣлъ наскоро возобновить укрѣпленія верхняго города или замка, гдѣ засѣлъ съ царскими ратными людьми; оборона нижняго города была предоставлена казакамъ. Непріятель усердно обстрѣливалъ оба города, а также велъ къ нимъ траншеи и подкопы. Но осажденные дѣлали удачныя вылазки и рыли въ своихъ валахъ пещеры навстрѣчу подкопамъ, отъ чего послѣдніе при взрывѣ не причиняли много вреда. Въ это время воевода Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ успѣли соединиться и подойти къ Днѣпру. Передовой ихъ отрядъ переплылъ рѣку и пробрался къ городу мимо Татаръ, пришедшихъ съ ханомъ на помощь Туркамъ. Послѣ того Турки и Татары тщетно пытались помѣшать переправѣ нашихъ главныхъ силъ. Послѣднія 28 августа вступили въ бой уже на правомъ берегу и поразили непріятеля. Попавъ въ неудобное положеніе между гарнизономъ съ одной стороны и русскими войсками—съ другой, Ибрагимъ-паша на слѣдующій день зажегъ свой станъ подъ Чигириномъ и поспѣшно ушелъ, непреслѣдуемый побѣдителями. Мусульманскіе историки говорятъ, что крымскій ханъ Селимъ-Герай, участвовавшій въ этомъ походѣ, на военномъ совѣтѣ болѣе другихъ настаивалъ на отступленіи отъ Чигирина. Султанъ Магометъ IV, раздраженный этой неудачей, велѣлъ Ибрагима-пашу заключить въ Еди-куле (Семибашенный замокъ), а Селимъ-Герая свергнуть съ престола. На его мѣсто былъ посаженъ его двоюродный братъ Мурадъ-Герай.

Чигиринъ на сей разъ отстояли; но не было никакой вѣроятности, чтобы Турки оставили его въ покоѣ и не воротились еще съ большими силами. Кромѣ того, предстоялъ неизбѣжный вопросъ о запутанныхъ отношеніяхъ самой правобережной Украйны. По Андрусовскому договору она была уступлена Полякамъ, и хотя большая часть ея, съ Дорошенкомъ во главѣ, отпала отъ нихъ и поддалась Турціи, однако Поляки не оставляли на нее своихъ притязаній. Потомъ, вслѣдствіе присяги Дорошенка московскому царю, Москва фактически завладѣла прибрежной полосой тогобочной Украйны, а затѣмъ отбила нападеніе Турокъ; но

Польша упорно продолжала всю ее считать своимъ краемъ. А тутъ еще явный раздоръ Самойловича съ запорожскимъ атаманомъ Сѣркомъ, который самъ мѣтилъ на гетманство. Поэтому въ Москвѣ тревожно смотрѣли на дальнѣйшую борьбу съ могущественной тогда Турціей и колебались принять какое-либо твердое рѣшеніе. Въ Малороссію былъ отправленъ умный московскій дипломатъ, стольникъ Василій Тяпкинъ, чтобы сказать воеводѣ Ромодановскому и гетману Самойловичу милостивое царское слово за успѣшную оборону Чигирина, а главное спросить ихъ мнѣніе, какъ поступить далѣе: держать ли Чигиринъ, или его разорить и покинуть, особенно въ виду затрудненій снабжать его хлѣбными и боевыми запасами и ратными людьми при постоянныхъ неудобствахъ Днѣпровской переправы? Оба, и воевода, и гетманъ, высказались за удержаніе Чигирина; въ особенности Самойловичъ, стремившійся быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, горячо настаивалъ на томъ вмѣстѣ съ казацкой старшиной, говоря, будто безъ Чигирина нельзя будетъ удержать и Кіева. Когда же особый московскій посланецъ спросилъ мнѣніе Сѣрка, тотъ наоборотъ совѣтовалъ разорить и бросить Чигиринъ. Въ Москвѣ однако приняли мнѣніе гетмана и распорядились вновь укрѣпить городъ и приготовить все нужное для его обороны. Попытка склонить султана къ миру оказалась тщетною. Посланный для того въ Царьградъ стольникъ Поросуковъ даже не былъ допущенъ до аудіенціи. Онъ обращался за совѣтомъ къ греческому патріарху. Послѣдній совѣтовалъ не уступать Украйны султану и приводилъ какое-то ходившее между Турками пророчество о томъ, что они будутъ побѣждены его царскимъ величествомъ.

Воеводою въ Чигиринъ назначенъ окольничій Ив. Ив. Ржевскій. Онъ нашелъ здѣсь разрушенныя укрѣпленія и отсутствіе хлѣбныхъ запасовъ. Человѣкъ умный и распорядительный, Ржевскій принялся вновь укрѣплять городъ, собирать запасы и пополнять гарнизонъ. Усерднымъ помощникомъ его въ этихъ приготовленіяхъ былъ извѣстный генералъ Гордонъ. Гетманъ Самойловичъ и князь Ромодановскій снова двинулись съ главными силами на помощь Чигирину; но только въ началѣ іюля достигли Днѣпра и начали переправу на Бужинскомъ перевозѣ. Предводитель турецкихъ полчищъ визирь Мустафа-паша (преемникъ знаменитаго Ахмеда Кöприли) упредилъ ихъ и явился подъ Чигириномъ. Онъ осадилъ городъ, началъ бомбардировать его и вести подкопы; а часть войска съ Крымцами выслалъ противъ русскихъ главныхъ силъ, которыя въ нерѣшимости остановились на Днѣпровскихъ берегахъ, гдѣ и отразили рядъ непріятельскихъ нападеній. По наказу изъ Москвы они должны были ожидать къ себѣ на помощь извѣстнаго князя Каспулата Муцало-

вича съ Черкесами и Калмыками. Только въ концѣ іюля пришелъ Каспулатъ съ отрядомъ всего въ 2,000 человѣкъ. Такая ничтожная помощь отнюдь не могла вознаградить Русскихъ за потерянное въ ожиданіи время. Теперь начальники рѣшили идти къ самому Чигирину, который тщетно молилъ о скорѣйшей выручкѣ и уже едва держался. Ржевскій былъ убитъ разорвавшейся бомбой. Его замѣнилъ генералъ Гордонъ, который и продолжалъ энергичную оборону крѣпости. Къ несчастію, турецкіе подкопы успѣшно взрывались и производили большія опустошенія и пожары. Не доходя до Чигирина, Ромодановскій и Самойловичъ должны были вступить въ генеральное сраженіе съ Турками и Татарами 5 августа. Оно было очень упорно и стоило намъ большихъ потерь. Московскіе и казацкіе полки наконецъ сломили непріятеля и обратили его въ бѣгство. Но Ромодановскій и тутъ не измѣнилъ своей медленности; вмѣсто того, чтобы спѣшить скорѣе къ городу, онъ переночевалъ на полѣ битвы, а на другой день хотя и двинулся далѣе, но все-таки не подошелъ къ самому городу и не ударилъ на осаждающихъ, а сталъ посылать подкрѣпленія малыми частями. Тщетно Гордонъ умолялъ главнаго воеводу о болѣе рѣшительномъ наступленіи. Вялость и нерѣшительность его повели къ тому, что въ его собственномъ войскѣ дисциплина замѣтно падала; московскіе ратные люди начали уходить толпами, не слушать команды, прятаться въ обозы; только солдатскіе полки и стрѣлецкіе приказы не уклонялись отъ битвы съ непріятелемъ. Гетманъ безъ воеводы также ни на что не рѣшался, а его казацкіе полки подверглись еще большему разстройству чѣмъ московскіе. Дѣло кончилось тѣмъ, что 11 августа, когда большой подкопъ взорвалъ часть укрѣпленій, Турки бросились на приступъ, ворвались въ нижній городъ и зажгли верхній. Наступили страшная сумятица и бѣгство осажденныхъ. Вечеромъ къ Гордону пришелъ приказъ отъ Ромодановскаго вывести гарнизонъ и изъ Верхняго города. Уходя, Русскіе подожгли свои складочные магазины. Когда Турки вошли въ замокъ, произошелъ взрывъ порохового склада, отъ котораго погибло ихъ нѣсколько тысячъ. Ромодановскій и гетманъ пошли обратно къ Днѣпру, построивъ свои войска таборомъ. Турки и Татары преслѣдовали ихъ, но не могли разорвать русскихъ таборовъ. Въ 20-хъ числахъ августа Русскіе переправились на лѣвую сторону. Но и Турки не задержались въ Чигиринѣ, а покинули его дымившіяся развалины и ушли домой, предоставивъ правобережную Украйну Юраскѣ Хмѣльницкому.

Такимъ образомъ, извѣстный своею продолжительною службою на югозападной Московской украйнѣ, князь Гр. Гр. Ромодановскій подъ Чигириномъ похоронилъ свою боевую славу. Его нерѣшительный образъ

дѣйствія и не совсѣмъ понятное иной разъ поведеніе возбудили нарѣканія и толки среди современниковъ. Между прочимъ говорили, что Ромодановскій былъ запуганъ непріятелями: его сынъ Андрей находился въ татарскомъ плѣну, и турецкій визирь тайно далъ знать воеводѣ, что если онъ помѣшаетъ взять Чигиринъ, то получитъ голову своего сына, набитую сѣномъ. Въ этой угрозѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, а также и въ томъ, что она могла ослабить рвеніе стараго воина. Но еще вѣроятнѣе, что на его поведеніе вліялъ тайный царскій наказъ, который разрѣшалъ ему, въ случаѣ особой трудности отстоять Чигиринъ, покинуть и окончательно разорить этотъ городъ. По крайней мѣрѣ правительство не сдѣлало Ромодановскому никакого упрека и ограничилось отозваніемъ его въ Москву. А между тѣмъ, по отзыву самихъ мусульманскихъ источниковъ, въ этомъ первомъ открытомъ столкновеніи Московскаго государства съ Оттоманской имперіей Русскіе обнаружили такія доблести, которыя смутили мусульманъ, и они воочію убѣдились въ угрожающемъ для нихъ возрастаніи русскаго могущества.

Юраска Хмѣльницкій остался на западной Украйнѣ съ толпою Татаръ и Поляковъ; настоящихъ казаковъ было у него мало. Онъ разсылалъ по городамъ универсалы о покорности; страхъ, наведенный турецкимъ нашествіемъ и разореніемъ Чигирина, былъ такъ великъ, что нѣкоторые придиѣпровскіе города поддались ему добровольно, каковы Корсунь, Каневъ, Черкасы, Ржищевъ, Жаботинъ и пр.; а нѣкоторыя подольскія мѣста перешли къ нему отъ Поляковъ на основаніи не задолго заключеннаго у нихъ съ Турціей Журавницкаго договора; таковы: Кальникъ, Немировъ, Межибожъ, Баръ и пр. Хмѣльницкій утвердилъ свое пребываніе въ Немировѣ и отсюда сталъ управлять страною. Но управленіе это состояло въ выжиманіи деньгами и съѣстными припасами послѣднихъ средствъ изъ опустѣлой страны, и притомъ отличалось варварскою жестокостью. Не ограничиваясь разореніемъ правой стороны, онъ посылалъ свой сбродъ и самъ ходилъ на лѣвую для грабежа и добычи. Онъ даже пытался захватывать здѣсь жителей и заселять ими правобережныя пустыни. А нѣкоторые жители, бѣжавшіе прежде съ праваго берега на лѣвый, прельщенные его универсалами, сами стали переходить на свое старое пепелище. Такое обратное движеніе встрѣтило энергичное противодѣйствіе со стороны московскаго правительства и гетмана Самойловича. Весною 1679 года онъ послалъ на правый берегъ своего сына Семена съ казаками и царскими ратными людьми; кромѣ того, отправлены были туда и другіе отряды. Лѣвобережные отряды сожгли Ржищевъ, взяли Каневъ, Корсунь, Жаботинъ и нѣкоторыя другія мѣста, разорили ихъ, а жителей перегнали къ себѣ на лѣвую сторону. Это событіе извѣстно

въ народной памяти на Украйнѣ подъ названіемъ «сгона». Правое Приднѣпровье теперь совсѣмъ обезлюдѣло. Только Побужье и сѣверная часть Западной Украйны, остававшаяся въ польскихъ рукахъ, еще имѣли малороссійское населеніе.

Приближался къ концу срокъ Андрусовскаго перемирія, и оба правительства, Московское и Польское, вели дѣятельные переговоры объ его возобновленіи. Поляки, по обыкновенію, требовали возвращенія завоеванныхъ нами областей, а также возвращенія Кіева. Москва же болѣе всего хлопотала объ удержаніи за собой этого священнаго для Русскихъ города.

Послѣ многихъ споровъ, въ іюлѣ 1678 года полномочные польскіе послы, Михаилъ Чарторыйскій и Казиміръ Сапѣга, заключили въ Москвѣ новое тринадцатилѣтнее перемиріе (считая съ іюня 1680 года). Москва довольно дорого заплатила Полякамъ за Кіевъ: она уступила имъ уѣзды или повѣты Невельскій, Себежскій и Велижскій и, кромѣ того, уплатила имъ нѣкоторую сумму денегъ. Польское правительство неоднократно предлагало Московскому воевать Турокъ и Татаръ общими силами. Но съ русской стороны постоянно уклонялись соединить свои войска съ польскими. Особенно возставалъ противъ такого соединенія гетманъ Самойловичъ, который совѣтовалъ болѣе всего опасаться польскаго коварства и предпочиталъ союзу съ Польшею заключеніе мира съ Турціей и Крымомъ. Это мнѣніе раздѣляли и въ Москвѣ. Хотя Московское правительство принимало разныя военныя мѣры, особенно для обороны Кіева, на случай новаго нашествія Турокъ; однако оно попыталось завязать непосредственные переговоры о мирѣ въ самомъ Константинополѣ, куда въ концѣ 1678 года и былъ съ сею цѣлью отправленъ дворянинъ Даудовъ. Оказалось, что и Турецкое правительство тяготилось войной; такъ какъ походы подъ Чигиринъ стоили ему большихъ потерь, а польза отъ нихъ получилась очень малая. Тѣмъ не менѣе султанъ не хотѣлъ отказаться отъ западной Украйны и неуклонной границей ея полагалъ рѣку Днѣпръ. Послѣ разныхъ пересылокъ условлено было перенести мирные переговоры въ Крымъ, гдѣ ханъ Мурадъ Гирей долженъ былъ служить посредникомъ и уполномоченнымъ со стороны султана.

Для сихъ переговоровъ изъ Москвы, осенью 1680 года, были отправлены посланниками полковникъ и стольникъ Вас. Мих. Тяпкинъ, долгое время бывшій нашимъ резидентомъ въ Варшавѣ, и дьякъ Посольскаго приказа Никита Моисеевичъ Зотовъ, извѣстный тѣмъ, что обучалъ грамотѣ царевича Петра Алексѣевича. Тяпкинъ по пути въ Крымъ заѣхалъ въ Батуринъ къ гетману Самойловичу, который присоединилъ къ

московскому посольству писаря Прилуцкаго полка Семена Раковича, знавшаго татарскій языкъ. Вмѣстѣ съ симъ посольствомъ ѣхалъ изъ Москвы крымскій гонецъ Халиль-ага со своей свитой. Отъ города Сумъ посланниковъ провожалъ конвой въ 600 человѣкъ, взятыхъ частью изъ гетманскихъ казаковъ, частью изъ рейтаръ Бѣлгородскаго разряда. Въ статейномъ спискѣ посольства, принадлежащемъ перу дьяка Зотова, находимъ любопытное описаніе перехода извѣстнымъ Муравскимъ шляхомъ по степямъ, отдѣлявшимъ тогда Московское государство отъ Крыма, — перехода труднаго и крайне опаснаго, вслѣдствіе нападеній и грабежей отъ рыскавшихъ по степи Ногаевъ, Калмыковъ и воровскихъ казаковъ изъ Запорожья. Въ городкѣ Валки путники вышли за укрѣпленную Бѣлгородскую черту и вступили въ открытую степь. Далѣе Муравскій шляхъ шелъ по водораздѣлу между притоками съ одной стороны Днѣпра, съ другой — Дона и Азовскаго моря. По вершинамъ Орели, Самары, Тора, Конскихъ, Овечьихъ и Молочныхъ водъ мѣстность болѣе или менѣе не лишена была рыбныхъ рѣчекъ и озеръ, сѣнныхъ луговъ и дубравъ, обилующихъ звѣрями и дичью; а далѣе разстилалась уже голая безводная степь съ выжженною травою; и люди, и кони должны были довольствоваться своими запасами, которые везли на телѣгахъ. На вершинѣ Молочныхъ водъ начальникъ конвоя (майоръ Моканаковъ) взбунтовалъ рейтаръ и казаковъ, такъ что они, несмотря ни на какія убѣжденія посланниковъ, покинули ихъ и воротились домой. Путники послѣ того шли съ великимъ страхомъ отъ разбойниковъ и по ночамъ отдыхали, держа въ рукахъ оружіе и коней. Но затѣмъ начали встрѣчаться пасшіе стада перекопскіе Татары, которые, благодаря вмѣшательству Халиль-аги, помогли посольству 19 октября благополучно добраться до города Перекопа. Онъ представлялъ небольшую четырехъугольную крѣпость, окруженную плохою каменною стѣною и довольно глубокимъ рвомъ; а вокругъ крѣпости тѣснились посады, состоявшіе наполовину изъ жалкихъ избенокъ и полотняныхъ кибитокъ.

25 октября посольство остановилось въ деревнѣ на берегу рѣчки Альмы близъ ханскаго стана; ибо ханъ на ту пору уѣхалъ изъ своей столицы Бахчисарая по поводу морового повѣтрія. Посланниковъ и свиту помѣстили въ какихъ-то каменныхъ избахъ безъ потолковъ, безъ половъ и дверей и не давали отъ хана корму ни имъ самимъ, ни ихъ лошадямъ; приходилось все покупать, и дорогой цѣною. Затѣмъ начались для нихъ всякія мытарства и притѣсненія. Вмѣсто того, чтобы представить посланниковъ ханову величеству, почти силою заставили Тяпкина прежде идти на поклонъ къ ближнему ханову человѣку Ахметъ-агѣ; послѣдній принялъ стольника высокомѣрно, сидя на коврахъ и облокотясь

на бархатныя золотныя подушки, одѣтый въ зеленое суконное платье турецкаго покроя на соболяхъ и съ бѣлой чалмой на головѣ. Когда же посланники представились самому хану, то по уговору съ Ахметъ-агою дворцовые люди не брали ихъ за шею, чтобы силою нагнуть до земли, и они сами сдѣлали земной поклонъ. Мурадъ Гирей сидѣлъ въ углу палаты на красномъ бархатномъ коврѣ, опершись на золотныя подушки. Онъ былъ средняго роста, довольно красивъ; волосы имѣлъ черные съ просѣдью, а бороду красилъ; платье его также было зеленаго сукна и турецкаго покроя, а исподній кафтанъ тофтяной алаго цвѣта, шапка татарская изъ краснаго сукна съ собольей опушкой. По обѣимъ сторонамъ его стояли ближніе люди частію въ турецкомъ, частію въ татарскомъ нарядѣ, кто въ чалмѣ, кто въ шапкѣ. Посланники проговорили свою рѣчь по наказу, подали государеву грамоту, завернутую въ тафту, и поднесли поминки изъ сороковъ соболей. Ханъ спрашивалъ о здоровьѣ великаго государя, не снимая шапки. Онъ пожаловалъ посланникамъ золотные кафтаны, которые тутъ же на нихъ и надѣли. Потомъ посланники были съ поклономъ у царевичей или салтановъ, калги и нурадина, говорили имъ рѣчи по наказу и поднесли поминки при такихъ же церемоніяхъ, какъ у хана. Каждый изъ нихъ также принималъ посольство, сидя на бархатномъ коврѣ съ подушками, имѣя ближнихъ людей, стоявшихъ по обѣ стороны, и также отдаривалъ золотными кафтанами. Посланникамъ разрѣшили съѣздить въ Жидовскій городокъ (Чуфутъ-Кале), чтобы повидаться тамъ съ плѣннымъ бояриномъ В. Б. Шереметевымъ, которому они привезли отъ царя жалованье червонными золотыми и соболями; отдали царское жалованье и другому плѣннику, стольнику князю Андрею Ромодановскому. Шереметевъ потомъ былъ призываемъ къ участію въ мирныхъ переговорахъ, которые велись со стороны хана Ахметъ-агою и другими ближними людьми.

Тяпкинъ и Зотовъ настаивали на томъ, чтобы граница шла по рѣкамъ Роси, Тясмину и Ингулу. Но Татары не признавали никакой другой границы, кромѣ Днѣпра. Тщетно наши посланники пытались подкупить хана и его ближнихъ людей; ему предлагали 10.000 червонцевъ, а имъ 3.000; кромѣ того, обѣщали богатые дары турецкому султану и великому визирю. Мурадъ Гирей отвѣтилъ, что не возьметъ и 100.000; ибо онъ человѣкъ подневольный и долженъ исполнить волю султана. Чтобы сломить упорство русскихъ дипломатовъ, ихъ стали держать въ тѣсномъ заключеніи и грозили посадить въ яму. Тяпкинъ и Зотовъ, имѣя тайный наказъ заключить миръ во что бы ни стало, наконецъ, уступили. Къ главному условію, т.-е. границѣ по Днѣпръ, они присоединили слѣдующія статьи: чтобы перемирію быть на 20 лѣтъ и въ это время

ни султану, ни хану между Днѣпромъ и Бугомъ новыхъ городовъ не ставить, а старыхъ не поправлять; Кіевъ съ ближайшими городами и селами, каковы Васильковъ, Триполье и пр., остаются за Москвою, также Запорожье, съ правомъ казакамъ и промышленникамъ ловить рыбу на Днѣпрѣ и его притокахъ и ѣздить до Чернаго моря ради соляного и звѣринаго промысла; плѣнники, Шереметевъ, Ромодановскій и прочіе подлежатъ выкупу или размѣну. Хану обѣщаны ежегодные поминки. Ханъ согласился на эти условія Послали ихъ въ Константинополь, откуда привезли согласіе султана Магомета IV. Однако, при окончательномъ договорѣ и шерти (присягѣ) возникли новые споры, такъ какъ въ татарской шертной грамотѣ были пропущены нѣкоторыя статьи, напримѣръ, о Запорожьѣ. Но и тутъ русскіе дипломаты въ концѣ концовъ уступили. 4 марта 1681 года они имѣли у хана отпускную аудіенцію въ шатрахъ близъ Бахчисарая; причемъ ханъ шертовалъ (присягалъ) на коранѣ въ соблюденіи заключеннаго договора. А 7 марта были на отпуску у калги-салтана Тохтамышъ-Гирея въ селеніи Акмечети (нынѣ городъ Симферополь), потомъ у нурадынъ-салтана Саадетъ-Гирея въ другомъ селеніи. Оба царевича также шертовали на коранѣ. Спустя два дня, русское посольство выѣхало въ обратный путь. Около Перекопа къ нему присоединились отправленные въ Москву крымскіе послы со своей свитой: отъ хана мурза Сулешовъ, отъ калги Халиль-ага, отъ нурадына другой ага. Отсюда съ татарскимъ конвоемъ они совершили путь къ Днѣпру до турецкихъ каменныхъ городковъ (Шанъ-кермень, Казы-кермень и пр.), построенныхъ на обоихъ берегахъ и снабженныхъ огнестрѣльнымъ снарядомъ, чтобы отнять у Запорожцевъ путь къ морю. Турецкій бей или начальникъ этихъ крѣпостей (нѣкій Янъ Муравскій, родомъ изъ литовскихъ Татаръ) далъ посламъ новый конвой, который проводилъ ихъ до Запорожской сѣчи, стоявшей тогда на рѣкѣ Базавлукѣ.

Знаменитаго кошевого атамана Димитрія Сѣрка уже не было въ живыхъ: онъ умеръ болѣе полугода назадъ у себя на пасекѣ недалеко отъ Сѣчи. Послѣднее время своей боевой дѣятельности этотъ запорожскій богатырь и гроза бусурманъ въ особенности ознаменовалъ шатаньемъ между Москвой и Польшею и враждою съ гетманомъ Самойловичемъ, котораго власти надъ собою не признавалъ, считая себя болѣе достойнымъ гетманской булавы и, кромѣ того, злобясь на него за отнятіе нѣкоторыхъ запорожскихъ маетностей (земельныхъ угодій). На мѣсто его кошевымъ былъ выбранъ Иванъ Стягайло, который склонилъ непокорныхъ Запорожцевъ къ новой присягѣ на вѣрность Московскому царю и оказывалъ уваженіе власти гетмана Малороссійскаго или, какъ тогда выражались, «поддался подъ его региментъ». Онъ вмѣстѣ съ старшиною любезно

встрѣтилъ пословъ, помолился съ ними въ сѣчевомъ храмѣ Покрова Богородицы, накормилъ обѣдомъ и затѣмъ отпустилъ съ честью. Особенно довольно было заключеннымъ перемиріемъ Малороссійское войско. Гетманъ Самойловичъ въ своей резиденціи Батуринѣ принялъ посольство, русское и татарское, съ большими почестями и угостилъ большимъ пиромъ, сопровождавшимся музыкой и пушечной пальбою. При выѣздѣ изъ города «ближній человѣкъ» гетмана Иванъ Мазепа поднесъ отъ него Тяпкину и Зотову въ даръ по булатной саблѣ въ серебряной оправѣ съ шелковыми поясами.

Этотъ Мазепа уже успѣлъ вкрасться въ расположеніе и довѣріе Самойловича и сдѣлался его правою рукою, особенно при сношеніяхъ съ Московскимъ правительствомъ. Незадолго до посольства Тяпкина въ Крымъ, Мазепа вмѣстѣ съ гадяцкимъ полковникомъ Васильевичемъ ѣздилъ въ Москву по слѣдующему важному порученію. На лѣвой сторонѣ Днѣпра скопилось тогда много переселенцевъ съ праваго берега (до 20.000 семей), которые не находили себѣ земельнаго помѣщенія и обременяли мѣстныхъ жителей. Гетманъ просилъ отвести имъ земли въ четырехъ слободскихъ полкахъ (Харьковскомъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Острогожскомъ), которые образовались также изъ украинскихъ переселенцевъ, вышедшихъ ранѣе съ той же правой стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы эти полки, находившіеся въ вѣдѣніи Бѣлгородскаго разряда, были переведены подъ региментъ Малороссійскаго гетмана. Такимъ образомъ, лишась всякой надежды на возсоединеніе запустѣлой правобережной Украйны съ лѣвобережною, Самойловичъ желалъ возмѣстить эту потерю присоединеніемъ Слободской украйны къ Гетманщинѣ. Но Московское правительство на такое предложеніе отвѣчало уклончиво, и обѣщало распорядиться отведеніемъ свободныхъ земель подъ новыя поселенія. Отпуская Тяпкина и Зотова въ Москву, гетманъ просилъ ихъ напомнить царскому величеству о правобережныхъ выходцахъ, которыхъ приходится ему, гетману, кормить изъ собственныхъ средствъ. Но и это напоминаніе не имѣло успѣха; въ Москвѣ также были рады заключенному перемирію, но отнюдь не желали на счетъ собственныхъ областей увеличивать территорію гетманскаго регимента. Въ томъ же 1681 году дьякъ Возницынъ ѣздилъ въ Константинополь за султанскимъ подтвержденіемъ или ратификаціей Бахчисарайскаго перемирія. Тамъ выдали ему требуемую грамоту, но также не внесли въ нее статью о принадлежности Запорожья къ Московскому государству. Послѣ многихъ споровъ дьякъ принужденъ былъ взять грамоту съ такимъ пропускомъ.

Межъ тѣмъ дѣло о размѣнѣ плѣнныхъ замедлилось. Только въ ноябрѣ 1681 года подъ Переволочной на берегу Днѣпра совершился наконецъ

этотъ размѣнъ. Но при этомъ за В. Б. Шереметева пришлось все-таки внести очень большой выкупъ (40.000 серебр. рублей, болѣе полумилліона теперешнихъ). Цѣлыхъ 21 годъ томился въ тяжкой неволѣ этотъ знатный бояринъ послѣ Чудновскаго пораженія, успѣлъ тамъ состариться, и освободился только для того, чтобы, спустя около полугода, окончить свои дни въ родной Москвѣ. Вмѣстѣ съ нимъ были освобождены князь Андрей Ромодановскій и многіе другіе русскіе плѣнники.

Вскорѣ послѣ того сошелъ съ исторической сцены неудачный сынъ знаменитаго отца, Юраска Хмѣльницкій. Своею чрезмѣрною жестокостью онъ вызвалъ слезныя жалобы, былъ возвращенъ изъ Немирова въ Константинополь и тамъ умеръ или, какъ полагаютъ, казненъ.

Правобережную Украйну султанъ отдалъ во владѣніе сосѣднему молдавскому господарю Іоанну Дукѣ; а послѣдній назначилъ туда гетманомъ какого-то Драгинича съ приказомъ возобновлять разоренные города и заводить новыя поселенія изъ Валаховъ и Малороссіянъ. Универсалы его, обѣщавшіе всякія льготы обратнымъ переселенцамъ, производили волненіе на лѣвой сторонѣ и даже нѣкоторыхъ переманили; что побудило Самойловича и Московское правительство принимать мѣры противъ обратнаго движенія помянутыхъ выше выходцевъ праваго берега. Рѣшено было отвести имъ новыя земли на границѣ Слободской Украйны со степью, а для защиты ихъ провести новую черту, т.-е. валъ съ крѣпостями и засѣками, вдоль рѣки Коломака, впадающаго въ Ворсклу.

Любопытно, что первая война Московскаго государства съ мусульманской Турецкой имперіей нашла отголосокъ на его восточныхъ украйнахъ. Узнавъ о паденіи Чигирина, Башкиры и сосѣдніе съ ними Татары заволновались по обѣ стороны Уральскаго хребта. „Турки и Крымцы намъ родня и одной съ нами вѣры“ — говорили они и стали, готовиться къ войнѣ съ Русскими. Они ходили подъ Кунгуръ, взяли его острогъ и разорили окрестныя селенія (1679). Съ Башкирами готовы были соединиться Калмыки. Почти въ началѣ Ѳеодорова царствованія (январь 1677 г.) главный калмыцкій тайша Аюкай Мончаковъ съ разными другими тайшами, а также за кочевавшихъ вмѣстѣ съ ними ногайскихъ мурзъ, вновь присягнули на подданство Московскому царю подъ Астраханью въ присутствіи мѣстнаго воеводы князя Щербатова; при чемъ тайши по обычаю цѣловали своихъ божковъ или бурхановъ, книгу Бичикъ и четки, а на голову клали саблю и приставляли ее къ горлу. Однако Калмыки нисколько не думали покидать своихъ грабительскихъ привычекъ. Шайки ихъ между прочимъ нападали на станицы Донскихъ казаковъ, угоняли у нихъ скотъ, брали въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей. Въ отместку имъ казаки собирались партіями и ходили громить калмыцкіе улусы. Эта мелкая война очень обез-

покоила Московское правительство: оно посылало казакамъ указы не трогать Калмыковъ, которые присягнули на подданство и служатъ тому же великому государю; посылали и къ калмыцкимъ тайшамъ звать ихъ на службу противъ Крымскихъ Татаръ (1678 г.). Но тайши, съ Аюкаемъ во главѣ, отказались отъ похода, ссылаясь на обиды отъ Донскихъ казаковъ. Тогда правительство обратилось къ извѣстному черкесскому князю Каспулату Муцаловичу и поручило ему помирить Калмыковъ съ казаками. Но, повидимому, и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ; Аюкай наоборотъ началъ мириться со своими старыми степными соперниками, т.-е. съ Крымцами и Башкирами. Соединенныя толпы Калмыковъ и Татаръ нападали на украинные поволжскіе города; явились подъ Пензою и сожгли внѣшній городъ или посадъ. Заключенный вскорѣ Бахчисарайскій договоръ очевидно умиротворяющимъ образомъ повліялъ на наши ближнія юговосточныя украйны.

Около того же времени произошло движеніе на Яикѣ. Толпа воровскихъ казаковъ, съ атаманомъ Ваською Касимовымъ, завладѣла Гурьевымъ городкомъ, взяла тамъ пушки, порохъ, свинецъ, денежную казну и засѣла въ устьѣ Яика на островѣ (1677). Московское правительство опасалось, какъ бы не повторился Разинскій мятежъ, и приняло энергичныя мѣры. Противъ воровъ посланъ былъ изъ Астрахани сильный отрядъ на стругахъ. Тѣ начали уходить моремъ; но были настигнуты и разбиты. Остатокъ ихъ спасся на югъ и сталъ грабить туркменскіе и персидскіе берега; но тамъ былъ истребленъ.

Въ Западной Сибири къ движенію Башкиръ, Калмыковъ и Татаръ присоединились и Киргизы, которые нападали въ особенности на уѣзды Томскій и Красноярскій, и разорили много деревень. Даже Самоѣды воспротивились сборщикамъ ясака и приступали къ Мангазейскому острогу, но были отбиты. Въ Восточной Сибири пытались заводить бунты Якуты и Тунгузы. Главный поводъ къ тому давали сами русскіе воеводы и служилые люди своими притѣсненіями и вымогательствами, особенно при сборѣ ясака въ царскую казну. Послѣдніе часто дѣйствовали вопреки постояннымъ изъ Москвы наказамъ, по которымъ слѣдовало привлекать инородцевъ въ государево подданство болѣе всего ласкою, а не суровостью. Но всѣ эти мѣстныя движенія обыкновенно усмирялись, благодаря моральному и физическому превосходству русскихъ ратныхъ людей, а главное, благодаря разрозненности мелкихъ туземныхъ племенъ и родовъ и даже ихъ взаимной враждѣ между собою; такъ что Русскіе нерѣдко находили помощь противъ мятежныхъ инородцевъ со стороны ихъ же соплеменниковъ.

Межъ тѣмъ какъ ясачные Сибирскіе инородцы заводили мятежи и пытались освободиться отъ Московскаго владычества, болѣе далекіе ихъ

сосѣди, нѣкоторые монгольскіе владѣтели, присылали въ Москву съ предложеніемъ подданства и выраженіями преданности. Такъ отъ мунгальскаго хана Лоджана и его родичей въ 1680 году приходило посольство, чтобы подтвердить «вѣрное подданство и обѣщаніе служить и всякаго добра хотѣть и противъ непріятелей его царскаго величества поискъ чинить» подобно тому, какъ «служилъ вѣрою и правдою» его отецъ Алтынъ-ханъ дѣду и отцу Θеодора Алексѣевича. Но конечно за этими пышными фразами скрывалось простое желаніе получать отъ царя жалованье, и подобныя посольства обыкновенно отпускались съ богатыми подарками ([46]).

Что касается мѣръ ради внутренняго порядка и государственнаго устроенія, то кратковременное царствованіе Θеодора Алексѣевича отличалось обиліемъ такихъ мѣръ и какъ бы усиленною правительственною дѣятельностію. Замѣчательны между прочимъ указы о точномъ распредѣленіи времени и дѣлъ для самихъ правительственныхъ занятій, о поддержаніи наибольшаго благочинія и уваженія къ особѣ и жилищу государя и вмѣстѣ о смягченіи прежняго слишкомъ рабскаго къ нему отношенія. Таковы: во-первыхъ, расписаніе, въ какіе ближайшіе дни и числа и изъ какихъ приказовъ вносить дѣла на разсмотрѣніе Боярской Думы (1676). Напримѣръ: въ пятницу 4 августа изъ приказовъ Разряднаго, Посольскаго, Малороссійскаго, Новогородской Чети; въ понедѣльникъ, 7 числа, изъ приказовъ Большой казны, Иноземскаго, Рейтарскаго, Большого Приходу, Ямского и т. д. Затѣмъ слѣдовало опредѣленіе времени, въ которое бояре, окольничіе и дьяки, вѣдающіе приказы, должны пріѣзжать и выходить изъ нихъ (1679 г.). А именно: пріѣзжаютъ они по утру за часъ до начала дня, а выѣзжаютъ въ 6 часу дня; вечеромъ пріѣздъ въ первомъ часу ночи, отъѣздъ въ седьмомъ. Въ слѣдующемъ году постановлено, чтобы начальные люди, дьяки и подьячіе сидѣли въ приказахъ днемъ пять часовъ и вечеромъ тоже пять часовъ. Далѣе Θеодоръ запретилъ своимъ придворнымъ чинамъ, именно стольникамъ, стряпчимъ, московскимъ дворянамъ и жильцамъ, писать въ челобитныхъ къ царю, «чтобы онъ великій государь *пожаловалъ умилосердился яко Богъ*»; вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ симъ чинамъ, чтобы въ случаѣ какой заразной болѣзни у нихъ въ домѣ (горячка, оспа и т. п.) они заявляли о томъ въ Разрядѣ, а сами не являлись во дворецъ на Постельное крыльцо и государя въ походахъ не сопровождали впредь до указа (1680). Тѣмъ же придворнымъ чинамъ было запрещено на дорогѣ при встрѣчѣ съ боярами, думными и ближними людьми слѣзать съ коней и кланяться въ землю: сію честь подобаетъ воздавать только ему, вели-

кому государю (1681). Ѳеодоръ прибавляетъ, что таковаго обычая не было при державѣ его дѣда и отца. Въ томъ же году послѣдовало распоряженіе, ограничившее доступъ во внутреннія палаты дворца стольникамъ, дворянамъ и жильцамъ, которые собирались на Постельномъ крыльцѣ. (На томъ же крыльцѣ объявлялись имъ царскіе указы). Въ зимнее время разрѣшалось однимъ входить въ сосѣднія съ Постельнымъ крыльцомъ сѣни, называемыя Передней палатой, другимъ проходить въ старую Золотую палату; причемъ полковникамъ изъ стольниковъ не водить за собой деньщиковъ и стрѣльцовъ, никому не водить и дѣтей, а за перегораду съ Постельнаго крыльца дозволялось переступать только судьямъ, «которые сидятъ по приказамъ», но и тѣмъ «въ верхъ не ходить» (т.-е. въ государевы покои). Разумѣется, туда приходили только тѣ, которыхъ государь позоветъ. Въ то же время боярамъ и прочимъ думнымъ людямъ разрѣшено ѣздить въ городѣ лѣтомъ въ каретахъ, а зимою въ саняхъ парой, но въ праздничные дни бояре могли ѣздить четверкой, а на свадьбу даже шестерней. Другіе же придворные чины, т.-е. спальники, стольники, стряпчіе и дворяне, въ лѣтнее время должны были ѣздить верхомъ, а въ зимнее могли и на саняхъ, но въ одну лошадь; на саняхъ же парой или въ каретахъ ѣздить имъ недозволено. Кромѣ того, имѣемъ особый именной указъ, опредѣлявшій одежду бояръ, думныхъ и придворныхъ чиновъ, въ которой они должны являться въ праздничные и торжественные дни при царскихъ выходахъ. Въ самые большіе праздники они надѣвали золотныя ферязи, въ другіе бархатныя, а въ третьи объяринныя. Этотъ указъ изданъ въ декабрѣ 1680 года. А уже въ октябрѣ слѣдующаго года царь повелѣлъ всѣмъ думнымъ людямъ, дворянамъ и приказнымъ носить короткіе кафтаны, а въ длинныхъ охобняхъ и однорядкахъ не являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Это было началомъ реформы старой долгополой одежды.

Видимъ нѣкоторыя попытки къ смягченію судебныхъ жестокостей. Напримѣръ, за первую и вторую татьбу запрещено отсѣкать пальцы, руки или ноги, а приказано ссылать воровъ въ Сибирь на пашню вмѣстѣ съ женами и съ дѣтьми, которые не старше трехъ лѣтъ. Жестокій обычай окапывать въ землю по шею тяжкихъ преступницъ (особенно мужеубійцъ) смягчается тѣмъ, что, обыкновенно не дожидаясь смерти, ихъ откапываютъ и постригаютъ въ монастырь. Но крѣпостное право очевидно входитъ въ большую и большую силу. Напримѣръ, имѣемъ боярскій приговоръ о томъ, что если помѣщикъ уѣдетъ изъ Москвы, не заплативъ пошлинныхъ денегъ (съ судебныхъ актовъ), то «править (чинить правежъ) тѣ деньги на людяхъ ихъ (т.-е. на холопахъ) и *на крестьянахъ»* (1676 г.) Крестьяне такимъ образомъ уже приравниваются къ

холопамъ. А спустя пять лѣтъ, самый приказъ Холопьяго суда рѣшено уничтожить, и дѣла его перенести въ общій Судный приказъ; что указываетъ на объединеніе всѣхъ крѣпостныхъ людей. О полномъ прикрѣпленіи крестьянъ свидѣтельствуетъ также статья, подтверждающая Уложеніе (въ указѣ, относящемся къ помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ, въ 1681 г.): если помѣщикъ въ дракѣ, безъ умысла или «пьянымъ дѣломъ», убьетъ крестьянина другого помѣщика, то обязанъ взять изъ своего помѣстья лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми и отдать владѣльцу убитаго. Въ судебномъ отношеніи важенъ указъ (1679 года), совершенно отмѣнившій губныхъ старостъ и сыщиковъ и повелѣвавшій «губныя избы во всѣхъ городахъ сломать». Губныя же дѣла (т.-е. уголовныя) подчинены воеводамъ и губные подьячіе переведены въ съѣзжія или воеводскія избы. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены горододѣльцы, ямскіе приказчики, осадные, пушкарскіе головы, хлѣбные и денежные сборщики: всѣ ихъ дѣла приказано вѣдать воеводамъ, «чтобы впредь градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормѣхъ лишнихъ тягостей не было». Слѣдовательно, видимъ усиленіе воеводской власти и распространеніе воеводъ не на однѣ только пограничныя или инородческія области, но и на все Московское государство. Вмѣстѣ съ ними растетъ и усиливается государственная централизація. Далѣе заслуживаетъ вниманія отмѣна таможенныхъ и винныхъ откуповъ вслѣдствіе большихъ недоимокъ, чинимыхъ откупщиками, и съ 1 сентября (новаго) 1681 года сборъ доходовъ съ таможенныхъ и кружечныхъ дворовъ вновь отданъ «на вѣру» таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ. Любопытно также распоряженіе о торговлѣ шелкомъ. Армяне хотя и обязались доставлять въ Россію весь шелкъ, который они покупали въ Персіи, но это обязательство исполняли очень плохо. Западные иноземцы, какъ извѣстно, постоянно добивались въ Москвѣ разныхъ торговыхъ льготъ. Между прочимъ Голландцы чрезъ своего посланника фанъ-Кленка просили разрѣшенія торговать непосредственно съ Персіянами въ Россіи и получать отъ нихъ шелкъ-сырецъ. Московское правительство, какъ истинно національное, по этому вопросу спросило мнѣніе своихъ гостей или наиболѣе крупныхъ торговцевъ. Гости дали умный отвѣтъ и разъяснили, какой произойдетъ ущербъ для государства, если иноземцы по всей Россіи будутъ между собой торговать помимо русскихъ людей; а потому послѣднюю торговлю можно дозволить только въ Архангельскѣ. Правительство поступило согласно съ ихъ мнѣніемъ.

Самымъ важнымъ внутреннимъ мѣропріятіемъ въ царствованіе Θеодора Алексѣевича является, конечно, отмѣна мѣстничества.

Это учрежденіе уже давно сыграло свою главную роль: разъединить, ослабить боярскую знать и тѣмъ укрѣпить, обезпечить Московское самодержавіе. Дальнѣйшее существованіе его уже стѣсняло это самодержавіе, заставляя вращаться все въ томъ же заколдованномъ кругу, назначать на высшія мѣста въ государствѣ не наиболѣе способныхъ и энергичныхъ людей, а наиболѣе родовитыхъ и знатныхъ. На царскихъ выходахъ и пирахъ конечно обычай мѣстничать не имѣлъ большого вліянія на государственныя дѣла; но при назначеніи правителей, пословъ и судей онъ уже причинялъ не мало затрудненій и ущербу. А самый большой вредъ, какъ извѣстно, онъ приносилъ въ военное время, и сколько неудачъ терпѣли русскія рати отъ мѣстничества воеводъ! Противъ этого зла употреблялось объявленіе похода «безъ мѣстъ». При Михаилѣ Өеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ почти всѣ походы были объявлены безъ мѣстъ, съ угрозою отобранія вотчинъ и помѣстій и заключенія въ тюрьму. Однако и эта угроза не всегда оказывалась дѣйствительною, и случаи мѣстническихъ счетовъ нерѣдко продолжали повторяться.

Большое напряженіе силъ, вызванное борьбою за Малороссію, и особенно неудачный исходъ Чигиринскихъ походовъ и войны съ Турками заставили Өеодора Алексѣевича и его ближайшихъ совѣтниковъ выдвинуть вопросъ объ улучшеніи ратнаго дѣла. Въ это время едва ли не самымъ вліятельнымъ лицомъ при юномъ царѣ по высшимъ государственнымъ дѣламъ является молодой бояринъ и воевода князь Василій Васильевичъ Голицынъ, человѣкъ, бывавшій за границей, очень образованный по тому времени и сторонникъ западныхъ обычаевъ, слѣдовательно, близко подходившій въ этомъ отношеніи къ самому Өеодору Алексѣевичу. Въ ноябрѣ 1681 года царь назначилъ изъ думныхъ людей родъ комиссіи по вопросу о лучшемъ устроеніи ратнаго дѣла, и во главѣ ея поставилъ именно князя Голицына; а для вящшаго разсмотрѣнія сего вопроса въ комиссію были призваны выборные отъ стольниковъ, занимавшихъ начальничьи мѣста въ войскѣ, отъ рейтарскихъ и пѣхотныхъ полковниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Въ царскомъ наказѣ для комиссіи прямо было указано на послѣднія военныя неудачи, происходившія отъ нашей отсталости въ сравненіи съ непріятелями, и поручалось «перемѣнить на лучшее то, что показалось въ бояхъ неприбыльно».

Объявивъ этотъ наказъ выборнымъ людямъ, князь Голицынъ съ товарищи спросилъ, какому ратному строенію, по ихъ мнѣнію, пристойнѣе быть для стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, т.-е. для тѣхъ чиновъ и статей, къ которымъ принадлежали сами выборные. Послѣдніе отвѣтили, что слѣдуетъ расписать ихъ не въ сотни, а въ

роты и вмѣсто сотенныхъ головъ пусть будутъ ротмистры и поручики, и притомъ «безъ мѣстъ», а кому въ какомъ чинѣ укажетъ быть великій государь. Царь соизволилъ на эту мѣру. Составлены были именные списки ротмистровъ и поручиковъ. Выборные били челомъ, что они-то со своими родственниками расписаны, а знатныхъ родовъ, каковы Трубецкіе, Одоевскіе, Куракины, Репнины, Шеины, Троекуровы, Лобановы-Ростовскіе, Ромодановскіе и пр., въ этихъ спискахъ нѣтъ, а потому пожаловалъ бы великій государь велѣлъ, чтобы и тѣхъ родовъ молодые люди были здѣсь записаны, дабы впредь отъ нихъ «въ попрекѣ и въ укоризнѣ не быть»; да и не однимъ молодымъ, а всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ быть въ приказахъ, въ полкахъ, въ городахъ, у посольскихъ и всякихъ дѣлъ безъ мѣстъ, а гдѣ кому великій государь укажетъ, и чтобы впредь разрядомъ и мѣстами не считаться, а разрядные случаи оставить и мѣстничество искоренить.

Такъ прямо и просто подошли къ главному вопросу выборные люди дворянскаго сословія; возможно предполагать, что онъ подсказанъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи и съ соизволенія самого царя. Князь Голицынъ доложилъ государю челобитье выборныхъ. Для обсужденія его Θеодоръ Алексѣевичъ назначилъ соединенное засѣданіе Боярской думы съ Освященнымъ соборомъ, на 12 января 1682 года. Тутъ, когда князь Голицынъ прочелъ челобитье выборныхъ людей, царь обратился къ патріарху и архіереямъ съ горячимъ словомъ, указалъ на свою священную обязанность «устроять и укрѣплять православныхъ христіанъ къ лучшему состоянію», на вредъ, приносимый мѣстничествомъ въ военномъ дѣлѣ, на стараніе его дѣда и отца ослабить этотъ вредъ безмѣстіемъ въ походахъ, на Конотопское и Чудновское пораженія и т. д. Въ заключеніе спрашивалъ мнѣнія іерарховъ относительно челобитной выборныхъ. Патріархъ Іоакимъ отъ имени церковныхъ властей отвѣтилъ полнымъ ея одобреніемъ и благословеніемъ царю на отмѣну мѣстничества. Затѣмъ государь спросилъ мнѣнія бояръ, всѣхъ думныхъ и ближнихъ людей. Получился тотъ же отвѣтъ и съ ихъ стороны. Θеодоръ Алексѣевичъ объявилъ тогда совершенное уничтоженіе мѣстническихъ счетовъ на будущее время; а чтобы закрѣпить это рѣшеніе, приказалъ князю Мих. Юр. Долгорукову и думному дьяку Семенову принести изъ Разряднаго приказа разныя дѣла по таковымъ счетамъ и предать ихъ огню въ сѣняхъ Передней палаты. При семъ сожженіи присутствовали отъ лица государя упомянутые князь Долгоруковъ и Семеновъ, а отъ лица патріарха—всѣ архіереи. Но родословныя боярскія книги царь велѣлъ хранить, и указалъ имѣть въ Разрядѣ общую Родословную книгу, которую пополнить именами вновь выслужившихся родовъ при державѣ его дѣда и отца,

кромѣ того, выписать въ особыя книги ихъ службы изъ полковыхъ росписей, посольскихъ списковъ и десятенъ. Ослушниковъ указа т.-е. будущихъ мѣстниковъ, предписано наказывать лишеніемъ государской милости, «безповоротнымъ» отобраніемъ помѣстій и вотчинъ. Тотъ же князь Долгоруковъ объявилъ этотъ указъ на Постельномъ крыльцѣ всѣмъ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ. Вопреки прежнимъ московскимъ обычаямъ, царь скрѣпилъ соборный приговоръ собственноручною подписью. За нимъ подписался патріархъ и церковныя власти, потомъ бояре и думные люди, а затѣмъ выборные люди.

Полный успѣхъ этой мѣры, т.-е. дѣйствительное послѣ нея прекращеніе мѣстничества, показываетъ, что оно уже было вполнѣ устарѣвшимъ обычаемъ и не соотвѣтствовало народившимся новымъ понятіямъ и правамъ въ самомъ русскомъ обществѣ. Однако нельзя сказать, чтобы родовитое боярство безъ сожалѣнія разсталось съ симъ обычаемъ. Оно конечно уступило рѣшительному соизволенію государя и вліянію его молодыхъ совѣтниковъ. Возможно, что со стороны послѣднихъ (а особенно кн. В. В. Голицына) былъ употребленъ какой-то дипломатическій пріемъ, чтобы отклонить или смягчить оппозицію родовитаго боярства. На это намекаетъ одинъ дошедшій до насъ проектъ, явившійся очевидно не безъ связи съ отмѣною мѣстничества. Вскорѣ послѣ этой отмѣны или одновременно съ нею составлена была, по совѣту бояръ, роспись намѣстничествамъ, на которыя предполагалось раздѣлить Московское государство, а намѣстничества эти распредѣлить между членами Боярской думы, по степени ихъ старшинства. Во главѣ росписи поставленъ первый бояринъ какъ начальникъ судебнаго вѣдомства въ царствующемъ градѣ Москвѣ, соотвѣтствовавшій византійскому *Доместику ѳемъ* (Δομεστικοσ Θεματῶν). Потомъ слѣдуютъ *дворовый воевода* или *севастократоръ*, намѣстникъ *Владимірскій*, воевода *Сѣверскаго разряда*, намѣстникъ *Новгородскій*, воевода *Владимірскаго разряда* и т. д., всего 34 степени. Въ предыдущее время обыкновенно при отправленіи посольскихъ дѣлъ чиновникамъ давались титулы намѣстниковъ того или другого города; но это былъ чисто номинальный почетъ. Теперь же какъ будто предполагалось съ сими титулами соединить и дѣйствительное ихъ значеніе. Съ одной стороны по упоминанію при нѣкоторыхъ титулахъ соотвѣтствующаго византійскаго чина тутъ видно вліяніе византійскихъ воспоминаній. Съ другой—можно предположить вошедшее тогда въ силу польское вліяніе и подражаніе польско-литовскимъ воеводамъ и каштелянамъ, которые, будучи членами Сената, въ то же время стояли во главѣ и областнаго управленія. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, предполагалось связать съ этимъ гражданскимъ дѣленіемъ государства и его дѣленіе цер-

ковное или епархіальное, можетъ-быть, по образцу польско-литовскихъ епископовъ, которые уже по самому своему сану были членами Сената. Но весь этотъ проектъ рушился, благодаря несогласію патріарха Іоакима, къ которому онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе. Патріархъ указалъ на опасность, которая можетъ угрожать царскому единовластію и самодержавію отъ постоянныхъ и «великородныхъ» намѣстниковъ, и при семъ напомнилъ бѣдственныя времена раздѣленія Россіи на удѣльныя княженія. Но уже самая легкость, съ которою былъ послѣ того оставленъ сей проектъ, свидѣтельствуетъ, что царь и его ближайшіе совѣтники не придавали ему важнаго или серьезнаго значенія.

Что касается отмѣны мѣстничества, то подобное столь долго существовавшее и вкоренившееся явленіе, разумѣется, не могло легко и быстро исчезнуть изъ исторіи, и время отъ времени потомъ напоминало о себѣ разными мѣстническими случаями; но они были сравнительно рѣдки и незначительны. Съ одной стороны, *масса дворянскаго сословія, подобно польской шляхтѣ, стремилась уравнять съ собою въ правахъ* (демократизовать) *боярскую знать;* съ другой—*самодержавная власть* все рѣшительнѣе ставила службу и царскую милость выше знатной породы, чѣмъ *подготовляла новый и очень разнообразный составъ русской аристократіи.*

Рядомъ съ дѣлами, собственно гражданскими, правительству Θеодора Алексѣевича не мало причиняли заботъ и дѣла церковныя, особенно успѣхи раскола. Еще и двадцати лѣтъ не прошло отъ его начала, а онъ уже распространился на отдаленныя окрайны государства, каковы въ особенности Донское казачество, сѣверное Поморье и Сибирь. На Донъ уходили нѣкоторые попы и чернецы, устраивали тамъ въ глухихъ мѣстахъ пріюты или пустыни, гдѣ служили по старымъ книгамъ и передъ старыми иконами и смущали окрестныхъ жителей хулою на новыя иконы и новоисправленныя книги. Въ Поморскомъ краю было сильно вліяніе Соловецкаго монастыря; послѣ его погрома уцѣлѣвшіе иноки разсѣялись по всему краю и, какъ претерпѣвшіе за правую вѣру, находили особое сочувствіе среди населенія. Сибирь, или собственно Тобольская область, манила расколоучителей своими удобствами скрываться отъ правительственнаго надзора въ глухихъ, пустынныхъ мѣстахъ. Они строили тамъ часовни, около нихъ кельи; совершали церковныя службы, за которыми не поминали царя, патріарха и своего мѣстнаго митрополита; троеперстіе проклинали, а четырехконечный крестъ на просфорахъ называли латинскимъ крыжемъ, антихристовой печатью. Ихъ проповѣдь и разсказы о чудныхъ видѣніяхъ привлекали многихъ людей въ эти пустыни, гдѣ они и постригались. Тобольскій воевода бояринъ Петръ Васильевичъ Шере-

метевъ началъ посылать ратныхъ людей, чтобы захватывать расколоучителей съ ихъ послѣдователями и предавать ихъ гражданскому суду со всѣми его суровостями. Но такія грубыя мѣры возбуждали фанатизмъ среди раскольниковъ и желаніе пострадать за правую вѣру: они или сожигались еще до прихода ратныхъ людей, или запирались въ какомъ-либо дворѣ, натаскавъ туда пеньки, смолы, бересты, и угрозою поджечь все это удерживали сыщиковъ отъ насилія. Случалось, что изъ такого добровольнаго заключенія раскольники посылали на царское имя челобитныя, въ которыхъ жаловались на притѣсненія отъ приказныхъ и служилыхъ людей; увѣряли, что ихъ напрасно называютъ еретиками и раскольниками, что они держатся стараго благочестія, утвержденнаго апостолами, семью вселенскими и девятью помѣстными соборами. Ссылались при семъ на подходящія изрѣченія св. Писанія и отцовъ Церкви, напримѣръ: «аще и ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ иначе, анаѳема да будетъ» или «аще кто пребудетъ въ правдѣ, утвержденной вселенскими соборами, спасенъ будетъ, а кто отступитъ, погибнетъ вовѣки» и т. п.

Въ 1681 году состоялся въ Москвѣ въ Крестовой патріаршей палатѣ духовный соборъ, которому отъ имени царя предложено было нѣсколько вопросовъ, относившихся къ разнымъ предметамъ церковнаго благоустройства, въ томъ числѣ и къ расколу. Тутъ прежде всего царь предлагалъ, во-первыхъ, увеличить число епископовъ съ подчиненіемъ ихъ митрополитамъ; а во-вторыхъ, спрашивалъ, какія мѣры принять противъ «неразумныхъ» людей, которые, оставивъ святую Церковь, износятъ на нее страшныя хулы и устраиваютъ свои особыя мольбища. Соборъ билъ челомъ, чтобы великій государь былъ милостивъ къ архіерейскому чину и не умалялъ бы его достоинства подчиненіемъ митрополитамъ; но вполнѣ соглашался, что надобно умножить архіерейскія каѳедры. При семъ онъ указалъ на тѣ города, въ которыхъ было желательно учредить новыхъ епископовъ или архіепископовъ, и какія пригороды для нихъ отдѣлить отъ прежнихъ епархій. Такъ, для Галича, Арзамаса, Уфы, Тамбова, Воронежа, Болхова, Курска онъ полагалъ назначить епископовъ, а для Сѣвска, Холмогоръ, Енисейска, Устюга Великаго — архіепископовъ, Вятскую епископію повысить въ архіепископію. Умноженіе архіерейскихъ каѳедръ, кромѣ церковнаго благоустройства вообще, должно было служить однимъ изъ средствъ для борьбы съ расколомъ, который пользовался обширными глухими пространствами, лишенными архіерейскаго надзора, каковы лѣсныя области на сѣверо-востокѣ, степныя на югѣ и въ особенности громадная, но малолюдная Сибирская епархія, населенная народцами, «незнающими Христа». Но главнымъ оружіемъ въ этой борьбѣ, по мнѣнію Собора, являлись не духовный мечъ, а

гражданскій, не проповѣдь и убѣжденіе, а судебныя пытки и казни. Соборъ проситъ, чтобы тѣхъ развратниковъ и отступниковъ, которые не послушаютъ церковнаго увѣщанія и не раскаются, государь повелѣлъ отсылать «къ градскому суду», а которые раскольники на архіерейскія посылки за ними «учинятся сильны» (т.-е. непослушны), за тѣми посылать служилыхъ людей; о чемъ должно быть написано въ самихъ наказахъ, которые давались воеводамъ и приказнымъ. Учрежденіе намѣченныхъ новыхъ архіерейскихъ каѳедръ было осуществлено только отчасти. Такъ, Іона, епископъ Вятскій и Великопермскій, учиненъ архіепископомъ; поставлены архіепископы на Великій Устюгъ и Холмогоры, епископы въ Тамбовъ и Воронежъ (въ послѣднемъ знаменитый и св. Митрофанъ). Что же касается градскаго суда для раскольниковъ и посылки за ними военныхъ командъ, то эти мѣры вошли въ полную силу. На томъ же соборѣ указано было отъ имени царскаго, что «на Москвѣ всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ, и на листахъ, и въ столбцахъ выписки» какъ бы изъ Божественнаго писанія и продаютъ ихъ у Спасскихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ; въ тѣхъ письмахъ «является многая ложь, а простолюдины пріемлютъ ихъ за истину». Соборъ поэтому просилъ поставить особаго человѣка отъ государя и особаго отъ патріарха, чтобы они вмѣстѣ надзирали за письмами, и у кого объявятся лживыя, тѣхъ приводить въ Патріаршій приказъ, а въ случаѣ непослушанія на помощь симъ надзирателямъ давать стрѣлецкіе караулы. Также кто будетъ продавать богослужебныя книги старой печати, у тѣхъ отбирать на Печатный дворъ, а имъ безвозмездно давать взамѣнъ исправленныя книги. Но едва ли подобныя мѣры могли справиться съ раскольничьей проповѣдью, которая все болѣе и болѣе усиливалась. Встрѣчались на все готовые ревнители; напримѣръ, въ томъ же 1681 г., въ день св. Богоявленія, нѣкій Герасимъ Шапочкинъ съ Ивановской колокольни бросилъ «воровскія письма на смущеніе народа».

Но между самими начальными расколо-учителями недолго существовало согласіе, и произошли неизбѣжныя распри.

Въ далекомъ, глухомъ Пустозерскѣ томились въ земляной тюрьмѣ протопопъ Аввакумъ, попъ Лазарь, дьяконъ Ѳедоръ и соловецкій инокъ Епифаній. Несмотря на строгія предписанія, они пользовались нѣкоторою свободою, такъ что видѣлись другъ съ другомъ и съ своими послѣдователями, которые пріѣзжали сюда со всѣхъ сторонъ. Благодаря подкупу, стрѣлецкая стража дозволяла узникамъ по ночамъ выходить окномъ изъ ямы и даже за ограду, чтобы бесѣдовать съ посѣтителями. Кромѣ личныхъ бесѣдъ, сіи расколоучители вели обширную переписку, получали письма, посылали отвѣты, и сочиняли цѣлыя, такъ сказать, окружныя посланія

къ «вѣрнымъ». Эти отвѣты и посланія распространялись въ спискахъ или тетрадкахъ и съ горячимъ интересомъ читались раскольничьимъ міромъ въ разныхъ его гнѣздахъ, а главнымъ образомъ въ Москвѣ. Особенною плодовитостью на семъ поприщѣ отличились главный апостолъ раскола Аввакумъ, а за нимъ Ѳедоръ. Около пятнадцати лѣтъ продолжался этотъ Пустозерскій періодъ въ исторіи раскольничьей проповѣди и литературы. Сначала узники хранили согласіе или, точнѣе, послушаніе Аввакуму. Но скоро между ними возникли споры по поводу нѣкоторыхъ труднѣйшихъ догматическихъ или вѣроисповѣдныхъ ученій, а именно: о Святой Троицѣ, о воплощеніи Бога Слова, о сошествіи Св. Духа на апостоловъ, о сошествіи Христа во адъ, объ ангелахъ, о душѣ и т. д. Поводъ къ тому подалъ Аввакумъ, который въ толкованіяхъ на тексты священныхъ книгъ слишкомъ увлекался образностію своихъ представленій и выраженій и впадалъ въ ошибки. Болѣе его свѣдущій въ догмахъ и болѣе точный въ выраженіяхъ, Ѳедоръ вздумалъ поправлять протопопа; а послѣдній оскорблялся такимъ неуваженіемъ къ своему авторитету со стороны духовнаго сына и отвѣчалъ ему не только съ обычною рѣзкостью, но и съ проклятіями. Напримѣръ, Аввакумъ въ одномъ посланіи пытается толковать о *трисущной* Троицѣ (по выраженію Цвѣтной Тріоди Іоасафовскаго изданія) и слишкомъ рѣзко раздѣлять три Ея лица. При семъ сѣдѣніе вознесшагося на небо Христа одесную Отца сталъ представлять какъ бы отдѣльно отъ Второго лица Святой Троицы. Ѳедоръ же училъ вѣровать въ *единосущную* Троицу и упрекалъ протопопа въ томъ, что онъ Ее «четверитъ» и сочиняетъ особый четвертый престолъ. Или: Аввакумъ сталъ учить, что Богъ Слово воплотился не существомъ, а *благодатію*. Ѳедоръ обличилъ его заблужденіе, и замѣтилъ при этомъ: «азъ бо и въ никоніанахъ не слыхалъ таковового зломудрія отнюдь». Аввакумъ въ своей полемикѣ называлъ Ѳедора «худой еретичешка Ѳедька», «окаянный», и т. п. Ихъ полемическія тетрадки возбуждали движеніе въ раскольничьемъ мірѣ; при чемъ его большинство рѣшительно становилось на сторону протопопа и посылало упреки Ѳедору. Изъ узниковъ попъ Лазарь также принималъ участіе въ этихъ пустозерскихъ спорахъ и также склонялся болѣе на сторону Аввакума; а Епифаній безусловно подчинялся его авторитету. Мстительный протопопъ не ограничился бранными словами и письмами; онъ натравилъ на своего противника сторожей—стрѣльцовъ съ ихъ сотникомъ. Бѣдный Ѳедоръ подвергся побоямъ; въ окно его тюрьмы вставили желѣзную рѣшетку и пресѣкли ему выходъ изъ нея.

Эти внутреннія распри среди расколоучителей были прекращены внѣшнею силою. За Московскимъ соборомъ 1681 года послѣдовали же-

стокія мѣры противъ раскольниковъ. Въ ту же эпоху подверглись казни и пустозерскіе узники. Не имѣемъ подробныхъ извѣстій объ ихъ трагической судьбѣ. Знаемъ только, что въ концѣ царствованія Ѳеодора II они были всенародно сожжены въ срубѣ на Страстной недѣлѣ.

Въ числѣ дѣяній помянутаго Собора 1681 года замѣчательно еще постановленіе о нищихъ. Государь предложилъ отдѣлить немощныхъ и больныхъ, для которыхъ архіереи по городамъ устроили бы особыя богадѣльни и больницы, а для лѣнивыхъ учредить рабочіе дома. Соборъ утвердилъ его предложеніе. Въ Москвѣ потомъ указано было царемъ соорудить больницу на Гранатномъ дворѣ у Никитскихъ воротъ и богадѣльню въ Знаменскомъ монастырѣ; но тѣхъ нищихъ, которые намѣренно себя уродуютъ для возбужденія сострадапія, велѣно строго наказывать и осуждать на работы.

Объ усердіи Ѳеодора Алексѣевича къ Православной церкви свидѣтельствуютъ и нѣкоторые его указы относительно инородцевъ. Такъ, служилые татарскіе мурзы, испомѣщенные въ восточныхъ областяхъ, до того зазнались, что стали принуждать къ принятію мусульманства своихъ крестьянъ, обременяя ихъ налогами и работами. Въ маѣ 1681 года царь указалъ отобрать у нихъ помѣстья и вотчины, населенныя православными крестьянами, а взамѣнъ имъ пообѣщать помѣстья, населенныя Темниковскою и Кадомскою Мордвою; но если они примутъ православіе, то прежнія помѣстья за ними оставить; а равно и языческой Мордвѣ велѣно объявить, что та, которая крестится, получитъ шестилѣтнюю льготу отъ всякихъ податей. Мѣры эти однако, мало воздѣйствовали на упорныхъ магометанъ. А потому въ слѣдующемъ 1682 году въ Курмышскомъ уѣздѣ велѣно было объявить срокомъ 25 февраля для некрещеныхъ татарскихъ мурзъ и вообще татарскихъ помѣщиковъ: если къ сему сроку они не примутъ крещенія, то помѣстья и вотчины у нихъ будутъ отобраны и отданы тѣмъ, которые успѣютъ принять православіе. Въ то же время инородцевъ Восточной Сибири, каковы Буряты, Тунгузы и Мунгалы, правительство старалось привлечь къ христіанству раздачею новокрещенымъ государева жалованья по 3 рубля и по сукну. Но, повидимому, результаты этихъ мѣръ были не очень значительные.

Во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ того времени, касавшихся Русской церкви, несомнѣнно дѣятельное участіе принималъ патріархъ Іоакимъ, какъ мы сказали, по всѣмъ даннымъ человѣкъ рачительный и твердаго характера. Между прочимъ, онъ постановилъ, чтобы по дѣламъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, когда въ приказы призываются въ качествѣ свидѣтелей духовные отцы завѣщателей, то ихъ можно спрашивать только о предметахъ, относящихся къ дѣлу, но никакъ не о

грѣхахъ, въ которыхъ каялся завѣщатель, т.-е. чтобы тайна исповѣди не была нарушена (1680). Строгій характеръ Іоакима сказался и въ вопросѣ о мощахъ княгини Анны Кашинской, супруги Михаила Тверского, замученнаго въ Золотой Ордѣ. Эти [мощи были открыты при Алексѣѣ Михайловичѣ. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ патріархъ послалъ двухъ архіереевъ, чтобы ихъ освидѣтельствовать. Разсмотрѣвъ соборнѣ донесеніе посланныхъ и рукописное житіе Анны, Іоакимъ нашелъ, что сіе послѣднее въ нѣкоторыхъ чертахъ несогласно съ лѣтописями и что извѣстіе о нетлѣніи не подтвердилось осмотромъ; а потому велѣлъ гробъ запечатать, отмѣнить молебны и все дѣло о сихъ мощахъ отложить до большого церковнаго собора.

Извѣстный Паисій Лигаридъ по поводу церковныхъ нестроеній въ Россіи въ одномъ своемъ сочиненіи выразился такъ: «Если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, я бы отвѣчалъ: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и въ-третьихъ, училища». При Алексѣѣ Михайловичѣ мы видѣли нѣкоторыя попытки въ этомъ смыслѣ, но довольно слабыя. Отъ его преемника, такого образованнаго государя какъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, ученикъ знаменитаго Симеона Полоцкаго, Россія въ правѣ была ожидать особыхъ заботъ о просвѣщеніи. Къ сожалѣнію ранняя юность и кратковременность царствованія помѣшали имъ обнаружиться въ достаточной мѣрѣ; но о нихъ свидѣтельствуютъ одна среднеучебная школа и одинъ широко задуманный планъ высшаго училища. Въ 1679 году съ ближняго Востока пріѣхалъ въ Москву греческій іеромонахъ Тимоѳей и своими разсказами объ утѣсненіяхъ, которыя въ Святой землѣ терпѣли Греки отъ католиковъ, возбудилъ царя и патріарха учредить греческое училище при Московской типографіи и надзоръ за нимъ ввѣрить тому же Тимоѳею. Но около того времени въ головѣ молодого царя уже возникла мысль объ основаніи въ Москвѣ высшей школы на подобіе Кіево-Могилянской Академіи. Такая мысль, безъ сомнѣнія, возникла не безъ участія бывшаго питомца сей Академіи, а теперь близкаго къ Ѳеодору Симеона Полоцкаго. (Его Спасская школа для молодыхъ подьячихъ закрылась еще при Алексѣѣ Михайловичѣ). Повидимому, нерасположеніе патріарха Іоакима къ Полоцкому, какъ представителю западнаго или латинскаго образованія, замедляло осуществленіе задуманнаго учрежденія. Симеонъ не дожилъ до него. Онъ скончался въ 1680 году еще въ полномъ развитіи силъ (на 51 году жизни) и погребенъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Ученикъ его Сильвестръ Медвѣдевъ, по порученію государя, сочинилъ большую эпитафію, въ которой прославилъ ученость, краснорѣчіе и кротость покойнаго; а царь велѣлъ золотыми буквами вырѣзать сію эпитафію на двухъ каменныхъ доскахъ и помѣстить ихъ надъ гробомъ.

Съ кончиною Полоцкаго не умерла мысль о высшей школѣ. Въ 1682 году появилась царская грамота, заключавшая проектъ будущей Академіи съ предоставленіемъ ей разныхъ правъ и привилегій. Она должна быть устроена въ томъ же Заиконоспасскомъ монастырѣ; на содержаніе ея кромѣ сего монастыря назначались еще нѣсколько другихъ, въ томъ числѣ древній Даниловъ и сравнительно новый Андреевскій, основанный Ртищевымъ. Учениками ея могли быть люди всякаго сословія и возраста, и на время ученія они подвергались суду самого училища (кромѣ уголовныхъ преступленій). Науки предполагались и гражданскія, и духовныя, а именно: грамматика, піитика, риторика, діалектика, философія и богословіе, языки славянскій, греческій, латинскій и польскій. Но составъ преподавателей и все преподаваніе должны быть строго православные. Академіи предоставлялось право подвергать испытанію иностранцевъ, желавшихъ поступить на русскую службу, и также обязанность преслѣдовать тѣхъ мірянъ и духовныхъ, которые держали у себя чародѣйныя и гадательныя, вообще запрещенныя и богохульныя книги и даже осуждать на казнь тѣхъ иностранцевъ и Русскихъ, которые будутъ извергать хулу на православную вѣру.

За послѣдовавшею вскорѣ кончиною Ѳеодора II Академія была открыта только при его ближайшихъ преемникахъ ([47]).

Когда Ѳеодору Алексѣевичу пошелъ 20-й годъ, самъ собою явился вопросъ объ его бракѣ, отъ котораго онъ не думалъ отказываться, несмотря на свою болѣзненность. Въ рѣшеніи этого вопроса, по всѣмъ признакамъ, ясно сказалось вліяніе молодыхъ царскихъ любимцевъ, Языкова и двухъ братьевъ Лихачовыхъ. Выборъ Ѳеодора палъ на незнатную дѣвицу Агаѳью Семеновну Грушецкую, которую онъ увидалъ на крестномъ ходу, и, можетъ-быть, не совсѣмъ случайно. При посредствѣ Языкова царь узналъ, что она живетъ въ домѣ думнаго дьяка Заборовскаго, жена котораго приходилась ей родной теткой. Дядю и тетку предупредили, чтобы племянницу не выдавали замужъ безъ указу. Повторялась исторія со вторымъ бракомъ Алексѣя Михайловича. Какъ и тогда, Милославскіе встревожились, опасаясь за свое придворное положеніе и вліяніе. Наиболѣе дѣятельный изъ нихъ, Иванъ Михайловичъ, прибѣгъ къ какимъ-то интригамъ и клеветамъ. Но тщетно. 18 іюля 1680 года состоялось бракосочетаніе Ѳеодора съ Грушецкой. Патріархъ Іоакимъ вѣнчалъ ихъ въ соборномъ Успенскомъ храмѣ; но обычные свадебные торжества и обряды были весьма сокращены. Послѣ того Ив. Мих. Милославскій впалъ въ немилость и удаленъ отъ двора, а Ив. Макс. Языковъ еще болѣе возвысился. Онъ былъ пожалованъ въ окольничіе и *оружничіе* (на мѣ-

сто умершаго Б. М. Хитрово), а потомъ и въ бояре. Постельничимъ на его мѣсто назначенъ Алексѣй Тимофеевичъ Лихачовъ. Молодая царица, какъ говорятъ, была польскаго происхожденія; а потому вліяніе польскихъ обычаевъ при царскомъ дворѣ еще усилилось; особенно это вліяніе сказалось модою на бритые подбородки и польскій костюмъ. Одинъ полякъ-современникъ, восхваляя царицу, говоритъ, что по ея желанію въ Москвѣ стали волосы стричь, бороды брить, сабли и польскіе кунтуши носить, школы заводить; ратныхъ людей, бѣжавшихъ съ поля битвы, болѣе не заставляли носить женскіе охобни; изъ церквей велѣно вынести собственныя иконы прихожанъ, которые не позволяли другимъ на нихъ молиться. Царь очень любилъ свою супругу. Но недолго пришлось ему пожить съ нею. Въ іюлѣ слѣдующаго 1681 года царица Агаѳья скончалась родами. Ѳеодоръ Алексѣевичъ такъ былъ огорченъ, что не нашелъ силъ присутствовать на ея погребеніи. Новорожденный царевичъ, названный Ильею (въ честь своего дѣда Ильи Д. Милославскаго), скончался вслѣдъ за матерью. Эти тяжелыя потери еще болѣе надломили слабый организмъ Ѳеодора. А потому царская семья не мало была удивлена новымъ его бракомъ, который совершился по прошествіи неполныхъ семи мѣсяцевъ послѣ кончины первой супруги. Очевидно, и тутъ вліяніе молодыхъ любимцевъ превозмогло. Второй выборъ палъ на юную Марѳу Матвѣевну Апраксину, также незнатнаго происхожденія, но находившуюся въ свойствѣ съ И. М. Языковымъ. По болѣзни государя, вторая его свадьба (15 февраля 1682 года) была еще скромнѣе первой. Вѣнчалъ царскій духовникъ благовѣщенскій протоіерей Никита Васильевичъ въ дворцовой Воскресенской церкви, и, для устраненія всякой толпы, Кремль еще съ утра въ тотъ день наглухо заперли. Свадебныхъ празднествъ совсѣмъ не было. Только 23 февраля устроенъ былъ пиръ у царя въ Столовой палатѣ для высшаго духовенства, думныхъ и ближнихъ людей, а у царицы — для боярынь. По случаю бракосочетанія всѣ три ея брата были пожалованы въ стольники. Со второй супругой Ѳеодоръ пожилъ только два съ половиной мѣсяца!

Незадолго до своей кончины онъ успѣлъ облегчить участь двухъ заточниковъ, прежде бывшихъ сильными людьми и любимцами его отца, т.-е. Никона и Матвѣева. За нихъ ходатайствовали нѣкоторые изъ женскихъ членовъ царскаго семейства.

Старшая изъ трехъ царскихъ тетокъ, Ирина Михайловна, когда-то невѣста датскаго принца Вальдемара, безуспѣшно заступавшаяся передъ братомъ за Ѳеодосью Прокопьевну Морозову, скончалась въ 1679 году и была погребена въ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ, т.-е. въ Новоспасскомъ монастырѣ. Оставались еще въ живыхъ Анна и Татьяна

Михайловны. Младшая Татьяна, питавшая благодарное воспоминаніе о томъ времени, когда Никонъ спасалъ царскую семью отъ моровой язвы, усердно ходатайствовала объ его освобожденіи изъ Кириллобѣлозерскаго заточенія. Подъ ея вліяніемъ Ѳеодоръ сталъ часто посѣщать основанный Никономъ Воскресенскій монастырь и такъ полюбилъ его, что принялся доканчивать его постройки. Но царскому желанію воротить сюда основателя энергично противился патріархъ Іоакимъ, ссылаясь на приговоръ собора и вселенскихъ патріарховъ, безъ согласія которыхъ будто бы не можетъ ничего измѣнить. Онъ противился тѣмъ болѣе, что низложенный Никонъ не признавалъ соборнаго приговора и упорно продолжалъ именовать себя патріархомъ. Послѣдній не отказался отъ этого сана и тогда, когда впалъ въ предсмертную болѣзнь и написалъ посланіе къ Воскресенской братіи, прося ее еще разъ бить челомъ государю о возвращеніи его, Никона, въ ихъ обитель. На сей разъ Ѳеодоръ настоялъ на разрѣшеніи высшаго духовенства исполнить просьбу умирающаго. Но бывшій патріархъ, пособорованный и пріявшій схиму, не доѣхалъ до Воскресенскаго монастыря и умеръ, плывя по Волгѣ, на стругѣ подъ Ярославлемъ (въ августѣ 1681 года), приблизительно 76-лѣтнимъ старцемъ. Его торжественно погребли въ Воскресенскомъ монастырѣ. Царь съ царевнами и Натальей Кирилловной пріѣхалъ на погребеніе, и, идя за гробомъ, самъ подпѣвалъ пѣвчимъ стихъ: «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра». Такъ какъ Іоакимъ не соглашался называть Никона патріархомъ при отпѣваніи, то оно было поручено новгородскому митрополиту Корнилію.

Ослабленіе придворнаго значенія Милославскихъ и преобладаніе молодыхъ любимцевъ сказалось также перемѣною въ судьбѣ Матвѣевыхъ, отца и сына. Въ виду усилившейся слабости и несомнѣнно приближавшейся кончины Ѳеодора Алексѣевича, Языковъ и Лихачовъ съ товарищи естественно могли опасаться возвращенія къ власти ихъ противниковъ Милославскихъ; а потому уже чувство самосохраненія клонило ихъ на сторону Нарышкиныхъ и къ возвращенію главнаго руководителя послѣднихъ, т.-е. А. С. Матвѣева. Начали съ нѣкотораго облегченія его участи: въ 1680 году изъ Пустозерска его съ сыномъ перевели на Мезень, хотя также въ заключеніе, но менѣе суровое. Когда же царь помолвилъ за себя Апраксину, по нѣкоторому извѣстію, крестницу Артамона Сергѣевича, то она непреминула ходатайствовать объ его освобожденіи и потомъ вообще старалась улучшить придворное положеніе вдовствующей царицы Натальи Кирилловны и ея дѣтей. Слѣдствіемъ означеннаго ходатайства былъ переводъ Матвѣевыхъ въ городъ Лухъ, съ возвращеніемъ нѣкоторыхъ вотчинъ и имуществъ, неуспѣвшихъ перейти въ другое владѣніе,

и съ пожалованіемъ села Верхній Ландехъ и приписанныхъ къ нему деревень въ Суздальскомъ уѣздѣ. Въ Лухѣ они должны были ждать новаго царскаго указа. Но вмѣсто сего указа вскорѣ пришла вѣсть о кончинѣ самого царя.

Ѳеодоръ II скончался 27 апрѣля 1682 года, въ четвергъ на Ѳоминой недѣлѣ, на 21 году отъ рожденія. На другой день съ обычными обрядами онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. Унылымъ и тревожнымъ настроеніемъ умовъ сопровождалось сіе погребеніе: прежде чѣмъ гробъ былъ опущенъ въ землю, вокругъ него уже закипѣла отчаянная борьба двухъ партій за верховную власть ([48]).

Кратковременное Ѳеодорово царствованіе съ полнымъ правомъ можетъ быть названо не по наружности только, но и вообще продолженіемъ отцовскаго. Тѣ же внѣшніе и внутренніе вопросы его занимали, а нѣкоторые даже получили свое разрѣшеніе. Въ самомъ характерѣ Ѳеодора видимъ преобладаніе отцовскихъ чертъ, хотя бы и неуспѣвшихъ въ достаточной степени развернуться: тѣ же благодушіе, наклонность къ подчиненію ближнимъ совѣтникамъ, глубокое благочестіе и вмѣстѣ еще большее расположеніе къ западнымъ европейскимъ обычаямъ и порядкамъ,—расположеніе, свойственное тому историческому періоду, который являлся неизбѣжнымъ переходомъ къ эпохѣ великихъ реформъ.

XII.

ВРЕМЯ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ.

Милославскіе и Нарышкины — Присяга царевичу Петру. — Царица Наталья и царевна Софья. — Смута въ стрѣлецкомъ войскѣ и заговоръ Милославскихъ.—Трехдневный мятежъ и избіенія.—Двоецарствіе.—Софья-правительница. — Раскольничье движеніе и челобитная о старой вѣрѣ.—Преніе въ Грановитой палатѣ и Никита Пустосвятъ. — Хованскій. — Отъѣздъ царской семьи. — Казнь Хованскихъ и умиротвореніе стрѣльцовъ. — Князь В. В. Голицынъ.—Указы въ пользу крѣпостного права и противъ раскола. — Самосожиганіе раскольниковъ.—Сильвестръ Медвѣдевъ и Хлѣбопоклонная ересь. — Начало Московской Академіи и братья Лихуды.—Богословская полемика.—Кіевская каѳедра и Гедеонъ Четвертинскій.—Гетманъ Самойловичъ и польскія отношенія. — Вѣчный миръ съ Польшею. — Первый Крымскій походъ и отступленіе. — Доносъ старшины на гетмана. — Сверженіе Самойловича и избраніе Мазепы.—Второй Крымскій походъ и вторичное отступленіе кн. Голицына. — Дипломатическія сношенія.— Нерчинскій договоръ съ Китаемъ.

Le roi est mort, vive le roi! Это французское изрѣченіе приложимо ко всѣмъ монархіямъ съ наслѣдственнымъ престоломъ. Такое государство недолжно ни минуты оставаться безъ верховной власти. То же было и на Руси; а иначе безгосударное время грозило обратиться въ смутное время. Обыкновенно наслѣдникъ престола былъ извѣстенъ заранѣе, и по кончинѣ государя духовенство тотчасъ приводило къ присягѣ его сыну и преемнику ближнихъ и придворныхъ людей, а затѣмъ и все населеніе. Но Ѳеодоръ II скончался бездѣтнымъ, не объявивъ своего наслѣдника. По праву старшинства престолъ долженъ былъ перейти къ слѣдующему за нимъ единоутробному брату, шестнадцатилѣтнему Ивану; но онъ уже былъ извѣстенъ своею болѣзненностію и умственною неспособностію. А рядомъ съ нимъ стоялъ цвѣтущій здоровьемъ и подававшій большія надежды младшій братъ, десятилѣтній Петръ, рожденный другой матерью. Естественно, дворъ раздѣлился на двѣ стороны или партіи: Милославскихъ и На-

рышкиныхъ. Эти партіи сложились и опредѣлились еще прежде въ виду близкой кончины Θеодора. Сторона Нарышкиныхъ при дворѣ была многочисленнѣе и сильнѣе; въ ея рядахъ стояли самыя знатныя семьи, каковы: князья Черкасскіе, большая часть Голициныхъ, Долгорукіе, Ромодановскіе, Шереметевы, Трубецкіе, Стрѣшневы, Лыковы, Троекуровы и пр. Къ ней примыкалъ патріархъ Іоакимъ съ высшимъ духовенствомъ. Милославскихъ поддерживали ихъ родственники и свойственники, а изъ бояръ—князей на сей сторонѣ выдвигались только В. В. Голицынъ и И. А. Хованскій. Душою этой партіи явились два лица: искусившійся въ придворныхъ интригахъ, Ив. Мих. Милославскій и умная, энергичная царевна Софья.

Когда большой соборный колоколъ возвѣстилъ о кончинѣ Θеодора и Кремль сталъ наполняться народомъ, высшее духовенство или Освященный соборъ и Боярская дума собрались въ Передней палатѣ, подъ предсѣдательствомъ патріарха, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, кого изъ двухъ царевичей посадить на престолъ. Собственно, этотъ вопросъ былъ уже заранѣе рѣшенъ въ пользу младшаго изъ нихъ. Но партія Нарышкиныхъ ожидала всякаго зла отъ своихъ предпріимчивыхъ противниковъ, и многіе члены этой партіи, отправляясь во дворецъ, навсякій случай надѣли броню подъ верхнее платье. На поставленный патріархомъ вопросъ о новомъ государѣ собраніе предложило спросить о томъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Патріархъ съ синклитомъ вышелъ на крыльцо, велѣлъ созвать къ церкви Спаса стольниковъ, жильцовъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, торговыхъ людей, и обратился къ нимъ съ тѣмъ же вопросомъ. Очевидно, и въ этой средѣ уже была подготовка. Послышались немногіе голоса въ пользу Ивана Алексѣевича; но ихъ заглушили многочисленные крики: «быть государемъ царевичу Петру Алексѣевичу!» Патріархъ тутъ же спросилъ бояръ, и они подтвердили народное избраніе. Тогда онъ немедля благословилъ на царство Петра и заставилъ въ своемъ присутствіи учинить присягу думныхъ людей и придворные чины; затѣмъ происходила присяга столичнаго населенія и распространилась по областямъ.

Къ несчастью, среди партіи Нарышкиныхъ не оказалось такихъ лицъ, которыя бы сумѣли вовремя принять всѣ нужныя мѣры, чтобы укрѣпить это избраніе и твердою рукою поддержать общественный порядокъ. За малолѣтствомъ Петра, естественно, правительницею или регентшею становилась его родительница Наталья Кирилловна; но характеромъ и энергіей она не напоминала мать Грознаго Елену Глинскую, которая выступила на сцену дѣйствія при подобныхъ же обстоятельствахъ. Царица-мать хотя и видѣла свое трудное положеніе, однако

ничего не предпринимала и, повидимому, возлагала всѣ свои надежды на правительственное искусство и опытность. Арт. Серг. Матвѣева, за которымъ въ городъ Лухъ былъ отправленъ стольникъ съ царскимъ повелѣніемъ спѣшить скорѣе въ Москву.

Но Милославскіе не дремали; они ловко пользовались нерѣшительностію и всякимъ промахомъ Нарышкиныхъ.

Царевна Софья не только проводила дни у постели больного Ѳеодора, подавала ему лѣкарства и утѣшала его, но и послѣ смерти брата, вопреки обычаямъ, устранявшимъ царевенъ отъ присутствія на торжественныхъ обрядахъ, явилась на другой день 28 апрѣля въ Архангельскій соборъ на погребеніе. Царица Наталья не дождалась окончанія долгой заупокойной службы, и, совершивъ послѣднее цѣлованіе усопшаго царя, возвратилась съ сыномъ во дворецъ, опасаясь переутомить мальчика дальнѣйшимъ стояніемъ и притомъ натощакъ. За ней вышли и нѣкоторые бояре. Этотъ преждевременный уходъ былъ замѣченъ и навлекъ на царицу упреки со стороны тетокъ покойнаго царя. Софья наоборотъ оставалась до конца погребенія и воплемъ провожала брата въ могилу; а по выходѣ изъ собора, если вѣрить маловѣроятному иностранному извѣстію, она обратилась къ народу съ жалобой, будто Ѳеодора отравили его враги, а брата Ивана незаконно устранили отъ престола, и съ просьбой отпустить ее съ сестрами въ иныя христіанскія земли. Народъ конечно замѣтилъ эту разницу въ уваженіи къ покойному царю. А тутъ еще пошли неодобрительные толки о братьяхъ царицы Натальи, особенно объ Иванѣ Кирилловичѣ, который по поводу помянутаго ухода изъ Архангельскаго собора будто бы сказалъ, что не объ умершемъ царѣ надо заботиться, а о живомъ. Бросилось въ глаза и слишкомъ быстрое придворное возвышеніе многихъ членовъ партіи, особенно пятерыхъ братьевъ Нарышкиныхъ, неимѣвшихъ за собою никакихъ заслугъ. Старшему изъ нихъ, Ивану, было неболѣе 23 лѣтъ; а его уже пожаловали въ бояре и оружничіи.

Возбуждаемые въ народѣ толки не имѣли большого значенія, пока на сцену не выступила вооруженная сила. Милославскіе нашли себѣ опору въ лицѣ стрѣлецкаго войска и ловко воспользовались его смутнымъ настроеніемъ въ данную минуту.

Стрѣлецкіе полки въ Москвѣ жили по окрайнамъ города въ особыхъ слободахъ, главнымъ образомъ въ Замоскворѣчьѣ. Московскіе стрѣльцы были ратные люди осѣдлые, семейные и въ значительномъ числѣ зажиточные; такъ какъ, получая жалованье, могли еще заниматься разными промыслами и торговлею, не неся за это посадскихъ повинностей. Но подобныя льготы невсегда согласовались съ воинскою

дисциплиною, и послѣдняя къ данному времени оказалась нѣсколько расшатанною; чему особенно способствовалъ недостатокъ высшаго правительственнаго надзора въ царствованіе болѣзненнаго Θеодора II. Тѣмъ же недостаткомъ воспользовались ближайшіе начальники стрѣльцовъ. Приказные люди Стрѣлецкаго приказа заодно съ полковниками присвоивали себѣ часть стрѣлецкаго жалованья. Корыстолюбивые полковники старались поживиться на счетъ наиболѣе зажиточныхъ подчиненныхъ, покупали на ихъ счетъ лошадей и принадлежности полкового пушечнаго наряда, стрѣлецкое платье; заставляли стрѣльцовъ, ихъ женъ и дѣтей даромъ на себя работать, и даже въ праздники, при постройкѣ своихъ домовъ, при уходѣ за огородами, при уборкѣ полей; причемъ неусердныхъ жестоко наказывали батогами. Стрѣльцы роптали и волновались. Незадолго до кончины Θеодора они стали подавать царю челобитныя на своихъ полковниковъ. Сначала подали на Богдана Пыжова. Царь поручилъ своему любимцу Языкову разобрать дѣло. Языковъ взялъ сторону полковниковъ. Нѣкоторыхъ челобитчиковъ наказали кнутомъ и сослали. Ободренные тѣмъ полковники усилили свои притѣсненія. 23 апрѣля въ Стрѣлецкій приказъ явился выборный отъ полку Семена Грибоѣдова и подалъ на него жалобу за его неправды и мучительства. Принявшій ее дьякъ, мирволя полковнику, доложилъ начальнику приказа кн. Юрію Долгорукому, будто выборный стрѣлецъ приходилъ пьяный и грозилъ. Когда на слѣдующій день тотъ же стрѣлецъ вновь пришелъ, по распоряженію князя дьякъ взялъ его подъ караулъ и повелъ въ Слободу къ съѣзжей избѣ, чтобы наказать кнутомъ. Но тутъ однополчане вырвали его изъ рукъ приказныхъ служителей и жестоко ихъ избили. Дьякъ успѣлъ ускакать. Полкъ Грибоѣдова поднялъ бунтъ; а на слѣдующій день къ нему пристали почти всѣ стрѣлецкіе полки и солдаты Бутырскаго полка. Они написали челобитныя на своихъ полковниковъ и, въ случаѣ новой поблажки, грозили расправиться съ ними собственноручно. Послѣдовавшая въ это время кончина Θеодора на нѣсколько дней пріостановила движеніе, и стрѣльцы безпрекословно присягнули Петру. Но уже 30 апрѣля ко дворцу явилась толпа съ помянутыми челобитными отъ шестнадцати стрѣлецкихъ полковъ и одного солдатскаго (Бутырскаго), и шумно, съ угрозами требовали подвергнуть правежу полковниковъ, чтобы тѣ выплатили должныя стрѣльцамъ деньги. Правительство Натальи Кирилловны растерялось и бросилось въ противуположную крайность, т.-е. пошло на уступки мятежнымъ требованіямъ. Сначала оно велѣло схватить обвиняемыхъ полковниковъ и посадить подъ караулъ; но такъ какъ стрѣльцы не унимались и потребовали

выдачи полковниковъ головой, то власти исполнили и это требованіе, хотя невполнѣ. А именно: по усиленной просьбѣ патріарха и архіереевъ, стрѣльцы согласились, чтобы полковниковъ не присылали къ нимъ въ слободы на расправу, а поставили бы на правежъ передъ Разрядомъ. Тутъ несчастныхъ били батогами, пока они не уплачивали иски, предъявленные стрѣльцами. Послѣдніе присутствовали толпами при истязаніяхъ и своими криками заставляли продолжать или прекращать правежъ. Въ то же время безпорядки и самоуправство стрѣльцовъ происходили въ ихъ слободахъ. Тамъ они собирались передъ своими съѣзжими избами и травили второстепенныхъ начальниковъ, глумились надъ ними, били ихъ палками, бросали каменьями; а тѣхъ, которые пытались строгостію обуздать своеволіе, взводили на каланчи и оттуда сбрасывали внизъ; толпа при этомъ кричала: «любо, любо!»

Такое смутное состояніе Стрѣлецкаго войска какъ нельзя болѣе было на руку партіи Милославскихъ, т.-е. царевны Софіи и ея сообщниковъ. Главный изъ нихъ, Ив. Мих. Милославскій прямо устраивалъ заговоръ: подъ предлогомъ болѣзни онъ не выходилъ изъ дому; но по ночамъ къ нему собирались разные довѣренные люди и обсуждали планъ дѣйствія. По нѣкоторымъ даннымъ, роль главныхъ его помощниковъ играли: стольники братья Толстые, Иванъ и Петръ Андреевичи, подполковники стрѣлецкіе Циклеръ и Озеровъ, выборные стрѣльцы Одинцовъ, Петровъ и Чермный. Софьина постельница Ѳеодора Семенова Родимица, изъ украинскихъ казачекъ, ходила въ стрѣлецкія слободы, сыпала деньгами и всякими обѣщаніями отъ имени Софьи. Князь Хованскій, прозванный Тараруемъ, смущалъ стрѣльцовъ предсказаніями всякихъ бѣдъ и наказаній отъ Нарышкиныхъ, а также опасностію, которая будто бы грозила православной вѣрѣ отъ ихъ склонности къ иноземцамъ. Его поджигательныя рѣчи падали на благодарную почву; ибо среди стрѣльцовъ было уже много приверженцевъ раскола. Мятежному настроенію не мало способствовало и то обстоятельство, что послѣ Разинскаго бунта многіе участвовавшіе въ немъ астраханскіе стрѣльцы были переведены въ сѣверные города, и между прочимъ въ самую столицу. Такимъ образомъ почти всѣ стрѣлецкіе полки были подготовлены къ мятежу и уже громко похвалялись свергнуть Нарышкиныхъ. Исключеніе составлялъ только Сухаревъ полкъ, который сдерживали въ особенности пятисотенный Бурмистровъ и пятидесятникъ Борисовъ. Всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ въ Москвѣ тогда было 19, численностью отъ 700 до 800 человѣкъ въ полку; общее ихъ число составляло 14,000 человѣкъ слишкомъ.

12 мая воротился въ Москву изъ ссылки А. С. Матвѣевъ и былъ съ великою радостью встрѣченъ Натальей Кирилловной и ея близкими. На слѣдующій день чуть не всѣ бояре пріѣзжали къ нему на домъ съ привѣтствіями, предполагая, что онъ займетъ мѣсто главнаго правителя при царѣ—отрокѣ. Даже выборные изъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ поднесли ему хлѣбъ-соль и били челомъ о своихъ нуждахъ. Опытный государственный мужъ, не теряя времени, началъ знакомиться съ положеніемъ дѣлъ, и обсуждать его съ помощью такихъ начальственныхъ лицъ какъ патріархъ Іоакимъ и престарѣлый больной князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Милославскіе конечно поняли, что власть готова сосредоточиться въ твердыхъ, умѣлыхъ рукахъ, что нужно спѣшить дѣйствіемъ; иначе будетъ поздно, и дѣло ихъ навсегда проиграно.

И они поспѣшили.

Прежде всего составленъ былъ списокъ тѣхъ лицъ, которыя должны быть истреблены какъ измѣнники государевы и враги царскому роду. Этотъ списокъ пущенъ въ стрѣлецкіе полки. Вмѣстѣ съ тѣмъ разносились между ними разные болѣе или менѣе нелѣпые слухи насчетъ Нарышкиныхъ. Напримѣръ, разсказывали, что старшій изъ братьевъ, Иванъ Кирилловичъ, надѣлъ на себя царское облаченіе, сѣлъ на тронъ и, примѣривая корону, сказалъ, что она ни къ кому такъ не пристанетъ, какъ къ нему; а когда царевны за это стали его упрекать, онъ бросился на царевича Ивана Алексѣевича и схватилъ его за горло. Подобныя росказни, разумѣется, сильно раздражали легковѣрныхъ, буйныхъ стрѣльцовъ, и отлично подготовили почву для бунта.

Утромъ, 15 мая, въ стрѣлецкія слободы прискакали одинъ изъ Милославскихъ (Александръ) и одинъ изъ Толстыхъ (Петръ) съ крикомъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана, и звали стрѣльцовъ въ Кремль. Тотчасъ въ слободскихъ церквахъ загудѣли набатные колокола. Стрѣлецкіе полки быстро собрались и съ распущенными знаменами, съ пушками и барабаннымъ боемъ двинулись къ царскому дворцу и захватили правительство врасплохъ. Время было около полудня. Члены Боярской думы только что окончили засѣданіе и начали расходиться; въ приказахъ еще сидѣли. А. С. Матвѣевъ, сходя съ дворцовой лѣстницы, встрѣтилъ князя Ѳ. С. Урусова и отъ него услыхалъ о приближеніи мятежнаго полчища. Бояринъ вернулся въ Верхъ и поспѣшилъ къ царицѣ Натальѣ. Послали за патріархомъ, а караульному Стремянному полку велѣли запереть Кремлевскія ворота и никого не впускать. Но мятежники уже ворвались въ Кремль и прежде всего разогнали толпившіеся здѣсь боярскія кареты, колымаги и верховыхъ коней. Затѣмъ они подступили къ Красному крыльцу и громкими кликами потребовали выдачи На-

рышкиныхъ, которые де убили царевича Ивана. По совѣту Матвѣева и другихъ близкихъ лицъ, Наталья Кирилловна взяла обоихъ братьевъ, Ивана и Петра Алексѣевичей, въ сопровожденіи бояръ вывела ихъ на крыльцо, и воочію показала, что оба они живы. Толпа опѣшила, видя, что ее нагло обманули. Нѣкоторые стрѣльцы приставили лѣстницы, взлѣзли на крыльцо и спрашивали старшаго брата, точно ли онъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ и кто его изводитъ? «Я самый,—отвѣчалъ царевичъ.—И никто меня не изводитъ». Тутъ бояринъ Матвѣевъ сошелъ внизъ къ стрѣльцамъ и повелъ умную рѣчь объ ихъ прежнихъ заслугахъ, напоминалъ о томъ, какъ они сами укрощали бунты и т. п. Стрѣльцы притихли, и даже просили Матвѣева ходатайствовать за нихъ передъ царемъ. Тотъ обѣщалъ и воротился въ Верхъ. Видя, что планы ихъ готовы были рушиться, заговорщики употребили всѣ усилія вновь поджечь потухавшее пламя. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, имъ помогъ своею неосторожностію князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, товарищъ своего отца Юрія Алексѣевича по начальствованію Стрѣлецкимъ приказомъ, и очень нелюбимый своими подчиненными. Онъ будто бы сталъ кричать на притихшихъ стрѣльцовъ и грозить имъ, если они сейчасъ же не уйдутъ изъ Кремля; чѣмъ привелъ ихъ въ ярость. Межъ тѣмъ клевреты Милославскихъ, вращаясь въ толпѣ, всякими способами возбуждали ее противъ намѣченныхъ бояръ—измѣнниковъ, которые какъ только избавятся отъ опасности, такъ и начнутъ де жестоко мстить стрѣльцамъ и ихъ семьямъ. Такими и тому подобными подстрекательствами имъ удалось вновь увлечь толпу. Часть стрѣльцовъ проникла наверхъ. Одни схватили Долгорукаго и бросили его внизъ на копья товарищей, которые затѣмъ изрубили его бердышами. Другіе напали на Матвѣева. Царица Наталья и князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій пытались его загородить собою; но тщетно: убійцы также сбросили его внизъ, гдѣ онъ былъ изрубленъ въ куски. Патріарху Іоакиму, пытавшемуся увѣщевать стрѣльцовъ, они не дали говорить, крича, что имъ не нужно никакихъ совѣтовъ. Съ копьями на перевѣсъ толпа ворвалась во дворецъ и принялась искать свои жертвы, занесенныя въ списокъ. Тутъ все предалось бѣгству, и дворецъ быстро опустѣлъ. Бояре, сопровождаемые всегда своею отборною челядью, многочисленные дворяне, жильцы и прочіе придворные чины, будучи людьми военными, могли бы оказать значительное сопротивленіе и даже опереться на нѣкоторую наиболѣе разумную часть самихъ же стрѣльцовъ, если бы дѣйствовали мужественно, дружно и грудью стали на защиту царственнаго жилища и царской семьи. Но неожиданность нападенія и

отсутствіе прямого, энергичнаго вождя произвели между ними панику, и они разсѣялись какъ овцы безъ пастыря.

Стрѣльцы рыскали по дворцовымъ покоямъ, рылись въ сундукахъ, заглядывали подъ кровати, перины и въ темные углы; причемъ не щадили недоступныхъ въ обычное время теремовъ царицъ и царевенъ, врывались въ дворцовые храмы и даже въ алтари, гдѣ святотатственными руками ощупывали престолы и копьями тыкали подъ жертвенники. Приходили также съ своими розысками въ покои патріарха и даже шарили въ алтарѣ Успенскаго собора. Они искали главнымъ образомъ Нарышкиныхъ. Встрѣтился имъ молодой стольникъ Салтыковъ; они приняли его за брата царицы Аѳанасія Кирилловича Нарышкина и убили. А потомъ нашли и самого Аѳанасія; онъ спрятался подъ жертвенникомъ въ алтарѣ церкви Воскресенья; но царицынъ карло Хомякъ, подвергнутый допросу, указалъ его убѣжище. Злодѣи схватили его, умертвили и выбросили на площадь. Туда же сбрасывали и другія жертвы, причемъ спрашивали: «любо ли?» Стоявшая на площади толпа любопытнаго народа должна была отвѣчать: «любо!» Кто молчалъ, того стрѣльцы били. Въ этотъ день въ числѣ погибшихъ въ Кремлѣ находились знаменитый бѣлгородскій воевода кн. Гр. Гр. Ромодановскій, обвиняемый въ измѣнѣ за сдачу Чигирина Туркамъ, и начальникъ Посольскаго приказа думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ. Тѣла убитыхъ изъ Кремля волокли на Красную площадь чрезъ Никольскія или Спасскія ворота къ Лобному мѣсту; причемъ изверги глумились надъ ними и кричали: «се бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ! се бояринъ Ромодановскій, се Долгорукой, се думной ѣдетъ, дайте дорогу!» Стрѣльцы раздѣлились на кучки и разсыпались по городу, разыскивая вездѣ намѣченныхъ жертвъ. Между прочимъ стольника Ивана Ѳомина Нарышкина схватили за Москвой рѣкой близъ его двора и убили. Передъ вечеромъ толпа убійцъ явилась къ больному осьмидесятилѣтнему князю Юр. Ал. Долгорукому, и притворно раскаивалась въ убіеніи его сына. Разсказываютъ, что старикъ скрылъ свои чувства и даже велѣлъ вынести имъ пива и вина; а когда они удалились, утѣшалъ свою невѣстку, жену убитаго, словами: «Не плачь, щуку они съѣли, но зубы у нея остались. Быть имъ повѣшаннымъ на зубцахъ Бѣлаго и Земляного города». Какой-то холопъ-предатель поспѣшилъ слова эти сообщить стрѣльцамъ. Тѣ воротились, вытащили князя на дворъ, изрубили и бросили трупъ въ навозную кучу. Другія толпы въ это время громили Судный и Холопій приказы, съ ожесточеніемъ рвали и выбрасывали акты, особенно крѣпостныя и кабальныя. Они объявляли боярскихъ холоповъ людьми свободными, явно опасаясь ихъ вооруженнаго сопротивленія и стараясь привлечь ихъ на свою сторону. На ночь

стрѣльцы ушли въ свои слободы, оставивъ крѣпкіе караулы у всѣхъ городскихъ воротъ, чтобы никого не пропускать въ Кремль или изъ Кремля.

Слѣдующимъ утромъ 16 мая съ барабаннымъ боемъ они снова устремились въ Кремль и другія мѣста города, и снова начали разъискивать занесенныхъ въ списокъ «измѣнниковъ». Въ числѣ погибшихъ въ этотъ день находился извѣстный любимецъ царя Θеодора бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ. Онъ спрятался въ домѣ своего духовника у церкви Николы на Хлыновѣ; но и тутъ нашелся холопъ-предатель который его выдалъ. Стрѣльцы схватили Языкова и изрубили его на Красной площади. Любопытно, что при подобныхъ мятежахъ всегда изъ числа домашней челяди являлись предатели, очевидно мстившіе недобрымъ господамъ за свое подневольное состояніе. Но были и другіе челядинцы, отличавшіеся преданностію. По крайней мѣрѣ во время сего стрѣлецкаго мятежа погибло и нѣкоторое количество слугъ. Между прочимъ, по извѣстію одного современника, у лѣстницы Аптекарскаго приказа было убито какихъ-то девять боярскихъ холопей. Во всякомъ случаѣ стараніе мятежниковъ возбудить къ бунту многочисленный классъ холопской дворни обѣщаніемъ свободы осталось тщетнымъ. Несвободное состояніе до того было въ правахъ времени, что человѣкъ, освободившійся отъ одного господина, нерѣдко тотчасъ же самъ закабалялся въ холопство другому.

Стрѣльцы пока тщетно разыскивали Нарышкиныхъ, главнымъ образомъ Ивана Кирилловича и, кромѣ того, царскаго доктора Даніила фонъ Гадена, крещенаго еврея, котораго обвиняли въ отравленіи Θеодора Алексѣевича. Докторъ въ платьѣ нищаго убѣжалъ изъ Нѣмецкой слободы и скрывался въ Марьиной рощѣ. А Нарышкины, Кириллъ Полуектовичъ съ сыновьями, и Андрей Матвѣевъ, сынъ убитаго Артамона Сергѣевича, спрятались сначала въ теремѣ осьмилѣтней царевны Натальи Алексѣевны (младшей сестры Петра), а потомъ—въ комнатахъ вдовой царицы Марθы Матвѣевны. Не нашедши Нарышкиныхъ и въ этотъ день, стрѣльцы объявили, что придутъ за ними на слѣдующій, и ушли, опять разставивъ вездѣ караулы.

17 мая мятежъ и убійства продолжались съ тою же свирѣпостью. Главная толпа стрѣльцовъ оцѣпила дворецъ и кричала, чтобы имъ выдали Нарышкиныхъ. Постельница царицы Марθы, Клушина, теперь спрятала ихъ въ темномъ чуланѣ, наполненномъ перинами и подушками, а дверь въ него оставила непритворенною, чтобы отклонить подозрѣніе. И дѣйствительно, стрѣльцы нѣсколько разъ проходили мимо, заглядывали въ чуланъ, но тщательныхъ поисковъ тамъ не производили. Наконецъ, они объявили, что не уйдутъ и побьютъ всѣхъ бояръ, пока

имъ не выдадутъ Ивана Нарышкина. Очевидно, гибель этого молодого боярина руководители мятежа, т.-е. Милославскіе и князь Хованскій, почему-то считали для себя необходимою. Хованскій, по извѣстію одного иностранца, наканунѣ спрашивалъ стрѣльцовъ, не выгнать ли изъ дворца самое Наталью Кирилловну? Тѣ отвѣчали: «любо, любо»; однако, не рѣшились на такое дѣло.

Скрывавшаяся дотолѣ въ тѣни, душа всего мятежа царевна Софья теперь выступила впередъ и, пришедши къ царицѣ Натальѣ, рѣшительнымъ тономъ, въ присутствіи бояръ, сказала ей: «Брату твоему отъ стрѣльцовъ не отбыть; не погибать же намъ всѣмъ за него». Бояре, повидимому, вторили ея словамъ. Наталья Кирилловна, потерявъ всякую надежду на спасеніе брата, велѣла привести его къ церкви Спаса за Золотой Рѣшеткой. Тутъ его исповѣдали и пріобщили Св. Таинъ. Софья посовѣтовала дать ему въ руки икону Богородицы, которая можетъ послужитъ защитою отъ убійцъ. Эти приготовленія и слезное прощаніе царицы съ братомъ показались боярамъ слишкомъ долгими. Одинъ изъ нихъ, престарѣлый и робкій князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, не удержался и сказалъ: «Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, а разставаться надобно; а тебѣ, Иванъ, надо идти скорѣе, чтобы за тебя одного намъ всѣмъ не погибнуть». Держа за руку брата, царица вывела его изъ церкви. Стрѣльцы какъ только увидали свою жертву, не обращая вниманія на икону, бросились на него какъ звѣри и потащили въ Константиновскій застѣнокъ; тамъ его подвергли жестокой пыткѣ и розыску въ мнимой измѣнѣ и покушеніи на жизнь царевича Ивана. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Его повлекли на Красную площадь и тамъ разрубили бердышами на части. Младшіе братья Ивана Нарышкина успѣли спрятаться. А самого Кирилла Полуектовича стрѣльцы освободили отъ смерти съ условіемъ, чтобы онъ постригся въ монахи. Въ тотъ же день схватили доктора фонъ Гадена; томимый голодомъ, онъ воротился въ городъ и былъ узнанъ. Когда его привели во дворецъ, царица Марѳа Матвѣевна и царевны тщетно пытались спасти его, увѣряя стрѣльцовъ, что онъ невиновенъ въ смерти Ѳеодора, что всѣ лѣкарства, которыя приготовлялъ и давалъ царю, онъ прежде самъ отвѣдывалъ. Злодѣи кричали, что онъ чернокнижникъ, что у него нашли какихъ-то засушенныхъ змѣй. Его также пытали въ Константиновскомъ застѣнкѣ, гдѣ слабонервный врачъ, чтобы прекратить свои мученія, подтверждалъ взведенныя на него обвиненія. Онъ также былъ изрубленъ въ куски на Красной площади.

Трехдневныя убійства наконецъ пресытили кровожадныхъ мятежниковъ. Передъ вечеромъ они собрались къ дворцу и кричали: «Мы те-

перь довольны. Дай Богъ здоровья государю, царицамъ и царевнамъ; а съ остальными измѣнниками пусть его царское величество чинитъ по своей волѣ». Стрѣльцы, конечно, не думали о томъ, какія потрясающія впечатлѣнія произвели они своимъ кровавымъ мятежомъ на самого этого государя, отрока Петра, и какимъ страшнымъ возмездіемъ онъ отплатитъ имъ впослѣдствіи за убіеніе своихъ сродниковъ, за тяжкое униженіе своей матери и своего собственнаго царственнаго достоинства.

Замѣчательно однако то обстоятельство, что сей мятежъ не былъ соединенъ съ грабежомъ имущихъ классовъ, какъ это бывало въ прежнихъ случаяхъ. Начиная свой бунтъ для истребленія мнимыхъ измѣнниковъ, стрѣльцы даже напередъ дали заклятье не трогать имущества побитыхъ ими людей, и сдержали въ общемъ свою клятву; а тѣхъ, которые ее преступали, они сами казнили за самую ничтожную кражу. Но когда окончилось это истребленіе, начался широкій разгулъ: разнузданные, самодовольные якобы совершенными подвигами, стрѣльцы стали ходить по кружаламъ и торговымъ погребамъ, пить и бражничать; пьяные они шатались по городу вмѣстѣ со своими женами, пѣли срамныя пѣсни и выкрикивали разныя нелѣпыя слова. По чьему-то внушенію, вмѣсто стрѣлецкаго войска они стали называть себя «государевой надворной пѣхотой». Иногда выборные отъ нихъ являлись во дворецъ и требовали наградъ за свою «вѣрную» службу или недоданнаго имъ жалованья, которое высчитывали за много лѣтъ назадъ. Нѣкоторое время все передъ ними безмолвствовало и трепетало. Правительство какъ бы отсутствовало. Но такое положеніе не могло продолжаться. Власть, выпавшую изъ рукъ Нарышкиныхъ, схватили Милославскіе въ лицѣ наиболѣе энергичнаго своего представителя, царевны Софьи.

Сами событія помогли Софьѣ выдвинуться на передній планъ. Царица Наталья заботилась прежде всего сохранить жизнь и здоровье сына и укрывалась съ нимъ отъ мятежныхъ стрѣльцовъ. Приходя ко дворцу съ своими требованіями и заявленіями, они, за отсутствіемъ другихъ властей и царственныхъ особъ, стали обращаться къ царевнамъ; а отъ имени своихъ сестеръ и тетокъ отвѣчала и дѣйствовала Софья. Въ счетъ недоданнаго жалованья за прошлые годы, она раздала стрѣльцамъ большія суммы денегъ, которыя можно было собрать изъ приказовъ, по монастырямъ, у вельможъ и купцовъ, и обѣщала уплатить еще по 10 руб. на человѣка въ награду за вѣрную службу. Она же согласилась на названіе «надворной пѣхоты», начальникомъ которой, на мѣсто убитыхъ Долгорукихъ, назначенъ былъ князь Хованскій. А этотъ Хованскій въ свою очередь сталъ дѣйствовать отъ имени стрѣльцовъ, которыми онъ же и руководилъ. Такъ, 23 мая онъ явился

во дворецъ съ выборными отъ полковъ и объявилъ, что всѣ стрѣльцы, а равно и чины Московскаго государства требуютъ, чтобы на царскомъ престолѣ были посажены оба брата, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Для рѣшенія сего вопроса царевны, т.-е. въ сущности Софья, созвали Боярскую Думу, духовенство и выборныхъ отъ разныхъ чиновъ столицы. На этомъ частномъ Земскомъ соборѣ послышались было нѣкоторыя возраженія противъ двоевластія; но большинство подъ давленіемъ стрѣлецкихъ угрозъ нашло, что такое двоевластіе полезно въ случаѣ войны, такъ какъ одинъ царь можетъ отправиться съ войскомъ, а другой будетъ управлять царствомъ. Привели и подходящіе примѣры двоевластія изъ исторіи, особенно Византійской. Соборъ рѣшилъ быть двумъ царямъ, и въ Успенскомъ храмѣ торжественно провозгласили имъ многолѣтіе. Однако Софья хотѣла точнѣе опредѣлить ихъ взаимныя отношенія, и вотъ снова явились стрѣлецкіе выборные и потребовали, чтобы первымъ царемъ былъ Іоаннъ, а Петръ вторымъ. На слѣдующій день, 26 мая, Боярская Дума вмѣстѣ съ Освященнымъ соборомъ подтвердила требованіе стрѣльцовъ. Въ силу такого приговора, мать отрока Петра Наталья Кирилловна, разумѣется, отодвигалась на задній планъ, а на передній выступили сестры болѣзненнаго неспособнаго Іоанна, или все та же царевна Софья. Отъ имени обоихъ царей стрѣльцамъ была объявлена особая милость, и во дворцѣ каждый день угощали по два полка. Софья хотя фактически и захватила власть въ свои руки, но не ограничилась тѣмъ, а пожелала и юридически закрѣпить ее за собою. Ея желаніе исполнилось немедленно благодаря тому же стрѣлецкому войску. 29 мая оно заявило новое требованіе: по юности обоихъ государей вручить управленіе ихъ сестрѣ царевнѣ Софьѣ. Это требованіе не встрѣтило препятствія, и тѣмъ болѣе, что примѣры тому были въ Византійской исторіи: напомнимъ знаменитую Пульхерію, сестру Ѳеодосія II. Бояре и патріархъ обратились къ царевнѣ съ просьбою принять на себя правительственныя заботы. Софья сначала отказывалась, какъ этого требовалъ обычай; а потомъ согласилась. Теперь она стала именовать себя: «великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софья Алексѣевна».

Едва ли не первымъ правительственнымъ актомъ послѣ того является утвержденіе новой стрѣлецкой челобитной отъ 6 іюня. Повидимому, опомнившееся отъ пережитыхъ ужасовъ населеніе столицы стало выражать свое негодованіе на совершенныя убійства; особенно горькія жалобы высказывали конечно родственники и пріятели погибшихъ. Стрѣльцовъ называли бунтовщиками, измѣнниками, злодѣями и т. п. Въ отвѣтъ на это «надворная пѣхота» вмѣстѣ съ по-

садскими (послѣдніе вѣроятно по принужденію) подала царямъ челобитную, въ которой просила дозволенія поставить на Красной площади каменный столбъ не только съ именами убитыхъ, но и съ прописаніемъ ихъ вины и съ похвалою надворной пѣхотѣ за вѣрную службу; просила о запрещеніи называть ее бунтовщиками, измѣнниками и другими поносными словами, а также о разныхъ служебныхъ льготахъ и правахъ. Просьба была немедленно исполнена, каменный столбъ воздвигнутъ, и на четырехъ желѣзныхъ листахъ, прибитыхъ съ четырехъ сторонъ столба, прописаны имена и вины людей, побитыхъ 15—17 мая (49).

Но, добившись власти съ помощью стрѣльцовъ, Софья ясно видѣла, что ихъ самоволію и разнузданности пора положить предѣлъ. Въ ея собственныхъ интересахъ было теперь освободить верховную власть отъ частаго вмѣшательства и давленія со стороны такъ наз. надворной пѣхоты. Удобный случай къ тому представило, поддержанное стрѣльцами, старообрядческое движеніе.

Несмотря на жестокое гоненіе, воздвинутое противъ старообрядцевъ въ царствованіе Θеодора II, расколъ все болѣе и болѣе укоренялся и множился; чему не мало способствовало и самое это гоненіе. Онъ имѣлъ уже своихъ мучениковъ, съ Аввакумомъ и Лазаремъ во главѣ, память о которыхъ и оставленные ими завѣты благоговѣйно чтились во всѣхъ мѣстахъ старообрядчества, особенно въ главномъ его центрѣ, т. е. въ столицѣ. Послѣ ихъ казни сношенія Москвы съ Пустозерскомъ прекратились; но ихъ многочисленные ученики и послѣдователи продолжали въ ней дѣло раскольничьей проповѣди. Наиболѣе сочувствія находили они среди стрѣльцовъ и подгородныхъ слобожанъ; однако встрѣчались сторонники раскола и среди знатныхъ фамилій, у которыхъ еще сохранялась живая память о мученичествѣ Морозовой и ея сестры. Такова въ особенности была семья Хованскихъ. Уже самая растерянность правительства во дни Майскаго мятежа помогла расколу поднять голову; а когда во главѣ стрѣлецкаго войска явился князь Хованскій Тараруй, расколъ вздумалъ опереться на вооруженную силу и смѣло выступилъ впередъ со своими требованіями.

Спустя нѣсколько дней послѣ Майскаго мятежа, въ стрѣлецкомъ полку Титова старообрядцы надумали подать властямъ, церковнымъ и гражданскимъ, челобитную и потребовать отъ нихъ отвѣта: зачѣмъ онѣ возненавидѣли старыя книги и старую вѣру, въ которой россійскіе чудотворцы и великіе князья и цари угодили Богу, и зачѣмъ возлюбили новую вѣру латино-римскую? Но затрудненіе оказалось въ

непмѣніи свѣдущаго, искуснаго человѣка, который бы могъ сочинить такую челобитную и вести преніе о вѣрѣ съ патріархомъ и властями. Стрѣльцы обратились въ Гончарную слободу; тамъ нашлись радѣтели за старую вѣру и въ ихъ числѣ архимандричій келейникъ изъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, нѣкто Савва Романовъ. (Онъ потомъ описалъ все это дѣло со стрѣлецкой челобитной.) Они отыскали какого-то монаха Сергія, съ помощью котораго и написали челобитную. Когда Савва Романовъ прочелъ въ Титовомъ полку эту челобитную, наполненную указаніями на мнимыя погрѣшности исправленныхъ при Никонѣ книгъ, стрѣльцы удивились такому количеству ересей, заключающихся въ этихъ книгахъ. Читали ее и другимъ полкамъ. Рѣшено было «постоять за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа свѣта». Очевидно, движеніе это происходило съ вѣдома и поощренія стрѣлецкаго «батюшки», т.-е. князя Хованскаго. Онъ при удобномъ случаѣ говорилъ раскольникамъ, что теперь не допуститъ, чтобы ихъ попрежнему вѣшали или сожигали въ срубахъ; чѣмъ не мало придавалъ имъ смѣлости. Когда Хованскому донесли, что челобитная готова, онъ пожелалъ выслушать ее отъ самихъ сочинителей. На него также произвело большое впечатлѣніе множество ересей, найденныхъ въ новыхъ книгахъ. Но монаха Сергія онъ нашелъ смиреннымъ и не достаточно рѣчистымъ для того, чтобы держать отвѣтъ патріарху и властямъ. Тогда ему указали на извѣстнаго суздальскаго попа Никиту, прозваніемъ Пустосвята, снова трудившагося надъ проповѣдью раскола, несмотря на свое торжественное отъ него отреченіе. Хованскій зналъ его, и съ радостью согласился на его участіе въ преніи. Ревнители старой вѣры хотѣли, чтобы это преніе совершилось всенародно на Лобномъ мѣстѣ или покрайней мѣрѣ въ Кремлѣ у Краснаго крыльца въ присутствіи обоихъ царей, и притомъ не откладывая, а въ ближайшую пятницу, которая приходилась на 23 іюня. Но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ на Воскресенье 25-го назначено было царское вѣнчаніе. Старообрядцы обезпокоились тѣмъ, что на этомъ вѣнчаніи патріархъ будетъ служить по новому требнику и таинство Причащенія совершитъ на пяти просфорахъ съ латинскимъ (четвероконечнымъ) крыжемъ.

Въ Пятницу все-таки состоялось шествіе старообрядческой толпы въ Кремль; во главѣ ихъ шли Никита съ крестомъ въ рукахъ, монахъ Сергій съ Евангеліемъ, другой монахъ Савватій съ иконою Страшнаго суда; народъ сбѣжался посмотрѣть на эту небывалую процессію. Они остановились у Краснаго крыльца. Вызвали Хованскаго. Тотъ притворился ничего незнающимъ, приложился ко кресту и спросилъ, зачѣмъ

пришли честные отцы. Никита изложилъ ему челобитье о старой православной вѣрѣ, о семи просфорахъ, трисоставномъ крестѣ, о томъ, чтобы патріархъ далъ отвѣтъ, зачѣмъ онъ гонитъ людей за старую вѣру, а соловецкихъ монаховъ велѣлъ вырубить и перевѣшать и т. д. Хованскій взялъ помянутую выше челобитную и понесъ въ Верхъ, чтобы доложить ее государямъ и патріарху. Воротясь, онъ объявилъ, что государи назначили быть собору черезъ нѣсколько дней послѣ своего вѣнчанія. По сему поводу Никита настаивалъ на семи просфорахъ, съ изображеніемъ истиннаго креста. Хованскій посовѣтовалъ ему приготовить такія просфоры и обѣщалъ поднести ихъ патріарху, чтобы тотъ служилъ на нихъ литургію при обрядѣ коронованія.

25-го іюня совершилось торжественное коронованіе обоихъ царей въ Успенскомъ соборѣ со всѣми обычными обрядами. Никита Пустосвятъ взялъ свои просфоры, которыя по его заказу испекла нѣкая вдовица, и понесъ ихъ въ Кремль. Но тутъ столпилось такое множество народа, что онъ не могъ пробраться въ соборъ и со стыдомъ воротился. Тѣмъ не менѣе, московскіе старовѣры готовились ко всенародному пренію съ патріархомъ и для подкрѣпленія себя вызвали изъ волоколамскихъ пустынь нѣкоторыхъ «отцовъ», т.-е. расколоучителей, каковы: помянутый Савватій, потомъ Доспфей, Гавріилъ и пр. Но патріархъ и правительница, повидимому, принимали свои мѣры, и часть стрѣльцовъ ласками, угощеніемъ и подарками отклонили отъ единомыслія съ раскольниками. Когда выборные отъ Титова полку ходили по слободамъ и убѣждали подписываться подъ челобитною, то къ ней приложили руки только девять стрѣлецкихъ приказовъ и десятый Пушкарскій; въ десяти же полкахъ возникли споры; многіе возражали, что не ихъ дѣло входить въ преніе съ патріархомъ и архіереями, да и сами старцы едва ли сумѣютъ держать отвѣтъ передъ соборомъ, а пожалуй только нашумятъ и уйдутъ. Впрочемъ, и эти полки обѣщали, что будутъ стоять за православную вѣру и не дадутъ снова жечь и мучить.

Третьяго іюля ко дворцу собрались выборные отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ вмѣстѣ съ расколоучителями и толпой посадскихъ и чернослободскихъ. По изволенію правительницы, Хованскій ввелъ ихъ въ патріаршую Крестовую палату и вызвалъ къ нимъ патріарха. Тутъ Іоакимъ кротко уговаривалъ ихъ не вторгаться въ дѣла архіерейскія и пытался объяснить необходимость исправленія книгъ, которое совершилось по согласію со вселенскими патріархами. Нѣкоторые раскольничьи отцы возражали ему и главнымъ образомъ возставали противъ несогласнаго съ Христовымъ ученіемъ гоненія на старую вѣру, противъ

стремленія убѣждать въ истинѣ троеперстія не словомъ, а огнемъ и мечомъ. Патріархъ отвѣчалъ, что власти наказываютъ не за крестъ и молитву, а за неповиновеніе церкви. Въ этомъ спорѣ изъ раскольниковъ особенно отличился нѣкій Павелъ Даниловичъ, и когда выборные подошли къ патріарху подъ благословеніе, Павелъ отказался принять благословеніе не по старому обычаю. Хованскій поцѣловалъ его въ голову со словами: «не зналъ я тебя до сей поры!» Условились быть соборному пренію черезъ день, т.-е. 5 іюля, въ середу.

Въ это время на московскихъ улицахъ и площадяхъ раскольничьи отцы свободно проповѣдывали свое ученіе. Толпы мужчинъ и женщинъ собирались около нихъ и слушали разсужденія о старой вѣрѣ. Но когда православные священники и монахи пытались оправдывать троеперстіе или исправленіе книгъ, то подвергались побоямъ. Казалось, что Москва наканунѣ новаго мятежа.

Утромъ 5 іюля толпа старовѣровъ, отпѣвъ молебенъ, съ Никитою во главѣ, съ крестомъ, Евангеліемъ, налоями, старыми иконами и книгами, двинулась въ Кремль, сопровождаемая стрѣльцами и народнымъ множествомъ. Раскольничьи старцы, имѣя постныя лица и надвинутые на брови клобуки стараго покроя, производили впечатлѣніе и вызывали нелестныя замѣчанія о тучности православнаго духовенства. Раскольничья толпа расположилась между Архангельскимъ соборомъ и Краснымъ крыльцомъ, поставила налои, покрыла ихъ пеленами, разложила на нихъ книги, иконы и зажгла свѣчи. Патріархъ, отслуживъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, удалился въ свои палаты. По его приказу къ толпѣ вышелъ спасскій протопопъ Василій и началъ читать, отпечатанныя наканунѣ, отреченіе Никиты отъ раскола и его покаяніе, произнесенныя передъ соборомъ 1667 года. Тутъ стрѣльцы бросились на Василія; но помянутый выше монахъ Сергій вступился и велѣлъ ему продолжать чтеніе. Однако за происшедшими криками ничего не было слышно. Тогда Сергій, по желанію толпы, всталъ на скамью и читалъ соловецкія тетради, заключавшія поученія о крестномъ знаменіи, о просфорахъ и т. п. Толпа, на время притихшая, казалось, съ умиленіемъ, вздохами и даже со слезами слушала эти поученія. Но потомъ снова поднялись шумъ и волненіе, и чтеніе прекратилось.

Межъ тѣмъ Хованскій тщетно хлопоталъ въ Верху, чтобы Іоакимъ съ духовенствомъ вышелъ къ старовѣрамъ и учинилъ преніе на площади передъ народомъ. Софья также не соглашалась на такое требованіе и указывала на Грановитую палату, гдѣ она сама хотѣла присутствовать. Напрасно Тараруй отсовѣтывалъ ей и вообще царскимъ особамъ это присутствіе подъ опасеніемъ новаго стрѣлецкаго бунта;

убѣжденные имъ, бояре также просили Софью отказаться отъ своего намѣренія. Но она не желала оставить патріарха съ архіереями безъ поддержки свѣтской власти и отправилась въ Грановитую палату; вмѣстѣ съ нею пошли царица Наталья Кирилловна, царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна, окруженныя боярами и выборными стрѣльцами. Съ своей стороны раскольники, когда Хованскій пригласилъ ихъ войти въ палату, не вдругъ согласились, также опасаясь какого-либо насилія; но Хованскій поклялся, что никакого зла имъ не сдѣлаютъ. Тогда раскольничьи отцы въ сопровожденіи многихъ людей изъ народа шумною толпою вошли въ палату со своими налоями и свѣчами.

Патріархъ обратился къ нимъ съ прежними увѣщаніями не суемудрствовать, не вторгаться въ церковныя дѣла, повиноваться своимъ архіереямъ и не вмѣшиваться въ исправленіе книгъ, не имѣя для того «грамматическаго разума». Тутъ выступилъ впередъ Никита и воскликнулъ: «не о грамматикѣ пришли мы съ тобой толковать, а о церковномъ догматѣ!» И тотчасъ спросилъ: зачѣмъ архіереи, осѣняя крестомъ, берутъ его въ лѣвую руку, а свѣчу въ правую? Ему сталъ отвѣчать холмогорскій архіепископъ Аѳанасій. «Я не съ тобой говорю, а съ патріархомъ!» — закричалъ Никита и бросился на архіепископа но выборные стрѣльцы его удержали. Тогда Софья, вставъ со своего кресла, съ негодованіемъ начала говорить о томъ, что Никита осмѣлился бить архіерея въ присутствіи царскихъ особъ, и напомнила ему его покаянное, клятвенное отреченіе отъ раскола. Никита сознался, что приносилъ покаяніе подъ страхомъ казни, но что сочиненный на его челобитную Симеономъ Полоцкимъ *Жезлъ* не отвѣчаетъ и на пятую часть сей челобитной.

Софья приказала читать ту челобитную, которую принесли теперь раскольничьи отцы. Въ ней между прочимъ говорилось, что еретики чернецъ Арсеній и Никонъ «поколебали душою царя Алексѣя». Услыхавъ такія слова, Софья снова встала и со слезами на глазахъ сказала: «Если Арсеній и патріархъ Никонъ еретики, то и отецъ нашъ и братъ и всѣ мы еретики. Такой хулы мы не можемъ болѣе терпѣть, и пойдемъ вонъ изъ царства». Она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону. Но бояре и выборные стрѣльцы уговорили ее воротиться на свое мѣсто. При этомъ она не преминула упрекнуть стрѣльцовъ въ томъ, что они попускаютъ такимъ мужикамъ и невѣждамъ приходить къ царямъ съ бунтомъ, противъ котораго остается одно средство: уйти царскому семейству въ другіе города и возвѣстить о томъ всему народу. Стрѣльцы встревожились такой угрозой и клялись положить свои головы за царскія величества.

Чтеніе челобитной продолжалось съ небольшими перерывами и возраженіями. Когда оно окончилось, патріархъ взялъ евангеліе, писанное рукою св. митрополита Алексѣя, и соборное дѣяніе патріарха Іереміи, заключавшее въ себѣ символъ вѣры, и показалъ, что этотъ символъ въ новоисправленныхъ книгахъ буквально тотъ же. А одинъ изъ священниковъ указалъ старообрядцамъ на книгу, напечатанную при патріархѣ Филаретѣ, въ которой разрѣшалось на мясо въ великіе четвергъ и субботу! На это Никита пробормоталъ: «такіе же плуты печатали какъ и вы». Затѣмъ, по причинѣ наступившихъ сумерекъ, преніе было отложено и раскольники отпущены съ обѣщаніемъ издать о нихъ особый указъ. Вышедши къ народной толпѣ, они подняли два пальца и кричали: «тако вѣруйте, тако творите; всѣхъ архіереевъ перепрехомъ и посрамихомъ!» На Лобномъ мѣстѣ они остановились и поучали народъ. Потомъ отправились за Яузу въ Титовъ полкъ, гдѣ ихъ встрѣтили съ колокольнымъ звономъ; въ Спасской церкви, что въ Чигасахъ, отслужили молебенъ, и наконецъ разбрелись по своимъ домамъ.

Не давая времени разростись старообрядческому движенію, Софья приняла рѣшительныя мѣры. По ея требованію, во дворецъ явились выборные отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ, за исключеніемъ Титова. Правительница снова выговаривала имъ и спрашивала, неужели они готовы царскую семью и все Россійское государство промѣнять на шестерыхъ чернецовъ и отдать на поруганіе святѣйшаго патріарха и весь освященный соборъ? Снова грозила покинуть Москву вмѣстѣ съ государями. Выборные Стремяннного полка отвѣтили, что за старую вѣру не будутъ стоять, что это дѣло не ихъ, а св. патріарха и освященнаго собора. За ними тоже повторили и другіе. Всѣхъ ихъ угостили и одарили. Но когда они воротились въ свои слободы, стрѣльцы упрекали ихъ за измѣну и грозили побить; особенно шумѣли въ Титовомъ полку. Однако многіе рядовые стрѣльцы не устояли передъ ласкою и угощеніемъ изъ царскаго погреба и явно приняли сторону властей противъ раскольниковъ. Тогда Софья велѣла схватить главныхъ вожаковъ. Никитѣ Пустосвяту отрубили голову на Красной площади, а другихъ сослали въ разныя мѣста. Но главный потакатель старообрядческаго движенія, князь Хованскій, пока оставался во главѣ стрѣлецкаго войска и пользовался его любовью; такъ какъ позволялъ ему всякое своеволіе и не унималъ стрѣльцовъ, которые продолжали приходить ко дворцу съ разными наглыми требованіями. Между прочимъ однажды они потребовали выдачи многихъ бояръ на основаніи слуха, будто тѣ хотѣли истребить все стрѣлецкое войско. Оказалось, что слухъ этотъ пустилъ одинъ крещеный татарскій князь, Матвѣй Одышевскій, недовольный

тѣмъ, что ему отпускали мало корму и мало его честили. На пыткѣ онъ повинился въ своей клеветѣ. Его казнили. Были и другіе случаи подобныхъ слуховъ, которые поддерживали тревогу и волненія между стрѣльцами. Все лѣто 1682 года дворъ и столица провели въ страхѣ отъ этихъ волненій. Открыто дѣйствовать противъ Хованскаго дворъ не рѣшался: во-первыхъ, еще недавно партія Милославскихъ съ его помощью завладѣла правленіемъ; во-вторыхъ, Таратуй выходилъ всегда окруженный толпою стрѣльцовъ, а его дворъ охранялся цѣлымъ отрядомъ. Онъ не ограничился дерзкимъ поведеніемъ и явною потачкою стрѣлецкому своеволію; пошли еще слухи о какихъ-то его замыслахъ, а именно: въ качествѣ Гедиминова потомка онъ будто бы мечтаетъ овладѣть престоломъ съ помощью стрѣльцовъ и хочетъ женить своего сына на одной изъ царевенъ, чтобы породнить свой родъ съ родомъ Романовыхъ. Извѣстный заговорщикъ, Иванъ Мих. Милославскій до того боялся новаго стрѣлецкаго мятежа, что покинулъ столицу и «какъ подземный кротъ» укрывался въ своихъ подмосковныхъ вотчинахъ. Изъ опасенія этого мятежа, 19 августа никто изъ царскаго семейства не рѣшился участвовать въ крестномъ ходѣ, который на тотъ день совершался изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь. А вслѣдъ за тѣмъ все это семейство внезапно уѣхало въ село Коломенское. Разъѣхались изъ Москвы и большіе бояре. Стрѣльцы встревожились отлучкою царскаго двора, который ускользалъ изъ ихъ рукъ и могъ легко собрать вокругъ себя ратную силу изъ дворянъ и боярскихъ дѣтей. Явились выборные изъ стрѣлецкихъ полковъ, убѣждали не вѣрить слухамъ объ ихъ мятежныхъ намѣреніяхъ и просили государей воротиться въ столицу. Выборныхъ постарались успокоить отвѣтомъ, что эта отлучка есть не болѣе какъ обычный царскій походъ въ подмосковныя села.

2 сентября дворъ изъ Коломенскаго переѣхалъ въ село Воробьево, потомъ изъ Воробьева въ Павловское, далѣе въ монастырь Саввы Сторожевскаго, и на нѣсколько дней остановился въ селѣ Воздвиженскомъ. По поводу пріѣзда гетманскаго сына Семена Самойловича и другихъ правительственныхъ дѣлъ, въ Москву отъ имени государей посланъ указъ всѣмъ боярамъ и думнымъ людямъ, въ томъ числѣ Хованскимъ, а также стольникамъ, жильцамъ и дворянамъ московскимъ спѣшить въ Воздвиженское. 17 числа Софья праздновала здѣсь свои имянины. Послѣ обѣдни и поздравленія открылось засѣданіе Боярской Думы, въ присутствіи царей и царевны. Тутъ сдѣланъ былъ докладъ о беззаконіяхъ, чинимыхъ княземъ Иваномъ Хованскимъ и его сыномъ Андреемъ въ ихъ приказахъ, Стрѣлецкомъ и Судномъ; а затѣмъ представлено найденное въ Коломенскомъ селѣ подметное письмо, которое извѣщало,

будто бы Хованскіе отецъ съ сыномъ призывали къ себѣ нѣкоторыхъ стрѣльцовъ и посадскихъ и уговаривали ихъ возмутить свою братью, чтобы истребить царскій домъ, на престолъ посадить князя Ивана, а сына его Андрея женить на одной изъ царевенъ, патріарха и противныхъ бояръ перебить и т. д. Однимъ словомъ, излагались помянутые выше замыслы. Дума не стала разбирать подлинность или справедливость сего извѣстія. Государи указали, а бояре приговорили: казнить Хованскихъ смертію. Послѣдніе въ это время, по вышепомянутому царскому призыву, разными дорогами ѣхали въ Воздвиженское. Навстрѣчу имъ высланъ князь Лыковъ съ дворянскимъ отрядомъ. Старика Хованскаго онъ захватилъ подлѣ села Пушкина, а князя Андрея неподалеку отсюда въ деревнѣ на р. Клязьмѣ, и обоихъ доставилъ въ Воздвиженское. Здѣсь въ присутствіи бояръ и думныхъ людей дьякъ Шакловитый прочелъ имъ смертный приговоръ съ изложеніемъ ихъ винъ и помянутое подметное письмо. Хованскіе пытались оправдываться, взывали къ правосудію, требовали очныхъ ставокъ,—все напрасно; Софья велѣла поспѣшить казнію. Заплечнаго мастера подъ рукой не оказалось, и стремянной стрѣлецъ отрубилъ голову отцу, а потомъ и сыну.

Эта казнь произвела быстрый поворотъ въ положеніи стрѣлецкаго войска.

Оно сильно всполошилось, когда младшій сынъ князя Хованскаго, Иванъ, убѣжавшій изъ Воздвиженскаго, привезъ извѣстіе о казни отца, учиненной боярами будто бы безъ царскаго указу. Стрѣльцы вооружились, захватили пушечный нарядъ, разставили вездѣ караулы, грозили убить патріарха и т. п. Но угрозы смѣнились страхомъ и уныніемъ, когда они узнали, что дворъ переѣхалъ въ укрѣпленную Троицкую лавру, куда по царскимъ призывнымъ грамотамъ уже со всѣхъ сторонъ шли вооруженные отряды служилыхъ людей. А когда въ столицу пріѣхалъ бояринъ М. П. Головинъ, чтобы вѣдать ею въ отсутствіе государей, и пришелъ указъ прислать къ Троицѣ по два десятка выборныхъ отъ каждаго стрѣлецкаго полку, стрѣльцы повиновались и упросили патріарха послать съ ними архіерея (Иларіона Суздальскаго), ради спасенія ихъ отъ казни. 27 сентября, дрожа отъ страха, явились они въ Лавру. Тутъ вышла къ нимъ Софья и осыпала упреками за ихъ неистовства и возмущенія противъ царскаго дома. Выборные пали ницъ, каялись и обѣщали впредь служить вѣрою и правдою. Царевна отпустила ихъ съ приказомъ, чтобы всѣ полки смирились и подали общую челобитную о прощеніи. Межъ тѣмъ по четыремъ главнымъ дорогамъ, ведущимъ въ столицу (по Тверской, Владимірской, Коломенской и Можайской), уже расположились многочисленныя ратныя силы дворянъ и

дѣтей боярскихъ, готовыя ударить на мятежное стрѣлецкое войско. Послѣднее теперь не помышляло о сопротивленіи, и поспѣшило исполнить требованіе царевны, т.-е. послало ей общее челобитье о прощеніи. По просьбѣ челобитчиковъ, патріархъ опять отправилъ съ ними отъ себя ходатая, на сей разъ чудовского архимандрита Адріана, своего будущаго преемника.

Софья велѣла вручить челобитчикамъ статьи, на которыхъ всѣ стрѣльцы должны были присягнуть, а именно: не заводить казацкихъ бунтовщичьихъ круговъ, не приставать къ раскольникамъ, о злыхъ умыслахъ, словахъ и письмахъ немедля доносить, бояръ, воеводъ и полковниковъ почитать и слушать, самовольно подъ караулъ никого не брать, боярскихъ холоповъ, записавшихся въ стрѣльцы, возвратить господамъ и т. д. На исполненіи этихъ статей стрѣльцы торжественно присягнули въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи патріарха. Выданный стрѣльцами, младшій сынъ Хованскаго былъ приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ и отправленъ въ ссылку. Однако и послѣ того дворъ не спѣшилъ возвращеніемъ въ столицу. Софья желала, чтобы уничтоженъ былъ вещественный памятникъ мятежа, т.-е. каменный столбъ, стоявшій на Красной площади. Узнавъ объ этомъ желаніи, стрѣлецкіе полки испросили разрѣшеніе сломать столбъ и поспѣшили его исполнить.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, дворъ 6 ноября воротился въ столицу, въ сопровожденіи дворянской рати, члены которой щедро были награждены прибавкою помѣстій и денежныхъ окладовъ. Вскорѣ потомъ царевна начальникомъ Стрѣлецкаго приказа назначила человѣка ловкаго и вполнѣ ей преданнаго, думнаго дьяка Ѳеод. Леонт. Шакловитаго. Въ правительственныхъ актахъ перестали употреблять названіе «народной пѣхоты». Однако вкоренившійся между стрѣльцами духъ своеволія и самоуправства еще давалъ себя знать нѣкоторыми вспышками. Но Шакловитый, опираясь на Софью, сумѣлъ скоро его укротить рѣшительными мѣрами, не отступая и передъ смертною казнію. Притомъ наиболѣе безпокойные стрѣльцы были переведены изъ столицы въ украинные города, а на ихъ мѣсто призваны люди болѣе надежные. Въ первое время стрѣльцамъ даже запрещено было ходить по Москвѣ при оружіи, которое дозволялось имѣть только караульнымъ; между тѣмъ какъ придворнымъ чинамъ, приказнымъ людямъ и даже боярскимъ слугамъ велѣно быть вооруженными ([50]).

Справясь съ движеніями стрѣлецкимъ и раскольничьимъ въ столицѣ, Софья могла теперь обратить вниманіе на другія дѣла управленія,

внутреннія и внѣшнія. Главнымъ ея совѣтникомъ и помощникомъ явился князь В. В. Голицынъ.

Подобно Хованскому бывшій потомкомъ Гедимина, князь Голицынъ, какъ извѣстно, выдвинулся при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, милостивымъ расположеніемъ котораго онъ пользовался. Въ первый же годъ своего царствованія Ѳеодоръ пожаловалъ его изъ стольниковъ прямо въ бояре. Во время Чигиринской войны съ Турками онъ былъ главнымъ воеводою запасной рати, которая собиралась въ Сѣвскѣ; но, повидимому, непосредственнаго участія въ бояхъ не принималъ. При отмѣнѣ мѣстничества, какъ мы видѣли, онъ является предсѣдателемъ комиссіи, назначенной по сему вопросу. Сближеніе его съ Софьею, очевидно, относится еще къ этому царствованію. При началѣ ея правленія ему было лѣтъ около сорока или съ чѣмъ-нибудь, и онъ имѣлъ уже почти взрослаго сына Алексѣя. Къ нему какъ открытому западнику и наиболѣе образованному вельможѣ перешло наслѣдіе Ордына—Нащокина и Матвѣева, т.-е. Посольскій приказъ или вѣдомство Иностранныхъ дѣлъ, и онъ награжденъ пышнымъ титуломъ «Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя». Нѣкоторыя иностранныя свидѣтельства изображаютъ его большимъ почитателемъ европейцевъ, особенно Французовъ, человѣкомъ очень умнымъ и настолько образованнымъ, что онъ могъ съ западными посольствами поддерживать разговоръ на латинскомъ языкѣ. Его московскій домъ былъ убранъ въ европейскомъ вкусѣ; тутъ виднѣлись потолки съ изображеніемъ солнца, луны, планетъ, знаковъ зодіака, съ лицами пророковъ и пророчицъ, портреты русскихъ государей и королевскихъ особъ, заграничныя зеркала, статуи, картины, географическіе чертежи, мебель съ рѣзьбою, обитая бархатомъ или золотною кожею, часы стѣнные и столовые съ изваянными фигурами, нѣмецкій барометръ и т. п. Библіотека его заключала въ себѣ много книгъ русской и заграничной печати, а также не мало и рукописныхъ. Кромѣ нѣмецкихъ изданій, были въ особенности книги на польскомъ языкѣ или русскіе переводы съ польскаго. Содержаніе библіотеки очень разнообразное. Тутъ встрѣчались и завѣщаніе византійскаго царя Василія Македонянина сыну его Льву Философу, и Магометовъ Алькоранъ, и грамматики разныхъ языковъ, конскій лѣчебникъ, календари, иллюстрированная естественная исторія, судебникъ, лѣтописецъ, родословецъ, Соловецкая челобитная, исторія о Могилонѣ Кралевнѣ, ратные уставы, землемѣріе, сочиненія Юрія Крижанича, наставленіе посольствамъ, о комидійномъ или театральномъ искусствѣ и т. д. Но любопытно, что при своемъ выдающемся для того времени образованіи Голицынъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не стоялъ

выше народной массы. Напримѣръ, онъ держался свойственныхъ ей суевѣрій, вѣрилъ въ примѣты и колдовство. Такъ, нѣкій Бунаковъ подвергнутъ былъ жестокимъ пыткамъ по обвиненію въ томъ, что «вынималъ княжій слѣдъ», т.-е. съ дурнымъ намѣреніемъ подбиралъ землю тамъ, гдѣ проходилъ князь.

При всемъ своемъ уваженіи къ западной культурѣ вообще и къ польской въ особенности, и Софья, и ея главный совѣтникъ князь В. В. Голицынъ неуклонно продолжали водвореніе крѣпостного права и жестокія мѣры противъ раскола.

Относительно крѣпостного состоянія правительственные акты указываютъ, что въ данную эпоху велась все та же борьба съ постоянны побѣгами крестьянъ. Помѣщики, въ особенности некрупные, т.-е. военно-служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе, бьютъ челомъ о томъ, что крестьяне уходили отъ нихъ на земли государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей или на монастырскія, въ посады и ямскія слободы, а также на украинныя черты или засѣчныя линіи и за Уральскій хребетъ въ Сибирь. Нерѣдко бояре и дворяне попрежнему перезывали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ, конечно склоняя болѣе льготными условіями или ссудами. По челобитьямъ потерпѣвшихъ правительство посылаетъ сыщиковъ, чтобы разыскивать бѣглыхъ и возвращать ихъ прежнимъ владѣльцамъ, а съ незаконныхъ владѣльцевъ приказываетъ взыскивать пени по суду; подъ строгими карами запрещаетъ приказчикамъ и старостамъ принимать въ свои села и слободы чужихъ крестьянъ и бобылей. (Замѣчателенъ особенно указъ о томъ въ мартѣ 1683 г.). Но очевидно эти угрозы часто не достигали своей цѣли, и самые сыщики нерѣдко были доступны подкупу, несмотря на грозившія имъ наказанія. Розыски бѣглыхъ крестьянъ обыкновенно ограничиваются извѣстнымъ срокомъ, приблизительно двадцатилѣтнимъ, на основаніи писцовыхъ книгъ; бѣжавшіе ранѣе того оставлялись на новыхъ земляхъ. Во всякомъ случаѣ правительственныя мѣры все болѣе и болѣе лишали свободы крестьянское населеніе и постепенно закабаляли его трудъ и самую личность военно-служилому сословію. Исходнымъ пунктомъ для подобныхъ мѣръ обыкновенно служитъ Уложеніе царя Алексѣя. Суровый характеръ сего Уложенія отражался и на всей системѣ уголовныхъ каръ. Въ этомъ отношеніи если и встрѣчаются смягченія, то крайне незначительныя. Такъ преступникамъ, осужденнымъ на отсѣченіе пальцевъ передъ ссылкой, велѣно вмѣсто пальцевъ рѣзать уши, вѣроятно, въ видахъ сохраненія работоспособности. (Указъ въ мартѣ того же 1683 г.). Любопытно также распоряженіе, чтобы въ столицѣ торговая казнь (битье кнутомъ) впредь производилась не въ Кремлѣ передъ Суд-

нымъ приказомъ, а «за Спасскими воротами въ Китаѣ на площади противъ рядовъ». (Указъ 1685 г.). Вѣроятно тутъ имѣлось въ виду помѣстить эту казнь подалѣе отъ царскаго дворца и соборовъ и притомъ сдѣлать ее болѣе публичною. Во время стрѣлецкой и раскольничьей смуты уваженіе къ царскому жилищу, повидимому, ослабѣло. А потому потребовался (въ 1684 г.) особый указъ, и притомъ повторный, чтобы караульные стрѣльцы строже смотрѣли за порядкомъ и не допускали слугъ или холоповъ, сопровождавшихъ бояръ и дворянъ, стоять съ лошадьми подлѣ Успенскаго и Архангельскаго соборовъ и подлѣ самого дворцоваго крыльца, а отодвигали бы ихъ дальше, къ Ивановской колокольнѣ, къ Троицкимъ воротамъ и къ приказамъ Судному, Большого дворца и Конюшенному. Слугамъ повелѣвалось стоять смирно, безъ крику, шуму и свисту; дракъ между собой и кулачныхъ боевъ не заводить, стороннихъ людей и въ особенности иноземцевъ не задирать и не бранить, прохожихъ не толкать и подъ ноги не подшибать, по Кремлю на лошадяхъ не скакать; а во время царскихъ выходовъ слуги должны слѣзать съ лошадей, снимать шапки и близко къ царскому пути не стоять. Нарушителей сего указа велѣно брать въ Стрѣлецкій приказъ и тамъ «чинить имъ жестокое наказанье и торговую казнь».

Само собой разумѣется, что старобрядческое движеніе, подавленное въ столицѣ, отсюда распространилось по областямъ. Такъ, изъ царской грамоты новогородскому митрополиту Корнилію (въ ноябрѣ 1682 г.) мы узнаемъ, что въ его епархіи раскольники «чинятъ церквамъ Божіимъ смущеніе», а ему непослушаніе и непокорность. Грамота предписываетъ принять строгія мѣры, брать у воеводы служилыхъ людей для посылки и привода виновныхъ въ приказъ Духовныхъ дѣлъ для розыска, а потомъ отсылать ихъ къ «градскому суду». Въ томъ же году видимъ отписку Тобольскаго воеводы Верхотурскому воеводѣ, чтобы онъ въ своемъ уѣздѣ устроилъ по всѣмъ дорогамъ крѣпкія заставы, которыя должны задерживать людей, въ большомъ количествѣ стремящихся на р. Тоболъ въ Утяцкую слободу, гдѣ вновь заводится раскольничья пустыня. Таковая пустынь въ томъ краю уже существовала прежде; но при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ собравшіеся здѣсь раскольники, съ своимъ учителемъ монахомъ Даніиломъ во главѣ, учинили сомосожженіе, когда узнали, что за ними посланъ военный отрядъ.

Особенно чувствительно движеніе это отозвалось на Дону, гдѣ расколъ успѣлъ свить одно изъ крупныхъ своихъ гнѣздъ. Здѣсь какой-то старецъ Іосифъ съ товарищи волновалъ умы подложнымъ письмомъ отъ имени царя Ивана Алексѣевича, который будто бы призывалъ ка-

заковъ въ Москву, чтобы смирить непокорныхъ ему бояръ. Изъ Москвы послали туда толмача Посольскаго приказа Тараса Иванова, который потребовалъ отъ войска выдачи воровского старца (лѣтомъ 1683 г.). Войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ и старшины должны были выдержать бурное сопротивленіе простыхъ казаковъ прежде, нежели удалось устроить поимку воровъ. Старшины при этомъ внушали московскому посланцу, что у нихъ главная смута происходитъ отъ раскольниковъ, сосланныхъ въ украинные города и бѣжавшихъ оттуда на Донъ, на Хоперъ и Медвѣдицу. Они просили доложить князю Василію Васильевичу Голицыну, чтобы подобныхъ воровъ не ссылали въ такія близкія къ Дону мѣста. Любопытно, что въ томъ же году донская голытьба попыталась броситься на Волгу съ атаманомъ Скалозубомъ, по примѣру Разина. Но, отбитые отъ Царицына, воры эти потомъ сгинули безслѣдно.

Умножившійся въ областяхъ расколъ вызывалъ все новыя мѣры и строгіе указы со стороны правительства. Замѣчателенъ въ особенности указъ 1685 г., направленный противъ расколоучителей и совратителей. Такихъ людей, которые на Москвѣ и въ городахъ церковь Божію не посѣщаютъ, священниковъ къ себѣ не пускаютъ, на исповѣдь къ нимъ не приходятъ и Святыхъ Таинъ не причащаются, указано «накрѣпко пытать», давать имъ межъ собою очныя ставки, и если не раскаются, то казнить ихъ сожиганіемъ въ срубахъ, также жечь и тѣхъ, которые подговариваютъ другихъ къ самосожженію; «безъ всякаго милосердія казнить смертію» и такихъ «воровъ» обоего пола, которые ходятъ по деревнямъ и склоняютъ взрослыхъ и дѣтей къ перекрещиванію, «нарицая прежнее святое крещеніе неправымъ». Мало того, если раскольники живутъ у другихъ, а эти, зная объ ихъ расколѣ, о томъ не извѣстили, то сихъ послѣднихъ «бить кнутомъ и ссылать». Но подобные указы и мѣры не могли прекратить зло; наоборотъ оно все усиливалось.

Дѣло въ томъ, что среди раскольниковъ укоренилась мысль о наступленіи царства Антихриста и о близкой кончинѣ міра; а вмѣстѣ съ нею росла проповѣдь самоистребленія, которое стало совершаться преимущественно посредствомъ огня. Этотъ способъ добровольной смерти особенно сдѣлался излюбленнымъ послѣ того, какъ былъ одобренъ самымъ авторитетнымъ расколоучителемъ, т.-е. Аввакумомъ, который съ похвалою отозвался о помянутомъ инокѣ Даніилѣ, устроившемъ «гарь» въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Березовкѣ. Выше мы говорили, что добровольное «горѣніе» или самосожигательство началось въ Нижегородскомъ краю; отсюда оно распространилось потомъ за Уралъ, въ Пошехонье, въ Поморье и въ Новогородскую область. Нерѣдко

осуждавшіе себя на горѣніе мужчины и женщины предварительно постригались отъ своихъ учителей въ иноческій чинъ, а иногда подвергались и новому крещенію. Являлись особые проповѣдники, которые ѣздили по волостямъ, смущали вѣрующихъ расказами о разныхъ видѣніяхъ, и убѣждали къ самосожженію какъ къ самому вѣрному средству спасти свою душу и наслѣдовать вѣчное блаженство. Напримѣръ, нѣкій дьяконъ Игнатій посредствомъ разосланныхъ имъ проповѣдниковъ собралъ въ Палеостровскомъ монастырѣ значительную толпу такъ наз. «посмертниковъ» и заперся съ нею въ одной изъ монастырскихъ церквей. Цѣлую недѣлю провели они въ постѣ и покаяніи, готовясь къ смерти. Игнатій думалъ только устроить «гарь» для своего «стада», а самъ хотѣлъ уйти подъ предлогомъ «иныхъ поучить». Но проповѣдники не пустили его и заставили сгорѣть вмѣстѣ (1687 г.). Спустя года два, въ томъ же Палеостровскомъ монастырѣ инокъ Германъ вмѣстѣ съ ученикомъ Игнатія, Емельяномъ Ивановымъ, собралъ новую толпу посмертниковъ обоего пола, постриженныхъ имъ въ монашество. Они перевязали и посадили подъ караулъ монастырскихъ старцевъ, награбили въ разныхъ мѣстахъ старыя иконы и книги, запаслись порохомъ и пищалями и вступили въ сраженіе съ посланнымъ противъ нихъ военнымъ отрядомъ; а затѣмъ подожгли монастырскія зданія. Тутъ сгорѣло до полуторатысячъ человѣкъ; вмѣстѣ съ ними погибли тринадцать человѣкъ братіи съ игумномъ.

Въ это же время среди Донскихъ казаковъ раскольники дотого умножились, особенно по рѣкѣ Медвѣдицѣ, что отсюда начали дѣйствовать вооруженною рукою. Въ 1688 году противъ нихъ двинулся донской атаманъ Кутейниковъ съ отрядомъ и осадилъ построенный ими городокъ Кузьминъ (названный по имени ихъ расколоучителя Кузьмы Косого). Осада однако была неуспѣшна, и только въ слѣдующемъ году атаману Аверкіеву удалось взять и разорить городокъ, а защитниковъ его перебить. Другія толпы раскольниковъ, тѣснимыя войскомъ, ушли съ Дону въ землю Тарховскаго шамхала, и тамъ поселились. Вообще немало русскихъ приверженцевъ старой вѣры начали тогда спасаться отъ гоненій въ сосѣднія страны, особенно въ Польскіе и Шведскіе предѣлы.

Межъ тѣмъ какъ приверженцы старой вѣры обвиняли русскую іерархію въ искаженіи православія разными ересями, заимствованными отъ Латинъ и Новогрековъ, въ самой этой іерархіи не было единодушія. Среди нея обозначались два главныя теченія: латино-польское и собственно греческое. Проводниками перваго были кіевскіе ученые Могилянскаго періода, съ извѣстнымъ іеромонахомъ Симеономъ По-

лоцкимъ во главѣ; а во главѣ грекофиловъ явились извѣстный старецъ Епифаній Славинецкій, кіевскій ученый до-Могилянскаго періода, и патріархъ московскій Іоакимъ. Латинствующая партія была сильна не числомъ своимъ, а значеніемъ при дворѣ, гдѣ, кромѣ личнаго вліянія царскаго наставника, т.-е. С. Полоцкаго, во время Ѳеодора и Софьи преобладало вообще польское культурное вліяніе. Послѣ кончины Полоцкаго главнымъ представителемъ латинствующей партіи является любимый ученикъ его даровитый Семенъ Медвѣдевъ, постригшійся въ монахи подъ именемъ Сильвестра. Благодаря своему учителю, Медвѣдевъ пріобрѣлъ покровительство царя Ѳеодора и получилъ видную и хорошо оплачиваемую должность справщика Патріаршей типографіи (т.-е. редактора или собственно корректора печатаемыхъ тамъ церковныхъ книгъ); а по смерти Полоцкаго къ нему перешло придворное значеніе послѣдняго какъ ученаго дѣятеля и стихотворнаго панегириста; тогда же онъ занялъ важное мѣсто строителя или настоятеля Заиконоспасскаго монастыря. При Софьѣ онъ сталъ въ ряды наиболѣе усердныхъ ея сторонниковъ, за одно съ своимъ другомъ и бывшимъ товарищемъ по службѣ въ Приказѣ Тайныхъ дѣлъ, а теперь начальникомъ стрѣльцовъ и довѣреннымъ лицомъ правительницы, Ѳедоромъ Шакловитымъ.

Столкновеніе двухъ указанныхъ теченій въ особенности ярко проявилась по поводу такъ наз. *Хлѣбопоклонной ереси.*

Уже въ Средніе вѣка въ западной или Латинской церкви утвердилось мнѣніе о пресуществленіи св. Даровъ въ тѣло и кровь Христову во время произнесенія славъ: «пріимите, ядите» и пр. Съ запада это мнѣніе вмѣстѣ съ богословской наукой перешло въ кіевскія школы, а отсюда проникло и въ Москву; чему способствовало и вообще польское культурное вліяніе того времени. Но Греческая церковь держалась другого мнѣнія о времени пресуществленія, относя его къ словамъ: «и сотвори убо хлѣбъ сей». Въ Москвѣ эти два мнѣнія уже въ концѣ Алексѣева царствованія вызвали споръ между Симеономъ Полоцкимъ и Епифаніемъ Славинецкимъ. Послѣ нихъ этотъ споръ горячо продолжали съ одной стороны Сильвестръ Медвѣдевъ какъ послѣдователь Полоцкаго, т.-е. Хлѣбопоклонной ереси, а съ другой—инокъ Евфимій, ученикъ Славинецкаго. Евфимія поддерживалъ патріархъ съ нѣкоторыми приближенными лицами изъ духовенства; а Сильвестръ опирался на сочувствіе Софьи, кн. Голицына и прочихъ полонофиловъ. Слишкомъ полагаясь на ихъ покровительство, онъ неуважительно относился къ патріарху Іоакиму, и въ своемъ кружкѣ позволялъ себѣ отзываться о немъ какъ человѣкѣ малаго образованія. («Учился мало и рѣчей бого-

словскихъ не знаетъ)». Латинствующую партію втайнѣ подстрекали и снабжали аргументами іезуиты, которые при Софьѣ и Голицынѣ проникли въ Москву, завели здѣсь свою школу и занялись пропагандой. Но партія православныхъ нашла себѣ сильныхъ поборниковъ въ двухъ ученыхъ Грекахъ.

Задуманное при царѣ Ѳеодорѣ II учрежденіе въ Москвѣ высшаго училища или Академіи, на подобіе Кіевской, теперь было приведено въ исполненіе, однако не безъ нѣкоторыхъ препятствій и осложненій.

Уже въ 1682 году, какъ скоро утихло въ столицѣ мятежное движеніе, поднятое стрѣльцами и раскольниками, іеродіаконъ Чудова монастыря Каріонъ Истоминъ подалъ царевнѣ Софьѣ изложенную виршами просьбу о совершеніи дѣла, начатаго ея братомъ. Однако просьба эта пока не имѣла успѣха. Спустя съ небольшимъ два года (въ январѣ 1685), тоже ходатайство и также въ стихахъ возобновилъ вліятельный при дворѣ Сильвестръ Медвѣдевъ, который очевидно разсчитывалъ стать во главѣ проектированнаго высшаго училища. Но патріархъ Іоакимъ отнюдь не желалъ поручить его своему латинствующему противнику. Дѣлу грозила новая отсрочка, если бы случайно въ томъ же 1685 году въ Москву не пріѣхали греческіе наставники, о присылкѣ которыхъ просилъ восточныхъ патріарховъ Московскій дворъ еще при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. То были два брата иноки, Іоанникій и Сафроній Лихуды. Они происходили изъ знатной византійской фамиліи, переселившейся на островъ Кефаленію; а образованіе свое получили въ Венеціи и Падуѣ; послѣ чего занимали на родинѣ должности преподавателей и проповѣдниковъ. Въ Москвѣ они встрѣтили ласковый пріемъ при дворѣ и нашли себѣ покровителя въ лицѣ кн. В. В. Голицына, большого почитателя ученыхъ людей. При его помощи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ было выстроено обширное зданіе для будущей Академіи. Въ слѣдующемъ 1686 году высшее училище было торжественно открыто въ присутствіи патріарха и освященнаго собора. Сюда были переведены ученики изъ типографской школы; кромѣ того, поступило въ ученье нѣсколько десятковъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, изъ монаховъ, священниковъ и пр. Лихуды начали преподавать отчасти на греческомъ, отчасти на латинскомъ языкѣ обычныя тогда науки, а именно: грамматику, піитику, реторику, логику и физику.

Уже при самомъ началѣ своей московской преподавательской дѣятельности братья Лихуды принуждены были принять близкое участіе въ помянутомъ спорѣ о времени пресуществленія. Патріархъ Іоакимъ

воспользовался сими учеными Греками, чтобы противупоставить ихъ латинствующей партіи и ея главѣ Медвѣдеву. Послѣдній, обманувшись въ своихъ расчетахъ на мѣсто блюстителя или ректора Академіи, очень недружелюбно отнесся къ Лихудамъ, и даже завелъ съ ними тяжбу о землѣ, которая отошла отъ его монастыря подъ Академію. Почти одновременно (1687 г.) Медвѣдевъ въ защиту своего мнѣнія написалъ довольно обширное сочиненіе, озаглавленное *Манна* (собственно: «Книга о маннѣ хлѣба животнаго»); а Лихуды въ опроверженіе сего мнѣнія сочинили «Акосъ или врачеваніе противополагаемое ядовитымъ угрызеніямъ зміевымъ». Полемика незамедлила разгорѣться. Одинъ изъ сторонниковъ Медвѣдева дьяконъ Аѳанасій противъ *Акоса* выпустилъ «Тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ», а послѣдніе въ отвѣтъ ему «Діалоги Грека учителя къ нѣкоему Ісуиту». Эта полемика о священномъ таинствѣ Евхаристіи — полемика письменная, а еще болѣе устная—возбудила живѣйшій интересъ въ московскомъ обществѣ, которое своею чуткостію къ отвлеченнымъ вѣроисповѣднымъ вопросамъ напоминало общество византійское первой половины Среднихъ вѣковъ. По современному свидѣтельству (книги «Остена», изданной подъ руководствомъ Іоакима), нетолько мужчины, но и женщины принялись обсуждать моментъ пресуществленія, заводить о немъ собесѣдованія и словопренія при всякомъ случаѣ, даже на торжищахъ и на пирахъ, кстати и некстати («временно и безвременно»). «И отъ такого ихъ нелѣпаго любопренія прозябоша свары и распри, вражды и ересь хлѣбопоклонная». Такъ какъ сія послѣдняя пришла въ Москву вмѣстѣ съ нѣкоторыми южнорусскими книгами (требникъ Петра Могилы, екзегезисъ С. Коссова, извѣстный Литосъ той же эпохи и пр.), то патріархъ Іоакимъ съ вопросами о нихъ обратился къ малорусскимъ іерархамъ, именно къ кіевскому митрополиту Гедеону Четвертинскому, черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу и архимандриту Кіево-печерской лавры Варлааму Ясинскому. Но южнорусскіе іерархи или отмалчивались, или отвѣчали уклончиво. Мало того, когда *Манна* Медвѣдева и полемика Лихудовъ были отосланы въ Кіевъ на обсужденіе, то ученые кіевскіе, угождая Софьѣ и Голицыну, оправдали Манну и осудили ея противниковъ. Возмущенный Іоакимъ обратился къ восточнымъ патріархамъ и отъ нихъ получилъ подтвержденіе того, что мнѣніе Лихудовъ о таинствѣ Причащенія согласно съ ученіемъ Православной церкви. Іоакимъ созвалъ въ 1689 году церковный соборъ, который предалъ анаѳемѣ Хлѣбопоклонную ересь и осудилъ Медвѣдева на заточеніе, хотя сей послѣдній подалъ собору покаянное отреченіе отъ своей ереси. Но это произошло уже послѣ паденія Софьи и

Голицына. Начавшееся вліяніе малороссійскихъ іерарховъ и ученыхъ на Великорусскую церковь и культуру вслѣдствіе означеннаго столкновенія на время сократилось и притихло, но только для того, что бы потомъ воспрянуть съ новою силою (51).

Сейчасъ мы упомянули Кіевскихъ іерарховъ, именно митрополита Гедеона и архимандрита Варлаама.

По смерти знаменитаго Иннокентія Гизеля преемникомъ ему мѣстное духовенство выбрало игумна Пустынно-Никольскаго монастыря Варлаама Ясинскаго (1684 г.). Кіевопечерская Лавра какъ ставропигія считалась въ непосредственной зависимости отъ Цареградскаго патріарха, который обыкновенно и ставилъ ей архимандрита. Но гетманъ Самойловичъ по сему поводу, вмѣсто Цареградскаго, обратился къ Московскому патріарху за благословленіемъ на выборы и за утвержденіемъ избраннаго. Это былъ первый шагъ къ церковному подчиненію Кіева Москвѣ. Теперь предстояло сдѣлать второй гораздо важнѣйшій, по поводу выборовъ митрополичьихъ. Кіевская каѳедра вдовствовала уже десятый годъ при номинальномъ мѣстоблюстительствѣ престарѣлаго Лазаря Барановича. Усердный къ православію, гетманъ Самойловичъ указывалъ на происходившія отсюда церковныя нестроенія въ Малороссіи и обращался въ Москву съ просьбою о разрѣшеніи выбрать митрополита, притомъ искренне преданнаго московскимъ властямъ. Патріархъ Іоакимъ началъ дѣйствовать въ согласіи съ гетманомъ и извѣстилъ его о царскомъ разрѣшеніи и своемъ благословеніи на сіи выборы.

Около того времени въ гетманской резиденціи Батуринѣ, именно въ Крупецкомъ монастырѣ, поселился луцкій епископъ князь Гедеонъ Святополкъ Четвертинскій. (Четвертинскіе вели свой родъ отъ великаго князя Кіевскаго Святополка II.) Онъ былъ поставленъ на епископскую каѳедру митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ. Такъ какъ Луцкая епископія находилась въ польскихъ предѣлахъ, то ему пришлось бороться съ папистами, которые всѣми способами принуждали его къ уніи. Наконецъ, не стерпѣвъ гоненія, онъ покинулъ свою паству и удалился на лѣвую сторону Днѣпра подъ защиту православнаго казацкаго гетмана. Какъ архіерея смиреннаго и непритязательнаго его-то и намѣтилъ властолюбивый гетманъ кандидатомъ на митрополію; но пока хранилъ о томъ молчаніе. Снесясь съ Черниговскимъ архіепископомъ, Кіевопечерскимъ архимандритомъ и игумнами важнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей и получивъ отъ нихъ письменное благословеніе, Самойловичъ устроилъ въ Кіевѣ выборы, на которые представителемъ сво-

имъ прислалъ войскового эсаула Ивана Мазепу съ четырьмя полковниками (черниговскій Вас. Борковскій, переяславскій Леонтій Полуботокъ, кіевскій Гр. Карповъ и нѣжинскій Як. Жураковскій). Для сихъ выборовъ въ кіевскомъ Софійскомъ храмѣ собрались игумны, протоіереи и священники. Предсѣдательствовалъ архимандритъ Ясинскій, такъ какъ, неладившій съ гетманомъ, архіепископъ Барановичъ не пріѣхалъ. Мазепа и полковники постарались сообщить подъ рукой духовенству о гетманскомъ желаніи, которое и было исполнено: 8 іюня 1685 г. единогласный выборъ палъ на епископа-князя Гедеона Четвертинскаго. Осенью новоизбранный отправился въ Москву, въ сопровожденіи нѣсколькихъ игумновъ и протопоповъ (въ числѣ ихъ былъ игуменъ выдубецкій Ѳеодосій, впослѣдствіи Черниговскій владыка, нынѣ причтеный къ лику святыхъ). Здѣсь Гедеонъ и былъ посвященъ въ санъ митрополита патріархомъ Іоакимомъ (8 ноября). Московское правительство согласилось подтвердить права и вольности Малороссійскаго духовенства, считать Кіевскаго митрополита первымъ между русскими митрополитами, въ суды его не вступаться и пр. Такъ мирно и безпрепятственно совершилось подчиненіе древней Кіевской митрополіи, Московскому патріарху, благодаря въ особенности тому обстоятельству, что Гедеонъ былъ чуждъ эгоистическимъ стремленіямъ своихъ предшественниковъ къ самостоятельному, независимому положенію. Но дѣло не могло считаться оконченнымъ, пока отъ Цареградскаго патріарха не получилось формальнаго на то согласія. Московскія хлопоты по сему поводу начались въ Константинополѣ еще въ предыдущемъ году, а потомъ продолжались и послѣ посвященія Гедеона. Патріархъ Іаковъ отклонялъ рѣшеніе вопроса, ссылаясь то на болѣзнь великаго визиря, то на необходимость спросить совѣта другихъ патріарховъ. Наконецъ затрудненія были устранены помощію щедрой раздачи соболей и золотыхъ, но уже при патріархѣ Діонисіи, вскорѣ смѣнившемъ Іакова, и съ согласія самого султанскаго правительства. Московскимъ посланцамъ выданы были грамоты отъ имени вселенскаго патріарха и его синода на отдѣленіе Кіевской митрополіи и подчиненіе ея Московскому патріархату (1686 г.). Турецкое правительство, угрожаемое тогда Австро-Польскимъ союзомъ, старалось отвлечь Москву отъ сего союза, а потому охотно исполнило ея просьбу относительно Кіевской каѳедры.

Однако Туркамъ не удалось отвлечь Москву отъ направленнаго противъ нихъ союза.

Радѣніе гетмана Самойловича объ устройствѣ церковыхъ дѣлъ на Украйнѣ и старанія о тѣснѣйшей ея связи съ Москвою (для чего предлагалъ нѣсколько тысячъ великорусскихъ семей переселить въ глав-

ные украинскіе города) тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія исторіи, что въ это время его постигло сильное семейное горе.

Гетманъ породнился съ знатною боярскою фамиліей Шереметевыхъ; одинъ изъ членовъ сей фамиліи, Ѳедоръ Петровичъ, женился на его дочери Пелагеѣ Ивановнѣ. Но бракъ не былъ счастливъ. Отецъ Ѳедора извѣстный бояринъ Петръ Васильевичъ, при своей гордости и тщеславіи, отличался еще и скупостію, такъ что давалъ скудное содержаніе сыну. А при недружелюбныхъ отношеніяхъ отца со всесильнымъ княземъ Голицынымъ, сынъ не пользовался щедростію и со стороны правительства. Гетманъ съ женою очень огорчался, смотря на нужду, которую терпѣла въ Москвѣ ихъ дочь. Желая имѣть ее ближе къ себѣ и снабжать хозяйственными запасами, онъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы зятя его назначили воеводой въ Кіевъ. Желаніе его было исполнено; но недолго пришлось родителямъ утѣшаться близостію дочери. Пелагея Ивановна Шереметева скончалась въ мартѣ 1685 года, вскорѣ послѣ родовъ; а спустя мѣсяца три, умеръ и старшій любимый сынъ гетмана Семенъ, полковникъ Стародубскій. Патріархъ Іоакимъ и самъ В. В. Голицынъ прислали гетману сочувственныя письма, которыми старались утѣшить его въ несчастіи.

Одновременно съ церковными заботами и семейными потерями, тому же Самойловичу пришлось принимать дѣятельное участіе въ важныхъ политическихъ осложненіяхъ и событіяхъ, которыя вскорѣ его и доконали.

Польское правительство думало воспользоваться смутнымъ временемъ, наступившимъ въ Москвѣ послѣ кончины Ѳеодора II, чтобы воротить подъ свое владычество Украйну, утрата которой была столь чувствительна. Съ этой цѣлью оно подсылало агентовъ возмущать умы и склонять населеніе къ переходу въ королевское подданство. Но такія интриги оказались несвоевременными. Съ одной стороны въ Москвѣ водворилось вскорѣ спокойствіе и твердое управленіе царевны Софьи; а съ другой—усилившаяся опасность отъ Турокъ не только повела къ заключенію союза Австріи съ Польшею, но и заставила ихъ хлопотать о привлеченіи Московскаго правительства къ тому же союзу противъ общаго врага. Но прежде, нежели добиться сего союза, необходимо было заключить прочный миръ вмѣсто Андрусовскаго перемирія; для чего и были назначены съ обѣихъ сторонъ полномочные послы, которые должны были съѣхаться въ томъ же пограничномъ селеніи Андрусовѣ, осенью 1683 года. Во главѣ польскихъ уполномоченныхъ поставлены воевода познанскій Гримультовскій и воевода троцкій Огинскій, а во главѣ русскихъ—князь Яковъ Никитичъ Одоевскій.

12 сентября 1683 года подъ стѣнами Вѣны совершилась знаменитая побѣда соединенныхъ нѣмецко-польскихъ войскъ, предводимыхъ Собѣсскимъ, надъ турецкими полчищами великаго визиря Кара Мустафы. Преслѣдуя визиря, Собѣсскій еще разъ разбилъ его въ Венгріи подъ Парканами. Въ Москву послѣ того скакали гонцы отъ короля съ извѣстіями о сихъ побѣдахъ и съ приглашеніемъ поднять оружіе на враговъ христіанской вѣры. Но это приглашеніе оставалось безуспѣшнымъ, пока не былъ заключенъ прочный миръ. Вновь начавшіеся въ Андрусовѣ переговоры остались такъ же безуспѣшны, какъ и предыдущіе. Около сорока разъ собирались на совѣщаніе уполномоченные обѣихъ сторонъ. Главнымъ предметомъ спора служилъ Кіевъ: Поляки не соглашались его уступить; а Русскіе отказывались его возвратить, попрежнему ссылаясь на польскую уступку Украйны Турецкому султану, на несоблюденіе ими царскаго титула и на изданіе пасквильныхъ книгъ. На требованіе военной помощи противъ Турокъ Русскіе возражали тѣмъ, что Поляки не помогли имъ при оборонѣ Чигирина. Въ февралѣ 1684 года уполномоченные разъѣхались съ условіемъ, чтобы переговоры продолжались при посредствѣ письменныхъ сношеній. А въ маѣ въ Москву прибыли цесарскіе послы бароны Жировскій и Блюмбергъ, чтобы хлопотать о диверсіи противъ Турокъ нападеніемъ на Крымъ, т.-е. о привлеченіи Россіи къ Австро-Польскому наступательному союзу.

Кромѣ оффиціальной грамоты на имя обоихъ царей, послы вручили кн. Голицыну особое лестное посланіе къ нему императора. Но временщикъ не поддался на эту удочку, и стоялъ на томъ, что до заключенія прочнаго мира съ Польшею Россія не можетъ приступить къ диверсіи со стороны Крыма. Межъ тѣмъ война съ Турками приняла неблагопріятный оборотъ для Поляковъ, и стѣсненныя обстоятельства заставили усиленно хлопотать о соглашеніи съ Москвою. Въ январѣ 1686 года въ Москву прибыло великое польское посольство, имѣя во главѣ тѣхъ же пановъ, воеводу Гримультовскаго и литовскаго канцлера Огинскаго, которые были полномочными комиссарами въ Андрусовскихъ переговорахъ. Пышная посольская свита заключала до тысячи человѣкъ и слишкомъ полторы тысячи коней. Нѣсколько боярскихъ дворовъ отведено было для ея помѣщенія и въ нѣсколькихъ монастыряхъ очищены для нея конюшни; изъ казны назначено соотвѣтственное количество денегъ на людской и конскій кормъ. Въѣздъ пословъ въ столицу былъ обставленъ весьма торжественно. По сторонамъ были выстроены конные и пѣшіе полки съ иностранными офицерами, которые отдавали честь; шествіе сопровождалось звукомъ воинскихъ трубъ и литавръ. Наибольшее вниманіе иноземцевъ привлекли нарядная конница конюшеннаго чину

и крылатой сотни, также стрѣлецкая пѣхота, впереди которой выступалъ на конѣ съ булавою начальникъ ея Шакловитый. Нѣсколько дней спустя, послы имѣли торжественный пріемъ обоими царями въ Грановитой палатѣ, и тутъ предъявили многочисленные дары отъ имени короля и отъ себя лично.

Однако, когда начались переговоры съ послами особо назначенныхъ для того ближнихъ и думныхъ людей подъ руководствомъ самого «посольскихъ дѣлъ оберегателя» кн. Голицына, снова возникли тѣ же споры и пререканія, и главнымъ образомъ изъ-за Кіева. Спорили цѣлыхъ семь недѣль. Наконецъ, послы согласились уступить Кіевъ за денежное вознагражденіе въ милліонъ золотыхъ или 200.000 рублей; но и тутъ встрѣтили отказъ. Гримультовскій и Огинскій сдѣлали видъ, что прерываютъ переговоры и потребовали отпуска. Имъ дали отпускную аудіенцію. Но они не уѣхали и возобновили переговоры. Благодаря обоюдной уступчивости, 21 апрѣля, былъ заключенъ вѣчный миръ на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ. Польша уступаетъ Россіи Кіевъ вмѣстѣ съ ближними къ нему мѣстами (Трипольемъ, Стайками, Васильковымъ); Россія уплачиваетъ за него 146.000 рублей; Запорожскіе сѣчевики переходятъ исключительно подъ царскую державу; Чигиринъ съ нѣкоторыми разоренными городами праваго берега не долженъ быть возобновленъ; православные жители въ польскихъ владѣніяхъ свободно отправляютъ свое вѣроисповѣданіе, а католикамъ въ Россіи разрѣшено богослуженіе только въ домахъ. Россія обязалась разорвать съ Крымскимъ ханомъ, немедля послать войска для обороны Польскихъ предѣловъ отъ татарскихъ набѣговъ и Донскихъ казаковъ въ Черное море, а въ слѣдующемъ году двинуть свои главныя силы на самый Крымъ. Обѣ державы условились съ султаномъ Турецкимъ въ особые переговоры не входить и отдѣльнаго мира не заключать. Царей московскихъ Поляки впредь обязались титуловать «пресвѣтлѣйшими и державнѣйшими великими государями».

Окончательный отпускъ польскаго посольства съ обычными церемоніями происходилъ 27 апрѣля во дворцѣ, въ присутствіи обоихъ царей; причемъ съ той и другой стороны усердно пили за королевское и царское здоровье. Послѣ цѣлованія руки цари удалились; а пословъ провели въ другую палату. Въ пріемный покой пришла царевна Софья и сѣла въ кресло; пословъ снова сюда пригласили. Царевна жаловала ихъ къ рукѣ, спрашивала о здоровьѣ, выражала надежду на прочное сохраненіе заключеннаго мира, и потчивала виномъ; послѣ чего они откланялись. Ближніе и думные люди собрались въ Грановитой палатѣ, и тутъ поздравляли царей и царевну съ совершеніемъ такого славнаго дѣла, какъ выгодный и *вѣчный* миръ съ Польшею, увѣнчавшій столь оже-

сточенную и продолжительную борьбу за Украйну. Софья отъ имени царей и своего собственнаго пышными манифестами извѣстила столичное населеніе и областныхъ воеводъ о семъ мирѣ, который приказывала праздновать торжественными молебнами. Членамъ Боярской Думы, служилымъ людямъ и посадскимъ объявлены похвальныя и жалованныя грамоты: смотря по степенямъ, имъ назначены награды прибавкою денежныхъ и помѣстныхъ окладовъ, льготами въ отбываніи повинностей и т. п. Особая похвальная грамота и особыя награды были выданы главнымъ участникамъ въ переговорахъ и заключеніи трактата, т.-е. «оберегателю» князю В. В. Голицыну съ товарищи; каковы: ближніе бояре Борисъ Петровичъ Шереметевъ и Ив. Вас. Бутурлинъ, ближніе окольничіе Пет. Дм. Скуратовъ и Ив. Ив. Чаадаевъ, думный дьякъ Емел. Игн. Украинцевъ, дьяки Бобининъ, Постниковъ, Возницынъ и Волковъ. Оберегатель получилъ золотую чашу въ полтора фунта, атласный золотной кафтанъ на соболяхъ, цѣной въ 400 руб., къ окладу придачи 250 руб., да въ вотчину Бѣлгородскую волость въ Нижегород. уѣздѣ; два помянутые боярина получили по серебряному золоченому кубку въ 5 фунтовъ, по такому же кафтану въ 250 руб., придачи къ окладу по 150 руб. да по 4,000 ефимковъ на вотчины. Остальнымъ идутъ награды въ соотвѣтственной пропорціи. Во всякомъ случаѣ Софья и кн. Голицынъ имѣли полное право торжествовать и гордиться такимъ крупнымъ дипломатическимъ успѣхомъ своимъ какъ заключеніе вѣчнаго мира съ Польшей, разрѣшившаго трудный Малороссійскій вопросъ. Что условія этого мира были гораздо выгоднѣе для Русскихъ, чѣмъ для Поляковъ, о томъ свидѣтельствовало огорченіе, которое онъ вызвалъ у Яна Собѣсскаго. Для королевской ратификаціи трактата отправились въ Польшу полномочные русскіе послы бояринъ Бор. Петр. Шереметевъ и окольничій Ив. Ив. Чаадаевъ. Имъ пришлось во Львовѣ ожидать короля, который предпринялъ походъ въ Молдавію противъ Турокъ и Татаръ. Походъ былъ неудаченъ; Собѣсскій принужденъ къ отступленію и съ трудомъ пробился сквозь непріятельскія полчища. Во Львовѣ онъ съ честію принялъ наше посольство; но когда ему пришлось произносить присягу въ соблюденіи новозаключеннаго трактата, то, по свидѣтельству очевидцевъ, слезы навернулись на его глазахъ. И потомъ безъ горечи онъ не могъ о немъ говорить; такъ чувствителенъ былъ для Поляка формальный отказъ отъ Кіева и Лѣвобережной Украйны.

Но и для Москвы существовала обратная сторона въ семъ трактатѣ: это—обязательство всѣми силами итти войною на Крымскую орду.

Самымъ упорнымъ противникомъ всякаго соглашенія, а тѣмъ болѣе союза Россіи съ Польшею противъ Татаръ и Турокъ явился украинскій

гетманъ Самойловичъ, котораго изъ Москвы постоянно извѣщали о ходѣ переговоровъ и старались внушить ему расположеніе къ сему союзу. Но гетманъ настойчиво твердилъ московскимъ посланцамъ, что нельзя довѣрять Полякамъ, столько разъ обнаружившимъ свое вѣроломство и неизмѣнную вражду къ Русскому народу; что присяга ихъ некрѣпка, такъ какъ папа отъ нея разрѣшаетъ; что не слѣдуетъ разрывать заключенный Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ миръ съ Турками и Татарами и затѣвать большой, но трудный и невѣрный походъ на Крымъ; что если мусульмане въ своихъ владѣніяхъ утѣсняютъ Греческую церковь, то и Поляки постоянно воздвигаютъ гоненіе на православіе у себя въ русскихъ областяхъ и т. п. Свое упорное недовѣріе къ польскимъ разговорамъ и обѣщаніямъ гетманъ подкрѣплялъ наглядными доказательствами, напримѣръ, перехваченными польскими грамотами, въ которыхъ Украинское казачество призывалось къ возсоединенію съ Польшею. Но въ Москвѣ не внимали симъ убѣжденіямъ и, постановивъ мирный договоръ съ Поляками, рѣшили разорвать съ Крымомъ. Самойловичъ былъ въ особенности огорченъ тѣми статьями договора, по которымъ правобережная Украйна оставлена за Польшею, да еще съ обязательствомъ не возобновлять разоренные города. Въ своемъ кругу, среди казацкой старшины, онъ не скрывалъ своего неудовольствія и говорилъ: «купила Москва себѣ лиха за свои гроши, данные Ляхамъ». «Жалѣли малой дачи Татарамъ, будутъ большую казну имъ давать». «Не такъ оно станется, какъ Москва въ мирныхъ договорахъ съ Ляхами постановила; учинимъ такъ, какъ надобно намъ». Подобныя рѣчи гетмана сдѣлались извѣстны въ Москвѣ. Правительница и оберегатель перемѣнили съ нимъ тонъ и отъ имени государей послали ему (съ окольничимъ Неплюевымъ) выговоръ за его «противенство». Самойловичъ тотчасъ изъявилъ раскаяніе и просилъ о прощеніи, которое и получилъ. Но своимъ непріятелямъ и завистникамъ онъ далъ въ руки оружіе, и съ этого времени положеніе его сдѣлалось непрочно.

Насколько князь В. В. Голицынъ старался разъяснить себѣ вопросъ о союзѣ съ Австріей и Польшей и о предстоявшемъ Крымскомъ походѣ, показываетъ слѣдующее. Уже во время цесарскаго посольства 1684 г. онъ обратился съ сими вопросами къ генералу Гордону, считая его какъ образованнаго европейца и опытнаго военачальника, знатокомъ политическаго положенія вообще и условій похода на Крымъ въ частности. Не довольствуясь устною бесѣдою, князь потребовалъ отъ генерала письменнаго изложенія. Тотъ исполнилъ требованіе и подалъ довольно обширную записку; въ ней онъ обсуждаетъ разныя обстоятельства какъ за, такъ и противъ наступательнаго союза съ Польшею и

разрыва съ Турко-Татарами. Однако въ итогѣ какъ истый воинъ, а не политикъ Гордонъ явно склоняется въ пользу вторженія въ Крымъ и разоренія этого разбойничьяго гнѣзда, столь пагубнаго для сосѣднихъ христіанскихъ народовъ. Въ успѣхѣ похода онъ не сомнѣвается, полагая достаточнымъ для него 40,000 пѣхоты и 20,000 конницы, а путь считая нетруднымъ, за исключеніемъ только двухъ сутокъ безводія. Событія показали, какъ ошибался Гордонъ. Тѣмъ не менѣе, его авторитетное мнѣніе, повидимому, не осталось безъ вліянія на рѣшимость князя Голицына.

По заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею, въ Москвѣ приступили къ военнымъ приготовленіямъ, которыя совершались съ обычною медленностію и разными затрудненіями. Въ октябрѣ 1686 года объявили въ столицѣ и по городамъ, чтобы стольники, дворяне жильцы и всякіе ратные люди «строились къ государевой службѣ», готовили запасы, кормили лошадей и ждали указа о выступленіи на сборные пункты. На военные расходы опредѣленъ особый денежный сборъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени царей оглашалась грамота, въ которой исчислены всѣ неправды и злодѣянія Крымскихъ басурманъ: вопреки заключенному (Бахчисарайскому) договору, они разоряютъ украинскіе города, захватываютъ православныхъ людей въ полонъ и продаютъ ихъ на базарахъ въ неволю какъ скотъ, грабятъ и безчестятъ нашихъ гонцовъ и посланниковъ (напр., Никиту Тараканова); ханъ и салтаны требуютъ отъ насъ ежегодной дани и т. п. Поэтому, «прося у Бога помощи», великіе государи рѣшили послать на нихъ своихъ воеводъ съ полками. Къ веснѣ 1687 года въ городахъ Слободской Украйны (Ахтыркѣ, Сумахъ и Хотмыжскѣ) собралась обычная трехполковая рать. Воеводою большого полку и общимъ начальникомъ назначенъ ближній бояринъ и оберегатель, намѣстникъ новгородскій кн. В. В. Голицынъ съ товарищи; другимъ полкомъ командовалъ бояринъ Алексѣй Сем. Шеинъ съ окольничимъ кн. Ѳ. А. Борятинскимъ, третьимъ бояринъ кн. Влад. Дм. Долгорукій съ окольничимъ Скуратовымъ. Кромѣ того, въ Красномъ Куту собранъ былъ передовой Сѣвскій полкъ, подъ начальствомъ окольничаго Неплюева; а въ Запорожскую Сѣчь отправленъ особый отрядъ съ генераломъ Косаговымъ. Число московскаго войска для похода опредѣлено въ 20,000 конницы или рейтаръ и 40,000 пѣхоты, т.-е. солдатъ и стрѣльцовъ (согласно съ проектомъ Гордона); а вмѣстѣ съ украинскими казаками и разными инородцами оно должно было заключать въ себѣ болѣе 100,000 человѣкъ. 22 февраля кн. Голицынъ съ воеводами торжественно выступилъ изъ Москвы, послѣ молебствія въ Успенскомъ соборѣ и принявъ благословеніе отъ патріарха. Но воеводамъ пришлось

не мало бороться съ извѣстнымъ зломъ нашихъ военныхъ сборовъ: несмотря на всѣ строгіе указы и понужденія, при повѣркѣ собравшихся полковъ, многіе ратные люди оказались въ нѣтяхъ; однихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ не явилось 1300 слишкомъ.

По всѣмъ признакамъ, принимая на себя главное начальство, кн. Голицынъ разсчитывалъ добыть себѣ славу побѣдоноснаго полководца, пріобрѣсти расположеніе ратнаго сословія и тѣмъ упрочить положеніе правительницы и свое собственное. Но выѣхавъ изъ столицы, онъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ испытать явное къ себѣ неуваженіе со стороны военно-придворныхъ (гвардейскихъ) чиновъ и убѣдиться, какъ много у него было въ этой средѣ противниковъ, несочувствовавшихъ ни Крымскому походу въ частности, ни царевнѣ Софьѣ и ея любимцу вообще.

Согласно съ выработанными при отмѣнѣ мѣстничества правилами, Голицынъ велѣлъ расписать эти чины, т.-е. стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, и жильцовъ, не по сотнямъ, какъ было прежде, а по ротамъ съ назначеніемъ ротмистровъ, поручиковъ и хорунжихъ. Но это распоряженіе не понравилось, и нѣкоторые стольники (между ними князья Борисъ Долгорукій и Юрій Щербатый) явились на смотръ со своими людьми на коняхъ, покрытыхъ черными попонами, т.-е. какъ бы въ трауръ. При суевѣріи того времени, это было принято за дурное предзнаменованіе. Причастный сему суевѣрію, оберегатель встревожился и просилъ царевну о примѣрномъ наказаніи, «чтобы всѣ (противники) задрожали»: онъ хотѣлъ, чтобы виновныхъ заключили въ монастырь навсегда, а земли ихъ роздали неимущимъ. Софья готова была исполнить его желаніе. Но когда виновные узнали о грозившей карѣ, то со слезами выпросили у него себѣ прощеніе. Однако оберегатель не считалъ себя безопаснымъ со стороны своихъ столичныхъ противниковъ, т.-е. многочисленной боярской партіи Нарышкиныхъ, и все время похода старался слѣдить за дѣйствіями сей партіи, которая естественно могла воспользоваться его отсутствіемъ для разныхъ противъ него интригъ. Съ этою цѣлью онъ велъ дѣятельную переписку со своимъ главнымъ подручникомъ и довѣреннымъ лицомъ, т.-е. Шакловитымъ, и постоянно требовалъ отъ него увѣдомленій о томъ, что предпринимаютъ его противники и какое впечатлѣніе производили въ столицѣ извѣстія изъ арміи. Такъ, однажды главнокомандующій угощалъ обѣдомъ воеводъ и высшихъ офицеровъ; при чемъ провозгласилъ чашу великихъ государей *и царевны Софьи*. Онъ тотчасъ написалъ Шакловитому, спрашивая, что говорили по Москвѣ о прибавкѣ имени царевны. Оказалось, что на сей разъ мнительность его была излишня и

прибавка прошла незамѣченною. Но вообще изъ увѣдомленій Шакловитаго онъ узналъ, что противная ему боярская партія не дремлетъ; что во главѣ ея стоитъ князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій; что самъ патріархъ Іоакимъ склонился на ея сторону и т. д. ([52]).

Въ маѣ вся русская рать выступила изъ Слободской Украйны на югъ въ степи; минуя Полтаву, переправилась чрезъ Коломакъ (впадающій въ Ворсклу), потомъ чрезъ Орель. Она двигалась огромнымъ четыреугольникомъ, который простирался на двѣ версты въ длину и болѣе чѣмъ на версту въ ширину. Обѣ его стороны ограждалъ обозъ, заключавшій до 2000 повозокъ. Въ центрѣ помѣщались стрѣльцы, а по флангамъ солдатскіе полки, подъ начальствомъ генераловъ: Гордона на лѣвомъ и Шепелева на правомъ. Въ авангардѣ шли нѣсколько полковъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ; часть конницы отдѣльными отрядами высылалась въ разныя стороны для наблюденія. Не доходя рѣки Самары, къ московской рати присоединился гетманъ Самойловичъ съ казацкими полками. При выѣздѣ изъ его Батуринскаго двора на мосту конь подъ нимъ споткнулся, и этотъ случай принятъ былъ за дурное предзнаменованіе. Лѣто стояло сухое, жаркое, такъ что трава въ степи посохла; войска очень томились отъ нестерпимой духоты и пыли; послѣдняя ѣла глаза, такъ что у многихъ они заболѣли, а въ особенности у старика—гетмана, который и безъ того страдалъ глазами. Онъ не разъ принимался ворчать на самый походъ, не подозрѣвая того, что объ этомъ ворчаніи доносилось куда слѣдуетъ.

Около половины іюня войска перебрались за рѣчку Конскія воды и расположились на такъ наз. Великомъ лугу, верстахъ въ 50 отъ Запорожской сѣчи. Тутъ ожидало ихъ большое бѣдствіе. Съ юга неслись на нихъ черныя смрадныя тучи. То былъ степной пожаръ. Татары зажгли степь, и сухая трава горѣла на большомъ пространствѣ, крайне затруднивъ дальнѣйшее движеніе русской рати. Она однако попыталась двинуться впередъ, задыхаясь отъ копоти; люди заболѣвали, лошади падали отъ безкормицы. 16 іюня выпалъ обильный дождь; войско обрадовалось и освѣжилось; но затѣмъ снова пошла выжженная степь; люди и лошади едва передвигали ноги; пушки приходилось тащить съ большими усиліями. На берегахъ степной рѣчки Карачакрака остановились. Главнокомандующій созвалъ военный совѣтъ и спрашивалъ, что дѣлать. Татары не показывались; а до Крыма оставалось еще верстъ 200 по совершенно безводной обгорѣлой степи; для коней почти не было корму, а для людей взятые изъ дому запасы уже истощались. На совѣтѣ послѣ разныхъ споровъ большинство голосовъ склонилось

въ пользу возвращенія. Послѣдняго мнѣнія держался и гетманъ Самойловичъ. Однако рѣшено было часть ратныхъ силъ послать въ Сѣчь на помощь Косагову, чтобы онъ чинилъ промыселъ надъ Крымцами и Казикирменемъ, турецко-татарскою крѣпостью на нижнемъ Днѣпрѣ. Голицынъ отрядилъ для того 20.000 московскаго войска съ окольничимъ Неплюевымъ, а гетманъ нѣсколько казацкихъ полковъ со своимъ сыномъ Григоріемъ.

На обратномъ пути главная рать остановилась на Конскихъ водахъ, гдѣ нашла достаточно травы для коней, и отдыхала здѣсь около двухъ недѣль. Отсюда немедля поскакали въ Москву гонцы съ донесеніями отъ кн. Голицына и Самойловича. Оба они писали въ томъ смыслѣ, что ханъ, испугавшись русскихъ войскъ, уклонился отъ боя и зажегъ степи; чѣмъ и побудилъ ихъ нѣсколько отойти назадъ. Но именно во время стоянки на Конскихъ водахъ и разыгралась давно подготовлявшаяся интрига противъ злополучнаго гетмана. Между московскими ратными людьми пущенъ былъ слухъ, что не Татары виновны въ степномъ пожарѣ, а что траву зажгли сами казаки по тайному приказу гетмана. Какъ ни былъ нелѣпъ такой слухъ, но онъ нашелъ благосклонное вниманіе со стороны главнокомандующаго, который былъ непрочь свалить на кого-либо вину своего неудачнаго похода. А такъ какъ гетманъ заранѣе высказывался противъ сего похода и во время его не умѣлъ скрывать своего неудовольствія, то въ рукахъ ловкихъ людей слухъ получалъ нѣкоторую вѣроятность. Указывалось и на то обстоятельство, что казаки при Богданѣ Хмѣльницкомъ поднялись противъ Поляковъ за свои права и привилегіи, опираясь на татарскую помощь, но Москва также грозитъ ихъ исконнымъ правамъ, а потому они не желаютъ завоеванія Крыма Москвою.

Интрига противъ гетмана подѣйствовала тѣмъ успѣшнѣе, что онъ и безъ того сдѣлался очень нелюбимъ своимъ народомъ (непопуляренъ). Въ этомъ отношеніи свидѣтельства малороссійскихъ лѣтописцевъ и вообще современныхъ наблюдателей нисколько не противорѣчатъ оффиціальнымъ обвиненіямъ его враговъ. Въ началѣ своего гетманства Самойловичъ былъ привѣтливъ, ласковъ и доступенъ. Но по мѣрѣ того, какъ укрѣплялся въ своемъ властномъ положеніи, онъ становился гордъ и заносчивъ, въ особенности послѣ паденія своего соперника Дорошенка. Постоянное милостивое вниманіе Московскаго правительства и частые отъ него подарки еще болѣе его возгордили. Онъ сталъ держать себя надменно не только съ простыми казаками, но и съ старшиною, и даже съ духовными лицами, хотя самъ былъ изъ поповичей; ѣздилъ въ каретѣ, вообще образомъ жизни и высокомѣрнымъ обра-

щеніемъ походилъ на польскихъ пановъ. Такими же панами держали себя и его сыновья. Но что въ особенности вооружало населеніе противъ гетмана и его сыновей—это ихъ ненасытная алчность или любостяжательность. Полковничій и другіе войсковые уряды получались только за посулы; многія угодья отбирались у владѣльцевъ на гетмана; а чтобы некому было приносить жалобы, онъ нѣсколько лѣтъ не назначалъ генеральнаго судью, и т. п. Учрежденіе орандъ, т.-е. арендъ или откуповъ, на продажу горѣлки, дегтя и тютюна (табакъ) вызывало большое раздраженіе, хотя онѣ были установлены съ согласія Московскаго правительства и предназначались собственно на жалованье наемныхъ полковъ, пѣшихъ сердюцкихъ и конныхъ компанейскихъ. По всѣмъ признакамъ, существовавшее противъ гетмана народное неудовольствіе еще болѣе раздувалось его противниками изъ среды казацкой старшины.

Главнымъ двигателемъ интриги безъ всякаго сомнѣнія явился, облагодѣтельствованный Самойловичемъ, самый довѣренный и приближенный къ нему изъ сей старшины — генеральный эсаулъ Ив. Степ. Мазепа; а сему послѣднему помогало довѣренное у гетмана лицо, его канцеляристъ Василій Кочубей. Въ Москву часто ѣздили тотъ или другой съ порученіями отъ гетмана, и вкрадчивый Мазепа пользовался сими поѣздками, чтобы расположить московскія власти, а особенно кн. Голицына, въ свою пользу; кромѣ того, чрезъ окольничаго Неплюева, нѣсколько разъ пріѣзжавшаго въ Батуринъ по порученію изъ Москвы, они передавали интимные разговоры и планы, а также всѣ тѣ неосторожныя рѣчи, которыя недовольный гетманъ иногда позволялъ себѣ въ кругу старшины на счетъ московскихъ правителей, да и передавали то по всей вѣроятности въ преувеличенномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ почва со всѣхъ сторонъ была подготовлена, и яма искусно вырыта недальновидному Самойловичу.

Во время обратнаго похода сочиненъ былъ обширный доносъ на гетмана, и 7 іюля поданъ кн. В. В. Голицыну за подписью казацкой старшины. Во главѣ подписавшихся видимъ генеральнаго обознаго (вѣдавшаго войсковую артиллерію) Василія Борковскаго. За нимъ слѣдуютъ: судья Воеховичъ, писарь Прокоповичъ, эсаулъ Иванъ Мазепа, полковники Конст. Солонина, Як. Лизогубъ, Гр. Гамалѣя, Дмитрашко Райча, Степ. Забѣла. Внизу отдѣльно стоитъ подпись Вас. Кочубея, еще не принадлежавшаго къ войсковой старшинѣ, а только канцеляриста. Этотъ доносъ главнымъ образомъ распространялся о непріязненныхъ отношеніяхъ Самойловича къ вѣчному миру съ Польшею и къ войнѣ съ Крымскою ордою: по поводу вѣчнаго мира онъ даже не ве-

лѣлъ служить благодарственные молебны; а пристрастіе его къ басурманамъ будто бы доходило до того, что онъ радовался, когда слышалъ о побѣдахъ Турокъ и Татаръ надъ Поляками и Цесарцами, и не любилъ читать присылаемыя ему съ Москвы выписки изъ курантовъ о побѣдахъ христіанъ надъ басурманами. Тутъ приводились его вышеуказанныя и другія неосторожныя выраженія на счетъ Московскаго правительства; повторялось нелѣпое обвиненіе въ умышленномъ степномъ пожарѣ, въ какихъ-то коварныхъ совѣтахъ, напримѣръ, относительно того, что походъ былъ предпринятъ не осенью, а раннею весною. Мосты, построенные на р. Самарѣ, гетманъ, переправясь съ казаками, будто велѣлъ сжечь, и шедшая за нимъ московская рать принуждена была дѣлать новые мосты. Поставленъ былъ ему въ вину даже такой случай. Однажды на обѣдѣ у обозпаго московскій полковникъ Борисовъ заспорилъ съ Гамалѣемъ. Послѣдній возразилъ: «что ты, полковникъ, на меня кричишь? Вѣдь (вы) не саблею насъ взяли!» Гетманъ при этихъ словахъ разсмѣялся и ничего не сказалъ, слѣдовательно одобрилъ. Наконецъ, исчислены были и разныя черты его властолюбія и корыстолюбія, возбудившія къ нему общую нелюбовь, грозившую перейти въ явный бунтъ. А въ доказательство его замысловъ сдѣлать изъ Малороссіи для себя удѣльное княжество приводилось то обстоятельство, что младшую свою дочь онъ не хотѣлъ выдать ни за украинскаго, ни за великороссійскаго человѣка, а вызвалъ для нея изъ польскихъ областей князя Четвертинскаго (сынъ Кіевскаго митрополита). На основаніи всѣхъ сихъ обвиненій доносчики отъ имени всего войска Запорожскаго били челомъ великимъ государямъ, чтобы Самойловичъ какъ измѣнникъ былъ лишенъ гетманства, со всей семьей взятъ въ Москву и тамъ казненъ.

Голицынъ, конечно самъ поощрявшій сей тайный доносъ, немедля отправилъ его въ Москву. Когда войско стояло на берегахъ рѣки Орели, изъ Москвы пріѣхалъ довѣренный Софьи и Голицына Ѳедоръ Шакловитый. Онъ привезъ воеводамъ похвальное царское слово и утѣшительную грамоту отъ патріарха; а Самойловича вдругъ дерзко спросилъ: зачѣмъ тотъ велѣлъ жечь траву въ степи? Озадаченный симъ вопросомъ, гетманъ отвѣчалъ только, что ничего подобнаго онъ не приказывалъ. Когда же войско перешло рѣку Коломакъ и остановилось недалеко отъ Полтавы, изъ Москвы прискакалъ гонецъ съ отвѣтомъ на доносъ: главнокомандующему именемъ великихъ государей повелѣвалось отрѣшить гетмана и отослать его съ семьей въ московскіе города, а на его мѣсто избрать другого вольными голосами. Самойловичъ и сынъ его Яковъ арестованы были съ разными предосторожностями. Никто не всту-

пился за нелюбимаго гетмана; напротивъ, въ казацкомъ таборѣ начались было своеволіе и безпорядки, которые Голицыну пришлось усмирять великороссійскими полками. Нѣкоторое замѣшательство произошло при арестѣ другого гетманскаго сына, Григорія, который въ качествѣ наказного гетмана пошелъ вмѣстѣ съ Неплюевымъ въ Запорожскую сѣчь и дошелъ до Кодака. Его казаки также произвели безпорядки и мятежъ противъ старшины и гетмана, и между прочимъ умертвили прилуцкаго полковника Лазаря Горленка. Наемные сердюки рѣшились было защищать Григорія и окопались вокругъ его палатки. Однако Неплюеву удалось уладить дѣло одними переговорами; Григорій сдался ему и былъ отправленъ въ станъ кн. Голицына. Сей послѣдній вполнѣ показалъ свое пристрастіе тѣмъ, что осудилъ Самойловичей безъ всякаго розыска или разслѣдованія, а основался на одномъ доносѣ. По царскому указу самъ Самойловичъ былъ сосланъ въ Тобольскъ, а сынъ его Яковъ въ Енисейскъ; жена съ дочерьми поселена въ Черниговскомъ краю, гдѣ жила въ большой бѣдности. Черниговскаго полковника Григорія Самойловича извѣстный доносъ обвинялъ въ измѣнѣ, ссылаясь между прочимъ на то, что онъ не дозволилъ черниговскому войту выставить надъ ратушей изображеніе московскаго герба, т.-е. двуглаваго орла. Главное же, помянутую попытку сердюковъ Неплюевъ истолковалъ въ смыслѣ сопротивленія московскому воеводѣ, а не обороны противъ мятежныхъ казаковъ. Григорія подвергли допросу съ пыткою, а затѣмъ въ Сѣвскѣ отрубили ему голову. Полагаютъ, что Неплюевъ, захватившій въ Кодакѣ наличное имущество Григорія, хлопоталъ объ этой казни, чтобы спрятать концы въ воду. Все накопленное гетманомъ богатство, состоявшее изъ большого количества монеты (червонцевъ, талеровъ, левковъ и пр.), серебряной посуды, золотыхъ и серебряныхъ украшеній, дорогого платья, сбруи, экипажей, коней и т. д., было описано и конфисковано. Казацкая старшина просила отдать его на войско; въ Москвѣ рѣшили отдать въ войсковой скарбъ половину, именно на жалованье компанейскимъ и сердюцкимъ полкамъ; а другую половину взяли въ царскую казну на жалованье ратнымъ людямъ.

Такъ жертвою интриги съ одной стороны, пристрастія и неправосудія—съ другой погибъ Иванъ Самойловичъ. Изъ цѣлаго ряда гетмановъ послѣ Богдана Хмѣльницкаго до Мазепы включительно, это былъ единственный безусловно недоступный польскимъ интригамъ, горячо преданный православію и далекій отъ измѣны Московскому государству. Но именно эти качества не были оцѣнены современнымъ московскимъ правительствомъ (т.-е. Софьею и Голицынымъ). А его властолюбіе и корыстолюбіе являются слишкомъ общими чертами казацкой старшины

того времени, чтобы ими оправдывать сверженіе и ссылку Самойловича.

Межъ тѣмъ въ виду, произведенныхъ симъ сверженіемъ, волненія умовъ и казацкихъ безпорядковъ, грозившихъ принять большіе размѣры, Голицынъ поспѣшилъ избраніемъ новаго гетмана. Онъ назначилъ выборы на 25 іюня тамъ же, т.-е. въ обозѣ на берегахъ Коломака. Наканунѣ въ его ставку явилась казацкая старшина, чтобы условиться о статьяхъ, на которыхъ долженъ будетъ присягнуть новый гетманъ. Въ основу взяли прежнія статьи, Переяславскія и Глуховскія; ихъ только слегка измѣнили и дополнили. Войсковыя права и вольности вообще подтверждены; число реестроваго войска опредѣлено въ 30,000; жалованье ему положено производить изъ малороссійскихъ доходовъ; въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ и Острѣ стоять московскимъ ратнымъ людямъ для обороны отъ непріятелей; въ Батуринѣ, резиденціи гетмана, быть для его охраны стрѣлецкому полку; бѣглыхъ изъ Великой Россіи на Украйнѣ отнюдь не принимать, а изъ Украйны не ввозить въ Московское государство вино и табакъ, но малороссійскимъ переселенцамъ сюда не препятствовать, а также способствовать сближенію обѣихъ русскихъ народностей въ особенности взаимными браками и пр.

На томъ же совѣщаніи былъ предрѣшенъ и гетманскій выборъ; ибо Голицынъ прямо указалъ на Мазепу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сей послѣдній вкрался въ расположеніе и довѣренность временщика, дѣйствуя не только лестью и угодничествомъ, но и прямо подкупилъ деньгами и вещами, которыя частью выдалъ, частью обѣщалъ и о которыхъ впослѣдствіи (послѣ паденія Голицына) даже не считалъ нужнымъ хранить молчаніе. Посредникомъ въ передачѣ сего подкупа служилъ корыстолюбивый окольничій и сѣвскій воевода Леонтій Неплюевъ, немало получившій и на свою долю.

Несомнѣнно не всѣ члены старшины, подавшіе извѣстный доносъ, сознательно работали въ пользу Мазепы; были и такіе, которые питали мечту о собственномъ возвышеніи, и можетъ быть поощряемые къ тому самимъ Мазепою. По крайней мѣрѣ это можно съ нѣкоторою достовѣрностью сказать относительно обознаго Борковскаго. Но всѣхъ ихъ обошелъ и опуталъ хитрый эсаулъ.

На слѣдующій день нѣсколько стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ двинулись въ казацкій таборъ и расположились близъ походной церкви. Пріѣхалъ князь Голицынъ съ другими московскими воеводами и вмѣстѣ съ чиновными казаками отстоялъ молебствіе въ церкви. А послѣ него открылъ казацкую раду для избранія новаго гетмана по старому обы-

чаю вольными голосами. Но на эту раду московское войско пропустило сравнительно небольшое или отборное число казаковъ. Тутъ послѣ нѣкотораго молчанія послышались нерѣшительные голоса: одни назвали Борковскаго; большее число сказалось за Мазепу. Голицынъ обратился къ значнымъ казакамъ и спросилъ: «кого же они хотятъ гетманомъ?» Съ этой стороны раздались громкіе крики: «Мазепу!» Тогда Голицынъ съ товарищи поспѣшилъ поздравить послѣдняго гетманомъ, и, послѣ его присяги на помянутыхъ статьяхъ, вручилъ ему булаву, бунчукъ и другіе гетманскіе клейноды. На радостяхъ новоизбранный задалъ большой пиръ московскимъ военачальникамъ.

Итакъ, недальновидный, опутанный интригою, оберегатель помогъ будущему измѣннику свергнуть неповиннаго въ измѣнѣ старика и захватить въ свои руки Украинское гетманство.

Сверженіе Самойловича и возвышеніе Мазепы были главнымъ плодомъ неудачнаго Крымскаго похода. Несмотря на неудачу, правительница издала отъ имени царей пышный указъ, въ которомъ возвѣстила народу о трудахъ и подвигахъ, совершенныхъ русскимъ войскомъ, и о страхѣ, наведенномъ имъ на Татаръ. Воеводы были щедро награждены, а особенно князь Голицынъ, который получилъ золотую медаль съ драгоцѣнными камнями и золотой цѣпью, цѣнностью въ 300 червонцевъ.

Не болѣе удачны были въ этомъ году и военныя дѣйствія Поляковъ противъ Турокъ и Татаръ. Малочисленное коронное войско, съ сыномъ Собѣсскаго Яковомъ во главѣ, дошло до Каменца и, ничего не сдѣлавъ, воротилось назадъ. Но въ общемъ ходѣ военныхъ дѣлъ русскій походъ 1687 года все-таки оказалъ большую пользу нашимъ европейскимъ союзникамъ. Онъ отвлекъ Крымскихъ Татаръ отъ помощи Туркамъ; австрійскіе полководцы одержали надъ ними побѣды въ Венгріи, Славоніи и Трансильваніи; а Венеціане громили ихъ на морѣ и отвоевали у нихъ немало городовъ въ Далмаціи и Мореѣ. (Въ это именно время при осадѣ аѳинскаго Акрополя венеціанская бомба попала въ Парѳенонъ, въ которомъ невѣжественные Турки сдѣлали пороховой складъ, и великолѣпный памятникъ античнаго искусства былъ разрушенъ). Оттоманская имперія этою войной была потрясена въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Разбитое и вытѣсненное изъ Венгріи турецкое войско возмутилось. Мятежные янычары потребовали сверженія Магомета IV, безпечно предававшагося любимой имъ охотѣ; улемы поспѣшили исполнить это требованіе и объявили султаномъ его брата Сулеймана II; а Магометъ былъ заключенъ въ темницу.

Янъ Собѣсскій убѣждалъ Московское правительство неотступно продолжать войну общими силами. О томъ же писали въ Москву изъ

Вѣны и Венеціи. Константинопольскій патріархъ Діонисій до наш о похода послалъ царямъ просьбу сохранить миръ съ Турціей, иначе мусульмане обратятъ свою месть на подвластныхъ имъ христіанъ. Но, будучи свергнутъ Турками съ патріаршества (по его словамъ, за согласіе подчинить Московской іерархіи Кіевскую митрополію), онъ въ слѣдующемъ году прислалъ съ грамотою одного аѳинскаго архимандрита, Исаію, и писалъ въ противоположномъ смыслѣ; указывалъ на плохія турецкія обстоятельства, на готовность Сербовъ, Болгаръ и Валаховъ къ возстанію и молилъ идти для ихъ освобожденія. Валахскій господарь Щербанъ Кантакузенъ чрезъ того же Исаію просилъ о принятіи его въ подданство и призывалъ Русскихъ противъ Турокъ и Татаръ, обнадеживая чуть ли не поголовнымъ возстаніемъ Балканскихъ христіанъ. Эти христіане, по словамъ Исаіи, желаютъ получить освобожденіе именно отъ православныхъ царей, а не отъ римскихъ католиковъ, которые ненавидятъ православіе и стараются обращать его въ унію.

Московское правительство и само видѣло, что разъ война начата, приходилось ее продолжать и довести до конца. Но весь 1688 годъ прошелъ въ колебаніяхъ, совѣщаніяхъ и пересылкахъ съ союзниками. Въ этомъ году мы успѣли только поставить при впаденіи Самары въ Днѣпръ небольшую крѣпость, назвавъ ее Новобогородскою. Она должна была послужить опорнымъ пунктомъ для нашихъ будущихъ походовъ и оборонять Украйну отъ татарскихъ набѣговъ. Но именно лѣтомъ сего года Крымцы успѣшно совершали свои вторженія на Волынь и прорывались на Украйну, жгли, разоряли и уводили большой полонъ. Неплюевъ и Косаговъ съ своими отрядами бездѣйствовали. Мазепа также не трогался съ мѣста. Мало того, изъ Кіева уже доносились слухи о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ новаго гетмана съ Поляками и о покупкѣ имъ маетностей въ Польшѣ. Оберегатель не нашелъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ выдать Мазепѣ нѣкоторыхъ разгласителей таковыхъ слуховъ; а послѣдній разсыпался въ письменныхъ увѣреніяхъ своей преданности. Не преминулъ онъ по сему поводу набросить тѣнь на обоихъ Четвертинскихъ, т.-е. на отца, Кіевскаго митрополита, и на его сына (бывшаго женихомъ дочери Самойловича, а теперь проживавшаго въ Москвѣ), обвиняя ихъ въ явной къ себѣ непріязни и въ пристрастіи къ сверженному гетману. Кромѣ того, Мазепа не упустилъ при семъ случаѣ указать, что ради своей безопасности ему нужно имѣть особую наемную стражу изъ сердюковъ и драгунъ.

Осенью 1688 года правительница отъ имени царей выдала манифестъ о вторичномъ походѣ на Крымцевъ. Голицынъ рѣшилъ на сей

разъ выступить уже не весною, а еще ранѣе, именно въ февралѣ, чтобы достигнуть Крыма по влажнымъ степямъ, покрытымъ сочною травою. Онъ вновь принялъ главное начальство надъ арміей въ качествѣ воеводы большого полку, сборъ которому назначенъ былъ въ Сумахъ. Товарищами его являются: первымъ тотъ же окольничій Венед. Андр. Змѣевъ, а вторымъ стольникъ кн. Яковъ Ѳед. Долгорукій, столь знаменитый впослѣдствіи. И другими полками вновь командовали почти тѣ же воеводы, а именно: вторымъ или такъ наз. Новогородскимъ разрядомъ—тотъ же бояринъ А.С. Шеинъ, также съ княземъ Борятинскимъ, но инымъ (стольникомъ Ѳед. Юр.); третьимъ полкомъ или Рязанскимъ разрядомъ—тотъ же бояринъ кн. Влад. Дмитр. Долгорукій; Сѣвскимъ — тотъ же окольничій Л. Р. Неплюевъ. Кромѣ того, выступилъ еще Казанскій полкъ, во главѣ съ бояриномъ Борис. Петр. Шереметевымъ. На жалованье ратнымъ людямъ назначенъ тотъ же сборъ, т.-е. большею частью въ размѣрѣ одного рубля. Все количество московскаго войска, т.-е. московскихъ и городовыхъ дворянъ, стрѣльцовъ, рейтаръ, солдатъ, казаковъ и инородцевъ, на сей разъ превышало 100,000; нарядъ, его сопровождавшій, заключалъ въ себѣ до 350 или до 400 полевыхъ орудій. Солдатскими и рейтарскими полками командовали большею частью иноземцы, между которыми первое мѣсто занималъ тотъ же генералъ Гордонъ. Онъ вновь представилъ свой планъ похода, и между прочимъ совѣтовалъ, держась ближе къ Днѣпру, на извѣстныхъ разстояніяхъ построить рядъ крѣпостей, чтобы обезпечать свой тылъ, а также оставлять въ нихъ больныхъ и лишніе обозы, кромѣ того, приготовить на Днѣпрѣ флотилію изъ лодокъ, снабженныхъ легкими орудіями. Но Голицынъ не воспользовался сими совѣтами.

Вторичный походъ, предпринятый въ 1689 году еще по зимнему пути, не оправдалъ главныхъ расчетовъ. Сначала войско терпѣло отъ стужи и глубокихъ снѣговъ; а затѣмъ, вслѣдствіе наступившей вдругъ оттепели, степныя рѣки разлились; пришлось наводить мосты и длинныя гати и вообще совершать трудныя переправы. Въ апрѣлѣ на Самарѣ съ Голицынымъ соединился гетманъ Мазепа, и теперь войска собралось уже болѣе 150,000 человѣкъ. Оно запаслось провіантомъ въ Новобогородской крѣпости и лѣвымъ берегомъ Днѣпра продвинулось до рѣчки Коирки; а отсюда пошло степью прямо къ Перекопу. Въ степи на сей разъ не было недостатка въ травѣ и водѣ. Татары долго не показывались въ значительномъ числѣ. Только въ половинѣ мая ихъ отрядъ завязалъ небольшое сраженіе, но скоро удалился. Вслѣдъ затѣмъ около такъ наз. Черной долины появился самъ ханъ (вторично посаженный на престолъ Селимъ Герай) со своими Крым-

скими и Бѣлгородскими полчищами и храбро ударилъ на нашу армію, сначала въ тылъ, потомъ на лѣвый флангъ. И тамъ, и тутъ нападеніе было отбито пушечными выстрѣлами. Орда послѣ того нѣсколько дней кружилась около русскаго войска на почтительномъ разстояніи, стараясь отрѣзать какія-либо отставшія или оплошно державшіяся части; а затѣмъ снова скрылась изъ виду. Голицынъ не замедлилъ послать въ Москву донесеніе о сихъ двухъ сраженіяхъ, которыя постарался изобразить въ видѣ большой побѣды, одержанной послѣ трехдневнаго жестокаго боя, и просилъ правительницу помолиться объ его благополучномъ возвращеніи. Софья отвѣчала ему поздравленіемъ съ побѣдою надъ Агарянами и всячески выражала свое нѣжное чувство. «А мнѣ, свѣтъ мой,—писала она,—не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ тебя, свѣта моего». Этою пылкостью и самыми выраженіями своихъ писемъ она очень напоминаетъ своего Тишайшаго родителя.

Послѣдніе двое сутокъ похода до Перекопской крѣпости русская армія двигалась по безводной степи; поэтому люди и лошади были порядкомъ изнурены, когда въ 20-хъ числахъ мая достигла она сей крѣпости. При безводіи и недостаткѣ конскихъ кормовъ открылось также истощеніе съѣстныхъ запасовъ. Но подобныя обстоятельства еще не могли служить оправданіемъ той нерѣшительности и тому малодушію, которыя обнаружилъ теперь главный воевода. Смотря съ перешейка съ одной стороны на море Черное, съ другой—на Гнилое, слыша, что тутъ вода вездѣ соленая, а прѣсныхъ колодцевъ почти нѣтъ, видя позади себя голую степь и такую же впереди за Перекопомъ, Голицынъ потерялъ голову. Онъ не рѣшился даже напасть на эту плохо защищенную крѣпость, вокругъ которой Татары сожгли посады и села. Не желая углубиться на полуостровъ изъ опасенія, что ему отрѣжутъ отступленіе, онъ прямо началъ думать о томъ, какъ бы въ цѣлости воротиться съ войскомъ назадъ въ Москву, подъ крыло правительницы, столь нетерпѣливо его ожидавшей. Можно думать, что нашлись у него такіе совѣтники, которые вмѣсто мужества внушали ему робость и смущеніе. Къ сожалѣнію, источники не даютъ намъ возможности съ точностью опредѣлить, какого мнѣнія въ сихъ обстоятельствахъ держался, напримѣръ, пріятель и одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ оберегателя гетманъ Мазепа? Можно только догадываться, что его вліяніе не было благодѣтельно. Къ удивленію самихъ Татаръ, со страхомъ и трепетомъ ожидавшихъ дальнѣйшаго наступленія, Голицынъ, не спрашивая совѣта своихъ товарищей, завязалъ переговоры съ ханомъ, сначала посредствомъ писемъ, привязанныхъ къ стрѣламъ, потомъ чрезъ посланцевъ. Но, вслѣдствіе несогласія

въ условіяхъ, эти переговоры еще не были окончены, какъ русское войско повернуло назадъ и начало поспѣшное отступленіе по направленію къ Днѣпру. Татары преслѣдовали Русскихъ, не давали имъ покоя, но отъ серьезной битвы уклонялись. Безводица, сыпучіе пески и вновь начавшіеся степные пожары изнуряли и морили коней и воловъ, тащившихъ пушки; но большихъ потерь войско не испытало на обратномъ походѣ. Это постыдное отступленіе казалось современникамъ до того странно и непонятно, что въ Москвѣ появился нелѣпый слухъ, будто ханъ подкупилъ Голицына двумя бочками червонцевъ, при чемъ обманулъ его: деньги оказались мѣдными, только позолоченными.

Приблизясь къ Запорожской Сѣчи, войско остановилось на отдыхъ, и отсюда поскакали въ Москву гонцы съ извѣстіемъ объ его благополучномъ возвращеніи послѣ якобы необычайныхъ трудностей похода. Отъ Софьи Голицынъ не замедлилъ получить письмо съ изліяніями радости: она сравнивала его съ Моисеемъ, изведшимъ Израиля изъ земли Египетской. «Батюшка мой,—писала она,—чѣмъ мнѣ заплатить за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ не вѣрится, сердце мое, чтобы тебя, свѣтъ мой, видѣть». «Что ты, батюшка мой, пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила: по всѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣша», и т. д. Въ то же время отъ имени царей она послала ему похвальную грамоту, въ которой восхвалялись его мнимые побѣды, труды и подвиги всего войска; а въ церквахъ велѣно совершать благодарственное молебствіе. Воеводы были награждены по обычаю золотыми медалями; при чемъ оберегатель получилъ таковую опять съ дорогими камнями и цѣнностью въ 300 червонцевъ. Въ концѣ іюня они распустили войска и съ торжествомъ воротились въ столицу. Но здѣсь противники царевны и ея любимца, разумѣется, не молчали и жестоко осуждали его поведеніе.

Итакъ оба похода большими силами на Крымъ потерпѣли неудачу. Отсюда обыкновенно выводятъ заключеніе о томъ, что наши южныя степи служили будто бы неодолимымъ препятствіемъ для разгрома Крымской орды въ самомъ ея гнѣздѣ и что наступательныя дѣйствія противъ нея съ нашей стороны будто бы были рановременны. Но, во-первыхъ, какъ мы видѣли, главною причиною неудачи былъ недостатокъ военнаго таланта и предусмотрительности у кн. Голицына. А затѣмъ, если и были еще несвоевременны, то именно степные походы такой большой тяжелой арміи; тогда какъ предпріятія меньшими и болѣе легкими силами обѣщали болѣе успѣха, въ особенности если бы они поддерживались флотиліями, прорвавшимися къ Крымскимъ берегамъ

со стороны Днѣпра и Дона; какъ этому были примѣры во времена Ивана Грозного и казачьихъ морскихъ набѣговъ. (53).

За исключеніемъ двухъ крымскихъ походовъ, время царевны Софьи и кн. В. В. Голицына вообще отличалось мирнымъ характеромъ, т.-е. желаніемъ жить въ добрыхъ отношеніяхъ со своими сосѣдями. Еще до заключенія вѣчнаго мира съ Польшею Московское правительство вступило въ переговоры со Швеціей и обмѣнялось съ ней полномочными посольствами, съ нашей стороны во главѣ съ окольничимъ Прончищевымъ, а со шведской—Гильденстерномъ. Москва на сей разъ отказалась отъ своихъ притязаній на отошедшія отъ нея въ Смутную эпоху берега Финскаго залива, и согласилась на простое подтвержденіе Кардисскаго договора. Шведскіе послы послѣ отпускной аудіенціи у обоихъ царей въ Отвѣтной палатѣ были проведены въ бывшую царицыну Золотую палату. Тутъ приняла ихъ царевна Софья, сидя въ креслахъ, богато украшенныхъ наподобіе трона, имѣя на головѣ жемчужный вѣнецъ, а на плечахъ аксамитную шубу, опушенную соболями. Около нея по обѣимъ сторонамъ стояли по двѣ вдовыхъ боярыни и по двѣ карлицы. По обычаю царскому, она, привставъ, спрашивала пословъ о здоровьи короля Карла, его матери и супруги; а послѣ ихъ отвѣта давала имъ цѣловать свою руку (1684). Плодомъ мирныхъ сношеній съ Пруссіей и Бранденбургомъ было заключеніе торговаго договора (1689). Кромѣ того, правительница желала поддержать начатыя при ея родителѣ сношенія съ юго-западными европейскими державами, Франціей и Испаніей, и отправила туда послами князей Якова Долгорукаго и Якова Мышецкаго (1687). Во Франціи они были приняты очень холодно, и на царское приглашеніе приступить къ священному союзу противъ Турокъ Людовикъ отвѣчалъ отказомъ: въ Москвѣ очевидно не знали, что Франція постоянно дружила съ Турціей противъ Австро-Германіи. Изъ Гавра пословъ отправили въ Испанію моремъ. Тамъ на подобное же приглашеніе приступить къ союзу отвѣчали, что и безъ того король помогаетъ императору чѣмъ можетъ; а на просьбу ссудить въ займы порядочную сумму денегъ указали на собственное безденежье. За непріязненное отношеніе Людовику XIV въ Москвѣ отплатили тѣмъ, что въ слѣдующемъ году отклонили его просьбу пропустить въ Китай двухъ французскихъ іезуитовъ. Кромѣ того Московское правительство, по ходатайству Бранденбургскаго курфирста, одновременно съ заключеніемъ торговаго договора, особой грамотой разрѣшило искать убѣжища въ Россіи французскимъ протестантамъ, гонимымъ на своей родинѣ и бѣжавшимъ въ чужія страны послѣ знаменитой отмѣны Нантскаго эдикта.

Во время Софьи повторилась просьба о принятія въ подданство со стороны не одного Валашскаго господаря, а также и другого отдаленнаго владѣтеля, утѣсняемаго мусульманами, именно царя имеретійскаго Арчила. Изгнанный изъ своей земли еще при Ѳеодорѣ, онъ вмѣстѣ съ семействомъ и ближними людьми бѣжалъ въ Астрахань и просилъ о помощи. Ему не разрѣшили прибыть въ Москву и указали жить въ Теркахъ; а помогать ему войскомъ ради возвращенія владѣній конечно и не думали.

По отношенію къ восточнымъ сосѣдямъ симымъ важнымъ дѣломъ правительницы является мирный Нерчинскій договоръ, который прекратилъ враждебныя столкновенія съ Манджуро-Китайской имперіей, длившіяся около тридцати пяти лѣтъ.

Главнымъ пунктомъ сихъ столкновеній служилъ Албазинъ, откуда русскіе казаки и промышленники распространяли свои поселенія далѣе по Амуру и облагали ясакомъ племена, подчиненныя Китаю. Въ срединѣ 80-хъ годовъ албазинскимъ воеводою явился предпріимчивый Алексѣй Толбузинъ. Китайцы собрали противъ него нѣсколько тысячъ человѣкъ: пѣхота пришла съ пушками въ лодкахъ по Амуру, а конница берегомъ. 12 іюня 1685 года непріятели осадили Албазинскій острогъ. Имѣя у себя не болѣе 450 человѣкъ, считая въ томъ числѣ промышленныхъ и пахотныхъ людей, Толбузинъ послалъ гонца въ Нерчинскъ съ просьбою о помощи людьми и боевыми запасами. Нерчинскій воевода Власовъ по сей просьбѣ отправилъ около полутораста человѣкъ съ двумя пушками, тремя затинными пищалями и десятью простыми, съ нѣкоторымъ количествомъ ядеръ, пороху и свинцу. Но эта помощь, повидимому, опоздала. Богдойское войско, имѣя много пушекъ, убило до 100 человѣкъ гарнизону, разрушило часть башенъ и стѣнъ и «огнѣнными стрѣлами» зажгло церковь, колокольню, лавки и хлѣбные амбары. 22 іюня Толбузинъ вступилъ въ переговоры. Китайскіе военачальники на сей разъ удовольствовались сдачей острога вмѣстѣ съ нарядомъ, и отпустили Русскихъ къ Нерчинску, взявъ съ нихъ обѣщаніе вновь сюда не приходить. Китайцы разорили Албазинъ и ушли; при чемъ не тронули посѣянной Русскими жатвы. Узнавъ о томъ, Нерчинскій воевода немедля отправилъ два небольшихъ отряда, подъ начальствомъ того же Толбузина и енисейскаго боярскаго сына Бейтона, чтобы поставить новый острогъ и снять хлѣбъ; что и было исполнено. Въ слѣдующемъ году Китайцы опять пришли въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ съ пушками и снова осадили возобновленный Албазинъ. Толбузинъ, имѣя около 1000 человѣкъ гарнизону, мужественно оборонялся; но былъ смертельно раненъ ядромъ. Начальство перешло къ Бейтону,

который продолжалъ геройскую оборону. Непріятельское войско отошло немного внизъ по Амуру. Около того времени Китайское правительство получило извѣстіе объ отправленіи къ нему изъ Москвы большого посольства; по этому поводу русскіе воеводы просили прекратить военныя дѣйствія.

Правительница благоразумно рѣшила покончить распрю съ Китаемъ изъ-за владѣній на среднемъ Амурѣ, которыя по своей отдаленности, труднымъ сообщеніямъ и постоянной борьбѣ съ сильнымъ сосѣдомъ причиняли гораздо болѣе убытковъ, чѣмъ приносили пользы. Тутъ воочію оправдывался историческій законъ о распространеніи государственной территоріи въ сторону наименьшаго сопротивленія. Доселѣ русское господство почти безпрепятственно раздвигалось на все необозримое пространство Сибири; но на берегахъ Амура оно столкнулось съ могущественнымъ государственнымъ организмомъ и должно было пріостановиться—до болѣе благопріятныхъ временъ. Продолжительныя непріязненныя отношенія имѣли и ту оборотную сторону, что мѣшали установить съ Китайцами обоюдувыгодныя торговыя сношенія.

Софья снарядила полномочное посольство, во главѣ котораго поставленъ былъ окольничій Ѳед. Алексѣевичъ Головинъ. Его сопровождала большая свита изъ дворянъ и стрѣльцовъ; а во время своего медленнаго движенія по Сибири онъ собралъ еще около полуторы тысячи ратныхъ людей. Сначала онъ остановился въ Селенгинскѣ. Тогда на этотъ городъ напали ближніе Монголы, подстрекаемые Китайцами. Головинъ прогналъ ихъ послѣ цѣлаго ряда боевъ. Потомъ онъ ходилъ на сосѣднихъ Табунуцкихъ старшинъ или «саитовъ» и заставилъ ихъ съ своими подручниками или «шуленгами» присягнуть па московское подданство. При семъ по своему обычаю для скрѣпленія присяги они цѣловали пищальное дуло, разсѣкали саблею собакъ, лизали окровавленный клинокъ и запивали чашкой холодной воды.

Не ранѣе второй половины лѣта 1689 года Головинъ прибылъ въ Нерчинскъ, гдѣ его товарищемъ по предстоящимъ переговорамъ явился стольникъ и воевода Иванъ Власовъ. Подъ этимъ городомъ уже ожидало его Китайское посольство, также окруженное большою военною свитою. Обѣ стороны стали съѣзжаться для переговоровъ въ палаткахъ, разбитыхъ въ полѣ. Любопытно, что переговоры эти велись на латинскомъ языкѣ при посредствѣ московскаго переводчика Бѣлободскаго (конечно западнорусскаго уроженца) и двухъ іезуитовъ (испанца Перейра и француза Жербильона), состоявшихъ въ китайской службѣ, одѣтыхъ по-китайски, имѣвшихъ подбритыя головы и носившихъ косы.

Съ обѣихъ сторонъ предъявлены были жалобы на несправедливую войну и захватъ чужихъ владѣній; послѣ чего перешли къ вопросу о границахъ. Русскіе требовали лѣвую сторону Амура до самаго моря, а Китайцы хотѣли отодвинуть рубежъ къ Байкалу. Потомъ они соглашались отвести границу къ Нерчинску; а Головинъ проводилъ ее по рѣку Зію, впадающую съ лѣвой стороны въ Амуръ. Китайцы грозили войною и прекратили было переговоры. Однако возобновили ихъ при посредствѣ тѣхъ же іезуитовъ и Бѣлободскаго. Китайскіе послы дѣлали видъ, что готовятся къ войнѣ; а сосѣднихъ Бурятъ и Онкотъ они подговаривали взбунтоваться, отогнать у Русскихъ коней и рогатый скотъ, и тѣ дѣйствительно стали скопляться съ явновраждебными намѣреніями. Противъ нихъ былъ посланъ съ небольшимъ отрядомъ Демьянъ Многогрѣшный (бывшій малороссійскій гетманъ, а теперь причисленный къ сословію дѣтей боярскихъ); ему удалось взять нѣсколькихъ плѣнныхъ, но скопленіе измѣнниковъ продолжалось. Пришлось пойти на крайнія уступки, которыя разрѣшались послу въ тайномъ наказѣ. При семъ старались задобрить посредниковъ-іезуитовъ соболями, горностаями, лисицами. Наконецъ, граница была опредѣлена такъ: рѣка Аргунь отдѣляетъ Нерчинскій край отъ Китайскихъ владѣній, а далѣе рубежъ идетъ отъ впадающей слѣва въ Шилку рѣки Горбицы по хребту (Яблонному) до Охотскаго моря, и упирается въ это море по правую сторону отъ устья рѣки Уди. Городъ Албазинъ Русскіе обязались разорить до основанія и жителей его увести въ свои предѣлы. Договоръ былъ однако выгоденъ въ томъ отношеніи, что установилъ наши торговыя сношенія съ Китаемъ, и съ того времени начали ходить туда постоянные караваны.

Этотъ Нерчинскій трактатъ былъ заключенъ въ концѣ августа 1689 года, т.-е. въ то именно время, когда въ Москвѣ началось открытое столкновеніе царевны-правительницы съ младшимъ братомъ Петромъ, окончившееся сверженіемъ Софьи. (54).

По своему историческому значенію, по явному склоненію правительственной системы къ сближенію съ европейскими политическими интересами и культурными вліяніями, время царевны Софьи представляетъ послѣднее и видное звѣно въ постепенномъ переходѣ отъ Московской Руси первыхъ Романовыхъ къ эпохѣ Петровскихъ реформъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТОМУ ТОМУ.

I. О воспитаніи и обученіи царскихъ дѣтей. Котошихина. Гл. I. § 28. Сверстниками Алексѣя Михайловича и товарищами по ученію были: Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, Аѳан. Ив. Матюшкинъ, Вас. Яковл. Голохвостовъ, Михаилъ и Ѳедоръ Львовичи Плещеевы. См. акты дворянъ Голохвостовыхъ въ «Чт. О. И. и Д.» 1848. Кн. 5. (Гдѣ авторъ Д. П. Голохвостовъ, между прочимъ, ссылается на статью Забѣлина въ «Моск. Вѣд.» 1847 г.). Изъ этихъ сверстниковъ потомъ Матюшкинъ и Голохвостовъ сдѣлались начальниками любимой царской соколиной охоты. Англичанинъ Самуилъ Коллинсъ, бывшій восемь лѣтъ придворнымъ врачемъ Алексѣя I (до половины 1666 г.), въ своемъ сочиненіи о Россіи сообщаетъ, что наружность царя красива, «волосы его свѣтлорусые, лобъ немного низкій, онъ не брѣетъ бороды, здороваго сложенія, высокъ ростомъ и полонъ, его осанка величественна»; что въ противуположность своему «миролюбивому» отцу онъ «имѣетъ духъ воинственный» и пр. (Русскій переводъ И. Кирѣевскаго, озаглавленный «Нынѣшнее состояніи Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу» въ «Чт. О. И. и Др.» 1846. I. Гл. IX и XXI). О душевныхъ качествахъ и физическомъ развитіи Алексѣя Михайловича продолжатель Хронографа редакціи 1617 года говоритъ слѣдующее: «благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ... иный убо разумъ благообученъ и бысть зѣло благоуменъ, еще же и во бранѣхъ на сопротивныя искусенъ, великъ бѣ въ мужествѣ и умѣя на рати копіемъ потрясати, воиниченъ бо бѣ и ратникъ непобѣдимъ, храбросердъ же и хитръ конникъ... бысть же и во словесѣхъ премудрости риторъ естествословенъ и смышленіемъ скороуменъ». (*Изборникъ* Ан. Попова. 210—211). О неудовлетворительномъ воспитаніи и о наружности Алексѣя говоритъ Мейербергъ. И. Е. Забѣлинъ въ своей статьѣ «Троицкіе походы» (Чт. О. И. и Др.» 1847. Кн. 5) такъ описываетъ обученіе Алексѣя: «первоначальное образованіе государя, *навычнаго*, по словамъ посла П. И. Потемкина, *многимъ премудрымъ философскимъ наукамъ*, было расположено въ слѣдующемъ порядкѣ. Послѣ азбуки, на седьмомъ году отъ рожденія (1635), царевичъ началъ учить *часовникъ*, черезъ пять мѣсяцевъ *псалтирь*, потомъ еще черезъ три мѣсяца *Апостольское дѣяніе*. Замѣчательно то, что учителемъ былъ дьякъ (Василій Прокофьевъ), а не духовная особа. На восьмомъ году царевичъ

учился у пѣвчаго дьяка, Луки Иванова, *пѣть охтай* (охтоихъ), а у подьячаго Григорья Львова *писать*. На десятомъ году (1638) пѣвчіе дьяки, Иванъ Семеновъ да Михайло Осиповъ, *начали царевичу учить страшное пѣніе*. Обѣдня, заутреня и вобще всѣ службы также входили въ составъ первоначальнаго образованія. (Отсюда неудивительнымъ является точное знаніе Алексѣемъ церковныхъ службъ, которымъ онъ впослѣдствіи поражалъ нѣкоторыхъ иностранныхъ наблюдателей). По Котошихину, царь Алексѣй имѣлъ хорошія свѣдѣнія въ исторіи.

О Морозовѣ, какъ приближенномъ бояринѣ уже царя Михаила, кромѣ Олеарія, говоритъ авторъ описанія путешествія въ Москву датскаго принца Вальдемара (Büsching's Magazin. X. 235 — 236). См. также А. Руднева «Ближній бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ». («Библ. Для Чт.» 1855. Іюль). Морозовъ родился около 1590 г. Вмѣстѣ съ братомъ Глѣбомъ онъ подписался на грамотѣ объ избраніи Михаила. Объ его богатствѣ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ пожертвованное имъ въ Успенскій соборъ серебряное паникадило въ 113 пудовъ. При обзорѣ его Павелъ I воскликнулъ: «да это серебряный лѣсъ!» (Берха «царствованіе Алексѣя Михайловача» II. 177. На тотъ же фактъ указываетъ Колбасинъ «Дѣятели прежняго времени. Царь Алексѣй Михайловичъ». От. Зап. 1854. Декабрь). О Морозовѣ въ связи съ воспитаніемъ Алексѣя Михайловича нѣсколько замѣтокъ у проф. Зернина «Царь Алексѣй Михайловичъ. Историческая характеристика изъ внутренней жизни Россіи XVII ст.». («Москвитянинъ». 1855.)

О присягѣ новому царю краткая грамота—наказъ въ Актахъ Эксп. IV. № 1. и подробная окружная грамота съ приложеніемъ самого текста присяги царю и его матери въ С. Г. Г. и Д. III. №№ 122 и 123. Тотъ же текстъ въ сокращеніи въ *Изборникѣ* А. Попова. 319 — 320. *Дворц. Разр.* III. 1—5: посылка дворянъ, стольниковъ и дьяковъ по городамъ приводить къ присягѣ. Присяжныя записи для разныхъ придворныхъ чиновъ см. въ *Рус. Истор. Библ.* X.: «Записныя книги Московскаго стола» 315 — 320. О коронованіи и пожалованіяхъ *Дворц. Разр.* IV. 14—20. *Выходы.* 131—132. Котошихинъ (I. 6) говоритъ, что по смерти Михаила Өеодоровича духовныя власти, думные люди, торговые, всякихъ чиновъ люди и *чернь* «обрали на царство» Алексѣя Михайловича, и «для того обранія» было дворянъ, дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей по два человѣка отъ городовъ; а потомъ его уже короновали. На этомъ основаніи нѣкоторые ученые, напримѣръ, г. Загоскинъ («Исторія права Моск. Госуд.» I. 281») и г. Латкинъ («Земскіе соборы древней Руси» 206—207) предполагаютъ, что въ 1645 г. былъ созванъ Земскій соборъ именно для избранія Алексѣя Михайловича. Но въ такомъ случаѣ, какъ согласить это избраніе съ присягою, учиненною тотчасъ по кончинѣ Михаила? Соборъ созванъ былъ скорѣе для присутствія при его коронованіи или для вящшаго утвержденія его на престолѣ. По Олеарію, Морозовъ спѣшилъ съ коронованіемъ; поэтому не могли къ сему обряду собраться всѣ тѣ, «которые обязаны присутствовать при вѣнчаніи». (Гл. XIII.

«Чт. О. И. и Д.» 1868. IV). Олеарій описываетъ и самый обрядъ вѣнчанія. Также, повидимому, неточно извѣстіе Котошихина (VIII. 4), будто при своемъ избраніи Алексѣй Михайловичъ не далъ на себя никакого письма, ограничивающаго царскую власть въ пользу бояръ, какъ это дѣлали предшествовавшіе ему государи (послѣ Бориса Годунова), потому что «разумѣли его гораздо тихимъ»; поэтому будто бы онъ и сталъ писаться «самодержецъ». Но тутъ же говоритъ, что уже отецъ его Михаилъ писался «самодержецъ». Во всякомъ случаѣ въ Московскомъ обществѣ того времени происходили какіе-то разговоры, отзвукъ которыхъ и находимъ у Котошихина. У Зерцалова (о Московскихъ мятежахъ». «Чт. О. И. и Д.» 1890. III. Прилож. IV) помѣщено дѣло князя Юсупова, котораго дворовые люди говорили какія-то *непригожія слова про государя.* Какія именно слова, въ дѣлѣ не приведены; а только проскользнула фраза: *что не прямой государь* (стр. 196).

О кончинѣ Евдокіи Лукьяновны см. Хронографъ Третьей редакціи, Хронографъ архіеп. Пахомія и Хронографъ Погодина. (Изборникъ Попова. 281, 320 и 429). По первому 9 августа, по второму и третьему 18-го. Новый лѣтописецъ. (Временникъ О. И. и Д. XVII. 192). О турецко-крымскихъ и польскихъ отношеніяхъ. Дворц. Разр. III. 22 и слѣд. С. Г. Г. и Д. III. № 126. Дѣла Турецкія, Донскія и Польскія (по ссылкамъ Соловьева. X. Прим. 20—24). Объ отпускѣ Стемпковскаго съ Лубой и принца Вальдемара съ датскими послами. Дворц. Разр. III. 6—9. «Чт. О. И. и Д.» 1867. IV.

О выборѣ и судьбѣ Всеволожской. Письма шведскаго повѣреннаго Ферберa. (Берхъ. II. 43 и 44). Коллинсъ («Чт. О. И. и Д.» 1846. I. Гл. XX) говоритъ объ интригѣ Морозова, приказавшаго завязать крѣпко волосы. Котошихинъ (5 стр.) сообщаетъ о боярыняхъ, уморившихъ отравою, и не упоминаетъ о Морозовѣ. Но едва ли можно сомнѣваться въ участіи послѣдняго; иначе вся эта интрига не прошла бы такъ безнаказанно для главныхъ ея виновниковъ, хотя по сему поводу и производилось какое-то слѣдствіе. Но это слѣдствіе окончилось самымъ жалкимъ образомъ: какой-то Мишка Ивановъ, крестьянинъ Никиты Ивановича Романова, былъ обвиненъ въ чародѣйствѣ и въ наговорѣ «въ Рафовѣ дѣлѣ Всеволжскаго», и за то сосланъ «подъ крѣпкое начало» въ Кириллобѣлозерскій монастырь. (Берха «Ѳедоръ Алексѣевичъ». II. «Дополн. къ царствованію Алексѣя Михайловича». 182 — 153). Рафа Всеволожскаго въ 1651 г. встрѣчаемъ воеводою Верхотурскимъ. (Акты Ист. III. № 48). А въ маѣ слѣдующаго 1652 года читаемъ указъ воеводѣ верхотурскому Измайлову воротить съ дороги Всеволожскаго, посланнаго въ Яранскъ, и отправить съ женою и дочерью въ Тобольскъ. (Ibid. № 59). Но въ іюлѣ того же года уже читаемъ приказъ касимовскому воеводѣ Литвинову о надзорѣ за высланною изъ Тюмени въ Касимовскую деревню вдовою Рафа Всеволожскаго съ сыномъ и дочерью, бывшею невѣстою государя (С. Г. Г. и Д. III. № 155).

По Котошихину (5) Алексѣй Михайловичъ будто бы случайно увидалъ въ церкви двухъ дочерей Милославскаго; послѣ чего одну изъ нихъ велѣлъ

взять къ себѣ въ Верхъ, гдѣ «тоѣ дѣвицы смотрилъ и возлюбилъ, и парекъ царевною, и въ соблюденіе предаде ея сестармъ своимъ, и возложи на нее царское одѣяніе, и поставилъ къ ней для оберегапія женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, дондеже приспѣетъ часъ женитьбы». Но можно догадываться, что государь не случайно увидѣлъ дочерей Милославскаго, а что дѣло было подстроено и направлено все тѣмъ Б. И. Морозовымъ. Олеарій (гл. XV) прямо говоритъ, что Милославскій большою угодливостію снискалъ расположеніе Морозова и что сей послѣдній заранѣе рѣшилъ породниться съ царемъ; поэтому онъ выхвалялъ ему красоту сестеръ Милославскихъ и возбудилъ желаніе ихъ видѣть. Тогда тѣ были приглашены посѣтить царевенъ, царскихъ сестеръ, и тутъ-то Алексѣй выбралъ старшую, 22-лѣтнюю Марью Ильиничну. Котошихинъ, ошибочно указывая на младшую, сообщаетъ, какъ дѣлались приготовленія къ свадьбѣ, какъ бояре, думные люди и вообще придворные чины и ихъ жены распредѣлялись, кому какое мѣсто или должность занимать при свадебномъ торжествѣ. Кто въ дѣйствительности какой чинъ занималъ на свадьбѣ и въ теченіе трехдневныхъ пировъ, см. Дворц. Разр. III. 78—86. Тутъ мы узнаемъ, что была еще жива жена Ивана Никитича Романова Ульяна Осиповна и жена князя Бор. Мих. Лыкова Анастасія Никитична, внучатая тетка государя. Онѣ находились въ числѣ комнатныхъ боярынь царицы вмѣстѣ съ ея матерью Катериной Ѳедоровной. Двѣ грамоты о бракѣ царя съ Марьей Ильиничной, о моленіи за нихъ и поминовеніи на ектеніяхъ въ Акт. Эксп. IV. № 23. Что по настоянію духовника Стефана на царской свадьбѣ были устранены «кощуны, бѣсовскія игранія, пѣсни студныя сопѣльныя и трубное козлогласованіе», а устроены пѣсни духовныя, о томъ см. житіе Григорія Неронова, составленное послѣ его смерти». («Братское Слово». 1875. Кн. 2. Стр. 272). О бракѣ Б. И. Морозова съ Анной Милославской Коллинсъ, Олеарій, Хронографы въ Изборникѣ Попова, Лѣтопись о мятежахъ (357). А женою Глѣба Ив. Морозова была Авдотья Алексѣевна, дочь князя Алексѣя Юрьевича Сицкаго. (Помянутая статья Зерцалова въ «Чт. О. И. и Д.» 1890. III. 236). Второй женой Глѣба была Ѳеодосія Прокопьевна Соковнина, извѣстная раскольница). О посольствѣ и отправленіи стольника И. Д. Милославскаго «за море въ Галанскую землю», съ дьякомъ Байбаковымъ въ 1647 г. на двухъ голландскихъ «опасныхъ» (военныхъ) корабляхъ въ «Лѣтоп. Двин.» 27. Ему поручено было нанять тамъ мастеровъ желѣзнаго дѣла для оружейнаго завода, а также нанять опытныхъ въ солдатскомъ ученьѣ капитановъ и человѣкъ 20 солдатъ, «добрыхъ, самыхъ ученыхъ». Объ этомъ посольствѣ см. также Гамеля «Описаніе Тульскаго завода». 44. О роли плетки въ супружеской практикѣ Б. И. Морозова говоритъ Коллинсъ. У него же есть намекъ и на ея невѣрность: по подозрѣнію Морозова въ короткомъ знакомствѣ съ его домомъ, англичанинъ Вильямъ Барисли былъ сосланъ въ Сибирь. («Чт. О. И. и Д.» 1846. I. Гл. XX).

2. Челобитная торговыхъ людей въ актахъ Эксп. IV. № 13. Наибольшее количество подписей принадлежатъ, конечно, Москвичамъ. Между ними встрѣ-

чаются фамиліи гостей, гостиной и суконной сотни: Юрьевъ, Надейка Свѣтешниковъ, Васька Шорпнъ, Иванко Озеровъ, Сенька Черкасовъ, Спиридоновъ, Волковъ, Венедиктовъ и пр. Изъ представителей московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ названы только два Кадашевца и одинъ Срѣтенской сотни. Послѣ Москвичей слѣдуютъ по количеству подписей Ярославцы, потомъ нѣсколько Нижегородцевъ и Казанцевъ, по одному Вологожанину, Костромичу, Усольцу, Устюжанину и Торопчанину. Очевидно, это тѣ иногородные торговцы, которые на ту пору оказались въ Москвѣ. Но въ началѣ челобитья, кромѣ помянутыхъ сейчасъ, говорится еще отъ имени Суздальцевъ, Муромцевъ, Псковичей, Романовцевъ, Галичанъ, Бѣлозерцевъ, Каргопольцевъ, Холмогорцевъ и «иныхъ многихъ городовъ». Вѣроятно, при многихъ именахъ пропущено обозначеніе мѣстности, такъ какъ всѣхъ подписей около 165. Любопытно, что всѣ онѣ собственноручныя, за исключеніемъ четырехъ: за гостя Василія Юрьева руку приложилъ сынъ его Ѳедька, за Лошакова, принадлежащаго къ суконной сотнѣ, какой-то Никифорко, за казанца Ивана Истомина — Сидка Тарасьевъ и за старосту Ивашка Кирилова — Никишка Карповъ. Это показываетъ, что довольно много было грамотныхъ между представителями торговаго сословія. Относительно половинныхъ судебныхъ пошлинъ съ иноземцевъ см. Акты Истор. IV. № 16. Указъ о новой соляной пошлинѣ по гривнѣ съ пуда — Акты Эксп. IV. № 5. Тотъ же указъ, дополненный табачной монополіей въ С. Г. Г. и Д. III. № 124. Увеличивая соляную пошлину, указъ строго запрещалъ торговымъ людямъ, промышлявшимъ солью, покидать этотъ промыселъ.

О царской медвѣжьей охотѣ упоминаютъ Дворц. Разр. III. 56: 15 февраля 1647 года, «ходилъ государь на медвѣдя». А. Зерцалова: «О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг.» въ «Чт. О. И. и Д.» 1890. III. Здѣсь любопытны данныя, относящіяся вообще къ эпохѣ мятежей 1648 г. и къ нѣсколькимъ лицамъ этой эпохи, каковы Чистого, Плещеевъ и Траханьотовъ. Назарій Чистого вышелъ изъ торговыхъ людей города Ярославля. Въ 1621 году онъ именуется гостемъ. Траханьотовъ былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе 17 марта 1646 г. (Дворц. Разр. III. 32). Челобитная купца Вырубова на насильство Петра Траханьотова, отнявшаго у него помѣстье, сообщено Зерцаловымъ въ Приложеніяхъ къ «Земскимъ Соборамъ» Латкина. О хищничествѣ и насиліяхъ Траханьотова у Симона Азарьина «Книга о чудесахъ преп. Сергія» (Памят. Древ. Письменности. LXX. 1888. 123—125). Относительно Леонтія Плещеева Зерцаловъ сообщилъ Латкину для его приложеній акты изъ Архива Мин. Юстиціи,—это матеріалы, относящіеся къ послѣднимъ годамъ Михаилова царствованія и принадлежащіе къ дѣламъ Сибирскимъ. Но потомъ въ означенной статьѣ (т.-е. въ «Чт.» 1890 г.) Зерцаловъ оговаривается, что сіи акты, свидѣтельствующіе о разныхъ безчинствахъ Плещеева, относятся къ другому Леонтію Плещееву, а не къ извѣстному земскому судьѣ. Рецензія Платонова на это изданіе Зерцалова «Нѣчто о земскихъ сказкахъ 1662 года» въ Ж. М. Нар. Пр. 1891 г.

Май. Объ установленіи крестнаго хода въ Срѣтенскій монастырь см. лѣтописи Софійскую вторую и Воскресенскую подъ 1514 г. (П. С. Р. Л. VI и VIII. 254).

Наиболѣе полный разсказъ о Московскомъ мятежѣ 1648 года у Адама Олеарія, современника, но не очевидца событій. Гл. XVI (въ переводѣ Барсова въ «Чтеніяхъ» 1868 г. IV. 267—279). На немъ основана статья Карамзина «О московскомъ мятежѣ въ царствованіи Алексѣя Михайловича». (Сочч. VIII. М. 1820 г.). Въ подробностяхъ своихъ и датахъ этотъ разсказъ отчасти не выдерживаетъ провѣрки по другимъ источникамъ, каковы: Лѣтопись о мн. мятежахъ (357—8), Новый лѣтописецъ (Времен. О. И. и Д. XVII), Хронографъ (Изборн. А. Попова. 247—248), Выходы. 180—181, Дворц. Разряды. III. 93—94. Затѣмъ слѣдуетъ важный иноземный источникъ, именно голландская брошюра, напечатанная въ томъ же 1648 году въ Лейденѣ и заключающая разсказъ очевидца, повидимому, одного изъ членовъ находившагося тогда въ Москвѣ Голландскаго посольства. Русскій переводъ, сдѣланный съ рукописнаго англійскаго перевода, напечатанъ въ «Историч. Вѣстникѣ» (1880. Январь) съ предисловіемъ и примѣчаніями К. Н. Бестужева-Рюмина. На голландскій печатный подлинникъ, имѣющійся въ Имнер. Публич. Библіотекѣ, указалъ К. Феттерлейнъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1880 г. Февраль) и привелъ нѣкоторыя разнорѣчія съ англійскимъ переводомъ. Проф. Платоновъ въ Ж. М. Н. Просв. (1888. Іюнь) помѣстилъ найденное имъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ Импер. Публ. Библ. повѣствованіе о томъ же бунтѣ съ нѣкоторыми подробностями, отличными отъ другихъ источниковъ, но ближе подходящими къ Лейденской брошюрѣ. Это повѣствованіе въ особенности даетъ г. Платонову возможность точнѣе установить даты событій.

Послѣ того значительное количество свѣдѣній, относящихся къ данной эпохѣ, извлеченныхъ К. И. Якубовымъ изъ Моск. Архива Ин. Дѣлъ и Швед. Государст. Архива, помѣщено имъ въ «Чт. О. И. и Д.» за 1898 г. Кн. I. Тутъ любопытны донесенія въ Стокгольмъ шведскаго резидента въ Москвѣ Карла Поммеринга. Укажемъ нѣкоторыя его извѣстія, любопытныя въ томъ или другомъ отношеніи, хотя и не всегда достовѣрныя, и тѣмъ болѣе, что резидентъ самъ сознается въ незнаніи русскаго языка.

При пріемѣ шведскихъ пословъ 2 сентября (по нов. ст.) 1647 г., когда они цѣловали царскую руку, ее держалъ Б. И. Морозовъ. Въ мартѣ 1648 г. резидентъ передаетъ слухи, что царь сталъ самъ выслушивать челобитныя и давать по нимъ резолюціи, посвящая тому одинъ часъ передъ обѣдомъ; остальное время уходитъ главнымъ образомъ на богослуженіе. Въ апрѣлѣ пишетъ, что царь, особенно Великимъ постомъ, занятъ церковными обрядами, а во время процессіи Вербнаго воскресенья шелъ пѣшкомъ и самъ велъ лошадь, на которой ѣхалъ патріархъ въ церковь, называемую Іерусалимъ. Въ послѣдующихъ письмахъ 1648 и 1650 гг. онъ доноситъ о Московскомъ мятежѣ; при чемъ сообщаетъ, будто слуги Морозова стали бить стрѣльцовъ, почему послѣдніе отказались сражаться за бояръ и впустили въ

Кремль много простого народу, тѣ же слуги якобы подожгли городъ; будто царица поклонами и подарками соболей склонила посланныхъ отъ народа, чтобы Морозова оставили въ Москвѣ, за что народъ побилъ ихъ камнями; будто народу было обѣщано впредь спрашивать его совѣта при обсужденіи земскихъ дѣлъ. Далѣе: боярскіе холопы просили о своемъ освобожденіи, и шестеро изъ нихъ были обезглавлены. Поэтому, когда потомъ по боярскимъ дворамъ раздавались мушкеты, то холопы также отказались сражаться за бояръ. Царь теперь ежедневно самъ работаетъ со своими сотрудниками надъ водвореніемъ хорошаго порядка. Патріархъ обѣщалъ по 4 рубля, а царь — по 10 каждому стрѣльцу, который подпишетъ просьбу о возвращеніи Морозова въ Москву. Въ ночь на 22 октября царица разрѣшилась царевичемъ Димитріемъ, а 26 Морозовъ воротился въ Москву, послѣ чего здѣсь настали миръ и тишина. Патріархъ и нѣкоторые бояре хотятъ выжить всѣхъ иностранцевъ, въ томъ числѣ офицеровъ, но царь не согласенъ. Князь Яковъ (Куденетовичъ) Черкасскій поссорился съ Морозовымъ и другими и самовольно ушелъ изъ-за царскаго стола; на мѣсто князя Якова назначенъ И. Д. Милославскій (начальникомъ Иноземскаго приказа?). Многіе переселяются изъ Москвы. Нѣкоторые знатные люди отдали свое имущество на сохраненіе резиденту, имѣющему стражу изъ шведскихъ мушкетеровъ. Шведскіе кузнецы бѣгутъ изъ Тулы, которая приходитъ въ запустѣніе. Резидентъ надѣется, что Тульскій и другіе горные заводы не будутъ болѣе вредить заводамъ Швеціи; онъ досталъ Петру Марселису плохого кузнечнаго мастера отъ Андрея Дениса и желаетъ, чтобы всѣхъ иноземныхъ мастеровъ выпроводили изъ Россіи! (стр. 429 и 436, т.-е. откровенно говоритъ, что надо мѣшать насажденію культуры въ Россіи). Во время Іордани 1649 г. стрѣльцы будто бы хотѣли убить Морозова; новое волненіе, пытки и нѣкоторыя казни, толки о новомъ мятежѣ. Никита Ив. Романовъ не хочетъ подписать новое Уложеніе. Полковники Гамильтонъ и Мункъ Кармикель ѣдутъ съ 16 капитанами и многими офицерами обучать воинскому дѣлу Прионежское населеніе, которое вмѣсто податей и повинностей желаетъ отправлять военную службу. «28 февраля были у руки великаго князя послы Великаго Могола». Слухи о намѣреніи царя набрать особую гвардію подъ начальствомъ голландскаго полковника Исаака Букгофена. Царь съ вельможами увеселяется охотой подъ Москвой, особенно въ Рубцовѣ. Удаленные отъ Москвы англійскіе и голландскіе купцы однако получили позволеніе пріѣзжать изъ Архангельска въ Москву и въ теченіе года взыскивать свои долги и. т. д. (стр. 406—474).

Шведскаго путешественника Эриха Пальмквиста «Нѣсколько наблюденій надъ Россіей, ея дорогами, проходами, крѣпостями и границами во время послѣдняго королевскаго посольства къ царю Московскому въ 1674 году». (Рукописный русскій переводъ въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ). Онъ по дорогѣ между Торжкомъ и Тверью около села и яма Троица Мѣдная указываетъ старый русскій шанецъ на маленькомъ холмѣ у самаго берега Волги. Этотъ шанецъ построенъ декняземъ (?) Бор. Ив. Морозовымъ во время

одного московскаго бунта, гдѣ онъ скрывался отъ черни, посягавшей на его жизнь; почему шанецъ «доселѣ» называется *Морозова Городня.* Соотвѣтственное сему указанію извѣстіе находимъ въ вышеупомянутыхъ донесеніяхъ Поммеринга въ октябрѣ 1648 года: «Морозовъ, который, какъ говорятъ, былъ въ Ярославлѣ и другихъ городахъ, чтобы склонить ихъ на свою сторону, велѣлъ соорудить укрѣпленія (шанцы) и собирать народъ изъ своего имѣнія Городецъ» (428). Двѣ грамоты въ Кириллобѣлозерскій монастырь о сохраненіи Б. И. Морозова въ Акт. Эксп. IV. № 29 и Дополненіе къ Ак. Ист. III. № 45. Въ томъ же 1648 году Кириллобѣлозерскій монастырь возведенъ на степень архимандріи: настоятелямъ его дано право священнодѣйствовать съ рипидами и свѣщнымъ осѣненіемъ. Соловьевъ (X. Гл. II. Прим. 37) на основаніи Арх. Мин. Ин. Дѣлъ (именно дѣла 1649 года №№ 19 и 20) сообщаетъ, какъ въ Москвѣ по возвращеніи Морозова слышались неблагопріятные для правительства толки, въ родѣ слѣдующихъ: «Государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго; они всѣмъ владѣютъ, и самъ Государь все это знаетъ, да молчитъ». Нѣкоторые пророчили новую замятню, кровопролитіе и грабежъ; при чемъ бояре Никита Ив. Романовъ, князья Черкасскіе, Яковъ Куденетовичъ и Дмитрій Мамстрюковичъ, и князь Ив. Андр. Голицынъ со стрѣльцами станутъ на сторону народа противъ Морозова, Милославскаго и прочихъ. При семъ съ негодованіемъ говорилось о тѣхъ, которые прикладывали руки (къ просьбѣ о возвращеніи Морозова). Изобличенныхъ въ подобныхъ рѣчахъ одного казнили смертію, другому отрѣзали языкъ. По словамъ Коллинса, царь далъ клятву, что Морозовъ никогда не возвратится ко двору; но потомъ тайными происками заставили народъ просить объ его возвращеніи. По словамъ Котошихина (Гл. VII. стр. 84), царица, будучи беременна царевичемъ Димитріемъ, и вся царская семья время мятежа провели въ большомъ страхѣ и трепетѣ. Патріаршая грамота 23 октября 1648 года о молебствіи по случаю рожденія царевича Димитрія Алексѣевича въ Ак. Эксп. IV. № 31. А о присутствіи Б. И. Морозова на крестинномъ пиру у государя Дворц. Разр. III. 108 и «Записная Книга Москов. стола» въ Рус. Истор. Библ. X. 420. По словамъ Мейерберга, царь въ важнѣйшихъ дѣлахъ пользовался совѣтами Морозова до самой его смерти и самъ пріѣзжалъ къ нему, когда тотъ лежалъ въ постели, страдая подагрой и водянкой († 1662 г.).

Грамота ростовскаго митрополита Варлаама въ Кирилловъ монастырь о молебствіи и двухнедѣльномъ постѣ, по случаю голода и мятежей въ Москвѣ и *другихъ* городахъ, въ Акт. Эксп. IV. № 30. О томъ, что самъ царь выходилъ къ народу съ образомъ и уговаривалъ мятежниковъ, говорится въ Распросныхъ рѣчахъ гостя Стоянова (Дополн. къ Ак. Ист. III. № 66); только неясно, къ какому моменту это относится, и тѣмъ болѣе, что тутъ невѣрно обозначено 12 іюня.

Вотъ еще нѣкоторыя причины народнаго недовольства передъ мятежомъ, указанныя источниками:

По словамъ Олеарія, ради увеличенія казенныхъ доходовъ сдѣланы были желѣзные аршины съ клеймомъ, изображающимъ орла, и пущены въ продажу по цѣнѣ впятеро превышающей ихъ стоимость; при чемъ употребленіе старыхъ аршиновъ запрещено во всемъ государствѣ подъ опасеніемъ большой пени. (Рус. перев. 269). Столичные обыватели, дворяне и посадскіе жаловались на то, что бояре и вообще знатныя лица захватили окрестности Москвы подъ загородные дворы и огороды, лишая обывателей выгона для скота и лѣса для дровъ, а монастыри и ямщики выгоны и дороги распахали въ пашню. (Зерцаловъ. «Чт.» 1890. III. 19. «Кунцево и Древній Сѣтунскій станъ». Забѣлина). Многочисленныя помѣщичьи дворни часто питали злобу на своихъ господъ за ихъ жестокое обращеніе. Нѣкоторые отъ нестерпимыхъ побоевъ выбѣгали на улицу и ложно кричали государево *слово и дѣло*, чтобы ихъ взяли въ Разрядъ для допроса. Многіе дворяне и дѣти боярскіе были недовольны заведенными въ Москвѣ строгими порядками для ночной безопасности: стрѣлецкіе и солдатскіе караулы на перекресткахъ спрашивали, кто идетъ или ѣдетъ; при чемъ останавливали всѣхъ ѣдущихъ или идущихъ безъ фонаря и отводили въ приказъ. Отсюда происходили ссоры и драки съ объѣзжими головами, рѣшеточными приказчиками и сторожами. (Олеарій. 188. Зерцаловъ. Приложеніе VII).

Въ № IV Зерцаловскихъ приложеній къ «Зем. Собор.» Латкина челобитная служилаго человѣка Протасьева о томъ, что во время Московскаго мятежа разграбленъ сундукъ съ имуществомъ, оставленный имъ на храненіе у дьяка Ларіонова; при чемъ изодраны были его помѣстныя, закладныя и купчія грамоты. Онъ проситъ возобновить эти грамоты. Многіе бояре и служилые люди послѣ сего мятежа также подаютъ челобитье о возобновленіи погибшихъ у нихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ грамотъ на земельныя имущества. (См. у того же Зерцалова въ «Чт. О. И. и Д.» 1890. III). Между прочимъ, у бояръ Б. И. Морозова и его брата Глѣба при разграбленіи ихъ дворовъ погибло нѣсколько десятковъ грамотъ купчихъ, послушныхъ, жалованныхъ и пр. Нѣкоторыя по ихъ челобитью были вновь выданы имъ изъ Помѣстнаго приказа. (Ibid. Прилож. VIII). Тутъ же встрѣчаемъ челобитья служилыхъ и приказныхъ людей — погорѣльцевъ, просящихъ о вспоможеніи или объ отпускѣ въ деревню. (Ibid. и Рус. Ист. Библ. X. 412.)

О мятежѣ въ городѣ Козловѣ и попыткахъ къ нему въ Талицкомъ острогѣ см. тѣ же извлеченные изъ Архива Зерцаловымъ акты въ приложеніяхъ у Латкина, №№ I, II, III, V и VI, и въ «Чт.». 1890 г. Казаковъ, стрѣльцовъ и черныхъ людей г. Козлова взбунтовалъ своими разсказами о столичныхъ событіяхъ пріѣхавшій изъ Москвы «полковой казакъ Сафонъ Кобызевъ съ товарищи»; а въ г. Талицкѣ (на р. Соснѣ) то же сдѣлали три кузнеца-оружейника, присланные изъ Москвы. (Зерц. ibid. 28.) Какое впечатлѣніе и какіе толки иногда вызывали московскіе мятежи въ народѣ и даже среди служилаго или помѣщичьяго сословія, показываетъ «грамотка» или письмо нѣкоего Семена Колтовскаго изъ Каширскаго уѣзда къ своему дядѣ Порфирію.

Между прочимъ, онъ пишетъ: «И нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ, и ты государь насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ, а надежа ваша съ Иваномъ Владычнинымъ (дьякомъ Помѣстнаго приказа) вся переслылась, и вы не надѣйтеся. Нонѣча кому вы посулъ давали, совсѣмъ они пропали, и лебеди твои остались у Бориса Морозова, а Назарей Чистой и съ деньгами пропалъ». (Зерцаловъ. «Чт.» 1887. III. 50). Кстати: по челобитной вдовы Чистого Агаѳьи, дано ей государева жалованья на поминки мужа 50 рублей. (Ibid. 51).

О мятежахъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ у Соловьева. X. Гл. II. Примѣч. 35 и 36 со ссылками на Моск. Главн. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. (Дѣла приказныя 1649 г. № 41. Дѣло 1648 г. № 87 и 1649 г. № 8). Можетъ-быть, не безъ связи съ московскими смутами произошло въ томъ же 1648 году броженіе въ сибирскихъ городахъ, выразившееся челобитьемъ на ихъ воеводъ. А въ Томскѣ служилые и жилецкіе люди подняли открытый бунтъ противъ воеводы кн. Ос. Ив. Щербатова подъ руководствомъ его товарища Бунакова и дьяка Патрикѣева. Воеводу они самовольно отставили и заперли его на воеводскомъ дворѣ. При разборѣ этого дѣла въ Сибирскомъ приказѣ кн. Щербатый пытался обвинить Бунакова въ томъ, будто онъ хочетъ на Оби «Донъ заводить» и «Сибирью завладѣть». А Бунаковъ обвинялъ Щербатова въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Калмыцкими тайшами. См. Оглоблина «Къ исторіи Томскаго бунта 1648 года». («Чт. О. И. и Д. 1903. Кн. III»).

3. Источники для исторіи Уложенія и Земскаго Собора 1648 — 49 гг. Назначеніе Уложенной коммиссіи, созывъ выборныхъ людей и челобитья. Дворц. Разр. III. 95. С. Г. Г. и Д. III. № 129. Акты Эксп. IV. № 29. (Память Обонежской пятины Нагорной половины губному старостѣ о присылкѣ выборнаго отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, «человѣка добра и смышлена, кому бъ государевы и земскія дѣла за обычай»; ѣхать ему въ Великій Новгородъ «съ запасомъ безъ всякаго мотчанья», чтобы поспѣть въ Москву къ 1 сентября). №№ 32 и 33. (Челобитья выборныхъ людей: относительно закладчиковъ съ ихъ новыми слободами и торговыми льготами и относительно запрещенія монастырямъ пріобрѣтать вотчинныя земли). Дополн. къ Акт. ист. IV. № 47. (Челобитья гостей, гостинной, суконной и черныхъ сотенъ и слободъ о своихъ нуждахъ, о пополненіи нѣкоторыхъ сотенъ и пр.). Акты ист. IV. № 30. Здѣсь отмѣна сроку для сыска бѣглыхъ крестьянъ; а до того былъ срокъ 10-лѣтній. Въ Дополн. къ Акт. ист. III. № 33, въ октябрѣ 1647 года, назначается 15-лѣтній срокъ для вывоза крестьянъ Заонежскихъ погостовъ, жившихъ за Соловецкимъ монастыремъ. Г. Мейчикъ въ Сборн. Археолог. Инст. III. Стр. 100 указываетъ на 15-лѣтнюю давность по кабаламъ. Самое Уложеніе въ I томѣ П. С. Р. Зак. Отдѣльное изданіе 1776 г. Первое изданіе, въ количествѣ 1200 экземпляровъ, начато печатаніемъ 7 апрѣля 1649 г., а окончено 20 мая. Въ томъ же году было напечатано и второе изданіе въ томъ же количествѣ. (Г. Мейчикъ, въ назван-

номъ выше Сборникѣ, на стр. 116, полагаетъ, что было напечатано и третье изданіе въ томъ же году). Подлинный свитокъ Уложенія въ 1767 году разыскивался по порученію Екатерины II и найденъ былъ въ помѣщеніи Мастерской и Оружейной палаты въ желѣзномъ сундукѣ. Этотъ свитокъ, будучи развернутъ, имѣетъ около 434 аршинъ длины (по измѣренію Миллера). Императрица велѣла сдѣлать для него серебряный ковчегъ съ позолотою. Теперь онъ хранится въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Кромѣ Леонтьева и Грибоѣдова, свитокъ скрѣпленъ подписями думскихъ дьяковъ Гавренева, Елизарова и Волошенинова. Изъ 315 лицъ, подписавшихся подъ Уложеніемъ, 171 были грамотны; за остальныхъ подписались другіе. Кромѣ того, извѣстны еще 25 человѣкъ Собора, совсѣмъ не подписавшихся. Судя по подписямъ найденнаго свитка Уложенія, наличныхъ членовъ Боярской Думы участвовало въ Земскомъ соборѣ 29, а Освященнаго собора 13 или 14. Итого болѣе 40 членовъ собора составляли родъ Верхней палаты. А выборныхъ или членовъ Нижней палаты, слѣдовательно, было около 300, считая съ неподписавшимися. Что этотъ Земскій соборъ былъ созванъ подъ давленіемъ мятежнаго времени для народнаго умиротворенія, о томъ свидѣтельствовалъ впослѣдствіи патріархъ Никонъ слѣдующими словами: «И то всѣмъ вѣдомо, что сборъ былъ не волей, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». (Зап. Отд. Рус. и Славян. Археологіи. II. 526.)

Литература предмета, наиболѣе заслуживающая вниманія. У Павла Потоцкаго есть разсужденіе объ Уложенной книгѣ, но тутъ говорится, собственно, о царской тиранніи. (Opera omnia. Varsoviae. 1747. 176—177). «Объ источникахъ, изъ коихъ взято Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» (Моск. Телеграфъ, изд. Полевымъ. 1831. № 7.). *Строева* «Историкоюридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ». М. 1833. Проф. *Морошкина* актовая рѣчь въ Москов. университетѣ «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи». М. 1839. *Линовскаго* «Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложеннаго въ Уложеніи ц. Алекс. Мих-ча». Одесса. 1847. *Забѣлина* «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи ц. Ал. Мих.». (Архивъ истор.-юрид. свѣдѣній, изд. Калачевымъ. Кн. I. М. 1850). Рецензія на эту статью у Кавелина (Соч. III). *Щапова* «Земскій соборъ 1648—1649 г. и Собраніе депутатовъ 1767 г.». («Отечеств. Зап.» 1862. № 11). *Шпилевскаго* актовая рѣчь «Объ источникахъ Русскаго права въ связи съ развитіемъ государства». (Учен. зап. Казанскаго универс. 1862. Вып. 2). Проф. *Сергѣевича* «Земскіе соборы въ Москов. государствѣ». (Сборникъ государств. знаній. Изд. Безобразова. Т. II. Спб. 1875). Проф. *Владимірскаго-Буданова* «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложенія ц. Ал. Мих-ча». (Ibid. T. IV. Спб. 1877). Его же «Обзоръ исторіи Рус. права». Вып. I. Кіевъ. 1886. Проф. *Бѣляева* «Лекціи по исторіи Рус. законодательства». М. 1879. Проф. *Загоскина* «Уложеніе ц. Ал. Мих. и Земскій соборъ 1648—1649 гг.». (Актовая рѣчь. Учен. зап. Казан. универс. 1879. Январь—февраль). *Мейчика* и *Воденюка* «Поѣздка слушателей Археологич.

Института въ Москву». (Сборникъ сего Института. Кн. 2. Спб. 1879). *Мейчика* «Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія» и «По поводу» выше названной актовой рѣчи Загоскина. (Сборн. Археолог. Инст. Кн. 3 и 4. Спб. 1880); въ первой статьѣ въ примѣч. 8 находятся свѣдѣнія о личностяхъ и послужные списки членовъ коммиссіи для составленія Уложенія, т.-е. князей Одоевскаго, Прозоровскаго, Волконскаго, дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова, а также кн. Ю. А. Долгорукова. А въ прим. 9 вѣдомость числа выборныхъ отъ разныхъ городовъ, посадовъ, тягловыхъ сотенъ и слободъ, въ алфавитномъ порядкѣ. *Платонова* «Замѣтка по исторіи Московскихъ Земскихъ соборовъ». (Ж. М. Н. Пр. 1883. № 3). *Латкина* «Земскіе соборы древней Руси». Спб. 1885. *Зерцалова* «Новыя данныя о Земскомъ соборѣ 1648—1649 гг. («Чт. О. И. и Д.» 1887. III. Въ приложеніяхъ краткія біографич. свѣдѣнія и послужные списки о князьяхъ Долгорукомъ, Одоевскомъ и Прозоровскомъ). *Тиктина* «Византійское право какъ источникъ Уложенія и новоуказныхъ статей». Одесса. 1898. *Борисова* «Къ вопросу объ изданіи Уложенія царемъ Ал. Мих-чемъ». (Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, изд. Археол. Институтомъ. Вып. II. Спб. 1899). *Шмелева* «Объ источникахъ Соборнаго Уложенія 1649 г.» (Ж. М. Н. Пр. 1900. Октябрь). *Алексѣева* «Новый документъ къ исторіи Земскаго собора 1648—1649 гг. (Труды Археологич. коммиссіи Москов. Археол. Общества. Т. II. Вып. I. М. 1900). Тутъ приложены три грамоты: двѣ челобитныхъ отъ Гаврила Малышева, выборнаго курскихъ дѣтей боярскихъ, и «Береженая грамота» ему. Этотъ выборный подалъ царю свое сѣтованіе на то, что Курчане въ праздничные дни не ходятъ въ церковь, а занимаются ночными игрищами, на которыхъ бражничаютъ, творятъ блудъ, скаканія на качеляхъ и реляхъ, скоморошьи бѣсовскія пѣсни и пр.; за что Богъ покаралъ ихъ разореніемъ отъ Литвы, Татаръ и саранчи. Царь далъ указъ о прекращеніи сихъ игрищъ. Малышевъ жалуется царю, что нѣкоторые Курчане за сіе обличеніе стали его преслѣдовать и грозить чуть ли не убійствомъ. Царь приказалъ выдать ему осубую «береженую грамоту», запрещавшую всякое преслѣдованіе. Авторъ названной статьи пытается этими документами доказать, что выборные въ городахъ получали родъ наказовъ на соборъ; но изъ означенныхъ приложенныхъ грамотъ такой выводъ едва ли вытекаетъ.

Приведемъ изъ названныхъ авторовъ нѣкоторыя мнѣнія и выводы о значеніи и состава Уложенія.

Кавелинъ дѣлаетъ вѣроятную догадку, что составители Уложенія пользовались записными или указными книгами приказовъ, въ которыя вносились вновь выходившіе законы и постановленія, относившіеся къ кругу ихъ вѣдомства. Владимірскій-Будановъ указываетъ на большія заимствованія изъ Литовскаго Статута, и насчитываетъ 172 заимствованныя изъ него статьи, но считаетъ такое заимствованіе свободнымъ, не буквальнымъ, а переработаннымъ въ «духѣ Московскаго права», и говоритъ, что Уложеніе есть *итогъ* предшествовавшаго московскаго законодательства, его *сводъ*, несмотря на чужіе источники. По его объясненію во введеніи къ нему не названъ Литовскій Статутъ по-

тому, что заимствованныя изъ него статьи уже заключались въ указныхъ книгахъ приказовъ, откуда онѣ и попали въ Уложеніе. (Еще прежде подобное мнѣніе высказалъ И. Е. Забѣлинъ). Загоскинъ, говоря, что Уложеніе легло «краеугольнымъ камнемъ въ основѣ Русскаго законодательства до самого изданія Свода законовъ, указываетъ на очень дѣятельное участіе членовъ собора въ составленіи «Новыхъ статей»; таковыхъ новыхъ статей, составленныхъ при ихъ участіи, онъ насчитываетъ до 80. Но Мейчикъ находитъ это число преувеличеннымъ, такъ какъ часть ихъ взята была изъ прежнихъ узаконеній, и уменьшаетъ ихъ количество до 60. Латкинъ какъ на источникъ ссылается еще на обычное право, но глухо и неопредѣленно. Шмелевъ относительно новыхъ статей также считаетъ однимъ изъ источниковъ «мнѣнія и челобитныя выборныхъ людей»; но самымъ важнымъ источникомъ полагаетъ Указныя книги приказовъ. Изъ царскихъ Судебниковъ взято немного, около 36 статей. Стогловъ также былъ въ числѣ источниковъ Уложенія. Часть его статей кромѣ того взята изъ источниковъ досслѣ неизвѣстныхъ. Есть заимствованія изъ Номоканона или Кормчей, слѣдовательно, изъ Эклогъ, Прохирона, Новеллъ Юстиніана и правилъ Василія Великаго. Жестокій характеръ уголовнаго права въ Уложеніи именно объясняется вліяніемъ Византійскаго права и отчасти Литовскаго Статута (мучительныя наказанія, отсѣченіе членовъ, сожженіе, окапываніе въ землѣ и пр.). Вообще, по выводу г. Шмелева, Уложеніе не является «строго національнымъ кодексомъ».

При изданіи Уложенія произошелъ любопытный случай мѣстничества нѣкоторыхъ группъ между собою, именно гостей съ дьяками. Гости били челомъ государю на дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова въ томъ, что они, желая затѣснить гостей, поставили ихъ въ печатной Уложенной книгѣ ниже дьяковъ. (Въ X главѣ при опредѣленіи платы за безчестье.) Государь «пожаловалъ» гостей, велѣлъ во второмъ изданіи Уложенія поставить ихъ выше дьяковъ, за исключеніемъ думныхъ. Тогда послѣдовало челобитье отъ дьяка Приказа Казанскаго дворца Ларіона Лопухина о томъ, чтобы его имя помѣстить выше дьяковъ: оказалось, что «онъ взятъ изъ дворянъ въ дьяки». Государь велѣлъ впредь ему этотъ случай въ безчестье не ставить». (Иванова «Описаніе государственнаго Разряднаго архива». 345.) Но обыкновенно дьяки при торжественныхъ царскихъ пріемахъ по разрядамъ стояли выше гостей. А потому, спустя 10 лѣтъ, т.-е. въ 1659 г., 20 апрѣля вышелъ боярскій приговоръ о бытіи дьячему чину выше гостиннаго имени. (П. С. Зак. I. № 247). Относительно награды, если не всѣмъ, то нѣкоторымъ выборнымъ людямъ имѣемъ слѣдующій фактъ: нижегородцу Семену Голтину въ 1652 г. прибавлено къ денежному окладу 5 рублей за то, что въ 1649 г. онъ «былъ по выбору городовыхъ всякихъ чиновъ людей на Москвѣ со княземъ Никитою Ив. Одоевскимъ», т.-е. при Уложеніи. (Акты Москов. Госуд. II. № 457). Любопытно, что въ Яблоновъ велѣно отправить экземпляръ Уложенной книги, который остался послѣ князя Бор. А. Рѣпнина. (Ibid. № 465).

Челобитная стольниковъ, стряпчихъ и т. д. вмѣстѣ съ торговыми людьми о воспрещеніи иностранцамъ торговать въ другихъ городахъ, кромѣ Архангельска, въ 1649 г. (Сборникъ князя Хилкова. 238 стр. № 82). Англичане хвалились, что заставятъ Московскихъ гостей торговать одними лаптями. (Акты Эксп. IV. № 7). Указъ объ отмѣнѣ торговыхъ привилегій Англичанъ въ С. Г. Г. и Д. III. № 138.

4. «Житіе святѣйшаго патріарха Никона, писанное нѣкоторымъ бывшимъ при немъ клирикомъ» (Шушеринымъ). Спб. 1817. Къ сожалѣнію, для дѣтства и молодыхъ лѣтъ Никона это единственный источникъ, основанный на собственныхъ разсказахъ патріарха, и у насъ нѣтъ средствъ его провѣрить. Всѣ послѣдующіе біографическіе труды о немъ въ отношеніи сихъ лѣтъ основаны на томъ же источникѣ. Каковы: Новоспасскаго архимандрита *Аполлоса* «Начертаніе житія и дѣяній Никона». (У меня изд. 4-е. М. 1845). «Никонъ, патріархъ Всероссійскій». Соч. Н. А. А. Съ изображеніемъ. (Чт. О. И. и Д. 1848. № 5). «Жизнь свят. Никона патріарха Всероссійскаго». Изданіе Воскресенскаго монастыря. М. 1878. *Снѣгирева* «Новоспасскій монастырь». *Досифея* «Описаніе Соловецкой обители». Т. II. «Исторія Рос. іерархіи». (О Кожеезерской обители). У Востокова въ «Рукописяхъ Румянц. музея». № LII. *Погодина* «Замѣчанія о родинѣ патріарха Никона и его противникахъ». (Москвит. 1854. № 19). О поставленіи Никона въ Новгородскаго митрополита см. П. С. Р. Лѣт. III. 190 и 273. О пріемахъ патр. іерусалим. Паисія въ Дворц. Разр. III. 113—116. Грамота Паисія Никону о червленыхъ источникахъ въ С. Г. Г. и Д. III. № 135. Переписка митроп. Никона съ софійскимъ казначеемъ Никандромъ (три письма) въ XV выпускѣ «Вѣстника Археологіи и Исторіи», изд. Археологич. Институтомъ. Спб. 1903. Переписка царя съ Никономъ во время его путешествія въ Соловки въ С. Г. Г. и Д. III. №№ 147 (молебная грамота къ св. Филиппу), 149—154. Письмо царя о кончинѣ патр. Іосифа въ Акт. Эксп. IV. № 57. Далѣе, Дворц. Разр. III. 296—323. Выходы. 260—261. О кружкѣ Стеф. Вонифатьева и его отношеніяхъ къ Никону, см. «Матеріалы для исторіи раскола», изд. братствомъ св. Петра митроп. I. 47 и V. 17—19. Избраніе Никона въ патріархи и сцены въ соборѣ. См. письмо самого Никона Константин. партіарху Діонисію (Записки Отд. Рус. и Слав. Археологіи. II. 511—513) и возраженія Никона Стрѣшневу и Паисію Лигароду (Ibid. 480—481). Митроп. Макарій въ своей «Исторіи Рус. Церкви» (XII. Прим. 2) указываетъ на чинъ избранія, нареченіе и посвященіе патр. Никона, сохранившійся въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ; при чемъ справедливо отвергаетъ разсказъ въ житіи Иларіона, митроп.Užд. (Казань. 1868), будто вмѣстѣ съ Никономъ были избраны еще два кандидата, будто брошенный жребій палъ на іеромонаха Антонія, отца Иларіонова, и будто Антоній, за старостію, отказался отъ избранія.

Источники для мятежей въ Новгородѣ и Псковѣ. Гл. XVII Олеарія («Чт. О. И. и Д.» 1868. Кн. 4), Шушерина Житіе Никона. Дополн. къ Актамъ Ист. III. № 74 («Акты, относящіеся къ Псковскому бунту»). Тутъ посылка

епископа Рафаила съ выборными людьми изъ дворянъ, гостей и торговыхъ сотенъ, инструкція ему, увѣщательныя грамоты царя и патріарха и пр. Дворц. Разр. III. 164—165 и 181. Акты Эксп. IѴ. № 46. Здѣсь патріаршая окружная грамота о занесеніи убитыхъ въ 1650 году подъ Псковомъ въ вѣчный синодикъ для ежегоднаго поминовенія 18 іюля. Приведены имена убитыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ и нѣсколькихъ казаковъ — всего до 76 человѣкъ. Отсюда видно, какіе жестокіе бои производили псковскіе мятежники. Въ X томѣ *Исторіи Россіи* Соловьева о Новгородскомъ и Псковскомъ мятежахъ сообщены многія до того неизвѣстныя подробности со ссылками на Архивъ М. Ин. Д. «Приказныя дѣла» 1650 года, №№ 24, 53, 63, 64, 85 и дѣло 1651 г. № 71. По отношенію къ Никону эти подробности не вполнѣ сходятся съ разказомъ Шушерина. Въ «Актахъ Моск. Госуд.», II. №№ 432 (бой воеводы Хованскаго съ товарищи на Снѣтной горѣ противъ Псковичей), 471 (о придачѣ окладовъ чинамъ, участвовавшимъ въ перенесеніи мощей св. Филиппа). Въ помянутомъ выше трудѣ Якубова «Россія и Швеція» («Чт. О. И. и Д.» 1898. Кн. I) помѣщено нѣкоторое количество актовъ, относящихся къ Псковскому и Новгородскому мятежамъ. Любопытны въ особенности челобитныя Псковичей царю (341—366); здѣсь перечислены причины народнаго неудовольствія (убавка жалованья, иноземцы, судебные позвы въ Москву); тутъ и просьба, чтобы на судѣ съ воеводами были земскіе старосты и выборные люди. Но на просьбы отказъ (375). Далѣе заслуживаютъ вниманія отписки князя Ив. Хованскаго о военныхъ дѣйствіяхъ противъ псковскихъ мятежниковъ и челобитная жителей Опочки, чтобы ихъ защитили отъ сихъ мятежниковъ, такъ какъ городъ ихъ безъ острогу, который выгорѣлъ.

Связный и довольно подробный разсказъ о Тимошкѣ Акиндиновѣ или Анкудиновѣ находимъ только у Олеарія, который посвящаетъ ему главу XII. Нѣкоторыя неточности его исправляются и онъ пополняется разными подробностями, благодаря актамъ: Южной и Западной Россіи. III. №№ 306—311, 318, 319. IX. №№ 33 и 34. (Главнымъ образомъ переговоры съ Хмѣльницкимъ о выдачѣ вора). Дополн. къ Ак. Ист. IѴ. № 138 (о томъ же переговоры со Шведскимъ правительствомъ). С. Г. Г. и Д. III. № 132. Такъ же у Бантышъ Каменскаго въ Обзорѣ внѣшнихъ сношеній. IѴ. 169. С. Г. Г. и Д. III. № 132. (Свидѣтельство Тимошки, данное одному Венеціанцу въ благодарность за гостепріимство и услуги 1648 г.). О самозванцахъ Анкудиновѣ и Вергуненкѣ еще нѣкоторыя подробности у Соловьева «Исторія Россіи». X. Прим. 22, 53—56, 71, со ссылками на Арх. М. Ин. Д., на дѣла Турецкія, Польскія, Малороссійскія, Шведскія и Гоштинскія. Письмо Тимошки къ дворянину Вас. Унковскому, пріѣзжавшему въ Чигиринъ къ Б. Хмѣльницкому въ 1650 г. (Тихонравова «Лѣтописи Рус. Литературы и древности». Т. I. М. 1859). Объ участіи московскаго агента иноземца Гебдона въ поимкѣ Анкудинова у Гурлянда «Иванъ Гебдонъ». Ярославль. 1903. стр. 8.

5. О Хмѣльницкомъ, его столкновеніяхъ съ Чаплинскимъ и бѣгствѣ въ Запорожье. Источники и литература предмета: «Памятники», изд. Времен. Кіев. Коммиссіей. К. 1848. Т. I. Отд. 3. №№ 1. (Исчисленіе обидъ отъ Чаплинскаго въ письмѣ Хмѣльницкаго къ в. гетману Потоцкоту), 2 (письмо Потоцкаго королю о посылкахъ въ Запорожье къ Хмѣльницкому, чтобы уговаривать его). Акты Юж. и Зап. Рос. Т. III. №№ 238 (тарабарское письмо царскаго гонца дьяка Кунакова изъ Смоленска въ Москву»), 243 («Записки дьяка Григорія Кунакова о Казацкой войнѣ съ Поляками»). «Акты Южной и Запад. Россіи». X. № 8. (Привилей кор. Владислава IV Хмѣльницкому на Суботово въ 1646 году, представленъ для записи въ Кіевскихъ грод. книгахъ Тимошемъ сыномъ Богдана; въ немъ говорится, что Михаилъ, отецъ Богдана, былъ чигиринскимъ подстаростою). «Акты Москов. государства». II. №№ 324, 332 и 357. (Извѣстія: о посылкѣ Хмѣльницкимъ къ Крымскому хану за помощью противъ Ляховъ; о запретѣ польскими властями на Украйнѣ никого не пропускать за поле на Ворсклу гулящихъ людей станицами и ватагами и жидовъ на варницы, чтобы въ Запорожье къ *пану Хмѣльницкому* и къ казакамъ никто не ходилъ; о томъ, что много гулящихъ людей бѣгутъ къ Хмѣльницкому, съ которымъ король будто бы заодно противъ пановъ). Лѣтописи Грабянки, Самовидца и Самоила Величка. Разборъ ихъ и вышеназванныхъ писемъ въ Памят. Врем. Коммиссіи съ указаніемъ противорѣчій, недостовѣрностей и легендарной примѣси въ диссертаціи Г. Ѳ. Карпова «Начало исторической дѣятельности Богдана Хмѣльницкаго». М. 1873. И въ диссертаціи Н. Н. Буцинскаго «о Богданѣ Хмѣльницкомъ». Харьковъ. 1888. (Какъ и предыдущая, она основана отчасти на неизданныхъ архивныхъ документахъ и даетъ болѣе положительные выводы). Труды Бантышъ Каменскаго «Исторія Малой Россіи». Изд. 3-е. М. 1842. Три части. Н. Маркевича «Исторія Малой Россіи».М.1842—1843, пять частей. Эти два труда по общей исторіи Малороссіи заключаютъ въ себѣ много матеріала для данной эпохи, но мало исторической критики. Въ популярномъ изложеніи извѣстное сочиненіе Костомарова «Богданъ Хмѣльницкій». Два тома. Изъ польскихъ, вообще иностранныхъ источниковъ и литературы укажемъ: Пасторія Bellum Scythico-Cosacium. Dantisci. 1652. Шевалье Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. Paris. 1663. Веспасіана Коховскаго Annalium Poloniae ab obitu Wladislai IV. Climacter Primus. Cracoviae. 1683. Гродзскаго Historia belli cosaco-polonici. Войцыцкаго Pamiętniki do panowania Żygmunda III, Wlad. IV и Jana Kazimerza, I. Нѣмцевича Zbiór pamiętników o dawnej Polsce. T. V. Лейпцигъ. 1840. Тутъ помѣщенъ «Дневникъ Богуслава Казиміра Машкевича» (состоявшаго на службѣ у Вишневецкаго) 1643—1649 гг. Русскій переводъ сего дневника въ «Мемуарахъ, относящихся къ исторіи Южной Руси». Вып. 2. Шайнохи «Dwa lata dziejów naszych. Tom drugi. 1869. (Съ приложеніемъ разныхъ матеріаловъ, заимствованныхъ изъ переписки той эпохи). А. Ефименка «Очерки исторіи правобережной Украйны» по I. Ролле. (Кіевская Ста-

рина. 1894. Октябрь). Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Три тома. («Чт. О. И. и Д.» 1888. Кн. 2 и 4. 1889. Кн. 1). Послѣднее сочиненіе обилуетъ любопытными подробностями и сужденіями, но слишкомъ тенденціозно по крайней враждебности къ Хмѣльницкому и казакамъ и по пристрастію къ такимъ выдающимся польскимъ вождямъ, какъ Вишневецкій. Дѣльныя возраженія ему представлены въ статьѣ Карпова «Въ защиту Богдана Хмѣльницкаго» («Чт. О. И. и Д.» 1889. Кн. I).

Что касается королевскихъ грамотъ, хитростію захваченныхъ Хмѣльницкимъ у Барабаша, то помянутыя малороссійскія лѣтописи, хотя и называютъ ихъ казацкими привилеями, но, по всей вѣроятности, тутъ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о секретной королевской грамотѣ, относившейся къ построенію судовъ для Черноморскаго похода. Самовидецъ говоритъ только въ этомъ смыслѣ. По его версіи Хмѣльницкій послалъ къ женѣ Барабаша съ ключомъ отъ скрыни, а по Самоилу Величку шапку и хустку; у Грабянки прибавленъ перстень. По лѣтописи Величка, Хмѣльницкій рано по-утру 7 декабря, передъ бѣгствомъ въ Запорожье, заѣзжалъ къ себѣ въ Суботово и взялъ оттуда сына Тимоѳея; но источники и самъ Хмѣльницкій въ своихъ письмахъ съ Запорожья утверждаютъ, что Суботово было у него уже отобрано Чаплинскимъ. Впрочемъ, изъ источниковъ не ясно: все ли Суботовское помѣстье было отобрано или часть его съ хуторомъ Суботовкой. Самовидецъ говоритъ о пришедшей къ Хмѣльницкому казацкой залоги съ Томаковки (стр. 7), а Грабянка о какой-то польской залогѣ въ Запорожьѣ (40). Кунаковъ говоритъ, что съ Хмѣльницкимъ убѣжало 300 человѣкъ, что Потоцкій послалъ въ погоню 500 Черкасъ, да 300 Ляховъ. (Въ каждомъ реестровомъ полку тогда предполагалось по 800 Черкасъ и по 200 Ляховъ, всего 1000). Хмѣльницкій склонилъ Черкасъ на свою сторону, а Поляковъ побили. Но въ актахъ, письмахъ и польскихъ источникахъ этого факта нѣтъ. У Величка (I. 32—46) приведены письма или листы Хмѣльницкаго къ Барабашу, Шембергу, Потоцкому и Конецпольскому. Объ изгнаніи Хмѣльницкимъ залоги Корсунцевъ съ острова Буцка сообщаетъ Машкевичъ подъ 15 февраля. Потоцкій въ своемъ письмѣ королю («Памятники» Кіев. Ком. I. Отд. 3., стр. 8) говоритъ, что Хмѣльницкій началъ бунтъ съ 500 человѣкъ, которые и ударили на реестровую залогу, а количество людей, укрѣпившихся на островѣ Буцкѣ, опредѣлялось въ 3000. Но болѣе вѣроятно слѣдующее извѣстіе, приведенное въ письмѣ неизвѣстнаго Поляка отъ 2 апрѣля: «Этого сброду на островѣ по крайней мѣрѣ 1.500 человѣкъ, потому что всѣ пути заставлены, чтобы тамъ не копились люди». (Ibid. 20). Онъ же сообщаетъ, что неуплаченное за 5 лѣтъ реестровымъ казакамъ жалованье простирается до 300.000 злотыхъ. Слѣдующее письмо, отъ того же 2 апрѣля, подольскаго судьи Луки Мясковскаго къ канцлеру Оссолинскому извѣщаетъ о запасахъ провіанта на островѣ и пороховомъ заводѣ, и пророчески прибавляетъ: «Вотъ что надѣлала жадность полковниковъ (конечно, поставленныхъ Поляками); война съ ними (казаками) будетъ продолжительная и трудная» (21).

Еще болѣе разнорѣчія и неясности представляютъ источники относительно переговоровъ Богдана съ Крымомъ. Величко въ раздѣлахъ VII, VIII первой части подробно разсказываетъ о поѣздкѣ его, пребываніи въ Бахчисараѣ, переговорахъ съ мурзами и Исламъ Гиреемъ и объ отпускѣ изъ Крыма. И эти факты досель принимались историческими писателями на вѣру. Но само указанное время сей поѣздки, первое число марта, уже недостовѣрно: по другимъ извѣстіямъ Хмѣльницкій только что прогналъ реестровую залогу и началъ укрѣпляться на островѣ Буцкѣ, а объ его поѣздкѣ въ Крымъ они молчатъ. (Памят. Кіев. Ком.). Лѣтопись Грабянки упоминаетъ о посольствѣ отъ Богдана въ Крымъ, а не объ его личной поѣздкѣ (41). Самовидецъ такъ же говоритъ о «посланцахъ до хана Крымскаго» и взаимной присылкѣ «знатныхъ мурзъ до Хмѣльницкаго» (7). А эти лѣтописи по своему происхожденію старше Величка, который писалъ уже въ XVIII вѣкѣ; хотя онъ и ссылается на какой-то діаріушъ самого Хмѣльницкаго, составленный имъ при посредствѣ своего секретаря волынца Самоила Зорки, а впослѣдствіи переписанный гетманскимъ канцеляристомъ Иваномъ Быховцемъ (I. 54). Кунаковъ даетъ понять, что Хмѣльницкій самъ не ѣздилъ въ Крымъ, а посылалъ туда довѣренныхъ лицъ; при чемъ относительно татарченка велѣлъ сказать его отцу знатному мурзѣ, что отдастъ ему сына безъ выкупа, если тотъ пріѣдетъ самъ. Мурза пріѣхалъ, взялъ сына и договорился съ Богданомъ о походѣ на весну (280—281). Наконецъ, московскіе агенты дали знать московскому правительству изъ Крыма въ апрѣлѣ 1648 года, что къ хану въ Бахчисарай пріѣхали четыре человѣка отъ запорожскихъ Черкасъ и просили о принятіи въ холопство и о помощи противъ Поляковъ. Здѣсь также не говорится, чтобы Хмѣльницкій ѣздилъ самъ къ хану. (Акты Юж. и Зап. Рос. III. № 172). В. Д. Смирновъ въ своемъ трудѣ («Крымское Ханство». 539), говоря объ Исламъ Гиреѣ, полагаетъ, что Хмѣльницкій самъ ѣздилъ въ Крымъ. Но его источники этого не говорятъ. Однако слухъ о такой поѣздкѣ очевидно въ то время уже существовалъ. Это подтверждаетъ и Павелъ Алеппскій, который выражается въ такомъ смыслѣ, что самъ Хмѣльницкій ѣздилъ къ хану. («Чт. О. И. и Д.» 1897. IV. 10.) О торжественномъ избраніи Хмѣльницкаго гетманомъ 19 апрѣля повѣствуетъ тотъ же Величко, а другіе источники о томъ молчатъ. Но по ходу событій видно, что именно около этого времени Хмѣльницкій начинаетъ именовать себя старшимъ войска Запорожскаго. Величко число собравшихся на раду опредѣляетъ въ 30.000; при чемъ въ походъ на Украйну рѣшено отпустить съ Богданомъ «войска Запорожскаго коннаго не больше отъ осми или десяти тысячъ». Судя по разнымъ даннымъ, первое число, вѣроятно, преувеличено втрое, а второе—вдвое.

Относительно сношеній казаковъ съ Владиславомъ IV, повидимому, самъ Хмѣльницкій измышлялъ разныя вѣсти. Такъ, въ іюнѣ 1648 года онъ поручаетъ стародубцу Гр. Климову сообщить въ Москвѣ по секрету приказнымъ людямъ, будто Ляхи сами извели короля, когда узнали, что онъ по-

сылалъ въ Запороги грамоту къ прежнему гетману (Барабашу), «чтобы сами за вѣру Греческаго закона стояли, а онъ де король будетъ имъ на Ляховъ помощникъ. И тотъ де королевскій листъ достался ему, Хмѣльницкому, и онъ де надѣяся на то, войско собралъ и на Ляховъ стоитъ». (Акты. Юж. и Зап. Рос. III. № 205. стр. 216). Впрочемъ, у Альбр. Радзивила есть извѣстіе, что Владиславъ казаковъ и самаго Хмѣльницкаго секретно принималъ въ своемъ покоѣ (II. 299).

6. Кунаковъ, Грабянка, Самовидецъ, Величко, Твардовскій, Коховскій, каноникъ Юзефовичъ, Ерличъ, Альбрехтъ Радзивилъ, Машкевичъ, «Памятники» Кіев. Коммиссіи, Акты Юж. и Зап. Россіи, Акты Москов. Государства, Supplementum ad Hist. Rus. monumenta, Архивъ Юго-Запад. Россіи и пр.

Памятники. I. Отд. 3. Адамъ Кисель въ письмѣ къ примасу-архіепископу Лубенскому отъ 31 мая 1648 г. упоминаетъ о своихъ совѣтахъ не раздѣлять польское войско и не ходить въ Запорожье (№ 7). Письмо львовскаго синдика о Желтоводскомъ и Корсунскомъ пораженіи. Тутъ сообщается, что Хмѣльницкій, стоявшій подъ Бѣлою Церковью, «называетъ себя уже княземъ Русскимъ» (№ 10). Польскій допросъ одного изъ агентовъ Хмѣльницкаго, разосланныхъ по Украйнѣ, именно Яремы Концевича. Чтобы скрыть свое казацкое званіе, агенты «носятъ запущенные волосы». Духовенство помогаетъ возстанію; напримѣръ, луцкій владыка Аѳанасій послалъ Кривоносу 70 гаковницъ, 8 полубочекъ пороху, 7.000 деньгами, чтобы напасть на Олыку и Дубно. Священники православные посылаютъ вѣсти другъ другу изъ города въ городъ. Православные мѣщане въ городахъ сговариваются между собою, какъ помочь казакамъ; одни обѣщаютъ зажечь городъ при ихъ нападеніи, другіе насыпать песку въ пушки и т. п. (№ 11). Письмо отъ 12 іюня Хмѣльницкаго къ Владиславу IV, тогда уже умершему. Исчисленіе казацкихъ жалобъ, поданныхъ на Варшавскомъ сеймѣ 17 іюля, за подписью Хмѣльницкаго. Отвѣты на сіи жалобы. (№№ 24, 25 и слѣд.). Письмо Кривоноса отъ 25 іюля къ князю Доминику Заславскому, съ жалобой на злодѣйства Ереміи Вишневецкаго, который «отсѣкалъ головы и сажалъ на колъ невеликихъ людей, а священникамъ пробуравливалъ глаза» (№ 30). Письмо Киселя къ канцлеру Оссолинскому, отъ 9 августа, о разореніи его имѣнія Гущи казаками; при чемъ «жиды всѣ вырѣзаны, дворы и корчмы сожжены» (№ 35). Письмо подольскаго судьи Мясковскаго, отъ того же 9 числа, о взятіи Бара штурмомъ отъ казаковъ. «Наивреднѣе были московскіе гуляй-городы, за которыми измѣнники приказали идти поселянамъ» (№ 36). По сообщенію Киселя, Кривоносъ за свою жестокость по приказу Хмѣльницкаго былъ посаженъ на цѣпь и прикованъ къ пушкѣ, но потомъ освобожденъ на поруки. У Хмѣльницкаго будто бы въ августѣ было 180.000 казаковъ и 30.000 Татаръ (№№ 38 и 40). О дѣйствіяхъ подъ Константиновымъ и Острогомъ (№№ 35, 41, 45, 46, 47, 49). Подъ Константиновымъ въ отрядѣ Александра Конецпольскаго въ числѣ начальниковъ упоминается «храбрый» панъ Чаплинскій (№ 51). Этимъ опровергается легенда Величка о

томъ, что послѣ Желтыхъ водъ Хмѣльницкій послалъ въ Чигиринъ отрядъ захватить своего врага, котораго и казнилъ. Впрочемъ, самъ Богданъ опровергаетъ сію легенду, требуя не разъ отъ Поляковъ выдачи ему Чаплинскаго. О переговорахъ коммиссіи Киселя съ казаками въ Переяславѣ записки одного изъ коммиссаровъ, Мясковскаго (№№ 57, 60 и 61). Объ условіяхъ, врученныхъ Киселемъ, см. такъ же у Кунакова, 288—289, Коховскаго, 109, и въ Supplem. ad. Hist. Rus. mon. 189. Новицкаго «Адамъ Кисель, воевода Кіевскій». («Кіев. Старина». 1885. Ноябрь). Авторъ, между прочимъ, изъ Księga Michałowskiego приводитъ латинскіе стихи-пасквиль на нелюбимаго Поляками, Ад. Киселя и даже на его мать. Напр.: Adde quod matrem olim meretricem Nunc habeat monacham sed incantatricem.

Акты Юж. и Запад. Россіи. III. Отъ 17 марта Ад. Кисель извѣщаетъ путивльскаго воеводу о бѣгствѣ въ Запорожье одной 1000 или немного болѣе казаковъ Черкасскихъ; «а старшимъ у нихъ простой хлопъ, нарицаемый Хмѣльницкій», который думаетъ бѣжать на Донъ и вмѣстѣ съ Донцами учинить морской набѣгъ на Турецкую землю. (Возможно, что подобный слухъ въ началѣ распускался не безъ участія самого Богдана). А отъ 24 апрѣля тотъ же Кисель въ письмѣ къ московскимъ боярамъ извѣщаетъ ихъ, что польское войско пошло «полемъ и Днѣпромъ» на измѣнника Хмѣльницкаго и выражаетъ надежду на скорую его казнь, если онъ не убѣжитъ въ Крымъ; а на случай прихода Орды напоминаетъ, что по заключенному недавно договору московскія войска должны придти на помощь Полякамъ (№№ 163 и 177). Подробности объ элекціи и коронаціи Яна Казиміра (№ 243. Зап. Кунакова).

Акты Москов. Госуд. т. II. Извѣстія 1648—1649 гг.: о взятіи Кодака, о Желтоводской и Корсунской битвѣ, о переходѣ лейстровыхъ къ Хмѣльницкому; странные слухи о королѣ, въ родѣ того, что онъ бѣжалъ въ Смоленскъ, или что онъ заодно съ казаками, хотя народъ встаетъ за православную вѣру. Поляки и жиды бѣгутъ за Днѣпръ, т.-е. съ лѣвой стороны на правую, ихъ иногда поголовно истребляютъ при взятіи какого-либо города. Лѣвобережные жители молятъ Бога быть подъ царской высокой рукой. Очевидно съ самаго начала этой истребительной войны лѣвая сторона тянетъ къ Москвѣ (№№ 338, 341—350). Извѣстія 1650—1653 годовъ: донесенія Бѣлгородскаго воеводы о моровомъ повѣтріи въ Черкасскихъ городахъ; о походахъ Тимоѳея Хмѣльницкаго въ Молдавію, о Бѣлоцерковскомъ договорѣ, о томъ, что правая сторона тянетъ къ Польшѣ, о жалобахъ жителей на Богдана за его союзъ съ Татарами, опустошавшими землю, о союзѣ Донскихъ казаковъ съ Калмыками противъ Татаръ, о полковникахъ нѣжинскомъ Ив. Золотаренкѣ и полтавскимъ Пушкарѣ, о вмѣшательствѣ Турціи и пр. (№№ 468, 470, 485, 488, 492—497 и т. д.) *Supplementum ad Hist. Rus. monumenta.* Универсалъ изъ Варшавы пановъ-рады о королевской элекціи и войнѣ съ казаками; при чемъ говорится, что Русь т.-е. казаки уже не прежніе легко вооруженные съ лукомъ и стрѣлами, а теперь они съ огненнымъ боемъ

(177). Далѣе письма Хмѣльницкаго Киселю, Заславскому, къ сенатору изъ подъ Львова, къ Вейеру коменданту Замостья, письмо короля къ Хмѣльницкому подъ Замостье и пр. *Архивъ Югозапад. Россiи.* ч. II. т. I. №№ XXIX—XXXI. Инструкцiи волынскимъ посламъ на сеймъ въ мартѣ 1649 году.

По донесенiямъ Кунакова, не одно казацко-татарское нашествiе, но также слухи о московскихъ приготовленiяхъ отобрать Смоленскъ и другiе города побудили Поляковъ поспѣшить выборомъ короля и распорядиться укрѣпленiемъ Смоленска (Ак. Юж. и Зап. Рос. III. стр. 306—307).

Относительно миссiи Якова Смяровскаго и отступленія отъ Замостья см. основанную на рукописныхъ источникахъ статью Александра Краусгара, помѣщенную въ одномъ польскомъ сборникѣ 1894 года и сообщенную въ русскомъ переводѣ въ декабрьскомъ № *Кiевской старины* за 1894 г. О торжественныхъ встрѣчахъ Хмѣльницкому по возвращенiи изъ-подъ Замостья говорятъ каноникъ Юзефовичъ и Грабянка. О плѣненiи Татарами ремесленниковъ, оголявшихъ головы по-польски, сообщаетъ Самовидецъ. Его подтверждаетъ слѣдущiй фактъ: вышепомянутый стародубецъ Гр. Климовъ подъ Кiевомъ былъ схваченъ Татарами; но когда казаки «увидѣли, что у него хохла нѣтъ, взяли его у Татаръ къ себѣ». (Акты Юж. и Зап. Рос. III. № 205). О женитьбѣ Богдана на кумѣ своей Чаплинской («за позволенiемъ Цареградскаго патрiарха») говорятъ Грабянка, Самовидецъ и Твардовскiй. Маловѣроятныя подробности о томъ въ дневникѣ комиссаровъ Киселя (*Памятники.* I. отд. 3. стр. 335—339): будто бѣглый патрiархъ Iерусалимскiй проѣздомъ въ Москву обвѣнчалъ въ Кiевѣ Хмѣльницкаго заочно, такъ какъ Чаплинская была тогда въ Чигиринѣ. Онъ послалъ ей подарки съ монахомъ; но сынъ Хмѣльницкаго Тимошка, «настоящiй разбойникъ» напоилъ его водкой и обрилъ ему бороду, а жена Хмѣльницкаго дала ему только 50 талеровъ. Патрiархъ будто бы далъ Богдану титулъ «свѣтлѣйшаго князя» и благословилъ его «въ конецъ истребить Ляховъ». О томъ же патрiархѣ и женитьбѣ Богдана упоминаетъ Коховскiй (111). Кунаковъ говоритъ о патрiархѣ Iерусалимскомъ Паисiи, который въ бытность свою въ Кiевѣ благословилъ Хмѣльницкаго утвердить на Руси Греческую вѣру, очистить ее отъ унiи; потому и была не успѣшна комиссiя Киселя (понятно поэтому вышеприведенное враждебное ея отношенiе къ Паисiю). Къ сему патрiарху Паисiю Хмѣльницкiй отправилъ съ украинскими старцами тайный наказъ, сочиненный писаремъ Ив. Выговскимъ (Акты Юж. и Зап. Рос. III. №№ 243 и 244). Въ статейномъ спискѣ Кунакова о его посольствѣ въ Варшавѣ между прочимъ приводятся главныя лица пановъ-рады того времени; а также любопытны его сообщенiя о переговорахъ Марiи Людвиги съ Яномъ Казимiромъ относительно выхода за него замужъ. (№ 242.)

О Пилявцахъ см. *Памятники* (№№ 53 и 54), Кунакова, а также польскихъ писателей Коховскаго, Машкевича и Твардовскаго. Подъ Пилявцами, повидимому, палъ извѣстный самозванецъ Янъ Фаустинъ Луба, если вѣрить

противорѣчивому извѣстію у Кунакова. (Стр. 283, 301 и 303). Коховскій сообщаетъ, что послѣ Пилявицъ Хмѣльницкій присвоилъ себѣ власть и силу владѣтельнаго герцога (vim ducis et auctoritatem complexus), только безъ сего титула. Онъ раздавалъ должности окружавшимъ его лицамъ, каковы: Чарнота, Кривоносъ, Калина, Евстахій, Ворончепко, Лобода, Бурлай; но самымъ вліятельнымъ при немъ сдѣлался Іоаннъ Выговскій, завѣдующій писарствомъ. Этотъ Выговскій, шляхтичъ греческой религіи, прежде служилъ въ Кіевскомъ судѣ, за поддѣлку въ актахъ былъ присужденъ къ смертной казни, но заступленіемъ знатныхъ людей избѣжалъ ея, и тогда поступилъ въ войско (81) Коховскій же приводитъ кликъ: «За вѣру, молодцы, за вѣру!» (А на стр. 36 слова Потоцкаго Калиновскому: praesente parocho cesserit jurisdictio vicarii). Коховскимъ пользовался львовскій каноникъ Юзефовичъ, въ чемъ самъ сознается, когда пришлось ему подробнѣе описывать осаду Львова Хмѣльницкимъ и отыскивать иные источники (151). Тутъ между прочимъ онъ разсказываетъ о чудесныхъ видѣніяхъ въ католическихъ храмахъ и монастыряхъ, предвозвѣщавшихъ спасеніе отъ непріятелей. Woyna Domowa Самоила Твардовскаго, написанная польскими стихами и напечатанная въ 1681 году, въ старинномъ малорусскомъ переводѣ Стеф. Савецкаго, писаря полка Лубенскаго, помѣщена въ IV томѣ Лѣтописи Величка, подъ заглавіемъ «Повѣсть о Казацкой съ Поляками войнѣ». Тутъ есть нѣкоторыя подробности. Напримѣръ, о взятіи Тульчина сначала полковникомъ Ганжою, потомъ Остапомъ, объ убіеніи князя Четвертинскаго собственнымъ хлопомъ и захватѣ его жены полковникомъ (12—13). Нѣсколько иначе этотъ фактъ у Коховскаго (48): Czetwertinius Borovicae in oppido interceptus; violata in conspectu uxore ac enectis liberis, demum ipse a molitore proprio ferrata pila medius proeceditur. (Тоже подробнѣе у Юзефовича. 129). Коховскій, упоминая о взятіи Кодака (57), ошибочно называетъ его комендантомъ француза Марьона, который былъ при первомъ его взятіи Сулимой въ 1635 году. На Кодакъ былъ посланъ Хмѣльницкимъ нѣжинскій полковникъ Шумейко, который принудилъ коменданта Гродзицкаго сдаться, въ концѣ 1648 г. (Дневникъ Машкевича. «Мемуары». Вып. 2. стр. 110. Примѣчанія). О Кодацкомъ замкѣ, его гарнизонѣ въ 600 человѣкъ и Днѣпровскихъ порогахъ, числомъ 12, см. у Машкевича на стр. 412—413 перевода. По Машкевичу войско гетмана Радивила шло по Днѣпру къ Лоеву въ 1649 г. на байдакахъ, устроивъ на нихъ гуляй-города (438). Ibid въ примѣч. на стр. 416 ссылка на Гейсмана «Сраженіе при Желтыхъ водахъ». Саратовъ. 1890. Онъ указываетъ желтую банку противъ Саксагана, а мѣстомъ битвы считаетъ село Жолте на сѣверо-западной окраинѣ Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

Нѣкоторыя, не всегда достовѣрныя, извѣстія о данныхъ событіяхъ находимъ у Ерлича. Напримѣръ, по поводу внезапной кончины Владислава IV, прошелъ слухъ, будто на охотѣ гайдукъ его, стрѣляя въ бѣгущаго оленя, попалъ въ гнавшагося за нимъ короля. Казаки реестровые, измѣнившіе Полякамъ, «разомъ снявъ шапки», бросились на нихъ. Комиссаръ казацкій

Шембергъ, попавшій въ плѣнъ на Желтыхъ водахъ, былъ обезглавленъ казаками. Онъ же сообщаетъ о пристрастіи Николая Потоцкаго къ напиткамъ и къ молодымъ паннамъ, о массовомъ бѣгствѣ изъ своихъ имѣній шляхты съ женами и дѣтьми на Волынь и въ Польшу послѣ Корсунскаго пораженія, когда хлопы вездѣ взбунтовались и принялись истреблять жидовъ и шляхту, грабить ся дворы, насиловать ся женъ и дочерей (61—68). По Ерличу и Радзивилу, со Львова взято окупу 200.000 злотыхъ, по Юзефовичу — 700.000 польскихъ флориновъ, по Коховскому—100.000 imperialium. Точно такъ же относительно числа войска, особенно казацкаго и татарскаго, въ источникахъ большое разногласіе и частое преувеличеніе.

Ерличъ, православный, но полуополяченный шляхтичъ и помѣщикъ, съ ненавистью относится къ Хмѣльницкому и возставшимъ казакамъ. Въ томъ же родѣ встрѣчаются разныя извѣстія у Альбрехта Радзивила въ его Pamiętnikахъ (т. II). Изъ нихъ между прочимъ узнаемъ, что воротившіеся изъ Москвы польскіе послы Кисель и Пацъ отдавали въ сенатѣ отчетъ о своемъ посольствѣ съ большими насмѣшками надъ Москалями. Онъ сообщаетъ объ измѣнѣ русскихъ людей при взятіи казаками городовъ Полоннаго, Заслава, Острога, Кореца, Менджижеча, Тульчина, объ избіеніи шляхты, мѣщанъ и особенно жидовъ; его Олыка также измѣною его подданныхъ попала въ руки казаковъ. Онъ перечисляетъ ихъ безчинства, жестокости и кощунства надъ католическими костелами и святынями; при чемъ приводитъ пророчество одного умиравшаго мальчика: quadragesimus octavus mirabilis annus. О сильномъ приливѣ посполитыхъ и горожанъ въ войско и новыхъ реестровыхъ полкахъ, у Самовидца (19—20). Коховскій называетъ XVII казацкихъ легіоновъ, но перечисляетъ 15, а при упоминаніи именъ полковниковъ выходитъ у него нѣкоторое разногласіе (115 стр.). У Грабянки перечислены 14 полковъ съ полковниками послѣ Зборова. (94). «Реестра войска Запорожскаго», составленная также послѣ Зборовскаго договора, приводитъ 16 полковъ («Чт. Об. И. и Др.» 1874. Кн. 2). Въ Актахъ Юж. и Зап. Росс. (Т. VIII, № 33) также послѣ Зборова «полковъ у гетмана учинено шестнадцать», и тутъ они перечислены (на 351 стр.) съ именами полковниковъ; Иванъ Богунъ начальствуетъ двумя полками, Кальницкимъ и Черниговскимъ.

7. О посольствѣ Смяровскаго и его убіеніи у Ерлича (98). *Памятники*. I. III. Стр. 404 и 429. Księga Михаловскаго. №№ 114 и 115. Рукописный Сборникъ изъ библіотеки гр. Хрептовича (239), гдѣ переписка гетмановъ коронныхъ и короля съ Хмѣльницкимъ. Ibid. русская *пѣснь* латинскими буквами о Богданѣ Хмѣльницкомъ, подъ 1654 г. (277). Осада Збаража: Коховскій, Твардовскій, Юзефовичъ, Самовидецъ и Грабянка. О шляхтичѣ, пробравшемся къ королю, говорятъ Твардовскій и Грабянка, но разнятся въ подробностяхъ. Грабянка называетъ его Скретускій (72). По Твардовскому и Коховскому, Хмѣльницкій употребилъ при этой осадѣ по московскому обычаю гуляй-городъ для приступу къ валамъ, но неудачно; упоминаются мины и контрмины. Юзефовичъ считаетъ подъ Збаражемъ только 12.000

Поляковъ, а казаковъ и Татаръ 300.000! Переписка короля, хана и Хмѣльницкаго подъ Зборовымъ въ *Памятникахъ*. I. 3. №№ 81—85. Зборовскій договоръ въ С. Г. Г. и Д. III. № 137. (Тутъ польскій текстъ и русскій переводъ не всегда точный). Нѣкоторыя извѣстія о Збаражѣ и Зборовѣ въ *Актахъ Юж.* и *Запад. Рос.* Т. III. №№ 272—279, особенно №№ 301 (Донесенія Кунакова объ осадѣ, битвѣ и договорѣ, свиданіи короля съ ханомъ и Хмѣльницкимъ, который будто бы при семъ свиданіи обошелся съ королемъ гордо и сухо, потомъ о негодованіи хлоповъ на Хмѣльницкаго за договоръ, на основаніи чего Кунаковъ пророчитъ возобновленіе войны) и 303 (отписка путивльскихъ воеводъ о тѣхъ же событіяхъ и Зборовскихъ статьяхъ). Т. X. № 6 (также о сихъ статьяхъ). *Архивъ Юго-запад. Россіи.* Ч. II Т. I. № XXXII. (О возвращеніи православныхъ церквей и духовныхъ имѣній на основаніи Зборовскаго договора).

Въ подробностяхъ о пораженіи подъ Берестечкомъ, бѣгствѣ хана и Хмѣльницкаго источники не мало разнорѣчатъ. Нѣкоторые польскіе авторы говорятъ, что ханъ задержалъ у себя Богдана какъ бы плѣнникомъ. (См. Буцинскаго. 95). Тоже повторяетъ записка подьячаго Григорія Богданова. (Акты. Юж. и Зап. Р. III. № 328. стр. 466). Но украинскіе лѣтописцы, напр., Самовидецъ и Грабянка, ничего подобнаго не говорятъ. Также и полковникъ Семенъ Савичъ, посланецъ гетмана въ Москвѣ, ничего не говоритъ о насильственномъ задержаніи Хмѣльницкаго (Акты Ю. и З. Р. III. № 329). Достовѣрнѣе, что Хмѣльницкій самъ не захотѣлъ безъ Татаръ вернуться къ своимъ полкамъ. А ханъ, судя отчасти по тѣмъ же источникамъ, объяснялъ свое бѣгство просто паникой. Но г. Буцинскій указываетъ извѣстіе одного украинскаго писателя, по которому ханъ бѣжалъ, усмотрѣвъ измѣну ему со стороны казаковъ и Хмѣльницкаго, и на этомъ единственномъ основаніи полагаетъ, что подозрѣніе хана было не безосновательно (93—94. Со ссылкою на «Краткое Историч. Описаніе о Малой Россіи»). Современный планъ битвы подъ Берестечкомъ, сохранившійся въ портфелѣ короля Ст. Августа, приложенъ къ первому тому у Бантышъ-Каменскаго.

Бѣлоцерковскій договоръ, Батогъ, Сучава, Жванецъ и послѣдующія событія: Грабянка, Самовидецъ, Величко, Юзефовичъ, Коховскій. С. Г. Г. и Д. III. № 143. *Памятники.* III. Отд. 3. №№ 1 (письмо Киселя королю отъ 24 февр. 1652 г. о Бѣлоцерковскомъ договорѣ, съ совѣтомъ поступать съ Хмѣльницкимъ возможно мягче, чтобъ поссорить его съ Татарами), 3 (письмо изъ Стокгольма бывшаго подканцлера Радзеевскаго къ Хмѣльницкому мая 30 того же года; при чемъ онъ хвалитъ королеву Христину, которая можетъ воевать Поляковъ, и потому хорошо бы заключить съ нею союзъ. Это письмо было перехвачено Поляками), 4 (о пораженіи Поляковъ подъ Батогомъ), 6 (письмо гетмана польскаго Станис. Потоцкаго Хмѣльницкому въ августѣ 1652, съ совѣтомъ положиться на милость короля). Относительно брака Тимоша съ Роксандой см. статью Венгржеповскаго «Свадьба Тимоѳея Хмѣльницкаго». (*Кіевская Старина.* 1887. Май.) О стяжательности Бог-

дана свидѣтельствуетъ и документъ, напечатанный въ *Кіев. Стар.* (1901 г. № I. подъ заглавіемъ «Пасѣка Б. Хмѣльницкаго»); изъ него видно, что Богданъ у нѣкоего Шунганя отнялъ пасѣку, находившуюся въ Черномъ лѣсѣ, который отстоялъ отъ Чигирина верстъ на 15. (Александр. уѣзда, Херсон. губ.). Вторая жена Богдана, бывшая Чаплинская, «родомъ Полька», по словамъ лѣтописцевъ (Грабянка, Твардовскій), умѣла ему угождать: разодѣтая въ роскошное платье, она подносила гостямъ горѣлку въ золотыхъ кубкахъ, а для мужа растирала табакъ въ черенкѣ, и сама вмѣстѣ съ нимъ напивалась. По польскимъ слухамъ, бывшая Чаплинская вошла въ связь съ однимъ часовымъ мастеромъ изъ Львова, и будто бы они сообща похитили у Богдана одинъ изъ зарытыхъ имъ боченковъ съ золотомъ, за что онъ велѣлъ ихъ обоихъ повѣсить. А по словамъ Величка, это сдѣлалъ въ отсутствіе отца Тимоѳей, который велѣлъ свою мачеху повѣсить на воротахъ. По всѣмъ признакамъ эти извѣстія имѣютъ легендарный характеръ; на что указываетъ и Венгржеповскій въ названной выше статьѣ. По сему поводу любопытно сообщеніе въ Москву грека старца Павла: «маія въ 10 день (1651) пришла къ гетману вѣсть, что не стало жены его, и о томъ гетманъ зѣло былъ кручиненъ». (Акты Юж. и Зап. Рос. III. № 319. Стр. 452). О нападеніи Хмѣльницкаго на часть Орды и ея погромѣ около Межигорья говоритъ Величко. I. 166.

О подданствѣ Хмѣльницкаго Турціи говорятъ Твардовскій (82) и Грабянка (95). См. Костомарова «Богданъ Хмѣльницкій данникъ Оттоманской Порты». (*Вѣстникъ Европы* 1878. XII). Около 1878 года авторъ нашелъ въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, именно въ Польской Коронной Метрикѣ, нѣсколько актовъ 1650—1655 гг., подтверждающихъ подданническія отношенія Хмѣльницкаго къ Турецкому султану, каковы турецкая грамота султана Махмета и греческія грамоты съ латинскимъ переводомъ, писанныя Хмѣльницкимъ къ Крымскому хану. Изъ этой переписки видно, что Богданъ даже послѣ присяги на Московское подданство продолжаетъ хитрить и объясняетъ султану и хану свои отношенія къ Москвѣ просто договорными условіями о полученіи помощи противъ Поляковъ. Г. Буцинскій въ своей выше названной монографіи (стр. 84 и слѣд.) также утверждаетъ турецкое подданство Богдана и основывается на тѣхъ же документахъ Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Онъ приводитъ письма къ Богдану нѣкоторыхъ турецкихъ и татарскихъ вельможъ и грамату къ нему цареградскаго патріарха Парѳенія; сей патріархъ, принявшій и благословившій пословъ Хмѣльницкаго, прибывшихъ къ Султану, погибъ жертвою клеветы господарей Молдавскаго и Волошскаго. По сему поводу г. Буцинскій ссылается на «Исторію Сношеній Россіи съ Востокомъ» свящ. Никольскаго. Къ тому же времени онъ относитъ письмо Кромвеля къ Богдану. (Со ссылкой на *Кіев. Старину* 1882 г. Кн. I. стр. 212). Документы о турецкомъ подданствѣ потомъ отчасти напечатаны въ Акт. Юж. и Зап. Россіи. См. Т. XIV. № 41. (Письмо янычарскаго паши къ Хмѣльницкому въ концѣ 1653 года).

8. О пограничныхъ столкновеніяхъ, перебѣжчикахъ, контрабандѣ, обоюдныхъ грабежахъ, вѣсти о событіяхъ въ Польшѣ и возстаніи Хмѣльницкаго, и сношенія Хмѣльницкаго съ Москвою. Акты Юж. и Запад. Россіи. III. №№ 108—331 (съ перерывами). Въ Дополненіяхъ къ этому тому №№ 3—89. Въ Дополн. къ IX тому №№ 3—11 и 23. Акты Моск. Госуд. II. № 467. Среди вѣстей встрѣчается много слуховъ и предположеній, на дѣлѣ оказавшихся невѣрными. Любопытна между прочимъ отписка путивльскаго воеводы Плещеева отъ 5 іюня 1649 г. Онъ извѣщаетъ царя о большомъ наплывѣ казаковъ и мѣщанъ, уходящихъ изъ Украйны и Литвы «блюдяся Поляковъ». Многіе литовскіе люди живутъ подъ видомъ торговли хлѣбной и соляной. «И нынѣ, государь, въ Путивлѣ и Путивльскомъ уѣздѣ литовскихъ людей больше твоихъ государевыхъ людей, и въ смутное, государь, время отъ нихъ какого дурна не учинилось». Воевода спрашиваетъ указа, какъ поступать съ этими выходцами. По поводу посольства полковника Мужиловскаго къ царю и царскаго ему и его казакамъ жалованья, любопытно извѣстіе, что въ Москвѣ казаки показали свое буйство: они перепились и чуть не убили своего полковника, который спасся къ Грекамъ, стоявшимъ съ ними на одномъ подворьѣ. (№ 250). Хмѣльницкій прислалъ въ подарокъ царю коня и лукъ съ полковникомъ Вешнякомъ. Аргамачья конюшня произвела ихъ оцѣнку (что было нужно для отдариванія): «жеребецъ темносѣръ, лысъ, бѣлогубъ, семи лѣтъ. грива направо, цѣна сорокъ пять рублей». «Луку цѣна три рубля съ полтиною». (№№ 252—254). Это было въ іюнѣ 1649 г. А въ августѣ 1653 г. гетманъ, отпуская царскаго посланца подьячаго Ѳомина, дарилъ ему то же самое: «лошадь да лукъ ядринской», кромѣ 25 ефимковъ (№ 343). Такой же обычай дарить коня и лукъ видимъ у Крымскаго хана (Машкевичъ. 416). Выписки изъ четырехъ изданныхъ въ Польшѣ книгъ, оскорбительныхъ для Московскаго правительства и народа (№ 313). Статья Востокова въ *Кіевской Старинѣ* (1887. Августъ) «Первыя сношенія Б. Хмѣльницкаго съ Москвою». Основана главнымъ образомъ на столбцахъ Сибирскаго приказа, хранящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Тутъ, собственно, о посольствѣ Мужиловскаго въ Москву и Унковскаго къ Хмѣльницкому. Превосходная и обширная диссертація В. О. Эйнгорна «Сношенія Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ». М. 1899. Гл. I. О назаретскомъ митрополитѣ Гавріилѣ см. Палестинскій Сборникъ. Вып. 52. Спб. 1900. Предисловіе С. О. Долгова къ «Повѣсти о святыхъ мѣстахъ града Іерусалима, приписываемой Гавріилу назаретскому архіепископу». Акты Юж. и Запад. Рос. VIII. Дополненія. №№ 3—39. Тутъ много невѣрныхъ или спутанныхъ извѣстій о войнѣ Хмѣльницкаго съ Поляками. Образцы ихъ см. въ №№ 7 и 9. Любопытно, почему Крымцы были очень возбуждены противъ подданства Украйны Москвѣ: тогда «имъ отъ Московскаго царя житья не будетъ» (№ 13). Статейный списокъ Григорія Неронова и подьячаго Богданова о посольствѣ ихъ къ Хмѣльницкому въ октябрѣ и декабрѣ 1649 (№ 32). Изъ него узнаемъ, какъ жена гетмана обидилась на то, что сыновьямъ его дано по парѣ соболей, а ей ни-

чего; тогда и ей дали пару въ 10 руб. У Хмѣльницкаго въ это время видимъ двухъ писарей: Ивана Выговскаго и Ивана Кречовскаго. Богдановъ говоритъ о физическихъ и умственныхъ достоинствахъ царя и его «хотѣньи къ рыцарскому строю». Хмѣльницкій сообщаетъ, будто Крымскій ханъ хочетъ освободиться отъ турецкой зависимости съ помощью казаковъ, и что Запорожское войско тогда пойдетъ въ Турецкую землю «зипунъ добыть». Переписка Хмѣльницкаго съ Никономъ 1653 года въ №№ 38 и 39. Тутъ же Выговскій сообщаетъ письмо литовскаго гетмана Радивила къ тестю своему Василію Лупулу, чтобы тотъ убѣждалъ Хмѣльницкаго покориться Польшѣ и дать сына въ заложники. С. Г. Г. и Д. III. №№ 148 (посольство Ив. Искры отъ Хмѣльницкаго въ Москву), 156 (похвальная грамота Хмѣльницкому и всему войску Запорожскому съ извѣщеніемъ о посылкѣ ближняго стольника Стрѣшнева и дьяка Бредихина съ государевымъ жалованьемъ). Акты Юж. и Зап. Рос. X. № 3. Тутъ 23 документа. Въ томъ числѣ статейный списокъ съ любопытными подробностями о посольствѣ Стрѣшнева и Бредихина, и ихъ переговорахъ съ Хмѣльницкимъ и Выговскимъ. Не желая долго ждать Хмѣльницкаго, посланники тщетно хлопотали, чтобы ихъ отвезли къ нему; даже предлагали переодѣться казаками, чтобы не возбуждать вниманія. Но чигиринскій наказной полковникъ Томиленко не соглашался, подъ предлогомъ опасности отъ татарскихъ загоновъ. Въ концѣ ноября ихъ повезли было навстрѣчу возвращавшемуся гетману на Корсунь и Умань. Но они разъѣхались съ нимъ и, послѣ долгихъ блужданій по разнымъ городамъ, опять пріѣхали въ Чигиринъ. Тутъ ихъ принялъ Выговскій, сообщилъ имъ разныя подробности о событіяхъ и по обыкновенію увѣрялъ въ своей преданности и усердіи къ его царскому величеству.

9. Относительно Земскаго Собора 1651 г. см. *Латкина* «Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія». (Изслѣдованіе его «Земскіе соборы древней Руси». 231 и слѣд. со ссылками на Архивъ Мин. Юстиціи, Спб. 1885). *Дитятина* о земскихъ соборахъ («Рус. Мысль». 1883. № 12). Въ Актахъ Моск. Госуд. (II. № 459 подъ 1651 г.) есть извѣстіе о выборѣ въ Крапивнѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ къ великому *земскому и литовскому дѣлу*. Ясно, что рѣчь идетъ о Земскомъ Соборѣ 1651 года. Дворяне выбрали двухъ человѣкъ. А вмѣсто двухъ посадскихъ воевода самъ назначилъ сына боярскаго, да пушкаря; за что получилъ выговоръ. О польскихъ неправдахъ говорится также въ наказѣ посланникамъ къ императору Фердинанду III. («Памятники дипломатическихъ сношеній» III. 95—97). Актъ земскаго собора 1653 года изданъ въ С. Г. Г. и Д. III. № 157. П. С. З. I. № 104. Акты Юж. и Зап. Рос. X. № 2. Общее содержаніе этого акта въ Дворц. Разр. III. 369—372. Болѣе полный экземпляръ его, извлеченный г. Латкинымъ изъ Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ, напечатанъ имъ въ приложеніяхъ къ помянутому его изслѣдованію, 434 и далѣе. Разныя сужденія о семъ соборѣ: Соловьева «Исторія Россіи». Т. X. «Рус. Вѣст.» 1857. Апрѣль. К. Аксакова «Сочиненія». I. 207. Дитятина помянутый трудъ.

Платонова «Замѣтки по исторіи Земскихъ Соборовъ». Ж. М. Н. Пр. 1883. № 3. Г. Латкинъ справедливо доказываетъ, что засѣданіе 1 октября было только заключительнымъ, торжественнымъ на Соборѣ 1653 года, что начались его засѣданія съ 5 іюня, а выборы для него производились въ маѣ. Въ подтвержденіе приведено изъ Дворц. Разр. (III. 372) извѣстіе, что въ тотъ же день 1 октября было объявлено боярину Бутурлину съ товарищи посольство на Украйну для принятія присяги. Слѣдовательно, оно заранѣе было приготовлено согласно съ состоявшимся уже соборнымъ приговоромъ. На основаніи невѣрнаго дотолѣ представленія объ однодневномъ засѣданіи собора, какъ указываетъ Латкинъ, происходила неправильная полемика Соловьева съ Аксаковымъ о значеніи его въ ряду земскихъ соборовъ вообще. (239—241). Царь Алексѣй, 24 апрѣля 1654 года отпуская кн. Ал. Ник. Трубецкого и другихъ воеводъ въ походъ, сказалъ ратнымъ людямъ: «Въ прошломъ году были соборы не разъ, на которыхъ были отъ васъ выборные, отъ всѣхъ городовъ дворяне по два человѣка; на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ польскихъ королей». (Соловьевъ. X. стр. 359 перваго изданія. Изъ Польскихъ дѣлъ Моск. Арх. М. Ин. Д.). Очевидно здѣсь разумѣются разныя засѣданія Собора 1653 г. Акты Моск. Госуд. II. №№ 527, 530, 535, 538. (Вѣсти изъ Путивля и Чернигова о Хмѣльницкомъ и Выговскомъ, ихъ и полковниковъ угрозы перейти въ Турецкое подданство въ случаѣ отказа царя принять Запорожское войско. Посольство Арт. Матвѣева къ Богдану. Смотръ украинскихъ дѣтей боярскихъ для приготовленія ихъ къ походу и пр.). Посольство боярина В. В. Бутурлина съ товарищи, Переяславская рада, грамоты Хмѣльницкому, жалованныя статьи Войску Запорожскому, поведеніе Сильвестра Коссова и Тризны и другія подробности сего историческаго момента см. С. Г. Г. и Д. III. №№ 159—168, 171, 174. Дворц. Разр. III. Акты Юж. и Зап. Рос. VIII. № 40 въ приложеніяхъ. X. № 1. А самое обстоятельное изложеніе событій въ томъ же X т. № 4. Между прочимъ, здѣсь (251 полустр.) роспись стольниковъ и дворянъ, посланныхъ для принятія присяги въ слѣд. 17 полковъ: Чигиринскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Черкасскій, Каневскій, Уманскій, Браславскій, Кіевскій, Паволочскій, Винницкій, Кропивенскій, Переяславскій, Черниговскій, Нѣжинскій, Миргородскій, Прилуцкій, Полтавскій. № 5. Общій итогъ присягнувшихъ: въ Кіевѣ всякихъ людей 1.460, въ Нѣжинѣ — 1.944, въ Черниговѣ — 1.105. Всего самими послами приведено — 4.793; стольниками и дворянами въ 17 полкахъ «приведено къ вѣрѣ»—122.545. Итого 127.338. По росписи полковъ (приведены не всѣ полки), видно значительное неравенство въ населеніи. Такъ, въ Каневскомъ полку казаковъ и мѣщанъ 4.084, да въ самомъ Каневѣ—2.577; въ Корсунскомъ—6.075; въ Нѣжинскомъ—20.566; въ Полтавскомъ—13.244; въ Миргородскомъ—4.798. Вообще въ Лѣвобережной Украйнѣ населеніе гуще; въ Правобережной, опустошенной послѣдними войнами, рѣже. Въ южныхъ полкахъ, напр., Винницкомъ и Браславскомъ, встрѣчается много «пустыхъ» (т.-е. запустѣвшихъ) городовъ и мѣстечекъ; нѣкоторые города «за пустотою

стали мѣстечки» (303—306). Въ приложеніи къ № 5 см. Описаніе городовъ и селъ Бѣлоцерковскаго и Нѣжинскаго полковъ съ переписью жителей, присягнувшихъ царю. Въ Дворц. Разр. (III. 397) сообщается, что всего принято въ подданство 167 городовъ, и приведена роспись, сколько ихъ въ какомъ полку; но названы только 11 полковъ вмѣсто 17. (Ibid. о присылкѣ съ сеунчемъ стрѣлецкаго головы Артамона Сергѣева сына Матвѣева). Относительно числа полковъ въ разное время см. сровнительную таблицу у Маркевича въ т. V. 112—113.

Торжественное объявленіе наградъ Бутурлину съ товарищи происходило по Дворц. Разр. 26 марта въ самое Свѣтлое Воскресенье (III. 405—406), а по Актамъ Юж. и Зап. Рос. 29 марта въ среду на Святой (X. 286). О тайныхъ сношеніяхъ митрополита Сильвестра съ Поляками см. донесеніе по-польски одного изъ его посланцевъ къ нимъ, Крыпицкаго («Чт. О. И. и Д.» 1861. Кн. 3. Смѣсь. 5—6). Съ какимъ чувствомъ Сильвестръ встрѣчалъ московскихъ пословъ, описываетъ Чернобыльскій протопопъ, который говоритъ, что митрополитъ при семъ случаѣ «обмиралъ съ горя». (Ibid. 1—2) и что въ Чернобылѣ мѣщанъ насильно гнали къ присягѣ. Но это письмо протопопа къ какому-то Поляку, очевидно, неискреннее и имѣвшее заднія цѣли. См. о томъ Карпова въ Правосл. Обозр. (1874. Январь) «Діонисій Балабанъ» и Эйнгорна помянутое изслѣдованіе «Сношенія Малороссійскаго духовенства». 58. Наказъ, данный стольнику В. П. Кикину, который былъ отправленъ для отобранія присяги въ города и мѣстечки Кіевскаго полка, см. въ Симбир. Сборникѣ Кикинскія бумаги. 38—40. Бумаги стольника Полтева, посланнаго съ извѣстіемъ о рожденіи царевича Алексѣя, въ Акт. Юж. и Зап. Рос. X. № 6.

Въ сборникѣ рукописныхъ грамотъ Хрептовича подъ 1654 г. (стр. 279) также помѣщена «реляція» помянутаго выше кіевопечерскаго чернеца Макарія Крыпицкаго, посланнаго въ январѣ митрополитомъ Коссовымъ и архимандритомъ Тризною въ Луцкъ, чтобы заявить, что Москва наѣхала на Кіевъ и насильно заставила присягать царю духовенство; тутъ же и о присягѣ, произведенной въ Переяславѣ. Далѣе въ этомъ сборникѣ: грамота Хмѣльницкаго къ новому хану Крымскому отъ 28 октября 1654 года съ увѣдомленіемъ, что онъ присягнулъ Московскому царю и не отступитъ отъ этой присяги, при чемъ проситъ быть ему такимъ же пріятелемъ, какъ покойный ханъ; того же времени письмо Валашскаго господаря къ Русскому воеводѣ о Хмѣльницкомъ; донесеніе пана Яскимскаго изъ Орды подканцлеру коронному отъ 2 мая 1654 г. о подданствѣ Хмѣльницкао царю; помянутое выше письмо протопопа Чернобыльскаго къ какому-то польскому пану, гдѣ онъ описываетъ торжественное вступленіе Бутурлина со товарищи въ Кіевъ.

10. Акты Юж. и Зап. Россіи. Т. X. №№ 7—13. (Отписка первыхъ кіевскихъ воеводъ князей Куракина и Волконскаго, бумаги войскового посольства о правахъ Малороссійскаго народа и переяславскихъ депутатовъ о правахъ ихъ города, царскія грамоты Богдану, бумаги его гонца Филона Гаркуши, дьяка Перфирьева, посланнаго къ гетману, и Кіевскаго войта въ

Москвѣ о подтвержденіи кіевскихъ привилеевъ), №№ 549, 555, 561, 578, 601 (универсалъ отъ гетмана Радивила и обращеніе Поляковъ къ браславскому полковнику Богуну; переговоры о подданствѣ молд. господаря Стефана; засѣчныя линіи отъ Валки до Ворсклы; раздача соболей дьякомъ семьѣ Выговскихъ). С. Г. Г. и Д. III №№ 170, 172, 176, 167 и 175. (Частью тѣ же акты о правахъ Малор. народа и города Кіева, а затѣмъ универсалы короля на Украйну съ увѣщаніемъ воротиться въ его подданство). П. С. З. I. Часть сихъ документовъ приведена также у С. Величка въ I томѣ. Статья Карпова «Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великой Россіей» («Ж. М. Н. П.» 1871. Ноябрь и декабрь); составлена на основаніи вышеуказанныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ Архива Юстиціи и Мин. Ин. Дѣлъ и напечатанныхъ послѣ, въ 1878 г., въ X томѣ Актовъ Юж. и Зап. Россіи.

Осмотрительность первыхъ московско-кіевскихъ воеводъ высказалась и по поводу Михайловскаго Златоверхаго монастыря игумна Ѳеодосія Васильевича, ѣздившаго по порученію митрополита въ Могилевъ. Во время сей поѣздки жители города Слуцка выразили желаніе имѣть его у себя архимандритомъ и просили о томъ митрополита. Послѣдній исполнилъ ихъ просьбу. Но воеводы заподозрили его вѣрность царю и задержали въ Кіевѣ до полученія указа государева. Митрополитъ сдѣлалъ его экономомъ и намѣстникомъ митрополіи Коронной, т.-е. части, оставшейся подъ польскимъ владычествомъ. Вскорѣ этотъ архимандритъ Ѳеодосій Васильевичъ оказался измѣнникомъ и подстрекалъ Могилевцевъ держать сторону Поляковъ во время ихъ войны съ царемъ. (Акты Юж. и З. Р. Т. X. 393, XIV. 580—4, 661.) О тайныхъ посылкахъ митрополита съ высшимъ Кіевскимъ духовенствомъ къ польскому королю свидѣтельствуетъ еще гречинъ Иванъ Тофлара (Ibid. 773.) Этотъ Грекъ вышелъ изъ Царьграда, служилъ еще царю Михаилу, а при Алексѣѣ былъ употребляемъ въ сношеніяхъ Москвы съ Хмѣльницкимъ. При Берестечкѣ онъ попалъ въ плѣнъ къ Полякамъ и содержался въ Варшавѣ. Въ 1654 г. передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ его выпустили, снабдили универсалями къ гетману и украинскому духовенству съ увѣщаніемъ отстать отъ Москвы. Тутъ его увѣдомили, что митрополитъ Косовъ и другія духовныя лица присылали къ королю съ просьбою освободить ихъ отъ нашествія Москвы. (Ibid 773—774.)

11. «Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ». Переводъ съ арабскаго подлинника проф. Г. А. Муркоса. Вып. 2. Чт. О. И. и Д. 1897. IV.) Будучи по своему происхожденію самъ Сирійскимъ арабомъ и вполнѣ владѣя русскимъ литературнымъ языкомъ, проф. Муркосъ превосходно исполнилъ переводъ и снабдилъ примѣчаніями эти въ высшей степени любопытныя записки, представляющія для знакомства съ Россіей XVII вѣка такую же важность, какъ и записки Олеарія. Ранѣе мы имѣли на русскомъ языкѣ только нѣкоторыя извлеченія изъ записокъ Павла Алеппскаго: Савельева въ Библ. для Чтенія. 1838 г. №№ 3 и 4; «Посѣщеніе Саввина Сторожевскаго монастыря Макаріемъ па-

тріархомъ Александрійскимъ въ 1656 году» («Душеполезное Чтеніе». 1861. Февраль) и «Московское государство при Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго». Сочиненіе Аболонскаго. Кіевъ. 1876. Извлеченія сдѣланы были не изъ подлинника, а изъ англійскаго перевода, изданнаго въ Лондонѣ въ 1829—1836 гг. Но переводъ сей во многихъ случаяхъ не отличается вѣрностію и обстоятельностію; о чемъ свидѣтельствуетъ помянутый проф. Муркосъ.

12. Записки дьяка Кунакова въ Актахъ Юж. и Зап. Рос. III. №№ 243 и 301 (стр. 306, 405 и 408). Также т. VIII. № 32. (Статейный списокъ Неронова и подьячаго Богданова). Т. X. №№ 14, 15 и 16. Тутъ бумаги ѣздившихъ къ Хмѣльницкому подьячаго Старкова, Тимоѳея Спасителева и Петра Протасьева; о выѣздѣ на государево имя изъ Могилева шляхтича Поклонскаго; посылка государева жалованья реестровымъ соболями и золотыми; просьбы о прощеніи и о подтвержденіи привилеевъ митрополита Косова, черниговскаго епископа Зос. Прокоповича, печерскаго архим. Іос. Тризны, михайловскаго игумена Ѳеодос. Васильевича, выдубецкаго игумена Клем. Старушича, кіево - братскаго богоявленскаго намѣстника Ѳеодос. Сафоновича. Въ доказательство своей вѣрности митрополитъ представилъ написанный на него польскій пасквиль. Всѣ сіи старцы просятъ не производить описи ихъ земель до окончанія войны, а между тѣмъ выдать имъ царскія жалованныя грамоты. Относительно военныхъ приготовленій въ 1653 и 1654 годахъ и военныхъ дѣйствій: Акты Москов. Госуд. II. №№ 536—622, съ перерывами. Тутъ извѣстія о наборѣ солдатъ, драгунъ и рейтаръ, ихъ обученіе, подвозъ въ украинскіе города пушекъ, пороху, фитилю, мушкетовъ, шпагъ, бандалеровъ, шанцевыхъ инструментовъ, о моровомъ повѣтріи въ Черкасскихъ городахъ. Въ Гадячѣ сожгли двухъ женокъ, которые на пыткѣ повинились, что пускали это повѣтріе. Далѣе объ отсрочкѣ въ судебныхъ дѣлахъ тѣмъ, которые выступили въ походъ. Вѣсти о движеніи войскъ на Украйну, о Бѣлгородской чертѣ и какъ Татары раскапывали валъ, разметывали надолбы и прорывались черезъ черту. Распоряженія царя изъ - подъ Смоленска о заставахъ противъ повѣтрія и пр.

Дворц. Разр. III. 343, 355, 403, 408 и 432. (Царскіе смотры, отпускъ воеводъ и походъ царя до Смоленска). Соловьева. X. Гл. IV. Примѣч. 73 и 74 со ссылками на Дѣла Польскія въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ и на столбцы Тайнаго приказа въ Госуд. Архивѣ. Коховскій Annal. Polon. В. Д. Смирнова «Крымское ханство». Берха «Алексѣй Михайловичъ» (89), на основаніи Theatrum Europeum говоритъ, что царь, выступая изъ Москвы, ѣхалъ въ каретѣ, окруженный 24 гусарами, изъ коихъ два были съ обнаженными мечами. Алексѣй былъ въ одѣяніи, унизанномъ жемчугомъ, на головѣ имѣлъ остроконечную шапку, а въ рукахъ крестъ и золотую державу (güldenen Apfel); за нимъ слѣдовали Б. И. Морозовъ и И. Д. Милославскій. Но у очевидца Павла Алеппскаго при описаніи царскаго возвращенія въ

Москву изъ того же похода говорится, что ему предшествовали сановники и «царскія заводныя лошади, числомъ 24, на поводу съ сѣдлами, украшенными золотомъ и драгоцѣнными камнями». Акты Истор. IV. №№ 83—91, съ перерывами. (Тутъ жалованныя грамоты на Кіевское войтовство, Кіевскимъ ремесленникамъ на ихъ привилеи, Кіево-Выдубецкому монастырю на маетности, Могилеву на Магдебур. право и пр.). Акты Археогр. Эксп. VI. №№ 66, 68, 69, 70, 71, 80, 81 (о присылкѣ изъ монастырей ратной сбруи и подводъ, о сыскѣ холопей, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ съ похода, богомольныя грамоты о побѣдѣ и о рожденіи царевича Алексѣя и царевны Анны). «Исторія о невинномъ заточеніи». Матвѣева. (Тутъ извѣстіе, что переговоры съ Поляками о сдачѣ Смоленска велъ Арт. Серг. Матвѣевъ вмѣстѣ съ бояриномъ Ив. Богд. Милославскимъ, и упоминается сцена поверженія знаменъ послѣ сдачи.) Акты Юж. и Зап. Россіи. Т. XIV. №№ 1—16. (бумаги разныхъ посольствъ къ Хмѣльницкому, Андрея Вас. Бутурлина, документы о дѣйствіяхъ Ив. Золотаренка при осадѣ Стараго Быхова, о Поклонскомъ, о подданствѣ Могилева, Кричева и др.). «Письма Русскихъ государей». V. Письма царя Алекс. Мих. Изданіе коммиссіи при Моск. Арх. М. Ин. Дѣлъ. М. 1896. (Письма къ сестрамъ на первомъ походѣ подъ Смоленскъ.) Археогр. Сборникъ, издав. Виленскимъ учебн. округомъ. Т. XIV. Вильна. 1904. Тутъ: «Инвентарь г. Смоленска и Смоленскаго воеводства» 1654 года; «Списокъ осажденныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Смоленскѣ въ 1654 г.» и «Сеймовой декретъ по обвиненію смоленскаго воеводы Филиппа Обуховича въ сдачѣ Смоленска Московскимъ войскамъ въ 1654 г.». Смоленскъ заставили сдать сами обыватели, съ княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ и судьей Голимонтомъ во главѣ, вслѣдствіе трудности продолжать оборону. Воевода Обуховичъ поэтому напрасно былъ обвиненъ и позванъ на сеймовой судъ съ нѣкоторыми офицерами. Благодаря покровительству короля, судъ несостоялся и былъ отложенъ. Князь Друцкой-Соколинскій, Голимонтъ и многіе офицеры послѣ сдачи города вступили въ царскую службу.

13. Рѣзкое обращеніе Никона съ иконами и народное неудовольствіе, у Павла Алеп. Вып. 3. стр. 136. Соловьева X. Гл. IV. Примѣч. 76. Въ той же главѣ у него, на основаніи Польскихъ Дѣлъ Моск. Арх. М. Ин. Д., приведены статистическія данныя: «въ Чудов. монастырѣ умерло 182 монаха, живыхъ осталось 26, въ Вознесенскомъ умерло 90 монахинь, осталось 30, въ Ивановскомъ умерло 100, осталось 30, и т. д.

Дополн. къ Акт. Ист. III. № 119. Тутъ помѣщены 84 грамоты (1654—1655 гг.), относящіяся къ моровой язвѣ. Главнымъ образомъ распоряженія (вѣроятно, Никона) именемъ царицы и маленькаго царевича Алексѣя въ Москву и другіе города о принятіи мѣръ и донесенія какъ ей, такъ и самому царю. Любопытное донесеніе отъ 3 декабря изъ Москвы о количествѣ умершихъ священниковъ, монаховъ, боярскихъ дворовыхъ людей и черныхъ сотенъ и слободъ. Въ Калугѣ умерло 1836, въ Троицкой лаврѣ и ея слободахъ 1278, въ Бѣжецкомъ верху на Городецкѣ и въ уѣздѣ 240, въ

Торжкѣ 217, въ Ржевѣ-Владимировѣ 78, Звенигородѣ 164, а въ уѣздѣ 707, въ Твери 388, а въ уѣздѣ 125 и т. д. Въ Актахъ Эксп. IV къ моровой язвѣ относятся №№ 73—75 (къ прибыванію царскаго семейства въ Калязинѣ монастырѣ). Разсказъ Павла Алеп. о пребываніи Антіохійцевъ въ Москвѣ своими датами совпадаетъ съ Дворц. Разр. III. 457—468. Тутъ есть перечень бояръ, окольничихъ и прочихъ членовъ государевой свиты, имена воеводъ и хронологія царскаго похода до Смоленска. Кромѣ Дворц. Разрядовъ царскій маршрутъ отъ Москвы до Смоленска въ мартѣ 1655 года въ Актахъ Моск. Госуд. II. № 641. Гавріилъ, архіепископъ Сербскій, пріѣхавшій въ Москву 28 мая 1654 года съ грамотами отъ Антіохійскаго патріарха и Ив. Выговскаго, въ Посольскомъ приказѣ оказался «патріархомъ Сербскимъ и Болгарскимъ». Онъ привезъ съ собою нѣсколько книгъ, каковы типикъ-сборникъ на Латынскую ересь, житія св. царей сербскихъ и патріарховъ, житія св. сербскихъ архіепископовъ, тетради Кирилла Философа и книгу Василія Великаго; послѣднія три поднесъ въ даръ Никону. (Акты Юж. и Зап. Рос. Т. VIII. № 44. Отписка изъ Москвы царю 9 іюня бояриша кн. Мих. Пронскаго).

14. О военныхъ дѣйствіяхъ 1655 г. Акты Моск. Госуд. II. №№ 635—763. Тутъ любопытны: объ измѣнѣ полковника Поклонскаго (638), отписка В. В. Бутурлина о торжественной ему встрѣчѣ въ Кіевѣ (685), запрещеніе ратнымъ людямъ жечь села, побивать мужиковъ и даже брать ихъ въ полонъ (686 и 711), образцовый по краснорѣчію указъ о вѣрной и усердной службѣ передъ переправою черезъ Березину и походомъ на Вильну (692), грамота о приготовленіи шубныхъ кафтановъ для войска (725 и 731), шатость людей въ новозавоеванныхъ литовскихъ областяхъ (749). Въ Смоленскѣ шляхтѣ и мѣщанамъ велѣно судиться по Литовскому статуту, экземпляръ котораго былъ въ Посольскомъ приказѣ (763). Акты Юж. и Зап. Рос. III. № 345. (Похвальная грамота Могилевцамъ за мужественную оборону отъ Радивила и Гонсѣвскаго.) VII. № 45. (О Поклонскомъ.) XIV. №№ 13—41 (объ осадѣ Могилева и Быхова, донесенія Хмѣльницкаго, вѣсти изъ Польши и др. государствъ и пр.). Письма Алексѣя Михайловича изъ похода къ сестрамъ. Госуд. Архивъ. Столбцы приказа Тайныхъ Дѣлъ (Разрядъ XXVII. № 91), по ссылкѣ А. П. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». IV. 187. Съ похода изъ села Кубенскаго (въ 57 верстахъ отъ Москвы по дорогѣ въ Можайскъ) имѣемъ письмо царя къ стольнику и ловчему Аѳ. Ив. Матюшкину. Тутъ онъ такъ же, какъ и сестрамъ жалуется на чрезвычайно дурную дорогу: «а дорога такова худа, какой мы отроду не видали, просовы великіе и выбои такіе великіе жъ, безъ пѣшихъ обережатыхъ никоими мѣрами ѣхать нельзя, розно разбитца». (Собраніе писемъ царя Ал. Михайловича. Изд. Солдатенкова и Бартенева. М. 1856. 44—45.) Дворц. Разр. III. Акты Эксп. IV. № 89. «Книга сеунчей». во «Времен. Об. И. и Др.» 1854. № 18. Коховскій. Павла Потоцкаго Moscovia sive brevis narratio. Dantisci. 1670. (Извлеченіе изъ него въ Сѣверн. Архивѣ за 1825 г.). О сборахъ Алексѣя Михайловича

итти изъ Вильны на Варшаву въ Дополн. къ Акт. Ист. VI. 445. Указъ о прибавкѣ въ титулѣ «Полоцкаго и Мстиславскаго» въ П. С. З. I. № 134. С. Г. Г. и Д. III. 531. А указъ объ имяновaніи «в. княземъ Литовскимъ, Бѣлыя Россіи, Волынскимъ и Подольскимъ» въ С. Г. Г. и Д. III. 537. П. С. З. I. № 164. О вторичной осадѣ Львова Хмѣльницкимъ существуютъ довольно подробныя записки или дневникъ нѣкоего Іоанна Божецкаго, ученика Львовской іезуитской коллегіи, на польскомъ языкѣ. Изданы въ Supplementum ad Hist. Russiae monumenta. (Недостаетъ начала.) Въ латинскомъ переводѣ онѣ вошли въ «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Запад. Россіи». К. 1888. (Переводъ вольный и неполный.) 12 писемъ Хмѣльницкаго къ Львовскому магистрату помѣщены по польски въ приложеніяхъ № 6. Его же письма Радзеевскому отъ 11 января 1656 года, гдѣ онъ объясняетъ свое отступленіе трудностію зимовать въ странѣ столь опустошенной (*Памятники*, изд. времени Кіев. Коммиссіей. III. № XXX). О безпорядочномъ отступленіи Бутурлина изъ-подъ Львова съ бросаніемъ пушекъ и о спасеніи этихъ пушекъ Арт. Матвѣевымъ въ «Исторіи о невинномъ заточеніи» 51—52. Шуйскій въ III томѣ своей «Исторіи Польши» (Dzieje Polski. Lwów. 1864. 378), безъ указанія источника, разсказываетъ, будто третья жена Хмѣльницкаго (изъ семьи Золотаренка), подкупленная алмазнымъ перстнемъ отъ королевы Маріи Гонзага, помогла склонить гетмана къ отступленію отъ Львова, и что Крымскій ханъ по просьбѣ Поляковъ двинулся на Украйну, встрѣтилъ Хмѣльницкаго подъ Озерной и будто бы принудилъ его признать себя подданнымъ короля, а потомъ пошелъ подъ Галичъ, откуда звалъ Яна Казиміра вмѣстѣ итти на Шведовъ. Грабянка (136—144) также повѣствуетъ о битвѣ подъ Озерной—битвѣ нерѣшительной, послѣ которой Хмѣльницкій ѣздилъ на свиданіе съ ханомъ; при чемъ послѣдній много упрекалъ гетмана за союзъ съ Москвою и грозилъ ему. О смерти Ив. Золотаренка, перевезеніи его тѣла для погребенія въ Корсунь и пожарѣ церкви, гдѣ его отпѣвали, см. Самовидца. 41—42. Смерть В. В. Бутурлина отмѣчена подъ 1656 г. въ Послужномъ спискѣ старинныхъ чиновниковъ. (Др. Рос. Вивл. XX. 112). Павелъ Алеппскій сообщаетъ, будто В. В. Бутурлинъ отступилъ отъ Каменца, подкупленный дарами молдавскаго господаря Стефана; что въ Люблинѣ онъ вытребовалъ чудотворный кусокъ Честнаго древа въ формѣ креста; будто подъ Озерной онъ и Хмѣльницкій заключили миръ съ ханомъ, когда могли взять его въ плѣнъ. Царь былъ такъ разгнѣванъ этими поступками Бутурлина, что велѣлъ будто бы его казнить; а тотъ, узнавъ о царскомъ гнѣвѣ, выпилъ яду и умеръ; царь велѣлъ сжечь его тѣло, и только по усиленной просьбѣ патріарха Никона дозволилъ привести его въ Москву для погребенія (114—116). О разрывѣ подканцлера Радзеевскаго съ своей женой и происшедшей оттуда ссорѣ съ Варшавскимъ дворомъ у Альбр. Радзивила. Часть 2-я. О переходѣ литовскаго гетмана Януша Радзивила подъ шведскій протекторатъ см. Котлубая Życie Janusza Radziwilla. Wilno i Witebsk. 1859. Объ отчаянномъ положеніи Польши

между прочимъ см. Казиміра Даровскаго Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1667.— Рукопись Римскаго іезуитскаго архива. На списокъ, сдѣланный Мартыновымъ для гр. С. Д. Шереметева, ссылка у А. П. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ» IV. 227.

15. Памятники дипломатическихъ сношеній съ державами иностранными (Т. III. Спб. 1854): «Сношенія Алексѣя Михайловича съ императоромъ Фердинандомъ III. 1655 года. (249—528.) Собранные тутъ акты по обыкновенію заключаютъ обширную переписку о разныхъ подробностяхъ, относящихся къ путешествію посольства, о кормахъ, подводахъ, подаркахъ, встрѣчахъ, торжественномъ въѣздѣ, о поправкѣ печей и двора кн. Шлякова-Чешскаго, о снабженіи его посудой и постелями, о церемоніяхъ пріема, прерѣканія о царскомъ титулѣ съ его новыми прибавленіями въ родѣ *Кіевскаго*, *Литовскаго*, *Бѣлыя Россіи* и т. п., но менѣе всего сообщаютъ о сути дѣла, т.-е. о политическихъ тенденціяхъ и дипломатическихъ маневрахъ. Хотя акты сіи не упоминаютъ о какихъ-либо сношеніяхъ Австрійскаго посольства съ Никономъ и о предложеніи польскаго трона Московскому царю; но мы полагаемъ, что оно все-таки нашло средство повліять на патріарха, и вѣроятно, подъ рукою уже пустило въ ходъ идею о будущемъ возможномъ избраніи царя польскимъ королемъ. О вліяніи Никона въ пользу мира съ Польшею и разрыва со Швеціей говорятъ: Пуффендорфъ (De rebus a Carolo Gustavo gestis VI. § 43), Мейебергъ (у Аделунга, стр. 251), Кельхъ (Lievländische Historie. Reval. 1695), Гадебушъ (Lievländiche Jahrbücher. Riga 1780). Послѣдніе двое сообщаютъ даже, будто Никонъ былъ подкупленъ Польскимъ правительствомъ; а Кельхъ говоритъ, будто іезуитъ Аллегретти вошелъ въ тайныя сношенія съ Никономъ.

6 декабря царь прислалъ изъ Можайска Г. С. Куракину съ товарищи грамоту или распоряженіе о встрѣчѣ его при возвращеніи послѣ покоренія вел. княжества Литовскаго: 10 числа за Москвой рѣкой у села Воробьева должны были ожидать въ цвѣтномъ платьѣ на коняхъ стольники, дворяне, жильцы и всякіе служилые люди; а гости, гостинная и суконная сотни и черныхъ сотенъ и слободъ торговые и всякіе жилецкіе люди должны тамъ же встрѣчать его съ хлѣбомъ и соболями, какъ это было при прежнихъ встрѣчахъ. Описаніе торжественнаго вступленія царя въ Москву въ этотъ день у Павла Алеп. 95—98 и въ С. Г. Г. и Д. III. № 184. Павелъ Алеп. сообщаетъ, что цесарское посольство привезло въ подарокъ царю маленькую шкатулку съ драгоцѣнными камнями и въ великолѣпномъ сосудѣ муро отъ мощей св. Николая Мирликійскаго. О посылкѣ гонцовъ чрезъ Курляндію и сношеніяхъ при этомъ съ курляндскимъ герцогомъ Яковомъ см. переписку Аѳан. Ордына-Нащокина, воеводы Друйскаго, въ Акт. Моск. Госуд. II. Въ № 801 любопытна отписка Ордына-Нащокина отъ 29 февраля 1656 г., гдѣ онъ сообщаетъ разные случаи, явно возбуждаетъ царя противъ Шведовъ и держитъ сторону Поляковъ. Павелъ Алеп. (Вып. IV. Гл. XI—XII) съ своимъ обычнымъ преувеличеніемъ цифръ говоритъ о 500.000 свиныхъ половинныхъ

тушъ и 300.000 ратниковъ, посланныхъ въ Новгородъ и Псковъ. Относительно огнестрѣльнаго оружія онъ сообщаетъ, что пока царь еще не возвращался, Никонъ, однажды угощая патріарха Макарія, послѣ стола показалъ ему изъ окна видъ на окрестныя поля, гдѣ было множество телѣгъ, и сказалъ, что онѣ нагружены ружьями числомъ до 50.000, которыя получились въ ящикахъ изъ Шведскаго королевства и которыя теперь онъ посылаетъ царю. А затѣмъ прибавилъ, что царскіе мастера въ Кремлѣ изготовляютъ ежегодно по 70.000 ружей, которыя хранятся въ кладовыхъ; въ другихъ городахъ ихъ изготовляютъ безсчетно; кромѣ того, множество ихъ привозятъ ежегодно изъ Франкскихъ земель; а Англичане прислали три удивительныя новоизобрѣтенныя пушки, которыя при стрѣльбѣ не издаютъ звука (?). Послѣ того по вечерамъ Антіохійцы ходили смотрѣть на ружейныхъ мастеровъ, которые клали новыя ружья по склону Кремлевскаго холма и съ помощью длиннаго раскаленнаго прута зажигали ихъ затравку. При выстрѣлѣ негодныя ружья разлетались въ куски, а прочныя оставались въ цѣлости. Будто все царское войско снабжено было огненнымъ боемъ, т.-е. ружьями.

Переписка о построеніи судовъ на Касплѣ и Бѣлой въ Актахъ Моск. Госуд. II. №№ 796—830, съ перерывами.

16. Война съ Шведами и осада Риги. Пуффендорфа De rebus a Carolo Gustavo gestis. L. III. § 50—53. Commentarii de rebus Suecicis. L XXVI. Гадебуша Lievländishe Iahrbücher. Кельха Lievländische Historie. Gründliche und wahrhaftige Relation von der Belagerung der Königl. Stadt Riga. Riga. 1657. Книга Сеунчей. (Времен.) Древ. Рос. Вивл. XVI. Симбирскій Сборникъ.—Бумаги Кикиныхъ. № 18. Бантышъ Каменскаго. «Обзоръ внѣшнихъ сношеній». IV. М. 1902. Дополн. къ III тому Дворц. Разр. Дополн. къ Акт. Ист. Т. IV. Отрывки изъ писемъ царя къ сестрамъ у А. П. Барсукова. Т. IV. Гл. XVII—XXI. Изъ этихъ писемъ узнаемъ, что Кукейносъ былъ переименованъ въ честь царевича Димитрія, потому что передъ приступомъ царю явились *страстотерпцы* Борисъ и Глѣбъ и повелѣли въ этотъ день праздновать *страдальцу* царевичу Димитрію. «Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края». Т. II. Рига. 1879. Ласковскаго «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства Россіи». I. Спб. 1858. Роспись ратнымъ людямъ, раненымъ подъ Ригою, въ «Матеріалахъ для исторіи медицины въ Россіи». Вып. III. Спб. 1884. П. С. З. I. № 240 (Вальесарское перемиріе.)

Акты Моск. Госуд. II. №№ 846—1025 съ перерывами. Тутъ любопытны: отписка кн. Як. Куд. Черкасскаго о трудномъ походѣ болотами и грязями къ Динабургу (№ 855); распросныя рѣчи дядею государя Сем. Лук. Стрѣшневымъ одного нѣмца, служившаго у Шведовъ и посланнаго гр. Делагарди къ Нащокину въ Друю (857); указъ ратнымъ людямъ селъ и деревень не жечь и людей не побивать; отъ боязни передъ ними крестьяне Литва, т.-е. Латыши, разбѣжались по лѣсамъ «съ женами и дѣтьми и со всѣми животы» (870 и 871); о взятіи 13 августа приступомъ Кукейкоса и пере-

именованіи его въ *Царевиче—Димитріевъ городъ* (884); о взятіи земляныхъ валовъ подъ Ригою и отступленіе отъ Риги 5 октября, будто бы вслѣдствіе челобитья Бранденбургскаго курфирста помириться съ Шведскимъ королемъ (928); о побѣгахъ солдатъ и стрѣльцовъ, такъ какъ ихъ заставляли съ трудомъ тянуть канатами и бечевой вверхъ по Двинѣ черезъ пороги большой нарядъ, русскій и *голландскій* (939); во время Виленскихъ переговоровъ между прочимъ встрѣчается требованіе русскихъ уполномоченныхъ отъ Поляковъ, чтобы тѣ возвратили государевъ крестъ, потерянный сотенными головами въ бою подъ «Брестью» (936). Отписка борисоглѣбскаго воеводы Ив. Савина о неимѣніи бумаги, такъ что въ съѣзжей избѣ писать дѣлъ не на чемъ; а въ Друѣ, Диснѣ, Полоцкѣ и на Курляндской сторонѣ по торговымъ мѣстечкамъ бумага «безмѣрно дорога». Велѣно послать стопу бумаги и «держать ее на государево дѣло съ береженіемъ» (966). Государь посылаетъ въ Борисовъ баярину В. Б. Шереметеву 110.000 ефимковъ на жалованье рейтарамъ и гусарамъ литовскихъ гетмановъ Сапѣги и Гонсѣвскаго, когда гетманы и все ихъ войско учинятъ присягу ему на подданство (975). Многіе шляхтичи жалуются на казаковъ Чаускаго наказного полковника Ив. Нечая, которые ихъ маетности грабятъ, платье, скотъ и живность отнимаютъ, женъ безчестятъ, а крестьянъ уводятъ. Нечай отписывается, что все это неправда, что Ляхи и Литва сами воруютъ и что они недруги государевы (984 и 1001). Дѣти боярскіе изъ Полоцка шлютъ жалобу на то, что подъ Ригою они лишились и людей, и коней и «въ домишки свои приволоклись пѣши», безъ оружія; а на службу въ Полоцкъ «приволоклись не съ большими запасенками, въ тележенкахъ; а иные многіе приволоклись со вьючішками и верхами съ сумами»; а въ Полоцкѣ и дорогой цѣной запасы нельзя купить, за неимѣніемъ подвозовъ. Просятъ учинить милостивый указъ, чтобы «на государевой службѣ отъ осенней груды и нужи въ конецъ не погибнуть» (1004). Образчики путанныхъ и малообстоятельныхъ извѣстій отъ Нащокина о дѣлахъ Польскихъ, Шведскихъ, Цесарскихъ (1016, 1021—23). Грамота Нащокину съ пожалованьемъ думнаго дворянства въ Актахъ Ист. IV. № 118.

Виленскіе переговоры и акты объ избраніи Алексѣя на Польскій престолъ Калишскою радою въ С. Г. Г. и Д. IV. №№ 1—6, 8. Др. Рос. Вивл. III. 47. Труды и лѣтописи О. И. и Д. VI. Дополн. къ т. III. Дворц. Разр. Спб. 1884. Перегововы Виленскіе довольно подробно изложены въ X. т. *Исторіи Россіи* Соловьева со ссылками на Польскія дѣла 1656 года въ Моск. Арх. М. Ин. Д.

17. Акты Юж. и Зап. Рос. III. №№ 347—375, съ перерывами. Тутъ жалобы на взаимные обиды и грабежи между казаками и москов. ратными людьми, сношенія Москвы съ Хмѣльницкимъ. Между прочимъ, кіевскіе полковникъ и войтъ безъ гетманскаго приказа не хотѣли отвести дворы и пашни для московскихъ стрѣльцовъ, поселенныхъ въ Кіевѣ съ женами и дѣтьми; а гетманъ не давалъ приказа, отговариваясь разными причинами (369). Союзный

договоръ Ракочи съ Хмѣльницкимъ (361). Цесарская грамота въ январѣ 1657 г. Богдану съ предложеніемъ посредничества къ его миру съ Поляками (374). Т. IV. № 13. Тутъ любопытна жалоба Ив. Нечая царю въ августѣ 1657 г. на обиды и насилія Черкасамъ отъ московскихъ воеводъ, сидѣвшихъ въ Оршѣ, Борисовѣ, Мстиславлѣ, Шкловѣ, Копыси и Минскѣ; между прочимъ имъ «чюприны рѣжутъ, кнутами бьютъ и грабятъ». Особенно жалуется на грабежи и насилія отъ В. Б. Шереметева. Въ Т. III есть жалованыя и распорядительныя грамоты Хмѣльницкаго на земельныя имущества и льготы монастырямъ и разнымъ лицамъ. Такія же грамоты его см. въ Акт. Запад. Рос. V. №№ 25—49. *Памятники*, изд. Кіевск. коммиссій для разбора древ. актовъ. Т. III. №№ XXX—XXXVI. Тутъ самостоятельныя сношенія Хмѣльницкаго и Выговскаго съ польскими сановниками и шляхтою и миссія королевскаго секретаря Казиміра Беневскаго къ Богдану, чтобы склонить его къ возсоединенію съ Польшею. Въ началѣ 1657 года въ Москву пріѣзжалъ посланецъ гетмана Ѳедоръ Коробка съ политическими вѣстями и съ порученіемъ хлопотать о томъ, чтобы Богданъ могъ оставить гетманство сыну Юрію. (По ссылкѣ Эйгорна, на стр. 100, на Арх. Мин. Юстиціи Дѣла Малорос. приказа № 5832.)

Кончину Богдана Грабянка относитъ къ 15 августу; также и Самовидецъ обозначаетъ ее днемъ Успенія Пр. Богородицы. Но Выговскій въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Никитѣ Зюзину указываетъ на 27 іюля. (Ак. Юж. и Зап. Рос. IV. № 3. См. также Т. XI. Прибавленіе. № 2.) Какъ это обыкновенно бываетъ по случаю смерти знаменитыхъ людей, прошла молва, будто Хмѣльницкій погибъ жертвою ляшскаго злодѣйства. Лѣтопись Грабянки (153—154) разсказываетъ, что въ Чигиринъ пріѣхалъ нѣкій «великородный юноша» и просилъ руки дочери Хмѣльницкаго. Получивъ согласіе, онъ на сговорѣ выпилъ за здоровье невѣсты изъ собственной фляги; а потомъ изъ нея же далъ выпить и будущему тестю, подсыпавъ медленно дѣйствующаго яду. Затѣмъ онъ уѣхалъ и конечно не вернулся. Восхваляя качества покойнаго гетмана, особенно его военныя доблести, эта лѣтопись между прочимъ указываетъ на простоту его образа жизни и на то, что въ походахъ онъ одѣяніемъ своимъ не отличался отъ прочихъ казаковъ: «мнози многажды его воинскимъ плащемъ покровенна между стражми отъ труда изнемогоша почивающа созерцаху». Это указаніе почти буквально сходится съ вышеприведеннымъ у Павла Алеппскаго.

Въ Актахъ Моск. Гос., II. № 922, находимъ любопытный допросъ, произведенный въ августѣ 1656 года въ Разрядѣ бѣжавшему изъ турецкаго плѣна Филькѣ Новокрещенову. Родомъ изъ Казанской области, Филька ушелъ изъ Москвы въ Донскіе казаки. Подъ донскимъ городомъ Черкаскомъ азовскіе Турки взяли его въ плѣнъ и продали одному цареградскому янычару, а послѣдній перепродалъ пашѣ Касымъ-бею на каторгу. Когда эта каторга плыла Бѣлымъ (Мраморнымъ) моремъ, русскіе полоняники, числомъ 12, побили турецкихъ людей 35 человѣкъ. Послѣ того Филька ушелъ въ Венецію, откуда съ торговыми нѣмецкими людьми попалъ на Мальту, потомъ во Фло-

ренцію; затѣмъ побывалъ въ Австріи, Венгріи, Польшѣ, Галиціи, пробрался въ Кіевъ, потомъ въ Путивль. Отсюда воевода Зюзинъ прислалъ его въ Москву. По его разсказамъ, онъ въ Италіи слышалъ, что папа просилъ цесаря помочь Полякамъ противъ Московскаго государя, и въ Австріи видѣлъ сборы для того многихъ военныхъ людей; а на Днѣстрѣ въ городѣ Журавнѣ узналъ, какъ многіе Черкасы пишутъ гетману Сапѣгѣ, что не хотятъ быть подъ государевой высокой рукой, а хотятъ быть за польскимъ королемъ, если большіе паны велятъ имъ быть на своей прежней волѣ, да и гетманъ Хмѣльницкій, по словамъ Поляковъ, хочетъ быть за королемъ попрежнему. А въ Паволочи полковникъ Золотаренко сказывалъ ему, что гетманъ весной велѣлъ быть у себя на радѣ полковникамъ, сотникамъ и простымъ Черкасамъ. На этой радѣ гетманъ говорилъ, что ханъ Крымскій зоветъ его со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ быть за нимъ, за ханомъ. Будто при этомъ онъ сказалъ, что тѣ Черкасы, которые захотятъ служить государю, будутъ ходить въ лаптяхъ и онучахъ; а если захотятъ служить Крымскому хану, то «учнутъ носить цвѣтное платье, ходить въ сафьяновыхъ сапогахъ, ѣздить на добрыхъ коняхъ». Но полковники и сотники будто отвѣчали, что хотя бы и въ лаптяхъ будутъ ходить, а умрутъ всѣ за государя; однако бѣдные Черкасы недовольны малымъ жалованьемъ и хотятъ съ Крымскими людьми идти на государевы украйны. Поляки же во что бы ни стало хотятъ помириться со Шведами, чтобы идти на Московское государство и очищать свои города. «А Черкасы, которые по ту сторону рѣки Днѣпра, добра хотятъ Польшѣ, и вѣсти всякія къ Полякамъ пишутъ; а которые Черкасы по сю сторону Днѣпра, тѣ де добра хотятъ великому государю». Филька, будучи въ Польшѣ, сказывался «Черкашениномъ»; иначе его бы убили, потому что Поляки государевымъ людямъ живота не даютъ, побиваютъ. Относительно рады и разговоровъ Хмѣльницкаго конечно слухи смѣшивали правду съ небылицами; но особенно важно указаніе на то, что уже при Хмѣльницкомъ ясно обозначилось раздвоеніе Украйны на право- и лѣво-бережную: первая тянула къ Польшѣ, вторая къ Москвѣ; вообще московскихъ людей Черкасы не долюбливаютъ. Этими обстоятельствами въ значительной степени объясняются последующія смуты на Украйнѣ и измѣны гетмановъ, которые легко находили себѣ поддержку и сами увлекались антимосковскими теченіями. Кромѣ того, изъ подобныхъ разспросовъ въ Москвѣ могли бы составить себѣ хотя приблизительно вѣрное представленіе о положеніи дѣлъ и направленіи умовъ въ Малороссіи и Польшѣ; тѣмъ виновнѣе является царское увлеченіе призракомъ Польской короны—увлеченіе, невнимавшее предостереженіямъ такого свѣдущаго политика, какъ Богданъ, и поддерживаемое такими хотя и умными, но страдавшими самомнѣніемъ и политическою близорукостію людьми, каковы Никонъ и Ордынъ-Нащокинъ.

18. Акты Юж. и Зап. Рос. IV. №№ 3—69. Письмо Выговскаго къ путивльскому воеводѣ Зюзину и кіевскому Андрею Бутурлину и отписки сихъ

воеводъ въ Москву относительно перваго избранія Выговскаго на Чигиринской радѣ и вторичнаго на Корсунской. (Сцену на первомъ избраніи передаютъ лѣтописи Грабянки и Самовидца съ подробностями, которыя не противорѣчатъ краткимъ извѣстіямъ офиціальныхъ документовъ. Нѣкоторыя подробности о Корсунской радѣ у Соловьева XI. Гл. I. со ссылкой на Арх. Мин. Юст. Столбцы Малорос. приказа № 5852). Далѣе, здѣсь заслуживаютъ вниманія: Статейный списокъ стрѣлецкаго головы Арт. Матвѣева и дьяка Перфильева, посланныхъ къ Выговскому и войску Запорожскому о посредничествѣ для примиренія со Швеціей (№ 15); отписки воеводъ и сообщенія о Корсунской радѣ (30 и 40); посылка Богдана Хитрово на Украйну, наказъ ему и его отписка изъ Переяслава (28 и 48); письмо Пушкаря съ извѣстіемъ объ измѣнническихъ замыслахъ Выговскаго и борьба его съ Выговскимъ (52—54, 59—69). Т. V. № 73. (Наказъ подьячему, отправленному къ Выговскому съ милостивымъ словомъ въ іюлѣ 1658). Т. VII. №№ 62—79. Тутъ, между прочимъ: письма Выговскаго Крымскому хану (63 и 67), Переяславская рада и врученіе булавы Выговскому Б. Хитровымъ (76), нѣсколько актовъ о мятежѣ Пушкаря противъ Выговскаго. О подкупѣ Хитрово Выговскимъ говорятъ Грабянка и Самовидецъ; а ихъ подтверждаютъ какъ сами событія, такъ и посланцы Запорожскаго кошевого. (См. вышеуказанную ссылку у Соловьева). См. также Акты Зап. и Юж. Рос. XI. Прибавленія. № 3: «Посольство стольника Кикина въ Малороссію» 1657 г.

О междоусобіи съ Пушкаремъ см. Разспросныя рѣчи браславскаго полковника Ив. Сербина въ Моск. Арх. М. Юст. Малорос. приказа столбецъ 5.850 (по ссылкѣ А. П. Барсукова. V. 7 и 9. У него же, 10 стр., ссылка на неблагопріятный отзывъ Арт. Матвѣева о Б. М. Хитрово). «Русская Истор. Библіотека». VIII. (Статейный списокъ Желябужскаго, относ. къ іюню 1657). *Памятники* Кіев. Коммиссіи. III. №№ XXXVII—LXVIII. Тутъ переписка Выговскаго съ Беневскимъ, королемъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ и Беневскаго съ разными лицами о дѣлахъ Малороссійскихъ. Между прочимъ, Беневскій увѣдомляетъ, что имѣетъ при Выговскомъ хорошихъ шпіоновъ, что Запорожцы ненавидятъ Выговскаго, Украинская старшина мало ему довѣряетъ, Москва смотритъ на него подозрительно, Юрій Хмѣльницкій питаетъ къ нему большую вражду послѣ того, какъ Выговскій ѣздилъ въ Гадячъ откапывать сокровища Богдана. Беневскій хвалится, что именно онъ устроилъ казацкія смуты и ссору съ Москвой, что онъ же убѣдилъ Балабана занять Кіевскую каѳедру. Съ Беневскимъ въ перепискѣ и обозный войсковой Тимошъ Носачъ. См. Также «Письма Лазаря Барановича». Черн. 1865. № 1. Письма Никона къ Діонисію Балабану въ Зап. Отд. Рус. и Слав. Археологіи. II. 528. О Балабанѣ Макарія «Исторія Рус. Церкви». XII. и Эйнгорна «Снош. Малорос. Духов. съ Моск. Прав—мъ».

19. Акты Юж. и Зап. Рос. IV. №№ 77—115, съ перерывами. Тутъ Гадяцкій договоръ, Статейный списокъ В. Мих. Кикина, посланнаго къ Выговскому, переписка Выговскихъ, донесенія протопопа Максима Филимоновича,

утвержденіе Гадяцкихъ статей на Варшавскомъ сеймѣ передъ депутатами отъ Войска Запорожскаго или «Великаго княжества Русскаго». Нобилитація или грамоты на шляхетство разныхъ лицъ Украинской старшины, каковы: Сулима, Зарудный, Лѣсницкій, Вас. Золотаренко, Павелъ Тетеря, Самченко, Ковалевскій и др. Между прочими и Адамъ Мазепа, который владѣетъ на ленномъ правѣ селомъ Каменицей въ Кіев. воеводствѣ. Въ № 115 любопытна запись, по которой приведены къ присягѣ новый гетманъ (Юрій Хмѣльн.) и казацкая старшина съ подписями ея; вмѣсто нѣкоторыхъ полковниковъ подписались ихъ писаря или духовныя лица. Всѣхъ полковъ оказалось 18; изъ нихъ 11 на правой и 7 на лѣвой сторонѣ. V. № 144. (Отписка Шереметева въ іюлѣ 1658 г. о подозрительныхъ намѣреніяхъ Выговскаго.) VII. №№ 80—103, съ перерывами. Здѣсь о походѣ Сѣрка на Татарскіе улусы; дополненія къ Гадяцкому договору, напримѣръ, объ устроеніи воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго въ одно Русское княженіе «на образъ княжества Литовскаго», о свободномъ ходѣ на Черное море, о пожалованіи шляхетствомъ по 100 человѣкъ отъ всякаго реестроваго полка, о свободномъ возвращеніи польскихъ пановъ и шляхты въ свои маетности, о бытіи на Украйнѣ 10.000 польскаго кварцаного войска; далѣе «прелестные» листы Выговскаго съ объявленіемъ о Конотопской побѣдѣ; переписка воеводъ съ Москвою. Между прочимъ указъ Шереметеву о перемѣнѣ бердышей въ стрѣлецкихъ полкахъ на короткія пики, а въ солдатскихъ и драгунскихъ частію на пики долгія, частію на шпаги. Потомъ у солдатъ и драгунъ велѣно по 300 человѣкъ на полкъ оставить при бердышахъ, а у стрѣльцовъ по 200 на приказъ; остальные должны быть при шпагахъ. Т. XV. №№ 6, 7 и 11 (отписки о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Выговскаго). С. Г. Г. и Д. №№ 12—15. Увѣщательныя грамоты казакамъ по поводу измѣны Выговскаго и избранія Юрія Хмѣльницкаго. Актъ этого избранія. Присяга его со всѣмъ Войскомъ на договорныхъ статьяхъ. Тѣ же 18 полковъ съ именами тѣхъ же полковниковъ. *Памятники* Кіев. врем. Коммиссіи. Т. III. №№ LXIX—XCII. (Переписка Выговскаго и обознаго Андрея Потоцкаго съ польскими сановниками съ конца 1658 и въ теченіе 1659 г.). Толки о Конотопской битвѣ. Упоминается комнатный королевскій дворянинъ панъ Мазепа, посланный къ королю Андреемъ Потоцкимъ. Главнымъ возбудителемъ мятежа противъ Выговскаго выставляется переясл. полковникъ Цецура. Два полковника выманили у Выговскаго булаву и передали ее Юрію Хмѣльн. Новый кошевой на Запорожьѣ Брюховецкій, бывшій слуга Богдана Хмѣльн., тщетно осаждалъ Чигиринскій замокъ, гдѣ заперлась жена Выговскаго. Акты Моск. Госуд. Т. III. № 37. Дѣло объ измѣнѣ Богдана Апрѣлева, бывшаго воеводою въ Гроднѣ, въ 1658 г. Онъ дѣйствовалъ въ родѣ Шеина: ничего не дѣлалъ для обороны и самъ склонилъ подчиненныхъ къ сдачѣ города гетману Сапѣгѣ. Его приговорили къ смертной казни вмѣстѣ съ капитанами Желтухинымъ и Темирязевымъ, поручиками Лихаревымъ и Насоновымъ. Но съ плахи ихъ сняли и объявили прощеніе ради праздника Алексѣя Божьяго Человѣка—имянины государя и царевича Алексѣя. Памят-

ники дипломъ. сношеній. VIII. столбцы 519—520. Дополн. къ т. III. Дворц. Разрядовъ. Столб. 132, 154 и 194. О поспѣшныхъ работахъ надъ укрѣпленіями Москвы, о второмъ Виленскомъ съѣздѣ, съ челобитьемъ П. В. Шереметева и кн. Ѳ. Ѳ. Волхонскаго противъ рѣшенія Боярской Думы о томъ, чтобы въ отпискахъ кн. Одоевскаго упоминалось просто «съ товарищи», не называя ихъ по именамъ. Царь остался при прежнемъ рѣшеніи и написалъ любезное письмо Одоевскому (См. А. П. Барсукова. V. 417—423 со ссылкою на Госуд. Архивъ, столбцы Приказа Тайныхъ дѣлъ). Стольники кн. Ѳ. Н. Борятинскій и Охотинъ Плещеевъ за отказъ итти на помощь кн. Ю. А. Долгорукову были выданы ему головою. Но и Долгоруковъ провинился тѣмъ, что, не дождавшись указа, отступилъ отъ Вильны и, кромѣ того, не послалъ въ Москву донесенія о своей побѣдѣ. Милостивое и вмѣстѣ укоризненное посланіе къ нему отъ царя по сему поводу приведено у Соловьева XI. 57—59. Прим. 12 со ссылкой на столбцы Прик. Тайн. дѣлъ въ Госуд. Архивѣ. Далѣе Соловьевъ, по Величку и Венславскому, говоритъ о кн. Пожарскомъ въ Конотопской битвѣ, какъ онъ ничего не слушая шелъ впередъ и кричалъ: «Давайте мнѣ ханишку, давайте калгу! всѣхъ ихъ такихъ-то вырубимъ и выплѣнимъ». Но тутъ же, ссылаясь на Крымскія дѣла Архива Мин. Ин. Д., прибавляетъ, что, по словамъ очевидца московскаго толмача Фролова, ханъ велѣлъ убить Пожарскаго за то, что послѣдній прежде приходилъ войною на Крымскихъ царевичей подъ Азовъ, а кн. Львовъ вскорѣ умеръ самъ отъ болѣзни. О кн. Семенѣ Пожарскомъ у Кирши Данилова. Изд. 3-е, стр. 197—200. (На что указываетъ г. Барсуковъ. 183.) Въ Лѣт. Самовидца кратко говорится, что Пожарскаго велѣно умертвить «для того же хану домовлялъ». Въ актѣ объ отмѣнѣ мѣстничества (С. Г. Г. Д. IV. 400) встрѣчается глухое указаніе на мѣстническіе счеты, способствовавшіе Конотопскому пораженію. Но это указаніе едва ли относится къ товарищамъ кн. А. Н. Трубецкого, т.-е. А. В. Бутурлину, князьямъ Ромодановскому, Пожарскому и Львову. Вѣроятно тутъ разумѣлись недружелюбныя отношенія между главнымъ воеводою кн. Трубецкимъ и гордымъ кіевскимъ воеводою В. Б. Шереметевымъ, съ которымъ Трубецкой не хотѣлъ соединиться и дѣйствовать совокупными силами, несмотря на его призывы. (Объ ихъ непріязненныхъ отношеніяхъ у Эйнгорна прим. 167 на стр. 133.). Въ *Русскомъ Архивѣ* (1904 г. № 3) есть царская грамота Шереметеву въ октябрѣ 1659 г., похвальная за отбитіе Данилы Выговскаго отъ Кіева. Въ декабрѣ посланы ему съ товарищами и офицерами наградные золотые, а простымъ рейтарамъ, солдатамъ и срѣльцамъ золотыя деньги и золоченыя копейки. О тиранскихъ пыткахъ, учиненныхъ Данилѣ Выговскому, будто бы по царскому приказу, разсказываетъ Ерличъ въ своемъ Лѣтописцѣ. II. 37—38.

20. О военныхъ дѣйствіяхъ въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ. Акты Эксп. IV. № 119. Акты Ист. IV. № 72. Памят. Кіев. врем. Ком. IV. (Письма гетмана Потоцкаго и пр.). Дополн. къ III т. Дворц. Разр. 209, 210, 224. Записки Рус. и Слав. Археологіи. II. (Переписка царя съ воеводами). Ве-

личко (II. 13. О похвальбѣ Шереметева передъ походомъ и призывъ къ смиренію со стороны ректора Кіево-Могилянской коллегіи Іоанна Голятовскаго). Коховскаго Annales Poloniae. Tagebuch Гордона. Лѣтописецъ Ерлича (невсегда достовѣрный). Мемуары Паска. Дневникъ Михаила Обуховича, стражника в. княжества Литовскаго, писанный въ плѣну въ Москвѣ. (Изданіе газеты «Кіевскій Телеграфъ». 1862). Тейнера Monuments historiques relatifs d'Alexis Michaélowitsch. Rome. 1859. Акты Юж. и Зап. Рос. V., №№ 1—3, 12, 20—21. (Письма Юрія Хмѣльн., Московскихъ воеводъ, разспросныя рѣчи, договоръ Шереметева съ польскими гетманами). VII. № 104. (Отписка Шереметева въ мартѣ 1660 г.). Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». V. гдѣ подробно о Чудновскомъ походѣ, между прочимъ со ссылками на: портфель Г. Ѳ. Карпова, заключающій выписки изъ дѣлъ Малорос. приказа въ Арх. М. Юст. и Крымскихъ дѣлъ Архива М. Ин. Д.; портфель Малиновскаго въ библіотекѣ Архива М. Ин. Д.; столбцы Приказа Тайныхъ Дѣлъ; польскаго писателя Зеленевича Memorabilis victoria de Szeremetho, exercitus Moscorum duce; Свирскаго Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. (Zamosci. 1661); неизвѣстнаго автора Journal de ce qui s'est passé entre l'armée des Polonais et celle des Moscovites depuis le 9 septembre (Paris. 1660); Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. (Volumen II. Pars I. Cracoviae. 1880); Ausszug eines ausführlichen Schreibens, von vornehmer Hand auss Sambor. (1660), Extract eines gewissen Schreibens von hoher Hand aus Crakau (1660), и Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. (По мнѣнію Мартынова, авторъ сей рукописи Іоаннъ Казиміръ Даровскій, іезуитъ-священникъ, находившійся при польскомъ войскѣ). Костомарова «Гетманство Юрія Хмѣльницкаго». Вѣстн. Европы. 1868. Апрѣль и май.

21. Акты Юж. и Зап. Россіи. V. №№ 22—86, съ перерывами. (Переписка Москвы съ Украйной. Письма Золотаренка, Самка, епископа Меѳодія, Брюховецкаго, Л. Барановича, разспросныя рѣчи казацкихъ посланцевъ, челобитныя, избраніе Брюховецкаго). VI. №№. 1, 6, 12, 17. (Акты о пребываніи Брюховецкаго въ Москвѣ. Письма Меѳодія съ жалобою на стараго больного воеводу кн. Львова и съ выраженіемъ желанія, чтобы въ Кіевъ былъ назначенъ П. В. Шереметевъ. О насиліяхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ изъ Нѣмцевъ и Ляховъ надъ женами и вдовами въ городѣ Котельвѣ). VII. №№ 108—122. (Письма въ Москву Брюховецкаго, Золоторенка, отписки Гр. Ромодановскаго и воеводъ изъ Кіева, Переяслава, Нѣжина, между прочимъ доносы Чадаева на Барятинскаго и Волхонскаго на Чадаева, съ указаніемъ на «Черкасскую шатость». Статейный списокъ стольника Ладыжинскаго, посланнаго къ Брюховецкому, Самку и разнымъ полковникамъ). *Акты Истор.* IV. № 167. Симбирскій Сборникъ (бумаги Кикиныхъ). Дополн. къ III т. Дворц. Разр. II. С. 3. Книги Разрядныя. II. (Казнь Самка и Золот. 940) Памятн. Кіев. Ком. Акты Эксп. IV. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 26—51 (преимущественно о Брюховецкомъ). Самовидецъ. Тейнеръ. Гордонъ (который выдачу и казнь Самка

и Золотаренка прямо называетъ незаслуженными. I. стр. 332). Обуховичъ. «Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи». III. «Зап. Рус. и Слав. Археол.» II.

Въ V т. Актовъ Юж. и Зап. Россіи, № 63, любопытны 26 актовъ (съ апрѣля 1663 по январь 1665), относящихся до пребыванія въ Запорожьѣ стряпчаго Григорія Косагова, посланнаго дѣйствовать вмѣстѣ съ Запорожскими и Донскими казаками и Калмыками противъ Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ. Тутъ, кажется, впервые упоминается приказъ Малой Россіи съ бояриномъ Петр. Мих. Салтыковымъ и дьякомъ Ив. Михайловымъ, которымъ Косаговъ и другіе воеводы должны были посылать свои отписки изъ Украйны. Тутъ же постоянныя жалобы Косагова на скудость запасовъ и безкормицу, отчего люди его отряда (взятые изъ Бѣлгородскаго разряда у кн. Ромодановскаго) уходятъ въ свои полки къ Ромодановскому или просто по домамъ. Между прочимъ, здѣсь списокъ съ «прелетнаго» листа Павла Тетери къ Запорожцамъ, гдѣ онъ краснорѣчиво и вкрадчиво убѣждаетъ ихъ перейти на сторону короля, при чемъ съ пренебреженіемъ отзывается о царѣ, который будто бы не только ихъ, но и себя не можетъ оборонить. Это письмо читалось на радѣ: одна половина Запорожцевъ не захотѣла его слушать; а другая, наоборотъ, предалась шатости, и самому кошевому Сѣрку съ Косаговымъ грозила опасность быть убитыми. По сему поводу Косаговъ пишетъ трогательное посланіе къ отцу: нечая остаться живу, онъ проситъ заботиться объ его дочери и женѣ, русскую челядь отпустить на волю, а Татаръ удержать, чтобы пригодились на обмѣнъ. Укажемъ еще на его сообщенія о страхѣ, наводимомъ на Татаръ Калмыками, которые живьемъ не брали, а «въ рукахъ кололи»; что согласуется съ извѣстіемъ о нихъ Самовидца (стр. 88). Далѣе здѣсь извѣстія о походахъ Сѣрка съ Запорожцами на правобережную Украйну, перешедшую къ Польшѣ, за рѣки Богъ и Днѣстръ противъ Турокъ и Татаръ и пр. Въ т. V. (№ 142) любопытна отписка П. В. Шереметева съ приложеніемъ письма полковника Дворецкаго, который проситъ отдалить войскового писаря Захарку Шикѣева отъ гетмана Брюховецкаго за его строптивость, грабительство и злобу. Эсаулъ Щербанъ также жаловался на утѣсненія войску Запорожскому отъ Захара Шикѣева. Послѣдній былъ удаленъ. О своей лысой головѣ Брюховецкій говоритъ въ письмѣ къ полк. Дворецкому въ октябрѣ 1663 г. (Акты Юж. и Зап. Рос. V. № 84. стр. 192). По извѣстію Обуховича, въ мартѣ 1662 г. гетманъ Гонсѣвскій былъ отпущенъ изъ московскаго плѣна царемъ безъ выкупа и размѣна, а также съ обѣщаніемъ хлопотать о замѣнѣ его нѣкоторыми Московскими воеводами. При отпускѣ князь Юрій Долгорукій говорилъ ему, не будетъ ли возможнымъ выбрать на польскій престолъ царевича Алексѣя Алексѣевича (53).

О Нѣжинской радѣ 1663 г. и еп. Меѳодіѣ см. Карпова («Правосл. Обозр.» 1875. № 4). А. Востокова («Кіев. Старина». 1888. № 5). Вообще о той эпохѣ: Костомарова *Руина* («Вѣстн. Евр.» 1879. Апрѣль—сентябрь). Соловьевъ. Т. XI. Сумцова «Лазарь Барановичъ». Барсукова «Родъ Шереметыхъ». VI. Въ особенности Эйнгорна помянутое выше излѣд. Здѣсь съ большими подробностями изложены перепетіи, предшествовавшія избранію Брюховецкаго и

послѣдовавшія за нимъ, особенно о Лазарѣ Барановичѣ, о блюстителѣ митрополіи епископѣ Меѳодіѣ, который выдвигалъ не игумновъ или черное духовенство, а своихъ пріятелей протопоповъ разныхъ городовъ; о нѣжинскомъ протопопѣ Адамовичѣ, о Козелецкой и Нѣжинской радѣ, о неурядицахъ въ Малороссіи и неудовольствіи изъ-за мѣдныхъ денегъ, о дѣлѣ Самка и Золотаренка и пр. Укажемъ еще на статью П. Я. Спрогиса «Виленская Кальварія». (Газета «Запад. Вѣстникъ», 1904. № 54): послѣ гибели московскаго гарнизона съ кн. Мышецкимъ, въ ноябрѣ 1661 г. въ память освобожденія Вильны отъ Русскихъ виленское католическое духовенство, съ епископомъ Бѣлозоромъ и капитулой во главѣ, основало въ окрестностяхъ, именно въ Веркахъ, такъ наз. *Кальварію* — рядъ каплицъ или часовенъ, представляющихъ крестный путь Спасителя. О Діонисіѣ Балабанѣ, кромѣ указанныхъ въ 18 прим. см. Карпова въ «Правосл. Обозр.» 1874. № 1. Его же «Кіевская митрополія и Москов. правительство». М. 1876.

22. Акты Юж. и Зап. Рос. V, VI и VII. (Прибытіе П. В. Шереметева изъ Сѣвска въ Кіевъ, посылка полковника Горленка въ Москву Брюховецкимъ съ просьбою прислать на Кіевскую каѳедру лицо изъ Московскаго духовенства. Протесты противъ того со стороны Меѳодія и украинскаго духовенства. Отписки Шереметева, вопросы о построеніи избы для рейтаръ мѣщанами въ нижнемъ Кіевѣ и о латинскихъ школахъ въ Кіевѣ. Вражда Меѳодія съ гетманомъ. Переходъ Запорожцевъ на сторону Дорошенка. Татарская ему помощь. Сношенія Меѳодія съ Дорошенкомъ. Хлопоты Дорошенка объ освобожденіи Тукальскаго и Гедеона Хмѣльницкаго. И т. д.). Археографич. Сборникъ Документовъ для исторіи Сѣверо-запад. края. II. № 54. Акты Виленской Археогр. Коммиссіи. III. (Тѣ же вопросы о Тукальскомъ, объ избраніи митрополита и латинскихъ школахъ). П. С. З. I. № 398. (Андрусовскій договоръ). С. Г. Г. и Д. IV. № 54. (Царскій указъ туринскому воеводѣ Беклемишеву, по случаю статьи Андрус. договора о вязняхъ, прислать изъ Сибири плѣнныхъ, за исключеніемъ тѣхъ Поляковъ и Жидовъ, которые приняли православіе и пожелаютъ остаться или вступить на русскую службу). Любопытна статья 8-я договора о возвращеніи костельныхъ книгъ и библіотекъ, взятыхъ въ Вильнѣ и другихъ городахъ Короны и Литвы. Статья эта бросаетъ свѣтъ на распространеніе польскаго культурнаго и литературнаго вліянія на Руси непосредственно, т.-е. помимо малорусскаго посредничества.

Дворц. Раздряды. III. Тутъ, во-первыхъ, любопытно указаніе на царскіе походы въ подмосковныя села: Никольское, Измайлово, Всевидное, Воробьево, Коломенское, Семеновское, Преображенское, Хорошово, Домодѣлово, и въ монастыри: Троицкій, Саввинъ, Вознесенскій дѣвичій, Новоспасскій, Страстной, Андроньевъ, Богоявленскій, Алексѣевскій, Знаменскій, Предотеченскій. Въ Новоспасскомъ царь присутствуетъ на панихидѣ по Никитѣ Ив. Романовѣ въ 1666 г. 25 мая (столбецъ 623). Потомъ заслуживаютъ вниманія извѣстія: пріемъ въ 1664 г. англійскаго посольства Чарлуса (Говортъ), при которомъ былъ лѣкарь Самуилъ Коллинсъ. (Столбцы 554 и слѣд. 571 и слѣд.). Назначеніе

большихъ денежныхъ пеней для гостей, гостиной, суконной и торговыхъ сотенъ, которыя не будутъ выѣзжать въ золотѣ, когда должны быть по наряду на торжествахъ (616). Наказаніе батогами князя Ушакова-Жерякина за блудъ съ женою стрѣльца; а за продолженіе этого блуда его велѣно написать по городу (635). 16 октября 1667 г. встрѣча образа Одигитріи, который былъ захваченъ Поляками изъ обоза кн. Ив. Анд. Хованскаго въ бою около Полоцка, а теперь привезенъ польскими послами Беневскимъ и Брестовскимъ, пріѣхавшими для подтвержденія Андрусовскаго договора; ихъ торжественная встрѣча, пріемъ въ Грановитой палатѣ, обѣдъ въ Столовой избѣ, потомъ пріемъ въ Золотой палатѣ, при чемъ въ отвѣтѣ у нихъ былъ думный дворянинъ Ордынъ Нащокинъ. Тутъ замѣстничалъ съ нимъ стольникъ Мат. Ст. Пушкинъ, который не ставилъ Нащокина въ число «честныхъ людей», т.-е. высокородныхъ, будучи самъ человѣкъ «молодой» и «неродословный». Упорство Пушкина сломлено угрозою отобрать у него помѣстья. 12 ноября въ Грановитой палатѣ торжественная присяга царя на Евангеліи въ соблюденіи договора и затѣмъ обѣдъ. 9 декабря послы уѣхали, а съ ними отправились Ордынъ Нащокинъ и дьякъ Богдановъ, чтобы принять взаимную присягу отъ польскаго короля (671—722). Во время пріема помянутые польскіе послы вздумали сѣсть въ шапкахъ; за это невѣжество «рѣчи имъ отъ великаго государя противъ прежняго не было» (Ак. Юж. и Зап. Рос. IX. Столб. 484.) За Андрусовскій договоръ Ордыну Нащокину пожалована Порѣцкая волость. (Труды и Лѣтописи Об. И. и Др. VI. 181—182.)

Тѣ же сочиненія Бантышъ-Каменскаго, Маркевича, Соловьева Т. XII, Костомарова «Руина», Смирнова «Крымское Ханство», Эйнгорна «Отнош. Малорос. дух.» Его же «Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и Нѣжинскій могистратъ» (Кіев. Стар. 1891. Ноябрь.) Послѣдняя статья набрасываетъ тѣнь на безкорыстіе воеводы. А. П. Барсуковъ возражаетъ ея автору въ своемъ трудѣ («Родъ Шереметевыхъ» VI. 412). О сочиненіяхъ Бантышъ Каменскаго, Маркевича, объ Исторіи Руссовъ, приписываемой Конисскому, объ отношеніи Костомарова къ архивнымъ документамъ см. Карпова «Критич. обзоръ разработки главн. рус. источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся». М. 1870. и «Костомаровъ какъ историкъ Малороссіи». М. 1871.

23. Главный источникъ для данной эпохи, это—Акты Южной и Запад. Россіи. Т. V № 135. VI. №№ 39—71, съ перерывами. VII. №№ 4—34, съ перерывами. VIII. №№ 11, 13, 52. IX. №№ 4—178, съ перерывами. Затѣмъ: С. Г. Г. и Д. IV. №№ 58—80, также. Дополн. къ Акт. Ист. VI. №№ 13, 95. П. С. З. I. № 420. Чт. О. И. и Д. 1858. Ч. I. Арх. Югозап. Рос. Ч. I. Т. V. № 11. Памят. Кіев. Ком. II. Отд. I. № XXV.

Литература. Названные труды Бантышъ-Каменскаго, Маркевича, Соловьева, Костомарова, Сумцова, Эйнгорна. Объ Ордынъ-Нащокинѣ и Матвѣевѣ см. Бантышъ-Каменскаго «Словарь достопамят. людей Русской земли». Малиновскаго «Біографическія свѣдѣнія о первомъ въ Россіи канцлерѣ бояринѣ А. Л. Ордынъ-Нащокинѣ» (Труды и Лѣтоп. Об. И. и Д. VI. 1833 г.).

Терещенка «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ россійскими иностранными дѣлами». Ч. I. Спб. 1837. (Біографія Матвѣева). Иконникова «Ближній бояринъ А. Л. Ордынъ-Нащокинъ». (Рус. Старина. 1883. №№ 10 и 11.) В. О. Эйнгорна «Отставка А. Л. Ордына-Нащокина и его отношеніе къ Малороссійскому вопросу». Спб. 1897. Весьма благосклонная характеристика Ордына-Нащокина В. О. Ключевскимъ *Научное Слово*. 1904. III. И. А. Матвѣева: «Москва и Малороссія въ управленіе Ордына-Нащокина Малороссійскомъ приказомъ» (Рус. Архивъ. 1901. № 2), «Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ приказѣ Малой Россіи и его отношенія къ дѣламъ и людямъ этого времени» («Рус. Мысль.» 1901 г. Августъ и сентябрь) и «Батуринскій переворотъ 13 марта 1672 г.» («Рус. Старина» 1903. Сентябрь—ноябрь.) Въ «Исторіи о невинномъ заточеніи» въ челобитной царю Ѳедору въ числѣ своихъ заслугъ Арт. С-чъ указалъ слѣдующій фактъ. Когда Поляки по истеченія двухъ лѣтъ потребовали исполненія статьи Андрусовскаго договора объ отдачѣ имъ Кіева и посылкѣ вспомогательнаго войска, то, за неимѣніемъ серьезныхъ поводовъ не исполнить эту статью, по мысли его (Матвѣева) Полякамъ было поставлено на видъ изданіе враждебныхъ Московскому государю листовъ и особенно изданіе нѣкоего «Пашквиля», который совѣтовалъ коварно поступить съ Москвою, говоря, что «настало время ковать цѣпь и Троянскаго коня». Такое изданіе въ Москвѣ назвали нарушеніемъ Андрусовскаго договора, обязавшаго Польшу и Россію быть въ дружескихъ, союзныхъ отношеніяхъ. О пасквиляхъ, издававшихся въ Польшѣ противъ Москвы, см. Устрялова «Ист. Петра В.» II. 158.

На смерть Брюховецкаго Лазарь Барановичъ написалъ двѣ эпитафіи въ виршахъ. Изъ второй мы узнаемъ, будто сей гетманъ погибъ только 45 лѣтъ отъ роду. («Письма». 72—73.) Въ письмѣ къ Симеону Полоцкому, въ 1668 г. онъ говоритъ, будто «вся Литва и сильнѣйшая партія въ Польшѣ желаетъ, чтобы у нихъ былъ королемъ его милость царевичъ» (Ibid. 53). Анонимная «Ляментація» Кіево-братскихъ монаховъ (Кіев. Стар. 1884. № 10). О Суховѣенкѣ и Ханенкѣ у Самовидца. (Грабянка и Величко по своей необстоятельности мало полезны для данной эпохи). Относительно отреченія Яна Казиміра и выбора Вишневецкаго см. Шуйскаго Dzeje Polski. III и IV. Со ссылками на польскіе и общіе источники, между прочимъ на Censura Candidatorum короннаго подканцлера хельминскаго епископа Андрея Ольшевскаго. Этотъ послѣдній осуждаетъ всѣхъ иноземныхъ кандидатовъ и какъ бы мимоходомъ бросаетъ мысль о выборѣ Михаила Вишневецкаго. Крайне рѣзокъ отзывъ Ольшевскаго о кандидатурѣ московскаго царевича или самого царя: «Moskal podług niego to osioł ukoronowany. Rzym go nie chce, bo w nawrócenie jego trudno wierzyc. Smolenska takze nie odda». (Шуйскій IV. 8.) Многорѣчивыя посланія къ царю Нащокина со съѣзда въ Мигновичахъ приведены Соловьевымъ въ обширныхъ выпискахъ, извлеченныхъ изъ архивовъ Государственнаго и др. (Т. XII. Изд. 1862 г. Гл. I.) Что касается Демьяна Многогрѣшнаго, то Костомаровъ въ своей «Руинѣ» пытается оправдать его поведеніе и счи-

таетъ его невинооклеветаннымъ отъ непріязненной ему старшины. («Вѣст. Евр.» 1879.) Но по всѣмъ даннымъ эта невинность его очень сомнительна, хотя онъ и не успѣлъ привести въ дѣйствіе то, чѣмъ грозилъ, и что, повидимому, замышлялъ. На избраніи Самойловича присутствовали 10 полковниковъ лѣвобережныхъ: Переяславскій, Нѣжинскій, Полтавскій, Миргородскій, Черниговскій, Стародубскій, Прилуцкій, Лубенскій, Гадяцкій. (Кіевскій полкъ частью былъ на правой сторонѣ.) Къ сему избранію относятся Акты Юж. и Зап. Рос. IX. №№ 167, 170, 174—179. По царскому приказу рада должна была происходить, собственно, въ Конотопѣ; но старшины указывали на то, что въ окрестностяхъ Конотопа всѣ конскіе кормы были потравлены, и били челомъ произвести раду въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Бояринъ Ромодановскій съ московскими ратными людьми вышелъ изъ Путивля, а старшина съ казаками навстрѣчу ему изъ Конотопа, и условились остановиться въ Казачьей Дубровѣ.

24. Относительно «Книги о вѣрѣ» см. изданныя Н. И. Суботинымъ «Матеріалы для исторіи Раскола». VI. 148. Чт. О. И. и Д. 1846. III. Анд. Попова «Описаніе библіотеки Хлудова». № 90. «Житіе милостиваго мужа Ѳедора Ртищева» въ Др. Рос. Вивл. Изд. 2-е. Часть XVIII. О вліяніи на Ртищева дяди его Спиридона Потемкина, человѣка образованнаго, знавшаго греческій и латинскій языки, говоритъ дьяконъ Ѳедоръ (Матер. для Ист. Раск. VI. 230). Нѣкоторыя невѣрныя свѣдѣнія Житія Ртищева о Епифаніи Славинецкомъ исправляетъ Каптеревъ въ своемъ сочиненіи «Патріархъ Никонъ и его противники» (М. 1887), ссылаясь на Малороссійскія дѣла въ Архивѣ М. Ин. Д. Тутъ же и на основаніи тѣхъ же дѣлъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о вызовѣ въ Москву кіевскихъ ученыхъ Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго. О сношеніяхъ Никона съ константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ по вопросу объ исправленіи книгъ см. свящ. П. Николаевскаго «Новыя данныя для исторіи грамоты конст. патр. Паисія къ моск. патр. Никону». Эта отвѣтная грамота на вопросы Никона относится къ 1655 г. Привезъ ее грекъ Мануилъ, который исполнялъ порученія закупать разные товары въ Константинополѣ для царскаго двора, каковы: драгоцѣнные камни, жемчугъ, матеріи, конская сбруя и т. п. Черезъ него Никонъ заказывалъ для себя саккосъ и митру, стоимостію въ 1230 руб. Сношенія съ Москвою іерусалимскихъ патріарховъ, современныхъ Алексѣю I, Паисія, Нектарія и Досиѳея разсматриваются въ монографіи Каптерева, помѣщенной въ 43 выпускѣ «Православнаго Палестинскаго Общества». Спб. 1895. Изъ нихъ Нектарій принималъ участіе въ дѣлѣ Никона и обличеніи П. Лигарида. О языческихъ игрищахъ, суевѣріяхъ и безчиніяхъ въ церкви см. Акты Ист. III. № 92. IV. № 6. Акты Эксп. III. № 264. IV. №№ 19, 321, 324, 325, 327. Челобитныя государю иконописца Григорія изъ Вязьмы и неизвѣстнаго патріарху Іосифу о церковныхъ безпорядкахъ см. приложенія къ помянутому соч. Каптерева («Патр. Никонъ и его против.») и Записки

Рус. Архел. Об. II. 394—396. О недовольныхъ ученіемъ Кіевлянъ и Грековъ см. въ томъ же сочиненіи Каптерева (139 — 141), со ссылкою на Арх. М. Ин. Д. Тутъ и «Дѣло по доносу чернеца Саула на бояръ Засѣцкаго, Голосова, благовѣщенскаго дьячка Константина». С. А. Бѣлокурова «Дѣяніе Московскаго церковнаго собора 1649 г.» (Изъ духовной жизни Московскаго общества XVII вѣка. М. 1903.) Этотъ соборъ былъ созванъ по челобитной патр. Іосифа и всего Освященнаго собора на протопопа Стефана Вонифатьева, который со своимъ кружкомъ (Ртищевъ, Никонъ и пр.) рѣзко возсталъ противъ безпорядковъ въ церкви и за единогласіе. Челобитная напечатана П. И. Суботинымъ въ «Братскомъ Словѣ» за 1886 г. подъ № 17. Изъ нея видно, что Вонифатьевъ называлъ патріарха не пастыремъ, а волкомъ, также и Освященный соборъ бранилъ волками губителями. Но царь принялъ сторону Вонифатьева, и вторымъ соборомъ по сему предмету утверждены единогласіе и другія постановленія о церковномъ благочиніи. О неудовольствіи на сіи постановленія сообщаетъ извѣтъ гавриловскаго попа Ивана на поповъ Прокопія и Савву, которые говорили: «Заводите де вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе и людей въ церкви учите, а мы де людей прежъ сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ». (Каптерева cit. opus. 137. Гурлянда «Тайный приказъ» 76, со ссылкою на Государств. Архивъ.). Объ Арсеніи Грекѣ и ссылкѣ его въ Соловецкій монастырь въ «Чт. Общ. Любит. Духовн. Просвѣщенія» 1881. Іюль. Объ Арсеніи Сухановѣ главные источники: его «Проскинитарій», который былъ изданъ въ Казани въ 1870 г., а потомъ Палестинскимъ Обществомъ въ 1889 г.; затѣмъ его «Статейный списокъ» и «Пренія съ Греками о вѣрѣ», напечатанные С. А. Бѣлокуровымъ во второмъ томѣ его изслѣдованія «Арсеній Сухановъ». М. 1894. Первый томъ сего изслѣдованія представляетъ обстоятельную біографію Суханова съ подробнымъ описаніемъ его путешествій въ Грецію, на Востокъ и на Аѳонъ и точными свѣдѣніями о пріобрѣтенныхъ имъ рукописяхъ, основанными на дѣлахъ Грузинскихъ и Греческихъ Архива М. Ин. Д. Кромѣ того, пособіями для данныхъ предметовъ могутъ служить: Митроп. Макарія «Исторія Рус. Церкви» (Т. XI и XII. Спб. 1882 — 1883) и его статья о «Двуперстіи съ историч. точки зрѣнія» (Брат. Слово. I. М. 1875), а также Каптерева «Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Для сношеній съ Грузіей «Статейн. списокъ посольства Толочанова въ 1659 г.» Древ. Рос. Вивл. V. Также см. т. XVI.

25. Біографія Ив. Неронова и документы о немъ въ изд. Суботина «Братское Слово». Годъ первый, кн. 1 и 2. М. 1875. «Челобитная нижегородскихъ священниковъ 1636 года въ связи съ первоначальной дѣятельностію Ив. Неронова». (Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества и пороками въ русскомъ быту XVII вѣка. Чт. О. И. и Д. 1902. II. Смѣсь). «Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ составленное». (Матеріалы для исторіи раскола. Т. V). Разумѣется, не все въ этомъ житіи правдиво и откровенно, и оно требуетъ критическаго отношенія. О столкно-

веніи Логгина съ муромскимъ воеводою и челобитьѣ Муромцевъ епископу Мисаилу «Братское Слово». Годъ первый. Кн. I. Воздвиженскаго «Историческое обозрѣніе Рязанской іерархіи». 1820. Записки Павла Алеппскаго. Первая глава «Винограда Россійскаго» Семена Денисова заключаетъ въ себѣ «Повѣсть о патр. Никонѣ», конечно съ раскольничьей точки зрѣнія. А о Павлѣ Коломенскомъ во второй главѣ сообщается, что онъ былъ сосланъ въ Палеостровскій монастырь, откуда его «паки къ Новогородскимъ странамъ отвезше, по томленіи многомъ священнаго епископа въ срубѣ огненной смерти предаша». Это сомнительное извѣстіе, очевидно, идетъ отъ Аввакума. (См. Александра Б. «Описаніе» раскольничьихъ сочиненій. I. 124—132. II. 47).

26. О личномъ имуществѣ Никона, его облаченіяхъ, наклонности къ роскоши и стяжательности и трехъ основанныхъ имъ монастыряхъ. Переписная книга его домовой казны (Временникъ Об. И. и Д. XV. Отд. 2); Записки Павла Алеппкскаго; «Указатель Московской разницы» Саввы; книга записная облаченій Никона въ рукописи Москов. Синодальной библіот., на которую ссылается митр. Макарій (XII. 291—296). Шушерина «Житіе Никона». Письма Рус. государей. Т. I. «Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря» (1582—1706), собранные архим. Леонидомъ. СПБ. 1878. (Рус. Истор. Библ. изд. Археогр. коммиссіи. Т. V.). П. С. З. I. № 211 и Записки Рус. Отд. Арх. Общества. II. (Перечислены села, деревни угодья и пр., состоявшія во владѣніи Никоновыхъ монастырей). П. С. З. II. № 1119. (О вотчинахъ и угодьяхъ, пожалованныхъ царемъ Крестному монастырю). Архим. Леонида «Историческое описаніе Воскресенскаго монастыря». М. 1873. «Жизнь святѣйшаго Никона патріарха Всероссійскаго». Изданіе того же монастыря. М. 1879. «Исторія Россійск. іерархіи». IV. «Рай мысленный». (По ссылкѣ митр. Макарія. XII. 248—255). Обычай прихожанъ помѣщать въ церкви свои иконы, ставить передъ ними свѣчи и имъ исключительно молиться упоминается въ Мейерберговомъ путешествіи въ Московію. (Чт. О. И. и Д. 1873. Ш. Отд. IV). Любопытны «Челобитныя патр. Никону съ его собственноруч. рѣшеніями». Числомъ 37, въ 1657—1663 гг. (Рус. Архивъ. 1894. № 3). Почти всѣ онѣ относятся къ владѣніямъ трехъ Никонов. монастырей.

О событіяхъ 8—10 іюня и послѣдующихъ затѣмъ сообщаютъ: Шушеринъ. Дворц. Разр. III. Перехваченное письмо Никона къ цареград. патріарху Діонисію. (Зап. Отд. Рус. и Славян. Археологіи. II). Н. И. Суботина «Дѣло патріарха Никона». М. 1862. Сіе дѣло, хранящееся въ Государств. архивѣ, изложено митроп. Макаріемъ въ его XII т. и Гюббенетомъ въ его «Историч. изслѣдованіи». Ч. I и II. СПБ. 1882—1884. Съ приложеніемъ многихъ подлинныхъ документовъ. Но вообще не легко установить подробности этихъ событій по нѣкоторой сбивчивости и неточности записей въ источникахъ. См. также «Голосъ или мнѣніе» архимандрита Полоцкаго Борисоглѣбскаго м. Игнатія Іевлевича на соборѣ 1660 г. Онъ совѣтуетъ прежде всего спросить мнѣніе вселенскаго, т.-е. Цареградскаго, патріарха (Древ. Рос. Вивл. III. 374—382).

27. О мѣдныхъ деньгахъ, фальшивыхъ монетчикахъ и народномъ мятежѣ. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 9, 18, 23, 29—33. *Акты Ист.* IV. №№ 158, 163, 168. *Акты Эксп.* №№ 90, 93, 110, 126, 129, 144, 147, П. С. З. I. №№ 338—344. Котошихинъ въ главѣ VII, по поводу Приказа Большой казны, въ которомъ вѣдались денежные дворы, даетъ подробности о серебряныхъ деньгахъ, передѣланныхъ изъ привозныхъ ефимковъ, о фальшивыхъ монетчикахъ, о бунтѣ 28 іюля 1662 года и послѣдующихъ казняхъ. Онъ говоритъ, что послѣ отмѣны мѣдныхъ денегъ онѣ обмѣнивались въ казнѣ: за мѣдный рубль давалось десять денегъ серебряныхъ. Не есть ли это извѣстіе болѣе вѣроятно, чѣмъ сообщеніе оффиціальной грамоты (С. Г. Г. и Д. IV. Стр. 123), по которой за мѣдный рубль давали двѣ серебряныя деньги, т.-е. одну копейку. Выходило бы, что сама казна цѣнила мѣдныя деньги во сто разъ дешевле серебряныхъ! № 158 Актовъ Историч. представляетъ подробности, характерныя для нравовъ и уголовнаго судопроизводства, по поводу наказаній фальшивыхъ монетчиковъ. Напримѣръ, кто рѣжетъ маточники, съ нихъ переводитъ чеканы и деньги дѣлаетъ, тому отсѣчь лѣвую руку и обѣ ноги. Кто съ чужихъ маточниковъ чеканы рѣжетъ и деньги дѣлаетъ, тому отсѣчь по лѣвой рукѣ и ногѣ. Кто покупаетъ маточники и чеканы для дѣланія денегъ, тому отсѣчь лѣвую руку. Кто укралъ маточники и чеканы, а денегъ еще не дѣлалъ, тому отсѣчь у лѣвой руки два перста. И т. д. При меньшей степени преступленія наказаніе уменьшается; вмѣсто отсѣченія членовъ, напр., битье кнутомъ; при еще меньшемъ вмѣсто кнута батоги. Пытки разумѣются сами собой. Всѣхъ статей этой градаціи 27; по акту недостаетъ конца. Грамота № 18 (въ С. Г. Г. и Д. IV), отъ 17 октября 1660 года, хотя о фальшивыхъ деньгахъ не упоминаетъ, но, очевидно, имѣетъ къ нимъ отношеніе. По царскому указу торговые люди были допрошены боярами о причинахъ дороговизны хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ въ Москвѣ и о средствахъ противъ этой дороговизны. Высшія статьи торговыхъ людей указали на недороды, на излишнее винокуреніе и пивовареніе, на закупщиковъ и кулаковъ, которые надбавливаютъ цѣну. Онѣ совѣтуютъ отмѣнить кружечные дворы и поварни, стрѣльцамъ выдавать хлѣбное жалованье хлѣбомъ, взявъ его у патріаршихъ и монастырскихъ волостей, закупщиковъ, барышниковъ и кулаковъ отбивать, т.-е. не пускать на торгъ и до извѣстнаго часу не позволять имъ покупать на стругахъ и возахъ. А черныя сотни сослались еще на моровое повѣтріе, отъ котораго уменьшилось число пашенныхъ людей. Поименовали и главныхъ закупщиковъ (москвича Якова Шустова и коломнянина Мих. Бечевина). Указали еще на корчемство и совѣтовали, чтобы на кружечныхъ дворахъ было вина понемногу.

По розыску о мятежѣ 1662 года, однако, ясно, что и дороговизна припасовъ и самый мятежъ вызваны были по преимуществу упадкомъ мѣдныхъ денегъ. О томъ см. любопытные матеріалы, извлеченные Зерцаловымъ изъ Архива Мин. Юстиціи, изданные имъ въ Чт. О. И и Др. (1890 г. III) и отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ

селѣ Коломенскомъ въ 1648, 1662 и 1771 гг.». По царскому указу, въ февралѣ и апрѣлѣ 1662 года окольничій Родіонъ Матв. Стрѣшневъ и бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій съ дьяками разспрашивали о дороговизнѣ старостъ и людей Кадашевской слободы. Тѣ отвѣчали, что «безмѣрная дороговь хлѣбная и соляная и всякій харчъ учинились не отъ недороду, а отъ мѣдныхъ денегъ». А черныя сотни и слободы указали на то, что зарубежные Греки мѣдными деньгами скупили большую соболиную казну и серебряныя деньги, чѣмъ нанесли большой ущербъ русскимъ торговымъ людямъ, а дороговь чинится отъ воровскихъ мѣдныхъ денегъ. Тоже подтвердили гости, гостиная и суконная сотни; они прибавили, что нѣмецкіе торговцы товары свои перестали продавать на мѣдныя деньги, а требуютъ за нихъ серебряныхъ или русскихъ товаровъ. Для обсужденія мѣръ противъ бѣдствія они совѣтовали призвать въ Москву изъ всякихъ чиновъ и городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ, отзываясь, что имъ однимъ «того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно». Царь однако Земскаго собора по этому дѣлу не созвалъ. Въ слѣдующемъ 1663 году вновь спрошенные торговые люди повторили тѣ же самыя причины дороговизны и обнищанія русскихъ торговцевъ, т.-е. мѣдныя деньги. Въ томъ же году по счетамъ приказовъ отобрано мѣдныхъ денегъ въ Москвѣ и въ городахъ на 1.432.000 руб. Далѣе приведены акты судебнаго разбора о мятежѣ съ перечисленіемъ участвовавшихъ въ немъ солдатъ Шепелева полку и рейтаръ полковъ Тарбѣева, фонъ-Визина, Билбаса, Полуектова, Челюсткина и пр. Съ солдатами участвовало и нѣсколько офицеровъ, напр., князь Крапоткинъ, Полозовъ, Грабленой и пр. Ихъ били кнутомъ или батогами и сослали. Нѣсколько солдатъ попало изъ полку Данила Краферта. Изъ рейтарскаго полку Христофора Мингауса попало нѣсколько Кадомскихъ татаръ-мусульманъ, а изъ полку Томаса Шала нѣсколько Свіяжскихъ татаръ. Коноводовъ казнили по вышепомянутой системѣ. Напр., стрѣльцу приказа Артамона Матвѣева Ногаеву отрубили лѣвую руку, обѣ ноги и отрѣзали языкъ; другихъ наказали отсѣченіемъ руки или ноги, кнутомъ и ссылкой. Попалось и нѣсколько церковныхъ дьячковъ.

Солдаты Шепелевскіе вмѣстѣ съ гилевщиками выгоняли торговцевъ изъ лавокъ и грозили побить тѣхъ, кто не пойдетъ за ними. Въ толпу гилевщиковъ многіе попали случайно. Напримѣръ, къ 25 іюля изъ Басманной слободы въ Коломенское были наряжены старостой 20 человѣкъ тяглецовъ съ имянинными пирогами, ради имянинъ царевны Анны Михайловны; да изъ Огородной слободы наряжено было 8 человѣкъ запасныхъ «къ подъему съ кушаньемъ для имянинаго стола царевны», чтобы «подыматься вверхъ съ кушаньемъ». Что царевна Анна Михайловна была имянинница 25 іюля, на то есть указаніе въ Дворц. Разр. III. 817. На сіи акты, изданные Зерцаловымъ, см. рецензію г. Платонова «Нѣчто о земскихъ сказкахъ 1662 года». «Торговыя московскія корпораціи подавали и сказывали многія сказки о пополненіи серебра». («Статьи по Рус. Ист.» Спб. 1903 г. 160). Объ этихъ сказкахъ говоритъ и г. Алексѣевъ въ своей статьѣ о земскихъ соборахъ (Журн. для

всѣхъ. 1902). О данныхъ событіяхъ см. также у Мейерберга и въ Дневникѣ Гордона (2 часть. 1 глава). Соловьевъ (Т. XI. Гл. IV) также даетъ нѣкоторыя подробности о мятежѣ со ссылкою на Арх. М. Юст. Столбцы Приказнаго стола. Относительно семьи московскихъ гостей Шориныхъ имѣемъ любопытную жалованную грамоту 1667 г. Михаилу Ѳед. Шорину за заслуги его предковъ и его собственныя, оказанныя у таможенныхъ и кабацкихъ дѣлъ, у пятиннаго сбору, у медвяной и восковой покупки, жалуются разныя льготы. Такъ, судить его можетъ только тотъ, кому велитъ государь, присягу въ искахъ могутъ принимать его люди вмѣсто него самого; онъ освобождается отъ военныхъ постоевъ, подводъ и повинностей; имѣетъ свободный путь съ товарами во всѣ города сибирскіе и восточные; за его гостиное безчестье взимается 50 руб. («Сборникъ» кн. Хилкова. № 92, стр. 290).

Въ нашей литературѣ обыкновенно сравниваютъ уравненіе мѣдныхъ денегъ съ серебряными при Алексѣѣ I съ ассигнаціоннымъ банкомъ, устроеннымъ во Франціи по проекту Джона Лоу. Но по основной своей идеѣ ассигнаціи суть векселя на полученіе звонкой монеты, и упадокъ ихъ конечно зависѣлъ отъ излишнихъ выпусковъ; тогда какъ мѣдныя деньги по своему назначенію не имѣли размѣна на серебряную монету, слѣдовательно не имѣли главнаго условія для равноцѣнности съ серебряными. А потому ихъ искусственно возвышенная цѣна никакъ не могла упрочиться въ народномъ употребленіи.

28. Вопросы Стрѣшнева и отвѣты Лигарида у Гюббенета въ «Историч. изслѣд.» о дѣлѣ Никона. Текстъ ихъ въ т. II. Приложеніе XVI. Тѣ же отвѣты см. «Обличеніе на Никона патріарха, написанное для ц. Алексѣя Мих—ча», взятое изъ рукописнаго раскольничьяго сборника XVII вѣка («Лѣтописи Рус. литературы и древности», изд. Тихонравова. Т. V. М. 1863). Содержаніе книги Никона съ возраженіями на эти отвѣты подробнѣе другихъ изложено у митр. Макарія, т. XII. Гюббенетъ и Макарій о двукратной посылкѣ грека Мелетія ко вселенскимъ патріархамъ и путешествіи двухъ патріарховъ въ Москву. Царская грамота къ Турецкому султану о дозволеніи архіереямъ прибыть въ Москву по церковнымъ дѣламъ у Гюббенета II. Прилож. XXXIX. Тамъ же акты о дѣлахъ Бобарыкинскомъ и Зюзинскомъ. Въ *Письмахъ* Лаз. Барановича (№ 5) есть любопытное посланіе къ нему Паисія Лигарида (сентябрь 1664 г.), исполненное большихъ притязаній на эрудицію, свѣтскую и церковную, имѣющее наставительный, нѣсколько высокомѣрный тонъ. Здѣсь между прочимъ онъ сѣтуетъ на то, что Никонъ царскую библіотеку обратилъ въ запечатанный колодезь и даже «заперъ книги, присланныя со Святой горы». (Подлинникъ письма латинскій. По сему поводу см. въ Ч. О. И. и Др., 1874. № 5, Опись книгамъ и рукописямъ, взятымъ въ 1671 г. изъ Иверскаго подворья Воскресенскаго м. въ Патріаршую ризницу). Переписка Никона съ митроп. икон. Аѳанасіемъ и посланцемъ іерусал. патр. Нектарія *Рус. Архивъ*. 1873. № 9). Вильяма Пальмера The Patriarch and the

Tsar. The replies of the humble Nicon by the mercy of god patriarch against the questions of the boyar Simeon Streshneff and the answers of the metropolitan of Gaza Paisius Ligarides. London. 1871. Этотъ англійскій переводъ отвѣтовъ Никона на обвиненія Стрѣшнева и Паисія снабженъ довольно большимъ предисловіемъ, въ которомъ переводчикъ явно становится на сторону Никона. О. Пирлинга «Паисій Лигаридъ».—Дополнительныя свѣдѣнія изъ римскихъ архивовъ. («Русская Старина». 1902. Февраль).

29. Соборъ 1666—1667 гг. и судъ надъ Никономъ. Главный источникъ акты, извлеченные Гюббенетомъ изъ архивовъ и изложенные въ его изслѣдованіи. Ч. II. СПБ. 1884. Дѣянія собора 1666 г. въ Дополн. къ Акт. Ист. V. № 26 и въ Братскомъ Словѣ. 1876. Кн. 2-я. Записки отдѣленія Рус. и Славян. археологіи. Т. II. Тутъ В. И. Ламанскимъ напечатаны нѣкоторые документы изъ дѣлъ Тайнаго приказа. Акты Истор. IV. № 191. П. С. З. I. №№ 412 и 442. С. Г. Г. и Д. №№ 27, 34—38, 52, 53. Грамота объ осужденіи Никона по-гречески въ Москов. Синод. Библіотекѣ (по-каталогу 1823 г. № 9), а по-славянски издана въ Др. Рос. Вивл. III и въ С. Г. Г. и Д. IV. № 53. Свитокъ четырехъ патріарховъ Ibid. № 27. Шушерина «Житіе Никона». Паисія Лигарида «Исторія о Соборѣ на патр. Никона». Симеона Полоцкаго «Сказаніе о дѣяніяхъ Московскаго Собора 1666 г.» въ извлеченіяхъ въ Др. Рус. Вивл. VI, въ I томѣ П. С. З. № 397 и въ Матеріалахъ для исторіи раскола. II. «Новые матеріалы для исторіи слѣдственнаго дѣла надъ патріар. Никономъ». (Три документа, изданные кн. М. Оболенскимъ въ Архивѣ Калачова.) «Прибавленіе къ жизнеописанію патр. Никона». Рига. 1788. Примѣромъ тѣхъ клеветъ или небылицъ, которыя были распускаемы о Никонѣ его врагами, могутъ служить извѣстія Рингубера: будто Никона между прочимъ обвиняли въ содоміи и въ намѣреніи возмутить народъ противъ царя, будто судъ, заключая его въ монастырь, назначилъ ему наказаніе розгами ежедневно послѣ утренней молитвы. А преемникъ его будто назывался Филаротъ! (11 и 13.)

Весьма любопытное изслѣдованіе принадлежитъ Н. И. Суботину «Дѣло патріарха Никона. По поводу XI тома *Исторіи Россіи* проф. Соловьева». М. 1862. Это изслѣдованіе имѣетъ своей задачей защитить Никона отъ нареканій и его осужденія, такъ какъ Соловьевъ рѣшительно склоняется на сторону его противниковъ. При отчетливомъ изложеніи самого дѣла достоуважаемый авторъ изслѣдованія сумѣлъ ясно и талантливо сказать все что можно въ защиту Никона и критически отнестись къ дѣйствіямъ его противниковъ, говоря audiatur et altera pars. Но съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на поведеніе Никона въ его распрѣ съ царемъ, историкъ не можетъ его оправдать, какими бы недостатками и непослѣдовательностію ни отличались дѣйствія его противниковъ. Царь слишкомъ долго терпѣлъ отсутствіе патріарха и вообще выказалъ въ этомъ дѣлѣ много нерѣшительности и непослѣдовательности. Бояре обнаружили много вражды къ патріарху и пользовались всѣми обстоятельствами противъ него. Тѣмъ не менѣе

Никонъ кругомъ виноватъ, и поведеніе его оправдать невозможно. Если бы онъ боролся за идею, за церковную власть—другой вопросъ; но въ его дѣйствіяхъ и словахъ на первомъ планѣ почти всегда личныя стремленія и притязанія.

О томъ, какъ Алексѣй Михайловичъ долго не могъ разстаться съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ и все дѣлалъ ему отпуски и провожанія отъ Москвы до Острова въ теченіе почти недѣли см. Дворц. Разр. III. 758—790.

30. *Братское слово.* 1875. Кн. 2-я (Документы о Нероновѣ и игуменѣ Ѳеоктистѣ). Кн. 4-я (Документы о протоп. Аввакумѣ, попѣ Никитѣ, дьяконѣ Ѳеодорѣ, попѣ Лазарѣ, поддьякѣ Трофимовѣ, старцѣ Ефремѣ Потемкинѣ и др. «Протопопъ Аввакумъ какъ вѣроучитель и законодатель раскола»). 1876 г. Кн. 1-я. (Акты, относ. къ собору 1666—1667 гг. Перечень раскольниковъ, судившихся на соборѣ, изложеніе ихъ дѣла и допросовъ. Дѣянія Больш. Моск. Собора 1666—1667 гг. Соч. Семеона Полоцкаго). Кн. 2-я (Продолженіе Дѣяній Собора 1666 г. и начало Дѣяній Собора 1667 г.). Кн. 3-я. (Окончаніе Дѣяній Собора 1667 г.). Кн. 4-я. (Матеріалы для исторіи Соловецкаго мятежа). «Матеріалы для исторіи Раскола». Изд. Н. И. Суботинымъ. Томы I. II. III. IV. V. VI. (О Соловецкомъ мятежѣ, «Челобитная» попа Никиты, Сочиненія Лазаря, поддьяка Ѳедора, дьякона Ѳедора, Автобіографія Аввакума, его челобитныя царю и посланія разнымъ лицамъ). Т. IX (Паисія Лигарида опроверженіе челобитной попа Никиты). Акты Экспедиціи. IV. № 184. (Наказная память попу Борису Никитину объ отправленіи богослуженія по новоисправленнымъ служебникамъ, объ употребленіи просфоръ съ четвероконечнымъ крестомъ, о единогласномъ пѣніи и запрещеніи священникамъ и церковнослужителямъ переходить отъ одной церкви къ другой). Попъ Никита самъ говоритъ о своемъ публичномъ покаяніи въ челобитной государю, 1667 года. (Чт. О. И. и Д. 1902. Кн. 2. Смѣсь). О. Симеонѣ Полоцкомъ: Іерофея Татарскаго «Симеонъ Полоцкій. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII вѣка». М. 1886. Изслѣдованіе В. Попова «Симеонъ Полоцкій какъ проповѣдникъ». М. 1886. Л. Н. Майкова «Симеонъ Полоцкій» въ его «Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій». Спб. 1889. О книгѣ *Жезлъ Правленія* статья проф. Никольскаго въ «Христіан. Чт.» 1860. ч. II. «О напаствованіи протопопа Аввакума» и «О заточеніи дьякона Ѳеодора». (Изъ раскольнич. Сборника XVII вѣка. *Лѣтописи рус. литературы и древности* Тихоравова. Т. V. М. 1863). Аввакумово Житіе боярыни Морозовой въ Матеріалахъ для исторіи раскола, изд. Н. И. Суботина. Т. VIII. Еще прежде оно было передаваемо Забѣлинымъ въ его «Домашній бытъ царицъ». Гл. 2. и Тихонравовымъ въ *Рус. Вѣст.* 1865. № 9.

Устряловъ («Исторія царст. Петра В.» II. Прим. 59) ссылается на И. М. Строева, который въ 1820 году видѣлъ въ Боровскѣ на городищѣ у острога камень съ почти изгладившейся надписью о томъ, что здѣсь погребены княгиня

Евдокія Прокоп. Урусова и боярыня Өедосья Прокоп. Морозова. «А сію цку положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Өедоръ Прокофьевичъ, да окольничій Алексѣй Прокофьевичъ Соковнины». Что надпись эта относится къ болѣе позднему времени, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство: Өедоръ Соковнинъ былъ еще думнымъ дворяниномъ при кончинѣ Алексѣя Михайловича. (Древ. Рос. Вивл. Изд. 2-е. XX. «Послужной списокъ бояръ, окольничихъ» и пр. Стр. 12.)

Къ наиболѣе важнымъ пособіямъ по данному предмету относятся: Еп. (впослѣд. митроп.) Макарія «Исторія Русскаго раскола». Второе изд. Спб. 1858. Изслѣдованіе Щапова «Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ Русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и первой половинѣ XVIII». Казань 1859. Алексадра Б. «Описаніе нѣкот. соч., написанныхъ русс. раскольниками». Спб. 1861.

31. О мятежѣ Разина. Иностранные и притомъ современные источники: Іоанна Стрюйса Les voyages en Moskovie, en Tartarie, en Perse etc. Lyon. 1682. Съ рисунками. (Это французскій переводъ съ голландскаго подлинника, изданнаго въ 1676 году въ Амстерд. Стрюйсъ былъ въ Астрахани очевидцемъ Разина и его казаковъ). Relaton des particularités de la rebellion de Stenko Razin. Paris. 1672. (Современный переводъ съ Англійскаго). Штурцфлейша Stephanus Razin Donicus cosacus perduellis, publicae disquistioni exhibitus praeside Conrado Samuele Schurtzfleisch, respondente J. J. Martio. Wittenbergae. 1683. Русскіе источники: Акты Истор. IV. №№ 202 (Розыскное дѣло о бунтѣ Разина и его сообщниковъ), 218, 226 (Розыскъ объ убіеніи митр. Іосифа). Акты Эксп. IV. №№ 177—186. П. С. З. I. №№ 503. 504. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 71 (Донесеніе подъячаго Колесникова о взятіи Астрахани Разинымъ), 72—87, съ перерывами. Дополн. къ Акт. Истор. VI. № 12. Древн. Рос. Вивл. VIII. Рус. Архивъ 1888. № I (Случай въ Веневѣ, гдѣ воевода велѣлъ ударить въ сполошный колоколъ и объявить «прелестную» отписку Разина). Сборникъ Хилкова. № 87. (Царская грамота, 1670 г. Октября 12, тамбовскимъ и козловскимъ ратнымъ и жилецкимъ людямъ о дѣйствіяхъ Стеньки Разина съ увѣщаніемъ служить вѣрно царю противъ измѣнниковъ). Ал. Попова «Исторія возмущенія Стеньки Разина» (*Рус. Бесѣда.* 1857), основанная на актахъ, извлеченныхъ изъ Москов. архивовъ Мин. Юстиціи и Мин. Иностр. Дѣлъ. Акты эти изданы въ видѣ приложенія особой книгой подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина». М. 1857. У Соловьева кромѣ, того, указано еще на документы, хранящіеся въ Архивѣ Мин. Юст. подъ №№ 1567 и 1573, и на извѣстія, случайно включенныя въ Малорос. дѣла 1668 года. Москвитянинъ. 1841. Ежемѣсяч. сочиненія, изд. Академіи Наукъ. 1763. Ноябрь «О бунтѣ Стеньки Разина». Монографія Костомарова «Бунтъ Сеньки Разина». Изд. 2-е. Спб. 1859. Койэтъ въ гл. 27 повторяетъ, что причина бунта было желаніе отомстить за брата, который повѣшенъ воеводою во время войны

съ Поляками за самовольный уходъ изъ войска. Голландское посольство въ 1676 г. видѣло голову и части четвертованнаго тѣла Разина на Болотѣ, а также голову казненнаго Лжесимеона. Разинъ будто бы щадилъ второго астраханскаго воеводу кн. Семена Львова потому, что въ первый приходъ свой въ Астрахань послѣ грабежей въ Персіи онъ подружился съ Львовымъ, пилъ, ѣлъ и спалъ въ его домѣ, и они «назвались межъ себя братьями». («Исторія о невин. заточеніи бояр. Матвѣева». 211—212.) Засѣчная линія или черта отъ Волги къ Сурѣ была построена въ 1648 г. окольничимъ Богданомъ Матв. Хитрово.

32. *Акты Экспедиціи.* IV. №№ 160, 168, 171, 191, 197, 203, 215. *Акты Истор.* IV. № 248. Дополн. къ *Акт. Ист.* V. № 67. Тутъ многіе и любопытные акты объ осадѣ Соловецкаго монастыря 1668—1676 г., о поведеніи и образѣ дѣйствія послѣдовавшихъ одинъ за другимъ воеводъ Волохова, Іевлева и Мещеринова, объ ихъ притѣсненіяхъ и грабежахъ, подробности о количествѣ ратныхъ людей, вооруженіи, запасахъ и т. п. (Между прочимъ упоминаются пищали «скорострѣльныя»). Означенные акты вошли въ третій томъ «Матеріаловъ для исторіи раскола», изданныхъ подъ редакціей Н. И. Суботина, подъ заглавіемъ «Акты, относящіеся къ исторіи Соловецкаго мятежа» (М. 1878). Тутъ впервые появились въ печати и мѣстами снабжены комментаріями многіе документы, каковы: челобитныя грамоты, разспросныя рѣчи, отписки, наказы, сказки и пр. Они «заимствованы главнымъ образомъ изъ свитковъ *Синодальной Библіотеки*». (См. предисловіе.) Соловьевъ (Т. XI. Гл. V. Прим. 76) сообщаетъ нѣкоторыя подробности Соловецкой осады на основаніи Архива Мин. Юстиціи столбцевъ Приказнаго стола №№ 1525, 1533 и 2159. Проф. Казанскій въ своей статьѣ «Кто были виновники Соловецкаго возмущенія?» (Чт. О. И. и Д. 1867. Кн. 4) позволилъ себѣ упрекать почтеннаго историка въ томъ, что онъ не дѣлаетъ точныхъ хронологическихъ указаній на эти грамоты и даже «смѣшалъ порядокъ событій». См. также Семена Денисова «Исторія объ отцѣхъ и страдальцахъ Соловецкихъ». Замѣчанія о мятежѣ соловецкаго архимандрита Макарія съ 1678 г. (Чт. О. И. и Д. 1846. № 3.) Еще см. «Акты (Числомъ 32), относящіеся къ исторіи Соловецкаго бунта» съ предисловіемъ Е. В. Барсова. (Чт. О. И. и Д. 1883 г. Кн. 4. Смѣсь). Эти акты относятся только къ 1674 году и даютъ любопытныя подробности объ осадѣ монастыря воеводой Мещериновымъ и о защитѣ его (т.-е. монастыря), также о состояніи военнаго дѣла въ московскомъ отрядѣ (между прочимъ сказка огнестрѣльныхъ мастеровъ о приготовленіи зажигательныхъ снарядовъ для двухъ верховыхъ пушекъ, т.-е. мортиръ), о нѣкоторыхъ вожакахъ у мятежниковъ, о начальникахъ царской рати; видимъ постоянныя ихъ жалобы на невыдачу жалованья и корма и т. п. А въ Чт. О. И. и Д. за 1884 г. (Кн. 1-я Смѣсь) «Дѣло о пограбленіи Соловецкаго монастыря воеводою Ив. Мещериновымъ». Здѣсь любопытны челобитная самого Мещеринова на притѣсненія, чинимыя ему отъ его преемника кн. Влад. Волконскаго, и роспись имущества,

которое онъ отобралъ у Мещеринова. Въ перечнѣ этого имущества встрѣчаемъ довольно значительное количество печатныхъ и рукописныхъ книгъ, взятыхъ съ собой изъ Москвы или пріобрѣтенныхъ въ Холмогорахъ и Сумскомъ острогѣ—главнымъ образомъ книги церковныя; но есть и лѣчебныя, о ратномъ строеніи, Александріи и т. п.

33. (Въ текстѣ эта цифра поставлена на 375 стр. вмѣсто 382.) Коховскаго Annal. Polon. Climacter IV. (Страдаетъ неточностію и путаницею фактовъ.) Приложеніе III «Паденіе Каменца». Паска «Pamiętniki» (подробности о Голомбской конфедераціи). Дополн. къ Акт. истор. VI. № 64 (о поруганіи Турками христіанства при взятіи Каменца; тутъ же царскій смотръ и приготовленія Алексѣя Мих—ча лично выступить въ походъ противъ Турокъ; извѣстія о гранатахъ, которыя стали дѣлать сами Русскіе и о Донскихъ казакахъ). С. Г. Г. и Д. IV. №№ 82—93 (военныя дѣйствія противъ Турокъ и Крымцевъ, похвальная грамота Сѣрку, выборъ Самойловича правобережнымъ гетманомъ и пр.). Акты Юж. и Зап. Рос. Т. XI. (Здѣсь часть грамотъ напечатана вновь.) №№ 4, 36 и 50 (о возращеніи Сѣрка изъ ссылки), 5 (любопытныя подробности о Запорожской сѣчи на устьяхъ Чертомлыка), 56, 63, 71 (любопытныя подробности о взятіи Каменца), 117 (Самойловичъ, Дорошенко иСѣрко), 180 (какой-то майоръ иноземецъ въ русскомъ войскѣ при осадѣ Чигирина «дѣлаетъ нововымышленную стрѣльбу»: начиняетъ трехсаженныя выдолбленныя бревна порохомъ съ разными составами и хочетъ бросать ихъ въ городъ; отъ нихъ долженъ произойти такой тяжелый духъ, что осажданные не въ состояніи будутъ тушить огонь, произведенный гранатами. Какой былъ результатъ сей нововымышленной стрѣльбы, неизвѣстно). Посольства царя къ иностраннымъ державамъ послѣ паденія Каменца см.: «Памятники диплом. сношеній». IV. Бантыша Каменскаго «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи». А. Попова «Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—77 гг.» СПБ. 1854. О Павлѣ Менезіи статья Чарыкова въ *Историч. Вѣстникъ*. 1900 г. Ноябрь и декабрь. У Тейнера въ Monuments historiques къ посольству Менезія относятся №№ 70—76. Въ числѣ пособій можно указать: Цинкейзена «Geschichte des Osmanischen Reiches. V. Шуйскаго Dzieje Polski. IV. Смирнова «Крымское ханство». Эварницкаго «Исторія Запорожскихъ казаковъ». Т. II. СПБ. 1895. Мѣстами нелишено нѣкотораго интереса сочиненіе Павлищева «Польская анархія при Янѣ Казимірѣ и война за Украйну». Часть 3-я. СПБ. 1878.

34. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 89, 90, 94, 96, 99. (Переписка о Міускѣ, Лжесимеонѣ и Мазепѣ). Ак. Ю. и Зап. Рос. XI. №№ 68, 109, 110, 119, 151—184, съ перерывами (Лжесимеонъ и Мазепа). Паска Pamiętniki (о Мазепѣ). Дополн. къ Ак. Ист. IX. № 1. Пособія большею частію тѣ же, что выше. Кромѣ того, извѣстная диссертація Эйнгорна «Снош. Малорос. дух. съ Москов. прав—мъ». Противъ Паисія Лигарида дѣйствовалъ іерусалимскій патріархъ Досиѳей, который вновь подвергъ его запрещенію, обвиняя въ тайныхъ сношеніяхъ съ Римомъ. Ходатайство царя въ 1671 г. о снятіи

запрещенія на сей разъ не имѣло успѣха. Пріѣзжій въ Москву грекъ Спаѳарій поддерживалъ эти обвиненія. Вліяніе хитраго Лигарида на царя ослабѣло. Въ 1673 г. онъ былъ отпущенъ на востокъ; по совѣту, присланному изъ Константинополя придворнымъ переводчикомъ грекомъ Панагіотомъ, рѣшено не выпускать Паисія изъ предѣловъ московскихъ. По наказу государя, кіевскіе воеводы задержали его и водворили въ Софійскомъ монастырѣ. Дополн. къ Ак. Истор. VI. №№ 47, 54. Каптерева «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII вв.» М. 1885. Прилож. № 5. Далѣе обратимъ вниманіе на слѣдующій фактъ. Обыкновенно историки Малороссіи вообще и Запорожья въ частности (въ томъ числѣ помянутые въ предыдущемъ примѣчаніи) повторяютъ разсказъ Величка (II. 358—364) о посылкѣ султаномъ осенью 1675 года 15.000 янычаръ въ Крымъ для того, чтобы, соединясь съ Татарами, они зимой напали на Запорожскую сѣчь и разорили бы ее вконецъ. Съ этими янычарами соединились и 40.000 Татаръ. Ханъ будто бы дѣйствительно предпринялъ походъ. Ночью, пользуясь сномъ пьянаго Запорожскаго войска, янычары незамѣтно проникли въ средину Сѣчи; но тутъ случайно были открыты однимъ Запорожцемъ, выглянувшимъ въ окно. Онъ разбудилъ сѣчевиковъ; а послѣдніе открыли изъ оконъ такой огонь, что янычары большею частію пали, и только не многіе спаслись бѣгствомъ. Но весь этотъ разсказъ, не подтверждаемый никакими другими источниками, такъ фантастиченъ, что его можно смѣло отнести къ тѣмъ невѣроятнымъ извѣстіямъ, которыми изобилуетъ лѣтопись Величка.

35. Дополн. къ Ак. Истор. III. №№ 52, 80, 92—98. Въ № 52 любопытны слѣдующія подробности. Въ 1647 г. Шелковникъ изъ Охотскаго острога послалъ въ Якутскъ промышленнаго человѣка Ѳедулку Абакумова съ отпискою и просьбою о присылкѣ подкрѣпленія. Когда Абакумовъ съ товарищами стоялъ станомъ на вершинѣ рѣки Маи, къ нимъ подошли Тунгузы со своимъ князцемъ Ковырею, котораго два сына находились аманатами въ русскихъ острогахъ. Не понимая ихъ языка, Абакумовъ подумалъ, что Ковыря хочетъ его убить; выстрѣлилъ изъ пищали и положилъ князьца на мѣстѣ. Раздраженные тѣмъ, дѣти и родственники послѣдняго возмутились вмѣстѣ съ нѣкоторыми родами, напали на русскихъ людей, занимавшихся соболинымъ промысломъ на р. Маѣ, и убили изъ нихъ одиннадцать человѣкъ. А сынъ Ковыри Турченей, сидѣвшій аманатомъ въ Якутскомъ острогѣ, потребовалъ отъ воеводъ, чтобы они выдали Ѳедулку Абакумова ихъ родственникамъ для казни. Воевода Пушкинъ съ товарищи подвергъ его пыткѣ и, посадивъ въ тюрьму, донесъ о томъ царю и спрашивалъ, какъ ему поступить. Отъ царя получилась грамота, въ которой подтверждалось, чтобы туземцевъ приводили подъ царскую высокую руку лаской и привѣтомъ. Ѳедулку велѣно, наказавъ нещадно кнутомъ на козлѣ въ присутствіи Турченея, опять посадить въ тюрьму до указу, а въ выдачѣ его отказать, сославшись на то, что это гуляющій не служилый человѣкъ, который убилъ

Ковырю по ошибкѣ и что Тунгузы уже самовольно отомстили, убивъ 11 русскихъ промышленниковъ. Та же грамота предписывала послать служилыхъ людей на Охту «въ прибавку». Очевидно, убійство Ковыри вызвало не малое волненіе и на нѣкоторое время обострило отношенія мѣстныхъ Тунгузовъ къ Русскимъ.

О походахъ М. Стадухина и другихъ опытовщиковъ на сѣверо-востокѣ. Дополн. къ Ак. Ист. III. №№ 4, 24, 56 и 57. IV. №№ 2, 4—7, 47. Въ № 7 отписка Дежнева Якутскому воеводѣ о походѣ на р. Анадырь. Словцева «Историч. Обозр. Сибири». 1838. I. 103. Онъ возражаетъ противъ того, чтобы Дежневъ плавалъ въ Беринговомъ проливѣ. Но Крижаничъ въ своей Historia de Siberia положительно говоритъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ убѣдились въ соединеніи Ледовитаго моря съ Восточнымъ океаномъ. О походѣ Пущина на Юкагировъ и Ламутовъ Акты Истор. IV. № 219. Вас. Колесникова—на Ангару и Байкалъ Дополн. къ Ак. Ист. III. № 15. О походахъ Пояркова и другихъ въ Забайкальѣ и на Амуръ Ibid. №№ 12, 26, 37, 93, 112 и 113. Въ № 97 (стр. 349) служилые люди, ходившіе со Стадухинымъ за Колыму рѣку, говорятъ: «А лежитъ тутъ на берегу заморская кость многая, мочно де той кости погрузить многіе суды». Походы Хабарова и Степанова: Акты Истор. IV. № 31. Дополн. къ Ак. Ист. III. №№ 72, 99, 100—103, 122. IV. №№ 8, 12, 31, 53, 64 и 66 (о гибели Степанова, о Пашковѣ), 116 (о Толбузинѣ). V. № 5 (отписка енисейскаго воеводы Голохвостова нерчинскому воеводѣ Толбузину о посылкѣ ему 60 стрѣльцовъ и казаковъ въ 1665 г. Тутъ упоминаются острожки въ Дауріи: Нерчинскій, Иргенскій и Теленбинскій), 8 и 38 (о построеніи Селенгинскаго острога въ 1665—6 гг. и досмотрѣ его въ 1667 г.). По поводу событій или ихъ послѣдовательности въ актахъ встрѣчается нѣкоторая сбивчивость. Такъ по одному извѣстію Ерофей Хабаровъ въ первый походъ имѣлъ бой съ Даурами и тогда же занялъ Албазинъ (1650 г.), гдѣ и оставилъ 50 человѣкъ, которые «всѣ прожили до его Ярофея здоровья», т.-е. до его возвращенія. (Ак. Ист. IV. № 31). А по другому акту (Дополн. III. № 72) онъ въ этотъ походъ нашелъ всѣ улусы пустыми; о занятіи же Албазина ничего не говорится. Въ № 22 (Дополн. VI) Албазинъ названъ «Лавкаевымъ острожкомъ». Въ путешествіи Спаѳарія Албазинскій острогъ названъ «Лавкаевымъ городкомъ». Въ обширномъ наказѣ 1651 года отъ Сибирскаго приказа посланому на воеводство въ Даурскую землю Аѳан. Пашкову Албазинъ упоминается въ числѣ Лавкаевыхъ улусовъ. Пашкову между прочимъ предписывается послать людей на р. Шингалъ къ царямъ Богдойскому Андрикану и Никонскому (Японскому?) склонять ихъ, чтобы они «поискали его великаго государя милости и жалованья». (Рус. Ист. Библ. Т. XV). О паденіи китайской династіи Мингововъ и водвореніи Манджурской династіи въ Пекинѣ есть извѣстія, впрочемъ, довольно сбивчивыя, въ «Описаніи Сибирскаго царства», составленномъ въ концѣ XVII вѣка. (Сборникъ А. А. Титова. «Сибирь въ XVII вѣкѣ». Стр. 93.) Тутъ первый манджурскій императоръ названъ «богдоханъ Маха», который

прежде былъ «богдуйскимъ князцемъ». О Гантимірѣ-уланѣ Акты Истор. IV. № 31 и Дополн. VI. № 6. (Въ послѣднемъ № также о дѣйствіяхъ Никифора Черниговскаго противъ Дауровъ и Дючеровъ, о посылкѣ въ Китай Милованова съ товарищи и переводъ богдыхановой грамоты царю Алексѣю). О путешествіи Байкова въ Китай Акты Ист. IV. № 75. Сахарова «Сказаніе Рус. народа». II. и Спасскаго «Сибирскій Вѣстникъ» 1820. О безчестіи сестры Черниговскаго и его мщеніи упоминаетъ Крижаничъ въ своей «Исторіи Сибири» (помянутый Сборникъ А. А. Титова. 213). А вообще о корыстолюбіи, насилованіи женщинъ и убіеніи за то Обухова Черниговскимъ съ товарищи въ Дополн. VIII. № 73.

Такой же примѣръ взяточника и блудника-насильника представляетъ нерчинскій приказчикъ Павелъ Шульгинъ въ концѣ Алексѣева царствованія. Служилые люди нерчинскихъ остроговъ подали на него жалобу царю въ слѣдующихъ его дѣяніяхъ. Во-первыхъ, имущество служилыхъ людей, оставшееся послѣ умершихъ или убитыхъ на ясачномъ сбору, онъ присвоиваетъ себѣ. Во-вторыхъ, съ одинхъ бурятскихъ князцовъ бралъ взятки и отпускалъ ихъ аманатовъ, послѣ чего они ушли въ Монголію, отогнавъ казенные и казачьи табуны; а къ другимъ бурятскимъ родамъ, именно Абахая Шуленги и Тураки, подсылалъ Тунгузовъ, чтобы отогнать у нихъ табуны. «Да у него жъ Абахая Шуленги сѣдитъ въ Нерчинскомъ сынъ въ аманатахъ и съ женою Гуланкаемъ, и онъ Павелъ ту аманатскую жену, а его Абахаева сноху своимъ насильствомъ емлетъ къ себѣ на постелю сильно, по многое время, и въ банѣ съ нею парится, и та аманатская жена твоему государеву посланнику Николаю Спаѳаріи въ томъ его Павловѣ блудномъ насильствѣ извѣщала и во всемъ мірѣ всякимъ чиномъ людемъ являла». По этой причинѣ Абахай со всѣмъ своимъ родомъ отъѣхалъ отъ острогу и отогналъ государевы и казачьи табуны. Далѣе Павелъ Шульгинъ обвинялся въ томъ, что изъ казенныхъ хлѣбныхъ запасовъ курилъ вино и варилъ пиво на продажу, отъ чего хлѣбъ очень вздорожалъ въ Нерчинскѣ и служилые люди терпятъ голодъ. Люди Шульгина «зернь держали», т.-е. запрещенную азартную игру. Не довольствуясь аманатской женой, онъ еще «ималъ трехъ казачьихъ ясырей (плѣнниковъ)» въ съѣзжую избу, а отсюда бралъ ихъ къ себѣ на ночь, «и послѣ себя тѣхъ ясырей отдавалъ людямъ своимъ на поруганіе». Служилыхъ людей онъ «бьетъ кнутьемъ, и батогами безвинно; взявъ въ руку по пяти или по шести батоговъ, приказываетъ бить нагихъ по спинѣ, по брюху, по бокамъ и по стегнамъ и т. д. Этого ужаснаго человѣка нерчинскіе служилые люди сами отставили отъ начальства, а на мѣсто его выбрали до государева указу сына боярскаго Лопшакова и казачьяго десятника Астраханцева; о подтвержденіи ихъ выбора они и бьютъ челомъ государю. (Дополн. къ Ак. Ист. VII. № 75). По донесенію сего Шульгина, незадолго до его смѣщенія въ 1675 г. часть ясачныхъ Тунгузовъ, уведенныхъ Мунгалами, потомъ воротилась въ Даурію въ русское подданство (Акты Истор. IV. № 250). Въ томъ же 1675 г. видимъ примѣры того,

что сами Дауары, вслѣдствіе китайскихъ притѣсненій, просились въ русское подданство. Чтобы оборонить ихъ отъ Китайцевъ, албазинскій приказчикъ Михаилъ Черниговскій (преемникъ и родственникъ Никифора?) съ 300 служилыхъ людей самовольно предпринималъ походъ или «чинилъ поискъ» надъ Китайскими людьми на Гань рѣку (Дополн. VI. № 133). О построеніи Черниговскимъ Албазинскаго острога упоминаетъ путешествіе Спаѳарія. (133.)

О Спаѳаріи и его посольствѣ въ Китай. Акты Истор. IV. № 251. Дополн. VI. № 54. (Дѣло объ отпускѣ изъ Москвы въ Палестину Паисія Лигарида, которому преемникомъ въ качествѣ греческаго и латинскаго переводчика является Спаѳарій и занимаетъ его помѣщеніе на Симоновскомъ подворьѣ). VII. № 67. (Акты относ. къ его путешествію въ Китай.) П. Сырку «Николай Спаѳарій до его пріѣзда въ Россію». (Зап. Вост. Отд. Археол. Об. Т. III. Вып. 3. Спб. 1889). И. Н. Михайловскаго: «Очеркъ жизни и службы Николая Спаѳарія въ Россіи». Кіевъ. 1895, и «Важнѣйшіе труды Николая Спаѳарія (1672—1677). Кіевъ. 1897. Ю. В. Арсеньева: «О сношеніяхъ молдав. господаря Стефана Георгія съ Москвою» (Рус. Архив. 1896. II); «Путешествіе чрезъ Сибирь. Ник. Спаѳарія въ 1675 г.» Дорожный его дневникъ съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева. Спб. 1882. Его же «Новыя данныя о службѣ Н. Спаѳарія въ Россіи (1671—1708)». (Чт. О. И. и Д. 1900. IV). Относительно тунгузскаго владѣтельнаго князя Гантимура см. Ю. В. Арсеньева «Родъ княжей Гантимуровыхъ». («Моск. Вѣд.» 1904. № 130), со ссылками на Д. Н. Бантышъ-Каменскаго «Дипломатическій сборникъ дѣлъ между Россіей и Китаемъ», изданный В. М. Флоринскимъ (Казань. 1882). Спаѳарій въ Нерчинскѣ видѣлся съ Гантимуромъ и изображаетъ его храбрымъ богатыремъ. Пособіемъ для данной эпохи могутъ служить еще: Щукина «Подвиги Русскихъ на Амурѣ въ XVII вѣкѣ». («Сынъ Отечества. 1848. № 9). Н. Оглоблина: «Семенъ Дежневъ». Спб. 1900, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» (Чт. О. И. и Д. 1900. III) и «Восточно-Сибирскіе полярные мореходы XVII в.» (Ж. М. Н. Пр. 1903. Май). Въ послѣдней статьѣ на основаніи архивнаго матеріала г. Оглоблинъ сообщаетъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ мореходахъ середины XVII вѣка, всего о девяти лицахъ, каковы: извѣстный Мих. Стадухинъ, потомъ Ив. Ребровъ, Вас. Бугоръ, Елисей Буза, Ив. Ерастовъ, Прок. Брагинъ, Ив. Бѣляна, Вас. Власьевъ и Юрій Селиверстовъ. Между прочимъ сообщаются свѣдѣнія о «группѣ якутскихъ служилыхъ людей, бросившихъ государеву службу и бѣжавшихъ по р. Ленѣ и на море въ качествѣ гулящихъ людей» въ 1647 г. Сибирскій приказъ отнесся къ нимъ мягко изъ опасенія «раздражить грозными репрессаліями служилыхъ людей далекихъ окраинъ». Любопытны указанія на *князцовъ* якутскихъ, юкагирскихъ, алазѣйскихъ, которыхъ русскіе служилые люди должны были смирять оружіемъ и принуждать къ уплатѣ ясака.

36. О Калмыкахъ. Акты Ист. IV. №№ 72, 131 и 252. Дополненія къ Ак. Ист. III. №№ 85 и 90. IV. №№ 71, 124, 132 и 145. V. №№ 4, 24, 33, 49, 71 и 92. VI. №№ 9, 84, 93 и 126. Тутъ изъ акта № 84

видно, что мелкіе калмыцкіе тайши отъѣжали съ своими улусами одни въ Крымъ, другіе къ Киргизамъ, третьи къ Дзюнгарамъ или къ Китайцамъ, вслѣдствіе междоусобій и тѣснимые большими тайшами. Въ числѣ послѣднихъ упоминается Дундукъ тайша, внукъ Далая, сынъ Кашакъ Батыма, кочевавшій между Ишимомъ и Вагаемъ и бывшій въ состояніи выставить на службу государю до 3000 копииковъ. Любопытно, что кошоуцкой Далай Абаши тайша, «онъ же Баянъ Абагай» (въ юго-западной Сибири) никуда не отъѣхалъ потому, что со всѣми въ мирѣ и посылаетъ «Ючюртѣ хану и инымъ большимъ тайшамъ отъ себя, что которому надобно», а самъ ни на кого не нападаетъ. «Да у него жъ родятся въ улусѣ коровы, а у нихъ коневьи хвосты (яки?), да и въ Тобольскъ де такіе коровы для почести въ подаркахъ къ начальникамъ присылываны». Дворц. Разр. III. 468 (упоминаніе о присягѣ Калмыковъ въ 1655 г.). П. С. З. I. №№ 316 и 540 (присяга Бунчука и Аюкая тайшей). О сношеніяхъ съ Алтынъ-ханомъ, съ Черными и Бѣлыми Калмыками въ 1609 г. см. Рус. Истор. Библіотеки т. II. №№ 84 и 85. Сборникъ кн. Хилкова. № 84: Статейный списокъ посольства Степана Бобарыкина въ Мугальскую землю». Онъ былъ въ улусахъ Лобзяна Саина контайши, а отъ него ѣздилъ въ Верхніе Киргизы къ князцу Баку съ товарищи.

37. О боѣ черкесскаго князя Муцала, Донскихъ казаковъ и Московскихъ людей съ Крымцами и Ногаями въ 1646 г. Акты Москов. Госуд. II. 174. О походѣ Каспулата Муцаловича съ Сѣркомъ, Донцами и Калмыками С. Г. Г. и Д. IV. № 100. О подданствѣ грузинскихъ владѣтелей П. С. З. I. №№ 98, 244, 568. Котошихинъ. 21. Грамота молдав. воеводѣ Стефану по поводу его подданства въ П. С. З. I. № 180. Оборонительныя линіи, построеніе новыхъ городовъ, укрѣпленіе прежнихъ, татарскіе набѣги и отношенія: Акты Эксп. IV. № 16. Акты Истор. IV. №№ 52, 80, 206, 216. Дополн. къ Ак. Ист. III. № 64. IX. №№ 219, 220, 258—303. Акты Юж. и Зап. Рос. VIII. 273. П. С. З. I. №№ 48, 49, 479, 518. Дворц. Разр. III. Стр. 22, 91 и слѣд. Котошихинъ. 45 и 55. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 100, 102. Относительно малороссійскихъ поселеній: Акты, сообщенные В. Н. Холмогоровымъ въ Чт. О. И. и Д. 1885. Кн. 2. Акты Юж. и Зап. Рос. Т. III и XI. Лѣтописи Грабянки и Самовидца. Записки Одес. Об. Ист. и Др. Т. I. 352. Де-Пуле «Матеріалы для исторіи Воронежской губ.» Воронежъ 1861. Д. И. Багалѣя «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства». Харьковъ. 1886. Его же «Очерки изъ исторіи колон. и быта степ. окр. Моск. госуд.» М. 1887. Германова «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Воронеж. губ.» (Записки Геогр. Об. Кн. XII.). Преосв. Филарета «Историко-Статист. Описаніе Харьковскаго епископства». III. и IV. В. Д. Смирнова «Крымское ханство». Спб. 1887. На вопросъ, какой держаться системы противъ Крымской Орды, наступательной или оборонительной, обратилъ вниманіе Юрій Крижаничъ «Русское государство въ половинѣ XVII столѣтія.» (Изд. 1859 г. подъ редакціей Безсонова). Онъ довольно основательно доказываетъ преимущества системы наступательной,

совѣтуетъ во что бы нистало утвердиться въ Крыму и даже увлекается идеей перенести туда русскую столицу. Д. И. Багалѣй, разбирая его сужденія (стр. 277—283 помянутыхъ «Очерковъ»), относится къ нимъ вполнѣ сочувственно. Съ своей стороны я отчасти раздѣляю это мнѣніе. А что касается потомъ двухъ неудачныхъ походовъ кн. В. В. Голицына, то они не доказываютъ противнаго; ибо были плохо организованы и еще хуже выполнены.

38. Мейербергъ. Гордона Tagebuch. Древн. Рос. Вивл. VIII. (Отзывъ Чемоданова о русскомъ войскѣ). Котошихинъ. Гл. IX. («О воинскихъ сборахъ»). Арцыбашева «Повѣствованіе» III. 92. прим. 567 (объ отправкѣ И. Д. Милославскаго въ 1646 г. въ Голландію съ порученіемъ пригласить мастеровъ желѣзнаго дѣла, опытныхъ капитановъ и солдатъ 20 человѣкъ «добрыхъ самыхъ ученыхъ». Дополн. къ Ак. Ист. III. № 49. (1649 годъ). Здѣсь помѣщена роспись иноземцамъ офицерамъ и солдатамъ, которые посланы въ Заонежскіе погосты съ полковниками Гамолтовымъ (Гамильтономъ) и Кормихелемъ для обученія солдатскому строю «по смотру» боярина И. Д. Милославскаго. Полковникъ Александръ Гамолтовъ «помѣстный», т.-е. надѣленный землею; а у него «кормовые» (т.-е. состоящіе на жалованьи) майоръ Корнеліусъ Фроліюсъ, капитаны Михайло Лицконъ, Робертъ Еллетъ, Яковъ Реттихъ, Индрикъ Андерсонъ, Еремѣй Фалентиновъ сынъ Росформъ, поручики Андрей Нилсонъ, Лоренцъ Ивертъ, Анцъ Вульфъ и т. д., прапорщики Ѳедоръ Бушъ, Лаврентій Кельдеманъ и пр. Между прочимъ встрѣчаются и русскія имена: кормовой поручикъ Олферій Алабышевъ и «помѣстные рядовые иноземцы» Степанъ Алабышевъ и Василій Плаксинъ. Далѣе слѣдуютъ полковой лѣкарь Венденъ Дохрутъ (Дохтуръ?), полковой квартермейстеръ, писарь, сержанты, капралы и рядовые. Въ томъ же родѣ роспись офицеровъ и солдатъ полку Мунго Кормихеля. Вмѣсто капраловъ тутъ каптенармусы, кромѣ того профосы. Отсюда видимъ, что почти всѣ иностранныя названія нашихъ военныхъ чиновъ и разрядовъ уже тогда существовали. Обоимъ полкамъ кормовыхъ денегъ на полгода вмѣстѣ съ конскимъ кормомъ назначено по памятямъ Иноземскаго приказа изъ Большого Приходу 3051 рублей 14 алтынъ 4 деньги. Ibid. № 65 (того же 1649 года). Наказъ воеводѣ Ивашису Кайсарову о вѣдѣніи крестьянами Сумерской и Старопольской волостей Старорусскаго уѣзда, обращенными въ осѣдлыхъ солдатъ, а потому освобожденными отъ платежа даней и оброковъ. Слѣдовательно, вотъ къ какому времени восходитъ начало Старорусскихъ военныхъ населеній, тогда лежавшихъ близъ пограничья со Шведскимъ королевствомъ. Тутъ и роспись иноземныхъ офицеровъ-инструкторовъ. Дополн. IV. №№. 49 (Въ 1658 г. Милославскій пишетъ полковнику Францу Траферту, отправленному въ Голландію, о пріисканіи хорошихъ инженеровъ на службу его Царскаго величества), 128 (Приказъ 1663 г. Томскимъ воеводамъ прибрать 200 рейтаръ, для обученія которыхъ посылается изъ Москвы полковникъ Яганъ Фандергейденъ съ его сыномъ, зятемъ и двоюроднымъ братомъ; послѣдніе въ качествѣ поручи-

ковъ. Полковнику положено жалованья по 45 руб. въ мѣсяцъ, да прибавочнаго по 25 алтынъ на рубль, конскаго корму на шесть мѣсяцевъ на пять лошадей по 20 алтынъ въ мѣсяцъ на лошадь; а поручикамъ на два мѣсяца на двѣ лошади по 20 алтынъ на лошадь; на подъемъ полковнику 50 руб. а поручикамъ по 12 руб.). Сборникъ кн. Хилкова №№. 86. (1668 г. Грамота изъ Разряда стольнику и воеводѣ Змѣеву въ Тамбовъ о наборѣ людей въ драгуны и обученіи ихъ строю), 90 (1670 г. Челобитная генерала Бовмана объ увольненіи его и отпускѣ въ Данію и выписка объ его службѣ и повышеніи чинами). О пріѣздѣ Лефорта въ Россію см. Дополн. къ Ак. Ист. IX. № 40 и Устрялова «Ист. царств. Петра В.» Глава I.

«Матерьялы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, собранные трудами Ив. Забѣлина». Изданіе Москов. Город. Думы. Ч. I. 1884 г. Тутъ между прочимъ (1228—1238 стр.) изложенъ матерьялъ о большомъ Царскомъ смотрѣ 1664 года, извлеченный изъ записокъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ М. Ин. Д. Подобный же царскій смотръ въ 1670 г. во время бунта Стеньки Разина слегка описываетъ Рейтенфельсъ; но очевидно преувеличиваетъ. Въ теченіе 8 дней, — говоритъ онъ, царь осматривалъ собранныхъ подъ стѣнами Москвы 60.000 (?) дворянъ; за каждымъ начальникомъ вели подъ устцы нѣсколько верховыхъ лошадей, до того обремененныхъ покрывалами и украшеніями изъ серебра золота и драгоцѣнныхъ камней, что отъ этой тяжести онѣ едва двигались (?). О царскомъ смотрѣ обученныхъ иностранными офицерами 1200 чел. пѣхоты у Гордона I. 339. Что крылатый отрядъ конницы состоялъ именно изъ царскихъ сокольниковъ, о томъ см. Дополн. къ Ак. Ист. VI. № 64. Стр. 256. Датскій резидентъ Магнусъ Гей (Гоэ), смотрѣвшій на богато убранную конницу спальниковъ, стольниковъ, дворянъ, сокольниковъ, конюховъ, замѣтилъ, что крылья у сокольниковъ устроены по образцу польскому, только люди еще богаче убраны. Пристрастный и малоосновательный Рингуберъ говоритъ (11), что русская конница плоха, а пѣхота хороша, но что безъ нѣмецкой команды она будто бы неохотно сражается, а подъ предводительствомъ нѣмецкихъ офицеровъ, молъ, идетъ въ огонь и въ воду. О крылатыхъ всадникахъ и конныхъ пажахъ у Таннера и фанъ Кленка. Карцева «Военноисторическій обзоръ Сѣверной войны». Карцевъ указываетъ на то, что въ 1647 г. былъ изданъ въ Москвѣ въ переводѣ съ нѣмецкаго военный уставъ «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей», съ чертежами построеній и движеній. Но этотъ уставъ, первоначально сочиненный еще при Карлѣ V, былъ очень сложенъ и неудобенъ; притомъ онъ уже устарѣлъ послѣ преобразованій, совершенныхъ Густавомъ Адольфомъ. Онъ заключалъ въ себѣ между прочимъ построеніе терцій, какъ онѣ употреблялись Тиллиемъ и Валленштейномъ, въ видѣ штерншанцевъ, тенальныхъ фронтовъ и прочихъ фигуръ, имѣвшихъ цѣлью усиленіе огня пѣхоты. Нѣсколько страницъ о московской военной системѣ XVII в. см. въ сочиненіи генерала П. А. Гейсмана «Генеральный штабъ». Спб. 1903.

О кораблѣ «Орелъ» Дополн. къ Ак. Ист. т. V. №№ 46 и 47 (обширныя выписки изъ дѣлъ о построеніи флота въ Дѣдновѣ, контракты съ голландскими мастерами, о жалованьи и кормовыхъ деньгахъ мастерамъ и пр. Любопытно, что въ Амстердамѣ нѣсколько мастеровъ, получивъ задатки отъ Бутлера, обманули его и скрылись). О сожженіи Орла Разинымъ сообщаетъ Стрюйсъ. Берхъ (1.251), на основаніи Стрюйса, называетъ капитаномъ корабля не Бутлера, а Бухговена. Но изъ помянутыхъ выписокъ видно, что иноземцы полковникъ Корнеліусъ фанъ Буковенъ вмѣстѣ съ полуполковникомъ Яковомъ Старкомъ, какъ знающіе корабельное дѣло, были командированы изъ Москвы для надзора и руководства за строеніемъ и вооруженіемъ кораблей. Когда строилась означенная флотилія, въ декабрѣ 1668 г., какой-то капитанъ подалъ правительству проектъ о построеніи для Каспійскаго моря еще судна на подобіе каторги съ веслами. Проектъ былъ изложенъ по-русски переводчикомъ Посольскаго приказа Андреемъ Виніусомъ. Сей послѣдній присоединилъ еще отъ себя проектъ о построеніи многихъ каторгъ, доказывая ихъ пользу и преимущества въ сравненіи съ кораблями: онѣ мельче сидятъ и лучше могутъ ходить по Волгѣ, а на морѣ легче противостоятъ бурямъ, отъ которыхъ разбился голштинскій корабль; гребцами предлагалъ посадить плѣнныхъ и преступниковъ скованныхъ, какъ это дѣлается въ другихъ земляхъ. (Дополн. V. № 80). Берхъ говоритъ, что въ Модель-Камерѣ видѣлъ модель 32-весельной галеры, сдѣланную въ 1670 году. Отсюда можно заключить, что проекты капитана и Виніуса неостались безъ результата, и что были какія-то попытки или намѣренія для построенія такихъ судовъ. Но вѣроятно онѣ оставлены послѣ Разинскаго погрома флотиліи. Пособіе: брошюра проф. Д. В. Цвѣтаева «Основаніе Русскаго флота». Спб. 1896. Относительно учрежденія почты см. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 64, 166, 171, 210. Арцыб. кн. VI. Прим. 932 Берхъ. 1.237—38. А. Фабриціуса «Почта и народное хозяйство въ Россіи» въ XVII столѣтіи. Спб. 1864. Объ учрежденіи временной почты въ 1672 г. отъ Москвы до малороссійскихъ городовъ на Калугу, Лихвинъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Глуховъ, Путивль, Конотопъ въ Акт. Юж. и Зап. Рос. IX. № 169.

39. П. С. З. I. №№ 80 (Грамота Любчанъ о торговлѣ съ Россіей), 107 и 122 (Таможенная и уставная грамоты 1653—1654 гг.), 392 (О посылкѣ рудознатцевъ князей Милорадовыхъ на Кевроль и Мезень для отысканія серебряной руды въ 1666 г.), 408 (Новоторговый уставъ), 409, 460 (Договоръ съ Армянской компаніей и его безплодность). С. Г. Г. и Д. IV. №№ 55, 56 и 81. Арцыб. прим. 965—968. Акты Истор. IV. №№ 7. (Открытіе мѣдной руды въ Верхотурскомъ уѣздѣ сыновьями верхотурскаго воеводы Макс. Ѳед. Стрѣшнева, 1645 г.), 221 (О посылкѣ майора Мамкѣева въ Холмогор. уѣздъ для отысканія серебр. руды, въ 1671 г.), 63 и 138 (Мѣры относительно винодѣлія на Терекѣ и въ Астрахани). Дополн. къ Ак. Ист. V. №№ 10 (Мѣдноплавильщикъ Тумашевъ, открывшій руды и драгоцѣнные камни въ Верхотур. и Тобол. уѣздахъ и Невьянскій заводъ.

1666—1670 гг.), 9, 77 и 85 (1665—1668 гг. Грамоты Филимону Акемѣ и Петру Марселису на желѣзные заводы съ опредѣленіемъ цѣнъ на ихъ продукты и дозволеніемъ послать въ Швецію для найма мастеровъ). См. также Коллинса (о Голландцахъ, отбивавшихъ торговлю у Англичанъ), Кильбургера о русской торговлѣ (Büsching's Magazin. III), Бантышъ-Каменскаго «Обзоръ внѣшнихъ сношеній». Ч. I. 181—183 (Голландскія дѣла), Крапнхфельда «Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра В.», Осокина «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи».

40. «Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами». Т. III и IV. (Сношенія съ Габсбургами. Въ концѣ IV тома миссіи майора Менезіуса и стольника Потемкина). Дворцовые разряды. Т. III Котошихинъ. Гл. III — V. П. С. З. I. №№ 596 и 610. Древняя Рос. Вивліоѳика. Т. IV и XVI. (Статейные списки посольствъ Потемкина, Лихачова, Милославскаго, Прозоровскаго, Байкова). Акты Ист. IV. №№. 2 и 68 (пересылки съ Персіей). Бантышъ Каменскаго «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи». М. 1894—1902. Части I (Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія), II (Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія, Польша и Португалія), IV (Пруссія, Франція и Швеція). Дополн. къ Ак. Ист. IV. № 138 (Акты, относящіеся до сношеній со Швеціей). А. Попова «Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677гг.» Спб. 1854. Кн. Эммануила Голицына La Russie du XVII siécle dans ses rapports avec l'Europe occidentale. Recit du voyage de Pierre Potemkin, envoyé en embassade par le tsar Alexis Mikhailowitch à Philippe IV d'Espagne et à Louis XIV en 1668. Paris. 1855. А. Лодыженскаго «Посольство въ Англію князя Прозоровскаго, дворянина Желябужскаго и дьяка Давыдова въ 1662 г.». Спб. 1880. О миссіи Павла Менезія въ Вѣнѣ, Венеціи и Римѣ у Тейнера Monuments historiques, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome. 1859. №№ XLII, XLVI — XLIX. Проф. Гурлянда «Иванъ Гебдонъ, коммиссаріусъ и резидентъ». Ярославль. 1903. Обозрѣніе политическихъ сношеній съ Бухарой и съ приложеніемъ самихъ актовъ въ Сборникѣ кн. Хилкова въ концѣ. Относительно мнимыхъ избраній на Польскій престолъ Ивана IV и Ѳедора Ив., царя Алексѣя и его сыновей есть тенденціозно составленный сборникъ документовъ, извлеченныхъ А. Малиновскимъ изъ Арх. Мин. Ин. Д., подъ заглавіемъ «Историческія доказательства о давнемъ желаніи Польскаго народа присоединиться къ Россіи». (Труды и Лѣтоп. Об. И. и Др. VI).

Важнѣйшія описанія иностранныхъ посольствъ въ Россіи. *Августина Мейерберга.* Jter in Moscoviam Augustini liberi baronis de Mayerberg etc., безъ означенія мѣста и времени изданія. Переиздана, но не вполнѣ, при библіотекѣ Залусскаго въ Collectio Magna историч. писателей для Польши и Литвы. Varsaviae. Anno MDCCLXVIIII. Нѣмецкое его изданіе у Вихмана Sammlung kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reiches. Bd. I. По-русски содержаніе передано

у Аделунга «Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи». Спб. 1827. Съ атласомъ рисунковъ. Атласъ этотъ хранится въ королевской Дрезденской библіотекѣ. (Онъ переизданъ А. Суворинымъ. Спб. 1903.). Мейербергъ болѣе извѣстенъ во французскомъ переводѣ, который изданъ въ Лейденѣ въ 1668 г., а переизданъ въ Парижѣ въ 1858 г. въ Bibliothéque Russe et Polonaise. О посольствѣ *Боттони и Гусмана* латинскій текстъ принадлежитъ Лизеку, который былъ секретаремъ сего посольства: Relatio eorum, quae circa sacr. Caesareae Maiest. ad Magnum Moscorum Czarum etc. Salisburgi. 1676. Главная часть его въ русскомъ переводѣ Тарнава Боричевскаго помѣщена въ Жур. М. Н. Пр. (1837. Ноябрь) съ оглавленіемъ: «Сказаніе Адольфа Лизека о посольствѣ отъ импер. Рим. Леопольда къ вел. царю Москов. Алексѣю Михайловичу, въ 1675 году». По Бантышъ-Каменскому (I. 25) сіе посольство сопровождалъ врачъ Лаврентій Рингуберъ, родомъ Саксонецъ, находившійся не задолго въ русской службѣ и въ качествѣ переводчика сопровождавшій Менезіуса въ Вѣну и Венецію; о чемъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ — отчетахъ къ Саксонскому курфирсту. См. Берлинское изданіе 1883. О посольствѣ *Карлейля* A Relation of three ambassadies from his sacred Majestie Charles II to the great duke of Moscovie, the king of Sweden and the king of Denmark. London. 1669. Французскій переводъ (La relation des trois ambassades etc.) изданъ въ Амстердамѣ, въ 1670 г. Нѣмецкій переводъ изданъ въ 1701 г. во Франкфуртѣ и Лейденѣ. Аделунга о немъ въ Kritisch-Literärisch Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. St. Petrsb und Leipzig. 1846. Изслѣдованіе о немъ въ Отеч. Запискахъ 1955. Ноябрь и 1856. Апрѣль. По выводу автора изслѣдованія этотъ трудъ принадлежитъ нѣкоему Гюи Міежъ, состоявшему въ посольской свитѣ. О въѣздѣ Карлейля въ Москву у Гордона. I. 340—341. Далѣе (364 и слѣд.) у него сообщается о посылкѣ самого Гордона въ 1666 г. въ Англію къ Карлу II съ письмомъ отъ царя. Описаніе голландскаго посольства *Конрада фанъ Кленка* (1675—1676) издано въ Амстердамѣ въ 1677 г. подъ заглавіемъ: Historisch Verchael of Beschryving van de Voyagee gedaen onder de suite van den Heere Koenrad van Klenk extraordinaris Ambassadeur etc. Авторъ сего сочиненія есть одинъ изъ дворянъ, состоявшихъ въ свитѣ посла, по имени Койэтъ. Оно издано Археограф. Коммиссіей съ голландскимъ текстомъ и русскимъ переводомъ А. М. Ловягина, подъ заглавіемъ «Посольство Кунрада фанъ Кленка къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу». Спб. 1900. Это изданіе обогащено извлеченіями изъ офиціальныхъ донесеній и писемъ самого фанъ Кленка, разысканныхъ въ нидерландскихъ и русскихъ архивахъ; а также снабжено большимъ введеніемъ, примѣчаніями и указателемъ того же г. Ловягина. Пребываніе въ Россіи *Скультета*, посла Бранденбургскаго курфирста, въ 1673 г. см. въ Магазинѣ Бюшинга Beschreibung der zweiten Gesandschaft, welche Joachim Scultetus etc. nach Russland angetreten. 1702. Отрывки изъ него, именно о въѣздѣ въ Нов-

городъ, приведены у А. П. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». VIII. Гл. 3. О Шведскомъ посольствѣ 1674 года любопытны замѣтки Эрика *Пальмквиста*. Будучи по своей спеціальности инженеромъ, онъ замѣшался въ посольскую свиту въ качествѣ шпіона по преимуществу. Поэтому его наблюденія главнымъ образомъ касаются русскихъ дорогъ, крѣпостей, гарнизоновъ, вообще имѣютъ географическое и статистическое содержаніе. Они снабжены атласомъ рисунковъ и чертежей. Русскій переводъ его въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и пока въ рукописи. См. отчетъ объ этомъ сочиненіи Ю. Готье въ *Археологич. Извѣстіяхъ* Моск. Археол. Общества. 1899. №№ 3—5. Кромѣ того, въ Трудахъ Тверской ученой Архивной коммиссіи доклады ея членовъ: Рубцева «Тверь въ 1674 г. по Пальмквисту» и Линдемана «Разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ». Проф. Форстена «Сношенія Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христины» (Ж. М. Н. Пр. 1891. Іюнь). Того же Форстена «Датскіе дипломаты при Московскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка». (Ibid. 1904. Сентябрь и слѣд.). Тутъ приведены любопытныя письма и донесенія датскому королю Христіану V отъ его резидента въ Москвѣ Гоэ (1672—1676 гг.). По желанію короля онъ сильно интриговалъ и хлопоталъ возбудить Русскихъ къ войнѣ со Шведами, даже прибѣгалъ къ подкупамъ, льстилъ и дѣлалъ подарки «канцлеру», какъ онъ называетъ А. С. Матвѣева; а такъ какъ сей послѣдній не поддавался, то резидентъ часто бранитъ его, обвиняетъ въ жадности, продажности и лѣни. Объ его подаркахъ Матвѣевъ доносилъ царю, и, недовольный иностранными интригами, высказывался вообще противъ пребыванія резидентовъ въ Москвѣ. Къ посольскимъ извѣстіямъ о Россіи можно присоединить и нѣкоторыя другія записки иностранцевъ, относящіяся ко времени царя Алексѣя I. Таковы англійскаго врача при Московскомъ дворѣ *Самуила Коллинса* The present state of Russia. Lond. 1667. По-русски переведено Петр. Кирѣевскимъ и помѣщено въ Чт. Об. Ист. и Др. (М. 1846. Кн. I.) подъ заглавіемъ: «Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу». Онъ очень хвалитъ Ордынъ-Нащокина; по очевидно потому, что тотъ былъ большимъ и «единственнымъ» сторонникомъ Англичанъ и противникомъ Голландцевъ. Далѣе: *Рейтенфельса* De rebus moscoviticis ad serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii. 1680. Въ извлеченіяхъ русскій переводъ Тарнава-Боричевскаго помѣщенъ въ Ж. М. Н. Пр. 1839. Іюль. Книга посвящена тосканскому герцогу Козьмѣ III Медичи; поэтому полагаютъ, будто авторъ былъ отъ него посланъ въ Москву въ 1670 г. Но онъ былъ родомъ Полякъ и жилъ нѣкоторое время во Флоренціи, а зачѣмъ пріѣзжалъ въ Москву, доселѣ неизвѣстно. Голландца Стрюйса Drie aanmerkelyke en seer rampspoedige Reysen. Amsterdam. 1676. Наиболѣе извѣстенъ во французскомъ переводѣ, важенъ особенно по свѣдѣніямъ о Стенькѣ Разинѣ. Пособіемъ для знакомства съ русской дипломатіей данной эпохи можетъ служить изслѣдованіе М. Капустина «Дипломатическія сношенія Россіи съ западною Европою во второй половинѣ XVII вѣка». М. 1852.

О Приказѣ Тайныхъ дѣлъ см. Котошихина. Гл. VII. Послѣ Алексѣя Михайловича, когда сей Приказъ былъ ликвидированъ, то дѣла его переданы въ разные соотвѣтствующіе приказы. Поэтому его документы и описи теперь разсѣяны въ архивахъ: Государственномъ, Оружейной палаты, Министерства Юстиціи и Московскомъ Иностр. Дѣлъ. Нѣкоторые изъ нихъ были опубликованы: Ламанскимъ въ Запис. Отд. Рус. и Славян. Археологіи. Т. II.; Гюббенетомъ въ изслѣдованіи о Никонѣ; въ V выпускѣ «Писемъ Рус. государей»; у П. И. Бартенева въ «Собраніи писемъ ц. Алексѣя Михайловича; въ Чт. О. И. и Др. 1894 г. Кн. I.; во 2 и 3 выпускахъ «Актовъ Москов. Государства; у А. П. Барсукова въ IV—VII томахъ «Рода Шереметевыхъ»; также въ Актахъ Археогр. Экспедиціи, въ Актахъ Историч. и ихъ Дополненіяхъ, въ С. Г. Г. и Д., въ П. С. З., въ Актахъ Юж. и Зап. Россіи (тутъ о дѣлахъ Малороссійскихъ). Этому учрежденію посвящено изслѣдованіе проф. Гурлянда «Приказъ великаго государя Тайныхъ дѣлъ» (Ярославль. 1902)—изслѣдованіе, основанное на изученіи архивныхъ документовъ, изданныхъ и не изданныхъ. Авторъ разсматриваетъ исторію сего Приказа и опредѣляетъ сферу его компетенціи. Онъ относитъ его происхожденіе не ранѣе конца 1654 или, «вѣрнѣе, начала 1655 года». Мы предполагаемъ его начало нѣсколько ранѣе, а именно пріурочиваемъ къ лѣту 1654 года, т.-е. къ первому военному походу ц. Алексѣя; какъ это ясно обнаруживается изъ первыхъ его документовъ, т.-е. военныхъ распоряженій, и вообще изъ обстоятельствъ, возникшихъ въ тѣсной связи съ появившимся на Московской исторической сценѣ Малороссійскимъ вопросомъ. Поэтому считаемъ со стороны автора изслѣдованія нѣкоторымъ увлеченіемъ объяснять это учрежденіе отвѣтомъ правительства на народную потребность въ томъ, чтобы правда доходила до царя, «учрежденіемъ высшей справедливости въ государствѣ»,—нѣчто въ родѣ Коммисіи по принятію прошеній на высочайшее имя приносимыхъ. Причемъ онъ нѣсколько обобщаетъ его задачу съ приказами Челобитнымъ, Сыскнымъ и Записнымъ, который былъ учрежденъ Алексѣемъ для текущей исторіи. Документы Тайнаго приказа показываютъ, что, несмотря на разнообразіе предметовъ вѣдѣнія, все-таки главныя дѣла его были военныя, дипломатическія и хозяйственныя, т.-е. вытекавшія изъ лично-правительственыхъ потребностей царя. Между прочимъ авторъ объясняетъ, что «Тайный дьякъ былъ въ то же время и дьякомъ въ государевѣ имени», и что «это тотъ дьякъ, который былъ надѣленъ спеціальнымъ правомъ подписывать за государя указы». (124—126.)

Кромѣ Малороссійскаго приказа, при Алексѣѣ Михайловичѣ послѣ завоеванія Бѣлоруссіи въ 1656 г. былъ учрежденъ еще особый приказъ Великаго княжества Литовскаго. Онъ существовалъ до 1667 г., т.-е. до Андрусовскаго договора. Бѣлоруссія отошла опять къ Польшѣ; Смоленская область осталась за Москвой. Поэтому вмѣсто означеннаго приказа Литовскаго явился приказъ Смоленскій, вѣдавшій дѣла Смоленска, его уѣзда и пригородовъ. Но потомъ онъ утратилъ самостоятельное значеніе и является отдѣленіемъ въ

другихъ приказахъ, переходя изъ одного въ другой (Разрядный, Иноземскій, Новогородскій). Эти свѣдѣнія добыты проф. Благовѣщенскимъ, который свой рефератъ о помянутыхъ двухъ приказахъ доложилъ въ засѣданіи Москов. Общества Ист. и Древ. 27 ноября 1904 года.

41. (Въ текстѣ пропущена эта цифра, которая должна стоять почти въ концѣ 447 страницы). О дворцахъ Кремлевскомъ, Коломенскомъ и др. Забѣлина «Домашній бытъ русскихъ царей». М. 1862. Въ приложенныхъ при семъ матеріалахъ №№ 1 и 2. (Исторія постройки и опись дворцовъ Коломенскаго и Измайловскаго, съ рисунками перваго). Рейтенфельсъ говоритъ коротко о Коломенскомъ дворцѣ и только сравниваетъ его съ красивой игрушкой, сейчасъ вынутой изъ футляра. Голландскій посолъ фанъ Кленкъ со своею свитою осматривалъ этотъ дворецъ; но Койэтъ упоминаетъ о немъ въ общихъ чертахъ и только описываетъ деревянныхъ львовъ, обшитыхъ овчинами и снабженныхъ механизмомъ для рычанія, по 4 льва за воротами и внутри воротъ, стѣнныя картины съ изображеніемъ 9 музъ, а комнатъ будто бы было до сотни. И. Чаева «Описаніе дворца въ селѣ Коломенскомъ». М. 1869. Въ Архивѣ Москов. Дворц. конторы сохранилась опись дворца, сдѣланная передъ его сломкою въ 1767 г. Тогда же были сняты рисунки, планы и общій видъ дворца. (Помѣщены въ Древностяхъ Рос. государства). Вирши Симеона Полоцкаго между прочимъ приведены и въ Хрестоматіи Буслаева.

О соколиной охотѣ у Котошихина въ гл. VII. Переписка царя Алексѣя съ Матюшкинымъ: Сборникъ Муханова. № 149. Акты Эксп. IV. № 100. Дополн. къ Ак. Ист. III. № 71. Изданное П. И. Бартеневымъ, «Собраніе писемъ ц. Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ Уложенія Сокольничья пути и пояснительной къ нему замѣтки С. Т. Аксакова». М. 1856. (Рецензія на это изданіе И. Е. Забѣлина въ Отечеств. Запискахъ). «Урядникъ Сокольничья пути» въ П. С. З. I. № 440. Переписка со стольникомъ Голохвастовымъ въ Чт. О. И. и Др. 1848. Акты Ист. IV. № 124 (о посылкѣ виленскимъ воеводою кн. Шаховскимъ въ Кролевецъ для покупки колокольчиковъ на царскихъ соколовъ). Для придворнаго быта и царскихъ выѣздовъ на богомолье, на охоту главнымъ матеріяломъ служатъ «Дворцовые Разряды» и царскіе «Выходы». Къ нимъ присоединяется найденный А. Успенскимъ «Придворный дневникъ за январь — августъ 1657 года». Изданъ въ XIV выпускѣ *Вѣстника Археологіи и Исторіи* при Археологич. Институтѣ. Спб. 1901. Этого года недоставало въ Дворц. Разрядахъ и Выходахъ. Тутъ между прочимъ постоянно отмѣчается, какая была погода и какой стрѣлецкій караулъ со своимъ головой стоялъ на дворцовомъ дворѣ.

42. (На 457 стр. текста ошибочно поставлена цифра 43). Пособія объ А. С. Матвѣевѣ указаны выше въ прим. 23. Біографическія свѣдѣнія о немъ главнымъ образомъ въ «Исторіи о невинномъ заточеніи». Объ его умѣ,

способностяхъ и образованіи см. отзывы Лизека, Рейтенфельса и Таннера, члена польскаго посольства 1678 года. (*Вѣстн. Евр.* 1826. № 8 и Ж. М. Н. Пр. 1837. № 9). Объ его неподкупности свидѣтельствуетъ фанъ Кленкъ въ своемъ донесеніи Штатамъ: чрезъ переводчика Виніуса онъ предлагалъ Матвѣеву хорошій подарокъ, если тотъ доведетъ дѣло до разрыва Москвы со Швеціей; но Матвѣевъ отклонилъ предложеніе. («Посольство». Рус. перевода 423 стр.). Въ прим. 40 мы видѣли, какъ за сохраненіе мира со Шведами его бранилъ датскій резидентъ Гоэ. Изъ сообщеній Лизека можно заключить, что Матвѣевъ былъ большой нѣмцефилъ.

Ко времени вдовства ц. Алексѣя, именно къ 1669 г., относится эпизодъ съ Домной Стефанидой, вдовой молдавскаго господаря Стефана Георгія. Это тотъ логофетъ Георгица, который измѣнилъ своему дядѣ и господарю Василію Лупулу, свергъ его съ помощію Валаховъ и Венгровъ и занялъ его мѣсто въ 1653 г. Онъ удержался на этомъ мѣстѣ не болѣе пяти лѣтъ. Въ 1656 году онъ присылалъ въ Москву митрополита Гедеона съ предложеніемъ своего подданства, т.-е. въ сущности съ просьбою освободить Молдавію отъ турецкаго ига. Объ его замыслахъ узнали въ Константинополѣ, и, спасая себя, въ 1658 г., онъ принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію вмѣстѣ со своей третьей супругой Домной Стефанидой. Отсюда начались его скитанія. Изъ Австріи въ 1662 г. онъ уѣхалъ въ Россію, ища покровительства ц. Алексѣя; но ему съ трудомъ разрѣшили переѣхать границу и остановиться во Псковѣ. Здѣсь онъ получилъ позволеніе пріѣхать въ Москву, но безъ жены. Царь принялъ его холодно. Потомъ онъ побывалъ въ Стокгольмѣ при дворѣ Карла XI, гдѣ въ то время русскимъ резидентомъ былъ его соотечественникъ Николай Спаѳарій. Затѣмъ Стефанъ Георгій проживалъ въ шведскихъ владѣніяхъ, именно въ Штетинѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ 1669 года. Его молодая вдова красавица Стефанида пріѣхала въ Россію и поселилась въ Кіевѣ, кажется, не безъ видовъ на только что овдовѣвшаго царя. Уѣзжавшій тогда изъ Россіи патріархъ александрійскій Паисій, повидимому, указывалъ Алексѣю на Стефаниду. Ей позволили прибыть въ Москву и поселили въ одномъ монастырѣ. Но виды этой искательницы приключеній на бракъ съ царемъ окончились полной неудачей. Его приближенные относились недружелюбно къ проекту сего брака, и въ особенности А. С. Матвѣевъ. Наталья Кирилловна, повидимому, уже успѣла овладѣть сердцемъ Алексѣя. См.: «Молдавскій государь Стефанъ Георгій» Ю. В. Арсеньева. (*Рус. Архивъ* 1896 г. № 2); его же «Николай Спаѳарій и его время» (Ibid. 1895 г. № 7), и В. Н. Яцимирскаго «Домна Стефанида, невѣста царя Алексѣя Михайловича». (*Истор. Вѣст.* 1904. Сентябрь). Тутъ приложенъ и ея портретъ, съ фрески Кашинскаго монастыря въ Молдавіи.

Бракъ съ Натальей Нарышкиной. «Извѣстія Археолог. Общества». Т. V. Здѣсь Пекарскимъ напечатанъ списокъ дѣвицъ-невѣстъ, привозимыхъ на царскія смотрины въ 1669 — 1670 гг. Онъ приведенъ и у Забѣлина въ

«Домашнемъ бытѣ русскихъ царицъ». 259 — 261. Тамъ же (261 — 266) приведено дѣло о подметныхъ письмахъ. Отрывки изъ этого дѣла сохранились въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ среди столбцовъ Тайнаго приказа. Объ этихъ письмахъ упоминаетъ и Матвѣевъ. («Исторія о невин. заточеніи». 162—163). Записки Отд. Рус. и Слав. Археологіи. Т. II. стр. 21. Дворц. Разр. III. 872 — 879. Здѣсь обрядъ вѣнчанія царя съ Нарышкиной 22 января 1671 года и царскіе пиры по сему поводу. О знакомствѣ и сватовствѣ Алексѣя съ Натальей Кир. при посредствѣ А. С. Матвѣева говоритъ Чьямпи Narratio rerum quae post obitum Alexii Mikalowicz gestae sunt Mosquae. Русскій переводъ въ Ж. М. Н. Пр. 1835. ч. V. Что Наталья Кирилловна когда въ Смоленскѣ жила, въ лаптяхъ ходила, это говорилъ Шакловитый («Розыски. дѣло»). Наружность ея Рейтенфельсъ описываетъ такъ: «Это женщина величаваго роста, съ черными глазами на выкатѣ, лицо миловидное, чело высокое, во всѣхъ членахъ тѣла изящная соразмѣрность, голосъ звонкій и пріятный, манеры самыя граціозныя». О рожденіи и крещеніи Петра въ Чудовомъ монастырѣ, родильномъ столѣ и пожалованіи Нарышкина съ Матвѣевымъ въ окольничіи, Дворц. Разр. III. 889—892.

Начало театральныхъ представленій. Древ. Рос. Вивл. Изд. 2-е. Ч. VI. 363—390 (обрядъ пещнаго дѣйства). Пекарскаго «Наука и Литература при Петрѣ В.». I. 390 — 392. *Выходы* государей. 41, 563. Дворц. Разр. III. 1081, 1131, 1132. Рейтенфельсъ говоритъ о представленіи пьесы *Эсфирь* и приводитъ нѣмецкіе похвальные стихи царю, которые были пропѣты на сценѣ Орфеемъ. Н. С. Тихонравова статья въ «Лѣтоп. Рус. Лит. и Древности». Т. III. Со ссылкою на расходныя книги приказовъ Владимірской и Галицкой четей, хранящіяся въ Моск. Арх. М. Ин. Д. Его же: «Первое пятидесятилѣтіе Русскаго театра»—университетская рѣчь 12 января 1873 года и «Репертуаръ рус. театра въ первыя 50 лѣтъ». («Русскія драматическія произведенія». Т. I.). А. Н. Веселовскаго о нѣмецкомъ вліяніи на русскій театръ въ 1672—1756 гг.—по-нѣмецки издана въ Прагѣ. 1876 г. Опочинина «Русскій театръ, его начало и развитіе». Спб. 1887. П. О. Морозова «Очерки изъ исторіи русской драмы». Спб. 1888. В. Попова «Симеонъ Полоцкій какъ проповѣдникъ». М. 1886. Изслѣдованіе Іерофѣя Татарскаго о жизни и дѣятельности Симеона Полоцкаго. М. 1886. Л. Н. Майкова прекрасная монографія о Симеонѣ Полоцкомъ, первоначально въ журналѣ *Древ. и Нов. Россія* (1875 г.), а потомъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ помѣщена въ его «Очеркахъ изъ исторіи Русской литературы XVII и XVIII столѣтій». Спб. 1889. Пьесы С. Полоцкаго о Навуходоносорѣ и Блудномъ сынѣ въ Древ. Рос. Вивл. Изд. 2-е. VIII. 34—59 и 158—168. Вторая пьеса была издана въ Москвѣ въ 1685 г. съ иллюстраціями. См. Ровинскаго «Русскія народныя картины». III. 8—38, съ атласомъ. Тихонравова «Рус. драмат. произведенія». I. 296—336. Драма объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ напечатана въ Кіевѣ въ 1674 г. (Русская Бесѣда. 1857. I. Смѣсь). По по-

воду комидійныхъ дѣйствъ одинъ современникъ замѣтилъ, будто они приняли уже соблазнительный характеръ; напримѣръ, въ лицахъ представлялась крестная смерть Спасителя. (Барсукова «Родъ Шеремет.». VIII. 28. Со ссылкою на документы Тайной Экспедиціи въ Госуд. Архивѣ). Койэтъ сообщаетъ, что въ свитѣ фанъ-Кленка былъ какой-то пажъ, искусно игравшій на палочкахъ. Узнавъ о томъ, царь неоднократно призывалъ его во дворецъ, чтобы слушать его игру вмѣстѣ съ царицей. А Лизекъ расказываетъ, что посольство Боттони уже выѣхало изъ Москвы, какъ вдругъ его на дорогѣ догналъ «генералъ» Менезій и просилъ отпустить обратно въ Москву на нѣсколько дней одного слугу, бывшаго удивительнымъ фокусникомъ: царь узналъ о немъ по отъѣздѣ посольства и пожелалъ видѣть его искусство. Желаніе это было исполнено, и слуга два раза показывалъ во дворцѣ свои фокусы, удивляя царя и царицу. Онъ былъ щедро одаренъ; потомъ въ Моравіи присоединился къ посольской свитѣ, но успѣлъ уже промотать все полученное отъ царя.

Иностранныхъ газетъ или курантовъ выписывалось въ Москву до 20. По словамъ Снѣгирева, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. сохранились многія выписки разныхъ годовъ (съ 1645 по 1692) изъ газетъ голландскихъ, нѣмецкихъ еженедѣльныхъ вѣдомостей, гамбургскихъ, бреславскихъ, амстердамскихъ, цесарскихъ, краковскихъ и проч. (*Москов. Вѣд.* 1850. № 21. По ссылкѣ у Капустина «Дипломат. сношенія». 76). О Записномъ приказѣ есть особое изслѣдованіе С. А. Бѣлокурова. (Чт. О. И. и Д. 1900. III и его сборникъ «Изъ Духовной жизни Москов. Общества XVII вѣка»). Онъ же нашелъ «Сказаніе объ Усп. Пресв. Богородицы» среди бумагъ ц. Алексѣя въ дѣлахъ Тайнаго приказа, и, подвергнувъ его изслѣдованію, полагаетъ, что это или произведеніе самого царя, или по крайней мѣрѣ имъ правлено. (Ibidem). Книга Грибоѣдова издана Обществомъ Любителей древ. письменности, подъ наблюденіемъ проф. Платонова и В. В. Майкова. (Памятники древней Письменности. CXXI. Спб. 1896). Относительно придворной литературы или, собственно, письменности Посольскаго приказа, руководимой А. С. Матвѣевымъ, въ Москов. Арх. М. Ин. Д. сохранились любопытные акты 1672—1675 гг., заключающіе челобитья иконописцевъ и золотописцевъ о покупкѣ матеріаловъ для письма и украшенія книгъ и о выдачѣ жалованья за произведенныя работы (Дополн. къ Ак. Ист. VI. № 43). Отсюда узнаемъ, напримѣръ, что чернецъ Маркеллъ писалъ «новопереводную книгу Хрисмологіонъ съ Еллиногреческаго языка на Словенскій, книжнымъ бывшимъ письмомъ»; «Книгу о избраніи блаженной памяти вел. госуд. царя и в. кн. Михаила Θеодоровича всея Руси» раскрашивали иконописцы Иванъ Максимовъ и Сергѣй Васильевъ; живописецъ Оружейной палаты Богданъ Салтановъ писалъ «на полотнѣ серебромъ и красками 12 пророчицъ сивиллъ»; онъ же расписывалъ въ книгу «Василіологіонъ персоны Ассирійскихъ, Перскихъ, Греческихъ, Римскихъ царей и Великороссійскихъ великихъ князей и великихъ государей царей, всего 26 мѣстъ» и т. д. «А слагалъ тѣ книги и сбиралъ изъ различныхъ книгъ Посольскаго приказу Еллиногреческаго языку переводчикъ Николай Спафарій да подъячій

Петръ Долгово». У Востокова въ «Описаніи рус. и славян. рукописей Румянцевскаго музея» (стр. 790, № CCCLXV) указано, что Хрисмологіонъ переведенъ «съ Эллиногреческаго повелѣніемъ благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича чрезъ Николая Спаѳарія» въ 1673 г. Къ тому же году относится и дѣло о выѣздѣ переводчика греческаго языка въ Посольскомъ приказѣ Н. Спаѳарія. (Ibid.)

43. Древ. Рос. Вивл. VI. Дополн. къ Ак. Ист. VI. № 58. (Избраніе и поставленіе Питирима въ патріархи). Акты Ист. IV. № 231. (Поставленіе Іоакима въ Новгородскіе митрополиты). Двор. Разр. III. 1104, 1106, 1116, 1122, 1123, 1158. Тутъ извѣстіе и о столкновеніи патріарха Іоакима съ царскимъ духовникомъ не вездѣ ясное: на сценѣ является еще братъ духовника костромской протопопъ; но какую роль онъ игралъ въ этой ссорѣ, трудно понять. Болѣе выясняется дѣло изъ суда надъ Андреемъ Савиновичемъ при ц. Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Соборное осужденіе его съ изложеніемъ проступковъ хранится въ Синод. Библіотекѣ. (По ссылкѣ Соловьева. XIII. 243. Прим. 189). «Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха Московскаго Іоакима», составленное инокомъ Новоспасскаго монастыря, издано въ 1879 г. Обществомъ Любителей Древней письменности, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. П. Барсукова. (Перепечатано г. Савеловымъ во 2 томѣ его «Матерьяловъ для исторіи рода дворянъ Савеловыхъ». Острогожскъ. 1896). Ссыльный ех-патріахъ упорно отказывался признать законнымъ избраніе Іоакима безъ согласія его, Никона. См. дѣло пат. Никона. Изд. Археогр. Ком. Подъ редакціей Штендмана. Спб. 1897. Духовную боярина Ѳ. Н. Шереметева см. въ приложеніи къ III т. «Рода Шереметевыхъ». Письмо царя къ Н. И. Одоевскому о смерти его сына Михаила издано въ *Москвит.* 1851 г. № 2, у П. И. Бартенева въ «Собр. писемъ ц. Ал. Мих., 227, и во 2-мъ томѣ Запис. Отд. Рус. и Слав. Археол. 702. Ю. В. Арсеньева «Ближній бояринъ князь Никита Ив. Одоевскій» (1650—1684). М. 1902. Павелъ Потоцкій, кастелянъ Каменецкій, о которомъ упоминается въ нашемъ текстѣ, былъ взятъ въ плѣнъ въ 1655 г. и проживалъ въ Москвѣ около 13 лѣтъ. Царь женилъ его на боярышнѣ Салтыковой и самъ былъ крестнымъ отцомъ его сына Ѳеодора. Послѣ Андрусовскаго договора Потоцкій отпущенъ на родину, и умеръ въ 1674 г. Жена его приняла католичество, а сынъ Ѳеодоръ былъ впослѣдствіи архіепископомъ Гнѣзненскимъ, т.-е. примасомъ Польши. Павелъ Потоцкій оставилъ нѣсколько сочиненій, въ томъ числѣ: Moscovia vel narratio de moribus Monarchiae Russorum. Собраніе его сочиненій издано въ 1747 г. въ Варшавѣ гр. Андреемъ Залусскимъ. (Opera omnia Pauli comitis in aureo Potok.) Книга о Московіи переведена на Русскій языкъ, но неволнѣ, и помѣщена въ двухъ книжкахъ *Сѣвернаго Архива* за 1825 годъ, подъ заглавіемъ: «Характеры вельможъ и знатныхъ людей въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Но характеристики Потоцкаго не отличаются ясностію и безпристрастіемъ. Напримѣръ, не совсѣмъ понятенъ его отзывъ о кн. Ю. А. Долгорукомъ, который будто бы хотѣлъ казаться Фабіемъ, а

былъ похожъ на Катилину. Койэтъ наоборотъ съ особымъ уваженіемъ отзывается о семъ князѣ и отличаетъ его отъ другихъ бояръ, постоянно называя «полководцемъ». О Б. М. Хитрово Коллинсъ (гл. XIII) отзывается очень дурно; но тутъ же проговаривается почему: «получая много денегъ отъ Голландцевъ, онъ не любитъ Англичанъ». Сей англійскій врачъ обвиняетъ Богдана Хитрово не только въ наушничествѣ царю, но и въ большой склонности къ любовнымъ дѣламъ; въ чемъ ему помогалъ лѣкарь жидъ, почитаемый за лютеранскаго перекреста (фонъ Гаденъ?) Послѣдній прежде долго жилъ въ Польшѣ, и потому «доставлялъ ему полекъ» (вѣроятно изъ среды плѣнницъ, забиравшихся въ Бѣлой и Малой Россіи). По сему поводу Коллинсъ обвинялъ Богдана даже въ отравленіи своей жены. А о помянутомъ вліятельномъ жидѣ-лѣкарѣ замѣчаетъ, что благодаря его покровительству, жиды начали размножаться въ городѣ и при дворѣ (вѣроятно въ качествѣ аптекарей, алхимистовъ, часовыхъ мастеровъ, ювелировъ и т. п.). Древ. Рос. Вивл. XIV. (О кончинѣ цесаревича Алексѣя Алексѣевича и церемоніалъ его погребенія). С. Г. Г. и Д. IV. № 97. Дворц. Разр. III. 973—981. (Объявленіе Ѳеодора Алекс. наслѣдникомъ). Очерчивая личность ц. Алексѣя, Коллинсъ говоритъ, что у него шпіоны разсѣяны повсюду въ народѣ и въ войскахъ; поэтому «ничего не дѣлается и не говорится, чего бы онъ не зналъ». Подобно Рейтенфельсу, сей англичанинъ указываетъ на необыкновенныя постничество и набожность царя: онъ не пропускаетъ ни одной церковной службы, за всенощной постомъ кладетъ по 1000 и болѣе земныхъ поклоновъ, «великимъ постомъ обѣдаетъ только три раза въ неделю, четвергъ, субботу и воскресенье; въ остальные дни ѣстъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и пьетъ по стакану полпива». О наружности царя замѣчаетъ, что онъ «красивъ, здороваго сложенія, волосы его свѣтлорусые, не брѣетъ бороды, высокъ ростомъ и толстъ, его осанка величественна; онъ жестокъ во гнѣвѣ, но обыкновенно добръ, благодѣтеленъ, цѣломудренъ». Въ другомъ мѣстѣ, повторяя почти то же о наружности, прибавляетъ, что царь около 6 футовъ ростомъ и лобъ у него «немного низкій» (Гл. IX, XXI—XXIII). Рейтенфельсъ нѣсколько разнорѣчитъ съ Коллинсомъ, говоря, что Алексѣй росту средняго при тучномъ тѣлѣ. Возможно, что въ его пребываніе въ Москвѣ увеличившаяся тучность царя немного скрадывала его ростъ. Тотъ же Рейтефельсъ подтверждаетъ дворцовыя записи, говоря, что царь въ это время ѣздилъ не верхомъ, а въ каретѣ. Онъ же перечисляетъ царскихъ докторовъ-иностранцевъ: Фонъ-Розенбергъ, Блюментростъ, Грамонтъ, еще какой-то Арабъ и крещеный жидъ, наиболѣе довѣренный царя (конечно, фонъ Гаденъ). Относительно царскихъ лѣкарей вообще см. Д. В. Цвѣтаева «Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ». М. 1896. Въ послѣдніе годы жизни ц. Алексѣя во время его поѣздокъ за нимъ возили «шкатулу», повидимому, большой сундукъ, раздѣленный на ящики «со всякими лѣкарствами», аптекарскими припасами и соотвѣтственной посудой. (Дополн. къ Ак. Ист. VI. № 94.)

О предсмертной болѣзни царя и погребеніи говорится у Койэта и Рейтенфельса; а о томъ, что царица Наталья, несомая изъ дворца на носилкахъ, склонила голову на грудь какой-то боярыни — у послѣдняго. Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ написалъ книжку, заключавшую въ себѣ «Вечерній плачъ» о преставленіи в. государя ц. Алексѣя Михайловича и «Заутреннюю радость» о восшествіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича. Посылая эту книжку новому царю, онъ выражается такъ: «Россійское наше солнце точію на земли позна западъ свой, въ небѣ же восходити начатъ и сіяти съ праведными». «Егда же тоя же вся Россія зѣло радуется, яко во мѣсто того зашедшаго солнца ваше цар. величество равное тому возсія солнце». (*Письма* Лаз. Барановича. Черниговъ. Изд. 2-е. 1865. Стр. 207. Дополн. къ Ак. Ист. IX. № I).

А. П. Барсуковъ указываетъ на раскольничью рукописную тетрадку, хранящуюся въ Госуд. Архивѣ, въ Дѣлахъ Тайной Эксп. Авторъ ея современникъ кончины ц. Алексѣя извѣщалъ о ней изъ Москвы въ какой-то глухой скитъ своему духовному отцу. Между прочимъ онъ иронизируетъ: «Есть у нихъ новая книга: Сабля Никоніанская. Они нарицаютъ ее *Мечъ духовный* епископа Лазаря Барановича. Въ предисловіи книги пишетъ въ лицѣхъ царя того и царицу и чадъ всѣхъ ухищренно въ лицѣхъ. Тутъ же похвалу ему приплелъ еще: Ты, царю державный, царствуешь здѣ, донележъ кругъ солнца. Имаши царствовати безъ конца. Слыши, государь, не мы затмѣваемъ, сами о себѣ лжепророчествуютъ». (Родъ Шеремет. VIII. 171—172.) П. С. З. I. №№. 619—624. (О кончинѣ ц. Алексѣя и присягѣ Ѳеодору.) Въ концѣ сего царствованія дворцовыя записи отмѣчаютъ два загадочныя дѣла. Во-первыхъ, по извѣту боярина Кир. Полуект. Нарышкина Алексѣй призывалъ А. С. Матвѣева и тотъ «про свою болѣзнь дурную самъ извѣщалъ, и ему указано ѣхать къ себѣ домой». (Дворц. Разр. III. 1236—1237). Во-вторыхъ, розыскъ надъ слѣпой ворожеей дѣвкой Ѳенькой, обвиненной, повидимому, въ какой-то порчѣ и запытанной до смерти. (Ibid. 1426—1430).

Симеонъ Полоцкій, такъ сказать, продолжалъ и докончилъ образованіе Ѳеодора Алексѣевича. А начальнымъ образованіемъ его занимались *учителя* изъ подьячихъ Аѳанасій Ѳедосѣевъ, повидимому, учившій его грамотѣ, т.-е. чтенію, и Панфилъ Тимоѳеевъ Бѣлянисовъ, учившій его письму. Соловьева. XIII. Прим. 168, и Забѣлина «Замѣтка къ біографіи Сильвестра Медвѣдева», Литоп. Литер. и Древ. Т. V.

О Натальѣ Кирилловнѣ въ годъ кончины Алексѣя встрѣчается такой иностранный отзывъ: Elle n'a que 23 ans, jeune et pleine d'ambitions, nourrie à la polonaise et avec plus de liberté que cette nation. Проф. Форстена «Датскіе резиденты». (Ж. М. Н. Пр. 1904. Сентябрь.)

Относительно характеристики царя Алексѣя Михайловича имѣемъ нѣсколько попытокъ. Таковы: помянутые въ 1 примѣч. сочиненія Колбасина и Зернина, затѣмъ Медовикова («Историческое значеніе царствованія Алекс.

Мих-ча». М. 1854), И. Е. Забѣлина («Опыты изученія русскихъ древностей), Соловьева (Т. XII) и проф. Платонова («Статьи по Рус. исторіи». Спб. 1903). Съ своей стороны ограничиваемся немногими заключительными словами, полагая, что дѣла и поступки, очерченные возможно ближе къ дѣйствительности, могутъ лучше освѣтить личностьст иорическаго дѣятеля, чѣмъ отвлеченныя его характеристики.

44. Профессоръ гельзингфорскаго Александровскаго университета Соловьевъ въ 1837 году нашелъ въ Стокгольмскомъ Государственномъ архивѣ рукопись, заключавшую сочиненіе Катошихина въ шведскомъ переводѣ Баркгузена; а въ слѣдующемъ году онъ отыскалъ и русскій подлинникъ сего сочиненія въ библіотекѣ Упсальскаго университета. Сочиненіе Котошихина было издано у насъ три раза Археографической коммиссіей, въ 1840,1859 и 1884 гг. Въ предисловіи къ первому изданію помѣщены біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, взятыя изъ предисловія къ шведскому переводу Баркгузена; а въ предисловіи ко второму изданію онѣ дополнены Н. В. Калачовымъ изъ другихъ источниковъ, каковы въ особенности собственноручная записка Котошихина къ Польскому королю съ предложеніемъ своихъ услугъ. См. протоколы занятій Археогр. Ком. Вып. I. 154 — 156. У Калачова «Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи». (Кн. I за 1860 г.). Бычковымъ напечатано «Два новыхъ матерьяла для біографіи Котошихина», именно два прошенія его къ Шведскому королю. Затѣмъ въ 1881 г. на шведскомъ языкѣ въ изданіяхъ Стокгольмскаго Историческаго общества появилась статья профессора Упсальскаго университета Йэрне «Русскій эмигрантъ въ Швеціи двѣсти лѣтъ назадъ», гдѣ сообщены разныя свѣдѣнія о немъ изъ шведскихъ архивовъ. Содержаніе этой брошюры передано Я. К. Гротомъ въ изданіяхъ Петер. Академіи Наукъ, 1882 г., съ нѣкоторыми собственными примѣчаніями. Эти новыя свѣдѣнія частію вошли въ предисловіе къ третьему изданію, написанное академикомъ Куникомъ. Наконецъ, въ запискахъ Новороссійскаго Университета появилась монографія А. И. Маркевича «Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка». Одесса. 1895. Тутъ сведены почти всѣ добытыя прежде свѣдѣнія о Котошихинѣ и представленъ критическій разборъ его сочиненія.

О Крижаничѣ существуетъ довольно обширная литература. Первыя упоминанія о немъ и его сочиненіяхъ встрѣчаются за границей у голландскаго ученаго и путешественника Витсена въ концѣ XVII вѣка (Noord en Oost Tartaryen. Amsterdam. 1692), а въ Россіи у Н. Новикова («Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ». Спб. 1772), потомъ у митр. Евгенія (въ продолженіи сего словаря). Въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* Спасскаго появился переводъ его Historia de Siberia. Спб. 1822. Вновь это сочиненіе издано А. А. Титовымъ въ сборникѣ «Сибирь въ XVII вѣкѣ». 1890. Проф. Бодянскій издалъ грамматику Крижанича въ Чт. О. Ис. Др. въ 1848 и 1859 гг. П. А. Безсоновъ открылъ рукопись его сочиненія о По-

литикѣ въ Московской Типографской библіотекѣ и издалъ ее въ 1859—1860 гг., подъ заглавіемъ «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». Онъ же открылъ рукопись De providentia Dei и въ 1860 г. издалъ подробный обзоръ ея содержанія подъ заглавіемъ «О промыслѣ». Въ томъ же году въ «Твореніяхъ св. Отцовъ», кн. 4, явилась статья Смирнова о Крижаничѣ или собственно объ его опровержевіи Соловецкой челобитной. Потомъ разныя свѣдѣнія о немъ встрѣчаются у Соловьева, Т. XI. Прим. 22, у Добротворскаго въ пер. томѣ Ученыхъ Записокъ Казан. Утвер. 1865 г., Н. Е. Сѣверного въ Чт. О. И. и Д. 1867. Кн. 2. Безсоновъ много писалъ о Крижаничѣ въ разныхъ изданіяхъ, напримѣръ, въ Православномъ Обозрѣніи 1870 г. («Юрій Крижаничъ ревнитель возсоединенія церквей и всего Славянства въ XVII в. по вновь открытымъ свѣдѣніямъ о немъ»). Ягича въ Rad jugoslovenske Akademije znanosti i umejetnosti Кн. XVIII. U Zagrebu. 1872. Заслуживаетъ вниманія монографія Арсенія Маркевича «Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность». Варшава, 1876. Рецензія проф. Брикнера на эту книгу въ Древ. и Нов. Россіи. 1876. № 8. Его же статья о Крижаничѣ, ibid. № 12, и о сочиненіяхъ Крижанича въ Рус. Вѣст. 1889. Іюнь. Нѣкоторыя сочиненія Крижанича («Путное описаніе отъ Львова до Москвы», «Бесѣда ко Черкасомъ» и др.) напечатаны въ Чт. О. И. и Д. 1976 г. Кн. III. Въ 1890 г. М. И. Соколовъ въ Император. Публич. Библіотекѣ открылъ сочиненіе Крижанича «Толкованіе историч. пророчествъ», о которомъ помѣстилъ статью въ Ж. М. Н. Пр. 1891. №№. 4 и 5. Въ изданіи Загребской Академіи Starine, 1886, въ Archif für Slavische philologie, 1882, и «Revue des questions historiques, 1896, январь, напечатаны Ферменджиномъ и Пирлингомъ письма Крижанича въ римскую Коллегію Пропаганды и декреты ея о немъ. Бережкова «Планъ завоеванія Крыма, составленный Крижаничемъ». Ж. М. Н. Пр. 1891. Октябрь и Ноябрь. Бильбасова «Юрій Крижаничъ». Рус. Старина. 1892. Декабрь. А. А. Шахматова «Юрій Крижаничъ о сербо-хорватскомъ удареніи». Рус. Филологич. Вѣстникъ. 1894. № 4. И т. д. Изданіе его сочиненій въ трехъ выпускахъ. М. 1891—1893 гг. Указаніе къ изданію его сочиненій и обзоръ литературы о немъ см. во введеніи къ весьма обстоятельной монографіи С. А. Бѣлокурова («Изъ духовной жизни Москов. общества XVII в. М. 1903), которая заключаетъ тщательно составленную его біографію. Сія біографія въ значительной степени дополнена и разъяснена новыми матерьялами, которые отысканы въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ, между прочимъ и Ватиканскихъ, благодаря стараніямъ автора, т.-е. С. А. Бѣлокурова. Эти любопытные матерьялы напечатаны въ приложеніяхъ къ данному труду.

Относительно мраморной доски надъ каплицей см. монографію проф. Д. В. Цвѣтаева «Царь Василій Шуйскій и мѣсто его погребенія въ Польшѣ». Приложеній кн. 1-я. Варшава. 1901. Тутъ приложены нѣкоторые документы изъ переговоровъ бояръ съ Ад. Киселемъ, докладъ о награжденіи

за привезенную плиту съ надписью и копія самой надписи. (Эта копія приведена и у Бантышъ Каменскаго. I. 63).

45. Койэта «Посольство» фанъ Кленка. Гл. XXIV и XXXII. Замысловскаго «Царствованіе Θеодора Алексѣевича». (Вышла только 1-я часть, заключающая обзоръ источниковъ.) Спб. 1871. Приложенія. № I. («Сказка докторовъ о болѣзни царя Θеодора Алексѣевича».) Восшествіе на престолъ и вѣнчаніе на царство: Акты Эксп. IV. № 203. Дополн. къ Ак. Ист. VII. №№ 1 и 2. Чт. О. И. и Др. 1882. Кн. I. «Опыты трудовъ Вольн. Рос. Собр.» Ч. 2-я, стр. 1—81. П. С. З. И. №№ 647 и 648. Дворц. Разр. IV. Коронованіе сопровождалась нѣкоторыми мѣрами предосторожности, направленными къ уменьшенію толпы, окружавшей дворецъ и соборы. Относительно ссылки Матвѣева главный источникъ книга его сына «Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева». Изд. 2-е. М. 1785. Тутъ въ челобитной царю Матвѣевъ своего врага датскаго резидента Гоэ называетъ «воромъ и пьяницей», дѣйствовавшимъ по совѣту лукавыхъ завистниковъ; этотъ «Датскій нѣмчинъ» Петру Марселису пьяный разрѣзалъ рюмкой горло, отъ чего тотъ и умеръ; а Томасу Кельдерману шандаломъ пробилъ голову. О пристрастіи къ напиткамъ и ложныхъ сообщеніяхъ Гоэ говоритъ и фанъ Кленкъ въ своихъ донесеніяхъ Штатамъ («Посольство» 442). Въ своихъ челобитныхъ Матвѣевъ особенно распространяется о кривомъ лѣкарѣ Давыдкѣ Берловѣ, который оклеветалъ его со словъ его же карла Захарки: будто Матвѣевъ, запершись съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Спаθаріемъ, читалъ черную книгу (магію) и вызывалъ нечистыхъ духовъ. Пыткою заставили Захарку подтвердить эту клевету. Матвѣевъ доказываетъ всю ея нелѣпость; при чемъ дѣлаетъ обычныя ссылки на Священное писаніе и отцовъ Церкви въ доказательство этой нелѣпости. Указываетъ онъ на то, что ему не дали очной ставки съ его обвинителями, вопреки статьямъ Уложенія, и осудили голословно. «Давыдка вора бьютъ на правежѣ въ долгу; а онъ, избывая бѣды своей, твое великаго государя дѣло на насъ сказываетъ, и время сказалъ тому назадъ два года и сему повѣрено». (133. Писано въ 1679 г.). По поводу своего скуднаго содержанія онъ говоритъ, что ему съ сыномъ и холопами довали на день по 3 денежки; тогда какъ въ то же время на Мезени протопопу Аввакуму съ женой и дѣтьми шло по грошу на человѣка, а на малыхъ по 3 денежки (233 — 234).

Клевета о намѣреніи Матвѣева устранить Θеодора и возвести на престолъ Петра проникла и въ иностранные источники, каковы: собраніе писемъ епископа Андрея Залусскаго (Epistolarum historico-familiarum tomus primus. Brunsbergae. 1709), донесенія польскаго резидента Свидерскаго («Памят. Дипломат. сношеній» Т. V. 302 и Дѣла Польскія въ Арх. М. Ин. Д. Рукоп. № 177), сообщеніе состоявшаго при Польскомъ посольствѣ Таннера (Legatio polono-lithuanica in Moscoviam anno 1678 suscepta. Norimbergae. 1689. Pag. 126) и у Чьямпи (Ж. М. Н. Пр. 1835. Ч. 5).

Критическій разборъ сихъ свидѣтельствъ см. у Соловьева («Истор. Рос.» XIII. 235). и Замысловскаго («Царств. Ѳед. Алекс-ча». I. 214—216).

Судное дѣло о царскомъ духовникѣ Постниковѣ см. у Соловьева. XIII. Гл. 2-я. Въ прим. 189 ссылка на соборное осужденіе, хранящееся въ Синод. Библіотекѣ. Относительно Никона: Акты Эксп. IV. № №213 и 217 (а въ № 223 распоряженіе, чтобы обрядъ хожденія на осляти былъ совершаемъ только въ Москвѣ въ присутствіи царя). О доносахъ на Никона у Соловьева. XIII. Прим. 190. Въ доносѣ келейнаго старца Іоны указано между прочимъ зазорное обращеніе бывшаго патріарха съ женщинами и дѣвками, которыя приходили къ нему подъ предлогомъ лѣченія. О Никонѣ въ ссылкѣ Чт. О. И. и Др. 1858. III. 1874. III и IV. Протоіерея Павла Николаевскаго «Жизнь патр. Никона въ ссылкѣ и заключеніи послѣ осужденія его на Московскомъ соборѣ 1666 г.». Спб. 1886. Главнымъ образомъ на основаніи отвѣтовъ самого Никона авторъ старается оправдать его въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя взвели на него въ своихъ доносахъ его же келейникъ Іона и его приставъ князь Самойло Шайсуповъ, монастырскій служака Ивашка и пр. «Жизнь Иларіона, митрополита Суздальскаго и основателя Флорищевой пустыни». Изд. іеромон. Іеронимомъ. М. 1859. О старцѣ Иларіонѣ см. Георгіевскаго «Флорищева пустынь». Вязники. 1896. Гр. М. Толстого «Русскіе подвижники». М. 1868 О разныхъ спискахъ Иларіонова житія и рукописной «Повѣсти о блаженнѣйшей жизни преосвященнѣйшаго Иларіона» у Замысловскаго въ обзорѣ источниковъ (146—158).

46. Переговоры съ Дорошенкомъ и конецъ его гетманства у Костомарова «Руина» и Соловова, XIII; оба со ссылками на архивы Мин. Ин. Дѣлъ и Юстиціи. У обоихъ (у Костомарова подробнѣе) въ связи съ окончаніемъ гетманства Дорошенка разсказано дѣло стародубскаго полковника Петра Рославца и нѣжинскаго протопопа Семена Адамовича. Рославецъ просилъ Московское правительство отдѣлить Стародубскій полкъ отъ гетманскаго регимента и подчинить Москвѣ наравнѣ съ Слободскими полками (Сумскимъ, Ахтырскимъ, Харьковскимъ), а въ духовномъ отношеніи подчинить Московскому патріарху. Вмѣстѣ въ тѣмъ онъ подалъ доносъ на Самойловича въ разныхъ его незаконныхъ поступкахъ и грабительствахъ; подалъ жалобу и на черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича. Но въ Москвѣ приняли сторону гетмана и архіепископа и посмотрѣли на Рославца какъ на бунтовщика противъ своего начальства. Въ то же время поднято было дѣло о нѣжинскомъ протопопѣ Адамовичѣ, котораго обвинили въ томъ, что онъ заодно съ Рославцемъ и нѣкоторыми другими полковниками входилъ въ тайныя сношенія съ Дорошенкомъ, желая имѣть его гетманомъ на мѣсто Самойловича. Дѣло ихъ Москва отдала на войсковой и духовный судъ, который присудилъ ихъ къ смертной казни. Но по желанію царя они были отосланы въ Москву, гдѣ ихъ присудили къ ссылкѣ въ Сибирь. Акты Ист. V. № 88 1682 г. (Дорошенко Вятскій воевода). Дворц. Разр. IV. 103 (1679 г. Онъ присутствуетъ на дѣйствѣ новаго года среди другихъ чиновъ).

Чигиринская война, Польско-Московскія отношенія и Бахчисарайскій трактатъ. Лѣтописи Самовидца и Величко. Письма Лазаря Барановича. Лазаревскаго «Очерки Малороссійскихъ фамилій». (Рус. Архивъ. 1875). Акты Запади. Рос. V. Акты эксп. IV. С. Г. Г. и Д. IV. Дополненія къ Акт. Ист. VII. VIII. и IX. П. С. З. II. №№ 706—840, съ перерывами. Книги Разрядныя. Т. II Спб. 1855. Tagebuch Гордона. А. Попова «Русское посольство въ Польшѣ 1673—1677 гг.» Спб. 1854. Замысловскаго «Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича» (отдѣльный оттискъ изъ Ж. М. Н. Пр. 1888 г.). «Статейный списокъ стольника Василія Тяпкина и дьяка Никиты Зотова о посольствѣ въ Крымъ въ 1680 г.». (Записки Одес. Об. Ист. и Др. Т. II и отдѣльно, Одесса. 1850). Объ участіи Селимъ Герая въ первой Чигиринской осадѣ, а Мурадъ Герая во второй и смущеніи мусульманъ передъ русскимъ могуществомъ см. Смирнова «Крымское ханство», стр. 589 и слѣд. Изъ мусульманскихъ источниковъ мы узнаемъ, что и вторая осада готова была окончиться неудачей, если бы Ромодановскій и Самойловичъ обнаружили болѣе энергіи и настойчивости. Между прочимъ Русскіе производили страшное опустошеніе въ рядахъ непріятелей съ помощью какого-то снаряда, который по описанію историка Фундуклулу состоялъ изъ заостренныхъ кольевъ, носившихся на шеяхъ; когда мусульманская конница дѣлала атаку, этотъ снарядъ бросали наземь и лошади не могли его преодолѣть. Но если это рогатки, то какое же страшное опустошеніе они могли произвести? Они служили для задержки конницы. Или это были какіе-либо куски съ острыми желѣзными спицами, которыя калечили лошадямъ ноги?

Объ инородческомъ движеніи и мятежахъ: Дополн. къ Ак. Ист. VII. №№ 24—62, съ перерывам. VIII. №№ 15, 44 и 77. Подъ № 15 помѣщено болѣе 20 актовъ, относящихся до войны и сношеній съ Калмыками, Башкирами и Киргизами. Въ 9-мъ актѣ приведены слова Башкиръ по поводу взятія Чигирина Турками и Крымцами, что «они потому и будутъ воевать, что ихъ одна родня и душа». П. С. З. II. №№ 672 и 800. Сборникъ Хилкова. №№ 99 и 100.

47. Мѣры внутренняго порядка и устроенія. П. С. З. II. №№ 656—902, съ перерывами. Акты Истор. V. №№ 14, 18, 80. Дополн. къ Акт. Ист. VIII. № 108. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 105 и 120. Изборникъ хронографовъ Ан. Попова. 253 (упоминается запрещеніе длинныхъ охобней и однорядокъ). Соборное дѣяніе объ отмѣнѣ мѣстничества въ П. С. З. II. № 905 и С. Г. Г. и Д. IV. № 130. Въ послѣднемъ напечатаны и подписи, начиная съ царской и патріаршей. Затѣмъ подписались шесть митрополитовъ, два архіепископа, три архимандрита, 41 бояринъ, 28 окольничихъ, 19 думныхъ дворянъ, 10 думныхъ дьяковъ, 23 комнатныхъ стольника и 39 выборныхъ людей изъ стольниковъ, генераловъ, полковниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ. Всего 173 подписи. Въ числѣ выборныхъ стольниковъ есть родовитые люди, каковы князья: А. И. Хованскій, И. И. Голицынъ, Лука и Борисъ Ѳед. Долгоруковы, Ѳ. Л. Волконскій, Я. С. Борятинскій, Д. Н. Щер-

батовъ; далѣе Б. П. Шереметевъ (будущій фельдмаршалъ). Дополн. къ А. Ист. IX. № 88. О порядкѣ титулярныхъ намѣстниковъ при посольствахъ и переговорахъ С. Г. Г. и Д. VI. № 116. Проектъ о намѣстничествахъ напечатанъ кн. Оболенскимъ въ «Архивѣ историко-юрид. свѣд. Калачова. Кн. I. М. 1850. По мнѣнію издателя проекта кн. Оболенскаго, онъ былъ редактированъ лицомъ духовнымъ. По проф. Ключевскій съ бóльшимъ вѣроятіемъ относитъ редакцію его Спаѳарію. («Боярская Дума». Гл. XXIV). Возраженіе на него патр. Іоакима у Замысловскаго въ приложеніяхъ. Извлечено изъ рукописной книги «*Икона* или изображенія дѣлъ Патріаршаго престола», въ 1700 г. Рукопись хранится въ Публич. Библ. въ отдѣленіи Погодина. Въ этомъ возраженіи (м. б. недошедшемъ вполнѣ) только брошенъ намекъ на церковное дѣленіе титуломъ митрополитовъ: «митрополитъ Новгородскій и всего Поморія», «митрополитъ Казанскій и всего Казанскаго царства». Пособія: А. Н. Зерпина «Судьба мѣстничества, преимущественно при первыхъ двухъ государяхъ династіи Романовыхъ». Арх. Ист.-юрид. свѣдд. Калачова III. Спб. 1861. А. И. Маркевича изслѣдованіе «О Мѣстничествѣ». Кіевъ. 1871. (Первая глава излагаетъ «Уничтоженіе Мѣстничества»). Его же «Исторія Мѣстничества». Одесса. 1888. Въ послѣдней главѣ обстоятельное разсужденіе объ отмѣнѣ мѣстничества. Тутъ же и о проектѣ намѣстничествъ (591 и слѣдд.). А. П. Барсукова въ Древ. и Нов. Россіи. 1899. № 10. В. Семевскій. Отеч. Зап. 1879. 10. Аристовъ «Московскія Смуты».

Что дѣйствительно былъ неудавшійся проектъ раздѣлить Россію на митрополіи съ подчиненіемъ епископовъ митрополитамъ, о томъ свидѣтельствуетъ и приговоръ церковнаго собора въ ноябрѣ 1681 г. (Акты Истор. V. № 75). Относительно открытія четырехъ новыхъ епархій, о томъ см. у Соловьева въ Дополненіяхъ къ т. XIII и XIV (въ послѣднемъ «Разрядъ безъ мѣстъ». стр. XXIII—XXIV). Указъ 27 ноября, 1681 г. въ П. С. З. П. № 898 и С. Г. Г. и Д. IV. № 128: о распредѣленіи архіереевъ по степенямъ и подвластныхъ епископахъ въ каждой епархіи съ указаніемъ монастырей и количества дворовъ на ихъ содержаніе. Но повидимому, этотъ указъ остался проектомъ. Татищевъ («Исторія I. 573) сообщаетъ проектъ Симеона Полоцкаго о четырехъ патріархахъ и Никонѣ папѣ. Его же «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ». Съ предисловіемъ и указателемъ Н. Попова. М. 1887. Тутъ разсказано, что Симеонъ, въ досаду Іоакиму, внушалъ царю мысль учредить въ Россіи четырехъ патріарховъ вмѣсто четырехъ митрополитовъ, Іоакима перевести въ Новгородъ, а въ Москву воротить Никона и назвать его папою, и будто Іоакимъ только съ помощью бояръ успѣлъ сему помѣшать.

Относительно раскола и самосожигателей. Дополн. къ Ак. Ист. VIII. № 50. Др. Рос. Вивл. III. («Записки къ Сибирской исторіи служащія»). Чт. О. И. и Др. 1847. № 5. Смѣсь. Тутъ «Память сыскного приказа въ Оружейный приказъ 1681 г. 30 іюня (по поводу Гер. Шапочкина, бросившаго письма съ колокольни). По оговору Гараськи Шапочкина, пойманъ заонѣжанинъ Антошка Емельяновъ Хворый. Послѣдній съ пытки показалъ какъ на товарищей своему

воровству на Гараську и еще на Бронной слободы Оску сабельника, у котораго онъ въ домѣ живалъ, пекъ прѣсныя просфоры и печаталъ ихъ старымъ даровникомъ. Оску не сыскали, а дворъ его въ Бронной слободѣ велѣли продать и деньги взять въ Сыскной приказъ, чтобы возмѣстить издержки за ямскія подводы и прогоны стрѣльцамъ, посланнымъ на поиски за нимъ. О полемикѣ Аввакума съ Ѳедоромъ подробности см. у Смирнова «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.» стр. 216—237. Спб. 1898. О сожженіи Аввакума и Лазаря упоминаютъ Матвѣевъ въ «Исторіи о невин. заточеніи» и патр. Іоакимъ въ своемъ *Увѣтѣ*. О сожженіи въ срубѣ Аввакума, Лазаря и Епифанія говорятъ Ѳедоръ дьяконъ въ тетради, посвященной симъ расколоучителямъ, а также Виноградъ Россійскій Семена Денисова. Гл. 2-я. Сопоставляя эти извѣстія, Смирновъ доказываетъ, что указаніе Денисова на 189 годъ (1681) невѣрно и что казнь совершилась въ Страстную пятницу 14 апрѣля 1682 г. (Введеніе. VIII. Прим. 10).

Относительно призрѣнія нищихъ, кромѣ упоминанія о немъ въ соборномъ дѣяніи 1681 года, имѣемъ особый пространный указъ Ѳеодора (1682 г.) Аптекарскому приказу съ разными разсужденіями и ссылками на заграничные примѣры. Тутъ не только говорится объ учрежденіи богадѣленъ, но и проектируется устройство школъ, въ которыхъ нищія дѣти обучались бы архитектурѣ, геометріи, фортификаціи, живописи, артиллеріи и разнымъ ремесламъ, каковы шелковое дѣло, суконное, золотое и серебряное, часовое, токарное, костяное, кузнечное, оружейное. Онъ изданъ въ 1818 г. отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Объ общественномъ призрѣніи въ Россіи», а также въ Жур. Импер. Человѣколюб. Общества. Ч. III. 192—142, у Берха (Царств. Ѳед. Алекс. II. 86—100), въ украинскомъ сборникѣ «Молодикъ» 1844 и въ Ж. Мин. Внутр. Д. 1837. №№ 10—11 въ статьѣ Ханыкова. Соловьевъ (XIII. Прим. 213) полагалъ, что этотъ проектъ относится не ко времени Ѳеодора Алекс., а къ болѣе позднему, т.-е. къ Петровскому. Но Замысловскій (Обзоръ истор. 19—29) основательно возражаетъ и ссылается на «Исторію Медицины въ Россіи» Рихтера, который помѣстилъ подробное изложеніе сего указа, даннаго Ѳеодоромъ Аптекарскому приказу чрезъ боярина Ив. Мих. Милославскаго.

О крещеніи инородцевъ П. С. З. II. № 867. Дополн. къ Ак. Ист. VIII. № 89. О ненарушеніи исповѣдной тайны П. С. З. II. № 827. По вопросу о мощахъ Анны Кашинской см. Соловьева. Т. XIII. Прим. 215. Со ссылкой на Сборникъ Синодальной библіотеки № 684. Стихотворное обращеніе Медвѣдева къ Софьѣ и проектъ Академіи. Древ. Рос. Вивл. Изд. 2-е. Т. VI. 350—420. Т. XVI. 295—306. («Историч. извѣстіе о Моск. Акад.» справщика Ѳед. Поликарпова и еписк. смолен. Гедеона Вишневскаго). Прибавленіе къ Твореніямъ св. Отцовъ. 1845. (О западнорусскихъ выходцахъ Павлѣ Негребецкомъ, предлагавшемъ вызвать учителей изъ Западной Руси, и Янѣ Бѣлободскомъ, кальвинскомъ проповѣдникѣ въ Слуцкѣ, желавшемъ поступить преподавателемъ въ Академію). Смирнова «Исторія Славяно-Греко-Латинской академіи». Слова Лигарида объ училищахъ въ академической рукописи «Опро-

верженіе челобитной Соловецкой». Н. А. Лавровскаго «Памятники стариннаго русскаго воспитанія» (Чт. О. И. и Д. 1861. III). Владимірскаго Буданова «Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ». (Ж. М. Н. Пр. 1873. Октябрь). Эпитафія Медвѣдева С. Полоцкому въ Древн. Рос. Вивл. Изд. 2-е. XVIII. 198—199. Холопій приказъ, назначенный къ упраздненію, вѣроятно былъ только видоизмѣненъ; при Софьѣ нѣсколько разъ упоминается «Приказъ Холопьяго суда». П. С. З. П. №№ 1073, 1136, 1278.

48. Браки Θеодора, царевна Ирина, царевичъ Илья, Языковъ и Лихачовъ. Др. Рос. Вивл. XI. П. С. З. П №№ 748, 829, 877—878, 881. Дополн. къ Ак. Ист. IX. № 93. Дворц. Разр. IV. 174. О Никонѣ и Матвѣевѣ Шушеринъ и «Истор. о невин. заточ.». С. Г. Г. и Д. IV. №№ 135—140. По извѣстію въ Theatrum Europeum, при выборѣ Грушецкой соблюденъ былъ обычай собирать красавицъ. Татищевъ (Рос. Ист. I. 594) считаетъ ее выѣзжей полькой. О ея вліяніи на измѣненіе нѣкоторыхъ обычаевъ говоритъ неизвѣстный авторъ Diariusz'a zabôystwa tyrańskiego senatorów moskiewskich w Stolicy roku 1683. Въ подписяхъ подъ соборнымъ дѣяніемъ объ отмѣнѣ мѣстничества въ числѣ стольниковъ находимъ «Михаила Фокина сына Грушецкаго». (С. Г. Г. и Д. IV. № 130.) О кончинѣ и погребеніи ц. Θеодора П. С. З. П. № 914. Древ. Рос. Вивл. XI. 211—213. XV. 383—306. Отъ Краснаго крыльца гробъ царя положенъ въ сани и ихъ несли въ Арханг. соборъ стольники. Передъ нимъ шло духовенство, пѣвчіе и патріархъ; за тѣломъ слѣдовалъ новоизбранный царь отрокъ Петръ съ матерью, предшествуемый окольничими и думными дворянами, а царевичи и бояре шли по сторонамъ. Затѣмъ дворяне несли въ саняхъ царевну Марθу. (292—293.) По случаю кончины Θеодора имѣется цѣлый рядъ стихотворныхъ плачей отъ имени разныхъ членовъ царской семьи и разныхъ частей государства, за каждымъ плачемъ слѣдуетъ и утѣшеніе. Въ концѣ сего ряда читаемъ надгробное четверостишіе Симеона Полоцкаго, заранѣе сочиненное на случай кончины Θеодора. (Ibid. XIV. 95—III). На столпѣ въ Архангельскомъ соборѣ портретъ Θеодора съ надписью, что онъ изображенъ «на доскѣ иконною работою». Ежемѣсяч. соч. Академіи Наукъ. 1757. Іюль. 402.

О времени Θеодора Алексѣевича находимъ нѣкоторыя интересныя, хотя и невсегда безпристрастныя, извѣстія въ донесеніяхъ датскихъ резидентовъ. (Помянутая статья проф. Форстена въ Ж. М. Н. Пр. 1904. Сентябрь). Въ 1676 году на мѣсто Гоэ былъ присланъ въ Москву Фридрихъ фонъ-Габель. Онъ продолжалъ дѣятельныя интриги въ пользу разрыва со Швеціей, по инструкціямъ короля Христіана V. Къ этому же разрыву склонялъ онъ и Польшу во время своей остановки въ Вильнѣ на пути въ Москву. Онъ убѣждаетъ Московское правительство предпринять зимній походъ въ Финляндію и захватить Ливонію, вообще внушаетъ ему желаніе пріобрѣсти Балтійскіе берега, отъ которыхъ отрѣзали Россію Шведы. Онъ даже проектируетъ зимній походъ по льду на Стокгольмъ чрезъ Аландскіе острова. Но, къ его

огорченію, русская дипломатія холодно относилась ко всѣмъ подобнымъ хотя и заманчивымъ предложеніямъ. Особенно протестуютъ противъ войны со Шведами купцы, ведущіе торговлю въ Архангельскѣ: они не желаютъ захвата Ливоніи, въ которую можетъ перейти архангельская торговля. Вообще фонъ-Габель строитъ фантастическіе планы и надѣется многаго добиться отъ русскихъ сановниковъ съ помощію подкуповъ; особенно старается дѣйствовать на престарѣлаго князя Долгорукова и на Ив. Мих. Милославскаго, который въ 1677 г. былъ «въ апогеѣ своего вліянія». Габель называетъ его summus favorita царя, но невысокаго мнѣнія о его умѣ. Несмотря на холодное отношеній къ датскимъ внушеніямъ, при Московскомъ дворѣ такъ заинтересовались Ливонско - Балтійскимъ вопросомъ, что стали тщательно рыться въ лѣтописяхъ и актахъ, чтобы узнать, какъ далеко простирались русскія владѣнія по направленію къ морю. Изъ нихъ и узнали, что Шведы незаконно владѣли Финляндіей и что прежде шведскихъ пословъ даже не пускали въ Москву, а вели съ ними переговоры въ Новгородѣ. Это открытіе будто бы вызвало презрительное отношеніе къ Шведамъ. Но Шведовъ поддерживалъ англійскій посолъ, и у Габеля съ однимъ изъ членовъ англійскаго посольства чуть не дошло до драки.

49. Объ избраніи на царство Петра. Древ. Рос. Вивл. XV. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 132—134. (Въ № 133 о перемѣнѣ по сему поводу въ государственныхъ печатяхъ). 141—144 (присяга гетм. Самойловича и всего войска Запорожскаго). То же въ П. С. З. II. №№ 914, 915, 919. Записки Желябужскаго и Матвѣева у Сахарова и Туманскаго. Медвѣдева «Созерцаніе краткое». Изъ тѣхъ, которые кричали быть царемъ Ивану Алексѣевичу, особенно выдался дворянинъ Максимъ Исаевъ Сумбуловъ. При Софьѣ онъ получилъ за то думное дворянство. У Голикова («Дѣянія Петра В.». I. 155) разсказывается, что Петръ впослѣдствіи въ Чудовѣ монастырѣ замѣтилъ одного монаха, который укрывался отъ его взоровъ. По разспросу это оказался Сумбуловъ, который признался Петру, что дѣйствовалъ противъ него, подкупленный обѣщаніемъ боярства. О присутствіи Софьи на погребеніи Θеодора и уходѣ Натальи Кирил. съ Петромъ. Древ. Рос. Вивл. XI. 212 и отчасти XV. 294. А также у Соловьева въ Дополн. къ т. XIII «Книга Записная ц. и в. к. Петра Алекс-ча въ 190 г.». Тутъ упоминается о сопротивленіи стрѣльцовъ приказа Карандѣева присягать Петру, и о томъ что ц. Петръ и его мать «у обѣдни и на отпѣваньи не были». Сомнительное обращеніе Софьи къ народу у польскаго автора Diariusz'a zabojstwa. Весьма возможно, что при оглашеніи царемъ Петра со стороны Московскаго народа участвовали члены Земскаго Собора, созваннаго въ концѣ царствованія Θеодора (по вопросу объ уравненіи службъ и податей) и еще нераспущеннаго. Это такъ наз. «двойники», потому что выбирались по два отъ извѣстныхъ разрядовъ и городовъ. Разныя мнѣнія по поводу сего Собора см. у Латкина «Земскіе Соборы древней Руси». Гл. V.

Для исторіи заговора Милославскихъ, Майскаго стрѣлецкаго бунта и первыхъ дѣяній Софьи важнѣйшіе источники:

1. «Созерцаніе краткое лѣтъ 7190 и 191 и 92 въ нихъ же что содеяся во гражданствѣ». Это сочиненіе составлено несомнѣнно подъ редакціей Сильвестра Медвѣдева и заключаетъ много офиціальныхъ документовъ того времени. Печатныя изданія его: у Туманскаго (неполное) въ собраніи записокъ и сочиненій о жизни Петра В. V и VI. Спб. 1787; у А. С. Ѳ—на. М. 1832; и у Сахарова «Записки русскихъ людей». Спб. 1841. Кромѣ того, по списку Григоровичеву оно издано въ приложеніяхъ къ изслѣдованію Ив. Козловскаго «Сильвестръ Медвѣдевъ». Кіевъ. 1895. Проф. Шмурло («О запискахъ Медвѣдева» въ Ж. М. Н. Пр. 1899. Кн. 4) доказываетъ, что авторомъ былъ Медвѣдевъ. Брайловскій возражаетъ ему и склоняется къ авторству монаха Каріона Истомина (Рус. Филол. Вѣст. 1890 г. Кн. 1). 2. Записки Матвѣева въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова и его же «Исторія о невинномъ заточеніи» въ Новиковскомъ изданіи. 3. Донесеніе датскаго резидента Бутенанта фонъ Розенбума о бунтѣ стрѣльцовъ, озаглавленное: Warhaftige Relation der traurigen undt schrecklichen Tragedy hier in der Stadt Moscau furgefallen auff Montag, Dienstag undt Mitwvochen der 15, 16 undt 17 May jetzigen 1682-ten Iahres. Напечатано въ VI приложеніи Устрялова «Исторія Царствованія Петра Великаго». Т. I. Спб. 1858. 4. Записки неизвѣстнаго польскаго автора и современника подъ заглавіемъ Diariusz zaboystwa tyrańskiego. 5. Краткія замѣтки Желябужскаго. Изд. Д. Языковымъ. 1840 г. 6. Акты Археогр. Эксп. IV. №№ 254, 255, 262 (въ № 255 челобитная и отвѣтная на нее грамота о поставленіи на Красной площади извѣстнаго столба). 7. Собр. Г. Г. и Д. IV. №№ 145—151 (въ № 147 о врученіи управленія царевнѣ Софьѣ). 8. П. С. З. II. №№ 920 (о совокупномъ царствованіи братьевъ и правленіи царевны), 921, 924, 927, 928. У Соловьева въ дополненіяхъ къ XIII тому подъ заглавіемъ «Смутное Время» и «Книга записная царства царей и вел. князей Ивана Алексѣевича и Петра Алекс-ча 190 году и 191 году». (Эти дополненія помѣщены при т. XIV). Въ т. XIII, гл. III, Соловьевъ говоритъ, что начальникомъ стрѣльцовъ «стало неизвѣстно по чьему указу князь Хованскій». Но у Медвѣдева приведена грамота, въ которой сказано, что онъ назначенъ по указу великихъ государей. (Козловскій 150.)

50. Для стрѣлецко-раскольничьяго движенія главный источникъ, это—сочиненіе одного изъ расколоучителей и участника сего движенія Саввы Романова «Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ». Издана Тихонравовымъ въ его *Лѣтописи* литературы и древности. Т. V. М. 1863. Оно довольно подробно передаетъ содержаніе раскольничьей челобитной, читанной въ Грановитой палатѣ 5 іюля. Содержаніе ея изложено и православными въ книгѣ *Увѣтъ Духовный*, составленной подъ наблюденіемъ патріарха Іоакима (первоначально изданной въ 1682 г.). Сравненіе того и другого содержанія у Александра Б. «Описаніе раскольничьихъ сочиненій». Спб. 1861.

Ч. II. По его словамъ, «челобитная эта составлена на основаніи челобитныхъ Соловецкой и попа Лазаря» (128). Далѣе источниками служатъ «Созерцаніе краткое», Матвѣевъ, Желябужскій. Офиціальные акты: С. Г. Г. и Д. IV. №№ 151, 152, 155. П. З. С. II. 931—936, 954, 958, 961, 963. Ак. Эксп. IV. №№ 258—284, съ перерывами. Акты Ист. V. № 86. Дополн. къ А. Ист. X. № 9. Соловьевъ ссылается на найденную имъ въ Архивѣ Мин. Юст. разрядную записку о стрѣлецкихъ бунтахъ и царскихъ походахъ въ августѣ и сентябрѣ 1682 г. (Т. XIII. Прим. 260 и 261). О вѣнчаніи царей, придворныхъ выходахъ и пожалованіяхъ у него нѣкоторыя подробности въ приложеніи къ т. XIII «Книга записная царства царей» и пр. Пособія: Аристова «Московскія смуты въ правленіе царевны Софьи». Варшава. 1871. Погодина «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго». М. 1875.

По разсказу Крекшина, будто бы стрѣльцы, позванные въ Троицкую Лавру, пришли туда, въ числѣ 2.700 человѣкъ, положивъ себѣ петли на шею и взявъ плахи съ топорами. На молчаніе о томъ другихъ свидѣтельствъ указалъ Устряловъ. (Истор. царст. Петра В. I. Прим. 64).

51. П. С. З. II. №№ 958 и 1134 (о титулѣ Оберегателя), 997 (развитіе крѣпостного права), 1004 (обрѣзаніе ушей). С. Г. Г. и Д. IV. №№ 164 (поведеніе боярскихъ холоповъ въ Кремлѣ), 192 (о раскольничьемъ бунтѣ на Дону). О раскольникахъ: Акты Эксп. IV. № 284 (указъ противъ раскола; его болѣе полный варіантъ въ П. С. З. II. № 1002). Акты Ист. V. №№ 100—101, 117, 127, 134, 151. Дополн. къ Ак. Ист. VIII. № 50 (Акты, относящ. до раскола въ Сибири). XII. №№ 10 и 17. Въ № 10 любопытны документы 1685 года о двухъ раскольникахъ, Гараськѣ Павловѣ, дьячкѣ Новгород. узду, и Тимошкѣ Васильевѣ, псковскомъ посадскомъ. Павловъ ходилъ по селамъ и городамъ съ книгою (капунчикъ и псалтырь малая и потребничекъ малый), и по нимъ училъ, что четвероконечный крестъ—антихристова печать, что надо вторично креститься; отвергалъ св. Тайны и т. п. Въ Псковѣ и его окрестностяхъ онъ перекрещивалъ дѣтей. Этихъ двухъ раскольниковъ поймали и представили на судъ къ преосв. Маркеллу, «митрополиту Псковскому и Изборскому»; но такъ какъ они не повинились, то преосвященный отослалъ ихъ въ Приказную избу къ воеводамъ, т.-е. градскому суду. Тутъ послѣ жестокой пытки, оба сознались въ расколѣ; а Павловъ далъ покаянное письмо. Въ № 17 многочисленные акты, относ. къ расколу на Дону. Здѣсь между прочимъ любопытны свѣдѣнія о «раскольщикѣ» ельчанинѣ Куземкѣ Косомъ, который «велитъ себѣ кланяться и цѣловать себя въ плечо»; живетъ онъ на Медвѣдицѣ въ мѣловыхъ горахъ, бѣжалъ изъ Ельца, «свелъ съ собою двѣнадцать дѣвокъ; да и иные многіе дѣвки и женскій полъ изъ разныхъ мѣстъ къ нему бѣгаютъ и живутъ». Онъ училъ о скоромъ концѣ міра, распространялъ какіе-то листки съ своими мудрованіями, увѣрялъ, что они списаны съ подлинника, «писаннаго самимъ Божіимъ перстомъ» и т. п. Пособія: Дружинина «Расколъ на Дону въ XVII в.».

Спб. 1889. П. С. Смирнова «Внутренніе вопросы въ Расколѣ къ XVII вѣкѣ». Онъ посвятилъ особую главу «Самоистребленію и борьбѣ съ нимъ»; ссылается преимущественно на раскольничьяго писателя Евфросина. (Чт. О. И. и Д. 1891. III. отд. 4). По Нижегород. лѣтописцу (Др. Рос. Вивл. XVIII. 92), въ 1672 г. въ Нижегородскомъ Закудимскомъ стану многіе раскольники съ женами и дѣтьми сожглись въ овинахъ. Евфросинъ также утверждаетъ, что горѣніе началось въ «Понизовыхъ странахъ по Волгѣ». Первымъ проповѣдникомъ самосожженія былъ Василій Волосатый, «дѣятель вязниковско-муромскій», такъ что и самый актъ сожженія называли *волосатовщина* (по «Розыску» Димитрія Ростовскаго). Въ Вязникахъ было скопище учениковъ Капитона. Изъ царской грамоты 1639 года видно, что онъ былъ большой аскетъ, носилъ на себѣ каменныя вериги и т. п. За его «неистовство онъ былъ взятъ подъ началъ въ монастырь». Послѣдователи его пошли еще дальше: они проповѣдывали постъ до «уморенія», а Василій Власатый уже провозглашалъ очищеніе отъ грѣховъ огнемъ.

Сильвестръ Медвѣдевъ, Лихуды и полемика о пресуществленіи. Смѣловскаго «братья Лихуды». (Ж. М. Н. Пр. 1845). Смирнова «Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи». М. 1855. Ундольскаго «Сильвестръ Медвѣдевъ отецъ славяно-русской библіографіи» (Чт. О. И. и Д. 1846. III). Забѣлина «Для біографіи Сильвестра Медвѣдева» (Опыты изученія рус. древностей. Т. I.). «Остенъ» (въ приложеніяхъ къ Правосл. Собесѣднику 1865. Январь и іюль). Бѣлокурова «Сильвестръ Медвѣдевъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ». (Христ. Чт. 1885. Ноябрь и декабрь). Его же изданіе сочиненія Медвѣдева «Извѣстіе истинное» (Чт. О. И. и Д. 1885. IV). Любимова «Борьба между представителями великорус. и малорус. направленія». (Ж. М. Н. Пр. 1875. №№ 8 и 9). Зубовскаго «Къ біографіи Сильвестра Медвѣдева». (Ж. М. Н. Пр. 1890. № 3.) Привилегіи Академіи въ Др. Рос. Вивл. Т. VI. О іезуитахъ въ Москвѣ: Толстого «Римскій католицизмъ въ Россіи». 111—113. Мирковича «О времени пресуществленія св. Даровъ». Вильна. 1886. Его же «О школахъ и просвѣщеніи въ Патріаршій періодъ». (Ж. М. Н. Пр. 1878. № 7). Бѣлова «Московскія смуты». (Ж. Н. М. Пр. 1887. №№ 1 и 2). О патріархѣ Іоакимѣ Образцова «Кіевскіе ученые въ Великороссіи». (Эпоха. 1865. № I). «Обращеніе Сенки Медвѣдева» въ Чт. О. И. и Др. 1870. Сочиненіе Лихудовъ «Мечецъ духовный» въ Правосл. Собесѣдникѣ 1866 августъ и 1867 февраль, іюнь и декабрь. Соборное постановленіе въ Ак. Ист. V. № 194. Розыскное дѣло о Шакловитомъ и его сообщникахъ, изда. Археогр. Ком. Спб. 1884. Диссертація проф. Шляпкина «Св. Димитрій Ростовскій и его время». Спб. 1891. Пыпина «Послѣднія времена Московской Россіи» («Вѣстн. Европы» 1894. Ноябрь). Ив. Козловскаго «Сильвестръ Медвѣдевъ». Кіевъ. 1895. Тутъ представленъ подробный обзоръ его сочиненій. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго «Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность». (Чт. О. И. Д. 1896. II и III).

52. Главнымъ источникомъ для Кіевскихъ церковныхъ дѣлъ того времени служитъ рукописная «Книга Икона или изображеніе великія Соборныя церкви приключившихся дѣлъ въ разныя времена и лѣта, писанная при святѣйшемъ патріархѣ Іоакимѣ». (Оконченная въ мартѣ 1700 года, хранящаяся въ Академіи Наукъ.) Тутъ приведены относящіяся къ симъ дѣламъ грамоты царскія, патріаршія, гетманскія и Кіевскихъ духовныхъ лицъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о сихъ дѣлахъ и семейныхъ потеряхъ гетмана находимъ въ Дневникѣ Гордона. Нѣкоторыя подробности переговоровъ и переписки между Кіевомъ, Батуриномъ, Москвою и Константинополемъ въ первой главѣ XIV тома «Исторіи Россіи» Соловьева, со ссылками на дѣла Малороссійскія и Турецкія въ архивахъ М. Ин. Дѣлъ и Мин. Юстиціи. П. С. З. И. №№ 1191 (грамота Констант. патр. Діонисія, подтверждающая зависимость Кіевской митрополіи отъ Московскаго патріарха), 1198 (Соборная грамота греческихъ духовныхъ властей патр. Іоакиму, утверждающая его власть въ управленіи Кіевской митрополіи). О томъ же въ С. Г. Г. и Д. IV. №№ 172 — 191, съ перерывами.

Вѣчный миръ съ Польшею и переговоры, ему предшествовшіе. Донесенія польскихъ коммиссаровъ въ первомъ томѣ сборника Андрея Залусскаго Epistolarum historico-familiarum. Brunsbergae. 1700. Таннера Legatio Polono-lithuanica. 1689 (описаніе и изображеніе въѣзда польскаго посольства въ Москву). Дневникъ Гордона, въ нѣмец. переводѣ. Ссылки Устрялова и Соловьева на Польскія дѣла въ Архивѣ Мин. Ин. Д. Похвальныя и жалованныя грамоты по поводу сего мира въ Актахъ Эксп. IV. № 290. П. С. З. И №№ 1187, 1197 и 1213. С. Г. Г. и Д. IV. № 178. Ив. Калайдовича «Краткое изложеніе дипломатіи Россійскаго двора». Спб. 1833.

53. Крымскіе походы Голицына. Дневникъ Гордона. П. Древ. Рос. Вивл. XVI. («Разныя статьи изъ Разряда»). С. Г. Г. и Д. IV. №№ 180, 185, 188, 190 и 193. П. С. З. И. №№ 1210, 1224, 1258, 1280, 1313, 1319, 1340. Акты Арх. Эксп. IV. №№ 292, 293, 296, 297, 300. Французскаго агента Де ла Нёвиля Relation curieuse et nouvelle de Moscovie» Paris. 1698. (Русск. Вѣстн. 1842. №№ 9 и 10). Желябужскій (Мнимый подкупъ Голицына Татарами). Розыскное дѣло о Шакловитомъ. Устряловъ. I. Приложенія. №№ VII, XI и X. Ссылки Устрялова и Соловьева на Арх. М. Ин. Д. и Архивъ Старыхъ Дѣлъ. Цинкейзена Geschichte des Osmanischen Reiches. V. Смирнова «Крымское ханство».

Сверженіе Самойловича и выборъ Мазепы. П. С. З. И. №№ 1254, 1260. С. Г. Г. и Д. IV. №№ 186, 187, 189. Приложеніе VIII къ перв. тому Устрялова (письм. Мазепы къ кн. Голицыну съ посылкой 10,000 руб.). Гордонъ. Самовидецъ. Величко. Чт. О. И. и Др. 1858. Кн. I: «Источники Малорос. исторіи, собранные Бантышъ Каменскимъ». Тутъ челобитная генеральной старшины на гетмана Самойловича, а также распредѣленіе конфискованныхъ у него денегъ, вещей и прочаго имущества. Между прочимъ однихъ серебряныхъ ефимковъ и левковъ найдено 12 пудъ 27 фунтовъ и

48 золотниковъ. Тутъ же «роспись вещей, данныхъ Мазепою съ начала его гетманства кн. В. В. Голицыну». Роспись представлена Московскому правительству въ 1690 г., т.-е. послѣ паденія Голицына. А именно денегъ червонцами и ефимками 11,000 рублей, посуды серебряной 3 пуда 12 фунтовъ, алмазныя серьги, зарукавья и перстень, турецкая сабля съ изумрудами и яхонтами, турецкіе кони, шатеръ и пр. Вещи эти были взяты Мазепою отчасти изъ имущества Самойловича, отчасти изъ собственнаго, «всего на 17,390 руб.». «То дано неволею больше, нежели волею, съ подущенія и безпрестанныхъ погрозовъ Леонтья Неплюева». Самому Леонтію «выдано 2000 червоннымъ золотомъ, да 500 ефимковъ», кромѣ того, запонами, перстнями, лошадьми, саблями и матеріями на 2.000 руб. Итого, по счету самого Мазепы, онъ за свой гетманскій урядъ заплатилъ деньгами и вещами на 21.690 руб. Разумѣется, хитрый Мазепа эти его подкупы Голицына и Неплюева теперь выставляетъ вынужденными подношеніями. Бунаковъ пытанъ по челобитью кн. Голицына, что вынималъ у него слѣдъ; о томъ Желябужскій записалъ подъ 1689 г.

54. Относительно Шведскаго посольства 1683—1684 гг. Др. Рос. Вивл. VIII. См. также Устрялова I т. ссылки на Арх. М. Ин. Д. О подданствѣ Арчила Д. Р. Вивл. XV. С. Г. Г. и Д. IV. № 159. Военныя дѣйствія подъ Албазиномъ и Нерчинскій договоръ: С. Г. Г. и Д. №№ 196 и 208. Дополн. къ Акт. Ист. XII. №№ 12 и 16. Нѣкоторыя подробности у Соловьева XIV. Гл. I. Къ сожалѣнію, безъ точныхъ указаній на источники. Не лишнее, хотя довольно необстоятельное, пособіе для данной эпохи представляетъ сочиненіе X. Трусевича «Посольскія и торговыя сношенія съ Китаемъ». М. 1882. Со ссылками на Китайскія дѣла и портфель Баснина *).

*) Листы текста помогалъ корректировать С. Д. Иловайскій, студентъ Московскаго Университета. Когда-же дошла очередь до корректуры примѣчаній, авторъ уже лишился своего помощника. († 28 января 1905 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Прилагается:

Портретъ ц. Алексѣя Михайловича (сохранившійся въ Погодинскомъ собраніи).

Портретъ С. Д. Иловайскаго.

